

Героям и мученикам России посвящаю...

Миронов В.Б.

Часть первая. Великая Октябрьская революция 1917 года в России

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.

Пушкин. «Борис Годунов»

Глава 1. Начало Великой Октябрьской социалистической революции в России

Россия стала самым слабым звеном в цепи монархо-буржуазных государств. В отличие от европейцев ее народ отличался общинным укладом и коллективистским сознанием. Можно сказать, что он более других отвечал идеальным и даже прагматическим целям и задачам социализма. Поэтому России судьба уготовила путь социального первопроходца. Хотя если быть точным, то и в революционном движении мы следуем вслед за Европой. Русские продолжили дело французских революционеров. Разумеется, скажут, что между эпоха-

ми Великой Французской революции или даже революциями XIX века в Европе и Парижской Коммуной, с одной стороны, и Великой Октябрьской революцией, с другой, большая разница. Но достаточно внимательно прочитать труды Ленина, чтобы убедиться, сколь скрупулезно следует он канонам революционной мысли великих революционеров и мыслителей прошлых лет. Вспомним, что Ленин, бывая в Париже, посещал «Стену коммунаров» и Музей Французской революции, считая, что «знамя Парижской Коммуны должно стать знаменем мировой республики». Выступая в Народном доме в Цюрихе, Ленин скажет: «Если русская революция не перерастет во вторую и более успешную Парижскую Комму-

Жан-Поль Марат

Максимилиан Робеспьер

Ж-Ж. Дантон

Ш. Фурье

ну, реакция и война ее задушат». Советские ученые искали зародыши «передовой теории» в революции XVIII в., находя их в «маратизме». Г. Фридлянд, подчеркивая принципиальные различия между «маратизмом» и большевизмом, ссылаясь на ставшее нормативным высказывание Сталина о коренной противоположности двух революций (французской и русской), тем не менее в своих трудах явственно проводит линию на «большевизацию» Французской революции в 1793 г. А. Гордон справедливо подметил: «Герой Фридлянда обрел столь узнаваемые черты последовательного борца за интересы народных масс», что, как подметил американский рецензент, «временами кажется, что Фридлянд рассказывает не о Марате, а о Ленине».

Конец XVIII в., XIX век и начало XX века социалисты посвятили разработке теории и практики социализма и социалистической революции. Работа многих мыслителей в ряде стран Европы и в России, конечно, не могла пройти бесследно для умов... Вот, скажем, В. Годвин в книге «О собственности» пишет о том, что в истории Европы «от времен варварства до утонченной цивилизации нетрудно отметить тенденцию к уравнению собственности». Он связывает целовеколюбие с тем распределением благ, которое не позволит чрезмерного роста богатств в руках одного человека, и добавляет, что «интересующий нас прогресс будет всеобщим, а не индивидуальным». Английский утопист В. Годвин пришёл к выводу: «Человека, желающего революцию ради неё самой, надо считать сумасшедшим. Но тот, кто

желает её из глубокого убеждения в её полезности и необходимости, имеет право претендовать на наше признание и уважение» (1793). Английский «аграрный» радикалист Т. Спенс напишет, что доходы собственников — это то же, что волосы, в которых вся сила Самсона сокрыта, призывая его «скальпировать». Р. Оуэн в «Завещании человечеству» (1834) назовёт систему, утвердившуюся к тому времени в Великобритании и в мире, «проклятой системой». В ней «ленивые, бесполезные и порочные управляют населением мира», тогда как люди труда, «создатели богатства, знания и всего, что есть истинно ценного в обществе», подвержены жесточайшей эксплуатации. Они бедны и нищи. Этот предприниматель заявил открыто правящему классу о том, что вопрос противоречия интересов труда и капитала, о противоречии между безумием и разумностью в общественных делах должен быть поставлен «со всей ясностью перед народами мира». Француз Ш. Фурье предупредил о неминуемой близости социальной метаморфозы, при которой войны и революции охватывают все новые и новые пункты земного шара. В то же время производство и сельский труд стали пыткой для народа, отнимая у тружеников все силы, превращая их поля и мастерские «в рассадники нищих». А потому и строй цивилизации напоминает «ужасный политический хаос». Но уже появился «новый Геркулес» (пролетарий), который вскоре разрушит этот проклятый строй, воздвигнет «всемирную гармонию на развалинах строя варварства и цивилизации».

Клод-Анри Сен-Симон**Роберт Оуэн****Уильям Годвин**

Геркулес должен полностью уничтожить царство барышников и спекулянтов, ибо эти паразиты наживаются на бедах народа... «А увеличилось ли снабжение благодаря предоставлению возможности поднять цены на сырье вдвое против обычного курса?» — восклицает Фурье. И отвечает: конечно же, нет; «повышение цен на сырьё привело лишь к ограблению фабрик и потребителей к выгоде скупщиков». Друзья, разве не такую же картину видим мы порой и в современной России, когда барышники и спекулянты взвинчивают цены на бензин, электроэнергию, продовольствие, обслуживание жилищ?! Фурье был абсолютно прав, говоря, что задача политической власти, да и всего общества — «подавлять паразитов, опустошающих промышленность и основывающих свое благосостояние только на муках, которыми терзаемо их отечество». Слова актуальны и сегодня. Оуэн в одной из лекций сказал о том, как произойдут перемены в строе цивилизации: «Я теперь дам вам краткую схему великой перемены, которая внезапно нагрянет “яко тать в нощи”»... Сен-Симон напоминал, что элиты, правящие миром, подлы и эгоистичны; он утверждал, что те, кто руководит делами общества, «сами весьма нуждаются в руководстве». Он же ратовал за то, чтобы «лишить дворян и богатых туенядцев всякого политического значения». Последователи Сен-Симона и его ученики, восхищенные «возвышенным учением», отказались выступать в роли защитников существующего порядка. Они заявили: «Что касается нас, не приемлющих ни средневековья, ни кон-

ституционализма, то мы переступаем границу настоящего, и нынешний режим, даже видоизмененный, представляется нам только временным, ибо недуг, которым он поражен, лежит в самой его основе». Эти заповеди вскоре и воплотили в России большевики.

Популярность взглядов основоположников социализма показывала, что платформа для коммунистической (социалистической) революции имела под собой почву и сколочена основательно. К тому же, в 1867 г. К. Марксом написан «Капитал» («проклятая книга», «кошмар», как полушутя называл её Ф. Энгельс). И даже противники коммунизма вынуждены были говорить о ней крайне уважительно: «Этот труд составляет эпоху и бросает блестящий, порой ослепляющий свет на развитие и гибель, на родовые муки и страшные дни страданий различных исторических эпох. Исследования о прибавочной стоимости вследствие неоплаченного труда, об экспроприации рабочих, которые раньше работали на себя, и предстоящая экспроприация экспроприаторов — классические. Маркс обладает широкой ученостью и блестящим диалектическим талантом. Книга превышает горизонт многих людей и газетных писак, но она совершенно несомненно проникнет в общее сознание и, несмотря на свои широкие задания или даже именно благодаря им, будет иметь могущественное влияние» (Руге). О значении этой книги («Капитала») говорит и возвращение её на полки в XXI в.

Труды утопистов, коммунистов Маркса и Энгельса, революционных демократов Гер-

М. Бакунин**П. Прудон****П. Кропоткин**

цена, Ткачёва, Лаврова, анархистов Бакунина, Кропоткина, социал-демократов Плеханова и Ленина расширили теоретическую базу революционеров, упрочили их влияние. Опыт вооружённых восстаний был получен пролетариатом в ходе революций XIX века в Европе и Парижской Коммуны 1871 г. В отношении возможной революции в России взгляды менялись по мере нарастания революционных настроений в самой России и продвижения Запада по пути капитализма... К. Маркс и Ф. Энгельс старались подтолкнуть русских революционеров к перевороту и революции. Энгельс однажды проговорился: «Я берусь полететь на луну ещё до того, как Ткачёв освободит Россию, если только он мне докажет, что я где-нибудь и когда-нибудь в моей политической деятельности утверждал, что заговоры недопустимы вообще и при любых условиях». Тем самым западные вожди мирового пролетариата дали понять русским анархистам и революционерам, что поддержат идею заговора против самодержавия. В этом ряду стоит и известное письмо Маркса, в котором тот уверял русских: для России не существует исторической необходимости проходить все те же фазы развития, которые прошла Западная Европа; русская крестьянская община может оказаться плацдармом для социального возрождения России и даже элементом превосходства России над другими капиталистическими странами. Г.В. Плеханов и В.И. Засулич вплоть до своей смерти скрывали от русских революцио-

неров это письмо Маркса. У Энгельса как-то даже вырвалось откровенное признание с откровенным пожеланием к русским революционерам: «Да, если бы только господа русские бакунисты действительно и серьёзно конспирировали против русского правительства!» Говорят, в их произведениях нет ненависти к России, нет русофобии, ибо они выступали, де, не против России вообще, а против самодержавной, агрессивной России, жестоко угнетавшей свой народ и стремящейся быть угнетателем и жандармом Европы. В середине XIX в. опорой европейской реакции, по мнению европейцев, была Россия, потому её воспринимали как «страшного врага». «Карфаген агрессивной самодержавной и феодально-крепостнической России должен быть разрушен во имя будущего революции».

Так считали они. В наблюдательности и уме им не откажешь. Ф. Энгельс писал, что Россия давно уже стоит на пороге переворота, и все необходимые для этого элементы там уже созрели. «Все слои русского общества находятся в настоящее время в экономическом, моральном и интеллектуальном положении в состоянии полного разложения. Революция начнётся в этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции». Позиция западных революционеров в отношении России понятна. Хотя сказанное не исключает и того, что за «интернационалистскими», «демократическими» убеждениями европейцев (в прошлом и в

К. Маркс и Ф. Энгельс

настоящем), за внешне прогрессивными убеждениями скрыта люта я ненависть к любой России. Развивать эту тему не будем, но подчеркнём следующее... В сравнении с XVIII в. европейцы меняют отношение к России — Кюстин, Мишле, Уркхарт, Маркс рисуют Россию самыми чёрными красками.

Страны Европы имели собственные политические идеалы. И русская монархия не вписывалась в эти рамки (вспомним подавление царизмом революции в Венгрии, разгром поляков, русификацию финнов и т.д.). Не удивительно, что братья-славяне, часто кровно заинтересованные в прямой поддержке и помощи со стороны России, норовили за нашей спиной «строить амур» с буржуазной Европой, с нашими врагами. Зная широту русской души, они не стеснялись использовать при любой возможности помощь «старшего брата», а затем, отвернувшись от него,

вожделенно бросались в объятия Западной Европы... Выполнив роль щита и меча, защищающего их от гнёта и оккупации, мы (после освобождения братьев-славян) очень удивлялись, почему те не хотят жить в такой «меченосной империи». Россия становилась сильной и могущественной, а Европе и Западу этого не нужно было ни тогда, ни сейчас. Славянофилы (при всём их благородстве и честности) были всё же наивны, носясь с утопической идеей. Славяне Европы хотят служить России в рамках добровольного союза независимых государств во главе с Россией; или, как говорил И. Аксаков, «дружно служить» русской народности?! Фикция. Чушь. Наоборот, братья-славяне ушли (хотят освободиться) от патриархальных форм правления, каковой и была русская монархия. Ведь даже у самых близких нам народов (у сербов или болгар) тогда возникли уже парламенты по европейскому образцу. Очень верно сформулировал суть их позиции дипломат А.С. Ионин, заявив, что Россия для зарубежных славян не цель их стремлений, а «средство к их европеизации». Разумеется, они не могут не оценить её громадной материальной и военной силы, но после освобождения тотчас поворачиваются к ней спиной. Это в лучшем для нас случае. «Самодержавный народ опаснее самодержца» — так думали о русских многие в Европе. Так некоторые думают о нас и по сей день! Особенно элиты этих стран!

Поэтому Европа охотно рисовала в воображении Россию в образе гунна, что не-

Капитализм

пременно мечтает покорить и разграбить их «просвещенную цивилизацию», в образе страшного медведя или гигантского спрута. Ф. Энгельс в статье «Армии Европы» (1855) писал: «Но вплоть до настоящего времени русские, к какому бы классу они ни принадлежали, еще слишком варвары, чтобы находить удовольствие в научных занятиях или в умственной работе (исключая интриг)...» Маркс и Энгельс особой приязни к царскому правительству не испытывали. Они готовы оправдать любые действия, что приведут к краху монархическую Россию. Им было важно, «чтобы в России разразилась революция, чтобы дать толчок к ней, а «под каким флагом» это произойдет, не так уж и важно». Маркс страшил Европу полумиллионом «вооруженных и организованных варваров», русских, что якобы готовы напасть на Германию. Говоря о том, что те «контрреволюционны», он сожалел, что они ещё «далеки от революции». В душе он мечтал о распаде России («Как хорошо было бы, ...если бы посол Сибирской республики вручал в Париже свои верительные грамоты!»). Говорят, что когда Маркс ознакомился с идеями С. Нечаева, которым впоследствии будет восхищаться Ленин, он якобы воскликнул: «Какой прекрасный образец казарменного коммунизма!» Вот и в письме к В. Засулич

Энгельс, говоря о России, заметил: «Если когда-либо бланкистская фантазия — вызвать потрясение целого общества путём небольшого заговора — имела некоторое основание, то это, конечно, в Петербурге» (1885). Пророчески классик заявил: «Эту революцию начнут высшие классы столицы, может быть, даже само правительство, но крестьяне развернут её дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса». Страстно желая уничтожить сей «нетронутый резерв» европейской реакции, он не мог не понимать, чем всё это может обернуться для русского народа (и для страны в целом). Русская революция, писал он, даст возможность увидеть «такие сцены, перед которыми побледнеют сцены 93 года». Русские якобинцы (Бакунин, Герцен, Ткачёв) сделают ставку на революционное меньшинство и, пользуясь их силой и авторитетом, осуществят захват власти, внося «новые прогрессивно коммунистические элементы в условия народной жизни». Герцен считал, что поскольку в «меньшинстве мыслящих людей» Россия уже пришла к социалистическому выбору, народу останется лишь принять этот выбор и их волю. Настроения социалистического мессианства в дальнейшем завоевали на свою сторону часть революционной интеллигенции в России. Идеи Маркса-Энгельса,

став с одной стороны орудием освобождения, станут вместе с тем в некоем смысле инструментом порабощения и закабаления нашего народа. После революции портреты Маркса и Энгельса будут висеть в Советской России и заменят портреты российского самодержца. Власть же скажет народу: «Вот цари наши и ваши!» Но эти цари были далеки от идеалов гуманизма, ибо не любили людей и, видимо, даже презирали человечество («долбаное человечество»). Хотя, прямо скажем, и сами не ожидали любви... Энгельс Марксу: «Любить нас никогда не будет демократическая,

«Спрут» России над Европой

красная или коммунистическая чернь». Маркс — Энгельсу: «Стая новой демократической сволочи. Демократические собаки и либеральные негодяи». Или Энгельс — Марксу: «Какое значение имеет партия, т.е. банда ослов, слепо верящих в нас? Воистину, мы ничего не потеряем оттого, что нас перестанут считать адекватным выражением тех ограниченных собак, с которыми нас свели вместе последние годы». Маркс — Энгельсу: «У меня ни одна душа не бывает. И это меня радует. Привет. Твой Маркс».

«Его сердце разрывалось скорее от ненависти, чем от любви к людям», — писал Радек в книге «Карл Маркс». Что верно то верно, он был переполнен ненавистью — словно кратер бушующей лавой.

Однако история так уж распорядилась, что «живое ядро социалистических построений» должно было быть пересажено на русскую почву, ибо в русском характере, в русской душе есть та высокая нота, тот безумный полёт, который под силу только гениальному народу, народу, устремлённому к идеалу, к звезде правды и справедливости. Хотя Жорес и утверждал, что революция — это варварская форма прогресса, но ведь без революций мир вскоре загнил бы в куче мусора, которую сгребает вокруг себя никчёмная потребительская рать, имя которой мещанство. Как иначе подвинуть «великого варвара», каковым и является капитализм, к справедливому миру, если капитализму в принципе почти не ведомы ни честь, ни совесть, ни сострадание, ни порядочность, ни разум... Не раз будут объявлять о смерти марксизма как утопии. Так, первый марксолог и теоретик неолиберализма, П.И. Новгородцев писал: из ядовитых семян утопизма не может взойти добрых всходов, они несут с собою гибель и смерть. Но даже он признал: «Не могла умереть та неоспоримая правда его, которая на протяжении веков составляла живое ядро социалистических построений». Поэтому как бы мы лично ни относились к

Политические настроения в России

марксизму и его основателям, правды их учения не миновать, что в очередной раз подтверждает наше время — эпоха тотального кризиса капитализма. Строй сей — капитализм не отвечает идеалам народов.

Политическая и экономическая обстановка в России в начале XX в. указывала: близятся революционные потрясения. Министр внутренних дел Д.С. Сипягин, совершая поездку по России в 1900 г., вынужден был признать, что в стране «творится что-то неладное и порождается революция». Сипягин убит эсерами в 1902 г., но и сменивший его на посту министра В.К. Плеве в докладе Николаю II также сделал недвусмысленное признание: «Если бы двадцать лет тому назад, когда я управлял департаментом полиции, мне бы сказали, что России грозит революция, я бы только улыбнулся. Нынче, Ваше Величество, я вынужден смотреть на положение иначе». Причины социалистической революции, победы пролетариата, трудового крестьянства в России станут понятнее сегодняшнему читателю, которого российская буржуазная печать с невиданным упорством обрабатывает вот уж 20 лет, если тот удосужится сравнить положение основных классов России.

Сегодня во всех наших исторических бедах обвиняют марксистов, большевиков, либералов, евреев и т.д. Пласты лжи, скрывающие истину, создаются усилиями историков, телевизионщиков, писателей. Пытаются навязать выгодные буржуазии отве-

ты. Нам говорят: мнение тех, кто винит во всём строй и царя, неверно... «Николай был слабым царем. Сам виноват». Или вот: «Николай был слабым царем. Он виноват в том, что разразилась революция и гражданская война, в приходе к власти большевиков». Вовсе нет... Российская империя пала по причине заговора. И тут появляется масса фактов, фактиков, которые создают впечатление того, что случившееся с Россией — нелепая случайность или, что ещё «понятнее», исключительно результат заговора и измены. Солоневич считал, что «великий февраль» — фикция. Он писал: «Самое занятное то, что в феврале 1917 г. никакой революции в России не было вообще: был дворцовый заговор. Заговор был организован: а) земельной знатью, при участии или согласии некоторых членов династии — тут главную роль сыграл Родзянко; б) денежной знатью — А. Гучков и в) военной знатью — ген. М. Алексеев». «Правые не могут признаться в том, что страшная формулировка Государя Императора о предательстве и прочем относится именно к их среде, левым очень трудно признаваться в том, что февральская манна небесная, так неожиданно свалившаяся на них, исходила вовсе не от народного гнева, не от восстания масс и вообще не от какой «революции», а просто явилась результатом предательства, глупости и измены в среде правившего слоя». Отречение Николая II от престола подано как общеизвестная истина. Февральская революция 1917 г. — результат недееспособности царизма. Россия была «отсталой», война — «империалистической», преступной, режим — «тюрьмой народов», а Государь — «Николаем кровавым»? «Ах, но это же всё ужасный навет...». От народа, упорно уверяют нынче иные, скрывают «русское экономическое чудо», что имело место, стремительное развитие социального законодательства, эффективность имперской модели управления инородческой периферией. Одним словом, всё, что ранее говорилось и писалось о преступлениях и поражениях царизма, прямая ложь.

Защитники царизма ставят реальную историю с ног на голову... Хотя разве царизм не рухнул под тяжестью проблем и негодования масс? Разве Россия шла от триумфа к триумфу, от победы к победе? Разве не было полнейшего хаоса в системе

управления, слабости монархии, чехарды правительств, преступного воровства среди царской бюрократии? Мы показали, что представляли собой «колоссальные успехи» царского строя. Можно согласиться лишь с тем, что никакой революции в феврале 1917 не было, а был заговор, охвативший узкий круг лиц среди российской компрадорской буржуазии, повязанной кругами Запада по рукам и ногам (как была повязана горбачевско-ельцинская банда, служившая Западу и преследующая свои цели). Говорят: «Его результатом было образование самозванного Временного правительства и полная изоляция Верховного Главнокомандующего — Государя Императора. Все его контакты с внешним миром с момента ареста были фальсифицированы или блокированы. Заговорщики окрестили свои действия «революцией» постфактум. Они хотели, чтобы хаос был признан революцией, и называли этот хаос именно так. Они не управляли государством, а следовали хаосу, подавляя любые попытки навести порядок». Встаёт естественный вопрос: почему царь не помешал заговору. В ответ защитники выдают: пресса была в чужих руках, интеллигенция была враждебна царю и ни на что не годилась, армия вся в руках заговорщиков, церковь предала царя, народ был оторван от своего государя и растерян. Так что же это за царь! Кому на х..р нужна такая монархия?!

По подсчетам А.Н. Боханова, в начале XX в. внутри российского общества существовало колоссальное расслоение: из 150 млн населения России 30 тысяч человек имели годовой доход свыше 10 тыс. рублей, 550 тысяч человек — свыше 1000 рублей (эту часть можно условно отнести к представителям крупной, средней или мелкой буржуазии). Остальная же часть населения России, безусловно, должна была быть отнесена в разряд малоимущих слоев. Это расслоение, опасное и гибельное для общества само по себе, в условиях катастрофы, каковой станет мировая война, могло оказаться губительным для страны. Осенью 1914 г., когда всюду полыхали сражения Первой мировой войны, в библиотеке Берна В.И. Ленин читал Гегеля. Он записал мысль: «Опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научались из истории и не действовали согласно уро-

кам, которые из неё можно было бы извлечь. Каждой эпохе свойственны столь своеобразные обстоятельства, она представляет собой столь индивидуальное состояние, что только исходя из него самого, основываясь на нём, должно и единственно возможно судить о ней». Сделав выписку из гегелевской «Философии истории», Ленин тут же сделал пометку на полях его тетради: «Очень умно!».

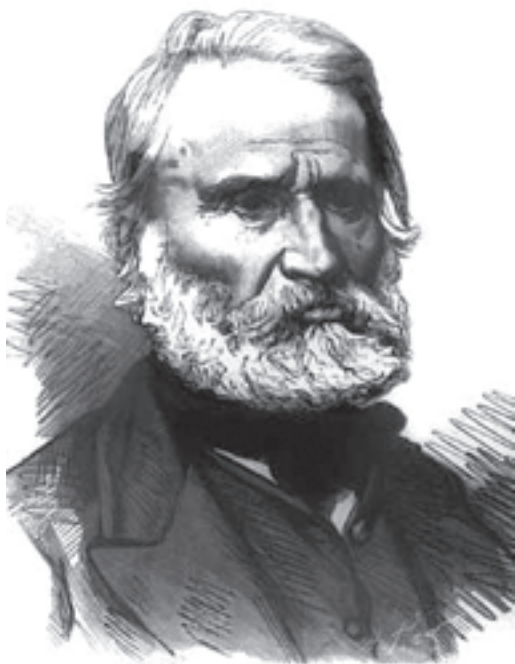
Всё слышнее был голос рабочего движения... Л.Б. Каменев, в феврале 1914 г. вступивший в обязанности редактора «Правды» и руководителя большевистской думской фракции, писал о положении революционно-пролетарского движения в России к началу 1914 года: «С этого момента нарастание революции шло гигантскими шагами вперёд, дойдя чрез ряд бурных и непрерывных столкновений к июлю 1914 г. до открытой баррикадной борьбы на улицах Петербурга. Революционное движение было задушено только объявлением войны, введением военного положения, мобилизациями и т.д. и пробудилось лишь через 2 с половиной года на новой и более широкой основе. Первая половина 1914 г. остаётся одной из самых интересных и знаменательных эпох в истории русского рабочего движения. Революция шла полным ходом вперёд. Массовые стачки всколыхнули рабочую массу до самого дна. Наши депутаты в Думе превратили думскую трибуну в рупор революционного движения. «Правда» стала в те месяцы поистине органом миллионов трудящихся. Меньшевики-ликвидаторы снимались со всех «постов» в рабочем движении. Профсоюзы один за другим переходили к большевикам... Реакция металась в бессилии». Война ускорила процесс взрывания масс. К концу 1916 г. в России сложилась предреволюционная ситуация. Усталость от войны трудящихся становилась всё очевиднее, всё глубже. В 1917 г. стачечное движение меняет характер. Большинство стачек в России носят уже не экономический, а политический характер (из

Г.К. Савицкий. Всеобщая железнодорожная забастовка в России

200 стачек в 150 содержатся серьёзные политические требования). «Умелые статистики» приводят цифры, что дескать явных бедняков среди крестьян было всего 18—20%. Выступая на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, Ленин привел следующие цифры о состоянии землевладения в Европейской России (1917). На одном конце русской деревни находились богатейшие помещики, в том числе, конечно же, сами Романовы, а на другом — беднейшие крестьяне. У крупнейших и самых богатых помещиков Европейской России (менее чем у 30 тыс. человек) земли было — около 70 миллионов десятин (более 2000 десятин на каждого). Если же взять всё беднейшее крестьянство России (по переписи 1905 г.), то получается такая картина: 10 миллионов дворов, у которых около 75 миллионов десятин земли. А это значило: «у одного — свыше 2 тысяч десятин, а у другого — 7 с половиной десятин на двор!» Всё дело в пропасти... Не стоит забывать, что так превозносимый ныне Столыпин был крупнейшим российским землевладельцем. И у него одного в собственности было намного больше земли, чем у десятков тысяч крестьян. Это бесправие и толкнёт беднейшее крестьянство в объятия большевиков. Ведь революции делаются не для того, чтобы «не было богатых», а чтобы «не было бедных».

Прошёл почти век с тех революций в России и создания Советской республики. Новой России пришлось уже в конце XX в. пережить волну контрреволюции в лице пришедших к власти «новых буржуазистов» и их наглое «пиршество». Но сегодня наиболее вдумчивые, честные учёные вновь заговорили о социализме, роли Ленина, которого считают более величественной фигурой, чем якобинцы Марат, Робеспьер, Дантон и даже чем протестантский реформатор Лютер. Россия ныне очень напоминает Францию эпохи контрреволюции, когда после победы буржуазии (термидора), власть в 1794 г. попала в руки обогатившихся в результате переворота нуворишей. Тогда и произошел заговор Бабефа, сторонника уравнилельных и коммунистических идей. Буонарроти в «Заговоре во имя равенства» видел причину переворота в политике термидорианцев, известных растратчиков и воров, что предали идеи равенства и революции. И вот мы читаем поразительные строки, словно переносящие нас прямо в нынешнюю Россию: «Лишь только революционное правительство перешло в руки приверженцев эгоизма, оно стало настоящим бичом общества. Его поспешная и ужасная деятельность, которую могла

Огюст Бланки

сделать законной только добродетель его вождей и демократический дух их намерений, отныне становится не чем иным, как страшной тиранией по цели и по форме. Она всё деморализовала; она вернула вновь роскошь, изнеженность нравов, хищничество; она растратила общественное достоинство, извратила принципы революции, а всех, кто искренно и бескорыстно защищал её, отдала на растерзание её врагам. Странствия господствующей партии были со всей очевидностью направлены в это время к поддержанию неравенства и к установлению аристократического строя. Отняв у народа надежду на справедливое законодательство, свергнув его в неуверенность и упадок духа, она замыслила вырвать у него последние остатки его суверенитета». После успешного восстания и победы народа членов буржуазного правительства надо было бы немедленно предать суду народа. Закон должен покарать смертью узурпаторов народного суверенитета. Бланки считал, что существуют главные источники общественного богатства: это разум и труд; они представляют собой душу и жизнь человечества. Отвечая на увещания, что

Бабеф

якобы между капиталистом и рабочим есть солидарность и общность интересов, Бланки заявлял, что на самом деле тысячи и тысячи фактов свидетельствуют об обратном: о борьбе не на жизнь, а на смерть между прибылью и заработной платой. В статье для журнала «Le liberateur» он выступил сторонником ассоциации, которая и должна обеспечить господство справедливости и равенства. Человечество стремится к равенству, хотя и без крайностей уравнилельного толка. Поэтому для достижения этого идеала и надо ликвидировать последнюю форму рабства — рабство пролетария со стороны капиталиста. «Отречёмся от старого мира...»

Но чтобы это произошло, нужно вооружить трудовой народ... «Оружие и организация, писал О. Бланки, решающий элемент прогресса, серьёзное средство покончить с нищетой. У кого есть оружие, у того есть и хлеб. Франция с вооружёнными тружениками, — (это) наступление социализма. Перед лицом вооружённых пролетариев исчезнут все трудности, все сопротивления, все невозможности». Новая власть должна будет арестовать правительство и разоружить буржуазию, устранить всех высших чиновников, судей, управленцев бывшего режима. Одним из главных препятствий на пути победоносной революции является невежество. Коммунизм просто немыслим без просвещения. «Нет прочной революции без просвещения!» В обществе просвещённых людей не будет ни эксплуатации человека человеком, ни власти человека над человеком. Он рисует картину будущей победоносной революции пролетариата в своей «Инструкции к вооружённому восстанию»: «С одной стороны, правительство в состоянии полной анархии, войска деморализованы; с другой, восставшие, как один, рабочие, почти уверенные в успехе». Ключ к победе народа — единый центр подготовки и руководства восстанием, общее командование и общее волевое руководство. Хватит хныкать и болтать, надо действовать: «Главное — организовать во что бы то ни стало. Довольно этих беспорядочных восстаний десятков тысяч не объединившихся между собой людей, действующих наудачу, в беспорядке, без единой мысли о всём восстании в целом, каждый в своём углу, каждый по собственной фантазии». Этот и сот-

*Ленин среди эмигрантов в Стокгольме.
1917 г.*

ни других примеров говорят о том, что коммунизм, казалось бы, «оружие западного происхождения». А Тойнби позже так вот и заявит: «Если бы его не изобрели два европейца XIX века, Карл Маркс и Фридрих Энгельс..., коммунизм никогда бы не стал русской официальной идеологией. В русской традиции не было ничего такого, что могло бы побудить русских самим изобрести коммунизм». Слова эти нелепы, ибо они противоречат многолетней борьбе русского общества за справедливый социальный строй и идеалы свободы народа.

«Маркс показал рабочему классу цель, — писал У.С. Уайт в его книге о Ленине, — а Ленин дал ему партию, путевую карту и походное снаряжение». Иначе говоря, теперь предстояло теорию революционной борьбы воплотить в практику, и не где-то в Европе, а в России. Тем более что царизм и буржуазия сами же решили за социалистов иную задачу — вооружили народ для империалистической бойни. Перед партией В.И. Ленин поставил революционные задачи (Цюрих, 11 марта 1917 г.): «Революционные победы в самой России..., переход русских рабочих к революционно-организаторским задачам в новом масштабе, — говорил он, — завоевание власти пролетариатом и беднейшими слоями населения — поощрение и развитие социалистической революции на Западе, —

вот путь, который приведёт нас к миру и социализму». Конечно, не стоит преувеличивать роли партий: количество их членов было невелико: 0,5 % населения России в 1906—1907 гг. и 1,2—1,5 % после февраля 1917 г. Но влияние их стремительно росло. Многие марксисты полагали: прорыв мировой цепи и системы капитализма должен произойти сначала в передовых странах капитала, а не в России, в стране среднего по масштабам и темпам уровня развития капитала. Жизнь решила иначе. Позже Ленин, споря с меньшевиками, считавшими, что Октябрь противоречит догме марксизма, заметил по поводу «опережения» Россией развитых капиталистических стран: развитие событий вовлекло Россию в мировую империалистическую войну, в которую замешаны влиятельные западноевропейские страны. Это поставило её на порог начавшихся революций Востока. Причем, безвыходность положения удесатеряет силы рабочих и крестьян, открывает перед ними возможность иного подхода к созданию основных посылок цивилизации, чем в остальных западноевропейских государствах. «Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?» (1923). Нет, конечно же, и общая линия мировой истории потребовала реализации на практике давних идей и планов социализма в стране, где это оказалось возможно.

Ленин внимательно отслеживает настроение масс в России, в чём ему помогают его корреспонденты. Так, Шляпников направляет находящимся в эмиграции Ленину и Зиновьеву письмо, где даётся оценка положению: «В настроении рабочей массы и демократии вообще наблюдается полнейшее отсутствие патриотического дурмана. Дороговизна, хищная эксплуатация, варварская политика —

всё это достаточно убедительно доказывает массам истинный характер войны. Клич «война до победы» остался только боевым лозунгом военной промышленности. Рабочие, работники, солдаты и простые «обыватели» открыто выражают своё недовольство продолжением бойни. Скоро ли всё это кончится? — звучит положительно всюду. Рабочее движение отмечает рост стачек по всей стране... Цены возросли в 5—10 раз по сравнению с прошлогодними. Одежда, обувь становятся почти недоступными. То, что стоило до войны 30—40 рублей (костюмы и пр.), теперь 150—200 и т.д. К осени положение дел стало ухудшаться, и в сентябре, октябре бывали дни, когда в рабочих кварталах не было хлеба. О мясе и говорить уже не приходится. В стачке участвовало 116000 рабочих, все учебные заведения, много мелких мастерских и типографий. На «продовольственную нужду» стачка имела благотворное действие: появились хлеб, мясо, другие продукты». Капитал нажился на войне, а народ тем временем нищал.

Таким же образом во времена Французской революции стихийное голодное возмущение масс получило затем своё политическое оформление... «Уже много дней в столице не прекращаются волнения по поводу продовольствия; с трудом можно получить хлеб», — говорили тогда люди Парижа. Одна из брошюр задавала буржуазному руководству Коммуны в сентябре 1789 г. вопрос: «Почему вожди Коммуны оставля-

П. Крохоняткин. Забастовка на фабрике

ют нас без хлеба? Для того чтобы разжечь за наш счёт». Левое крыло революции в лице Марата обратилось к народу с радикальным предложением. «Хотите решить продовольственный вопрос и спасти страну?» — вопрошал он массы. И тут же сам отвечал: «Изгоните из Коммуны и Национального собрания, очистите снизу доверху государственный аппарат от агентов старого порядка, в том числе от финансистов и спекулянтов. Создайте в Коммуне Парижа крепкую власть максимум из пятидесяти человек, и они, опираясь на революционную власть дистриктов, завершат дело 14 июля». Те же задачи поставит революционное правительство России.

А положение с продовольствием было сложным... Министр продовольствия Временного правительства признал, что запасов хлеба едва ли хватит до сентября, так как закупленные правительством 100 тыс. пудов риса застряли где-то во Владивостоке. В дальнейшем Россия будет испытывать ещё и не такие муки голода. А. Блок тогда писал: «Не всё можно предугадать и предусмотреть. Кровь и огонь могут заговорить, когда их никто не ждёт. Есть Россия, которая, вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой, может быть, более страшной». 4 (27) марта 1917 г. Совет рабочих и солдатских депутатов принял манифест — «К народам всего мира», призывая покончить с империалистической войной. Большевики предложили выход из тупика войны. Задачи же большевистской партии, конечно, были куда масштабнее и грандиознее... В.И. Ленин в «Задачах пролетариата в нашей революции» скажет о целях социалистической революции: «А мы хотим перестроить мир. Мы хотим покончить всемирную империалистическую войну, в которую втянуты сотни миллионов людей, запутаны интересы сотен и сотен миллиардов капитала, которую нельзя кончить истинно демократическим миром без величайшей в истории человечества пролетарской революции».

Выступление Ленина с Апрельскими тезисами в Таврическом дворце

Если перевороты «совершаются брюхом» (говорил Наполеон), то революции делаются головой. Осталось лишь соединить «заряд с детонатором» — усилия армии, пролетариата, крестьянства, революционных партий в лице руководящего звена РСДРП. В.И. Ленин выступает со своими Апрельскими тезисами в Таврическом дворце. Это был настоящий взрыв. Не все были убеждены в том, что час революции пробил... Г.В. Плеханов и вовсе оценивал ленинские тезисы как «бред сумасшедшего». Луначарский в письме к жене (май 1917 г.) также высказался крайне осторожно, считая, что взять и сохранить власть для реформ социалистического характера в России можно лишь в том случае, если сначала в Западной Европе начнётся социалистическая революция. В этом он не сомневался (вопрос только в сроке). Но пока нет толчка с Запада, ничего поделать нельзя и в России. Луначарский тогда ещё находился в плену иллюзий политики Временного правительства, считая, что за тем идёт большинство демократов России, имея в виду меньшевистско-эсеровских лидеров ЦИКа Советов. «Стало быть, мы при них можем лишь бороться за душу этого большинства, не пуская в ход революционные меры (вооружённое восстание в Питере...) для низвержения Совета рабочих депутатов».

Решающим аргументом в пользу победы той или иной силы в России являлось решение проблемы мира... Следует сказать: все без исключения стороны вели собственную игру в этом вопросе. Слухи о сепарат-

ном мире были уже так многочисленны, что позволяют думать: различные политические силы как в окружении царя, так и в оппозиционном лагере подумывали о мире, хотя и по разным причинам. Секретарь Распутина Симанович отмечал, что мысль о фиктивной революции приходила в голову даже «Гришке». «С 1916 года Распутин не скрывал, что он противник войны... Он постоянно высказывался за скорейшее заключение мира. Если ему говорили, что царь и слышать об этом не хочет, то он отвечал, что во всём виновата «баба». Она бросила камень в воду, а теперь трудно его найти. Он подразумевал (при этом — М.) царицумать, которая пропагандировала русско-английское сближение. Распутину этот союз казался мало удачным. Он говорил мне, что существует только одна возможность вызвать мирные переговоры: революция. Только революция могла Россию освободить от обязанности перед своими союзниками. Политическое будущее России Распутину рисовалось в очень мрачных

красках. — Все министры жулики, — любил он говорить, — а дворянство кусается. У царя нет советников и он не видит выхода. Он изворачивается и не решается ни на мир, ни на войну». Не в бровь, а в глаз... Но иные лгуны и сегодня предпочитают уходить от ответа или же злобно искажают важнейший для миллионов вопрос, на который страстно желал получить ответ наш народ. Хотя известно, что и немцы делали царскому правительству предложение заключить мир. Но царь, промышленники и военные отмахивались от их предложения. Большевик Шляпников писал (1916): «Отношение русского правительства и Думы к германскому предложению о мире возмутило широкие круги обывателей и интеллигенции. Хотя даже патриотический элемент недоволен решением Думы, её «принципиальным» нежеланием вступать на почву обсуждения мирных предложений. Наши организации используют этот факт как яркую иллюстрацию захватных идеалов русской буржуазии и правительства... Настроение солдат весьма напряжённое. Ходят слухи о бунтах в армии...». Так почему же монархисты и буржуазия в России всё же так и не смогли дать мир нашему измученному народу? Не захотели? Ответ на удивление будет прост. Потому, что им (и прежде всего странам Антанты) нужно было заставить «русское быдло» под любым предлогом сражаться. Это отвлекало силы Германии, приближая победу союзников (а с нею и богатую контрибуцию, передел Европы и мира). Всем им было в высшей степени наплевать на то, о чём с возмущением и злобой говорил Чуковскому Горький: «Сколько полезнейших мозгов разбрызгивается зря по земле каждый день... французских, немецких, турецких... да и наших, тоже не дурацких...» К слову сказать, Горький редактировал тогда и журнал «Летопись», «единственный русский легальный журнал, пытавшийся протестовать против войны». Мировой буржуазии была нужна эта война, чтобы набить себе карманы, заодно и потушить разгоравшийся огонь революционного и гражданского протеста народов против бойни.

Ни царское, ни буржуазное правительство в России, будучи повязаны огромным долгом странам Антанты, конечно, не могли пойти на заключение мира... Напомним, что

Иди за Родину

Вл. Серов. Декрет о мире

ещё в сентябре 1914 г. союзные государства подписали в английском министерстве иностранных дел документ, который наложил запрет на любого рода сепаратные переговоры или соглашения. Премьер-министр Франции Р. Пуанкаре приводил и текст этого соглашения: «Британское, французское и русское правительства взаимно обязуются не заключать в течение этой войны сепаратного мира. Упомянутые три правительства договорились, что, когда придёт время мирных переговоров, ни одна союзная держава не должна выставлять мирные условия без предварительного соглашения с каждым из других союзников». Пуанкаре комментирует принятое сторонами соглашение. Он пишет: «Несомненно мы связываем себя, но мы связываем также других. Мы все связаны обязательствами, если только не произойдет случая вероломства и измены; если наши мирные условия не приняты сейчас, мы оставляем за собой право обсуждать условия других, а так как мы знаем, что наши условия будут умеренными и разумными и не помышляем об аннексии, а лишь о простых реституциях, это соглашение представляет для нас в общем больше выгод, чем неудобств». Но если для

Франции, желавшей вернуть утраченные ею в ходе Франко-прусской войны Эльзас и Лотарингию, это соглашение действительно несло в себе «больше выгод, чем неудобств», то для России, в особенности для её народа, оно несло гораздо больше неудобств, если же назвать вещи своим именем, то горя, бед и потерь. Война эта народу была не нужна. Но она была очень даже нужна капиталистам крупнейших держав, участвовавших в схватке за те колоссальные призы, которые предназначались победителям. Как писал еврей Исаак Маркуссон в «Таймс» от 3 марта 1917 г.: «война — это колоссальное деловое предприятие; самое изящно-прекрасное в ней это организация дела». Дела на крови!

Правда, иные историки пытаются уверить, что солдаты в первые недели Февральского переворота будто бы ещё не хотели говорить о мире, видя в этом «измену», и даже в марте-апреле дескать можно было видеть солдат, несущих лозунги «Война до победного конца» (Суханов). Да, отдельные случаи такого поведения возможны... Но позволим себе усомниться в том, что таков был массовый настрой. Всё было совершенно иначе, по

Памятный знак буржуазной революции

Русские войска в помощь Франции

крайней мере ближе к октябрю 1917 г. В начале октября даже на «благополучном» Кавказском фронте в массе солдат царило твёрдое убеждение, что командный состав их продаёт. Солдаты стали открыто угрожать, что, если мир до конца октября не будет заключён, «то не удержит солдат никакая власть, пойдут расправы и самосуды». Было ясно: вопрос о мире для России, пусть даже и самым «позорным», встал остро на повестке дня. Это понимали даже правые... Прокопович на кооперативном съезде в Москве заявил: «Мир приближается к нам. Но мир неслыханно позорный для России, исключительно за наш счет». Правящая верхушка и военные с упорством обречённых продолжали гнуть свою линию. В отношении мирных планов генерал А.И. Деникин высказался так: «Но было ясно, что это просто предательство Родины, для которой безразлично, поступают ли её интересами за сребреники или даром. Национальные интересы России, её будущие судьбы и возможность мирного существования, понесенные ею великие жертвы, чудовищное расстройство народного хозяйства обеспечивались в этом акте только следующими положениями: «непременным условием мира яв-

ляется вывод немецких войск (а австрийских и турецких?) из занятых областей России». Россия должна была бы при этом предоставить полное самоопределение Польше, Литве и Латвии. Идея самоопределения вылилась по существу в отторжении от России вчерашних её земель». История показала: они ушли бы. Но, безусловно, главное, что больше всего волновало в тот период Антанту, так это готовность русских и впредь таскать для них каштаны из огня, т.е. посылать солдат на войну против стран Тройственного союза. Хотя далеко не всегда и тогда этот приём русских на французской земле был радушным. Русских бросали в самые горячие и убийственные места сражений. Западный историк писал о восстании русских войск против тамошних порядков: «Это было до сих пор малоизвестное восстание русских войск во Франции — или, точнее, подавление этого восстания. И хотя печальному инциденту недоставало политического значения генеральского переворота (речь тут идёт о попытке корниловского переворота в России в 1917 г. — В.М.), его последствия были гораздо более тяжёлыми. После жестокого подавления мятежа в одной из (русских) бригад, которые должны были отправляться в Салоники в августе

Русский солдат в штыковой атаке. 1916

1916 года, две бригады, находившиеся на французской территории и состоящие приблизительно из шестнадцати или семнадцати тысяч солдат, храбро сражались в нескольких кампаниях. Но понесли невероятно большие потери, особенно от воздействия газа, с которыми русским не приходилось иметь дела. Отрезанные от родины, они ещё быстрее утратили боевой дух, чем их товарищи в России. Не без оснований они поняли, что являются попросту пушечным мясом, проданным во Францию в обмен на военную технику». Однако таким «мелочам» внимание эти господа и не придавали.

Напомним и подчеркнем, что эта война к 1917 г. по-прежнему велась на территории в основном Восточной Европы. Эти битвы, как известно, шли в основном не на русской земле! Наши войска посылались в далёкую Францию, чтобы защищать мужественно сражавшихся на своей земле французов! И мы что-то не слышали разбора этой стороны политики России и Запада в многочисленных беседах, спорах и программах. Почему? Не выгодно ни русской, ни западной буржуазии! Сразу стало бы ясно, что и они и русские буржуа такие же разбойники, бандиты и убийцы, как и немецкие милитаристы. Ещё и подлецы, вдобавок... Прохвосты типа Церетели, Чернова называли себя социалистами, но думали об одном — как бы погубить побольше русской черни в боях, тем самым отвлечь большевиков от их планов ниспровержения буржуазии. О том, что именно шкурные заботы о своих капиталах и поместьях, вовсе не имперские цели России, лежали в основе решений Керенского, Милюкова, Терещенко, Родзянко, Чернова, Церетели, Скобелева и пр., говорят и иностранцы. Р. Уорт в книге «Антанта и Русская революция» верно пишет, срывая маски с господ буржуа: «Не религия, а идеи патриотизма должны были стать опиумом для народа (в виде лозунга оборонцев «Война до победного конца!» — В.М.). Керенский оказался самым многословным и шумным из самозванных агитаторов за военное возрождение, видя в нём средство достижения иде-

Схема боев на Юго-Западном фронте 1917 г.

алов «революционной демократии». Спустя годы глубоко разочаровавшийся Керенский сетовал, что «уставшие государственные деятели Антанты воспринимали вождей революционной России как милых простаков, которые погибали, таская для союзников каштаны из огня мировой войны («таскала», конечно же, не богатейшая буржуазная сволочь, а простой народ — рабочие и крестьяне. — В.М.), совершенно бескорыстно, исключительно во имя своих революционных идеалов, как оно и было». Напомним: 17 апреля 1917 г. в Петербурге состоялась грандиозная манифестация инвалидов, которая произвела большое впечатление на обывателей и буржуев. Огромное число раненых — в повязках, безногих, безруких — двигалось по Невскому проспекту. Кто не

Вот кто платит за буржуазию на войне...

мог идти, тех везли в автомобилях, на извозчиках, в линейках (естественно, на деньги буржуа). На знамёнах, которые они везли и несли, надписи: «Война до конца», «Наши раны требуют победы». «Искалеченные люди, несчастные жертвы бойни ради наживы капиталистов, по указке тех же капиталистов через силу шли требовать, чтобы для тех же целей ещё без конца калечили их сыновей и братьев. Это было действительно страшное зрелище» (Н.Н. Суханов).

Итак, союзники надавили на «свободное правительство» России, и Керенский совершил в мае-июне 1917 г. ряд поездок на фронт, где призывал солдат быть готовыми перейти в решительное наступление для защиты «родины и революции», за что и получил у армии прозвище — «главноуговаривающий». Солдаты слушали речи, но сердцем были уже на стороне большевиков. Внутри армии между офицерами и солдатской массой росли отчуждение и неприязнь. Показательна сцена, рисующая попытку эсера Савинкова, когда тот ещё был членом Временного правительства, уговорить войска принять участие в наступлении. Те

взбунтовались и не захотели сражаться. Савинков произнёс горячую речь, напирая на своё революционное прошлое. Но вот как на эти словаотреагировал старый боевой офицер с георгиевским крестом. Он сидел неподалеку, «среди низких могильных холмиков с жиденькими крестами... и плакал, как ребенок». На попытки его успокоить он гневно выкрикнул: «Неужели вам не стыдно, вместо того чтобы пулеметами гнать эту сволочь не на позицию, конечно, много бести, а куда-нибудь в глубокий тыл, хотя бы в Киев, часами уговаривать её занять окопы?» Таковы реалии. Понукаемые Антантой Временное правительство и генералы готовят наступление. Керенский угрожает расстрелом. Генштаб настаивает на пересмотре Декрета №1, «великой солдатской хартии вольностей», уравнившей в правах солдат и офицеров. Большевики предупреждают правительство и армию, что после понесенных ею огромных потерь и развала в результате неумелых действий всех служб снабжения наступило моральное разложение. Армия уже не способна к новым боям. Наступление кончится катастрофой для старой русской армии с её «психологией саранчи» (Троцкий). Большевики доказывали и солдатам, что с их стороны было бы крайней глупостью погибать за прибыли английских, американских, французских, русских или еврейских капиталистов. И агитация была весьма успешной, что и подтвердится безусловно после провала разрекламированного Керенским наступления русских войск в июне 1917 года.

Начавшись в середине июня, оно кончилось сокрушительным поражением и полномасштабным бегством 11-й русской армии из Галиции. Участь Временного правительства, Керенского, буржуазии, монархии тем самым была решена бесповоротно. Однако мы и ныне продолжаем слышать голоса демагогов: «Надо было потерпеть, надо было сжать зубы!» «Надо было остановиться на Февральской революции!» Ради кого и ради чего?! Ради новых миллиардных барышей, территорий и контрибуций, которые та же буржуазия, царская знать, спекулянты, вся эта сволочь всё равно растащили бы в итоге по своим карманам?! Чтобы сохранилась ситуация, в которой буржуазия и продажные социалисты типа Церетели оказались победителями?! Один из нынешних аполо-

гетов буржуазии, восхваляя Керенского, «честного, с кристально чистой душой», писал, что того очень вдохновляли моменты, когда тысячи людей, сидящих в зале Большого театра, «демонстрировали единодушную преданность новому государству», когда «после бурных дебатов между представителем от социалистических партий Церетели и представителем крупного промышленного капитала Бутликовым оба двинулись навстречу друг другу и после сердечного рукопожатия высказались за классовое перемирие во имя интересов родины». Какая идиллия! Ленин был прав, считая царя, самодержавие, бюрократию России величайшим в мире преступником, как и буржуазию остального мира. Никому не дано право убивать людей в войнах, развязанных во имя и ради прибылей кучки буржуа. Такую «элиту» народ вправе был поставить к стенке, расстрелять!

Интересы российской буржуазии и бюрократии, с одной стороны, и простого народа, с другой, кардинально разошлись, как и сегодня... Если вы послушаете сирен буржуазного строя нынешней России, то всё, что они смогут из себя выдать в итоге, будут слова о том, что главным завоеванием эпохи является свобода слова и их «деятельности» (в их понимании это свобода болтать, лгать, воровать и брать взятки — и при этом не отвечать за свои поступки, отделяясь разве что лёгким страхом). На это народ мрачно изрекал: «Дадена нам свобода, а для ча? Хлеб-то дорог, а мяса нету... Неча зубы заговаривать свободой-то. Нам бы чтоб хулиганства не было, воровства, убийства...»; «Ни к чему мне эта свобода, — сказано в солдатском письме, посланном в июле 1917 г., — да будь она проклята, если мне приходится целую неделю обходиться без хлеба и голодному ложиться спать». Одним словом, как горько сказано в одной из эпиграмм начала XX века:

*Пушки... Пулеметы...
Голод, нищета...
Родина, за что ты
Небом проклята?*

При любой политической позиции (при условии, разумеется, если это честная по-

Поражение русских войск в Галиции. 1917 г.

зиция) всем было ясно, что Россия много лет вызревала для революций, как и многие страны, прошедшие через родовые муки нового строя. Факт трех революций говорит о «предродовом состоянии» России-матушки! В. Гросул пишет: «После Февраля 1917 г. именно деятели революционного движения пользовались наибольшим доверием в народе, и не случайно выборы в Учредительное собрание дали левым партиям более 85% поддержки. В России не было альтернативы революции... Да и тот факт, что мировая история знает примерно 100 различного рода революций, свидетельствует об их объективности и неодолимости, и Россия с противоречиями, более значительными, чем в Англии или во Франции накануне их буржуазных революций, не была и не могла стать исключением». Автор прав, называя нашу революцию «самой грандиозной революцией XX века».

Обстановка в Петрограде в июле 1917 г. резко обострилась... Вот и солдаты-анархисты рвались в бой против ненавистного им правительства, но I-й Всероссийский съезд Советов эсеро-меньшевистским большинством запретил демонстрацию. Ссылаясь на резолюцию съезда, ЦК РСДРП(б) вывел большевиков из состава ВРК. Это стало причиной серьезного конфликта и в партии. Как докладывал Лацис, революционный порыв масс был таким, что, узнав об отмене демонстрации, некоторые рядовые большевики в гневе рвали партбилеты. По свидетельству члена Кронштадтского Совета больше-

вика И. Флеровского, эти часы, когда он успокаивал матросов, получивших приказ отбоя, были «наиболее трагичными во всей жизни». Сталин и Смилга подали заявления о выходе из ЦК. Чтобы как-то сбить накал страстей в городе, съезд Советов голосами эсеров вынес решение подготовить контрдемонстрацию в поддержку Временного правительства. Узнав об этом, анархистский ВРК собрал на их заседание делегатов от 150 заводов и полков и стал готовить демонстрацию (а фактически восстание) на 14 июня. Но большевики обыграли и анархистов и правительство. Бросив на заседания анархистского ВРК, на заводы и в части гарнизона своих опытных агитаторов, они провалили анархистское восстание. Демонстрация 18 июня, в которой участвовало 400—500 тыс. человек, уже идёт под их лозунгами. Но и анархисты не сдавались. В самый разгар демонстрации анархистская дружина И. Жука и вооруженные солдаты (всего 1500—2000 чел.) захватили тюрьму «Кресты» и освободили своих товарищей. Уже на следующий же день части Преображенского и Семеновского полков, казачьи сотни и броневики во главе с министром юстиции П. Переверзевым осадили дачу Дурново и потребовали выдачи заключенных. Оборонявшие штаб 60 анархистов ответили отказом. Тогда каратели разгромили дачу и арестовали там 59 человек. В столкновении погиб один из лидеров ПФАК — Аснин... Обстановка всё более накалялась. Среди арестованных защитников штаба находился отряд кронштадтских матросов-анархистов Железнякова. Подогреваемая анархистской пропагандой, военно-морская база Крон-

штадта буквально вся бурлила, кипела негодованием. Экипажи и береговые команды собирались идти на Петроград вызволять «братву». Весть о погроме в анархистском штабе взбудоражила и заводы Выборгской стороны. Толпы рабочих с семьями весь день 19 июня шли на гражданскую панихиду Аснина, проходившую во дворе разгромленной дачи Дурново. Накал страстей был таков, что Лацис 20 июня докладывал Петроградскому комитету РСДРП(б): «Мы два дня держали массу. Они ставят нам ультиматум... Мы должны иметь наготове разработанный план... если масса вырвется на улицу». Анархисты в те дни были народными героями. Прямо с панихиды анархистская организация завода «Розенкранц» послала своих делегатов в идейно близкий ПФАК 1-й пулеметный полк. Гроза приближалась...

Большевики какое-то время сдерживали возмущенный народ, как могли, но 3 июля тот вышел на улицы с красными флагами, требуя перехода всей полноты власти в руки Советов. Рабочие-путиловцы, солдаты и матросы пришли к Таврическому дворцу, где заседал ВЦИК (большинство в нём составляли меньшевики и эсеры), требуя отставки министров-капиталистов, затем передачи власти в стране Советам. Полумиллионная манифестация в Петрограде 4 июля 1917 г. шла под лозунгом «Вся власть Советам!» Обозначилась линия на социалистическую революцию. Если власть не может понять элементарных нужд и требований народа, тот неизбежно возьмётся за оружие. Именно это и произошло в июле 1917 г. в Петрограде. Между казаками и солдатами 1-го пехотного запасного полка вспыхнул бой. О начале событий В.И. Ленин узнал, находясь в деревне Нейвола на Карельском перешейке, на даче у В. Бонч-Бруевича. К нему приехал большевик М.А. Савельев, член ЦК РСДРП(б), сообщил потрясающую новость — в Питере восстание. На улицах Петрограда появились грузовики с вооруженными солдатами и матросами. Настроены они были решительно, о чем свидетельствовали красные флаги и плакаты с призывами к восстанию, особо популярен лозунг «Первая пуля — Керенскому».

Ленин добрался до Петрограда, где выступил с балкона особняка Кшесинской. Он призвал рабочих, солдат и

Смерть буржуам. Анархистская «братва»

матросов к выдержке, к стойкости и бдительности. Вначале он даже отказывался выступать, чтобы не провоцировать массы. И, обращаясь к членам Военной организации большевиков, недовольно бросил: «Бить вас всех надо!» А. Рабинович в книге «Большевики приходят к власти» объективно описывал настроения лидеров большевиков в памятные июльские дни. «Совершенно ясно, что в середине дня 3 июля ЦК партии предпринял попытки остановить выступление. Однако уже через несколько часов руководство «Военки» и Петербургского комитета, видя, что демонстрация в полном разгаре, пересмотрело прежнюю позицию и открыто поддержало ее. Такое же решение принял затем и ЦК. В дальнейшем «Военка» полностью овладела движением и приступила к организации самой мощной и широкой военной поддержки. Она, в частности, вызвала подкрепления с фронта, выслала броневики для занятия ключевых объектов и мостов и отправила роту солдат для захвата Петропавловской крепости». Ленин не знал тогда, был ли выход масс на улицу сигналом к захвату власти и началом революции. Если одни члены ЦК (Троцкий и Зиновьев) отнеслись прохладно к идее массовой демонстрации, другие (Лацис и Смилга) напротив призывали партию «быть во всеоружии и захватить железнодорожные вокзалы, арсенал, банки, почту и телеграф». На стороне радикалов были Н. Подвойский и Вл. Невский. Первый известен тем, что сразу же после свержения Николая II заявил, что «революция не окончилась; она только начинается», второй был активным участником боевых групп и военных организаций большевиков. По словам Невского, 4 июля руководители Военной организации ждали от ЦК сигнала к выступлению, «чтобы довести дело до конца». Но большевики были тогда настроены выжидательно. «Как мы уже видели, с середины июня Ленин делал все возможное для того, чтобы предотвратить восстание». Тем не менее они вынуждены возглавить стихийное выступление народа, дабы спасти его.

Июльская демонстрация 1917 г. в Петрограде

Страна буквально разваливалась на части... Народ видел вокруг себя ярмарку тщеславия, буффонаду, фарс. Бездарные марионетки заправляют страной. Наверху сумасшедшие мессии, извращенцы, авантюристы, спекулянты, шпионы, шлюхи, пьяницы, клоуны. В окопах, на полях битв, в концлагерях, в лазаретах, на мрачных фабриках, в тюрьмах и кутузках люди не видят белого света. В низах общества — все больше людей ожесточившихся сверх меры, оторванных от полезного и созидательного труда, приученных к постоянному насилию, убийству, пьянству, разбою и обозленным на весь белый свет. В декабре 1917 г., сразу после Февральской революции, немцы направляют правительству доклад, где описывается обстановка в империи: «Обстановка в самой России неопишима... Образовалось множество различных независимых республик, и последняя новость — возникают уже немецкие республики военнопленных. В некоторых местах, где были расположены лагеря военнопленных, хаос и беспорядок позволили пленным взять управление и организацию питания в свои руки, и сейчас они кормят не только себя, но и окрестные деревни. Русские крестьяне чрезвычайно довольны таким оборотом дела и вместе с пленными образовали что-то вроде республиканского правления, которое возглавляют немецкие пленные. Это можно назвать новым явлением в мировой истории. Поистине Россия еще в большей

степени, чем Америка, страна неограниченных возможностей». Ирония оттеняет трагизм ситуации. От России отложились Украина, Прибалтика, Польша, Финляндия. Процесс идёт глубже. Одним словом, земля велика и обильна, а порядка в ней нет! Вспомнились слова двух ярых оппонентов большевиков — П. Столыпина, М. Меншикова. В положениях Всероссийского национального союза, партии русских националистов, были установки, которые, как ни странно, целиком и полностью укладывались в программу и задачи действий большевистских сил (после их победы в 1917 г.). Выступая перед делегатами I съезда ВНС, член ГС ВНС Л.В. Половцов сказал словами П.А. Столыпина: «Русский государственный строй представляется своеобразным строем и именуется националистами — самодержавно-представительным; к этому строю не могут применяться общие конституционные начала». «Когда государственная жизнь течёт нормально, действует незыблемое правило, что ни один закон не может быть издан без согласия законодательных учреждений. Но если государственная жизнь становится на опасный путь, на путь борьбы народного представительства с Главою Государства, то спасти страну и водворить порядок может только Верховная Самодержавная Власть». А за пять месяцев до выступления Столыпина в III Думе, сразу после роспуска II Думы, в июне 1907 г. русский националист М.О. Меншиков, расстрелянный евреями из ВЧК, так выразил суть понимания границ и задач самодержавной российской власти: «В чём же и состоит обязанность единодержавия, как не решать в известных случаях за весь народ? Ибо очень нередко ни народ, ни его представительство не могут взять на себя никакого решения. Именно самые важные случаи в судьбе народной требуют некоего единоличного суждения, где Суперарбитр нации, Самодержец, сдвигает ход истории с мертвой точки». Так. Если бы не большевики с их стальной хваткой, «законами железа и крови» (Суперарбитр), то монархо-либеральные лизоблюды, предатели, авантюристы, политические проститутки погубили бы страну в ходе склок и споров. Большевики сдвинули историю «с мёртвой точки».

Нельзя не сказать и о том, что после того как Временное правительство в результате переворота пришло к власти, оно вскоре оказалось в таком же точно положении, в каком пребывало и царское правительство перед обрушившейся на него катастрофой. В различных слоях общества царят недовольство и смятение. Армия более не желает сражаться. Денег на поддержание хотя бы какой-то стабильности в стране нет. Обещанные ранее Америкой денежные кредиты зависли. Солдатские массы решительно настроены против продолжения мировой войны. Генералы, с одной стороны (как видим из свидетельств Корнилова, Алексеева Деникина и других), подталкивают армию к продолжению войны-бойни, ибо в «мирном стоянии» они видят причину подверженности солдат «заразе» революционного влияния и считают ещё более опасными, нежели даже немцев, а с другой, уже активно подумывают о составлении заговора, теперь уже против буржуазного Временного правительства. Вспомнилась и фраза А.И. Гучкова, которой он характеризовал правительство царя — «Режим фаворитов, кудесников, шутов» (1915 г.), а также сказанное им бывшему военному министру А.Н. Куропаткину. Гучков говорил ему: «России даже после победоносной войны ожидает революция».

Военные же всё чаще и чаще видят спасение России в приходе к власти «сильного человека», иначе говоря, диктатора... В этом плане чрезвычайно важно признание самого Керенского. Он достаточно верно оценивал сложившуюся ситуацию («Русская рево-

Расстрел войсками Временного правительства демонстрации

люция. 1917 год»), показывая, что же на самом деле способствовало «поступательному процессу советизации и большевизации государства». Тот прямо говорил, что задолго до большевиков (а в эти дни месяц шёл за год) идея заговора против правительства Керенского уже возникла в кругах банкиров, финансистов и высшего командного состава армии. Керенский отмечал, что «заговор развивался медленно, систематически, при хладнокровном расчёте всех шансов на успех и провал. Мотив, руководивший заговорщиками, и не менее вдохновлявший сторонников заговора, не имел ничего общего с чувством бескорыстного патриотизма. Наоборот, он был весьма корыстным, продиктованным... не личными, а классовыми интересами». Мы не станем комментировать тут уровень «патриотизма» и той же «бескорыстности» тех, кто ещё вчера «валил» царское правительство. Полагаю, тут всё ясно без слов и так.

По словам Керенского, идея заговора с целью свергнуть Временное правительство зародилась в Петрограде ещё в мае 1917 г., а, возможно, даже и раньше, «в кругу банкиров и финансистов». И хотя подробности конспиративной деятельности буржуазной группы реакционеров были мало известны, однако всё началось с создания денежных фондов и зондирования настроений в военных кругах. Этому способствовал, конечно, и развал армии. Всё это и подвигало военных к мысли о диктатуре. 20 мая в могилёвской Ставке Верховного главнокомандующего ген. Алексеева состоялось первое офицерское совещание, которое привело к созданию Союза офицеров, организации, весьма близкой к Генеральному штабу. На фронт направлялись специальные эмиссары ЦК Союза офицеров, которые занялись вербовкой сторонников диктатуры в действующей армии. Первым кандидатом в диктаторы был Алексеев, следующим стал адмирал Колчак. Когда же Колчак уехал в США, поиски «генерала на белом коне» продолжались. Таким образом, всё шло по закону жанра заговора. Тесная компания буржуазных заговорщиков возникла до большевиков. Сюда входят финансисты, штабные офицеры, петроградские и московские политики, которых «ото-

двинуло в сторону свержение монархии». Такая атмосфера царила в самом буржуазном стане накануне выхода на арену большевиков и народных масс, ещё до того как тень огромной фигуры Ленина стала «подниматься над горизонтом» (Ллойд Джордж).

Вначале российской буржуазии удалось с помощью верных войск отбить первый натиск социалистических сил... И кадетская газета «Речь» с глубоким удовлетворением писала в те дни, торжествуя: что большевизм полностью и окончательно себя скомпрометировал, что он «умер... внезапной смертью». Журналист Бурцев заявил, что «Ленин с товарищами обошлись нам не меньше огромной чумы или холеры». Изданы приказы об аресте деятелей большевиков (Ленина, Троцкого, Каменева, Зиновьева и других). Контрразведка штаба округа 1 июля составила список 28 большевиков во главе с Лениным для их последующего ареста. Разгрому подверглись редакция и типография «Правды» (лишь за полчаса до прибытия юнкеров оттуда ушел Ленин). Товарищ министра юстиции Временного правительства открыто объяснил цель сей операции: «Нужно было повернуть психологию масс в отношении к большевикам, нужно было нанести им моральный удар, дабы отвлечь от них симпатии масс». Министр юстиции Переверзев ставил перед своими «законниками» задачу: «Докажите, что большевики изменники, — вот единственное, что нам остаётся». Буржуазная печать обвинила В.И. Ленина в измене. Выявились серьезные разногласия и между большевиками, меньшевиками и эсерами. Последние винили большевиков в анархизме, в развале армии, в попытке переворота, в измене революции.

Члены Петербургского Совета рабочих депутатов на скамье подсудимых

Орган ЦИК Советов газета меньшевиков «Известия» 6 июля 1917 г. язвительно писал: «Чего же добились демонстранты 3 и 4 июля и их признанные официальные руководители — большевики? Они добились гибели четырехсот рабочих, солдат, матросов, женщин и детей... Они добились разгрома и ограбления ряда частных квартир, магазинов... Они добились ослабления нашего на фронтах... Они добились раскола, нарушения того единства революционных действий, в которых заключается вся мощь, вся сила революции... В дни 3—4 июля революции был нанесен страшный удар». Очевидно, что это был удар скорее в спину тем, кого в первую очередь меньшевики и эсеры называли «товарищами». А меньшевики и эсеры как безусловные адепты буржуазных партий, конечно, политически были глубоко удовлетворены победой русской буржуазии.

Попытки Временного правительства подавить большевиков в зародыше успехом не увенчались. Правда, правительственные войска захватили особняк Кшесинской (там тогда размещался ЦК партии большевиков), Петропавловскую крепость, выдали ордера на арест Ленина, Троцкого, Зиновьева, и даже арестовали Каменева, Троцкого, Луначарского. Схватить Ленина, устроить над ним «суд» не удалось. Ставки велики. Как нечто разумеющееся Ленин скажет Троцкому в те дни: «Теперь они расстреляют нас. Для них это наиболее удобный момент». Скорее всего, так случилось бы, но Ленин успел уйти, укрывшись в Разливе (знаменитый шалаш). Он анализирует сложившееся в России положение и пишет тезисы «Политическое положение», брошюру «К лозунгам», статью «О конституционных иллюзиях» и другие работы. Их вывод таков: контрреволюция организовалась, укрепилась, взяла власть в государстве в свои руки. Главные её силы — партия кадетов (крупной буржуазии), Генштаб и командные верхи, Керенский и черносотенно-буржуазная пресса. В тот же лагерь фактически перебежали меньшевики и эсеры во главе с Церетели и Черновым, превратив Советы и «революционные» партии «в фиговый листок контрреволюции». Поразительна чёткость и ясность мысли великого вождя, гения революции. Он

Кукрыниксы. Ленин в Разливе

прямо призывает большевиков покончить с иллюзиями. Эти господа, убеждает он, без боя власти не отдадут: «Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно. Объективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих, возможная лишь при совпадении его с глубоким массовым подъёмом против правительства и против буржуазии на почве разрухи и затягивания войны». В России налицо уже сложившийся блок буржуазии, военных, промышленников и меньшевиков.

Контрреволюция торжествовала недолго. Через два-три месяца соотношение сил в центре событий (прежде всего, в Москве и Петербурге, где у большевиков имелся «могучий ударный кулак», на фронтах войны и на Балтийском флоте) меняется, и на сей раз окончательно в пользу большевиков. События в стране нарастают как снежный ком. Правительство не управляет ситуацией. Обострились проблемы экономики: наблюдается общий спад промышленного производства, падает производительность труда, быстро нарастает инфляция. Количество денег в стране за время от февральского переворота до свержения Временного правительства увеличилось на 90%. По сравнению с дореволюционным уровнем (царским) рубль упал до 25 коп. Реальная заработная плата рабочих накануне Октябрьской революции составляла уже примерно 57% от уровня довоенной. Налоги в казну страны перестали поступать. Вполне реальна и угроза голода. Хлебная

норма на одного рабочего составляла в Москве и Петрограде в августе-сентябре 1917 г. менее 200 граммов в день. По стране прокатилась волна голодных бунтов. Не удивительно, что на три месяца (август-октябрь) пришлось $\frac{2}{3}$ общего числа выступлений и $\frac{4}{5}$ стачек. Революционные события октября 1917 г. обычно привязывают исключительно к столицам. Это не так. 1 сентября 1917 г. началась общеуральская политическая забастовка (110 тыс. рабочих), бастовали железнодорожники страны (39 из 51 железных дорог), бакинские нефтяники (65 тыс. рабочих и служащих), текстильщики Центрально-промышленного района (300 тыс.) и т.п. А это означало, что Россия в результате политики российской буржуазии движется в сторону новой революции.

Глава 2. Установка Ленина на восстание. Великий Октябрь. Победа Народной Революции

Вихри враждебные веют над Россией. Ленин в письме к Центральному комитету РСДРП в сентябре 1917 г. даёт установку на начало вооруженного восстания в Петрограде... «Перед нами налицо все объективные предпосылки успешного восстания.

Перед нами — исключительные выгоды положения, когда только наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда только наша победа в восстании даст крестьянству землю немедленно; когда только наша победа в восстании сорвет игру с сепаратным миром против революции, сорвет ее тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий, мир в пользу революции». Он ставит задачу перед партией организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их «к отчаянному последнему бою». В.И. Ленин был абсолютно уверен в победе революционных сил, ибо за большевиками шло «большинство народа», а именно «в этом гвоздь общенародного характера революции». История распорядилась так, что благодаря победе буржуазной революции у «якобинцев» в России появилась возможность двигаться дальше — по пути социалистической революции. Мы сейчас не будем пускаться в сложные дискуссии на тему о том, возможна была или нет эта политическая метаморфоза. То, что та воплотилась в жизнь, причём со странной и даже удивительной легкостью, свидетельствует в её пользу. Дело социализма «верно», ибо оно одержало победу. В конце концов так было и так будет всегда. Победы Карфаген в битве с Римом — иной была бы судьба Римской империи (возможно, её не было бы вовсе). Стань в битве с Европой Наполеон победителем, возможно, единая Европа стала давно бы реальностью. Окажись Николай II более сильным, волевым, жестким политиком, Россия не рухнула бы в военную пропасть. Царь договорился бы с Вильгельмом. Французы и англичане тогда не решились бы в одиночку начинать битву против Центральных держав, включая Россию.

Пора опровергнуть мнение, что социалистическая революция в России будто бы была не выражением воли большинства народа, а актом кучки заговорщиков. Опровергнут и миф о немецких деньгах и большевиках-шпионах. Хотя до сих пор раздувают жареные факты, ставя в вину вождям большевиков... В начале войны находившийся в Кракове Ленин был интернирован вла-

И. Билибин. Как немцы большевика в Россию выпускали

стями Австро-Венгрии и Германии. Его почти сразу выпустили по ходатайству видного австрийского социал-демократического лидера Ф. Адлера. В телеграмме министерства внутренних дел Австро-Венгрии от 23.8.1914 г., что направлена полиции Кракова, говорилось: «По мнению д-ра Адлера Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях». Ныне факты из жизни Ленина (слова «царизм в сто раз хуже кайзеризма», проезд в «пломбированном вагоне» через Германию в Россию Ленина, Мартова, Крупской, т.е. 30 русских эмигрантов в марте 1917 г.) намеренно интерпретируют как намерение лидеров большевиков служить немцам верой и правдой. Сие жульничество платных писак буржуазии ничто иное как подлость и обман. Тем более что Ленин никогда и не скрывал «криминала», отправив телеграмму Карпинскому в Женеву: «Германское правительство лояльно охраняло экстерриториальность нашего вагона. Едем дальше». Говорят, что путешествие было довольно приятным (в Берлине немцы детей обеспечивали молоком). С собой эмигрантам разрешено было взять шоколад и другие продукты. В письме Ганецкому и Радеку Ленин уже после возвращения в Россию (12 апреля 1917 г.) скажет об этом эпизоде: «Буржуазия (+ Плеханов) бешено травят нас за проезд через Германию. Пытаются натравить солдат. Пока не удастся: есть сторонники верные. Положение архисложное». Пульман, в котором большевики возвращались в Россию, Черчилль назвал «вагоном с чумой» (в иносказательном смысле). Но вояж в «запломбированном вагоне» (на деле это был полумягкий-полужесткий вагон) не было чем-то из рук вон выходящим. Революционеры

в случае крайней необходимости и ранее прибегали к такому способу передвижения. По свидетельству кондуктора И. Мшвибадзе (1904), когда во время столкновений в ходе маёвки (18 апреля/1 мая 1904 г.) серьёзно избили Сталина, тому пришлось срочно исчезнуть из Баку. И вот, по утверждению того же источника, Сталина тогда вывезли из Баку в «запломбированном», но в товарном вагоне. Полагаю, что немцы решили в 1917 г. одним выстрелом убить двух, а то и трёх зайцев: изгнать из своей страны иностранцев-революционеров (там и своих хватало!), осложнить ведение военных действий противнику (России и Антанте), не отказав себе при этом в огромном удовольствии — ещё и выгнать евреев.

Хотя и заинтересованность немцев в сей акции не вызывала сомнений. После посещения швейцарским социалистом Ф. Платеном немецкого посольства в Берне, во время которой тот изложил просьбу Ленина и его коллег переправить их в Россию, немецкий посол фон Ромберг сообщил об этом в Берлин: «Секретарь социал-демо-

П. Гинденбург и Э. Людендорф

кратической партии Платтен разыскивал меня по поручению группы российских социалистов, вождями которых, в частности, являются Ленин (sic!) и Зиновьев (sic!), чтобы передать просьбу о незамедлительном разрешении на проезд некоторого числа (от 20 до максимум 60 человек) наиболее выдающихся эмигрантов... При нашей исключительной заинтересованности в их незамедлительном отъезде я настоятельно советую срочно дать разрешение, приняв все поставленные условия...» Известно мнение Вильгельма II: «Я бы не стал возражать против просьбы эмигрантов из России...». Канцлер фон Бетман-Гольвег, которому сразу же доложили о мнении императора, немедленно телеграфировал кайзеру 11 апреля: «...Немедленно с началом революции в России я указал послу Вашего величества в Берне установить связь с проживающими в Швеции политическими изгнанниками из России с целью возвращения на родину, поскольку на этот счёт у нас не было сомнений, и при этом предложил им проезд через Германию...» Напомним, что в апреле 1917 г. у власти в России уже находилось Временное правительство. Будучи повязано с Антантой прочнейшими узами, оно стояло горой за продолжение войны против Германии. Большевики и Ленин, известно, ратовали за выход из этой войны и за мир с Германией. Мотивы сторон понятны. Немецкий посол в Дании, граф Ранцау их выразил более чем прозрачно: «Можно считать, что, по всей вероятности, через какие-нибудь три месяца в России произойдет значительный развал, и в результате нашего военного вмешательства будет обеспечено крушение русской мощи». И уже в 1919 г. немецкий генерал Людендорф писал в воспоминаниях: «...Посылая Ленина в Россию, наше правительство возложило на себя особую ответственность. С военной точки зрения это было оправдано». Так осуществлен известный въезд Ленина и его коллег-социалистов в Россию. Путь лежал через Германию, был согласован с немецкой властью и военными. О том же писали лидер социал-демократической партии, впоследствии канцлер Германии Шейдеман, социал-демократ Бернштейн и др. Последний потом заметил: «Известно, и лишь недавно это

Немецкие войска в России

вновь было подтверждено генералом Гофманом, что правительство кайзера по требованию немецкого генерального штаба разрешило Ленину и его товарищам проезд через Германию в Россию в запломбированных салон-вагонах с тем, чтобы они могли в России вести свою агитацию. Ленин и его товарищи получили от правительства кайзера огромные суммы денег на ведение своей разрушительной агитации. Я об этом узнал еще в декабре 1917 года... Но я тогда не мог узнать, как велики были эти суммы денег и кто был или были посредником или посредниками (между правительством кайзера и Лениным). Теперь из абсолютно достоверных источников выяснил, что речь шла об очень большой, почти невероятной сумме, более 50 миллионов золотых марок». Понятно, что Ленин знал источник тех денег, догадывался он и о двойной роли Парвуса. Найденные после второй мировой войны архивные документы подтвердили как «план Парвуса», так и факт получения им крупных денежных сумм от германского правительства. И что!? Что отсюда следует?

Финансы для революции, а точнее для всех революций были нужны всем. В США правительственный Комитет общественной информации с санкции президента Вильсона публиковал ряд документов, попавших в руки американцев (1918). Интерес вызвало указание Германского Имперского банка №7433, направленное представителям всех германских банков в Швеции (2.3.1917 г.): «Вы сим извещаетесь, что требования на денежные средства для пропаганды мира в России будет получаться

Отто фон Бисмарк

(вами) через Финляндию. Требования будут исходить от следующих лиц: Ленина, Зиновьева, Каменева, Коллонтай, Сиверса и Меркалина, текущие счета которых открыты в соответствии с нашим приказом №2754 в отделениях частных германских банков в Швеции, Норвегии и Швейцарии. Все требования должны быть снабжены подписями «Диршау» или «Волькенберг». С любой из этих подписей требования вышеупомянутых лиц должны быть исполняемы без промедления». Эти немецкие средства «на революцию» доставлялись и через швейцарского коммуниста Карла Моора (к слову сказать, однофамильца знаменитого шиллеровского разбойника), члена кантонального парламента и правительства Швейцарии в 1916 г. Это можно было считать дезинформацией, выгодной Временному правительству, которое и возбудило дело по обвинению Ленина, Зиновьева и др. в государственной измене. Обвинение выглядело очень серьезно в условиях войны и военного времени. В будущем советская власть будет за такие дела, не задумываясь, расстреливать при одном лишь подозрении в шпионстве. Поэтому, когда Моор сообщил большевикам о готовности передать им очередное полученное «крупное наследство», те предпочли от него открес-

титься. Впоследствии, уничтожая все улики по этой теме, большевики (видимо, по оплошности) сохраняют доклад уполномоченных Наркомата по иностранным делам от 16.11.1917 г. Там чёрным по белому написано: «Совершенно секретно. Председателю Совета Народных Комиссаров... Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров тов. Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского мы произвели следующее: 1. В архиве министерства юстиции из дела об «измене» тов. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского имперского банка № 7433 от второго марта 1917 г. с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России. 2. Были пересмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского имперского банка № 2754. Книжки эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина... Уполномоченные народ-

Канцлер Германии князь фон Бюлов

ного комиссара по иностранным делам Е. Поливанов, Г. Залкинд». Мюллер лицо не вымышленное — он в 1918 г. работал в составе германского посольства в Москве в качестве атташе (видимо, разведчиком). Подчеркнем то, что факт своего участия в перекачке денег шведского банка Ниа признал в мемуарах глава Временного правительства Керенский. Без денег не бывает ничего на свете. Все революции, заговоры, перевороты, политическая деятельность демократии требует ещё больших денег.

Одни мировые силы стремились развязать революцию, другие хотели её предотвратить. Ведущие политики Германии тех лет (Бисмарк, Бюлов и др.) сознавали наличие этой угрозы. Канцлер Германии Бернгард фон Бюлов отмечал: «В конце восьмидесятых годов князь Бисмарк однажды сказал мне, касаясь России и Азии: «В России происходят серьёзные волнения, которые легко могут завершиться взрывом. Для сохранения мира в мире было бы лучше, если бы этот взрыв произошел в Азии, а не в Европе. Мы должны быть теперь очень осторожны и не стоять на пути, иначе удар придётся по нам». В этом ряду можно привести и фразу Бисмарка, что социализму лучше бы отдать на заклание страну, которую не будет жалко. Такой страной в их представлении была Россия. Несомненно, немцы рассчитывали при этом и хорошенько пожить за счёт России, для этих целей используя большевиков, евреев, деньги, да хотя бы и самого чёрта. 16 мая 1918 г. (в Дюссельдорфе) лидеры немецкой экономики единогласно пришли к решению, что Германии необходимо закрепить за собой военную оккупацию обширных областей России, Прибалтики, Украины — с ясной целью последующего их «освоения». Причем на максимально долгий срок... Предполагалось и «более глубокое финансовое проникновение в Россию для сохранения политического и военного превосходства Германии». Среди главных целей немецкой оккупации была поставлена такая задача: «облегчить ведение войны путем использования русских источников и запасов». Однако немцы-то прекрасно понимали, что большевики не являются их «агентами» и «союзниками», и записали в протокол, что такое станет возможным «только в том случае, если на место большевистского режима придет

**Долой черту оседлости.
Привет Америке**

новый порядок вещей». Показательное признание. Данные контрразведки Временного правительства о связях русских революционеров с немцами указывают на то, что документ сляпан кое-как и явно наспех. Приводя список «немецких агентов» «Георгия Зиновьева, Павла Луначарского, Николая Ленина, Виктора Чернова, Марка Натансона»,

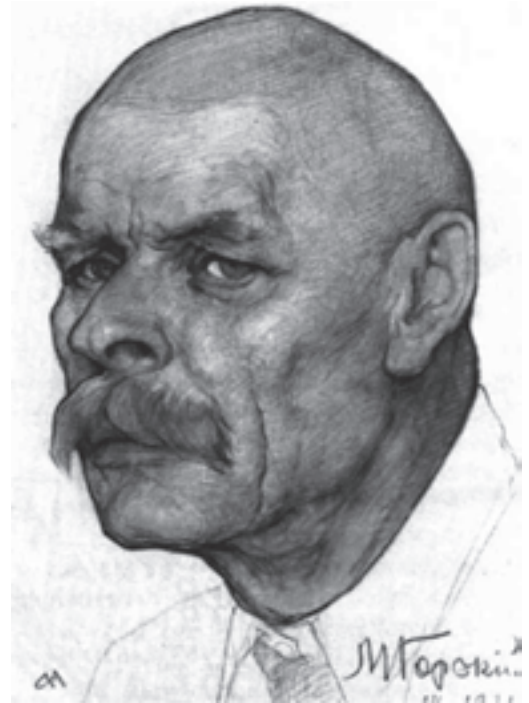
Статуя Свободы в США

та не сочла нужным проверить имена революционеров, безбожно переврав их. На это указывал и Ф. Раскольников: «Вот как неподражаемо работает поглощающая так много народных средств «республиканская» контрразведка. Вот какие безграмотные, насквозь фантастические, сумбурные документы выдвигаются в качестве «несокрушимых» улик». «Немецкие шпионы» — липа.

Были свои планы у еврейских революционеров, которые составляли костяк радикальных партий в России. Для понимания источников финансирования революции в России неплохо прочесть трехтомник Э. Саттона «Западная помощь и советское экономическое развитие» (Том 1: 1917—1930, Том 2: 1930—1945, Том 3: 1945—1965), работа «Уолл-стрит и Большевицкая революция». Э. Саттон описывает американскую и канадскую эпопею Троцкого, привезшего в Россию армию профессиональных революционеров, вскрывает тайную роль клана Морганов в похищении русских золотых запасов, указывает, через какие банки и как осуществляли помощь большевикам. Приподнимает он завесу и над секретной стороной миссии американского Красного Креста, проанализировав механизмы «экономической помощи», направленной на защиту стратегических интересов США в России. Книга Э. Саттона «Уолл-стрит и Большевицкая революция» подтверждает частично теорию антирусского заговора еврейских банкиров и политиков-интернационалистов. Её наиболее ценные выводы легли в основу III главы исследования «Как Орден организует войны и революции». В том числе демократические.

Таких людей можно было назвать своего рода социал-демократическими цыганами. Немало кочевало их по Европе, России, Америке. Им было абсолютно чуждо понятие родины... Преимущественно, это были евреи, которые привыкли за тысячи лет к кочевой жизни. Родина для них ничто, а деньги — всё... Частицей сего «Ордена» был и А.Л. Парвус (Гельфанд), занимавшийся перекачкой и отмывкой «германских денег», в том числе на нужды коммунистической революции. Этот одесский еврей ещё в молодости познакомился с Г.В. Плехановым, П.Б. Аксельродом и Верой Засулич в Цюрихе (под их влиянием он и стал марксистом). В 1891 г. Парвус окончил Базельский

университет, получил степень доктора философии и перебрался в Германию, где вступил в немецкую социал-демократическую партию. Он заявлял в 1918 году: «Изменив своей родине — России, я изменил и тому классу, из которого вышел, — буржуазии. Тогда же я отошел и от русской интеллигенции». Парвуса в жизни интересовали две вещи — деньги и женщины. Любви к отечеству он не знал и однажды честно признался В. Либкнехту: «Я ищу государство, где человек может дешево получить отечество». Он пописывал разного рода статейки на политические темы (война, революция, голод в России). Его перу принадлежит ряд трудов. Личность то была энергичная и эксцентричная. Весьма... В дни первой русской революции он приехал в Петербург и тут же с головой окунулся в революционную стихию, вместе с Троцким войдя в Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Он развил бешеную деятельность, за что был осужден и приговорен к ссылке в Туруханск. Ему удалось бежать, и он обосновался в Германии. О его нравственном облике свидетельству-

Максим Горький

«Дорогая моя закулиса»

ет вот такая история... На нужды немецкой социал-демократии М. Горький решил передать $\frac{3}{4}$ гонорара за пьесу «На дне»... Ю.П. Анненков вспоминал: «Благодаря его популярности и его имени Горький оказывал партии значительные услуги. Ещё много ранее Октябрьской революции Горький материально поддерживал партию, которая в те времена не обладала большими возможностями, если не считать некоторых вульгарных экспроприаций вроде тех, что производились Сталиным. Горький умел, как никто иной, «вытягивать» деньги у богатых людей для «подбодрения демократов» и «передовых политических организаций», не упоминая, конечно, никогда партию большевиков. Крупные капиталисты, владельцы заводов, либеральные банкиры, польщённые личным знакомством с большим писателем, чувствовали себя не в силах отказать Горькому, который пересылал их деньги Ленину. Когда произошла революция, то эти наивные благодетели оказались в числе её первых жертв. Урок, который следовало бы запомнить. — Что поделаешь! Это называется «ходом истории», —

сказал мне Горький, нескрываяемо разочарованный». Очевидно, такое же разочарование он испытал и с Парвусом.

Горький и передал Парвусу уверенность на получение гонорара за постановку своей пьесы в Германии. Пьеса за 4 года обошла все театры Германии и принесла автору около 130—150 тыс. марок. Но, получив эти деньги, Парвус истратил их не на помощь партии или пролетариям, а предпochёл съездить в Италию, в приятное путешествие с соблазнительной кокеткой... Приверженность Парвуса русскому богемному стилю жизни была широко известна... Горькому потому показывали эту девицу. Любивший женщин, глядя на красавицу, на которую ушёл его гонорар, пролетарский писатель философски и даже с некоторой завистью изрёк: «Дорогая вы моя!»

Социал-демократы возмущались, и Парвусу пришлось убраться в Константинополь. Но Парвус и там не пропал. Еврей стал политическим, финансовым советником при правительстве младотурок. Тогда же понял, сколь выгодной может стать политика. «Турецкий подданный» Гельфанд очень разбогател в итоге — и стал довольно видной фигурой мировой закулисы. Он занимался в том числе и вопросами снабжения немецкой армии, был крупным спекулянтом и вообще имел в обороте большие деньги. С началом Первой мировой войны он критиковал «патриотов» (Плеханова и др.), призывая российских социал-демократов всячески способствовать поражению России «в интересах европейской демократии». Так вот и созрел у него план — «как погубить Россию». Он объявился у германского посла в Константинополе фон Вагенхейма, предложив ему: «Российская демократия может достигнуть своей цели только через окончательное свержение царизма и расчленение России на мелкие государства. С другой стороны, Германия не будет иметь полного успеха, если ей не удастся вызвать в России большую революцию. Но русская опасность для Германии не исчезает и после войны до тех пор, пока Российское государство не будет расчленено на отдельные части. Интересы германского правительства и интересы русских революционеров таким образом идентичны» (1915). Историк В. Шамбаров так пишет о Парвусе: «Свою родину он ненавидел. Еще в Русско-японскую искал

Тесная компания: Парвус, Троцкий, Дейч

контактов с ее противниками, а затем сам предложил свои услуги немецкой разведке. Через него огромные суммы из Берлина переправлялись в Стокгольмский Ниа-банк, а оттуда уже, при посредничестве Якова Ганецкого (доверенного лица Ленина и немецкого агента), переводились в российский Сибирский банк на счета М. Козловского и Б. Суменсон. Непосредственное участие в этих махинациях принимал и К. Радек (Собельсон), также являвшийся кадровым шпионом Германии». Несомненно, участие германских сил и их спецслужб в планировании акций против воюющей России имело место. Но разве же только германских? Можно согласиться с утверждением историка, что «разложение России во многом стало результатом целенаправленных диверсий». Но чьих диверсий? Разве только немецких? У нас сегодня есть основания говорить об участии в событиях в России всех без исключения ведущих стран мира (Англии, США, Японии, Германии, Франции, Австро-Венгрии, Италии), их вооруженных сил, банков и разведок. В этой схватке за Россию всем нужны были деньги. В том числе и революционерам. Поэтому Ленин и обращался к Ганецкому в Стокгольм с просьбой: «На отношения Питера с Стокгольмом не жалейте денег!!» (30 марта 1917 г.)

Парвус предложил немцам выделить солидные суммы денег на поддержку не толь-

ко революционеров, но и писателей, которые будут принимать «участие в борьбе против царизма даже во время войны», а также на поддержку сепаратистского движения на Кавказе, на Украине, в Финляндии. Немцы тут же его пригласили в Берлин (6 марта 1915 г.), где он побывал на приеме у госсекретаря Ягова, выдали ему немецкий паспорт, а затем 2 млн марок «на поддержку русской революционной пропаганды». О его роли в русской революции известно со слов разных лиц. Так, З. Земан принимал участие в обработке 400 тонн немецких документов из МИДа, вывезенных в Англию после поражения Германии во второй мировой войне. Он изучил немецкие документы, из ко-

торых ясно, что Парвус хотел ослабить Россию «территориально и организационно», дабы освободить Европу от «реакционного» восточного колосса. В его «Меморандуме» говорилось, что к весне в России надо подготовить массовую политическую стачку под лозунгом «Воля и мир». Центром движения станет Петербург, и там Обуховский, Путиловский, Балтийский заводы. «Следует обеспечить политическим ссыльным возможность выезда из Сибири в европейскую часть России. Это чисто денежный вопрос. Таким образом можно направить в указанные центры революционной работы несколько тысяч дельных агитаторов... Одновременно нужно вести разъяснительную работу в печатных органах, издавать брошюры, поддерживая направление деятельности российских социалистических партий... Попутно кампания в печати сможет оказать заметное влияние на позицию нейтральных государств... Особенное внимание следует обратить на США. Множество уехавших из России евреев и славян составляют весьма восприимчивый к агитации против царизма элемент...» На полученные от немцев деньги Парвус создал в Дании, в Копенгагене, небольшой институт, где работали русские эмигранты (Красин, Воровский, Радек, Ганецкий, возглавивший затем после революции Государственный банк России). Кое-кто называл Парвуса

**Я.С. Ганецкий — замнаркомфина,
глава Народного банка**

«купцом революции». Но был он банкиром провокаций и авантюристом! Что же касается нравственных оценок его личности, обратим к нему его собственные слова, сказанные им в 1919 г. в ответ на нападки противников: «Являюсь ли я просто моральным дегенератом или мне вообще не присуща никакая мораль? Я этого не знаю, но такова моя жизнь. Таким я был, и таков я есть; судите меня, как хотите, но иного пути я не знаю». Вывод: к поражению царизма и к революциям, бесспорно, приложили руку все заинтересованные в ослаблении России силы (Германии, Англии, Франции, США, Японии). В масштабных событиях, каковыми являются все великие революции, участвуют прямо или косвенно самые различные силы... Но ведь никто из серьёзных и вменяемых людей не стал бы утверждать, что они играли решающую, доминирующую роль в событиях в России, или тем более определили исход революции и борьбы. Позже у вас будут основания в этом убедиться, когда речь пойдет об участии стран Антанты в гражданской войне (на стороне сил Белого движения). Антибольшевист-

ским силам не помогли ни Антанта, ни немцы, ни США — и их в итоге разбили!

Конечно, немцы были заинтересованы в поддержке революционеров, поскольку знали об их планах по выводу России из Первой мировой войны. Недвусмысленно высказался тут генерал Гофман: «Разложение, которое русская революция внесла в ряды армии, мы стремились ещё больше углубить путем пропаганды... Немцы, находившиеся с Россией в состоянии войны, имели полное право предпринять все меры для того, чтобы разложить вражескую армию, поскольку русская революция не оправдала наших надежд на заключение мира (Февральская революция 1917). Точно так же, как мы направляли против русских ураганный огонь, точно так же, как мы отравляли их ядовитыми газами, мы имели также полное право использовать против них все средства пропаганды, в том числе и провоз Ленина через германскую территорию...» Уточнил цели этой акции Людендорф, писавший в воспоминаниях: «Наше правительство, посылая в Россию Ленина, приняло на себя тем самым большую ответственность. Это путешествие Ленина оправдывалось с военной точки зрения; (нам) нужно было, чтобы Россия была повержена». *A la guerre comme a la guerre* (франц. — на войне, как на войне). А у американцев и англичан на счет России свои планы.

Однако и это ещё не основание для обвинений в шпионстве. Путь через Германию был более реален, чем через Англию и Францию. Эти страны вряд ли разрешили бы такую акцию, поскольку она была не в их интересах (большевики ратовали за выход России из войны, а Антанта была кровно заинтересована видеть Россию воюющей на её стороне). Когда в сентябре 1917 г. подвергли допросу Г. Плеханова (желая выяснить связи большевиков с немецкой разведкой), тот, будучи сторонником «оборончества», борьбы с Германией, всё же заявил: «Эта неразборчивость Ленина позволяет допустить, что он для интересов своей партии мог воспользоваться средствами, заведомо для него идущими из Германии. При этом я исключаю всякую мысль о каких-либо корыстных намерениях Ленина. Я убежден, что самые предосудительные или даже преступные с точки зрения закона действия совершались им ради торжества его тактики. На

вопрос о том, почему Германия могла служить Ленину своими средствами, отвечая, что тактика ленинская была до последней степени выгодна (Германии), крайне ослабляя боеспособность русской армии. Недаром германская печать нередко с нежностью говорила о Ленине как об истинном воплощении русского духа. Но повторяю, я говорю только в пределах психологической возможности и не знаю ни одного факта, который доказывал бы, что психологическая возможность перешла в преступное действие». Кстати, когда Парвус захотел в дальнейшем вступить с большевиками в более тесные отношения, Ленин отвалил его, сказав, что хотя Советам и нужны ясные мозги, но прежде всего и более всего большевики нуждаются в чистых руках. И посол Франции в России М. Палеолог также уверен, что Ленин не мог быть ни немецким шпионом, ни немецким провокатором. Будучи неподкупным человеком, фанатиком революции, он был человек чести и у противников вызывал глубокое уважение. Разговоры же о большевиках-шпионах — злостное измышление.

Заметим, что даже сегодня, когда буржуазии и её слугам просто позарез нужно доказать «факт шпионства» Ленина, её клеветы с сожалением констатируют: «После окончания мировой войны специальные советские послы (Ганецкий и другие) перевезли поронинский архив Ленина в Россию. Доставили почти всё, кроме подписки, данной Лениным австрийскому министру внутренних дел. Об этом писали во многих за-

Эмигранты на пароходе

рубежных периодических изданиях, об этом знали члены Политбюро. Между тем эту подписку по сей день не обнаружили. Почему? Не берусь сразу ответить на этот вопрос». Но с таким же точно «основанием» мы можем обвинить в поддержке большевизма правительства США или Великобритании. Как известно, это по их инициативе был освобожден из лагеря для немецких военнопленных в Амхерсте Троцкий. Сделано

при участии подполковника английской контрразведки К. Дэнси (МИ-6). Господина Троцкого-Бронштейна транспортировали в Россию. Британская газета «Дейли телеграф» опубликовала некоторые рассекреченные спустя 85 лет документы разведывательной службы МИ-6 (2002 год). Англия имела шанс предотвратить возвращение в Россию «демона революции» из США (тот возвращался на борту корабля «Христиания»). Троцкого задержали по пути на «родину». Арест произвели в порту Галифакс, по инициативе руководителя канадского бюро английской разведки У. Вайсмана. Сей

Лев Троцкий-Бронштейн — американский агент?

разведчик предполагал, что помогает тем самым спасти западный мир от заразы социалистического радикализма. У Троцкого нашли тогда крупную сумму денег (10 тыс. долл.). «Бесстрашный» революционер так перепугался, что присел от страха. Способствуя его освобождению и направлению в Россию, «Британия упустила шанс остановить революцию в России».

Однако политики и разведки Запада, настроенные против любой России, знали, что делали. Поэтому, желая ослабления России, и решили запустить «волка в овчарню». По личной просьбе президента США Вильсона руководство британской разведки тогда отпустило Троцкого на все четыре стороны, помогло благополучно еврейскому буревестнику добраться до России. Эта сторона деятельности творца перманентной революции слабо изучена и сокрыта во мраке истории. Революция — это не только история подвигов и мучений, но и история преступлений и хищений, осуществленных еврейской политической мафией в России (Троцкий, его дядя Абрам Животноцкий, жена Троцкого — Седова, ведавшая культурными ценностями, Свердловы, Яков и Бея, Зиновьев, Иоффе, Литвинов, Карahan, Луначарский, многие другие), многочисленных заграничных помощников-авантюристов (Парвус, Хаммер). Конечно, не обошлось без влияния еврейской диаспоры в США и Англии. Роль еврейских кругов Европы и США в финансировании революционных процессов и заговоров в России известна мало. Исследователь масонства В. Иванов привел ряд документов, указавших на участие ряда еврейских банковских организаций в событиях. «Копенгаген. 18 июля 1917 г. Г-ну Руфнеру, Гельсингфорс. Милостивый государь. Настоящим предупреждаем Вас, что со счета Дисконто-Гезельшафт переведено по приказу Синдиката на счет г-на Ленина в Кронштадт 815 000 марок. Просим получение подтвердить. Ниландевей, 98, Копенгаген. В. Ганзен и К. Свенсен». В другом месте читаем: «Стокгольм, 21 сентября 1917 г., господину Рафаэлю, Сколан, Гапаранда. Дорогой товарищ, контора банкирского дома М. Варбург, вследствие телеграммы от председателя Рейнско-Вестфальского синдиката, открыла текущий счет для предприятия товарища Троцкого. Доверенный закупил ору-

Якоб Генри Шифф

жие и организовал его отправку и сдачу в Люлео и Ворде на имя конторы «Эссен и сын» в Люлео — получатели, и лицо, уполномоченное получать деньги по указанию товарища Троцкого, — И. Фюрстенберг». Автор пишет далее: «Октябрьская революция была поставлена на чисто коммерческую ногу — с чеками, текущим счетом и выполнением подряда. Конторы банкирских домов посылали деньги, оружие и комиссионеров от революции». Но позвольте, а разве Февральская революция не делалась на такие же деньги?! Разве гражданская война в России не велась белыми в основном на деньги Запада?! С полной уверенностью можно сказать одно: все без исключения соперничающие силы в России искали деньги на достижение своих целей и получали их. У одних только это были деньги на продолжение мировой войны, а затем и на борьбу против большевиков (деньги кадетов, либералов, монархистов, Запада и проч.), у других же — на большевистскую революцию. Пойдите же дальше и спросите себя: «Разве «демократическая революция» в СССР в 1990—2000 гг. не была по сути дела полностью осуществле-

на на американо-западные, в значительной мере на еврейские деньги?!» Более всего выиграли от неё именно еврей-олигархи!

Конечно, об этом умалчивают сегодня отечественные и зарубежные историки. Хотя есть десятки и тысячи серьёзных улик, прямых и косвенных, указывающих на прямое финансирование Англией, США, Францией буржуазной революции в России, а заодно контрреволюции конца XX в. Одним из финансовых интервентов был еврей американского происхождения Я. Шифф. Сегодня это мощные еврейское лобби в США, Англии, Израиле и в России... Из крупных развитых стран мира была одна, к которой долгое время не удавалось подступиться — это была Россия. Говорят о продуманной политике России в конце XIX — начале XX вв. Та якобы начала приносить локальные успехи: несмотря на всяческие потрясения, империя стояла, как скала. Конечно, все эти сказки о России, стоявшей как скала, рассказываются только для невежд, которые не знают элементарной истории. Хотя в мутной воде войн и революций очень многие желали бы «поудить рыбку». Так,

Натан Ротшильд с сыновьями

опьяненные своим успехом в Европе и США, банкиры больше не хотели ждать — и тот же Яков Шифф был назначен «ответственным по России». Для пользы дела ему были вручены 20 млн. долларов — и он их использовал по назначению. Общим местом считают операцию германского генштаба по финансированию большевиков через посредство международного авантюриста Израиля Гельфанда (Парвуса). Но та операция началась лишь в 1915 г., тогда как Шифф в США стал организовывать мероприятия гораздо раньше — возможно, лет на 5. Эта тема гораздо менее разработана и ждет, пишет автор, внимательных исследователей — причем, «надо полагать, касается она отнюдь не октябрьской революции, а февральской». Кроме ранее указанных мотивов, некоторыми финансистами русской революции двигали и соображения мести. Дело в том, что в 1880 г. на нефтяных месторождениях российской империи впервые появился один из парижских Ротшильдов — Альфонс. Он как-то сумел разузнать о финансовых трудностях с постройкой железной дороги Баку-Батум, и — как обычно у Ротшильдов, «совершенно бескорыстно» — помог их решить, в обмен на что получил «пустяковую награду» в виде права льготного владения бакинскими нефтепромыслами. Поскольку действовать в условиях свободной конкуренции он и подобная ему публика не привыкли, он быстро сориентировался и где подкупом, а где иными методами добился к 1887 г. полной монополии на перевозки нефти по Закавказской железной дороге. Иногда он месяцами не пропускал по 500—600 цистерн нефти, принадлежавшей другим фирмам. За это приходилось платить большие неустойки, но игра стоила свеч: конкуренты в конце концов разорялись. Деловое сообщество взъерилось, так что в 1888 г. городская управа Батума при бурном одобрении народонаселения отказала Ротшильду в праве провести трубопроводы от нефтескладов к пристани. Мудрый Александр III 3 июня 1892 г. дозволил иностранным обществам и евреям приобретать в пользование и собственность нефтеносные земли «не иначе, как с особого ...разрешения министра государственных имуществ, по соглашению с министрами внутренних дел и финансов и с гражданской частью на Кавказе». Ротшильд

предпринял тогда попытку перенести центр своей активности из Баку в Грозный, где создал одну из крупнейших на тот момент нефтяных компаний «Русский стандарт».

Однако установить монополию и бесконтрольно пользоваться ресурсами империи не удавалось. Последним ударом стало решение царского правительства провести из Баку к побережью Черного моря не нефтепровод, как того хотел Ротшильд, а керосинопровод — т.е. транспортировать и вывозить за границу не сырую нефть, а нефтепродукты (то, к чему ныне стремимся). Это было крайне выгодно для страны, поскольку сырая нефть в России была исключительно дешевой (на порядок дешевле, чем в США, где цены искусственно держал на высоком уровне рокфеллеровский трест Стандарт Ойл), а вот керосин стоил уже в 10 раз дороже. Поскольку местная переработка нефти никак не входила в сугубо колониальные замыслы Ротшильда, ему там стало совсем не интересно, но обиду свою на русских он запомнил крепко. Еще до начала первой мировой войны Ротшильд благоразумно продал свои предприятия на Кавказе англо-голландскому концерну Ройял Датч / Шелл. Тем самым от собственности в России он избавился — и тут же упомянутый Якоб Шифф стал искать пути использования для революции в России нивесть откуда взявшиеся у него 20 млн долларов... Вообще эта тактика «управляемых революций» использовалась вышеописанными кругами нередко — и иногда давала сбой». Деньги Шиффа, скорее всего, и были вброшены на поддержку Февральской «революции»...

Французский посол в России М. Палеолог

В.Д. Набоков, управляющий делами Временного правительства писал, что Милюков обвинил Керенского в том, что в числе факторов, содействовавших перевороту, т.е. Февральской революции, сыграли роль немецкие деньги. Тот возмутился, но серьезно опровергнуть обвинения не смог. Набоков («Временное правительство и большевистский переворот») писал: «В какой мере германская рука активно участвовала в нашей революции — это вопрос, который никогда, надо думать, не получит полного, исчерпывающего ответа».

Немцы, англичане, американцы, японцы и, конечно, евреи преследовали свой интерес в проекте «русские революции». Все понимали, как заметил Палеолог, что «революция в воздухе». Понимали эти хитроумные замыслы Запада и большевики... Например, на VI съезде РСДРП И.В. Сталин характеризует действия лидеров европейских стран, США и буржуазных правительств России как измену и контрреволюцию, и он абсолютно прав (27.07.1917): «Есть еще третий фактор, усиливший контрреволюционные силы в России: это союзный капитал. Если союзный капитал, видя, что царизм идет на сепаратный мир, изменил правительству Николая, то ему никто не мешает порвать с нынешним правительством, если оно окажется неспособным сохранить «единый» фронт. Милюков сказал на одном из заседаний, что Россия расценивается на международном рынке, как поставщик людей, и получает за это деньги, и если выяснилось, что новая власть, в лице Временного правительства, неспособна поддерживать единого фронта наступления на Германию, то не стоит и субсидировать такое правительство. А без денег, без кредита правительство должно было провалиться. В этом секрет того, что кадеты в период кризиса возымели большую силу. Керенский же и все министры оказались куклами в руках кадетов. Сила кадетов в том, что их поддерживал союзный капитал». И по словам Ленина, Временное правительство выступало как «приказчик миллиардных фирм: «Англия» и «Франция»». Как писал историк А. Улам (США), Сталин в 1917 г. уже входил в политическую когорту тех, кто «рассматривал бесчисленные проблемы власти в холодном неэмпириальном свете» и «впечатлял своих кол-

Приезд В.И. Ленина в Петроград

лег прозаической практичностью». К апрелю 1917 г. он был политической фигурой первого плана в России — известный революционер-организатор рабочего движения в Закавказье, видный большевик и признанный лидер-практик, признанный теоретик по национальному вопросу в партии. Но буржуа хотят преуменьшить его роль.

О том, что немцы, французы, англичане, американцы, японцы открыто финансировали контрреволюцию в России, известно всем и вся... Видимо, они и сейчас финансируют ее сторонников. Западные страны не раз использовали в отношениях с Германией приманку «мир на Западе в обмен на свободу рук на Востоке». В обоих случаях «мир» оказывался фикцией и привел к мировым войнам. Влияние социалистов в Германии в конце XIX — начале XX вв. возросло, что побудило правительство принять законы против социалистов. Хотя А. Бебель и В. Либкнехт, вожди германской социал-демократии, открещивались от революционного насилия, их речи в адрес монархии звучали недвусмысленно, угрожающе (1881): «Если... желают сказать, что мы будто бы стремимся к насильственной революции, то это совершенно произвольное утверждение. Мы всегда заявляли, что планомерные, основательные и до конца проведенные реформы могут предупредить насильственную со-

циальную революцию, которая в противном случае явится необходимым последствием нашего политического и экономического развития, и что мы не отвечаем за то, что находится за пределами нашей воли и нашей власти и зависит от воли и власти тех, кто до сих пор являются нашими противниками». Но это означало: если политика правительства Германии не будет отвечать требованиям социал-демократов, то всякое может случиться. Поэтому немецкий Генштаб имел собственный расчёт: если немецкой верхушке удастся помочь началу революции в России, то тем самым, возможно, удастся отдалить угрозу победы социал-демократии дома. Странная

логика, если вспомнить идеи «перманентной революции» Л. Троцкого.

Пока же в начале октября 1917 г. Ленин тайно вернулся в столицу... Нынче иные «демократы» пытаются представить события в России исключительно как верхушечный переворот. Нет ничего более нелепого, что до такой степени не соответствует действительности. Сегодня, когда исторический маятник качнулся в другую сторону (надолго ли?!), у иных возник соблазн и великое искушение посмеяться над социалистами, что и делают (с немалой выгодой для себя) нынешние господа псевдоинтеллектуалы эпохи реставрации капитализма в России. Мы делать этого не намерены. Не только из уважения к мужеству, честности, уму героев-революционеров, а хотя бы из соображений исторической объективности. Лишь невежда, глупец или негодяй может считать социалистическую революцию в России, о которой и пойдёт речь ниже, каким-то подлым переворотом, который без немецких денег якобы не произошел. Тем не менее усиленно насаждается миф о большевиках как о немецких шпионах. Позиция этих мерзавцев исторически уязвима, некорректна и бесперспективна. Она указывает на то, что, видимо, упреки в безнравственности и сервилизме части ученых, бесхребетности и духовном банкротстве части нынеш-

Бронштейн (Лев Троцкий)

ней интеллигенции, увы, небезосновательны. Иные из этих прохвостов и прихвостней сменили позиции с легкостью проститутки, находящейся на содержании у богатых партнеров, охотно их меняя. Таковы они — при смене политической группировки и тех, кто платит. Их природа!

В сентябре большевики взяли под контроль Петроградский Совет... В итоге его Председателем избран Л.Д. Троцкий (1879—1940). Лев Давидович Троцкий (Лейба Бронштейн) — сын еврейского миллионера-помещика. В книге «Моя жизнь» Троцкий писал: «Отец купил у помещика Яновского свыше ста десятин, да десятин двести держал в аренде». Суханов в «Записках о революции» утверждал: «Он был центральной фигурой этих дней и главным героем этой замечательной страницы истории». Конечно, «выкинуть» эту фигуру из истории революции просто невозможно, но переоценивать роль его в событиях, связанных с Октябрьской революцией, не стоит... Человек огромной энергии, бешеного темперамента, жуткого апломба, дьявольской гордыни, он напоминал яковинца Дантона. Троцкий, никогда не отличавшийся скромностью, и не скрывал притязаний на роль

«второго вождя» Октябрьской революции. Об этом он неоднократно говорил и писал в статьях и книгах. В дневниковой записи Троцкого есть ремарка: «Если бы в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции, руководство большевистской партии помешало бы ей совершиться» (25 марта 1935 г.). Он внёс немалый вклад в создание при Петроградском Совете Военно-революционного комитета, поддержал Ленина в решающие дни, но вряд ли роль его была исключительной. Ныне говорят, опираясь на эти слова Троцкого, что социалистическая революция в России — всего лишь злой умысел «двух людей — Ленина и Троцкого». Разумеется, невежеством современных политиков вряд ли кого-то удивишь, но представлять Великую Октябрьскую революцию «делом двоих» равносильно тому, как если бы причиной Великой Французской революции и её начала назвать злой умысел двух заговорщиков — Робеспьера и Марата. Подлинными и главными «виновниками» социалистических настроений Октябрьской революции были, конечно, миллионы крестьян, пролетариев и солдат, испытывавших на себе в течение многих лет всю тяжесть монархического и бюрократического гнета. Возможно, правы те, кто подчеркивает, что Ленин и Троцкий придали-таки революции

А.С. Бубнов

И. Дрездов. Матросы революции

в России радикальный и ультраякобинский характер. Без них ход событий мог бы быть иным. Не меньшую, а большую роль в событиях играл не Троцкий, а Сталин.

Политическая ситуация в России накануне Октябрьской революции была крайне сложной и запутанной... Обратим внимание на настроения пяти главных центров сил на тот момент: 1) временное правительство и его идейные сторонники; 2) большевики и так называемые максималисты; 3) колеблющиеся представители из числа попутчиков (меньшевики, эсеры, даже часть большевиков), противники в рядах интеллигенции или монархистов; 4) армейские части, вооруженный пролетариат, матросы; 5) крестьянство и остальной народ России.

Октябрьскую революцию поддерживали солдаты, матросы, пролетариат, беднейшее крестьянство, студенчество, трудовая интеллигенция... Как скажет П. Струве, комбинация «социализма образованных классов и отсутствия духа собственности в крестьянских массах и создала духовную атмосферу, в которой протекала русская революция». Институт собственности оказался полностью беззащитен. Собственность царя, дворян, чиновников и капиталистов русский народ не хотел защищать. Более того, та

привлекала взоры массы бедных людей, разжигая в них зависть. У них возникло стремление к захвату и передаче земли крестьянству.

Современные противники большевизма на Западе при оценке столь грандиозного явления как Октябрь 1917 всё же не сочли для себя позволительным опускаться до шутовства, гротеска, буффонады. В частности, М. Малиа (США) писал: «Ибо, хотя Октябрь и был, безусловно, переворотом, такой переворот стал возможен только в обстановке подлинной общественной революции, которую большевики могли эксплу-

атировать или использовать, но которую сами (они) не могли бы развязать или даже с легкостью направлять в нужном им направлении. Хотя рабочие и не были испытанной «социальной опорой» большевистской партии, они сыграли роль её временного, хотя и незаменимого, трамплина при захвате власти... Аналогичным же образом и Петроградский гарнизон в феврале 1917 г. не просто воспроизвел крестьянский бунт, но осознанно поднял мятеж против современной государственной власти. И сами крестьяне не были той статичной и полудикой массой, какой их изображает Пайпс, но обществом в процессе эволюции, способным на расчетливые действия, принимаемым в собственных интересах».

Иначе говоря, перед нами в России в 1917 году предстает явление, которое, «несомненно, было социальной революцией». Вот это уже близко к истине. Блок пишет 19 октября 1917 г.: «Выступление может, однако, состояться совершенно независимо от большевиков — независимо от всех — стихийно». Как раз это и случилось в июле 1917 г. Народ созрел! Остановить надвигавшуюся промышленную и продовольственную катастрофу Временное правительство не могло. Дни правительства буржуазии сочтены. Временное правительство, разумеется, охотно подавило бы на корню большевиков. Проблема в том, что буржуазные министры, понимая, что большевизм скрыт в Совете рабочих депутатов, по словам военного министра генерала Верховского, не имели сил разогнать его. Другой деятель признал, что правительство вынуждено было занять выжидательную позицию. «В настоящий момент правительство меньше всего желает столкновения. Но что нам делать? Если большевики выступят, мы вскрыем нарыв хирургически и удалим его раз и навсегда». Конечно же, то была лишь пустая бравада. Реальных сил у правительства на проведение такого рода операции не осталось. Оно и само-то напоминало «живой труп». Как заметил один из очевидцев событий (выразившись, правда, в духе висельника): «И даже брюки на членах правительства сидели, как на покойниках...» В истории случаются удивительные параллели. Когда-то отец Керенского, директор гимназии, подписал аттестат зрелости В.И. Ульянову-Ленину. Пройдет не так много времени — и уже Ленин подпишет сыну Керенского аттестат политической непригодности их правительства — всем временщикам.

Большевики действовали гораздо энергичнее. В.И. Ленин решительно настаивал на том, что власть «нужно брать тотчас, каждый потерянный день может оказаться гибельным. История не простит, если мы теперь не возьмём власти». Ленин математически точно оценил соотношение сил. Хотя и в октябре 1917 г. ситуация была далеко не ясной и не бесспорной... По мнению Крыленко и руководства «Военки», революционный настрой среди солдат

падал, большинство в партии считало: не следует форсировать вопрос. Володарский, говоря о настроениях в Петроградском совете, выразил общее впечатление, сказав, что «никто не рвётся на улицы, но все отзовутся на призыв Совета». Трудно было рассчитывать на активное участие в восстании и большей части профсоюзов. Идея вооруженного выступления во главе с большевиками не пользовалась там популярностью. Профсоюзы (500 тыс. членов), где сильны были позиции эсеров и меньшевиков, боялись закрытия предприятий и увольнений. Не было единства среди самих революционеров. Иные явно опасались повторения июльских событий 1917 г. в Петрограде, когда выступление рабочих масс потерпело поражение.

Наиболее радикально были настроены солдатские массы и матросы. Реакция их была жесткой, и даже в ряде случаев откровенно жестокой. Ими убиты генералы Линде и Гиршфельдт (за то, что нещадно материли своих солдат за нежелание воевать). Солдаты Егерского полка в Петрограде, узнав о приказе Временного прави-

В. Серов. Ждут сигнала. Перед штурмом

тельства отправить их на фронт, заявили 12 октября: «Вывод Петроградского гарнизона нужен лишь цензовой буржуазии, чтобы удушить революцию, разогнать съезд Советов, сорвав созыв Учредительного собрания. До тех пор пока власть находится в руках явных контрреволюционеров, корниловцев и полукорниловцев, мы открываем решительную борьбу против вывода из гнезда революции — Петрограда — революционного гарнизона. Мы заявляем во всеуслышание, что, отказываясь от выступления из Петрограда, все мы будем прислушиваться к голосу истинных революционных вождей рабочих и беднейших крестьян, то есть Совета рабочих и солдатских депутатов, и только им одним будем верить и только за ними пойдем, ибо всё остальное сплошное предательство и наглое издевательство над мировой революцией».

Однако и среди революционеров имели место колебания и страхи... Многие партийцы предпочли занять выжидательную позицию, ожидая приближающегося съезда Советов, а затем и Учредительного собрания. Меньшевики и эсеры (Дан, Гоц и др.) попытались всё же уговорить Временное правительство сделать шаг навстречу народу, сделать уступки революционным настроениям трудящихся масс: заявить о прекращении всех военных действий, начать переговоры о всеобщем мире, о передаче крестьянам помещичьих земель, о созыве Учредительного собрания. Это были здравые мысли. Но Керенский фактически грубо выставил за дверь сторонников такого компромисса, заявив им: правительство «не нуждается в (ваших) наставлениях и указаниях и само справится с восстанием». Эсеры и меньшевики-интернационалисты поставили вопрос о создании полностью социалистического и коалиционного правительства. Их позицию разделяли Каменев с Зиновьевым. Однако это «социалистическое» правительство было бы буржуазным, ибо эсеры и

Смольный в октябрьские дни 1917 г.

меньшевики хотели убрать из него Ленина. Их идея о замене Ленина на посту главы правительства, а затем и оттеснения большевиков от власти не прошла. Эту страницу биографии Каменева и Зиновьева в партии большевиков не забудут. Что же касается Троцкого, то он решительно поддержал Ленина. После такой преданности Ленин на заседании ЦК РСДРП(б) высоко оценил его борьбу против соглашателей, и даже назвал его «лучшим большевиком». Показательно то, что члены ленинской «Искры» между собой называли Троцкого «ду-

Рабочие у кабинета Ленина в Смольном

бинкой Ленина». Но и тут были подводные камни и течения. Его противоречия с большевиками 14-летней давности не только не исчезли, но вскоре выплеснутся наружу. К тому же Бронштейн веровал в девиз: «Революция — это Я!» Он уверен в своём полном всевластии в Петербургском Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, словно подтверждая тем самым известную шутку, ходившую в народе: «Питер, который народу бока повытер» («Питер, которому еврей нос вытер»). Против захвата власти большевиками выступил и Г.В. Плеханов. «Следует ли считать восстание *ultima ratio* угнетенного народа?» («Новый подъём»). И сам же отвечал отрицательно. Попытку захвата власти большевиками он называл «безумной и крайне вредной». Таковая мол «с корнем вырвет молодое и нежное дерево нашей политической свободы». «Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года», — утверждал Плеханов в газете меньшевиков «Единство» (1917 г.).

В эти решающие дни В.И. Ленину и последовательным большевикам удалось убедить колеблющиеся элементы внутри партии в необходимости начала восстания. Опасение, что ожидание в этом случае смерти подобно, имело под собой основания. В крестьянской стране, где были сильны позиции мелкобуржуазных слоев, надеяться на Учредительное собрание как на орган, что в итоге претворит в жизнь социалистические идеи, было бы верхом наивности и глупости. В истории многое зависит от действий вождей революции. Россия имела тогда крупнейшую политическую фигуру XX в. — Владимира Ильича Ленина. На войне как на войне. Накануне Октября, вечером 24 октября 1917 г., Ленин написал членам ЦК, что народ вправе и даже обязан решать подобные вопросы (вопрос о власти) «не голосованием, а силой». Благодаря его решимости и смелости, несмотря на колебания ряда членов ЦК (скорее выжидательную позицию, занятую тт. Троцким, Зиновьевым, Каменевым), в итоге большинство поддержало курс В.И. Ленина на вооруженное восстание.

25 октября 1917 г. он обращается к революционерам с призывом: «Теперь взять власть можно, а 20-29 октября её вам не дадут взять». И далее: «Теперь промедление в наступлении смерти подобно». В ночь с 10 на 11 октября на заседании ЦК РСДРП (б) принято решение: «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело». Авторитет Ленина среди революционеров столь велик, что он мог силой своего слова и магией убеждения примирять многие разногласия. Заметим, что Ленина тогда решительно поддерживал И.В. Сталин. На заседании ЦК РСДРП (б) 16 октября, после решения вопроса о вооруженном восстании, учреждён был и партийный практический центр по руководству восстанием — Военно-революционный центр в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского. Итак, подчеркнём: Сталин к 25 октября 1917 года работал в двух органах партии, что были штабом вооруженного восстания — в Политбюро ЦК и Военно-революционном центре. На том же заседании ЦК он вводится в состав Исполнительного комитета Советов и выступает с рядом инициатив, свидетельствующих о его уверенности в победе восстания. Перевес сил был, разумеется, на стороне революционных рабочих и солдат. К 1917 г. на 1011 фабриках и заводах Петербурга было занято 400 тысяч рабочих. Грозно и внушительно выглядели и солдатские массы: к февралю 1917 г. в городе находилось свыше 300 тысяч солдат пехотных, кавалерийских, артиллерийских и технических войск. Заметно меньшей была концентрация солдатских частей в Москве и её окрестностях (около 100 тыс. чел.).

Октябрь 1917 г., при всех признаках вооруженного переворота, был и останется подлинной и величайшей народной революцией, передавшей власть из рук царей и буржуазии трудовому народу! Потеряв миллионы жизней в той войне, уставшие, израненные, изувеченные, обманутые люди всё чаще задавали себе вопрос: «А чью же Россию мы защищаем? Россию капиталиста, буржуя, царского сановника, что ни часа не был на передовой? Россию помещиков и фабрикантов, владеющих землями и фабриками?!» Напомним же нашим «умникам» характеристику социолога Сорокина, данную им буржуазно-демократическому обществу. Эта оценка в социально-политиче-

И.В. Сталин в 1917 г.

ском смысле глубока верна и по сей день... «В настоящее время почти во всех культурных странах провозглашено юридическое равенство всех перед законом. Лозунг *egalité* красуется на фронтонах общественных зданий. «Люди равны», «демократия — это равенство», слышим мы всюду. Если поверить этим словам, то можно подумать, что объёмно-правового расслоения нет совсем, что оно изжито, что привилегированность и обделённость канули в Лету. Но тот, кто поверит этому, ничего, кроме своей наивности и близорукости, этим не засвидетельствует. Это значит, что равенства нет и теперь, что объёмно-правовое расслоение в тысяче форм продолжает существовать, что деление на привилегированных и обделённых, а следовательно и их антагонизмы, благополучно здравствуют».

Именно так, «здравствуют» и ныне, хотя характер мирового производства и культурного развития мира требуют иного... И то, что большевики предложили трудовому народу реальный выход из тупика мировой бойни, хаоса, разрухи, сыграло решающую роль в том, что народ оказал им поддержку. Лозунги «Долой!» и «Домой!» были поня-

ны всем без исключения. Народ всё более чувствовал себя чужим в том российском государстве. Это отчуждение было глубже, чем в петровскую эпоху. Там хотя бы были видны результаты. Тут же, в начале XX в. (да и XXI в.), разрыв между правящей верхушкой и народом стал катастрофическим. Народ перестал понимать идею собственного государства и своё место в нем. Потеря связи с собственным государством и привела к тому, что народные массы в октябре 1917 г. фактически «санкционировали» уничтожение царско-буржуазного строя России. А потому и конец самодержавия, можно сказать, запрограммирован.

Сделано это будет в жёсткой или даже жестокой манере, в духе Робеспьера и Парижской Коммуны. Но зададим риторический вопрос: «А чего же ещё вы хотели от эксплуатируемых масс? Вечной покорности и рабского молчания!» Ну нет, такие политики как В.И. Ленин не дали буржуазии пребывать и далее в вечном довольстве и пресыщенном благодушии. А вот как описывал те решающие дни Л.Д. Троцкий в его «Истории русской революции»: «Правда, командные высоты государства продолжали оставаться в руках правительства. Но материальная база была из-под них вырвана. Министерства и штабы возвышались над пустотой. Телефон и телеграф продолжали служить правительству, как и Государственный банк. Но военной силы, чтобы удержать эти учреждения в своих руках у правительства уже не было. Зимний и Смольный как бы поменялись местами. Военно-революционный комитет ставил прозрачное правительство в такое положение, при котором оно не могло ничего предпринять, не сломив гарнизон. Всякая же попытка Керенского ударить по войскам лишь ускоряла развязку, задача переворота всё ещё оставалась неразрешенной. Пружина и весь механизм часов был в руках Военно-революционного комитета. Но ему не хватало циферблата и стрелок. А без этих деталей часы не могут выполнять своё назначение. Без телеграфа, без телефона, без банка и штаба Военно-революционный комитет не мог управлять». Поэтому под контроль верных ВРК отрядов они и были взяты. Какую роль в этих событиях играл Троцкий? Выступая на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС в 1924 г., Сталин

Захваченный у юнкеров броневик. 25 октября 1917 г.

сказал: «Троцкисты усиленно распространяют слухи о том, что вдохновителем и единственным руководителем Октябрьского восстания являлся Троцкий. Эти слухи особенно усиленно распространяются так называемым редактором сочинений Троцкого, Ленцнером. Сам Троцкий, систематически обходя партию, ЦК партии и Петроградский комитет партии, замалчивая руководящую роль этих организаций в деле восстания и усиленно выдвигая себя, как центральную фигуру Октябрьского восстания, вольно или невольно, способствует распространению слухов об особой роли Троцкого в восстании. Я далёк от того, чтобы отрицать несомненно важную роль Троцкого в восстании. Но должен сказать, что никакой особой роли в Октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог, что, будучи председателем Петроградского Совета, он выполнял лишь волю соответствующих партийных инстанций... Это не значит, конечно, что Октябрьское восстание не имело своего вдохновителя. Нет, у него был свой вдохновитель и руководитель. Но это был Ленин, а не кто-либо другой». Объективная и верная оценка тех событий.

Керенский в целях сохранения законности и порядка объявил о создании Высшего совета с чрезвычайными полномочиями в составе 3 человек: министра внут-

ренних дел Кишкина, генерала Пальчинского, Рутенберга. Временное правительство уже не владело ситуацией. Керенский, называемый «богатырем духа», грозивший подавить выступление большевиков железом и кровью, оказался на поверку актером-неврастеником. Таких немало в нынешней России. Родзянко, считая его полным ничтожеством, писал: «Я смело утверждаю, что никто не принесёт столько вреда России, как А.Ф. Керенский. Любитель дешевых эффектов, рисующийся демагогическими принципами, Керенский всегда был двуличен, заигрывал со всеми политичес-

кими течениями и не удовлетворял решительно никого — безвольный, без всяких твёрдых государственных принципов, бесспорно тайно покровительствовавший большевикам». Учёный И.П. Павлов с откровенным презрением говорил в его адрес: «Паршивый адвокатишка, такая сопля во главе государства — он же загубит всё!» И даже в целом сдержанный В.В. Шульгин испытывал в отношении премьера чувство презрения, наблюдая за его двуличным и безвольным поведением: «В этом сказался весь Керенский: актёр до мозга костей, но человек с искренним отвращением к крови в крови. «Без пролития крови» — так говорили отцы-инквизиторы, сжигая свои жерт-

Юнкера в Зимнем накануне штурма

Крейсер «Аврора»

вы... Так и Керенский, сжигая Россию на костре «свободы», провозглашал: «Дума не проливает крови...» Россия давно уже была в крови по самое горло — и выплыть могла лишь при помощи крови! Кстати, кровью после такой войны никого уже было не напугать и не остановить. Вспомним попытку полковника А.П. Кутепова, который во главе отряда из тысячи человек с 12 пулеметами решил было по приказу буржуазных руководителей, восставшую толпу «загнать к Неве и там привести в порядок». Иначе говоря, устроить некое подобие Кровавого воскресенья. Однако из затеи карателя ничего не получилось. Как только его «воинство» вошло в соприкосновение с массами восставших, вспоминал сам Кутепов, «большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может». Потом он попытался «отыграться» на Юге. Ненависть к буржуазии всё глубже проникала в сердца солдат, делая их большевиками. Такими или, по крайней мере, схожими настроениями прониклись тогда миллионы людей в России. А.А. Богданов был прав, прямо назвав те события «солдатско-коммунистической революцией». Впрочем, иллюзий на сей счет не было, видимо, и у членов Временного правительства. Когда кадет П.В. Герасимов стал что-то лепетать по поводу юридических тонкостей (названий комитета и прочих

формальностей): «Это важно с точки зрения уголовного уложения, если революция не удалась бы», М. Ичес ответил ему на это: «Бросьте, Пётр Васильевич, если революция не удастся, то мы и с заглавием будем висеть с вами на одной осине». Он имел в виду, разумеется, победу и торжество буржуазной революции.

Штурм Зимнего дворца иные живописуют, как им вздумается... После холостых залпов «Авроры» и залпов орудий из Петропавловки повстанцы стали ночью просачиваться во дворец. Но серьезного штурма, по сути, не было.

Потери при захвате Зимнего дворца, что понесли оборонявшиеся были ничтожны: 9 человек убито, несколько ранено (6 штурмовавших матросов погибли от шальных пуль). В Зимний дворец проникали в оставленные без охраны задние двери. Свидетель тех событий, американец Джон Рид вспоминал, что в тот момент, как они выходили на Морскую, кто-то крикнул: «Юнкера послали сказать, что они ждут, чтобы мы пошли и выгнали их!» Послышались слова команды, и в глубоком мраке они рассмотрели темную массу,двигающуюся вперёд в молчании, нарушаемом только топотом ног и стуком оружия. Присоединились к первым рядам. Подобно чёрной реке, заливающей всю улицу, без песен и криков прокатились под красной аркой. Человек, шедший перед ним,

К Зимнему дворцу

тихо сказал: «Ох, смотрите, товарищи, не верьте им! Они наверняка начнут стрелять...». Выйдя на площадь, побежали, низко нагибаясь и прижимаясь друг к другу. Так бежали, пока внезапно не наткнулись на пьедестал Александровской колонны. «А много ваших убито?» — спросил он. «Не знаю, верно, человек десять...» Простояв здесь несколько минут, отряд, насчитывавший несколько сот человек, ободрился и вдруг без всякого приказа снова кинулся вперед. В это время при ярком свете, падавшем из всех окон Зимнего дворца, он заметил, что передовые двести-триста человек были все красногвардейцы. Солдат среди них попадалось очень мало. Те вскарабкались на баррикады, сложенные из дров, и, спрыгнув вниз, разразились восторженными криками: под их ногами оказались груды винтовок, брошенных юнкерами. Двери подъездов по обе стороны главных ворот были распахнуты настежь. Оттуда лился свет, но из огромного здания не доносилось ни звука. Вот Шамбаров пишет: «А когда обнаружилось, что за баррикадой уже никого нет, сплошной поток штурмующих во главе с Антоновым-Овсенко и Чудновским беспрепятственно хлынул со стороны Дворцовой площади. Внутри дворца никакого сопротивления не было — при подавляющем неравенстве сил оно было немыслимо. Временное правительство арестовали и отправили в Петропавловку. Юнкеров, взятых во дворце, жестоко избивали... Кое-кого убивали в темноте да (ещё и) под горячую руку.

Командир батальона М. Бочкарева

Несколько штурмующих утонули в вине во время вакханалии в дворцовых погребках. Многие упились до смерти. От разграбления Зимний дворец спасла вовсе не революционная дисциплина. Просто главные ценности распоясавшимся хамам были не нужны. Им бы чего попроще. Тащили вино из погребов, еду из буфетов. Рвали обивку мебели. Шелковую — на портянки, кожаную — на сапоги. Все лестницы дворца были заблѣваны пьяными». Сила была на стороне восставших.

Зимний охраняло не более двух тысяч человек, из них в лучшем случае четверть защитников боеспособна. К ночи осталась тысяча защитников дворца при 20 пулеметах, из некоторых были вынуты затворы. Так что «дело Февраля» защищать было некому. Захват власти стал бескровным

Женский батальон — последний оплот Керенского

по вполне понятным причинам. Против 900 защитников Зимнего (казаки, юнкера, сотня офицеров, да еще «ударный батальон») была многотысячная толпа солдат, красногвардейцев, матросов. Горстка людей, включая курсисток, возомнивших себя жаннами д'арк, с толпой вооруженных солдат и матросов ничего поделать не могла. Они и не сопротивлялись... Ведь огромная масса населения страны, солдаты, матросы, красногвардейцы выступали на стороне большевиков.

Организатор женского батальона М.Л. Бочкарева, объясняя причину создания батальона, заявит: «Я знаю, что женщина как воин ничего ценного не может дать Родине. Мы — женщины, и только должны показать пример солдатам-дезертирам, как нужно спасать Россию. Пусть мы все погибнем — лишь бы они поняли свой долг перед Родиной! Дайте нам больше триумфа, проводите нас с музыкой. Вот всё, что нам нужно — привлечь внимание!» Эта затея завершилась тем, чем и должна была завершиться — полным фиаско... От энтузиазма, жертвенности дам скоро не осталось и следа. Женский батальон перевели туда, где, по мысли буржуазной элиты, он и должен находиться — в мужские казармы. Сюда шёл всякий сброд. Когда Бочкарева попыталась завербовать новых «ударниц», те кричали ей в лицо: «Не хотим идти с тобой! Иди одна умирать! Нам и здесь хорошо!» Это пересыпалось лексикой, увы, не благородных пансионеров. После «штурма» Зимнего часть ударниц были изнасилованы. Взявшие их «приступом» вояки восхищались: «Ну и бабы! Одна полроты выдержала!» Потом та покончила с собой. Судьба самой Бочкаревой, которую пытались использовать многие, весьма интересна. Она стала картой в политической игре политических деятелей самых различных оттенков.

Среди защитников Зимнего дворца неожиданно много вдруг оказалось даже евреев... А. Шмулевич писал: «Последний комендант Зимнего был еврей, Синегуб. Руково-

дил обороной Зимнего тоже еврей, Петр (Пинхас) Рутенберг, организатор шествия к Зимнему, закончившегося Кровавым воскресеньем, убийца Гапона и один из виднейших сионистов. Он (же) заложил основы израильской промышленности вообще, и электрификацию страны, в частности, основав заводы Мертвого моря. (Забавно, но большевики обзывали его черносотенцем)». Этот еврей-буржуа был посажен в тюрьму рядом с его злейшими политическими противниками, черносотенцем Пуришкевичем и министром юстиции Щегловитовым (последний известен как один из организаторов дела Бейлиса). Еврей-сионист и два черносотенца — в одной камере. Какая ирония судьбы! Прайсман, автор учебника «История евреев России», приводит свидетельство командующего батальоном юнкеров инженерных войск Петроградского военного округа штабс-капитана А. Синегуба. Тот описал с натуры сцены защиты Зимнего дворца и, в частности, отмечал, что уральские казаки, решившие уйти из дворца, объяснили своё нежелание оборонять дворец следующим образом: «Когда мы сюда шли, нам сказок наговорили, что здесь чуть ли не весь город с образами, да все военные училища и артиллерия, а на самом деле тут оказалось — жида да бабы, да и правительство тоже наполовину из жидов. А русский народ там, с Лениным остался». Таким вот образом и было низложено правитель-

А. Лопухов. Арест министров-капиталистов

ство Керенского... В обращении Троцкого и Антонова-Овсеенко к Петросовету от 28 октября (10 ноября) говорилось: «Граждане Петрограда! Керенский бежал из города, бросив вас на попечение Кишкина, сторонника сдачи Петрограда немцам, на попечение Рутенберга, черносотенца, саботировавшего продовольствие города, на попечение Пальчинского, стяжавшего единодушную ненависть всей демократии». 25 октября 1917 года в качестве руководителя обороны Зимнего дворца еврей Рутенберг сопротивлялся, насколько это было в его силах, отрядам большевиков, вспоминая впоследствии, что он прямо предлагал Керенскому арестовать и казнить двоих — Троцкого и Ленина... Кто знает, прояви тогда Керенский больше решительности, может, история сложилась бы по-другому. Хотя наивно думать, что это изменило бы ход истории... Да и Керенский был, разумеется, не той фигурой, которая могла бы вывести Россию из того смертельного штопора, в который сваливалась страна. Как верно заметил Л.А. Тихомиров еще 21 июля 1917 г.: «По-видимому у Керенского, при способности развивать нервную силу далеко нет настоящего характера. Не умеет настоять на своём... И если мои суждения об этом кризисе верны, то нужно предвидеть, что Керенский недолго сохранит влияние и популярность. Он провалится и у солдатских и рабочих депутатов и в других слоях населения, сойдёт на нет». Хотя поэт Осип Мандельштам в последней его книге, изданной в Америке, писал о нём восторженно:

*Керенского распять потребовал
Сенат,
И буйно чернь рукоплескала.
Нам сердце на штыки позволил взять
Пилат,
Чтоб сердце биться перестало.
Так в октябре семнадцатого года
Мы потеряли всё, любя,
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил самого себя.*

Г. Шегаль. Бегство Керенского

Трудно было найти менее подходящую фигуру для воцарения в России в тот момент... Если только на миг не предположить, что её специально и подсунили стране наши враги и злейшие друзья. Позёр, фанфарон, истерик и негодяй. Художник И. Глазунов писал: «Керенский возглавил верховный совет масонской ложи «Великий Восток» в России. Почему выбрали именно его, ничтожного адвокатишку, не выигравшего ни одного дела? Они знали его чудовищную бесчеловечность, честолюбие. К тому же он был наркоманом, как свидетельствуют его современники. Керенский являлся абсолютным нулём, но был точным и исполнительным. Лицемерно утверждал, что русская революция будет бескровной. У Керенского много имён. Некоторые историки утверждают, что он родился в тюрьме и его мать — террористка Гесья Гельфман, которая готовила бомбы для убийц Александра II. Кто его отец, неизвестно. Мальчиком будущего «Бонапарта русской революции» усыновил купец Керенский, друг семьи Ульяновых в Симбирске... Саша учился в одной гимназии с Володиёвым Ульяновым, будущим «вождём мирового пролетариата», как свидетельствовал сам Керенский в своих мемуарах «Русская революция 1917». Нельзя не согласиться с такой характеристикой пре-

мьера известным русским художником. Интереснее другое... Почему российская буржуазия всегда выдвигает в правители из своих рядов таких редких ничтожеств и бездарностей как Керенский и Ельцин?

Керенский был ещё и редкий трус. Об этом говорит и описанная им самим сцена бегства из Гатчинского дворца, где Керенский оказался после бегства из Зимнего дворца. В этом псевдодемократе всё проникнуто фальшью и актерством. Это подтверждает его «второе бегство», когда он и группа его приспешников ищет надёжный способ выбраться из дворца Павла. Кто-то предлагает уйти тайным ходом. Но бывший премьер пожелал «разыграть из себя героя». Он пишет: «Мы же с лейтенантом Винером решили не сдаваться живыми. Вот как будет покончено дело. Сведём счеты с жизнью выстрелом из револьвера в последнюю минуту, когда казацкие и матросские банды ворвутся в мою приемную. Утром 14 ноября 1917 года такое решение казалось простым, логичным, неизбежным». Но сделав героическую стойку, приняв «перед историей» подобающую позу, этот бультерьер демократии, патологический трус и позёр действует в типично «либеральной» манере — переодевшись матросом, он панически бежит. Потом, уже будучи в эмиграции, Керенский будет больше всего переживать распространявшиеся слухи о том, что он бежал, якобы переодевшись в женское платье... Это был «комедиант в истории», как сказала о нём даже дочь генерала Деникина, М. Деникина. Уэллс позже скажет: боль-

шевики оказались в России хозяевами положения по той причине, что с этого корабля сбежали все, даже крысы. Но куда правильнее было бы сказать так: да, крысы сбежали, а вот народ России — остался!

Позже Керенский в воспоминаниях, пытаясь как-то оправдать состояние пассивности и растерянности, что охватила членов Временного правительства в те судьбоносные дни 1917 г., пытался выдать себя за демократа: «Основую политического управления страной Временное правительство избрало не принуждение и насилие, но добровольное подчинение свободных граждан суверенитету свободно избранной ими парламентской корпорации. Никогда оно не искало себе поддержки в физической, а всегда только в моральной силе. С тех пор как оно существует, Временное правительство ни разу не изменило этим принципам, а потому оно торжественно слагает с себя ответственность за пролитую кровь. Им не было пролито ни капли народной крови». Степун, что приводит эту декларацию Временного правительства, называет её прекрасными словами, но всё же «вряд ли уместными в устах революционной власти». Но дело в том, что тут, в этих словах, нет ни грана правды. Всё сказанное им ложь: и «избранная корпорация» (правительство не избиралось), и то, что правительство «не искало поддержки в физической силе» (поехал за войсками для подавления восстания), и то, что «ни разу не изменило принципам», и то, что «не было пролито ни капли народной крови», и то, что

А.И. Плотнов. Выводят!

оно было демократическим, поскольку на глазах превращалось в диктаторское.

А мне почему-то пришла на ум такая вот аналогия... В детстве Саша Керенский однажды стал свидетелем того, как весной освобождалась ото льда скованная ледяным пленом Волга... Он вспоминал: «Покоренный открывшейся красотой, я испытал ощущение ликующего восторга, которое почти достигло состояния духовного преображения. И вдруг я опрометью бросился бежать. Этот момент стал решающим в выборе духовного пути, которому я следовал потом всю оставшуюся жизнь»... Думается, когда Керенский увидел, как освобождается от «ледового плена» самодержавия и буржуазии русский народ, чувство восторга у него тут же сменилось ощущением всеохватывающего ужаса. Керенский в панике, опрометью бросился бежать!

Спокойствие на улицах, отсутствие серьёзных боев стали основанием для клеветы на большевиков, давая их противникам повод говорить о «заговоре ничтожного меньшинства, об аванюре кучки большевиков». Но мирный характер Октябрьской революции объясняется тем, что «большевики могли свести в последний момент борьбу за власть к «заговору» не потому, что были маленьким меньшинством, а, наоборот, потому, что имели за собой в рабочих кварталах и казармах именно подавляющее большинство, — сплоченное, организованное, дисциплинированное». Революционный характер событий Октября 1917 просто очевиден, в отличие от замешанного на интригах, измене и предательстве фарсе, каким был Февраль 1917 г. В ночь на 25 октября 1917 г. ВРК публикует послание «К гражданам России!»: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отме-

П. Соколов-Скаля. Штурм Зимнего дворца

на помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено. Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!» Текст воззвания напечатан был в газете трудящихся «Рабочий и солдат» и пошел по России. Большевики в 1917 г. поставили Временному правительству «мат в два хода». В Петропавлов-

А. Антонов-Овсеенко

главных руководителей московского восстания: «В этой жаркой работе мы не всегда и не во всём были тверды и решительны. Имея подавляющее численное превосходство раз в десять, мы затанули бои на целую неделю... вследствие малого умения управлять боевыми массами, недисциплинированности последних и полного незнания тактики уличного боя как со стороны начальников, так и со стороны солдат». Юнкера и офицеры сопротивлялись. И ожесточенно... Иные из них проявили немалое мужество (сёстры-пулеметчицы Мерсье). Вот г-н А. Можаяев пишет: «Москва в те дни видела и вдохновенное мужество обреченных, и положенное офицерское благородство, порой в ней разыгрывались сцены вполне в духе «Дней Турбиных». Скорее, в духе булгаковского «Бега».

Например, известно, что полковник В.Ф. Рар организовал оборону казарм 1-го кадетского корпуса в Лефортово силами кадетов старших классов. В критический момент, когда за дело взялась красная артиллерия, он под свою ответственность распустил кадетов и тем самым спас их от гибели (часть пленных была потом расстреляна красными на территории Лефортовских казарм). В октябрьских боях наиболее отличились юнкера и офицеры Александровского и Алексеевского училищ, 2-й школы прапорщиков, упомянутые старшеклассники кадетских корпусов. В Москве до сих пор нет достойного памятника этим героям, добровольно вставшим на защиту законного строя». Что мы знаем о событиях тех дней? «На защиту России»? Но чьей России? Нын-

че челядь буржуазии умалчивает, что на стороне большевиков выступил сотысячный Московский гарнизон, рабочие заводов и фабрик. Буржуазный же «Комитет общественной безопасности» смог привлечь на свою сторону против большевиков не более 5 тысяч человек. И как же повели себя «защитники демократии», взяв Кремль? Об этом не расскажут лживо-продажные буржуазные писаки. Вот отрывок из рапорта начальника Московского артиллерийского склада в Кремле генерал-майора А. Кайгородова начальнику артиллерии МВО от 8 ноября 1917 г.: «Доношу о событиях, разыгравшихся в Кремле и арсенале с 26 октября по 5 ноября в моём присутствии... В 8 час. утра 28 октября Троицкие ворота были отперты прапорщиком Берзиным и впущены в Кремль юнкера. Прапорщик Берзин был избит и арестован. Тотчас же юнкера заняли Кремль, поставили у Троицких ворот 2 пулемета и броневой автомобиль и стали выгонять из казарм, склада и 56-го пех. запасного полка солдат, понуждая прикладами и угрозами. Солдаты в числе 500 чел. были построены без оружия перед воротами арсенала... В это время раздалось несколько выстрелов, затем юнкера открыли огонь из пулеметов и орудий от Троицких ворот...

Выстроенные без оружия солдаты склада падали, как подкошенные, раздались крики и вопли, все бросились обратно в ворота арсенала, но открыта была только узкая калитка, перед которой образовалась гора мёртвых тел, раненых, потоптанных и здоровых; минут через пять огонь прекратился. Оставшиеся раненые стонали: лежали обезображенные трупы». Один генерал потребовал от юнкеров прекратить это варварство. Но получил отказ... Тогда он встал перед арсенальцами-солдатами со словами: «Если так, то я, прослуживший в армии более 30 лет, умру со своими солдатами!» Только тогда эта буржуазная сволочь прекратила расправу. Юнкера первые поставили орудия около тем самых святых соборов и повели огонь по большевикам. Естественно, те отвечали и ответным огнем разрушены были: часть Малого Николаевского дворца, Чудов монастырь, поврежден Успенский собор, колокольня Ивана Великого. Юнкера ворвались в Кремль, взломали все шкафы и хранилища, они вскрывали письма, растаскивали кинжалы и проч. Всё

В.Н. Подбельский — один из руководителей восстания в Москве

это отмечено очевидцами событий, но об этом молчит продажная «наука» буржуазной России. Молчит и о том, что накануне тех событий в Москве полную победу на выборах одержали большевики (51 % голосов против 26,2 % у кадетов и 14 % у эсеров). За вторых голосовали «богатенькие», жители центра Москвы и обитатели особняков. Большевиков же поддержала вся армия — 82 % солдат, принявших участие в голосовании. Даже «Новое время» 30 сентября — 13 октября 1917 г. вынуждено было признать: «Московские выборы в районные думы дали чрезвычайно яркий результат. Победили большевики. Да ещё как победили!» «Русское слово» охарактеризовало всё лишь одной фразой: «Знамение времени!» И конечно показателен разговор, который слышал К. Паустовский в те дни, 30 октября — во время перемирия между красногвардейцами и юнкерами: «Вы, барчуки, складывайте оружие! — Мы присягу давали, не можем. — Кому давали-то — Керенскому? — Не Керенскому, а России. — А мы и есть сама Россия — понимать следует!» Так ведь и тогда было две России!

Сохранились воспоминания участников тех событий (здесь со стороны восставшего народа). Один из них писал... Уже с 01.11 силы противника были сломлены на всех участках боя, и гибель их была неизбежной. Почти вся московская артиллерия с самого начала боев находилась в руках ВРК, но её редко пускали в дело, боясь лишних разрушений в городе. И после долгих колебаний, когда пришлось выбирать между жертвами среди людей и жертвой кремлевскими зданиями, а также когда в ЦВРК стали поступать от районов категорические требования более решительных действий, артиллерия районов стала бить по Кремлю и по юнкерским училищам, — только тогда ЦВРК разрешил обстрел Кремля из орудий. Положение контрреволюционеров было уже безнадежно. Обстрел Кремля для белых явился только предлогом к тому, чтобы прикрыть свою капитуляцию. И вот 02.11 председатель Комитета общественной безопасности В. Руднев обратился к ЦВРК с предложением сообщить условия для прекращения военных действий, мотивируя это желанием будто бы спасти «исторические памятники и святыни» и прекратить «избиение мирных жителей». ЦВРК предложение

**Беклемишевская башня Кремля
со сбитой верхушкой**

принял и в 9 часов вечера 02.11 отдал «приказ всем войскам Военно-революционного комитета о прекращении всяких военных действий (ружейного, пулеметного и орудийного огня)». При этом «войска Советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войскам не расходиться до особого приказа Военно-Революционного Комитета». Ещё раньше разослали приказ всем частям и подразделениям о немедленном прекращении всякой артиллерийской стрельбы «впредь до особого распоряжения, оставляя в силе все остальные способы военной борьбы». Приказ о прекращении артогня на Миусской площади дал противнику в районе некоторую передышку, так как засевшего в неприступных особняках и крупнейших домах противника другим оружием взять было нельзя. Штыковая атака или штурм этих домов без артиллерии был совершенно немислим, и эта борьба могла длиться неделями. Весть о договоре с юнкерами вызвала сильное недовольство среди бойцов революции. Несмотря на их протест, договор

всё же был заключен. Им предусматривалось прекращение существования Комитета Общественной Безопасности, сдача оружия и расформирование Белой Гвардии. При этом офицеры могли оставаться при присвоенном их званию оружия, а в юнкерских училищах сохранялось оружие, которое было необходимо для обучения. ВРК гарантировал всем свободу и неприкосновенность личности. Красная гвардия в районах с большим негодованием встретила представителей «общественных организаций», называя их изменниками — за обман с перемирием 29-го числа. Красногвардейцы и революционные солдаты говорили приблизительно такие слова: «Вы нарушили перемирие, вы первыми начали стрелять, не дождавшись конца перемирия и изменническим образом выбрасывали свои белые флаги, расстреливая в то же время наших красногвардейцев и войсковые части. Вы хотите перемирия, чтобы окольными путями пробраться в наши огнесклады. С таким противником идти на какое-нибудь перемирие не можем. Мы требуем полной капитуляции без всяких условий». Красная гвардия и революционные солдаты даже и слышать не хотели о перемирии и говорили, что доведут бой до конца. Видя такое настроение масс, т. Смидович предложил т. Пече поехать в ЦВРК, где последнему было поручено взять отряд Красной гвардии и революционных солдат, чтобы занять Кремль. По получении приказа т. Пече взял отряд из 120 красногвардейцев и 50 солдат 55-го полка и рано утром 02.11 двинулся с этим отрядом на Красную площадь к Спасским воротам. «Ворота мы взломали. В это время с церковных колоколен Кремля, Красной площади и с крыш торговых рядов посыпался пулеметный огонь, к счастью, не рассчитанный верно и взятый выше цели. Я со своим отрядом прошел во двор под прикрытием Кремлёвской стены... И что мы увидели! У самого входа в ворота была масса сломанных брошенных винтовок, шашек, кортиков, были разбросаны ручные гранаты и бомбы, пироксилиновые шашки и т.п., так что даже трудно было ступить, чтобы не попасть на бомбу или пироксилиновую шашку. Нам преграждали путь также большие куски кирпичных стен, оторванные от домов артиллерией, и кучи военных припасов. Нужно было идти с боль-

шой осторожностью, чтобы не попасть в волчьи ямы, может быть, заготовленные юнкерами. Лавируя под обстрелом, под прикрытием зданий Кремля, мы направились к Николаевскому дворцу. В это время к обстрелявшим нас присоединились скрытые в Николаевском дворце юнкера, несмотря на то, что они в переговорах с ВРК заявляли о своей сдаче. Вдруг навстречу нам из часовни выбегают около 40 попов и монахов с иконами в руках, с криком: «Ратуйте, братцы! Не убивайте!». Я их заставил вернуться обратно вместе с их иконами и заявил им: «Мы так предательски не поступаем, как вы! Мы не расправляемся с пленными! Передайте своим: раз они дали слово о том, что сдаются, то пусть они немедленно сдают оружие». На это мы им дали пятиминутный срок. Через 5 минут из Николаевского дворца и других зданий высыпали офицеры, юнкера, студенты и пошли нам навстречу. Некоторые из них кончали самоубийством, другие падали в обморок тут же на площади Кремля. А некоторые во главе с полковником Пекарским выходили без оружия, но имели при себе спрятанные ручные гранаты. В то же время другим отрядом Красной гвардии под командой т. Петрова были освобождены арестованные революционные солдаты

Юнкера, защищавшие Кремль

56-го полка во главе с бывшим комендантом арсенала Кремля т. Берзиным. Освобожденные из тюрьмы вышли истерзанными и проголодавшимися. Около 5 дней их держали без продовольствия. Некоторые оказались больными после всего пережитого в плену у белых. Освобожденные солдаты тотчас, схватив брошенные юнкерами винтовки, бросились на полковника, который расстреливал их товарищей в Кремле, а также на юнкеров, державших в руках гранаты, и на месте их расстреляли. Постепенно мы занимали помещения, выгоняли оттуда на площадь оставшихся юнкеров и оцепляли их конвоем... Со стороны Никольских ворот вошли тт. Сирота и Королев с отрядом красногвардейцев и военных частей. Арестованные юнкера были отправлены в тюрьмы под строгой охраной, так как возмущенные их жестокостью рабочие и красногвардейцы хотели расправиться с ними на месте». В протесте Красной гвардии говорилось: «Освобождая юнкеров от ареста, Военно-революционный комитет даёт им возможность снова восстать против народа. Мы требуем, чтобы все арестованные юнкера и прочая буржуазная сволочь были преданы властному революционному суду» (газета «Социал-демократ» №200 от 04.11). Для таких тре-

Вл. Серов. Зимний взят

бований, как покажет время, были более чем серьезные основания. Ведь, сдавая оружие и прощаясь друг с другом перед отъездом из Москвы, юнкера, не стесняясь, прямо говорили: «Через месяц встретимся на Дону». Так кому ставить памятник?

Иные из нынешних господ историков лезут из кожи вон, лишь бы доказать «бандитский характер» тех событий. Революции сопутствовали порывы жестокой ненависти, убийства, изнасилования, вообще разного рода «непотребства». А где их не было! Ведь солдаты ненавидели буржуазию и начальников. Это стало ясно уже ко времени буржуазной революции. Война и анархия расшатали слабую дисциплину, организацию в армии. «Моя командировка затягивается и усложняется, — сообщает в Петроград Гумилёв. — Начальник мой очень мил, но так растерян перед встречающимися трудностями, что мне порой жалко его до слёз. Я пою его бромом <...> и всю работу веду сам. А работа ужасно сложная и запутанная» (письмо к Л. Рейснер от 9.02.1917). «Мой полковник застрелился, и пришли рабочие <...> — пишет Н. Гумилев два дня спустя. — Я не знаю, пришлют ли мне другого полковника или отправят в полк». Народ устал от этой бессмысленной бойни. Шамбаров пишет, что ударной силой октябрьского восстания в Москве стали 869 солдат-двинцев, составленные из заключенных Двинской тюрьмы. Историк подаёт дело так, что в числе тех двинцев были одни трусы, дезертиры, урки, не желавшие идти служить в армию. Мол, немало их тогда окопалось под крылом местных Советов, в отрядах милиции и Красной гвардии. Что же, отрицать наличие в мятежной толпе и преступных элементов нельзя... Хотя от серьезного и яркого историка, конечно, можно было бы ожидать и более глубокого видения и анализа. Кстати, арестовали двинцев за политические взгляды. Даже командующий Северо-западным фронтом генерал Н. Рузский отмечал, что «Рига и Двинск — несчастье Северного фронта, два распропагандированных большевистских гнезда». Однако уж не этому предателю России и заговорщику выступать в роли спасителя царской династии. Один из «двинцев» писал: «А у нас почти у каждого партбилеты — Петроградской, Московской, фронтовой военной организации социал-демократов

большевиков. — Хорошенькие дезертиры, — говорили тогда в Московском Совете, — побольше бы таких преступников!» Солдат вывезли в Москву, где заключили в Бутырку. Там их держали без суда и следствия. «Товарищи рабочие и товарищи солдаты, — писали они на волю, — посмотрите на нас, кто мы и на кого мы похожи за два месяца... Дальше терпеть нельзя. Товарищи, выручайте!.. объявляем голодовку... Жертвуем собой». В конце концов солдат вынуждены были выпустить из тюрьмы, поместить в госпитали. Надо ли удивляться, что солдаты-большевики встали на сторону восставших революционеров?!

В революцию и классовую борьбу были втянуты разные слои и люди. Это так. Однако утверждать на этом основании, что революция произошла «как бы не в России, но в Петрограде, потом и в Москве» и всё тут, что «всей России объявили готовый результат», что революцию сделали почти что одни уголовники — верх исторического невежества, нелепости да и подлости... По словам Шамбарова, сплошь «уголовной» была Красная Гвардия в Восточной Сиби-

ри, где находились главные центры каторги — Шилка, Нерчинск, Акатуй, Якутка, Сахалин. Мол, в одном Томском гарнизоне насчитывалось 2300 «уголовников». Мол, и каторжник Махно летом 1917 г. возглавил Совет в Гуляй-Поле, установив свою власть задолго до падения Временного правительства. «Для целей Ленина урки... подходили, поскольку как раз у этого контингента моральные устои, препятствующие осуществлению его планов, давно были разрушены. Ведь еще в 1905 г. Ильич заявлял: «Партия не пансион для благородных девиц. Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он мерзавец». И блатным Ленин со своими лозунгами «грабь награбленное» тоже вполне подходил». Даём выводы этого автора без комментариев. Голос лютой ненависти к Советам, к своему не совершенному народу затмил у этих господ разум, лишив их совести. Разве в этом главная причина победы большевиков?!

По приказу РСДРП(б) на помощь восставшим рабочим Москвы тотчас пришли отряды солдат, матросов, красногвардейцев — из Питера, Тулы, Подольска, Твери, Владими-

Георгиевские кавалеры — «двинцы»

С. Лукин. Свершилось!

ра, Шуи, Серпухова, Орехово-Зуева. А вот Ставке на помощь контрреволюции не удалось прислать ни одной части, ни одного отряда... На стороне белых из примерно 30 тыс. офицеров в Москве приняло в боях участие всего лишь 700 человек. Атаман П. Краснов жаловался: «Ночью пришли тревожные телеграммы из Москвы и Смоленска. Там шли кровавые бои и резня офицеров и юнкеров. Ни один солдат не встал за Временное правительство. Мы были одиноки и преданы всеми...». Донские казаки с матросами едва не «разменяли» Керенского и Краснова на Ленина и Троцкого. Краснов описывал настроение солдат в 1917 г.: «После революции — даже и помимо приказа №1, между офицерами и солдатами появилась пропасть. Революция для солдата — это была свобода, а свобода — отрицание войны. После революции и отречения императора война исчезла из понятия солдата. Ведь войну всё время называли капиталистически-империалистской. Императора больше не было, для того чтобы окончательно освободиться от войны, надо было теперь освободиться от капиталистов; об этом откровенно кричали по всей армии большевики. Такие речи я слышал, когда меня 5 мая судил трибунал Видиборского солдатского совета, таких же речей я наслушался и от солдат 3-й пехотной дивизии перед убийством комиссара Линде. Солдат устал от войны, окопная жизнь ему насмерть надоела, его тяну-

ло домой, на ту самую землю, которой он, наконец, добился. Дезертировать мешал страх наказания и остаток совести, и солдат ждал и прислушивался только к одному слову, и это слово было мир. Временное правительство и особенно исполнительный комитет Совета солдатских и рабочих депутатов это слово произносили часто, то принимая, то отрицая возможность мира, они думали, значит, о мире, обсуждали его. Войны хотели только генералы и офицеры, потому что она им выгодна, так как даёт им чины и награды — так внушали солдату, и солдат этому верил. Керенский вовсе не был популярен как личность, как оратор, как идейный человек; смеялись над его жестами и пафосом, но Керенский был их адвокатом и защитником перед офицерами и генералами и потому был любим не как Керенский, а как идея мира». Уже то, что он был штатский, а не офицер, казалось, давало надежду солдату, что он будет действовать во имя мира, потому что ему-то нужен мир, а не война. Но этого не случилось... Более того, он стал активным проводником и продолжателем войны. Реакция солдатских масс была вполне предсказуемой. А Краснов продолжает: «И мы увидим, как отметнулась солдатская масса от своего кумира Керенского и готова была предать его, как только Керенский пошел за войну, отказался от «мира по телеграфу». Мир «по телеграфу» дали большевики, и солдатская масса пошла за ними». Силы

революции взяли верх, хотя и пришлось из орудий обстреливать юнкеров в Кремле (в ходе обстрела снарядом был ранен в квартире генерал Брусилов). Обстрел из тяжелых орудий Кремля в течение двух дней и трех ночей вызвал недовольство и среди революционеров. Иные называли обстрел «бессмысленным варварством». Луначарский даже подал было в отставку, а Ногин заявил, что теперь ни один честный социалист «не протянет большевикам руки». Это — лирика. Главное в другом: в столицах империи одержана историческая победа, которая и предопределила успех большевиков.

Солдаты-большевики у «Метрополя» в Москве

К. Юон. Взятие Кремля красногвардейцами

Вчитаемся в строки воспоминания непосредственных участников событий в Москве (Г.И. Солнцева). «Бои не утихали ни днем, ни ночью. Особенно упорными они были в районе Моссовета, Белорусского вокзала, телефонной станции, Главного почтамта, Алексеевского училища и Лефортовских казарм. В Лефортово пришлось применить артиллерию, отчего сильно пострадали и сами казармы, и стена со стороны Яузы. В это время я не чувствовал усталости, напрягал все силы, чтобы бесперебойно снабжать бойцов всем необходимым, перевозить раненых и убитых. Наконец, бои прекратились. Кремль был взят. На второй-третий день состоялись похороны жертв революции... Они проходили у Кремлевской стены вблизи Никольских ворот, которые сильно пострадали от артиллерийского обстрела. Во время похорон вся Красная площадь была заполнена рабочими и солдатами. Этим борьба не кончилась. К анархистам присосалась большая группа бандитов, воров и жуликов, которые занимались грабежом. Анархисты занимали особняки миллионеров — например, они заняли виллу миллионера Рябушинского «Чёрный лебедь», особняк Саввы Морозова и особняк Английского посольства. На мою машину погрузился отряд красногвардейцев с пулемётом и ручными гранатами. Вилла «Чёрный лебедь» находилась в Петровском парке. Подъехав к вилле, я развернул

машину задом к парадному подъезду. Красногвардейцы окружили виллу. Командир приказал бандитам выходить через главный вход. Те не отвечали. Мы слышали шум, ругань. Вдруг открылось окно, из которого началась стрельба. Тогда один из красноармейцев бросил в дом гранату. Раздался оглушительный взрыв, на землю посыпалось битое стекло. Командир еще раз приказал выходить на улицу. Через несколько минут они появились. Им было приказано оружие класть на землю. С бранными словами они бросали на землю винтовки и пистолеты. Начался личный обыск. Карманы бандитов

были полны драгоценными вещами: серебряными ложками, хрустальными рюмками, фарфоровыми вазочками и другими ценностями. Всё это погрузили в кузов машины. Под конвоем красногвардейцев бандитов увели. Командир приказал трём красноар-

Никольские ворота Кремля

мейцам остаться, собрать на вилле всё ценное и сдать это в Кремль».

Сотни тысяч солдат и матросов не хотели более платить кровью за интересы и прибыли богачей и дворян. О том, на чьей стороне была армия, можно судить и по ситуации в 3-ей армии, что стояла в Белоруссии. Там революционный переворот завершился к 17 ноября 1917 г. 18 ноября ВРК издал приказ о смещении с постов и аресте командующего 3-й армией генерала Д.П. Парского и начальника Полоцкого гарнизона генерала В.В. Нечаева за отказ вести с немцами переговоры о перемирии. На должность командующего 3-й армией назначен председатель армейского комитета подпоручик С. Анучин, начальником гарнизона — солдат 7-й автороты, член ВРК большевик М. Чутков. В отделы штаба армии и наиболее важные учреждения города ВРК назначил комиссаров. В эти дни начальник штаба армии генерал Лебедев сказался больным и куда-то уехал. На должность начальника штаба армии приказом ВРК был назначен полковник С. Каменев. Сразу после смещения с командных постов упомянутых генералов ВРК освободил из тюрем всех находившихся в них большевиков и солдат, арестованных за революционные выступления. ВРК закрыл газету «Голос 3-й армии», находившуюся под влиянием меньшевиков и эсеров, и с 21 ноября начал выпускать «Известия Военно-революционного комитета 3-й армии». Собрание желез-

нодорожников ст. Полоцк-2 в резолюции записало: «Приветствуем создавшиеся объединение рабочих, солдат и крестьян и власть Совета Народных Комиссаров, как истинных выразителей интересов трудового народа, и всецело поддерживаем новую революционную власть в её решительной борьбе за мир, хлеб, свободу. Принято 165 голосами при 3 воздержавшихся». Такую же резолюцию приняло собрание мастеровых, рабочих и служащих ст. Полоцк-1. Оставшиеся в руководстве Полоцкого Совета эсеры и меньшевики писали резолюции протеста против, кричали о «гибели» революции. Трудящиеся города и солдаты гарнизона очень скоро раскусили их политику и отвернулись от эсеров и меньшевиков. Их уже никто не слушал. Население по всем вопросам обращалось в ревком.

Метаний и сомнений в те дни было множество... Процесс самоидентификации в народе шел трудно, но симпатии простого народа на стороне большевиков. Первая фаза социалистической революции показала, что трудовые массы России сделали свой выбор. Большевики дали безмерно уставшему народу то, что тот более всего желал — мир... Джон Рид в книге «10 дней, которые потрясли мир» рисует сцену: только что вернувшийся с Румынского фронта солдат взволнованно бросает в толпу: «Я приехал с Румынского фронта, чтобы настойчиво сказать всем вам: необходимо заключить мир! Немедленный мир! Кто даст нам мир, за тем мы и пойдем, будут ли то большевики или новое правительство. Дайте нам мир! Мы на фронте больше не можем воевать ни с немцами, ни с русскими...» Далее выступают думцы и офицеры, пытаясь агитировать «за войну». Солдаты настроены к ним враждебно. Слово получает матрос-большевик Крыленко: «Вас уговаривают оставаться нейтральными, оставаться нейтральными в тот момент, когда юнкера и ударники, никогда не знающие нейтралитета, стреляют в нас на улицах и ведут на Петроград Керенского или ещё кого-нибудь из той шай-

Похороны красноармейцев, убитых юнкерами

ки. С Дона наступает Каледин. С фронта надвигается Керенский. Корнилов поднял текинцев и хочет повторить свою августовскую авантюру. Меньшевики и эсеры просят вас не допускать гражданской войны. Но что же давало им сами возможность держаться у власти, если не гражданская война, та гражданская война, которая началась еще в июле и в которой они постоянно стояли на стороне буржуазии, как стоят и теперь? Как я могу убеждать вас, если ваше решение уже принято? Вопрос совершенно ясен. На одной стороне — Керенский, Каледин, Корнилов, меньшевики, эсеры, кадеты, городские думы, офицерство... Они говорят вам, что их цели очень хорошие. На другой стороне — рабочие, солдаты, матросы, беднейшие крестьяне. Правительство в ваших руках. Вы хозяева положения. Великая Россия принадлежит вам. Отдадите ли вы её обратно?» Манеж задрожал от шквала аплодисментов и криков тех, кто был «за большевиков». Этим словам оче-

видца нельзя было не верить. Всё так и было в действительности.

Иные пытаются доказать, что «законная революция» (буржуазная революция) была лишь в феврале 1917 г. Р. Пайпс пишет: «Россия пережила настоящую революцию в том смысле, что восстание, положившее конец царизму, возникло стихийно, хотя и не без толчка со стороны, а образованное в результате (восстания) Временное правительство получило единодушную поддержку». По мнению Пайпса, совсем не так обстояли дела в октябре 1917 г. Свержение Временного правительства произошло в этом случае не спонтанно, а якобы вследствие заговора, осуществленного насильственно хорошо организованной группой заговорщиков (большевиков). «Заговорщикам потребовалось три года гражданской войны и массового террора, чтобы подчинить себе большинство населения. В октябре (в России) произошел классический государственный переворот, захват государственной власти меньшинством, проведенный в угоду демократическим условиям того времени, с видимостью поддержки и участия в нем большинства населения, но на деле без привлечения масс. Это привнесло в революционную деятельность методы, более пригодные для войны, чем для политики». Сказанное верно, но с точностью до наоборот... Великая Октябрьская социалистическая революция, передав власть и собственность в руки солдат, крестьян, рабочих и большевиков, как раз и стала подлинной революцией народа. Ведь это народ осуществил почти бескровную революцию. И если уж кому-то будет угодно настаивать на термине «заговор», то тогда всё же это был «заговор» всего народа, правда, разыгранный с помощью большевистской партии «как по нотам»... О том, как встретили Октябрьскую революцию массы, говорят воспоминания очевидцев. Упомянутый Джон Рид так описал вечернее заседание II Всероссийского съезда Советов 26 октября 1917 г., где выступил В.И. Ленин. Громовая волна криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума, Ленина. Описывая вождя революции, он говорил: «Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории». Он называет

Американский журналист Джон Рид

Ленин на II Всероссийском Съезде Советов

его «необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту», чуждый «какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный». Вождя революции встретили громом аплодисментов делегаты съезда Советов. «В зале заседания творилось что-то невероятное. Аплодисменты перемешивались с криками радости. Тут уж были не только делегаты съезда, зал наполнился до отказа находившимися в Смольном рабочими, солдатами и матросами. Люди становились на подоконники, выступы колонн, на стулья, лишь бы увидеть стоявшего на трибуне Ленина. В воздух летели шапки, кепки, матросские бескозырки, мелькали поднятые вверх винтовки. Так, стоя, съезд выслушал доклад Ленина о мире». Узнав о низложении Временного правительства, делегаты II Всероссийского съезда Советов смогли узнать из первых уст позицию большевиков.

Ленин заявил: «Мы берём власть одни, опираясь на голос страны и рассчитывая на дружескую помощь европейского пролетариата. Но, взяв власть, мы будем управляться железной рукой с врагами ре-

волюции и саботажниками». Эсеры и меньшевики покинули съезд. Основанием для их ухода со съезда стало то, что большевики, не спросив соизволения у эсеров, меньшевиков, свергли Временное правительство. Они осудили это как «военный заговор, организованный за спиной Советов». Реально ли попытка «скрестить ужа и ежа»: рабочих и крестьян, буржуазию и монархистов? Ничего глупее и гибельнее этого невозможно себе представить. Если уж представители близких в классовом отношении социальных групп внутри Временного правительства не могли достичь соглашения, что говорить о классово чуждых, враждебных силах?! Случись такой коалиционный каби-

нет, опирающийся на все общественные слои, он не продержался бы у власти и месяца. Каждая из сторон тянула бы в свою сторону. Большевики резонно заявили: так как практически они взяли власть одни, то станут «первой скрипкой» в новом оркестре. И тогда конкуренты отказались признать власть, покинули съезд, исключив вхождение в правительство. Суханов признавал: «Мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком арену революции... мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией». А поскольку победили большевики, то и победитель, как это обычно бывает, получает всё.

«После битвы на поле сражения начинается битва в истории». Можно сказать так: после битвы с оружием в руках начинается битва слов. Впрочем, надо чётко представлять себе картину того, что происходило тогда в России. Конечно, порой действия вооруженных масс действительно напоминали действия толп анархистов или разбойников. Дикие и спорадические акты социальной мести имели место. В Вы-

борге местный Совет арестовал несколько генералов, а затем толпа солдат, среди которых преобладали крепостные саперы и артиллеристы (из питерских мастеровых), захватили нескольких генералов, вывели их на мост, бросили в воду и расстреляли. «Картина самосуда была настолько ужасна, — сообщал очевидец, — ...что один из нижних чинов умер тут же на мосту от паралича сердца». Вслед за этим началась расправа над офицерами. На берегу, у места гибели генералов, поставили столб с циничной надписью «Офицерская школа плаванья». Офицеров стали избивать — за ношение погон, за козыряние, за пьянство, за стрельбу на улицах и т.п. В Гельсингфорсе за отказ признать решения ВРК толпа расстреляла 4 офицеров с линкора «Петропавловск» (вопреки желанию ВРК). В Боровичах, по решению полкового комитета, арестовали полковника Буланова за приказ об отправке винтовок без ведома комитета. Его сбросили в воду и добили выстрелами, на глазах у онемевших от ужаса жены и дочери. Эти и другие акции сопровождались волной всеобщей ненависти со стороны озверевших солдат и матросов: «Бить их всех подряд: и большевиков, и меньшевиков, и буржуазию золотобрюхую!» Вся сила солдатского гнева пришлась на офицеров и генералов, на тех, кто, как сказал поэт, «бунт на борту обнаружив, из-за пояса рвёт пистолет, так что золото сыплется с кружев розоватых брабанских манжет». Масса солдат, матросов видела в них чуть ли

Могила Н.Н. Духонина в Киеве

не главных виновников своих бед. Им припомнили и мордобитие, и «быдло», и расстрел 1905 г., и карательные экспедиции военных команд в родные деревни. Солдаты арестовали их Главковерха, генерала Духонина. СНК потребовал от Духонина «обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий, в целях открытия мирных переговоров». Тот решительно отказался подчиниться этому распоряжению — и тут же был уволен с занимаемой им должности. Однако и на предложение командиров ударных батальонов в Могилеве защищать Ставку Н.Н. Духонин, не желая гражданской войны, приказал им покинуть город. Накануне приезда нового Главковерха Н. Крыленко Духонин приказал выпустить из тюрьмы генералов Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина и др. Те тотчас бежали на юг для продолжения борьбы с Советской властью. За это пособничество на следующий же день Духо-

Генерал Н.Н. Духонин в штабе Ставки

нин был арестован. По требованию СНК его направят на вокзал для следования в Петроград. Там он и был убит разъяренной толпой, несмотря на попытку охранников Н. Крыленко спасти его. Свидетели описывают так это событие: «Зная, что его совесть чиста, он (Духонин) спокойно сидел в вагоне, ожидая, когда поезд тронется, как вдруг на сцене появилась толпа взбешенных солдат и матросов, которые окружили его вагон. Среди них выделялся высокого роста матрос, который разбил окно купе и заговорил с генералом в самых оскорбительных выражениях. «Зачем отправлять его на суд в Петроград, — заявил он, — если мы можем судить его сами?» Толпа вела себя все более угрожающе, пока, наконец, подстрекаемая жестоким матросом, она не сорвала дверь вагона и не набросилась на генерала, вначале с кулаками, а потом и штыками... Поиздевавшись над ним, они выбросили его полумертвым на перрон и топтали до тех пор, пока его не покинула жизнь. Они не уважали даже саму смерть, потому что проткнули штыком глаза труп и воткнули в рот папиросу. Его бросили там, заявив: «Пусть люди видят, как мы обращаемся с теми, кто был к нам несправедлив и навязал нам эту империалистическую войну. Смерть кровопийцам русского народа!» Молодая жена генерала была уже на пути к своему мужу и Могилев. Она приехала на станцию несколько часов спустя после этой жуткой трагедии и столкнулась с чудовищным зрелищем — её муж лежит мертвый на перроне, его глаза проткнуты и во рту торчит папироса». Спаси и помилуй от подобной жуткой участи, и дай господь больше разума правителям нашим!

Уже первые дни революции показали, сколь страшной может быть взбунтовавшаяся толпа... «Революции выманивают из трущоб внутренних варваров, городскую и сельскую чернь, обладающих

всей жестокостью варваров внешних, без их племенных добродетелей», — заметил Г. Померанец. Старый строй рухнул. Тут же анархия заменила порядок. Начались повальные грабежи... «Запирайте этажи — нынче будут грабежи». Так, 2-й гвардейский корпус Юго-Западного фронта в октябре 1917 г. прошёл через Подольскую губернию, «предая все помещичьи усадьбы огню и мечу». Грабили всё, что попадало под руку... Солдатский комитет в Ревеле почти силой захватил громадную партию лазаретного белья и тут же распродал оное на рынке. Говорят, лидеры Февральской революции, появившись в стенах главной царской резиденции, не изгоняли раненых. Это сделала лишь революция большевиков. После захвата власти большевиками Зимнего дворца находившийся тут при царе госпиталь, который Временное правительство не тронуло, был ликвидирован (28 октября 1917 г.). Сестра милосердия Галанина вспоминала: «Первое, что бросилось в глаза и поразило меня — это огромное количество оружия. Вся галерея от вестибюля до Главной лестницы была завалена им и походила на арсенал. По всем помещениям ходили вооруженные матросы и красногвардейцы. В госпитале, где был всегда образцовый порядок и тишина, где было известно, на каком месте какой стул должен стоять — всё перевернуто, всё вверх дном. Старшая

Восставшие матросы и солдаты в Зимнем дворце

сестра сидела под арестом, её караулили два матроса. Лежачие раненые были сильно напуганы, все спрашивали, будут ли стрелять ещё». Но через день раненых начали перевозить в другие лазареты... В октябре 1917 г. в Ржеве «революционные» солдаты разграбили винный завод, перепилил весь гарнизон, а чтобы оправдать пьянство, говорили, что сухой закон 1916 г. придумал «пьяница Распутин», и именно «от трезвости и революция пошла». Заметим, что эта же безумная стихия вырвалась на волю, буйствовала уже и в февральские дни, когда разгрому подверглись продовольственные лавки, ювелирные и винные магазины. Зачастую разъяренная и пьяная толпа крушила и ломала всё, что ей попадало под руку, зачастую только ради куража, ассоциируя эти магазины с жизнью «класса-паразита». Подобных сцен не счесть...

Л.Н. Толстой как-то заметил: «Жестокость всех революций — только следствие жестокости правителей. Революционеры понятливые ученики». Это так, хотя среди озлобленно-ожесточенных толп были не только и не столько сознательные революционеры, а разного рода тёмные личности или преступные элементы. Они останавливали и переворачивали трамваи, били фонари, вламывались в магазины и аптеки, подвергшиеся разгрому. Н.Н. Суханов вспоминал, как в разных концах города шёл погром магазинов, складов, квартир. «Уголовные, освобожденные вчера из тюрем, вместе с политическими, перемешавшись с чёрной сотней, стоят во главе громил, грабят, поджигают. На улицах небезопасно: с чердаков стреляют охранники, полицейские, жандармы, дворники...» Некий англичанин, будучи в Петрограде, описывал, как в те дни «в большинстве случаев толпа врывается в аптеки, из которых выносились любые виды спирта, который тут же выпивался, в результате чего в «революционной толпе» значительное количество пьяных, сошедших с ума

элементов. Напомним, что в 1913 г. В России функционировала 561 тюрьма, там содержалось 124 418 человек. Но в марте 1917 г. Временное правительство объявило амнистию, на основании которой из мест заключения было освобождено 88 097 человек, причем из них 82 360 — уголовников. К сентябрю 1917 г. в России функционировало 712 мест заключения, где сидело 36 468 заключенных. Эти цифры указывают, что февральская буржуазия (по глупости или же злонамеренно) выпустила на волю немалое число грабителей и убийц. Итог впечатляющ: Щегловитов, Хвостов, Протопопов расстреляны, Штюрмер замучен в тюрьме. Впрочем, Протопопов был одним из заговорщиков против империи, установив ещё в 1916 г. тайную связь с одним из сионистов-евреев, неким Ф. Варбургом, сидевшим в конторе в небоскребе №120 на Бродвее... И в этом случае можно сказать, что предателя империи, министра внутренних дел, постигла заслуженная кара за его измену.

Разумеется, то, что тогда наблюдалось по всей России, трудно было описать. Хотя таковы почти все бунты и революции. Княжна М. Романова вспоминала, как по решению членов местного Совета в Царском Селе (все они «люди в солдатской форме с иностранными именами и нерусскими лицами») было решено срочно уничтожить огромный и очень ценный винный погреб её отца, вели-

Марш освобожденных из тюрем. Якутск

кого князя. Бутылки ночью выносили на улицу и разбивали. «Вино текло рекой. Воздух был насыщен винными парами. Все жители приходили и, не обращая внимания на угрожающие окрики представителей Совета, собирали в ведра пропитанный вином снег, черпали кружками из текущих ручьев или пили, лежа на земле и прижимая губы к снегу. Все были пьяны: и члены Совета, разбивавшие бутылки, и люди, окружавшие дом. Всю ночь продолжалась пьяная вакханалия. Крики и оскорбления заполнили дом, двор, прилегающие улицы. Никто в доме не спал в ту ночь. Казалось, в любую минуту простая пьянка закончится каким-нибудь ужасным насилием, но на этот раз толпа слишком напилась, чтобы сплотиться и совершить убийство». В погромных или винно-водочных настроениях русской толпы нет ничего необычайного или непривычного... Толпа громила винные погреба и в феврале с тем же радостно-возбужденным упоением, как и в октябре 1917 г. Хотя на сей раз уже с «революционным призывом»: «Допьём романовские остатки!»... У А.Н. Бенуа в «Дневнике» встречаем опасение, что как бы вся эта вакханалия пьяной солдатни, что захлестнула и Зимний дворец, не нанесла непоправимый урон культуре (толпа побывала на хорах церкви, доходила до библиотеки Е.В., буянила в Новом Эрмитаже). И тогда Военно-Революционный Комитет «решил все винные склады в Петербурге уничтожить». Тут стоит вспомнить, что поэт Н.А. Некрасов, автор известнейшей поэмы «Кому на Руси жить хорошо», которую он считал «эпопеей современной крестьянской жизни», в разговоре с Г. Успенским сам ответил на поставленный им вопрос «Кому живется счастливо, вольготно на Руси?» И вот, говоря о миллионах живых существ, которых никогда в России ещё так не изображали, поэт вполне серьезно вывел идеал: «Счастлив — только пьяный!» Грустно... А ведь Некрасов прекрасно знал жизнь нашего народа!

Возникла угроза эпидемий и массовых болезней. Отхожие места превращались в клоаки, реки — в стоки для нечистот, бани — в разносчика инфекций. Всё боль-

Допьём романовские остатки!

ше людей умирало от отравлений (до 700 человек в неделю). Зараза быстро докатилась и до дальних окраин империи. В Тифлисе рестораны, загородные увеселительные дома, притоны днем и ночью набиты были пьянствующими офицерами, которые почём зря ругали «товарищей», их «Советы собачьих депутатов». Да, кое-где царила атмосфера поголовного пьянства, анархии, разгрома, немотивированных убийств. Но вот утверждение, что мол Октябрьская революция, как и Февральский переворот, шли под аккомпанемент зверств, самосуда, пьянства и погромов — передергивание и ложь. Это равносильно тому, как если бы историк или художник вытащил из всей картины Бородинской панорамы русского солдата, потерявшего от ужаса голову и бегущего, и на этом основании сделал вывод, что бежала вся русская армия. Очевидец вспоминал о событиях в Петрограде: «Сегодня утром... видел, как вытащили из Мойки тело генерала Туманова, помощника военного министра. Солдаты арестовали его этой ночью, а потом закололи штыками. Тело его со смехом погрузили на низкую телегу, устроили в нелепой позе, повезли в морг». Элементы безумия были, бесспорно, но говорить, что оно охватило массы, ещё одна ложь. Разъяренная толпа всегда тут как тут при любом социальном бунте и противостоянии. Конечно, она вносит свою страшную лепту в «звериный лик революции». Кровавые эксцессы, о которых речь ещё впереди, можно объяснять, если угодно, состоянием психики. Такие сцены встречались во всех революциях. Итальян-

ский юрист С. Сигеле в книге «Преступная толпа» писал о событиях во Франции: «Сентябрьские убийцы 1793 г. в Париже «не были в состоянии удержаться» от насилия, как писал историк, и героически-спокойное поведение их жертв не могло уменьшить их жажды крови. Нет сомнений, что до такого состояния их довело опьянение этими ужасными минутами; но, кроме того, быть палачами заставляла ...людей их физиологическая и психологическая организация». Но, господа, разве всё дело только в этом!

Оставим вопросы физиологической и психологической организации толп специалистам, более сведущим в вопросе... Но когда сотни миллионов сходятся в смертельной схватке, каковым являются мировые войны и революции, впору говорить уже не о психологии или физиологии личности, а об анатомии общественно-политической деструктивности, в первую очередь о том преступном правящем слое, который доводит дело до этого. Э. Фромм (1900—1980), выдающийся психоаналитик и философ, говорил о типе агрессии, что мотивирована не отклонениями в психике и физиологии человека, а отклонениями в философии и в экономике самого общества. Он писал: «Движущими мотивами первой мировой войны были экономические интересы и тщеславие военных и политических лидеров, а также промышленных магнатов обеих воюющих сторон, но не потребность участвующих народов открыть клапан и спустить пары своей накопившейся агрессивности». Эти мотивы слишком хорошо известны, нет нужды рассматривать их здесь ещё и в деталях. Говоря вкратце, военные цели немцев являлись и главными причинами войны: экономическое господство в Западной и Центральной Европе и захват территорий на Востоке и в мире. Но такого же рода цели были и у Антанты. Франции нужны были земли Эльзаса-Лотарингии, России — Дарданеллы, Англия хотела получить часть

колоний Германии, а Италия — хотя бы участие в прибыли. «Если бы не эти военные цели (которые частично были зафиксированы на бумаге и скреплены секретными соглашениями), то подписание мира могло состояться на много лет раньше и миллионы молодых людей с обеих сторон остались бы в живых». Но что значат подобные аргументы для массы циников и подлецов, которые и поныне еще отстаивают идею «патриотичности» Первой мировой войны!!! (Фромм видел эти хитрые уловки: воюющие стороны ловко апеллируют к патриотическим чувствам своих граждан, к свободе и независимости). Что ж, народ оказался достоин своих правителей. Однако заблуждается тот, кто из этих примеров сделал бы тот вывод, что «революционный угар» был не политическим, а водочным. Умному подобное резюме и в голову не придёт, и он попытается найти более серьезные причины, прежде всего социальные и экономические, охватившей страну катастрофы.

В вопросе о победе советской власти в России в октябре 1917 г. следует, как нам кажется, воздержаться от крайних точек зрения. Одна гласит, что победа в Петрограде и Москве означала автоматическую победу и «триумфальное шествие советской власти» по всей стране. Другие же уверяют, что победу большевиков народ воспри-

Л. Котляров. Всесоюзный Съезд Советов

нял как маловажное или несущественное событие. Первое не могло воплотиться хотя бы уже потому, что Россия огромна и вести о событиях в центре доходят до её уголков не сразу, не говоря уже о том, что понять суть происходящего в столицах было народу крайне непросто. Чтобы понять в общих чертах отношение к тем событиям, достаточно прочесть декларацию целей их правительства. В газетном отчете о заседании Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов от 25 октября (7 ноября) 1917 г., озаглавленном «Доклад о задачах Советской власти», было сказано: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась. Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций. Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма. Одной из очередных задач наших является необходимость немедленно закончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, — ясно всем, что для этого необходимо победить самый капитал». В последующей «Резолюции» Совета было также заявлено: «Новое рабочее и крестьянское правительство немедленно предложит справедливый демократический мир всем воюющим народам. Оно немедленно отменит помещичью собственность на землю и передаст землю крестьянству. Оно создаст рабочий контроль над производством и распределением продуктов и установит общенародный контроль над банками, вместе с превращением их в одно государственное предприятие». Итак, во-первых, историческим фактом стало то, что царское самодержавие как политическая система к 1917 г. полностью себя исчерпало. Народ понял, что не только до «Бога становилось всё выше», но и до «Царя всё дальше». На царе и самодержавии в той форме, в которой они существо-

вали, массы поставили крест. Это понял даже такой противник коммунизма как Н.А. Бердяев. Поэт А. Белый как-то обвинил его в том, что он «глух к фактам». Но это не совсем так. Тот же Бердяев в «Истоках и смысле русского коммунизма» не мог не признать: «Ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся. Война докончила процесс разложения». А в итоге он вынужден был пойти в выводах ещё дальше: вынужден согласиться даже с тем, что по большому счету и мир дворянской культуры, привилегированных классов был абсолютно чужд и даже враждебен основной массе народа. «Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу — крестьянству, (и) воспринимался как мир другой расы, иностранцев». Во-вторых, и это безусловно главное, огромная масса трудящихся, которая вот уже три года неслась на себе тяготы и лишения мировой войны и десятилетиями испытывала на себе преследования царских слуг и угнетение плутократов, страстно желала коренных перемен в положении. Но упорство буржуазии, её тупая решимость продолжать мировую войну любой ценой, её жестокость не оставляли надежд на либерально-демо-

После победы революции

кратический выход для России. Тот же Бердяев, пожалуй, всё же один из самых глубоких, чутких умов времени, не мог не понять, а затем и не признать, что «в России революция либеральная, буржуазная, была утопией, не соответствующей русским традициям и господствовавшим в России революционным идеям».

Сегодня иные утверждают, что, сохрани буржуазия власть в России в 1917 г., наш народ процветал бы и благоденствовал бы в той России. Дескать, «триумф сорвали!» Ничто не указывает на это. Буржуазия пошла той же дорогой, которой шествовал царизм (укрываясь разве что за разного рода декорациями и ширмами). К концу 1917 г. степень влияния всех без исключения представителей буржуазных партий (кадеты, эсеры, либералы, народные социалисты, анархисты) среди рабочих и крестьян заметно снизилась. Можно спорить о степени влияния тех или иных политических сил в народе. Но в кровавой смуте решать жизненные вопросы приходилось «железом и кровью». «Кризис так глубок, так широко разветвлен, так всемирно-велик, так тесно связан с капиталом, — описывал Ленин сложившуюся в России ситуацию, — что классовая борьба против капитала неизбежно должна принять форму политического господства пролетариата и полупролетариев. Иначе выхода нет». В-третьих, в России к началу XX в. так и не сложился средний класс и гражданское общество, что могли бы уравновесить силы в государстве, стать оплотом правопорядка, патриотизма, правосознания и частной инициативы, добрых нравов и порядочности... Правда, некоторые исследователи ставят под сомнение такое утверждение... А.Б. Каменский в статье «Уроки, которые можно было бы извлечь» (по поводу книги Б.Н. Митрофанова) намекает, что такое общество у нас в России всё же было. Хотя он тут же признает: «либерально мыслящему русскому интеллигенту-гуманитарию с советским жизненным опытом в принципе невозможно

смириться с мыслью, что в дореволюционной России сложилось гражданское общество». Общество это если и существовало, то лишь в либеральных мечтах!

Возможно, постепенно мы смогли бы создать такое гражданское общество, но совсем в иной исторической ситуации. Это признавал и И. Ильин, говоря, что богатое крестьянство, выйдя из общины, т.е. окрепший средний класс, возможно, смогло бы «через 20 лет отстоять Россию от соблазна социализма и от восстания коммунистов». Правда, по данным учёных, зажиточных хозяйств в России в начале XX в. становилось всё больше и больше. Они составляли в центральных губерниях 5—10—15 %, а на окраинах России — от 15 до 30 %, в среднем около одной пятой части дворов. Это была самая активная часть крестьянства, которая и давала большую часть продукции. Так, к примеру, доля крестьянских хозяйств к началу XX в. (при производстве совокупной продукции земледелия, животноводства) возросла до 92,4 %, тогда как помещичья доля в объёме снизилась до 7,4 %. По данным академика В. Немчинова, зажиточное крестьянство давало около 38% всех

Вл. Серов. *Ходяки у Ленина*

хлебов и 50 % товарного хлеба, в то время как 80 % остальных дворов дали 50 % валового сбора, но всего 28 % — товарного. В зажиточных хозяйствах была более высокая агротехника, более высокие урожаи, тут были черты даже синтеза торгового земледелия с торгово-промышленными предприятиями. Что же, с этим нельзя не согласиться... Возможно, повторяем, при благоприятной политической, экономической, нравственной обстановке такое развитие и в самом деле оказалось бы возможным... Однако этих самых 20 мирных лет у России не было, а реальная история вытанцовывала по-иному. Мировая война оторвала крестьян от земли. В итоге мирный труженик, с ним былой порядок землевладения исчезли. Крестьянин уничтожен, изуродован, искалечен, морально подавлен, ибо профессионально был оторван от созидательного процесса, да и от земли.

В-четвертых, и об этом обычно умалчивают апологеты капитализма, в тогдашней России существовал довольно высокий уровень эксплуатации. Пиратская эпоха первоначального накопления капитала в России, как и ныне, пришлось на последнюю треть XIX — начало XX вв. А потому Г. Федотов, уверявший, что в России «капитализма нет», оказался в деликатном положении (как и те, кто через сотню лет будут уверять, что в СССР «нет секса»). Конечно, он не мог не видеть, что выделяется энергичный слой предпринимателей, кулаков, скупщиков дворянской земли, основывающих свои торговые предприятия. «Народная память и литература отражают тёмное, нередко преступное происхождение недавних богатств, — признавал он. — Обобрал хозяина, казну, а то и зарезал кого-нибудь тёмной ночью... На фоне старого, удушливого, скарёдного быта творится сказка из мира кондотьеров, завоевателей России». Почему он не подумал, что народ не пожелает принять мир кондотьеров, убийц и вчерашних разбойников? Крестьянин в России ещё не избавился от помещика, а тут же ему в горло мертвой хваткой уже вцепился и новый «крепкий хозяин» (кулак).

Это могло бы стать ответом на возмущенные речи тех, кто поставил в упрек крестьянству (бедным слоям и батракам) то, что те де оказались во власти «аграрного психоза», активно поддерживаемого «дема-

гогией» левых партий. Они видели благополучие и спасение не в интенсификации хозяйства, а в расширении их землевладения. Так, Ильин скажет: «На этом психозе партия социалистов-революционеров и проводила февральскую революцию и выборы в Учредительное собрание». Но ведь Временное правительство так и не предоставило бедняку землю... Это просто удивительно, как российская буржуазия оказалась подобием новиковского г-на Недоума. Н.И. Новиков еще в 70-е гг. XVIII в. писал в журнале «Трутенъ» о взглядах помещика на крестьян. Этот самый «благородный» помещик взирал на народ так: оный «не суть человеки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о том знает только по тому, что они крепостные его рабы». Крестьяне «работают день и ночь, но со всем тем едва-едва имеют дневное пропитание, затем что насилию могут платить господские поборы. Они и думать не смеют, что у них есть что-нибудь собственное, но говорят: это не моё, но божие и господское...» Как это не покажется странным, но по большому счету в тогдашней России мало что изменилось за полтора века. Поэтому крестьянская масса была несравненно левее любых партий.

В высшей степени показательно и то, что после победы Февральской революции крестьяне (в массовом порядке) вернулись к общинному способу землевладения. Община не рухнула. Нет. В стране произошел как бы повсеместный возврат крестьян в общину. Это показало — сколь хрупким, слабым и ненадежным было всё здание сельского капитализма, возводимое столыпинской реформой. Крестьяне тесно сплотились вокруг общинной организации. Для чего? Чтобы выжить в условиях кризиса, вызванного войнами и потрясениями революций. И что же отсюда следует? А то, и Ленин прекрасно это понял, что беднейшая часть крестьянства не сможет принять (да и не примет) богатых хозяев, перекупщиков и ростовщиков, т.е. этих, по словам Г. Успенского, «людей живорезного направления». Крестьяне открыто называли всех их с ненавистью в голосе кулаками-мироедами. По крайней мере, было чистой утопией (тем более ныне) не видеть всей глубины классового расслоения между богатеющей и бедняцкой частью деревни. На это обстоятельство указал и Л.Д. Троцкий, отмечая в 1915 г., что

русский крестьянин, «и по сей день ещё опутанный сетями сословного бесправия, бесконечно далёк от того, чтобы чувствовать себя «хозяином земли», не чувствует себя ни хозяином помещичьей земли, ни хозяином государства». Инстинкта собственника в нём, в массе крестьян ещё не возникло. Да и когда это могло бы быть, если батюшка-царь гонял его с одной войны на другую, как сторожевую собаку! Да и общественное мнение не очень-то настроено в пользу капиталиста и собственника. Горький вот говорил Чуковскому о его мысли: «Мысль: «Ценский не был бы русский писатель, если бы умел прославить дельца», верна, великолепна, её надо немного развить... Лескова, прославляющего дело и дельца, не читают, не знают». Мы сейчас не говорим — хорошо это или плохо (скорее плохо). Но это факт. И всё, о чём тогда мечтал крестьянин-бедняк: надо отобрать землю у помещика, кулака, а затем её поделить. Безусловно, и он очень хотел бы стать собственником и потом, с годами, может, сотворить и собственную сказку («сказку сделать былью»), имея на это полное право. Замечу, эту давнюю свою мечту он хотел бы удовлетворить в любом случае, при любом варианте развития событий. Чтобы осуществить мечту, он должен был отобрать землю у помещика. Поэтому и пошел за большевиками. Это понимали все. Б. Суворин писал: «К старому возврата нет. Россия будет царством крестьянских фермеров или вотчиной Ленина». Ясно, что общинная антикапиталистичность российского крестьянства облегчила приход к власти большевиков в 1917 г. Фермерский путь не прижился, ибо для него условий не было. Показательна народная частушка, которую потом распевали крестьяне, верно уловившие ключевые нюансы новой власти: «Сидит Ленин на престоле, два нагана по бокам. Дал он нам, крестьянам, землю — разделить по едокам». Говоря, а тем более действуя в историческом поле, всегда ставь-

те на первое место интересы большинства народа. История вас оправдает!

В-пятых, революционные партии, прежде всего РСДРП (б), получили мандат времени для завершения дела всей их жизни — дела социалистической революции. И хотя политически они не были едины, но их влияние в массе было очень велико. Этого оказалось достаточно, чтобы привести Россию к победе социалистической революции в октябре 1917 г. Как бы там ни было, а Великая Октябрьская социалистическая революция означала осуществление «примата» интересов подавляющего большинства народа (факт!) над интересами буржуазии и помещиков. «Одним ударом она подрубала главный корень отсталости страны — не только остатки средневекового земельного строя, но и господство крупного капитала в экономике, в политической жизни страны. Вырвав крестьянство из-под влияния буржуазии, она обеспечивала себе победу при самых сложных перипетиях истории. Развязать тугие исторические «узлы» оказалось возможным только на путях пролетарской революционности, на путях разрыва с капитализмом». Специально привели это несколько тяжеловесное и прямолинейное высказывание как наиболее точно, на наш взгляд, отвечающее тогдашним умонастроениям и чаяниям подавляющего большинства трудящихся масс России в 1917 г.

П. Фомин. Земля — крестьянам!

Революция отвечала глубинным чаяниям народа. Заметим, лучшие люди из антибольшевистского лагеря эту великую истину сумели-таки всё же понять, поднявшись над классовыми и индивидуалистскими взглядами своей среды (из господствующего класса). В частности, на это обстоятельство указывал и эмигрант Э. Нольде, критик бердяевской историософии (и сам Бердяев): «В книгах о России, особенно в «Русской идее», часто с поразительной ясностью Бердяев обнаруживает внутреннюю близость своего собственного мессианства с коммунистическим. Всё его изображение создаст впечатление, что вся русская история с внутренней необходимостью привела к большевизму, так как душа народа отвергла буржуазный капитализм, жажду индивидуального обогащения и была нацелена на «общность в любви», соборность». Аминь! Аминь...

Глава 3. Мирный период советской власти. Борьба вокруг заключения Брестского мира

Великие революции составляют целые эпохи в жизни народов... И глубокие и честные умы прекрасно понимают их созидательную и обновляющую роль. Хотя, как известно, тем нередко сопутствуют и кровь, и жертвы, и страдания... Такие революции всегда оборачиваются не только для их противников, но и для многих сторонников личной трагедией. И это закономерно: революция — не пикник на лужайке, а яростная, зачастую смертельная борьба полярных сил,

заинтересованных в собственности и власти... В революциях участвуют разные классы, общественные слои, группы, лица, зачастую преследующие взаимоисключающие цели. На первом этапе они, как им кажется, даже готовы объединиться во имя одной «великой и общей» для участников революции цели, желая сбросить с пьедестала монарха, короля, президента или какую-то иную легитимную, но мешающую им власть. Тогда происходит то, что имело место в годы Великой французской революции, когда, по словам Верньо, «революция, подобно Сатурну, пожирает своих собственных детей». Но тысячу раз будут не правы те, кто, анализируя этот великий порыв народа к справедливости и равенству, на этом поставят точку в их оценках революции... Грандиозную историческую задачу предстояло решить большевикам... Равенство всех — даже ценою уничтожения неравенств состояний, уравнивание в правах — даже ценою «стрижки голов» или их высылки, свобода большинства — ценою несвободы или заключения избранных... Схожие дилеммы и попробовала решить Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Великий анархист П.А. Кропоткин понял логику Французской революции, как и русской. Говоря о путях развития страны в годину Французской революции, он говорит о двух единственно возможных решениях для революционеров: «Предстояло одно из двух: или революция ограничится тем, что низвергла короля и, не постаравшись даже закрепить своё дело глубоким переворотом в воззрениях нации в республиканском смысле, не сделавши ничего, чтобы заинтересовать народные массы в совершившемся политическом перевороте, она успокоится на этом первом своём успехе... Или же революция теперь же сделает попытку идти дальше «в смысле равенства», как тогда говорили. Она закончит, наконец, дело уничтожения без выкупа феодальных прав и возвратит общинное право на мирские земли, отобранные у них за последние 200 лет; она положит начало обобществлению земли, признав право каждого на землю; она утвердит дело, начатое четыре года назад восставшими крестьянами и, с поддержкой самих народных масс, будет искать, как «вывести бедных из нищеты»; она попробует ввести, если это бу-

дет возможно, не всеобщее равенство состояний, а «благополучие для всех», «всеобщее благополучие». И ради этого она вырвет власть из рук богатых и передаст её в руки общин и народных обществ. Глубокое различие этих двух воззрений уже объясняет вполне кровавую борьбу, которая началась после падения королевской власти в Конвенте, а с ним вместе и во всей Франции. Все остальные причины, обострявшие борьбу, имеют лишь второстепенное значение». Хотя и он был потрясен разгулом насилия и последовавшими массовыми репрессиями в России, он оставался тем не менее до конца преданным революции; и в этой убежденности его укреплял опыт всей революционной истории (А. Гордон). Россия своей революцией призвана была продолжить начатое дело и, «распространяя далее на восток те же права человека», взяться за решение социально-экономических вопросов, ставших «наследием XIX века». Сосредоточение на текущих задачах власти в ущерб делу нравственного прогресса, а тем более попрание идеалов, уже утвердившихся благодаря революциям прошлого, «грозит обессилить русскую революцию и сделать её бесплодной». Хотелось бы, что эти слова П. Кропоткина, этого «последнего рыцаря без страха и упрека» революционной народной России, подобно письмам Валтасара, явившимся на стенах царского дворца, запечатлелись в уме читателя, когда он попытается разобраться в причинах и итогах гражданской войны. А заодно, возможно, и в событиях дней нынешних!

Большевиков упрекали и до сих пор упрекают, что они дали народу мир, в то время как предшествующие власти втягивали, удерживали его в убийственных войнах, то есть, по терминологии Бердяева, «разрушали государство». Потрясающее отсутствие не только логики, но элементарной порядочности буржуазии! Более последовательны в этом смысле большевики, выдвинувшие революционный лозунг: «Мир хижинам, война дворцам!». Слова «Коммунистического Манифеста», что «рабочие не имеют оте-

Вл. Серов. Декрет о земле

чества», конечно, не верны. Понятно, что рабочие, крестьяне должны осознавать, за какое отечество они сражаются и за кого отдают в бою жизнь. Скажем, в дальнейшем те же народы России будут биться не на жизнь, а на смерть с фашистами, не помышляя о сепаратных переговорах с Гитлером. Но то была в корне иная ситуация. Пораженчество большевиков, говорят, привело к тяжелым последствиям для России. Но такие речи являются сознательным обманом, ибо не отвечают на вопрос: «А был ли иной выход?» Иного выхода не было, но об этом критики большевиков, разумеется, предпочли ныне «забыть». Сепаратный мир с Германией был бы тяжелым и не очень сладким, но к нему Россию подвели не большевики, а царское и Временное правительства, равно как и заговорщики-генералы, ударившие в спину сражающейся России. Именно они обрекли нас на поражение... Военный министр Временного правительства Верховский перед самой Октябрьской революцией буквально умолял коллег, о чем ныне все молчат, предпринять неотложные шаги, т.е.: 1) заключить сепаратный мир с Германией и Австро-Венгрией; 2) демоби-

лизовать почти всю армию; 3) повести бескомпромиссную борьбу с анархией в стране, субъектами разброда, шатания. Всё тщетно: к этим разумным просьбам министра предатели России, выслуживающиеся перед Антантой, перед Францией, Англией, США и не подумали прислушаться.

Безмерно уставшая, озлобленная русская армия уже не желала более сражаться за царя и отечество, но ещё не готова была сражаться и за Советскую власть. Ленин это понимал. Давая резкую отповедь любителям левых фраз, взывавших к «святой» революционной войне, он говорил: «Для революционной войны нужна армия, её нет. Значит надо принимать условия». Это было очевидно для всех. Царский генерал М. Алексеев однажды рассказал Плеханову о своих попытках уговорить крестьян остаться на фронте. Тщетно он пытался доказать «безумцам», что если те обнажат линию фронта, противник, немец, вскоре ворвётся в их страну. Крестьяне-солдаты на это отвечали так: «Я из Пермской губернии, так далеко германцы не проберутся». Тогда Алексеев указал солдатам, что Россия должна будет в случае своего поражения выплачивать дань германскому империализму. «Сколько же надо будет платить?» — спрашивали его мужики. Узнав сумму, отвечали: «Это не много: у меня теперь больше ещё пропадает». Эти слова означали, что солдаты более не хотели воевать за царя. Они вообще уже не хотели воевать. Всё, конец... Положение на Восточном фронте немецкая сторона оценивала так. Генерал Гофман запишет в дневник: «Свинства в русской армии гораздо больше, чем мы предполагали. Сражаться больше никто не хочет. Вчера один лейтенант и шестеро солдат взяли в плен 600 казаков. Сотни пушек, автомобилей, локомотивов, вагонов, несколько тысяч пленных, дюжины дивизионных штабов захвачены без всякой борьбы...» Кстати, как объявил позже советский историк-марксист М.Н. Покровский: «Теперь задним числом мы знаем, что немцы не хотели даже занимать Петербург, а тем более Москву. Это не входило в их программу. Так что особенной опасности мы тогда не подвергались. Но это мы знаем теперь, а тогда мы этого не знали. Тогда мы были в положении человека, который сидит в шестом этаже горящего здания и

А. Ковалев. Мир хижинам, война дворцам!

перед которым стоит дилемма: что лучше — сгореть или броситься с окна на мостовую». Нечто похожее говорил Троцкому и Ленин: «...вчера ещё крепко сидели в седле, а сегодня только лишь держимся за гриву». Ситуация для России была поистине катастрофической. А нынче нам поют по телевизору о каком-то «Сорванном триумфе» Николая II, у которого украли победу.

Конечно, в этом гамбите каждая из сторон пыталась друг друга переиграть... Ленин, Троцкий, Свердлов, все другие вели сложную игру, пытались переиграть не только немцев, страны Антанты, японцев, янки, но и друг друга. Уже на первых этапах существования Советской страны возникли группировки. Одна из них была «прогерманской», другая «проантантовской» (говоря условно). О том писал А. Елисеев в статье «1918-й год: междоусобицы красных вождей». Передадим смысл, почти ничего не меняя... Год ознаменовался расколом большевистского руководства и борьбой за власть внутри основного ядра партии. Одни вожди, с Лениным во главе, выступят за мир

с немцами на любых условиях, считая, что РСФСР не в состоянии вести какие-либо военные действия с кайзеровской Германией. В ленинскую группу «примиренцев» входили Я.М. Свердлов, Г.Е. Зиновьев, И.В. Сталин и др. Ленинцам противостояли так называемые «левые коммунисты» (Ф.Э. Дзержинский, Н.И. Бухарин), выступавшие за революционную войну с германским империализмом. Их поддерживало большинство ЦК. Особую позицию занимал тогда Л. Троцкий, выдвинувший формулу — «ни мира, ни войны». Он предложил правительству не подписывать мирное соглашение с Германией как «унизительное для пролетариата», но и не поддерживать состояние войны, демобилизовав старую армию и приступив к созданию новой, то есть фактически он выступил против подписания мирного договора с немцами. По сути, это сближало его и с левыми коммунистами. Троцкий хотел спровоцировать немцев на широкомасштабное наступление, которое сделает войну с ними неизбежной. Считают, что он рассчитывал на поддержку со стороны мирового пролетариата. Полагаю, ближе к реальному положению дел идея, согласно которой Россия должна была быть принесена на ритуальный иудейский жертвенник. Свердлов и Троцкий охотно готовы были уничтожить Россию под предлогом выполнения миссии передового отряда, погибшего в неравном бою. У стран же Антанты была одна задача — додавить, добить воюющую Германию. Поэтому 19 февраля Франция и Великобритания и предложили РСФСР крупную финансовую и военную поддержку, с одним условием — продол-

жать войну с кайзером. Сторонники «революционной войны» тут же воспряли духом и решили: лучше не спешить с заключением мира. Более того, 22 февраля 1918 ЦК принял предложения Антанты, и Россия стояла уже на пороге грандиозной бойни за англо-франко-американские интересы. Совершенно очевидно, что деморализованная этими событиями, развалившаяся армия не смогла бы победить тогда ещё мощную немецкую военную машину, но закидала бы трупам наступавших немцев, тем самым как можно дольше отвлекая их усилия от борьбы на западе. Кстати, это с точностью подтвердило предпринятое Временным правительством якобы подготовленное наступление июля 1917 г. Но слышим из уст ряда фигур, зам. директора Института российской истории В. Лаврова, В. Никонова, Н. Нарочицкой (в фильме «Николай II. Сорванный триумф», ТВ-3. 20.01.09), что Россия, как они уверяют всех, была сильна как никогда и готова была разгромить немцев, победоносно завершив войну во главе с отважным Николаем II. Ну и, конечно, воспользоваться плодами победы — получить Константинополь, проливы, Палестину и т.д. И как поют, как поют! Глядишь, невежды и поверят. На клиросе бы вам петь, а не историю России писать! В таких случаях опять вспоминаются слова Чацкого из «Горе от ума»: «Свежо предание, а верится с трудом».

Только железная воля Ленина переломила эту губительную для России ситуацию... 23 февраля германские условия мира, гораздо более тяжёлые, чем те, которые выдвигались поначалу, были приняты. ЦК с неохотой поддержал вождя, опасаясь его угрозы подать в отставку и обратиться за поддержкой к народу. Но при этом Троцкий повёл себя предельно хитроумно. Он выступил с заявлением: дескать надо бы объявить Германии революционную войну, но сейчас в партии раскол, и это невозможно. На наш взгляд, эта манера (и вашим и нашим) всегда отличала Льва Давидовича. Хотя позицию главного советского дипломата поддерживали тогда Иоффе и Дзержинский. Но в итоге Ленину всё же удалось убедить. Дальше всё развивалось в соответствии уже с его волей... VII Чрезвычайный съезд партии большевиков (6—8 марта) и IV съезд Советов (14 марта)

Победоносный Николай II?

высказались за принятие немецких условий — несмотря на яростное сопротивление левых коммунистов и левых эсеров. Но Троцкий не успокоился... Этот предатель и интриган продолжал лоббировать идею союза РСФСР и Антанты, причем на весьма опасных для России условиях. Нарком был готов отдать под контроль англичан и американцев железные дороги, отдать порты Мурманска и Архангельска с целью ввоза товаров и вывоза оружия, разрешить допуск западных офицеров в Красную армию. Более того, «демон революции» хотел осуществить интервенцию Антанты в Россию по... приглашению самого Советского правительства. «Да, такое предложение неоднократно и вполне официально обсуждалась на заседаниях ЦК. В последний раз это произошло 13 мая 1918 года, а уже 14 мая Ленин бодро зачитывал во ВЦИК сообщение советского полпреда в Берлине Иоффе, уверявшего соввласть в отсутствии у кайзеровской Германии каких-либо агрессивных намерений». Троцкий же выступал за войну на стороне союзников. 22 апреля 1918 г. он заявил: новая армия нужна Советам «специально для возобновления мировой войны совместно с Францией и Великобританией против Германии». На «просоветскую» интервенцию очень надеялись деятели Антанты, в этом их поддерживали западные представители в РСФСР. Британский дипломат и шпион по совместительству Б. Локкарт считал необходимым заключить с большевиками детально разработанный договор и «доказать делами», что те готовы, не поддерживая существование Советов, не бороться с ними политическим путем и «честно помогать им в трудно начинающейся реорганизации армии». В указанный период Троцкий активно контактировал с британской разведкой, о чём откровенно и поведал сам Локкарт. По его словам, английская разведка рассчитывала использовать в своих интересах «разногласия между Троцким и Лениным», столкнув их лбами.

Коварные шаги Троцкого, руководившего на перегово-

рах российской делегацией, отказавшегося принять немецкий ультиматум, заявившего, что договор не подпишет, войну прекратит, а армию демобилизует, многократно утяжелили положение Советской России... Объясняя позиции большевистской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске, Троцкий позже признает: «В Брест-Литовске мы отправились для того, чтобы заключить мир. Почему? Потому что воевать не могли. На совещании представителей фронта мы произвели предварительную анкету, вывод которой был совершенно ясен: армия не хочет и не может воевать. Вывод этот был, впрочем, только формальным подтверждением вполне очевидного факта...» Правда, он при этом не объяснил его предыдущей позиции, а она пахла изменой. Когда Троцкий и его компания своими действиями спровоцировали немецкое наступление и захват огромных территорий России, их нужно было расстрелять на месте тогда же — как предателей народа... Всё указывает на то, что Троцкий выполнял секретные инструкции англичан, переданные ему через английского резидента Вайсмана. Похоже, он давно играл на двух политических «столах»: давал США и Англии обоснования его верности союзникам, а немцам давал основания для вторжения в Россию и её последующего разграбления. Во время одного из выступлений Льва Троцкого на переговорах в Брест-Литовске немецкий генерал Макс Гофман положил ноги на стол

Немецкая и советская делегация в Брест-Литовске

(в знак презрения к пустопорожней демагогии) и велел советской делегации убираться домой восвояси. Тем не менее немцы сразу поняли ту выгоду, которую им представлял подобный демарш главы большевистской делегации на мирных переговорах. Немцы тут же воспользовались «революционным отказом» г-на Бронштейна и стали наступать. Один из немцев честно заявил: «Надо поставить памятник Троцкому... Это удивительное счастье для Германии, что русские не захотели вовремя мириться с нами». Другой заметил: «Для нас не могло произойти ничего более благоприятного, чем решение Троцкого. Территориальный вопрос будет полностью решён по нашему желанию». Хотя немцы ещё при Временном правительстве получили под контроль огромную часть земли России с населением в 56 млн (фактически с третью населения страны). Потеряно более 1000000 кв. км русской земли. Ардаган, Карс, Батум отошли к Турции.

Ленин сделал то, что от него настоятельно потребовала ситуация. Кстати, Антанта упорно отвергала все предложения большевиков о заключении мира или перемирия. Совнарком и НКВД буквально «атаковали» страны Антанты и США мирными предложениями. Но те не желали русских даже слушать... Оно и понятно: ощущая вкус близкой победы над странами Четверного союза, главари Антанты уже радостно потирали руки, предвкушая близкий передел мира и богатейшие контрибуции. Знаем мы и то, что советник президента США, полковник Хауз, очень не хотел, чтобы в мировой войне победила Россия. В этом случае, по его словам, ей стала бы принадлежать и власть на континенте. Но, скорее всего, янки не желали победы ни одной из сторон. Их цель и в первой и во второй мировой войнах — заставить все стороны драться как можно дольше друг с другом, и на крови миллионов зарабатывать бешеные деньги. Такова уж суть стратегии монолистического капитала. По приказу Троцкого и Ленина была распущена и армия, которая, впрочем, фактически не существовала, взорваны линкоры, тяжелые крейсера перегнали в Германию на переплавку. Россия должна была выплатить Германии контрибуцию в 6000000000 марок. Германия после поражения (за месяц до её полной капитуляции союзникам) получила эти

деньги от России и выплатила Франции свою контрибуцию русским золотом (согласно данным секретного протокола Брестского мира, 93,5 тонны золота поступило от большевиков в Германию в сентябре 1918 г.). Таковы последствия дипломатических шагов господина Бронштейна во время его руководства НКВД. Упаси нас Боже от таких господ-дипломатов.

Большевики были практически единственными, кто четко выполнил давнее требование масс, выдвигаемое безмерно уставшим от войны народом России — они дали мир... Заслуживает внимание оценка события честными историками, компетентными дипломатами. С. Илларионов, чрезвычайный и полномочный посол, бывший проректор Дипломатической академии МИД России, а сегодня профессор Международного центра информатизации (Бельгия) говорит так: «Суть российских предложений к участникам мировой войны была проста: не медля заключить справедливый мир, а именно — мир без аннексий и контрибуций. Но как раз такой мир был не нужен странам Антанты и США. Они были уверены, что победят Германию и поделят между собой её наследство. Выход же России из войны затруднял осуществление этих планов. Ведь Россия притягивала на свой

Троцкий, немцы и Брестский мир

*М. Покровский, В.Альфатер, А. Иоффе,
Л. Троцкий*

фронт до половины немецких дивизий. А то, что война истощила к тому времени Россию, то, что в ней росли разруха, голод и обнищание населения, — всё это союзников не волновало. Даже, скорее, устраивало, т.к. давало основания вести себя по отношению к России, как к бедной родственнице: после победы с ней не надо было делиться чем-то существенным. Большевики обратились к правительствам Франции, Великобритании, Италии, США, Бельгии, Сербии, Румынии, Японии и Китая, запросив их согласие на начало 1 декабря мирных переговоров. Своим отказом Антанта вынудила их самостоятельно начать переговоры с Германией. Где же здесь предательство? Негативных характеристик заслуживают те, кто отказался предпринять шаги к миру, к избавлению народов от тягот навязанной им войны. Кстати, известный факт: сами наши союзники в тайне от России вели на территории Швейцарии переговоры с Австро-Венгрией — основным союзником кайзеровской Германии. Этим занимался британский генерал Сметс, партнером которого был австрийский граф Менсдорф. Больше-

вики же в марте 1918 г. спасли российское государство от гибели». Но слова честных людей в России ныне тонут в воплях подлецов истории.

Хотя решение вопроса о мире с немцами и большевикам далось не просто... Новой советской делегации во главе с Г. Сокольниковым пришлось условия «похабного» мира принять на более тяжёлых условиях, чем ранее. После подписания мирного договора от Российской империи в пользу Германии отошли Польша, Финляндия, Латвия, Литва, Украина, Белоруссия, Аландские острова, Рижский залив. В результате страна

вынуждена была уступить немцам более четверти своих пахотных земель со всем их населением и тремя четвертями металлургической и сталеплавильной промышленности. Кроме того, Россия передавала немцам в счёт огромной контрибуции, возложенной на неё, и первую партию золота и кредиток. Троцкий пытался оправдываться: «Ленин боролся за революцию 30 лет. Я борюсь против угнетения народных масс 20 лет. И мы не можем не питать ненависти к германскому милитаризму. Утверждать противное может только тот, кто не знает, что такое революционер... Не позволяйте никому в этом зале говорить, что мы наём-

Подписание мирного договора с немцами

ники Германии, потому что это голос не убежденных революционеров, а голос подлости». Но эти слова уже не могли скрыть сути сделанного им. Троцкий заметил: «Для Людендорфа это была авантюра, на которую тот вынужден был пойти из-за тяжелого военного положения немцев. Ленин воспользовался расчетами Людендорфа в ...собственных интересах. Людендорф рассчитывал про себя так: «Ленин победит патриотов, а затем я удушу Ленина и его друзей». Расчёт Ленина был таков: «Я проеду на людендорфском поезде, а потом отплачу ему за услугу по-своему». Трудно понять, чем он руководствовался, публикуя секретные договоры стран, и вместе с Иоффе беря с потолка цифры российской контрибуции для Германии. В этой истории много неясного. Также и немцы подозревали большевиков. Людендорф писал в мемуарах: «Доверие нашего правительства к большевикам зашло так далеко, что оно вознамерилось обеспечить господина Иоффе оружием и боеприпасами. Господа, доставившие мне соответствующее письмо ведомства иностранных дел, заметили: «Это вооружение останется в Германии, господин Иоффе использует его против нас». Мельгунов писал, что Троцкий «ломал комедию». Договорившись с Лениным, он намекал французам и англичанам, что съезд не ратифицирует мирный договор, прося у союзников поддержки. Троцкий в воспоминаниях говорит о комедии фиктивной отставки, сделанной с целью показать немцам, с каким трудом удалось достичь мира и какие «миролюбивые» они, т.е. «ленинцы», что выступили за мир. После отставки с поста комиссара иностранных дел Троцкий назначен комиссаром по военным делам, но в общественном мнении России он предстал иудой. К Троцкому навсегда приклеилось с тех пор и ленинское прозвище «Иудушка Троцкий». Напомним, по характеристике Салтыкова-Щедрина, Иудушка — это человек, ли-

шенный всякого нравственного мерила, бессовестный. К тому же он невежествен без границ, сутяга, лгун и пустослов.

Оппозиция решению о мире в партии была внушительной. Против выступили петербургская организация и московское областное бюро, выказавшие недоверие ЦК ввиду его политической линии. Против «похабного» мира и за «революционную войну» ратовали и левые коммунисты (в их числе и историк М.Н. Покровский). Оппозиционеры миру выкладывали веские аргументы. Назначенный вместо Троцкого Сокольников заявил, что «этот мир, который якобы освобождает расположенные на границе России провинции, на самом деле превращает их в германские провинции и лишает их права свободного самоопределения, предоставленного им рабоче-крестьянским правительством России... Это мир, который возвращает землю землевладельцам и снова отдаёт рабочих в рабство владельцам фабрик. Но мы ни на минуту не сомневаемся, что этот триумф империалистов и милитаристов над интернациональной пролетарской революцией — факт временный и проходящий». В западной прессе явилось немало злобных выпадов против сепаратного мира большевиков. «Если бы император Германии потребовал в качестве столицы Москву и Урал — в качестве своей летней резиденции, — едко иронизировала «Мюнхенер пост», — русские подписали бы это не моргнув глазом». ЦК собиралось восемь раз, Ленину пришлось выступать

Ленин, Бухарин, Зиновьев

более дюжины раз. Тогда, после ожесточенных споров внутри левых сил, Ленин наконец заявил, что он выйдет из правительства и ЦК, если не будут приняты его условия. И мир был подписан в Брест-Литовске. 6—8 марта 1918 г. экстренный VII съезд РКП(б) одобрил это ленинское решение, а IV съезд Советов ратифицировал Брестский мир. Однако многие большевики приняли условия мира, как говорится, «сжав зубы» и не скрывая бешенства... Левые эсеры, как потом выяснилось, даже зондировали почву у «левых» коммунистов об аресте Ленина. Вдохновляемый Бухариным, Струков предлагал в партийном комитете московского района подвергнуть аресту Ленина, Сталина и Свердлова и в случае сопротивления убить их. Правда, эти сведения получены на политическом процессе 1938 г. «блока правых и троцкистов» (показания Яковлевой), что делает подобного рода факты сомнительными. Известна атмосфера, в которых делались подобного рода признания, но то, что мир с немцами вызвал озлобление и ненависть к большевикам у весьма значительных групп населения, сомнения не вызывает. К примеру, из 22 резолюций партийных комитетов, конференций и собраний, поступивших в центр до 18 февраля 1918 г. от 160 партийных организаций, против мира было большинство. Свою долю ответственности за подписание более тяжёлого мира с Германией нёс и Бухарин. Он, другие горе-левые, упиваясь «революционностью» и «принципиальностью», отказывались идти на подписание мира, утверждая, что немец не сможет наступать, а опасения на счет германского наступления беспочвенны. Ленин в статье «Серьезный урок и серьезная ответственность» в «Правде» (5 марта 1918 г.) писал: «Бухарин пытается теперь даже отрицать тот факт, что он и его друзья утверждали, будто немец не сможет наступать. Однако очень и очень многие знают, что это — факт, что Бухарин и его друзья утверждали это; сея такую иллюзию, они помогли германскому империализму и помешали росту германской революции, которая ослаблена теперь тем, что у великороссийской Советской республики отняли, при паническом бегстве крестьянской армии, тысячи и тысячи пушек, сотни и сотни миллионов богатств. Я это

предсказал ясно и точно в тезисах от 7 января». Политика не терпит иллюзий.

Как бы там ни было, мир дал советской власти передышку. Выступая перед рабочими, Ленин скажет: «Вы увидите, что наша политика была единственная, которая так же, как и политика Брестского мира, принесла нам массу тяжелых бедствий, но которая дала возможность Советской власти и рабоче-социалистической революции в России продолжать держать своё знамя перед рабочими всех стран». Хотя тяжесть последствий сепаратного мира была для России велика, но куда страшнее был бы триумф контрреволюции.

Вспомним, что и Парижская Коммуна в 1871 г. погибла, когда войска немцев окружили революционный Париж, а потом дали возможность белой гвардии уничтожить ядро революции. История всё же подтвердила глубочайшую правоту и прозорливость Ленина. 9 ноября 1918 г. в Германии произошла революция. Власть Гогенцоллернов была низвергнута. Коммунисты под руководством Карла Либкнехта и Розы Люксембург, требовавшие дальнейшего развёртывания революции и провозглашения в Германии по примеру России советской власти, подняли мятеж в январе 1919 г. против социал-демократов. Возникла реальная опасность гражданской войны. Мятеж подавили отряды фрайкора под руководством Г. Носке. Либкнехт и Люксембург были убиты без суда. В 1919 г. Ф. Эберт становится первым президентом Веймарской республики. Но уже 13 ноября 1918 г. ВЦИК смог аннулировать кабальный Брест-Литовский

Революция в Германии. Ноябрь 1918 г.

**Выступление К. Либкнехта в Берлине.
Декабрь 1918 г.**

договор, заодно с ним Берлинское дополнительное соглашение (вместе с условиями по контрибуции и территориальными уступками). Ранее фразеры и демагоги могли запросто погубить нашу революцию. Дин, проф. В.Я. Гросул подчёркивает всю трагичность положения России, которая в результате преступной политики правящих кругов была обращена фактически в финансовое рабство Запада: «В 1917 г. в стране возник общенациональный кризис, охвативший буквально все сферы экономики, социальных отношений, политического устройства. Под вопрос было поставлено само существование России как единого и независимого государства. Достаточно сказать, что государственный долг России к октябрю 1917 возрос до 49 млрд рублей, из них иностранный долг составил 11,2 млрд, тогда как в 1914 г. он был равен 4 млрд, то есть за время войны увеличился почти в три раза. Россия, таким образом, всё более попадала в финансовую зависимость от стран Запада. Октябрьская революция... носила освободительный характер, избавив страну от уплаты колоссальных займов».

Российская империя уже почти не существовала как геополитическое понятие,

русская армия представляла небоеспособную единицу. Войсками нельзя управлять, а разложение приняло массовый характер. Лозунг Троцкого «Штык в землю!», конечно, фактически означал капитуляцию перед немцами, чуть ли не прямое приглашение их войск к захвату территорий России. Немцы смогли ничтожной группой войск захватить Псков. Большевики побежали, несмотря на все протесты и требования советской делегации, несмотря на отчаянные попытки Володарского организовать отпор немцам (с помощью «железной руки пролетариата»), несмотря на угрозы «по фонарям развешивать всех буржуев».

Советские войска оставляли свои позиции столь поспешно, что, по свидетельству очевидцев, итоги их сопротивления было «до курьёза ничтожны» (ни одного не было убито). Но значит ли это, что картина ожесточённых боев Красной армии и пролетариев, в ходе которых якобы и родилась Красная армия под Псковом, это скорее вымысел историков. Говорят, что большевики спали и видели, чтобы немцы взяли Петроград и даже Москву. «Комсомольская правда» охотно даёт трибуну господам типа «механического органчика» М. Веллера, что с готовностью стряпают различные пропагандистские блюда из смеси полуправды и откровенной лжи: «Говорят, Чичерин про-

Э. Козлов. Первый ленинский декрет

сил немцев взять и Петроград? И даже Москву? — Это факт. Когда в марте 1918-го большевики переехали в Москву, в Петрограде стало неустойчиво. Англичане высадили десант под Архангельском, а из Эстонии начали двигаться белые. Расчет был прямой — 5 августа 1918-го наркоминдел Чичерин, сменивший Троцкого (Троцкий уже был назначен наркомвоенмором), обратился к послу Германии Гельфериху с официальной просьбой — включить в зону «расквартирования» немецких войск Петроград, контролировать порядок в нем». Может, большевики просили немцев заодно и ликвидировать Советскую власть?! Было бы честнее, если бы эта газета сменила имя «Комсомольская правда» и назвала себя иначе: «Капиталистический лжец».

Хотя вон и Веллер признает: «Именно большевики сделали из аморфной России мощное, монолитное и жёсткое государство». Но попытки сопротивления всё-таки имели место. Окраина Пскова, где установлен ныне памятник, в 1918 г. являлась рубежом, на котором молодые отряды Красной Армии получили боевое крещение, защищая завоевания революции 1917 г. В феврале 1918 г. по вине Троцкого сорваны мирные переговоры с Германией. Немцы начали наступление по всему фронту. Действуя по разработанному плану нанесения главного удара на Петроград, они сосредоточили основные усилия на Псковском и Нарвском направлениях Северного фронта. И Ленин обратился с призывом защищать социалистическое Отечество. Призыв к решительному отпору силам интервенции вызвал мощный подъем в стране. В февральские дни развернулась мобилизация всех сил на борьбу с врагом: на фабриках и заводах проводилась массовая запись добровольцев, создавались первые красноармейские отряды.. Те вместе с отдельными революционными частями старой армии оказали упорное сопротивление захватчикам. С 1918 г. в нашей стране 23 февраля отмечается как день рождения Красной Армии. На Псковский участок в распоряжение командования Северного фронта

Мы — внуки Суворова, дети Чапаева

были направлены сформированные в Петрограде рабочие и красногвардейские отряды, отряды моряков Балтийского флота. В Пскове о начале наступления немцев стало известно 19 февраля. В тот день, отмечают историки, был организован чрезвычайный военно-революционный штаб обороны города в составе Б.П. Позерна, К.В. Гея, А.А. Иванова, М.П. Ушарнова и других. Штаб разместился в левом крыле бывшего кадетского корпуса... Главный вход в кадетский корпус был со стороны улицы Гоголя. В городе было введено осадное положение. 21 февраля в Пскове состоялся митинг. С речью к собравшимся обратился Б.П. Позерн. Он говорил о серьёзной угрозе, нависшей над страной в связи с наступлением немцев, о значении Пскова для обороны Петрограда, призывал население к защите Пскова. В тот же день К.В. Гей сообщил в Петроград, что меры для борьбы с врагом принимаются, что формирование красных отрядов идёт усиленными темпами. Запись добровольцев в Красную Армию проводилась в кадетском корпусе и в бывшей школе прапорщиков в Омских казармах на Завеличье. Хотя к тому времени в армию вступило 450 человек. Согласно директиве командования Северного фронта защищать Псков должны были основные силы 12-й армии. Однако старая армия не могла не только разгромить, но даже и задержать наступление противника. И 23 февраля враги уже заняли город Остров, расположенный лишь в 60 километрах от Пскова.

Управление войсками Северного фронта принимало меры по мобилизации сил на отпор врагу. Южнее Пскова в сторону Острова были взорваны мосты как на железнодорожной магистрали, так и на шоссе. Взорвали мост и через Череху между станцией Череха и Псковом. Подготовили к взрыву Рижский железнодорожный и Ольгинский мосты через Великую. В боях на подступах к Пскову принимали участие бойцы 2-го красноармейского полка во главе с А.И. Черепановым, две роты, поддержанные пулеметной командой, 2-го Рижского латышского полка, кроме них — партизанский отряд сибиряков под командованием И.М. Ляшкевича. Участвовали и солдаты железнодорожных войск и псковские красногвардейцы под руководством большевика А.А. Иванова. Они занимали оборону по берегам рек Череха и Многа в районе деревень Большое и Малое Лопатино и станции Череха. Кайзеровцы двигались к Пскову по обеим сторонам железной дороги. Отряды молодой Красной Армии 24 февраля вступили в бой с противником, отразили ряд атак. В течение дня они удерживали позиции, не позволяя вражеским войскам с ходу пробиться к Пскову. Но под натиском основных сил врага красные вынуждены были отойти по шоссе в сторону Петрограда.

Отряд псковских красногвардейцев отошел вдоль железной дороги (мимо Промежиц по направлению к Пескам). Там находился крупный склад пироксилина. Вече-

ром 24 февраля, когда немецкие войска приблизились к складу, красногвардейцы взорвали вагон со взрывчаткой. От детонации взлетел на воздух склад. 30 офицеров, 34 унтер-офицера и 206 солдат похоронили захватчики. Их могилы долго напоминали о том, как псковичи встречали непрошенных гостей в 1918 г. Враг наседал. Его артиллерия обстреливала Псков. В городе возникли пожары. Горели Енисейские казармы у Гремячей башни. 24 февраля вечером немцы при поддержке бронепоезда, прошедшего через не взорванный Рижский железнодорожный мост, захватили станцию Псков». Такова была официальная версия. В наши дни, когда все и вся подвергается сомнению, причём часто вовсе необоснованному, историки уточняют картину: «Нет, дело обстояло не так. Под Нарвой кроме моряков и рабочих-путиловцев находились: сводный красноармейский отряд Кляве-Клявина, группа венгров-интернационалистов во главе с Б. Куном, отряд под командованием В. Азина. Начальником Нарвского боевого участка был назначен бывший командующий 12-й русской армией генерал-лейтенант Д. Парский. Столкновения с германскими частями здесь начались не 23 февраля, а лишь 3 марта. Опасность выхода немцев в тыл, их подавляющее превосходство в артиллерии вынудят красных отступить. После упорного боя (сопротивление немцам было!) 4 марта 1918 г. противник занял Нарву. Что же касается Пскова, город несколько раз пере-

Бой Красной армии под Нарвой

ходил из рук в руки. Боевые действия на этом направлении начались под вечер 23 февраля. Передовые части немцев пытались с ходу прорвать оборону большевиков под Псковом. Им не удалось это сделать.

Но отошедший из-под Риги 2-й Красноармейский полк под командованием А. Черепанова и прибывший из Петрограда 1-й Красноармейский полк смелыми контрактами отбрасывали врага на исходные позиции. Только под прикрытием огня бронепоезда и крупнокалиберных орудий немцам удалось прорваться вечером 24 февраля к станции Псков-1. В ночь на 28 февраля они захватили центр Пскова, а затем в течение дня — и весь город. И хотя ни о каких громких победах нашего оружия под Псковом или тем более под Нарвой говорить нет оснований, но разве в этом дело?! Склоним головы перед памятью первых романтиков революции в солдатских шинелях... Русской армии тогда практически не существовало. Она представляла тогда, по выражению председателя Совнаркома Ленина, «нулевую величину» (декрет о её организации был подписан в конце января). И тут — сразу в бой! И с кем — с опытнейшими кайзеровскими полками, за плечами которых 3,5 года войны. Но первые красноармейцы с винтовками-трехлинейками в руках знали, за что сражались, хотя не принимали военной присяги (её не было). Кстати, те первые бойцы были добровольцами. 23 февраля 1918 г. в 10.30 утра в Петрограде от немцев получен жесткий ультиматум, на все размышления — 48 часов. «Советская власть должна констатировать полную невозможность сопротивления германцам... Нам встали коленом на грудь...» В течение десятилетий отмечали 23 февраля как день рождения Красной Армии. В действительности же декрет Совнаркома о создании Красной Армии. Сепаратный мир с Германией был в России непопулярен. О том, как складывалась атмосфера в дни подписания Брест-Литовского договора, говорит сцена пребывания в Пскове революционной делегации, заключавшей это перемирие. Члены делегации шли сквозь живой коридор немецкого караула под крики окружавшей их разъяренной толпы, кричавшей в их

адрес: «Разбойники! Грабители! Хриstopродавцы! Ироды! Погубили Россию!» Показательна и картина, сопровождавшая переезд правительства большевиков из Петрограда, т.е. «красной столицы», в Москву. Ленину тогда с немалым трудом удавалось склонить видных партийцев к переезду. Но в те дни важнее всего было во что бы то ни стало сохранить Советскую власть. Значение имело и то, где будет находиться отныне Советское правительство: «Мы в Смольном, а будем в Кремле... Вся символика перейдёт в Кремль». На IV Съезде Советов вопрос о переносе столицы в Москву был решен, и 10 марта литерный поезд № 4001 из глухого местечка Петрограда ушёл в Москву, увозя основной костяк большевистской власти. Большевики покидали Смольный организованно. Не так, как это сделали барышни из Смольного Института в 1917 году. Оставив в стороне эти мелочи, скажем: мир России был необходим.

Переезд правительства едва не завершился катастрофой. Большевики тщательно готовились, чтобы отъезд произошел в глубокой тайне (10, а не 11, как объявят газеты), когда Совнарком выезжал из Петербурга, поезд был окружён в ночь с 11 на 12 марта на станции Малая Вишера отрядом матросов из 400 человек и 200 солдат. Те были намерены учинить расправу с «жидовским» правительством, продавшим Россию немцам и увозящим золото империи... «Символика» получилась совер-

Рождение Красной Армии

шенно неожиданная! Спасла положение латышская преторианская гвардия большевиков. Предусмотрительный Ленин ещё в дни разгона Учредительного Собрания распорядился вызвать один из наиболее надежных латышских полков, что мог бы проявить в нужном случае «пролетарскую решимость». Тем не менее опасность для большевистского правительства — со стороны его противников — на время отступила.

Глава 4. Учредительное собрание — фиговый листок российской буржуазии

Древнейшей формой самоуправления на Руси в ряде городов было народное собрание — вече. Вечевыми феодальными республиками являлись Новгород, Псков, Вятка. Правителей-князей, что фактически были воеводами, приглашали управлять данным городом или территорией на определенных условиях. Органом власти, работавшим на постоянной основе, был Совет. Туда входят избранные вече «степенные» посадники и тысяцкие, а также «старые» (бывшие ранее у власти). Главой феодальной республики был владыка — архиепископ. Большинство княжеств на Руси были феодальными монархиями, с наследственным главой — князем («великим князем»). В работе вече участвовали не все горожане,

а только полноправные члены общины — главы семейств. Такого рода устройство хотя и можно отнести к демократическим, но оно имело и слабые места. Порой возникало двоевластие. В Новгороде, где не были редки внутренние противоречия, иногда собирались два противоборствующих вече — одно «у святой Софии» — главного собора города, другое — на противоположном берегу Волхова «на Ярославле Дворе», где когда-то обитал князь Ярослав. Порой в ходе этих собраний случались серьезные распри, переходившие даже в потасовки. Новгородская летопись не раз отмечала, что на вече народ частенько сходился как на лютый бой, «в доспесех, аки на рать». В политический напиток России долю хмеля вносила и идея общинно-уравнительных, вечевых порядков, идея Земского собора. В основном российском обществе, что веками строилось на противопоставлении власти сильных мира сего, знати, с одной стороны, и плебса, с другой, мечты о равенстве давно будоражили умы... Идея Учредительного собрания (в целом, чуждая форма правления для царской России) имела более чем столетнее прошлое. Она занесена из Франции, будучи «семенем» революционного Конвента. Такая близость по форме к учреждению революционеров-санкюлотов пугала стоявших на консервативно-монархических позициях.

Октябристы негативно отнеслись к идее, видя в ней разрыв с русской традицией и основу будущих грозных потрясений, монархическая Всероссийская Отечественная

Уничтожение Новгородского вече

партия ставила созыв Учредительного собрания в один ряд с другими революционными актами, порождавшими смуту. С другой стороны, российская радикально-либеральная интеллигенция, буржуазия видели в оном волшебный социально-политический инструмент, «чудо-корень», что должен радикально обновить страну, избавив её от архаической власти. И даже социалисты не могли игнорировать «мечту об Учредительном собрании», ибо не только либерально-демократические силы «мечтали о Думе». Ведь и рабочие требовали от царя: «...повели, чтобы выборы в Учредительное собрание проходили при условии всеобщей тайной и равной подачи голосов». Так, в прокламации от 8 января 1905 г., напечатанной Кавказским союзом РСДРП, звучало: «Учредительное собрание, избранное на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, — вот за что мы должны бороться теперь!». Большевики не были сторонниками сословно-буржуазного парламента, но и они на каком-то этапе вынуждены были согласиться с идеей созыва российского парламента. В.И. Ленин согласился баллотироваться в Учредительное собрание (от Северного фронта и Балтийского флота), он был готов стать избранным в Учредительное собрание от РСДРП (большевиков). Первое заявление сделано им в 1905 г., второе относится уже к кануну Октябрьской революции (25 октября 1917 г.). Хотя в дальнейшем он и будет называть орган не иначе как «либеральной шуткой». Возможно, в том числе и потому, что его не избрали в Думу. Хотя, говоря серьёзно, Учредительное собрание не нужно ни монархистам, ни революционерам.

Однако при этом, если уж говорить о «синей птице» Учредительного собрания, каждый класс и сословие, каждая партия или даже центр влияния хотели видеть такое собрание если не полностью в своем услужении, то уж безусловно в орбите своего влияния. Практически же это создавало ситуацию, при которой мечты об Учредительном собрании была грезами о фантастическом граде Китеже. Вроде бы где-то он должен быть, но в реальности его никто не видел. Выборы в Учредительное собрание не были фарсом. Это был первый демократический акт освободившегося народа. С конца XIX в. и до окончания Граж-

данской войны на территории России в 1920 г. в стране функционировало около 90 политических партий, в том числе — 39 буржуазных и 7 помещичьих. 12 ноября 1917 г. состоялись выборы в Учредительное собрание (российский парламент). Результаты выборов таковы: более 39 млн избирателей (80,6%) отдали голоса левым партиям, высказавшись за «демократическую модель» в России на базе многопартийности (4,5% избирателей поддержали кадетов, и 0,6% — монархистов). Но большевики оказались в «Учредилке» в меньшинстве (1-е место у эсеров — 40,7% голосов, 2-е место у большевиков — 24% голосов, 3-е место у буржуазии — 16,6%, 4-е место у меньшевиков — 2,7% голосов), т.е. из 715 членов Учредительного собрания 412 были эсерами, 183 большевиками. При этом раскладе, когда большинство у эсеров, создание эсеровского правительства было неизбежным. Собственно, ещё ранее на совещании в Викжеле представителей восьми социалистических партий и нескольких межпартийных организаций эсеры выдвинули на пост главы правительства эсера В.М. Чернова вместо Ленина. Каменев с этим был согласен (в отсутствие Ленина и Троцкого). Однако Троцкий и Ленин сумели тогда переломить ситуацию в РСДРП (б) и большевики настояли на первенстве их партии в будущем правительстве. Однако эти партийные споры не затронули массы. Как раз народ-то менее всего и нуждался в выборах. По данным Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание, «интерес к выборам не проникает в народную толщу, а ограничивается верхами». Ничего удивительного в таком отношении к Учредилке нет. Учредительное собрание, если бы оно даже завершило свою работу, бесспорно, главным образом выражало бы, отражало интересы крупной и средней буржуазии, генералов и помещиков.

Власть Учредительному собранию

Этот момент стал определяющим как в судьбах Учредительного собрания, так и, видимо, в судьбах России в XX веке. Большевики, имея лишь четверть голосов в Собрании, можно сказать, потерпели поражение на ниве демократии. Но, во-первых, вскоре они завоевали большинство голосов, а, во-вторых, они никогда и не были демократами в буржуазном смысле этого слова, как не были ими и монархисты, и меньшевики, и эсеры. Л.Г. Протасов, один из тех, кто основательно изучил проблему, вправе был сказать, что большинству населения России были абсолютно чужды все эти общедемократические ценности, а правосознание людей определялось не абстрактными категориями, а реалиями жизни. Россия была «самой свободной страной» в тот период, но в том числе свободной и от тех самых условий, которые и должны были воплотить в жизнь эфемерную модель устройства, обусловленную Учредительным собранием: «Было бы утопично ожидать от Всероссийского Учредительного собрания чудесного разрешения всех жгучих общественных проблем своего времени: шансы его на успех были малы, может быть, ничтожны. Всякая историческая альтернатива в «веере вероятностей» имеет границы своей осуществимости, и торжествует та, у которой эти границы шире. Но из того, что демократическая альтернатива с Учредительным собранием в России не состоялась, вовсе не следует, что она не могла состояться вообще, что страна шла по строго предписанному историческим роком пути. Не является ли сам факт демократического избрания и созыва Учредительного собрания весомым аргументом против исторического фатализма? Недавний крах тоталитарного режима в России, происшедший в отличие от других подобных режимов под воздействием сугубо внутренних причин, подтверждает, что ростки представительной демократии сохранились и выжили. Кроме того, человеческий опыт указывает, что нереализованные альтернативы не исчезают бесследно. Тем более, если те ведут общество к прогрессу». Ситуации в момент выборов в Учредилку и после Октябрьской революции были различны.

Новое соотношение сил, конечно, диктовало большевикам и иное поведение. Ленин никогда не скрывал, что «вся история

**Учредительное собрание —
«калоша буржуазии»**

большевизма, и до и после Октябрьской революции, полна случаями лавирования, соглашательства, компромиссов с другими и в том числе с буржуазными партиями!» В политике, которая есть ни что иное как борьба различных политических сил за власть, без этого и не бывает... В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин привёл как самый характерный пример именно позицию РКП (б) в отношении Учредительного собрания. Он писал: «И однако массы поняли большевиков; и большевикам не помешало, а помогло то обстоятельство, что они накануне советской революции, в сентябре 1917 года, составляли списки своих кандидатов в буржуазный парламент (Учредительное собрание), а на другой день после советской революции, в ноябре 1917 года, выбирали в то самое Учредительное собрание, которое 5.I.1918 г. было ими разогнано». И хотя иные продолжают и поныне считать возможным существование в Учредительном собрании «союза» левых эсеров и большевиков, но пример полнейшей беспомощности Демократического совещания, а затем и Предпарламента в 1917 г., пожа-

луй, не оставлял больших надежд на эффективную работу этой «говорильни». Так что Ленин, вероятно, был прав в своём негативном отношении к этому собранию.

Хотя большевики понимали, что для того чтобы сохранить власть, им придется пойти на союз с разного рода близкими и не очень близкими политическими силами. К этому их побуждали всенародные ожидания, да и расклад политических сил в России в тот момент. Поэтому одним из ключевых вопросов политического противостояния и будущего России стал на тот момент вопрос о созыве Учредительного собрания. Эта ситуация до сих пор вызывает споры. К коалиции с влиятельными силами большевиков подталкивала сложность политической ситуации. Профсоюз железнодорожников (ВИКЖель), самый мощный профсоюз России, объединявший 700 тыс. рабочих и служащих, требовал создания коалиционного социалистического правительства, в противном же случае угрожал всеобщей забастовкой. В профсоюзе управляли правые меньшевики и эсеры (из числа тех, кто ранее поддерживал буржуазию), враждебно встретившие победу в Октябрьской революции большевиков. Союз с ними не обещал последним ничего хорошего, но они вынуждены были маневрировать. Ленин и большевики считали Советы высшей формой народной демократии, тогда как выборы в Учредительное собрание вели к нивелированию роли Советов и совсем не отражали волю народа.

Знаки Учредительного собрания

Наконец, 5 января 1918 г. в Петрограде открылось Учредительное собрание, о котором столько говорилось. Свидетели отмечали, что многое в той обстановке напо-

минало театр... Депутат Мстиславский вспоминал: «Мы собирались... на заседания, как в театр... Мы знали, что действия сегодня не будет, будет только зрелище». «Актеры» в собрании читали роли в антибольшевистском духе. Учредительное собрание раз за разом отклоняло резолюции большевиков. Отвергнута и «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В конце концов всё решало соотношение сил в центрах политической борьбы, в первую очередь то, с кем была армия. Как когда-то заметил Наполеон, Бог на стороне больших батальонов. Точно так же и политическая власть на стороне тех, за кем стоит русская армия. И несмотря на то, что $\frac{3}{4}$ населения страны проголосовало против большевиков (хотя и в целом за социал-демократический путь развития) Ленин был прав, полагая, что голоса следует считать иначе. Он обращал внимание на результаты в Петербурге и Москве. А здесь картина была действительно уже иной: за эсеров проголосовало 218 тысяч избирателей, за кадетов — 515 тысяч, а за большевиков — 837. Комментируя цифры, Ленин пишет: «Город не может быть равен деревне. Город неизбежно ведёт за собой деревню. Деревня неизбежно идет за городом. Вопрос только в том, какой класс, из городских классов, сумеет вести за собой деревню». Наконец, в ещё большей степени В.И. Ленина интересовал вопрос о том, как голосовала армия, причём не далекие фронты вроде кавказского, а те, что рядом с Питером и Москвой: и могут вмешаться в политическую драку: «Имея почти половину голосов в армии вообще, мы имели подавляющий перевес на фронтах, ближайших к столицам. А если взять Северный и Западный фронты, то у большевиков свыше 1 миллиона голосов против 420 тысяч у эсеров. Следовательно, в армии большевики тоже имели к ноябрю 1917 года политический «ударный кулак», который обеспечивал подавляющий перевес сил «в решающем пункте в решающий момент». За громкими фразами о единстве и взаимодействии эсеров и меньшевиков стояли иные действия. Почувствовав силу, те сразу встали на путь диктата... Викжель, что в дни Октябрьского революционного собрания соблюдал нейтралитет, не пропуская эшелоны с фронта в Петроград, и тем самым в немалой степени способство-

вал победе большевиков, теперь решил активно вмешаться в политику и изменить баланс сил в пользу буржуазных социалистов. 29 октября 1917 г. профсоюз Викжель потребовал создания однородного социалистического правительства, но при этом без Ленина и Троцкого (персональных «виновников» Октябрьского переворота).

Предлагалось упразднить ВЦИК и СНК, а затем сформировать «Народный совет» (опять-таки без лидеров большевиков). Партиям было предложено приступить к переговорам. В случае отказа профсоюз угрожал большевикам всеобщей забастовкой. На состоявшемся в тот же день заседании ЦК РСДРП(б), в отсутствие Ленина и Троцкого, оставшаяся часть партии приняла решение согласиться. Посланная на переговоры с Викжелем делегация ЦК не возражала против создания коалиционного правительства из представителей всех социалистических партий (без Ленина и Троцкого). Это была сдача, наглядно указывавшая на то, каковы в действительности были отношения внутри большевистской партии, где уже тогда каждый готов сдать соратника и товарища за портфель министра. Естественно, Ленин и Троцкий оценили этот поступок как подлое предательство, равносильное отречению от советской власти. «Если у вас большинство, — заявил Ленин сторонникам многопартийного правительства, — берите власть в ЦК. Но мы пойдём к морякам». В ответ на ультиматум Каменев, Рыков, Милютин и Ногин вышли из ЦК, а Рыков, Теодорович, Милютин, Ногин — сложили с себя и полномочия наркомов. Ситуация была сложной. Многие боялись взваливать на свои плечи проблемы огромной страны. Вспомним, что ещё накануне победоносного восстания 24—25 октября противники одного довольно мрачно предрекали: мы едва ли продержимся две недели, на что Ленин парировал: «Ничего, когда пройдёт два года и мы всё ещё будем у власти, вы будете говорить, что ещё 2 года продержимся». Когда В.И. Ленин 25 октября объявил о своих планах по созданию однопартийного, большевистского правительства, как-то, по словам А. Лозовского, «жутко стало; каждый понимал всю серьёзность сделанного шага». Те же страхи охватили и А.В. Луначарского, признававшегося в письме к жене: «Ясно одно — с

**3-й Всероссийский съезд партии
социалистов-революционеров.
Петроград. Май-июнь 1917**

властью у нас ничего не выходит. Одни мы ничего не сделаем». Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, В.П. Ногин, А.И. Рыков, В.П. Милютин мотивировали своё решение необходимостью создания коалиционного социалистического правительства, заявив в газете «Известия» (4.11.1917): «Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки громадной части пролетариата и солдат...» Объяснили и мотив: в тогдашних тяжелейших условиях сохранение чисто большевистского правительства было возможно лишь средствами политического террора. Ленина обвиняли в бессовестности и задавали вопрос, где у вождя аршин, с помощью которого можно измерить его совесть. Но ЦК большевиков тогда проявил решимость и постановил снять Л. Каменева с поста председателя ВЦИК, заменив его Я. Свердловым.

Казалось, логика и чувство самосохранения должны были бы подвинуть социалистов без учета различий в «оттенках и фасонах» к единым действиям с большевиками и союзу с ними. Меньшевики и эсеры должны были понимать, что находятся «в одной лодке». Во время бури гребцы должны работать веслами дружно, сообщая, вычерпывая из лодки воду, а не добавляя ее. Эсеры были возмущены. Получив в Учредительное собрание в декабре 1917 г. из 41 млн проголосовавших на выборах 16,5 млн голосов, они надеялись иметь в собрании 370 депутатских мандатов против 175 мандатов у большевиков. А это озна-

чало: они бы имели право сформировать правительство. И у них это право отняли. В начале работы съезда лидер меньшевиков Л. Мартов заявил, что позиция большевиков чревата гражданской войной. Он и его сторонники хотели создать некое коалиционное правительство, в котором были бы представлены все социалистические партии, демократические группы. Меньшевик Ф. Дан 24 октября 1917 г. сказал, что если большевистское восстание потопят в крови, то в России вскоре водворится такой «порядок», что на деле будет торжеством «третьей силы». И та «сметёт большевиков, правительство, демократию и революцию». Хотя ещё в 1912 г. было ясно, что в массах большевики пользуются большей поддержкой, чем меньшевики. Касаясь влияния партий в политической жизни России накануне Первой мировой войны и последовавшими революциями, тот же Дан, отмечал, говоря о меньшевиках, что те «пользуются огромным, почти исключительным влиянием в союзах, клубах, профессиональной прессе, но масса их совсем не знает и знать не хочет: пусть попробуют они на выборах сунуться со своими кандидатами, и тогда они увидят!» Жизнь целиком и полностью подтвердила сей вердикт.

Левый эсер Б.Д. Камков (Кац)

Меньшевик П.Б. Аксельрод

Задают вопрос: «А была ли возможность создания демократического правительства после Октябрьской революции?» На II съезде Советов большевики предложили лидерам левых эсеров В.А. Карелину, Б.Д. Камкову, В.В. Спиро войти в состав формируемого большевиками правительство, но те отказались. Правые эсеры, меньшевики и вовсе покинули II съезд Советов в начале работы. Что вызвало такую их реакцию? Чего добивались эсеры и меньшевики? Говорили, что они якобы хотели примирить враждующие стороны. Дело совсем в ином. Предложение помирить Керенского и большевиков — пустая фраза. На самом деле все участники противостояния прекрасно понимали: это невозможно. Проект «примирение» преследовал иную цель. В результате власть должна была перейти из рук большевиков-радикалов типа Ленина и Троцкого в руки оппортунистов Каменева, Сокольникова, Рязанова, а затем из их рук переключать в руки меньшевиков и эсеров. Таков был замысел. Важнейшим условием соглашения должно было стать разоружение большевиков, рабочих отрядов, заключение перемирия между Советами и Керенским, отказ сторон «от террористических мер и исклю-

чительных судов». Все делалось якобы для предотвращения гражданской войны в России, но ещё до начала «примирительного совещания» 30—31 октября 1917 г. меньшевики заявили: с большевиками можно разговаривать лишь с помощью оружия. Их ЦК заявил: «Впредь до полной ликвидации большевистской авантюры никакое соглашение с партией большевиков относительно совместной с ними организации власти совершенно недопустимо». Когда стало ясно, что массы на стороне большевиков и не принимают их игр, меньшевики и эсеры выдумали новую уловку: они якобы согласны войти с большевиками в правительство, если оно будет ответственно перед Народным Советом, состоящим из сторонников Керенского. Вскоре меньшевики отказались и от этого «брака». Ныне им стала любезна «кадетская невеста». На чрезвычайном съезде партии меньшевиков (ноябрь—декабрь 1917) докладчик М.И. Либер заявил: «Никаких компромиссов с контрреволюционным большевизмом... Мы должны... поддержать кадетов в их борьбе за элементарные свободы, против большевиков. Органами нашей борьбы должны стать все общенародные органы, а не вырождающиеся Советы». На тех же позициях ненависти и конфронтации стояли эсеры. ЦК эсеров в газете «Воля народа» заявил, что соглашение с большевиками — «волчья яма, ловушка для демократии». Будь большевики действительно сильны, они бы с презрением отвергли всякое соглашательство. Хотя даже представители профсоюзов ВИКЖЕЛя считали тогда, что большевики «искренне идут на соглашение».

По мнению иных, эсеры являлись в тот период, пожалуй, самой влиятельной революционной партией. Они были активными участниками в организации забастовок на ряде заводов и фабрик, да и при организации вооруженного восстания в 1905 г. в Москве. В то время как численность членов РСДРП (б) ещё в марте 1917 г. по стране не превышала 24 тысяч человек, в столицах России — Петрограде и Москве — их насчитывалось всего 1500 человек. Численность же эсеров, стоявших на позициях народнического социализма, достигала в марте 1917 г., пусть номинально, 500—700 тыс.

человек («мартовские эсеры»). Большевиков к концу 1917 г. было уже 400 тыс., а меньшевиков — 140 тыс. человек. В эсеровской партии сильны голоса радикальной интеллигенции. Принятие на Съезде Декрета о земле, можно сказать, «выношенного» эсерами (Декрет выработан ими на базе 242 местных наказов крестьян), также давало им право на работу в правительстве. Так в чем же дело? Скажем прямо: в основе противоречий между эсерами, меньшевиками и большевиками стоял вопрос о власти... И никто из главных «игроков» не хотел ею делиться. Показательна фигура эсера В. Чернова. Характеризуя эту личность, философ Ф. Степун (1884—1965), входивший в состав Временного правительства, говорил, что, несмотря на талант, тому свойственен дар оппортунистически-артистического приспособленчества. В идеальном отношении он был «мутной» личностью и таким остался в памяти Степуна — «довольно смутным явлением». «Для крупного политика ему не хватало принципиальности убеждений, твердости воли и того дара, которым, бесспорно, владел Ленин: бесстрашия перед временным отливом популярности у масс и приближенных. За Черновым идти было невозможно, потому что, оглядываясь во все стороны, он, в конце концов, вращался только вокруг себя». Другой лидер эсеров, Н. Авксентьев назвал его «неспособным политиком, средним политиканом», за время революции не сумевшим выдвинуть «ни одного яркого лозунга». Тот обожал витийствовать со вкусом, артистично, но совершенно не по существу.

Разгон Кромвелем парламента

В день открытия Учредительного собрания большевики разогнали в Петрограде демонстрацию в его поддержку (12 человек убито, не менее 20 ранено). Большевики выдвинули в председатели Собрания не Ленина и даже не большевика, а члена партии левых эсеров М. Спиридонову. Шаг очень тонкий, который завоевал им на тот момент поддержку левых эсеров. Однако в целом Ленин и другие большевики, присутствовавшие на этом действе, проявляли полнейшее равнодушие, хотя и кажущееся, ко всему, что происходило тогда в зале.

Ну а В.М. Чернов, уже ощущая себя мысленно премьером новой России, в упоении болтал об «общей воле к социализму» и всё сокрушался, что главным революционным силам в России не хватает программного единодушия... Но единодушие навряд ли было возможно. И дело отнюдь не в вопросах тактики и стратегии. Достаточно было ощутить всю грозную атмосферу дворца, где заседали господа-делегаты Учредительного собрания. «Пока Чернов говорил, большевики сидели, небрежно развалившись на своих местах. Они брали пример с Ленина». Свидетель происходящего социолог Р. Петтибридж характеризовал поведение Ленина как «идиотский номер». Хотя это и были мелочи, но те, что отражали глубочайшую серьёзность момента. Обе стороны, пока у них был общий враг самодержавие, как-то терпели друг друга. Теперь царя не стало. И вся десятилетиями, годами копившаяся друг к другу ненависть прорвалась наружу. Задыхаясь от ненависти, обе стороны были готовы вцепиться друг другу в горло. Тщетно лидер меньшевиков Церетели с трибуны Учредилки обвинял большевиков во всех смертных грехах, говоря, что они, де, ведут к гражданской войне. Речь его сопровождалась свистом и гоготом. Матросы-большевики в зале были готовы чуть ли не стрелять в депутатов. Петтибридж писал тогда: «Доказательством этого было пове-

Ф.С. Богородский. Матросы в засаде

дение матроса в нашей ложе. Он монотонно ругался и несколько раз угрожающе вскидывал винтовку. Я сомневаюсь, что он

В.М. Чернов — глава Учредилки

в самом деле собирался стрелять, хотя и испытывал такое желание, но на всякий случай держался к нему поближе. Один из нас поглядывал на его начальника, который хотя и не хотел никаких инцидентов, но эмоционально был весьма возбужден. Несколько раньше в соседней ложе другой матрос развлекался, с ухмылкой глядя на Чернова сквозь винтовочный прицел. Проходящий мимо комиссар, тоже улыбаясь, всё же по советоваля ему опустить винтовку». Петибридж считал, что дискуссии будут длиться долго, и в 11 часов вечера ушёл: «Скажи мне, что к часу Учредительное собрание уже будет разогнано, я бы подтянул ремень, остался и понаблюдал бы ту малость, что ещё оставалась до момента смерти. Откровенно говоря, и само собрание не знало, что оно мертво, пока не наступил момент кончины». Сам момент «кончины» Учредительного собрания был описан многими.

История разгона Учредительного собрания России такова... Совнарком 5—6 января 1918 г. принял решение о роспуске Учредительного собрания. Ленин характеризует оное как «лазейку буржуазии», что в целом и соответствовало истине. В состав чрезвычайного штаба по охране общественного порядка в Петрограде в связи с созывом Учредительного собрания входил тогда и матрос П.Е. Дыбенко, глава Центробалта. Он в городе имел под ружьем свыше 5 тыс. матросов. 5 января 1918, выступая на заседании Учредительного собрания, он заявил от имени матросов Балтфлота: «...Мы признаём только сов. власть; за сов. власть наши штйки, наше оружие, а все остальные — мы против них. Долой их!» 6 января (около 4 ч. ночи) он нарушил указание В.И. Ленина и М.С. Урицкого о недопущении насилия над членами Учредительного Собрания. «Я отдал приказ разогнать Учредительное Собрание уже после того, как из Таврического уйдут народные комиссары, — писал Дыбенко в воспоминаниях. — Об этом приказе узнал тов. Ленин. Он обратился ко мне и потребовал его отмены. «А дадите подписку, Владимир Ильич, что завтра не падёт ни одна матросская голова на улицах Петрограда?» Товарищ Ленин прибег к содействию тов. Коллонтай, чтобы заставить меня отменить приказ. Вызываю Железняку (нач. караула матрос А.Г. Железняков). Ленин наказал ему при-

каза не выполнять и даже наложил на мой письменный приказ свою резолюцию: «Тов. Железняку. Учредительное Собрание не разгонять до окончания сегодняшнего заседания». На словах добавляет: «Завтра с утра, в Таврический никого не пропускать...» За тов. Лениным покидают Таврический и остальные народные комиссары. При входе встречаю Железняку. Железняк: «Что мне будет, если я не выполню приказов тов. Ленина?» Я отвечаю: «Учредилку разгоните, а завтра разберёмся. Железняк только того и ждал»».

В ночь с 5 на 6 января 1918 г. Таврический дворец покинули большевики и левые эсеры... «Учредилку» разогнали посланные большевиками матросы. Во время чтения председателем (Черновым) проекта закона о земле к нему подошел начальник дворцового караула А.Г. Железняков. «Я получил инструкцию, — обратился он к Чернову, — довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал» (голоса: «Нам не нужно караула»). Чернов: «Какую инструкцию? От кого?» А.Г. Железняков: «Я являюсь начальником охраны Таврического дворца, имею инструкцию от комиссара... Прошу покинуть зал заседания». Аргументы типа, что большевики, мол, должны были бы передать власть после победы в руки социалистов-буржуа, в руки тех самых людей, из коих ранее состояло полностью дискредитировавшее себя Временное правительство, не выдерживает никакой критики. Плеханов говорил: «Успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или иного демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы остановиться. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент..., то нам следовало бы сделать его долгим парламентом. А если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели». Это большевики и сделали... Руководители меньшевиков и часть эсеров этого явно не ждали. Они уже готовились возложить на себя всю полноту власти, считая, что за ними стоит большинство населения России. Но вышло иначе. По сути, отказ от Учреди-

Разгон Учредительного собрания

тельного собрания означал закрепление нового соотношения сил на тот момент в России. Чернов впоследствии признал, что Учредительное собрание слишком долго ожидали, но оно к моменту созыва умерло.

Большевики победили. Во-первых, для них мнение голосовавшей за эсеров деревни и мнение примерно половины населения двух российских столиц решающего значения не имели. Штык в политике весил тогда куда больше, чем перо, а тем более демократическая формула «один человек — один голос». Смешно даже и говорить о парламентских методах борьбы после того, как четыре долгих года народы кромсали, уродовали друг друга в невиданной мировой войне! Фраза матроса Железняка к Учредительному собранию: «Каравул устал, расходитесь!» звучит эпическим рефреном к тогдашней исторической ситуации. Соотношение сил было не в пользу эсеров. «Физическая сила была не за нас, — откровенно признал лидер партии эсеров В. Чернов, — ...никаких иллюзий на этот счёт у нас не было. Петербург не с нами. Но с нами толща страны». В действительности, и это ока-

залось иллюзией. «Толща страны» скорее была за большевиками. И, во-вторых, позднейшие выборы продемонстрировали значительное преимущество большевиков. Разгон российского парламента дал основание Троцкому сравнивать Ленина с Кромвелем, который, как известно, разогнал так называемый Долгий парламент... Л. Троцкий писал: «У Ленина оказалось больше политической чуткости, что неудивительно. Ленин имеет в себе черты гениального оппортунизма, то есть такого оппортунизма, который считается с особым моментом и умеет использовать его в целях общей всегда революционной линии. Эти черты действительно были и у Дантона, и у Кромвеля...» Сравнения с фигурами прошлых веков «хромают». Да и при чём тут оппортунизм? Вряд ли к месту аналогии и с английским парламентом. Российский парламент оказался, пожалуй, самым «коротким» в истории. У русских всё не так, как в Европе. Им не понадобилось и двух

Матрос А.Г. Железняков

полков солдат, как в Англии, разве что там у них действовал полковник Прайд, в прошлом ломовой извозчик, у нас же — матрос Железняк. Хотя и в революционной Франции был схожий эпизод, когда рабочий-атлет Марш, с грохотом опустив приклад ружья перед перепуганной буржуазной Ратушей, потребовал в течение часа принять декреты о праве народа на труд и организацию труда. Советская власть сим революционным шагом, конечно, покусилась на священную корову буржуазной демократии.

Сегодня болтуны-демократы, а по сути враги нашего великого народа с умным видом разглагольствуют о праве и законе... А разве царизм и буржуазия не действовали в своих узкокорыстных интересах, опираясь на законы?! Мы показали, как буржуа вели пораженческую политику против самодержавия, надеясь вырвать у того власть любым путём. Вот что писал князь Н.Д. Жевахов о главных виновниках поражения России и краха самодержавия (как это ему тогда представлялось самому): «Между тем в Думе и на верхах армии, в генеральской среде, зрел преступный заговор против Императорской власти... Дума из государственного учреждения обратилась в конспиративную квартиру, где разрабатывались планы, как удобнее и возможнее свалить русскую монархическую государственность... заговорщики перестали скрывать себя и свои планы. Однажды, недели за две до революции, разыгралась такая сцена. В зале сидели Родзянко, Савич и Шидловский и оживленно о чём-то беседовали. Г.А. (Г.А. Щечков — видный земский деятель, уездный предводитель Путивльского дворянства, — *Ред.*) проходил мимо. Родзянко окликает его и приглашает принять участие в разговоре. Когда Г.А. подсел, Родзянко стал объяснять ему, что вот-де Дума решила устранить Государя и взять власть в свои руки; что теперь-де пришёл подходящий момент, ибо английский посол Бьюкенэн, сочувствующий перевороту, сообщил, что в Ставку отослана диспозиция, выработанная представителями штабов всех союзных армий относительно общего наступления на Германию ранней весной 1917 года и вполне обеспечивающая победу; если-де Россия получит победу из рук Императора Николая, то власть его укре-

Эсеры и меньшевики — болтуны

пится навсегда; поэтому накануне решительной и верной победы Дума должна спешить отнять от Государя власть, чтобы в России создалось впечатление, как будто победа дарована ей Думой. В заключение Родзянко пригласил Г.А. присоединиться к плану думцев. Когда последний заметил, что неизвестно, как отнесётся к думской затее армия, Родзянко смело заявил: «Да генералы с нами». Г.А. пробовал ещё возражать, что такой шаг, как смена власти во время войны, может повести не к победе, а к гибели России, но Родзянко стал раздражаться и говорить резкости. После этого Г.А. сказал: «Во всяком случае мне не по пути с изменниками», — встал и отошел, ни с кем не простившись рукопожатием». Автор удивляется, как это в те дни «всем сановным и чиновным Петербургом» были забыты и присяга Государю, и чувство родины, не говоря уже о народе! Но чему тут удивляться! В сердце российской буржуазии давно уже жила (и, замечу, живёт по сей

Сталин выступает против меньшевиков

день) измена народу и своему государству! Нынешние и будущие вожди России должны понять эту её генетическую, паскудную наследственную черту. Предатели по убеждению. В этом вся суть.

В свою очередь, понятно, что народ не был в восторге от Думы (ни той, ни этой), ибо понимал её сущность. Потому и царь столь легко разгонял Думу (что нисколько не смущало ни мировое общественное мнение, ни либералов). В связи с судьбой Учредительного собрания России упомянем об откровенном письме лидера Белого движения, генерала Алексеева, к В.В. Шульгину. В июне 1918 г. он пишет ему: «... Относительно нашего лозунга — Учредительного Собрания — необходимо иметь в виду, что выставляли мы его лишь в силу необходимости. В первом объявлении, которое нами будет сделано, о нём уже упоминаться не будет совершенно. Наши симпатии должны быть для вас ясны, но проявить их здесь открыто было бы ошибкой, т.к. населением это было бы встречено враждебно». И генерал-предатель на встрече в Екатеринодаре с представителями «фронта Учредительного Собрания» в Поволжье заявил им, что лозунг Учредительного Собрания уже изжит и что народ «тоскует по монархии». Вот она — двойная мораль российской буржуазии и контрреволюции. Они были «очень демократичны» на словах, утверждая, что «право — продукт истинного человеческого существования» (Б.Н. Чичерин), но в ре-

альной политической жизни сами же нарушали сей принцип постоянно и только и мечтали о том, как бы стать диктаторами, каковых ещё и свет не видывал. Так, начальник Главного артиллерийского управления генерал А.А. Маниковский 26 августа 1916 г. прямо пишет генерал-инспектору артиллерии при Верховном главнокомандующем (в Ставке) Е.З. Барсукову: «...А ведь прав Родзянко — головы-то ведь у нас действительно нет. Ну разве мыслимо было само подобное письмо, если бы

существовала хотя тень настоящей власти? Ведь вся Россия исстрадалась от того сумбура, какой идёт у нас в Маринском дворце, и всем ясно, что, как там ни называйте и какими полномочиями ни снабжайте г-на Штюмера, всё же из него никак не получить того «диктатора», в котором так нуж-

А.И. Шингарев

Ф.Ф. Кокошкин

дается Россия и без которого ей угрожает опасность прямо смертельная. И неужели там у вас, в Ставке, этого не понимают?..» Генерал Алексеев, впрочем, однажды обратился к царю с предложением назначить диктатора, ответственного за снабжение армии и облечённого чрезвычайными полномочиями. Наивная попытка. Что же касается Маниковского, то тот как умный и порядочный человек в итоге плюнул и на царя и на нашу скотскую буржуазию — и пошел служить к большевикам, служить реальной Росии и её великому народу!!!

Ну, разумеется, революция это всегда и жестокость, и убийства, и зверства. Когда народ столетиями копит ненависть, чего вы от него ждёте?! Роз и шампанского?.. 19 января, вскоре после закрытия «Учредилки», в больнице будут убиты матросами депутаты-кадеты, министры-масоны Шингарёв и Кокошкин («отец» так называемого совершенного избирательного закона). Ранее арестованных отвезли в Мариинскую больницу. Наверяд ли большевики сознательно требовали их смерти. Скорее, это был так сказать экспромт «масс»... Около 30 матросов флотских экипажей «Ярославец» и «Чайка» охотно вызвались пойти, доделать

«дело». С криками «вырезать», «лишние две карточки на хлеб останутся» разъяренная матросня ринулась к Мариинской больнице. Матросы, крича, что «убивают министров за 1905 год, довольно им нашу кровь пить», стали беспорядочно стрелять в Шингарёва из револьверов и колоть штыками. Затем убийцы направились в палату Ф.Ф. Кокошкина, который спал. Один схватил его за горло со словами «Товарищ» и площадной бранью, другой же революционный матрос двумя выстрелами в упор — в рот и сердце — убил его. Исполнив «свой классовый долг», матросы и красногвардейцы покинули больницу. Вспоминая об этом зверском убийстве, заговорщик Милюков писал: «Одной солдатской пулей легко уничтожить хрупкую и тонкую организацию; но сколько поколений нужно, чтобы создать её! Архимед и варвары — история повторяется». Убийцы остались безнаказанными... Расстрел подтвердил не только смерть Учредительного собрания, но и гибель всех призрачных надежд на возможность социального мира в России. Может показаться, так представляется это нам, что в ужасной смерти масонов-министров участвовало и само Провидение... А ведь это был тот самый Шингарёв, в прошлом думский депутат, который выступал одним из самых активных разрушителей старой России... Это он с вызовом и пеной бешенства кричал в Думе перед буржуазным переворотом: «Пусть эта власть тонет! Такой власти мы не можем бросить и обрывка верёвки!» Вот его и прикончили — как собаку!

Сегодня буржуазные историки России дают свою версию событий, обвиняя большевиков в развязывании Гражданской войны. Логика их рассуждений такова. Если бы большевики Учредительное собрание тогда не разогнали, а приняли бы к исполнению все его решения, могло быть создано совместное правительство из представителей левых партий (эсеров, большевиков и меньшевиков). Такой партийный пасьянс якобы давал бы стопроцентный выигрыш «во всей игре». Так В. Журавлев пишет: «Разогнав в ночь с 5 на 6 января 1918 г. Учредительное собрание и силой подавив выступления в его поддержку, большевики показали, что абсолютно бесспорный, по словам Ленина, урок революции, состоявший в том, что только союз боль-

шевиков с эсерами и меньшевиками сделал бы гражданскую войну в России невозможной, оказался преданным ими забвению. Большевики внесли свою, на том этапе решающую, лепту в погребение российской демократии. Однозначность этого итога не могли поколебать такие факты, как временный политический блок большевиков с левыми эсерами и вхождение последних в состав правительства. Подавляя партийно-политическую оппозицию, РСДРП(б) добровольно взваливала на себя непосильный для одной партии груз политической ответственности за всё, что происходило в огромной многоукладной стране. Этим она как политическая партия обрекала себя на превращение в государственную структуру репрессивно-диктаторского характера... Все остальные слои общества так или иначе отбрасывались в стан контрреволюции. Одолев Рубикон Учредительного собрания,

*После разгона «Учредилки»
в Таврическом дворце*

большевики укрепились в своём убеждении, что демократия трудящихся в форме Советов выше, чем демократия всеобщая, которая квалифицировалась ими как буржуазная». Такой взгляд кажется правдоподобным на первый взгляд... Особенно «сильно» звучит аргумент, где даны слова Ленина о невозможности гражданской войны в России при наличии союза «всех левых сил». Однако это кажущееся правдоподобие... На самом деле такой союз в той самой реальной жизни был не менее возможен, чем союз Антанты и стран Тройственного союза, чьи интересы были в корне противоположны. Дело в том, что «левые» эсеры и меньшевики были левыми буржуазными лидерами. Те хотели всеми правдами и неправдами сохранить власть в руках буржуазии и помещиков, т.е. сохранить за теми главными богатства страны (земли, фабрики, дороги, банки, ресурсы и т.д.), для чего и нужны фиговые листки «демократии», «свободы», «прав человека» и т.п. И те, кто говорит о союзе, — глупцы или мерзавцы!

Многие ныне задаются вопросом: «А как сложилась бы судьба России, будь иной судьба Учредительного собрания?» Эта «загадка истории» продолжает волновать умы учёных. О том, что его участь представлялась весьма важной в своё время, как и его разгон, говорит и стресс, якобы случившийся с Лениным, когда он узнал о разгоне Учредилки (Бухарин). Однако Ленина трудно заподозрить в том, что он повёл бы себя как нервная барышня. Он ведь прямо говорил: «Ждать Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, — бессмысленно, ибо это значит осложнить нашу задачу!» В декабре 1917 г. в тезисах он предрекает оному печальную судьбу: «Учредительное собрание, если бы оно разошлось с Советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть». Показательно, что Петроградский комитет РСДРП(б) за 4 дня до выборов рассматривал возможность разгона «Учредилки», если «массы ошибутся с избирательными бюллетенями». И М. Володарский на Петроградской конференции РСДРП (б) многозначительно заметил: разгон собрания не вызовет разочарования в массах, ибо те «не страдают парламентским кретинизмом». По словам Троцкого, Ленин также признавался ему: «Надо конечно разогнать Учредительное собрание, но вот как

насчёт левых эсеров». Но ведь даже Плеханов на II съезде РСДРП говорил, что для марксиста высшим законом является успех революционного дела, а не слепое следование догмам демократии. Он допускал, что для блага революции можно пойти на ограничение права избирателей или даже на роспуск «неудачного» состава парламента, как это и сделал ранее Кромвель в Англии... Иллюзий не оставалось даже у князя Г. Трубецкого, назвавшего оное «поплекшей побрякушкой». Роспуск «Учредилки» вытекал из логики всей политической ситуации.

Насколько была высока вероятность союза между социалистами и большевиками? Найти общий язык было достаточно трудно, а то и просто невозможно. Как заметил по поводу событий 1917 политический деятель России тех лет Л. Тихомиров: «Вопрос как будто и простой — нужно единение... Да беда в том, что люди разьединены, и в сущности никто не хочет поступаться своим...» Дело даже не в том, что меж эсерами, большевиками и меньшевиками имелись разногласия в платформах — так, скажем, эсеры превозносили террор, а большевики его осуждали, эсеры видели главную силу революции в крестьянстве и в своей партии, а большевики — в пролетариате и партии большевиков, да и позиции тех и других по вопросам Брестского мира и войны диаметрально противоположны. Не это главное. Главное состояло в ином: те и другие поняли, что пути их решительно разошлись. Эсеры шли на сговор с помещиками, буржуазией, внося в правительство законопроект, где вместо предоставления крестьянам земли помещик получал право сохранять землю и инвентарь и иметь регулярную арендную плату с крестьян. Тем самым помещичья собственность не только не уничтожалась, а ещё более укреплялась. Ленин назвал проект «позорным», а эсеров «лицемерами». Он говорил (20.10.1917): «Всего 40 дней осталось до Учредительного собрания, — лицемерно кричат кадеты, капиталисты, помещики и эсеры! А под шумок вносят в правительство громадный законопроект о земле, надувающий крестьян, закабаляющий их помещиками, укрепляющий помещичью собственность на землю. Когда надо поддержать помещиков против разрастающегося крестьянского восстания, тогда и за 40 дней до Учредительного собрания, и за 30 дней до него

«можно» протащить громадный законопроект. А когда речь заходит о передаче всей власти Советам для передачи всей земли крестьянам, для немедленного уничтожения помещичьей собственности на землю, для немедленного предложения справедливого мира, — о, тогда кадеты, капиталисты, помещики, меньшевики и эсеры поднимают дружный вой против большевиков. Пусть же знают крестьяне, как обманула их партия эсеров, как предала она их помещикам. Пусть знают крестьяне, что только рабочая партия, только большевики стоят горой и до конца против капиталистов, против помещиков, за интересы беднейшего крестьянства и всех трудящихся». Мудрость и честность Ленина в том и заключалась, что он не стал вилать, подобно кадетам, либералам или эсерам. Как писал тогда один из большевистских интеллектуалов: «В дни октябрьского переворота русский пролетариат выступил не с пролетарской, а с крестьянской аграрной программой — в сельском хозяйстве произошла не пролетарская, а крестьянская экспроприация экспроприаторов, раздел не только земли феодалов, но и капиталистического некрестьянского сельского хозяйства (хотя и не в собственности, а в пользование крестьянской мелкой буржуазии)». Выделим и подчеркнём: именно этого и требовала от властей большая часть крестьянского населения России, причем без особой надежды на осуществление, — десятки лет... И вот в октябре 1917 г. крестьянство получило от советской власти более 150 млн гектаров новых земель, принадлежавших ранее помещикам, буржуазии, царской семье, монастырям и церквям. В дальнейшем в силу уравнительного передела крестьянским беднякам отошло ещё 50 млн гектаров земель зажиточных крестьян. Упрекают большевиков в том, что те якобы потворствовали призыву к «чёрному переделу». Но в их действиях нашёл выражение традиционный крестьянский принцип — «земля принадлежит тем, кто её обрабатывает», видоизмененный в новых условиях в иной — «собственность принадлежит трудящимся». Разве же это не справедливый акт!

То было время, когда все в России или по крайней мере большинство причисляли себя к «социалистам», или так себя изволили называть! Даже дворники шли под знаменем: «Да здравствует социализм!» Ну что

Белые офицеры

и говорить, все были «за социализм». У Маяковского в поэме «Хорошо» (Октябрьской поэме) есть строки:

*Звякая шпорами довоенной выковки,
аксельбантами увешанный до пупов,
говорили — адъютант (в «Селекте»
на Лиговке)
и штабс-капитан Попов...
«Господин адъютант, не возражайте,
не дам, —
скажите, чего ещё поджидаем мы?
Россию жиды продают жидам,
И кадровое офицерство уже
под жидами!
Вы, конечно, профессор либерал,
Но казачество, пожалуйста,
оставьте в покое.
Например, моё положение беря,
Это... чётр его знает, что это такое!
Сегодня с денщиком: ору ему — эй,
Наквась щиблетину, чтоб видеть
рыло в ней! —
И конечно — к матушке, а он меня
к моей,
К матушке, к свет Елизавете
Кирилловне!»
«Нет, я не за монархию с коронами,
с орлами,*

*НО для социализма нужен базис.
Сначала демократия, потом парламент.
Культура нужна. А мы — Азия-с!
Я даже — социалист. Но не граблю,
не жгу.
Разве можно сразу? Конечно, нет!
Постепенно, понемногу,
по вершочку, по шажку,
Сегодня, завтра, через
двадцать лет...»*

После победы одной из первоочередных задач новой власти стало создание коалиционного правительства, взаимодействие тех, кто ранее был в оппозиции. Вопрос о характере новой власти, о её партийном облике до революции 1917 г. вообще не ставился, хотя некоторые попытки разграничить роли партии и правительства имели место. Меньшевик Д. Далин, находясь в эмиграции, писал: «Власть без эсеров и меньшевиков (левых эсеров серьёзно в счёт не брали) раньше, до 1917 г., не входила в планы большевизма, в начале 1917 г. власть Советов представлялась как политическая власть революционных партий, имевших за собой большинство в стране». Но вскоре в ядре большевистской партии возобладали иные настроения. События последующих месяцев изменили баланс сил и внутри союзов. Ленин в 1918 г. заявил, что Советская власть «выше партий». Изменились взгляды и Троцкого: ранее бывший ближе к меньшевикам, он сдвинулся влево.

Теперь он, оценивая позиции своих бывших коллег, бросал в лицо меньшевику Мартову и его сторонникам такие слова: «Народ пошел за нами, мы одержали победу, а теперь нам говорят: откажитесь от вашей победы, сделайте уступки, примите компромисс... С кем, я вас спрашиваю? С колеблющимися группами, которые нас оставили, а теперь делают нам предложения? Мы им говорим: вы — ничтожество и потерпели крах. Ваша роль окончена, идите же туда, куда вам предназначено: на свалку истории». Перебранка типична для соперников. Вот и Чернов как только не обзывал большевиков: самозванцами, карьеристами, взяточниками, спекулянтами. Он сказал: новая, советская буржуазия и бюрократия хуже старой, «жаднее и безграмотнее старой». И безальтернативно пред-

ности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране — бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей примириться с тем аракчеевским пониманием социализма и пугачёвским пониманием классовой борьбы, которые порождаются... фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве». Так — Азия же!

Не очень понятно, почему Мартова (Цедербаума) нарекли «Дон Кихотом революции». Возможно, эти люди действительно не могли принять жестокой логики борьбы. Один из авторов напишет: «За много лет до этого в швейцарской эмиграции в ответ на реплику лидера эсеров

ложил ей убираться с дороги истории. Большевики и эсеры были такими же максималистами, как и члены большевистской партии. И в этом отношении они стоили друг друга... После таких слов Мартов и его сторонники покинули II съезд Советов, и на Съезде остались большевики и левые эсеры. Если же взглянуть в корень, эсеры и меньшевики категорически не принимали самой идеи большевистской революции. Определенно высказался в отношении большевиков и тех сил, что их поддерживали, и лидер меньшевиков Ю. Мартов... Так он писал П.Б. Аксельроду: «Вот положение. Оно трагично... Перед нами победившее восстание пролетариата, так как почти весь пролетариат стоит за Лениным и ждёт от переворота социального освобождения и при том понимает, что он вызвал на бой все антипролетарские силы. При этих условиях не быть, хотя бы и в роли оппозиции, в рядах пролетариата — почти нестерпимо. Но ни демагогические формы, в которые облечён режим, ни преторианская подкладка господства Ленина не дают смелости идти туда». Но Мартов считал: ни в коем случае нельзя участвовать в разгроме пролетариата, хотя бы тот и шёл по ложному пути, и далее он констатировал: «...Я не думаю, чтоб ленинская диктатура была обречена на гибель в скором уже времени. Армия на фронте окончательно переходит, как видно, к нему, Германия и Австрия фактически его признали и, возможно, что союзники займут выжидательную позицию». Мартов объяснял причины своего решительного неприятия Октябрьской революции в России: «Дело не только в глубокой уверен-

Ю.О. Мартов

Петросовет — И.Г. Церетели, Н.С. Чхеидзе, Н.Н. Суханов

В.М. Чернова: «Приди вы к власти, вы на следующий день меньшевиков вешать станете» он ответил ему: «Первого меньшевика мы повесим после последнего эсера». Ни вешать, ни расстреливать эсеров тогда не стали, до тех пор, пока те сами не стали убивать большевиков первыми, ряд меньшевиков выпустили за рубеж. Но придёт пора, и наследник Ленина Сталин добьёт оставшихся в живых эсеров и меньшевиков. Но об этой поре истории речь пойдёт позже...

Под прикрытием фраз об отказе от «социалистического эксперимента», меньшевики и эсеры вели двойную игру. Они требовали от Ленина того, чего, собственно, требовали и раньше — политической власти... Но одновременно, видимо, чтобы подстраховаться, сняв с себя груз ответственности за последствия революции, хотели подключить к переговорам и Временное правительство. Это и не мудрено, ибо они были всей душой с буржуазией и Керенским. Партии эсеров и меньшевиков недавно прямо заявляли: «То, к чему призывал нас товарищ Керенский, нами уже исполнено. Мы не

только готовы поддержать Временное правительство, мы не только делегировали ему полноту власти, мы требуем, чтобы этой властью правительство воспользовалось». Но Керенский не сумел воспользоваться властью, шансом, что дала ему история, зато им воспользовались большевики.

Иные сочли, что политические революции опаснее войн (что не факт, если иметь в виду Первую и Вторую мировые войны), и высказались «за устранение революций». Эта позиция в дни, когда решался вопрос «Кто — кого!», по сути — предательство народа... Ленин знал: экономические уступки неизбежно влекут за собой политические. В мае 1921 г. на X партконференции он заявил: «Если вы хотите политического соглашения, т.е. перехода власти от рабочего класса к крестьянству, тогда потрудитесь воевать и нас победить, ибо классовая борьба есть классовая война, и тогда вы потрудитесь воевать и всех нас победить, одно из двух: или война с нами до конца, или соглашение на тех условиях, которые мы предлагаем». Это была правильная постановка вопроса. Попытка сотрудничества была, но завершилась она полнейшим фиаско. Слишком уж разными, повторю, были интересы двух полюсов. Разумеется, в ленинском решении единолично взять курс на вооруженное восстание было и немало опасностей. Но решение о восстании не принимаются в думских собраниях. Среди политиков было немалое число робких людей, не способных к решительным действиям. Каменев с Зиновьевым носились с идеей союзных действий в рамках коалиции. Но что это означало бы? В результате власть в Учредительном собрании и в России вновь оказалась бы в руках буржуазных господ, что уже правили во времена Временного правительства (только под маской «социалистов»). Большевикам бы в этом парламенте досталась бы треть или четверть голосов. Они были бы не у власти, в оппозиции. Но в чём суть рокировки? Буржуа хотели обуздать революцию руками умеренных социалистов. И что изменилось бы тогда в положении народа? По большому счету, ничего. Троцкий позже писал об элементах торможения в самой советской верхушке, не говоря о попутчиках большевиков. Он также опасался «обнажить партию». Однако общие рассуждения о том,

сложились в России или нет условия для победы сил социализма, было пустой толчей воды в ступе. При наличии огромной массы крестьян, которые ничего «не смыслили ни в коммунизме, ни в интернационале», ни даже в разделении классов, полагаться на волю большинства эсеров и меньшевиков, было бы «ложным идиотизмом или полной изменой» (Ленин). Октябрьская революция, хотя и была борьбой пролетариата против

буржуазии за власть, но «решал исход борьбы в последнем счёте мужик» (Троцкий). И этот мужик пошел за большевиками — чего эсеры не могли простить большевикам. И в этом едва ли не главный урок всех революций и революционных перемен в странах, особенно в России — с кем мужики!

Новое правительство сразу же взяло жесткий курс: были закрыты многие газеты, установлен контроль над радио и телефоном и т.д. И тогда против диктатуры большевиков выступили возмущённые левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, профсоюзы, включая Викжель, т.е. Всероссийский исполком профсоюза железнодорожников и даже большевики из ЦК, Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин, Ногин. Слова Ногина о том, что правительство, не слушающее никого, кроме самого себя и их партии, сможет функционировать и держаться разве что средствами политического террора, и что это может привести к «безответственному режиму», всё же в конце концов стали явью. Однако эсеры и меньшевики всё же приняли участие в работе Советского правительства. При этом эсеры на V Всероссийском съезде Советов в 1918 г. составляли почти треть делегатов. Причём численность их партии летом 1918 г. (до выстрелов в Ленина) равнялась 80—100 тыс. человек. Отметим и то, что меньшевики и эсеры продолжали занимать видные посты в советском аппарате (особенно в провинции). Но затем давние раз-

Пикет Красной гвардии. 1917

ногласия вылезли наружу. Дело в том, что эсеры не были партией народа. Они слишком амбициозны, авантюристичны. И чем дальше, тем больше обострялась межпартийная борьба. Уже осенью 1918 г., а это было время убийства эсерами Володарского и Урицкого и покушения на Ленина, ситуация в корне изменилась. Бывшие союзники в глазах пролетариата, крестьянства и солдат стали выглядеть как предатели революции и подлые убийцы. Свердлов констатирует: «Тенденция к утверждению коммунистов как власти на местах «намечается всюду». Тогда вопрос о диктатуре одной партии, видимо, окончательно ещё не стал. Ленин ещё проявит некоторые черты демократизма. Выступая на Чрезвычайном съезде железнодорожников, он заявил, что советская власть «даёт возможность трудящимся, если они недовольны своей партией, переизбрать своих депутатов, передать власть другой партии и переменить правительство». Это довольно необычное для большевиков заявление вызвано было скорее тактическими соображениями: ведь на фронтах начавшейся Гражданской войны положение складывалось тревожное.

Наступил самый сложный период в истории. Тут не выдерживали и опытные революционеры. В ряде случаев иные Советы под влиянием момента будут выступать против власти большевиков (лозунг «Мы за Советы, но против коммунистов»). Упрёк П. Кропоткина Ленину, что, дескать, «Рос-

сия стала советской республикой только по имени», теперь «правят в России не Советы, а партийные комитеты», хотя справедлив, но лишь по форме. Другого-то пути не было. Ведь Советская власть заключалась не столько в том, кто стоит у власти, а в том, каковы цели, какова реальная политика этих властей. То, что большевики шли к диктатуре одной политической партии, более того, к диктатуре одной личности, выглядит вполне естественно после трехсот лет империи Романовых. России повезло, что вместо безвольных Николая II и Керенского главой стал Ленин. Мы увидим, как раз за разом будут проваливаться попытки всех политических сил найти пути к совместному правлению. Да и все партии, как по наклонной, катились к единоличному правлению. Но иные историки или слепы, или не желают смотреть в глаза правде. Массы России благосклонно восприняли Ленина и даже его действия как «красного царя». Понимали если не умом, так сердцем, что иначе России не выбраться из той кровавой и непролазной хляби. Острота Гражданской войны всё расставит на свои места и ответит «на все вопросы».

Первые декреты Советской власти

Были ли такие действия большевиков правомочны? Не было ли разумнее и полезнее вести себя мягче с «собратьями» российской социал-демократии, т.е. с «полубольшевиками»? Была ли реальная возможность создания союза между большевиками, с одной стороны, и эсерами и меньшевиками, с другой? Казалось, основа была: ведь те и другие ратовали «за Советы», все выступали «за социализм». Но общих голословных заявлений в таких делах недостаточно. Акад. Ю. Поляков правильно отмечал: «Однако блок не получился. История разводила недавних товарищей по борьбе против самодержавия всё дальше и дальше, сделав непримиримыми врагами. Словесные дискуссии оказались заглушены пулеметными очередями. Вероятно, этот блок и не мог сложиться. Анализ пропитанных ядом ненависти высказываний лидеров лета—осени 1917 г., весны—лета 1918 г. убеждает, насколько глубоки и остры были противоречия между этими фракциями политического движения». Политическая ревность страшнее глупости, а жажда власти опаснее глубоких разногласий на «идейной основе». Причина такого поведения

лидеров меньшевиков и эсеров в том, что они с самого начала были против социалистической революции, против власти рабочих и крестьян. Когда же те разобрались в самой сути их позиций, оные, т.е. господа «демократы» буквально возненавидели свой народ и ринулись в объятья контрреволюции, — кадетов, монархистов, интервентов. И произошло это очень скоро... Суханов, как представляется, верно подметил главную причину такого отторжения, а заодно и потери былой «революционности» господами меньшевиками и эсерами: «Старый блок не мог переварить своего падения и большевистской диктатуры... В предпарламенте и в коалиции — другое дело. С буржуазией и с корниловцами можно, а с рабочими и крестьянами нельзя». Когда же массы вышвырнули их как изменников и предателей России из политической жизни, те потребовали, чтобы

Ленин у Путиловских рабочих

Запад «наказал» Россию и образумил «скотов», которые никак не понимают «демократии»! Не напоминает ли это вам наших господ, что ненавидят и губят народ?!

Левые эсеры, видя, что правые эсеры и меньшевики фактически срывают соглашение о создании единого революционного правительства с большевиками, пошли на объединение сил с последними. Хотя Ленин на заседании ЦК РСДРП(б) от 1 ноября 1917 г. сказал, что переговоры с меньшевиками и эсерами это ничто иное как дипломатический ход, который призван выиграть время. То, что мы знаем о взаимоотношениях внутри ветвей российской социал-демократии, и в самом деле позволяет думать о них как о политических Монтекки и Капулетти... Это могло бы быть и дипломатическим прикрытием военных действий. Хотя даже «Новая жизнь», газета левых демократов, ратовавшая за сплочение всех революционных демократов в России, признавала: «Большевики до последнего момента, несмотря на явный перевес всюду (в ЦИКе, на фронте и вообще) соглашались дать 50% кабинета, но с условием некоторых обязательных министерств и Ленина с Троцким. Однако эти условия оказались для правых неприемлемыми. Им нужна была капитуляция большевиков». В следующем номере той же газеты Б. Авилов наглядно обрисовал всю абсурдность позиции правых эсеров и меньшевиков. Словно обезумев, те «не хотя не только признать власть большевиков,

но даже не соглашаются на образование правительства с участием большевиков. Отправляясь в поход, они предъявляют требование, чтобы большевики, располагающие вооруженными силами и опирающиеся на народные массы, добровольно сложили оружие и сдали свою власть другим». Наша позиция такова, что идти на соглашение с предателями рабочих и крестьян, значило бы погубить революцию. Господа хотели бы загнать рабочих, крестьян обратно в «буржуазный рай» эпохи Временного правительства социалистической фразы. И это когда все силы

противоположного лагеря мобилизуются в ряды контрреволюции. Джон Рид вспоминал, как Ленин привел главный аргумент в споре о правительстве Советов: «Пусть соглашатели принимают нашу программу и входят в правительство! Мы не уступим им не пяди... Рабочие и солдаты с нами, и мы обязаны продолжать дело!» Теперь вы понимаете, как могли большевики воспринимать слова Плеханова и его требование передать власть в руках буржуазии, его благие призывы «к разуму», обвинения «полуазиатской России» в отсталости... Меньшевик Плеханов за долгие годы пребывания в Европе весь изевропеился... Как ананас в шампанском. Один эпизод... Приехав в Россию, он оказался в Москве, которая ему не понравилась. Нет тут, видите ли, европейского духа. В Петрограде чувствуется Европа, а в Москве — Азия-с! Он так и ждал, что «из какого-нибудь переулка появится бородатый Хомяков, в татарской мурмолке Аксаков и какой-нибудь темный персонаж Островского»... И выступая на Московском государственном совещании 12 августа 1917 г. он сказал: «Раз нам предстоит ещё пережить более или менее длинный период капиталистического развития, то надо помнить, что этот процесс является двусторонним, причём на одной стороне будет действовать пролетариат, а на другой буржуазия. И если пролетариат не захочет повредить своим интересам, а буржуазия своим, то и тот, и другой класс должны, bona fide (по доброй воле. — Ред.) ис-

Процесс меньшевиков. Москва, 1930-е гг.

кать путь для экономического и политического соглашения». Сегодня эти слова звучат чуть более разумно и актуально... Но не тогда, когда Плеханов всё дотпытывался: не поспешили ли мы с пропагандой марксизма, не рано ли они, так сказать, потеряли либерально-демократическую девственность? Россия шла своим путем... В день совещания в Москве бастовало 400 тысяч рабочих. Да, мы — полу-Азия, а не Европа, но в этой полу-Азии эсеры и меньшевики быстро теряли влияние в массах. Ныне буржуазные ученые типа американского профессора истории Бейрона вынуждены признать: путь Плеханова «не был по-настоящему возможен, не был жизненным в бурной революционной ситуации 1917 г.». Это очевидно. И тот был — закономерно — отвержен Лениным...

О положении меньшевиков в России писал их лидер Ю.О. Мартов. Мартов резко критиковал большевиков, но счёл Октябрьский переворот исторической необходимостью, заявляя о своей поддержке большевистской власти в гражданской войне. Но с начала июля 1918 г. его начинают преследовать карательные органы. В квартире производятся обыски, к нему явились с ордером на домашний арест, правда, через несколько дней отменённый. Ленин вроде бы был «искренне привязан к Мартову». И 30 ноября 1918 г. меньшевистская партия даже была легализована, но в 1919 г. вновь начались аресты, закрыта их центральная

газета «Всегда вперед». Была ещё одна либеральная «оттепель», в начале 1920 г., но и та быстро сменилась волной террора. Мартов писал коллеге: «Положение партии стало невыносимым. С внешней стороны все её проявления в советской России сведены на нет; всё уничтожено: пресса, организации и т. д. В отличие от царистских времен, нельзя даже «уйти в подполье» для сколько-нибудь плодотворной работы, ибо теперь уже не только жандармы, дворники и прочие следят за «неблагонадежностью», но и часть самих обывателей (коммунисты и причастные к советской власти) видят в доносе, сыске и слежке не только доброе дело, но и выполнение высшего долга. Поэтому думать о сколько-нибудь регулярном функционировании нелегальных учреждений не приходится. Массы меньшевиков перееарестована... другие бежали от ареста. С трудом... удаётся поддерживать функции информации в минимальных размерах. Но всё это было бы не так тягостно, если б этот припадок террора по нашему адресу не послужил толчком к выявлению внутренней слабости нашего движения, которое к весне стало принимать внушительные размеры, охватив массы почти во всех рабочих центрах» (1918). Конечно, цели и задачи меньшевиков и большевиков были часто в корне противоположны.

Большевики, которых потом будут обвинять в диктаторстве и бонапартизме, в насилии и уничтожении свобод (во многом, конечно, справедливо), на первом этапе проявили всё же признаки демократизма. Правы те, кто отмечают, что тогда большевистской партии были более присущи демократические, толерантные, децентрализованные методы руководства и гибкость. В РКП(б) шли свободные и оживлённые дискуссии по самым различным вопросам теории и тактики. Меньшинство могло вести борьбу с большинством. Воспринимались как нечто естественное левые и правые уклоны, а такие умеренные революционеры, как Каменев, Зиновьев, Луначарский, Рязанов занимали руководящие посты. Им не ставили в упрёк даже их враждебные действия против большевиков (Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина, др.). Это если не полномасштабная демократия, то по крайней мере максимально возможная в тех сложнейших обстоятельствах. На том этапе общ-

ность целей и судеб в революции, казалось, понимали как большевики, так и меньшевики. Ленин писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной».

Глава 5. Первый опыт социализма: национализация заводов, фабрик, банков, учреждений. Привлечение к управлению страной трудящихся в Советской России

После взятия власти перед большевиками встала труднейшая задача: надо было управлять государством, удерживая оное от сползания к анархии. А перед страной уже

замаячила опасность провалиться в «бездну анархии». Россия могла стать жертвой бунта «бессмысленного и беспощадного». И тогда воплотилась бы в жизнь безумная идея анархиста Бакунина: «Это бунт каждого против тирании людей, против власти, сколь индивидуальной, столь и социальной, представленной и узаконенной Государством». Было очевидно, что одной голый силой ничего не добиться... Государству нужны специалисты, а новой власти катастрофически не хватало и знаний и навыков управления. Вспоминается замечание В.О. Ключевского о Боярской думе: «Если мы вызовем в своём представлении всех членов Московской боярской думы, управителей приказов, воевод, губных старост и прочие власти 1650 г. и вообразим их всех отставленными от должностей, мы совершим фантастическую разруху не меньше той, какая была в смутное время самозванцев». Конечно, «на дворе» не боярские времена. Страна ушла вперед за 250 лет... Однако проблема управления встала со всей остротой. Большевик Г. Ломов вспоминал: «Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии и Верхоянска, но всем надо было ещё учиться управлять государством. Мы знали, где бьют..., где и сажают в карцер, но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств». Так оно и было. Многие революционеры России оканчивали свои «университеты» по тюрьмам да по острогам. И тем не менее эти героические люди мечтали тогда о лучшей России, — трудовой, честной, умной и здоровой...

Невольно на ум приходит и признание революционера-народовольца П. Ткачева: «Мысль — единственное дозволенное развлечение и утешение узника. Беда в том, что гробовое безмолвие тюрьмы даёт слишком мало пригодных для неё материалов; потому она развивается несколько односторонне и чересчур отвлеченно. Она работает быстро, но лихорадочно и беспорядочно; перескакивая от вопроса к вопросу, от сомнения к сомнению, она даёт на них в большинстве случаев хотя и скорые и весь-

Революционер на каторге

ма категорические, но в то же время и весьма скороспелые решения...» Подобных «кладезей революционной премудрости», как выяснится, совершенно недостаточно для умной высокопрофессиональной работы. У такой «практической школы», конечно же, было немало изъянов... Поэтому 16 апреля 1917 г., на Съезде крестьянских депутатов, Ленин сформулировал подход РСДРП(б) к проблеме управления: «Другой важнейший, злободневнейший вопрос: вопрос государственного устройства и управления. Недостаточно демократию проповедовать, недостаточно её провозглашать и постановлять, недостаточно вверять её осуществление «представителям» народа в представительных учреждениях. Надо строить демократию тотчас, снизу, почином самих масс, их действительным участием во всей государственной жизни, без «надзора» сверху, без чиновников». В этой фразе главный акцент сделан на участии трудящихся масс во всей государственной жизни. Можно высмеять тезис Ленина о «кухарке», получившей доступ к управлению государством (слова обычно перевирают, хотя смысл их явно иносказателен). Но как говорят в таких случаях: «Audiat et altera pars!» (выслушаем другую сторону). Факт же остаётся фактом: впервые в истории человечества к управлению огромной страной были призваны миллионы тружеников — рабочих, солдат,

матросов, крестьян, интеллигенции... Невиданный опыт беднячко-пролетарской народной демократии! Рядом с ней хваленая буржуазная демократия, отлаживаемая, отглаживаемая десятилетиями и веками, скажу прямо, выглядит фальшиво, нелепо, а порой (в новой России) и просто гнусно.

Вопрос заключался в том, удастся ли наладить работу учреждений, для которых нужны были специалисты и профессионалы. И тут мы подходим к вопросу о месте интеллигенции. Подавляющая часть российского чиновничества решительно и бесповоротно не приняла народной революции... Когда-то Витте уверял, что дворяне и бюрократы в России — «лишь наиболее культурные слои всё того же русского общества». А потому, мол,

весь прогресс русского общества зависит от прогресса в бюрократии («Каждое прогрессивное движение в обществе отражается прогрессом в бюрократии; застой в нём — реакцией в ней»). Может быть, это и так, но не совсем. Бюрократия — класс в себе и для себя. «Прогрессивность» российской бюрократии на протяжении всей её истории заключалась и заключается в том, как эффективнее и лучше использовать достижения прогресса в своих собственных целях. Бесспорно, были в её числе фигуры весьма достойные, которые в своей жизни не знали неправды и не допускали в течение всей их жизни и службы ни малейшего компромисса с нею. Однако даже те, кто пишет о них, вынуждены называть их «редкостными цельными натурами». В порочном обществе трудно, а порой невозможно сохранять чистоту души и следовать идеальной правде.

Хотя были исключения... Таким был тамбовский губернатор В.Ф. фон-дер Лауниц. Его сторонники пишут: «Как истинный православный христианин, неустанно творивший дела любви и милосердия, он постоянно опекал нищих, вдов и сирот. Убежденно считая, что русская земля должна принадлежать русскому народу, в решении земельных вопросов, в проведении реформ, не следовал западным образцам, а старался сохранять для крестьян традиционный, общинный уклад жизни. Опека духовенство, (он) щед-

Градоначальник Петербурга В.Ф. фон дер Лауниц

ро жертвовал на сельские храмы и монастыри. И, наконец, в статусе Санкт-Петербургского Градоначальника неустрасимо продолжил борьбу с революционной смутой, всячески поддерживая патриотов-монархистов». Его убили террористы-эсеры за поддержку им Союза Русского Народа... Говорили, что лишь благодаря ему в 1906 г. в России не произошла революция. На Санкт-Петербургского Градоначальника фон-дер Лауница покушались 15 раз. И всё же убили. Царь подарил трёхметровый крест чёрного гранита и голубой хрустальный гроб со словами: «Владимир Федорович будет спать в нём, как спящая царевна, но через сто лет он проснётся и встанет». Увы, в 1921 г., не взирая даже на просьбы крестьян, обращенные к самому Ленину, не совершать кощунства, могилу его разрушили. Хрустальный гроб разбили. Находившийся внутри того гроба, хранивший тело Лауница, отдали в сельсовет для стирки грязного белья, а его генеральские сапоги (15 лет пролежавшие в могиле!) натянул на себя комиссар-кощунник. Всё это чудовищно, конечно, но в целом не отменяет того факта, что бюрократия ставила на первое место интересы свои, а не народа. Так было во все века (возможно, за исключением сталин-

ской эпохи). С. Витте уверял нас: «Нельзя же серьёзно думать, что администрация представляет в народе какую-то чуждую и враждебную ему силу, которая обрушивается на него бедами, если и у него нет достаточно средств и умения противостоять ей». Напротив же, именно так надо думать! Она тащила при царях, тащит ещё в больших масштабах и при нынешней власти. Такова любая бюрократия (буржуазная, «культурная», «демократическая»). Над ней должен стоять Палач, то есть вооруженный народ, который за преступления против него

свершит революционное правосудие, состригая головы, наворованные у народа капиталы, как легендарная Далила безжалостно срезала волосы с головы могучего Самсона. Замена буржуазной бюрократии людьми культуры и науки является вопросом жизни и смерти для России XXI в. Поэтому Октябрьская революция и была нужна в первую очередь народу. Ныне это крайне важно понять и правителям России!

Потому в суровых условиях «военного коммунизма» и нужна была радикальная система мер, с помощью которой можно за-

«Мы наш, мы новый мир построим»

ставить служащих вернуться к работе, а внешних работать честно, не воруя. Проявление мягкотелости в России равносильно вынесению смертного приговора Советской власти. Власть потребовала и сохранения дисциплины в трудовых коллективах, что было крайне необходимо в условиях надвигавшейся анархии. В.И. Ленин, выступая с речью на заседании президиума ВСНХ (1.04.1918 г.), имел все основания потребовать: «Что касается карательных мер за несоблюдение трудовой дисциплины, то они должны быть строже. Необходима кара вплоть до тюремного заключения. Увольнение с завода также может применяться, но характер его совершенно изменяется. При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, совершается уже уголовное преступление, и за это должна быть наложена определенная кара». На Всероссийском съезде железнодорожников в январе 1918 Ленин ещё резче скажет о мерах против врагов нового строя: «Таких людей надо преследовать, как величайших преступников против народной власти». Троцкий выступал за расширение мер принуждения и насилия против буржуазии, мотивируя сие борьбой за торжество величайших мировых идеалов... Главная причина их принятия — необходимость. При отсутствии возможностей воздействия на буржуа вынуждены были обеспечить порядок в стране внеэкономическими, силовыми мерами принуждения — вплоть до расстрела. Так и были учреждены революционные трибуналы.

Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров, сосредоточившего в руках реальную власть в стране, доносят до нас всю сложность обстановки, сложившейся в стране. В проекте декрета по борьбе с саботажем сказано: «Для более радикальной борьбы с саботажем, принявшим ныне

такую острую, гнусную, вредно-преступную форму, организуемого и поддерживаемого всей крупной буржуазией, российской и иностранной, — саботажем, наносящим страшный вред всему организму страны, дезорганизующим деятельность Советской власти во всех направлениях, и вредящим более интенсивной творческой работе её в процессе российской революции, Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем предлагает на утверждение Совета Народных Комиссаров следующий проект декрета борьбы с саботажем. 1. Всем чиновникам и служащим различных управлений, учреждений и заведений, банков, торговых предприятий и т.п., прекратившим свою работу (как находящимся ныне в тюрьме, так и на свободе) предлагается (стать на работу Советской власти с сего 31 декабря по 1 января 1918 года) явиться в Мобилизационный отдел Комиссариата труда. 2. Все неявившиеся (и не ставшие на работу до 1 января 1918 года) объявляются предателями и изменниками делу народа и революции; все такие лица арестовываются (предаются суду), все их имущество конфискуется в пользу государства (лишаются звания членов Учредительного собрания, пенсии и т.п.). 3. Всех лиц (из отказавшихся работать в тюрьмах) организовать в рабочие команды для принудительных работ в рудниках, шахтах, заводах, фабриках, городских работах, как-то очистка улиц, дворов и т.п.

Бутырская тюрьма в Москве

4. Все советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Петрограде и советы в других городах должны до выяснения немедленно арестовывать и в Петрограде — доставлять во Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, на местах же — препровождать в тюрьму, применив все вышеизложенные меры наказания.

5. Всех тов. солдат, матросов и рабочих просим немедленно сообщить имя, отчество и фамилию скрывающихся саботажников в Петрограде — Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, а в других городах — местным советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые должны для этой цели организовать соответствующие комиссии для немедленного ареста и предания изменников и предателей народа революционному суду». Среди мер, принятых против саботажников властью, не только арест и расстрел, но и: лишение продуктовых карточек, конфискация, опубликование в печати списков врагов народа, выдворение их из страны. Хотя в дальнейшем Советской власти придётся отказаться от попыток заставить работать классовых специалистов за зарплату среднего рабочего, что не давало положительных результатов. Пришлось им платить и более достойную зарплату.

Надежда приспособить старый аппарат к управлению у большевиков, казалось, невелики. О том говорили и факты. К примеру, в декабре 1917 г. в Народный комиссариат внутренних дел поступило такое заявление: «Настоящим довожу до вашего сведения: 1-е. Во всех частных банках сего числа производится сбор денег на формирование юнкеров по постановлению якобы профессионального союза служащих кредитных учреждений. 2-е. 15 декабря подготавливается всеобщая забастовка всех служащих как кредитных учреждений, так равно разных предприятий. Примите строгие меры...необходимо арестовать в каждом банке главарей: директоров, доверенных, а в особенности учетчиков. Мы, служащие разных банков, умоляем вас — спасите завоеванную нашу народную революцию. Снимите с учетов всех предателей, они хуже директоров тормозят все дело. Председатель собрания мелких служащих (подпись

неразборчива)». Заявление передали в ВЧК Дзержинскому. Дзержинский писал: «Это было время, когда мы заняли посты во всех возможных бывших министерствах, и нам пришлось (там) найти только пустые кресла, столы, закрытые ящики и шкафы без ключей и курьеров, которые одни только перешли на нашу сторону. Все чиновничество главных ведомств, без функционирования которых жизнь в стране была невозможна (продовольственного, транспортного и др.), саботировало и не хотело признать Советской власти». О том же воспоминания и американца А.Р. Вильямса. Он пишет: «Хаос был во всём, хаос и саботаж. (Шли дни и недели, а Советы всё никак не могли получить деньги из банков, ни кредитов, ни наличными, для выдачи зарплаты рабочим. Финансовое положение было такое же, как во времена американской революции, когда у главного квартирмейстера армии не было денег, чтобы получить на почте корреспонденцию и тогда Джордж Вашингтон слал во все штаты отчаянные письма, умоляя прислать продовольствие, фураж и ром, так как все запасы уже истощились)». Это письмо стало предметом расследования и возбуждения дела о саботаже против чиновников бывшего министерства финансов и кредитных учреждений. Или, скажем, в Петрограде идёт Всероссийский продовольственный съезд (18.11.1917)... Участники Съезда сочли главным средством борьбы с Советской властью забастовочное движение, целью которого должно стать полное прекращение доставки продовольствия в очаги революции. Заготовленный хлеб предполагалось передать собравшемуся Учредительному собранию. На съезде был избран и так называемый «Всероссийский продовольственный совет» (во главе с меньшевиком В.Г. Громаном). Когда саботажники собрались на совещание по вопросу о практических шагах по организации саботажа, явился Ф.Э. Дзержинский с красногвардейцами и заявил, что все присутствующие подлежат аресту по решению Совета Народных Комиссаров. Бастовали даже врачи, забыв о данной ими клятве Гиппократу. В приказе народного комиссара внутренних дел Г.И. Петровского отмечалось, что «следствием забастовки этих врачей было, между прочим, то, что три телеграммы, уведом-

Военный коммунизм

ляющие о появлении чумы в Астраханской губернии и холеры в Бакинской губернии, оставались без рассмотрения». Другие саботажники предпочли осуществлять «тихий саботаж», отсиживаясь по домам... Атаман П. Краснов заметил: «Трусливая интеллигенция сидела в ту пору по подвалам и погребам, тряслась за свою жизнь или подличала перед комиссарами, записываясь на службу в Советы и стараясь устроиться в более или менее невинных учреждениях — по народному образованию, по продовольствию или по финансовой части». И только решительные меры власти против саботажников помогли прекратить оный.

В этих условиях неизбежным становилось выдвижение трудящихся на самостоятельную работу в системе управления и строительства государства. Задача, безусловно, чудовищно сложная. Но такова стратегическая линия партии большевиков... Ленин в речи на съезде председателей губернских Советов (1918) заявил: «В большинстве в губисполкомах замечается, что народная масса, наконец-таки, берётся сама за работу управления. Трудности, конечно, неизбежны. Одним из главных не-

достатков было то, что мы мало ещё черпали практических работников из рабочей среды. Но мы никогда не думали приспособить старый аппарат к новому управлению, и мы не жалеем, что с упразднением старого приходится строить с такими трудностями всё наново. Рабоче-крестьянские массы обладают большими талантами строительства, чем это можно было ожидать. Мы ставим заслугой революции именно то, что она смела старый аппарат управления, но в то же время мы должны сознать, что главным недостатком массы является робость и нежелание взять работу в свои руки». Желание трудиться на благо трудового народа у его представителей, разумеется, было. Как писал В. Кириллов (1919):

*Мускулы рук наших жаждут
гигантской работы,
Творческой мукой горит
коллективная грудь,
Медом чудесным наполним
мы доверху соты,
Нашей планете найдем мы иной,
ослепительный путь.*

Надо сказать и иное... Во-первых, «генеральная линия партии» и действия масс на местах не одно и то же... Благие намерения вождя революции в огромном числе случаев наталкивались на непонимание, а зачастую и на неприятие со стороны рядовых солдат революции. Массы были не всегда готовы к тому, чтобы заняться несвойственным ему делом. Радек признал: «Десятки тысяч лучших рабочих из душных мастерских попали в не менее душные канцелярии и не менее тяжело борются с непослушной бумагой, чем со станком. В государственном аппарате, в хозяйственном аппарате, в Красной армии потеет слесарь, токарь, наборщик и портной над непривычными задачами, над новой работой». В 1919 г. В. Чернов публикует статью «Охлос и демос», где указал на те трудности, что возникают перед рабочими и солдатами, вдруг оказавшимися у руля управления государством: «Возьмём современный петроградский пролетариат. При остановке работ на массе крупнейших фабрик и заводов фактически рабочие этих заводов — полудеклассированные. За время войны их состав лишился ценнейших элементов —

постоянных, старых, опытных рабочих, неведомо зачем угнанных на фронт, и с той же бессмысленностью, характерной для старого режима, эта убыль была пополнена как попало и кем попало — пришлыми крестьянами, мелким мещанством, прислужой, бывшими дворниками, штат которых сократился, и, наконец, просто дезертирами... Наши «комиссароордынцы» прекрасно поняли эту слабую сторону нынешнего пролетариата и предложили ему блестящий выход из безработицы: хорошо оплачиваемые места, с громким и почётным именем «красной гвардии» и фактическим положением какой-то иррегулярной, не знающей никакой настоящей дисциплины полу-полиции, полу-войска для служения на «внутреннем фронте». И... сюда прежде всего хлынула неокрепшая, неперебесившаяся, не прошедшая трудовой школы рабочая молодежь, — иногда почти подростки — сразу получившие винтовку и револьвер в руки и занявшие в рабочих кварталах то самое положение, которое их хозяева — в России: положение победителей, почти завоевателей, у которых во всём — своя рука владыка.

Трудно переоценить всё значение внешнего таким образом в сознание рабочей молодежи соблазна. Еще не разобравшиеся толком в вопросах социализма полубраты сразу стали орудием чисто партийной власти, вооружённой опорой и основанием этой власти. В стране, где произвол и взяточничество долгое время были прочною частью быта, в стране, где кроме них не оказалось никакой охраны общественного порядка и личной безопасности, этот «взлёт» кверху элементов, которые досель в рабочих кварталах рассматривались как подчинённые, несамостоятельные, как «пятые спицы в колеснице», не мог психологически и морально пройти безнаказанно для них. Охлократическое вырождение рабочей молодежи началось, можно сказать, по сигналу, данному сверху». Безусловно, замечания Чернова верны. Но лишь

П.С. Бортнов. Трудящиеся приветствуют переход власти в руки Советов

частично. А что было делать?! Так или иначе надо было втянуть народ, эту самую рабочую молодежь, если угодно, силой, за волосы, в учёбу, науку, стройку, культуру!

Разумеется, мировая война, три революции, гражданская война не могли не затронуть также и прослойку российских финансистов и биржевиков... Хотя многие из них покинули Россию и уехали за границу (П.Л. Барк, А.И. Вышнеградский, Б.А. Каменка, Г.Д. Лесин, А.И. Путилов, Д.Л. Рубинштейн, Е.Г. Шайкевич и др.), некоторые стали сотрудничать с советскими финансовыми органами (В.В. Тарновский, Н.Н. Кутлер) и даже с ВЧК (А.Ф. Филиппов). Часть из них погибла. Большинство жрецов капитала сгинет в неизвестности... В архивах ФСБ и ГУВД историку П. Лизунову удалось обнаружить дела двух знаменитых петербургских банкиров И.П. Мануса (1860—1918) и З.П. Жданова (1867—1932), имена которых были известны не только петербуржцам, но и по всей России. Статья показывает, как большевики боролись с той частью финансовой буржуазии, которая занималась спекулятивно-ростовщической и золотовалютной деятельностью. На них шла настоящая охота. Такой одиозной фигурой Петербургской биржи XX в. был Манус... Бывший писарь канцелярии петербур-

Биржевой спекулянт И.П. Манус

гского градоначальника и мелкий газетный репортёрша, он происходил из мещан города Бендеры. Карьеру начал с должности агента по финансовой части в правлении Самаро-Оренбургской ж/д. В начале 1900-х увлекся биржевой спекуляцией, сумел обогатиться и стал ведущим акционером ряда петербургских коммерческих банков, включая и Международный банк. Этот герой биржи, «демоническая» личность в кругах денежных маклеров получил имя «Великий Манус». Ещё в 1905 г. у него, по его словам, было «лишь три рубля в кармане». Но тут наступило золотое время демократии. Он «вошел в соглашение с банками, заплатив им хорошую сумму, взгрел выигрышные (билеты) и нажил крупное состояние». Вообще-то, отнюдь не оригинальная фигура биржевого хищника (из еврейской семьи). Типичный еврейский делец, попавший из грязи и прямо в князи. Таких полно на нынешней «демократической» арене России... Будучи близок к Распутину, Манус уже в 1915 г. сумел получить чин действительного статского советника. Но имея солидное состояние в несколько миллионов рублей, Манус тем не менее не приобрел в финансовых кругах доверия и уважения.

Министерство финансов сочло, что именно он стоял в центре необузданной биржевой спекуляции Петербурга (король понижения). Отметив таланты Мануса, решительность, работоспособность, знания, упоминали «манию величия», тщеславие, жажду власти, высокомерие, грубость. Пресса писала, что за границей он выдавал себя за графа, князя, барона. В годы Первой мировой Мануса обвиняли в шпионаже в пользу Германии. Французский посол в России М. Палеолог считал его активным, ловким и влиятельным агентом германской разведки, видя в нём главного распределителя германских субсидий. О принадлежности его к «немецкой распутинской организации» показали во время допросов в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства А.Н. Хвостов, А.Д. Протопопов, Н.И. Иванов, Д.Н. Дубенской и др.

Говорили, что его состояние оценивалось в 9, 12 и даже в 60 млн рублей. Аресту Мануса предшествовали следующие события... 1 июля 1918 г. из Народного комиссариата юстиции за подписью Орлинского в ВЧК было отправлено письмо, в котором со ссылкой на проверенные сведения сообщалось, что член правления Русского для внешней торговли банка А.Ю. Добрый организует в Киеве банк, объединяющий деятельность киевских отделений русских банков. С этой целью тот собрал 50 млн рублей, купив для нового банка у правления Русского банка «большие ценности, принадлежащие русскому народу». В этой связи возникла фамилия Мануса. Для раскрытия замыслов банкиров и решено было начать расследования деятельности г-на Криличевского и его сообщника Мануса. Их следовало срочно арестовать, произвести у них обыски в служебных кабинетах и по месту жительства, направить агентуру в Киев для сбора сведений и документов, а также в Стокгольм, «являющийся центром преступной работы банкиров, для выяснения плана последних по изъятию ценностей из России за границу». В ВЧК поступило и заявление-донос на Мануса от служащего Российского транспортного и страхового общества. В нём перечислялись разные преступления этого «злого гения и тирана 600 белых рабов тружеников правления», ещё с дореволюционного времени. Было

Бегство фабриканта

сказано, что Манус и его «верные вассалы, прихвостни и прихлебатели» (секретарь правления И.Е. Шевченко-Красногорский, К.Е. Крупышев, Коржевский, В. Егоров, С. Беликин, Г. Тани) не исполняют постановления и декреты Российской Федеративной республики, занимаются изъятием денег со счетов, представляют фиктивные сметы, по которым эти деньги затем исчезают. Манус также занимался укрыванием капиталов других предприятий и обществ, переводил в разные места как аннулированные акции, так и действительные облигации, займы и прочие ценные бумаги. Тулулов предполагал, что колоссальные денежные средства Манус переправляет А.И. Путилову в Сибирь, в Одессу или Киев. Особенно в последнее время, отмечалось в письме, из кабинета Мануса что-то увозили по вечерам, и именно тогда, когда в правлении никого из служащих не оставалось. Жаловался Тулулов и на низкий заработок служащих правления Ространса, из-за чего они «все обречены на голодную смерть». Служащие собирались даже отправить делегацию комиссару труда П.А. Залуцкому «с мольбой о помощи». При этом «слуги» Мануса, как утверждал Тулулов, получали по несколько тысяч и даже десятков тысяч в месяц в виде разных наградных. Все эти обвинения, выскажем предположение, были отнюдь не беспочвенными. Мы знаем из жизни, что такова обычная практика иных недобросовестных банкиров и махи-

наторов не только в годы революции, но и в наше время. Все это, по-видимому, и стало поводом для ареста И.П. Мануса и помещения его в дом предварительного заключения в июле 1918 г. Наркомюст повел и собственное расследование «по делам о крупных финансистах». Конечной целью этого расследования «может быть предание их суду и конфискация их имущества». Почему же тот не сбежал? После Октябрьской революции он не уехал из страны, как Путилов и др., ибо, по его словам, не испытывал страха. Манус был свято убежден: его свои-то братья-евреи не тронут. За что боролись?! Но он ошибся. Его аре-

стовали в 1918 г. в собственном доме (Сергиевская ул., 17), по приказу небезызвестного Г. Бокия. При аресте изъяли переписку, деловые бумаги (51 пакет), деньги (3700 руб.), продукты сверх установленной законом в голодной России нормы (3 пуда муки, 1 пуд сахара, 26 фунтов сахарного песка). Вскоре наступила развязка. Чекист написал рапорт, где сообщал о предложенной ему Манусом взятке в размере 20 тыс. руб. «и обеспечение на всю жизнь». На Мануса было заведено новое дело, и на этот раз о подкупе. 30 октября 1918 г. его приговорили к расстрелу с конфискацией имущества «за предложение взятки комиссару дома предварительного заключения, за содействие по освобождению его из-под ареста и за предложение взяток другим служащим дома заключения за разные услуги». Сказано, что, «находясь в доме предварительного заключения, Манус развращающе действовал на окружающих, вызывая служащих на разные нелегальные проделки». Принималось во внимание и «скверное отношение» Мануса к бывшим подчиненным, отрицательное отношение к советскому строю, его стремление при помощи денег развратить «честных коммунистов». В постановлении нет упоминания о нарушениях декретов Советской власти и о запрете сделок с ценными бумагами и переводе их за границу. По-видимому, их так и не доказали... По воспоминаниям французского банкира М. Верстрата, Манус на упрёк председателя Петроград-

Революционный суд

ской ЧК М.С. Урицкого, что он «всего лишь проклятый капиталист», якобы ответил, что тогда сам Урицкий «всего лишь проклятый вор». По приказу Урицкого Мануса, дескать, тут же отвели в подвал и убили как собаку — выстрелом в затылок. На деле же Мануса приговорили к расстрелу 30 октября 1918 г., когда председателя Петроградской ЧК Урицкого уже не было в живых (того убил двумя месяцами ранее эсер Л. Каннегиссер). Конец спекулянта закономерен.

Мануса отвели в подвал, где какой-то «латыш, профессиональный убийца, человек с лицом зверя, смрадно пахнувший алкоголем и кровью, пристрелил его как собаку, пустив ему пулю в затылок». Короленко считал неправомерной смертную казнь за казнокрадство: «У меня большое нерасположение заступаться за эту старую (вероятно) интендантскую крысу, но... всё-таки это опять казнь в административном порядке... Нельзя, чтобы следственное учреждение постановляло приговоры. Эта азбука правосудия». Но ведь с этими «крысами» иначе никак не справиться... Поэтому трудовой народ приветствовал эту вот меру социальной защиты. Это же азбука поведения трудового народа в трудный час. Так сказать: *Lex dura... Lex non scripta!*

Не менее драматично сложилась судьба и другого петроградского банкира и биржевика, З.П. Жданова... Сей уроженец села Сменцово Мышкинского уезда Ярославской губернии был «происхождения тёмного». Сначала он носил фамилию Голяшкин, но сменил её. Разумеется, фамилия Голяшкин

звучала неблагозвучно для владельца капиталов. Банкирский дом Жданова занимался исключительно биржевыми операциями; за 5 лет его основатель превратился поистине в легендарную личность. Его сравнивали с покойным директором Петербургского Международного банка А.Ю. Ротштейном, который в своё время также имел громадное влияние на бирже. После революции Жданов вспоминал, как «колесо биржи завертелось с небывалой у нас быстротой и силой, перемалывая деньги в

бумагу... и выбрасывая акции и облигации, отсасывая народные сбережения и награждая публику изображениями оных на бумаге, окрашенными цветной радугой надежд на повышение и легкую наживу. И наживали. В результате биржа у тысяч людей — профессия, у миллионов — подсобное дело,

Долой капитал!

у большинства на устах, у всех или почти у всех — в мыслях. Если деловые люди разговаривают, то тема их разговоров «акции»; если они спешат разойтись, то ради «акций»; если они останавливаются хоть на минуту, причина этого «акция»... Этот психоз накопительства и спекулятивизма, который заметен у части народа сегодня, есть признак болезни нации... Н.М. Михайловский писал: «Когда мы слышим, что такой-то зарвался на биржевой игре, такой-то обокрал кассу, такой-то изнывает от тоски среди роскошной обстановки, такой-то изобретает наслаждения всё более и более острого свойства», редко кто в состоянии «оценить всю фатальность, всю неизбежность подобных явлений в системе наибольшего производства». Очевидно, говорит он, что «на этом пути счастья нет». Но современное общество эпохи накопительства и потребления (тем более в его нынешней капиталистической ипостаси), вероятно, считает иначе, поскольку иных целей человеку и человечеству оно предложить не может. Богатства (неправедные) ослепляют даже мудрых и развращают праведных, глупцов же они и вовсе превращают в стадо животных.

А.М. Ивантер, знавший З. Жданова 13 лет, уверял на допросе в ВЧК, что «по характеру он злой, скупой, любящий деньги, жадный на них», а по политическим убеждениям — монархист и большой антисемит, к тому же и недовольный Советской властью... Ежедневно Жданов продолжал приезжать в кафе гостиницы «Европейская» к 16 часам. Сюда после окончания биржи, в 16.30, к нему приходили с отчётами о своих операциях маклеры... Тут же Жданов скупал у них валюту и золото... С началом нэпа Жданов принялся за коммерческие операции. Играл на курсе золотого червонца. Занимался ростовщичеством: принимал в залог золотые вещи и бриллианты. Но лишь 16 мая 1930 г. Жданова арестовали вторично. Он был обвинён сразу в нескольких преступлениях: в связях с юристами и банкирами, бежавшими за границу, в операциях с целью сбора информации об экономическом положении СССР и, в частности, о денежной способности аннулированных акций, имев-

ших котировку на иностранных биржах; в том, что со времени Октябрьской революции и до дня ареста он систематически занимался скупкой упразднённых ценных бумаг и переправкой их нелегально за границу через частных лиц и иностранные консульства; в сбыте ценных картин, валюты и золотых монет; в изготовлении и распространении антисоветских листовок. В итоге постановлением «Тройки» ПП ОГПУ от 25 февраля 1931 года Жданов был осужден по статьям 58-10, 59-9, 59-12 и 88 УК РСФСР к 10 годам заключения в ИТЛ и сослан на Соловки. Спустя два года Жданов, по словам ленинградского чекиста Ф.Т. Фомина, сумел каким-то образом бежать и вернуться в Ленинград. Человек он был достаточно заметный, и органам ОГПУ стало известно об этом. Вскоре он был арестован. Задержали и его любовницу, у которой он и скрывался. С её слов стало известно, что Жданов где-то прячет 10 миллионов рублей золотом и собирается с ними бежать за границу. Следователям удалось убедить Жданова перевести в фонд индустриализации 650 тысяч франков, хранившихся на его счету в Парижском банке. Заметьте, господа: в фонд индустриализации, а не в виде взятки прокурору, следователю, судье или милиционеру чиновнику за закрытие дела. А затем заставили показать место на даче в Павловске, где были закопаны остальные его ценности. Следствие по его делу вскоре было закры-

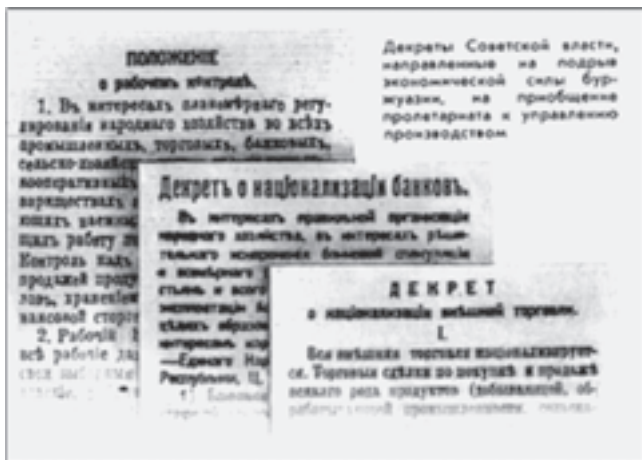
Национализация

то, и Жданова выслали на жительство в Архангельскую область, где тот вскоре и умер. Замечательным и справедливым в действиях советской юстиции было то, что та не спасовала, как это порой бывает сплошь и рядом сегодня, перед могущественной властью денег, жестоко наказывая и экспроприируя виновных. И разве не задача государства, общества — ставить заслон на пути этих паразитов!

Однако ситуация осложнилась. Всюду дезорганизация, саботаж, вредительство... Так или иначе всё это — средства «вернуть старый рай для эксплуататоров и старый ад для трудящихся». О том, что же представляло собой российское чиновничество, почитайте мемуарные «Записки русского предпринимателя» И. Кулаева. Перед вами предстанут без прикрас крупные чины министерства финансов, службы таможи, интенданты и предприниматели. Если сказать одним словом, то тут взяточник на взяточнике, вор на воре. Именно войны и дикие условия капитализма, как это было и остаётся у нас по сей день (в условиях мира крадут не меньше), разожгли в толпах чиновников и предпринимателей самые подлые и алчные инстинкты... Автор пишет: «Во время второй мировой войны и в первые годы русской революции я насмотрелся на многое и имел возможность наблюдать, как быстро люди заражались азартом наживы, и притом нередко люди немолодые, опытные, выдержанные. Особенно много явлений этого рода происходило в Харбине. Многие здесь за время войны уже успели нажить крупные капиталы, но так вошли во вкус, что это их не удовлетворило, и они, бросив свои постоянные дела, пустились в дальнейшие прибыльные спекуляции, уже во время Гражданской войны в Сибири. Они скупали всякого рода товары, отправляли их в Западную Сибирь и на Урал, где ощущался товарный голод, и продавали там привезённый товар населению по двойной и тройной цене; потом снова повторяли те же спекуляции». Этот ажиотаж продолжался до тех пор, пока большевики не разбили Колчака и вся их бешеная прибыль в сибирских кредитках не потеряла

всякую ценность, а вновь новоиспеченные миллионеры не лопнули, как мыльные пузыри. Понятно, что все они яростно ненавидели Советы и боролись с ними, если представлялась возможность. И сегодня ещё находятся мерзавцы (видимо, из той же самой спекулянтской породы, что спекулируют на всём — на идеях, словах, песнях, сырье, родине, даже на родных детях), что осмеливаются защищать эти отбросы общества, эту гниль, эту проказу, эту чуму цивилизации. Большевики приняли решение о национализации крупных предприятий (июнь 1918 г.). Сотни национализированных предприятий закрыли, в стране работали лишь оборонные заводы. Историк обращает внимание, что национализация началась в июне, когда на первые роли в стране вышел Свердлов. Он и стал фактическим руководителем Советской России в мае, когда, кстати сказать, установлена продовольственная диктатура. В деревню посылали продотряды, которые и изымали хлеб у крестьян, причём без какой-либо установленной нормы. В июне в деревне были созданы комитеты бедноты. Члены комбедов приступили к грабежу своих более зажиточных соседей, отняв у богатых крестьян свыше 50 миллионов десятин земли.

Процесс национализации затронул, конечно же, не только землю и заводы, но и банки... Один из лидеров Американской революции Джефферсон как-то сказал, что банки являются средством захвата, при наличии которого нет необходимости и в вооруженной силе. Большевики это хорошо понимали. А потому 14 декабря 1917 г. вы-

шел декрет о национализации банков, а 28 декабря было национализировано Русско-бельгийское металлургическое общество. 9 января 1918 г. были национализированы Путиловские заводы в Петрограде. 20 августа 1918 г. вышел декрет ВЦИКа «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах». Правда, чтоб не допускать анархии, 16 октября 1918 г. СНК запретил фабрично-заводским комитетам производить национализацию. 29 ноября 1920 г. произошла национализация мелких предприятий. Крупные банки, кредитные учреждения, прекратившие все операции, заморозившие счета, все стали объектом государственной национализации. В январе 1918 г. конфискованы чеки и акции в банках, государственные задолженности (60 млрд руб., из них 16 млрд руб. — внешнего долга) аннулированы. Под контролем государства оказались $\frac{3}{4}$ средств частных банков. Разумеется, среди тогдашних банкиров России были честные и глубоко порядочные люди. Скажем, банкир и промышленник А.Н. Найденов, чье слово, по свидетельству современников, котирировалось в Москве наравне с серебряным рублем, после декрета о национализации банков выплатил вкладчикам банка 300 тысяч рублей из собственных денег. И всё во имя сохранения репутации честного банкира! Опасения, что крупные предприятия страны на оккупированных территориях перейдут к Германии, заставили правительство пойти на национализацию важнейших отраслей промышленности. С ноября 1917 г. по март 1918 г. национализировано порядка 800—850 предприятий, включая такие заводы, как Путиловский и т.д. Либеральнее действовали большевики в отношении промышленных предприятий, национализировав 81 предприятие, и то вначале в качестве меры наказания. Принятые большевиками против буржуазии меры (национализация банков, крупных заводов, промыслов, угольных копей, железных дорог, флота) усилили сопротивление со стороны эксплуататорских классов, «бывших», отрезая им все пути назад. Хотя всё это не могло не ударить и по интересам узкого слоя высокопрофессиональной интеллигенции. Возникли трудности и с пролетариатом, связанные с эффектом завышенных ожиданий. Например, рабочие-печатники заговорили:

«Это для буржуазных газет мы работаем за такую цену, для социалистической надо 25% надбавки». Ясное дело, ведь все газеты «таперича» наши...

Национализировали не только заводы, фабрики и банки, но многое из того, что создано за счёт каторжного труда крестьян и пролетариев и осело в роскошных особняках бывшей буржуазии. Национализирован был и огромный Юсуповский дворец, что располагался в Петербурге, на набережной Мойки. В здании, как было известно, находилось редчайшее собрание картин и предметов художественного значения. Туда-то и явился эксперт В. Верещагин. И к своему ужасу ничего не обнаружил. Комнаты дворца были пусты, а знаменитая Юсуповская галерея исчезла! Туда был послан оперативный отряд из комсомольцев. Пять дней во дворце шел обыск, в ходе его обнаружили ряд хитроумных тайников. Вот что писал в воспоминаниях командир посланного туда отряда — П.И. Усанов... От кочегаров дворцовой котельни узнали, что «искать надо там, где изразцы». Изразцами был облицован длинный коридор. «Выстукивание стен коридора ничего не дало... Из котельной и дворницкой принесли ломы, кувалды и другой инструмент. Наметили три места и одновременно начали ломать стены. Под изразцами оказался толстый слой штукатурки, а за ней — каменная кладка. В двух местах за первым рядом кирпичей пошел второй. Старая кладка поддавалась с трудом...»

**ЗАВОДОВЛАДЕЛЕЦ!
БУДЬ ТОЛСТЫМ И ГОРДЫМ!
ВЕЙ ПРОЛЕТАРИЯ
В ХАМСКУЮ МОРДУ!**

Митинг рабочих Ликинской мануфактуры — первого национализированного предприятия. 1917 г.

И вдруг увидели железную дверь. Предоставить ключ от двери управляющий отказался — дверь взломали. Здесь, в этом первом из обнаруженных тайников, были спрятаны золотые и серебряные сервизы, «среди них был и золотой обеденный прибор на 120 человек, состоящий из множества предметов огромной ценности». Во втором тайнике, дверь которого тоже скрывали изразцы и кирпич, находились ящики с фарфором в хрустале. «Мы старались найти следующий тайник, — продолжал П.И. Усанов, — но коридор был обшарен и пробит весь. Больше ничего в нем не было. Где же картины? Где же искать? — не выходило у меня из головы». В конце концов управляющий, убедившись, что дальнейшее упирательство бесполезно, сам вызвался показать, где ранее была спрятана коллекция картин Юсупова. «Управляющий провел нас в комнату, из которой шла в верхние этажи металлическая винтовая лестница... — Здесь!.. Управляющий пошарил рукой по стене за винтовой лестницей, нажал незаметную кнопку, и обнаружилось небольшое отверстие, открывшее доступ к замку. Вставив ключ и повернув его, управляющий сильно толкнул рукой часть стены, находящуюся за винтовой

лестницей, и тяжелая, массивная дверь немного отошла... Но войти в открытую дверь было нельзя — винтовая лестница полностью загоразживала вход». Однако низ лестницы был собран на болтах, и стоило снять десять нижних ступеней, как открылся свободный подход к двери. «Вошли, осветили. Сначала ничего не поняли. Большое, высокое помещение до самого потолка было перегорожено очень тесно поставленными друг к другу каркасами, на которые в несколько этажей были вдвинуты картины... В этой большой кладовой находилось более тысячи полотен. Здесь была спрятана огромная картинная галерея, имеющая мировую известность. Это собрание являлось одной из самых замечательных частных сокровищниц искусства в Европе. Главной гордостью Юсуповской галереи были картины французской школы. Здесь были Лебрен, Миньяр, Риги, Буше, Ланкре, Грёз, Робер, Буальи, Давид, Фрагонар, Коро. Было много картин мастеров итальянских: Карраччи, Альбани, Гвидо Рени, Лука Джорано, Тьеполо и Гварди. Картины Рубенса и Ван Дейка представляли фламандскую школу. Но главной драгоценностью этого богатейшего собрания были полотна Рембрандта». Ещё в одном тайнике находились кол-

лекция картин Юсупова. «Управляющий провел нас в комнату, из которой шла в верхние этажи металлическая винтовая лестница... — Здесь!.. Управляющий пошарил рукой по стене за винтовой лестницей, нажал незаметную кнопку, и обнаружилось небольшое отверстие, открывшее доступ к замку. Вставив ключ и повернув его, управляющий сильно толкнул рукой часть стены, находящуюся за винтовой

Дворец Юсуповых в Петербурге

лекция старинных музыкальных инструментов (она включала и скрипки работы Страдивари), собрание древних грамот, автографы многих деятелей русской и мировой культуры, рукописи Пушкина. Действия власти можно было только приветствовать... В противном случае эти сокровища, вне каких-либо сомнений, перекочевали бы на Запад, где и так уже осело немало ценностей былого режима... Замечательно и то, как отнеслись к процессу изъятия обычные люди, труженики Советской России. Сейчас много разговоров о том, что, дескать, Советы отдали на Запад те или иные картины и драгоценности. Во-первых, не Советы, а Троцкий и К°. Комиссары же изъяли у богатей и буржуазии миллионы редчайших вещей и передали их народу, в народные музеи. И 26 сентября 1920 г. А.В. Луначарский докладывал III сессии ВЦИК о деятельности Наркомпроса. В его речи были и такие слова: «Очень возросло также количество музеев. В настоящее время провинциальных музеев насчитывается сто девятнадцать против тридцати одного старого времени. Сейчас даже музееведы заявляют, что они изумлены и очарованы тем, в какой мере вся толща народа при советской власти прониклась желанием собирать и охранять древности. Эрмитаж у нас увеличился в полтора раза».

Однако ни работа Наркомпроса, ни работа других организаций и ведомств невозможна была бы в России без участия наиболее образованного, культурного слоя — интеллигенции. Большевики всё же понимали, что одними принудительными мерами «социализма» не построить. В первые месяцы Советской власти они пытались как-то наладить на предприятиях рабочее

самоуправление, заменив инженеров, предпринимателей рабочими. Но время показало: руководить рабочие не готовы, а промышленность погружается в кризис. Тут можно было бы вспомнить и об относительно благополучном положении пролетариата перед войной. И о том, сколько получал рабочий, инженер, врач и т.д. Уровень безработицы в России 1900—1910 годов был значительно ниже, чем в других странах, и не превышал 1—2 % рабочей силы даже в Москве и Петербурге. Только всё это было, не надо опять же забывать — до войны мировой и гражданской. Это же небо и земля. Ленин призвал партию (20 сентября 1918 г.): «Побольше экономики... Есть ли на деле успехи крупных фабрик, земледельческих коммун, комитетов бедноты, местных совнархозов в строительстве новой экономики? Каковы именно эти успехи? Доказаны ли они? Нет ли тут побасенок, хвастовства, интеллигентских обещаний («налаживается», «составлен план», «пускаем в ход силы», «теперь ручаемся», «улучшение»)». Он требует не пустой говорильни, на которые советские работники — такие мастера, но опубликовать чёрный список отсталых фабрик, ставших уже именно после национализации «образцом разброда, распада, грязи, хулиганства, тунеядства». Требуется наказать рабочих, которые хотели бы дать государству работы поменьше и похуже, а содрать с «него» денег побольше. И он прямо даёт понять партии, что подобных мерзавцев в стране немало. Как говорил Ф.Э. Дзержинский, мерзавец в отделе снабжения или в министерствах России может принести куда больше вреда, чем целая дивизия белых, воюющая против красных войск на фронтах. Хотя было оче-

видно и то, что верхний слой рабочего класса, имеющий большой кругозор и относительно приличные знания, достаточно тонок. Троцкий признал в «Известиях» (1920): «Этот слой очень тонок. В массе своей рабочий класс, вышедший из низов, из крестьянской глубины, лишён инициативы. Эту личную инициативу, личное начало необходимо

Глава Наркомпроса А.В. Луначарский

в рабочем воспитать. Личное начало у буржуазии выражается в индивидуализме, в конкуренции... Наш русский мужик болен стадностью, отсутствием личности — тем, что воспело наше реакционное народничество, тем, что выразил Лев Толстой в образе Платона Каратаева». Слой этот действительно был очень и очень тонок. Достаточно сказать, что в царской России перед войной инженеров фабрично-заводского производства прибавилось всего на 1277 человек... А промышленных квалифицированных рабочих в России, о которой так любят петь «певички» из буржуазного джаз-банда, в 1913 г. их было меньше, чем в Австрии в середине XIX века. Горстка людей!

Большевики понимали всю необходимость привлечения к управлению страной знающих профессионалов. Поэтому уже на III Всероссийском Съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в январе 1918 г. Ленин заявил: «Не было ни одного человека из нашей среды, который представлял бы себе, что такой искусный, тонкий аппарат банкового дела, веками развивавшийся из капиталистической системы хозяйства, может быть сломан или переделан в несколько дней. Этого мы никогда не утверждали. И когда учёные или якобы учёные люди кивали головою и прочествовали, мы говорили: вы можете пророчить, что угодно. Мы знаем лишь один путь пролетарской революции: овладеть неприятельской позицией — научиться власти на опыте, на своих ошибках. Мы несколько не преуменьшаем трудность нашего пути, но основное нами уже сделано». Весной 1918 г. прагматизм подсказал В.И. Ленину, что пора прекращать «красногвардейскую атаку на капитал». Похоже, он решил пойти на компромисс с предпринимателями. Начались переговоры с крупным бизнесменом Мещерским, тому предложат создать в стране совместный с государством мощный металлургический трест. Велись переговоры и с промышленником Стахеевым, пробивавшим идею образования крупного хозяйственного объединения

В.И. Ленин в рабочем кабинете в Кремле. 1918

на паритетных с правительством началах. Кого-то из предпринимателей привлекли для разработки тарифов зарплаты. Смысл социализма не в примитивной формуле «Грабь награбленное!» и не в горьковской формуле «Клюнуть денежного человека по башке — что ни говори, приятно»! Суть идеи в предоставлении народу равных прав и условий для жизни, работы, творчества, образования. Это справедливо и сегодня, в эпоху наступления капитала по всему миру.

Финансисты-евреи, имевшие давний опыт работы с денежной массой и кредитными операциями и, что немаловажно, чувствующие за спиной родственников и родных в Америке и Европе (дядя Троцкого — Абрам Животовский, дядя Свердлова — В. Свердлов, имевший контору в Нью-Йорке на Бродвее, Ганецкий, Парвус, В. Адлер в Вене и др.), и стали своего рода опорой большевистского банковского дела, т.е. разного рода финансовых и коммерческих контор или учреждений. Всемирная власть денег, ставшая *corpus mysticum* еврейского господства, не могла не найти воплощения и в Советской России, где по меньшей мере две трети новой власти были евреями. Один из очевидцев тех событий писал так: «Вот банковский комиссар, очень элегантный, с галстуком новейшего фасона и в модном платье. А вот уездный комиссар — иудей, бывший биржевой маклер с двойным

буржуазным подбородком. А вот третий — тоже иудей и податной инспектор: он прекрасно умеет выжимать соки из буржуазии». Американский предприниматель Г. Форд, которому принадлежат эти слова, в 1929 г. и подписал с ВСНХ СССР договор о сотрудничестве. Советская сторона получала по нему от «Форд мотор компани» техническую помощь при постройке и пуске нового завода, право на изготовление у себя моделей «Форд» и на обучение в США специалистов. Срок этого технического сотрудничества был определен девятью годами. Будучи представителем «организационной школы», Форд создал систему, где первое место занимали техника и технология, в которые «вписывали» человека. Нечто подобное создавалось и в Советской России, где создана была грандиозная система власти и общества, в которую человек обязан был вписаться или в противном случае — погибнуть. Одним словом, процесс модернизации России пошел!

Менялась ситуация и на дипломатическом фронте... Вначале аппарат старого МИДа не хотел признавать Советского правительства, заняв уклончивую позицию и заявляя, что готов «пойти на компромисс» — вести текущие дела, не связанные с политикой, консульские обязанности, решать вопросы с пленными и не более (одним словом, дипломаты). Причина уклончивости очень даже понятна. По данным 1913 г., в начале века МИД России на 15% был укомплектован выходцами из аристократических кругов. Та же картина сложилась и в заграничных представительствах. Господа там и задавали тон... Лишь несколько десятков лиц старой когорты согласились работать в НКВД и заграничных представительствах. В. Лопухин, директор департамента общих дел МИД царской России, откровенно тогда заявил Л. Троцкому, временно исполнявшему должность министра иностранных дел: «сотрудники старого МИДа не верят в прочность Советской власти». Конечно же, они не доверяли и самому первому советскому дипломату, Лёве Бронштейну. Тот не имел высшего образования, но обладал апломбом, коего хватило бы на

добрых десяток министров. Кроме того, многие видели в нём врага России. Вместе с А. Иоффе, Караханом, Биценко и др. он едва не привел к гибели Россию, дав немцам карт-бланш фактически на захват страны. Он же опубликовал тайные договоры старой, царской России, т.е. по сути дела выдал государственные тайны. Поэтому понятно, что на первых порах большевикам пришлось брать на работу в МИД всех, кто изъявит желание. Помощниками Троцкого стали не только большевик-полиглот И. Залкинд (знал несколько языков, обучался на историко-филологическом и восточных языков факультетах Санкт-Петербургского университета), но даже меньшевик Е. Поливанов (племянник царского военного министра). Последний входил ранее в организацию «Союз русского народа»... Это ли не свидетельство того, как трудно было найти необходимые кадры для работы на благо Советской России?! Советская власть вынуждена была прибегнуть и к мерам принуждения... «Известия Петросовета» опубликовали список бывших сотрудников МИДа, уволенных с их постов «без права на пенсию» за отказ подчиниться решению Совета Народных Комиссаров. В такой ситуации властям волей-неволей приходилось заполнять зияющие бреши в Народном Комиссариате иностранных дел (НКВД) людьми далекими от дипломатии, приглашая сюда рабочих завода военных и морских приборов «Сименс и Шуккерт», шифровальщиков из Главного морского штаба и даже солдат.

Спекулянты на бирже

Дипломат М.Ф. Шиллинг

Говоря о старых царских дипломатах, не стоит испытывать священный трепет... Они ничем не отличались от другой сановной бюрократии царской России. Многие шли в дипломатию не ради высокого призвания служить родине, и даже не ради карьеры, а так, из-за скуки. Стоит привести признание далеко не худшего из них, М.Ф. Шиллинга (1872—1934), директора канцелярии МИД, секретаря российского посольства в Вене, Париже, Ватикане. В молодости, раздумывая над тем «Кем стать?», он писал (1894 г.): «Я уже говорил с папа, и уже решено, что я нынешней весной не буду держать госэкзамена. Считаюсь (на основании сочинения, которое я подал) окончившим курс Московского университета, я имею право поступить хоть сейчас на службу, но с чином 14 класса (так как чин 10 и 12 классов дает лишь госэкзамен). Это единственная разница. Я думаю определиться в МИД: куда же и на что же больше я могу быть годен!.. Итак, может быть, скоро я буду дипломатом! По этому поводу я писал Мише, уговаривающему меня поступить на какую-нибудь службу для исцеления моего нравственного расстройства, — «Радуйся, друг:

я поступаю в МИД, т. е. сделаюсь классифицированным *bon à rien*, тогда как теперь я тоже самое — *non étiquette*. Разница невелика». И это правда. Сделать карьеру. Я не имею сил даже стремиться к этому. Желать этого значило бы иметь цель в жизни, а уже теперь я устал жить и ничего кроме Nirvana не могу желать. Да что право в том, что называют «карьерой». Не буду ли я тем, что и сейчас, т. е. несчастным *dégénéré*, надень на меня бухарский халат или шитый золотом гофмейстерский мундир. Неужели звание посла могло бы переродить меня. Неужели почести смогут доставить или заменить мне единственное, что казалось мне заманчивым в жизни — любовь к женщине». Однако не все таковы, да и в позициях старых дипломатов постепенно стал намечаться перелом. Часть (и немалая) интеллигенции, конечно же, одумается и составит значительную толику создаваемых бесчисленных аппаратов пусть даже и презираемого ею Советского правительства. К тому же, жизнь поставила их лицом к лицу с суровой реальностью (такой реальностью могла стать и «стенка» в ГПУ).

«За годы военного коммунизма, — писал Ф. Степун, — всего не хватало в Москве. Люди тысячами умирали с голоду, от тифа и «испанки». Очереди на гроба были так же длинные, как на хлеб. Только одного было вдоволь — трупов в анатомическом театре. По свидетельству известного врача, у большинства из них были прострелены затылки... Вот и дрогнула белая кость бюрократии — мидовцы... Бывший директор правового департамента МИД А. Доливо-Добровольский (через газету «Наша жизнь») обратился к своим коллегам с таким призывом: «Большевики захватили власть, свергнув коалиционное правительство. В первое же мгновение все отступили перед фактом захвата, перед призраком разорванных хартий свободы. Но нам было предоставлено время, много дней, чтобы заметить, что перед нами не кондотьеры с ещё горящими ружьями после уличной схватки, но фактическая власть большой народной партии». Трудно сказать, что именно склонило чашу весов в пользу участия интеллигенции в работе власти — «идеи» или необходимость.

Вероятно, всё же превалировало второе. У бывших дипломатов не оставалось выбо-

Воспитание буржуазии в Советской России

ра, кроме как проситься на государственную службу. Действительно, в те времена иной работы в Советской России просто не было. Частный бизнес практически исчез. Все богатые люди или бежали за границу, или разорились... Участь же безработных была тяжкой: их заставляли выходить на самые грязные и тяжелые работы (копать могилы после эпидемии холеры в 1918 г., убирать улицы и т.п.). Л. Млечин приводит характерное высказывание одного сотрудника МИДа: «Довольно покобенились и поголодали, — говорил коллегам бывший сотрудник второго департамента МИД А. Сабанин. — Пора приняться за дело. Но (нам — *Ред.*) работать как следует можно только по специальности. Предложу услуги Наркоминделу». Таких людей становилось всё больше.

Правда, иные дипломаты старого режима, Временного правительства, белых вроде Гирса или Маклакова во Франции, Бахметева в США занялись скорее устройством собственных дел, а то и открытым воровством. По сведениям барона Вольфа, бывшего военного атташе в США, Бахметев перевел 58 млн «посольских» денег на собственный текущий счет и тратил их безо всякого контроля, в частности он повысил жалование самому себе до 160 тыс. долл в год — «цифры, совершенно неслыханной в дипломатической практике». Примерно так же действовал и громоздкий аппарат дипломатического ведомства в Париже... Чиновники русского посольства продолжали расходовать на своё содержание (жалованье, командировки, курьерские и т.д.) большие казенные деньги. Действовали соглас-

но одному принципу: «Каждая своя копейка должна быть на счету, а казённые деньги на то и созданы, чтобы тратить их при всякой возможности». Иные чиновники откровенно называли эту практику расхищением. Бывшие царские служащие поняли, что неплохо можно устроиться и при новой власти, даже воспользоваться её преимуществами. Были дипломаты и нового типа...

Среди них прежде всего следовало бы назвать Г.В. Чичерина, истинного русского интеллигента... Георгий Васильевич Чичерин (1872—1936) родился в

дворянской семье (племянник известного русского ученого Б.Н. Чичерина). В детстве он серьёзно занимался музыкой, увлекался историей. После окончания гимназии с золотой медалью Чичерин в дальнейшем блестяще завершил образование на историко-филологическом ф-те Петербургского университета и отправился в заграничное путешествие. По совету дяди, в 1898 г. Чичерин поступил на службу в главный архив Министерства иностранных дел, где участвовал в написании истории Министерства иностранных дел России, работал над биографией А.М. Горчакова, которую, правда, так и не закончил, но при этом приобрёл прочные знания по истории отечественной дипломатии. Г.В. Чичерин сочувственно относился к революционным идеям, проявлял интерес к социалистической литературе... В 1904 г. он легально выехал из России, вероятно, для изучения социал-демократического движения на Западе (и для последующего использования обретенного им опыта на родине). Агенты охраны докладывали о нём в Петербург: «Кличками А. Орнатский пользовался... Чичерин, племянник известного исторического деятеля Чичерина. Это — очень богатый человек, одолживший партии... 12 тысяч марок. Он состоит одним из вдохновителей социал-демократического бюллетеня, печатающегося на немецком языке в Берлине...» Жил в Германии, Франции и Англии. Общаясь с эмиграцией, он был близок к эсерам, потом к меньшевикам. В идейном отношении попал под влияние Г.В. Плеханова и взят на заметку заграничным бюро де-

Народный комиссариат иностранных дел

партамента полиции. Обладая немалыми средствами, он имел возможность, став членом РСДРП, оказывать ощутимую финансовую поддержку партии. Занимаясь публицистикой, вошел в состав Заграничного центрального бюро РСДРП и даже стал членом Британской социалистической партии. С началом первой мировой войны Чичерин приобрёл широкую известность как меньшевик-интернационалист. В 1917 г. работал секретарем Российской делегатской комиссии для содействия возвращения эмигрантов на родину. Попал в английскую тюрьму за антивоенную пропаганду и «связи с врагом». В 1918 г. Англия обменяла его на английского посла в России Д. Бьюкенена. Сделали это просто. Когда англичане, напуганные революцией, побежали из России, им перестали давать визы и намекали: «Чтобы дать вам визу, нам нужно посоветоваться с Чичериным. Нет Чичерина — нет и визы». Англичане вынуждены были освободить Г. Чичерина и тот вернулся на родину.

Вернувшись в Россию, Чичерин вступил в РСДРП(б). Сначала фактически, затем и юридически возглавил Наркомат иностранных дел. Участвовал в подписании Брест-

ского мира (1918), стоял во главе советской делегации в Генуе и Лозанне (1922—1923), подписал Рапальский договор с Германией. Чичерин выделялся своей образованностью. Он был полиглотом (объяснялся почти на всех европейских и нескольких азиатских языках). Одержимый работой и не имевший семьи, убежденный холостяк и скорее аскет-фанатик, он жил затворником в наркомате и немало сделал для подготовки новых дипломатических кадров Республики. 5 мая 1920 г. нарком направил письмо председателю СНК В.И. Ленину, где говорил: «Мы теперь стали заниматься политическим воспитанием молодых сил, организуем курсы...». Открыты подготовительные курсы НКИДА и НКВТ. В тезисах Г. Чичерин говорил: «Специальное высшее учебное заведение для советских посланников есть дело будущего. Наши же курсы преследуют более скромную цель: подготовку того квалифицированного подсобного персонала, в котором мы ощущаем крайнюю нужду». Конечно, и тут было немало фантазий (масонского толка)... Троцкий, одно время возглавлявший НКИД, был восторженным почитателем масонов. Дипломатическая форма страны Советов, при ЦК его предложение, походило бы на одеяние масона.. Выписка из тайного заседания коллегии НКИД гласила: «Одобрить парадную и рабочую форму согласно прилагаемого описания... Парадная форма включает: фартук, ритуальный молоток, мастерок, пентаграмму (на груди), перчатки». Готовили специалистов в короткие сроки. Кадров не хватало, и с середины 20-х гг. на дипломатическую работу стали выдвигаться по рекомендации МК РКП(б) рабочие московских предприятий. Велась подготовка специалистов и в Институте востоковедения им. Нариманова, для чего были учреждены специальные стипендии. Будущие работники НКИДа и НКВТ обучались и на специальных курсах при МГУ. В июле 1923 г., когда в Советской России был создан Наркомат по иностранным делам СССР, Чичерин стал первым наркомом. С 1925 г. он член ЦК ВКП(б). Определенные трудности в работе Наркомата связаны с тем, что руководство СССР делало акцент на помощь Коминтерну, направленную на провоцирование революций в зарубежных странах. Естественно, это наносило

Форма красного дипломата (проект)

ущерб международным связям. В конце 1920-х гг. у Чичерина усилились диабет и полиневрит, фактически из-за более и прогрессирующего душевного расстройства он с 1928 г. уже не мог исполнять обязанности наркома и 21.7.1930 заменён на посту наркома М.М. Литвиновым, отношения с которым у него были натянутые, если не сказать более. Г. Чичерин не любил Литвинова, а тот в свою очередь терпеть не мог Чичерина. Тут разные натуры и «группы крови». Меер-Генох (Макс) Мовшович Валах, он же — Папаша, он же — будущий народный комиссар иностранных дел СССР Максим Максимович Литвинов, родился в ночь на 5 (17) июля 1876 г. в небольшом городе Белосток Гродненской губернии в многодетной еврейской семье банковского служащего. В зрелые годы за распространение ленинской «Искры» он попадает в тюрьму. Через год бежит, эмигрирует в Швейцарию, где становится большевиком и даже избирается делегатом III съезда партии. А вернувшись осенью 1905 г. в Петербург, занимается созданием первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь», руководит перевозками в Россию «Искры» и принимает участие в революции 1905—1907 гг. Но главное было даже не в этом: под кличками «Папаша», «Граф» и «Феликс» Максим Литвинов (именно под этим псевдонимом прошла большая часть его жизни) по поручению большевистского ЦК он занялся закупкой оружия за границей и

ввозом его в Россию для нужд большевиков. Ленин отзывался о Литвинове нельзя сказать чтобы очень высоко. «Это все качества хорошего спекулянта и игрока... умного и ловкого еврея-коробейника, но никак не крупного биржевого дельца. И в его преданность революции я и на грош не верю, и просто считаю его прожжённой бестией, но действительно артистом в этих делах, хотя и мелким до глупости...». Участвующий в работе Лиги Наций Н. Гольдман вспоминал: «Однажды Литвинов явился в Женеву с 14 делегатами, из которых 11 были евреями. Я спросил министра: зачем вам эта синагога?» Литвинов ответил нечто невразумительное, в том

духе, что евреи знают иностранные языки. Однако гораздо больше русских в России, что знают языки (и в МИДе в том числе). Десять лет до революции прожил он в Англии, куда его выслали французская полиция. О нём высокого мнения был Черчилль.

**В. Воровский, М. Литвинов,
Г. Чичерин. Генуя 1922 г.**

Обычно скупой на похвалу Черчилль писал о главе мидовской «синагоги» Советской России: «Литвинов быстро приспособился к атмосфере Лиги Наций и пользовался её моральным языком с таким большим успехом, что скоро стал выдающимся деятелем».

Чичерин как человек любящий Россию и русский всем сердцем верил в революцию и в Русский народ. Но внутренняя дипломатия нередко отнимала больше времени и нервов, чем дипломатия внешняя. Бывший советский дипломат Г.З. Беседовский, оставшийся в Париже в 1929 г., признавал, что «Чичерин был, несомненно, выдающейся фигурой, с крупным государственным размахом, широким кругозором и пониманием Европы». «Первые годы НЭПа, — писал Беседовский, — особенно пробудили энтузиазм работы у Чичерина. В эти годы даже постоянные интриги Литвинова не убили в нём воли к работе». Многие изменилось для Чичерина в связи с отходом В. И. Ленина в конце 1922 года от активной политической деятельности. Наследники Ленина начали тогда ожесточенную борьбу за лидерство и власть в партии и государстве. М.М. Литвинов сумел более быстро оценить соотношение сил, поддержав тогда Сталина... «Начав с 1923 г. ожесточенную борьбу с Чичериным, — писал Беседовский, — Литвинов вёл эту борьбу, не стесняясь в средствах. Он открыто третировал Чичерина перед чиновниками Наркоминдела, отменял его распоряжения, зачеркивал на официальных докладах его распоряжения и ставил свои. Весь аппарат Наркоминдела принял участие в этой борьбе, разделившись на две группы: «чичеринцев» и «литвиновцев», причем обе группы вели борьбу, очень мало заботясь об интересах работы». В Наркоминделе эти группы назывались «западниками» и «восточниками». Во главе первой группы стояли Литвинов и Копп, а второй — Чичерин и Карахан. Суть разногласий между «западниками», которых поддерживали многие деятели Коминтерна, и «восточниками» состояла в том, что первые ориентировались на быструю победу «мировой революции», и прежде всего в передовых странах Европы и США. Они рассчитывали на подталкивание революции в слабых странах, в странах — соседях СССР. Другая же группа лиц «придерживалась, — по словам работника аппарата Коминтерна Г.И. Сафарова, — того взгляда,

что ни в Турции, ни в Персии, ни на Ближнем и Среднем Востоке вообще коммунистическое и рабочее движение не имеет право на существование, что, действуя вразрез с этим, Коминтерн «занимается авантюрами». Они выступали против «советизации Турции» и других стран. Чичерин в июне 1921 г. в инструкции полпреду в Афганистане Ф.Ф. Раскольникову предостерегал его от «искусственных попыток насаждения коммунизма в стране, где условий для этого не существует». Встречавшийся с Чичериным советник германского посольства Г. Хильгер писал в своей книге: «Этот маленький человек умел представлять интересы своей страны на международных конференциях с таким большим достоинством, такой замечательной эрудицией, блестящим красноречием и внутренней убежденностью, что даже его противники не могли не относиться к нему с уважением». Возможно, в его жизни было две главных страсти — к социализму и Моцарту. Он так и сказал: «У меня были революция и Моцарт, революция — настоящее, Моцарт — предвкушение будущего».

Кстати, напомним, что именно советская власть первой в мире сделала женщину послом своей страны... Сей замечательной

Юная Шурочка Коллонтай

особой стала А.М. Коллонтай, бывшая дочерью генерала и фабрикантки. В юности она была хорошенькой, почти как её сестра, Е. Мравинская, о которой она же сказала, что та была «хороша как мадонна Рафаэля». Всю себя она отдала революции... и революционерам. Ей был ближе большевизм, но обаяние личности Плеханова удерживало от разрыва с меньшевиками. Уже 22 декабря 1917 г. и 29 января 1918 г. (по старому стилю) ЦИК принимает решение послать делегацию в Стокгольм: «О мирной делегации. Для установления тесной связи между всеми трудящимися элементами Западной Европы послать делегацию в Стокгольм». Советское правительство надеялось, что делегация сможет побывать не только в Швеции и Норвегии, но и в США. Поездка сопровождалась слухами, согласно которым делегация везёт «огромные мешки золота (очевидно, литература), которые та «украла» у сирот и вдов Наркомата госпризнания». Вояж делегации большого успеха не принёс. Коллонтай писала, что она «влюбилась в матросов», которые спасли «первую социалистическую делегацию за границу от Совдепов» (тогда возникла угроза их жизни). Женщины созданы для дипломатии. В её жизни будет одержано ещё немало побед на дипломатических фронтах — от Швеции до Мексики. Уезжая из Мексики, она заносит в дневник: «Особенно меня тронуло прощание с рабочими. Текстильщики-кустари преподнесли мне художественные сарапе с моими буквами — А.К., вплетёнными в ткань. Другая группа преподнесла мне отполированный кокосовый орех с надписью: «Товарищу Коллонтай. Империалисты тебя ненавидят, революционеры тебя любят. Да живет в наших сердцах дружба Мексики с Россией!» и выжженными рисунками броненосца «Потёмкина» и других революционных эмблем». В 1944 г., спустя 17 лет после её отъезда из Мексики, правительство этой страны наградило А.М. Коллонтай одной из самых почётных своих наград — орденом Ацтекского орла. Но у жёлтой прессы куда больший интерес, нежели её дипломатическая деятельность, вызывает отношение Коллонтай к вопросам свободной любви, семьи, брака.

Вспомним другого представителя дворянской фамилии — графа А.А. Игнатьева, бывшего военного атташе во Франции в

чине генерал-майора, ведавшего закупками вооружений. После Октября, когда «союзники» захотели наложить свою хищную лапу на русскую собственность за границей, в том числе и на счета русского правительства, Алексей Алексеевич перевёл на другой, недоступный счёт деньги России (на своё имя). Денег было 225 миллионов рублей золотом, или что-то около 2 миллиардов долларов по нынешнему золотому курсу. Когда Франция установила дипломатические отношения с СССР, он, придя в советское посольство, отдал чек на всю сумму со словами: «Эти деньги принадлежат России». Возбешенные эмигранты постановили А.А. Игнатьева убить. И убийцей вызвался стать его родной брат! Как Игнатьев остался жив, он и сам тогда не понял: пуля пробила фуражку в сантиметре от головы. Этот «братский сувенир» граф будет потом хранить всю жизнь. Нынешняя буржуазная «элита» в России, напротив, стремится чаще украсть и спрятать в странах Запада наворованные и уводимые всеми правдами и неправдами из России капиталы...

Каждый век, каждый народ, по словам Н. Карамзина, «даёт особенные краски искусному Бытописателю». Для Русского народа краски эти в течение половины XX в. замешаны на крови. В больших семьях, коими и являются страны, порой не обходится без войн. В тот или иной момент истории эпидемия гражданской войны может охватить любой народ. Анализировать такую войну, если ты и сам, по прошествии стольких лет, в этой схватке, трудно, ибо невозможно оставаться равнодушным к тому, о чём пишешь. Неудержимо тянет занять позицию одной из сторон, что грозит опасностью скатиться к упрощенчеству или к односторонним взглядам. Греческий историк Полибий считал: историк должен быть объективен в отношении как друзей, так и врагов. «В частной жизни честный человек может любить своих друзей, свое отечество, ненавидеть заодно с друзьями их врагов. Но, если кто берётся быть историком, тот должен забыть обо всём этом. Ему придётся отдавать справедливость, даже воздавать величайшую хвалу врагам, когда этого требуют факты, часто порицать и резко обличать самых близких людей, если их ошибки заслуживают этого», — писал он. Величайшей трагедией стала гражданская

война, инспирированная как врагами, так и «друзьями» России... Мимо этой величайшей трагедии нам с вами никак не пройти, ибо сие — *ardua quaestio* (лат. — жгучий, трудный, важный вопрос). Тем более, что у нас *the past is as the future present* (англ. — «и прошлое как будто в настоящем»).

Глава 6. Начало Гражданской войны в Советской России: её причины, мотивы и движущие силы

Вы хорошо знаете, что Рим, Греция, Индия, Китай, Израиль, Англия, Франция, Америка, Испания, Ближний Восток, Россия, Азия — знавали такие войны... И даже на крошечном острове Пасхи некогда имела место гражданская война. В «Гражданских войнах» Аппиана даётся описание яростной схватки за власть меж Цезарем и Помпеем. Римляне сражались друг против друга. Или же: что такое Пелопоннесские войны греков, войны за господство между демократическими Афинами и олигархической Спартой, длившиеся четверть века, как не самые настоящие войны гражданские, вызванные борьбой партий за власть! Ну так и почитайте Фукидида: «До такой неистовой жестокости дошла эта междоусобная борьба. Она произвела ужасное впечатление,

особенно потому, что подобное ожесточение проявилось впервые. Действительно, впоследствии весь эллинский мир был потрясён борьбой партий. В каждом городе вожди народной партии призывали на помощь афинян, а главы олигархов — лакедемонян. В мирное время у партийных вожakov, вероятно, не было бы ни повода к этому, ни склонности. Теперь же, когда Афины и Лакедемон стали враждовать, обеим партиям легко было приобрести союзников для подавления противников и укрепления своих сил, и недовольные элементы в городе охотно призывали чужеземцев на помощь, стремясь к политическим переменам. Вследствие внутренних раздоров на города обрушилось множество тяжких бедствий, которые, конечно, возникали и прежде и всегда будут в большей или меньшей степени возникать, пока человеческая природа останется неизменной, различаясь лишь по своему характеру в зависимости от обстоятельств... Этой междоусобной борьбой были охвачены теперь все города Эллады. Города, по каким-либо причинам вовлеченные в нее позднее, узнав теперь о происшедших подобного рода событиях в других городах, заходили всё дальше и дальше в своих буйственных замыслах и превосходили своих предшественников коварством в приёмах борьбы и жестокостью мщения». Беспреданно воевали меж собой и русские князья. Строго говоря, гражданская война в России не утихла на протяжении многих сотен лет. В самом деле, разве вечные междоусобицы между русскими князьями не являлись формой гражданской войны?! В княжествах Древней Руси порой сын шел на отца и брат на брата. И те же распри видим повсюду. В Риме спорили патриции с плебеями, в Европе — короли с папами и баронами, католики с протестантами. Некоторые историки пытались представить дело так, что наши «удельные браны» якобы отличались от тех же браней в Европе. У нас на Руси, мол, и последствия были иными... «Народ не томился в неволе, города не разрушались, нравы не грубели...» Наши князья встречали соперников не в народе или духовенстве, а «в равных себе князьях, в братьях единокровных». Это они, мол, «преследовали друг друга с ожесточением, но щадили народ, высшие и низшие сословия, берегли их любовь и легко миря-

С. Иванов. В смутное время. Лагерь самозванца

лись между собою» (Н. Устрялов). Пустые слова. В реальности всё было иначе. Мы не вправе выделять себя в этом плане из общего ряда народов и грешны, как и они: не раз и не два пили кровушку народа Лжедмитрии, Шуйские, Сигизмунды и пр.

В Смуте 1604 года участвовали крестьяне и холопы, казаки и горожане, дворяне и бояре... Причинами гражданской войны были: смерть царя Бориса Годунова, пресечение династии московских царей (т.е. смерть Дмитрия), усиление крепостного и государственного гнёта и как следствие обострение классовых противоречий, вмешательство иностранных сил и войск в русские дела. Объявились самозванцы, что и привело страну в состояние анархии и неопределённости. Как писал Н.М. Карамзин, шведы взяли Новгород, самозванцы и казаки свирепствовали в других областях наших. «Правительство рушилось, государство погибало». Благодаря внутренним изменникам поляки вступили в Москву и «начали тиранствовать». Но летом 1606 г.

на юго-западе страны на границе с Польшей начинается движение, переросшее в восстание против власти Шуйского. Его возглавил беглый холоп Иван Болотников. Основу его войска составили казаки, беглые люди, городская беднота, поддержанные дворянскими отрядами П. Ляпунова и И. Пашкова. Болотников выдавал себя за воеводу царя Дмитрия, требуя замены Шуйского «хорошим царём Дмитрием».

Восстание продолжалось больше года и в центральных районах

к нему присоединилось много крестьян, крайне недовольных своей жизнью и боярами. Впервые в истории России крестьяне вышли на политическую сцену. В августе Болотников нанёс ряд поражений царским воеводам, а в октябре дворянские отряды Пашкова победили воевод недалеко от Коломны. Вскоре под Москву подошел и сам Болотников. Его войско расположилось в селе Коломенском. Восстание охватило десятки городов. Поздней осенью и зимой 1606 г. произошло размежевание разнородных классовых сил среди восставших (условно говоря, на «белых» и «красных»). В конце концов, дворянские отряды пере-

Э. Лисснер. Восстание И. Болотникова

шли на сторону царя, а войско Болотникова обрело истинно «народный облик». В решающем сражении в 1606 г. царские войска разбили восставших, оборонявшихся в Калуге, а затем в Туле. И в конце концов повстанцы были вынуждены сдаться... Царские слуги обещали им сохранить жизнь и свободу, но слово своё нарушили. Болотникова ослепили и утопили.

Вспомним замечания В.О. Ключевского по поводу изысканий Авраама Палицына и его «Истории». Среди главных причин наступления и углубления «смятения» во всей России Ключевский называл «расстройство социального порядка, общественных отношений», отсутствие патриотических чувств у знати, желание всех и вся «боярствовать», перемену в нравах, «забвение общего блага из эгоизма». Так вот под пером историка русская усобица разрастается в трагический факт всеобщей человеческой растерянности. Ключевский при этом подчеркивал, что «картина взаимного ожесточения русских, приводившая в дрожь самих чужаков», может очень даже просто перейти «прямоком в любое историческое сочинение целиком». Вся «беда от своих», — писал он. Эти «распрекрасные» свойства и характеристики нашего народа, дополненные далеко не лучшими свойствами и характеристиками других наций и национальностей, дойдут до нас, и перейдут и в XX век. Те же черты, алчность, гордыню, дикость, озлобление видим мы и в отпрысках нынешних эпох.

Следует понять, что в России, как это было ранее в революционной Англии, Франции или даже в США, спорившие и конкурирующие социально-политические силы должны были вступить и, в конце концов, «открыто вступили между собой в бой». Закономерно и неизбежно. Это чётко понимаешь по мере того, как проходят века. Стоит вспомнить и заключительные строки из «Французской революции» Томаса Карлей-

ля: «Беспорядочное разрушение Республики бедности, окончившейся царством террора, улеглось в такую форму, в какую только могло улечься. Евангелие Жан Жака и большинство других учений потеряли доверие людей, и что же ещё оставалось им, как не вернуться к старому евангелию Маммоны? Общественный договор не то правда, не то нет; «братство есть братство или смерть», а на деньги всегда можно купить стоящее денег; в хаосе человеческих сомнений одно осталось несомненным — это то, что удовольствие приятно. Аристократия феодальных грамот рухнула с треском, и теперь в силу естественного хода вещей мы пришли к аристократии денежного мешка. Это путь, которым идут в этот час все европейские общества. Значит, это более низкий сорт аристократии? Бесконечно более низкий, самый низкий из всех известных. В ней, однако, есть то преимущество, что, подобно самой анархии, оно не может продолжаться». Как мы увидим, примерно такой же путь суждено будет пройти и нашему многострадальному народу. Однако перед тем его ещё ждал сложный и крайне важный период уравнительно-диктаторского опыта (героическо-трагический).

«Фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений (то есть тех, разумность которых мы не понимаем). Чем более мы стараемся разумно объяснить

Смута

эти явления в истории, тем они становятся для нас неразумнее и непонятнее...», — писал Л.Н. Толстой в «Войне и мире». Однако даже великий Толстой, который в жизни своей хотел, по собственному его признанию, одного: чтобы «он любил всех и все любили его», так и не смог предотвратить «гражданскую войну»... даже в одной семье, причём в своей собственной. Там возобладали мелкие, низкие страсти, зависть, корысть, ненависть. В итоге писатель вынужден был бежать из семьи и закончить жизнь на забытом полуострове, как эмигрант. Гражданская война в России — не фатальное явление, а следствие столкновения коренных интересов противоборствующих классов, различных групп населения из разных социальных слоёв. В политике есть закон неизбежности, действие которого становится необратимым, когда в стране ведущие политические, социальные слои вдруг занимают бескомпромиссные позиции, не желая уступать другим ни грана власти, влияния, собственности, когда все они хотят полного и исключительного господства над страной, экономикой, ресурсами, классами, группами, религиями и т.д.

Что же представляла собой Россия как субъект права? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно было бы обладать талантом Е.Н. Трубецкого, Б.Н. Чичерина, П.А. Сорокина и др. Подчеркнём лишь, что, по мнению правоведов, субъектом права «называется всякий, кто способен иметь права независимо от того, пользуется он ими в действительности или нет». Суть же в том, что самые острые проблемы в обществе и возникают тогда, когда те, кто де-юре обладают правом, де-факто не имеют возможности воспользоваться этим правом. Кроме того, не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что интересы субъекта права так сказать господ «с брюхом» зачастую драматическим образом противоречат интересам «безбрюхих». Поэтому вопрос, кто развязал гражданскую войну в России, по меньшей мере, имеет две сопричастные стороны. Как для люб-

ви, так и для ненависти нужны двое. Период, получивший в истории название «мирной передышки советской власти», был краток. Россия находилась на пороге Гражданской войны... Многие сегодня вместо того чтобы честно, непредвзято, с позиций интересов всего нашего народа, разобраться в причинах начала Гражданской войны в России, пытаются найти «ответственного» за гражданскую войну. При этом хорошим тоном считается заявить: более других виноваты большевики (прямо или косвенно): мол, это они, де, не дали собраться Учредительному собранию, не пустили в правительство иные политические силы, начали преследования, конфискации и т.д. и т.п. Настало время откровенно и правдиво рассказать о её истоках и, в особенности, разобраться в спорных, порой и доселе скрытых моментах схватки. Ясность в них позволит объективнее оценить роль политических сил и отдельных личностей. Подход, обвиняющий большевиков и Ленина во всех смертных грехах, представляется не только упрощённым, но ложным и лживым. Вредным для России! Такой взгляд на руку врагам и ненавистникам народа. Безусловно, большевики внесли лепту в разжигание гражданской войны. Смешно это отрицать. Но многое говорит о том, что большевики

Гражданская война

не столько инициаторы, сколько прежде всего выразители выплеснувшихся инстинктов и побуждений народных масс.

Гражданская война в России была неизбежной, конечно же, в силу многих обстоятельств. Представьте на мгновение себе страну величиной с десять или двадцать Европ, страну, где вольница и анархия являются сестрами беспорядка, страну, на территории которой бок о бок живут сотни народов и наций, страну, сотканную из многих государств и княжеств, уже мечтающих об отделении от бывшей империи, страну, где соседствуют в непосредственной близости ряд конфессий, страну, где одни классы с лютой ненавистью взирают на другие и только и ждут часа, чтобы расчитаться за прошлые обиды и несправедливости, страну, где уровень знаний, культуры населения разнится необычайно, не только земля от земли, но и град от града, одним словом представьте себе страну, взвинченную длительными войнами, восстаниями, взбудораженную слухами о революциях и изменах, поражениями и революциями, страну, где за год дважды меняется власть, потом наступает безвластие.

Что произойдет? Это же ясно: скорее всего, случится катастрофа, повалятся все устои, законы, авторитеты, веры... И возобладает анархия... Не о том ли и писал Бакунин в работе «Государственность и анархии», говоря: «то, что для правительств бело, то для народа черно, и обратно, что народу кажется очень бело, что для него жизнь, раздолье, то для правительства смерть». Многие ведь именно так и восприняли перемены в России. За что боролись поколения народовольцев, социалистов, большевиков? За то, чтобы дать людям — волю и свободу, крестьянам — землю и мир, рабочим — власть и собственность. Раньше им этого никто не давал... А теперь вот дали, и «красный царь» сказал им: «Берите всё — всё ваше!» М. Бакунин писал: «Пусть только он (т.е. царь — *Ред.*) только мигнёт и кликнет народу: вяжите и режьте помещиков, чиновников и купцов, заберите и разделите между собою их имущество — одного мгновенья достаточно, чтобы встал весь русский народ и чтобы на другой день даже и следа купцов, чиновников и помещиков не осталось на русской земле». Эту исповедь великого анархиста, кажется, пре-

красно усвоили большевики (и воры в конце XX в.). Они это сделали — и на первых порах сумели обеспечить себе поддержку широких народных масс. Во-вторых, захват и раздел России — это давняя и сокровенная мечта империалистов всех стран и всех мастей... Когда завершалась I мировая война, у империалистических держав, с завистью наблюдавших, как Германия входит в Россию, на Украину, зачесались руки. К 1918 г. высвободились их огромные армии... Иностранцы не преминули тут же воспользоваться идеальной возможностью — для интервенции и активного вмешательства в дела России. Конечно, говорить о широкомасштабной интервенции Антанты оснований нет. Но войска всех ведущих стран капиталистического мира приняли участие в попытке раздела России.

В-третьих, в России консолидировались силы противников большевистского режима. И хотя между ними сохранялись серьёзные и глубокие разногласия, все они желали одного: уничтожить большевизм и вернуть свои поместья, фабрики, заводы и дома. В-четвёртых, внутри самих революционных сил в новой России произошёл серьёзный раскол, в основе которого, конечно, лежали опять-таки давние разногласия по ключевым, основополагающим вопросам стратегии и тактики. По сути, спор шел о политическом устройстве государства и о том, кому будет в нём принадлежать власть. В-пятых, сам народ очень неопределенно, а порой и превратно понимал всё происходящее тогда в России. Следствием стали завышенные ожидания, надежды, чаяния, которые, конечно же, не могли быть

реализованы в условиях голода, разрухи и гражданской войны или даже после нее.

Довольно трудно вычленить точные даты и рамки гражданской войны в России XX века. Известно, Ленин называл самые различные даты: после Февраля 1917 г. он скажет, что «в России первая гражданская война кончилась», т.е. воспринимал уже и Февральский переворот буржуазии как гражданскую войну. Затем таковой называл корниловский мятеж. В апреле 1918 г. он скажет, что «Гражданская война в основном закончена», но потом продлит её до 1920 г. включительно, определив первый период советской власти как время «ожесточенной гражданской войны». Однако если не раздвигать рамок Гражданских войн на Руси чересчур широко, т.е. к рубежам XV в., когда в огне гражданской войны 1425—1446 гг. по сути и родилось русское государство — словно некий феникс из пепла, из Московского княжества, и ограничиться XX в., первой Гражданской войной была революция 1905 г., завершившаяся подавлением восстания. Иные так её и называют («У порога гражданской войны»). Да и свидетельства современников показывают, что многие уже тогда понимали, что развернувшаяся вооружённая борьба 1905 г. — это ничто иное как фактическое начало Гражданской войны в России. Это чувствуют люди даже и далекие от революционного угара. Так, священник С. Фудель выплеснул крик души: «Ужас положения растёт с каждым днём. Я говорю не о политическом положении страны, не о торжестве той или иной партии и даже не о голоде или нищете, неминуемо грозящих населению. Как пастор церкви я вижу ужас положения в том душевном настроении, которое постепенно овладевает всеми без исключения. Это настроение есть ненависть. Вся атмосфера насыщена ею. Она растёт с каждым часом: у одних — к существующим порядкам, у других — к забастовщикам; одна часть населения проникается ненавистью к другой...» Корреспондент петербургского

«Нового времени» писал: «Идёт бой — и между кем же: русские люди истребляют русских же людей. В такие минуты никого не винишь, не можешь никого строго судить, а только испытываешь глубокое сожаление ко всем и желаешь одного — конца этой братоубийственной бойни, исчезновения этих ужасов, от которых мы стареем в неделю, как в год». Слыша звуки артиллерийской канонады в Москве, графиня Камаровская пишет в дневнике: «С каждым залпом какой-то холод проникает в меня, ведь все эти залпы направлены против людей, которые идут убежденно, умирают во имя великой идеи свободы! Пусть они её понимают ложно, но им это простится, если они искренне верят. Я слышу, залп останавливается... и горячо молюсь за убитых». С Кровавого воскресенья и восстания 1905 г. широкомасштабная Гражданская война в России становится неизбежной.

Гражданская война как общественно-политическое и историческое явление, как особая форма классового борьбы по существу началась ещё задолго до свержения царизма. После того как с одной стороны царизм и буржуазия устроили кровавую баню нашему народу, заставив погибать на виселицах и в войнах (к тому же бездарно ими проигранных), после того как Временное правительство лишило народ самых последних и малых иллюзий, большевики захватили власть. Впрочем, всё это ответные действия на известные события, в которые были вовлечены миллионы. С Граж-

Гражданская война в России

данской войной в России в 1917—1922 гг. произошло примерно то же, что и с мировой войной. Теоретически её «никто не хотел». Захват власти у царя и у буржуазии тем не менее не мог быть реализован бескровным образом, кто бы ни взял её. Это означало одно: битва за власть неизбежно выльется в гражданскую войну. Судьба страны на отрезке времени в 2,5—3 года могла решиться и решалась на фронтах гражданской войны. Читая иные опусы последних 20 лет, посвященные Октябрьской революции и последовавшей за ней Гражданской войне, а также многочисленную и злую эмигрантскую литературу, можно прийти к заключению, что исключительно лишь «козни» большевиков и втянули Россию в междоусобную войну. В смуте XVII в. винили поляков и за границу, теперь тоже кивали на за границу, на немцев, евреев, бог знает на кого ещё, не забывая пнуть заодно и свой народ за то, что решился на «бунт бессмысленный и беспощадный». «Умник» Струве не нашел ничего умнее, как взять и назвать революцию антипатриотичной, противонациональной, противогосударственной, говоря: «Она была пугачевщиной во имя социализма. Поэтому она таким разрушительным смерчем пронеслась по стране». Что ж, опасность подобного «социализма сверху» к концу жизни ощущал даже А.И. Герцен, который предостерегал Бакунина от навязывания выработанного революционной интеллигенцией идеала общественного переустройства. Он говорил: «Петроградизмом социальный переворот дальше каторжного равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдёт». И это заявляли гениальные писатели и мыслители, отдавшие жизнь пробуждению революционной России. Что уж говорить о господах и барах! Те сразу же определили, что на стороне восставшего народа — «фабричная чернь», «матросская шваль», «комиссароордынцы», евреи, на другой — благородные юноши, честные офицеры, патриоты, помышлявшие о единстве России, её славе. Такая картина лжива и фальшива! Не говоря уже о том, что буржуазия немало поспособствовала тому, чтобы поднять чернь на мятеж. Точнее, правдивее, искреннее выразил суть событий тех суровых, роковых лет поэт Волошин:

Гражданская война

*Одни восстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные тёмной волей
И горьким дымом городов.*

*Другие из рядов военных,
Дворянских разорённых гнёзд,
Где проводили на погост
Отцов и братьев убиенных.*

Кустодиев. Портрет М.А. Волошина

*В одних доселе не потух
Хмель незапамятных пожаров
И жив степной, разгульный дух
И Разиных, и Кудеяров.*

*В других — лишённых всех корней —
Тлетворный дух столицы Невской:
Толстой и Чехов, Достоевский —
Надрыв и смута наших дней.*

*Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле...*

*В других весь цвет, вся гниль
Империй,*

*Всё золото, весь тлен идей,
Блеск всех великих фетишей
И всех научных суеверий.*

*Одни идут освободять
Москву и вновь сковать Россию,
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать...*

Вряд ли гражданская война входила в осознанные планы кого бы то ни было. Н.И. Бухарин не прав, говоря, что большевики, включая В.И. Ленина, мечтая о будущем в швейцарском г. Берне, в 1915 г. «все-рѣз» выдвигали лозунг Гражданской войны и видели неизбежность «революционной грозы». Никто не желал безжалостной и кровавой гражданской войны. И хотели её избежать (по крайней мере, в теории). Начинать новую войну, возможно, ещё более страшную, после того как с огромными потерями и трудностями кое-как удалось вырваться из смертельных лап Первой мировой войны было бы актом самоубийцы. Ясно и то, что добровольно, будучи в здравом уме на такие безумные действия люди не идут. И уж тем более победившая сторона, которая уже наметила серьёзные планы социалистических преобразований и мирного созидательного строительства.

Большевики рассчитывали на довольно продолжительный период мирной и конструктивной работы, но суровая действительность вскоре подтвердила, увы, неизбежность жестокой борьбы. И уже в январе 1918 г. Ленин писал: «Нет сомнения, что социалистическая революция не может спра-

зу быть преподнесённой народу в чистеньком, гладеньком, безукоризненном виде, не может не сопровождаться Гражданской войной и проявлением саботажа и сопротивлением. И те, кто доказывает вам противное — те либо лгуны, либо человеки в футляре». Действия, часто вынужденные, для обеих сторон вытекали из логики борьбы, ставя проигравшую и победившую стороны в безвыходное положение. Силой менялся старый порядок. Но никто не хотел мириться с проигрышем всего. В.И. Ленин, выступая на объединённом заседании ВЦИКа (29 июля 1918 г.), сказал: «Мы всегда говорили, — и революции это подтверждают, — что, когда дело доходит до основ экономической власти, власти эксплуататоров, до их собственности, дающей в их распоряжение труд десятков миллионов рабочих и крестьян, дающей возможность наживаться помещикам и капиталистам, — когда, повторяю, дело доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и независимости». В романе А.Н. Толстого «Эмигранты» бывший премьер Временного правительства Г.Е. Львов пытается уверить собеседника в своей бескорыстности и полной материальной незаинтересованности в деле своего участия в борьбе против большевиков. Он, в прошлом крупный помещик, говорит так: «Как я могу доказать, что не жадностью к деньгам были обусловлены мои поступки?.. Мне лично — монастырская келья да ломоть хлеба... Я был кадетом, потому что хотел широкого парламентаризма для моей несчастной страны... Я пошел в Земский союз, потому что не мог же не хотеть победы несчастной России... (Он вдруг махнул ру-

кой.) Выходит так, что какие-то силы толкали меня и я делал вид, что не замечаю этих сил, и вместо них представлял своё прекрасноту... А может быть, и в самом деле мной руководили материальные соображения?... Но этих ниточек, привязанных к моим рукам и ногам, я не могу ощупать, не вижу...» «Нити» эти были, есть и будут — как тогда, так и сейчас, в XXI в.

Русский анархист М. Бакунин в планируемой программе революции честно сказал: «В этой революции нам придётся разбудить диавола, чтобы возбудить самые низкие страсти»... Но в первые недели после победы социалистической революции, повторяю, большевики были настроены скорее миролюбиво. Самым суровым наказанием революционных судов, которое тогда выносили контрреволюционной буржуазии и враждебным «элементам», было их «приращение перед лицом международного рабочего класса». Разумеется, были случаи и кровавых расправ над офицерами, генералами, министрами. Со временем их станет больше... Начались они, впрочем, еще до победы Советской власти, когда на Балтийском флоте убиты командующий флотом адмирал Непенин, адмиралы Бутаков и Вирен (военный губернатор Кронштадта), генерал Стронский, арестованы адмиралы и офицеры. 31 августа 1917 г. в Гельсингфорсе были расстреляны 4 офицера линкора «Петропавловск». В Або убили офицера морской авиации. В Севастополе 14—15 декабря 1917 г. были расстреляны 42 ранее арестованных офицера. Их вывели из тюрьмы, оттащили к Малахову кургану и там расстреляли... По словам историка, то была злобно-мстительная реакция за неудачу отрядов черноморцев в боях с казаками Каледина. И по возвращении с Дона матросы решили истребить «контру» у себя дома. В январе 1918 г. матросами-анархистами были убиты два бывших министра правительства — А. Шингарев и Ф. Кокошкин. Заметим, большевики осуждали подобные самосуды, но левые эсеры поддержали право масс на «эмоциональный» террор. Главный комиссар Черноморского флота, левый эсер В.Б. Спиро взял под защиту убийц, устроивших три «варфоломеевские» ночи в Севастополе (23—25 февраля 1918 г.). Матросы убили там 386 человек; среди них были не только офицеры, но и представи-

тели трудовой интеллигенции, рабочие. Описание того, как разгул криминального «классового» террора обрёл поистине массовый характер, дано В.Д. Бонч-Бруевичем в его очерке — «Страшное в революции». Но это была реакция озлобленной толпы!

О том, что большевики действительно хотели мира и спокойствия в России, а не тех ужасов, о которых пойдёт речь впереди, свидетельствует их ответ на враждебные действия кадетов и на монархический заговор В. Пуришкевича... В первом случае кадеты и правые эсеры устроили в столице нечто вроде вооруженного мятежа. Троцкий заявил, что кадетский ЦК является политическим штабом Белой гвардии и управляет набором офицеров для войск Корнилова и Каледина (во многом это соответствовало действительности). Кадеты были объявлены вне закона 28 ноября 1917 г. И тем не менее, Троцкий миролюбиво произнес: «Мы сделали скромное начало, арестовав кадетских главарей и приказав на местах взять их под надзор. Во время французской революции якобинцы более честных людей за сопротивление народу вели

Пуришкевич В.М.

на гильотину. Мы никого не казнили и не собираемся казнить, но бывают минуты народного гнева, и кадеты сами набиваются на него». Показательна и реакция на действия Пуришкевич, который был руководителем монархического «Союза русского народа», а затем и «Союза Михаила Архангела». Напомним, Пуришкевич играл в русской политике и жизни русского общества настолько своеобразную и заметную роль, что уже с этих позиций личность его заслуживает более пристального внимания и изучения. Не будет преувеличением сказать, что его имя было хорошо известно всей дореволюционной России. Своим поведением Пуришкевич добился феноменальной популярности: уже при жизни его имя стало нарицательным. Оно неоднократно встречается в рассказах Тэффи, поэтическом творчестве Саши Черного, в сатирических стихах высмеивал Пуришкевича начинающий поэт д-р Фрикен (С.Я. Маршак). «Моя любовь в политике — Пуришкевич. Ибо над его речами, воззваниями, возгласами, воплями я сразу смеюсь и плачу», — отмечала в дневнике и Марина Цветаева. Пуришкевичу посвящается в русской прессе несчётное число газетных фельетонов и статей. Он становится персонажем бульварной литературной продукции и бесчисленных карикатур. Он популярен даже у петербургских извозчиков. Хотя имя Пуришкевича превращается в бранную кличку у прессы (в основном еврейской) после того, как он, указывая на скамейку прессы в Думе, словно обвинитель воскликнул: «Взгляните на эту черту еврейской оседлости!» Это был признанный герой эпатажа. Поведение вождя крайних правых и последующая популярность привели к тому, что «в Пуришкевича» стали играть даже дети! Помещик Пуришкевич в равной мере ненавидел организаторов Февральской и Октябрьской революций. Он считал, что в результате этих революций к власти в России пришли преступники и чернь. Он же предупреждал 18 июля 1917 г., что патриоты должны кричать с каждой колокольни: «Спасите Россию. Она находится на краю гибели в большей опасности из-за внутренних врагов, чем из-за иностранной опасности... Если бы было покончено с тысячей, двумя, пусть пятью тысячами негодяев на фронте и несколькими десятками в

тылу, то мы не страдали бы от такого беспрецедентного позора». Он потребовал наказания Временного правительства. И пусть сгинут все злоеющие силы, примкнувшие к Временному правительству... «Этими силами руководят люди, которые ничего общего не имеют ни с рабочими, ни с солдатами и крестьянами и которые ловят рыбку в мутной воде вместе с провокаторами, поддерживаемыми немецким кайзером». Разумеется, и деятельность Советов, что шли на смену Временному правительству, он оценил не иначе как исключительно пагубную. Справиться с этой «публикой» можно было бы только публичными расстрелами и виселицами. Так он считал. В Питере, в номерах гостиницы «Россия», обнаружат и пристанище группы заговорщиков.

Революционный трибунал в России

Там нашли оружие (в том числе пулемёт). Среди членов организации были лица, ранее принимавшие участие в юнкерском восстании. Найдено и его послание к генералу А. Каледину на Дон, поднявшему мятеж донских казаков против власти Советов. В письме Пуришкевича к генералу, захваченному при его аресте, говорилось: «Организация, в коей я состою, работает, не покладая рук, над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и над их вооружением. Спасти положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков. Ударив ими и добившись первоначального успеха, можно будет потом получить

и здешние воинские части, но сразу без этого условия ни на одного солдата рассчитывать здесь нельзя... Казаки в значительной части распропагандированы... Властвуют преступники и чернь, с которой теперь нужно будет расправиться только публичными расстрелами и виселицами. Мы ждём Вас сюда, генерал, и к моменту вашего прихода выступим всеми наличными силами». О планах Пуришкевича в отношении большевиков и их возможной судьбе в случае победы заговорщиков откровенно поведал арестованный прапорщик Е. Зелинский. Прапорщик приводил его слова дословно: «Необходимо... ударить в тыл и уничтожать их (большевиков) беспощадно: вешать и расстреливать публично в пример другим. Надо начать со Смольного института и потом пройти по всем казармам и заводам, расстреливая солдат и рабочих массами». Суд над Пуришкевичем и его сообщниками был первым политическим процессом о заговорах против республики Советов (проходил с 28 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г.). Обвинителями на процессе выступали Д.З. Мануильский, Г.Е. Евдокимов и др. Защитники (защищали Пуришкевича видные адвокаты, А.В. Бобрищев-Пушкин и др.) утверждали, что никакого заговора не было, а просто «единомышленники» собрались для дискуссий. Пуришкевич настаивал на том, что не готовил монархического переворота, ибо не видел в России почвы для этого. Своё письмо к Каледину он объяснял причинами идейными, в том числе тем, что имел в виду присоединиться к тому с несколькими единомышленниками в том случае, если бы Каледин вступил со своими войсками в Петроград. Он хотел одного: добиться в России водворения твёрдой власти и порядка, чего не может быть при власти большевиков, а власти Советов он не признает. Хотя заговорщики и не скрывали своих антисоветских позиций и взглядов, обвинители хотели проявить максимум объективности и великодушия. Один из обвинителей, Г.Е. Евдокимов сказал: «Те, кто сидит перед вами на скамье подсудимых, есть злейшие враги трудящихся масс. Но побе-

V съезд монархистов. 1907 г.

дивший народ, которому победа досталась страшной ценой крови и бесчисленных жертв, победив, не мстит своим старым врагам... Победивший народ всегда, во все времена относится великодушно к побежденному врагу. Он часто платится за (это) своё великодушие... Мы вас посадили сюда, чтобы народный суд рассудил вас и сделал бы вас безвредными. Мы не поступим так, как поступили вам подобные с французскими коммунарами... Им зонтиками выкалывали глаза... Вы вынесете свой приговор, — продолжал обвинитель, обращаясь к судьям, — и в нём будете иметь в виду не старую боль и обиды, а новую светлую жизнь. Чтобы они не мешали, их, людей темного царства, надо изолировать. А когда наша революция укрепится, когда придёт переходное время.., мы их на все четыре стороны отпустим». Трибунал учёл пожелания судей. Лидера заговорщиков монархиста Пуришкевича приговорили к «принудительным общественным работам при тюрьме сроком на четыре года условно». Если в первый год он никак не проявит себя «на ниве контрреволюции» — его отпустят с богом. 17 апреля 1918 г. Пуришкевича освободили из заключения по амнистии. Великодушие народа он «оценил» по достоинству и отправился на юг России, где продолжал бороться против революции до конца своих дней. С июня по декабрь 1918 г. жил в Киеве, где основал Общество активной борьбы с большевизмом, с декабря 1918 г. активно действовал в стане генера-

ла А.И. Деникина. В 1919 г. попытался основать монархическую «Всероссийскую Народно-государственную партию», издавал газету «В Москву!» (закрыта 4.11.1919 за «национальную травлю») и журнал «Благовест» (вышел один номер в 1919 г.). Скончался 11.01.1920 в г. Новороссийске от сыпного тифа. А вскоре и всю страну, всю Россию накрыла страшная и суровая «бесконечная зима нечеловеческих доктрин и сверхчеловеческой жестокости».

Расстрел из пулемёта

Но можно ли тут винить одних большевиков?! Разве не на фронтах первой мировой посеяны бесчисленные семена ненависти и злобы! Один из её участников вспоминал, как некий полковник Жуков, командовавший полком на фронте буквально перед самой революцией, учил своих солдат-мужиков уму-разуму следующим образом. Он выстроил солдат-строителей и стал им угрожать с хладнокровием садиста: «Если вы опять побежите, я расстреляю каждого десятого. Поняли? Каждого десятого. Сосчитаю: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять — выстрел! Солдаты молчали. — Я расстреляю вас всех, каждого! — отчаявшись, заорал Жуков. Солдаты молчали. — Прошью вас пулеметной очередью! Всех! Эта угроза тоже не произвела никакого впечатления. Солдаты были уверены, что рано или поздно они всё равно погибнут на реке. — Тащите пулеметы! — приказал Жуков. Притащили два пулемета и установили их перед рабочим батальоном. — Видите эти пулемёты? — кричал Жуков. — Сейчас я начну стрелять». Думаю, солдаты не забыли этого «урока».

Или вот что думает царский генерал А.М. Драгомиров, командующий Северным фронтом, затем помощник генерала Деникина у белых. Он уверял, что всё никак не мог «приладиться» к гражданской войне. Шульгин передает их разговор в Одессе (31 декабря 1919 г.). Он напомнил Драгомирову его слова, сказанные ранее: «Нужно расстрелять половину армии, чтобы спасти остальную». Между ними далее следует такой «милый диалог»: «Половину не половину. Но я и сейчас так думаю. Но как за это взяться? Я отдавал самые строгие приказы. Но ничего не помогает... потому что покрывают друг друга... Какие-нибудь особые суды завести? И это пробовал, но всё это не то... — Моё мнение такое. Вслед за войсками должны двигаться отряды, скажем, «особого назначения»... Тысяча человек на уезд отборных людей или, по крайней мере, в отборных руках. Они должны занимать уезд: начальник отряда становится начальником уезда... При нём военно-полевой суд... Но трагедия в том, откуда набрать этих «отборных»... — В том-то и дело... Нет, я часто думаю, что без какого-то внутреннего большого процесса всё равно ничего не выйдет. Хотя бы орден какой-нибудь народился... Какое-нибудь рыцарское сообщество, которое бы возродило понятие о чести, долге — ну, словом, основные вещи, ну, что хоть грабить — стыдно». Нет, заметьте, господа, не «чудовище Сталин» рассуждает об особых судах, заградотрядах и расстрелах солдатской «скотины», а в одном случае царский полковник, в другом генерал-буржуа! И не в 1942 г., а в 1919 г. Потом уж Сталин стал сравнивать партию с «орденом меченосцев», а Троцкий говорил, что большевистская партия должна стать похожей на «касту самураев», девизом которых являются верность, преданность «хозяину» и самая жесточайшая дисциплина.

Или вот исповедь В. Шульгина, «рыцаря монархии», «рыцаря чёрной сотни», как его называли противники, ставшего одним из основателей Добровольческой армии, отцов контрреволюции, идеологом интервенции, активным деятелем в стане А.И. Деникина и Врангеля, членом Особого совещания. О том, каковы были его взгляды на характер событий в России, на то, что он сделал бы со своим народом («врагом внутренним»), говорит и его признание: «Лейб-гвар-

В.В. Шульгин

дия, собственно, должна быть «телохранительницей верховной власти». Понимая это более широко — гвардия должна быть тем кулаком, который принудит к повиновению всякого, не подчиняющегося власти... Другими словами: назначение гвардии — повиноваться и действовать именно тогда, когда всё остальное не хочет повиноваться, т.е. во время народных движений, волнений, бунтов, восстаний... И притом — нельзя пускать гвардию на войну... Пусть поклонники принципа «Pereat patria, fiat justitia» говорят что угодно... Пусть сколько угодно возмущаются «сытыми краснощёкими гвардейцами», которые сидят в тылу, — пусть называют их бездельниками и трусами — но на это не следует обращать (никакого) внимания... Полиция тоже дородная и краснощёкая, а посылать её на войну нельзя, сколько бы не возмущался этим А.И. Шингарёв... Одно из двух: или гвардия нужна, или нет... Если не нужна, то её вообще не должно быть, а если нужна, то больше всего, нужнее всего она во время тяжёлой войны, когда можно ожидать бунтов, революций и всякой мерзости. Гвардия (в России) должна остаться в полной неприкосновенности, и назначение её не против врагов внешних, а против врагов внутренних... Сражаться с врагом внешним можно до последнего солдата армии и до первого солдата гвардии. .. Тогда она

П.П. Рябушинский

вступает в действие...» Потрясающе! Как вам это нравится?! Вот оно — скотское мурло русской буржуазии! Эти подонки, не стесняясь, говорят, что назначение русской гвардии — сражаться против своего народа и топить его в крови, если тот вдруг не захочет защищать в военных авантюрах интересы сей буржуазии! Всяких там ротшильдов, рябушинских, абрамовичей, авиных, березовских, гусинских, дерипаско, фридманов, ходорковских и т.п.

Там же «приладился» и генерал А.М. Драгомиров, став сначала заместителем, а затем, уже после смерти генерала Алексеева, и руководителем Особого совещания, фактически правительства при главкоме «всеми силами Юга России» (ВСЮР) гене-

Генерал А.М. Драгомиров

рале Деникине. Разумеется, в таких же, даже в более свирепых обертонах рассуждали и иные представители крупной буржуазии. П.П. Рябушинский, критикуя политику Временного правительства, предрекает грядущую катастрофу власти: «Эта катастрофа, этот финансово-экономический провал будет для России неизбежен, если мы уже не находимся перед катастрофой, и тогда уже, когда она для всех станет очевидной, тогда только почувствуют, что (они) шли по неверному пути». Каков же выход? Он потребовал, чтобы костлявая рука голода, рука народной нищеты взяла за горло «лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов, чтобы они опомнились». Призыв к «костлявой руке голода» означал то, что буржуазия с легкостью и удовольствием задушит взбунтовавшийся народ голодом! Сегодня буржуазная пресса в России, ох, не любит это вспоминать! Тот же Рябушинский, А. Путилов и И. Вышнеградский, другие руководители крупнейших банков и страховых компаний Петрограда, собрав 4 млн руб., выделили из этой суммы генералу Корнилову 2,4 млн рублей (и 400 тыс. из личных средств) на мятеж. Но заговор провалился, и не только потому, что генерал был предан «дураком и полуподлецом Керенским», «дураком и совершенным подлецом Савинковым» (И. Ильин), не в силу провокационных действий посредников (обер-прокурора Синода В. Львова и пр.), и даже не потому, что обосновавшийся в Петрограде «Союз офицеров» просто-напросто растащил и пропил деньги, выделенные капиталистами на военный переворот против большевиков, а во многом (в первую очередь!) из-за решительных действий революционных рабочих и солдат, воспрепятствовавших подходу войск русской буржуазии к Петрограду. Они — солдаты Народа — защитили нашу Революцию!

Мы уже показали, что в первые дни и даже недели победившие революционеры настроены были скорее либерально. Но снисходительность и мягкотелость вечно продолжаться не могли. Поднявший белый ветер пожнёт красную бурю... Публицист А.Р. Вильямс, приехавший в 1917 г. в Петроград из США и бывший свидетелем событий тех лет, писал: «Однако очень скоро и неизбежно наступит момент, когда от мягкости и снисходительности первых после-

А.Р. Вильямс

октябрьских месяцев придется отказаться. В течение двух-трёх лет в стране будет установлен суровый военный порядок. В инструкциях начнёт применяться сталь, железный режим не дрогнет перед пролитием крови. Но это будет потом, после принятия жестоких условий унижительного Брестского договора, который к тому же постоянно нарушался немцами и после того, как страны Антанты, объединившись с самыми реакционными белыми генералами — кандидатами в военные диктаторы — Колчаком, Деникиным и другими, начнут открытую интервенцию против молодой республики. Правда, ещё в декабре, вскоре после победы большевиков, Ленин счёл необходимым предупредить товарищей против мягкотелости и всепрощения. Вот что он тогда говорил им (в пересказе Воскова). Рабочие, говорил вождь, не совсем осознали свою власть, и это естественно, но «горе-революционеры» хотят, чтобы мы, поймав саботажника или Пуришкевича с документами контрреволюционного заговора, подставляли бы им для удара вторую щеку. Нет, говорил Ленин, не щеку им подставлять, а расстреливать их надо! Где же у нас диктатура? И что будет с нашей революцией без неё? Вместо диктатуры — растерянность и болтовня. Если мы не проявим твёрдости, враг нас сломит. Тем не менее в те голодные, но счастливые дни и недели после отпора войскам Керенско-Краснова, пытавшимся захватить Петроград, новая власть проявляла необычайное великодушие и мягкость, несмотря на предупреждения Ленина». Любопытный наблюдатель признавал: в те трагические ме-

сыцы 1918 г. большевики были вынуждены действовать в духе «пожарной команды», в спешном порядке тушащей возникающие то тут, то там очаги новых контрреволюционных пожаров — заговоров, мятежей.

Форсмажорная ситуация возникла почти сразу после захвата ими власти в стране. Иного трудно было и ожидать, когда все стороны вошли во вкус революционного насилия. Царя свергли под угрозой ультиматума и восстания. Временное правительство свергли путем вооруженного восстания. Почему не избавиться и от новой власти тем же путем! «Государственное устройство установлено не большинством голосов, а силой» (Л. Толстой). «Государство — это значит насилие, господство посредством насилия, замаскированного, если можно, а в крайнем случае бесцеремонного и открытого» (М. Бакунин). «Общественный порядок — это просто организованное насилие» (А. Франс). К нему-то и решили прибегнуть выросшие на насилии эсеры.

Глава 7. Заговор меньшевиков и эсеров. Убийство посла Мирбаха, большевиков Урицкого, Володарского

Встанем на эту кровавую и скорбную *via dolorosa* гражданской войны, на крёстный путь белых и красных. Писать о том времени трудно. Ибо остаться равнодушным к

тому, о чём пишешь, если у тебя есть сердце и любовь к России, невозможно. Тем более что занять позицию одной из сторон порой означает скатиться к односторонним взглядам и упрощенчеству... Полибий считал: историк обязан быть объективен по отношению к друзьям и к врагам. «В частной жизни честный человек может любить своих друзей, своё отечество, ненавидеть заодно с друзьями их врагов. Но, если кто берётся быть историком, тот должен забыть обо всём этом. Ему придётся отдавать справедливость, даже воздавать величайшую хвалу врагам, когда этого требуют факты, часто порицать и резко обличать самых близких людей, если их ошибки заслуживают этого», — писал он.

Цифр и свидетельств масса. Сухие выкладки кое-что проясняют. Но скрытой остаётся глубина внутренних политических конфликтов, что в течение долгих и долгих лет возникали и вызревали в чреве политических партий и групп. История учит, что во всех партиях, работающих в России, очень и очень разные люди. Как известно, у большевиков было несколько центров власти и групп влияния («иностранцы» и «русские»). Вся эмиграционная толпа явилась из США и Европы, как считали иные, «на готовенькое». Так думали давние узники царизма, что не единожды сидели в России на каторге и побывали в ссылке. Среди революционеров имелось немало тех, кто тяготел к левачеству, террору, интригам, склокам. Впрочем, близость меньшевиков и буржуазии обозначилась ещё задолго до 1917 г., когда в 1903 г. в Женеве на фракционном совещании 17 меньшевиков Дан, Аксельрод, Мартов, Троцкий, Потресов составили тайный фракционный центр. Данный Центр и должен был возглавить борьбу против большевиков. Тогда же в Женеве издана брошюра Троцкого «Наши политические задачи», направленная им против организационных принципов работы большевиков и лично против Ленина. Троцкий пренебрежительно, с апломбом писал, что для Ленина марксизм — не метод научного исследования, а «половая тряпка, с помощью которой вытирают грязь». Однако большинство революционеров с огромным уважением относились к Ленину, как признанному лидеру, высоко ценя гений вождя.

Но в конце концов всё выходит наружу... Коренные экономические интересы меньшевиков и эсеров как в основе своей буржуазных партий указали им их истинное место — и те встали на сторону контрреволюции. Не случайно не договорятся кадеты и социалисты во Временном правительстве. Затем последовала чехарда правительства, попытка переворота и крах буржуазной власти. Инициаторами создания партии социалистов-революционеров стали евреи: Г.А. Гершуни — «крестный отец» эсэровского террора, А.Л. Бах, Б.Ц. Билит. Из тех же господ были и Л. Канигиссер, убивший председателя Петроградского ЧК еврея Урицкого, и Каплан, стрелявшая в вождя революции Ленина. Партия эсеров была выразительницей интересов буржуазии. Террор как политическое оружие числился в их арсенале как главное оружие и активно ими использовался. Это любимый конёк маскимальстов. И не мудрено, что те не преминули задействовать террор на полную мощь, на сей раз как оружие против большевиков, его вождей и лидеров. Эсеры ненавидели большевизм больше, чем

царизм. Почему? Те были главными их конкурентами. В жесточайшей войне, которую повели эсеры и троцкисты как партии мелкой и средней буржуазии, с одной стороны, и большевики как партия пролетариата, с другой, все средства хороши. Ленин и Дзержинский не зря ожидали гадостей от эсеров. Имели для этого все основания.

Эта внутренняя неприязнь между эсерами, меньшевиками, большевиками позже выльется уже в открытое неприятие. Корень неприязни был в том, что место на Олимпе власти было одно. Интересна судьба лидера социалистов-революционеров (эсеров) В.М. Чернова (1873—1952). Чернов — основатель этой партии, главный теоретик, автор популярной у крестьян аграрной программы. Его судьба показательна для многих представителей радикальной революционной интеллигенции. Он сын бывшего крепостного крестьянина, который получил на государственной службе личное дворянство и стал потомственным дворянином. Чернов выражал взгляды части радикальной интеллигенции. Воспитанный на книгах Добролюбова, Чернышевского, на трудах Михайловского, Маркса, лидер эсеров желал претворить в жизнь в России синтез, который смог бы удовлетворить крестьянскую массу (в экономическом и политическом отношениях). Он был знаком ещё с ветераном Лавровым, главой «Группы старых народовольцев». Впоследствии после смерти Лаврова занимал руководящее положение в возникшей в Париже «Аграрно-социалистической Лиге». Чернов тогда писал: «Мы глубоко убеждены, что будущее России может принадлежать только такой партии, которая сумеет найти точку опоры не только в городе, но и в деревне, которая сумеет в своей программе гармонически слить воедино представительство и защиту интересов фабрично-заводского рабочего класса и массы трудового крестьянства». Заметим, что эти идеи, обращённые к крестьянству, некогда и сделали эсеров популярными среди крестьянских масс. Чернов организовывал съезды крестьян, активно создавал братства и союзы.

В результате Тамбовская губерния, куда тот был выслан, стала подлинной цитаделью будущей партии социалистов-революционеров. Знаменательно, что именно от туда выйдет на политическую арену буду-

В.М. Чернов с Колчаком в виде иконы

ший лидер левых эсеров Мария Спиридонова. В Тамбовской губернии получили особый размах и направленные против большевиков мятежи крестьян, более известные как «антоновщина» (во главе восставших стоял эсер Антонов). Понимая, что крестьянину нужна земля, Чернов предлагал «звать мужика Землём к Воле» и «вести через Волю к Земле». Делая ставку на крестьян, он в силу своих экономических интересов оказался среди защитников предпринимателей и собственников, горой стоял за самостоятельных предпринимателей и хозяев. Положения программы эсеров звучали для крестьян на первых порах убедительно и разумно. «Настоящая социалистическая партия, — утверждалось в программных документах, — должна объединять весь рабочий класс-народ: и трудовое крестьянство, и наёмных рабочих (пролетариев), и тружеников-интеллигентов, учителей, фельдшеров, докторов, писателей, т. е. всех живущих трудом, а не беструдовым доходом». А потому до 1917 г. партия эсеров пользовалась у крестьян почти непререкаемым авторитетом. Лидеры эсеровской партии и социалисты (Чернов, Керенский и др.) имели за собой самую массовую на

тот период партию (от 500 тыс. до 1 млн членов). В мае 1917 г. на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов при выборах ЦИКа за В. Чернова было подано 810 голосов (эсеров на съезде было 537 из 1115 делегатов), а за ним шел А. Керенский — 804 голоса. Чернов вошел министром во Временное правительство, его даже называли «мужицким министром» за то, что хотел сделать ставку на «крепкого» мужика. Затем он был избран председателем Учредительного собрания России. Керенский же, как известно, стал премьером.

Когда-то эсер Н.В. Чайковский заявлял: «Пусть погибнет партия, но да произойдет аграрная революция». Но время показало, что крестьяне не могут рассчитывать на поддержку партии эсеров в вопросе о земле. В годы революции 1905 г. В. Чернов выступал с идеями «организовать революцию» и даже готовить «по плану» всеобщее выступление крестьян — во имя социализации земли. Но в феврале 1917 г. он оказался уже в одной лодке с буржуазией. Теперь эсеры и социалисты не желали даже заикаться об этом. Став министром земледелия во Временном правительстве, Чернов понял, что правительство и не думает осуществлять мечту крестьян о земле. Решение, что все земли переходят к трудовому земледельческому населению ведь так и не было принято — из-за прямого сопротивления земельных собственников, крупной финансовой буржуазии и дворян. Сам же автор проекта «социализации земли» крайне опасался и самовольного захвата крестьянами частновладельческих земель, боясь, что солдатская масса убежит с фронта. Он доказывал, что «железная логика войны» не позволяет России «выскочить из ада». Тяга к компромиссу с буржуазией окажется сильнее его «любви» к крестьянству и «революционности». Народ это понял и во время Июльского кризиса, являвшегося пробой сил и попыткой большевиков взять власть, революционно настроенные матросы хотели арестовать Чернова, предъявив ему счет: «Почему вы сидели с ними (с кадетами. — В.М.) в правительстве?» Иначе говоря оказавшись у власти, эсеры так и не смогли дать народу России того, что тот более всего желал — земли и мира.

Попытки эсеров «оседлать крестьянство» даже на первом этапе, когда за ними шли

Остерегайтесь меньшевиков и эсеров

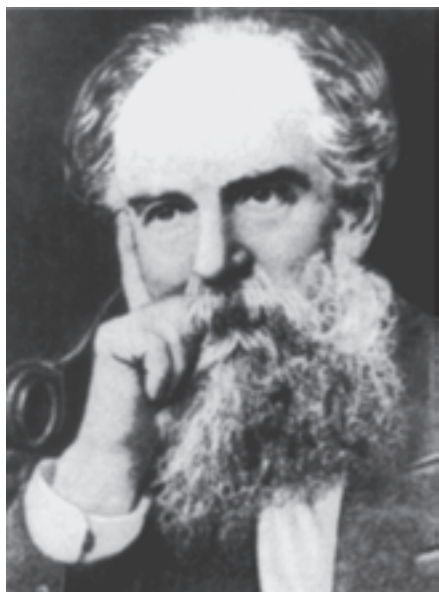
крестьянские массы, были мало реальны, ну а по мере усиления революционных настроений, в силу чёткой и последовательной позиции большевиков и вовсе разлетелись в прах. У крестьян имелись собственные представления о том, что им нужно более всего и как они представляют себе будущее России. Крестьяне с недоверием относились ко всем партиям. «Меня возмущает ужасно, — говорил на Всероссийском крестьянском съезде в мае 1917 г. депутат из Белоруссии, — что нас, собравшихся крестьян со всей России, не знающих, что такое партия: одна, две, три, четыре, а теперь двадцать пять (их) народилось сразу, рвут по кускам, тот в ту, этот в эту партию... Мы, крестьяне, не принадлежим ни к какой партии. Наша партия одна — Земля и Воля... Нам нужно, чтобы нас кто-нибудь объединял, а здесь мы видим, что нас все разъединяют...» Это был тревожный симптом, свидетельствующий о том, что крестьяне настороженно относились к новой власти вообще и к партиям, в частности, ибо они увидели в этом попытку новой эксплуата-

ции и нового порабощения. С революционной прямотой об этом заявил другой крестьянин: «Я увидел, что эти партии (эсеры и большевики. — Ред.) создали себе каких-то воображаемых крестьян и рабочих, которых очень возвеличивали на словах, а к живым людям относились, как и прежде относилась власть к рабочим и крестьянам, — на основе насилия, приказа и беспрекословного выполнения того, чего захотелось властителям или спасителям и благодетелям, как они себя считали». Это было, в общем и целом, верное и точное наблюдение, как и данная некоторым политикам характеристика: «Они вроде горячо любили народ и даже порой за это сами шли на самопожертвование, но любовь эта фальшивая... Для них люди были пешками в политической игре, в стремлении к власти над людьми, ...хотя это и прикрывалось хорошими целями — как будущее человечество». Классовые и партийные разногласия меж эсерами и большевиками усилились, сделав их непримиримыми противниками.

Но не будем забегать вперед, а встанем на реальную почву исторических событий лета 1918 г. — времени военного столкновения большевиков и эсеров, отличавшегося особым ожесточением... Во главе Комитета Учредительного собрания, пришедшего в мае 1918 г. к власти в Уфе, Поволжье

Н.Д. Авксентьев

Н.В. Чайковский

(при прямом содействии бывших союзников России) стал никто иной как лидер эсеров, видный масон одной из парижских лож Н.Д. Авксентьев, другой видный масон — «народный социалист» Н.В. Чайковский встал во главе Временного правительства в Архангельске, масон-эсер Б. Савинков возглавил антисоветские мятежи в гг. Рыбинске и Ярославле. Их цели, как и цели их «духовно-идейных наследников» в ХХI в. (получающих деньги прямо от западных спецслужб на различного рода фонды и гуманитарные миссии, статьи и публикации), те же. Они выполняют установку, сформулированную британским послом в Париже Ф. Берти: «Нет больше России... Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Россией на Востоке, т.е. Финляндии, Польши, Украины и т.д., сколько бы их удалось сфабриковать, то по мне остальное может убираться к чёрту и вариться в собственном соку». Мы видим, что Запад по сей день не отказался от мысли создать на границе с Россией поболее этих стран-марионеток, и, замечу, весьма преуспел при предателях-«демократах».

К маю 1918 г. страна погрузилась в пучину анархии, хаоса, голода, безработицы, борьбы всех против всех. Ситуация трагическая. Выступая на сессии ВЦИК и Моссовета, Ленин заявил, что правительство делает всё возможное, чтобы продлить передышку, полученную в результате подписания мира с немцами. Однако передышки нам никто не дал... Экономическое положение страны близко к катастрофическому. Слово всё сметающая лавина, на людей обрушился голод. Население побежало из Москвы и Петербурга, где царят безработица и страх. К маю 1918 г. в Петрограде работу имело около 10% от общего числа рабочих. На V съезде Советов большинство мест оказалось за меньшевиками и эсерами. Большевиками все недовольны. Растёт число антисоветских забастовок. Слышны призывы к свержению Совета Народных Комиссаров. Уже даже левые эсеры, союзники большевиков, выступили против них. 7 мая 1918 года в Москве начал работу VIII Совет партии правых эсеров. С докладом выступал Е. Тимофеев, журналист. «Основными целями и задачами русской демократии полагаем аннулирование Брестско-

V Всероссийский съезд Советов. 1918

го мирного договора, возобновление войны против Германии. Для этого необходима ликвидация власти Совета Народных Комиссаров и возрождение в России подлинных органов народоуправления во главе с Учредительным собранием. «Туманно», — подумал Семенов. Кто-то выкрикнул с места: «Просим уточнить!» — Что, собственно, уточнять? — спросил Тимофеев. — Я достаточно ясно выразился: необходимо решительно приступить к ликвидации так называемых Советов. — Вы поняли Тимофеева? — спросил Семенов у рядом сидящего Сунгина. — Чего тут не понять, — рассмеялся тот. — Тимофеев не хочет расставаться ни с кадетами, ни с Антантой. У кадетов — связи и кадры. У Антанты — деньги и оружие». (Из стенограммы заседания Верховного революционного трибунала 30 июня 1918 г.). М. Спиридонова, один из лидеров левых эсеров, заявила о необходимости вооруженного восстания против власти Советов. Эсер-террорист Сергеев убил члена ЦК большевиков, комиссара Петросовета по печати и пропаганде В. Володарского. Тогда же ЦИК большевиков заявил, что против политических противников, как против убийц и бандитов, применяют любые средства борьбы («революционные трибуналы

не связаны... законами при выборе средств борьбы с контрреволюцией»). Так вот борьба эсеров и кадетов с большевиками, и соответственно большевиков с их противниками вступила в открытую и фактически в вооруженную фазу.

Мятеж левых эсеров имел место 5—7 июля 1918 г. Попытка ЧК арестовать заговорщиков-эсеров встречает с их стороны вооруженный отпор. Тогда же большевики вынуждены ввести войска в рабочие районы. Ленин пишет Зиновьеву, главе Петрограда: «Мы дискредитируем сами себя; мы грозим массовым террором... но, когда дело доходит до решительных действий, мы сдерживаем революционную инициативу масс, вполне справедливую. Это совершенно недопустимо; террористы сочтут нас старыми бабами. В конце концов, идёт война». Обстановка среди большевистского правительства близка к панической. Троцкий испуганно кричит: «Мы уже ходячие трупы». Эсеры выдвинули лозунг — «Вся власть Учредительному собранию», а «Союз защиты Учредительного собрания» составил план, согласно которому собранные эсерами военные части должны были двинуться на защиту этого органа. Член ЦК партии правых эсеров Е. Тимофеев впоследствии откровенно признавал, что распропагандированные эсерами воинские части должны были бы, в случае необходимости, «идти штурмом на Смольный». Наконец, одна из подготовленных ими боевых групп должна была «стравить» левых эсеров и большевиков, и свергнуть Советское правительство. Обвинения в якобинстве скорее можно поставить в упрек эсерам... Ещё 27 октября 1917 г. в Петрограде ими образован «Комитет спасения родины и революции», куда вошли многие члены Петроградской городской думы, Временного совета республики, Временного правительства, члены ЦИК Советов первого созыва, ЦК партий правых эсеров, меньшевики и народные социалисты. Красногвардейцы задержали тогда видного эсера Брудерера, у которого на руках оказался приказ командующего войсками «Комитета спасения родины и революции» Полковникова (об аресте большевиков-комиссаров ВПК). Керенский, Савинков, Гоц и Чернов выступили руководителями юнкерского восстания и похода на Петроград войск Краснова. На суде по делу

В. Володарский — комиссар печати
(Гольдштейн М.М.)

правых эсеров один из свидетелей тогда показывал: «Военная комиссия стояла на той точке зрения, что возглавить восстание должны мы, эсеры..., организовавшие мятеж в дни работы V Всероссийского съезда Советов в Москве». Эсер Б. Савинков совместно с генералом Алексеевым стал сколачивать боевые дружины для засылки их в советский тыл. Целью тех отрядов было проведение актов террора: произвести покушение на Ленина, Крыленко, Антонова и на других советских лидеров. Левые эсеры Я. Блюмкин и Н. Андреев, сотрудники ОГПУ, проникли по подложным документам в посольство Германии, где и убили посла графа Мирбаха. 7 июля Ленин посылает в Царицын телеграмму Сталину: «Сегодня около 3-х часов дня левый эсер убил бомбой Мирбаха. Это убийство явно было на руку монархистам и англо-французским капиталистам. Не желая выдать убийцу, левые эсеры арестовали Дзержинского, Лациса и начали восстание против нас. Мы ликвидируем их сегодня же ночью беспощадно и скажем народу всю правду: мы на волосок от войны. У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров. Все, кто против войны, будут за нас». Казнить следует без всяких сантиментов.

Но почему Мирбах стал их целью? По признанию меньшевистского лидера Ю.О. Мартова, Мирбах был дипломатом бис-

марковской школы и ориентации, и хотел сближения Германии с Советской Россией — это «всем известно». Этот момент считаем, пожалуй, самым важным... Те, кто убивал Мирбаха, убивали союз России и Германии, значит: выполняли заказ стран Антанты. Убийство организовали набившие руку эсеры. К слову сказать, все выстрелы чекиста Блюмкина попали в «белый свет», его бомба не взорвалась (Мирбаха убил Андреев). На месте убийцы оставили портфель с подложными бланками и «делом Роберта Мирбаха» (родственника посла). Блюмкин был ранен часовым во время бегства из посольства. Затем они укрылись в отряде ВЧК, который возглавлял эсер Попов. Туда явился Ф. Дзержинский, чтобы арестовать убийц посла, но и он попал под арест. Потом Дзержинский даже возмущался: «Почему они меня не расстреляли? Жалко, что не расстреляли, это было бы полезно для революции». Заговор имел место. Эсер Прошьян, один из тех, что входил в большую большевистскую «пятерочку» (Ленин, Свердлов, Сталин, Троцкий, Прошьян), нарком почт и телеграфа, разослал призывы к восстанию и к борьбе против германского империализма по городам России. Большевики отреагировали молниеносно: мобилизовали латышских стрелков, приказав Вацетису подавить восстание. Мятеж завершился провалом. Эсеровский отряд Попова разбежался, «друг» Есенина, Блюмкин скрылся, а заместитель Дзержинского эсер Александрович был расстрелян. Позже Блюмкин, подделавший подпись Ксенофонтова, давал показания по делу убийства германского Мирбаха: «Германский посланник в Советской России граф Мирбах был убит в Москве, в Денежном переулке, в одной из гостиных посольского здания около 3-х часов дня 6 июля 1918 г. Убийство было совершено при посредстве револьвера и толовой бомбы бывшим членом ВЧК, членом партии левых эсеров Яковым Блюмкиным и фотографом подведомственного ему отдела ВЧК, также членом партии ЛСР Николаем Андреевым».

Что представлял собой упомянутый Блюмкин? Один из евреев-авантюристов, талант которых проявился в разного рода аферах и махинациях. Симха-Янкель Гершев, он же Блюмкин в 1915 г. с юным Н. Френкелем, будущим строителем советского ГУЛАГа — сталинских концентраци-

Посол Германии в России В. Мирбах

Яков Блюмкин — сотрудник ВЧК

онных лагерей, торгует фальшивыми свидетельствами об инвалидности и многосемейности, позволявшими «откосить» от армии. Вдвоем на пару с гениальным аферистом, держателем воровского общака Япончиком он сделал и первый капитал. Капитал этот потом дал ему возможность войти в доверие к «красному маршалу революции» Муравьеву и купить себе первые серьёзные должности в совдеповском ЧК. В январе 1918 г. он с оружием в руках борется за установление советской власти в Одессе, участвует в боях с войсками Центральной рады и с гайдамаками. Вероятно, доля личной отваги дали ему место командира, затем комиссара в Военном Совете 3-й советской Украинской армии. Он даже исполнял одно время должность начальника штаба. Однако натура брала своё. Подмастерье по электрической части счёл для себя гораздо более интересным и выгодным делом стать подмастерьем революции... Блюмкин участвовал в экспроприации денег в Государственном банке (взято 4 миллиона рублей). «Красный командир» Блюмкин, так же как евреи «демократической революции» в России в конце XX в., решил прихватить национальное богатство. Предложив командующему армии П.С. Лазареву взятку в 10 тыс.

рублей, столько же решил оставить себе, а остальные деньги передать партии эсеров. Но по требованию Лазарева и под угрозой ареста пришлось вернуть деньги. Карьера Блюмкина лишь начиналась. В июне — начале июля 1918 г. он стал заведующим отделением по борьбе с немецким шпионажем Отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК. 6 июля 1918 г. по заданию ЦК партии левых с.-р. принял участие в террористическом акте против германского посла графа В. Мирбаха с целью сорвать Брестский мир. После подавления мятежа левых эсеров бежал на Украину, где участвовал в повстанческом движении, а затем подготовке террористического акта против гетмана Скоропадского. Не без его участия убит немецкий главнокомандующий генерал Эйхгорн. Заочно был приговорен к трем годам заключения. В апреле 1919 г. явился с повинной в Киевскую ЧК, был амнистирован Президиумом ВЦИК. В 1920 г. вступил в РКП(б) и был направлен на военную работу. Летом 1920 г. он — комиссар штаба Красной Армии Гилянской советской республики (Северный Иран). В 1920 г. он был слушателем Академии Генштаба РККА. С 1922 г. работал в секретариате председателя РВСР Л.Д. Троцкого для особых поручений. С 1923 г. он во внешней разведке ОГПУ. В 1924—1925 гг. являлся помощником полномочного представителя ОГПУ в Закавказье. В 1925—1926 гг. Блюмкин ответственный сотрудник Наркомата торговли, а затем и главный инструктор Государственной внутренней охраны (службы безопасности) Монголии. В 1928—1929 гг. — нелегальный резидент советской разведки на Ближнем Востоке. Блюмкин обожал Троцкого, видя в нём «образец совершенного человека». В свою очередь и наркомвоенмор нуждался в таком энергичном и беспринципном помощнике: «Я взял его к себе в свой военный секретариат, и всегда, когда я нуждался в храбром человеке, Блюмкин был в моём распоряжении». Блюмкин заявил Троцкому, что передает себя «в его распоряжение». Блюмкин давно был помощником Троцкого, который и стоял за убийством Мирбаха, заговором эсеров и прочими кознями Антанты. Его называли гением разведки и авантюры, считали своим другом Есенин, Мандельштам, Гумилев, обожал Троцкий и считал своим верным

слугой (не случайно еврейский бонапарт сделал его главой личной охраны), его презирал, как всех троцкистов, Сталин.

Сей одесский авантюрист искал Шамбалу на Тибете, разъезжал по Турции, Ближнему Востоку под именем купца Якуба Султан-заде, продавая древнееврейские хасидские рукописи и книги, полученные из фондов Библиотеки им. В.И. Ленина, был резидентом разведки в ряде стран (Монголия, Тибет, отдельные районы Китая), состоял советником по разведке и контрразведке в гоминдановской армии генерала Фын Юйсяна, грабил банки и делал революцию в Персии и Монголии. Но больше всего любил он славу и деньги... И не случайно начальник разведупра Берзин докладывал наркому Ворошилову: «Поведение Блюмкина весьма разлагающим образом действует на всех инструкторов и в дальнейшем может отразиться на боеспособности Монгольской армии. Считаю, что в ближайшее время его нужно отозвать из Монгольской армии». В 1927 г. тот вернулся в Москву, где вновь понадобился Троцкому, чей безумный мозг лихорадочно планировал очередную «революционную» авантюру... Блюмкина направ-

ляют в Индию... По разработанному Троцким и его советниками плану, Конная армия Буденного должна была бы ударить через Афганистан на Пенджаб и Белуджистан. Цель рейда — вызвать народное восстание против англичан, а когда те бросят все свои силы на подавление этого восстания, планировалось направить части Тухачевского на захват Польши и Германии. Однако дело и тут сорвалось. Блюмкин перекочевал в Константинополь. Когда же Троцкого выслали в 1929 г., Блюмкин растерялся. Его кумир, его Бог оказался повержен. «Высылка Троцкого меня потрясла, — признался он. — В продолжение двух дней я находился прямо в болезненном состоянии». По возвращении в СССР в 1929 г. он был арестован. Коллегия ОГПУ, рассмотрев дело, решила его расстрелять «за повторную измену делу пролетарской революции и Советской власти, за измену революционной чекистской армии». Это и было сделано. Говорят, когда его расстреливал комендантский взвод под началом Агранова (еврея), Блюмкин крикнул: «Стреляйте, ребята, в мировую революцию! Да здравствует Троцкий! Да здравствует мировая революция!»

Я.К. Берзин (1889—1938)

Э.П. Берзин (1893—1938)

Латыши остались верны Ленину и революции... Выдающуюся роль сыграли Я.К. Берзин и Э.П. Берзин. Последний отличился в подавлении левозсеровского мятежа и в раскрытии «заговора послов», сыграв ключевую роль в операции ВЧК против контрреволюционеров и планов империалистических стран по свержению Советского правительства (в 1918 г.). Сражался в рядах Красной Армии на юге России, за что в 1919 г. приказом по добровольческой армии Деникина был приговорён к смертной казни. Английская разведка «Интеллин-джен сервис» также вынесла свой приговор «красному авантюристу». В свою очередь Советское правительство наградило Э. Берзина шашкой с орденом Красного Знамени на эфесе. Работал на посту директора государственного треста «Дальстрой». В этой должности он находился с 5 февраля 1932 г. по 3 декабря 1937 г., и за пять лет его деятельности на Колыме создан новый промышленный район страны, ставший поистине валютным цехом СССР. Ежов приказал завести дело на Берзина, несмотря на то, что Дальстрой в 1937 г. дал два годовых плана добычи золота и Сталин поздравил дальстроевцев с заслуженной победой. Итоги работы Дальстроя за это время подвёл сам Берзин: «Освоение Колымы начато Дальстроем в 1932 году. Два первых года (1932—1933) были заняты подготовительными работами; с 3-го (1934) года начинается бурное развитие золотодобычных операций. Более чем удваивая продукцию из года в год, Колыма дала за 3 года 52 тонны химически чистого золота (в 1934 г. — 5,5 т, в 1935 г. — 14,4 т, в 1936 г. — 32,4 т). По количеству добытого золота Колыма догнала в 1936 г. один из самых продуктивных золотодобывающих районов Америки Калифорнию — далеко перегнала его». И как дань уважения одному из руководителей строительства будущего города Магадана перед зданием мэрии города в 1989 году был установлен бюст

Э.П. Берзину. И таких героев наша родина будет знать ещё немало. Эти латыши — гордость наших некогда близких народов.

Чем вызвано повышенное внимание большевиков к латышским воинам? Очень просто: латыши прекрасно зарекомендовали себя во время битв I мировой войны. Поэт, желая сказать о них хвалебные слова, но с тайной издевкой писал: «Вы, стрелки, наши парни из сельских усадеб, — раньше пасли вы коров, а теперь пасёте народы и время». Так, в боях в Литве и Курляндии они показали себя с наилучшей стороны, хотя и понесли значительные потери. Особенно отличились они при обороне Митавы, а в августе 1917 г. в ходе боев под Ригой спасли от уничтожения всю 12-ю армию, позволив ей выйти из города. Так, на участке, обороняемом 5-м Земгальским латышским стрелковым полком (командир — полковник И. Вацетис) бойцам пришлось выдержать натиск целой германской дивизии. При этом позиция латышских стрелков состояла из траншей, оборудование которых не было закончено. Утром 20 августа после мощной артиллерийской подготовки противник перешёл в наступление. Хотя неприятельская артиллерия местами разрушила окопы и нанесла ущерб их защитникам, латыши отразили первую атаку немцев, нанеся им большие потери. После нового артиллерийского обстрела противник снова пошёл в атаку, но вновь был отброшен на исходные позиции. Такие атаки повторялись несколько раз, и постоянно перед траншеями, оборонявшимися ла-

Гражданская война в России. Латышские стрелки. 1917

Командарм И.И. Вацетис

тышскими стрелками, оставались сотни немецких трупов. После полудня, когда кончились снаряды, а защитники позиций понесли большие потери, положение стало критическим. Бои почти всюду шли уже у самых окопов латышей, а на отдельных участках немцам удалось ворваться в траншеи. Несмотря на это, уцелевшие стрелки 5-го Земгальского полка героически продолжали оборонять позиции. Один из участников сражения вспоминал: «Резервы бригады были исчерпаны, пришлось полагаться лишь на собственные силы. Неприятельские цепи одна за другой шли на нас. Для нас начался самый ужасный эпизод боя. В ход были пущены пулемёты, ручные гранаты, приклады, котелки, камни и кулаки. Именно здесь латышские стрелки доказали свою храбрость и стойкость. В некоторых местах стрелки под руководством своих офицеров бросались на немцев и с помощью штыков отбрасывали их далеко от наших окопов». И только получив указание командира бригады, полковник И.И. Вацетис дал распоряжение об отходе».

Понятен интерес новой власти к латышским офицерам и стрелкам. Пожалуй, это

была наиболее грамотная часть Красной гвардии. К слову сказать, Э.П. Берзин окончил Художественную академию в Берлине. К тому же царский режим, можно сказать, «обидел» латышей. В армию их охотно зачисляли, но вот в гвардию не брали. Многие студенты-латыши окончили школы прапорщиков. Латыши в Гражданской войне и станут красной гвардией Советов. В автобиографии (30 апреля 1933 г.) Вацетис отмечал: «6 и 7 июля 1918 года во время подавления московского троцкистско-эсеровского восстания я руководил войсками, оставшимися верными В.И. Ленину». И далее Вацетис писал: «Латышские стрелки 17 мая 1917 г. выбрали своим идейным вождем тов. Ленина и оставались верны ему непоколебимо. Латышская стрелковая дивизия назвала себя Советской, чем отличалась от формируемых Л. Троцким аполичных войск... Мне было дано понять в начале июня, что латышская дивизия будет зачислена в состав Народной армии приказом комиссара Л. Троцкого. Я предупредил об этом состоявших при мне комиссаров и предложил подчинить латышских стрелков непосредственно председателю Совнаркома тов. Ленину, что и было проведено в жизнь...» Не удивительно, что книга воспоминаний Вацетиса, ленинского «стального командарма», так и не была напечатана в России ни в 30-е гг. до ареста в 1937 г., когда Вацетиса арестовали в перерыве между лекциями (когда перемена закончилась, комиссар курса объявил слушателям: «Товарищи, лекция продолжаться не будет. Лектор Вацетис арестован как враг народа»), ни после смерти Сталина, ни даже после реабилитации Вацетиса.

Тут видна сначала рука Троцкого, а потом его протезы, которые ненавидели Вацетиса за то, что он сорвал хитро и умно спланированный сионистский переворот группы Троцкого, Свердлова, Зиновьева и К. Видимо, не случайно латышских стрелков выслали накануне Ивана Купала из Москвы (6 июля). Это был чистой воды еврейский путч, которых немало знает история! Неплохо информированный М. Кун, работая в архиве Троцкого в США, написал: «В случае успеха мятежники предполагали начать революционную войну против центральных держав... В этом вопросе позиции левых эсеров и левых коммунистов

(и троцкистов. — С.М.) были достаточно близки. Однако другой основной целью левых эсеров являлся захват власти». Потому Троцкий яростно протестовал против назначения Вацетиса на пост руководителя подавления восстания. Ленин настоял на его назначении. Из секретариата Троцкого установили связь с командиром латышских батарей Э. Берзиным, с ним вступил в переговоры Скланский, правая рука г-на Троцкого, уговаривая вступить в тесный союз с левыми эсерами и перейти на сторону троцкистов. Тот взял в свои руки латышских стрелков и артиллерию и раздавил мятеж Троцкого. Позже И. Вацетис задал Троцкому вопрос прямо в лоб, почему так вели себя его подопечные (Скланский и Муралов). Не скрывая злобы, тот ему ответил: «Вы разгромили одну из самых больших политических комбинаций и не знаете, кого вы громили, у вас чисто солдатский подход к политике...» Думаю, коварные планы Троцкого прекрасно поняли Вацетис и Ленин. Первый сказал, что если бы победили вожди левых эсеров и троцкисты с левыми коммунистами, то «выдвинулась бы из-за кулис фигура... Троцкого». Что-то в этом же духе скажет о Троцком и Ленин: «А всё-таки не наш! С нами, а не наш... Честолюбив. И есть в нём что-то нехорошее от Лассалья». Правда, это слова Горького, который писал о Троцком в очерке о Ленине в 1930 г., уже после того, как тот был репрессирован и выслан из России.

Жарким летом 1918 г. меньшевики шли рука об руку с эсерами: их объединяла не-

нависть к Советам, общая классовая платформа, отражавшая интересы буржуазии. Им казалось, что близился час их победы... В 20 губерниях страны зарегистрировано 245 антибольшевистских крестьянских выступлений, за которыми в идейно-политическом плане стояли эсеры или другие левые. В. Леонтьев писал: «Ставропольские левые эсеры и левые коммунисты в ночь с 11 на 12 мая создали Временный революционный комитет, который взял под арест председателя губернского СНК (и комиссара внутренних войск), военкома и двух других комиссаров-большевиков». Мятеж левых эсеров показал: бывшие попутчики встали на путь открытой борьбы. В общую картину борьбы с большевиками вписался мятеж в старинном русском городе Ярославле. В восстании приняли разного рода силы — от монархических и церковных до эсеровских и «февралистских»; офицеры, студенты и пр. Ярославский мятеж 1918 г. в БСЭ называли правоэсеровским: «В июле произошли подготовленные при поддержке Антанты правоэсеровский Ярославский мятеж 1918 г. (6—21 июля) и более мелкие мятежи в Муроме, Рыбинске, Коврове и др.». Миф живуч и по сей день. Между тем вооруженное выступление против советской власти в Ярославле, пишет А. Михайлов, подготовлено не правыми эсерами (и уж тем более не эсерами левыми, сцепившимися с большевиками в тот же день в Москве), а совершенно другой организацией — «Союзом защиты родины и свободы», которую возглавлял Б. Савинков, порва-

вший с эсерами ещё в сентябре 1917 года. «Союз» был организацией не столько политической, сколько боевой, куда более реакционной, чем «розово-социалистические партии», активно боровшиеся против большевиков. Если эсеры и меньшевики хотели восстановить дооктябрьскую власть, то савинковцы хотели вернуться к дофевральскому строю. Примечательно в этом отношении «Обращение к гражданам города Ярославля», изданное лидером мятежа Перхуровым

Против эсеров

13 июля. В нём отменялись не только все распоряжения советской власти, но ликвидировались те органы управления, что созданы при Временном правительстве: волостное земство, волостные земельные комитеты и гражданская милиция. В самом Ярославле их заменяла власть «управления главноначальствующего по гражданской части», а в «прочих городах губернии — власть начальников уездов», восстанавливались полномочия волостных старшин. Возрождались также окружные суды, а функции общей полиции передавались в руки «уездной и городской стражи». Поэтому можно предположить: в случае победы Ярославского мятежа и взятия белыми Москвы была бы реализована другая структура власти, чем та, за которую выступали и ратовали меньшевики и эсеры. «Это была бы военная диктатура, обеспечивающая полный приоритет исполнительной власти и «народное представительство» не на партийно-выборной основе, а на сословно-профессиональной (корпоративной) основе».

Но силам центральной большевистской власти повстанцы долго не смогли противостоять. Большевики для подавления восстания использовали самолеты. Ныне многие скорбят: «Итогом варварской бомбардировки стало практически полное разрушение центра города, гибель многих исторических памятников. Огромные разрушения были в Афанасиевском монастыре, бывшем Спасо-Преображенском монастыре, основанном еще в начале XIII в. ростовским князем Константином Всеволодовичем. В огне пожара погибла ценнейшая библиотека Демидовского лицея, сгорел и сам лицей (выдающийся образец русского классицизма), уничтожены городская больница, гостиный двор, 15 фабрик, 9 зданий начальных училищ». К тому же отряды прокоммунистических мажоров вели шквальный артобстрел — а в снарядах недостатка у них не было. Точное количество казнённых по «ярославскому делу» россиян неизвестно. Но в сборнике приводится другая цифра: «В Ярославской губернии с марта по ноябрь 1918 года было расстреляно 50 247 человек». Всё это цифры счетоводов-буржуа.

Через 3 дня после подавления мятежа левых эсеров в Москве мятеж поднял командующий Восточным фронтом эсер М. Муравьев. Полковник царской армии в

Памятник жертвам белогвардейского мятежа 1918 г. Ярославль

прошлом, он остановил войска Краснова под Гатчиной, но был арестован за превышение власти на Украине, обвинен в расстрелах и реквизициях. Ф. Дзержинский писал о нем: «...самый заклятый враг не смог бы принести нам столько вреда, сколько он (Муравьев) принёс своими страшными расстрелами, предоставлением солдатам права грабежа городов и сел. Всё это он от имени нашей советской власти вытворял, настраивал против нас всё население». Поручившись за Муравьева лично перед Совнаркомом, его спасли от расстрела Троцкий, Спиридонова и Александрович. Кандидат в Наполеоны требовал начать войну с империалистической Германией, арестовал командующего 1-й армией Тухачевского, выступив за создание «Поволжской советской республики» (во главе с эсеровским правительством). И в этой ситуации вновь наилучшим образом проявили себя латыши. Муравьева арестовали и убили, как провокатора. Отряд разоружили. На юге, в Закаспийских степях, эсеры И.И. Седых и Ф.А. Фунтиков организовали вместе с английскими интервентами подлое убийство 26 бакинских комиссаров во главе со Сте-

Мятежники-эсеры

паном Шаумяном. В Грозном эсеры учинили дикий «большевистский погром». Более 10 000 оставшихся верными Советской власти рабочих и крестьян уничтожили они и в Терской области. На Украине эсеры Фрумкин и Зарубин призвали генерала Скоропадского к активной вооруженной борьбе с Советской Россией. Эсеры Руднев и Бунаков активно стали помогать Деникину создавать Добровольческую армию. Чернов и Гоц санкционировали применение в борьбе с большевиками террора, как им казалось, старого испытанного оружия боевиков-эсеров. Кровавая разборка началась и тотальная война была неизбежна.

8 июля 1918 г. троцкистско-эсеровский мятеж предателей был подавлен... В «Известиях ВЦИК» В.И. Ленин скажет: «Преступный террористический акт и мятеж совершенно и полностью открыл глаза широких масс народа на то, в какую бездну влечёт народную Советскую Россию преступная тактика левоэсеровских авантюристов. Мне самому и многим товарищам приходилось слышать в день мятежа выражение сильнее негодования против левых эсеров со стороны даже самых тёмных слоев народа. Серая, безграмотная старушка, негодую, говорила по поводу убийства Мирбаха: «Ишь, проклятые, толкнули-таки нас в войну!» Все и сразу до очевидности ясно поняли и оценили, что после эсеровского террористического акта Россия оказалась на волосок от войны. Именно так оценивали народные массы выступление левых эсеров. Нас провоцируют на войну с немцами, когда мы не можем и не хотим воевать. Этого грубого попраания народной воли, этого

насильственного толкания в войну народные массы левым эсерам не простят. И если кто радовался выступлению левых эсеров и злорадно потирал руки, то только белогвардейцы и прислужники империалистической буржуазии». Ныне известные факты перевираются, ставятся с ног на голову.

Сегодня буржуазия обеляет троцкистов и эсеров, считая, что якобы никакого «левоэсеровского мятежа» не было вовсе, а всё это была лишь «провокация ВЧК». Хотя факты заговора и мятежа эсеров против новой власти хорошо известны. 24 июня эсеры провели секретное совещание, на котором по сути приняли курс на диктатуру. Лидер партии левых эсеров М. Спиридонова заявит о необходимости вооружённого восстания, которое и сможет «спасти революцию от власти Советов», т.е. от власти народа! «Это было тревожным сигналом, — писал Л. Фишер. — Социалисты-революционеры прибегли к своему старому оружию: террору. Взрыв казался неминуемым». Продажные писаки буржуазии готовы снять с эсеров всякую вину за участие и в убийстве немецкого посла. В статье Ю.Г. Фельштинского (США) «6 июля 1918 года. Две версии одного события» уклончиво сказано, что инициаторами убийства могли бы быть члены ЦК эсеров М. Спиридонова и Прошьян (последний в разговоре с «левым коммунистом» К. Радеком предлагал «шутя» убить Ленина и развязать войну с Германией). Фельштинский писал: «Мирбах не был убит по постановлению ЦК ПЛСР». Однако разве те же эсеры на заседании своего ЦК (24 июня 1918 г.) прямо и во всеулышание не заявляли о необходимости организации терактов против виднейших представителей германского империализма, разве они не объявили мобилизацию надежных военных сил для организации восстания? Они потребовали, чтобы к восстанию примкнули рабочие и крестьяне. Партия заявила и о причастности к взрыву арсеналов и т.п. Однако, по мнению К.Н. Морозова, в конце 1917 — начале 1918 г. это, мол, Ленин и Троцкий всеми способами пытались лишить «колеблющихся» в большевистском руководстве возможности пойти на примирение с социалистами. Они сознательно пошли на эскалацию противостояния. Затеявая эсеровский процесс, Ленин, Троцкий и Сталин якобы ру-

ководствовались логикой конфронтаций. В «Социалистическом вестнике» (1922) опубликована заметка, подписанная псевдонимом «Каторжанин». В ней содержатся интересные выводы. «Два течения сейчас борются среди большевиков. Одно — примирительное, которое вообще не очаровано процессом, и другое — более сильное и влиятельное в политических (не в деловых) сферах, террористическое. Эти вполне убеждены, что пути физического истребления и устрашения врагов диктатуры единственно спасительны. Прочность сегодняшнего дня покоится на могилах всех истребленных носителей старого строя. Полумер быть не может. За Романовыми должны следовать все их слуги; ударяй именно в то место, где могут быть сосредоточены те или иные симпатии народных масс (казнь священников): этими путями надо выявить настроение и, выявив, подавить его. Теперь, когда игра с единым фронтом кончилась, надо внести в европейское рабочее движение огонь войны, — не оружием критики, а критикой оружием. Выроем такую пропасть, наполним её такой кровью, чтобы мечтания о единстве стали фразой. Всех колеблющихся поставим перед фактом... (выделено нами. — В.М.). Вот приблизительно, что муссируется в некоторых группах. Если это течение победит, — а это весьма и весьма возможно, — то судьба эсеров решена». По словам г-на Морозова, так была решена судьба эсеров и меньшевиков, хотя

Процесс над партией эсеров. 1922 г.

часть их ещё тешила себя иллюзиями о возможности работы в условиях советской легальности, а спустя годы «окажется решена и судьба колеблющихся (а заодно и десятков тысяч не колеблющихся) коммунистов, а также судьбы миллионов людей и целой страны». Но подобные уверения есть скорее сознательное извращение фактов. Мы уже говорили о том, что террор был давним и излюбленным оружием эсеров, а вовсе не большевиков, не их политикой.

Наметился союз эсеров и левых коммунистов. После заключения Брестского мира они ещё более усилили нажим на Ленина и на его сторонников. Тому есть свидетельства. В «Правде» № 285 и 286 за декабрь 1923 г. Сталин и Зиновьев утверждали следующее. Сталин писал: «Известно, например, что левые коммунисты, составлявшие

тогда отдельную фракцию, дошли до такого ожесточения, что серьёзно поговаривали о замене существовавшего тогда Совнаркома новым Совнаркомом из новых людей, входивших в состав фракции левых коммунистов...» О том же говорил Зиновьев: «В ту пору к ним, к фракции левых коммунистов, левые эсеры обратились с официальным предложением... арестовать Совет народных комиссаров с тов. Лениным во главе. А в кругах левых коммунистов серьёзно обсуждал-

На процессе правых эсеров

ся вопрос о новом составе Совета народных комиссаров, при сем председателем имели в виду назначить тов. Пятакова». Почему левые так заговорили? Ведь Пятаков был куда менее значительной и заметной фигурой, чем Ленин, Троцкий, Свердлов, Сталин, Зиновьев и Бухарин. Так почему же Пятаков? Дело в том, что это была тесная компания ещё с эмиграции (Троцкий, Бухарин, Пятаков). Л.Д. Троцкий и Г.Н. Пятаков были земляками. Они родились и выросли на Украине, там вели подпольную работу, позже Пятаков возглавлял ЦК компартии (большевиков) Украины. Имя Пятакова позже назвал и Бухарин. И ещё немаловажная деталь: Пятаков был женат на сестре Троцкого. Как говорят в Одессе, всё это была одна дружная еврейская компания (с примкнувшим к ним Бухариным, что женат был на еврейках). Вместе с Свердловым они, видимо, приняли самые непосредственное участие в заговоре. Пятаков действительно считался одним из самых ярких вождей нового поколения большевиков.

Так называл его в своём завещании Ленин (другим был назван — Бухарин). Правда, в «Письме к съезду» он так характеризует Пятакова: «Слишком увлекающийся ад-

министраторством и административной стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе». После смерти Ленина Пятаков выступил в поддержку Л.Д. Троцкого против Сталина. В 1927 г. торгпред во Франции. Позже он покаялся и стал активным сторонником линии Сталина. С 1928 зам. пред., с 1929 председатель правления Государственного банка СССР, с 1930 член Президиума, в 1931—1932 зам. пред. ВСНХ СССР. С 1932 зам., с 1934 — 1-й зам. наркома тяжелой промышленности СССР. Затем впал в немилость к вождю. Пытаясь спастись, во время подготовки процесса над Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым и др. он требовал для них смертного приговора. 28.7.1936 арестовали его жену. В свою очередь те показали на Пятакова как участника заговора. 11.8.1936 Пятаков в ходе беседы с Н.И. Ежовым сказал, что «назначение обвинителем рассматривал как огромное доверие ЦК и шёл на это от души», одновременно Пятаков «просил предоставить ему любую форму реабилитации, в частности, со своей стороны внёс предложение разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу на процессе, в т.ч. и свою бывшую жену». Попытки спасти собственную жизнь за счёт обвинения других не удались. В качестве одного из главных обвиняемых он привлечен к процессу по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» и в конечном итоге приговорён к смертной казни и расстрелян.

Однако все эти события произойдут уже гораздо позже. Но атмосфера в России накаляется. Ленин отвечает на требования коммунистов, пролетариев и крестьян с мест. 9.08.1918 г. он пишет в Нижний, председателю Нижегородского губсовдепа товарищу Г. Федорову: «В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т.п. Ни минуты промедления... Надо действовать вовсю: массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных... Прочтите это письмо друзьям, ответьте мне по телеграфу или по телефону. Ваш Ленин». Тогда же от его имени уходит в

Г.Л. Пятаков

Пензу, в Губисполком, телеграмма: «Получил Вашу телеграмму. Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города... Телеграфируйте об исполнении». Конечно, эти своевременные меры сыграли свою роль в обуздании врагов. Те стали, как принято говорить, умнее, поняв, сколь жестока и бескомпромиссна классовая борьба в России. 14 ноября 1918 г. ЦК РСДРП обратился к революционной демократии с призывом решительно и бесповоротно порвать все свои связи с имущими классами и их партиями, «опирающимися на англо-американский империализм». А 8 февраля 1919 г. и конференция представителей организации ПСР отвергла всякое блокирование, саму коалицию с буржуазными партиями, выявившими свою реакционную сущность», отвергло путь вооруженной борьбы с Советской властью и её свержения. Но полагаю, что эти шаги предприняты членами этих партий скорее вынужденно для своего прикрытия после провала мятежа (хотя иные, вроде председателя Моссовета большевика П. Сидовича, считали, что мятежа якобы не было).

Так и был ли «мальчик»? Чтобы ответить на вопрос, перенесёмся вперед на несколько лет и послушаем признания лидеров меньшевиков. В одной из своих последних статей Ю.О. Мартов, харизматический лидер меньшевиков признал (фактически перед смертью, в марте 1923 г., причём будучи на свободе за рубежом), что с первых дней большевистского переворота правые эсеры решительно отвергли всякое сотрудничество с большевиками «на почве советской системы, участие в Советах и выборах в них». Уже с декабря 1917 г. и правое крыло меньшевиков вместо борьбы «за восстановление единого, революционного фронта рабочих и крестьян» составило союз «с буржуазией в целях восстановления пропавшей большевиками демократии».

Он признавал, что правое крыло в меньшевизме по сути дела выступило с идеей

Ю.О. Мартов (Цедербаум) и Ф. Дан

реставрации буржуазного правительства. Это подтверждали статьи и решения меньшевиков 1923—1924 гг., на которые повлияли, в том числе, и многочисленные аресты членов партии организациями ГПУ. О чём там шла речь? О возвращении революции «на пути реформирования», о привлечении на свою сторону сил пролетариата и крестьянства, о возвращении вновь к идее Учредительного собрания. Главное, о чем заявлено недвусмысленно, прямо: надо отказаться от любого соглашения с коммунистами, от идеи демократизации Советов, которые «и в теории, и на практике оказались ширмами для деспотической клики», от идеи содействия «социалистическому строительству». О том же заявлял 5 ноября 1917 г. и другой лидер меньшевиков, Ф. Дан. Так, он писал в «Рабочей газете»: «Три положения определяют линию нашего поведения. Первое — развязывание Гражданской войны и — путь контрреволюции: второе — для предотвращения гражданской войны необходима капитуляция большевизма; третье — наша задача отделить большевизм от рабочего движения... Первые дни заговора была надежда, что он может быть ликвидирован военной силой, но попытка подавления оказалась неудачной...» Смысл этих слов, полагаю, не нужно переводить для любого мало-мальски мыслящего существа... Тут всё ясно: «Если большевики не капитулируют, то мы, меньшевики, вынуждены будем встать на путь контрреволюции и гражданской войны. Не хотите гражданской войны — сдавайтесь с пере-

давайте власть нам. У меньшевиков была ещё надежда, что большевиков ликвидируют с помощью силы, но пока, к сожалению, не вышло». Слышны были и призывы «взорвать РСФСР изнутри», хотя и не все с этим были согласны. Потом уже Потресов назовёт эти слова «политической импотенцией», но ведь тогда за словами стояли реальные действия. Это «пир Валтасара», после которого его участников ждала гибель.

Когда 28 февраля 1921 г. в Москве шла подготовка процесса над правыми эсерами, было уже ясно: им угрожала смертная казнь. И тогда М. Горький обратился со слезным письмом к заместителю Председателя Совнаркома А.И. Рыкову, говоря: «Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, — это будет убийство с заранее обдуманном намерением, гнусное убийство. ...за время революции я тысячекратно указывал советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране». Бесспорно, это так. Но мы же видели на примерах, что эсеры не жалели красных, рабочих, солдат, ведя вооруженную борьбу, применяя террор. Справедливо ли бичевать одних, вызывая на их голову проклятия истории и небес, и молчать в отношении преступлений других?!

Меньшевики вместе с эсерами оказались в состоянии идейно-организационного кризиса. Их декларации о «третьем пути» оказались оторванными от действительности. Эсеры, хотя и выступали против большевиков, не находили сочувствия даже у их противников — белых, которые, конечно же, не забыли о «вкладе» эсеров в развал бывшей государственности России. К тому же, офицеры Деникина и Колчака презирали эсеров и меньшевиков за их половинчатость и склонность к политической риторике. После разгона эсеровской Директории (ноябрь 1918 г.) иных из «учредивцев» белые арестовали и расстреляли. Эсеровско-меньшевицкие правительства нигде не смогли удержаться у власти. Они только создавали благоприятную почву для установления в Сибири и на Дальнем Востоке военной диктатуры белого адмирала Колчака.

В России, издавна поклоняющейся почти анархической свободе, трудно заставить людей следовать чётким установлениям и выполнять закон. Анархия — это старая вечная любовь России, о которой никто не говорит, но помнят всегда... К лету 1918 г. обозначились противоречия между большевиками и анархистами. Долгое время анархисты существовали как бы под негласной защитой бывших великих вождей — М. Бакунина и П. Кропоткина. Поэтому в первые месяцы после Октябрьской революции большевики и относились к ним, в общем и целом, вполне лояльно. Анархисты действовали легально, выпускали массу литературы. Но всё тот же Брестский мир внёс раскол и в ряды анархистов. А.Н. Бенуа даже в В.В. Розанове видел «чисто русский душевный анархизм...». А Д.С. Мережковский довольно метко охарактеризовал распри политиков тех лет:

*С каким коварством и обманом
Всю жизнь друг с другом спор ведём,
И каждый хочет быть тираном,
Никто не хочет быть рабом...*

Анархисты должны были приветствовать гибель царского самодержавия. Во всяком случае Кропоткину, которому уже было 75 лет, благодаря Февральской революции удалось вернуться в Россию из-за-

Арест анархиста

границы. Вот как он описал своё возвращение: «Приехал в Петроград 1/14 июня в 2 ч. ночи. Толпа в 60 000. Саша, племянницы Поливановы... Катя приехала уже в Белоостров. Почётный караул от семеновцев. Так и не добрался до него... Когда я вышел, меня безусловно чуть не раздавили... Офицеры хотели нести меня на руках. Я отказался. Соню чуть не растоптали. Тогда 8 офицеров... схватясь руками, окружили меня кольцом... с невероятными усилиями пробивались сквозь колышущуюся толпу. Пробились не к караулу, а к зале, где меня ждали Керенский и неск[олько] других министров и Н.В. Чайковский. Приветственные речи. Коротко ответил. В 3 часа ночи добрался до автомобиля». Буржуазная республика попыталась призвать под свои знамёна старого революционера. К нему домой приехал Керенский. «Керенский, — пишет Э.А. Гольдман в воспоминаниях, — делал неимоверные усилия примирить непримиримое: он убеждал Кропоткина войти во Временное правительство, предлагая ему на выбор любой пост министра. Кропоткин отказался, заявив, что он всё же анархо-коммунист, а не буржуа. Отказался он и от предложенной ему Временным правительством ежегодной пенсии в 10 тыс. руб. «Я считаю ремесло чистильщика сапог более честным и полезным», — ответил временщикам». Но пытался примирить различные стороны в революции. Н.И. Кареев, присутствовавший на Государственном совещании, писал: «Я помню общий характер его речи. Тогда же я высказал своё от неё впечатление. «Знаете ли, говорил я многим, что Кропоткин напомнил мне любимого ученика Христа в глубокой старости, когда он постоянно говорил: дети, любите друг друга». И помню, как какой-то наивный член совещания после этой речи сказал: «Вот кого бы сделать президентом русской республики». Вскоре великий анархист переехал в Москву, где его вначале поместили как царственную особу в Кремль.

Сочувственно отнёсся отпрыск великих князей смоленских и Юриковичей П. Кропоткин и к Октябрьской революции... В ней он видел законное восстание народа против ненавистного режима. Правда, полагал, что революция эта будет быстрой и сравнительно гуманной, «с минимальным количеством жертв, с минимумом озлобления».

В отличие от Бакунина, полагавшего, что восставший народ, возможно, и перебьёт всех своих угнетателей. Будущее России также виделось ему в положительном свете: «Я вижу сквозь эту разруху новый просвет для всей современной цивилизации. Но муки родов от того не менее мучительны». Однако же когда социальная революция, о которой мечтали и говорили анархисты, всё же разразилась, выяснилось, что одно дело — создавать теории и умозрительные проекты и совсем иное — реальное действие народа и схватка противоборствующих сил. Среди русских революционеров было немало Разиных и Пугачёвых. Анархисты же, как известно, отличались непримиримым отрицанием всех форм государства и выступали как против царского, так и против буржуазного, а затем и коммунистического строя. Не случайно их журнал ставил на одну доску Керенского и Ленина, назвав обоих «Дантоном и Робеспьером русской революции!» Ну крепко «досталось на орехи» и партиям. Анархисты обычно видели во всех партийцах болтунов, ренегатов и карьеристов.

Одним словом, анархисты отрицали любые формы социума, кроме строя свободных производителей... Они требовали прямого действия. Их лозунгом стало: «Да здравствует восстание рабов и равенство в доходах!» Большевики, анархисты, эсеры выступили единым фронтом и против правительства Керенского. Анархисты писали о временщиках как о «фиаско контрреволюционеров». Когда к власти в результате Октябрьской революции (переворота) пришли большевики, анархисты обрушились уже на них, требуя децентрализации политической и экономической власти в стране. Нужно ли тут говорить, к чему могли привести подобные идиотские и преступные призывы в стране, и так буквально разваливавшейся на части! Конечно же, и само движение анархистов было неоднородным... В нём присутствовали левацкие, террористические, уголовные элементы, которые стали создавать боевые, по сути своей разбойничьи группы «Безначалие», «Ураган», «Смерть». Их главари призывали массы брать в руки топоры, идти уничтожать всё, что тем попадётся на глаза. Одна группа таких фанатиков, анархо-футуристы из Харькова, к примеру, даже скомпоновала: «Смерть мировой цивилизации!»

Еще в 90-х годах XIX в., говоря о неизбежности революции, Кропоткин утверждал, что вопрос лишь в том, «как достичь наибольших результатов при наименьших размерах гражданской войны, т.е. с наименьшим числом жертв и по возможности не увеличивая взаимной ненависти». Но Гражданских войн без ненависти не бывает. Летом 1918 г. черновардейцы стали готовиться к захвату столицы. Учитывая бескомпромиссный характер взглядов и действий анархистов, советская власть не могла недооценивать угрозы. Анархистов опередило ЧК, напав в ночь с 11 на 12 апреля на 26 анархистских центра в Москве. Большинство анархистов сдались без боя, но в Донском монастыре, в самом Доме анархии было оказано яростное сопротивление (10 агентов ЧК погибли, 40 анархистов было убито, 500 ранено). Оставшиеся ушли в подполье. 25 сентября 1919 г. вместе с левыми эсерами «анархисты подполья» совершат громкий теракт, бросив мощную бомбу в штаб-квартиру Московского комитета компартии в Леонтьевском переулке (12 членов комитета убито и 55 ранено). Сей акт они объявят началом «эры динамита». Большевики быстро тогда покончат с этими террористами, ликвидировав их.

Дальнейшее развитие событий и обострение Гражданской войны всё расставило на свои места: кто борется против кого и на чьей стороне выступает трудовой народ. Это вынудило анархистов-коммунистов взглянуть в глаза правде. Даже они поняли то, чего не желают понимать нынешние прохвосты из числа либерально-буржу-

**Взрыв в Леонтьевском переулке
25 сентября 1919 г.**

Сообщение в газете об акте террора

азной или консервативно-буржуазной массы (и те и другие стоят друг друга). Другого варианта для России не было: или возвращение власти буржуазии и помещиков, или власть трудового народа, их партии. Пришлось и «романтикам революции» определять своё место в схватке. Так, один из крупных анархистов Рошин, возглавлявший в 1905 г. «Чёрное знамя», теперь призывает его товарищей: «Это обязанность каждого анархиста — чистосердечно работать с коммунистами, которые представляют собой передовой отряд революции. Оставьте ваши теории в покое и занимайтесь практической работой для восстановления России. Необходимость в нас велика, и большевики приветствуют вас». Поэтому некоторые анархисты вступили в коммунистическую партию, честно выполняли свой долг, активно сражаясь против белых армий. К примеру, член ВРК во время Октябрьского восстания Шатов оборонял Петроград от войск Юденича, Железняков был известен не только разгоном злосчастной Учредилки, но и тем, что командовал бронепоездом, когда в июле 1919 г. был убит в бою с денкинцами. В боях с белыми погибли и другие анархисты: И. Жук, член ЦИК А. Ге. Многие будут участвовать в строительстве новой страны, в наркоматах, различных органах власти. 8 февраля 1921 г. умер анархист и революционер П.А. Кропоткин. Гроб с его телом доставили в Москву. Он лежал в Колонном зале Дома Союзов, где позже будет лежать Ленин. В течение двух

дней сотни делегаций от заводов, фабрик и учреждений столицы, тысячи и тысячи простых людей шли проститься с ним. Около гроба в почетном карауле стояли и друзья Кропоткина анархисты (некоторых под честное слово выпустили из тюрьмы на похороны того, кого они считали вождем). К слову сказать, есть свидетельства современников о том, что под влиянием Кропоткина Ленин отменил данное местным отделам ЧК разрешение проводить расстрелы без суда и следствия, что спасло жизнь многим людям. На его смерть откликнулись крупнейшие писатели и учёные из многих стран мира. «Я очень люблю Толстого, — писал Ромен Роллан, — но мне часто казалось, что Кропоткин был тем, о чём Толстой только писал. Он просто и естественно воплотил в своей личности тот идеал моральной чистоты, спокойного ясного самоотречения и совершенной любви к людям, которого мятущийся гений Толстого хотел достичь во всю свою жизнь и достигал только в искусстве».

Так вот разошлись их пути... Одни из них вставали на позиции Советской власти, мужественно и отважно сражались в составе отрядов Красной Армии и погибли в битвах, «в степи под Херсоном» — А. Железняков, А. Мокроусов, Д. Фурманов, Э. Берг... С большевиками сотрудничали и максималистские группировки, возглавляемые А. Карелиным, А. Аникстом, А. Ге... Так, Ге писал в статье в «Буревестнике» (в декабре 1917 г.): «Мы — максималисты-анархисты и коммунисты. Мы считаем вредной всякую

остановку Революции на буржуазно-демократических этапах. Мы всецело отвергаем буржуазную, хотя бы и ультрадемократическую Государственность, сулящую трудящимся лишь равенство политическое и не устраняющую неравенства экономического. Политическое равноправие, не устраняющее первопричины социального зла — экономического неравенства, является для нас равенством в рабстве. А мы хотим — свободы в равенстве. Другими словами, мы требуем немедленного перехода всех земель и фабрик, промыслов, средств и орудий производства — в достояние всех трудящихся. Мы требуем — немедленной и полной экспроприации буржуазии, немедленного уничтожения капиталистического строя. В области организации политической мы являемся врагами централизованной государственности и сторонниками самоуправления народа через автономные революционные коммуны. Другими словами: народ должен управляться не «сверху», не какой-либо централистической государственной организацией, всегда действующей принудительно и насилием, а «снизу», — он должен управлять собою сам и по своему собственному усмотрению... Как бы отрицательно мы ни относились к большевикам, мы все же не будем отрицать той положительной роли, которую они сыграли в октябрьские дни. Мы считаем их пока наиболее передовой, наиболее революционной партией демократических реформ. И так же, как мы, в февральские дни, шли бок о бок со всей демократией для свержения царизма, так мы в июле и в октябрьские дни шли рядом с большевиками против изменившей народу, возглавляемой Каледиными и Керенскими, демократии. Как мы в октябрьские дни шли рядом с большевиками в окопы под Петроградом и Царским Селом для борьбы против Керенского, так и сейчас наши товарищи стоят в рядах революционных войск, отправляющихся против Каледина». «Так будет и впредь. По отношению к борьбе против буржуазии у нас другой тактики быть не может. Пока большевики не подались вправо, пока они ещё продолжают борьбу — борьбу не бумажную только, а фактическую —

Похороны П.А. Кропоткина

Махно в окружении его бойцов

с контрреволюцией и буржуазией, мы будем биться вместе с ними, даже будучи их идейными противниками.

И мы открыто заявляем об этом». В листовке боевой дружины анархистов гор. Одессы под заголовком «К оружию, народ! Довольно, позорно молчать!» народ Украины призывают к восстанию против буржуазных «жаб», что правят ложью и обманом, натравливая народ на Россию. «Германская и Украинская буржуазия подали друг другу руки и, как закадычные друзья, наступают на русский пролетариат». В этой разбойничьей шайке оказалась и румынская буржуазия. Показательна песня анархиста, которую они распевали в те годы:

*Смело поднимем мы чёрное знамя
Над угнетенною силой труда.
Пусть разгорится анархии пламя
И сокрушит рабский гнёт навсегда.
Мы анархисты и коммунисты,
Смело на бой, товарищи, идём.
Наша свобода — благо народа,
Счастье и радость мы миру несём.
Много веков мы под властью
страдали,
Много мы пролили крови своей
И за свободу свою погибали
На эшафоте от рук палачей...*

Прудон говорил об анархии как о либеральной Республике, которая для францу-

зов его поры действительно являлась знаменем свободы. Не мудрено, что немалая часть анархистов выступала с антибольшевистских позиций. Из них создавались отряды «чёрной гвардии», принявшие участие в вооруженных выступлениях в Екатеринославе, Курске и Воронеже. Анархисты участвовали в мятеже левых эсеров, а после подавления мятежа перешли на позиции «активного террора» против большевиков.

В Москве те занимали 26 особняков, бесчин-

ствуя днем и ночью, убивая, грабя, поджигая. Это продолжалось до тех пор, пока отряды ВЧК одновременно не напали на их центры, уничтожив 100—150 человек анархистов. Борьба против анархистов велась и на Украине. 26 ноября 1920 г. украинские чекисты арестовали наиболее активных анархистов в Харькове, Киеве, Полтаве и других городах. По прямому указанию Ф.Э. Дзержинского, их переправили в Москву. Красная армия нанесла сокрушительный удар и по отрядам Махно. Хотя порой действия самих большевистских сил не очень отличались от анархистских. Матросы Дыбенко при попытке обороны Пскова и Нарвы от немцев оконфузились, понесли потери, взяв штурмом цистерну со спиртом. Узнав это, Ленин отозвал Дыбенку в Петроград. За отказ подчиниться командованию Нарвского оборонного участка, развал дисциплины и поощрение пьянства в боевой обстановке тот был снят с поста наркома и даже арестован. Но потом его простили.

После февраля 1917 г. партия социалистов-революционеров, за которой закрепилась слава «непримиримых борцов» с самодержавием (ещё бы, ведь они в лице максималистов убивали правителей империи), в глазах мещанского и даже части левацко-буржуазного (полуинтеллигентского) стада стала очень популярной. Все тогда хотели быть «социалистами» и «революционерами». Поток социал-приспособленцев раздул

партию эсеров до громадных размеров (300—700 тысяч членов). Нечто похожее произошло у нас после крушения СССР, когда спекулянты, предатели, перерожденцы, воры, пятая колонна в один миг стала «демократами и либералами». Будучи мелкобуржуазной партией, эсеры преследовали буржуазные цели, прикрываясь при этом, как фиговым листком, лозунгом народовластия. Трудящиеся поняли это на своей шкуре. Поэтому стал наблюдаться отход от партии эсеров и меньшевиков. Н.Д. Костин, автор 150 трудов о Ленине и Октябрьской революции привел документы, свидетельствующие о причастности эсеров к покушению на В.И. Ленина. 15 января 1922 г. бывшая эсерка Л.В. Коноплева написала заявление в ЦК РКП(б), где дала такие показания о подрывной и террористической деятельности ЦК партии социалистов-революционеров. Она там писала: «Брестский мир я не приняла. Считала, что революционная Россия не может идти ни на какие договоры с капиталистическими государствами. У меня появилась мысль о необходимости террора против Ленина. Его фигура всё больше вырисовывалась на фоне революционных событий. Казалось, что все неудачи эсеров

из-за того, что в ЦК ПСР нет такого же Ленина, как в ЦК РКП(б). Только убрав Ленина с политической арены, эсеры могли добиться победы над большевиками. Большевики сильны Лениным. Без Ленина эсеры могли вести борьбу с большевиками на равных... Я безусловно убеждена, что на путь террора партия с.-р. практически бы не стала, не будь конкретных предложений от отдельных членов партии. Отвергнуть их — для этого не было у ЦК ПСР ни мужества, ни воли. Моментами мне казалось, что у ЦК было сознание недопустимости такого метода борьбы, как террор, но по привычке использовать все попадающее на пути в расчете, что авось будет польза, он давал санкцию на террор...» Другой бывший эсер, руководитель Центрального боевого отряда при ЦК ПСР Г. Семенов опубликовал в Берлине в феврале 1922 г. сенсационную книгу «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг.».

В предисловии он написал, что его давно мучила мысль о необходимости предать гласности одну из самых тёмных страниц в деятельности партии социалистов-революционеров. После моральных переживаний он всё же решил рассказать народу об использовании эсерами в борьбе с Советами шпионажа, диверсий, экспроприаций, саботажа, убийств, индивидуального, массового террора. По его глубокому убеждению, с начала Февральской революции эсеры стали играть контрреволюционную роль. Они дёргали, по меткому выражению Виктора Чернова, рабочий класс за «фалды» при помощи пушек и пулеметов. Прибегали к позорным, совершенно недопустимым, недостойным для партии методам. Неопровержимые документы и свидетельства говорили, что вожди эсеров, будучи в союзе с правительствами Запада, сознательно развязали в России Гражданскую войну, тем самым обрекая массы трудящихся на голод и холод, разруху и нищету. Утверждалось, что члены ЦК ПСР А.Р. Гоц и Е.М. Тимофеев, В.Н. Рихтер и Л.Я. Герштейн, Д.Д. Донской, М.А. Веденянин непосредственно руководили поку-

Сальвадор Дали. Предвидение Гражданской войны

шениями на В.И. Ленина, В. Володарского, М.С. Урицкого, Л.Д. Троцкого и других. Как отнестись к этим фактам? В столицах активизировалась и деятельность спецслужб. Английский разведчик Б. Локкарт возглавил так называемый «заговор послов». Паутина антисоветского заговора плелась эсерами в союзе с подручными Локкарта — главы специальной английской миссии в Советской России. Он был прекрасно осведомлён, что для диверсий из Петрограда в Москву приехали отборные эсеровские боевики. Он отдал распоряжение своим людям снабдить их через посольские представительства дружественных Англии стран взрывчаткой, оружием и продуктами... Помог подыскать надежные и удобные для посещения явки. Такими стали квартира врача Винтерфельда в районе Смоленского рынка и дача в Томилино (по Казанской железной дороге). Подрывные снаряды изготавливались эсерами в фотоателье на Долгопрудной улице, взрывчатые материалы доставлялись из Голицыно. Через Тимофеева, самозванного эсеровского дипломата, Локкарт поддерживал тесную связь с Московским бюро ЦК ПСР. Знал,

что там осваивают маршруты Ленина на крупнейшие заводы и фабрики Москвы, в рабочие заставы и поселки. Устанавливают точные адреса и номера домашних телефонов руководящих работников ЦК ВКП(б), Совнаркома и Моссовета. В списке смертников Локкарта, как и Московского бюро ЦК ПСР, Председатель Совнаркома значился первым. Поэтому английский резидент пытался определить узкий круг лиц, которые могли бы иметь беспрепятственный допуск в Кремль и встречаться с Лениным. В центре внимания Локкарта оказался командир латышского особого легкого артиллерийского дивизиона Э.П. Берзин. Чекисты представили ему Берзина в качестве яростного националиста и врага Советской власти. Локкарт встретился с ним 14 августа 1918 г. на частной квартире по Басманной улице, в Хлебном переулке, в доме №12. Беседа длилась не менее часа. Локкарт уточнил детали

Агент Сидней Рейли

 A document titled "Протокол допроса" (Protocol of the interview) with handwritten entries. At the top, it says "Г. П. У." and "Рейли-Рудольфович". The main body contains several numbered items, some of which are crossed out or have corrections. The handwriting is in cursive.

Протокол допроса Рейли

заговора, назначил время выступления латышей. Определил порядок захвата Совнаркома, ареста и убийства Ленина. — Да, — подчеркнул Локкарт. — Надо в самом начале убрать Ленина. При живом вожде большевиков наше дело будет проиграно. Локкарт тогда же заявил Берзину, что связь с ним будет поддерживать и представитель английской миссии Константин Рейс. Э.П. Берзин, проинструктированный лично Дзержинским, встретился на Цветном бульваре с Рейсом, а на самом деле — с Сиднеем Рейли. Английский агент С. Рейли был Зигмундом Розенблумом, сыном еврея из Одессы, д-ра Розенблума. Р. Локкарт пишет в книге «Сидней Рейли»: «Геorgia шокировало осознание того факта, что он не сын русского полковника, а несчастный еврейский выродок. Его отец — вовсе не отец, сестра — не сестра... Он выродок, да к тому же еще и еврейский... Его передёрнуло, когда он вспомнил фразу, которую довольно часто произносил в шутку: «Господи, благослови государя и покарай евреев!» (до того, как узнал о своём происхождении). «Начало акции — первые числа сентября, — сказал английский агент. — Захватите в полном составе Совнарком и в первую очередь — Ленина. Все арестованные члены СНК должны быть отправлены в Архангельск». Рейли высказал сомнение против отправки туда Ленина: «Ленин обладает удивительной способностью подходить к простому человеку. Можно быть уверенным, что за время поездки в Архангельск он сумеет склонить на свою сторону конвойных, и те освободят его. Поэтому было бы наиболее верным Ленина немедленно после ареста расстрелять». Заговорщики предполагали захватить Государственный банк, центральные телефонную и телеграфную станции, здание ВСНХ, ввести в стране военную диктатуру и под страхом смертной казни запретить какие-либо собрания (до прибытия в Москву английской военной администрации). Положение становилось чрезвычайно угрожающим. В ночь с 24 на 25 августа 1918 г. ВЧК арестовала более 100 человек активных участников белогвардейского заговора.

В. Пузырьков. Патруль

Была изъята масса документов и перемешана переписка с руководителями перемешки на местах. В здании английского посольства чекистами было арестовано 40 заговорщиков, включая Локкарта и несколько белогвардейцев. Было изъято много оружия, разного рода документы, переписка с контрреволюционными организациями. Характерное сообщение послано Локкартом и английскому правительству. В частности, там говорилось: «Дорогой сэръ Джордж... Следующее может быть интересно г-ну Бальфуру. Большевики установили правление насилием и подавлением, несравнимое с любой известной истории автократией. Эти яростные защитники права свободного слова, придя к власти, закрыли все газеты, не одобрявшие их политику. Больше всего пострадала социалистическая печать. Даже газеты интернационалистов-меньшевиков, наподобие «Мартова», были подавлены и закрыты, а несчастные редакторы брошены в тюрьму или принуждены бегством спасать свою жизнь. Право публичных собраний отменено. Право голоса отнято у всех граждан, кроме рабочих на фабриках и бедных слуг, и даже рабочие осмеливающиеся голосовать против большевиков отмечаются секретной полицией как контрреволюционеры. В лучшем случае их судьба — быть брошенными в тюрьму, о которой в сегодняшней России воистину можно сказать «многие входят, немногие выходят». Тягчайшие преступления

ния были совершены большевиками против их социалистических оппонентов. Из бесчисленных казней, совершенных большевиками, значительная доля выпала на головы социалистов, всю жизнь отдавших борьбе со старым режимом, но сейчас объявленных контрреволюционерами <...> Большевики отменили даже наиболее примитивные формы правосудия. Тысячи мужчин и женщин были расстреляны даже без посмеша над судом. Тысячи брошены гнить в тюрьмах в условиях, сравнения для которых могут быть найдены только в мрачнейших летописях индийской или китайской истории. Большевики установили варварские пытки. Допрос заключенных часто производится с револьвером, приставленным к голове несчастного узника. Большевики установили одиозную практику взятия заложников. Хуже того, они быют по своим противникам через членов их семьи — женщин. До недавнего времени в Петрограде печатался длинный список заложников. Большевики захватили жён тех людей, которых они не могли найти, и бросили женщин в тюрьму до тех пор, пока не явятся и не сдадутся мужья. Большевики, разрушившие русскую армию <...> насилием мобилизовали офицеров, не разделявших большевистских взглядов, но чьи специальные знания были необходимы, и угрозой рас-

стрела на месте заставили их сражаться против соотечественников в гражданской войне беспрецедентного ужаса. Открыто высказываемая амбиция Ленина — зажечь гражданскую войну по всей Европе. Каждая речь Ленина отвержение конституционных методов и прославление доктрины физического насилия. Имея в виду такие цели, Ленин проводит систематическое уничтожение казнями и организованным голодом любой формы оппозиции большевизму. Система «террора» направлена главным образом на либералов, меньшевистских социалистов, которых Ленин считает наиболее опасными оппонентами. Чтобы поддерживать свою популярность среди рабочих и среди своих наёмников, большевики платят поддерживающим их огромные зарплаты посредством бесконтрольного выпуска бумажных денег. Деньги в России сегодня практически утратили всякую прежнюю ценность. Даже по собственным данным большевиков, их годовые расходы превышают доходы на миллиарды рублей. Таковы факты, которым большевики могут пытаться искать оправдания, но которые они не могут опровергнуть. Искренне ваш, Р.Г. Локкарт». Тот имел большие планы.

В планы Локкарта входило вступить в сделку с самим Троцким, создать в большевистской партии «блок священной войны» и, получив поддержку от союзников, отстранить Ленина от власти. В книге «Английский агент» Локкарт рассказывал, как он установил с Троцким связь после возвращения того из Брест-Литовска. Во время аудиенции в Смольном он внимательно слушал речи лидеров большевиков. Тогда же записал и впечатления о Троцком: «Помоему, это человек, который с радостью отдал бы жизнь в борьбе за Россию, если бы достаточно зрителей любовалось им в эту минуту». Впоследствии признался, что «мечтал устроить вместе с Троцким грандиозный путч». Хотя признал: Троцкий был так же не способен равняться с Лениным, «как блоха со слоном». На допросах в ВЧК начальник британской миссии не отличался ни скромностью, ни молчаливостью. И все же словоохотливый «дипломат» ни словом не обмолвился о той роли, которую играли лидеры эсеров в подготовке захвата Кремля, ареста членов Совнаркома и физического уничтожения Ленина.

Брюс Локкарт — британский консул

В конце ноября—начале декабря 1918 г. состоялся судебный процесс по делу Локкарта. Перед трибуналом предстали 24 обвиняемых, из них четверых — Локкарта, Гренара, Сиднея Рейли, Генриха (Анри) Вертимона — судили заочно (Рейли и Вертимон скрылись, Локкарту и Гренару разрешили вернуться на родину). В центре процесса была фигура американского шпиона Ксенофонта Каламатяно. Он собирал шпионские сведения через агентуру, состоявшую из завербованных русских граждан. Каламатяно утверждал, что действовал не как шпион, но в интересах американских коммерческих фирм, которых интересовало политико-экономическое положение Советской России. Но государственный обвинитель Н.В. Крыленко резонно спросил его на суде: «Какое же отношение к торговым делам имеет сообщение агента №12 (подполковника Голицына. — Д.Г.) о количестве винтовок и пулемётов, вырабатываемых на тульских заводах, а также сведения о формировании Красной Армии?» Агенты американского шпиона признали, что за вознаграждение собирали сведения в пользу разведки США. Один из них, журналист Д.А. Ишевский (как и многие из нынешних членов «пятой колонны» в России) даже возмутился, что ему так мало платят: «И за всё — 600 рублей и «уходи вон!». Нет, к своим секретным агентам другие государства так не относятся, и в полном сознании своей моральной правоты... я требую восстановления справедливости. Я своё требование — получить 4500 рублей — готов поддержать имеющимися в моём распоряжении средствами». Иудам всегда маловато их 30 сребреников.

Чекист Тойво Вяях. 20-е годы

Важным следствием разгрома сил левых эсеров стала: во-первых, большая консолидация народных масс вокруг большевиков, во-вторых, отход от эсеров большей части крестьян, недавно ещё бывших их опорой в трудовых массах, в-третьих, переход «на сторону советской власти» наиболее толковых сторонников эсеров. Среди таковых был и П.А. Сорокин, приват-доцент Петербургского университета и Психоневрологического института, в прошлом один из лидеров эсеров, бывший секретарь Керенского и сам член Учредительного собрания.

Учёный и политик поместил в «Правде» письмо, где заявлял о своём выходе из партии правых эсеров и сложении с себя звания члена Учредительного собрания. Ленин откликнулся на него специальной статьей, где охарактеризовал признания Сорокина как интересный и ценный «человеческий документ». Это признание тем важнее, что политическое значение письма было «чрезвычайно велико», так как оно могло принести пользу многим людям, ко-

Заседание Совнаркома в Смольном. 30 января 1918 г.

торые поймут ошибки своих партий, имевших в своё время «влияние на массы». Многие всё ещё колебались между буржуазией и пролетариатом. Сорокин же — представитель «чрезвычайно широкого общественного и политического движения, меньшевистско-эсеровского». И то, что он признавал свою ошибку, по мнению вождя, очень важно, ибо это «признак поворота целого класса». Впрочем, до «поворота целого класса» в сторону Советской власти, конечно, было далеко, что и показали вскоре события.

Глава 8. Покушение на В.И. Ленина. Кто готов был примерить «корону» России?

Попытки убить Ленина предпринимались неоднократно. Вообще убийство лидера нации (императора, царя, короля, президента) явление экстремально-экстраординарное, хотя не столь уж редкое в истории (даже в условиях демократии; вспомним хотя бы случаи убийства президентов в США). К не-

му прибегают с абсолютно понятной целью — сменить главу государства, цезаря, императора, президента и тем самым, возможно, изменить весь ход истории! Известно, что убийство Цезаря ускорило процесс движения Рима в сторону авторитаризма. Убийство президента Соединенных Штатов Америки А. Линкольна поставило на какое-то время крест на демократизации Америки. Убийство Столыпина обезглавило наиболее умную и волевую часть разумно-консервативной власти в России. Убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараево явилось толчком к мировой войне. И вот 30 августа 1918 г. эсерка Ф. Каплан стреляет в Ленина. Вероятнее всего, стреляла всё же не она, а другой террорист, ибо первый вопрос Ленина после покушения звучал так: «Поймали его или нет?» Второго задержанного, Протопопова, расстреляли сразу, до Каплан. Да и пуля, которую немецкий проф. Борхардт извлек из шеи Ленина в 1922 г., была не того револьвера, что нашли на месте покушения (причем орудие покушения рабочие почему-то «нашли» через 4 дня). Важнее другое. По мысли заговорщиков, смерть вождя революции должна была обезглавить власть, или же, что гораздо правдоподобнее, привести к замене одного лидера России на другого. На то, что это был заговор, а не случайность, не акт одиночки, указывает многое.

Подобраться же к вождю, пожалуй, особого труда не составляло... Участник событий тех лет (М. Коган-Берштейн) писал: «Ты и представить себе не можешь, где я пишу (письмо к жене. — *Ред.*): в Кремле, в галерее Александра II, на перилах... По дороге встретил лицом к лицу на тротуаре Ленина. Он скосил на меня глаза и сжал губы. Старенькое пальтецо и потёртая шляпа. Совершенно один идёт, без всякой охраны. Впереди и сзади на несколько десятков шагов — никого... Поверишь ли, у меня сжалось сердце... Представь себе, если бы это был не я, а кто-нибудь другой, ведь в Кремль и «обозревателей» пускают... Моё глубокое убеждение, что он — величайший русский революционер и, может, единственный человек в России с ясным умом и твёрдым характером, идущий навстречу гибели всего». Тогда же эсером Л. Канегиссером был убит и глава Петроградской ЧК М.С. Урицкий. Эти скоординированные действия и породили начало кампании террора.

**Вл. Серов. Выступление Ленина
на Путиловском заводе. 12 мая 1917 г.**

Причина, толкнувшая эсеров на путь ожесточенной борьбы с большевиками — идейная непримиримость с их курсом, целями и планами. Идеи же эсеров, окажись те всё же у власти, скорее всего, завели бы Россию в тупик. И, вероятно, следует согласиться с мнением Н. Ерофеева, объяснившего причину провала эсеровской доктрины и победы большевиков различиями в подходе к модернизации страны. Эсеры были непригодны как власть в деле преобразования России путём модернизации. Причина проста... «Эсеровская идеология была аграрной утопией, в то время как урбанистическая программа большевиков реально соответствовала решению главной задачи страны — модернизации, суть которой составляла индустриализация». Любопытно, что это признаёт ныне и А.С. Сеньявский: «Эсеровская идеология была наиболее адекватна настроениям подавляющей части населения страны и могла привести исповедующие её политические силы к власти, но была абсолютно не способна стать основой столь необходимого стране модернизационного рывка». Та может быть адекватна настроениям большинства крестьян. Но победа большевиков давала надежду всей стране.

Противоречия между эсерами и большевиками (идейно-политические, властные, психологические) были достаточно сильны, чтобы можно было их сбросить со счётов.

Разумеется, те обострялись ещё более в пору неудач большевиков; особенно когда их власть висела буквально на волоске. Такая ситуация складывалась в 1918 и в 1919 годах. Летом 1918 г. видим обострение борьбы против большевиков на всех фронтах. Летом 1919 г. поднимается волна крестьянских восстаний и развёртывается наступление Деникина, поддержанное Антантой. Во многих антибольшевистских акциях принимали участие и эсеры (левые и правые). В докладе члена коллегии ВЧК В.Н. Манцева на заседании МК РКП(б) говорилось: «В ночь на 23 мая 1919 г.

МЧК накрыла нелегальную типографию Партии левых эсеров, обнаружила (там) большое количество листовок и воззваний, где рабочие и крестьяне призывались к поддержанию (атамана) Григорьева и к свержению насильников-большевиков. Кроме того, в ВЧК и МЧК имеются сведения, что эсерами готовятся ряд террористических актов, покушения на Ленина, Троцкого и др. Террор готовится и финансируется также за границей... Статьи левых эсеров наводят на мысль, что у них есть люди, подкупленные Антантой. Ряд видных работников — левых эсеров — по слухам, работают в штабах добровольческих атаманов, есть они в штабе атамана Махно. К довершению всего на фронте у нас неблагополучно. Взят Псков, тревожно на Юге. Всё это заставляет МЧК снова обратить особое внимание на борьбу с контрреволюцией...» Хотя и среди эсеров были и люди, которые искренне противились и возмущались заговорщицкой тактикой вождей. Видимо, многие из числа честных эсеров отдавали себе отчёт в значении личности вождя для судеб России и революции. Например, в стенограмме революционного трибунала дано такое признание эсера-рабочего Усова: «В пятницу — это, стало быть, за неделю до ранения Ленина — мы отправились для исполнения террористического акта. В буфете, в ожидании митинга, сидя за чаем, я со

многими рабочими познакомился и вступил в споры по политическим вопросам. Нам это было категорически запрещено, но я нарушил запрет. Тема, обсуждавшаяся рабочими, была самой жгучей темой для меня: о власти и полномочиях Учредительного собрания, о власти и полномочиях Советов. Мне хотелось разобраться — где правда? На стороне Учредительного собрания? Прослушав речь Ленина, я понял — на стороне Советов. За них стояли все рабочие. Мне стало понятно, почему с такой легкостью было разогнано Учредительное собрание. В нем за эсеров голосовали такие элементы, которые не носили в себе духа революции и которые не могли творить революции. Учредительное собрание было отвергнуто народом и уступило свое место Советам...» Усов не выстрелил в Ленина. Не оправдал эсеровских надежд. Рабочая рука Константина Усова не поднялась. Пальцы отказались нажать на спусковой крючок револьвера... Сын рабочего К. Усов просто не верил, что, убив Ленина, совершит «святое» дело во имя революции. И далее он, по его словам, так объяснил свой отказ:

— Поймите, — отвечал Усов боевикам-эсерам, — убить царского генерал-губернатора или министра — это одно. Совсем другое — идти с отравленными пулями против Ленина. Здесь тебя ждет уже не благодарность, а проклятие всего мира. Не отрицаю — я дрогнул. Дрогнул перед собственной рабочей совестью.

— Ты просто испугался, Костя, — вспыхнула Коноплева, — выветрился из тебя эсеровский боевой дух на большевистском митинге.

— Не перебивай, — бросил Усов. — Нутром чую, что убийство Ленина — дело не святое... Раньше царских тиранов и деспотов убивали. А Ленин — разве он тиран? Он социалист, как и мы, только по-иному Россию перекраивает. В интересах рабочего класса и трудового крестьянства. Вырвать Бога у тысяч рабочих я не решился. —

Кроме Коноплевой, Каплан и Новикова никто из боевиков не осудил Усова за отказ стрелять в Ленина. Все молчали». Эти его показания затем часто оспаривала буржуазная печать, но, учитывая отношение к Ленину трудовых масс России, нам они представляются довольно правдоподобными.

В истории покушения на В.И. Ленина имеется немало таинственных деталей... Тут и отсутствие охраны у вождя в день, когда уже известно об убийстве С. Урицкого, и отъезд в Петроград Ф. Дзержинского (причём, именно по настойчивой личной просьбе Зиновьева к Ленину — послать в Питер «железного Феликса», убравшая его в тот день из Москвы), и «директива» Свердлова Ленину обязательно поехать на пятничный митинг, хотя уже было известно об убийстве Урицкого и Ленин готов был отказаться от выступления, и то, что эта «путёвка в смерть» (без права отказа) была передана ему секретарём МК В. Загорским,

закадычным другом Я. Свердлова (обычно Свердлов сам же распределял эти путёвки по адресам митинга), и то, что выступавший на том митинге «левый» коммунист Осинский (Оболенский) уехал за полчаса до роковых выстрелов, и то, что сообщение о покушении на Ленина Яков Свердлов подписал в 10.40 вечера (т.е. тогда, когда Ленин еще выступал на заводе Михельсона, куда приехал около 10 вечера, весь митинг длился около часа).

Покушение на В.И. Ленина

Свердлов пишет: «Несколько часов тому назад совершенно злодейское покушение на тов. Ленина». Выходило, что он знал о готовившемся покушении заранее? В эту кампанию заговорщиков некоторые причисляют Троцкого. На допросе 26 января 1938 г. подсудимый Раковский прямо скажет: «Троцкий организовал при помощи своих друзей покушение Каплан на Ленина». Как увидим, не без оснований. Одно ясно: удайся покушение — и кто знает, как бы повернулась история России, и долго ли продержалась бы Советская власть. Выстрел в Ленина, по нашему убеждению, и так явился страшным ударом для советской страны. С тех пор Ленин уже не мог думать и работать в полную мощь. Обострились разногласия и властные склоки и интриги в правительстве. Началась тайная, а затем уже и открытая драка за место «красного царя». Исчез единственный, непрерываемый революционный авторитет, который ранее умел всех как-то объединять и примирять.

В этой связи иные историки даже заговорили о причастности Дзержинского и Свердлова в покушении на Ленина. Так, К. Морозов пишет: «А не было ли это покушение продуктом кремлёвского заговора? Заговора части большевистского руководства (Я.М. Свердлова, Ф.Э. Дзержинского) против Ленина, использовавшего в своих целях отряд эсера-боевика Семёнова? Впрочем, сама мысль о том, что Свердлов и Дзержинский могут договориться об убийстве Ленина, игнорирует всё, что мы знаем о пси-

хологии революционной (пусть и начавшей, но ведь только начавшей, перерождаться и мутировать) большевистской среды в 1918 г., а также Свердлова и Дзержинского. Ведь само появление версии «кремлёвского заговора» в начале 90-х годов в высшей степени симптоматично. Рубеж 80—90-х годов XX в. — это время, когда шокированное открывшимися тайнами и преступлениями, в которые совсем недавно никто и поверить не мог, общественное мнение и даже часть историков стали впадать в настоящий антиисторизм, искренне не понимая, что если Сталин мог «поступить так некрасиво» с Кировым в 1934 г., то почему же Свердлов с Дзержинским не могли «поступить так же некрасиво» в 1918 г. с Лениным?» Проф. А.Л. Литвин («Фанни Каплан, или кто стрелял в Ленина?») в развёрнутой форме, на основании следственного дела Ф. Каплан из ЦА ФСБ РФ, изложил версию о возможной причастности к покушению на В.И. Ленина Я.М. Свердлова и Ф.Э. Дзержинского: «Одновременно стала набирать аргументы и другая версия: организаторами покушения были председатель ВЦИК Свердлов и председатель ВЧК Дзержинский. Ведь к лету 1918 г. в руках у Свердлова сосредоточилась вся партийная и советская власть. По его настоянию 19 мая заслушали и сообщение Дзержинского о необходимости дать в ЧК ответственных товарищей, «могущих заменить его».

То, что Дзержинский был вместе с Бухариным при обсуждении мирного договора с Германией, а позже вместе со Сталиным выступал против ленинской позиции о Грузии, ни о чём не говорит. Его объединение со Свердловым в деле перераспределения власти мало вероятно, как и, полагаю, кошунственная мысль о покушении на Ленина и Урицкого. Может, Дзержинский использовал эсеров во внутрибольшевистской борьбе? Профессор А.Л. Литвин в одном из интервью утверждал: «Нарком печати Володарский, известный рвением в закрытии газет, возвращается с митинга на автомобиле в сопро-

П. Белоусов. Ранение В.И. Ленина

вождении двух дам. Мотор внезапно глохнет. Именно в этом месте из засады появляется некто Сергеев, стреляет в Володарского и скрывается. Вопросы: был ли поиск террористов? Следствие? Суд, наконец? Никаких документов на этот счёт не сохранилось. Нам известно другое: письмо Ленина к Зиновьеву в ответ на убийство Володарского: «...Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что Вы... удержали. Протестую решительно!..» Это вынудило ВЧК на ответные меры.

По мнению многих исследователей, именно эти строки стали своеобразной прелюдией к красному террору. Или взять убийство Урицкого. На этот раз следствие... установило: на председателя Петроградской ЧК покушался поэт Л. Каннегиссер, близкий к кругу Гумилева, Ахматовой. Сюжет, не правда ли? Писатель Алданов посвятил ему целый сборник, вышедший в Париже. Установлены и мотивы покушения: месть за расстрел близкого друга, «идейные побуждения». А вслед за приговором по делу одиночки Каннегиссера по приказу ВЧК ликвидированы до 900 заложников...» Хотя иные полагают, что убийство Урицкого было, скорее всего, направлено против Троцкого, ведь убитый некогда был активным деятелем т. н. «межрайонной группы», во главе которой стоял Троцкий. Урицкий оставался членом троцкистской группы в руководстве. После провала мятежа левых эсеров его срочно откомандировали в Петроград, где он организовал захват местного комитета левых эсеров. При этом произошли довольно-таки крупные вооружённые столкновения — по свидетельству очевидцев, стрельба в северной столице продолжалась тогда весь день 10 июля 1918 г. Урицкий шлёт депешу в Москву, где требует ареста Филиппова, возможно, тайного агента Дзержинского. Филиппов был отпущен на свободу после того, как Феликс снова возглавил ВЧК. Убийство Урицкого было будто бы организовано самими чекистами, а эсер Каннегиссер, стрелявший в него, был лишь орудием. Всё это лишь версии и домыслы. Хотя факты ставят под сомнение и иные прежние «аксиомы». Выяснилось, что первые слова Ленина после покушения были «Его поймали?» Видимо, вождь имел в виду стрелявшего в него муж-

чину. Затерялась и таинственная фигура Я. Шмидмана, налетчика, затем чекиста, бывшего близким другом Каплан, который незадолго до покушения зачем-то приезжал к Свердлову, затем исчез. Выяснилось, что пули, которыми стреляли в Ленина, не были отравлены. 30 августа 1918 г., сразу же после выстрелов, вместе с Каплан арестовали и бывшего левого эсера, заместителя командира отряда ВЧК А. Протопопова. Той же ночью тот был расстрелян. Фанни Каплан — бывшая политкаторжанка, полуслепая больная женщина — в течение полугода сообщала знакомым о намерении убить Ленина «за измену социализму». Непонятно, почему не дали завершиться следствию, расстреляв её по личному указанию главы государства Свердлова. Организаторами покушения на Ленина были признаны руководители правоэсеровской боевой группы Г. Семенов и Л. Коноплева, исполнительницей — Ф. Каплан. Но и эта версия в последние годы подверглась критике со стороны историков и публицистов. Ведь первые очень легко отделались. Так, «глава заговора» Семёнов опубликовал разоблачительную брошюру об эсеровских бое-

Глава Петроградской ЧК —
М. Урицкий

виках, а его соратница, Л. Коноплева — целую серию статей в газетах о террористических актах, организованных эсерами. Эти публикации и стали затем основанием для возбуждения ГПУ уголовного дела против партии эсеров. Верховный ревтрибунал республики начинает против эсеров судебный процесс. На скамье подсудимых оказались тогда многие виднейшие деятели партии эсеров. Не будем забывать о том, что Боевая организация эсеров возглавлялась Г. Семёновым, который с 1918 года работал на ВЧК, о чём признались впоследствии и сами большевики в 1921 г. В дальнейшем тот же Семёнов будет выполнять секретную миссию в Китае, дослужится у красных до бригадного генерала.

Причину предполагаемой «инсценировки покушения» на Ленина, если таковое было, иные готовы объяснить тем, что положение большевиков становилось к тому времени критическим. Численность их партии уменьшилась до 150 тысяч человек (выборы в местные Советы в июне—августе 1918 г. уменьшили число большевиков в них по сравнению с мартом с 66% до 44,8%). Многочисленные крестьянские выступления и рабочие забастовки сотрясали страну, а военные неудачи делали вполне веро-

ятной возможность потери большевиками власти, а с нею и собственных жизней. «Собственно мы уже мертвы, но ещё нет никого, кто мог бы нас похоронить», — признался в разговоре с германским послом В. Мирбахом Троцкий. Необходимо было укрепить шаткие позиции советской власти. Во время судебного процесса по делу антисоветского правотроцкистского блока, 20 лет спустя, когда на скамье подсудимых оказались и вожди большевиков, Н.И. Бухарину предъявят (среди прочих) и обвинение в намерении арестовать Ленина, с целью недопущения подписания мирного соглашения в Брест-Литовске. В последнем слове на суде Бухарин признавал факт своего разговора с представителями левых эсеров на тему ареста Ленина на 24 часа, но категорически отрицал наличие какого-либо знака равенства между насильственным арестом и якобы попыткой физического устранения вождя, то есть Ленина!

Автор книги «Грамматика ленинизма» Г. Нилов пришёл к заключению, что убийство Урицкого Л. Каннегисером, председателем Союза юнкеров-социалистов Петроградского военного округа, и покушение на жизнь Ленина, произошедшие в один день, положившие начало красному террору, якобы были организованы самой же ВЧК. Более того, оба эти происшествия были якобы санкционированы самим Владимиром Ильичом. Он полагал, что Ленин дал согласие имитировать покушение на себя, чтобы эти выстрелы в Москве и Петрограде создали впечатление начавшейся вражеской атаки и стали основанием для красного террора. Иначе, пишет этот сказочник, чем объяснить тот факт, что, оправившись от ранения, он согласился со странными результатами расследования, не назначил нового следствия, не выявил организаторов покушения и не покарал их? Ведь мягкотелостью по отношению к врагам Ленин, как говорят документы, не отличался. Покушение могло быть организовано и без ведома Ленина, но — с ведома ВЧК и его ближайшего окружения. Ленин был нужен своим соратникам живым, но зависимым и послушным, сознающим свою уязвимость. Их целью было — оттеснить со своего пути Л. Троцкого и В.И. Ленина.

И даже еврейский след, конечно, навряд ли может быть тут принят за основной.

Л. Каннегисер — убийца Урицкого

Убийца М.С. Урицкого, Каннегисер, сын известного инженера-механика, «самый петербургский петербуржец» (по выражению Г. Адамовича), заявил после убийства Моисея Урицкого и последовавшего ареста: «Я еврей. Я убил вампира-еврея, каплю за каплей пившего кровь русского народа. Я стремился показать русскому народу, что для нас Урицкий — не еврей. Он — отщепенец. Я убил его в надежде восстановить доброе имя русских евреев». Как бы там ни было, 5 сентября 1918 г. Свердлов сообщил, что жизнь Ильича спасена, а Совет Народных Комиссаров тут же принимает срочное постановление «О красном терроре». Но можно ли утверждать на основании сказанного, что эта версия высосана из пальца и родилась на пустом месте? Конечно, у нас нет прямых улик в причастности Троцкого, Свердлова, Зиновьева, Радека, Пятакова и К в заговоре против Ленина и ленинского ядра в партии, тем более об их участии в покушении на Ленина... Троцкий находился под Казанью, Сталин — в Царицыне, Артём (Сергеев) — на юге, Зиновьев — в Питере, куда и выехал Дзержинский в связи с убийством Урицкого. Но взглянем на факты с другой стороны... Кому это всё было выгодно? Прежде всего, Свердлову и Троцкому... То, что у этих господ были свои виды на власть, вряд ли у кого-либо вызывает сомнение. Троцкий давно считал себя гением и главным действующим лицом социалистической революции. В этом его поддерживали его сторонники. Так, Урицкий

говорил: «Вот пришла великая революция и чувствуется, что как ни велик Ленин, а рядом с гением Троцкого и тот начинает тускнеть». Троцкий держал в руках армию, Свердлов — партийный аппарат, Дзержинский — ВЧК. Кто организовал покушение на признанного вождя революции — об этом более всего могли бы поведать действия тех, кто руководил этими силами.

Свердлов в 1918 году занимал два важнейших поста — председателя ВЦИК Советов и секретаря ЦК РКП(б), что имело огромное значение. Будучи руководителем партийного аппарата, он и сам считал себя лидером всей партии. Сохранились документы, под которыми Свердлов прямо подписывается в качестве «председателя ЦК». Изучение партийных документов демонстрирует стремительное его возвышение и, соответственно, резкое ослабление позиций Ленина. Приведём цитату из исследования Ю. Фельштинского «Вожди в законе»: «Именно Свердлов зачитывает вместо Ленина на Московской общегородской партийной конференции 13 мая «Тезисы ЦК о современном политическом положении». В протоколе заседания ЦК от 18 мая Свердлов в списке присутствующих стоит на первом месте. Заседание ЦК от 19 мая — полный триумф Свердлова. Ему поручают абсолютно все партийные дела. Ленину на этом заседании дано лишь одно поручение. Проследить дальнейший рост влияния Свердлова... по протоколам ЦК не представляется возможным, так как протоколы за пе-

риод с 19 мая по 16 сентября 1918 года не обнаружены. Очевидно... потому, что в них в крайне невыгодном свете выглядела позиция Ленина. Об этом имеются лишь отрывочные сведения. 26 июня ЦК обсуждал вопрос о подготовке проекта конституции РСФСР для утверждения его на Пятом съезде Советов. ЦК признал работу по подготовке проекта неудовлетворительной». Ленин предложил

Троцкий — впереди Ленина

«снять этот вопрос с порядка дня съезда». Его поддержали. Свердлов настоял на том, чтобы «вопрос остался». Соперничество между советскими вождями обострялось.

В Ленина стреляли 30 августа 1918 г., а 2 сентября 1918 г. в срочном порядке принято Постановление ВЦИК, провозгласившее введение военной диктатуры и передачу всей власти в РСФСР в руки Реввоенсовета — во главе с «главнокомандующим» Л.Д. Троцким... Но ЦК РКП(б) никакого решения на сей счёт не принимал. Свердлов, сосредоточивший в то время в руках практически все высшие партийные должности страны (и заметим, единолично!), назвал кандидатуру Троцкого и вызвал из Свияжска срочной телеграммой своего собрата по крови. Власть в России оказывалась в руках двух еврейских «бонапартов» — Свердлова и Троцкого. Вспомним: именно Троцкий фактически возглавил Петроградский Совет рабочих и крестьянских депутатов накануне Октябрьской революции. Он и тогда был уже близок к вершине власти.

Рассказывают, что между ними были слышны такие речи. Ленин говорил: «Вам, Лев Давидович, Вы берите пост председателя Совнаркома. Вы же захватили власть, Вы были руководителем восстания, Петросовет взял власть в свои руки. Военно-революционный комитет Петросовета руководил восстанием», — скромно умалчивая о своих заслугах. А Лев Давидович (скромненько так) ему отвечал: «Нет, Владимир Ильич, Вы вождь партии — Вы должны быть председателем». Однако всё это так сказать типичные игры бюрократии в политес...

Вождь должен быть один... Любопытная зарисовка сделана и меньшевиком Ф. Даном во время советско-польской кампании в Минске, в общении с офицерами Красной Армии: «Раз пришлось даже услышать из уст одного молодчика мнение, что «совсем бы Троцкий хорош в диктаторы, да жаль — жид!» И далее Дан заключает: «невольно приходило на ум, что это — готовый штаб будущего бонапартизма». Если мы будем следовать строгим фактам и проанализируем реальное соотношение сил, непременно придём к следующим выводам. 1. Создание Реввоенсовета Республики (РВСР) означало поступление в его распоряжение всех сил и средств РСФСР, а Советская власть отныне становилась равно-

**Два еврейских «бонапарта» —
Л. Троцкий и Я. Свердлов**

сильной власти РВСР. Планировалось, что РВСР, где всем заправляли Свердлов и Троцкий, станет тем сверхмощным органом, который и установит в России иудейскую диктатуру. 2. Именно обеспечению власти

еврейских вождей и должна была послужить армией. Свердлов 1 августа 1918 г. прямо заявил, что «для окончательного установления железной диктатуры мы и создали регулярную армию». 3. Ранение, а ещё лучше и гибель Ленина развязали бы руки Свердлову и Троцкому для их окончательного воцарения в России. Вся власть к лету 1918 г. фактически стекалась в руки иудейского дуумвирата. По словам Литвина, осталось отстранить раненого Ленина от власти окончательно, потому возможен был вариант его «почётного ухода из жизни смертью Марата». 4. Не столько руководство мировой революцией, сколь захват и подчинение России было главной целью этих господ... Историк пишет: «Троцкий и Свердлов фактически получили возможность править, прикрываясь чрезвычайным советом как ширмой... С сентября 1918 г. влияние Троцкого в партии фактически стало конурировать с влиянием Ленина. Но выздоровление Ленина свело на нет все замыслы двух большевистских лидеров». Это не входило в планы заговорщиков. Случилось, как случилось. Хотя Ленин прекрасно понимал, сколь высоки ставки.

Вероятно, что так оно и было. Кто-то из них и должен был стать первым коронованным царем иудейским новой России! Но и Свердлов, которого называют организационным гением аппаратной игры, примерял

на себя корону Моисея, мечтая о том, как он поведёт это стадо людское... «Видите ныне, что Я, Я — и нет Бога кроме меня. Я умерщвляю и оживляю. Я поражаю, и Я исцеляю, и никто не избавит от руки Моей» (Втор. 32.34). Глава ВЦИКа уж и ходил как-то иначе. Н.К. Крупская вспоминает, что вид у Свердлова был «какой-то серьезный и решительный». Та решила, было, что «всё кончено». К.Т. Свердлова сообщает, что Свердлов казался «ещё твёрже, ещё решительнее и собраннее, чем всегда». Вон и Лев Троцкий в статье «Памяти Свердлова» говорил о председателе ВЦИК Свердлове как-то особенно уважительно, отмечая поведение в те дни «нового вождя»: «Ответственность его работы и его роли в эти дни повысилась во много раз. В его нервной фигуре чувствовалось высшее напряжение. Но это нервное напряжение означало только повышенную бдительность...». И сказал Бонч-Бруевичу: «Владимир Дмитриевич, и без Владимира Ильича справляемся». Конечно, этого недостаточно, чтобы на основании строить «смелые» предположения. Но это явно означало, что Свердлов фактически забирал в руки власть, сосредотачивая все важнейшие рычаги управления — руководство Совнаркомом, ЦК партии и ВЦИК Советов... Он же поспешил занять и рабочий кабинет Ленина, уверяя всех, что у него якобы «с Ильичем всё сговорено». Вскоре

Л.Д.Троцкий (Бронштейн)

Большая корона Российской империи

Свердлов замуровал В.И. Ленина в Горках, как король Людовик конкурента, «железную маску» в Бастилии. Дзержинский, возможно догадывался, что в Кремле началась безжалостная битва за пост «протектора». Я. Свердлов, чтобы тот не мешал, усил его в Швейцарию. Во время их поездки в Горки, где находился Ленин, Троцкий и Свердлов испытывали «настроение крепости и уверенности», «подмывающей уверенности: «справимся!» Это при живом вожде революции. Тем не менее, как считает В. Шамбаров, захватив власть, Свердлов с Дзержинским стали бы проводить левацкую политику. «Как бы то ни было, покушение на Ленина дало толчок к безудержной мифологизации образа вождя, развязало руки ЧК для легализации красного террора и установления диктатуры насилия. Только с сентября 1918 года по октябрь 1919 года были истреблены 1,3 млн человек. Такова цена одного выстрела и безумной идеи железной рукой загнать человечество в счастье». Гипотеза правдоподобна, но не имеет ничего общего с реальностью. Так недолго заявить, что Ленин сам устроил покушение на себя. Кстати, на один из ключевых вопросов — зачем это Свердлову понадобилось забирать Каплан из ВЧК и в спешном порядке её тут же убивать, не выяснив «Кто заказчик?», до сих пор нет ответа. А ведь это, по сути, вопрос вопросов! Странен не столько скорый расстрел, но сама личность «террористки». Полуслепую женщину (ослепла после взрыва бомбы в её комнате), которая и в двух шагах-то ничего не видела, послали на столь важное дело асы террора, эсеры. Попытки ввести в 2008 г. в оборот фальшивку, в которой Каплан будто бы признавалась, что она стреляла в Ленина потому, что тот якобы в молодости изнасиловал её мать, и она решила отомстить своему отцу, не заслуживают внимания «...Я, Софья Владимировна Капель, 1891 года рождения, содержащаяся в учреждении N, будучи в здравом уме, заявляю, что в действительности являюсь Фанни Каплан. В августе 1918 года я действительно одна, без помощников, совершила покушение на Владимира Ульянова. Теракт, не имевший никакого отношения ни к эсерам, ни к политике вообще, осуществлён по единственной причине: я получила доказательство того, что имя человека, грязно из-

насиловавшего на явочной квартире мою мать и которому я обязана появлением на свет, Владимир Ильич Ульянов». Савинков писал: «Не мы, русские, подняли руку на Ленина, а еврейка Каплан; не мы, русские, убили Урицкого, а еврей Каннегиссер. Не следует забывать об этом». Еврейский след очевиден. Казалось, можно бы и ставить точку. Но вопросы о главных заказчиках покушения на жизнь вождя остаются. Г. Нилов резонно заметил: «Если организаторы преступления его же расследуют, то совсем не удивительны молниеносность следствия и отсутствие судебного разбирательства. По той же причине не вызывает удивления и поспешный расстрел преступников». Значит, кому-то, кто держал все нити событий в Кремле и большевистском руководстве (Сталин в те дни был в Царицыне), было выгодно такое развитие событий, т.е. быстрая ликвидация всех свидетелей. О расстреле Каплан первой сообщила газета «Известия ВЦИК» за 4 сентября 1918 г.: «Вчера по постановлению ВЧК расстреляна стрелявшая в товарища Ленина правая эсерка Фанни Ройдман/Каплан/». Произошло это так. Каплан повернулась лицом к конвою. Комендант Кремля Мальков посмотрел на часы, затем

Фаина Каплан

на террористку и сказал: «По постановлению ВЧК вы приговорены к высшей мере наказания». Было 4 часа дня 3 сентября 1918 года... Он же писал: «Судорожно передёрнув плечами, Фанни Каплан сделала один шаг, другой. Я поднял пистолет. Возмездие свершилось. Приговор был исполнен. Исполнил его я, член партии большевиков, матрос Балтийского флота, комендант Московского Кремля Павел Дмитриевич Мальков, — собственноручно. И если бы история повторилась, если бы вновь перед дулом моего пистолета оказалась тварь, поднявшая руку на Ильича, моя рука не дрогнула бы, спуская курок, как не дрогнула она тогда...» Возникло затруднение с захоронением трупа Каплан, но и его быстро разрешил глава ВЦИК Свердлов. Он сказал: «Хоронить Каплан не будем. Останки уничтожить без следа». И уничтожили... Писатель Ю. Давыдов утверждает, что труп Каплан был облит бензином и сожжён в железной бочке в Александровском саду. «Кремацию» проводил комендант Кремля П.Д. Мальков. Помогал ему пролетарский поэт Д. Бедный, впрочем, сразу же упавший в обморок, когда труп затолкали в бочку, облили бензином и подожгли. «Оба, кажись, не инородцы, — пишет Давы-

дов. — А куда было податься коменданту, ежели еврей Свердлов не хотел осквернить нашу землю погребением еврейки Каплан?»

В. Шамбаров говорит, что при написании им книги «Государство и революции» подбирались факты, указывающие на то, что самый вероятный организатор покушения — Свердлов. Хотя глубинные мотивы в тот момент ему были не ясны, он предположил, что Свердловым руководили соображения личной карьеры. А новые доказательства он нашёл, работая над книгой «Оккультные корни Октябрьской революции». Этот махровый оккультист, адепт тайных магических учений — Яков Свердлов — был давно связан с зарубежными антироссийскими кругами. Сама революция в России инициировалась «мировой закулисой» — банкирами и правительствами западных держав, в первую очередь США и Англии. Их главными эмиссарами в советской верхушке и были братья Свердловы и Троцкий. Зимой 1917/1918 г. в Советской России были сформированы неофициальные представительства стран Антанты, США — во главе с полковником Робинсом, британское — с Локкартом, французское — его возглавил капитан Садуль. Они тесно контактировали с Троцким, помогали ему, через него шло финансирование революции американскими банкирами. А личным представителем Вайсмана в России стал С. Розенблюм, он же Сидней Рейли, прекрасно знавший Троцкого — до службы в британской разведке Рейли был сотрудником дядюшки Троцкого, банкира Животовского. Свердлов во всех вопросах безоговорочно поддерживал Ленина, завоевав репутацию «твёрдого ленинца». Но он был связан с теми же силами, что и Троцкий (контакты с масоном и одним из крупнейших банкиров США Я. Шиффом). Брат Свердлова Вениамин долго жил в Америке, имел банковскую контору в Нью-Йорке, через которую под видом переводов поступали деньги большевикам. После революции вернулся в Россию, Яков устроил его в правительство заместителем наркома. А закадычным другом В. Свердлова был Сидней Рейли, в Нью-Йорке их конторы располагались по одному адресу, Бродвей-120, в соседних кабинетах. Стоит ли удивляться, что Свердлов, изображая «верность Ленину», подыгрывал спецслужбам Англии и США? Сталин же покончит с сионистской бандой.

П.Д. Мальков — комендант Кремля

Свердлов — новый диктатор?

Упомянем ряд фактов довольно странных... Данные о подготовке покушения стали поступать в ВЧК ещё задолго до 30 августа. На след Рейли вышла контрразведка Красного Флота во главе с лейтенантом Абрамовичем, а Дзержинский сумел внедрить в сеть Локкарта-Рейли нескольких своих агентов. В заговоре Локкарта о свержении советской власти речь не шла, свергать её западные державы якобы не собирались. Говорилось лишь об убийстве Ленина и «замене правительства», т.е. о вершущем перевороте. 24 августа 1918 г. в генконсульстве США в Москве состоялось секретное совещание с участием генконсулов Америки, Англии и Франции — Пуля, Локкарта и Гренара. А через 6 дней раздались выстрелы на заводе Михельсона.

Дзержинский, который давно держал сеть заговорщиков («под коллаком»), нанёс немедленный контрудар. В ночь на 1 сентября ВЧК произвела аресты по выявленным адресам. Была разгромлена вся сеть в Москве и Питере, захвачено больше сотни агентов и связанных с ними лиц. Только в здании британского посольства арестовано около 40 заговорщиков. Шпионам, осуществлявшим непосредственное руковод-

Держава Российской империи

ство операцией, Рейли и Вертимону, удалось бежать. Таким образом заговор врага был обезглавлен и на время парализован.

Ещё более знаменательны действия Свердлова в отношении Ленина после покушения... По настоянию Свердлова, Ленина посадят под «домашний арест» в Горках. И это понятно. Свердлов ни с кем делить власть не хотел. 1 апреля 1918 г. он сказал во ВЦИК: «Разделение власти законодательной и исполнительной не соответствует деятельности Советской республики. Совет Народных Комиссаров — это непосредственный орган власти как таковой: и законодательный, и исполнительный, и административный». Главное: СНК фактически был упразднён, а с этим таяла роль Ленина как вождя. Ленина упорно не выпускали из Горок, мотивируя сей отказ то заботой о его здоровье, то ремонтом его кабинета. Н. Костин писал: «После ранения эсеркой Каплан больной Ленин уехал в Горки. Вернулся в конце сентября 1918 г. Разобрался и увидел, что большая часть власти перекочевала из СНК в РВСР — к Троцкому. «На его личности замыкались: Главком Вооружённых Сил, Всеросглавштаб, Полевой штаб РВСР, Высшая военная инспекция,

Речь Ленина на похоронах Свердлова

Всероссийское бюро военных комиссаров». Безусловно, такая сосредоточенность власти в одних руках таила много опасностей.

Несколько дней вождь находился на грани жизни и смерти. Мы далеки от того, чтобы считать вопрос о смерти Ленина величайшей государственной тайной или же «отправным моментом советской истории». Однако это действительно во многом переломный момент. Буквально через несколько месяцев Ленину всё же удастся вернуться в Кремль. Вскоре он нанес ответный удар. Странная смерть постигла Я.М. Свердлов (от испанки). Ленин навестил его у постели, что было бы явно неосмотрительно, учитывая опасность заражения (если тот действительно болел). Потом даже произнёс пышную речь на похоронах. А «решительность и беспощадность Ленина не имела себе равных».

После выстрелов в Ленина страна пришла в невиданное возбуждение... Одни торжествовали. Другие были преисполнены горечи, тревоги, смятения и гнева. Пришедшее в ВЧК из города Нолинска Вятской губернии в 1918 г. письмо типично. Захолустный, можно сказать, городишко... Письмо за подписями руководителя районной организации РКП(б), председателя ЧК, уездного военкома и ещё нескольких человек. Но в нём гнев трудового народа по поводу «либеральничанья» советской власти и МИДа... Дело в том, что нарком иностранных дел Г.В. Чичерин потребовал освободить Локкарта и Хикса, арестованных заговорщиков, опасаясь возможных осложнений с пра-

вительством Англии. Вот как на это отреагировал народ: «Революция учит. Она показала нам, что во время бешеной гражданской войны нельзя миндальничать. На своей спине мы почувствовали, что значит отпускать на свободу Красновых, Колчаков, Алексеевых, Деникиных и К°. Мы увидели также на примере убийства Володарского, что значит благодушеествовать с «домашней» контрреволюцией. И мы объявили нашим массовым врагам террор, а после убийства товарища Урицкого и ранения нашего дорогого вождя тов. Ленина мы решили сделать этот террор не бумажным, а действительным. Во многих городах произошли после

этого массовые расстрелы заложников. И это хорошо. В таком деле половинчатость хуже всего, она озлобляет врага, не ослабив его». Авторы иронизируют по поводу того, что английскую контру отпустили, чуть пожурив. Локкарт (когда его роль выяснена) покинул «в большом смущении ВЧК». Ре-

А.Апсит. Обманутым братьям

волюционеры буквально издеваются над московскими чекистами, обвиняя их в «мещанской идеологии»: «Какая победа революции. Какой ужасный террор! Теперь-то мы можем быть уверены в том, что сволочь из английских и французских миссий перестанет устраивать заговоры...» Далее идут их требования: «Скажите, почему вы не подвергли этого самого Локкарта самым утонченным пыткам, чтобы получить сведения и адреса, которых такой гусь должен иметь очень много? Ведь этим вы могли бы с легкостью открыть целый ряд контрреволюционных организаций, может быть, даже уничтожить в дальнейшем возможность финансирования, что, безусловно, равносильно разгрому их; скажите, почему вы, вместо того чтобы подвергнуть его таким пыткам, от одного описания которых холод ужаса охватил бы контрреволюционеров, скажите, почему вы вместо этого позволили ему «покинуть» ВЧК в большом смущении? Или вы полагает, что подвергать человека ужасным пыткам более бесчеловечно, чем взрывать мосты и продовольственные склады с целью найти союзника в муках голода для свержения Советской власти?». Придя к власти в Самаре, Архангельске, в Сибири, на Украине, Кавказе, эсеры сбросили маску радетелей трудового народа, возвали к буржуазно-помещичьей реставрации. Власть их обернулась для народа разгулом белого террора, казнями, смертями. Народ требует от большевиков в ответ возмездия и расплаты.

Такие настроения не могли не найти отклика в решениях партии большевиков и Советской власти... Вот какая мизансцена разыгралась на Гороховой, в Петрограде, где помещалась Чрезвычайная комиссия. Она показывает настроение масс... В 1918 г. туда пришла жена великого князя Гавриила Романова хлопотать за своего мужа. В кабинете у Урицкого были её муж и ещё трое людей. Следует обмен репликами... «Что вы желаете от меня, сударыня? — задал ей вопрос Урицкий. — Ваш муж арестован и должен быть препровожден в тюрьму. — Я вытатила докторские свидетельства и показала ему. — Мне не нужны свидетельства. Я по лицу вашего мужа вижу, что он болен. — Какой ужас! — воскликнула я. — Вы видите, что он болен и, несмотря на это, сажаете его в тюрьму? За что? Ответьте мне! — За то, что он Романов. За то, что Романовы

в течение 300 лет грабили, убивали и насиловали народ, за то, что я ненавижу всех Романовых, ненавижу всю буржуазию и вычеркиваю их одним росчерком моего пера... Я презираю эту белую кость, как только возможно. Теперь наступил наш час, и мы вам мстим, и жестоко! — Позвольте, моему мужу всего тридцать лет, он не мог ни грабить, ни убивать. — А разве дети не ответственны за грехи родителей? Вы желаете, чтобы я освободил вашего мужа? Хорошо, я его освобожу. Но мы сейчас же вместе выйдем на площадь, и я объявляю народу, что я, Урицкий, освободил Романова, и вы увидите, что получится: толпа на месте растерзает вашего мужа. Вы этого хотите?» При некой театральности данной сцены глава питерского ЧК Урицкий в целом, похоже, был искренен, говоря чистую правду, выразив таким образом настроение большинства рабочих.

Массы с яростью требовали от власти раздавить «гадину контрреволюции»... Тогда весь трудовой народ России физически ощутил эту угрозу своему будущему. Письма рабочих и солдат Красной Армии Ленину поражают какой-то чистой, почти детской преданностью, любовью. «Рабочие Тульского оружейного завода просят и требуют, чтобы ты жил», — гласит письмо из Тулы... «Мы поднимем тебя, великий борец и вождь бедняков, скорее с постели, — писали делегаты пермского съезда трудовых коммун и комитетов бедноты. — Железное желание бедняков всего мира — вновь видеть своего Владимира Ильича в своих рядах». Успешное наступление Красной Армии на Восточном фронте позволило вскоре освободить и родной город Ильича — Симбирск... «Дорогой Владимир Ильич! — писали бойцы 1-й армии. — Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара». Он им отвечал: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы». И красный террор как ответ на белогвардейско-эсеровский террор под давлением трудящихся был принят. С мягкостью большевики покончили. Ответный удар был страшно жестоким. Один из чекистов, Петерс писал о начале красного террора: «Я помню расстрелянных в Мо-

В.И. Ленин после ранения руководит заседанием Совнаркома. 1918

скве в дни красного террора после покушения на Владимира Ильича: в числе расстрелянных был Белецкий, многие из царских министров и целый ряд других высоких сановников». Нынешние противники большевиков полны иронии, когда говорят о столь суровых мерах, и ехидничают, приводя слова Петерса, говорящего о 600 расстрелянных (большинство этих смертей пришлось на Ленинград). Но ведь вопрос-то стоял о жизни и смерти Советов и Буржуазии! Это ясно всем участникам развертывавшейся на полях России кровавой драмы. Идея о государстве-коммуне сгорела в огне Гражданской войны; единственной общей чертой Советской республики и Парижской Коммуны оставалось лишь осадное положение. Реалии гражданской войны и «военного коммунизма» глубоко видоизменили как партию, так и складывающуюся в стране политическую систему. Нормы партийной демократии 1917 г., как и почти либеральный и реформистский облик партии начала 1918 г., уступили дорогу безжалостному фа-

нализму, жестокой авторитарности и проникновению «милитаризации» во все сферы жизни. В жертву были принесены не только внутрипартийная демократия, свобода печати, но и децентрализованные формы народного контроля, созданные по всей стране — от местных Советов до фабричных комитетов. Большевики признавали, что не видят другой альтернативы, поскольку, как говорили тогда, «республика — есть военный лагерь». Былая терпимость советской власти к политическим противникам, имевшая место до изгнания других социалистических партий в июне 1918 г. и начала террора, последовавшего за убийством нескольких видных большевиков и покушения на жизнь В.И. Ленина 30 августа 1918 г., канула в лету... Бесчеловечный характер военных действий, уничтожение пленных, дичайшие зверства дерущихся сторон, вмешательство ведущих держав в дела России давали защищавшим народ большевикам право на ответный удар (С. Коэн). Ураган гражданской войны разметал последние клочки демократии. Репрессии ЧК и террор белых сделали из закона фикцию. Бухарин процитировал Сен-Жюста: «Нужно управлять железом, если нельзя управлять законом». В тех страшных условиях «железо», т.е. оружие стало, собственно, единственным работающим законом. Он же выступало и *lex fundamentalis et moralis* (основным моральным законом) в условиях жесточайшей Гражданской войны.

На Гражданскую войну

Часть вторая. Красные против белых: ход сражений Гражданской войны в России

Глава 9. Белое движение: его цели и задачи. Причины побед и поражений Белой армии

«Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-й, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская — вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс» — так начинается роман Булгакова «Белая Гвардия». Это был год начала Гражданской войны в России... Давая оцен-

ку этому событию, историк-академик Ю.А. Поляков характеризовал его как «явление феноменальное»: «Гражданская война в России являла сумму множества столкновений и сражений, мятежей и восстаний. Она была мультиочаговой, комплексной, т.е. имела самые различные слагаемые. По существу состояла из ряда больших и малых войн, являвшихся частью огромной, многокрасочной и многообразной картины. Порой различные направления тесно переплетались, порой были как бы обособленными и независимыми явлениями. Крестьяне восставали и против красных и против белых, местные правительства — национальные и региональные — создавали свои вооруженные силы, возникавшие национальные государственные образования вели борьбу против красных, против белых и между собой, сталкивались убеждения и предубеждения, вековые традиции и новейшие идеи, которые, едва появившись, уже овладевали массами». Этому сопутствовало многообразие форм борьбы: партизанские действия и в белом и в красном тылу, заговоры, военные мятежи, террористические акты и диверсии, огромное число разного рода банд, действия которых носили криминальный оттенок и, конечно же, терроризировали население. Главной доминантой была борьба армий: армий Советской республики и ее правительства, армий белогвардейцев и, конечно, армий интервентов... И каждая сторона спасала Россию.

Подробнее остановимся на формировании антикоммунистического блока. Большинство офицеров относилось к Временному правительству с неприкрытой ненавистью. Поэтому поддержки офицерства Временное правительство так и не получило. Характерен разговор между генералами В. Черемисовым и Я. Юзефовичем: «Пресловутый «комитет спасения революции», — говорил Черемисов, — принадлежит к партии, которая около восьми месяцев пра-

Формирование Белой армии

вила Россией и травила нас, командный состав, как контрреволюционеров, а теперь поджала хвосты, распустила слюни и требует от нас, чтобы мы спасли их. Картина безусловно возмутительная». Многие после низвержения временщиков даже испытывали чувство злорадства. Однако в целом офицерство выглядело дезорганизованным. Как отмечал А.И. Деникин: «События застали офицерство врасплох, неорганизованным, растерявшимся, не принявшим никаких мер даже для самосохранения — и распылили окончательно его силы». Всё же главной причиной полнейшей пассивности господ офицерства было не столько нежелание, сколь невозможность сопротивления. Генерал Н.Н. Головин объяснял это так: «Во-первых, офицерство было обезглавлено. Вожди, за которыми оно пошло бы с самоотвержением, были или арестованы, или удалены. Лица, поставленные им на замену, не только не пользовались уважением, но часто даже презирались. Во-вторых, офицеры, распыленные в толще армии, были бессильны что-либо сделать после неудачи корниловского выступления: солдатская масса видела в офицере... врага». В Петрограде военными руководителями отпора большевикам было проявлено очень мало активности, а офицеры, лояльные Временному правительству, были немногочисленны и не имели оружия. Ге-

нерал Алексеев 21 ноября писал: «Наличные офицеры, могшие принять участие в обороне Зимнего Дворца, остались без оружия, а в Москве не имелось достаточного количества патронов... В результате гибель лучшего элемента, гибель нерасчётливая и преступная». В Зимнем находились лишь 310 чел. 2-й Петергофской, 352 чел. 2-й Ораниенбаумской школ прапорщиков, рота юнкеров школы прапорщиков инженерных войск и юнкера школы прапорщиков Северного фронта, а также 50—60 случайных офицеров и женский батальон. Один из защитников дворца, поручик Синегуб, рисует в своих воспоминаниях поведение офицеров (во дворце и вне его), напоминающее «пир во время чумы». Конечно, на позиции офицерства оказала влияние и страшная судьба восставших юнкеров, в том числе юнкеров Владимирского военного училища, разгромленного артиллерией (погиб 71 человек, включая полковника Н.Н. Куропаткина и ранено 130), а также Павловского военного училища. О жутком конце Владимирского училища имеются и

Спасите нас! Плакат белых

свидетельства очевидцев: «С момента сдачи толпа вооруженных зверей с диким ревом ворвалась в училище и учинила кровавое побоище. Многие были заколоты штыками, — заколоты безоружные. Мёртвые подвергались издевательствам: у них отрубали головы, руки, ноги». В Петрограде повсюду избивали юнкеров, сбрасывали их с мостов в воду, в зловонные каналы. В боях под Пулковым 30 октября участвовало не более 100 офицеров. Несколько же офицеров казачьих войск и ударных батальонов, пытавшиеся поднять на борьбу свои части, были убиты солдатами. На следующий день была раскрыта антибольшевистская группа в Петроградской школе прапорщиков инженерных войск. В Петроградских газетах печатались случайные и неполные списки погибших в октябрьских боях, один из таких списков включал 23 имени убитых и раненых офицеров и юнкеров. В Москве, где Совет офицерских депутатов утром 27 октября организовал собрание офицеров-сторонников правительства и разработал план борьбы, сопротивление приняло более организованный характер и происходило успешнее. Оплотом его явились Александровское (куда собрались несколько десятков офицеров-добровольцев; из тысячи с небольшим защитников училища было 300 офицеров) и Алексеевское военные училища, три московских и Суворовский кадетские корпуса и московские шко-

лы прапорщиков. Среди наиболее активных руководителей были полковники Л.Н. Трескин, В.Ф. Рар, К.К. Дорофеев и К.К. Матвеев. Большевикам потребовалось несколько дней, чтобы сломить сопротивление отнюдь не кучки офицеров и юнкеров. В общей могиле на Братском кладбище было погребено 37 участников боев, погибло, в частности, 9 кадет 1-го Московского корпуса. Но и в Москве в борьбе приняли участие лишь несколько сот (не более 700) из находившихся тогда в городе десятков тысяч офицеров. Пострадала, впрочем, и часть тех, кто не принимал участия в боях; так, утром 28 октября при разгроме офицерского общежития 193-го запасного полка многие его офицеры были заколоты штыками. Некоторые из них были сразу отправлены в тюрьму, а аресты остальных начались на следующий день. Многие офицеры были расстреляны. В Киеве восстание большевиков 26 октября 1917 г. встретило сопротивление ударников и юнкеров Константиновского училища и 1-й Софийской школы прапорщиков. Особенно большие потери (40 юнкеров и 2 офицера были убиты, 60 и 2 — ранены) понесло 1-е Киевское Константиновское военное училище. Офицер-ударник вспоминал: «...Мы на Крещатике, идем в сторону Думы. По сторонам на столбах болтаются трупы повешенных юнкеров Константиновского и 1-й школы прапорщиков. Кругом выстрелы. Пулемётная

Юнкера на Арбатской площади. 1917 г.

очередь скосила у нас несколько человек». Но и здесь офицерство не было организовано и его сопротивление большевикам носило скорее всё же эпизодический характер. Так, один из офицеров приводит в своих воспоминаниях такой эпизод: «Войдя в Купеческий сад, я увидел цепь офицеров, лежавших на земле и стрелявших в неизвестного мне противника. Из чувства солидарности я присоединился к ним, не спрашивая, в чём дело. Взял винтовку у раненого офицера. Обстановка стала быстро ухудшаться. Раздался голос командира отряда: «Господа офицеры, спасайся, кто может!»... Я бросил винтовку и поспешил выйти из сада». Эти и другие приведённые нами факты взяты из книги С.В. Волкова «Трагедия русского офицерства». Они показывают со всей очевидностью, что даже у русского офицерства в целом отсутствовало глубокое желание защищать прежнюю власть, будь то царь, самодержавие или же Временное правительство. Например, характерным откликом на реакцию народа и офицеров стала получившая распространение среди офицеров песня «Молитва офицера», где были и такие вот строки:

На родину нашу нам нету дороги,
Народ наш на нас же, на нас же
восстал.
Для нас он воздвиг погребальные
дроги
И грязью нас всех закидал...

16 апреля 1917 г. Алексеев писал Гучкову: «Положение в армии с каждым днём ухудшается, поступающие со всех сторон сведения говорят, что армия идет к постепенному разложению». На совещании главнокомандующих в Ставке в Могилеве, анализируя события 20—21 апреля, он заявил, что «кровопролитие в Петрограде неизбежно». Алексеев был один из инициаторов создания «Союза офицеров армии и флота», сыгравшего решающую роль в подготовке корниловского выступления 17 мая. На 1-м съезде этого союза в Могилеве назвал «утопической фразой» программу «мира без аннексий и контрибуций», провозглашенную Временным правительством. Это выступление Алексеева вызвало протесты лидеров социалистических партий, входивших в правительство. 21 мая в теле

Генерал Алексеев в Ставке в 1916 г.

грамме военному министру А.Ф. Керенскому потребовал немедленно восстановить деятельность военных судов в войсках, приводить их приговоры в исполнение «без всяких смягчений и изъятий», расформирования полков, которые отказываются исполнять боевые распоряжения начальников. «Развал внутренний достиг крайних пределов, дальше идти некуда». В тот же день Алексеев был смещён с должности верховного главнокомандующего и назначен Керенским военным советником Временного правительства. Выступая 15 августа на заседании Государственного собрания в Москве, Алексеев говорил: «Армия полностью прикоснулась к политике. Она увлеклась митингами, она прикоснулась к желанию мира и к сохранению своей драгоценной жизни. Можно сказать, что с этого времени армия превратилась во всероссийский военный митинг, с участием немецких представителей. И в этих митингах умерла или заснула здоровая большая душа русского солдата». Поддержал он и программу «оздоровления армии», с которой

выступил на Государственном совещании генерал Л.Г. Корнилов. После провала корниловского выступления начальник штаба верховного главнокомандующего он же арестовал Корнилова с соратниками, хотя и отправил их в Быхов под охрану верных Корнилову войск. Отношение к корниловцам он высказал в письме в редакцию «Нового Времени» Б.А. Суворину: «Россия не имеет права допустить готовящегося в самом скором времени преступления по отношению её лучших, доблестных сынов и искусных генералов. Корнилов не покушался на государственный строй; он стремился, при содействии некоторых членов правительства, изменить состав последнего, подобрать людей честных, деятельных и энергичных. Это не измена родине, не мятеж...» После Октябрьской революции он бежал в Новочеркасск, где 2 ноября и приступил к созданию т.н. Алексеевской организации — добровольческого военного формирования из бежавших на Дон офицеров, юнкеров, студентов, кадетов, гимназистов старших классов и др. 25 декабря формирование получило наименование Добровольческой армии, Алексеев стал её верховным руководителем, а Корнилов её главнокомандующим. В воззвании, распространённом 27 декабря, Добровольческая армия обязывалась стоять на страже гражданской свободы, «в условиях которой хозяин земли русской, её народ, выявит через свободно избранное Учредительное Собрание державную волю свою». После гибели Корнилова Алексеев стал главой «Особого совещания» (так величали правительство территории, где существовала власть «белой», Добровольческой армии). Официальной датой возникновения Белого движения считается 2 ноября 1917 г. Генерал М.А. Алексеев, прибыв в Новочеркасск, приступил к формированию антибольшевистской армии (именно эта дата — на юбилейной медали, выпущенной в 1967 г. эмигрантским Обществом ревнителей русской военной старины к 50-летию начала Гражданской войны). Как отмечал А.И. Деникин, добровольческая армия желала опираться на государственно мыслящие круги населения и не могла «стать оружием какой-либо одной политической партии или организации», но опоры в народе не было.

Характерным же отличием гражданской войны в России было стремление к объе-

Ты вступил в Белую армию?

динению сил (как в том, так и в другом противоборствующем лагере). Большевики соединялись вокруг идеи коммуны. Они нашли и союзников, создав коалицию с левыми эсерами. Стремилось к объединению политических партий и сил и Белое движение. Возникает и ряд крупных общественно-политических организаций: «Союз возрождения России», «Совет государственного объединения России», «Национальный центр» и др. Первый действовал главным образом на востоке страны. Основным его вкладом стало создание центра «всероссийской власти» в лице уфимской Директории. С падением её «Союз» потерял политическое значение. «Национальный центр» и образованный в Киеве «Совет государственного объединения России» действовали в основном на юге. Они активно участвовали в управлении территориями, занимаемыми белыми армиями. Реальными выразителями идеологии и политики движения стали монархисты. В этом лагере выступали черносотенцы, бывшие октябристы, прогрессисты, правые кадеты. Существовали проме-

жуточные («переходные») течения. Такое расхождение во взглядах сказывалось на единстве и прочности организационной базы движения. А.И. Деникин писал, что направление деятельности отражало «глубокое расхождение не только в политических взглядах, но и социальное, партийное, моральное». На первом этапе — конец 1917 г. — начало 1918 г. — созданы две блоковые политические организации — «Правый центр», «Союз возрождения России». «Правый центр» создан был в Москве на основе Совещания общественных деятелей (СОД), созданного с августа 1917 г. во главе с М.М. Родзянко (сюда вошли представители законодательных палат, представители офицерства, духовенства, торгово-промышленных кругов). Тут чувствовалось влияние кадетов, меньше — октябристов. Реальными средствами политической борьбы СОД не обладал, сосредоточившись на составлении разных проектов. Среди руководства Правого центра известные лица: бывший царский министр земледелия А.В. Кривошеин (соратник Столыпина), член Государственного Совета В.И. Гурко, проф. П.И. Новгородцев и др. видные фигуры буржуазии.

Пестрый социальный состав участников способствовал разбросу взглядов и среди белых вождей: одни утверждали, что после прихода к власти и восстановления порядка проведут демократические выборы в Учредительное собрание, другие («правых-центровцы») открыто выступали против любого Учредительного собрания. Одни склонялись к неограниченной монархии, другие — к конституционной монархии и реформам. Казалось, монархисты и должны были стать крепкой и мощной основой антибольшевистского движения, ибо, пожалуй, преобладали в количественном отношении. Играя главную скрипку, они били себя в грудь, громкогласно заявляя о своей «русскости». Но именно они были наиболее враждебны народу. Эти циники «любили» свой народ, но лишь когда тот встречал его поклоном на полях их владений, в приходе поместий и дворцов. Этот тип и сегодня встречается среди «новой знати»... И. Солоневич писал об этой консервативной группе людей («условно монархической»). Хотя эта группа более всего и оперирует термином «русскости», но представляет со-

«Спасители» России

бой «слой, наиболее удаленный от интересов русского народа... Это — наибольшая количественно группа и самая слабая культурно. Она «признает» монархию и выполняет монархические обряды. Но если можно будет обойтись без монархии, — например, на путях военной диктатуры, — она постарается обойтись». Каждый из монархических кандидатов в «освободители России» претендовал на лидерство, и даже на диктаторскую власть среди остальных участников движения. Разница во взглядах и внешней ориентации антибольшевистских организаций не способствовала их сближению и привела к расколу. Они не могли договориться. В том нет ничего удивительного, если учесть, что на белом юге России одних правых партий было 19. По словам многих, «крайняя партийная нетерпимость, своего рода сектантство политических групп делали попытки по объединению общественных сил ...лишенными результата». Ахилесовой пятой белого движения было то, что все они уповали на помощь иностранцев. Некоторые члены «Центра» хотели восстановить монархию с помощью немцев.

Буржуазная нимфа

Кадеты («Союз возрождения России», — левые кадеты, энесы, частично правые эсеры) уповали на страны Антанты. «Союз» хотел создать Учредительное собрание и воссоздать Россию в границах до 1914 г. (но уже без Финляндии и Польши).

Идеологи «Белого дела» (В.В.Шульгин, Н.Н. Львов, П.Б.Струве и др.) стремились найти цементирующую идею, способную консолидировать силы противников большевиков. В их понимании таковой могла бы и должна была стать «национальная идея». В.В. Шульгин позже писал в «1920 году»: «Белая мысль победит во всяком случае...» В соответствии с этой идеей, все «государственно мыслящие элементы» должны были

бы объединиться для спасения «единой и неделимой России». Все участники Белого движения высказывались за сохранение верности историческим началам и за примат православия. Предусматривалась возможность установления военной диктатуры. После умиротворения страны Учредительное собрание (Земский собор или Национальное собрание) должно было сконструировать в России новый государственный строй. Таковы самые общие контуры «белой идеологии». Однако конечно не этими патетическими фразами вдохновлялись многие участники движения. Главное было иное. Они хотели вернуть себе то, что им принадлежало ранее, в царской или в буржуазной России. Хотя, скажем, Шульгин на одном из собраний Государственной Думы демагогически заявлял социалистам: «Мы предпочитаем быть нищими, но нищими в своей стране. Если вы можете нам сохранить эту страну и спасти её, раздевайте нас, мы об этом плакать не будем». На самом же деле все они сражались за сохранение своих имуществ и привилегий, а не за какую-то «великую Россию». Что ждало простой народ после победы белых? Мечту Шульгина, с его слов, описал С. Мельгунов: «Можно было раздавить бунт, ибо весь этот «революционный народ» думал только об одном, как бы не идти на фронт. Сражаться он бы не стал... Надо было бы сказать ему, что петроградский гарнизон распускается по домам... Надо было бы мерами

исключительной жестокости привести солдат к повиновению, выбросить весь сброд из Таврического дворца, восстановить обычный порядок жизни и поставить правительство не «доверием страны обремененное», а опирающееся на настоящую гвардию. Что такое «настоящая гвардия»? Это — корпус, назначение которого действовать «не против врагов внешних, а против врагов внутренних». Мельгунов приводит аргументы Шульгина типа: «Пускать гвардию на войну» нельзя; «Сражаться с врагом внешним можно до последнего солдата армии и до первого солдата гвардии»; «Революция неизмеримо хуже проигранной войны. Гвардию нужно беречь для единственной и почетной обязанности — бороться с революцией». Что значит «пускать гвардию на войну» нельзя? Что же мужик, чернь должны защищать «их Россию»? И что такое правительство, опирающееся на «настоящую гвардию»? То, что держит гвардию лишь «для единственной и почетной обязанности» — бороться с собственным народом, который в глазах господ является врагом внутренним, что гораздо страшнее внешнего?! По словам Шульгина, революция неизмеримо хуже, чем проигранная война. И это говорит один из главных идеологов Белого движения! Из приведенных фраз становится

В.В. Шульгин

А.М. Каледин и А.А. Брусилов

ясно: беспощадную и кровавую войну против своего народа начали именно буржуазия, помещики, казаки. Они-то и задали России в XX в. совершенно безальтернативный курс, когда как для белых, так и для красных уже не оставалось иного выхода кроме как убивать друг друга. Думаю, если бы красногвардеец, тот самый последний солдат армии, которого «можно» пускать на убой, в расход, прикончил бы на месте случайно попавшегося ему «белого» Шульгина, он был бы морально абсолютно прав.

Как военная сила белое движение оформилось лишь в начале 1918 г., когда генералы М. Алексеев, Л. Корнилов, А. Каледин приступили к собиранию в Новочеркасске добровольческих частей. Хотя еще летом 1917 г. стали создаваться офицерские организации, самой крупной из которых был «Союз офицеров армии и флота», организованный под патронажем Ставки при содействии верховного главнокомандующего генерала М.А. Алексеева. Он создавался вначале не на политической, а на профессиональной основе. В Могилеве собрался и офицерский съезд, на котором присутствовало 300 человек (май 1917 г.).

«Главная причина возникновения (Союза) — искренний патриотизм офицеров, свободных от монархических чувств или привязанностей к династии», — писал Г. Катков. Тогда был избран и руководящий орган Союза во главе с полковником Л.И. Новосильцевым. Союз должен был попытаться достичь единства среди всех офицеров армии и флота Российского государства. 16 июля 1917 г. Деникин, выступая в Ставке перед генералитетом и представителями Временного правительства, формулирует в общей форме «будущее России». Он говорил, что царю и монархии места в будущей жизни страны не будет: «...ведите русскую жизнь к правде, к свету под знаменем свободы! Но дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести войска в бой под нашими старыми боевыми знаменами, с которых — не бойтесь! — стёрто имя самодержца, стёрто прочно и в сердцах наших. Его больше нет, но есть Родина». Однако уже тогда значительная часть офицеров и генералитета встала на сторону большевиков (Брусилов и др.), что лишний раз подтверждает, подчеркну, колоссальные сдвиги в социальной философии, психологии не только солдат, матросов, рабочих, но и многих офицеров и генералов.

После Октября 1917 г. на юг России стали стекаться офицеры, являвшиеся противниками большевиков. Туда же прибыли генералы и офицеры — Дроздовский, Неженцов, Богаевский, Марков, Эрдели, Кутепов, Филимонов, Улагай, приведя с собой отряды сторонников. Явился сюда и террорист со стажем, эсеровский «Дантон контрреволюции» в России — Савинков. В феврале 1918 г. он прибыл в Москву, где на базе организации гвардейских офицеров организовал «Союз защиты Родины и Свободы», ставивший целью свержение Советской власти, установление военной диктатуры, приглашение союзников, продолжение войны с Германией. Но заговор в Москве был раскрыт, а многие его участники арестованы. После подавления Ярославского мятежа Савинков бежал в Казань, но и там не задержался. Некоторое время был в отря-

Агитационный плакат Добровольческой армии

де В.О. Каппеля, затем приехал в Уфу и был направлен главой Директории Н.Д. Авксентьевым с военной миссией во Францию. За границей Савинков возглавлял колчаковское бюро печати «Унион», с его помощью поддерживая просьбы Колчака, а затем и Деникина о материальной помощи. Однако упомянутый выше «Союз защиты Родины и Свободы» после событий июля 1918 г. в Москве, Ярославле, других городах, где подготовленные «Союзом» вооруженные выступления провалились, вскоре сходит со сцены. Попытку возродить его Б. Савинков предпримет лишь в 1920 г., но уже на территории Польши. За рубежом он же делился своими планами с русской эмиграцией: «Да, вот мы с Пилсудским полагали так. Тут будут стоять его войска, а здесь мои». Взаимодействие этих объединений с офицерством налажено было неважно. Задача была, конечно, не по плечу ни Союзу офи-

Белые войска на Юге

церов, ни буржуазным партиям. И. Ильин говорил о сути Белого движения: «Белое дело не нами началось, не нами и кончится. Не мы создали его: оно древнее, как Русь; мы только стали под него, опять, как бывало, в час смуты и разложения. ...И в наших рядах с самого начала были и будут до конца люди самых различных сословий и классов, положений и состояний; и... потому, что белый дух определяется не этими вторичными свойствами человека, а первичным и основным — преданностью родине. Белые никогда не защищали и не будут защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело — дело России — родины, дело русского государства». Увы, и умные лгут, ибо в этой лжи видят спасение.

Придется ещё раз вспомнить известные события, и давшие начало гражданской войне в России... Мятеж генералов Крымова и Корнилова ознаменовал собой начало попыток опрокинуть и раздавить большевиков. Отпущенный под честное слово Корнилов устремился на юг, где и возглавил части Белой армии. Сюда же напрямиком направились многие другие руководители царской армии, белые генералы, офицеры — Алексеев, Деникин, Богаевский, Романовский и др. Помните, что говорил герой романа М. Булгакова «Белая гвардия» полковник Турбин?.. «Я, — вдруг бухнул Турбин, дёрнув щекой, — к сожалению, не социалист, а... монархист. И даже, должен сказать, не могу выносить самого слова «социалист».

А из всех социалистов больше всех ненавижу Александра Фёдоровича Керенского». Само же понятие «белая гвардия» появилось ещё в 1905—1906 гг., когда правые силы в лице монархистски настроенных рабочих, крестьян и торговцев организовали первые контрреволюционные отряды.

Вот сцены, описывающие атмосферу первого этапа борьбы против советской власти на Дону (из уст соратника Корнилова, Р. Гуля): «Скоро Новочеркасск. Туда сбежалось лучшее, лихорадочно организуется. Отсюда тронется волна национального возрождения. Во главе — национальный герой, казак Лавр Корнилов. Вокруг него объединилось всё, забыв партийные, классовые счёты... «Учредительное собрание — спасение Родины!» — заявляет он. И все подхватывают лозунг его. Идут и стар, и мал. Буржуазия — Минины. Офицерство — Пожарские. Весь народ подымается. Организуются национальные полки, армии. Реют флаги, знамена. Оркестры гремят какой-то новый гимн!.. «На Москву», — отдаёт приказ он. «На Москву», — гудит везде. И армия возрождения, горящая одной страстью: счастье родины, счастье народа русского, идёт как один. Она почти не встречает сопротивления... Ведь она народная армия!! Ведь это нация встала!! Ведь лозунг её: всё для русского народа!! Бегут обольстители народные, бегут авантюристы и предатели. Казак Корнилов спаял всех огнем любви к нации!» Тут самые первые впечатления, где

радужные ожидания соседствуют с тревожными наблюдениями... Пугает и малочисленность добровольцев. Деникин вспоминал о начале «одиссеи» Корниловского полка: «И вот после долгих мытарств к 19 декабря прибывает в Новочеркасск эшелон Корниловского полка, а к 1 января 1918 г. кружными путями в одиночку и группами собираются 50 офицеров и 500 солдат». Объективно пишет о событиях тех лет его дочь. «Многие офицеры, состоявшие в «тайной организации» Алексеева,

Красноармейский десант

как в Москве, так и в Петрограде, и получившие там значительное содержание и поддельные документы, по пути в Новочеркасск... потерялись. Тем не менее, около двух тысяч из них всё же прибыли на место. Солдат, ответивших на призыв, оказалось очень мало».

Постараемся всё же понять настроения белого офицерства, и не только безусых поручиков и юнкеров, но и значительной части тех, кто влился в Белое движение... Многие из них руководствовались столь типичными и дорогими для нас, русских, чувствами и эмоциями — «Родина гибнет!» По зову сердца, не задумываясь, присоединялись к Белой армии. Как скажет А.И. Несмелов, участник ледового похода: «Грознейшей из всех революций мы пулей ответили: нет!» Многие вначале не имели времени разобраться в сложных мотивах политических событий, тем более в хитросплетениях, что были скрыты «за кулисами». На слуху общие фразы «Большевики — немецкие агенты», «Советы — это жидовская власть!» Многими из офицеров двигало чувство мести (отобрали поместья, дома, землю). И всё же

Писатель М.А. Булгаков

Писатель Р.Б. Гуль

отметим: вначале в лагере белых оказалась ничтожная кучка людей (из 3 тыс. добровольцев Белой армии только пятая часть представлена лицами старше 40 лет). В основном то была молодежь. Почему? Да потому, что «старики»-то прекрасно понимали, что самом деле представляли собой самодержавие и бюрократия. Хотя и не разделяли дикого настроения толпы. Поручик А.И. Лютер записал в дневник: «Сидишь как пень и думаешь, думаешь о грубости и варварстве. Не будь его, ей-богу, я был бы большевиком. Только (бы) поменьше социализма... Будь всё сделано по-людски, я бы отдал им и землю, и дворянство, и образование, и чины, и ордена... Так нет же: «Бей его, мерзавца, бей офицера (сидевшего в окопах), бей его, помещика, дворянина, бей интеллигента, буржуа, соси его последние соки» — и, конечно, я оскорблен, унижен, истерзан, измучен». Конечно, его можно понять. Может, он лично и отдал бы, хотя сомнительно. Но его класс — без революции и гражданской войны — ни за что и

Офицеры Белой гвардии

никогда (как нынче). Он «оскорблён, унижен, истерзан, измучен» — за полгода-год такого отношения. А народ — веками!

Оценки гражданской войны, войны близких и дорогих нам людей, всегда следует тщательно взвешивать на весах истины. Поэтому для большей точности картины надо было бы поближе взглянуть на тех, кто был непосредственно вовлечён в борьбу. И боюсь, что милые и обаятельные образы булгаковских офицеров из «Белой гвардии» мало что дадут для понимания самой сути социального конфликта. Надо понимать, что, несмотря на то, о чём говорят родословные иных деятелей Белого движения, являвшихся выходцами «из трудового народа», экономический интерес в выборе их позиции явно присутствует. Хотя им, конечно же, и не исчерпывается. Не секрет же, что среди белых офицеров было немало тех, кто был ограблен крестьянами и солдатами, чьи родные и близкие стали жертвами диких и чудовищных расправ... Бывший работник полковника Ф.И. Елисе-

ева, Соломон, воспользовавшись своей властью, забрал у того из дома всех рабочих лошадей, даже хомуты увёз к себе. Р. Гуль, сын пензенского помещика и домовладельца Б. Гуля, фронтовик, командовавший ротой на Юго-Западном фронте, описывает дорогу домой — перед своим уходом на Дон... И говорит он явно под впечатлением от полученного известия о разграбленном их имении: «Эти люди ломали нашу старинную мебель красного дерева, рвали мои любимые старые книги, которые я студентом покупал на Сухаревке, рубили наш сад и саженные мамой розы, сожгли наш дом... Но у меня нет к ним ненависти или жажды мести, мне их только жаль. Они — полужвери, они не ведают, что творят». Над ним довлеет усталость от фронта, от политики, от борьбы. Он замечает, что «у прекрасной женщины Революции под красной шляпой вместо лица — рыло свиньи». Его чувства можно понять, раз уж и «пролетарский писатель» Горький выразился почти в том же духе: «преобладающее население России составляют злые и глупые свиньи».

Если в России и была какая-то серьёзная сила, так это офицерский корпус и казаки (и то не все), знавшие толк в искусстве воевать, не имевшие никакой иной профессии, кроме как профессия «родину защищать». Однако эти старые, закаленные в сражениях офицеры были выбиты... На юг России бежали и те, кто только желал укрыться от мести большевиков (Корнилов, Деникин, Марков, Романовский, Керенский и т.д.). Все эти турбины, голицыны, раевские, оболенские, словно лебеди (или коршуны), потянутся на юг — «спасать» матушку-Россию. «Поручик Голицын, раздайте патроны, корнет Оболенский — надеть ордена!» На юге и обосновалось немалое число белых офицеров, настроенных более или менее решительно на борьбу. Но вот с «белой костью» сразу возникли проблемы. Корнилов и Алексеев рассчитывали на массовый патриотический порыв. По их собственному признанию, они надеялись за считанные дни сформировать по меньшей мере 30-тысячную армию. Но к концу ноября на призыв «ко всем, кто готов спасти Отечество» откликнулись 300 человек, к январю — около трех тысяч. Денег было собрано 400 рублей. Шульгин в книге «Дни. 1920» описал недоуменную реакцию Кор-

нилова. Увидев, что на Дон для борьбы с большевиками прибывают одни лишь офицеры, он с тревогой и смятением спросил: «Это все офицеры, а где же солдаты?» За белыми пошли, как образно скажет Шулгин, остатки «разбитого старого штофа»: «Контрреволюция не выдвинула ни единого нового имени. Колчак, Алексеев, Деникин, Корнилов и др. — все они были отмечены уже старым режимом... Ещё в большей степени это касается невоенных... В этом и была наша трагедия. Ведь революция произошла именно потому, что stoff, составлявший...государственную ткань, не выдержал и лопнул. И вот теперь из этих клочков, из локутков не выдержавшего материала приходилось отстраивать заново Российское государство. Если бы ещё была уверенность, что клочки stoffa за время революции улучшились в смысле добротности. Так ведь нет. В массе они скорее ухудшились» («1919 год. Киев под добровольцами»). Вот и Гуль вспоминает: «Меня поражает крайняя малочисленность добровольцев. Новочеркасск полон военными разных форм и родов оружия, а здесь, в строю армии, — горсточка молодых, самых армейских офицеров». Это говорит о многом.

Колоритную зарисовку его путешествия на юг из охваченного революционным пожаром центра оставил и А.И. Деникин. Она стоит того, чтобы воспроизвести её полностью: «Эти несколько дней путешествия и дальнейшие скитания мои по Кавказу в за-

битых до одури и головокружения человеческими телами вагонах, на площадках и тормозах, простаивание по много часов на узловых станциях — ввели меня в самую гущу революционного народа и солдатской толпы. Раньше со мной говорили как с главнокомандующим и потому по различным побуждениям не были искренни. Теперь я был просто «буржуй», которого толкали и ругали — иногда злобно, иногда так — походя, но на которого по счастью не обращали никакого внимания. Теперь я увидел яснее подлинную жизнь и ужаснулся... Прежде всего — (это) разлитая повсюду безбрежная ненависть — и к людям, и к идеям. Ко всему, что было социально и умственно выше толпы, что носило малейший след достатка, даже к неодушевленным предметам — признакам некоторой культуры, чуждой или недоступной толпе. В этом чувстве слышалось непосредственное веками накопившееся озлобление, ожесточение тремя годами войны и воспринятая через революционных вождей истерия. Ненависть (народных масс. — В.М.) с одинаковой последовательностью и безотчетным чувством рушила государственные устои, выбрасывала в окна вагона «буржуя», разбивала череп начальнику станции и рвала в клочья бархатную обшивку вагонных скамеек. Психология толпы не обнаруживала никакого стремления подняться до более высоких форм жизни: царило одно желание — захватить или уничтожить. Не подняться, а

принизить до себя всё, что так или иначе выделялось. Сплошная апология невежества. Она одинаково проявлялась в словах того грузчика угля, который проклинал свою тяжелую работу и корил машиниста — «буржеем», за то, что тот, получая дважды больше жалованья, «только ручкой вертит», и в развязном споре молодого кубанского казака с каким-то станичным учителем, доказывавшим довольно простую истину: для того, чтобы быть офицером, нужно долго и многому учиться. — Вы не понима-

Добровольцы у штаба Добрармии

Щеглов. Атака белогвардейцев

ете и потому говорите. А я сам был в команде разведчиков и прочесть, что на карте написано, или там что — не хуже всякого офицера могу... Говорили обо всём: о Боге, о политике, о войне, о Корнилове и Керенском, о рабочем положении и, конечно, о земле и воле... Когда начинал говорить какой-либо офицер, учитель или кто-нибудь из «буржуев», к их словам заранее относились с враждебным недоверием. А тут же какой-то по разговору полуинтеллигент в солдатской шинели развивал невероятнейшую систему социализации земли и фабрик. Из путанной, обильно снабженной мудрёными словами его речи можно было понять, что «народное добро» будет возвращено «за справедливый выкуп», понимаемый в том смысле, что казна должна выплачивать крестьянам и рабочим чуть ли не за сто прошлых лет их (простои) и убытки за счёт буржуйского состояния и банков. Товарищ Ленин к этому уже приступил. По-видимому, впрочем, этот солдат особенно расположил к

себе слушателей кощунственным воспроизведением ектеньи «на революционный манер» и проповеди в сельской церкви: — Братие! Оставим все наши споры и раздоры. Сольёмся воедино. Возьмём топоры да вилы и, осеняя себя крестным знаменем, пойдём вспарывать животы буржуйам, Аминь. Толпа гоготала. Оратор ухмылялся — работа была тонкая, захватывавшая чувствительные места народной психики». Он выразил её чувства.

И тем не менее вначале Белому движению сопутствовал некоторый успех. Вот как описал ту первую, победную фазу действий Добровольческой армии один из участников, митрополит Вениамин (Федченков), глава военного духовенства при Русской Армии, ставке барона П. Врангеля. «Теперь читатель и представить не может, как началось это движение буквально из нескольких человек. Без оружия, без финансов, без провианта — горсточка людей отважилась на борьбу почти с Голиафом... И эта армия — Деникин — занимает потом почти весь юг России до Орла. Восток от океана до Волги будет в руках адмирала Колчака и чехов, на западе движется какой-то генерал Бермут и поляки, руководимые генералом Вейганом. Около Петрограда захватил власть Юденич. У Архангельска правит с англичанами и американцами... гене-

Штаб 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии, лето 1918 г.

рал Миллер. Когда видишь, что у большевиков осталась лишь самая сердцевина страны и Москва и будто бы они (такие ходили слухи) готовили уже аэропланы для отлета (куда — не знаю), то я удивляюсь двум вещам: первой — тому, как могли белые пробраться так далеко и глубоко, а второй ещё больше: как красные могли всё же потом нанести сокрушительный удар по всем этим фронтам». С ответом на вторую часть вопроса нам придётся повременить. К тому же частичные успехи белых, порой и значительные, не решали исхода всей кампании.

О лидерах белых... О генерале М.В. Алексееве (1857—1918) можно сказать, что начал карьеру ещё в годы русско-турецкой войны. В 1887 г. он поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую окончил первым, получив Милютинскую премию. Потом служил генерал-квартирмейстером в штабе 3-й Маньчжурской армии. Был награжден многими боевыми орденами и золотым оружием. После окончания войны с Японией возглавлял

Генерал М.В. Алексеев

разработки планов будущей войны. С началом первой мировой войны принял должность начальника штаба Юго-Западного фронта, выполняя ведущие роли во время Галицийской битвы (при исполнении операций на фронте). Австро-венгерские армии потерпели тогда тяжелые поражения от русских войск. В 1915 г. он вывел армии фронта из польского мешка, когда германское командование решило нанести главный удар по России. Несмотря на сложность ситуации, ни одна русская дивизия или армия тогда не оказались в плену. Он был назначен начальником штаба Верховного Главнокомандующего, стал «тактическим руководителем Вооруженных Сил русского государства». Доволен им был и Николай II, говоря жене: «Я не могу сказать тебе, как я доволен Алексеевым. Добросовестный, умный, скромный, ну что за работник!» По мнению некоторых специалистов, генерал М.В. Алексеев к тому времени являлся «общепризнанным крупнейшим военным авторитетом Русской армии». Вероятно, именно по этой причине Временное правительство и решило назначить его Верховным Главнокомандующим. Но затем началась традиционная российская смута и чехарда в эшелонах управления и власти. М.В. Алексеева то назначали, то он уходил сам, видимо, поняв всю бесперспективность работы во Временном правительстве. Всё указывало на необходимость организации Белого движения. Основой его должны были стать офицерские корпуса, для которых название святое «бойца офицера» не было бы пустым словом. Судя по письмам к жене, Алексеев приступил к созданию построенной на добровольных началах подпольной военной организации в октябре 1917 г. По прибытии в Новочеркасск он продолжил создание так называемой «Алексеевской организации», а 2 (15) декабря 1917 г. он опубликовал обращение к офицерам, в котором призывал их «спасти Родину».

Этот день и принято считать днем основания Добровольческой армии. 7 января 1918 г. «Алексеевская организация» была переименована в Добровольческую армию. Корнилов занял в ней пост командующего, а М.В. Алексеев стал отвечать за финансы, гражданское управление, внешние сношения, единогласно избрали его на пост Верховного руководителя Добровольческой

Добровольческая армия белых

армии. В Энциклопедическом словаре Гранат ему давалась следующая характеристика: «Алексеев не отличался талантами полководца, у него не было даже свойств, необходимых для боевого генерала, но в роли начальника штаба, благодаря своим разнообразным знаниям и необычайной работоспособности, он был незаменим. Находясь при Николае Втором более полутора лет, он положил много труда на устройство армии, но воскресить её дух и исправить общее стратегическое положение оказался не в состоянии». Алексеев фактически держал в руках нити финансирования Добровольческой армии, хотя за его спиной, как за спиной шекспировского героя, маячила фигура им преданного «короля». Знания, которым обладал генерал, были нужны Белому движению. Ему принадлежат заслуга налаживания помощи из-за границы. Ведущие державы очень внимательно присматривались к кандидатам на пост «верховного правителя России». Многое зависело от того, как та или иная кандидатура выглядит в глазах видных западных политиков. Имя генерала Алексеева пользовалось большим

авторитетом у союзников. В столицах Антанты он считался, по словам Черчилля, «крупным стратегом, не уступающим Фошу, Людендорфу и прекрасно знакомым с государственными делами страны». Приведу данные В.И. Миллера и А.С. Семина из их статьи об Алексееве. Ранее наш «герой», как мы помним, убедил Николая II отречься от престола, и стал фактически инициатором краха самодержавной России. Будучи Верховным главнокомандующим, он крайне отрицательно относился к участию армии в политической жизни. 3 марта он заявил А.И. Гучкову, что гарнизон Петрограда «бесполезен для армии, вреден для гос-ва. опасен для Петрограда». Вначале Алексеев надеялся, что Временное правительство сможет укрепить дисциплину в армии и восстановить порядок в стране, но 11 марта в телеграмме главнокомандующим фронтов указал, что оно не имеет реальной силы, а потому «рассчитывать на помощь пр-ва в борьбе с пропагандой невозможно». Предложил главнокомандующим стать «на путь компромиссов» и, в частности, «если где-либо сформировались солдатские комитеты, помимо воли начальства, нужно ввести в их состав офицеров... дабы взять ход событий в свои руки, руководить ими, а не сталкиваться бесконечно с явлениями, получившими жизнь явочным порядком». В результате на фронте была создана широкая сеть солдатско-офицерских организаций, находившихся в своей массе под влиянием командования, а 30 марта приказом верховного главнокомандующего было введено в действие «Временное положение об организации чинов действующей

Митинг рабочих и солдат против мятежа Каледина

А.М. Каледин

армии и флота», в котором формулировались задачи этих организаций: «Усиление боевой мощи армии и флота, дабы довести войну до победного конца и тем способствовать укреплению народившейся свободы». Но эти меры так и не смогли остановить нарастания недовольства в войсках. Таким образом, Добровольческая армия стала главным ядром контрреволюционных сил на юге России. В ставке войскового атамана, в Новочеркасске, найдут приют и лидеры кадетов и октябристов — Милюков и Родзянко, многие меньшевики и эсеры, а также представители иностранных миссий. Каледин поднял мятеж на Дону и 25 октября (7 ноября) 1917 г. ввёл в Донбассе военное положение. Представители иностранных держав сделали ставку на Каледина, полагая, что он сумеет создать мощную казачью империю, куда войдут богатые слои казаков на Дону, Кубани, Тереке, в Астрахани и Оренбурге (Юго-восточный союз). К ним должна была присоединиться Рада Украины. В докладе президенту Вильсону 10 декабря 1917 г. госсекретарь США Лансинг высказался за установление в России военной диктатуры и на роль «гетмана донских казаков» предложил А. Каледина. Тут же банки Англии, Франции, США выделили крупные суммы денег на «священную миссию» — борьбу против большевизма. Президент США распорядился выделить Каледину 500 тыс. долларов. В стороне не осталось и французское правительство, пред-

ложив на оснащение Белой армии кредит на сумму 100 млн рублей. Более 20 млн фунтов стерлингов на эти цели ассигновала Англия. У большевиков по сути не было выбора: «Либо победить Калединых и Рябушинских, либо сдать революцию».

Дон и Кубань рассматривались всеми антисоветскими силами как наиболее важные центры сопротивления большевикам. Сюда стягивались казачьи части, направлялись офицеры, участники корниловской авантюры, посылались десятки тысяч винтовок, целые транспорты артиллерии. По мере того как промышленные районы центральной России становились базой революции, казачьи же территории превращались в гнездо контрреволюции. «Ещё в начале октябрьского переворота, — говорил Сталин, — наметилось некоторое географическое размежевание между революцией и контрреволюцией... Внутренняя Россия с её промышленными и культурно-политическими центрами (Москва и Петроград), с однородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским, превратилась в базу революции. Окраины же России, главным образом южная и восточная окраины, без важных промышленных и культурно-политических центров, с населением, в высокой степени разнообразным в национальном отношении, состоящим из привилегированных казаков-колонизаторов, с одной стороны, и неполноправных татар, башкир, киргиз (на востоке), украинцев, чеченцев, ингушей и других мусульманских народов, с другой стороны, превратились в базу контрреволюции». Однако семена революции проникали и в казачьи области. Отношения между верхушкой и широкими массами казачества обострились... В Омске в ночь на 5 октября 1918 г. по постановлению Омского совета казачьих депутатов верхушка сибирского казачьего войска была арестована. «Казаки заняли непримиримую позицию — не воевать с большевиками», — такой вот итог тогдашних настроений среди казачества подвёл генерал Духонин... Такие же сцены мы увидели и на Дону.

Революция вызвала трагический раскол казаков, как и всего населения России. Часть оказалась на белой стороне, но и лучшие части красной конницы состояли из казаков. Казаки шли брат на брата. Тем не

менее казаков Троцкий отнёс к «контрреволюционерам», назвав «зоологической средой», организовав чудовищный геноцид, прокатившийся по Дону, Терек, Астраханскому, Уральскому, Оренбургскому Войскам. Тогда-то и родился казачий сепаратизм. У казаков подобные идеи смогли утвердиться после революции, когда Россия рухнула в хаос и возникла невольная потребность от неё «отгородиться». Но особенно пышно эти теории расцвели в эмиграции. В 1920 г. ярким борцом с идеологами «отдельной нации» был П.Н. Краснов, а А.Г. Шкуро писал: «Когда говорят, что череп донца и кубанца отличается от русского, мне становится страшно...» Но как только сепаратизм был востребован нацистской Германией, оба пошли к ней на службу.

На борьбу с Калединым и Центральной радой на Украине были брошены немалые силы Красной гвардии из Питера и Москвы, матросы, части Северного и Западного фронтов, войска Петроградского гарнизона. Командующим красными частями был назначен царский офицер, приговорённый к смерти самодержавием В.А. Антонов-Овсеенко. Красные (всего 8 тыс. штыков и сабель, артиллерия и бронепоезда) освободили Таганрог, повели наступление на Ростов. Стал очевиден крах мятежа. Когда Каледин узнал, что для защиты Донской области на фронте белые смогли собрать (вдумайтесь только!) лишь 147 штыков, он предложил правительству уйти, сказав: «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и со-

противление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития; предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки». Каледин сложил с себя полномочия атамана и выстрелил себе в сердце... Итоги первых месяцев гражданской войны в России позволили В.И. Ленину сделать и первые выводы: «Но что же показали факты, относящиеся к корниловско-калединскому движению? Даже Каледин, «любимый вождь», поддержанный Гучковыми, Милюковыми, Рябушинскими и К, массового движения всё же не поднял!! Каледин неизмеримо «прямее», прямолинейнее шёл к гражданской войне, чем большевики. Каледин прямо «ездил поднимать Дон», и всё же Каледин массового движения никакого не поднял в «своём» крае, в оторванном от общерусской демократии казачьем крае!» Почему? Ясно, что и тут вскоре выяснилось, что «большинство бедноты и среднего казачества больше склонно к демократии» (читай: к поддержке большевиков), тогда как «лишь офицерство с верхами зажиточного казачества вполне корниловское». Слова абсолютно верны. Но оракулам буржуазии они явно не по нутру по сей день.

Некоторые успехи белых войск на первом этапе объяснялись тремя факторами: уровнем квалификации высшего офицерства и командования Белой армии, высоким авторитетом командиров, самоотверженностью этой части офицерского корпуса и казачества, сражавшейся против большевиков, и, разумеется, довольно серьёзной финансово-материальной помощью белым войскам со стороны ряда импе-

риалистических держав. Сегодня создаётся легенда о таланте и гении Л.Г. Корнилова (1870—1918). Так ли это?! Если объективно взглянуть на эту личность, то можно отметить его энергию. Послужной список Корнилова указывает, что сей сын коллежского секретаря (из простых казаков) получил блестящее военное образование. Окончил Сибирский кадетский корпус в Омске, Михайловское

Белые войска

артиллерийское училище в Петербурге, Академию Генштаба, служил на Кавказе, в Туркестане, Прибалтике, Сибири. Участвовал в Русско-японской войне. Был военным агентом в Персии и Китае. Пешком и верхом прошёл, проехал огромные районы этих стран, изучал их с военной точки зрения, составлял карты. Материалы его наблюдений печатались в журналах. Книгу, написанную им в 1909 году, и сегодня можно прочитать в московской Исторической библиотеке. Знал европейские и некоторые восточные языки. Иначе говоря, по любым меркам был весьма грамотным и просвещённым военным. Однако так ли значительны были его военные заслуги перед Россией? Так ли велики таланты? Чем он известен? Тем, что своё первое боевое крещение он получил в проигранной битве под Сандепу во время Русско-японской войны? Тем, что во время первой мировой войны в 1915 г. его 48-я дивизия («Стальная») попала в окружение и практически полностью была уничтожена противником? Е.И. Мартынов пишет, что дивизия «имела полную возможность отойти и погибла лишь вследствие безобразного управления войсками со стороны командира корпуса Цурикова, и особенно самого Корнилова, который неверно оценил обстановку, не исполнял приказаний, не поддерживал связи с соседней 49-й дивизией, не сумел организовать отступательное движение, а главное, неоднократно менял свои решения и терял время». Правда, сам генерал отличался личной храбростью. Эти качества он проявил и во время прорыва войск из окружения и тогда, когда, будучи раненым, попал к австрийцам в плен, сдавшись со всем штабом. Известно, что он дважды пытался бежать (второй раз удачно). За «подвиг» его наградили орденом Святого Георгия 3-й степени. Однако опыта командования большими соединениями у Корнилова не было (дивизией командовал 11 недель, армией — 2 недели, фронтом — 11 недель). Он вовсе не был предназначен для «роли Наполеона», «генерала на белом коне». Генерал Брусилов это понимал лучше других, говоря о Корнилове как о человеке страстном, но не имеющем задатков подлинного полководца. В лучшем случае — «командир партизанского отряда», больше ничего. И этому человеку судьба предложила тяж-

Корнилов — «национальный герой» России

кую роль командующего силами всего Белого Юга. Что из того, что офицеры его величали «болярином Лавром» и поклонялись ему как Богу?! Простые солдаты не склонны были его обожествлять, помня, как охотно он проливал их кровь. Георгиевский крест от царя он получил фактически за бегство из плена, а не за то, что обратил в него врага. 2 марта 1917 г. царь утвердил его командующим Петроградским округом, а 8 марта он же — Корнилов — прибыл арестовывать... самого царя. Дальнейшие этапы его деятельности связаны с Белым движением... Он стал главнокомандующим Добровольческой армии в труднейших условиях. Среди заметных страниц его «эпопеи» — Ледяной поход, и историческая фраза «Пленных не брать. Ответственность перед Богом и русским народом беру на себя!»

Хотя войска Добровольческой армии верили Корнилову, Деникину, Краснову, вдохновлялись примером их мужества и стойкости. Участник I Кубанского похода вспоминал: «...больше других боготворили в армии Корнилова. Он стоял выше всех и был бесспорным вождем. В трудные моменты боя, под жестким огнем, с полным пренебрежением к опасности, он всегда появлял-

ся на пригорке, на виду у неприятеля с биноклем, руководя сражением, наблюдая за его ходом». Гибель Корнилова 31 марта 1918 г. от шального снаряда стала большой трагедией для Белого движения. Тот же автор вспоминал: «Скоро узнали все... Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собой шёпотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нём, как в фокусе, сосредоточилось всё: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца храбрых начали закрадываться страх и мучительное сомнение. Ползли слухи, один другого тревожнее, о новых большевистских силах, окружавших армию со всех сторон, о неизбежности плена и гибели...» А.И. Деникин, ставший командующим Добровольческой армией, откликнулся на гибель Л.Г. Корнилова словами: «Конец всему! В этой фразе, которая срывалась с уст не только малодушных, но и многих твёрдых людей, соединились все разнообразные чувства и побуждения их: беспредельная горечь потери, сожаление о погибшем, казалось, деле и у иных — животный страх за свою собственную жизнь. Корабль как будто шёл ко дну, и в моральных низах армии уже зловещим шёпотом говорили о том, как его покинуть». Белые похоронили своего командующего с подобающими почестями и даже замаскировали его могилу, опасаясь мести красных. Красные, думая, что белые скрыли в той могиле богатства, всё же разыскали могилу генерала, выкопали тело Корнилова, безобразным образом надругались над ним.

В описаниях Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков читаем: «После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Наконец отдан был приказ (красными) увезти труп за город и сжечь его. Труп (Корнилова) был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю. Тело было привезено на городские бойни, где, обложив соломой, (оное) стали жечь в присутствии высших представителей боль-

А. Устинович. Скарб корниловца

шевистской власти, прибывших на это зрелище на автомобилях». Так закончил свой земной путь сей «святой ратоборец», оставивший, увы, отнюдь не святое дело. Решения Корнилова не были безошибочными. Вспоминали его просчеты: окружение 48-й дивизии в Карпатах в 1915 г., завершившееся пленом и смертью тысяч солдат; сдачу Риги, закончившийся провалом неподготовленный путч против Керенского; неудачный поход на Дон с Текинским полком, закончившийся разгромом; операцию белых у Екатеринодара, едва не завершившуюся катастрофой; провалившийся поход на Петроград и т.д. Тем не менее героическая смерть и мужество, проявленное в боях, сгладили неудачи. Люди, — писал Деникин, — плакали навзрыд (узнав о его смерти)... «В Корнилове, как в фокусе, сосредоточилось ведь всё: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение».

Поэтому его образ не был забыт и обрёл легендарные черты. Любое движение нуждается в героях. Герой — нетленная душа, символ, негасимый факел. Историки вот пишут: «Ещё при жизни Корнилов превратился в легенду, а после смерти окончательно обрел черты мифологического героя. Это не просто образ, мы не ошибёмся, если скажем, что в случае иного исхода Гражданской войны бронзовый Корнилов появился бы в самых различных вариациях. Не думаем, что он приблизился бы к рекорду позднейших памятников Ленину, но, несомненно, без этого бы не обошлось». В 1919 г. предпола-

Плакат Белой армии

галось открытие памятника Корнилову в Омске как выпускнику местного кадетского корпуса. Интересно и то, что автором идеи был скульптор И.Д. Шадр, чьи бюсты рабочих, крестьян, красноармейцев украсят затем советские банкноты, почтовые марки. Чтобы внести долю трезвости в его оценки, вспомним оценку, данную им талантливым и ярким генералом русской армии А.А. Брусиловым, под командой которого тот служил. Уж он-то знал прекрасно Корнилова: «Считаю, что этот безусловно храбрый человек сильно повинен в излишне пролитой крови солдат и офицеров. Вследствие своей горячности он без пользы губил солдат, а провозгласив себя без всякого смысла диктатором, погубил своей выходкой множество офицеров. Но должен сказать, что всё, что он делал, он делал, не обдумав и не вникая в глубь вещей. И теперь, когда он давно погиб, я могу только сказать: «Мир праху его», как и всем, подобным ему, пыльным представителям нашей бывшей России. От души надеюсь, что русские люди будущего сбросят с себя подобное вредное сумасбродство, хотя бы и руководимое любовью к России». Заметим, что подобного «сумасбродства» тогда с избытком хватало везде и всюду. Последние из корниловцев — К.А. Асеев и В.М. Феликсов — дожили до начала 1990-х гг. и стали свидетелями крушения коммунистического режима в России, против которого некогда боролся их «герой» — генерал Л.Г. Корнилов.

Бесспорно, значительной фигурой был и А.И. Деникин (1872—1947). Отец будущего генерала родился в семье крепостного крестьянина, служил простым солдатом и после 22 лет службы выдержал экзамен на офицерский чин. Деникин, как и выходец из семьи казаков Корнилов, как и Алексеев, сын солдата, были простыми людьми. Приведем отрывок из его «Пути русского офицера», где он вспоминал своё детство... «Детство моё прошло под знаком большой нужды. Отец получал пенсию в размере 36 рублей в месяц. На эти средства должны были существовать первые семь лет пятеро нас, а после смерти деда — четверо. Нужда загнала нас в деревню, где жить было дешевле и разместиться можно было свободнее.

Но к шести годам мне нужно было начинать школьное ученье, и мы переехали во Вроцлавск. Помню нашу убогую квартиру во дворе на Пекарской улице: две комнаты, тёмный чуланчик и кухня. Одна комната считалась «парадной» — для приёма гостей; она же — столовая, рабочая и проч.; в другой, тёмной комнате — спальня для нас троих; в чуланчике спал дед, а на кухне — нянька. Поступив к нам вначале в качестве платной прислуги, нянька моя Аполония, в просторечье Полоса, постепенно вращалась в нашу семью, сосредоточила на нас все интересы своей одинокой жизни, свою любовь и преданность, и до смерти своей с нами не расставалась. Я похоронил её в Житомире, где командовал полком. Пенсии, конечно, не хватало. Каждый месяц, перед получкой, отцу приходилось «подзывать» у знакомых 5—10 рублей. Ему давали охотно, но для него эти займы были мукой; бывало, дня два собирается, пока пойдёт... 1-го числа долг неизменно уплачивался с тем, чтобы к концу месяца начинать сказку сначала... Раз в год, но не каждый, спадала на нас манна небесная, в виде пособия — не более 100 или 150 руб. — из прежнего места службы (Корпус пограничной стражи находился в подчинении министра финансов). Тогда у нас бывал настоящий праздник: возвращались долги, покупались кое-какие запасы, «перефасонивался» костюм матери, шились обновки мне, покупалось дешёвенькое пальто отцу — увы, штатское, что его чрезвычайно тяготило. Но военная

форма скоро изнашивалась, а новое обмундирование стоило слишком дорого. Только с военной фуражкой отец никогда не расставался. Да в сундуке лежали еще последний мундир и военные штаны; одевались они лишь в дни великих праздников и особых торжеств и бережно хранились, пересыпанные от моли нюхательным табаком. «На предмет непостыдных кончины, — как говаривал отец, — чтоб хоть в землю лечь солдатом»... Помещались мы так тесно, что я поневоле был в курсе всех семейных дел. Жили мои родители дружно; мать заботилась об отце моем так же, как и обо мне, работала без устали, напрягая глаза за мелким вышиванием, которое приносило какие-то ничтожные гроши.

Вдобавок она страдала периодически тяжелой формой мигрени, с конвульсиями, которая прошла бесследно лишь к старости. Случались, конечно, между ними ссоры и размолвки. Преимущественно по двум поводам. В день полочки пенсии отец ухитрялся раздавать кое-какие гроши ещё более нуждающимся — в долг, но, обыкновенно, без отдачи... Это выводило из терпения мать, оберегавшую свое убогое гнездо. Сыпались упреки: — Что же это такое, Ефимыч, ведь нам самим есть нечего...» Казалось, таким вот военным вовсе не с руки воевать «за богачей». Однако Деникин, как и многие другие, принадлежал к той военной косточке, что, будучи призвана защищать Россию, родину, не могли на переправе менять своих коней, как это с легкостью делают иные. Он был взращён и воспитан армией и, получив от России ордена и медали за непорочную службу царю (награжден орденами Св. Георгия 3-й, 4-й степени, Георгиевское оружие с бриллиантами), счёл своим долгом служить ей до конца. Так говорят. И всё было как-то ещё понятно и логично, если бы не измена, продемонстрированная верхушкой генералитета в 1917 г. В конце 1918 г. он возглавил Добровольческую армию. Его кредо политика в словах: «Я принял российский либерализм в его идеологической сущности без какого-либо партийного догматизма, — писал Деникин. — В широком обобщении это принятие приводило меня к трём положениям: 1) конституционная монархия, 2) радикальные реформы и

Генерал-майор Деникин

3) мирные пути обновления страны». Этим убеждениям Деникин оставался верен до конца. Его либерализм сыграл в судьбе Белого дела не лучшую роль. Либерализм и гражданская война соседствовать рядом, в этой кровавой жути ну никак не могут!

Хотя он справедливо считал Белое движение разнородным «и социально, и политически по составу своих участников» и отмечал, что оно «возникало стихийно, как естественное стремление народного организма к самосохранению, к государственному бытию, как протест против Брест-Литовского мира и распродажи России, как реакция против небывалого угнетения духа, свободы, самостоятельности народа, против физического истребления целых классов». Главным же в его программе было «скорейшее восстановление Великой, Единой, Неделимой России». О будущем он и не задумывался, говоря: «Большевизм должен быть раздавлен... вопрос о формах государственной власти является последующим этапом и будет решен волей русского народа». При этом Деникин проявил и некоторые отменные качества. Это был настоящий товарищ, деливший с воинством трудности битв, переходов, лишений. Описывают, как Корнилов и он шли вместе со всеми старшими начальниками пешком в Первом Кубанском походе (в дырявых уже сапогах по глубокому снегу). Общая численность белых добровольцев не превышала тогда 3,5 тысяч человек (всего-то пехотный полк боевого состава). Да что там! На всю Добровольческую армию приходилось тогда 600—700 снарядов и немного патронов. Отсут-

ствовали лошади для конницы. Но Корнилов и Деникин пытались вдохнуть в белое воинство веру в успех. Добровольческая армия повела наступление на Москву, заняла Курск и Орел, Донская армия казаков заняла Воронеж (1919). В октябре 1919 г. казалось — остаётся пройти всего 300 км и Москва будет занята. В зените побед белые контролируют территорию в 820 тыс. кв. км с населением в 42 млн человек. Но закрепить победу не удалось. Войска растянулись по фронту, который не смогли удержать.

У Деникина не хватило ни сил, ни возможностей, чтобы завершить операцию. Красные сконцентрировали войска для отражения плохо скоординированных действий белогвардейцев. Белой армии просто не хватило резервов. Переход к мобилизации как средству пополнения рядов привлек в их ряды дезертиров, а те были плохими вояками. Выступления белых генералов и офицеров — поход Краснова на Петроград, мятеж юнкеров в Москве в октябре 1917 года, восстания атаманов А. Каледина — на Дону и А. Дутова — на Южном Урале, наступление на Екатеринодар Корнилова и поход генерала на Москву — всё это,

Генерал А.И. Деникин

как оказалось, было обречено на поражение. Став главнокомандующим, А.И. Деникин в итоге пришел к неутешительному для Добровольческой армии и Белому движению выводу. Белой армии не удавалось координировать свои планы и силы. Ну и, кроме того, им отчаянно не хватало средств. «Мы жили под знаком драконовской экономики, — писал Соколов, один из членов Особого совещания, — Деникин, культивируя бедность, требовал этого подвига и от своих подчинённых». Рубль обесценен. Так, если в 1900 г. 1 русский рубль стоил 2,7 франка, то в начале 1920 г. на 150 деникинских рублей давали только 1 французский франк. Но главной проблемой являлось отсутствие опоры в народе, что, в конечном счёте, и станет решающей причиной разгрома и полного поражения белых.

22 марта 1920 г. в Севастополе, на совещании высших генералов, главнокомандующим был избран П. Врангель. Деникин на английском корабле отбыл в Константинополь... Здесь ему пришлось пережить и ещё один тяжелый удар. Там М. Харузин, член тайной монархической организации, прямо в здании русского посольства застрелил начальника деникинского штаба И. Романовского, которого в черносотенных кругах числили «масоном». Как знать, может быть, следующий выстрел предназначался уже и Деникину... Ходили тревожные слухи о заговоре. Потрясённый, морально разбитый, он уехал в Англию. Его «капитал» составил 13 ф. ст., а на иждивении были: жена, дочь, родители жены, дети генерала Корнилова (дочь Наталья, сын Юрий), приёмная дочь. Деникин в финансовом плане был очень щепетилен. Оппоненты генерала признали: «Сегодня мне пришлось в голову меткое сравнение для характеристики Деникина — лучшее его достоинство и составляет его недостаток — честность». Так, будучи заграницей в эмиграции, он сдал чек на 10000 ф. ст., выданный жене в посольстве России в Константинополе Особым совещанием в качестве единовременной материальной помощи. В эмиграции отказался он и от протекции П.Н. Милюкова (на получение русских денег, находящихся в заграничных банках). Судьба русского генерала, патриота, видимо, понимавшего, что выполняет чёрную работу и при этом может «сломать на этом

шею», заслужив «проклятия» эпохи, была трагична. Писатель Шмелёв в 1947 г. откликнется на смерть генерала статьей «Памяти непреклонного». В ней он говорил: «На протяжении ряда лет «дело Деникина» взвешивалось на мировых весах. От удачи или неудачи этого дела зависели будущие судьбы человечества. Ныне мы это видим. Это определяет место Деникина в Истории. Долго ещё историки, политики, государственники будут вглядываться в эту страницу. Она содержит много учительного, пророческого. Эта страница вскроет много теней и света, но не откроет ни единого тёмного пятна. Россия не постыдится своего сына... Генерал Деникин остался в моей душе как подлинно русский человек-солдат: верующий, честный и волевой, целомудренно-чистый, «ответственный»; человек любви «во Христе», человек долга и — это такая редкость! — непреклонный. Во что поверил — тому служу. До конца». Ныне он, как и другие видные белые воины, наконец, вернулся в Первопрестольную...

Особо следует остановиться на роли казачества... Веками служило казачество самодержавию и царю. Делали это не ради

царя-батюшки, а ради привилегий и особых прав, что были дарованы казачеству. Среди казаков немало было и тех, кто издавна тяготел к бунту и к «вольному промыслу». В истории казачества правда немало славных деяний, подвигов. Казаки Ермака, как известно, внесли заметный вклад в покорение Сибири. К тому же, они прекрасные воины (захват Азова), опора монархии и российского государства, первопроходцы (открытие Дежневым пролива меж Азией и Америкой, присоединение Атласовым Камчатки к России). Но им было присуще и чувство казацкой вольницы. Зачастую они были первыми заводилами в восстаниях и бунтах (восстание Болотникова и Разина). Вот и в «Истории казачества» читаем: «Пожалуй, нигде и никогда казаки не пользовались такой любовью и уважением всего народа, как на Украине. Многострадальный украинский народ, терпевший веками притеснения не только от своих феодалов, но и от чужеземных угнетателей и пришельцев, видел в казаках своих единственных защитников. Видимо, поэтому с XVII до XIX в. слово «казацкий» у народа Украины применительно к человеку означало примерно то же, что в Великороссии «самый лучший». Самый доблестный воин — это казак...» Но те же казаки в прошлом привыкли, хотелось бы чтобы читатель не забывал об этом, жить набегами и грабежами. Разин и его войско, по сути, жило грабительскими походами («за зипунами»), терроризировало земли Прикаспия, наводя ужас на мирное население Турции, Персии, на народ Азербайджана. Степан Разин, с его удалым кличем «сарынь на кичку», фактически занимался ничем иным как разбоем и мародёрством. Значительная часть казаков вместе с гетманом Мазепой встала на сторону шведов, в то время смертельных врагов нашего государства.

При этом казацкие атаманы ставили себя ничуть не ниже царя Московского. Исследователь казачьей жизни Е.П. Савельев (1915) писал: ранее на попытки Москвы подчинить вольный Дон и Кубань, казаки отвечали тем, что сразу же бешено хватались за сабли. И вводить новые порядки в консервативной казачьей общине, «навязывать откуда-то со стороны, из Москвы, новое верование, приказывать молиться за неведомого им патриарха и московского

Возвращение праха Деникина в Россию

В. Суриков. Завоевание Ермаком Сибири

царя, явление на Дону до того времени небывалое, приёмы недалёковидные, неумелые, чисто «московские». Казаки, всегда не любившие московские порядки, ханжество и лицемерие бояр, из казачьей гордости не хотели подчиняться приказам Москвы...» Несмотря на то, что казаки и «стоят за Русь», но ежели их спросить: «Разве же ты не русский?», тот с гордостью ответит: «Нет, я казак!» Но вот случилась Октябрьская революция. Наступали времена Великой Смуты, которая однажды уже посещала Русскую землю... В. Сухоруков в «Историческом описании земли войска Донского» (1834) рисует картину, похожую на то, что творилось в России ныне: «Подлинно во все печальное время существования в России самозванцев все были в каком-то непонятном омрачении, беспамятстве; по словам современников, Московское царство волновалось подобно бурному морю; кровь лилася, как вода; опустели села, города и святые обители; до того ожесточилось сердце народа, что никто не видел, что делалось перед глазами, не слышал, что гремело в ушах, — все объаты были каким-то гибельным очарованием». И вот это «гибельное очарование», которое правильнее было бы назвать гибельным безумием, вновь обрушилось на наш народ, в котором, как ни в одном ином, удивительные крайности уступают разве что только его гениальности или отваге, близкой порой к фатализму. Что же

касается положения казачества как сословия после Октября, то оно оказалось между двух огней.

Почему оно стало основной силой в антибольшевистской борьбе? Тому были свои причины. По данным историков, к октябрю 1917 г. в строю 13 казачьих войск России было около 300 тыс. казаков, а всё казачье население насчитывало около 4,5 млн человек. Казакам принадлежало 65 млн десятин земли. При этом 67 % земли принадлежало станичникам, 27,8 % являлось войсковым запасом и только 5,2 % земли находилось в частном владении. Казаки жили в среде однородной. Особенностью землевладения, скажем, среди оренбургских казаков, было то, что 68,1 % казачьих хозяйств владели наделом от 50 до 100 десятин, более двух третей казачества можно было отнести к середнякам (которые скорее были близки к полупомещичьим хозяйствам). Даже бедняки, среди большей части казачества, владели от 40 до 50 десятин земли (13,7 %), т.е. их можно отнести к кулачеству. Многие объясняют и такие вот цифры: в 1909 г., когда в половине губерний с населением 60 млн человек зерна, за вычетом семян, было произведено по 15 пудов на душу, на Кубани такой остаток зерна составлял 58,8 пуда, а в области Войска Донского 74,8 пуда. Это огромная разница и, конечно, ради сохранения этих преимуществ казаки в массе своей были готовы

поддерживать скорее антисоветское движение (С. Кара-Мурза). Дон, Кубань, Оренбургье станут по этой самой причине и главными оплотами белого движения.

«Для того казак родится, чтоб царю на службе пригодиться», — гласила старинная поговорка. Казачья служба по закону 1875 г. продолжалась 20 лет, начиная с 18-летнего возраста: 3 года в подготовительном разряде, 4 года на действительной службе, 8 лет на льготе, 5 лет в запасе. На службу каждый обязан был явиться со своим обмундированием, снаряжением, холодным оружием и верховой лошадью. Замысел руководителей Белого движения, планировавших получить поддержку зажиточного донского казачества, был разумен.

Помнили они и то, что молвило казачество царям Московским: «С Дона выдачи нет!» Казаки на фронте никогда не выдавали своих офицеров и не расстреливали их. Слаще полковой музыки звучали для генералов и офицеров казачьи выкрики: «Никогда Донские казаки не подпадут под власть Ленина и Бронштейна...» «Этому не бывать». «Нам с большевиками не по пути!..» Надо учесть, что именно три казачьих полка восстановили порядок в Петербурге в ходе июльских событий 1917 г., когда была принята первая попытка большевистского путча. Тогда погибло 10 казаков и около 700 путчистов. Кроме того, именно казаки сделали попытку нанести пролетарским революционерам смертельный удар, совершив 22 октября 1917 г. «казачий крестный ход». Ход совершался в память об освобождении Москвы от врагов в 1612 г. По сути дела, удар был направлен в сердце революции. 15 октября 1917 г. казаки, приветствуемые буржуазной публикой, шли по Невскому проспекту под крики: «Казаки, спасите Россию!», «Станичники, выручайте!»

Все недовольные советской властью хлынули на Дон, и вообще на юг России. Дон — вотчина казачества, а казаки в России и на Украине пользовались особым положением. Они жили на своей земле, которой у них всегда было вдоволь. По оценкам, казаки в среднем имели 50 десятин земли на двор, тогда как крестьяне всего 11 десятин. «Здесь можно усмотреть соци-

ально-экономическую основу для русской Вандеи», — писал Ленин, имея в виду оплот контрреволюции в революционной Франции. Казаки держались особняком и считали себя особым, самостоятельным народом. Они словно бы отделяли себя не только от Петербурга и Москвы, но в каком-то смысле и от России. В старинном казачьем присловье говорилось: «Белый царь в святой Москве, а мы, казаки, на тихом Дону. Он — себе, а мы — себе». Казаки нередко совершали набеги на другие земли и возвращались оттуда с наживой. Замкнутый мир казачества был настроен враждебно массе русских крестьян, к беднякам в особенности. Порой из уст казаков можно было услышать в адрес крестьян и такие слова: «Тута вам не Русь смердячая! Вертайтесь со своими порядками домойки, пока вам башку не оторвали!» Иногородние тоже не жаловали казаков — и в 1905 по югу прокатились бунты. Иначе говоря, исторически сложилось так, что казачьи земли были наиболее готовы к сопротивлению, во-первых, против московской, во-вторых, против социалистической, т.е. фактически в русском понимании уравнилельной власти, в-третьих, конечно же, против полуиудейского, если даже не чисто иудейского правления. Так оно и понятно... Ведь и перед батюшкой-царём шапки не ломали! Что уж говорить о том, когда вместо белого царя, к которому худо-бедно за двести лет всё же привыкли (он их любил, лелеял, отличал и награждал), в Москве объявились какие-то совсем неведомые им бронштейны и свердловы! Немаловажное значение имел

С.А. Гавриляченко. Казачьи проводы

и военный аспект опоры на казачество. Генералы хорошо знали, что на солдата, матроса или крестьянина им рассчитывать не приходится. Те были на стороне большевиков... А вот казачьи части в течение всех трёх лет мировой войны оставались самыми верными царизму и дисциплинированными частями в русской армии.

Узнав о готовящемся шествии вооруженных казаков, Я. Свердлов заявил: «Это же новая корниловщина готовится!

Хотят опередить нас! Достаточно одного провокационного выстрела в сторону этого шествия — и вся масса фанатично настроенных и вооруженных до зубов людей ринется к Смольному, чтобы разгромить его!» Казакам крестный ход запретили. Напомним, что ещё ранее III конный корпус казаков принимал участие в походе на Петроград. Когда же всё сорвалось, казаки хлынули на Дон, но, как пишет Краснов, вовсе не к Каледину, «чтобы сражаться против большевиков, отстаивая свободу Дона, а домой в свои станицы, чтобы ничего не делать и отдыхать, не чувствуя и не понимая страшного позора нации». Краснов уверял, что казаки «стали совершенно небоеспособными» и «потеряны для борьбы», на каком бы то ни было фронте. Но все же надеялся, как и другие, найти среди казаков поддержку в борьбе против большевизма. Надежды эти развеялись как дым. «Казаки сражаться не хотят, сочувствуют большевизму и неприязненно относятся к добровольцам. Часть из еще не расформированных войск перешла к большевикам, другие разошлись по станицам. Притока людей из России в армию — нет. Командующий объявил мобилизацию офицеров Ростова, но в армию поступают немногие — большинство же умело уклоняется» (Р. Гуль). Казаки устали от смуты.

Дон вначале приветствовал приход белых и Добровольческой армии. Вот как описал реакцию казачества один из историков Белого движения: «Отношение местного населения к большевикам в те дни было весь-

Казаки идут в атаку

ма далеким от восторженного. Как отмечали современники, в Орловской губернии «крестьяне ждут Деникина, верить не хотят, что советская власть тверда», а при их отступлении случались нападения на обозы. В августе-сентябре в Елецком уезде в восстаниях участвовало порой до 20 тысяч человек. В этом неприятии большевизма казачеством, прямо скажем, отчетливо прослеживались и антиеврейские настроения. Вольное казачество не очень-то жаловало иудеев. Недовольны были и горожане: «Кругом непонятная, непроглядная тьма, переименовали учебные заведения в трудовые школы, а дети с января бьют баклуши... Все учреждения набиты семитами от 13 лет до глубокой старости. Буржуев всех поголовно выселяют из дома и из города... неразбериха по всей коммуне, устали ждать правильной хорошей жизни, возят чужое сено, рубят догола лес, имения стоят разоренные, и это называется хороший порядок и хозяйство», — свидетельствует житель. По сообщениям из Бежицы, «бабы взошли на завод, запретили всем работать и у начальства стали просить хлеба; два дня завод не работал, выдали по 2 фунта хлеба; вскоре опять вспыхнет забастовка. Когда здесь был Калинин, то четырех мастеровых вынесли мертвыми с завода от голода; не пройдет дня, чтобы кто-нибудь не умер от голода, а большевики имеют по 20 пудов белой муки. Наверно, скоро будет свержение власти». Во Мценске на рубеже июня-июля «было почти открытое возмущение. Власти над-

Дезертир из Красной армии

ругались над мощами св. Кукши в монастыре <...> Потом порешили взять Николая Угодника и бросить его в реку <...> Собралась тысячная толпа, власти дали 3 выстрела <...> и уехали, руководил ими еврей». Резко поднималась волна антисемитизма, доходя ещё в июне до погромной черты: «Жиду нужно бы воевать, а он уехал; а наши русские все воюют, как же их не бить окайанных, всех до одного жида, спекулянты ничего не боятся, а мы боимся всего», — читаем в письме орловского земляка. С начала лета ширилось дезертирство из Красной Армии и уклонение от мобилизаций. В конце июня болховские рабочие на митинге «совершенно отказались идти на войну... Орловские представители страшно возмутились». Каратели, ловившие дезертиров, в августе доходили до грабежа мирного населения и применения телесных наказаний, как произошло в деревне Шилиевой, остальной Алешинской волости Болховского уезда. Таким образом, на занимаемых территориях добровольцев ждали, казалось, благоприятные условия. Не воспользоваться этим было бы просто бездарно и нелепо.

По мере того как казачество (особенно зажиточное) стало понимать, куда клонят большевики, многие пошли воевать. Ударным кулаком белогвардейцев стало Донское войско. Добровольческая армия на 50—60% состояла в основном из казаков. Первым в Орловской губернии появился 4-й Донской конный корпус генерал-лейтенанта К.К. Мамантова (написание Мамонтов укоренилось, но ошибочно) из состава казачьей Донской армии ВСЮР. Проведя глубокий рейд по красным тылам, он вторгся в Елецкий уезд и с 18 по 24 августа (с 31 августа по 6 сентября) удерживал Елец. Появление мамантовцев было неожиданным. Еще 16 и 17 августа в городе не наблюдалось никакой тревоги. Наоборот, представители советской власти заявляли, что силы казаков незначительны и они далеко от Ельца. Как вспоминал две недели спустя управляющий Елецким отделением Государственного банка А. Кошечев, «первые пушечные выстрелы раздались около 5 ч. вечера. В это время шли ещё заседания в исполкоме и других учреждениях. Вначале уверяли, что слышен наш артиллерийский огонь, оказавшийся впоследствии казачьим. Вскоре послышалась и пулеметная стрельба. Очевидцы пе-

редают, что в это время улицы были наполнены бегущими и бросающими оружие красноармейцами. Лишь незначительные части отступили в порядке через Казаки к Чернаве». Но так было далеко не всегда и далеко не везде. Были примеры и совершенно иного, совсем противоположного рода.

И всё же не мудрено, что самые ожесточенные сражения красных с белыми развернутся на казачьих землях. В момент избрания Краснова атаманом силы Донской армии составили 17 тыс. человек (затем они выросли до 40 тыс.). Красная Армия насчитывала 70 тыс. солдат на данном направлении... В марте 1918 г. военным комиссаром стал Л.Д. Троцкий. В это время и развернулись ожесточенные бои за Екатеринодар, столицу Кубани. Красные, пользуясь численным превосходством, взяли Екатеринодар. Кубанская Рада ушла в горы, захватив старинные реликвии Запорожского войска, вывезенные ещё при разрушении Сечи по приказу Екатерины II, Георгиевские боевые знамена Российской Империи, дарованные императорами, запорожские прапора и гетманские булавы, саблю с рукоятью из золота и бриллиантами, преподнесенную Суворовым атаману Черноморских казаков Чепиге за взятие Измаила, православные иконы в дорогах окладах, золотой запас Кубанского казачьего войска. Тогда же и Корнилов предпринял было попытку взять город, но она не удалась.

«Над Доном снег кружится, словно пух. Снежинки крупные ложатся в воду... Нам надо выбирать одно из двух: жизнь или смерть, позор или свободу! Эй, казаки, пришпорьте лошадей...» Казаки и офицеры сражались против большевиков на юге России отчаянно. Как вспоминают участники Белого движения на Юге, офицерами в полках были уроженцы тех же станиц. Если их не хватало, брали и из других станиц, а в случае крайней необходимости — принимали офицеров-неказаков, которым первое время не доверяли. По отзывам Краснова, младшие офицеры были хороши, но вот сотенных и полковых белым недоставало... Пережившие за время революции немало оскорблений и унижений, старшие начальники недоверчиво относились к казачьему движению. Вначале они прятались по станицам и в Новочеркасске, избегая идти на фронт. Но ситуация вскоре изменилась к

лучшему. Дисциплина в казачьем войске была братская. Офицеры ели с казаками из одного котла, жили в одной хате — ведь они были роднёю этим казакам, часто у сына в строю во взводе стоял отец или дядя, но приказания их исполнялись беспрекословно, за ними следили, и если убеждались в их храбрости, то даже поклонялись им и всячески их превозносили. Такие люди как Мамантов, Гусельщиков, Роман Лазарев, были в полном смысле вождями, атаманами старого времени. Офицерам «своего» полка, то есть знакомым, казаки отдавали воинскую честь. Казаки требовали, чтобы офицеры шли впереди. Поэтому и потери в командном составе были велики. «Нас обнимает смерть по одному, и замерзают слезы на ресницах. И мертвецы уходят в тишину, не успевая Богу помолиться».

Против красных войск вначале с успехом действовали казаки войска генералов А.Г. Шкуро (1887—1947) и К.К. Мамантова (1869—1920). Участник первой мировой войны Шкуро в 1915 г. сформировал Кубанский конный отряд особого назначения для действий в тылу на Германском фронте. Весной 1918 г. Шкуро формирует на Кубани партизанскую дивизию, которая и

Генерал А.Г. Шкуро

В. Черкасов-Георгиевский

соединилась с Добровольческой армией. В дальнейшем Шкуро будет командовать корпусом, Кубанской армией. Человек беспримерной храбрости, он создавал мобильные казачьи части, своего рода летучие отряды, наводившие на красных страх и ужас. В условиях нестабильных фронтов или спорадических военных стычек противников партизанская тактика Шкуро была оправдана и эффективна. Позже в Буэнос-Айресе выйдут его воспоминания, озаглавленные «Записки белого партизана» (1961). У Шкуро в подчинении было несколько тысяч казаков. Понимая необходимость объединения сил белых, Шкуро решает войти в состав Добровольческой армии и биться в ней под началом А.И. Деникина. Правда, личная их встреча не принесла позитивных результатов. Видимо, Шкуро пришел к выводу, что Деникин не годится в лидеры освободительного движения Юга России. В свою очередь, А.Г. Шкуро показался Деникину человеком ненадежным и, по словам С. Ауского, «больше похожим на бан-

дита, чем на офицера, и это мнение разделял весь штаб Добровольческой армии». Тем не менее пришлось, хочешь или не хочешь, а сотрудничать, так как успехи Шкуро в борьбе с красными были бесспорны для Деникина. Их нельзя было не заметить. Между двумя главными опорами Белого движения в лице офицерства и казачества пролегла глубокая пропасть. Атаман Краснов выразил остроту проблемы следующими словами: «Добровольческая армия, как армия не народная, а интеллигентская, офицерская, не избежала этого (т.е. привычки «кланяться какому-нибудь иностранному кумиру» — П. Краснов) и рядом со знаменем «единой и неделимой» воздвигла алтарь непоколебимой верности союзникам во что бы то ни стало. Эта верность союзникам погубила императора Николая II, она же погубила и Деникина с его Добровольческой армией». В дальнейшем разногласия особо усилились во время I—II Кубанских походов.

Автор книги о Врангеле В. Черкасов-Георгиевский справедливо заметил: «Провозгласив лозунг «Единая, Великая и Неделимая Россия», по существу туманный и неопределенный, Главнокомандующий с каким-то фанатизмом шел на борьбу со всем тем, что казалось ему, идёт вразрез с исповедуемой им истиной. К казакам огульно

С.А. Гавриляченко. Сын

С.А. Гавриляченко. Прощание с сыном

пристегивалась кличка «самостийников». Самостийниками объявлены были и все те, кто ещё недавно боролся с большевиками на Украине, все, кто служил у гетмана. С падением Украины огромное число офицеров бежало на юг. Между ними было большое число весьма доблестных горячих патриотов, готовых продолжать борьбу за освобождение отечества, на каком бы клочке русской земли эта борьба ни велась. Высшие политические соображения им, конечно, были чужды. Между тем в Ставке на них смотрели едва ли не как на предателей, они брались под подозрение, и дальнейшая служба их допускалась лишь по прохождении ими особой реабилитационной комиссии. Это было жестоко, несправедливо и обидно...» Еще с начала 1919 г. кубанский парламент — Рада стремился к утверждению Кубанского Войска как независимого государства, заключив при этом союз с горцами. 6 ноября Врангель отдал приказ об аресте и передаче военно-полевому суду 12 депутатов Рады, одного из них — А. Калабухова публично казнят в Екатеринодаре. Это не добавило Врангелю симпатий со стороны донских казаков. Лишившись поддержки казаков, в конце 1919 г. части Добровольческой армии были расчленены,

уменьшившись в 10 раз. Подобные действия, разумеется, ослабляли силы единого белого воинства. Хотя добровольцев, стоявших за единую Россию в их неприятии вольницы можно понять.

Поскольку сам Дон был не единодушен в отрицательном отношении к советской власти. Вот как описывал свои впечатления от увиденного и пережитого на Дону начальник штаба Донских армий и Войскового штаба Генерального штаба генерал-майор И.А. Поляков в книге «Донские казаки в борьбе с большевиками». Наблюдая за жизнью и нравами народа, суммируя все, что он видел и слышал тогда в России, он пришел к печальному выводу. Россия представлялась ему бушующим морем, выбрасывающим на поверхность то, что раньше таилось на самом дне общества. Он считал, что подонки и чернь захватили власть и стали у кормила государства... Всюду, от берегов Северного моря до берегов Черного, от Балтийского до Тихого Океана, по всей России торжествовали стихийные, разнузданные, разрушительные силы. Везде наблюдался небывалый погром государственности. Воцарились террор, насилие, произвол, деспотизм. Русский народ совсем потерял голову и словно помешался. В ходу были лозунги «грабь награбленное», «мир хижинам — война дворцам», «вся власть рабочим и крестьянам», «смерть буржуям и контрреволюции». Эти и другие подобные революционные фразы, коварно брошенные в массы, имели роковые последствия. Народ клюнул на них и поддался диким инстинктам. Это была трагедия для Великой России и русского народа. Казалось, что пока большевизм захватил лишь часть казачества, но не было никакой уверенности, что он не распространится и не станет явлением всеобщим. Он чувствовал, как помимо воли скептицизм закрадывается в душу, сменяя прежние надежды на Дон и казачество. И продолжал свои откровения: «Будущее рисовалось мне в весьма мрачных красках. Но что было делать? Как поступить? Как лучше разрешить этот мучительный вопрос? Поддаться нахлынувшему чувству пессимизма и, выказав малодушие, повернуть обратно, мне казалось, недопустимым и постыдным. Можно было еще: скитаться, но под вечным страхом быть узанным и зверски замученным. Это зна-

чит — бесцельная и глупая смерть. Идти к большевикам, прельстившись животными благами жизни, не позволяли совесть, долг, любовь к Родине. Оставалось... идти в Новочеркасск и там, если суждено, погибнуть сознательно, за Родину, честь, свои идеалы». С такими вот настроениями вливались в Белое движение многие бойцы, для которых был неприемлем большевизм, т.е. с настроением обреченных.

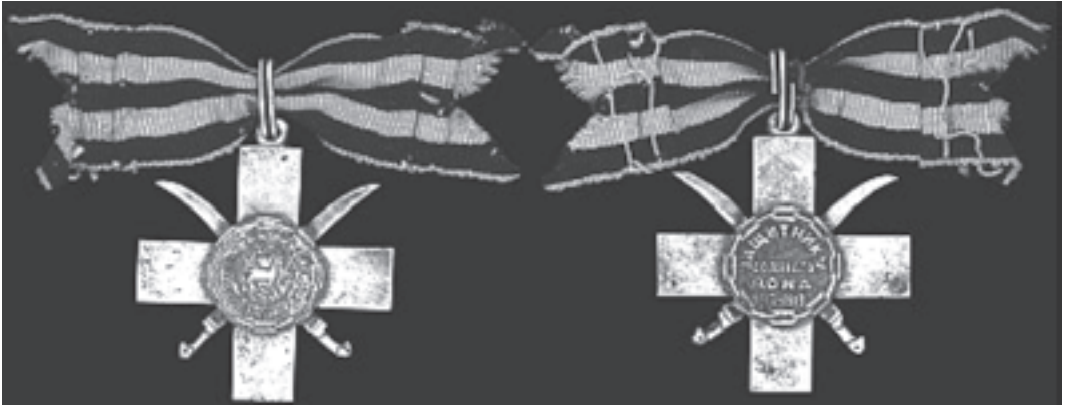
Представляют интерес и взгляды атамана П.Н. Краснова. Это гвардеец, блестяще образованный генерал, его романы были переведены на 17 иностранных языков. Имея наследственные способности к литературе, Краснов с 12-ти лет начал писать детские рассказы в журнале «Юность». Всю работу выполнял один: сам писал, набирал и печатал текст. Первые его труды появились в «Русском Инвалиде» (в 1891 г.), затем в «Петербургском Листке», «Биржевых Ведомостях», «Петербургской Газете», «Отдыхе», «Ниве», «Военном Сборнике». С 1891 по 1903 гг. печатались труды Краснова, описывающие быт и строевую жизнь казачьих войск. Издан труд Краснова «Год войны» — талантливое описание войны с Японией. П.Н. Краснов оставил богатое литературное наследие, куда входят книги: «От двуглавого орла к Красному знамени», «Амазонка пустыни», «За чертополохом», «Екатерина Великая», «С нами Бог», «Цареубийцы», «Ненависть». Романы и повести создали ему славу писателя. «Атаман (П.Н. Краснов. — Ред.) вступил в управление Войском вскоре после Каледина, которого погубило доверие к крестьянам, знаменитый «паритет». Дон раскололся в это время на два лагеря — казаки и крестьяне. Крестьяне за малым исключением были большевиками. Там, где были крестьянские слободы, восстания против казаков не утихали. Весь север Войска Донского, где крестьяне преобладали над казаками, Таганрогский округ, слободы Орловка и Мартыновка 1-го Донского округа, города Ростов и Таганрог, слобода Балтийск были залиты казачьей кровью в борьбе с крестьянами и рабочими. Попытки ставить крестьян в ряды донских полков кончались катастрофой. Крестьяне изменяли казакам, уходили к большевикам и насильно, на муки и смерть, уводили с собой донских офицеров. Война с большевиками на Дону имела уже характер не политической или классовой борь-

С.А. Гавриляченко. В атаку!

бы, не гражданской войны, а войны народной, национальной. Казаки (же) отстаивали свои казачьи права от Русских. Атаман, являясь ставленником казаков, не мог с этим не считаться. Он не мог допустить и мысли о каком-либо паритете, потому что это погубило бы Дон, погубило бы всё дело... Руки прочь от нашего казачьего дела — те, кто проливал нашу казачью кровь, те, кто злобно шипел и бранил казаков. Дон для донцов! Мы завоевали эту землю и утучнили её кровью своей, и мы, только мы одни, хозяева этой земли». Потрясающее признание. Оно честно показывает, что интересы казачества вступали в противоречие с интересами Российского государства в целом. Цена казачью вольницу, волю и удал молодецкую старичников, мы помним, что казаки участвовали в Смуте на стороне врагов российского государства. Ну и как же тогда нам всем быть с «единой и неделимой»?!

Мужество и отвага казаков известны... «Эх, казаки, куда нам отступать! Нам этот бой на небесах зачтётся!» Они сражались отважно, но их интересы часто не выходили за пределы той самой «моей хаты, что с краю». Эти предпочтения прекрасно выра-

Военный орден "Георгиевский крест с изображением герба Войска Донского"

жены в казацкой литературе и поэзии. Одна из песен имеет такие строки:

*Мы тринадцатый день не слезаем
с седла,
Всё за нами горит, всё объято
пожаром,
Ах, Россия-страдалица, ты умерла
И досталась теперь
мужикам-комиссарам.
Всё, что было — прошло, и назад
не вернуть.
В свой последний поход мы ведём
эскадры,
А казачьи погоны, качаясь, плывут,
Словно листья берёз,
по свинцовому Дону...*

Но большая часть казачества была убеждена, что надо защищать только свою землю. Депутат от трудового казачества так прямо и сказал: «Мы на той поприще стоим, чтобы своєю не отдать, а чужою нам не надо». Белое же движение на Юге, как уже сказано, во многих отношениях зависело от казачества. Так, в 1919 г., когда численность Белой армии увеличилась, в ней сохранялось следующее соотношение войск: 20 000 русских воинов и 70 000 казаков. Но несмотря на храбрость, казаки демонстрировали непредсказуемость в бою, что в условиях смертельной битвы порой хуже предательства. Помогать офицерам-добровольцам они не хотели. Казачья молодежь больше всего боялась опостылевшей всем войны и враждебно смотрела на тех, кто может вовлечь её в «новую бойню». К примеру, Д. Крюков при-

вел слова казака, депутата-фронтовика на Войсковом Круге, отражающее общее мнение всех донцов: «Россия? Конечно, держава была порядочная, а ныне произошла в низость. Ну и пушай... у нас своих делов не мало. Нам политикой некогда заниматься и там, на позиции, в прессу мы мало заглядываем. Приказ — вот и вся пресса. Там, господа члены, про царя некогда думать... и не думаем. Наш царь Дон. Это есть тот хозяин, за которого мы пошли. Прямо сказать, господа члены, что кто пропитан казачеством, тот своего не должен отдать дурно. А насчёт России повременить...» Казаки мечтали о своей Казачьей республике. Их правители опасались восстановления единой и неделимой России. Их лидер, «социалист» Л. Быч заявлял: «Помогать Добровольческой армии — значит готовить вновь поглощение Кубани Россией». Налицо автономистские идеи о самостоятельности Кубани или Дона. Когда части Добровольческой армии покидали пределы казачьей земли и двинулись в соседние области, Ставропольский и Новороссийский края, к ней не только никто не пожелал присоединиться, но и налицо была враждебная реакция населения. Как вспоминал один из участников похода Белой армии, В. Завойко, «встречали нас цветами и провожали пулемётами». Всё это как прямо, так и косвенно указывает на то, что идеализированные образы «святого вольного казачества», при всей нашей симпатии к ним, не соответствуют реалиям и правде истории.

Понятно, подобная местечковость, что сродни чем-то еврейской, противоречила планам Добровольческой армии. Командо-

вание белых рассчитывало «превратить казачий юго-восток в базу освобождения России». Но цели и задачи союзников в борьбе были совершенно различными, что и вызывало горячие споры между командующими Добровольческой армией генералами Корниловым и Деникиным и атаманом Красновым. Разногласия не могли не отразиться и на отношении офицеров Добровольческой армии к кубанской власти, резко отмежевавшейся от общерусской идеи и уж очень похожей на ненавистный офицерству «совдеп». Монархисты-офицеры открыто ненавидели «членов», проэсеровски настроенных лидеров казаков Кубани — Быча и Рябовола. «Союз восстановления династии Романовых» заявил: «Бычей, Рябоволов следует стирать с лица земли». Последний, кстати, и погиб от рук монархистов летом 1919 г. Среди казачьих офицеров немало было и честолюбцев типа Покровского и Гулыги. Они непременно желали иметь собственные войска и своё «казачье» правительство. Корнилов же твердо и решительно заявлял: «Одна армия — один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству». Казаки во время боевых действий поступали своевольно, не обращая внимания на общую диспозицию. Так, новоиспеченный казачий генерал Покровский, испугавшись метели, разлившихся рек и обледеневших дорог, дал возможность красным вырваться из окружения. Стоит вспомнить и взятие белыми станицы Ново-Дмитриевской, когда генерал Марков и Офицерский полк так и не смогли дожидаться поддержки от кубанских войск (те должны были атаковать красных с юга). В снежную морозную ночь офицеры, без поддержки застрявшей в грязи и снегу артиллерии, без помощи казаков, в отчаянном броске сбили с позиций красных и ворвались в станицу. Сей поход белых, получивший название «Ледяного похода», стал со временем «не то былью, не то сказкой» и воспринимался как вершина мужества героев-первопоходцев. Историк пишет: «Генерал Марков казался вездесущим... «С ним не пропадём и везде пройдем!» — отзывались о Маркове офицеры.

Встречают Белую армию

Нервный, злой, но работоспособный и талантливый, военачальник заслужил большое уважение со стороны офицерства». Он был всегда рядом с его бойцами. Можно с уверенностью сказать, что Марков являлся воплощением духа армии и что «такая пассионарная личность была востребована на данном этапе антибольшевистского похода». У белых будут два признанных героических ледовых похода — войск Маркова (на юге) и отрядов Каппеля (на востоке).

Вдобавок ко всем этим трениям и претензиям на «незалежность», их участие в борьбе против большевиков казаки обусловили политическими и, прямо-таки скажем, грабительскими экономическими требованиями к российской центральной власти. Вот что писал генерал Деникин: «Уже в конце октября 1917 года казаки в лице представителей Союза казаков Дона, Кубани, Терека, Астрахани и Северного Кавказа искали связи с правительством, предлагая помощь против большевиков... обуславливая её целым рядом экономических требований: беспроцентным займом в полмиллиарда рублей, отнесением на государственный счет расходов по содержанию казачьих частей и даже оставлением за казаками всей «военной добычи» (!), которая будет взята в предстоящей междоусобной войне по свержению большевиков и возвращению власти в руки Временного правительства». В ответ на призыв есаула защищать казацкую волю ему отвечали так: «Ежели сам хочет, пушай и стоит есаул, а мы четыре года постояли, с нас будя». Опасаясь казачьего сепаратизма и непомерных

Генерал С.Л. Марков. 1918—1919 гг.

амбиций иных из господ атаманов, А. Деникин расформировал части кубанских казаков. С нескрываемой горечью писал: «Донские казаки... не восприняли ни большевистской идеологии, ни нашей. Они богаты, сыты и мечтают лишь извлечь выгоду как из нас, так и из красных. Они опомнятся лишь тогда, когда большевики возьмут их за горло!» И когда в ночь с 22 на 23 февраля 1918 г. он отдал приказ об отходе белых от Ростова, генерал Богаевский и его штаб оказались единственными казаками, присоединившимися к Добровольческой армии (М.А. Деникина). Таковы в реальности были глашатаи казацкой «незалежности».

А были среди казаков и те, кто боролся за Советскую власть. Вполне сознательно. Сама жизнь подвела казаков к противостоянию и в своей среде. «Только в 1918 году история окончательно разделила верховцев с низовцами, — писал Михаил Шолохов. — Но начало раздела намечалось ещё сотни лет назад, когда менее зажиточные казаки северных округов, не имевшие ни тучных земель Приазовья, ни виноградников, ни богатых охотничьих и рыбных промыслов, временами откалывались от Черкаска,

чинили самовольные набеги на великоросские земли и служили надежнейшим оплотом всем бунтарям, начиная с Разина и кончая Секачом. Даже в позднейшие времена, когда всё Войско глухо волновалось, придавленное державной десницей, верховские казаки поднимались открыто и, руководимые своими атаманами, трясли царевы устои: бились с коронными войсками, грабили на Дону караваны, перемётывались на Волгу и подбивали на бунт сломленное Запорожье». Надо учесть и то, что со времен Петра часть казачества отнесена к тем, кого власть считала неблагонадежными и смутьянами. Таковы казаки. С одной стороны, вроде бы были за царя и против «коммунистов-дармоедов», за справедливость, казацкую волю и против политики «расказачивания», к которой приложил свою кровавую руку Свердлов. Однако тут всё не просто... Вон прошло почти сто лет, а «дух сепаратизма» у казачества не умер... И вот в ноябре 2005 г. донские атаманы объявили о намерении «побороться» за воссоздание Области Войска Донского (через объединение Ростовской и Волгоградской областей), а также за юридическое признание казачества неким особым народом, живущим на территории Российской Федерации.

О том, как тяжело пришлось казакам между двух огней, пишут историки. В первые три дня после вхождения в Оренбург Красной гвардии несколько десятков станиц заявили о признании советской власти. Но те не искали диалога с казачеством, требуя подчинения. Рассылка по ближайшим станицам продотрядов привела к возникновению партизанских отрядов «самозащиты». ВРК 3 марта 1918 г. пригрозил, что если «какая-нибудь станица окажет содействие контрреволюции приютом, укрывательством, продовольствием и пр., то станица такая будет уничтожаться беспощадно артиллерийским огнем». Красные стали брать заложников. В городе началась настоящая «охота на казаков». Людей убивали за их принадлежность к казачьему сословию (инвалидов, пожилых и больных людей). В ответ уничтожено несколько продотрядов в казачьих станицах. Начались облавы в станицах, аресты священников казачьих приходов, расстрелы, контрибуции, реквизиции. Артиллерийским огнём уничтожено 19 станиц. Станицы запаниковали. Потоком

Писатель Михаил Шолохов

пошли протоколы станиц о желании начать мирные переговоры, ибо «мы меж двух огней». Однако коммунистические власти ответили очередным ультиматумом, пригрозив «беспощадным красным террором»: «Винновы станицы» будут «без всякого разбора виновных и невиновных сметаться с лица земли». На съезде трудового казачества 8 мая казаки поставили вопрос об отношении к ним — «нас, казаков большевики не признают»; «слово «казак» и с арестованным расчёты коротки». Собравшиеся требовали прекращения неоправданных арестов и расстрелов, реквизиций и конфискаций. Сходная ситуация имела место на Дону: в станице Вёшенской в конце 1918 г. произошло восстание против белых. В ночь на 11 марта 1919 г. восстание вспыхнуло вновь, теперь уже по причине недовольства политикой большевиков. Обе стороны действовали практически одними методами. В начале 1918 г. Оренбург в течение нескольких месяцев был под контролем красных, затем в город вступил атаман А. Дутов. Но устанавливаемые им порядки были удивительно схожи с порядками, насаждав-

шимися коммунистами. Газета «Народное дело» назвала это «Большевизмом наизнанку». Из местных органов власти были изгнаны политические противники. Введена цензура. Все налагали контрибуции. Появился институт заложничества: красные брали из «эксплуататорских классов», белые — «из кандидатов в будущие комитеты бедноты и комиссары». Аресты по классовому признаку: красные арестовывали казаков и буржуазию, белые — рабочих за «активное участие в шайке, именующей себя большевиками». В равной мере от тех и других страдали казаки, пытавшиеся вести диалоги с властями. Сразу после занятия Оренбурга красными была закрыта казачья газета, бывшая в оппозиции атаману Дутову, арестованы казаки, выступавшие за диалог с Советами. Распущен исполком Совета казачьих депутатов. Затем этих же людей репрессировал уже Дутов.

Для многих представителей Белого движения, по словам Н.В. Савича, «на первом плане была родина, спасение государства, а его устройство казалось вопросом завтрашнего дня». Белое движение принято ныне рисовать в белых одеждах. «Белые — честные до донкихотства. Грабеж у них — несмыслемый позор. Офицер, который видел, что солдат грабит, и не остановил его, — конечный человек. Он лишился чести. Он больше не «белый» — он «грязный». Белые не могут грабить. Белые убивают только в бою. Кто приколол раненого, кто расстрелял пленного — тот лишен чести. Он не белый, он — палач. Белые не убийцы: они воины. Белые рыцарски вежливы с мирным населением... Белые не апаши — они джентльмены.

Белые тверды, как алмаз, но так же чисты. Они строги, но не жестоки... Карающий меч в белых руках неумолим, как судьба, но ни единый волос не спадёт с головы человека безвинно... Белые имеют бога в сердце... Белые твёрдо блюдут правила порядочности и чести... Белых тошнит от рыгательного пьянства, от плеванья и от матерщины... Белые умирают, стараясь улыбнуться друзьям. Они верны себе, родине и товарищам до последнего вздоха. Белые не презирают русский народ... Ведь если его не любить, за что же умирать и так горько страдать?.. Белые питают отвращение к ненужному пролитию крови и никого не ненавидят... Белые не мечтают об истреб-

Парад студенческих дружин. Ростов. 1919

лении целых классов или народов... Ведь они белые воины, а не красные палачи... Разве это люди?.. Это почти что святые» (Шульгин) Если кого уж и причислять (и не к святым, а скорее к жертвам), так это кадет и юнкеров, шедших в бой ради святой идеи, казалось бы, спасения родины.

Страшна ноша той войны... И здесь нужно быть абсолютно честным. Если хотите, то скрупулезно честным. Нельзя допускать и капли лжи, каковой может быть и полуправда. На втором канале РТР 13 декабря 2006 г. показали фильм «Юнкера. Последние рыцари империи». Грустное это было зрелище... Создатели фильма пытались внушить народу, что эти юноши, юнкера Александровского, Константиновского, Владимирского и проч. училищ были «последними рыцарями империи». Они ожесточенно сражались с красными в Москве, Киеве, Петрограде, на Юге, составив 1-ое военное подразделение Белой армии. Один из очеркистов писал о первом боевом крещении этих юношей из белой гвардии против красных: «Так, кровью морских кадетов и гардемарин, перемешанной с

кровью других русских детей — кадетов сухопутных корпусов и гимназистов, обогрилась русская земля в первом бою, положившем основание Добровольческой армии и последовавшей затем многолетней упорной борьбе русских национальных сил против красных предателей!». «Не было ничего величественнее и трагичнее, чем эти дети-добровольцы», — писал другой очевидец событий тех лет.

Главная мысль фильма в том, что якобы правда на их стороне. Рус-

ский же тёмный народ, как попытался нас уверить с экрана дин С. Волков, не понял, де, что ему надо было тогда идти вместе с белыми, не понял, что большевикам «Россия не нужна». Зачем так кромсать историю? Смею утверждать совсем обратное. Как раз подавляющая часть нашего народа прекрасно поняла, что именно произошло в России. Потому за красным воинством пошли не только крестьяне и рабочие в массе, но и большая часть тех офицеров и служащих, что вдоволь «наелись» самодержавия, видя полную беспомощность царской бюрократии в двух войнах (Русско-япон-

Юнкера Александровского военного училища

ской и Первой мировой войнах). Так чью же Россию всё-таки защищали господа юнкера? Россию кучки капиталистов и дворян-помещиков! Таким же образом и сегодня русское воинство встаёт перед вопросом: что же оно будет защищать в случае большой войны, если, не дай Бог, та случится: чьи капиталы и дворцы, господ олигархов?

Хотя, действительно, мужеству юнкеров следует отдать должное... Юнкера Сергиевского артиллерийского училища в Одессе, отбросив красных контратакой, дали возможность эвакуироваться и спастись многим представителям белого воинства. А взять отвагу юнкеров, спасавших раненых командиров ценой их жизни! А. Туркул в известной книге «Дроздовцы в огне» дал потрясающее описание тех «галчат» Белого движения, отважных юношей, которых взрослые прозвали «баклажками». «Мы все были тогда очень молоды, но была невыносима эта жалость к детству, брошенному в боевой огонь, чтобы быть в нём истерзанным и сожжённым. Не я, так кто-нибудь другой всё же должен был взять их с собой. Со стеснённым сердцем я приказал разбить их по ротам, а через час, под огнём пулемётов и красного бронепоезда, мы наступали на станцию Ямы, и я слушал звонкие голоса моих удалых мальчуганов. Ямы мы взяли. Только один из нас был убит. Это был мальчик из нового пополнения. Я забыл его имя. Над полем горела вечерняя заря. Только что пролетел дождь, был необыкновенно безмятежен и чист светящийся воздух. В долгой луже на полевой дороге отражалось жёлтое небо. Над травой дымила роса. Тот мальчик в скатанной солдатской шинели, на которой были капли дождя, лежал в колее на дороге... Были полуоткрыты его застывшие глаза, как будто он смотрел на жёлтое небо. У него на груди нашли помятый серебряный крестик и клеенчатую черную тетрадь, гимназическую общую тетрадь, мокрую от крови. Это было нечто вроде дневника, вернее, переписанные по гимназическому и кадетскому обычаю стихи, чаще всего Пушкина и Лермонтова... Я сложил крестом на груди совершенно детские руки, холодные в каплях дождя. Тогда, как и теперь, мы все почитали русский народ великим, великодушным, смелым и справедливым. Но какая же справедливость и какое великодушие в том,

*Генерал-майор А.В. Туркул.
1892—1957*

что вот русский мальчик убит русской же пулей и лежит на колее, в поле? И убит он за то, что хотел защитить свободу и душу русского народа, величие, справедливость, достоинство России. Сколько сотен тысяч взрослых, больших, должны были бы пойти в огонь за своё отечество, за свой народ, за самих себя, вместо того мальчугана. Тогда ребёнок не ходил бы с нами в атаки. Но сотни тысяч взрослых, здоровых, больших людей не отозвались, не тронулись, не пошли. Они пресмыкались по тылам, страхась только за свою в те времена ещё упитанную человеческую шкуру. А русский мальчуган пошёл в огонь за всех. Он чувал, что у нас правда и честь, что с нами русская святыня. Вся будущая Россия пришла к нам, потому что именно они, добровольцы — эти школьники, гимназисты, кадеты, реалисты, — должны были стать творщей Россией, следующей за нами. Вся будущая Россия защищалась под нашими знаменами; она поняла, что советские насильники готовят ей смертельный удар. Бедняки-офицеры, романтические штабс-капитаны и поручики и эти мальчики-до-

Юный жизни цвет

бровольцы, хотел бы я знать, каких таких «помещиков и фабрикантов» они защищали? Они защищали Россию, свободного человека в России и человеческое русское будущее. Поэтому-то честная русская юность — всё русское будущее — вся была с нами. И ведь это совершенная правда: мальчуганы повсюду, мальчуганы везде». И горько, и страшно, и больно читать эти строки... Больно за этих погибших детей...

В словах есть частица, капля правды, но вместе с тем и море лжи... Правда в том, что это — благородные и чистые души. Они первыми дали вооружённый отпор большевикам на Волге (Ярославский, Симбирский, Нижегородский кадетские корпуса разгромлены). Их ловили в городах, на станциях, в вагонах и на пароходах, избивали, калечили, выбрасывали на ходу с поездов, бросали в воду. Отважно проявили себя псковские, симбирские, киевские, одесские, ташкентские, московские кадеты. Нам тоже хотелось бы написать стихи-воспоминания «о весёлом маленьком кадете»... Ведь и первые добровольцы, начавшие борьбу

против красных у Ростова и Таганрога, были в огромном большинстве составлены из кадетов и юнкеров. «Как звёзды были их глаза», — скажет о них поэтесса. Эти юные глаза, увы, очень часто после боя застывали в вечном безмолвии смерти...

«Я не знаю кому и зачем это нужно. Кто послал их на смерть недожаренной рукой?» Жаль этих юношей, гимназистов, реалистов, кадетов, что в мирной стране и в иное время могли стать инженерами, учёными, педагогами, художниками... Генерал А. Туркул писал об этих «цветках русской юности», о сражающейся в рядах Белой армии молодёжи: «К таким добровольцам я всегда присматривался с чувством жалости и нежного стыда. Никого не было так жаль, как их, и было стыдно за всех взрослых, что такие мальчуганы обречены вместе с нами на кровопролитие и страдание. Кромешная Россия бросила в огонь и детей. Это было как жертвоприношение... Подростки, дети русской интеллигенции, поголовно всюду отзывались на наш призыв. Я помню, как... в Мариуполе к нам в строй пришли почти полностью все старшие классы местных гимназий и училищ. Они убегали к нам от матерей и отцов. Они уходили за нами, когда мы оставляли города. Кадеты пробира-

Боец Белой армии — дитё

лись к нам со всей России... Русское юношество, без сомнения, отдало Белой армии всю свою любовь, и сама Добровольческая Армия есть прекрасный образ русской юности, восставшей за Россию... Как внезапно падало сердце, когда заметишь в огне, в самой жаре, побледневшее ребяческое лицо с расширенными глазами. Кажется, ни одна потеря так не била по душе, как неведомый убитый мальчик, раскинувшийся руки в пыльной траве». А. Марков приводит данные, которые и правда потрясают... За период 1917—1918 гг. в России погибли все военные училища, 23 кадетских корпуса из 31, существовавшего до марта 1917 г. Судьба большинства ужасна. поголовно уничтожены кадеты и персонал Ташкентского корпуса. Это был акт мести (кадеты приняли участие в обороне этой крепости с юнкерами и школами прапорщиков), и его «можно приравнять разве что к избиению младенцев на заре Нового Завета».

Правда, у этих «младенцев» в руках было оружие — и оно несло смерть красным бойцам. Один из англичан, бывший тогда на Юге России сказал, что «в истории мира он не знает ничего более замечательного, чем дети-добровольцы Белого движения». Пожалуй, верно. В сравнении с отчаянно-бескорыстной храбростью почти детей просто вопиюще выглядит подлость и трусость правящего класса России, сбежав-

шего с поля боя. Спасая свои шкуры в Парижах, Лондонах и Нью-Йорках, эта сволочь хотела вернуть богатства ценой жизни мальчишек. Стыдно, господа! Так сами того не ведая, юнцы защищали миллионы и дворцы знати! В этом случае я готов даже согласиться со словами генерала Алексева. Он, стоя у могил убитых кадетов и юнкеров, сказал тогда: «Я вижу памятник, который Россия поставит этим детям, и этот памятник должен изображать орлиное гнездо и убитых в нём орлят...» Да — красным и белым! Представьте себе на мгновение, если бы мы в СССР имели этих офицеров, грамотных и прекрасно образованных, в дни, когда на нас навалились фашистские орды. Можно только мечтать. Верим, потомки «красных» и «белых», офицеры и солдаты ныне будут в одном строю. Явятся новые юнкера и кадеты, хотя суворовец и нахимовец звучит и понятнее и почётнее!

Всё же русские — народ удивительный. Видимо, есть нечто в них, что привлекает в Россию и заставляет её защищать даже бывших чужеземцев... Вот слова офицера «из немцев», сражавшегося в Белой армии на юге России — В. Даватца... Причём, он «уходил в армию, которая погибала», уходил не в «момент торжества и подъёма, но в момент её распада и унижения». Это натура поэтическая, из таких людей выходят

поэты, учёные, художники и профессора. Вот как он сам объяснял свои духовные и идейные мотивации, скорее может грёзы ранней юности: «Я любил сидеть перед камином и мечтать. И мечтал я больше всего о том, как сделать мою жизнь красивой и достойной. И тогда ещё, юноше, казалось мне, что жизнь моя должна быть прежде всего подвигом. Во имя чего — я не знал этого. Я знал только, что я последний отпрыск древнего баронского дома. За мною, в глубь веков, уходили мои предки — наместники, верховные судьи, учёные, погло-

Ярославский Кадетский корпус (1887—1898 гг.)

щённые изучением древних книг, военные, духовные, изощренные в тонкостях иезуитской диалектики, и все они — далекие и близкие — требуют от меня чего-то, чтобы я был достоин их, чтобы я опять вернул их роду прежний блеск и прежнюю силу. Дед и отец порвали связь с далёким Западом и затерялись в снегах холодной России; внуку надлежит здесь вернуть обаяние отдалённых веков». Ради чего пошёл биться? Что его подвигло к этому? Он пишет: «Я готов был биться, — теперь я уже знал за что, — за свободу народа, за его счастье, при котором моё личное счастье, моя личная свобода кажутся пустяками». Что ж, понимаю...

Были и такие — честные, чистые, сильные, смелые, независимые, гордые... Из числа тех, кто прошёл школу великого князя Константина Константиновича, возглавлявшего военное обучение и воспитание кадетских училищ с 1900 по 1910 годы. Он умер в 1915 г., не выдержав гибели сына, князя Олега, погибшего от раны, полученной в кавалерийской атаке против немцев. О его смерти в некрологе писали: «Все осознают, что потеряли не только просвещённого, благожелательного начальника и руководителя, но и в высшей степени преданного своему делу педагога, исполнявшего свои многотрудные обязанности не по одному лишь сознанию долга, а по чувству искренней любви к питомцам наших учебных заведений. Эта трогательная, отеческая любовь проявлялась в каждом его ласковом слове, в каждой шутке, с которой он так часто обращался к кадетам и служащим, в каждом его распоряжении... Все должны признать, что для каждого военного педагога, для каждого кадета и юнкера годы управления Великого Князя останутся самыми светлыми воспоминаниями во всей их дальнейшей службе». Они шли в бой за ту старую, в чём-то милую и прекрасную, но уходящую Россию... Потрясённые вакханалией насилия, разбоя, какой Русь не видела со времен татаро-монгольского нашествия, шли они в Белую армию исключительно по зову сердца... За что шли? За закат над знакомым полем и лесом, за чаепитие

Воспоминания о прошлом

в кругу родных и близких, за сад, что «весь умыт был весенними ливнями», за «белой акации гроздь душистые», что «ночь напролёт» их «сводили с ума».

Князь Ф. Касаткин-Ростовский в 1919 г. написал стихотворение «Трёхцветный флаг», слова которого затем положены на музыку. Были там и такие слова: «Подобно

А.Н. Ромасюков. Юнкер. Письмо

Белые атакуют

витязям варягам, / Чтоб воедино Русь собрать, / Идёт на бой с трехцветным флагом / Без страха смерти наша рать./ Ей не страшны в пути лишения, / Смешон кровавых страхов бред, / Она несёт к нам возрождение / В сиянье радостных побед!» Среди участников Белого движения было немало убежденных и смелых бойцов, особенно на первом его этапе. Тех, кто, как говорилось в песне, «рождён для службы царской, и полюбил кровавый бой». Генералы, офицеры, солдаты, казаки, юнкера — «они шли в свинцовый ураган в полный рост». Среди белых воинов на слуху были имена — Марков, Дроздовский, Каппель, Войцеховский, Слащёв и др. Вот как описал Слащёв «психическую атаку» белых под Перекопом (известную по фильму «Чапаев»)… В рукопашном бою на Перекопе были убиты 3 офицера и 29 юнкеров, ранены ещё 4 офицера и 51 юнкер — четвертая часть училища. Среди погибших попадают фамилии мальчишек, знаменитые на всю Россию: Мусин-Пушкин, Иловайский, Штакельберг. В апреле 1920 г. Киевское училище ещё раз было вызвано на фронт. Здесь оно особо отличилось, проведя против большевиков знаменитую психическую атаку. «Я отдал приказ юнкерам построиться в колонну по отделениям и двинул её на гать с мо-

стом. Артиллерия красных стала стрелять беспорядочно: ни один снаряд не падал на гать. Ружейный огонь был не менее беспорядочен — пули летали через головы. Батальон втянулся на гать; сначала отдельные красные, а потом вся их цепь стала отбегать назад, артиллерия смолкла: видимо, взялась в передки, — сзади несло «ура» бригады 13-й дивизии, нестройными толпами сбегавшей на гать, а юнкера шли с музыкой. Я невольно подумал, что красным достаточно было бы одного пулемета и одного орудия, но не в дрожащих руках, чтобы смести всё это, но такова сила нервного шока, который всегда возможен во всяком бою. Ошеломить можно кого угодно». Иные белые были, при их мужестве и отваге, чернее дьявола.

Генерал Я.А. Слащёв

Таков герой из булгаковского «Бега», генерал Слащёв, «украшивший» виселицами весь Крым. Я.А. Слащёв (1885—1929) отличался особой, безумной отвагой. Правда, он злоупотреблял спиртным и наркотиками. Хотя этим в Белой армии было не удивить. Таким был и «белый дьявол», сотник Греков, усердствовавший в арестах и расстрелах. Незаурядную храбрость показал другой белый генерал, В.З. Май-Маевский, который между делом преспокойно мог выпить два стакана водки (он и умер в 53 года фактически от запоя). Слащёв моложе. Деникин писал о нём: «Это был ещё совсем молодой генерал, человек позы, неглубокий, с большим честолюбием и густым налётом авантюризма. Но за всем тем он обладал несомненными военными способностями, порывом, инициативой и решимостью. Корпус повиновался ему и дрался хорошо». Как-то Врангель побывал в вагоне, где жил Слащёв, с женой-ординарцем Нечволодовой. Он писал: «Слащёв жил в вагоне на вокзале. В вагоне царил невероятный беспорядок. Стол, уставленный бутылками и закусками, на диванах — разбросанная одежда, карты, оружие. Среди этого беспорядка — Слащёв в фантастиче-

ском белом ментике, расшитом желтыми шнурами и отороченном мехом, окруженный всевозможными птицами. Тут были журавль, и ворон, и ласточка, и скворец. Они прыгали по столу и дивану, вспархивали на плечи и голову своего хозяина. Я настаивал на том, чтобы генерал Слащёв дал осмотреть себя врачам. Последние определили сильнейшую форму неврастении, требующую самого серьезного лечения. По словам врачей, последнее возможно было лишь в санатории, и рекомендовали генералу Слащёву отправиться для лечения за границу, но все попытки мои убедить его в этом оказались тщетными, и он решил поселиться в Ялте». Такой вот персонаж.

В мужестве ему не откажешь. Генерал любил повторять: «Колеблющимся в бою нет места — пойдут только решившиеся победить или умереть». Малочисленный корпус Слащёва (5—6 тыс. человек) на какое-то время и отстоял Крым от красных и от войск Махно. Врангель, подписывая приказ о его увольнении, присвоил ему звание «Крымский». Позднее, будучи в Константинополе, в письмах и печати, тот резко осуждал Врангеля, его штаб («тыловая слякоть», «паразиты морального сыпняка» и «трусливая штабная сволочь»). Главного, чего ему так и не смогли простить белые, так это заявления, сделанного им уже после того, как он узнал о подписанном соглашении Врангеля с Антантой. Слащёв промолчать не счёл для себя возможным: «Красные — мои враги, но они сделали главное — моё дело: возродили великую Россию! А как они её назвали — мне на это плевать!» — заявил он. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Именно за это честное заявление по приговору суда чести он и был уволен от службы в рядах Белой армии (и без права ношения мундира). Это высказывание Слащёва вскоре стало известно и в Москве. Председатель ВЧК Ф. Дзержинский на заседании Политбюро потребовал включить в повестку вопрос: «О приглашении бывшего генерала Слащёва на службу в Красную армию». Мнения лидеров большевиков разделились. «Против» выступили Зиновьев, Бухарин, Рыков, «за» — Каменев, Сталин, Ворошилов. Воздержался — Ленин. Их голоса в конечном счёте перевесили. В результате, в ноябре 1921 г. на итальянском пароходе «Жан» Слащёв и его окружение

В объятиях возлюбленной

прибыли-таки в Севастополь. Советская Россия высоко оценила неожиданный и весьма выгодный для неё в плане политическом поступок Слащёва. Чуть позже примеру Якова Александровича последовали бывшие белые генералы Клочков, Зеленин, Доставалов, полковники Житкевич, Оржаневский, Климович и Лялин. Все они получили в Рабоче-крестьянской Красной армии высокие командно-преподавательские должности, свободно выступали в дискуссиях по истории Гражданской войны. Слащёв затем обратился к солдатам и офицерам Русской армии, призвав их возвращаться на родину, опубликовал книгу «Крым в 1920». С 1922 г. числился преподавателем тактики школы комсостава «Выстрел». В 1929 г. Слащёв был убит в помещении школы, якобы из личной мести застрелен троцкистом Коленбергом. Убийца сразу заявил, что отомстил за своего брата, повешенного в Крыму. Убийство совпало с волной репрессий, обрушившихся на бывших офицеров Белой армии в 1929—1930 гг. Хотя опять же заметим, что подавляющее большинство офицеров, честно служивших Советской России, и при Сталине продолжали работать на своих постах, принося несомненную и огромную пользу «красной империи».

Воздадим должное белым воинам... Скажем, славились мужеством бойцы знаменитого Корниловского полка. Их цепи в чёрных гимнастерках с белыми кантами, черепахи на рукавах шли в атаку, в свин-

Белая армия. Корниловцы

цовый ураган в полный рост. «Огонь косил, но те чёрно-малиновые фуражки, что держались на ещё целых головах, непоколебимо плыли над степью, а впереди на гнедом коне ехал их молодой командир-полковник с Георгиевским крестом и Крестом первопроходника на груди». Выделялся своей отвагой генерал Г. Бабиев (?—1920), закончивший Первую мировую войну в звании войскового старшины, как и легендарный комдив красных во 2-й Конной армии — Миронов. Бабиев имел 19 ранений, одно из которых фактически свело ему руку. Н. Рутыч в справочнике пишет о нём так: «Бабиев был одним из наиболее блестящих кавалерийских генералов на Юге России. Совершенно исключительного мужества и порыва, с редким кавалерийским чутьем, отличный джигит, обожаемый офицерами и казаками, он, командуя полком, бригадой и дивизией, неизменно одерживал блестящие победы. За время Великой войны и междоусобной брани, находясь постоянно в самых опасных местах, генерал Бабиев получил девятнадцать ран. Правая рука его была сведена, однако, несмотря на все ра-

Награды "За ледяной поход"

нения, его не знающий удерживать порыв остался прежним. Горячий русский патриот, он с величайшим негодованием относился к предательской работе казачьих самостийников». В конные атаки он летел, словно архангел смерти, держа в зубах поводья. И шашка его разила красных без пощады... Участник десанта генерала Улагая на Кубань, он будет убит снарядом во время Заднепровской операции (30.09.1920). Немало случаев отчаянной отваги и мужества демонстрировали и другие белые бойцы (рейд партизан генерала Казановича, едва не взявших в одиночку Екатеринодар; безумная храбрость Неженцева и т.п.).

Назовем имя легендарного 27-летнего полковника Ф.И. Елисеева, отважного командира казаков-лабинцев из знаменитого Кубанского Казачьего Войска... Казак Елисеев, писавший, что его душа «с самых ранних лет стремилась к одному, я хотел быть офицером», не раз громил и гнал превосходящие силы большевиков, захватывал в плен целые полки красных — во главе с их командирами и комиссарами. «Жизнь его отмечена событиями, выделяющими её даже на фоне весьма причудливых судеб русских эмигрантов, а фигура его давно заслуживает особого внимания. Фёдор Иванович

Полковник Белой армии Ф.И. Елисеев

Елисеев — не только боевой офицер, но один из наиболее крупных военных историков и мемуаристов русского зарубежья. Он оставил тысячи страниц произведений, посвященных истории полков Кубанского казачьего войска, начиная с предвоенного времени. Собственно, большую часть того, что было написано в эмиграции по истории кубанских частей, составляют именно труды полковника Ф.И. Елисеева... Свод воспоминаний Елисеева о полках Кубанского казачьего войска, в которых ему довелось служить, по объёму, степени подробности и насыщенности фактическим материалом практически не имеет себе равных, являясь ценнейшим источником по истории 1-й мировой и Гражданской войн. Он сохранил для истории имена многих сотен своих товарищей по оружию...», — отмечает дин С.В. Волков. Елисеев прожил 95 лет, до 1987 г. Но и этот мужественный воин и честный человек вынужден был, хотя бы сам себе, задавать болезненные вопросы. В чём причина гибели Кубанской армии? И не только Кубанской, а всех белых сил? Одной из причин было слабое руководство Белым движением. Во главе Белой армии, давайте не будем об этом забывать, стояли те генералы, что, во-первых, выбили опоры империи и важнейшие устои отечества (вспомним хотя бы их предательство царя-батюшки) и, во-вторых, в условиях относительной стабильности царской России именно они и проиграли сначала Русско-японскую, а затем и Первую мировую войну. У них выработался уже и стереотип поражения. Кроме того они не могли не видеть, что против них выступает большинство населяющих Россию народов, не могли не видеть и того, что становятся пешками в игре крупных иностранных держав, а те преследуют свои корыстные интересы.

Офицерство устало от войн, всеобщего разброда, шатания. Тут, отмечал главный Комитет, наблюдались «некоторая апатия и отсутствие необходимой жизнедеятельности». Приведу и слова генерала Брусилова: «Кажется, было ясно, что вопрос о принципах и основах управления Россией находился в руках армии, т.е. миллионов бойцов, бывших на фронте и подготовившихся в тылу, составлявших цвет всего населения и к тому же вооруженных. Корпус офицеров, ничего не понимавший в политике,

А.Н. Ромасюков. Ледяной поход

мысль о которой им была строжайше запрещена, находился в руках солдатской массы, и офицеры не имели на эту массу никакого влияния; возглавляли её разные эмиссары и агенты социалистических партий, которые были посланы Советом рабочих и солдатских депутатов для пропаганды мира «без аннексий и контрибуций». Такой офицерский корпус, ясно, не был в состоянии одолеть более многочисленного и к тому же идейно убеждённого врага.

Кроме прочего, работать им приходилось в неблагоприятной обстановке. Что имею в виду? Прежде всего непонимание, которое встречало офицерство со стороны солдат и матросов. Офицеры Черноморского флота сообщали, что «Союз» почти не действует, невозможно собрать кворум. Некоторые офицеры выходили из «Союза», так как «союз отчуждал их от матросов». Другие указали на терроризированность основной массы строевых офицеров, на их разобщенность и разрозненность. Новосильцев писал о том, как в июне 1917 г. их встречали в Москве: «Нас в Совете (офицерских депутатов) большинство встретило до известной степени недоумением — зачем офицерский союз, зачем это отделение от солдат, не будет ли это вредно». Обычные возражения офицерства. Но если противодействие солдатской массы воспринималось в общем и целом как

закономерный итог, то совершенно неожиданным оказалось недовольство и возражения со стороны высших офицеров и даже генералов (командующий Омским военным округом генерал Григорьев и др.). К августу 1917 г. удалось «завербовать» в Союз несколько десятков тысяч членов офицеров, при общей численности офицерского корпуса более 190 тысяч офицеров сухопутных частей и более 6 тысяч офицеров во флоте. Возник острый конфликт между Союзом Офицеров и «Военной Лигой», которая появилась в Петрограде после февраля 1917 г. и занималась

правовыми вопросами. Лига не хотела конфликтовать с Совдепами и призывала работать совместно на благо армии и флота обновленной России. Полный хаос таким образом царил в офицерских головах.

Описание типов белогвардейских офицеров даёт и Н. Реден, служивший в той войне на белом бронепоезде «Адмирал Колчак»: «Одна категория белых офицеров несла большую ответственность, чем другие, за потерю престижа антибольшевистским движением в массах населения России. Часть офицерства состояла из военных, ожесточившихся в ходе мировой войны, революции, красного террора. Ими двигало стремление к немедленной мести. К сожалению, в результате пятилетнего хаоса и кровопролития эта категория людей численно увеличилась. Они несли ответственность за потерю престижа белой армии. Им были чужды какие-либо угрозы совес-

М. Греков. Бой у Генеральского моста под Ростовым

Атаман П.Н. Краснов

Генерал В.З. Май-Маевский

ти. Они не просили и не давали пощады, грабили и терроризировали гражданское население, расстреливали дезертиров и пленных из Красной армии. Перед своими солдатами такие офицеры становились в позу Робин Гудов, не считающихся с законом, разыгрывая из себя справедливых, но беспощадных атаманов... Когда я посещал подразделения таких командиров, у меня складывалось впечатление, что вернулся в Средневековье и попал в банду грабителей. Отношения между регулярными войсками и этими противозаконными бандами обычно переходили в состояние открытой враждебности... Если офицеры, превратившиеся в грабителей и убийц, представляли одну крайность, другую (второй тип. — *Ред.*) составляли люди совершенно деморализованные событиями предшествующих лет. Некоторые из них прибыли на фронт из тыла, но не потому, что повиновались чувству долга или стремились отстоять в борьбе свои убеждения, а из-за того, что не были востребованы в других местах. Большинство из них были принудительно мобилизованы в Красную армию, в рядах которой они воевали спустя рукава. Попав в плен к

белым, они воспринимали перемену в своем положении как естественный ход событий. Часто превращение из красного в белого длилось всего несколько часов... Меня поражала пассивность этих... офицеров. Их апатию нельзя было считать напускной: просто они утратили всякую надежду на будущее. Они приходили в движение, подобно изношенным автоматам, механически следуя командам и выполняя любое задание. Они не жили, а существовали, не воевали, а цеплялись за жизнь. Духовно и эмоционально они стали мертвецами. Третий тип белого офицера представлял собой разительный контраст двум первым. Эта категория состояла из тех, кто не считается с реальностью. Они пребывали в относительном спокойствии, внушая себе веру в то, что ничего не изменилось. Многим из них удалось сохранить хоть что-то из бывшего состояния. Большинство из них служили за линией фронта, предаваясь безопасной игре, в которой больше всего значили соблюдение норм и правил армейской жизни. Очевидно, их нелепое самодовольство могло продолжаться до тех пор, пока другие офицеры и солдаты сохраняли готов-

ность сражаться на фронте, но это соображение не мешало порицать любого человека, который не соблюдал их правила игры».

Между антибольшевистскими силами, как увидим, нередко возникали разногласия как в вопросах общей политической ориентации, так и в вопросах тактики и стратегии. Знаменательно, что командование белых так и не решилось поднять знамя монархии открыто, хотя и прекрасно знало: более 80% офицеров — монархисты. Причина очевидна — антимонархические настроения среди масс крестьянского и казачьего населения. Показателен разговор, состоявшийся между Деникиным и Черчиллем, когда первый покинул Россию. В своих неопубликованных заметках Деникин писал: «В 1920 г. в Лондоне за завтраком, когда поднят был вопрос о причине неудач Юга (России), Черчилль обратился ко мне не то с вопросом, не то с укоризной: — Скажите, генерал, почему Вы не объявили монархии? — Почему я (её) не провозгласил, это и не удивительно, я боролся за Россию, но не за формы правления. И когда я обратился с вопросом к двум своим помощникам — Драгомирову и Лукомскому, людям правым и монархистам, — считают ли они необходимым провозгласить монархический принцип, оба ответили: нет! Такая декларация вызвала бы падение много раньше». Это же А.И. Деникин подтвердил в письмах. В ответ на вопрос о политических лозунгах он писал генералу Н.М. Тихменеву (1918): «Если я выкину республиканский флаг — уйдёт половина (добровольцев), если я выкину монархический флаг — уйдёт другая половина. А надо спасти Россию!» Заколдованный круг командование белых пыталось как-то разорвать — при помощи лозунга так называемого «непредрешенства» (решение вопроса формы политического строя в России отнесли в будущее, которое должно наступить после побед белых ар-

А.И. Деникин с офицерами на вокзале г. Ростова-на-Дону

мий). Одним словом из уже сказанного ясно: ни офицерский корпус, ни белые армии в целом не представляли собой сплоченной военно-политической силы. Идея единого фронта белых — миф. Различия в политических взглядах, подобно разным религиям, вызывало явную или же скрытую враждебность в рядах «разноверцев».

Группы офицеров испытывали друг к другу не только вражду, но порой и ненависть. Уже самые первые шаги выявили разницу в позициях, когда на чёрную доску позора «Союза» угодили поручик Ахтырцев, публично объявивший «Союз офицеров армии и флота» организацией контрреволюционной, и генерал Брусилов, названный «пособником контрреволюции». Вскоре выяснилось, что лежало в основе разногласий. Деникин, стремясь к созданию объединенного антибольшевистского фронта, хотел подключить умеренных социалистов (т.е. правых эсеров, меньшевиков) к антибольшевистскому союзу, против чего решительно возражали монархисты. Как отмечал эсер-белогвардеец, офицеры бывшей гвардии «даже Деникина считают левым, а Колчака большевиком». При этом Врангель враждовал с Деникиным, ведя откровенную борьбу за власть на Белом Юге. Корнилов же, хотя находился в одной связке с Алексеевым, видимо, так и не смог простить ему своего ареста, который он провел под нажимом Керенского. Правда, тот тогда же

Корниловский полк в Галлиполи в 1921 г.

объяснился и даже подал в отставку. Но позорный шаг был сделан... Г. Катков верно пишет: «Благородные высказывания Алексеева не могли рассеять горьких чувств Корнилова к арестовавшему его генералу. Возникшая тогда между ними неприязнь с тех пор никогда не ослабевала, даже во время их совместной борьбы в рядах возглавляемой ими Добровольческой армии». Добавьте сюда желание каждого из высших чинов Белой армии «быть главным генералом», и станет понятным, почему белые в итоге так и не смогли договориться о серьёзной координации действий на фронтах. Из воспоминаний Г. Кирдешова: «Обилие генералов — роковая черта Северо-Западной армии (войск Юденича). Откуда вдруг взялся этот многочисленный генералитет — один бог знает». Вся эта подковёрная возня чудовищно ослабляла армии Белого движения... К.Д. Набоков, российский поверенный в делах в Англии, писал из Лондона «верховному правителю» А.В. Колчаку о разногласиях у Юденича: «То же явление наблюдается у Юденича, вокруг которого идет гибельная рознь и взаимное подкапывание различных русских политических групп». Как тут не вспомнить слова легендарного генерала М.Д. Скобелева, героического победителя русско-турецкой войны. Тот всё удивлялся нетерпимости литературных направлений в России. Нигде борьба идей не переходит в такую ожесточенно-непримиримую борьбу не идей, а отдельных амбициозных личностей как у нас в России. Генералы порой в сто раз хуже писателей.

Корниловский полк рьяно распевал: «Мы белого не жалеем, царь нам не кумир!» (этот гимн генерал Корнилов носил на сердце, в кармане френча). На что Дроздовский полк, бросаая вызов корниловцам, ревел: «Так за царя, за Родину, за Веру, мы грянем громкое «Ура!». Даже генералы находились в конфронтации по политическим или карьерным соображениям. Монархисты люто ненавидели эсеров и кадетов.

Утвердилось даже мнение, что второй человек в армии Деникина, начальник его штаба И. Романовский, — социалист. Внутри Белого движения были силы, которые в Добровольческой армии планировали смещение Деникина со своего поста, и замену его. Заговор монархистов был направлен против А.И. Деникина и начальника его штаба И.П. Романовского. Монархист граф Бобринский заявлял в частной беседе: «Мы не можем кадетов тронуть теперь, потому что они с нами, но настанет день расплаты и для них». А ведь на кадетских позициях стояли ни кто-нибудь, а сам А.И. Деникин, его начальник штаба И.П. Романовский, генерал Марков и др. Такие генералы как М.В. Алексеев, А.С. Лукомский и их сторонники стояли на монархических позициях. Получалось почти-что по Крылову: «Рак тянется назад, а щука тянет в воду». Дело дошло до того, что, как Деникин узнал, одно из покушений на него «торжественно благословил принадлежавший к крайне правому лагерю глава православной церкви Крыма». Понятно, что белые генералы старались не афишировать своих взглядов. Что они могли сказать русскому народу? «И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, народ, не уважающий святынь!» (Гиппиус) За что они сражались? За Россию? Безусловно. Но за какую? Они были честными и достойными офицерами. И.П. Романовский, служивший вместе с Корниловым в Туркестане, говорил, давая показания по «корниловскому» делу, о русском патриотизме и долге офицера: «Самолюбие русского и самолю-

Офицеры Дроздовской стрелковой дивизии. 1920 г.

бие военного, может быть, оно покажется некоторым смешным, направляло меня по пути, который мог бы привести к спасению России, к спасению армии, без которой не может жить Россия. Единственным путем для меня представлялся путь сильной власти, какая будет эта власть для меня, в сущности, всё равно, лишь бы она была сильная, разумная и честная, то есть русская, а не немецкая». Он считал, что нужно сплотиться всем, составить общую программу и направить все усилия в единой цели. Он советовал научиться вкупе и в любви работать, чтобы завоевать своё право на свободу и существование, а потом уже делиться на разные партии. Эти призывы старого боевого генерала так и не были услышаны.

То, что вызывало резкую критику и приводило к деморализации сил во время первой мировой войны, это же сохранилось и усугубилось в условиях гражданской войны, когда вдобавок ко всему пришлось сражаться и с собственным народом. Отсюда масса странных вещей, за которыми скрывается смертельная усталость от ненужной бойни. Как образно скажет один из участников тех боев, «яд о мире был брошен в изболевшуюся казачью душу». Но не только «яд мира» попал в наболевшую казачью душу, но и «яд золота»... Об этом не часто говорят, но Гражданская война в России всё больше превращалась в войну грабительскую (прежде всего со стороны белых, хотя и красные порой мало в чём им уступали). Поэтому не надо иллюзий, не надо фальши и лицемерия, которыми, как видим, потчуют нашу молодежь,

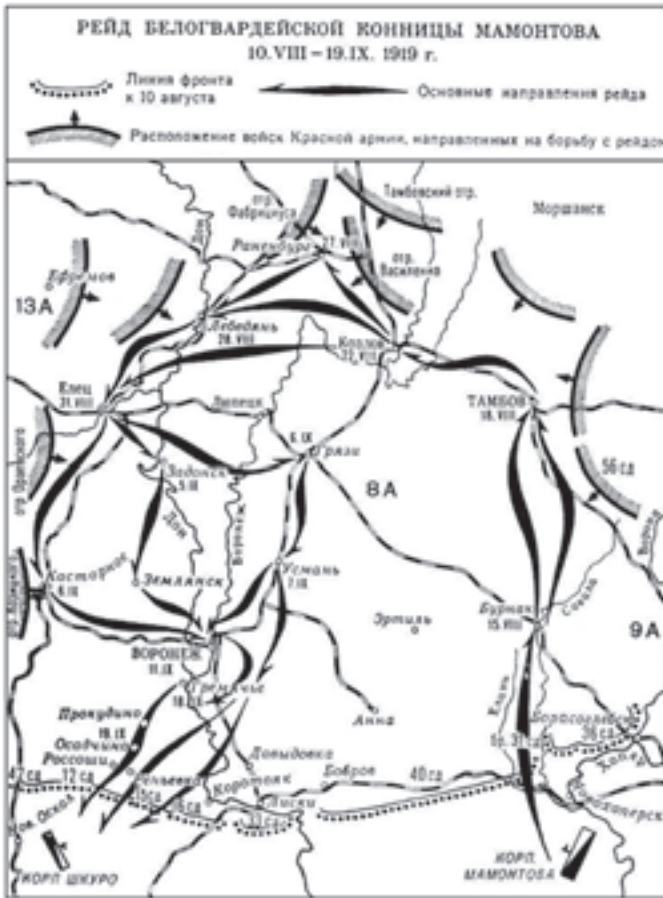
рисую образы белых воинов в облике «святых мучеников» России. Приведём только ряд эпизодов из грабительской «одиссеи» тех и других.

В мае 1919 г. деникинцы идут в наступление... И они почти не встречают сопротивления. По свидетельству очевидца, 2 мая в штаб советской 8-й армии, оборонявшей Луганск, «приехал начальник обороны тов. Лацис и со слезами на глазах сообщил, что он был за фрон-

том 15 верст, нигде неприятеля нет, но армия бежит». Луганск красными сдан без боя 3 мая. Воспоминания свидетельствуют о полном разложении и мародерстве, охватившими части: «Беспрерывные, на несколько десятков верст воинские обозы, нагруженные различным хламом, граммофонами, матрасами, разной мебелью, только не воинским

Генерал К.К. Мамантов

Рейд конницы К. Мамантова в 1919 г.

снаряжением, последнее безжалостно бросалось. Паника неимоверная, на донецкой переправе давка, драка за первенство переправы и если бы, Боже упаси, хоть пять казаков в это время показалось сзади, все потонули бы в Донце. На наше счастье их и близко не было. Они явились в Луганск только к вечеру, на следующий день после нашего отступления». Успеху белых в Украине в немолодой степени способствовало восстановление, поднятое командиром 6-й украинской дивизии красных Н. Григорьевым. Отказавшись подчиниться приказу Троцкого о переброске дивизии в Бессарабию (для оказания помощи Венгерской республике), дивизия повернула оружие против большевиков.

У белых ничуть не меньше было безобразий и анархии. Тут же показательный пример с другой стороны... Взяв Орёл, кор-

ниловские полки оставили фронт и все ринулись в город, обуреваемые жадной наживой. При этом напрочь забыли о дисциплине. Процветало мародерство. Деникин писал жене (июль 1919 г.): «Русский народ снизу доверху пал так низко, что не знаю, когда ему удастся подняться из грязи. В бессильной злобе обещаю каторгу и повешение... Не могу же я сам один ловить и вешать мародёров фронта и тыла!» Позже в мемуарах с горечью скажет: «Надо было рубить с голов, а мы били по хвостам». Или возьмём рейд конницы ген. Мамантова по красным тылам осенью 1919 г. Вначале его «славное воинство», прорвав фронт красных, казалось, полно решимости взять Москву. И хотя вряд ли это было возможно сделать силами 10 000 человек конников, мамантовцам удалось взять Тамбов и Воронеж. Затем произошло то, что должно было произойти с воинством, лишённым высшей цели и ясной идеи, каковыми, при всех очевидных недостатках, обладали красные. Вскоре, как отмечает историк, наступательный порыв белых иссяк. Причина сугубо прозаическая. Дело в том, что белые, врываясь в города и местечки, нередко заставляли красных врасплох. И тогда перед ними вдруг открывались подвалы большевистских чрезвычайек и ревкомов, что буквально ломились от конфискованных у буржуев несметных сокровищ (золото, слитки, драгоценные камни, монеты, ювелирные украшения, произведения искусства, т.п.). Подвалы те напоминали пещеру Али-бабы, разбойника из известных сказок «Тысячи и одной ночи». Это был «конфискат», то, что позже назовут «золотом партии». Сердца казаков не выдержали. Душа собственника при виде немыслимых этих богатств дрогнула... Чекистов и большевиков казаки, ясное дело, поставили к стенке, а золото бережно сгрузили на подводы. Далее начался

скупательный порыв белых иссяк. Причина сугубо прозаическая. Дело в том, что белые, врываясь в города и местечки, нередко заставляли красных врасплох. И тогда перед ними вдруг открывались подвалы большевистских чрезвычайек и ревкомов, что буквально ломились от конфискованных у буржуев несметных сокровищ (золото, слитки, драгоценные камни, монеты, ювелирные украшения, произведения искусства, т.п.). Подвалы те напоминали пещеру Али-бабы, разбойника из известных сказок «Тысячи и одной ночи». Это был «конфискат», то, что позже назовут «золотом партии». Сердца казаков не выдержали. Душа собственника при виде немыслимых этих богатств дрогнула... Чекистов и большевиков казаки, ясное дело, поставили к стенке, а золото бережно сгрузили на подводы. Далее начался

неприкрытый грабеж. Казаки, «славные защитники Белого дела», станичники тащили «грязное золото», напрочь забыв о «святой Руси», о православии, о народе, национальной идее и даже о чертях-большевиках.

Историки так описывают «славный поход» казачков: «Казачков охватила золотая лихорадка. Все военные задачи были немедленно забыты. Вместо похода на Москву Мамантов, почти не встречая организованного сопротивления, чистил подвалы ЧК и РВК. (Потом) на 60 верст, по свидетельству очевидцев, растянулся мамантовский обоз, когда отягощённые добычей казаки повернули назад, но не на соединение с армией Деникина, а домой — на Дон... Казалось, что вернулись славные времена тихого Дона, времена XVI и XVII в., когда донская вольница совершала лихие набеги и с богатой добычей возвращалась к родным куреням. Обнажая фланг армии, корпус Мамантова вступил в родную область Всеволодского Войска Донского. Казаки разбежались по родным станицам и хуторам. В Новочеркасске радостно гудели колокола кафедрального собора, встречая корпус

Мамантова после набегов. Две тысячи казачков привёл с собой лихой генерал, (и ещё) пять тысяч разбежалось по дороге. Радость стояла неопишуемая. Генерал Мамантов только из личной доли пожертвовал на купола и кресты новочеркасских соборов и церковей 90 пудов золота! Ох, отзовется это золото станичникам!.. До 1941 г. чрезвычайная следственная комиссия ГПУ и НКВД будет выдавливать из бывших мамантовцев это золото вместе с кишками. Все они будут взяты на учёт. Многие достанут даже за границу». Большевики это золото с куполов кафедрального собора сняли, а мамантовцев и красновцев пустили в распыл. О масштабах этого повального грабежа, устроенного донскими казаками на захваченных ими у красных территориях, свидетельствовал генерал А.Г. Шкуро (сам, это понятно, далеко не безупречный в вопросах морали и этики). «Мамантов вёл за собой бесчисленные обозы с беженцами и добычей. Достаточно сказать, что я, едучи в автомобиле, в течение двух с половиной часов не мог обогнать их. Казаки Мамантова сильно распустились, шли в беспорядке и, видимо, лишь стремились поскорее донести до хат свою добычу. Она была, по-видимому, весьма богата. Например, калмыки даже прыскали своих лошадей духами». Да и генерал П.Н. Врангель докладывал: «Я уже докладывал главнокомандующему, что доколе во главе конницы будет стоять генерал Мамантов, конница будет уклоняться от боя и заниматься только грабежом».

Впрочем, и генерал Шкуро был очень далёк от «святых идеалов» Белого движения, каким его представляют ныне в нашей прессе и на телевидении... А.Г. Шкуро воплощал, как писали о нём, «дух дикого разгульного казачества времён Богдана Хмельницкого и Стеньки Разина. Его вполне можно представить себе среди героев «Тараса Бульбы» или на картине Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Описание этой колоритной фигуры дал английский офицер, бригадир Вильямсон: «Небольшого роста, с обветренным лицом, с длинными желтыми усами, Шкуро был одной из ярчайших фигур гражданской войны. Кавказец, сын горного племени, он был жестоким дикарём, как лучшие представители его народа. Невозможно было представить его без шапки волчьего меха, крас-

Белые — белые, красные — чёрные

но-бело-синих полосок Добровольческой армии на рукаве, в его кавалерийском полку, в котором было человек 300—400, все вместо каракулевых папах носили шапки волчьего меха. Их штаб размещался в вагонах, на которых были нарисованы волки, преследующие добычу. Это были гордые и своенравные люди, настоящие горцы, вооруженные до зубов: на бедре висел традиционный кинжал, сбоку висела сабля, где-нибудь ещё был спрятан револьвер, а грудь перекрещивали патронташи. Шкуро несомненно был замечательным кавалерийским командиром, но, кроме того, ещё и большим повесой. Однажды с тремя-четырьмя офицерами он заявился в самый разгар танцев в залу большой ростовской гостиницы и потребовал от гостей сдавать драгоценности и деньги на нужды его «волков». Достаточно было взглянуть в его глаза, дерзко блестевшие из-под волчьего меха, чтобы понять, что с ним лучше не спорить. К тому же «волки» пользовались славой безжалостных грабителей. Так что Шкуро сорвал изрядный куш. Как видим, лихие белые были одновременно и самые лихие разбойники... Таково это благородное белое воинство, о ком в хвалебных тонах с лакейским придыханием пишут ныне иные мемуаристы и учёные.

Отношение большинства народа, понимали ли это участники событий или нет, стало решающим фактором. Россия неудержимо катилась в объятья большевизма, который охватил Россию, почти не встречая нигде сопротивления. Безусловно, для многих представителей старой России это являлось драмой жизни. Всюду торжествовала и улюлюкала чернь. В глазах белых, героем времени и полноправным гражданином «стал Хам», т.е. народ. И тот упивался безнаказанностью разгула, давая волю низменным и кровожадным инстинктам. Русская интеллигенция в страхе попяталась. Эта

Бронепоезд Советская Россия

обывательская растерянность ширилась, как эпидемия. Появилась «лояльность» к новой власти, модным стал принцип «невмешательства». Обыватель легко отрекается от старой идеологии и традиций прошлого, а заодно и от своего долга. Он готов петь дифирамбы большевизму, угодничая перед товарищами, делая у красных карьеру. В глазах И.А. Полякова большевизм зараза, которая никого не щадила. Надо было переболеть каждому. Нужны были героические меры, нужны сверхчеловеческие усилия и страшное напряжение воли, чтобы этому злу противопоставить иное, здоровое начало, надо было как-то изолировать, а больных немедленно лечить и лечить энергично. Но стоило ли утешать себя несбыточными надеждами, закрывая глаза на реальную действительность?

Дон ещё сражался, но это напоминало агонию... Против стихии, охватившей Рос-

Белогвардейский бронепоезд «Единая Россия»

Е.М. Кравцов. Проклятие Хама

сию, как понимал Поляков, казачеству не устоять. И недалеко время, когда и на берегах Тихого Дона и в бесконечно широких казачьих степях воцарятся красные. Это было неизбежное зло, но оно, видимо, оказалось «необходимо казачеству». Почему он пришёл к такому выводу? Проехав значительную часть Донской области, он нигде не чувствовал влияния Донского правительства, нигде не заметил, чтобы это правительство пользовалось там серьезной поддержкой, но был свидетелем того, как агитаторы большевиков свободно разъезжали по Донской земле, особенно по станциям, разжигая ненависть и страсти. Они увлекали за собою в первую очередь голытьбу и чернь, а затем и малодушных. Показательно, что большевистскую пропаганду повсюду в первую очередь несли фронтовики.

Похоже, в самом деле кроме отважных юношей-юнкеров никто из белогвардейцев вовсе не желал погибать «за святую Русь». Вспомним эпизод, когда в битве за Екатеринодар Покровский собрал всех находившихся в городе офицеров и приказал влиться в ряды сражающихся белых войск. По словам очевидца, «дошло до фронта фактически меньше половины». В то же время в сентябре 1919 г. в частях так называемых «стражей порядка», жандармов и чиновников, у белых «крысятничали» более 77 тыс. чинуш, что составляло половину общей численности регулярных войск (фронтовых и тыловых)! Воровство и коррупция в белых штабах достигла поистине невидан-

ных масштабов. Это лишь часть проблемы. Вскоре вся Белая армия скатилась в пропасть неразберихи и паники. Кубанские генералы, под разными предлогами, выезжали в Крым, покидая армии. В частях царил хаос. Бросали склады, бронепоезда, санитарные поезда, оставляли красным не только мосты, но и целые районы: «Мы же этот свой хлебный район отдали красным без боя. Есть о чем подумать». Командующий Кубанской армией, бездарный генерал Улагай, будучи отрезан конницей Буденного, бросил на произвол войско и сам удрал в Крым. В мемуарах Елисеев назвал и причину

поражения — «безвыходность положения». Позже, находясь в Костроме, в губернской тюрьме, в плену у большевиков, где он сидел в 1920 г. вместе с 80 кубанскими штаб-офицерами, мучительно пытался найти ответ на вопрос: «Как же всё это случилось на Черноморском побережье?» Частично ответ на свой вопрос он получил от генерала Морозова. Генерал довольно точно назвал причины катастрофы, постигшей казачество и Белое движение в целом. «Революция ещё не окончена, и процесс её долго будет продолжаться, потому всем русским патриотам надо быть в России. Быть, работать и вариться здесь, испытывая всё то, что испытывает весь русский народ. Понять народ и строить постепенно новую Россию, которая освободится от большевиков внутренними своими силами, но не интервенцией. Вот почему они и решили капитулировать Кубанскую армию безболезненно и что вести дальше казаков и офицеров на бесплодный убой и не нужно, и даже преступно. Крым должен всё равно пасть», — трактовал он нам. Елисеев продолжал: «Он «брал» всю Россию, какова она есть, не имея любви к той маленькой отчизне, которую имели мы, казаки. Он нас, конечно, не утешил». В битве большой и маленькой отчизны, что поделаешь, неизбежно победила «отчизна большая», вся Россия. А потому лучше бы не лгать народу, выискивая нелепые причины краха белых. Причину катастрофы называли Корнилову его солдаты: «Что мы можем делать,

Белогвардейцы

когда вся Россия — большевик», «вся Россия против нас». Вся Россия большевик!

Да, были такие герои как белый капитан П. Иванов. Солдаты любили его столь беззаветно, что гроб с его телом возили с собой два месяца, ночью сменяя караул у изголовья дорогого командира, пока, наконец, представится возможность захоронить. Такие смельчаки как артиллерист полковник Туцевич, классический белогвардеец, «сухощавый, с тонким лицом, выдержанный, даже парадный со своим белым воротничком и манжетами». Это была законченная фигура офицера старой императорской армии. «Белогвардеец был в его серых, холодных и пристальных глазах, в сухой фигуре и в ясности его духа, в его джентльменстве, в его неутомимом чувстве долга. С такими как Туцевич красные расправлялись беспощадно за одну только их более красивую породу». Дочь Деникина описывает случай, когда белые с боем взяли у красных станцию и обнаружили труп железнодорожника. Живот был распорот саблей, в рот были засунуты окровавленные гениталии. На его обнаженной груди лежала фотография с изображением 2 юнкеров. И подпись: «Нашему дорожному папе». Полковник,

увидев это, взвыл от бешенства: «Монстры! Мерзавцы!» Выяснилось, что сын убитого служит в его части. Собрались солдаты. Среди них был юнкер, сын казненного. А тут на станцию прибыл вагон с 20 пленными большевиками, взятыми на соседней станции. Прежде чем кто-либо успел его остановить, сын убитого разрядил карабин в толпу пленных и зарыдал. Белые были настроены не менее свирепо. Сын генерала, А.П. Врангель, описал жуткую сцену, свидетелем которой стал его отец: «В одной из освобожденных терскими казаками станиц Врангелю довелось беседовать с несколькими мальчиками десяти-двенадцати лет, носившими ружья. «Что вы делаете, ребята? — спросил Врангель. «Стреляем в красных, — отве-

тил один из мальчиков. — Их много в плавнях прячется, я вчера семерых подстрелил». Врангель был буквально потрясен словами и увиденной им сценой. Позднее он скажет: «Никогда за все время Гражданской войны я не испытывал такого ужаса от происходящего». Эти сцены не единичны. Это — массовый психоз. Бунин писал: «Всё так, но есть несомненно и помешательство. И всё, что видел по пути, удивительно подтверждало это. И особенно то, на что (как нарочно) наткнулся на Пушкинской: от вокзала, навстречу мне, промчался бешеный

Казаки в Белом движении

В.Д. Набоков. 1914 г.

автомобиль и в нём, среди кучи товарищей, совершенно бешеный студент с винтовкой в руках: весь полёт, расширенные глаза дико воззрились вперёд, худ смертельно, черты лица до неправдоподобности тонки, острые, за плечами треплются концы красного башлыка...студентов видишь не редко. Впрочем, чёрт его знает — студент ли он на самом деле». И тот же Бунин о визите Катаева: «Был В. Катаев (писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: “За 100 тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...”» (потом напишет «Алмазный мой венец»).

«Зло не вне нас, а внутри нас; и оно пребывает в каждой душе» (Сенека) В эпоху войн и революций оно вырывается наружу. Такие же «прекрасно-нежные» юноши, почти дети, дети не только рабочих и крестьян, но и дети учителей, инженеров, генералов, буржуа, сражались и на стороне красных. Подобные настроения, порой героические, а порой страшные, обезумевшие и циничные люди были на стороне Советов. Среди красных и белых встречались разные типы. Что говорить! В битву вовлечены были миллионы, а жизнь в охваченной пламенем

России зачастую не стоила в те безумные осатанелые дни и копейки. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые».

Отметим и накал идейно-теоретических распрей и склок, которые лишь усилили слабость Белого движения. О том, сколь глубоки и даже непримиримы разногласия в антибольшевистском лагере, говорит и сообщение, появившееся на страницах эмигрантских русских газет (30 марта 1922): «Убит вице-председатель Русского национального комитета В.Д. Набоков... Позавчера, 28 марта в берлинской филармонии профессор П.Н. Милюков читал лекцию о положении России, об её политической и экономической будущности. Присутствовавшие в зале гвардейские офицеры-монархисты Таборницкий и Шабельский произвели в лектора несколько выстрелов. Находившийся поблизости от места происшествия В.Д. Набоков бросился вперёд, чтобы прикрыть Милюкова, и был сражен наповал. В него, уже смертельно раненного, беспомощно распростершегося на полу, офицеры продолжали стрелять. Убийцы были задержаны. Они признались, что мстили Милюкову за царя, за то, что это он, бывший министр иностранных дел России, по мнению покушавшихся, виновен в подрыве самодержавия. Ранено пять человек из зала. Милюков не пострадал». В.Д. Набоков с 15 мая 1917 г. — член Юридического совещания при Временном правительстве, с августа 1917 тов. председатель Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии; избран депутатом от кадетской партии в Учредительное собрание, разогнанное большевиками. После Октябрьской революции был арестован, но выпущен на свободу и уехал с семьей в Крым, где в ноябре 1918 г. стал министром Крымского правительства. Как выше сказано, был убит в Берлине при покушении на лидера кадетов П.Н. Милюкова. За год до этого Таборницкий покушался на председателя III Государственной думы, военного министра Временного правительства А.И. Гучкова. И хотя Милюков и Гучков, конечно, заслуживали пули, как и многие другие представители российской буржуазии, фактически осуществив заговор против империи, но упомянутая обстановка в лагере противников большевизма свидетельствовала о глубине раскола.

Итогом сумятицы в мыслях и повседневных делах стала междоусобная борьба, порой переходившая все границы. О характере этой борьбы и внутреннего разлада говорит хотя бы факт убийства в Константинополе начальника штаба Добровольческой армии И.П. Романовского. Как писал Б.С. Куцевалов, убили его свои же — поручик М. Харузин, подпоручик В. Ершов. Убили подло, в спину, в помещении своей миссии. Потом «их благородия» не постеснялись устроить ещё и «поминальный ужин», на котором все убийцы присутствовали в полном составе. Там, веселясь и хохоча, они выслушали рассказ одного из заговорщиков, полковника фон Лампе. Тот поведал им, как грек-гробовщик проделал манипуляции с ногами генерала, чтобы тело того всё же уместилось в гроб. При этом кто-то едко заметил, что хотя бы после смерти всесильного начальника штаба всё же удалось-таки «укоротить». Д. Лехович, что привёл сей факт, справедливо дополняет сцену: «Убийство И.П. Романовского как политический акт не имело ни малейшего смысла. Он уже отошёл от власти и на ход событий не мог иметь никакого влияния. Только извращенная гражданской смутой психология и тупое желание отомстить за деяния, приписываемые ложной молвой бывшему начальнику штаба, могут объяснить это преступление. В жизни генерала Деникина это событие было глубочайшей личной драмой, жестоким эпилогом всего его бескорыстного служения родине». А ведь Романовский был, как и Лукомский,

блестящий офицер и прекрасный организатор. Стоит вспомнить эпизод убийства своими главными контрразведки Добровольческой армии полковника Кирпичникова. Правда, тот, в отличие от первых, был известен полной беспринципностью: мог посадить, расстрелять за деньги кого угодно (хоть красных, хоть своих — белых).

Но главная проблема белых состояла в том, что они не нашли поддержки у населения, и прежде всего у крестьян, которые на протяжении всей Гражданской войны хотя колебались, но в массе поддержали всё же большевиков. Участник Первого похода белых генерал А.П. Богаевский привёл такой эпизод: «В бедной хате, где я остановился, суетился вдовец-крестьянин, принося нам молоко и хлеб. Один из моих офицеров спросил его: — А что, дед, ты за кого — за нас, кадет, или за большевиков? Старик хитро улыбнулся и сказал: «Что вы меня спрашиваете. Кто из вас победит — за того и будем!» Столь же размыты были позиции многих крестьян. К примеру на Украине массово закупали портреты вел. кн. Николая Николаевича, восстанавливали уничтоженные и поврежденные памятники царям и проявляли другие верноподданнические чувства, о чём генерал А.С. Санников с таким восторгом докладывал в октябре 1918 г. Особому совещанию. Но сие ещё вовсе не означало, будто крестьяне вполне искренне желали видеть кого-нибудь из Романовых вновь на престоле.

Конечно, можно понять эмигрантов, которые уверяют нас ныне с экрана ТВ, что белые воины — это «ангельская рать», а красные — «сатанинская рать» (Н. Кривошеин). Но на деле белые ничуть не уступали в палачестве. После побед Добровольческой армии крестьяне надеялись на возвращение элементарного порядка и закона на их землю. Вернулась же «кутеповщина». А тот считал, что Россию можно восстановить лишь с помощью кнута, расстрелов и виселиц. И методы Кутепова воплощались в жизнь. В своё время тот же Корнилов, будучи Верховным главнокомандующим Юго-За-

И.П. Романовский в гробу

Генерал А.П. Богаевский. 1920 г.

падного фронта, получив донесение командарма в июле 1917 г. о том, что его солдаты позволили себе при оставлении Тарнопля грабить имущество, насиловать женщин и детей, убивать мирных жителей и даже друг друга, приказал расстреливать подобных негодяев без суда. И их тут же расстреляли. Впрочем, нелепо и даже наивно было бы думать, что пережитые несколько лет войны пройдут бесследно для психики солдат и офицеров. Белой или Красной армий в данном случае не так важно. Было немало случаев и геройства с двух сторон, но «тихие подвижники», о коих писал Краснов, описывая солдат первой мировой, уже не были такими тихими. Реакция на их действия не заставила себя ждать.

Верную оценку даёт состоянию Белого движения на Юге России наш историк С. Карпенко. Ссылаясь на высказывания очевидцев из среды Белого движения, он описал положение людей

на «белых территориях». Обратимся ещё раз к сведениям очевидцев событий. Честные историки дают правдивую картину... Вот скажем Белая армия входит в одно из захваченных ею сёл. Село словно вымерло. «По улицам валяются трупы. Жуткая тишина. И долго ещё безмолвие нарушает сухой треск ружейных выстрелов: «ликвидируют» большевиков... Много их...» (Деникин). На следующий день в сельской церкви идёт панихида по тем, кто погиб. Таковых среди белых — лишь 4. Красные потеряли убитыми 540 или 507 человек (причем большая их часть была убита не в бою, а после боя). Когда генералу Маркову, что, бесспорно, был храбрым человеком, докладывали о пленных, он обычно сквозь зубы цедил: «На кой чёрт вы их взяли!?» Подчинённые поняли — и ликвидировали всех. Известный полковник Неженцев расстреливал пленных без сожаления, и охотники всегда находились. Историки далее пишут: «В дальнейшем подобная картина стала привычным делом. «Все большевики, захваченные нами с оружием в руках, — писал младший из братьев Сувориных, — расстреливались на месте: в одиночку, десятками, сотнями. Это была война «на истребление». Об этом же, как о само собой разумеющемся, упоминал и другой участник похода: «Конечно, мы почти в каждой станице, где останавливался обоз на несколько дней, расстреливали обличённых большевиков или вешали их комиссаров». В. Шульгин писал, как в одном из захваченных местечек белые подвесили

Белые палачи

А.И. Шелоумов. Уходим...

комиссара на дереве, разложили под ним костер и подожгли. Белые при этом выли монархический гимн: «Боже, царя храни!» Оба автора, как мы видим, пишут вроде бы о большевиках, но несомненно основная масса жертв имела с большевизмом мало общего. Даже Деникин, в чьем описании Кубанский поход приобретает романтично-эпические черты, подчеркивал, что диапазон понимания большевизма большей частью добровольцев «имел весьма широкие размеры». Белое движение, начатое «почти святыми», вскоре попало в руки «почти бандитов». Такова правда... И даже Шульгин развенчал христолюбивый образ белого офицерства, говоря о том, что и белые грабили, убивали, насиловали, пьянствовали, как и красные. Потому вскоре их победы сменились неизбежными поражениями.

Быстро растущая дороговизна, бешеная спекуляция торговцев, бессовестное взяточничество и воровство чиновников, бесилие центральной и местной властей в борьбе с дороговизной и спекуляцией, постоянные срывы снабжения войск, повальный грабеж военнослужащими мирного и прежде всего крестьянского населения, массовое обнищание и жизнь впроголодь одних при роскоши витрин, пиршествах других. Иные историки обвиняют в необоснованности упреков Белого воинства в том, что их Добровольческая армия была «буржуазно-помещичья» по своему составу, а добровольцы воевали, чтобы не позволить рабочим и крестьянам отнять у их отцов и родных земли и заводы. Хотя вынуждены

признать, что белые и в самом деле защищали интересы помещиков и капиталистов, их собственность от разорения и гибели. И никакой роли тут не играло то, что армия белых состояла в основном не из крупных собственников. По статистике советского ученого Кавтарадзе, опубликовавшего послужные списки состава Добровольческой армии, 90% её, 70 генералов и офицеров не имели ни родового, ни благоприобретенного недвижимого имущества, 21% (15 человек) — потомственные дворяне, 39% (27 человек) — личные дворяне, остальные происходили из ме-

щан, крестьян, чиновников и солдат. И даже руководство армии не принадлежало к классу помещиков или капиталистов. Л.Г. Корнилов — сын казака-хорунжего, А.И. Деникин — сын майора, выслужившегося из солдат, М.В. Алексеев — сын солдата сверхсрочной службы. Поэтому До-

Белогвардейцы и дезертир. Плакат 1920 г.

бровольческая армия, приняв в ряды офицеров, юнкеров, воспитанников кадетских корпусов или военных училищ, студентов, так же была «национальной и народной», как и Красная армия, объединившая части старой армии, рабочие дружины и партизан. Банды мародеров и деклассированных элементов стояли особняком. Именно тогда, уверяет автор, «была загублена, потеряна русская будущность, настоящее, неискривленное развитие России. Она всегда нашла бы силы для преодоления любого внутреннего раздора и беды, ибо её духовные силы не были ещё подорваны. Ленинизм подорвал не только физические, но прежде всего духовные, душевные силы народа. Трагедия белого движения в том, что оно оказалось замешанным на всём том, что представляло старую жизнь. Этот вал, который должен был принести обновление и возрождение России, оказался захваченным тем, от чего Россия наотрез отказывалась. Это старое потянуло на дно подлинно достойное, за что боролись веками лучшие люди России». Странная логика. Не находите? Как могло принести обновление то, что было «замешано» на старом, «от чего Россия наотрез отказывалась». Как же могли победить те, кто предали империю и народ!

Белые пишут: «Были ли мы настолько жизнеспособны, чтобы в случае победы над большевиками создать новую Россию? Нет, ибо претендовавшие на эту историческую роль слишком много принесли с собой на Юг пережитков старого». Белую армию ждали: внушительный, и казалось бы определяющий, успех, затем сокрушительное поражение, беспорядочное бегство, развал и, наконец, переселение в невозвратное прошлое, а если быть точными — небытие. Вместе с белой армией состоялся исход. «Цвет российской патриотической интеллигенции» ушёл за кордон... Белые не сумели найти общий язык с народом. И в этом корень проблем. После поражений армий Деникина в ноябре — декабре 1919 г. тактика кадетов претерпела значительные изменения. Суровая реальность заставила их полностью и без ограничений поддерживать уже идею военной диктатуры. В частности, во многих резолюциях по национальному вопросу осуждались любые «федералистские» течения, а будущее России открыто и напрямую связывали с жесткой диктаторской властью.

Плакаты В.Н. Дени. *Вся власть помещикам и капиталистам! 1919—1920 гг.*

Кадеты попытались научиться на примере большевистской централизации, но это им удавалось плохо.... Правда, их идеологи готовят «тезисы по вопросу о политическом курсе», где Деникину рекомендовали создать центральный правительственный орган, способный на решительные действия. Предполагалось при высших административных органах в «белых» провинциях (на манер ненавистных им «Советов») создавать «советы», куда бы входили местные лидеры, промышленники, торговцы, кооператоры, учёные и т.д. Вместо Особого совещания создавался Совет при главнокомандующем: дабы обеспечить поддержку населения, они должны были обещать ему, что они устранят допущенные ранее ошибки и, беспощадно карая нарушителей гражданского мира, грабителей и насильников, «возьмут под защиту всё население». То были лишь слова. В действительности деникинцы не очень-то отличались от разношёрстных банд. В этом им очень «помогли» отдельные части чеченцев и ингушей. Ныне об участии этих народов в революции можно прочесть разное. Один из авторов превозносит участие в борьбе против Деникина: «Недавно я прочитал мемуары Деникина. Генерал пишет: «Почему я не взял Москвы? Я никогда не думал, что разбойные народы — чеченцы и ингуши — станут на стороне большевиков, которых мне приходилось выбивать прямой наводкой. И против этих головорезов лягут мои офицерские части» (В. Эсембаев). Участие народов Кавказа на стороне красных назвал одной из причин поражения белых и другой автор: «По признанию Деникина, в самый ответственный момент наступления на Москву летом и осенью 1919 г. до трети частей Доброй армии были отвлечены на Северном Кавказе» (А. Безугольный). В действительности, их участие в боях было минимальным, нося откровенно разбойничий характер. Деникин в «Очерках русской смуты» откровенно признал: «В то время как казачья и добровольческая русская кровь льётся за освобождение Родины, мобилизованные, снабженные русским оружием чеченцы и ингуши массами

дезертируют и, пользуясь отсутствием на местах мужского населения, занимаются грабежами, разбоями, убийствами и поднимают открытые восстания». Когда же чеченцы и ингуши примыкали к Добровольческой армии, командиры хватались за головы. Дадим описания их «подвигов», для чего и обратимся к интересной книге И.В. Пыхалова «За что Сталин выселял народы?».

Приказом Деникина №1101 от 1(14) июня 1919 г. была сформирована Чеченская конная дивизия в составе четырех чеченских и кумыкского полков. Её возглавлял «интернационалист» генерал-майор А.П. Ревшин. Вот несколько картин (даём без комментариев). Один из офицеров дивизии, штаб-ротмистр Витт, оценивая «доблесть» этих воинов, писал: «Удельный вес чеченца как воина невелик, по натуре он — разбойник-абрек, и притом не из смелых: жертву себе он всегда намечает слабую и в случае победы над ней становится жесток до садизма. В бою единственным двигате-

Дикая дивизия на отдыхе

лем его является жажда грабежа, а также чувство животного страха перед офицером. Прослужив около года среди чеченцев и побывав у них в домашней обстановке в аулах, я думаю, что не ошибусь, утверждая, что все красивые и благородные обычаи Кавказа и адаты старины созданы не ими и не для них, а, очевидно, более культурными и одарёнными народами». И далее продолжал: «Я начинал уже сам себя убеждать и как будто верить, что, держа чеченцев строго в руках и не допуская грабежей, из них можно (всё же будет) сделать неплохих солдат; к сожалению, жизнь не замедлила опровергнуть все мои мечтания. Борьба с грабежами становилась почти непосильной. Грабёж был как бы узаконен всем укладом походной жизни, а также и вороватой природой самого горца. Мы стояли среди богатых, зажиточных крестьян, в большинстве случаев немцев-колонистов, не испытывая никакого недостатка в питании: молока, масла, меду, хлеба — всего было вдоволь, и тем не менее жалобы на кражу домашней птицы не прекращались. В один миг чеченец ловил курицу или гуся, скручивал им голову и прятал свою добычу под бурку. Бывали жалобы и посерьёзнее: на подмен лошадей или грабежи, сопровождаемые насилиями или угрозами». Или вот что пишет в отношении действий тех же «туземцев» поручик В. Рыхлинский: «Немало вредили репутации Добровольческой армии и такие части, как моя, временно 3-я конная дивизия, на две трети состоявшая из всадников полудиких племён Кавказа. По внешности это было сборище людей, не имевших определенной формы одежды, носивших зачастую нижние английские рубашки как бешметы. Едва половина из них сидела на конях, другая ожидала лошадей. Большинство не имело седел, а только притороченные подушки, взятые у населения. Грабеж и война были для наших всадников синонимами. А грабить наши туземцы умели: едва бывал взят нами какой-нибудь населённый пункт, как они рассеивались по хатам, откуда тащили всё, не брезгуя даже женской одеждой.

Нужно ли говорить о том, что эта туземная дивизия, мало пригодная для

линейного боя (или совсем непригодная), отступая с Украины в Крым, была, как я узнал потом, пугалом для жителей Юга России. Екатеринослав, в частности, очень запомнил прохождение наших частей, чеченцев и других представителей кавказских племен». Такие боевые командиры как тот же генерал-майор Я.А. Слащёв прекрасно знали, что чеченцы «способны лихо грабить, а чуть что — бежать». Боевой дух выражался в том, что те любили поспать на боевом посту и на дежурстве. Когда офицеры делали замечание, те невозмутимо отвечали: «Твоя боится — не спишь, моя не боится — спишь. Аллах смотрит!» Итог такой выучки был закономерен: красные 10 июня 1920 г., ночью, в скоротечном бою, разгромили чеченскую дивизию, а командира, генерала Ревина, взяли в плен. На улицах села осталось несколько сотен зарубленных и застреленных чеченцев. В руки красных попали и многочисленные трофеи (орудия, пулемёты, автомашины). Они же имели пос-

Казачи на переправе

ле этого боя всего лишь несколько раненых. Генерал Ревшин тут же стал давать показания члену РВС Юго-Западного фронта И.В. Сталину: «Взятый нами в плен десятого июня на Крымском фронте боевой генерал Ревшин в моем присутствии заявил: а) обмундирование, орудия, винтовки, танки, шашки врангелевские войска получают главным образом от англичан, а потом от французов; б) с моря обслуживают Врангеля английские крупные суда и французские мелкие; в) топливо (жидкое) Врангель получает из Батума (значит, Баку не должен отпускать топливо Тифлису, который может продать его Батуму); г) генерал Эрдели, интернированный Грузией и подлежащий выдаче нам, в мае был уже в Крыму (значит, Грузия хитрит и обманывает нас)». Об участии национальных окраин в попытке разломать и уничтожить единую Россию будет ещё сказано и ниже.

Попытки белых объяснить своё поражение ссылками на участие народа в этой борьбе совершенно нелепы. Как говорил Камю, равным образом можно было бы возмущаться против урагана или смерча, обрушившегося на землю. Но и одной силой не удержать народ от тех или иных предпочтений и симпатий. Показателен и съезд крестьян Черноморской губернии 18 ноября 1919 г. Добровольческая контрразведка следила за дорогами и хватала делегатов съезда. Мнение делегатов однозначно: «Большевики разобьют «кадет». И не столько большевики одолеют их, как сам народ и крестьянство, которому житья нет от «кадюков». Ну а за «кадетами» появятся и большевики и снова начнут ездить на нашей шее. Мы не хотим «коммунии», а желаем сами быть у себя хозяевами. А для этого нам нужно сначала выгнать добровольцев, а потом не допустить к себе «коммунию». Когда крестьяне в других губерниях узнают, что существует в одном месте крестьянская власть, то захотят иметь и у себя такую же крестьянскую власть. Тут и придёт конец большевикам: небось, красноармейцы-то тоже все крестьяне и против своих братьев-крестьян не пойдут, это не то, что с «кадетами» воевать». Настроения показательны для большинства крестьян России, для тех, кого писатель М. Пришвин называл «эскимосами», от кого «уехал бы с деревьями, роющей и травами, где нет мужиков».

Причина недоверия крестьян и рабочих к белым ясна — те хотели восстановить власть помещиков, а этого трудовому народу России было не надобно. Проф. Н.К. Соловьев отмечал явную ориентированность Белого движения и офицеров на помещичьи интересы: «Бывали вопиющие случаи покровительства помещикам и преследования крестьян. Деникин издавал даже по этому поводу особые приказы. Но самая возможность таких явлений объяснялась, как мне кажется, тем, что у нас на самом верху не было простого и ясного земельного лозунга, которому можно было бы подчинить действия власти, а было медленное сочинение отвлекающих схем». Но ведь «простого и ясного лозунга» у белых и быть не могло. Ведь многие офицеры были из помещичьих семей, они хотели заставить сражаться крестьян, причем преимущественно бедных, за помещичью Россию. Но тем идеи большевиков были, конечно, ближе. Приводят случай, когда крестьяне обратились к занявшим хутор белым с просьбой рассказать, что же представляет собой Белая армия и за что она борется. Командир роты промучался пару часов, опросил своих офицеров, но никакого дельного совета от них так и не услышал. На митинге он лишь твердил крестьянам о том, что белые наведут в стране порядок. Когда командир вернулся к офицерам, те полюбопытствовали: «Говорили ли вы о помещиках?» — «Слава Богу, нет, такой вопрос был бы убийственным для меня». Крайне болезненным для белых был и еврейский вопрос.

Известно, что евреи сражались и на фронтах Первой мировой войны. Так, в русскую армию в 1915 г. призван был даже петербургский адвокат и редактор Еврейской энциклопедии Брокгауза и Эфрона Г. Красный-Адмони. Ему было за тридцать, но евреям в русской армии было запрещено присваивать офицерские звания. Потому, несмотря на два университетских диплома, он проходил службу в качестве вольноопределяющегося и стал солдатом, одним из 600 тысяч еврейских солдат русской армии. Как пишет один из авторов, еврей-юнкера были в своей массе сионистами. Среди сионистов пользовались самой широкой поддержкой планы создания еврейского корпуса, который смог бы завоевать для евреев в будущем собственное государство — в Па-

лестине. Октябрьский переворот положил конец планам на тот период — при обороне Зимнего дворца погибло более 50 юнкеров-евреев. Начавшаяся гражданская война в России разведёт юнкеров-евреев по разные линии фронта. В списках белых офицеров, награждённых знаком за «Ледовый поход» на Дону более 100 фамилий евреев. Другие евреи в числе 50 тысяч офицеров по призыву Троцкого пришли в Красную Армию.

Несколько десятков евреев-офицеров проявили желание участвовать в Белом движении и служить в армии Деникина, но «офицерское общество отказалось их принять». Например, в 1919 г. еврейская делегация из представителей еврейских общин: Екатеринославской — председателя М.С. Брука, Харькова — председателя д-ра Л.В. Виленского, Ростова-на-Дону — раввина д-ра З. Гольденберга и Таганрога — тов. председателя А.Я. Евинзона была принята заместителем верховного правителя генералом Деникиным. Передавая записку генералу Деникину, Виленский отметил: в записке не помещён огромный фактический материал, что имелся у делегации, который мог быть предоставлен в распоряжение его («из-за нежелания обременять генерала»). Генерал Деникин отвечал: «Я не должен вас уверять ни в любви к евреям, ни во вражде к ним; вообще смешно подходить к этому вопросу с такой точки зрения государственной целесообразности и человечности. По вопросу об отношениях командного состава к евреям я боролся и впредь буду бороться с этим грустным явлением, но положение таково, что бороться труд-

но. Только медленно я старался и стараюсь возможно ослабить его остроту. Но устранить его совершенно я не в состоянии. Командный состав на свой страх и риск, по собственному почину, отдавал распоряжения об отправке евреев-офицеров в отдельные батальоны. Я сделал даже замечание генералу Май-Маевскому. Формально он на это не имел права, но внутренне я признавал, что иначе он поступить не мог. И, в конце концов, я лично отдал приказ об отчислении евреев-офицеров в резерв. Должен отметить, что из Армавира, куда направлены были некоторые еврей-офицеры, приходят уже жалобы и заявления о нежелании иметь их в своей среде. Но это уладится. Другого выхода я не вижу. Это необходимо, прежде всего, во избежание крупных неприятностей для самих евреев, для которых жизнь в офицерской среде была бы нестерпима. А теперь я обращаюсь к вам: укажите мне более подходящий способ для решения этого вопроса». Одним словом, белым евреям ни с какого боку не нужны.

Решение же этого «вопроса» у белых частенько совершалось, увы, в духе известных персонажей Гоголя из «Тараса Бульбы». «Перевешать всю жидаву! Пусть не ставят значков на святых пасхах! Перетопить их всех, поганцев, в Днепре! Слова эти, произнесенные кем-то из толпы, пролетели молнией по всем головам, и толпа ринулась на предместье с желанием перезать всех жидов». По словам А.И. Деникина, чтобы не подвергать этих бедных людей «нравственным страданиям», офицеры-евреи специальным приказом были переведены в запас и уволены из армии. В Добровольческой армии служило незначительное число евреев-рядовых. Эти солдаты «подвергались постоянному глумлению; с ними не хотели жить в одном помещении и есть из одного котла». Из-за антисемитских настроений, царивших в Добровольческой армии, служившие в ней евреи вынуждены были её покинуть. «Добровольцы питали глубокое предубеждение против евреев, — писал военный корреспондент Ходсон. — И здесь Деникин попадал в неожиданный и драматический тупик, поскольку если бы он принял жестокие меры для того, чтобы заклеить и предотвратить антиеврейские репрессии, то его обвинили бы в слабости или, что ещё хуже, в том, что он платный агент

**Евреи-жертвы деникинского погрома
в Фастове. 1919**

М. Греков. Отход корниловцев

евреев. Всем было известно, что украинец Петлюра завербовал в свою армию тысячи бойцов, а priori более благосклонно настроенных к Деникину, проповедуя антисемитский крестовый поход и утверждая, что русский генерал находится в руках евреев». Можно сказать, жизнь заставила евреев повернуть в сторону Советской власти. Об этом говорил и Н.Д. Жевахов, описав в «Еврейской революции» картину взятия белыми Киева в 1919 г. Зарисовка, можно сказать, с натуры... «Навстречу нам попадались весёлые, смеющиеся лица деникинских солдат, обозы которых устилали путь до самого Киева. Мы подошли к предместью Киева, называвшемуся Демиевкой, и пред нашими взорами предстала во всём ужасе картина недавнего боя. Везде лежали трупы, главным образом еврейской молодежи, с разрубленными пополам черепами. Подле них толпились крестьяне, выражавшие страшное негодование и ненависть к евреям, припоминались все их преступления и та провокация, жертвой которой становились добровольцы... Над трупами шло открытое надругательство, дикое и циничное, и, однако, не было никого, кто бы признал прорвавшуюся злобу к жидам необоснованной и заступался за них. Было для всех (тут) очевидно, что евреи понесли только то, что заслужили своим поведением. Везде стояли группы людей, громко рассказывавших об ужасах чрезвычайек и о неслыханных преступлениях большевиков. Целые толпы людей направлялись к этим чрезвычайкам в надежде найти трупы своих родных и близ-

ких... Мы вошли в город... Ещё не убраны были красные тряпки и пятиконечные звезды, со всякого рода надписями и изречениями, ещё красовались везде на видных местах бюсты Ленина и Троцкого, и внешний вид Киева ещё напоминал собой столицу иудейского царства».

Как видите, время не оставляло места риторике. Вопрос историей был поставлен с безжалостной прямоотой — «Кто кого!» Похожий на великорусского помещика средней руки, Деникин был излишне прямолинейным человеком. Как говорил о нём В.А. Оболенский,

раз усвоив суждения и взгляды, «он оставался им верен до конца, хотя бы жизнь на каждом шагу давала ему разочарования». Деникин и в 1920 г., когда уже начался разгром белых Красной армией, заявлял перед представителями Донского и Кубанского казачества с полной уверенностью: «Счастье России я ставлю на первый план». После отчаянной борьбы, сомнений и надежд, тот, на сердце которого шесть инфарктных рубцов, пишет в 1921 г.: «Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы в ожидании её кончины. Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и разуме». Но отдельные речи — это ещё ведь не идеология. Жизнь покажет, что и на идеологическом фронте белые потерпели полное поражение! Шкуро писал: «Смешно сказать, но приходилось искать добровольческую идеологию в застольных спичах и речах, произнесенных генералом Деникиным по тому или другому случаю». За ними нет правды народа! А штофом веры не заменишь!

Ну а чего стоит хотя бы поведение П. Краснова, избранного атаманом Донского войска. Он повёл линию на сближение с Германией, надеясь с её помощью стать «верховным вождём Южной армии». Краснов приказал донцам покинуть Добровольческую армию. Более того, он предложил полковнику М. Дроздовскому, что шёл через Новочеркасск с большим отрядом на помощь к Деникину, бросить Добрармию и перейти к нему, под его знамёна. Это было

самое настоящее предательство... Добровольческую армию Краснов открыто называл «бандой». Приступив фактически к созданию Доно-Кавказского союза, он лишил белых какой бы то ни было опоры в этом регионе. Добровольцы-белые, в свою очередь, именовали донцов не иначе как «все-весёлым войском». Склока превратилась вскоре в жестокую распрю, ставя белых на грань окончательного поражения.

Усилия белых воинов вели к тому, что за их спинами в Россию, увы, возвращались карьеристы и воры... Печальной страницей истории Белого движения, верхом подлости, цинизма, стало и то, как отреагировала «патриотическая» русская буржуазия на жертвенную борьбу белых воинов, защищавших её кровное дело, т.е. буржуазный строй. Эта жалкая и эгоистичная банда господ капиталистов просто устранилась от борьбы и финансирования белогвардейцев. В первые дни Добровольческая армия содержалась на личные средства самого Алексева (10 тысяч рублей). В книге о Корнилове приводятся данные, которые стоят тысяч страниц рассуждений о благородстве и прогрессивности буржуазного строя... Скотский, жадный, мерзкий и подлый строй — что бы ни вешали нынешние пифии! Добровольцы сражались фактически задаром (на первых порах не получали ничего, затем ничтожно малые суммы, на которые можно было купить разве что пару сапог). Иные из белых бойцов, будучи в прошлом состоятельными людьми, подписали с ростовским отделением Русско-Азиатского банка соглашение, получив от банка 350 тыс. руб. Меж сторонами была неофициальная договоренность, что банк не будет взыскивать долг, дав деньги в качестве безвозмездного пожертвования в пользу Белой армии. Но капиталист и в гробу думает о возвращении ему долга... А. Ушаков и В. Федюк пишут: «Забегая вперед, скажем, что год спустя банк потребовал возвращения полученной суммы вместе с причитающимися процентами. Деникин, вставший к тому времени во главе армии, наложил на донесение резолюцию: «Я глубоко возмущен наглостью поганых буржуев Русско-Азиатского банка, забывших всё». Странный всё же в устах Деникина «комиссарский» лексикон свидетельствует о тех непростых отношениях, что сложились у добровольче-

ского командования с «новыми Мининскими». А ведь это был человек чести, не позволявший не только себе, но и своей семье, жене «брать подачки» от кого бы то ни было. Он писал жене: «Опасаясь, чтоб Тебя не спровоцировали. Боже сохрани! Ни от каких учреждений, министров не принимай ничего. Продавай вещи, победствуй немножко, может быть, мне удастся как-нибудь помочь. Бедная моя голубка, сохрани Тебя Бог, ненаглядная» (4 марта 1920 года). Если уж генерал Деникин вынужден был заговорить с буржуями буквально «революционным языком», едва сдерживая свою неприязнь, то что уж тут говорить о миллионах оборванных, нищих, голодных мужиков, которые пылали к ним лютой ненавистью! Думаю, что и сегодня миллионы рабочих и труженников неработающих комбинатов и заводов в России, уже месяцами не получающих зарплаты от новых собственников, несмотря на все уверения, ненавидят их точно также. Их чувства в отношении банкиров с их миллионными бонусами, когда у труженика во рту куска хлеба нет, нам понятны.

Позже П.Н. Врангель будет выражать глубокое недоумение тем, что Деникин так и не смог наладить в войсках необходимую дисциплину: «Казавшийся твёрдым и непреклонным генерал Деникин в отношении подчинённых ему старших начальников ока-

зывался необъяснимо мягким. Сам настоящий солдат, строгий к себе, жизнью своей дававший пример невзыскательности, он как будто не решался требовать этого от своих подчинённых. Смотрел сквозь пальцы на происходивший в самом Екатеринодаре безобразный разгул генералов Шкуро, Покровского и других. Главнокомандующему не могли быть неизвестны самоуправные действия, бесшабашный разгул и бешеное бросание денег этими генералами... на всё это генерал Деникин смотрел как будто безучастно». В высшей степени показательно письмо генерала П.Н. Врангеля генералу А.И. Деникину (от 15 февраля 1920 г.). «...В то время, когда Добровольцы победоносно двигались к сердцу России и слух Ваш уже улавливал перезвон московских колоколов, в сердца многих из Ваших помощников закрадывалась тревога. Армия, воспитываемая на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая начальниками, примером своим совращая и войска, — такая армия не могла создать Россию. Не имея организованного тыла, не подготовив в тылу ни одной укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления и отходя по местности, где население научилось её ненавидеть, Добровольческая армия стала безудержно катиться назад. По мере того как развивался успех противника и обнаруживалась несостоятельность Вашей стратегии и Вашей политики, русское общество стало прозревать. Всё громче и громче стали раздаваться голоса, требующие сме-

ны некоторых лиц командного состава, предосудительное поведение которых стало достоянием общества, и назывались имена начальников, имя которых среди общего падения генералов оставалось незапятнанным. Отравленный ядом честолюбия, вкусивший власти, окруженный бесчестными льстецами, Вы уже думали не о спасении Отечества, а о сохранении власти». Обвинения Врангеля отразили острейшие противоречия, раздиравшие буквально на части всё Белое движение. В свою очередь Деникин, конечно, не мог спокойно стерпеть всех упреков Врангеля в некомпетентности. В результате между ними возникла распря, переросшая во вражду.

Он писал Врангелю в феврале 1920 г.: «Милостивый Государь, Пётр Николаевич! Ваше письмо пришло как раз вовремя — в наиболее тяжкий момент, когда мне приходится напрягать все духовные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены... Если у меня и было маленькое сомнение в Вашей роли в борьбе за власть, то письмо Ваше рассеяло его окончательно. В нём нет ни слова правды. Вы это знаете. В нём приведены чудовищные обвинения, в которые Вы не верите. Приведены, очевидно, для той же цели, для которой множились и распространялись предыдущие рапорты-памфлеты. Для подрыва власти и развала, Вы делаете всё, что можете. Когда-то, во время тяжкой болезни, постигшей Вас, Вы говорили Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие...

Пусть Он и теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло». Врангелю было предложено уйти в отставку, покинуть армию, что он и сделал. Такая армия не могла победить. Без того малочисленные силы белых подрывало отсутствие дисциплины и единоначалия. Даже ярые враги большевизма потом признавали: «Ни одно из правительств (из антибольшевистских)... не сумело создать гибкий и сильный аппарат

Врангель у штабного поезда. Царицын 1919 г.

Глава 10. Колчак — правитель Сибири. Спаситель России или же агент иностранных держав?

власти, могущий стремительно и быстро настигать, принуждать, действовать и заставлять других действовать. Большевики тоже не захватили народной души, тоже не стали национальным явлением, но бесконечно опережали нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской табелью о рангах не поспевали за ними...» (Н. Астров — В. Пепеляеву. Новороссийск, 16/29 января 1920 года). И уже позже один из лидеров меньшевиков, маэсон Чайковский писал о причине поражения Белого движения: «Борьбу с большевиками превратили в борьбу с революцией, прежде чем революция окончилась в умах народа... Войну с большевиками вели как войну с внешним врагом, а не как гражданскую войну, опираясь на силу оружия, а не на сочувствие народных масс... Деятели революции с широкой популярностью устранили и преследовали. На ответственные посты назначали людей старого режима... Предоставили полный простор и свободу чёрной прессе Шульгина и Суворина, а левую серьёзную печать преследовали. Тем самым подготовляли господство чёрного шовинизма и грабеж народа... Проводили реакционные меры по землевладению и национальному вопросу... тем давали оружие для большевистской агитации и местных самостийников» («Грехи белого движения»).

Многие белые закончили жизнь трагично. В Пятигорске генерала Рузского, предавшего не самодержавие, а народ, в 1918 г. прикончила толпа матросов из Кронштадта. Несчастного генерала разрубили шашкой, как кочан гнилой капусты. Алексеев умрёт от разрыва сердца, предприняв безуспешную попытку смыть кровью позор измены государю-императору и России! Один из заговорщиков, Милюков избежит пули покушавшихся на него офицеров, те попадут в Набокова. Родзянко будет забит до смерти офицерами в эмиграции. Генерал Краснов в дальнейшем пойдёт на сотрудничество с Гитлером (эволюция «патриота»), будет выдан Англией советской власти. И 17 января 1947 г. его повесят в тюрьме Лефортово. После гибели основных борцов с Советской властью лидером белых армий стал Колчак.

Со времён Столыпина, да и ранее в Сибирь устремился мощный поток переселенцев. С 1896 по 1914 сюда переселилось более 4 млн человек. В годы Первой мировой войны, а затем и Гражданской войны этот поток не только не прервался, но даже стал набирать силу. Сюда ринулись люди из городов, бежавшие от разрухи и голода, поразивших центральные районы. Главный поток переселенцев из северо-западных и западных губерний (Тверской, Могилевской, Минской, Витебской), из Среднего Поволжья направлялся в Сибирь и Среднюю Азию. Масса желающих переселиться осаждала уездные губернские советы. Типичными для того периода времени были телеграммы такого содержания: «Вследствие голода в губернии настоятельно прошу разрешения переселения в Сибирь. Толпы голодных осаждают совет, требуя пропуска». Сорванные с мест голодом, военными действиями, бесчинствами войск, разгулом бандитизма, страхом за своё будущее люди по сути оказались в ситуации гуманитарной катастрофы. Современники отмечали такой факт, типичный для «гражданки»: практически во всех слоях «трудового» населения, по обе стороны фронта, наблюдалось недовольство ранее существующей властью и желание оказаться «по другую сторону» (там хорошо, где нас нет). Голод,

нехватка промышленных продуктов и медикаментов на территории, бывшей под контролем Советов, порождали недовольство правлением большевиков и естественное стремление людей перебраться в более благоприятные экономические условия, каковым на первых порах и представлялась Сибирь, где установилась «Колчакия».

В августе 1917 г. враждебные большевикам силы в Сибири предприняли попытку создать независимые государства на ее территории. Сибирь, по примеру Украины, решила стать автономной. Весной 1918 г. в Самаре возник так называемый «Комуч» (Комитет членов Учредительного собрания). Там были созданы эсеровские правительства Директории — в Самаре и Омске. О том, что эсеры были яростными противниками большевиков, говорят их собственные признания. Они съехались в Екатеринбург, в постоянный центр всех казацких, контрреволюционных, офицерских золотопогонных сгустков. Там в этом центре собрались в этот момент лучшие силы партии: туда приехал Руднев и Григорий Шрейдер, ряд местных работников, многие из которых были кооптированы в Центральное бюро. И что же делала там партия? Вот что писали эсеры о той Добровольческой армии, с которой, по словам Тимофеева, партия социалистов-революционеров вела якобы борьбу: «При данных условиях Добровольческая армия является необходимым соучастником в той общей работе, которая направлена на оздоровление и возрождение нашей измученной родины. Это прежде всего. Затем, каковы бы ни были

тенденции и стремления отдельных её групп, однако Добровольческая армия глубоко демократична по целям и заданиям, которые формально были поставлены, т.е. вопрос предreshался не только относительно Добровольческой армии, о которой говорилось, что она демократична. Как вам известно, после смерти Алексеева его сменил генерал Деникин, потом был генерал Врангель, все фигуры, известные по своему «демократизму» очень хорошо. Здесь определенно говорилось не по отношению к буржуазным группировкам, не о кадетях, которые считали себя республиканцами, а определенно по отношению к монархическим группам. Я... хочу только констатировать, что... почтенная группа членов партии социалистов-революционеров, ...ясно поддерживала Деникина и Добровольческую армию, а не боролась с ней... Попытки встать на правильную точку зрения, что единственная возможность борьбы с реакцией, есть поддержка Красной Армии — были осуждены Центральным Комитетом совершенно категорически... Большая часть членов партии, в том числе Семенов и Дашевский, мобилизовавшиеся в ряды Красной Армии, были исключены из партии. Точная формулировка причин (их) исключения: «За мобилизацию добровольцев в Красную Армию». Я думаю, что ...наши высокие политики прекрасно понимали, что всякая борьба в рядах Красной Армии есть борьба на руку Советской власти. Это они отвергали... После девяти заседаний Верховный Трибунал рассмотрел 1-й период послеоктябрьской деятельности партии социалистов-революционеров,

начиная от вооруженного юнкерского восстания в октябре 1917 г. и кончая отъездом членов ЦК ПСР летом 1918 г. в Самару, Мурманск, Архангельск, Казань, Уфу, Омск и другие крупные города, где эсеры надеялись свергнуть Советскую власть».

Обратим взор и на другие силы Белого движения... Когда войска образованного красными Украинского фронта освободили от Деникина (март 1919 г.) большую часть Украины, главную опасность

Юденич, Деникин, Врангель

для молодой Советской республики представляли Колчак и Восточный фронт. Вооруженную борьбу против большевиков в той части страны возглавил бывший командующий Черноморским флотом Колчак. Вначале он входил в состав эсеровского Сибирского правительства (Директории) как военный министр, затем после переворота в ноябре 1918 г. под нажимом союзников был объявлен «верховным правителем». Колчаку удалось собрать 400 тысяч войск. Советская республика оказалась в кольце фронтов. На северо-западе страны против неё действовали войска генерала Н. Юденича, на юге — А. Деникина, на севере Е. Миллера. Хотя меж ними была установлена связь, но соединения их фронтов так и не получилось. Борьба против Советской власти и большевиков приняла международно-оккупационный характер. Немцы помогали Добровольческой армии и казакам, передав им значительную часть запасов трофейного оружия. С мая 1918 г. борьбу с Советской властью начали и чехословацкие легионеры, чьи эшелоны с военнопленными застряли на железных дорогах Сибири.

Казак атамана Дутова

На Урале против большевиков подняли восстание оренбургские казаки атамана Дутова. Сибирь особый регион, где жил вольнолюбивый и смелый народ. Тут не так ощущалась даже хватка царизма, бюрократии и чиновников. Помещичьи угодья не были распространены. Казаки, первопроходцы земель, пользовались тут достатком и большей свободой. Поэтому у Советской власти не было для них и того пряника, с помощью которого она могла бы привлечь бедных крестьян, раздавая землю помещиков, как это было в центральной России.

Автор повести «Жестокость» П. Нилин, работая молодым корреспондентом газеты «Власть труда», писал в 1923 г., что советская власть в Сибири «не столько давала, сколь брала». Поэтому большевики и не имели такой опоры в сельской местности. Таёжный крестьянин независим. Он любит волю, ну и большевикам служить вовсе не намерен. А потому на первых порах он отнесся с доверием к Белому движению, ибо оно пообещало различные льготы и награды. В белых он видел людей, более близких по духу и вере, нежели какие-то далекие, непонятные Бронштейны, Свердловы, Склянские и т.д. Крестьяне и казаки часто выступали против коммунистов. Иные из них даже делали на груди накладки «Смерть коммунистам», что в условиях жестокой схватки зачастую отрезало перед ними пути отхода или какого-то компромисса. Впрочем, определенная часть крестьян и казаков поддерживали Советскую власть, но ощутив, что её лозунги не отвечают их интересам, выступили против этой власти. Всё это вместе взятое и сделало борьбу в Сибири сложной, длительной и упорной. Но в конце концов даже и сибирский мужик пошёл за красными, увидев, к чему в конечном счёте ведут эти белые. Если бы тот не сделал решительный выбор в пользу советской власти, та и не победила бы.

Войска белых возьмут Казань, чему немало способствовал мятеж чехословацкого корпуса (май 1918 г.). В статье «Подробности взятия Казани» эсеровская газета «Дело народа» сообщала о результатах победы: «Нами захвачена неисчислимая добыча: весь золотой запас России на номинальную стоимость 657 млн рублей. Огромные суммы денег в 100 млн. только разменными знаками; бесконечное количество иму-

щества инженерного, артиллерийского, интендантского, аэропланы, академия Генерального штаба. Единственный хлебный путь, оставшийся за Советской властью, в наших руках. Нами нанесен смертельный удар Советской России, и Советская власть, конечно же, отдает себе в этом отчет...» Красная армия не смогла в те дни отбить натиск. В конце 1918 г. 3-й армией красных была сдана Пермь. В результате шестимесячных бесценных боев при необеспеченности тыла и отсутствии резервов, 35-градусном морозе и длине фронта более 400 км армия не смогла противостоять противнику. За 20 дней она откатилась на 300 км, потеряв за эти дни около 18 тысяч бойцов, десятки орудий, сотни пулеметов. Ленин телеграфирует председателю РВС Советской России и требует назначить Сталина и Дзержинского «для подробного расследования причин сдачи Перми, последних поражений на Уральском фронте». Главной причиной поражения красных были просчёты командарма Тухачевского и интриги Троцкого, который фактически спровоцировал чехословаков на мятеж против РСФСР. Хотя...

В истории с мятежом чехов много неясного. Корпус сформирован ещё до революции. В российском плену находилось 200 тыс. пленных чехословаков, выступавших в рядах Австро-Венгрии, но не желавших воевать. По условиям Брестского договора РСФСР с немцами, они подлежали разоружению. Эти чехословаки хотели добираться до Владивостока и оттуда уже отбыть во Францию и на родину. Как писал министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш председателю Парижской мирной конференции Ж. Клемансо в сентябре 1919 г.: «Единственное желание у всей этой армии возвратиться на родину». Совнарком пошел им на уступки. Передав сообщение через Сталина, им разрешили двигаться с оружием «как группе свободных граждан». Об этом узнал Троцкий и, находясь уже тогда в конфликте со Сталиным, этот интриган, сознательно шедший на затягивание Гражданской, отдал войскам провокационный приказ №377, требующий от Советов разоружать чехословаков под угрозой расстрела: «Предлагаю немедленно принять срочные меры к задержке, к разоружению и расформированию всех эшелонов и частей Чехословацкого корпуса...» И специально послал

из Москвы бронированные поезда. «Секретный приказ», конечно, стал тут же известен командованию чехов.

Чехи, не доверяя советской власти, боясь, что красные их арестуют и подвергнут репрессиям, разоружаться отказались. Ответ не замедлил себя ждать: чехи выступили против «советских иуд» и решили пробиваться во Владивосток силой.. За всем этим были видны интриги стран Антанты и откровенно предательская и провокационная деятельность «иудушки Троцкого» (Ленин). Ведь именно он и отдал приказ о разоружении чехословаков, который и спровоцировал их на мятеж. С другой стороны, восстание чехословаков задумано английской разведкой ещё в середине 1917 г. и фактически стало сигналом для начала Гражданской войны 1918—1920 гг. Историк и писатель Ю.В. Емельянов указывает на связь между чехами и агентом английских спецслужб С. Моэмом, известным английским писателем. Тот признавал, что для реализации британского плана по свержению Советов в России имел неограниченные денежные средства. В миссии в России его сопровождали четыре преданных ему чеха, которые и должны были действовать в качестве офицеров связи между ним и профессором Масариком (будущим президентом Чехословакии. — Ю.Е.), «имевшим под своим командованием что-то около шестидесяти тысяч своих соотечественников в различных частях России».

Цель акции Сомерсета Моэма — вступить «в контакт с силами, враждебными правительству», подготовить план, который смог бы удержать Россию от выхода из войны. До конца жизни Моэм как координатор заговора (он вёл свою игру и с Керенским) сохранял уверенность, что была возможность успеха, если бы он только был направлен в Россию заранее, «на шесть месяцев раньше». Во всяком случае именно удар мобилизованного 45-тысячного корпуса чехов вывел из под контроля большевиков огромные территории страны — Поволжья, Урала, Сибири. И противостояние обрело широкий масштаб. Вспыхнула Гражданская война. Троцкий лоббирует идею высадки английского десанта в Мурманск. 2 марта Мурманская народная коллегия, являвшаяся коалиционным (Советы, земства и т.д.) органом местной власти и возглавлявшаяся

**Английский писатель и разведчик
С. Мозэм**

сторонником Троцкого А. Юрьевым, «пригласила» в город две роты солдат английской морской пехоты. Сделано это по благословению Наркоминдела. Коллегия прислала в Совнарком телеграмму, спрашивая — принять ли военную помощь, предложенную руководителем союзной миссии контр-адмиралом Т. Кемпом (тот предлагал высадить в Мурманске их войска с целью «защиты» его от возможного наступления немцев).

Постоянную связь с наркомом иностранных дел держал английский посол Локкарт, он даже встречался с Троцким в его кабинете, мечтая «устроить с Троцким грандиозный путч». Весной 1918 г. он вполне «по дружески» попросил Троцкого о содействии — перебросить 50-тысячный чехословацкий корпус в Мурманск, то есть поближе к Москве и к Питеру. Можно предположить, что уже готовые к мятежу «белочеи» были бы в этом случае использованы с целью свержения Советской власти. Троцкий, похоже, уже настолько заигрался, что обещал помочь, но запрет Ленина предотвратил тогда переброску корпуса. Посол Франции в России Ж. Нуланс заявил, что союзники решили «начать интервенцию и рассматривают чешскую армию... в качестве авангарда союзной ар-

мии». Американский посол в Китае Райниш также советовал президенту США Вильсону: «Было бы огромной ошибкой позволить чехословацким войскам уйти из России... они могут овладеть контролем над всей Сибирью. Если бы их не было в Сибири, их нужно было бы послать туда». Всякого рода силы, стремившиеся погреть руки на казалось бы уже близком разделе России, решили рекомендовать Антанте «не вывозить чехов из России». Посол США в России Френсис писал: «В настоящее время я пытаюсь по возможности предотвратить разоружение 40 тыс. или более чехословацких солдат, которым Советское правительство приказало сдать оружие...» Чехословацкий корпус полностью был создан и вооружен на деньги Антанты. Правительства Англии и Франции передали на организацию мятежа чехов около 15 млн рублей. В Англии был создан комитет во главе с генералом Дж. Смитом, разработавший планы военных действий белочехов. Америка предоставила на закупку оружия ими заём в сумме 12 млн долларов, поставила чехам 1,1 тыс. пулеметов «Кольт», 250 тыс. винтовок, 1 млн пулеметных лент, 600 тыс. гранат, 20 артиллерийских лафетов, 25 аэропланов, 100 автомобилей, 75 тыс. комплектов снаряжения, 155 тыс. комплектов обмундирования и другое военное имущество. В телеграмме, направленной Совнаркому 30 мая 1918 г., чехословаки возлагали всю ответственность за вооруженный конфликт на советскую власть, что в лице военного комиссара Троцкого вела переговоры с ними «неискренним способом, обещая делегациям чехословаков одно и отдавая местным Совдепам тайные распоряжения совсем другого рода». Доля истины тут есть.

Все эти сведения свидетельствуют в пользу того, что выступление чехов — одно из звеньев борьбы Запада и сил контрреволюции против большевиков. Г. Кинг и П. Вильсон пишут: «Это становится особенно понятно, если обратиться к личности самого Гайды. Во время эвакуации на Восток его поезд сделал остановку в городе Ново-Николаевске, где Гайда имел весьма продолжительную беседу с членами тайной антибольшевистской организации, состоявшей из офицеров-монархистов. Во время этих переговоров был разработан совместный план действий, целью которого явля-

Чешский генерал Р. Гайда, генерал С.Н. Войцеховский

лось всеобщее восстание против большевистского режима. Гайда заверил своих партнеров, что его люди, то есть чехословаки, готовы и хотят действовать, и призвал монархистов поднять аналогичное восстание. Свою речь он закончил таким обещанием: «Вы только начните, а мы уж позаботимся о большевиках!» Правда, у чехов не было опытных командиров (генерал Р. Гайда из фельдшеров). Но военных наставников у них хватало. Они преследовали корыстные интересы, их действия очень походили на акции разного рода банд. И однако они сумели-таки взять под контроль огромную территорию — от Челябинска до Самары. Глава Военного Совета большевиков М.Д. Бонч-Бруевич, назвав восстание белочехов «пустяковым делом», конечно, явно недооценил серьезность угрозы.

Неоднозначно выглядит фигура и адмирала Колчака. Советская наука соблюдала ленинский наказ, данный вождём революции после расстрела Колчака: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке». Имя его на долгие годы словно вычеркнули из отечественной истории, как вычеркивали сотни и тысячи врагов народа, эмигрантов, диссидентов. Ныне выпущено немало книг о его жизни и деятельности этого человека, который до 1917 г. был известен в России как исследователь Арктики, крупный ученый и талантливый флотоводец. Герой Порт-Артура А. Колчак получил тогда в на-

граду золотое оружие — саблю с надписью на эфесе «За храбрость» и два боевых ордена — Святой Анны и Святого Станислава... Родом же сам Колчак — из половцев.

Жизненный путь Колчака таков: сын морского офицера, он станет кадетом Морского корпуса, в 19 лет — мичманом, затем — вахтенным начальником на крейсерах, лейтенантом... на долгие семь лет. С первых океанских походов увлёкся Дальним Востоком и Северным мор-

ским путем. Мичманом и лейтенантом его знали адмирал С.О. Макаров, геолог и ботаник академик Ф.Б. Шмидт, организатор полярных экспедиций барон Э.В. Толль, путешественник Ф. Нансен и др. Сегодня в нём видят британского джентльмена, что был известен рыцарским отношением к женщинам. Пресса всю трубит о его «великом патриотизме». О нём снимают фильмы, поют песни, превозносят как полярника, «военного человека до мозга костей», возможно, «прогрессивного человека». Но вот совершенно иначе выглядит его роль как лидера Белого движения. В его биографии имеется масса чёрных пятен, о которых намеренно молчат пресса, учёные и телевидение. Его ахиллесова пята, которую всячески пытаются скрыть от нашего народа, заключена в том, что служил упомянутый Колчак в годы Гражданской войны вовсе не национальным интересам России, но её врагам. Человек больших амбиций, он не желал ни с кем делить славу освободителя России от красных, и единолично нацелился на Москву, как и Деникин. Однако верховный правитель из него был никудышный.

Заметим, что созданный и недавно показанный по телевидению фильм режиссера А. Кравчука «Адмирал» содержит множество фактологических и, что хуже, нравственно-исторических ошибок. Мы не кинокритики и разбирать мелкие моменты смысла нет. Достаточно сказать, что уже с

первых своих шагов как командира Колчак продемонстрировал просто поразительную беспомощность и неумение вести сражение. В статье «Адмирал Колчак под клубнично-клюквенным соусом» О. Бузина отмечает, что если бы режиссёр Кравчук снимал действительную картину о «подвигах» адмирала на Балтийском море, то пришлось бы рассказать малопривлекательную историю, как едва ли не все морские силы Колчака были брошены на потопление одного тихоходного немецкого угольщика. Ни торпеды, ни снаряды не попадали в немца или не взрывались. Только пятой торпедой удалось поразить несчастный тихоход. При этом «рыцарь» Колчак, взбешенный столь позорным финалом, приказал не подбирать немецких моряков, что противоречит морскому кодексу. В 1916 г. новейшие русские эсминцы под командованием того же Колчака пытались перехватить немецкий конвой с грузом руды из Швеции, но попросту не нашли конвой в тумане. Провалилась и вторая попытка. Главное, полностью опу-

щена политико-государственная и военная деятельность, её последствия для России.

Став начальником над Черноморским флотом, он сразу отличился «презрением ко всему черноморскому». Многие отмечали, что тот осуждал всё, что делалось флотом. Хотя молодой и пылкий Колчак вдохнул во флот и новую энергию («действительно разбудил дремлющий флот»). Выявились и типичные для военных структур попытки раздуть штаты. Он был сторонником войны до победного конца. Февральский переворот поддержал. Хотя сразу же стало ясно, что буржуазия этим актом окончательно подрывала военную мощь и саму основу Российской империи. Флаг-офицер штаба командующего Черноморским флотом Р.Р. Левгода писал о событиях марта 1917 г.: «Только одно всем было ясно одинаково: с переворотом бесследно исчезли казавшиеся незыблемыми гарантии личной безопасности и авторитетность приказаний начальников. И то и другое исчезло вместе с дисциплиною, от которой осталась только тень». Буржуа, это племя органических предателей, и погубило Россию! И хотя новые правители-временщики, можно сказать, носили его на руках, иллюзий у него не было. Р. Левгода писал: «Поездка командующего флотом в апреле 1917 г. в Петроград была похожа на триумфальное шествие. Газеты писали восторженные статьи о молодом адмирале и Черноморском флоте. Где бы ни появлялся адмирал Колчак, всюду ему устраивали оvation. Временное правительство оказало ему исключительное внимание. Но слава не опьяняла и даже не радовала вице-адмирала Колчака. Сквозь бутфорскую помпезность Временного правительства, сквозь красоту грандиозных манифестаций революционного Петрограда и армии он ясно видел всю неспособность новой власти сохранить фронт и урегулировать внутреннюю жизнь страны». Следует учесть, что воспоминания писались в тюрьме в Новороссийске в 1919 г., куда он был посажен денikinцами за поддержку Советской власти и Красной армии. Однако они в целом объективны, хотя и приукрашивают Колчака, наделяя того некой «харизмой»: «Если бы объединенному Югу потребовалось наделить какое-либо лицо чрезвычайными полномочиями, то поиски такого лица были бы недолгими: все сходи-

Колчак-полярник

Колчак на Черноморском флоте. 1916 г.

лись на том, что в этом отношении у вице-адмирала Колчака соперников в России не было». Хотя почти любое его начинание завершалось катастрофой — от попыток создать боеспособную армию и взрыва «Императрицы Марии» до личной жизни.

Многое в его судьбе и скитаниях остаётся загадкой, вызывая вопросы. Как и почему бывший командующий Черноморским флотом оказался за рубежом и стал мечтать о службе в рядах английского флота? Для чего его сначала увезли в США (сентябрь 1917 г.), где русский посол, масон Бахметев устроил адмиралу-масону тайную встречу с президентом Вильсоном, госсекретарем Лансингом, банкирами крупнейшего еврейского банка «Кун, Лейб и К°»? И что делал Колчак в Сингапуре, где командующий английскими войсками генерал-майор Д. Ридаут передал ему пакет с указаниями английского генерального штаба? Что в приказе? Колчак пишет письмо возлюбленной Тимиревой (март 1918), где туманно признаётся: «И вот я со своими офицерами оставил “Динегу”, перебрался в отель “Европа” и жду первого парохода, чтобы ехать обратно в Шанхай и оттуда в Пекин, где я имею получить инструкции и информации от союзных посольств. Моя миссия является секретной, и хотя я догадываюсь о её задачах и целях, но пока не буду говорить о ней до приезда в Пекин». Затем он перебрался в Японию, где встречался с высшими чинами японского генштаба генералами Ихарой и Танакой, находился в близких

отношениях с начальником японской разведки Накашима и его помощником, полковником Я. Хизахиде, с полковником английской разведки А. Ноксом, капитаном Л. Стенени и французским послом Реньо. Кстати, англичане посадят его в спецвагон, как и немцы — Ленина и его соратников, да ещё и доставили сей бесценный груз под охраной английской пехоты и Нокса в Сибирь. Черчилль скажет: «Мы воззвали его к жизни!» Ради кого вызвали адмирала из исторического забвения? Ради чьих интересов? Почему это Колчак вдруг вместо Месопотамии оказался в Сибири и стал главой Омского правительства? Нет, не ради сохранения российской империи сделали Колчака «верховным правителем». В действительности всё было именно так, как и сказано в шуточной песенке, охарактеризовавшей положение белогвардейского воинства: «мундир английский, погон французский, табак японский — правитель Омский».

Подоплека истории появления Колчака в Сибири в целом верно описывается в статье А. Мартиросяна «Мундир английский — правитель Омский». Автор на основании данных архивов убедительно показывает, что согласно документам из английских и американских архивов британская разведка завербовала Колчака ещё в его бытность командиром минной дивизии на Балтике в чине капитана I ранга. Вскоре, 28 июня 1916 г. он назначен был на пост командующего Черноморским флотом, причём по прямой протекции главы английской разведки в России, полковника С. Хора и посла Великобритании Бьюкенена, которые уломали Николая II сделать это назначение. Так Колчак и стал контр-адмиралом... О том, как повёл себя адмирал на Черноморском флоте, есть и записи генерал-майора Ф.П. Рерберга (с 1915 г. он являлся начальником штаба крепости Севастополь). Блестящий офицер, Рерберг был ещё и превосходным писателем... После его смерти (1928) сын опубликовал в Мадриде книгу генерала «Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений». Рерберг показал, как адмирал Колчак фактически подрывал дисциплину на флоте, потворствуя анархии матросов, запрещая офицерам наказывать провинившихся. Тех, кто пытался поддержать порядок, он жёстко преследовал, вплоть до их увольнения со

Карикатурный портрет на Колчака

службы. Факты, излагаемые в воспоминаниях Рерберга, являются суровым приговором Колчаку не только как выдвигенцу либеральной оппозиции, всеми силами пытавшейся, как мы видели, подорвать устои государственной власти Российской империи, но и как фигуре, потворствовавшей процессам разложения в войсках, которые происходили после февральских событий 1917 г. Эти и другие моменты указывают на то, что Колчак, начиная с лета 1916 г., способствовал процессу разложения на Черноморском флоте. Некоторые флотские офицеры предчувствовали скорую катастрофу ещё до февральских событий. Колчак вынужден был заявить: «Считаю, что моя дальнейшая деятельность в Чёрном море... не может быть полезна». Но мало кому известно, что деятельность была очень даже полезной Западу.

«С весны 1917 года к Колчаку стали присматриваться и вступившие в войну США.

Амуры между адмиралом и представителями американской разведки зашли настолько далеко, что, когда он был направлен в Соединённые Штаты Временным правительством, его, несмотря на неопределённый статус, принял сам президент Вудро Вильсон. (Мы помним, что также принимали на Западе Горбачёва, приведшего страну к распаду. — В.М.). Колчак, видимо, приглянулся заокеанским политикам, которые благодаря экономической мощи США смешили с главных ролей в Антанте англичан. Симпатичного адмирала отдали в руки госсекретаря Э. Рута, который стал его готовить в «Верховные правители России». До его сознания довели, что главной задачей на этом посту должно стать удовлетворение американских и британских экономических интересов за счёт русских земель. Как только стало понятно, что законных оснований для отторжения у России оккупированных Германией территорий нет, англичане вспомнили: у Антанты есть практически готовый диктатор, с удовольствием выполняющий любые их требования. Поэтому и британскую идею сделать Колчака номинальным правителем России для ратификации отторжения Прибалтики и Западных Украины и Белоруссии американцы воспримут на «ура». И стали действовать... А вскоре «наш адмирал» под неусыпным контролем английского генерала Нокса и разведчика Дж. Маккиндера объявился в Сибири и стал во главе финансируемой Западом армии. 26 мая 1919 года Верховный совет Антанты направил Колчаку ноту, где извещал адресата о разрыве дипотношений с советским правительством и вы-

Колчак обходит ряды своих войск

Адмирал Колчак

ражал готовность признать адмирала легитимным правителем России, если тот письменно согласится на два условия. Во-первых, новый «русский» диктатор должен был признать законность отделения от России Польши (считай, Западных Украины и Белоруссии) и Финляндии. Во-вторых, он должен был отдать решение вопроса об отделении от России Латвии, Эстонии, а также Кавказа и Закаспийской области на усмотрение арбитража Лиги Наций, если между ним и марионеточными прозападными правительствами этих земель не будет достигнуто необходимое странам Антанты соглашение. 12 июня 1919 г. Колчак подписал все требуемые бумаги, и мировое сообщество быстро признало его легитимным правителем России. В итоге англичане и американцы добились желаемого: так называемое законное правительство России, по сути, признало правомерность отторжения от неё территорий, причём не только оккупированных в ходе мировой войны Германией. Таким образом, в рамках международного права у стран Антанты появилась возможность отхватить от России территорию, площадь которой превышала миллион квадратных километров. Если до подписания Кол-

чаком требуемых соглашений западная помощь шла к нему полноводной рекой, то, как только англичане и американцы получили желаемое, они потеряли к адмиралу всякий интерес, он стал им не нужен». Дальнейшая судьба адмирала хорошо известна. Жаль, что её не разделили наши предатели, на совести которых распад СССР!

Белая армия, наспех собранная Колчаком, была собрана на деньги Антанты. Вот, скажем, в Екатеринбурге 8 мая 1919 г. состоялся парад его войск: «Особое внимание обращали (на себя) ударный батальон, только что вернувшийся с позиции, кавалерийские части, английский военный оркестр. На правом фланге в числе начальствующих лиц находились представители английских, французских, чехословацких и сербских войск». Очевидцы описывали парад войск, в коем участвовало 25—30 тысяч. Зрелище, говорят очевидцы парада, было жалкое. И дело вовсе не пестроте обмундирования солдат, но в том, что они не годились для боя. Это была только толпа совершенно не готовых людей, со всеми недостатками (какие-то «михрютки»). На первом этапе у Колчака были военные успехи, но длились они не долго. Вершиной его успеха было взятие Казани. Каппелевцы захватили половину золотого запаса России (650 млн золотых рублей). Каппелевцы разгромили два полка знаменитых латышских стрелков, перебив их в штыковой атаке. Вывезти золото большевикам помешал сербский отряд, занявший Казанский кремль и отказавшийся выполнять приказ. Рапортуя о взятии Казани, Каппель писал: «Трофеи не поддаются подсчёту, захвачен золотой запас России в 650 миллионов. Потери моего отряда — 25 человек, войска вели себя прекрасно». В Казани располагалась и академия Генерального штаба с большей частью слушателей и преподавателей, подлинный золотой фонд русской армии. Иные из них приняли сторону белых, впоследствии активно участвуя в боях с красными.

Независимую позицию занял Урал, бывший уже сложившимся экономическим регионом. Тут были сильны позиции буржуазии, промышленников, кадетов, и слабее — пролетариата. Временное правительство Урала просуществовало недолго (с 19 августа по 4 ноября 1918 г.). Правительство Урала было создано из эсеров, кадетов,

представителей партии «народной свободы» и народных социалистов. Однако даже вместе они не смогли решить вопроса о земле, оставив её в руках прежних пользователей. Кадеты настояли на священном праве частной собственности. Правда, деятельность частных предприятий и банков могла быть поставлена под государственный контроль, максимум прибыли ограничивался, рынок должен был действовать при жёстком регулировании со стороны государства. О том, что ждало бы страну, если бы мы тогда ещё встали на путь так называемой демократизации, к которой нас подталкивал Запад и внутренние предатели в конце XX века, ясно показывает опыт того же Уральского правительства. Оно оказалось в большинстве случаев просто недееспособным, и вынуждено было обращаться по любому вопросу за содействием и помощью к странам Запада (т.е. к интервентам). Сибирское правительство в Омске и Комуч пытались подчинить уральцев себе. Потребовалось вмешательство послов Англии и Франции для подтверждения формального его статуса.

Отношения между Сибирью и Уралом сразу же обострились. По свидетельству современников, сибирское правительство в своём стремлении стать центральным Всероссийским правительством, «ведёт поход против уральского правительства, стремясь его обезличить». Это правительство отторгло от Урала Шадринский, Камышловский, Златоустовский и Ирбитский уезды, развернув против Екатеринбурга целую таможенную войну. Сибирь стала посылать в волости Урала и специальных представителей, которые должны были бы контролировать поток продуктов, чтобы те не попадали в Екатеринбург. На железных и грунтовых дорогах в Кыштыме с этой целью создавались специальные заставы, дабы воспрепятствовать вывозу. На доставляемые из Сибири продукты вводилась 50% пошлина. Призывы воззвать к чувству разума не помогали, ибо, по словам Л.А. Кроля, правительство Сибири никаких слов не признавало, а «признаёт только силу». Так же вели себя в отношении уральских регионов представители Комуча, которые считали себя центральной властью, видя Урал отнюдь не федеративной частью, а лишь автономной областью Сибирской республи-

Комуч первого состава — И.М. Брушвит, П.Д. Климушкин, Б.К. Фортунатов и др.

ки. Не имея своей армии, правители были заложниками. По свидетельству представителей профсоюзов Урала, тогда на Урале «арестовывали все, кому не лень»: военный контроль, комендатура, городская, районная следственные комиссии, чешская контрразведка, уполномоченные заводских районов и разного рода должностные лица.

Как видим, представители элит всего двух-трёх регионов в России, но и те не смогли договориться. Что говорить о всей стране. Эсеровская Директория широкой поддержки не получила. Чернов заявлял: «Народная армия должна быть мужицкой». Но крестьянин-мужик в армию эсеров не пошёл. Кроме того вскоре сами эсеры увидели, что офицерская среда чужда им, положиться на неё целиком они не могут. В свою очередь белые офицеры не желали идти на компромиссы с социалистами... По свидетельству Колчака, армия «относилась совершенно отрицательно к Директории». Белые говорили, что «Директория — это есть повторение того же самого Керенского, что Авксентьев — тот же Керенский, и что, идя по тому же пути, который уже пройден Россией, он неизбежно приведёт ее снова к большевизму, и что в армии доверия к Директории нет». Потому в ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. группа заговорщиков из состава расквартированных в Омске офицеров казачьих частей арестовали 3 членов Директории (те через два дня были высланы за границу) и вся полнота власти была предложена адмиралу Колчаку. Тот, не колеблясь, принял пост «верховного правителя России». Заметим, что Омск в то время был крупнейший город Сибири (около миллиона жителей в конце 1918 г.).

Забегая вперёд, скажу, что даже падение Казани, захват Каппелем «золотого за-

Долой мировую буржуазию! Симбирск. 1919 г.

паса» и переход на сторону Колчака части слушателей академии Генерального штаба, базировавшейся в годы первой мировой войны в Казани, а также восстание ижевских и воткинских рабочих (после Казани против большевиков восстали тогда тысячи рабочих ижевского и воткинского заводов) не смогли обеспечить прочного успеха белым. Что тому причиной? Как и на юге России, здесь (ещё в большей степени) вскоре выяснилось: крестьянство не хочет поддерживать белых. Генерал-лейтенант барон А.П. Будберг писал: «На внутренних фронтах по мере наступления тёплого времени число очагов восстания (против белых войск — В.М.) всё увеличивается; на Тайшетском участке идет настоящая война; восставшие банды громят волостные правления, убивают священников, лесничих и мелкую интеллигенцию. Думаю, что сейчас нас может выручить только дружеская оккупация наших тылов союзными войсками; возложить же охрану порядка и власти на части, наспех и неумело формируемые из зелёной крестьянской и городской молодежи, неустойчивой и большой всеми приобретениями революции, — немыслимо. Не верю вообще в возможность скоро сформировать новые надёжные части русской армии, даже при самых совершенных методах исполнения; то же, что делается в Приамурье и здесь, в Сибири, грозит подарить нас такими воинскими частями, которые в тяжёлые минуты испытаний могут сделаться причиной нашей гибели; ведь уже

и сейчас в зашифрованных донесениях с фронта всё чаще попадают зловещие для настоящего и грозные для будущего слова: «перебив своих офицеров, такая-то часть передалась красным». И не потому, что она склонна к идеалам большевизма, а только потому, что не хотела служить, не хотела рисковать в бою своею жизнью и в перемене положения, создаваемого изменой, думала избавиться от всего

неприятного». Будберг лукавит, не хочет зреть в корень. Однако когда истина одна, её трудно исказить и при большом желании. Оценка Ленина почти совпадает с оценкой белого генерала А. Будберга.

Ленин же писал: «И когда Колчаку пришлось расширять свою армию, это расширение привело к тому, что сотни тысяч перешли на нашу сторону. Десятки белогвардейских офицеров и казаков, перебежчиков от Колчака, говорили, что они убедились, что Колчак продаёт Россию оптом и в розницу, и, даже не разделяя большевистских взглядов, переходили на сторону Красной Армии. Так кончил Колчак, так кончит и Деникин». Конечно, исторические фальшивомонетчики наших дней напомним слова адмирала о том, что он хотел, чтобы

Дом в Омске, где заседало правительство Колчака

Колчак в кабинете

Россию освобождали русские, вспомнят ответ его финскому генералу Маннергейму, когда в обмен на признание им независимости Финляндии, помощи со стороны финнов Колчак будто бы ответил: «Я целостностью России не торгую». В действительности, все эти слова были не более чем позой и ложью. Такой же ложью являются высказывания «демократической» прессы, торгующей Россией на каждом шагу.

Сколько камней брошено в большевиков за нарушение ими «священного права народа», что должен был обрести истинно демократическую власть в Учредительном собрании. Но противники большевиков ничего не говорят о том, что стало бы с демократией, если бы победу одержали белые. Колчаковцы своеобразно понимали «демократию». Адмирал воочию показал, как будет действовать та «демократия». 28 ноября 1918 г. Колчак встретился с представителями печати для разъяснения политической линии. Он заявил, что его ближайшей целью является создание сильной боеспособной армии для беспощадной и неумолимой борьбы с большевиками, чему будет способствовать единоличная форма власти. После ликвидации большевистской власти в России должно быть созвано Национальное собрание «для воцарения в стране закона и порядка». М.А. Иностран-

цев в журнале «Белое дело» издал свои воспоминания (1926), где документально передал суть разговора с адмиралом Колчаком, когда он делится с коллегами представлениями о демократии белых: «Ну, я им ответил, какой я демократ, — сказал Колчак и засмеялся. — Во-первых, я им (союзникам по Антанте. — *Ред.*) ответил, что Учредительное собрание или, вернее Земский собор я собрать намерен, и намерен безусловно, но лишь тогда, когда вся Россия будет очищена от большевиков и в ней настанет правопорядок, а до этого о всяком словесоворении не может быть и речи. Во-вторых, ответил им, что избранное при Керенском Учредительное собрание за такое не признаю и собраться ему не позволю, а если оно соберется самочинно, то я его разгоню, а тех, кто не будет повиноваться, то и повешу! Наконец, при выборе в настоящее Учредительное собрание пропущу в него лишь государственно здоровые элементы. Вот какой я демократ! — Адмирал снова рассмеялся». В свете такой реакции белых генералов на Учредительное собрание, нельзя не согласиться и с В.И. Лениным, заметившим: «Учредительное собрание в настоящее время было бы собранием медведей, водимых царскими генералами за кольца, продетые в нос» (1921).

С первых шагов режим Колчака вступил на путь исключительных законов, введения военного положения и смертной казни. Обе стороны действовали по той же схеме. При нём действовал и известный красноярский институт заложников. Ни один из арестованных не доводился до тюрьмы. Расстреливали пачками. Иным даже отрезали уши

**Гражданская война в Сибири
и на Дальнем Востоке**

Войска Колчака на позициях

и носы. Приказ Колчака в ответ на устроенную в с. Покровское засаду гласил: 1) Всё имущество жителей села конфисковать на нужды армии; 2) Покровское сжечь дотла. По всей Сибири действовали и свирепствовали карательные экспедиции. Белогвардейский генерал Шемелин издал приказ (1919 г.): дома, из которых хозяева «ушли на службу в Красную Армию, немедленно придать огню, все имущество конфисковать и передавать станичным атаманам для раздачи пострадавшим от большевиков». Вспоминает очевидец: «Белые шли в гражданскую. Девки-то молодые прятались по подполам. Колчак мужиков забирал. Белые зимой навозили целую кучу, 1000 человек. Едут по деревне, свезут на кладбище. Белые лошадь оставляли, а взамен хорошего коня брали. А если попадались (белым в селах) ссыльные — пулю в лоб и не спрашивали». По неполным данным, относящимся к 13 губерниям России, за последние месяцы 1918 года белогвардейцы расстреляли 22780 человек. Режим массового террора воцарился в Сибири, где установлена военная диктатура Колчака («Колчакия»). Причём в жестокости «верховный правитель» и его подручные превзошли царские власти. Число арестованных осенью 1918 г. достигло 75 тысяч человек. Почти каждый десятый житель подвергся жестокой и уничительной порке, тысячи домов сожжены,

десятки тысяч крестьянских хозяйств разорены. Число убитых и замученных в застенках не поддавалось учету. Только в Екатеринбургской губернии было расстреляно около 25 тысяч человек. «Я не ошибусь, если скажу, что в Восточной Сибири, — признавался позднее очевидец тех событий американский генерал Гревс, — на каждого человека, убитого большевиками, приходилось 100 человек, убитых антибольшевистскими элементами». Контрреволюция мстила, уничтожая не только коммунистов, народную власть, но и всех, кто выражал ей хотя бы малейшее сочувствие. Страшную жатву белый террор собирал всюду, в Поволжье, на Севере, Дальнем Востоке, юге России и национальных окраинах. За короткое время своего правления в ходе карательных операций палачей Колчака и его союзников было повешено, расстреляно, заживо сожжено около 40 тысяч человек, и еще свыше 70 тысяч было брошено в тюрьмы. Эти цифры приводят как наши, так и зарубежные источники. Его атаманы — Анненков, Калмыков, Семенов, Унгерн — «прославились» зверствами и пытками...

Даже чехословацкие legionеры не выдержали и официально заявили в своём меморандуме: «Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснётся весь цивилизованный мир. Выжигание деревень. Избиение мирных русских граждан целыми сотнями, расстрел без суда представителей демократии по простому подозрению в политической неблагонадежности составляет обычное явление...». Жительница города Нижнеудинска А. Наумова писала в иркутскую газету «Земля» о том, как колчаковцы Ромера захватили село. Тот потребовал выдать партизан, иначе он будет расстреливать каждого десятого. «Так он и сделал. Столько «нащёлкал»! Летели с берега убитые. Стоял рёв, вой... Всё это сейчас не объяснить, не описать. Я это помню... После этой мясорубки ещё неделю в реке стоял стон, вместо воды текла кровь, а никого не подпускали к реке. Вот что делали ваши гуманные белые колчаковцы и попы». К слову сказать, Колчак стал и создателем сибирского ГУЛАГа, так называемого ГУМЗа (Главное Управление местами заключения), построив около

**Г. Шегаль. Расстрел колчаковцами
железнодорожников. 1919 г.**

50 концентрационных лагерей и переоборудовав множество тюрем, через которые всего прошло около миллиона заключённых. У создателей глянцевого фильма «Адмирал», конечно же, нет даже намёка на это! Их цели другие — обелить, защитить власть плутократов, т.е. буржуазии, которая, как некогда и Колчак, пыталась утвердиться у нас при поддержке «демократических» режимов Запада.

Его правительство постоянно сталкивалось с проявлением недовольства, особо в среде промышленных и железнодорожных рабочих, с нетерпением ожидавших прихода большевиков. Искавшие в Сибири убежища от наступавшей Красной армии беженцы, руководствуясь слухами и домыслами, поддавались панике. Среди них было немало трудящихся и мелких собственников, которые в силу их социального положения не были сторонниками Колчака. Хотя было и немало представителей средних слоев, привилегированных социальных групп. Нельзя не упомянуть и о том, что уже в тот период Сибирь и Дальний Восток являлись местом притяжения иностранной миграции. Это обстоятельство заставило уже тогда деятелей белых правительств поставить вопрос о внятной эмиграционной политике России, что в тех условиях было почти нереальным. В качестве мер по «закреплению» за Россией окраин предполагалось наладить их тесные связи с европейской частью страны путем «спешной» постройки же-

лезнодорожных линий, подготовки оборонительной системы, требующей увеличения численности населения на окраинах, освоения «русским элементом» земель, а также принятия превентивных мер во избежание «стихийного захвата их иностранцами, особенно жёлтыми».

Белые показали себя палачами Сибири. Жестокие меры вызывали массовое недовольство среди населения. Большой размах приобрело и партизанское движение. Белая армия Колчака не выдержала напряжения боев и стала повсеместно отступать. Вот как описывает это отступление, более похожее на бег-

ство, историк В. Перминов: «Белая армия отходит. Она так и не одета по-зимнему и добывает одежду сама по дороге. Села на сани и, вопреки всяким приказаниям о задержке красных, уходит, стараясь оторваться от неприятеля и от ежедневных стычек с ним. Подорван дух, нет надежды на успех, нет желания жертвовать собой. Есть одно желание — уйти от борьбы куда угодно, только не к большевикам. На железной дороге — почти сплошная лента эшелонов с беженцами, больными, ранеными, учреждениями. Эшелоны чешские, польские, так называемых союзных миссий не считались с распоряжениями русских властей — все бежали на восток. Население на пути движения армий заняло нейтральную позицию: симпатий не показывали, но враждебно не относились, часто оказывая помощь чисто из человеческого сострадания». В итоге от некогда могучей колчаковской армии осталось около 20 тысяч человек. Кстати, если большевики просто разогнали членов Учредилки, то белые поступили с ними не намного гуманнее. Казаки вначале упрятали гнилых демократов за решетку (Зензинова, Авксентьева, Роговского). Правители Директории более всего опасались, что «их может убить толпа». Утверждали, что офицеры Колчака в ночь с 22 на 23 декабря 1918 г. забрали членов Учредительного собрания из Омской тюрьмы и стали убивать саблями, штыками, выстрелами в упор из

револьверов, а трупы эсеров, пожелавших «демократии», поспеиваясь, сбрасывали в про-рубу, в «республику Иртыш». Такова была версия советско-го времени. Но членов Дирек-тории доставили до станции Чаньчунь (в сопровождении русско-английского конвоя) и те спокойно уедут в Китай. Высылаемые даже получили от казны пособия: Авксентьев, Зензинов и Роговский — по 25 тыс. франков, Аргунов, как семейный, — 47 тысяч.

Тем не менее оставшиеся эсеры перешли на нелегальное положение и начали вести против войск Колчака подпольную работу, фактически выступив невольными союзниками большевиков. Показательно признание М. Когана-Берштейна, сына казненного царем еврея-революционера Л. Когана-Берштейна. Будучи членом самарского Учредительного собрания Самары, противником Советов, в самарской газете «Свободное слово» описал ситуацию: «Освобожденные» от большевиков земли начинают созревать для диктатуры, заговора, корниловщины, скоропадщины, иноземного пленения. Гешефтмахеры коалиции и матадоры социал-предательства, расправив свои крылья, распоясались во всю. Господа Аргуновы, Павловы, Авксентьевы и прочие и близкие и далекие отщепенцы социализма хоронят Учредительное собрание, расшаркиваются перед разного рода калифами на час, предают трудящиеся массы, отдаваясь в привычный плен к буржуазной коалиции под маской «общенациональной власти»; губят Россию, не заставляя союзников объявить народу во всеуслы-

Е.А. Сорокин. На Колчака. 1950 г.

шание, с чем и зачем идёт англо-франко-японо-американское вмешательство».

Заметим, что за эту статью свои же, эсеры, отстранили его от участия в работе ЦК ПРС. Взгляды честного социалиста, который стоял на позициях верности России, её национальным интересам (хотя и еврей), вошли в непримиримое противоречие с планами предателей из руководства эсеровских партий. М. Коган-Берштейн прямо сказал им, что они «скованы одной цепью» с контрреволюцией, и этого предела им не перейти, когда реакция «предъявит свои векселя к оплате». Он решил, что «если Михаил Романов или ему подобный выступит, я скорее решительно пойду с большевиками, чем пассивно (буду) выжидать хода событий». И он вскоре ушёл к красным, но при переходе линии фронта был убит (при невыясненных обстоятельствах).

Под ударами Красной Армии и партизан правительство было вынуждено перебраться в Иркутск, где 24 декабря 1919 г. вспыхнуло антиколчаковское восстание. Заметную роль в нём сыграли эсеры и социалисты-революционеры. В статье И.В. Берсневой об истории Иркутского восстания в конце 1919 — начала 1920 гг. описываются детали этого события. Колчаку, авторитет которого был подорван, земцы отказывали в праве созыва Земского собора. При этом социалистическая общественность стремилась сосредоточить основные усилия на политической борьбе с омским режимом, подрывая его изнутри. Было решено не направлять своих представителей на земские совещания Колчака, а также организовать

Самодельная пушка партизан

Алтайские партизаны

всеобщую железнодорожную забастовку для форсирования вывода чехословацких и союзнических войск. Постепенно настроения земцев изменились. В телеграмме доктору Гирсу д-р Кржижек объяснял «бунтарскую», по его словам, позицию земств влиянием растущего желания большевизма среди обывателей. У социалистической интеллигенции нарастала тревога по поводу действий режима Колчака в возможной кризисной ситуации. Уполномоченный Политцентра В.Н. Устюжанин писал: «... крайняя опасность создавала агонию реакционных сил, легальная демократия, кооперация, земство, профессиональные организации стояли под непосредственным ударом теряющей почву и изолированной реакции. Разгром и физическое уничтожение демократии казались неизбежными». Большевиизация масс нарастала. И тогда земцы, избрав «Земское политическое бюро», куда вошли эсеры Я. Ходукин (Иркутск), Е. Колосов (Красноярск), меньшевик И. Майский, заменённый потом эсером Б. Косминским (Владивосток), чтобы не допустить прихода к власти большевиков, задумали переворот.

Основной целью деятельности «Земского политбюро» стала разработка планов переворота, конкретная его подготовка. «Земское политическое бюро», настроенное по отношению к режиму Колчака оппозиционно и враждебно, стало искать политических со-

юзников... По свидетельству Е. Колосова, земское политическое движение становилось «своего рода политическим центром, около которого группируются представители антиколчаковских организаций и течений». Оппозиция планировала заключить мир с Советской Россией и создать буферное государство. На этой основе началось сближение сибирских эсеров с меньшевиками. Те не играли заметной роли в организации противодействия омскому режиму, из-за малочисленности рабочих в Сибири, но пользовались влиянием в различных кооперативах и больничных кассах, а также в отдельных самоуправлениях (в Иркутске, Благовещенске, Барнауле) и профессиональных союзах. В отличие от эсеров меньшевики с самого начала гражданской войны относились к Советской власти лояльнее, предпочитая не вооруженную борьбу с ней, а морально-политическое воздействие. Поэтому в соответствии с директивами ЦК РСДРП и февральского сибирского общепартийного съезда 1919 г. в основу деятельности меньшевиков и образованного в феврале 1919 г. их Бюро, легли три основных принципа: «1) мир с Советской Россией; 2) борьба с интервенцией; 3) осуществление первых двух заданий, как равно всех политико-экономических заданий, на основе последовательной ликвидации идеи коалиции социалистической демократии с цензовыми элементами». В меньшевистских организациях сильнее, чем у эсеров, сказывалось стремление к созданию единого революционного фронта. При оторванности от Советской России, нехватке поступающей оттуда информации,

К. Котляров. Боевое задание

отсутствии прямых контактов с коммунистами Центра сибирским эсерам, меньшевикам было трудно строить прогнозы относительно характера будущих взаимоотношений с Советской властью. Однако многим казалось, что под воздействием событий гражданской войны и большевизм, первоначально выражавший стихийную тягу охлократии (так называли народ) к разрушению, непременно трансформируется в государственно-созидательном направлении. У сибирских умеренных социалистов имелись определенного рода опасения на счет авторитарного характера большевизма. Однако же эсеры и меньшевики надеялись, что в условиях правовых преобразований «перегибы» Советской власти могут быть преодолимы. На отношении умеренных социалистов к коммунистам, помимо прочего, конечно, сказывалась «светлая память» об общем дореволюционном прошлом — т.е. о годах совместной борьбы, годах, проведенных на каторге или в ссылке.

По мнению социалистической интеллигенции, слепое стремление Верховного пра-

вителя вести войну с большевизмом до победного конца представляло собой преграду на пути к достижению гражданского мира и демократическим преобразованиям в стране... Колчак же в глазах эсеров и меньшевиков символизировал крайнюю реакцию, и наоборот, все активные противники правящего режима причислялись социалистами к революционной демократии. Поэтому, несмотря на сохранение внутренних противоречий с коммунистами по проблемам формы власти, немедленной социализации и средствах достижения своих целей, умеренные социалисты попытались всё же привлечь к участию в однородно-социалистическом межпартийном блоке и сибирских большевиков. Ориентируясь на совместную с большевиками борьбу против военной диктатуры, сибирские социалисты, вспоминал член Сибирского комитета РКП(б) И. Сурнов, рассуждали так: «Труден первый шаг — сбросить колчаковщину, а там уж легче будет договориться о форме власти». С осени 1919 г. они стали осознавать, что истоки гражданской войны состояли не только в нетерпимости большевиков, в насаждаемой ими системе внутреннего политического террора в стране или в заключенном ими Брестском договоре, но и в партийных амбициях самой революционной демократии. «Если мы не создадим единый фронт демократии... нас поглотит международный капитал, прежде всего Япония...» — так выразил взгляды сибирских умеренных социалистов публицист Е. Колозов. Ко всему прочему положение о народоправстве стало камнем преткновения во взаимоотношениях умеренных социалистов и коммунистов. Ведь требование установления диктатуры пролетариата было для большевиков Сибири столь же принципиальным, как и для их сподвижников в Центральной Советской России. В условиях быстрого продвижения Красной Армии на восток местные большевики не собирались уступать в этом вопросе. Народно-революционная армия с двух сторон пыталась прорваться в центр Иркутска, ведя бой с семёновскими частями, наступавшими по линии железной дороги. Силы были почти равны и кровопролитное восстание затянулось на 11 дней. 1-го января 1920 г. разгорелся, по словам С.П. Мельгунова, «самый упорный и самый жестокий уличный бой». Современ-

Плакат против Колчака

Сибирские партизаны

ник тех событий говорил: «С небывалым ожесточением обе стороны шли друг на друга, добывая раненых, не беря никого в плен». Таковы вот были отношения эсеров и белых. И они были непримиримы. Восстание против Колчака имело место и на Алтае. 8 ноября 1919 г. в Славгород пришла вторая Советская власть. В город вошли партизанские отряды Г. Савченко и С. Толстых. Выступая на митинге во время перезахоронения погибших в сентябре 1918-го крестьян-повстанцев, Толстых говорил: «Вы посмотрите на эти ужасы... (Колчак) — дикое чудовище, неслыханное в истории. Невинная кровь пролилась в Н. Плотаве, Подогрееве, Хабарах, Подсосново; в одном только Славгороде расстреляно невинных жертв 1663 человека. Мы свидетельствуем перед этой могилой... трупов, расстрелянных наших товарищей и всех остальных расстрелянных товарищей в других местностях, похороненных на братских могилах. Даём клятву навсегда, что мы все как один, мужчины и женщины, малые и старые, будем вооружаться так сильно, не считаясь ни с какими трудностями и не боясь никаких угроз. Дальше терпеть нельзя... Сил у нас много, разгромим колчаковские банды и не допустим более проливать невинной человеческой крови и проливать слёзы».

Так что войну с большевиками адмирал Колчак проиграл вовсе не потому, что «упустил момент», «какой-нибудь месяц или два» (П.Н. Зырянов). Такой вывод нелеп, как и попытки иных деятелей правительства Колчака оправдать поражение его войск кознями или виной других. Предатели, компрадоры и марионетки не могли и не смогут удержаться в России... Когда Запад понял, что русская анархистско-большевистская вольница сметает всё и вся, они поставят на адмирале крест и фактически выда-

дут его (французский генерал Жанен и чешский генерал Я. Сыровы). Затем союзные войска и чехословацкие отряды, не веря в победу Колчака, объявят и о своём нейтралитете. Генерал Сахаров позже утверждал, что в планах Колчака было «выбросить чехов из Сибири во Владивосток», чтобы там, перед их посадкой на суда, произвести «ревизию всех их грузов». Разумеется, те прослышали об этом и, не желая сохранять строптивого адмирала, решили его сдать. Один из очевидцев событий тех лет, генерал-квартирмейстер Занкевич писал в «Белом Деле», вспоминая о событиях тех дней: «Когда мы остались одни, адмирал с горечью сказал: «Все меня бросили». И после

Кадр из фильма «Адмирал»

долгого молчания прибавил: «Делать нечего, надо ехать». И потом сказал: «Продадут меня эти союзнички!». Так и произошло. За предоставленную возможность выбраться из охваченной гражданской войной России чехи, по сути дела, продали Колчака большевикам. Взяв подвижной состав Транссиба под свой контроль, торопясь поскорее удрать, они отбирали паровозы, топливо у русских эшелонов, раненых и эвакуированных подчас просто вышвыривали из вагонов. Остатки боеспособных войск были вынуждены идти пешком, при этом беженцы, больные и раненые, по сути, были обречены на гибель. Чехи наиболее «талантливо» проявили себя в том, с какой настойчивостью собирали они, а затем и вывезли из России к себе на родину 600 вагонов с награбленным ими добром. Только на паровоз «Легию», увозящем чехов домой из Владивостока, в марте 1921 года, было погружено кос — 65 000 штук, сноповязок — 50 штук, жаток — 30 штук, подков — 5376 пудов, кожи для подошв — 29000 пудов, рез. колец — 80000 штук, бертолетовой соли — 3000 пудов, чаю — 8 470 пудов и дальше — мыло, перец, медикаменты, свечи, белье, тетради и т.д. По свидетельству контр-адмирала М. Смирнова, командующего белым флотом, выдачу ими Колчака те мотивировали так: «Чехословаки объяснили выдачу адмирала Колчака тем, что рабочие были вооружены пулеметами, и им пришлось бы понести потери при защите адмирала. Трудно представить себе более наивное объяснение...» Никакого «наива» тут нет. Чехи вели себя в духе грабителей Европы. Офицеры и солдаты Ижевской и Боткинской дивизий пошлют генералу Сырову тридцать серебряников — цена за кровь Христа Иуде. Как завершение этой скандальной истории пребывания чехов в России в эпоху Гражданской войны, замечу: Сыровы безнаказанно уехал из Сибири и в Харбине был награжден главнокомандующим союзными войсками в Сибири, ген. Жаненом за «успешную» эвакуацию чехов ещё и орденом Почётного Легиона. В таких случаях и вправду говорят: «Им с... в глаза, а они будут упорно твердить — божья роса!»

Узнав, что чехи отобрали два паровоза у эшелона Колчака, Каппель предъявил чешскому главному Яну Сыровы ультиматум: немедленно пропустить поезд Колчака на

восток, в противном случае вызывал того на дуэль. Но дуэль как способ решения вопросов чести не была принята чешским генералом Сыровы. Чехи и свою-то родину через 20 лет трусливо предадут и продадут немцам, не сделав ни одного выстрела. Кто бы из них стал бы стреляться ради какого-то Колчака! Получив вызов, чех лишь грязно выругался. А потом отобрал эшелон и у самого Каппеля... Попытку освободить пленного адмирала предпринял Войцеховский (каппелевцы). Атаман Семёнов послал «спасательную команду» во главе с генералом Скипетровым (2 полка и 3 бронепоезда). 1 января 1920 г. семеновцы подошли к Иркутску, намереваясь взять город с ходу. Чехи пустили навстречу бронепоезду паровоз, окружили семеновцев и заставили их сложить оружие. Помимо семеновцев, Колчака хотела освободить ещё и рота японцев. Сделать этого им не позволял опять же генерал Жанен и чехи. Ларчик, полагаем, открывался очень просто: французы и чехи во что бы то ни стало хотели прибрать к рукам золотой запас России. Надо сказать, что эта союзническая «братия», за которую 3,5 года погибал русский солдат на фронтах первой мировой войны, весьма преуспела в грабеже. Добавим, что все главные действующие лица, включая Колчака, пре-

**Одноглазый «разбойник» —
главком-чех Сыровы**

красно понимали, что они ведут войну против русского народа, расплачиваясь за долги перед союзниками. «Вступив в войну и заключив известные обязательства с союзниками, — разъяснял Колчак, — мы получили от них огромную помощь, финансовую и материальную, в виде военного снаряжения и снабжения. Но есть нечто ещё большее — это жизнь, кровь тех, кто пал за общее для всех союзников дело, те десятки миллиардов ценностей, которые сообща вложены в экономику войны и которые так или иначе должны быть компенсированы. Вот внутреннее содержание наших договоров и обязательств с союзниками. И если мы эти обязательства выполнить не сможем или не захотим, то неизбежной логикой событий мы должны будем за них расплачиваться... В решении подобных вопросов нет ни сентиментальностей, ни отвлеченных рассуждений, а есть суровый закон необходимости, по которому нам придётся платить за битые горшки». Однако чего не предполагал «доблестный» адмирал, так это того, что настанет время и очень скоро таким вот «битым горшком» окажется он сам — Колчак...

Ситуация для чехов и союзников, впрочем, была незавидной. Путь на восток им отрезали красные и эсеры. В Иркутске в начале января произошло восстание. Власть перешла в руки так называемого Политцентра, лояльного большевикам... Чехословацкие легионеры оказались в затруднительном положении. Эшелоны их растянулись на несколько сот километров от Красноярска до Иркутска, и дальнейшее продвижение могло оказаться под вопросом. Политцентр, по согласованию с большевиками, выдвинул им предельно жёсткие требования. Чехам было предложено незамедлительно выдать Политцентру адмирала и эшелон с золотым запасом. В противном случае восставшие грозили взорвать байкальские береговые тоннели. Исполнение этой угрозы означало, что многотысячной группировке чехов будет отрезан путь на восток. В 20-е годы единственная дорога была проложена узкой кромкой вдоль берега Байкала через сложнейшую систе-

Мост, взорванный колчаковцами

му тоннелей. Миновать их было невозможно. Рельсовую войну вели обе стороны. В октябре 1919 г. доносят Колчаку о бедствиях, которые обрушились на железнодорожников. На Амурской дороге с февраля до конца сентября было 329 случаев сожжения мостов общей длиной 3 781 погонная сажень, причем за 2 месяца уничтожено 146 искусственных сооружений, что привело к прекращению движения на 1,5 тыс. верстах. В августе 1919 г. повсеместно создавались мобильные подрывные команды красных из 7 человек, на подводах доставлялся керосин, поджигались мосты, телеграфные столбы («капитальный ремонт Амурки»). Восстание красных в Красноярско-Тайшетском районе на 2 месяца остановило движение ночью, под Красноярском скопилось 140 товарных составов с амуницией, снарядами. Это отразилось, разумеется, и на моральном облике войск.

Генерал Диттерихс докладывал Колчаку: «...Посетил фронт первой армии: части необычайно слабы числом, понеся в последних боях большие потери, а пополнения, вследствие краткого периода воспитания, не выдерживают и разбегаются. Войска дерутся очень упорно и только после пяти-шести контратак в день устают, не имея смен, и уступают противнику. Настроение хорошее, но осилить противника окончательно нечем... Сводки за 21, 22 и 23 (октября) ясно указывают мне, что даже лучшие наши дивизии, как 28 Камская, Ижевская, 1-я Егерская, утратили сердце.

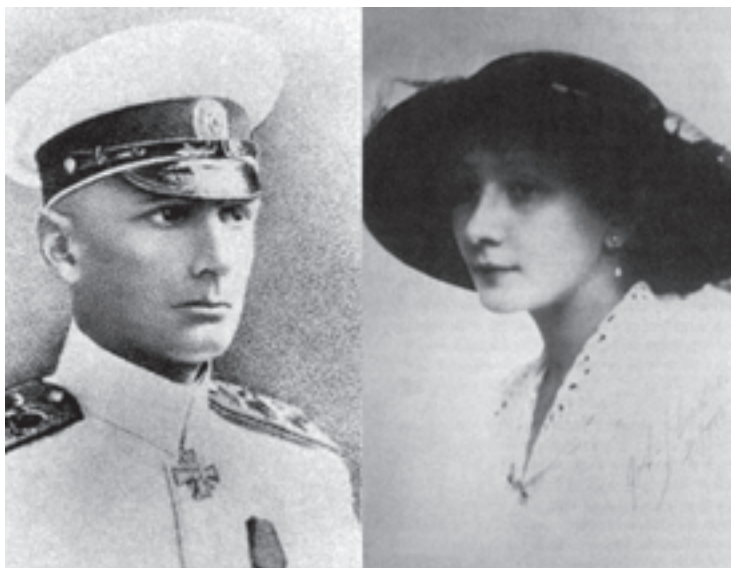
Докладываю, что влитие пополнений на фронт даст небольшой выигрыш времени, почему эвакуация Омска неизбежна». К тому же японские винтовки-арисаки не выдерживали сибирских морозов, а у английских ремингтонов после 2—3 выстрелов отлетали штыки. Выручали тут старые русские «трехлинейки». Не помогло прибытие офицеров-преображенцев, предложение восстановить гвардию. Колчака не мог спасти и режим военной диктатуры (*manus militari*). Армия Колчака уже была на грани развала.

Чехословаки, презирая Колчака, используют его в бартерной сделке. Тот стал разменной монетой, обеспечившей отступление чехов и союзников. 5 января 1920 г. адмирал подписал указ об отречении, а в ночь с 12-го на 13-е, по требованию Политцентра, чехами разоружены его конвой и охрана поезда с золотым запасом России. 15 января в Иркутске чехи передали эсерам Колчака и председателя его кабинета министров Пепеляева. Акт передачи подписали политический представитель Чехословацкой республики доктор Благож и начальник эшелона № 52 майор Кадлец, с российской стороны — заместитель командующего войсками эсеровско-меньшевистского Политцентра Нестеров члены комиссии. Вскоре «верховный правитель России» предстал

перед сформированной Политцентром следственной комиссией. И ультиматум его сторонников, предъявленный Советской власти, уже не мог в его судьбе изменить ничего. Кстати, уроком для предателей России является то, что вчерашние «союзники» выдают их при первом удобном случае.

Факты говорят: Колчак — не патриот, а марионетка, кондотьер, предатель России. Он писал в одном частном письме: «17 июня я имел совершенно секретный и важный разговор с послом США Рутон и адмиралом Гленноном... я ухожу в ближайшем будущем в Нью-Йорк. Итак, я оказался в положении, близком к кондотьеру». «Верховный правитель» ориентировался на западные державы, но на Руси в таких случаях верно говорят: хрен редьки не слаще. Кто усаживал Колчака на трон? Военный министр Великобритании У. Черчилль после переворота в Омске заявил в парламенте без обиняков: «Британское правительство призвало его к бытию при нашей помощи, когда необходимость потребовала этого». То же подтвердил главком войск интервентов в Сибири французский генерал М. Жанен: «Позволю себе сказать ген. Ноксу, что у него, наверное, очень короткая память, если он не помнит, что он был замешан в интригах, которые закончились переворотом Колчака... Добавлю, что ген. Нокс, не-

сомненно, был в курсе заговора, замышлявшегося Колчаком, хотя бы через своего офицера связи Стевени, который присутствовал даже на тайном собрании заговорщиков, где было принято решение привести заговор в исполнение. Стевени не делал из этого тайны, и когда позднее, во время отступления, я спрашивал его в числе многих других союзников и русских, не испытывает ли он некоторого сожаления о содействии возвышению Колчака, которому мы обязаны таким разгромом, он ограничился молчанием...» Дополнил по-

А. Колчак и А. Тимирева — «Гори-гори, моя звезда»

лемику обоих генералов ещё и военный министр Чехословакии М. Штефаник, прибывший в конце ноября 1918 г. из Праги в Сибирь с инструкциями руководителей Антанты по использованию мятежного чехословацкого корпуса. Выступая перед legionерами, он с солдатской прямоотой выложил им всю правду-матку о колчаковском перевороте: «Переворот Колчака готовился не только в Омске, — главное решение было принято в Версале».

Колчак не был верен ни России, ни своей жене — Софье Фёдоровне Колчак... Та напрасно надеялась, что, несмотря на все невзгоды житейские (а две их дочери умерли), они в конце-то концов с мужем обживутся, будут «хоть старость счастливую иметь». Расставшись в мае 1917 г., они так и не смогли быть вместе. А ведь когда-то та же Софья мчалась к любимому с Капри в Якутию, чтобы встретить его после полярной экспедиции, полуживого, везя провизию для всех членов сибирского похода. Историк описывает, с каким нетерпением жена ждала она мужа из той чудовищно затянувшейся служебной командировки: «Она ждала его, когда он объявится из полярных экспедиций. Она ждала его, когда он вернётся с войны — из Порт-Артура, она ждала его из японского плена. Она ждала его из морей. Но это севастопольское ожидание было самым безнадежным. Она почти знала, что он не вернётся, и всё-таки ждала, рискуя быть узнанной, арестованной, «пущенной в расход». И перестала ждать, когда из Омска пришла чёрная весть: с ним в поезде — она... Анна... Молодая, красивая, самозабвенная в сердечных порывах. Для неё это было ударом».

Арестованное правительство Колчака

Место жены заняла её соперница, красавица Анна Тимирева. Брошенная адмиралом жена закончит жизнь в Лонжюмо, «без мужа, без Родины, без денег», заложив остатки серебра, реликвии мужа. Говорят, перед расстрелом он пел любимую песню «Гори-гори, моя звезда...» С нею и с думами о судьбе своей «голубки», Анны, которую он всё же искренне любил (та скажет: «он был... любящим и любимым»), и ушёл в холодные воды Ангары адмирал. Ушёл в свое последнее плавание. Деяния Колчака не однозначно воспринимаются в России. Хотя даже и его сторонники, генерал М.К. Дитерихс, бывший командующий Восточным фронтом, сказал: «Расстрел Колчака справедлив, это надо было сделать, если бы он мог прибыть в Верхнеудинск».

Подчеркнём, что даже и ближайший сподвижник «верховного правителя» и министр его правительства Г.К. Гинс вынужден был в своих воспоминаниях признать: имя Колчака в России уже стало нарицательным именем тирана и предателя. На трон «верховного правителя» посадили иностранцы, враги России. О том же писал министр иностранных дел Омского правительства И.И. Сукин, показав роль США в антисоветской интервенции. Хотя многие современники как раз именно его, Сукина («сукина сына»), и считали одним из главных виновников поражения белых на востоке России. Проф. П.А. Голуб, приводя эти сведения, думаю, абсолютно прав, говоря: «Таким марионеткам памятников на Руси никогда не ставили. Им воздавали всенародное проклятие на века». История не должна проходить мимо этих событий, всё ещё имеющих значимость... Задача историка не ретушировать факты или обелять фигуры, в зависимости от пристрастий или антипатий, а освещать всё так, как было на самом деле. Так что не будем делать из адмирала ни «рыцаря чести», ни спасителя России. Это такая же легенда, как то, что в русско-японскую войну он на минном транспорте «Амур» якобы ухитрился потопить 4 японских транспорта с войсками. Начав карьеру военного, сражаясь против Японии, он, в итоге, вынужден был искать помощи у японцев против собственного народа. «Я не вижу иного спасения для России, — выразил эту мысль один из его офицеров, — как только помощь Японии живой силой. Без

В.Н. Пепеляев**А.В. Колчак**

этого мы погибли». В этом есть закономерность: тот, кто получил власть из рук чужеземцев, кто живёт и зависит от их денег, капиталов и подачек, в итоге почти неизбежно становится предателем и жертвой.

Один из участников Следственной комиссии по делу Колчака К. Попов вспоминал: «О том, что командным составом этих банд предъявлен Иркутску ультиматум выдать его, Колчака, и его премьер-министра Пепеляева, Колчак тоже знал, а неизбежные для него последствия этого ультиматума он предвидел. Как раз в эти дни при обыске в тюрьме была захвачена его записка к сидевшей там же, в одном с ним одиночном корпусе, его жене Тимиревой. В ответ на вопрос Тимиревой, как он, Колчак, относится к ультиматуму своих генералов, Колчак отвечал в своей записке, что он «смотрит на этот ультиматум скептически и думает, что этим лишь ускорится неизбежная развязка. Таким образом, Колчак предвидел возможность своего расстрела». Участь адмирала Колчака была уже решена, всеми участниками событий. Красные, несмотря на первоначальные планы отправить адмирала в Москву для суда над ним, вынесли ему приговор: «Бывшего верхов-

ного правителя адмирала Колчака, бывшего председателя совета министров Пепеляева — расстрелять. Лучше казнь двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв». После короткого следствия «верховный правитель России» в феврале 1920 г. был расстрелян. Говорят, что казнили его в морозную и лунную ночь... Историк С.П. Мельгунов в книге «Трагедия адмирала Колчака», со ссылкой на очевидца событий места казни писал: «Расстреливала Верховного правителя и Пепеляева... левоэсеровская дружина в присутствии председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии Чудновского, члена Военревкома Левенсона и коменданта города Бурсака. Вместе с Колчаком и Пепеляевым был повешен и палач-китаец, приводивший в исполнение в иркутской тюрьме смертные приговоры. Большевики хотели символически запечатлеть последний акт «кровавой сибирской трагедии», — упомянув в «истории» имя Колчака рядом с именем палача. Чувства элементарной порядочности у них не нашлось даже в этот предсмертный час... Но история пройдет мимо недостойной комедии этих кровавых паяцев... Трупы убитых были спущены в про-

рубь Ангары. Очевидно, никогда не будет найдена могила Верховного правителя... Расправа совершилась...» Расстреливали его эсеры, коих он некогда собирался прикончить. А он вспоминал о порядочности, когда казнил сотнями невинных людей?!

В письме-завещании Колчак, правда, наказывал своему сыну: «Читай военную историю и дела великих людей, учись по ним, как надо поступать, — это единственный путь, чтобы стать полезным слугой Родины. Нет ничего выше Родины и служения ей». Но то лишь слова... Итак, премьер-министр правительства В.Н. Пепеляев и А.В. Колчак были казнены 7 февраля 1920 г. Но до сих пор порой в ходу версии, согласно которым упомянутый адмирал Колчак, «верховный правитель России» якобы не закончил свой жизненный путь зимой 1920 г. в про-руби реки Ангары, а продолжал ещё многие годы служить Советской России, новой власти и лично товарищу Сталину. Об этом даже написана очередная книга О. Грейга, которая открывает читателю иные «тайны советской истории» и секреты кремлевских владык. Немало фальшивок на свете.

Разумеется, были среди белых и настоящие герои, сражавшиеся смело и отважно... Полк горных стрелков подполковника

Герасимова проявил себя с лучшей стороны, разбил три красных полка и захватил немало оружия. В военном плане прекрасно показали себя части каппелевцев... Владимир Оскарович Каппель, потомок обрусевшего шведа, был командир Волжского корпуса. Его дед по линии матери служил генералом в Крымскую кампанию, блестящим офицером был отец. Окончив кадетский корпус, а затем и кавалерийское училище, Каппель служил честно и достойно. Пьянок и карт, столь распространенных в армии, избегал. Начало мировой войны встретил в чине капитана, а в 1916 г. был произведён в подполковники. Блестящий тактик, он не раз выходя победителем в схватках с красными. Большую часть войск полковника Каппеля составляли рабочие, студенты, мещане. В подчинении были ижевцы и воткинцы: две дивизии из рабочих Ижевского и Воткинского военных заводов, которые в 1918 г. восстали против большевиков, пожалуй, став в 1918—1920 гг. ядром Белой армии в Сибири. О причинах восстания этих вот рабочих против большевиков расскажем позже.

Колчак назначил его главнокомандующим. 36-летний Каппель вызвался стать командиром добровольцев КОМУЧа, говоря им: «Вы — основа Белого движения. Вы отмечены перстом Божиим». Воины не носили золотых погон, командиров называли «господин начальник», в бою вели себя мужественно, идя в атаку в полный рост. Это пришло ещё с полей Первой мировой войны... Кто же из старшего поколения наших кинозрителей не помнит знаменитую атаку каппелевцев из фильма «Чапаев» («Красиво идут!»), её относят к 1919 г. (в фильме они почему-то идут в форме марковцев, под знаменем корниловцев). Каппель шёл вместе с бойцами в атаку, чему был свидетелем и сам Колчак, сказавший: «Будто сам смерти ищет, не к добру это». В книге В. Максимова «Заглянуть вглубь» Каппель ответил Колчаку, упрекавшему его в излишнем риске. «Вы спрашиваете, Александр Васильевич, стоит ли командующему самому подставляться под пули? — В выпуклых глазах его проступила сдержанная ярость. — Не знаю, может быть, и не стоит, но только мне с ними, — он кивнул куда-то за спину себе, — на одной земле не быть, а единственное, что у меня есть в обмен на это, —

Генерал-лейтенант В.О. Каппель

моя жизнь». Будучи монархистом, он был человеком чести и величайшей отваги. Каппеля даже называли «белым рыцарем». Ему присуще было редкое для той поры благородство. И зверств в отношении населения и военнопленных за ним не замечено. Он обычно приказывал отпускать на свободу пленных. Потом следуют победы под Ставрополем, Климовкой, Новодевичьем, Сингелеем, кроме орудий и пулеметов был взят в плен командующий фронтом, бывший царский поручик Мельников. Если в отношении пленных красноармейцев Каппель был мягок, разоружив, он отпускал на все четыре стороны, то Мельникова судил как предателя и расстрелял. А дальше опять Сызрань, которую каппелевцы должны были опять спасать от красных. Потом Симбирск. От Сызрань до Симбирска около 200 верст. Большевики его ожидают с Волги, считая что он прибудет на отнятых у них пароходах, и укрепляют её берега. А он проделявает этот путь, посадив свои войска на подводки, и цепи каппелевцев вырываются в город с суши. Опять победа. Население восторженно встречает победителей, молодежь вступает в ряды белых. За голову Каппеля большевики назначают награду. Сюда посылаются Тухачевский, приезжает на каппелевский фронт и Троцкий, пытаясь расстрелами остановить панику и восстановить дисциплину. Это удаётся сделать, но не им, а кадровым офицерам русской армии. Говоря об идейных взглядах

этого героя, стоит привести высказывание знавшего его полковника Вырыпаева. Каппель говорил: «Мы, военные, оказались врасплох застигнуты революцией и политически совершенно не подготовлены и нам сейчас приходится учиться тяжелыми уроками. Гражданская война это не то, что война с внешним врагом. Там всё гораздо проще. В гражданской войне много сложнее, в ней всё население, активно или пассивно, участвует, и победит тот на чьей стороне будут симпатии народа. Если мы честно любим родину, нужно забыть кем мы были до революции и что мы из-за неё потеряли. Конечно, я хотел бы, как многие из нас, чтобы образом правления была монархия, но в данный момент о монархии говорить преждевременно. Что революция совершилась — это факт. И мы все должны честно признать этот факт. Народ ждёт от революции многого — большевики ему обещают золотые горы. Нам народу надо не только обещать, но и на самом деле дать ему то, что ему нужно, чтобы удовлетворить его справедливые надежды». И опять-таки общий уровень высшего командного состава Колчака не отвечал задачам времени, замет-но уступая уровню Каппеля. Военный министр колчаковского правительства, ген. Будберг, в дневнике писал: «Мы могли бы смотреть сейчас более уверенно на будущее, если бы в тылу расстроенных и катящихся на восток армий стояли достаточно подготовленные резервы Каппеля, погубленные

в судорожных потугах нашими горе-стратегами». Каппель, конечно, был скорее исключением. И потом опять же за скобками остаётся тот факт, что основная масса населения Сибири не признала белых.

Считаю трагедией то, что герои встали на защиту прогнившего строя и этих буржуазных предателей. На подступах к Красноярску войска Каппеля атаковал перешедший к красным гарнизон, вынудив отступавших обходить с севера. Атаки красных партизан вели к большим потерям. После ареста Колчака очнувшийся от забытья В.О. Каппель провел последнее военное совещание, результатом его стал план форсированного броска к Иркутску с захватом го-

Кадр из фильма «Чапаев». Каппелевцы идут...

рода, освобождением Колчака и возвращением золотого запаса. Однако слишком уж неравны были силы сторон. Большая часть народа, как известно, поддерживала в битве красных.

После падения Омска в ноябре 1919 г. войска Каппеля совершили свой беспримерный трехтысячеверстный Ледяной поход в Забайкалье. Пробиваться к Транссибу белым тогда пришлось по крутым берегам Кана, прокладывая путь в глухой тайге. Каппель, жалея коня, порой брёл пешком и однажды, попав в занесенную снегом полынью, зачерпнул воду. В итоге сильнейшее обморожение ног... Лечили его в походных условиях без всякой анестезии — потерявшему сознание генералу врач обычным ножом отрезал пальцы ног и пятки. После тяжелейшей операции Каппель ещё целую неделю передвигался верхом, но двустороннее воспаление легких окончательно свалило его... Чехи предлагали ему место в охраняемом ими эшелоне, но В.О. Каппель отвечал, что хочет встретить смерть среди бойцов: «Солдаты должны видеть своего генерала!» 26 января 1920 г. В.О. Каппель, не приходя в сознание, умер в батареинном лазарете на разъезде Утай под Иркутском. Дальше войска повел генерал С.Н. Войцеховский. 30 января каппелевцы смели в районе ст. Зима красные заставы, вышли к Иркутску. Заявлялись жесточайшие бои. Один из большевиков вспоминал, как наступали каппелевцы: «Они шли при 30-градусном морозе и отличались огромным упорством, пленных не было. Раненые противники замерзали на месте». Повторю: Каппель остался со своим воинством до конца. Перед смертью он сказал окружающим его сослуживцам: «Передайте войскам, что я любил Россию». Ему я верю. Каппель сражался за Родину.

После его гибели каппелевцы будут нести гроб с телом любимого командира на плечах через леса и реки, сотни верст, а затем доставят в Харбин, где и захоронят у Свято-Иверской церкви на Офицерской ул. Китайцы некогда сровняли могилу с землей в 1955 г. Место, вроде бы, затерялось. В наши дни российские поисковики нашли

**Церемония перезахоронения генерала
В.О. Каппеля**

у стен Иверской церкви в Харбине место погребения легендарного белого генерала.

Протоирей Д.Смирнов описал реквием: «Мы долго били заступами и копали мерзлую землю. Закрадывались сомнения... Гроб открыт, и сомнения рассеиваются: останки лежащего там практически нетленны — узнаваемые черты лица, генеральские погоны, георгиевский крест на груди, именная сабля. Это — Каппель». Открывавших гроб поразило то, что его лицо было нетленно. Гроб с его телом в 2006 г. отправили в Россию, где в 2007 г. и перезахоронили. Эту инициативу поддержала Русская Православная Церковь. «Мы не делаем акцент на том, что это именно белый офицер. Это офицер русской императорской армии, георгиевский кавалер. Он должен лежать в русской земле, не рядом с

Останки белого генерала В.О. Каппеля

осквернённым храмом», — заявил А. Алёкаев, глава общественной организации «Белые воины». Брата В.О. Капелля расстреляли. Жена и дети выжили. Покойся, генерал, на родной земле. Ты славно воевал, хотя и не за тех... Но побольше бы России таких вот воинов!

Кое-где ещё возникали восстания... В 1923 г. восстала Сибирская дружина во главе с братом В. Пепеляева генералом А.Н. Пепеляевым. В приказе восставших говорилось: «Что случилось с могучим и сильным Русским народом? В погоне за личными выгодами, за легкой наживой, темные русские люди, забывшие Бога и христианскую Веру свою, пошли за кучкою сознательных предателей и авантюристов, бросивших лозунг «грабь награбленное!». Сначала грабили богатых, а потом стали грабить и убивать друг друга. Из города вражда перекинулась в деревню и скоро не стало уголка Русской земли, где бы не было убийства, насилий, грабежей. Озверел народ, помутилась земля от края до края. Рекой полилась братская кровь и течёт по настоящее время. Что создавалось веками — разрушено в четыре года. Россия обратилась в нищую страну, на родине люди голодают, умирают тысячами, а кто и убежал за границу — живёт там бесправным рабом. Иностранцы на русского беженца смотрят с насмешкой и презрением. Где же выход, откуда ждать спасения? Неужели погиб и не встанет русский народ? Нет, не может погибнуть Русский народ! Бывали не легче

времена в истории нашего народа. Бывали времена великих смут и потрясений, из которых, казалось, не могла выйти Россия. Но как только народным страданиям наступал предел, находились сильные духом Русские люди, которые, отрешившись от своих выгод, шли спасать свою Родину, создавались непобедимые Дружины народных ополчений, которые изгоняли врагов с Русской земли. Освобожденный народ общими усилиями создавал порядок и власть в России, сильная и великая возрождалась на радость сынов своих и на страх врагам. Так и теперь. Красная власть коммунистов захватила всю Россию и на развалинах её, раздавив народ, празднует свою кровавую победу. Но вот в глухом, далёком, суровом краю, на берегах Великого океана, Вы, малая числом, но великая любовью к Родине — горсточка Русских людей — Сибирская Дружина подняли знамя священной борьбы за свободу и счастье народа. Наше бело-зеленое знамя — символ чистоты, надежды и новой жизни, знак снегов и лесов сибирских, вновь развеивается в родной Сибири. Кругом нас красная власть. Но кругом нас и стонущие под игмом этой власти русские люди, которые ждут нас». Это был один из тех белых патриотов, которые хотели бы «спасти Россию», но спасти от её же собственного народа! О степени ожесточенности классовой борьбы говорят бесчисленные факты... В этой кровавой бойне недостаточно было убить врага. Ненависть была столь сильна, что выкапывали труп врага и оскверняли его. Так сделали красные с телом генерала Корнилова или белые в Перми, где войска генерала Пепеляева извлекли из могилы тело прославившегося расстрелами Хохрякова, «народного героя советского царства», которому красные воздвигли в Перми памятник (кулак, держащий в руках красное знамя). Ныне говорят: пора уже забыть старое. Слышим: «Не случись революции, Александр Васильевич Колчак, несомненно, стал бы гордостью России как полярный исследователь, флотоводец».

*Каппелевцы сибирского Ледяного похода.
Генерал Войцеховский*

Конечно, не будь войн и революций, сколько бы ярких умов и талантов сберегла бы Россия. Но надо ли увековечивать память Колчака? Кто он? Защитник флота, полярный исследователь, обладатель наград Императорского Русского географического общества? И только? Для многих он не столько верховный правитель России, сколько «русский патриот». П. Зырянов в книге о Колчаке приводит в подтверждение слова Бунина и Куприна. Бунин писал: «Настанет время, когда золотыми письменами, на вечную славу и память, будет начертано Его имя в летописи Русской Земли». Куприн видел в нем оставшегося на палубе тонущего корабля капитана, и выражал надежду, что некогда «Россия воздвигнет ему памятник, достойный его святой любви к родине». Ангара стала ему памятником.

Вот и новая книга об адмирале, труд Н.А. Черкашина «Адмирал. Трагическая судьба Колчака», является попыткой перевести внимание читателя на полярного исследователя-флотоводца. Немало усилий приложил автор и показу любви Колчака к Анне Тимирёвой. Причём, чувства адмирала он преподносит как «вершину духа». Пытаясь подать Колчака в наилучшем виде, автор призывает на помощь даже Плеханова, который в 1917 г. встречался с адмиралом и так охарактеризовал его: «Он мне очень понравился. Храбр, энергичен, неглуп. В первые же дни революции стал на её сторону и сумел сохранить порядок в Черноморском флоте и поладить с матросами». При этом ни слова о том, что всего через два месяца адмирал был с позором изгнан с флота. Сомнителен и такой вер-

Авилов. Сдача колчаковцев

дикт: «Адмирал Колчак проиграл Красной Армии военные сражения, но он победил в другом измерении — в нравственном плане». И уж тем более позорны попытки возвысить белого адмирала рядом с советскими моряками и военачальниками. Поэтому даже те, кто склонен принять «белую и пушистую версию» об адмирале, вынуждены всё же внести долю реализма в этот миф. Б. Соколов в статье «Каким был адмирал Колчак» пишет, что адмирал в период своего правления не занимался ни военными вопросами, ни даже выработкой военной и политической стратегии борьбы с большевиками. Всё, что его на деле интересовало, это сугубо властные или представительские функции (парады, приёмы представителей держав Антанты). «И, быть может, для белого движения и судьбы России было бы лучше, если на востоке его возглавил (бы) другой верховный правитель...» Лучше бы тот вообще «продолжил карьеру флотоводца за границей, например, оставшись в Америке, куда его командировал Керенский...» Вполне в духе эпохи!

Конституционный суд России реабилитировал Колчака. Но ведь есть же еще и суд Божий... Факты говорят: делать из него легенду и воспевать не стоит. В профессиональном отношении (как военный) он был ниже всякой критики. Служака Рерберг был прав, сказав: «Само дело показало, что герой, молодой и энергичный Колчак, ровно ничем полезным себя и не проявил». В книге А. Иванова «Операция «Адмирал». Оборотни в эполетах» (2009) впервые приведены подробности секретной операции «Адмирал», которая проводилась спецслужбами Великобритании и США в 1916—1919 гг.

Иркутск. Захваченное у Колчака золото. 1920 г.

Так, в 1915—1916 гг. британской разведке удалось завербовать и поставить на службу Англии высокопоставленного офицера военно-морских сил России. Это было, конечно, большой удачей английских спецслужб, но никто не мог и предполагать, что всего через три года операция «Адмирал» станет самой масштабной акцией в тайной политике не только Великобритании, но и США. Операцию «Адмирал» в России станут держать под личным контролем английский премьер-министр и президент Соединенных Штатов Америки, к этой важнейшей операции будут иметь прямое отношение влиятельные политики разных стран, высшие военные чины, крупные общественные деятели и т.д. Эта акция принесёт баснословные дивиденды Великобритании и США, — только официально, по счетам, Великобритания получит более 46 тонн русского золота, США — более 33 тонн. А когда главный фигурант операции «Адмирал» исчерпает свои возможности, его откровенно «сдадут» красным, обрекая на гибель.

Считаем верным решение Военного суда Забайкальского Военного Округа... Тщательно изучив архивное дело Колчака в рамках пересмотра дела, суд заявил: с 1918 по 1920 гг. по распоряжению Колчака велось на подвластной ему территории не только военные действия, но и производились «массовые репрессии в отношении мирного населения». Колчак на допросе признал, что подопечные, пользуясь его разрешением, без всякой «волокиты» расстреливали массы людей, брали заложников, сжигали деревни, ввели в обиход «баржи смерти», где уничтожали пленных. Правительство Колчака назначало денежные награды военным в зависимости от числа уничтоженных ими «голов». Людей расстреливали просто за мозолистые руки. Всё это не дает оснований пересмотреть приговор, вынесенный этому палачу Сибири большевиками. Колчак наш народ ненавидел, как ненавидел всех марионеток. Член колчаковского правительства Н. Устрялов писал, как солдат-повстанец (против войск Колчака) признался: «Связались (вы) с иностранцами, подождите вот, дайте им только убраться, всех, кого нужно, побросаем в Ангару». А потому satis! Хватит речей о благородстве и чистоте Колчака и его присных. Есть у России немало истинных героев, достойных памяти.

Глава 11. Международная интервенция стран Запада и Востока против Советской России

Особо стоит остановиться на причинах и характере интервенции ведущих стран мира в Россию. Порой в адрес России ими делались реверансы, но лишь с одной целью: заставить русских продолжать вести войну с немцами. Временное правительство действовало в русле старых и традиционных союзнических отношений. Но ситуация изменилась после воцарения Советов. Первые шаги Советского правительства, высказавшегося за мир без аннексий и контрибуций, открытие им тайных договоров царского правительства, а также его обращение к народам мира и национализация напугали империалистов. Стало очевидно: опыт большевизма может распространиться по миру, перманентная революция Троцкого может стать реальностью. В сентябре 1918 г. вспыхнуло солдатское восстание в Болгарии, в октябре началась революция в Австро-Венгрии, в ноябре 1918 г. — в Германии, весной 1919 г. произошли революции в Венгрии и Баварии. В начале 1919 г. «большая четверка» (США, Англия, Франция, Италия) собралась для решения вопроса мироустройства. Ллойд Джордж в конфиденциальном меморандуме 1919 г., что принят на Парижской мирной конференции, скажет: «Вся Европа объята револю-

ционным духом. Среди рабочих наблюдается не только недовольство, но злоба и возмущение довоенными условиями. Массы населения во всех концах Европы берёт под сомнение существующий строй: его политическую, социальную и экономическую основу». Вопрос: «Что делать с Россией?»

Ситуация в ней тревожила правителей ведущих капиталистических держав. Они хотели уничтожить большевиков как «мировую заразу», что может вызвать у них (уже вызывала) революционные «эпидемии». К большевикам и к их политике мировая буржуазия и капиталисты испытывали крайнюю враждебность. Те не раз и не два говорили о неизбежности революции в развитых капиталистических странах, желая видеть в европейском и американском социалистическом пролетариате «своего главного, самого верного, самого надежного сотрудника». Ленин верил в мировую революцию, верил как священник верит в Святое писание. Он говорил: «Наращение всемирной революции неоспоримо» (8 октября 1917 г.). В интервенции были заинтересованы все главные империалистические державы... Показательно, что ещё на заседании Верховного совета союзников в Париже в конце ноября 1917 г. было решено начать интервенцию. Начальник английского интервенционного отряда на русском Дальнем Востоке полковник Уорд в дневник запишет, что его батальон получил приказ отправиться во Владивосток ещё в ноябре 1917 г. Ленин на заседании ВЦИК 29 июля 1918 г. говорил: «...конечно, мы не сомневались никогда, что империалисты и финансовые дельцы Англии и Франции постараются сделать всё возможное и невозможное для свержения Советской власти, для причинения ей всяческого рода трудностей. Но тогда ещё не развернулась вся цепь событий, показывающих, что мы имеем здесь дело с систематическим, неуклонным, очевидно, давно обдуманым, месяцами подготовливающимся всеми представителями англо-французского империализма, военным и финансовым контрреволюционным походом на Советскую республику. Теперь, когда мы берём события в целом, сопоставляем чехословацкое контрреволюционное движение с мурманским десантом, знаем, что англичане

высадили там свыше 10 000 солдат, что они, под предлогом защиты Мурмана, на самом деле стали продвигаться вперёд и заняли Кемь и Сороки и пошли к востоку от Сорок, перешли к расстрелам наших советских деятелей; читаем в газетах, что многие тысячи железнодорожных рабочих и вообще рабочих дальнего Севера бегут от этих спасителей и избавителей, т.е., говоря правду, от этих новых империалистических насильников, рвущих Россию с другого конца, — когда мы сопоставляем все эти факты, нам становится ясной общая связь событий». Интервененты предполагали задушить Советскую республику.

Время вскоре внесёт заметные коррективы в эти чаяния, но революционная экспансия не могла остаться незамеченной капиталистами всех стран. Империалистические державы хотели обуздать красную опасность. С этой целью они и оказывали помощь Белому движению. В парламенте в 1919 г. Черчилль прямо говорил: «Не колеблющемуся, трескающемуся по швам оплоту западных лимитрофов, а борьбе востока и юга России Европа обязана тем обстоятельством, что волна большевистской анархии не захлестнула её...». Известно и то, что в декабре 1917 г. представители Антанты наметили планы по организации интервенции в Советскую Россию. Тем более что и ситуация изменилась после того, как война Антанты против Германии и Австро-Венгрии завершилась победой союзников. Большевики же не думали исчезать с политической арены. И тогда союзники решают, что настала пора скоординировать усилия по подавлению большевизма. Планы эти

Представители Антанты у белых

предполагали: «изолировать большевизм — новое и чудовищное явление... — с помощью санитарного кордона, который... заставил бы его погибнуть от истощения; создать центры союзнических сил, вокруг которых смогли бы объединиться под эгидой Антанты здоровые элементы России в целях обновления своей страны». За этими словами скрывались планы по разделу России. Англия и Франция договорились о проведении будущих операций британских и французских войск на территории России. В английскую зону действия, правильнее, честнее было бы сказать оккупации, должны были бы войти Дон, Кубань, Кавказ, Средняя Азия, север России, французам достались бы Украина, Крым и Бессарабия. США и Япония договорились о разделе «сфер влияния» на Дальнем Востоке, в Сибири. На Украине действовали захватчики-немцы, оккупировав огромные территории России. Свои претензии на российские территории были и у империалистов Польши.

Возможно, у мирового империализма скоординированного плана по свержению Советского правительства не было. Видимо, о широкомасштабной «интервенции», в том смысле что это был поход 14 держав и стран Антанты, речь не идёт. Хотя бы потому, что в Антанту входили лишь три государства — Россия, Франция и Британия. Но цифра «14» запущена в пропагандистский оборот не большевиками, а их самым ярким врагом У. Черчиллем. В августе 1919 г. он предрёк совместное наступление на Советские «14 стран», имея в виду и молодые госу-

дарства, возникшие на обломках рухнувших империй. Английская военная миссия оплатила печатание листовок в поддержку Корнилова. Премьер Франции Клемансо призывал «напустить на Россию Восточную Европу — финнов, эстонцев, поляков, румын, греков». Это пытаются сделать иные силы в Европе ныне против демократической России. Как скажет Ленин: «Если бы все эти маленькие государства пошли против нас, — а им были даны сотни миллионов долларов, были даны лучшие пушки,

вооружение, у них были английские инструктора, проделавшие опыт войны, — если бы они пошли против нас, нет ни малейшего сомнения, что мы потерпели бы поражение». Пусть не было похода 14-и! Но было бы наивно полагать, что таких зловещих, грабительских планов не было вовсе. Масса фактов указывают на то, что Европа не только говорила, но и действовала. Этого желала мировая империалистическая закулиса. Что такое передел земель, кусков жалкой Европы с возможностью захватить шестую часть земного шара «с названием кратким Русь!»

В ходе переговоров об интервенции госдепартамент США заявил в меморандуме британскому посольству 8 февраля 1918 г.: «...Американское правительство склонно в настоящее время считать, что всякая военная экспедиция в Сибирь... должна быть предпринята при международном сотрудничестве; а не одной из держав, действующих по полномочию остальных». Меморандум явился ответом на обращения Англии к Вашингтонскому правительству, в которых она требовала предоставления Японии свободы действий на Советском Дальнем Востоке с целью начать интервенцию против Советской России. США настаивали на своём «праве» грабить русские владения на Тихом океане. Американские империалисты не намеревались уступить японским захватчикам пальму первенства в вооружённой интервенции против Советской России. Они хотели иметь основания претендовать на максимальную долю в намечаемом грабеже. Глава Федеральной резервной системы США

Нефть — вот их вожделенная цель

Томпсон прямо заявлял, что призом в этой борьбе станет Россия. Французы просто, незатейливо предлагали поделить Россию. К советскому правительству обратился капиталист Вандерлип, предложив уступить американцам Камчатку (1920). У всех были свои интересы, хотя тактика различна. Тактику бойкота примет французское правительство. 25 ноября 1917 г. шеф военной миссии в России ген. Лаверн довел до сведения Духонина телеграмму: «Франция не признаёт власти Совета Народных Комиссаров». Посла Франции Нуланса считали отцом интервенции. Глава французской военной миссии Ниссель, упрекая Керенского в беспомощности, поносил русских солдат, называя их «собаками».

Разумеется, в этих настроениях союзников была масса нюансов и колебаний. Одни за борьбу с Советами, другие высказывались за невмешательство. На вмешательстве за границы особенно настаивала внутренняя контрреволюция России, всё терявшая, надеясь с помощью иностранцев вернуть её капиталы. П. Краснов после поражения Временного правительства и бегства Керенского высказался за вторжение иностранных сил. «Вечером из Ставки в Гатчину прибыл французский генерал Ниссель. Он долго говорил с Керенским, потом пригласил меня. Я сказал Нисселю, что считаю положение безнадежным. Если бы можно было дать хоть один батальон иностранных войск, то с

этим батальоном можно было бы заставить Царскосельский и Петроградский гарнизоны повиноваться правительству силой. Ниссель выслушал меня, ничего не сказал и поспешно уехал». Тайно от всех он направил письмо гетману Скоропадскому, прося того обратиться к главнокомандующему в Киеве Эйхгорну с просьбой: взять войсками укрепленный большевиками Царицын.

Наиболее рьяно на вмешательстве Запада в дела России настаивали капиталисты... Русский Рокфеллер, С. Лианозов, называл Октябрьскую революцию болезнью и говорил Дж. Риду: «Рано или поздно иностранные державы должны будут вмешаться, как всякий вмешался бы, чтобы вылечить больного ребёнка и научить его ходить». В романе «Эмигранты» А. Толстой показал заинтересованность капиталистов в интервенции. Со страниц романа предстаёт почти современный образ такого нувориша... «Денисов был «демократом». Во время февральской революции он стал владельцем Русско-азиатского банка. Соразмерно этому выросло его честолюбие, раскрывались возможности вплоть до президента Российской демократической республики. Большевики он воспринял как завершение революционного хаоса, из которого тоже умудрился извлечь пользу, широко скупая недвижимую собственность, акции и прочее. Приди сейчас успокоение и порядок — он сразу становился в ряды миллиардеров. Весь восемнадцатый год он выжидал и покупал. В девятнадцатом большевики нача-

Американцы у штаба экспедиционного корпуса на Севере. 1918 г.

ли внушать ему опасение. Дело с их ликвидацией затягивалось. Колчак начал было хорошо, но от него понесло такой доисторической монархией, грабежом и безобразиями, что французы подумывали о его ликвидации. Деникин воевал тоже пока что недурно, но чем ближе он придвигался к Москве, тем скуперее Англия отпускала ему помощь и тем яснее обозначились различные точки зрения Англии и Франции на его успехи. Выигрывали на этом одни большевики. Ясное близкое будущее отодвигалось в неопределенную даль». Западные державы руководствовались в борьбе против Советов в первую очередь своими собственными экономическими интересами. К тому времени, как пишет историк, капиталовложения США в России возросли многократно. В то время как экспорт из России в США с 1913 по 1916 год упал в 3 раза, импорт американских товаров возрос в 18 раз. В 1913 г. американский импорт из России был несколько выше её экспорта из США, а в 1916 г. американский экспорт превышал российский импорт в США в 55 раз. Всё это прямо указывает на то, кто в России в 1916—1917 гг., то есть ещё и перед революциями был подлинным и главным хозяином страны. Понятно, что их экономические вождельные лица, владеющие в России деньгами и акциями, и они-то и трудятся, строя планы и затевают интриги для свержения большевистского режима... При старом режиме на эксплуатации рабочих и крестьян можно было наживать и десять и двадцать процентов, при социализме же, вероятно, нельзя будет ничего нажить, а мы видим, что почти весь крупный капитал в нашей стране так или иначе связан с Россией». Французские капиталисты, поместившие в Россию 1 600 000 000 фунтов, хотели во что бы то ни стало вернуть эти деньги. Орган Английской промышленной федерации «Бюллетень», после того как англо-французские войска вторглись в Россию, а боеприпасы и вооружение потекли в Сибирь, в армию Колчака, писал: «Сибирь — самый большой приз для цивилизованного мира со времени открытия обеих Америк!» Поддержка же войск Деникина мотивировалась тем, что в Донецком бассейне, за который сражался Деникин, в три раза больше антрацита, чем в Великобритании, и почти вдвое больше, чем в США. Г. Гувер, будущий президент США, в то время — глава Американской организации помощи (АРА),

Иностранные капиталисты так называемых союзных держав ежегодно извлекали из труда русских крестьян и рабочих сумасшедшие прибыли. Но вот после Октябрьской революции эти потоки иссякли. Капитализм таких вещей никому не прощает. И вот лондонский «Биржевый ежегодник» за 1919 г. под заголовком «Счёт России» весьма многозначительно заявляет: «Проценты не уплачены за 1918 год и далее»... В 1920 г. член английского парламента подполковник С. Малон в палате общин раскрыл причины вторжения: «В этой стране (в Англии) есть группы людей и от-

дельные лица, владеющие в России деньгами и акциями, и они-то и трудятся, строя планы и затевают интриги для свержения большевистского режима... При старом режиме на эксплуатации рабочих и крестьян можно было наживать и десять и двадцать процентов, при социализме же, вероятно, нельзя будет ничего нажить, а мы видим, что почти весь крупный капитал в нашей стране так или иначе связан с Россией». Французские капиталисты, поместившие в Россию 1 600 000 000 фунтов, хотели во что бы то ни стало вернуть эти деньги. Орган Английской промышленной федерации «Бюллетень», после того как англо-французские войска вторглись в Россию, а боеприпасы и вооружение потекли в Сибирь, в армию Колчака, писал: «Сибирь — самый большой приз для цивилизованного мира со времени открытия обеих Америк!» Поддержка же войск Деникина мотивировалась тем, что в Донецком бассейне, за который сражался Деникин, в три раза больше антрацита, чем в Великобритании, и почти вдвое больше, чем в США. Г. Гувер, будущий президент США, в то время — глава Американской организации помощи (АРА),

Президент США Вудро Вильсон

в 1909 г. захватил контрольные пакеты акций 11 нефтяных компаний в районе Майкопа. Фактически он же, вместе с английским миллионером Л. Урквартом, владел и известным Русско-азиатским обществом по разработке минеральных богатств Урала и Сибири. Общая стоимость имущества этого общества оценивалась почти в 1 млрд долл. Но Советская власть, как уже сказано, все концессии аннулировала, а имущество иностранных и отечественных капиталистов конфисковала. Понятно, что вконец рассвирепевший владелец этих концессий Г. Гувер рычал: «Большевизм — это хуже, чем война». Другие янки, не имевшие тут интереса, вели себя посдержаннее.

Казалось, в США были трезво мыслящие люди... Профессор истории и права Принстонского университета Вудро Вильсон, автор «Истории американского народа», став в 1912 г. президентом, повёл страну «дорогой от революции». В 1917—1918 гг., наблюдая за тем, к чему привела ту же Россию Первая мировая война, с её 10 миллионами погибших, он высказал мнение, что с такого рода политикой нужно кончать раз и навсегда. В Америке его воспринимали как «безнадежного идеалиста». Хотя известные 14 пунктов он сформулировал, исходя из сугубо прагматических задач США. В теории была разработана новая концепция дипломатии и мирового устройства, где на место мира диктата должен был прийти мир справедливый, точнее «мир в духе справедливости». Он писал в «Атлантик мансли», пытаясь дать ответ на вопрос «Как избежать революции»: «Всеобщее беспокойство и смута должны иметь реальные причины. Они не сводятся к политической жизни или простым экономическим промахам. Причины, вероятно, коренятся глубоко — в истоках духовной жизни нашего времени... Почему случилась революция в России? Единственный ответ: она была продуктом всей социальной системы... Революция была результатом систематического лишения громадного большинства русских прав и привилегий, которых жаждут все нормальные люди» (1923). После 1917 г. посол США в России Фрэнсис убеждал, что советский режим не просуществует и месяца и призывал госдепартамент США не признавать новое правительство, пока большевиков не свергнут, а их место не займут русские патриоты.

11 марта 1918 г. президент Вильсон послал лицемерную телеграмму IV Всероссийскому съезду Советов с заверениями в дружественном отношении к русскому народу и в желании «обеспечить России снова полный суверенитет». Хотел сорвать ратификацию Брестского мирного договора. В то же время США готовились к участию в нападении на Советскую Россию. 1 июня 1918 г. и американский президент В. Вильсон заявил о намерении послать в Мурманск войска США. Парижская военная конференция союзников 3 июня 1918 г. приняла решение о захвате Мурманска и Архангельска. Ещё через месяц — 6 июля — в Вашингтоне было принято решение о вторжении во Владивосток силами экспедиционных войск в составе 7 тыс. американских и 7 тыс. японских солдат и офицеров. Операции интервентов стран Антанты в России английский разведчик Вайсман назвал «Управление штормом!» Правильнее было назвать её иначе: «Управление грабежом и казнью России!» К концу 1917 г. державы распределили между собой обязанности в предстоящей интервенции. В качестве повода решили использовать заключение Брест-Литовского мирного договора между Советской республикой и Германией. Союзники договор не признали и решили безотлагательно начать вторжение в Рос-

Большевизм на пороге. Карикатура в США

сию. Разработали меморандум «Союзная интервенция в русских портах Северного Ледовитого океана», предусматривающий направление 4—6 батальонов пехоты союзников на север России. Правительство США взяло на себя финансирование антисоветской интервенции. Оно за участие в интервенции должно было получить под контроль, в соответствии с Парижской конвенцией, обширные территории Сибири и Дальнего Востока. Такова подоплека мирного плана американцев. Что имелось в виду? «Россия слишком велика. Её нужно свети к Среднерусской возвышенности» (В. Вильсон). Руководитель дипломатии США полковник Хауз на

месте единой России видел четыре разные России — одну в Сибири, и три других в Европейской части России. Он с удовлетворением писал о своей встрече с Вильсоном: «Мы закончили передел мира к половине 12». Решили воссоздать украинское государство, включив в его состав Крым и Севастополь. Знал об этом лишь узкий круг политиков. Они добились своего благодаря предателям и националистам — уже в конце XX в.

Янки всегда преследуют корыстные цели. Это у них в крови. Что касается мирных переговоров, те велись для отвода глаз. Вильсон носился с мыслью подготовить мирную конференцию между союзниками, белыми и красными на о-ве Принсипо. М.А. Деникина резонно заметила: «Могла ли такая неистовая и беспощадная гражданская война, какая развернулась в России, разрешиться иначе, чем полной и окончательной победой одного лагеря над другим? Белое командование отказалось присутствовать на конференции». Тут не могло быть компромиссов. Потом США по необходимости придут к признанию советской власти. Но всем наплевать было на русский народ. Разглагольствуя о «Новой Свободе», Америка и Англия стремились подавить его свободу. С этой целью, видимо, и хотели поставить у власти в России ставленника и марионетку, каковым должен был стать Троцкий, тайные связи которого с банкирами, американской, английской разведкой известны.

Американские солдаты в снежных траншеях России

Американец Дж. Кьюдах, участник интервенции, в книге «Война Америки с Россией» писал: «Британский генерал, начальник Двинского отряда Финлесон говорил нам: «Не должно быть никаких колебаний в нашем стремлении смыть клеймо большевизма с России и цивилизации». Действительно ли это было нашей целью в те зловеющие ночи, когда мы расстреливали русских крестьян и сжигали русские дома? Единственное клеймо, существовавшее в действительности, это было клеймо позора, которое мы, уходя, оставляли после себя. Но ещё более глубокое, чёткое, жгучее клеймо позора остается на лицах тех людей, которые, сидя в мягких креслах, чертили планы вооруженных союзов и будущих международных столкновений». К сентябрю 1918 г. союзный экспедиционный корпус на Дальнем Востоке составил 44 тыс. человек (28 тыс. японцев, 7500 американцев, 4 тыс. канадцев, 2 тыс. итальянцев, 1000 французов, 500 англичан). Крупнейшие хищники Запада и Востока намерены были поделить Россию. Между ними сразу проявились противоречия. Представитель французского командования на Востоке Гинз утверждал, что «неустрашимый антагонизм между американцами и японцами» помешал «низложить русский большевизм». В свою очередь, США противодействуют попыткам Японии аннексировать российский Дальний Восток, но только чтобы занять её место.

О стратегии белых можно судить хотя бы по «Записке о программных действиях Добровольческой армии». Та обозначила ближайшую задачу их международной политики: установление власти над всеми областями, входившими в состав Российской империи до 25 октября 1917 г. Исключение касалось только Польши. В этом «решение Временного правительства должно остаться непоколебимым». Что касается Украины, то её сепаратизм, по мнению командования Добровольческой армии, означал бы разрушение России». Планы белых шиты белыми нитками, это — чисто филькина грамота. Иначе представляли будущее России на Западе.

Командование Добровольческой армии и других белых армий поддерживали тесные связи с заграницей. Управление иностранных дел Особого совещания с конца 1918 г. возглавил С.Д. Сазонов, бывший министр иностранных дел при Николае II. В начале января 1919 г. Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак по согласованию с А.И. Деникиным назначил С.Д. Сазонова одновременно и министром иностранных дел Омского правительства. Тот должен был координировать важнейшие вопросы внешней политики белого Юга и белого Востока. Однако и тут вместо реального понимания дел белые предпочитали питаться иллюзиями. А.И. Деникин позже признавал: «Вопрос замещения этой должности имел значение для Юга России ввиду общего стремления к объединению российского представительства на предстоящей мирной конференции. Мы жили иллюзиями, что голос наш будет услышан». С.Д. Сазонов, покинув Екатерینодар, отправился в Париж. Он был единственным, кто мог представлять на международной арене интересы бывшей Российской империи. Как отмечал в записках Г.Н. Михайловский, «Колчак и Деникин мыслили в международных вопросах по-разному, а Сазонов думал по-своему и считал себя связанным лишь собственными

Английские интервенты в Советской России

взглядами. К Деникину, так же как и к Колчаку, он относился без всякого благоговения». Управление иностранных дел при главкоме установило связи с дипломатическими представительствами России. В некоторые страны направлены представители главкома. На Юге развернули работу консульские представительства многих европейских и мировых держав: в Екатеринодаре — представительства Греции и Персии, в Новороссийске — Бельгии, Великобритании, Греции, Дании, Испании, Италии, Норвегии, Персии и Франции; в Ростове-на-Дону — Бельгии, Великобритании, Бразилии, Греции, Дании, Испании, Нидерландов, Персии, Португалии, САСШ и Франции, в Таганроге — Бельгии, Великобритании, Греции, Дании, Испании, Италии, Нидерландов, Норвегии, Франции, Швеции, Уругвая, во Владикавказе — Греции и Персии, в Ставрополе — Персии. В перспективе ожидалось прибытие военных представителей

Американские войска в Архангельске

Чехословакии, Польши, Сербии и Японии. Однако наличие столь большого числа представителей зарубежья на территории России более походило на стаю стервятников, что слетелась к едва живому, как им всем казалось, телу великой страны.

Интервенты готовили для России иную участь... В начале июня 1919 г. (через 2 месяца после эвакуации Одессы и через 1,5 месяца после оставления французами Крыма) генералу Деникину вручили документ, разъяснявший истинные цели союзников, радикально расходившиеся с принципами, провозглашенными Добровольческой армией. Этим вопиющим документом оказался протокол соглашения между французским и британским правительствами по поводу французской интервенции на Юге России (11 апреля 1919 г.). Бумага была вручена Деникину самим начальником французской миссии в Екатеринодаре полковником Корбейлем. Протокол явился дополнением к франко-английскому договору от 23 декабря (настоящего стиля) 1917 г. о зонах действия. И тут впервые генерал Деникин выяснил, что за всё это время союзные правительства не потрудились даже ознакомиться его с решением, принятым ими в конце 1917 г. (т.е. вскоре после захвата власти большевиками) и непосредственно касавшимся той зоны, в которой и действовала его армия. Решение союзников делило юг России на две сферы влияния. Французская зона включала в себя Бессарабию, Украину и Крым. В британскую сферу влияния входили казачьи области, территория Кавказа с Грузией, Арменией и всем вообще Закавказьем, причём область Войска Донского разрезалась фактически пополам: западная её часть считалась французской зоной, восточная же зона — британской зоной оккупации.

Бесспорно, иностранные державы помогали белым поставками оружия и снаряжения. Активный участник белого движения Дм. Лехович (со ссылкой на У. Черчилля) отмечал: «Но по вопросу снабжения Антону Ивановичу не приходилось жаловаться на англичан: с марта по сентябрь

1919 года его армия получила от них 558 орудий, 12 танков, 1685522 снаряда, 160 миллионов ружейных патронов и 250 тысяч комплектов обмундирования». И глупцу понятно, что белые не смогли бы воевать против народа несколько лет без помощи заграницы. Говорить: купались в золоте, потоках снаряжения из стран Запада вряд ли справедливо. Особенно на начальных фазах борьбы. Об этом писали многие. Деникин заметил, что в момент зарождения Белой армии первые пушки его армии «были выкраденные», а почти весь 1-й и 2-й Кубанский походы Белая армия снабжала себя «боевыми припасами от противника». Нередко случалось, что у белых имелось «едва по 10—20 выстрелов на орудие, патронов в запасе не было вовсе». Деникин (уже на чужбине) жаловался на финансовую небезопасность белых армий на юге России, называя сей фактор одной из главных причин поражения белых. Не думаю, что следует полностью доверять этим словам главковерха. Помощь со стороны стран Антанты и немцев Белому движению направлялась, причём немалая. Хотя жаловались все. Врангель говорил, что его войска, рвавшиеся к Царицыну (в конце концов, взявшие «красный Верден», пленившие в 10 раз больше красных войск, чем насчитывала вся его армия), по этой причине несли большие потери. Его армия, «истекая кровью в неравной борьбе и умирая от истощения, посылает на Добровольческий фронт последние свои силы» («полки дошли до 60—100 шашек, а материальная часть в полном расстройстве»).

Помощь Белой армии оружием со стороны Антанты. 1919 г.

Английский броневи́к фирмы «Остин»

По словам Черчилля, Англия оказала Деникину огромную помощь (не менее 250 тыс. ружей, 200 пушек, 30 танков, запасы оружия и снарядов), та шла через Дарданеллы и Чёрное море в Новороссийск... Кроме того, помощь белым генералам осуществлялась не только в виде оружия, боеприпасов, но и сотнями британских офицеров, советников, инструкторов, авиаторов, иных специалистов. Правда, в этой бочке оружейного мёда, как обычно, имелось и полбочки дёгтя... «Из танков, присланных англичанами Юденичу к началу похода на Петроград, оказался исправным только один, из аэропланов — ни одного. Колчаку (и это за золото!) вместо заказанных пулеметов Кольта американские предприниматели отгрузили пулемёты Сен-Этьена — рухлядь времён Мексиканской войны, неуклюжие колымаги на треногах, совершенно непригодные к бою». Причём, историки подчёркивают странную закономерность в поведении «союзников». Поставки активизировались при успехах красных и сходили «на нет» при успехах белых. Запад жаден и крайне мелочен в вопросах поддержки русских. Если он видит, что это не сулит прибыли и не на чем погреть руки, можете быть

уверены: и пальцем не пошевелишь. Правы те, кто говорят: бывшие союзники за время Гражданской войны вывезли из России больше богатств, чем затратили средств. На Севере разграбили скопившиеся на здешних складах запасы пушнины, ценного сырья, леса. При этом одни из них обвиняли других в том, что те больше грабят. Американский посол Френсис доносил в Белый дом, что «британские солдаты долгое время привыкли быть колонизаторами». Кроме того иностранцы привыкли всё и всегда считать. Они никогда и никому не дадут лиш-

ней копейки, если не увидят для себя экономического или военно-политического интереса. Богатую же Россию они рассматривали как драгоценную жемчужину, ради которой стоило пуститься на самые грязные и непопулярные меры только чтобы получить сие царство под свою руку. Всё это вновь и вновь напоминает нам: у России не было и нет друга, кроме Русской армии, флота, военной промышленности, науки, ну и собственного Народа!

Кроме того, Запад надеялся, что вклад в разгром большевиков будет оценён по достоинству белыми. Белые же всячески старались укрепить в той уверенности заграницу. Российский поверенный в делах Вре-

Запад — друг белогвардейцев

Черчилль — военный министр

менного правительства в Лондоне К.Д. Набоков так объяснял адмиралу Колчаку связь меж поставками вооружений и существованием будущей России: «Глубокоуважаемый Александр Васильевич!.. Имею твёрдое личное убеждение, что нашей единственной опорой может быть только Англия. Из донесений генерала Головина вы знаете, что военная помощь оказывается нам теперь в размерах, превосходящих наши ожидания. Как в методах оказания нам этой помощи, так и в приёмах обсуждения (если не разрешения) политических вопросов ясно замечается стремление руководствоваться указаниями английских ответственных военных начальников на местах, английских официальных агентов и свидетельствами частных лиц, англичан предпочтительно перед русскими. Нам это, разумеется, очень тяжело, но нельзя закрывать глаза на то, что в значительной степени такая точка зрения оправдывается обстоятельствами. Оправдывается тем, что между русскими нет единомыслия» (1919 г.). Не в единомыслии дело. Всё циничнее и проще. Кто платит, тот и заказывает музыку!

И если сегодня часть новой русской буржуазии имеет дома, капиталы и собственность в Англии, США, Израиле, ответьте на вопрос (скорее риторический): «Так чьи же интересы она будет отстаивать?»

После поражения Германии в Первой мировой войне немецкие войска были вскоре выведены с территории России, а в некоторых пунктах (Севастополь и Одесса) заменены войсками Антанты. Подавляющее часть контрреволюционных сил России была прочно связана со странами Антанты. Тому есть сотни, да что там — тысячи подтверждений... Вчерашние же участники Первой мировой войны хотели получить главный приз — территорию России. Жаждали получить свою «законную долю» при разделе России и наши традиционные союзники — французы. Скажем, в ноябре 1918 г. французский посол Сент-Олер, старшина дивизиона в Яссах, основываясь на решениях проведенного с правыми кругами общероссийской контрреволюции совещания, рапортовал своему начальству в Париже: «Мы считаем необходимым: 1) немедленно продвинуть отряд союзных войск в Одессу и приступить немедленно к оккупации Киева и Харькова; 2) издать специальную декларацию, в которой твёрдо указать на решение стран Согласия поддерживать в России слои общества, стоящие за порядок». В ноябре 1918 г. в Одессу стали прибывать корабли французской эскадры, а 17 декабря прибыл первый эшелон французских сухопутных войск в 5 тыс. человек. Тогда же прибыли английские корабли и их войска... 6 марта 1918 г. отряд английских морских пехотинцев в количестве 150 человек с двумя орудиями высадились в Мурманске. Это стало началом интервенции. 15—16 марта 1918 г. в Лондоне состоялась военная конференция Антанты, где и обсуждался вопрос об интервенции. В условиях начавшегося немецкого наступления на западном фронте было решено не отправлять в Россию крупных сил. В июне в Мурманске высадилось еще 1,5 тысячи британских и 100 американских солдат. 1 августа 1918 английские войска высадились во Владивостоке. 2 августа 1918 с помощью эскадры из 17 военных кораблей произошла высадка 9-тысячного отряда Антанты в Архангельске. Английские интервенты, высадившись в Мурманске и Архангель-

Войска интервентов в Архангельске — 1918 г.

ске, первыми применили против нас химические боеприпасы. Кстати, именно британцы зимой того же 1918 г., используя имевшийся опыт в войне с бурами, строят первые в России концентрационные лагеря.

2 июня 1919 года Мудьюгский концентрационный лагерь военнопленных, открытый 23 августа 1918 г. на острове Мудьюг, был преобразован в ссыльно-каторжную тюрьму... После восстания 15 сентября 1919 г. и массового побега заключённых эта тюрьма была переведена в том же месяце на Йоканьгу (Кольский полуостров) и размещена на территории бывшей Йоканьгской военно-морской базы. Ликвидирована в феврале 1920 года. Мудьюг не зря называли островом смерти. Здесь в нечеловеческих условиях жили и погибали сотни узников. Лишь немногим каторжанам удалось спастись. Среди узников Мудьюга были: председатель профсоюза лесопромышленных рабочих и служащих Н.В. Левачев, комиссар Архангельской дивизии Г.И. Поскакухин, председатель Шенкурского уездисполкома, член Архангельского губисполкома, делегат V Всероссийского съезда Советов Георгий Иванов, председатель Архангельского уездного Совета П.П. Стрелков, председатель Архангельского горисполкома А.А. Гуляев и др. При подавлении восстания на острове были убиты 11 человек, и 13 — расстреляны по приговору военно-полевого суда. Генерал Добровольский, бывший полевой военный прокурор Северной области, в мемуарах пытается объяснить причины возникновения бунта слухами об уходе союзников и падением власти в Архангельске, но ни слова не говорил о жутких, нечеловеческих условиях содержания заключённых. Через Архан-

гельскую губернскую тюрьму только за год прошли около 10% жителей региона, почти четвёртая часть из них была расстреляна или умерла от побоев и болезней. Мрачную славу «лагерей смерти» обрели созданные на острове Мудьюг и в Йоканьге концентрационные лагеря (50 тысяч). «Представление о Мудьюге неразрывно связано с представлениями о высших страданиях, о высшей человеческой жестокости и неизбежности мучительной смерти. Кто попал на Мудьюг, тот живой труп, тот не вернется к жизни». Историки писали об этом.

Не так давно о драматических и трагических событиях на этом беломорском острове России рассказывали музейные экспозиции. Главную часть музейной экспозиции представляют всё ещё сохраняющиеся лагерные постройки (барак, карцер, ледник, вышки с ограждениями из колючей проволоки и т.д.). В 1928 г. на острове был сооружён памятник «Жертвам интервенции» (из бутового камня), а в 1958 г. его заменил гранитный обелиск. В туристских маршрутах области музей на острове Мудьюг по посещаемости занимал тогда второе место после Соловецких островов. Сегодня же двери и окна основного здания музея забиты досками, и, в отличие от Соловков, всю раскручиваемую буржуазной прессой, нога туриста или исследователя сюда не ступала уже более 10 лет. Уникальные исторические памятники острова преданы забвению и разрушению... Музей превращен в груду хлама и официально охраняется несколькими сторожами, но на самом деле просто прожигаются выделенные крохи бюджетных средств. Ну это и понятно, ибо как же можно показывать нашим гражданам истинное лицо «де-

Высадка американских интервентов во Владивостоке. 1918 г.

мократии», «просвещённой и цивилизованной» Европы и Америки?!

Среди участников интервенции в РСФСР и Закавказье, насчитывалось 14 государств, в их числе: Франция, США, Великобритания, Япония, Польша, Румыния и др. Интервенты хотели захватить часть российской территории, получить от белогвардейцев значительные экономические привилегии. В обмен на помощь в 1920 г. кн. Куракин и ген. Миллер дали англичанам право на эксплуатацию природных богатств Кольского полуострова на 99 лет. О том, какими на самом деле «друзьями» и «патриотами» России были наши буржуи, говорят тысячи и тысяч фактов. Так, в 1930 г. один из главарей Торгпрома, В. Рябушинский, публикует в эмигрантской газете «Возрождение» в Париже статью «Необходимая война», где прямо призывает к войне Запада против своей страны, утверждая, что она будет «отнесена историей к группе справедливейших и наиболее полезных войн». И чтобы подтолкнуть к интервенции против Советской России, он уверяет Запад, что ему, вероятно, понадобится всего-то 500 тыс. человек и три-четыре месяца активных военных действий против его народа «для окончания работы вчерне». Сей антисоветский крестовый поход он подаёт как «великий нравственный подвиг» и даже как «моральную обязанность

Генерал Е. К. Миллер

человечества». А чтобы окончательно убедить страны капитализма в выгодности «предприятия», Рябушинский рисует им те «деловые» выгоды, которые им обещает эта авантюра. Интервенция даст «ежегодный приток в европейскую экономику таких богатств в форме спроса на целый ряд товаров, что в результате будет сведена на нет пятимиллионная армия безработных австро-германцев и англичан». Далее, входя в раж и в упоении от предвкушаемого барыша, он вещает: «Нет в мире предприятия, которое было бы хозяйственно более оправдываемо, более рентабельно, чем освобождение России... Затратив один миллиард рублей, человечество получит доход не менее чем в пять миллиардов, т.е. 500 % годовых, и с перспективой дальнейшего возрастания прибыли ежегодно еще на 100—200 %. Где можно найти дело лучше?». Возможно, Маркс не так уж был не прав, считая большую часть капиталистов редкой сволочью, не знающей самого смысла слова «отечество».

Сохранился и документ, полученный по секретным каналам (по линии Коминтерна от 11.04.1919), где в частности говорилось: «В начале февраля этого года в Париже во главе с Ротшильдом образовалась компания по использованию богатств России в связи с окончательным поражением Германии... В число акционеров вошли видные члены палаты депутатов правого крыла,

Схваченный интервентами большевик

весьма солидное количество паев выпало и на долю Клемансо (премьер. — *Ред.*). Были также посланы агенты в южные города России для покупки акций русских банков, в частности была установлена связь с Рябушинским, который стал во главе комиссии, разработавший план покупки всех земель Крыма, а также план установления сношений с группой английских банкиров, создавших акционерное общество по покупке земель по линии черноморского побережья Кавказа... Ротшильдская кампания очень усиленно начала субсидировать газету Клемансо «Свободный человек», которая сильно подогревала в массах шовинистические идеи, требуя оккупации России как компенсацию за неоплаченные займы (т.е. за прежние долги царского правительства. — *Ред.*). Ясно без пояснений, какая угроза нависала тогда над нашей родиной. Белогвардейцы-деникинцы знали или подозревали о подобных планах Антанты, относились к ним, возможно, даже отрицательно, однако, деваться им было некуда, пришлось принимать довольно скудную помощь: винтовки, снаряды, патроны, обмундирование, ничего уже не стоившие после окончания мировой войны, всё это потекло через Новороссийск, пополняя пустые склады Добровольческой, Донской, и Кавказской (Кубанской) армий белых». Французы высадились в Архангельске и Одессе, обеспечивая поддержку армии Деникина. Они заботились о довоенных капиталовложениях в Донецком бассейне и на Украине, в то время как англичане думали главным образом о своих капиталах, вложенных ранее в русские нефтяные промыслы. Все иллюзии о рыцарской и бескорыстной помощи союзников «испарялись с невероятной быстротой». Особый интерес представляли Украина и Кавказ, как это наблюдается и сегодня. Что же касается всякого рода союзнических отношений, благодарности к России за помощь Франции в Первой мировой войне, то капитализму всякие сантименты чужды. Не забудем и слов премьер-министра Франции Ж. Клемансо, сказанных однажды П. Боткину. В ответ на напоминание о необходимости помочь России, попавшей под «ярмо большевизма», премьер Франции сказал чётко и ясно: «Eh? La Russie? Je m'en f...!» («А, Россия? Да мне на неё наср...ть!»).

**Англичане и австралийцы —
на севере России**

Интервенты имели собственные эгоистичные и захватнические планы. Известный русско-американский социолог П.А. Сорокин писал, что в 1917—1918 гг. большая часть русской интеллигенции питала иллюзии по поводу союзнических правительств Запада, она ещё верила в честность, демократичность и нравственность их политики, в готовность помочь России в трудный час. Но те вместо реальной помощи, старались Россию ослабить, ввергнуть в Гражданскую войну, расчленить, захватить территории. «И даже сейчас, когда я пишу эту книгу (1963 г. — *Ред.*), — подчеркивал П.А. Сорокин, — они пытаются уничтожить не только русскую империю и советское правительство, но и сломать хребет самой русской нации. Если бы я придерживался мнения, что западные правительства циничны, хищны, лживы, недальновидны и эгоистичны, я, вероятно, присоединился бы к интернационалистам. Но случилось иначе, я оказался в стане социал-патриотов. Вместе с правительством Керенского и большинством лидеров и простых членов социалистических и либеральных партий. Вместе с «дедушкой» русской революции Н.В. Чайковским». Планы белых упрочить власть их правительства на севере России не были поддержаны союзниками. В частности, командующий союзной эскадрой адмирал Т. Кемп при встрече с Чайковским открыто заявил, что они недовольны образованием Северного правительства белых. «Это неудобно для успеха нашей экспедиции в Советскую Россию». Самостоятельная Россия им не нужна!

Свою игру вёл и Троцкий. В телеграмме мурманским властям он приказал: «Вы обя-

заны незамедлительно принять всякое содействие союзных миссий». И уже на следующий же день английские военные моряки в количестве 150 человек вошли в город (к началу мая иностранных солдат там было уже 14 тысяч человек). 5 марта Троцкий встретился с английским и американским представителями — Б. Локкартом и Р. Робинсоном и объявил о том, что большевики готовы принять военную помощь Антанты. А 11 марта (во время проведения IV съезда Советов) президент США В. Вильсон прислал телеграмму, в которой обещал РСФСР всемерную поддержку в деле защиты суверенитета — не ясно от кого. И вновь видим следы предательской деятельности Троцкого. Где искать концы его двойной политики? Троцкий и один из его агентов, руководителей советской власти на Севере, Юрьев, были в эмиграции в США. После телеграммы Троцкого на Север, где он призвал вступить в контакт с оккупантами, тот вдруг заявил: Мурманский край должен отделиться от России! «Вот тебе, бабушка и Юрьев день!» Эти действия Троцкого нельзя квалифицировать иначе как государственную измену. Симпатии его к Западу объясняются тем, что он, вероятно, был агентом США и Великобритания. Нельзя исключить, что британской разведке удалось внедриться в ближайшее окружение Л. Троцкого (как и в случае с Колчаком), и не в 1917—1918 гг., а гораздо раньше... Хотя известно и высказывание Б. Локкарта в «Английском агенте». Он пишет, усиленно отводя все подозрения от Троцкого: «Что касается Троцкого, мы поступили неразумно. Во время первой революции он жил в эмиграции, в Америке. Он не был тогда ни меньшевиком, ни большевиком. Он был тем, что Ленин называл троцкистом, т.е. индивидуалистом и оппортунистом... Он никогда не был и не мог быть хорошим членом партии. Его поведение до первой революции вызвало резкое осуждение Ленина... Весной 1917 г. Керенский обратился к английскому правительству с просьбой облегчить Троцкому возвращение в Россию... Как это бывало всегда в наших отношениях с Россией, мы и тут применили роковую политику полумера. С Троцким мы обошлись как с преступником. В Галифаксе... он был интернирован в лагере для заключённых... Возбужден в нём (лишь) ожесточённую нена-

висть, мы затем разрешили ему вернуться в Россию». Слова эти очень напоминают известный ход разведок — так делают для отвода глаз. Напомним ещё одно имя, которое почти никогда не вспоминают — Дж. Хилл. Офицер британской разведки после революции являлся советником Троцкого, активно помогал создавать военно-воздушные силы Советской республики, систему военной разведки и контрразведки, службу дешифровки. Хилл работал в контакте с другим британским разведчиком — С. Рейли, вращался в кругах очень близких к Троцкому и имел доступ к документам из аппарата последнего, когда тот являлся наркомом иностранных дел. Говорим это, чтобы читатель лучше понял, кому на самом деле служил Троцкий.

Не желали упустить шансов и немцы, приняв активное участие в борьбе с Советской властью, а заодно и в грабеже России. Начальник германского Генерального штаба Людендорф писал: «Украинцы нас позвали. Мы, но ещё сильнее Австрия и армия этой двуединой монархии, нуждались в украинском зерне; поэтому эта страна не должна была попасть в руки большевиков и способствовать их усилению. Мы обязаны были поддержать Украину ради нашей же собственной пользы». Впрочем, планы немцы нацеливались и далее — на захват богатого нефтью Баку. 1 марта 1918 г. ими взят Киев, затем захвачена Одесса. На Украине была свергнута власть большевиков и у власти немцами поставлено правительство гетмана Скоропадского. «Оно (т.е. правительство Скоропадского. — *Ред.*) является только куклой (*nur Puppe*) в наших руках», — писал германский посол в Киеве

Расстрел населения

Рабочие Донбасса ведут бой с немцами. 1918 г.

барон Мумм в Министерство иностранных дел. Киев почти сразу же сделался центром контрреволюции и антирусской политики. В Киеве функционировало и Особое совещание членов государственной Думы всех созывов и Государственного Совета (с лета 1918 г.). Ситуация для советской власти складывалась тяжелейшая. Выступая с речью на митинге 7 апреля 1918 г., Ленин сказал, что страна переживает тяжелые месяцы революции. Россию «душит Германия, на нас наступает Япония» (начало ею оккупации), «идёт голод». Всюду вспыхивают восстания, бунты измученных голодом людей; одновременно «бежит огнем с одного конца России на другой полоса контрреволюционных восстаний».

У немцев были далеко идущие планы, которые те могли бы претворить в жизнь, если бы не поражение. Эта история немецкого вторжения в Украину представляет собой столь поучительный урок, что обратим на неё особое внимание. В марте 1917 г., после «победы» Февральской буржуазной революции в России, в Киеве учреждена Центральная рада, т.е. после того как Российская империя рухнула, их украинские собратья тут же вылезли из нор. Хотя на первом этапе те и выражали завешения в верности Временному правительству и требовали лишь «культурной автономии». Каковы же были планы Германии в отношении Украины? Надо прямо сказать, что в те годы Германия меньше всего думала о расчленении Российской империи. Ведь уже шёл 1917—1918 год, а тогда немцы прилагали все силы, чтобы выстоять в борьбе с коалицией стран Антанты, на сто-

роне которой были более мощные людские, земледельческие, промышленные ресурсы. Немцы более и более вынуждены были (в условиях жёсткой блокады со стороны Антанты) затягивать ремни на животах. Поэтому перед военными и политическими лидерами Германии и Австро-Венгрии встал ключевой вопрос — как добыть хлеб и продукты для своих обескровленных армий и населения. Многие источники указывают на то, что вторжение немцев и австрийцев на Украину имело первоочередной задачей дости-

жение этой цели. И немцы и австрийцы своих целей достигли. Согласно австрийским данным, все продовольственные поставки с Украины за весь период оккупации (март-ноябрь 1918 г.) уместились в 42 тысячах товарных вагонах. Всего это вылилось примерно в 113 421 тонн зерна, муки и других продуктов (доля Австрии 57 382 тонны); 30 757 вагонов со скотом, мясом, салом, сахаром и т.д. (доля Австрии — 13 037 вагонов); 15 тыс. вагонов с различными продовольственными товарами, отправленными без официального разрешения. Общее число поставленных вагонов, по данным Чернина, равнялась около 51428 вагонов или 1 028 560 тонн. Хотя ни немцы, ни австрийцы не были в полной мере довольны масштабами поставок и говорили о необходимости «диктатуры». Российским властям предстояло удовлетворить и немалые территориальные аппетиты немецких захватчиков. Например, генерал Людендорф всерьёз рассматривал превращение Крыма в постоянный оплот Германии, так сказать в немецкий Марсель или немецкий Кронштадт, но только на юге. «Крым должен был приютить немецких колонистов в форме Kolonialstaat. Его надлежало превратить в морскую крепость, используемую как плацдарм для распространения германского влияния на Кавказ и Ближний Восток». Объявив население Крыма «туземцами», командующий оккупационными войсками на полуострове генерал Кош (сменивший генерала Гальвица) ввёл военное положение. «Германское военное судопроизводство, — говорилось в его приказе от 30 мая 1918 г., — будет применяться к туземным

жителям в следующих случаях: 1) когда туземные жители обвиняются на основании законов Германского государства в преступных деяниях против германского войска и лиц, входящих в состав его; 2) при нарушении и неисполнении туземными жителями распоряжений, приказов, изданных военными начальниками». В целях умиротворения Крыма жителям было предписано под угрозой смертной казни сдать ко 2 мая имеющееся у них оружие. Грозные приказы неукоснительно выполнялись оккупантами. Несколько смертных приговоров приведено в исполнение. Конгресс крымских немцев-колонистов принял резолюцию, где подчеркивалось, «что немцы-колонисты приветствуют германскую армию, выражают благодарность за поддержку, что немецкие колонии просят распространить германскую власть на Крым, а если это окажется невозможным, то дать возможность переселиться (им. — Авт.) в Германию». Большинство колонистов, однако, вряд ли подписалось бы под сей резолюцией, ибо, нажив тут имущество, вернув, наконец, ухаженные земли, отобранные царским правительством, они чувствовали себя гражданами России, а не Германии, которую из-за религиозных преследований давным-давно покинули их предки. Буржуазные политики России, уже привыкшие торговать своей родиной, не очень-то и возражали, поощряя немцев. Белые «патриоты» (Милюков, Набоков, Краснов) уговаривали немцев занять Москву и Петербург, помочь им организовать всероссийскую национальную власть. Милюков предлагал под прикрытием власти гетмана создать «Центр для управления Россией». Теперь он не звал народ на борьбу «с тевтонами», а звал «тевтонов» на борьбу со своим народом!

В июне 1918 г. кадеты начали переговоры с немцами на Украине, прося отозвать Мирбаха, посла Германии из Москвы, разорвать отношения с РСФСР, обещая после образования в России «легитимной монархии» признать автономию Украины, а Латвию и Литву отдать немцам. Немцы поддерживали войска Краснова и готовили поход на Петроград и Москву. Можно понять ехидную реплику атамана П. Краснова, брошенную им в адрес генерала А.И. Деникина: «Да, да, господи! — говорил он им. — Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь

это я, Донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, смываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии. Весь позор этого дела лежит на мне!» Мог бы добавить, что он направил письма германскому кайзеру Вильгельму II, где просился «под германскую руку», прося «содействовать к присоединению к войску (Донскому) по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына Саратовской губернии», а также «города Воронежа». За оказанную немцами услугу Краснов обещал, что войско Донское будет «соблюдать полный нейтралитет во время мировой борьбы народов и ни за что не допустит на их территорию враждебные германскому народу вооруженные силы». Генерал Алексеев справедливо заметил Деникину, что в лице Краснова немецкие притязания нашли отзывчивого исполнителя. Старые связи с немцами затем и привеле-

*Лозунг Белой армии
«За единую и могучую Россию»*

Немцы вступают в Киев

дут Краснова в стан Гитлера... «С военной точки зрения, — писал Людендорф, — мы были в силах произвести короткий удар на Петроград теми войсками, которые у нас имелись на востоке, и при помощи донских казаков развить наступление и на Москву. Мы могли устранить внутренне столь враждебное нам советское правительство и установить в России другую власть, которая бы не работала против нас и была бы согласна идти заодно с нами. В совокупности это имело бы большое значение для дальнейшего ведения войны. Если бы в России оказалось другое правительство, то можно было бы соответственно пересмотреть и Брестский мир».

Стали подбирать российского регента, остановившись на кандидатуре великого князя Павла. Назначенный после гибели Мирбаха в Советской России новый германский посол Гельферих, объясняя позицию и цели Германии, писал: «Лишь если бы удалось победить большевистское правительство в самой России, мы могли бы рассчитывать на более спокойное положение на востоке и на освобождение большей части разбросанных там дивизий». Немцам недостаточно первоначальных уступок России. По дополнительному финансовому соглашению Советская Россия должна была в шесть взносов выплатить Германии около 6 млрд марок (золотом, кредитными билетами и товарами). Россия обязана была предоставить Германии четвертую часть добытых в Баку нефтепродуктов и нефти. Кроме того, они добивались расчленения страны. Видимо, немцы намеревались захватить Украину и Грузию, настаивая, чтобы советское прави-

тельство дало «свое согласие» на признание Грузии «самостоятельным государственным организмом». В дуэте Россия-Германия так или иначе всегда вставал вопрос о серьезности и искренности партнеров. Желание превратить Россию в колонию или полуколонию совершенно очевидно. В 1917 г. был издан обширный труд немецкого политического экономиста Вернера-Дайя «Наступление на Восток. Азиат-

ская Россия, как германская мирная экономическая цель».

Казалось, речь шла исключительно о необходимости «прочного союза с Россией», а также об отсутствии между ними враждебных чувств (не то что с той же Англией), о том, что две эти страны дополняют друг друга в промышленном и экономическом от-

Красные освобождают Киев от немцев

ношении. Мысли верные и разумные... Но мотив «Германия превыше всего» всё же нетнет да прорвется сквозь наглухо застегнутые пуговицы его вицмундира. Немецкий национализм vom reinsten Wasser! (нем. — чистойшей воды) Далее он пишет: «Пусть меняется место мирных переговоров, пусть сменяются господствующие партии вражеской страны, основной пункт мирных переговоров германской политики будет состоять всё в той же цели — континентально-политического захвата Востока. Общий ход германской политики не зависит ни от современного для данной минуты русского правительства, ни от условий социальной жизни в России. Германская политика нуждается в континентальном развитии; решение русской проблемы является для неё решением совместной проблемы; ей необходимо обеспечить за собой неприступную торгово-политическую позицию на Евразийском континенте и для этого захватить важнейшие промышленные пункты. Поэтому она не должна обращать внимания, с какой Россией связывают её основные положения её восточной политики. В чужой стране она больше не знает партий, а есть только партия сама в себе. Поэтому она с одинаковой определенностью ставит свои требования — сегодня большевистской, завтра социал-революционной, послезавтра кадетско-романовской России». Этот мотив в дальнейшем и лёг в основу гитлеровской политики «дранг нах Остен».

Не должно быть никаких иллюзий относительно планов всех без исключения империалистов в отношении Советской России. Главное в этих планах: агрессия против Советской России... Хотя в тайных американско-германских переговорах 1919 г., как и в 1917—1918 гг., большое внимание было уделено условиям мирного договора, главным было другое. Беседуя о том, подписывать или не подписывать Германии предъявленный ей текст договора, обе стороны не упускали из виду основную задачу: совместную борьбу против Советской России. Например, вот как рассуждали в то время высокопоставленные представители немецкой

военщины. «Недостаточно будет завоевывать Россию, так сказать, в военном отношении, — писал полковник Бауэр Рехбергу в конце мая 1919 г. — Надо будет сконстигуировать там (такую) власть, которая сможет подавлять большевизм. Пока она будет создана, пройдет... длительное время, и в течение этого времени новое русское правительство должно опираться на иностранную державу. Рассчитывать на то, чтобы создать в России... по мере своего продвижения русскую власть, которая будет поддерживать порядок, было бы самообманом. Мы убедились в этом на Украине». Таким образом, подчеркивает справедливо автор, немецкие милитаристы планировали длительную, если не постоянную оккупацию нашей родины. В этой оккупации, по подсчётам Бауэра, «Германия должна была бы принять участие контингентом примерно в 200 тыс. человек». Таков был и главный аргумент против антантовских планов свести вооруженные силы Германии к 100 тыс. человек. Не довольствуясь этим, Бауэр отмечал: за вклад немцев в борьбу против Советской России Антанта должна «пойти им навстречу в других отношениях». Так немецкие милитаристы предлагали свои услуги державам Антанты и в первую очередь США в качестве ландскнехтов против Советской России. Кстати, всё та же схема в дальнейшем сработает при натравливании Гитлера и немецкого фашизма против СССР и её народа.

Полон был радужных надежд и ожиданий и японский капитал. Потирая руки,

Японские интервенты на Дальнем Востоке

**Плакат японцев — их самолеты
над Хабаровском**

предвкусывая невиданную и баснословную добычу, «Японский коммерсант» писал: «Россия потенциально и фактически — житница, рыбный промысел, лесной склад, угольный бассейн, золотые, серебряные и платиновые россыпи для всего мира!» Не мудрено, что вскоре во Владивостоке высадились японцы под формальным предлогом защиты граждан на территории России. Они высадили на Дальнем Востоке целый экспедиционный корпус, мощно вооруженный и оснащенный (70 тысяч). Цели их были чисто экспансионистские. Вооруженная интервенция Японии на российском Дальнем Востоке представляла собой (хотя и необъявленную) завоевательную войну, развязанную с целью превращения громадных территорий в японскую колонию и овладения Приморьем, Забайкальем, Приамурьем, Восточной Сибирью. Пресмыкающиеся перед Западом историки, политики, публицисты не хотят этого признавать. Хотя даже в Японии находятся сторонники правдивых оценок истории. «В последнее время, особенно среди молодых учёных, — пишет Осаму Такахаши — автор книги «Дневник Сибирской экспедиции», — появились люди, выступающие за то, чтобы сменить слова «сибирская экспедиция» на «сибирская война»... Однако число таких учёных в Японии пока ещё очень мало». Война Японии в России была начата в соответствии с секретным планом

японского военного министерства, разработанным ещё в начале 1918 г. специально созданным комитетом во главе с военным министром генералом Гии Такакой. Любопытная деталь говорит и о предательской политике Троцкого в отношении Советской России... Черчилль вспоминал: «Вскоре союзники получили поддержку отсюда, откуда они её менее ждали... 28 марта (1918 г.) Троцкий сообщил Локарту, нашему представителю в Москве, что он не возражает против вступления в Россию японских сил для противодействия германскому натиску, если только в этом выступлении будут участвовать другие союзники и дадут со своей стороны некоторые гарантии». Деятели белой эмиграции Б.А. Бахметев, женатый на богатой американке, писал из Российского посольства в Вашингтоне В. Маклакову (1920 г.): «На самом деле эсерам (на Дальнем Востоке. — Ред.) принадлежит лишь гражданская власть, их войска обезоружены и фактически с.-р.-овская территория находится в военной оккупации Японии. До нас (тут в США) доходят курьёзные анекдоты о фактических взаимоотношениях гражданских и военных властей, о том, как пигмеи часто пытаются, чтобы соблюсти собственное достоинство. Я думаю, однако, что из этого механического сожигания произойдут некоторые последствия и что в конце концов правительства эти сговорятся с японцами, которые дадут больше видимой власти местным честолюбцам, а сами получают из рук различных представительных учреждений от местного населения известные экономические преимущества. Весь юридический вес концессий, полученных от представительных собраний много

Японские солдаты и расстрелянные ими жители

Японцы во Владивостоке

доказательнее соглашений в конце концов с безответственными атаманами... Настолько, я думаю, удовлетворительно для японцев подобное сожительство, что совершенно естественным является известие о намерении увести войска из Забайкалья. Уводимые из Забайкалья войска Япония сосредотачивает в долине Амура и Приморья, куда, как и в Сахалин, всё время присылаются пополнения. Для меня, равно как и для американцев, нет сомнений, что Япония решила накрепко оккупировать Сахалин и Тихоокеанское побережье от корейской границы к северу до Николаевска и далее насколько это нужно. Трудно говорить сейчас об условиях, при которых японцы пойдут на прямые аннексии, но вопрос о том, как легализуется положение вещей — дело будущего. Пока что создаётся фактическое положение, которое ничто не в состоянии изменить, ни силой, ни убеждением». Это надо бы помнить нынешним министрам России, чья голова порой уж слишком повернута на Запад или на Восток.

О том, что творили в деревнях и селах в ходе зачисток японские оккупанты, можно судить по приведенным сведениям о зверствах японских карателей в селе Ивановке. Село это, как сообщается в японских источниках, было неожиданно для его жителей окружено японскими карателями 22 марта 1919 г. Сначала японская артиллерия обрушила на село шквальный огонь, в результате чего в ряде домов начались пожары. Затем, на улицы, где метались с плачем и криками женщины и дети, ворвались японские солдаты. Сначала каратели выискивали мужчин и там же на улицах расстреливали их или закалывали штыками. А да-

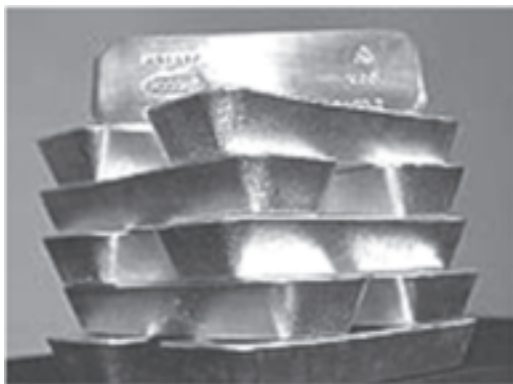
лее оставшиеся живыми были заперты в нескольких амбарах и сараях и сожжены заживо. Как показало проведенное впоследствии расследование, после этой резни было опознано и захоронено в могилах 216 жителей села, но кроме этого большое число обуглившихся в огне пожаров трупов так и осталось неопознанными. Сгорело дотла в общей сложности 130 домов. Ссылаясь на изданную под редакцией Генерального штаба Японии «Историю экспедиции в Сибири в 1917—1922 годах» японский исследователь Тэруюки Хара писал по этому же поводу следующее: «из всех случаев «полной ликвидации деревень» наиболее крупным по своим масштабам и наиболее жестоким стало сожжение деревни Ивановки. В официальной истории об этом сожжении пишется, что это было точное исполнение приказа командира бригады Ямады, звучавшего так: «приказываю предельно последовательно наказать эту деревню». А о том, как это наказание выглядело в реальной действительности, говорилось в нарочито туманной форме: «Спустя некоторое время пожары возникли во всех концах деревни». Зверские расправы с жителями Ивановки, как и других сел, должны были по замыслу японских интервентов посеять страх среди населения оккупированных ими районов Советской России и таким образом заставить русских людей прекратить всякое сопротивление непрошенным гостям из «Страны восходящего солнца». В заявлении, опубликованном на следующий день в местной печати генерал-майором Ямадой без обиняков писалось о том, что всех «вра-

Атаман Г. Семёнов

гов Японии» из числа местного населения «постигнет та же участь, что и жителей Ивановки». И совсем иначе вели себя японцы с белым воинством. «Японцам приходилось предпринимать огромные усилия, чтобы добиться нашего расположения. Периодически они устраивали обеды для наших солдат. Кроме того, во время обедов каждый драгун получал пакет с табаком и чаем. Нам, офицерам, вручались деньги от японского императора в сумме месячного офицерского жалования». Многих из белых «героев» фактически находились у японцев на содержании!

Всем этим действиям сопутствовали грабежи и охота за русским золотом. И. Латышев в книге «Как Япония похитила российское золото» (1996) отмечал, что в статье японского историка Томаки Абэ, опубликованной в газете «Акахата» 11 сентября 1977 года, излагается и комментируется содержание одной из телеграмм, датированной мартом 1920 года и озаглавленной «Дело о принятии на хранение золотых слитков Семёновым». Рассказывая читателям о «горе золотых слитков, от которой рябило в глазах», автор статьи пишет далее: «История со слитками золота началась с того, что Семёнов в марте 1920 года поручил перевозку большого числа слитков золота полковнику Хитоси Куросаве, который возглавлял в Чите (где находилась ставка Семёнова. — И.Л.) органы информации и разведки японской армии. Судя по всему, можно утверждать, что при этом Семёнов сказал следующее: «Сегодня меня преследует революционная армия. Но ни при каких обстоятельствах я не слою оружия и намерен вскоре повернуть ход событий в

Сибирское золото

свою пользу. Не смогла бы японская армия до наступления этого времени взять у меня золотые слитки на хранение». Японцы, всеми силами поддерживавшие контрреволюцию, естественно, с превеликим удовольствием согласились. В секретной телеграмме говорилось следующее: «Находившийся в Чите полковник Куросава в первой декаде марта 1919 г. согласился выполнить поручение о перевозке 143 ящиков с золотыми слитками, полученными от сотрудников особого отдела ставки Семёнова в виде оплаты поставок по семеновским военным расходам». В частности, как сообщалось в предварительном «Информационном сообщении Банка Японии» за 1919 г., из России в Японию двумя партиями поступили в качестве залога слитки русского золота на сумму 50 миллионов иен (первый взнос — 20 миллионов иен и второй — 30 миллионов иен). Все тянулись к золоту.

Сообщение, подтверждающее доставку золотых слитков из Омска в Японию, попало в те дни и в японскую печать. Например, газета «Токе Нити Нити» от 3 ноября 1919 г. поместила следующую информацию: «Вчера в город Цуруга прибыло русское золото на сумму 10 миллионов иен в счёт кредита Омскому правительству в объёме 30 миллионов иен». Одним из получателей колчаковского золотого запаса за обещанные японской стороной оружие и боеприпасы в октябре-ноябре 1919 г. стал японский «Июкогамский валютный банк» (банк «Ёкохама Сёкин Гинко» или по-английски «Ёкогама спешал банк»). По данным ряда учёных, в банк поступили тогда

«Доверенное лицо» Семёнов, майор японской разведывательной службы С. Куруки

от омского правителя России золотые слитки и драгоценные изделия общим весом в 20 тонн 466 килограмм. В денежном выражении это составляло 26 миллионов 580 тысяч золотых рублей.

Позднее русское золото отправили в хранилища государственного «Банка Японии» (Нихон Гинко). В ответ на эти действия госсекретарь США Лансинг сообщает американскому послу в Японии (19 ноября 1919 г.): «Чрезвычайно желательно, чтобы Колчак остался главой ... сибирского правительства. Его присутствие обеспечит возможность продолжения нашей политики». Значительная часть русского золота в итоге всё же оказалась в банках Японии и Великобритании. Часть же царского золота, по некоторым сведениям, попала в руки атамана Семёнова. И лишь 13 вагонов с золотом в конце концов были отбиты у Колчака и вернулись в Москву. Задают и вопрос: «Вернётся ли в новую демократическую Россию русское золото из Японии?»

Что касается судьбы остального золота, бывшего у Колчака, о судьбе оного существуют различные версии. Согласно одной из них, исчезновение «золота Колчака» — груза весом в 1600 тонн, который стоит сегодня миллиарды фунтов, произошло так... Бойцы Колчака, уходившие пешком и верхом по байкальскому льду зимой 1919—1920 гг., замерзли насмерть, когда температура в тех местах опустилась до 60 градусов. Когда началась весенняя оттепель, их тела и мешки с золотом империи утонули в гигантском озере, содержащем 20% мировых запасов пресной воды. По другой версии, сокровище было утеряно, когда поезд, ехавший по ответвлению Транссибирской магистрали, сошел с рельс, нырнув в озеро с мыса Половинного. Любопытно, что не так давно неподалеку от этого места были обнаружены колеса времен Гражданской войны. После этого сюда послали минисубмарину, та провела пять часов на глубине более 1000 метров в поисках вагонов. Исследователи из России, по сообщению «Сеул таймс», планируют совершить около сотни погружений в глубоководных аппаратах «Мир-1» и «Мир-2», которые использовались при установке российского флага на дне океана под Северным по-

люсом в 2007 г. Данная экспедиция — второй этап рассчитанного на два года проекта, главной задачей которого является исследование геологии и подводной фауны озера. Летом 2008 г. наши субмарины с экипажем из трёх человек более 50 раз опускались на глубину почти 1 600 метров. Им удалось обнаружить ящики из-под боеприпасов времен Гражданской войны, но золота там так и не нашли.

Сколь ни велики были аппетиты японцев, но и те поняли, что вести борьбу на громадных просторах России с партизанами и населением, которое настроено к ним враждебно, себе дороже. Потому когда 11 июня 1920 г. атаман Г.М. Семёнов написал наследнику японского престола письмо с просьбой отсрочить эвакуацию японцев на 4 месяца, ему ответят недипломатично: «Японское императорское правительство благодарно Вам и желает сохранить дружественные отношения, но положение, которое нас со многих сторон жмёт, не разрешает нам Ваше желание исполнить. Японское правительство не считает Вас достаточно сильным для того, чтобы Вы великую цель, которая японскому народу обеспечивает великую будущность, провести могли... Ваше влияние на русский народ с каждым днём слабеет, и ненависть, которая народом против Вас чувствуется, нашу политику не поддерживает». 25 июля 1920 г. японцы приступили к эвакуации своих войск из Забайкалья, которая завершилась 15 октября 1920 г. Тем не менее они сумели от белых русских генералов получить на хранение 30 млн золотом, которые

Подарки русской буржуазии чешским «освободителям»

хранят по сей день. И навряд ли когда-либо отдадут.

Судьба золота волновала многих. В Иркутск прибыло 29 вагонов с золотом. ЧК потом вернуло в Москву 13 из них. Куда же делись 16 вагонов с золотом? В книге «Атаман Семёнов» А. Смирнов убедительно говорит о главной причине предательства Колчака «союзниками»: «Даже если “списать” пару-другую вагонов на неорганизованных, “народных” грабителей, получается, что более десяти вагонов уволокли с собой братья-славяне (чехи). На память об участии в Гражданской войне против русских». Ю.П. Власов пишет в книге «Гибель адмирала»: «Президент Грант» (судно, на котором эвакуировалось командование бывшего Чехо-Словацкого корпуса) увёз 5500 чехословаков (судно отправлялось из Владивостока), а также сотни тонн золота, серебра, меди, машин, сахара и всяких других продуктов, как и другое награбленное добро, которое чехи увозят с собой из Сибири...» Сюда же входило около тысячи пудов золота и драгоценностей, о чём сообщила газета «Дело России» (№ 10 за

1920 г.). В Чите, русские офицеры, узнав об аресте адмирала, говорят, публично вручили генералу Сыровы 30 сребреников — символический гонорар Иуды. А атаман Семёнов послал генералу Жанену официальный вызов на дуэль. Впоследствии в европейской печати тот пытался неуклюже защищаться, придумывая фантастические причины, якобы «не позволившие» ему спасти поверившего Западу адмирала. То он не вправе жертвовать жизнями чешских легионеров ради спасения Колчака, то опасался срыва графика движения чешских легионов к Владивостоку. Эти причины имели место. Но всё же не они были решающими. Пожалуй, потом лишь раз в жизни этот холёный француз проговорился относительно судьбы Колчака, когда в январе 1920 г. на железнодорожном вокзале Иркутска встретился с чиновником Язвицким... «Мы психологически не можем принять на себя ответственность за безопасность следования адмирала. После того, как я предлагал ему передать золото на мою личную ответственность и он отказал мне в доверии, я уже ничего не могу сделать», —

Чешский генерал Я. Сыровы

Французский генерал М. Жанен

процедил сквозь зубы Жанен, отвечая на вопрос, при каких условиях он готов был помочь Колчаку. Если перевести ответ Жанена с лживого дипломатического языка на обычный, человеческий, суть его такова. Представитель Франции хотел, чтобы адмирал Колчак отдал часть золотого запаса России. Тогда он готов был предоставить ему гарантии личной безопасности и переезда в Париж. Колчак мог купить жизнь за баснословную сумму — половину золотого запаса родины. «Но адмирал выбрал честь... и, следовательно, смерть», — пишут его апологеты. Насквозь лживые слова.

В основе всех поступков, планов, решений сторон лежали прежде всего коммерческо-материальные и даже грабительские интересы. Как отмечал генерал-лейтенант К. Сахаров, официальный представитель Деникина при Ставке Колчака, «никакие силы не могли заставить этих интервентов вернуть вагоны и паровозы. Железнодорожной администрации приходилось принимать факт этого ограбления и изворачиваться ограниченным запасом подвижного состава, который остался в фактическом распоряжении русского министра путей сообщения». Союзники захватили в свои руки огромное количество подвижного состава. К примеру, только за тремя чешскими дивизиями числилось свыше 2 тыс. товарных вагонов. Везли добро из России в полном объеме, грабь — не хочу! Чехи всюду таскали за собой этот груз, тщательно его охраняя. Чему удивляться. По данным контрразведки, товарняк на путях был наштапрован машинами, оборудованием, ценными металлами (до исчезнувшего золота Колчака!), подлинниками русских и зарубежных живописцев, не считая мелочи, т.е. разного рода мебели и прочей утвари. Напомним, что Россия не имела в то время заводов для постройки паровозов, вагонов, запасных частей. Это, как и массу других ценных предметов, мы получали из-за границы (из Америки и Европы). «Во Владивосток пришло большое количество запасных час-

Английские самолеты

тей, осей и колес, несколько паровозов, — вспоминал уже в эмиграции К. Сахаров. — Весь этот ценный груз союзные страны давали России, давали за её жертвы кровью сынов её и... за русское золото. Давали союзные страны, а их официальные представители требовали взамен почти полного себе подчинения, становились выше не только министра путей сообщения, но даже выше номинального диктатора. Понятно, это мешало работе, сильно затрудняло её, а «союзникам» давало возможность проводить меры для своих, не всегда чистых целей». Представляется, что фраза «не всегда чистые цели» тут просто неуместна (1919). Документы свидетельствуют совсем об ином... Ни о каких чистых целях, чести, рдении за дело России, отстаивания национальных интересов не было и речи. Имела место торговая сделка. Колчак давно уж Россию запродавал. Запад поставлял белым оружие, получая за это золото из запасов империи. Сошлёмся на источник. Телеграмма колчаковского представителя в Англии Замена колчаковскому министру финансов Михайлову (28 июня 1919 г.): «Выработал... контракт. Распределение займа: 3 млн фунтов — Лондон, один — Париж. Шесть — Америка.... Первые три миллиона кредитуются в фунтах и долларах немедленно, по получении золота (курсив наш. — В.М.). В Америке участвуют Сити-банк, Гаранти-трест, Сиддерпибоди и, вероятно, Морган». Из донесения представителя Колчака в США Угета: «...Контракт будет подписан немедленно по установлению депозита золотом во Владивостоке на имя Сити-банка». Или вот военный министр Колчака Будберг:

«Достигнуто соглашение с японскими банками об открытии кредита... Прошу уплатить срочно валютой за оружие». В секретной ноте колчаковского правительства госдепартаменту США от 21 октября 1919 г. говорится, что из имеющегося у Колчака золотого запаса России пришлось лишь в июне отделить 13 тысяч пудов золота «для обеспечения срочных платежей». В одном из японских архивов («Архив Куроки») сохранился важный документ. Согласно этому документу, весной 1919 г. в Токио прибыл по распоряжению адмирала Колчака помощник военного министра колчаковского правительства генерал-майор Сурин и поместил там через японское военное министерство заказ для русской армии на сумму около 6 миллионов иен. Заказ этот включал: винтовки, шинели, обувь, портянки и телефонное оборудование — всего на армию численностью около 45 тысяч человек. Наблюдение же за исполнением заказа адмирала Колчак поручили генерал-майору М. Подтягину, находившемуся в Токио ещё с царских времен в качестве приёмщика заказов Главного артиллерийского Управления России, а затем в качестве Российского военного агента, т.е., говоря современным языком, военного атташе. За этим последовали и другие колчаковские заказы в Японию, на военные поставки армии. В октябре—ноябре 1919 года состоялась передача колчаковской администрацией японской стороне значительной части хранившегося в Омске «царского» золота. За всё надо было платить... Таков на деле русский «патриот» Колчак, опиравшийся на границу во всех действиях. Даже чехам он щедро обещал поместья в Сибири («Наделить земельными участками тех из чехословаков, кто по завершению своих боевых трудов пожелали бы остаться в Сибири»). Но те не оценили по достоинству его «щедрых намерений» и в январе 1920 г. выдали Колчака руководителям восстания. Их интересовал золотой запас России, что находился в его поезде. Лучше золотая синица в руках, чем журавль в небе. После изоляции Верховного правителя на пути в Иркутск чешские legionеры «ухитрились-таки разграбить вагон из состава с золотым запасом России». Там, как сообщала газета «Дело России» (1920 г.), было ни много, ни

мало, а около тысячи пудов драгоценностей и золота. Причём, как позже выяснилось, сдаточная ведомость по золоту в Иркутске оказалась кем-то явно подделана.

Хочу обратить ваше внимание на то, что все, кто так или иначе боролся с Советской властью, вынуждены рано или поздно (а зачастую с первых своих шагов) обращаться за помощью к традиционным врагам или по крайней мере к противникам и конкурентам России. Таковы все наши «демократы». Они сразу начинают действовать «применительно к подлости» (как говорил Салтыков-Щедрин в сатире «Либерал»). Политика создания на территории Советской России «новых государств» (марионеток), поддерживаемых за границей («помощь им со стороны иностранцев»), — это «политика, которая при известных условиях могла бы быть полезной и могла создать пункт приложения сил, для той эмиграции, которая сейчас сидит там, где ей нечего делать». И хотя Маклаков вроде бы признаёт, что такая политика «противоречит нашим началам», но ничего не поделаешь... Ведь, «мы потеряли надежду на белое движение, мы потеряли всякую возможность практических действий, если не пересмотреть самых оснований этих действий». Белые разбиты и надежд нет. Остается уповать на расчленение России Западом, для чего все средства хороши. Только это может дать власть и посты сидящей за границей эмигрантской «пятой колонии». Подобные речи «либеральной» интеллигенции, людей бессовестных, подлых, ясно говорят, в чьём стане господа. У Потресова вырывается: «Россия — кандидата в колонию, в рабы, да!» В рабы Запада! Но сегодня наши «демократы» об этом молчат.

Расстрел интервентами коммуниста. 1918 г.

Чётко выразил позицию Запада в отношении России Ллойд Джордж, выступая в палате общин английского парламента: «Деникин и Колчак преследуют две цели. Первая — это уничтожение большевизма и реставрация демократического русского правительства. И здесь между нами — полное взаимопонимание. Но их вторая цель — объединение России. И это совсем не та политика, которая устраивает Британскую империю. Один из самых известных наших государственных деятелей лорд Биконфилд уже высказал соображение, что Россия, ставшая сильной и мощной, распространившая свое влияние в направлении Персии, Афганистана и Индии, превратилась бы в значительную угрозу для Британской империи...» Эти слова не потеряли своей актуальности и сегодня, ибо политика Запада в отношении новой России во многом осталась прежней. Факт поддержки белых армий немцами, англичанами, французами, американцами, японцами сыграл роковую роль, оттолкнув от белых население. Интервенты редко вступали в бой с Красной армией, ограничиваясь поддержкой белых. К 1920 г. они в основном покинули территорию РСФСР. Лишь на Дальнем Востоке они продержались до 1922 г. Так что последними освобожденными от интервентов районами СССР станут Остров Врангеля (1924) и Северный Сахалин (1925). Примерное число военного контингента, живой силы интервентов: 50 000 чехи, 28 000 японцы (позднее до 70 000), 7500 американцы, 4000 канадцы, 12 000 поляки, 4000 сербы, 4000 румыны, 2000 итальянцы, 1600 англичане, 760 французы. Но ближе к реальности цифра — 1 млн иностранных солдат и офицеров. Таким образом, несмотря на серьезную помощь белым со стороны стран Запада и Востока, их ожидало сокрушительное поражение. Белая армия воспринималась народом как армия завоевателей и чужеземцев. У белых так и не нашлось программ и идей, которые были бы восприняты народом. Это нашло отражение и в простой арифметике: в 1920 г. число новобранцев в Белую и Красную армии находилось в соотношении 1 к 5, т.е. массы пошли за Советской властью, за большевиками.

Глава 12. Белый и красный террор во время Гражданской войны в России: его жертвы и палачи

«Если же скажут тебе: “куда нам идти?” то скажи им: так говорит Господь; кто обречен на смерть, иди на смерть, и кто под меч, — под меч; и кто на голод, — на голод; и кто в плен, — в плен. И пошлю на них четыре рода казней, говорит Господь: меч, чтобы убивать, и псов, чтобы терзать, и птиц небесных и зверей полевых, чтобы пожирать и истреблять» (Иеремия, гл. 15, 2—3). О мотивах, характере, духе и психологии поведения толпы или народа во время восстаний, революций и разного рода эксцессов писали многие — А. Смит, Карлейль, Кропоткин, Случевский, Михайловский, Сигеле, Тард и др. Тард называл их «нравственной эпидемией», «то благотворной, то разрушительной, направляющей

целый народ или даже целый материк к новой религии и к новой политической догме и придающий всем религиозным сектам и политическим партиям на громадном протяжении к северу и к югу, в странах как кельтского, так и славянского или германского происхождения, общие существенные черты, вопреки всевозможным индивидуальным особенностям». О. Кабанес, Л. Насс говорили о поведении масс как о социально-патологическом явлении, как о «духовной чуме» (книга «Революционный невроз» издана в России в 1905—1906 гг.). В действительности террор — это столь же неизбежный инструмент истории, как войны или революции... К нему прибегают тогда, когда иные способы убеждения и правосудия не действуют или же оказываются не эффективными. Вспомним слова Робеспьера: «Террор есть не что иное, как правосудие, только правосудие быстрое, суровое, непреклонное». Его идею развил и дополнил Ленин, назвав террор «средством убеждения».

Будучи согласен с оценкой, замечу, что события в революционной России 1917—1922 гг. можно отнести к событиям, которые вовсе не кажутся чем-то из ряда вон выходящим. То, что мы увидели в те годы в России, лежит в русле «революционного невроза» масс в Англии, Франции, Германии, США, Китая. Что же касается проявления чудовищной жестокости, то для её объяснения можно привести слова Фридриха Шиллера: «Нет таких бесчестных и нечеловечных войн, как внутренние войны, возникающие из религиозного фанатизма и партийной ненависти». Верны и слова социолога Тарда о том, что ненависть в народных скопищах «в отношении заразительности вообще берёт перевес над любовью». Можно привести и фразу Наполеона, когда тот, после тщательного изучения действий Конвента, философски заметил: «*les crimes collectifs n'engagent personne*» (массовые преступле-

ния невменяемы). Нам же даже за теми или иными фактами и леденящими душу картинами тех страшных лет нельзя упускать из виду главное обстоятельство. А что же собственно привело к невообразимо чудовищным и жутким эксцессам, перед которыми бледнеют и картины дантовского ада?!

Первые места при объяснении причин гражданских войн, жестокостей и террора как им сопутствующих обычно явлений должны занять социальные и религиозные причины. Если Лютеру удалось «зажечь сердца ненавистью к папству», Мюнцеру — «поднять знамя восстания», Марату и Робеспьеру — низвергнуть короля Людовика, затем отправить на гильотину коллег по национальному собранию, Боливару — зажечь пламенем национально-освободительного движения Латинскую Америку, то Ленину и Троцкому удалось вдохнуть в сердца миллионов ненависть к царизму. И произошло это по той же самой причине, по которой разразились революции и восстания в других странах Европы, Азии, Латинской Америки. Михайловский справедливо писал, что историки старого времени смотрели в корень явлений, а не смаковали подробности проявлений экстремизма. Европейцы сознательно усваивали идеи Реформации, как и русские сознательно усвоили идеи Октябрьской революции. «Мы знаем из этих исследований, каким страшным гнетом лежал феодально-католический строй на народе, который, наконец, ответил грозной реакцией. Ужасающие вещи делал этот веками содержимый во мраке невежества и

Войны католиков и протестантов

нищеты, доведённый до отчаяния народ, но надо же учесть и то долго-терпение, с которым он перед тем выносил ежедневные, ежедневные жестокости, оскорбления, издевательства над ним, над его женами и детьми со стороны светских и духовных баронов». Слова Михайловского в полной мере могут быть отнесены и к русскому народу, и другим народам на просторах России, причём тут гнёт был похлеще. Среди причин террора французские учёные называют общественную панику и страх, охватившие слои общества, прежде всего революционные массы. Но при этом ставят под сомнение наличие оснований для подобных страхов, в частности, опасности «заговора против революции» или «возвращения в руки свергнутого правительства утраченной им власти». Они пишут, что подобные предположения, якобы, «ни на чем не основаны и не выдерживают ни малейшей критики». На самом деле такие страхи очень даже обоснованы. Состоялась же во Франции реставрация после Французской революции! Почему бы ей было не состояться в России, где сотни тысяч людей не только были недовольны, но глубоко ненавидели чуждый им строй пролетарско-партийной диктатуры, имея для этого основания. Они страстно желали гибели Советской России и реставрации буржуазного строя, конституционной монархии, диктатуры, да чего угодно, но только не большевиков. Эти люди оправдывали их террор ссылками на необходимость вернуть Россию в старое русло. И они обращались к фамильным склепам, к плесени рыцарских гербов и дворянских грамот, к инстинкту буржуазной алчности. Отсюда тысячи предсказаний, называющих «точную дату» последнего дня Советов, словно это «последний день Помпеи». Враги спали и видели кровавый конец республики Советов (неприменно с казнями, расстрелами, как во Франции). Как пишут авторы, трагический конец героев общественных движений не представлялся им «чем-то непредвиденным или неожиданным» (речь шла о казненных революционерах и контрреволюционерах 1793 г.). В тех страшных условиях все буржуа, начиная с царских слуг, готовы были к убийству милли-

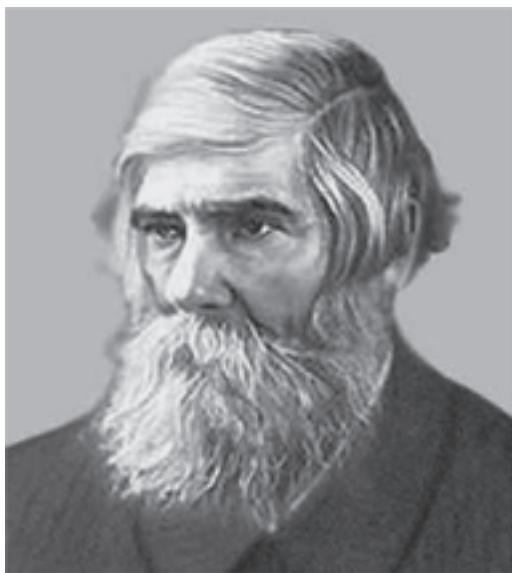
Великая Французская революция. Террор

онов людей (преспокойно ввергая людей в бойню). И народ нанёс ответный удар! Почему требуют от него белизны ангела в действиях против дьявола!

Говорят, то был безумный мир, порождавший убийц, склонных к суициду людей... Но таковым он стал задолго до прихода к власти большевиков. Вспомните апологию террора эсеров в начале XX в. Большая часть головки партии, её разящего острия составляли евреи. Безусловно, свои поступки они мотивировали благородными и высокими мотивами. Лозунгом партии эсеров были слова немецкого философа И.Г. Фихте «в борьбе обретёшь ты право своё». Они подчёркивали: «Мы боремся за жизнь, за право на неё для всех людей, Террористический акт есть акт, прямо противоположный самоубийству — это, наоборот, утверждение жизни, высочайшее проявление ее закона». Таким образом, право на политическое убийство получало, — пишет О.В. Будницкий, — философское обоснование и, исходя из вышеприведенных моральных оценок, можно было утверждать, что террористы, «бравшиеся за страшное оружие убийства — кинжал, револьвер, динамит — были в русской революции не только чистой воды романтиками и идеалистами, но и людьми наибольшей моральной чуткости!» Однако гораздо страшнее был тот обыденный террор, что вершился в России и раньше, а в особенности с началом XX века. Если вспомнить книгу А. Весёлого о Гражданской войне — «Россия, кровью умытая», то матушка-Русь только это и делала, что умывалась кровью.

Закон жизни есть борьба. С этим трудно не согласиться, но когда эта борьба вышла за границы отдельных актов насилия, когда она вовлекла в страшный кровавый круг миллионы людей, можно себе представить, что произошло и что должно было произойти. Идея насилия давно уже жила в «свято-звериной» душе народа. А затем она распространилась и на интеллигенцию. «Терроризм, несмотря на то, что подсчеты историков показывают рост среди террористов числа рабочих и крестьян, остался преимущественно орудием борьбы интеллигенции, по крайней мере до начала первой русской революции. Наиболее политически значимые и сложные теракты осуществляли по-прежнему интеллигенты; более того, почти все наиболее громкие теракты начала века были подготовлены и исполнены бывшими студентами. Убийцы министров Д.С. Сипягина, В.К. Плеве, вел. кн. Сергея Александровича С.В. Балмашев, Е.С. Созонов, И.П. Каляев были бывшими студентами, так же как и возглавлявшие подготовку этих терактов Б.В. Савинков и М.И. Швейцер».

И всё же подло и гнусно говорить о терроре революционеров — и умалчивать о терроре правящих классов. Те веками, тысячами гробили, гробят целые поколения людей в войнах! И молчит поганая буржуазная наука об этом! Ни гу-гу!!! После двух войн, двух революций число террористов (идейных или клинических) и в России неизбежно должно было возрасти тысячекратно. Сами по себе 5—6 лет войны, сначала мировой, а затем гражданской, конечно, приводили людей в полудикое, невменяемое состояние... Писатель Е. Чириков выпустил в 1919 г. книгу «Народ и революция» — в Ростове-на-Дону, ещё «при Деникине»... Он утверждал, что в основе проявлений террора и насилия якобы лежали чрезмерная возбудимость народа, склонность к садизму и т.п. Любопытно, что книгой заинтересовался Ленин, сделав приписку на обложке: «Особая полка: «белогвардейская литература». Он стал собирать белоэмигрантскую литературу, называя таковую «зеркалом идейной жизни» (хотя, конечно же, по ту сторону баррикад). Вряд ли такие поверхностные объяснения всё разъясняют в этом вопросе. Жестокость охватила и затопила все страны и народы.

В.М. Бехтерев

Вот и немецкий генерал, откликаясь на состояние умов и душ в годы мировой войны, записал в дневнике: «Такой войны ещё не было никогда, вероятно, больше не будет. Она ведётся со звериной яростью». Н. Гумилёв скажет о том же — языком поэзии: «в каждом дьявольская половина радуется, что она сильна». А может быть прав был Мефистофель у Гёте, сказав: «Но нет свирепей ничего междоусобных старых споров: здесь безрассудства торжество...»

Как-то выдающийся русский психолог В.М. Бехтерев, говоря о «психике простейших», писал: «большое значение имеет выяснение вопроса о том, проявляют ли психическую деятельность простейшие организмы, лишенные нервной системы». Другие же именитые психологи сходились во мнении, что многочисленные типы простейших организмов, не исключая инфузорий, представляют собой «не что иное, как бездушные механизмы, отличающиеся от обыкновенных машин лишь большей сложностью строения». Некоторые, правда, высмеивали подобные утверждения... Так, А.М. Деборин утверждал: «Чистейшей мистикой является утверждение, что значительная часть знания является общеобязательной для всех проявлений жизни, т. е. вплоть до Infusoria. Но столь же неверно это утверждение в отношении всех времён и народов,

в отношении всякого человеческого сознания». Полагаю, что в этом споре скорее всего был прав В.И. Вернадский... Чем жёстче и проще границы жизни и смерти, чем ближе подходит человек к смерти, тем более в нём от обычной инфузории!

Невозможно указать точную дату начала красного террора в Советской России. Возможно, таковой можно назвать день покушения на Ленина и переход реальной власти в Кремле к Якову Свердлову. Покушение на Ленина было использовано для организации массовых политических репрессий, вошедших в историю под названием «красный террор». Свердлов готовился к этой акции ещё с июня 1918 г., когда он создал при ВЦИК свой собственный карательный орган — Верховный революционный трибунал. Теперь же к услугам Свердлова стал и более совершенный инструмент — ВЧК. «С его помощью он и устроил репрессии, которые не шли ни в какое сравнение со сталинскими». Сегодня даже трудно назвать точную цифру тех жертв, поскольку никакого учёта и контроля тогда не велось, а расправа осуществлялась в соответствии с принципом «революционного правосознания». Безжалостно уничтожали представителей целых социальных слоев — предпринимателей, священников, дворян, чиновников, офицеров и т.п. Жестокость свердловского руководства потрясла даже радикальных коммунистов, ранее не замеченных ни в какой сентиментальности.

Хотя в широком плане такое озверение стало следствием того, что люд был ввергнут в постоянную бойню, начиная с русско-китайской, Русско-японской, русско-германской и, наконец, с Гражданской войн. В этих условиях не приходится особо удивляться тому обстоятельству, что обычные люди «преступают все законы, переходят все черты». Подтверждением того, что чудовищный психоз террора охватил значительную часть населения России, служат мемуары. Вот что писала сидевшая в женском корпусе тюрьмы бывшая пассия Колчака, А.В. Тимирева, говоря о судьбах узников большевиков, о судьбах белых офицеров в 1921—1922 гг.: «Гражданская война кончилась. Многие заключенные получали сроки — максимальный был тогда 5 лет. И вдруг нача-

Жертвы «белого» террора

лись расстрелы — по 40, 80, 120 человек зараз... Люди, примирившиеся с приговором, поняли, что терять им нечего: среди бела дня человек десять бросились на вышку с часовым, перемахнули через забор и бросились бежать. Всех, конечно, перестреляли. Ушел только один. Долго под нашими окнами лежал убитый». Бежавшим был В.Л. Дуганов, мещанин и полковник, уроженец Саратова, 29 лет. Вскоре ушедший от рук палачей полковник собрал отряд повстанцев и стал вместе с А.Г. Черепановым безжалостно уничтожать коммунистов и всех им сочувствующих. Так, у села Бирюльки отряд Черепанова уничтожил, вплоть до последнего, Верхоленский отряд ЧОНа во главе с А.Д. Мишариным. Соединившись с группой Дуганова, объединенный отряд белых повстанцев в деревне Коркино расстрелял 2 человек, в Заплескино —

Могила замученного белыми красного бойца

1, в селе Петрово ранил начальника почты большевика Скубилина... и зарубил его жену, в селе Воробьево убили председателя ревкома Н. Тюменцева, в деревне Келор — молодого учителя, комсомольца И. Аксаметова. В село Керам отряд белых вошел под видом красных, с красными повязками — и созвал «партсобрание»... Затем всех собравшихся активистов арестовали, а ночью всех вывели по одному и тут же умертвили (ударом топора по голове). Так убили 16 человек, недавно вступивших в РКП(б). Выйдя в Баргузинский уезд, отряд Дуганова убил учительницу села Нижнеангарск, крестьянина села Верхнеангарск, члена РКП(б) Бибая, сотрудников Баргузинского ГПУ Малыгина и Горбенко, председателя волостного ревкома Хорошего и секретаря Лазовского. Житель г. Баргузина М. Винокур писал: «Банда Дуганова проходила. Много дел натворили, особенно в Нижнеангарске. Собрались молодые ребята на подмогу... Лазовского, Дуберштейна убили, много евреев. Тут целую семью вырезали и ушли. Ну, наши их догнать не смогли». И таких сцен по всей России — тысячи.

Или же вспомним действия белогвардейского атамана Анненкова... Адмирал Колчак произвёл 30-летнего Анненкова в генералы и назначил «командующим отдельной Семиреченской армией». Когда в сентябре 1918 г. крестьяне Славгородского уезда Омской губернии, недовольные мобилизацией в белую армию, крайне возмущенные репрессиями белых, восстали и очистили г. Славгород от белых, Омское Временное правительство в лице «военного министра» П.П. Иванова-Ринова (бывшего жандарма) поручило

Анненкову ликвидировать мятеж. Его банды заняли город. В первый день убили 500 человек. Захваченных делегатов крестьянского уездного съезда тот приказал изрубить на площади против Народного дома и здесь же закопать (87 человек). Анненковцы принялись жечь сёла и деревни. Деревня Чёрный Дол сожжена дотла. Крестьян, их жён и даже детей били, расстреливали, вешали на столбах. Крестьян любого пола и возраста сначала пороли, потом убивали. «И как казнили! — рассказывал очевидец этих событий Блохин. — Вырывали живым глаза, вырывали языки, снимали полосы (кожи) на спине, живых закапывали в землю». Другой свидетель, Голубев, показывал: «Привязывали к конским хвостам верёвкой за шею, пускали лошадь во весь опор и таким образом убивали насмерть». Молодых девушек из города и ближайших деревень насиловали в поезде Анненкова, в его «вагоне смерти», а затем убивали. В селе Знаменка вырезали почти всё население. Степь вся была усеяна обезглавленными трупами крестьян... На знамени анненковцев был начертан девиз «С нами бог!» Такой же был и на ремнях гитлеровцев... И этот строй, этих «рыцарей» Белой России, вы, подонки нынешней буржуазии, ещё смеее называть «святым» и «демократичным»? Мразавцы вы, господа!

А чтобы стали очевиднее классово-финансовые корни интересов тех или иных групп населения в России, добавим, что «святое и боголюбивое» воинство анненковцев (все эти «чёрные гусары», «голубые уланы», «кирасиры» и проч.) формировалось за счёт грабежей и пожертвований буржуазии и казачьей верхушки. Так, семипалатинские торговцы и промышленники дали Анненкову 2,5 миллиона рублей на формирование отряда... Точно также сегодня олигархи и враги России за рубежом выделяют немалые средства на все наши «демократические оппозиции» и телевизионные каналы, на профессоров и писателей, не вылезающих из-за рубежа, там и откормляющихся. Враги нашего народа и финансируют псевдоисторию, псевдокультуру, псевдонауку.

Гражданская война в России — апофеоз смерти! У поэта В. Ива-

Жертвы «белого» террора

нова есть метафора: «Не ведают, что Смерть — кровосмеситель». В расход с равным рвением пускали что белых, что красных, т.е. «смешивали» кровь. Романтическая интеллигенция, не знавшая народа, полагала, что сможет стать духовным вождем и лидером нации. Но в такие времена нужны, увы, не поэты, а палачи... Иванов в наивном экстазе написал («Палачи», 1905):

*В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Истлеет древко топора,
Не будет палача для казни.
И просвещённые сердца
Извергнут чёрную отраву
И вашу славу и державу
Возненавидят до конца...*

Увы, лезвие топора не только не истлело, но работало с удвоенной энергией. Недостатка не было и в палачах. В стране число деклассированных элементов превысило все возможные и невозможные пределы. И тем не менее не надо забывать, что только та революция чего-то и стоит, которая умеет защищаться! Если народ выпускает из своих рук оружие защиты в виде расстрела убийц, крупных воров, коррупционеров, предателей Родины, он остается совершенно беззащитным. Красные убивали бандитов, грабителей, убийц, заговорщиков, террористов, выступивших с оружием в руках против Советской власти. А потому тогда с классовыми врагами не церемонились. Бандитов кончали быстро и сразу. Без всяких присяжных заседателей или же продажных адвокатов... Вспомните хотя бы рассказ И. Бабеля об одесском бандите Фроиме Граче, который был известен как «глава сорока тысяч одесских воров». Подручные его на-

лым образом вывезли «мануфактуру из всех лавок, расположенных на Александровском проспекте». Затем уркаганы взялись за Общество взаимного кредита. Они входили в банк и под дулом нагана приказывали снести в автомобиль тюки с деньгами и ценностями... Красные расстреляли «рыжего Фроима», всадив в него «десять зарядов», а его подручных, как жаловался один из них, давили, «как собак в яме». Так и надо — кончать эту мразь сразу в полном составе!

Очевидно, что ни о какой идеализации народных масс, вовлеченных в мировую и гражданскую войну, когда речь идет о жизни и смерти, не могло быть и речи. Ведь война (особенно, гражданская) — это всегда Голгофа! Война в любом случае не обходится без нарушения законов права и морали, тем более если речь идет о войне гражданской. Гражданская война — самая свирепая из войн. Это поняли и многие эмигранты из России. В.М. Маклаков признавал: «В жизни государства бывают моменты, в которых поневоле забывают «права» и «законы». Таковы внешние и гражданские войны: *inter arma silent leges* (лат. — во время войны музы молчат) — учили римляне. Но если в эти эпохи всё становится допустимым, то только потому, что над воюющими сторонами тогда нет (никакой) высшей инстанции, нет обязательных правил, имеющих какую-то реальную защиту. Без такой защиты и законы, и самые торжественные договоры бессильны» (30-е гг.).

«Террор стал порождением орудием дьявола!» — сказал бы поэт. Историк обязан трезво, с хладной головой признать: террор — это орудие, к которому прибегают в жесточайшей борьбе классовых сил в равной мере все противоборствующие стороны. Гражданская война в России 1918—

Расстрел бандитов в Советской России

Возмездие трудового народа

1921 г. перевернёт все представления о добре и зле. Можно понять чувства Н. Бердяева, восклицавшего: «Я не признаю принципа суверенитета народа. Но безумно было бы игнорировать духовное состояние народа». Конечно, состояние было ужасным.

С началом гражданской войны спорадические вспышки слепой ярости примут в России просто чудовищный характер. Вспомним опять же слова Бердяева о «хулиганстве интеллигентной молодежи и народных масс», о «третьем элементе», что стал «бродилом русской революции, душой её», который наложил свою печать на всё революционное движение в России. Главари же и руководители социал-демократов и социалистов-революционеров составлены в основном из «третьего элемента», материально и духовно пролетаризованной интеллигенции. Сей элемент, писал Бердяев, «очень нетерпим», «к власти не призван», «решить судьбы России не способен». Все «элементы» были хороши. Покушение на вождя мировой революции Ленина, усиление накала Гражданской войны изменили ситуацию, причём в наихудшую сторону... Петербургская «Красная газета» писала тогда по поводу покушения на вождя: «Сотня-

ми будем мы убивать врагов. Пусть будут это тысячи, пусть они захлебнутся в собственной крови. За кровь Ленина и Урицкого пусть прольются потоки крови — больше крови, столько, сколько возможно», «Пролетариат ответит на поранение Ленина так, — писали «Известия», — что вся буржуазия содрогнётся от ужаса». «Если мы вспомним крылатую фразу Ленина: пусть 90 % русского народа погибнет, лишь бы 10 % дожили до мировой революции, — то мы поймём, в каких формах рисовало воображение коммунистов эту красную месть», — пишет С. Мельгунов в «Красном терроре в России». Сомневаюсь, что Ленин произнёс когда-то подобную фразу, но кровавый счёт могут предъявить друг другу, разумеется, обе стороны. Ужасная статистика. Когда в Англии опубликовали данные о 138 тысячах людей, расстрелянных большевиками в России, «Правда» написала 20 марта 1919 г.: «было бы действительно ужасно, если бы это была правда». И далее С.П. Мельгунов продолжал: «Однако цифра, которая кажется столь фантастичной большевистским публицистам, в действительности даёт лишь бледное представление о том, что происходило в России». Ныне живущим это даже, видимо, трудно представить!

И в самом деле, смерть становилась в Советской России столь обыденным явлением, что для иных казнь нескольких человек выглядела как мелочь, о которой не стоило и упоминать. В дальнейшем увидим сотни и тысячи случаев невероятных жестокостей, злобы, когда «человек, созданный Французской революцией в 1789 году, превратился во время русской смуты, порождённой всемирной войной, опять в состояние обезьяны» (М.М. Пришвин). Деятельность правительства в сфере наказаний большевики начали с отмены смертной казни... Так, 28 октября 1917 г. «Известия» заявили: «Всероссийский съезд советов постановил: восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется». Не стоит воспринимать слова чекиста и историкографа ВЧК Лациса («Два года борьбы на внутреннем фронте») всерьёз, что якобы в границах тогдашней советской России (20 центральных губерний) за первую половину 1918 г. расстреляно ЧК всего 22 человека. Мол, всюду царили тишь, гладь и

THE LENIN BOYS POSE FOR THEIR PHOTOGRAPH WITH THEIR VICTIM

Звериный лик войны

божья благодать. Однако правда то, что до мая 1918 г. ЧК не выносит смертных приговоров, а число убитых контрреволюционерами партийных и советских работников за то же время шло на многие сотни. Волна заговоров и самый «необузданный белый террор со стороны контрреволюционной буржуазии» потребовали от Советской власти решительных мер. В трибуналах первой эпохи октябрьской революции, в целом «либеральных» (по сравнению с тем, что увидим позднее), террор хотя и имел место, но был всё же щадящим, а официальный террор ещё не применялся. Это сдерживало дикие и кровавые инстинкты масс. Например, в январе 1918 г. Совет народных комиссаров приказал всех сопротивляющихся мобилизации на трудовой фронт «буржуев» и контрреволюционных агитаторов «расстреливать на месте преступления», включая бегущих на Дон «для поступления в контрреволюционные войска». Расстреливали агентов, убийц, заговорщиков, грабителей, насильников, хулиганов, проституток, пьяниц. Казнили саботажников, мешочников, отказавшихся платить контрибуцию «буржуев» (комиссары обложили г. Змиев контри-

Жестокость

буцией и угрожали виновных утопить «с камнем на шее в Днестре»). Пример им подали в центре. После взятия Зимнего сбросили в воду и добили помощника военного министра князя Туманова. Как скажет один из героев романа Шолохова «Тихий Дон», «подешевел человек за революцию».

В Киеве местною радиостанцией было перехвачено сообщение, адресованное из Москвы посланнику Иоффе в Берлин, где утверждалось: «До покушения на Ленина никто не был расстрелян. В Москве 5 сентября расстреляно только 25 главных реакционеров: бывший министр внутренних дел Хвостов, бывший министр юстиции Щегловитов, бывший директор Департамента полиции Белецкий, священник Восторгов, помощник тайной полиции. После покушения на Ленина в г. Курске приказано было произвести массовые расстрелы и аресты. Расстрелян предводитель дворянства Офросимов, бывший член Государственной думы Шетохин, председатель Биржевого комитета Сапунов, член землеустроительной комиссии Кругликов. Особенный террор проявлен в отношении полицейских чинов»... Тогда же у Нижнего Новгорода по приказу Л. Троцкого на Волге была расстреляна орудийным огнем и пулемётами баржа, шедшая вверх по реке с беженцами из Самары. На барже находилось множество женщин и детей. Пощады не было никому... Пытавшихся спастись вплавь красноармейцы расстреливали с берега ружейными залпами. Крики добываемых женщин и вопли несчастных детей более часа оглашали реку. Там было погублено свыше 450 человек. «Советская власть не желала принимать в Совдепию лишних нахлебников». Все упомянутые расстрелы имели место в 1918 г. Конечно, вызывает некоторое сомнение то, что расстрелу подвергались женщины и дети. Хотя часто в жернова террора попадали просто невинные люди. Зная масштабы и накал озверения с обеих сторон, согласимся, можно поверить даже в «немыслимое». Есть масса свидетельства, что людей жгли в домах и сараях, вешали, распинали, рубили головы топором, привязывали голыми к деревьям на съедение гнусу, пытали кипятком, на морозе голыми обращали в ледяные статуи, засекали до смерти, рубили шашками, расстреливали из пулеметов у свежевырытых

(ими же) могили, насиловали и грабили. Екатеринодарская ЧК: «Жертва растягивается на полу застенка. Двое дюжих чекистов тянут за голову, а двое за плечи, растягивая таким путем мускулы шеи, по которой в это время пятый чекист бьёт тупым железным орудием, чаще всего рукояткой нагана или браунинга. Шея вздувается, изо рта и носа идёт кровь....В одиночной камере истязали учительницу Домбровскую за то, что нашли у неё чемодан с офицерскими вещами, оставленные случайно проезжавшим офицером, её родственником... Её предварительно изнасиловали, а потом пытали. Насиловали по старшинству чина. ...После её подвергли пыткам, допытывались, где у неё якобы спрятано золото. Сначала у голой надрезали тело ножом, затем железными щипцами, плоскогубцами отдавливали конечности пальцев... вечером расстреляли». Газета «Общее дело»: «В Симферополе применяют новый вид пытки, устраивая клизмы из битого стекла, и ставят горящие свечи под половые органы. В Царичине имели обыкновение ставить пытаемого на раскаленную сковородку...» Жизнь тогда казалась вещью более абсурдной, чем смерть. В Киеве когда солдаты Деникина явились 15 августа 1919 г. на Садовую 5, где помещалась одна из киевских чрезвычайок, то они обнаружили в огромном сарае усадьбы густую желтую липкую массу, по-

дымавшуюся от пола до верху выше чем на аршин. Здесь, в этом сарае, несчастные жертвы не расстреливались из ружей и револьверов, как в других местах, а «убивались ударами тяжелых молотов по голове, причём от этих ударов мозг вываливался на асфальтовый пол сарая». Бежать было невозможно, ибо город был оцеплен кордоном. «Познали люди, что значит умирать от страха... Многие действительно умирали; но ещё больше сходило с ума. В этот разгар царившей в Киеве вакханалии погибли от руки палачей едва ли не все лучшие люди города и среди них знаменитые профессора Киевского университета П. Армашевский и Ю. Флоринский, причём первый, как говорили, был зарыт в могилу живым, подвергшись предварительно жесточайшим пыткам и мучениям». Самые страшные войны — войны идейные, религиозные, классовые, ибо только убеждение своей правоты позволяет людям забыть в себе всё человеческое. «Самые страшные люди — это люди, одержимые страхом».

Гражданские войны ведутся по своим правилам и законам, порождая такую взаимную жестокость, такое извращённое коварство и равнодушие к жизни, о которых мы давным-давно забыли или читали о том лишь в романах и исторических хрониках. «Тем страшнее и сложнее нам осознать, что по две стороны баррикад оказались две на-

Террор белых

циональные народные армии, части расколовшегося большого и великого народа с богатой культурой и историей, одна из которых должна была погибнуть в непримиримой войне». В Гражданку террор, конечно, не был монополией только красных. Белые армии прибегали к тем же методам возмездия в отношении противника. Говорят, поначалу белые старались держаться правовых норм, а руководство белых официально не призывало к террору, расстрелам и взятию заложников. Но так ли это?! Разумеется, нет. И в Белой армии, ясное дело, не удавалось избежать насилия и преступлений. Активный участник Белого движения, П.Д. Долгоруков вспоминал, как во время отступления белых везде слышны были призывы в убийственном духе: «Вперед, родные, не считайте трупы!» (И. Бунин) Жуткие картины можно наблюдать и после победы сил контрреволюции в Ярославле, Муроме, Рыбинске... После захвата части города белыми руководители восстания развязали кровавый и беспощадный террор против красных. Эсеры осуществляли зверскую расправу над советскими партийными работниками. В муках погиб комиссар военного округа С. Нахимсон, председатель исполкома городского совета Д. Закийм. 200 арестованных были свезены на «баржу смерти», стоявшую на якоре посередине Волги... «Триумфаторы» Белого движения оставляли после себя трупы сотен расстрелянных, руины, пожарища. Такая же картина наблюдалась в других волжских городах. Деникин признавал: «Добровольчество не смогло сохранить свои белые ризы. Наряду с исповедниками, героями, мучениками белой идеи были стяжатели и душегубы...». Когда идеолог белых Шульгин увидел этих большевизированных Рюриковичей и понял, что, быть может, даже «последний отпрыск тысячелетнего русского рода прежде, чем бестрепетно умереть за русский народ, стал воров» и убийцей, и что «голубая кровь» ничуть не лучше «красной», мужицко-пролетарской, он делает вывод: бедствие всеобщее и Белое дело погибло. Лидер земского либерального движения, один из основателей Союза Освобождения описал те сцены, свидетелями коих являлся: «Раз мы с Новгородцевым около вокзала натолкнулись на толпу, окружающую только что вздёрнутого человека. Спраши-

ваю кого-то: за что? «Говорят, за спекуляцию; дорого продавал офицерам». Вероятно, это был уличный разносчик... Был ли вообще суд? Если вешались по суду, то почему трупы висели по всему городу?.. Творились ли зверства в Добрармии? Конечно да. Трудно, почти невозможно облагородить и регулярную войну, худшую из войн. Наряду с героизмом развращение, особенно юношества, огромное. Я сам слышал, как юный доброволец, почти мальчик, товарищ моего племянника, рассказывал, как они приканчивали шашками раненых большевиков: «Вжи, вжи, раздавалось только». Может быть, это было так, а может быть, он только хвастался, но и хвастовство это было отвратительно». Говорить же, чьи зверства были более «звериными» вряд ли имеет смысл. Хотя каждая из борющихся сторон, разумеется, предпочла расписывать зверства и террор противной стороны.

Защитники буржуазии, капиталистических воротил, что скрываются обычно за маской белых патриотов и демократов, будут уверять, что было другое Белое движение, интеллигентно-утонченное, так сказать *comme il faut* (франц. — порядочное и приличное). Видимо, было. Но вот и иной пример... Журнал «Звезда» (2000, № 1) опубликовал путевой дневник А.А. Эйлера, занимавшего должность при администрации деникинской Добровольческой армии. Тот писал: «Познакомился с приехавшим к губернатору из Актюбинска уездным начальником Актюбинского уезда полковником Кожиным. Бывший жандармский офицер, грубый и цинично жестокий человек. В частных разговорах проявляет несомненные наклонности к садизму, рассказывая, как утонченно жестоко он мучал большевиков на фронте, закапывая их живыми в землю и вставляя им в задний проход раскалённые шомполы. Политику Добрармии, не стеснясь, ругает, считая её «дерьмократией». Оригинальные, право же, предтечи у нынешних державных гг. монархистов и либералов! Поразителен контраст двух начальников уезда: Леонтовича и Кожина... Если верить Эйлеру, контраст и правда имел место: «Казачий полковник Леонтович. Впечатление: энергичный и деятельный администратор, понимающий законность и гражданский порядок». Прекрасно. Но как именно сей энергичный и дея-

тельный администратор понимает законность? А это видно уже из следующего абзаца: «При въезде в город стоит виселица. Но людей вешают и на городском бульваре — в центре города, за что на днях был отстранён от должности прапорщик, приводивший в исполнение приговор полевого суда...» Уточним — прапорщик был отстранён не за расправу над пленным, а за недостаток «эстетических чувств». Подумать только: бульвар в «освобожденном» белыми городке, под ручку, туда и сюда, фланируют разодетые дамы и господа — а тут... гнусная большевистская чернь (пусть после смерти) смеет осквернять затрапезным видом променада благородного общества! Фу... Как неэстетично! «Королева играла в старом замке Шопена, и, внимая Шопену, целовал её паж...»

Тема массовых расправ всплывает не раз. «Получил от Городской и Земской Управ удручающий материал, подтверждённый и начальником уезда, о деятельности полковника Мшанецкого, штаб-ротмистра Литвина и хорунжего Голубинцева. После-

дних двух уже в городе нет. Штаб-ротмистр Литвин через 2 $\frac{1}{2}$ месяца после занятия Св. Креста Доббармией среди белого дня в центре города расстрелял 60 больных красноармейцев, взятых им из госпиталя вопреки протестам персонала, не имея ни приказа об этом, ни приговора суда. Недострелянные ползали по городу и залезали в частные дома. Начальником уезда произведено форменное дознание, которое доставлено к прокурору. Полк. Мшанецкий, помимо совершенно невероятных действий, вешал людей на бульварах и уличных фонарях...» Что же это за невероятные действия, о которых Эйлер побоялся рассказать даже в личном дневнике? Что-то подобное утонченным развлечениями полковника Кожина? Возможно. Кстати, самым «гнусным большевистским злодеянием», описанным вышеупомянутым Эйлером, явилось... разорение местной школы. Книжки порвали, стекла побили, намусорили — есть тут над чем повздыхать утонченному интеллигенту. Одним словом — чернь! Как таких не вздернуть... И уже в 20-х годах бывший белый генерал Сахаров, находясь в эмиграции в Германии, напишет в своей книге: «Белое движение было даже не предтечей фашизма, а чистым проявлением его». Возможно, если угодно, умиляться по поводу того, что, вон, сын крепостного крестьянина, Деникин, выступил на стороне монархии и Белого движения. Хотя он и признавался жене (в разгар громких побед его армии!): «Русский народ снизу доверху пал так низко, что не знаю, когда ему удастся подняться из грязи. Помощи в этом деле ниоткуда не вижу». Пессимистичное умозаключение...

«Знаете ли вы, что такое террор? О, это гораздо интереснее, чем украинская ночь!» — заметил Ю. Олеша. Один из наиболее значительных погромов произошёл на Украине в г. Фастов. 9 сентября 1919 г. в Фастов после короткого обстрела неожиданно ворвались из-за Ирпеня части Красной армии, выбив из города части войск Киевской области генерала А. Драгомирова. И хотя те не входили в состав Добровольческой армии, местное население, мемуаристы, а позже и авторы ряда книг о погромах воспринимали их именно как Добровольческую армию и нередко называли их офицеров, солдат и казаков «добровольцами». 10 сентября 2-я Терская пластунская

За единую Россию

бригада и Волчанский партизанский отряд вытеснили красных обратно за реку. Несколькими днями шла «орудийная канонада»: красные обстреливали город, белые из города — красных. «Эта орудийная канонада продолжалась дня 2—3, то стихая, то временами вновь усиливаясь». Именно в эти дни чины казачьей бригады и Волчанского отряда осуществили погром: громившие оправдывали свои действия слухами о том, что еврейское население содействовало ворвавшимся в город большевикам. В первые два дня осуществлялись грабежи с отдельными ночными убийствами. На третий день (12 сентября) терцы и волчанцы уже открыто чинили погром, грабили, убивали и поджигали дома. Они убивали и сжигали дома, в частности, для того, чтобы замести следы своих дел в предшествующие дни. Большинство офицеров Добровольческой армии считали, что для ареста еврея вовсе не нужно никаких оснований («...для жидов никаких оснований не требуется»). Причина такого к ним отношения в глубоко укоренившемся мнении, что все руководители советской власти — евреи. Поэтому когда белогвардейцы входили в то или иное местечко или в город, они паспортов не спрашивали, а брали «по физиономии». По свидетельству современников, в Ельце казаки из корпуса К. Мамонтова в течение шести дней пребывания в городе «почти... не искали и не громили коммунистов. Казаки искали только жидов». Погромы добровольцев носили дикий характер: массовые изнасилования женщин; особая жесто-

кость, пытки; разрушительность, искоренение целых общин (Н. Штиф). В 1918—1920 гг. в России зарегистрировано более 2 тыс. погромов. Разгромили 819 еврейских поселения (40 — уничтожили), убито 33398 человек, и ранено — 9942. Антисемитизм был живуч... В погромах нередко участвовали и русские, когда, как писал М. Горький, «добродушный русский человек вколачивал гвозди в черепа евреев Киева, Кишинева и других городов». Сцены обыденны, и не только в отношении евреев. Обе стороны гробили русских людей сотнями тысяч... На Украине, на юге, в Сибири, повсюду. Но мир молчит, ни слова о геноциде русского народа, который, похоже, так и не прекращался.

Пережив множество петлюровских погромов и выстрадав от красноармейских погромов и бесчинств ЧК, евреи надеялись видеть в Добровольческой армии избавителя, оплот «права и порядка». Во многих городах и местечках при приближении Добровольческих частей еврейские делегации выходили к ним навстречу с хлебом-солью, со всякими подношениями и даже изъявлениями неподдельной радости. «Известные круги еврейского населения, принадлежавшие к торгово-промышленному и посредническому классу, склонны были после советского коммунистического режима видеть во власти Добровольческой армии свой режим, несущий с собой начала незыблемой частной собственности и свободной торговли», — писал очевидец. И продолжал: «Погромы возникают по почину воинских частей и выполняются почти исклю-

чительно силами этих последних: Добровольческая армия монополизировала погромное дело... Массовое изнасилование еврейских женщин является самой резкой чертой, отличающей погромы Добровольческой армии от всех предшествующих... Массовое изнасилование имеет место решительно везде, даже при «тихих» погромах и в крупных центрах (в Екатеринославе называют цифру не менее 1000 еврейских женщин). В местечках количество изнасилованных исчисляется сотнями, доходя до половины и больше всего еврейского женского

М. Маймон. После погрома

населения... Это делалось открыто, на глазах у мужей, братьев, родителей, посторонних; не щадили ни возраст, ни состояние здоровья. Повсюду эти ужасы касались как малолетних детей (от 8 лет), так и глубоких старух... В Корсуні (Киевская губ.) зарегистрировано два случая изнасилования 70-летних старух, то же и в Россаве (случай изнасилования 75-летней старухи на глазах у мужа и дочери), в Томашполе и в других местах. В Кременчуге шестью казаками изнасилована больная возвратным тифом, в Корсуні — агонизировавшая женщина, которая тут же скончалась. В Нежине, Россаве изнасилованы родильницы, только что перенесшие роды, в Прилуках — беременные женщины... Еврейские девушки и женщины массами уводятся из домов родных, чтобы никогда больше не возвратиться туда, выталкиваются из вагонов. Большинство жертв заражено самыми отвратительными венерическими болезнями. Многие жертвы насилия убивались тут же, иные лишались рассудка, другие вымаливали себе, как милость, смерть, предпочитая её позору, много жертв кровью принесло еврейское население, мужественно, но безнадежно защищая родных от позора». Надо ли говорить, что такой же ужас испытало всё население России, вне зависимости от национальной окраски. Нет смысла тут и спорить, «кто сделал отчизну добычей худших бед и преступлений»!

Историк Г. Ипполитов, биограф Деникина, ввел в научный оборот документ, специально составленный для главкома ВСЮР Управлением генерал-квартирмейстера

Похороны жертв Проскуровского погрома, 1919 г.

доклад о еврейских погромах за сентябрь (по старому стилю) 1919 г. Согласно докладу, за весь сентябрь чинами ВСЮР было изнасиловано 138 еврейских женщин, в том числе девочки 10—12 лет, и убито 224 еврея. В массе убитых русских это, разумеется, капля в море, но так или иначе ясно, что белые никакие не освободители. И они переняли приёмы банд, терроризировавших мирное население: мародерствовали, грабили, расстреливали крестьян, рабочих, евреев и т.д. Посему даже Ахматова, пережившая страшную трагедию гибели своего мужа, Н. Гумилёва в ЧК, вряд ли права, называя белогвардейцев «белы-рыцари», уверяя, что их полки ведёт сама Богородица. Богородица и даже сам Красный Господь (если только мы примем на веру, что все события мировой истории вершатся по Его воле) были всё же на стороне красных. Тем более, что Он не мог не ужаснуться, видя, что творят его глубоко «верующие» адепты.

Это восстанавливало против белых народ. И. Ильин скажет: «Для того чтобы одолеть революцию и возродить Россию, необходимо очистить души — во-первых, от революционности, а во-вторых, от черносотенства <...> Черносотенство есть противогосударственная, корыстная правизна в политике» (1926). Свирепствовали как белые, так и националисты. На Украине в июле 1919 г. зафиксировано 50 погромов. Евреев «заживо хоронили, бросали в воду, а если они пробовали всплыть, то их укладывали прикладами». Но поскольку задача вовсе не в том, чтобы нанизывать яркие (пусть даже жуткие) факты, словно дикий, вешающий себе на шею разного рода диковинки, надо бы объяснить корни явления. Что стояло за еврейскими погромами, поражавшими Россию, словно недород, эпидемия чумы или холеры. В определении власти как «жидовской» вкладывается двойной смысл: советская власть, во-первых, отвечает желаниям и интересам евреев, во-вторых, власть фактически находится в руках евреев. Свирепость же в отношении сей группы населения объяснялась тем, что крестьяне напрямую связывали режим большевиков в центре с властью еврейских комиссаров. Депутат Учредительного собрания С.С. Маслов, уже находясь в эмиграции, писал в начале 20-х гг.: «Распространенное выражение “жидовская власть”

Кровавый след террора

весьма часто в России, особенно на Украине и в бывшей черте оседлости, понимается не как зазорное определение власти, а как совершенно объективное определение её состава и её политики. Когда украинец-крестьянин называет свою гужевую и трудовую повинность “жидовской панщиной”, он выражает только свое искреннее убеждение, что панщина введена действительно евреями». Если же учесть вдобавок, что и немецкие оккупанты на Украине ставили еврея надсмотрщиком, на которого возлагалась ответственность за вывоз в Германию имущества, хлеба или скота, т.е. за ограбление Украины, то реакция масс украинского населения понятна. «Куда ни кинь, всюду еврейский клин!» — свирепели хохлы.

Отсюда реакция на эту власть на Украине. С легкой руки мужицких батек и казацких атаманов тогда даже пошло гулять понятие «коммунистический суп». «Несколько еврейских коммунистов заживо сварили в большом котле на центральной площади местечка и заставляли остальных евреев есть его содержимое». И где тут Бог?!

Правда, сионисты пытались найти поддержку у националистов в их борьбе против Советов. Чего стоит хотя бы их вояж к врагу евреев и «погромщику» Петлюре! Раввин Гутман на встрече с ним заявил: «Я даю клятву от всех еврейских святынь, что в верующей части еврейства нет места для большевизма». Раввин признавался Петлюре:

«Мы, сионисты, верим в большевизм меньше, чем кто-либо вообще». Но и это евреям не помогло. Среди жертв 900 массовых погромов 40 % — жертвы петлюровских отрядов и Директории, 25 % — жертвы украинских «батек», 17 % — погибли от рук деникинцев и 8,5 % — от конноармейцев Будённого. Герой романа А. Толстого еврей Левицкий говорит там: «Я получил известие, что Умань вырезана петлюровским атаманом и мой папашка погиб. Он плюнул в глаза атаману, и его мучительно зарубили шашками».

Отряды самообороны евреев, «еврейской милиции по борьбе с погромами», возникавшие в местечках и городах для защиты от

погромщиков — белогвардейцев, петлюровцев, различных банд, при вступлении в эти города и местечки Красной Армии почти в полном составе вливались в её ряды. Они «вливались» с большой охотой, и особенно, в руководящие эшелоны новой власти. Чекист Лацис в бытность властителем Киева заявлял: «Среди евреев 95 % процентов — жида, но вот оставшиеся 5 % нужны нам». Между прочим, и сегодня на Украине Петлюра и Винниченко в большой чести. Эти цифры там уже не вспоминают. Зато фашисты-националисты всюю раскручивают версию «Голодомора», в котором, конечно, были виноваты исключительно «жида и москаля».

Постоянная угроза жизни в результате антисемитизма, охватившего Россию, особенно в районе боевых действий, заставит евреев искать защиту у той власти, поддерживать ту власть и партию, которые объявили антисемитизм и погромщиков вне закона. Такой властью были Советы, несмотря на то, что отдельные части Красной Армии порой также грешили погромами. Но у большевиков привычки разделять людей по национальности не было. В этом плане любопытную сцену привел Ф. Раскольников в своей книге. Когда он после победы в Москве приехал на Пречистенку, в штаб Московского военного округа, между ним и командующим Мураловым состоялся разговор: «А, здравствуйте, товарищ, — необычайно приветливо встретил меня Н.И. — Вы — Раскольников-Рошаль?» — был его

КТО АНТИСЕМИТ?

ЭТО ТО АНЖА, ОТ ЗАЛОЖИ ЗОРИН,
ПЕЖИКО НАРЯЖИВАЮТ НА ОВЕР

Советский плакат против антисемитов

первый вопрос. Мне пришлось давать пояснения, что я только Раскольников, а Рашаль — это мой большой друг, с которым мы вместе работали в Кронштадте и в одинаковой мере подвергались неистовой травле буржуазной печати, сделавшей из нас братьев-близнецов» (Позже Сима Рашаль погибнет на Румынском фронте). Конечно, антисемиты были и среди большевиков. Красные устраивали еврейские погромы. Но до петлюровцев им было, конечно, далеко. Члены одной красной бригады вошли в Ново-Московск с лозунгом: «Бей жидов — спасай Россию». Погромщиков и гонителей евреев красные и ЧК зачастую расстреливали на месте. К примеру, член Военного совета 1-й Конной армии К. Ворошилов за погромы расформировал 6-ю дивизию Апанасенко, а 153 самых ярких погромщиков приказал расстрелять.

Возможно, иным богобоязненным, ранимым и чувствительным душам хотелось бы, что если непременно надо казнить православных христиан, то это должно быть как в мечтах героя Лескова: «чтобы это выходило не грубо, а для всех поучительно, и

им самым легко и душеполезно». Тот мечтал, чтоб казнь в России была не как у иностранцев, а «без всякого свирепства и обиды», так, словно сам Бог и покарал грешную душу... И всё-то было так хорошо у него расписано. «Таинство» делалось при особой церкви, выстроенной на особый манер. Казнить следовало за высокой стеною, «при самом умирительном пении», и чтобы «тут при казни были только одни самые избранные, а народ бы весь стоял на коленях вокруг за стеною и слушал пение, а как пение утихнет, так чтобы и шёл бы по домам, понимая, что «таинство кончилось». Но в реальной жизни всё было не так, всё иначе. «Было время безумных действий, время диких стихийных сил», — скажет Есенин. У Пришвина в дневнике 1919 г. читаем: «Иван Афанасьевич говорит, что во все времена во всех смутах была виновата интеллигенция, и самая вредная мысль её о том, что людьми можно управлять без насилия, без казни. — Да ведь это Христос не велел убивать. Убивать Христос не велел людей — это правда, но разбойников казнить он не запрещал. Виноваты все интеллигенты: Миллюков, Керенский и прочие, за свою вину они и провалились в Октябре, после них утвердилось властью тёмного русского народа по правилам царского режима. Нового ничего не вышло». Народ боролся по-своему и, конечно, по своим правилам.

Поражения белых на фронтах «открыли перед ними пропасть отчаяния». Понятно, что им на милосердие большевиков рассчитывать не приходилось. Убивали те и другие. Обречённость толкала на преступление... Как хладнокровно заметил перед расстрелом московский рабочий, попавший в плен к белым: «Да! В этой борьбе не может быть пощады». И хотя у белых не было организаций, подобных ЧК, ревтрибуналам или реввоенсоветам, и им присуща жестокость. В ноябре 1918 г. один из комендантов у генерала Краснова отдал приказ: «...всех арестованных рабочих повесить на главной улице и не снимать три дня» (Макеевка). На макеевских рудниках оставил несмыаемый и кровавый след «усмиритель Донбасса» есаул Чернецов. Попад в плен к красным, он падёт от шашки красного казака подхорунжего Подтёлкова. Потом в свою очередь схвачен и убит белыми Подтёлков. Такая вот кровавая карусель. Адмирал Колчак с лёг-

И. Бродский. Расстрел 26 бакинских комиссаров. 1925 г.

костью подписывал приказы о предании военно-полевому суду пленных из числа добровольно вступивших в Красную армию. Генерал Майковский проводил жестокие расправы с восставшими против Колчака деревнями в 1919 г. В Сибири создан ряд концлагерей для помещения в них всех, так или иначе сочувствовавших большевикам.

Свои убивали своих. Но в убийстве красных участвовали и англо-американские, французские, немецкие, японские, польские и прочие интервенты. Так, убили председателя Кемского Совета А. Каменева, членов исполкома Р. Вицупа, П. Малышева, командира Красной гвардии С. Ларионова и др. Англичане и эсеры возле Красноводска 20 сентября 1918 г. уничтожили 26 бакинских комиссаров (во главе с председателем Бакинского Совнаркома тов. Шаумяном). Руководил расправой начштаба английских экспедиционных войск в Закаспии капитан Р. Тиг-Джонс... В действительности, того расстрела, что запечатлен Бродским в его картине «Расстрел 26 бакинских комиссаров», сделанной по прямому указанию ЦК партии, не было. Все детали истории с расстрелом выдумали советские идеологи. Подлинная картина гибели 26 бакинских комиссаров была установлена комиссией ВЦИК РСФСР, которая специально с этой целью была послана из Москвы. Возглавлял её Вадим Афанасьевич Чайкин — эсер по партийной принадлежности. В эту же комиссию входила и большая группа высокопоставленных московских чекистов под руководством небезызвестного замест-

ителя председателя ВЧК Я. Петерса. Они-то и установили подлинную картину гибели комиссаров, составив подробный отчет. «Картина Бродского «Расстрел 26 бакинских комиссаров» исторически неверна, — написал тогда В.А. Чайкин. — Они не были расстреляны, а были обезглавлены. При этом непосредственным исполнителем казни являлся только один человек — туркмен, исполинской

силы богатырь. Этот туркмен один, своими собственными руками шашкой обезглавил всех». Безусловно, это нисколько не меняет самой сути чудовищного преступления, хотя и совершенного чужими руками. Конец этой истории также имел трагическое продолжение. По прибытии в Москву Чайкин написал книгу, которая не понравилась высшим руководителям страны. И 11 сентября 1941 г. В. Чайкин был расстрелян во дворе изолятора орловской тюрьмы, заодно с бывшим лидером партии левых эсеров М. Спиридоновой, другими противниками коммунистов. Все эти казни и расстрелы били по России и её судьбе... В Мерве белыми был расстрелян нарком труда Туркестанской Советской республики П. Полторацкий. Меж Владивостоком и Хабаровском курсировал «поезд смерти» атамана Калмы-

Казнь повешением «оживляет ландшафт»

Генерал Покровский

кова, в котором замучено 7 тыс. советских граждан. Платформы-виселицы курсируют по деникинскому Югу. Грабежи, казни, погромы сопровождали восстание Григорьева, Махно на Украине. Немало страданий несла населению Сибири и так называемая атаманщина.

«Белое движение было начато почти что святыми, а кончили его почти что разбойники», — признал позже «белый» идеолог В. Шульгин. По некоторым оценкам, за эти годы до 8 млн рабочих и крестьян подверглось репрессиям белогвардейцев и интервентов, 112 тысяч уничтожено или замучено в их тюрьмах. Зато нынче «демократические эсеты» охотно порассуждают о благородстве помыслов и идей Белого движения и даже не преминут упомянуть цикл стихов М. Цветаевой «Лебединый стан», посвященной Белому движению. Лебеди? Воронье...

Представление о них дают такие фигуры как Дроздовский и Покровский... В смелости им не

откажешь. За плечами у Покровского — Одесский кадетский корпус, Павловское военное училище и Петербургский политехнический институт (по классу авиации). Первый российский авиатор, пленивший в бою вражеский аэроплан. Но «интеллигент» Покровский был при этом ещё и настоящим садистом, имея привычку пороть женщин и детей. Генерал часто вешал тех, кто просто попадался под руку, весело бражничая — «с видом на виселицы». Любимой его шуткой были слова: «вид повешенного оживляет ландшафт». Кроме того, был и не чист на руку. Когда его назначают командующим Кавказской армией, меж Деникиным и Врангелем состоялся такой разговор. Врангель заметил, что у Покровского нет ни опыта, ни нужных знаний для занятия такого поста (за месяц стал генералом из капитана), и посоветовал дать тому в наштаба Зигеля, прекрасного офицера... Последовал ответ главнокомандующего Деникина: «Ну, прекрасно, по крайней мере, он не даст Покровскому обобрать армию как липку». Врангель горько резюмирует: «Жутким недоумением отозвались в душе моей слова Главнокомандующего». Расстрелы пленных стали обычным явлением, — признают сами же участники белого движения. Так, Н.В. Воронович описал сцену, когда в селе Сочинского округа каратели полковника Петрова расправились с крестьянами, симпатизировавшими «зелёным». Их полковник устроил пир и приказал расстрелять каж-

Расстрел

дого десятого крестьянина (на виду у родных, женщин, детей). Расстреливал их некий прапорщик Бельгийский, не вынимая изо рта папиросы... Один из 16-летних осужденных парнишек подбежал к офицеру, дал ему пощечину и, прежде чем его успели схватить, бросился с разбега в пропасть и разбился насмерть... Эта расправа, пишет автор, по своей кошмарной, чудовищной жестокости превосходила все расправы, учинённые до и после того добровольцами и большевиками в Сочинском округе. Петров впоследствии поплатился за своё зверство... Его взяло в плен Черноморское крестьянское ополчение в 1920 г., когда у селения Дагомыс его опознала одна женщина. Тут же сбежались вооружённые палками, топорами и скалками бабы (никого из мужчин там не было — все они находились на фронте); те бросились на конвой, отбили полковника Петрова, притащили его на место былой казни — и буквально разорвали на части. Это тоже «святое» белое воинство. Белые вызвали ненависть одновременно как красных, так и зелёных. И не удивительно, если вспомним о наличии у белых таких офицеров-добровольцев, что считали, что «для искоренения большевизма предстоит истребить всех рабочих старше 16 лет». И это ведь тоже правда... Но нынешним сторонникам белого воинства, в праведном гневном говорении о жестокости и бесчеловечности красных в отношении офицеров, травивших газом повстанцев-крестьян (Тухачевский, Троцкий и К), напомним о телеграмме полковника Коновалова (Деникинский штаб, 22 мая 1919 г.): «Необходимо просить англичан доставить в Керчь удушающих газов 50 тысяч килограммов» (в катакомбах там были партизаны).

Связывать это с приказом Корнилова не следует — тот, скорее всего, апокрифичен. «Есть сведения, что белые перестали брать пленных, заметив, что красные добивают раненых, пытаются и предают мучительной казни (вплоть до сожжения) офицеров, похоже, эскалация массового взаимного ожесточения происходила вопреки высшим командам». Запрещения расстрела пленных офицеров не выполнялись ввиду сильного противоборства и агитации комиссаров, как и аналогичные приказы Колчака

Похороны жертв белогвардейцев

также игнорировались, причём охотно, без всякого разбирательства расстреливались даже и офицеры-перебежчики из РККА. Генерал А.П. Кутепов иной раз самолично обходил строй пленных и отбирал для расстрела «неприятные» физиономии. Применялась белыми и своеобразная форма заложничества. Первоначально она была лишь своеобразным контрзаложничеством, но позднее ужесточилась. В. Булдаков пишет: «Так, весной 1919 г. в Красноярске в ответ на зверски растерзанного прапорщика Васильева в тюрьме было расстреляно 10 заключённых, ещё десятерых расстреляли позже в отместку за гибель двух белогвардейцев. Имели место и более масштабные расправы: в конце декабря 1919 г. — начале 1920 г. в г. Троицкосавское в тюрьме было расстреляно и зарублено 528 человек и ещё 101 — в лазарете». На Дону белые казнили 78 захваченных в плен пробольшевистски настроенных казаков во главе с двумя руководителями Военно-революционного комитета — Подтёлковым и Кривошлыковым (27.04.1918 г.). В романе Шолохова «Тихий Дон» герой романа Мелехов так отреагировал на эту казнь: «Отходился ты, председатель донского совнаркома! Ты, поганка, казаков жидом продал!»

Характерно то, что как среди белых, так среди красных, наблюдается какое-то небывалое озверение... Как скажет Деникин: «Мы помимо своей воли попали просто в заколдованный круг общей социальной борьбы». Под действие той дьявольской силы попадают даже и дамы из образованного и, как говорится, приличного общества — «от доблестных казачек до романтических

институты». Видимо, психика женщин быстрее ломалась, вызывая обвал диких инстинктов и в массе Белого воинства. Показательно даже и то, что белые снимали специальные пропагандистские фильмы и ставили спектакли, где обычными были сцены порки женщин, расстрела, вешания «краснопузых», что отражало общий настрой лютых зверств; эту востребованность насилия можно видеть повсюду у белых. Как признал белый пропагандист, вернувшийся из агитационной поездки в г. Св. Крест, «было довольно затруднительно уверять население, что мы несём правовой порядок, когда на каждом фонаре болтался висельник». Нет, не лучшим образом проявит себя Добровольческая армия на юге.

А как вели себя отряды генерала Булак-Балаховича? В 1920—1921 гг. возникли десятки «повстанческих» армий и групп. Одной из таких военных групп и была группа Булак-Балаховича. Что представлял собой сей герой? В юности четыре года учился на агронома в Бельмонтах, затем работал бухгалтером... В 1904 г. стал управляющим имения графа Плятера в Дисненском уезде Виленской губернии. У местного населения пользовался репутацией народного заступника, выступая арбитром в спорах между

крестьянами и помещиком. С тех пор он получил прозвище «батька». Характеру Булак-Балаховича вполне соответствовала и первая часть его фамилии: «Булак» — это прозвище, ставшее частью фамилии, которое означает «человека, которого ветер носит». С началом Первой мировой войны Булак-Балахович ушёл на фронт. В начале войны он служил во 2-м лейб-уланском Курляндском императора Александра II полку. В 1915 г. его произвели в офицеры, за два года он дослужился до чина штаб-ротмистра. В ноябре 1915 г. Булак-Балахович был командирован в отряд (партизанский) особой важности при штабе Северного фронта в качестве командира эскадрона. Отряд этот, под командованием Л. Пунина, действовал против германцев в районе Риги. За постоянные дерзкие вылазки в тыл немцев пунинских партизан даже прозвали «рыцарями смерти». В боевых операциях Н.С. Булак-Балахович отличался особой, мы бы сказали вызывающей храбростью, решительностью и находчивостью. Пунин писал о нём так: «...Несмотря на отсутствие военной школы, он показал себя талантливым офицером, свободно управляющим сотней людей в любой обстановке с редким хладнокровием, глазомером и быстротой

Генерал А.П. Кутепов

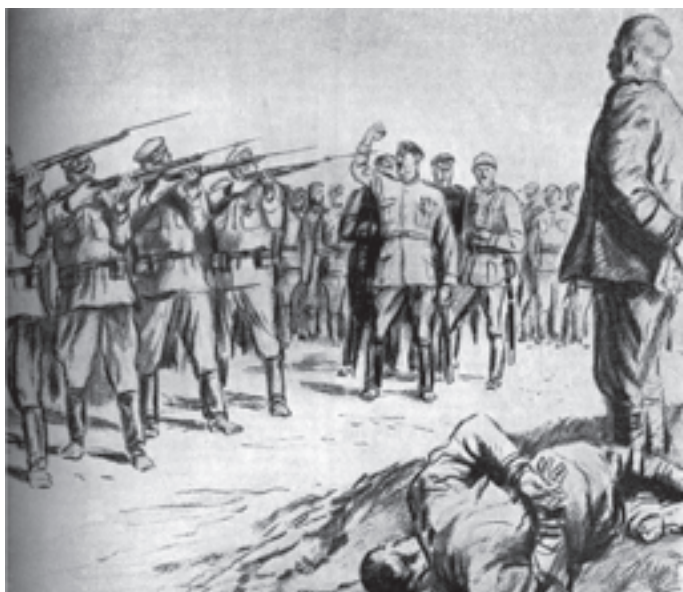
Генерал Дроздовский

С.Н. Булак-Балахович

оценки обстановки». За германскую войну Булак-Балахович был награжден 6 орденами и 3 солдатскими Георгиевскими крестами (2-й, 3-й и 4-й степени). За время Великой войны он был пять раз ранен, но при этом ни разу не покинул своего места в строю. Лихой кавалерист, он выделялся среди офицеров своим внешним видом. Вот характерное описание его внешности: «Батка сидел на гарцующем коне в каком-то казацком кафтане, с желтыми отворотами, в большой папахе с желтой же опушкой... среднего роста, сухой и жилистый, с военной выправкой спортсмена или казачьего джигита...». Схожее описание у В. Горна: «Человек лет 35-ти, среднего роста, сухая военная выправка, стройный, лицо незначительное, широкие скулы..., руки грязные; казацкого типа военный сюртук... Говорит с польским акцентом, житейски умен, крайне осторожен,

говорит без конца о себе в приемливо-хвастливом тоне. Болтает, перескакивая с темы на тему, пьёт мало». После заключения перемирия в Брест-Литовске, отряд Л. Пунина расплылся за исключением небольшой части под командой Булак-Балаховича. Отступая под давлением германцев в глубь страны, партизаны попали в сферу действий большевистских войск. По приказу Л.Д. Троцкого Булак-Балахович в начале лета сформировал на основе оставшихся в строю солдат отряда Пунина Лужский конный партизанский полк. В июле 1918 г. его партизанам пришлось подавлять крестьянские восстания в Лужском уезде и в Стругах Белых. На 25 октября 1918 г. численность полка составляла 1 121 человек (38 — командный состав, 883 — в строю и 200 вне строя). В ВЧК приходили донесения о нездоровой обстановке и бесчинствах личного состава, но в военном комиссариате Петрограда им не придали особого значения, так как и в других частях Красной армии дисциплина была не на высоте. В целом полк под командованием сей колоритной фигуры находился у красного командования на хорошем счету. Узнав о формировании русских добровольческих частей в Пскове, Булак-Балахович решил покончить со службой у большевиков и перейти на сторону белых. Переход был осуществлен им и его людьми

Д. Шмаинов. Расстрел большевиков

в ночь с 5 на 6 ноября 1918 года. Ушёл отряд, два дивизиона — в полном вооружении, снаряжении, с лошадьми и т.п.

Отряду была объявлена амнистия, офицерам были сохранены их прежние чины, а Булак-Балаховичу — присвоено звание ротмистра. Командование Северного корпуса сохранило целостность его отряда, оставив «батьку» на должности его командира. Популярность Булак-Балаховича в Пскове росла быстрыми темпами, вокруг его имени даже стали ходить легенды. Его лозунги встречали понимание части населения: он заявил, что «воюет с большевиками не за царскую, не за помещичью Россию, а за новое Учредительное собрание». В самом же городе сразу после его занятия Булак-Балахович установил собственный порядок. Публичные казни в Пскове в первый месяц после его освобождения от большевиков проходили днём, в центре города, на трехгранных фонарях. Выглядели они следующим образом: Булак-Балахович вступал в диспут с жертвой, устраивая «суд народа», после чего обращался к присутствующей публике с вопросом о том, не желает ли кто-нибудь из них поручиться за осужденного. Как правило, таковых не находилось. В газете «Новая Россия освобожденная» (31 мая 1919) он изложил и свою позицию по поводу публичных казней, совершавшихся почти ежедневно в присутствии его самого или одного из его главных помощников — барона Энгельгардта: «...Я предоставляю обществу свободно решить, кого из арестованных или подозреваемых освободить, а кого покарать. Коммунистов же и убийц повешу до единого человека». Хотя казнимому изъясняли порой «милость»: он мог сам себе сделать петлю и повеситься. Эту средневековую процедуру казни Булак-Балахович объяснял тем, что не хочет, чтобы белых и его обвиняли в том, что он казнит в застенках. «Пусть все видят, кого я вешаю. Я приглашу вступить, когда увидят, что убивают невиновного. На тех, за кого вступятся свободные граждане, моя рука не подымется. Моя цель — истреблять даже не коммунистов, а только негодяев, которых дей-

Первый ревком Чукотки, расстрелянный белыми

ствительно не может носить земля». Добавим, что он применял казнь и в отношении продавцов нюхательного кокаина (продажей этого товара занимались тогда многие, и кокаин шел на фронт). За различные злоупотребления Булак-Балахович расстрелял также несколько людей своей сотни. Юденич даже вынужден был изгнать его из армии из-за чинимых им зверств и грабежей населения. Тот нашёл себе пристанище в Польше. Символом белого движения стал не святой крест героя и мученика, а крест с черепом и костями, награды, который учредил для своих «горе-воjak» Булак-Балахович. Позже воевал с Савинковым и поляками против Советской России. В 1926 г. помог Пилсудскому совершить в Польше государственный переворот, после чего с его помощью концентрационный лагерь в Кар-

Б. Иогансон. Допрос коммуниста

туз-Березе стал быстро пополняться бело-русскими и украинскими националистами. В 1936 г. в качестве наблюдателя польской военной миссии объявился в Испании у Франко, где помогал организовывать разведку и диверсии в тылу республиканцев. В 1938 г. предлагал польской разведке организовать диверсию против Чехословакии, боролся против немцев после оккупации Польши и был убит германским патрулем в 1940 г. в центре Варшавы.

Белые, повторяю, предстают со страниц монархических книг-воспоминаний «девами непорочными». Это не имело ничего общего с реалиями. «Гражданская война, — отмечал поручик П.И. Кузнецов, — изменила у многих взгляды и выработала особый тип офицера, который мог зародиться только в такое жестокое время, когда всё человеческое исчезает и выплывают на поверхность только звериные инстинкты; обе враждующие стороны соперничают одна перед другой в жестокости...» В кровавом месиве утверждался мстительно-истероидный тип борьбы. Шульгин вспоминал: «Я получал ужасающие письма из деревень и городков края. Русское население переживало тяжкое разочарование, увидев, что деникинцы совсем не похожи на земных Архангелов, уничтожающих Зло. А такими их себе представляли, когда трепетно прислушивались к приближающемуся гулу «добровольных» орудий. Среди всяческого рода других безобразий, связанных с падением дисциплины, разразились и еврейские погромы». Но стоит ли идеализировать даже старое царское офицерство?! Вообще, господа, почитайте классику. Вспомните, что говорит куприновский герой поручику Ромашову накануне дуэли, характеризуя офицеров царской армии: «Поглядите-ка вы на наших офицеров. О, я не говорю про гвардейцев, которые танцуют на балах, говорят по-французски и живут на содержании у своих родителей и законных жён. Нет, подумайте вы о нас, несчастных армеутах, об армейской пехоте, об этом главном ядре славного и храброго русского войска. Ведь все это заваль, рвань, отбросы. В лучшем случае — сыновья искалеченных капитанов. В большинстве же — убоявшиеся премудрости гимназисты, реалисты, даже неокончившие семинаристы. Я вам приведу в пример наш полк. Кто у нас служит хорошо

Оглашение обвинительного заключения

и долго? Бедняки, обремененные семьями, нищие, готовые на всякую уступку, на всякую жестокость, даже на убийство, на воровство солдатских копеек, и всё это из-за своего горшка шей. Ему приказывают: стреляй, и он стреляет, — кого? за что? Может быть, понапрасну? Ему всё равно, он не рассуждает... и он бессмысленно, как дятел, выпуча глаза, долбит одно слово: «Присяга!» Всё, что есть талантливого, способного, — спивается». А что на другой стороне? Там идеи. «Можно противиться вторжению армий, но не вторжению идей» (Гюго).

На другой стороне фронта, как отмечалось, порядка больше, хотя и там видим почти зеркальное отражение тех же ужасов. Большевики твердили про расстрел как «отче наш». На Съезде советов рабочих и солдатских депутатов 11 января 1918 г. матрос Железняков риторически заверил депутатов, что они готовы расстрелять не то что десять тысяч, а миллион буржуев и «контриков» для победы в войне. «Теоретические представления» большевики реализуют на практике. Теория была почерпнута из практики французских революционеров. Вспомним, как Максимилиан Робеспьер в речи в Конвенте «О мерах общественного спасения» (8 мая 1793 г.) сказал: «Надо сделать так, чтобы враги свободы, под каким бы именем они не представлялись, судебские, дворяне, финансисты, банкиры или священники, не были в состоянии причинить ей вред. Поэтому я предлагаю, чтобы все подозрительные люди были взяты заложниками и арестованы». И этим его словам аплодировала большая часть Собрания и граждане. В воинских частях работали во-

енно-революционный суды, выносившие «буржуям» и их пособникам смертные приговоры. Участники антибольшевистских движений брали в заложники. После убийства М. Урицкого в Петрограде было расстреляно 900 заложников, в ответ на убийство Р. Люксембург и К. Либкнехта Царицынский совет приказал расстрелять находившихся под арестом заложников. Но, простите, где Царицын, а где Роза Люксембург и Либкнехт?! После покушения на Ленина в разных городах казнили несколько тысяч человек. Однако ещё до покушения Ленин приказал расстрелять студентов братьев Ганглез в Петрограде «за то лишь, что на плечах у них оказались нашитыми погоны». Терракт анархистов 1919 г. в Леонтьевском переулке в Москве повлёк за собой расстрел большого числа арестованных, не имевших фактически к анархистам никакого отношения. И число подобных примеров огромно. Арестовывали жен и детей и часто расстреливали их. О расстрелах в 1918 г. жен-заложниц за офицеров, взятых в Красную Армию и перешедших к белым, рассказывают деятели киевского Красного Креста. В марте 1919 г. в Петербурге расстреляли родственников офицеров 86-го пехотного полка, перешедшего к белым. О расстреле в Кронштадте родственников офицеров, подозреваемых в том, что те перешли к белым, говорят документы. Заложников с лёгкостью зачисляли в число контрреволюционеров. «Коммунист» писал: «13 августа военно-революционный трибунал 14 армии, рассмотрев дело 10 граждан гор. Александрии, взятых заложниками (Бредит, Мальский и др.), признал означен-

ных не заложниками, а контрреволюционерами и постановил всех расстрелять». Приговор приведён в исполнение на другой день. Во время крестьянских восстаний в Тамбовской губернии заложниц, крестьянских жен с детьми, брали сотнями. Они сидели в разных тюрьмах, в том числе в Москве и Петербурге, чуть ли не в течение двух лет. Оперштаб тамбовской ЧК (1 сентября 1920 г.) объявил: «Провести к семьям восставших беспощадный красный террор... арестовывать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом, и, если бандиты выступления будут продолжать, расстреливать их. Села обложить чрезвычайными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и всё имущество». Практика эта стала массовой по обе стороны баррикад.

К 25 ноября 1919 г. в стране, по данным советской печати, существовал 21 концлагерь, где находилось 16 000 человек, к ноябрю 1920 г. количество концлагерей возросло до 84, с числом заключённых в них — до 53 000 человек. Режим красных всё более ужесточал свою хватку. Казни связывались не только с взятием заложников... К превентивным арестам генералов и офицеров, в то числе и тех, которые были отстранены ещё после февраля 1917 г., большевики приступили сразу после переворота, чтобы обезопасить себя от возможных выступлений, и часть расстреливалась (в Гангэ, например, был расстрелян командир дивизии подводных лодок Балтийского флота контр-адмирал Владиславлев). В Питере, Одессе, Севастополе, Киеве в 1918 г. прошли массовые расстрелы офицеров,

после забастовки рабочих в Астрахани в 1919 г. — только по официальным данным — расстреляно свыше 4 тысяч человек. В Краснодаре, куда вошли войска «красного командарма» тов. Сорокина, начались грабежи, расстрелы, бесчинства. Все тюрьмы, казармы, общественные здания оказались заполнены арестованными, заподозренными якобы в политическом сочувствии кадетам.

Террор не ограничивался выбором жертв лишь с одной стороны, со стороны противника. Подчеркнём, и это важно, что красные устанавливают меры суровой ответственности, на-

Казнённые заложники

казания не только в отношении чужих, но и в отношении своих. Приведем рядовой случай, совершенно не связанный с фактами дезертирства с поля боя, шпионажа и прямого участия в вооруженной борьбе на стороне контрреволюции. В одной из книг сказано, как член коллегии губчека Д.Я. Чудин, казалось бы, «коммунист и отличный работник», вступил в интимную связь с особой лёгкого поведения, освободив по её ходатайству из-под ареста ряд спекулянтов, за что эта женщина получала от них взятки. После короткого расследования комиссия из трёх членов ВЧК и трёх членов Губчека постановит — Чудина расстрелять! В приговоре Дзержинский записал: «...вина Чудина усугубляется ещё тем, что он, состоявший несколько лет в рядах Коммунистической партии и занимавший такой ответственный пост, как пост члена Чрезвычайной комиссии, не мог не понимать, как предательски он нарушает интересы партии и злоупотребляет доверием своих товарищей по ЧК». Так страх смерти и казни уравнил и коммунистов. Нынче при отсутствии страха смерти наше ворьё берёт взятки вагонами, пудами — и хоть бы что! Грабят государство, грабят народ, грабят Россию на виду всех и называют это «демократией»! Так страну вы не сохраните.

Не истлевали «топоры» и не слабела рука казнивших... В этом пресупели обе стороны. Причем, массовые репрессии, совершенные по указанию Ленина, не идут в сравнение с репрессиями царизма. Вот некоторые факты. С 1826 по 1906 гг., т.е. за 80 лет царского режима, по решению судов были приговорены к смертной казни всего 612 человек. А с июня 1918 по февраль 1919 г. лишь на территории 23-х губерний, по не полным данным, по приговору ВЧК расстреляно 5496 человек. Уполномоченному Наркомпрода, А. Пайкейсу Ленин советует расстреливать заговорщиков и колеблющихся, «никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты». По жестокости, уверяют иные, Ленин превзошел французских якобинцев. Записка, отправленная с нарочным председателю Исполкома Пензенской губернии В. Кураеву,

В.В. Верещагин. Апофеоз войны

председателю Совдепа Е.Б. Бош и председателю Пензенского губкома А.Е. Минкину 11 августа 1918 г., яркое свидетельство выше сказанному: «Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят «последний решительный бой» с кулачем. Образец надо дать. 1. Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. 2. Опубликовать их имена. 3. Отнять у них весь хлеб. 4. Назначить заложников — согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц — кулаков... Телеграфируйте получение и исполнение. Ваш Ленин... Р.С. Найдите людей потвёрже». Конечно, преступления эти чудовищны и не укладываются в нормальное человеческое сознание. Но совершали их обе стороны, «сплюснутые террором». Время судного дня, когда на костях мучеников, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута новая Русь (как когда-то предрекал Иоанн Кронштадтский), пришло. Беспощадный массовый террор объявлен и против казачества. Репрессии коснулись как отдельных лиц, так и целых слоёв населения. Репрессивные акции инициировались центральными и местными органами большевистской власти, хотя жестокость проявляли нередко и рядовые бойцы. Случаи жестокого, на грани садизма, обращения с населением и пленными со стороны крас-

ноармейцев выявлены «Особой комиссией» по расследованию злодеяний большевиков, работавшей в 1919 г. под руководством барона П. Врангеля. Материалы комиссии свидетельствуют об убийствах раненых в лазаретах, об арестах и казнях противников большевиков, часто вместе с семьями. Эти казни, как правило, сопровождалась реквизициями имущества. Такие же сведения на той стороне.

Ранее мы говорили о том, как зарождались еврейские погромы. И вот теперь власть в России переменялась. Страна стала революционным Вавилоном, где еврейство обрело невиданную власть и влияние... Вспомним слова Тихомирова, которыми он окончил «Религиозно-философские основы истории» (1918 г.): «Еврейство, конечно, не откажется от своих планов господствующего мирового существования и будет искать способов этого при новом строе». Способы эти нашлись — господство в партийных и чекистских органах. Засилье евреев в органах ЧК, на высоких должностях в армии, в учреждениях разжигало антисемитизм русских, способствуя контрреволюционной пропаганде. Троцкий сообщал Ленину... В апреле 1919 г. специальное послание главковерха обсуждалось даже на заседании Политбюро. И руководство партии «прислушалось» к мнению, поручив ему же перетасовку кадров. В итоге, догадаться не трудно, никаких изменений в политике так и не произошло. Троцкий говорил, что сразу после захвата власти Ленин предложил ему стать нарко-

мом внутренних дел. Он ему сказал: «Вы будете давить буржуазию и дворянство». Но тот отказался, заметив: «Нельзя давать такого козыря в руки наших врагов». Но это лишь слова. А вот факты таковы, что евреи (как ни крути) продолжали занимать главные посты в управлении страной, армией и карательными органами. М.А. Деникина писала: «Неприязнь белых к евреям отчасти объяснялась их большим количеством среди советских руководителей и большевистских палачей (82 %, как утверждали англичане, 40 %, как считал Де-

никин)». Даже историк еврейства Шимон Дубнов вынужден признать (1918): «...нам не забудут участия евреев-революционеров в терроре большевиков. Сподвижники Ленина: Троцкие, Зиновьевы, Урицкие и др. заслонят его самого. Смольный (же) называют втихомолку «Центрожид». Позднее об этом будут говорить громко (открыто), юдофобия во всех слоях русского общества глубоко укоренится... Не протят. Почва для антисемитизма готова». Отношение белых и казаков к евреям было выражено одним словом — «жидорез».

В свою очередь лютая ненависть еврейских революционеров к царю и его защитникам выливалась в акты мести. В чём-то Шульгин прав, говоря: коммунизм в России — «ужасное дитя массовой еврейской злобы». Хотя было бы антиисторично и глупо одним этим объяснять триумф большевизма. Дитерихс писал: «Для всякого христианина, не отуманенного дымом предшествовавших революционных социалистических экспериментов 1917 года, не могло не бросаться в глаза, что вдохновителями всех этих разнообразных видов изуверских мучений и истязаний... должны были быть люди нерусского происхождения». Среди них оказался и «иуда Троцкий».

Это он, по словам Дж. Кармайкла, «открыл «зелёную улицу» жестокости. Хотя мнение многих таково, что все они, Свердлов, Троцкий, Зиновьев и, безусловно, Ленин изрядно потрудились, так сказать а deux main (фр. — в две руки), над некрофилией террора. Вот как откровенничал

Троцкий, выступая в декабре 1918 г. в Курске перед собранием партактива: «Каждому из нас должно быть ясно, что старые правящие классы своё искусство, своё знание, своё умение управлять получили в наследство от своих дедов и прадедов... Что можем противопоставить этому мы? Чем нам компенсировать свою неопытность? Запомните, товарищи, только террором, последовательным и беспощадным. Уступчивость, мягкотелость история никогда не простит (нам). Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожить десятки тысяч. У нас нет времени, нет возможности выяснять действительных, активных врагов. Мы должны встать на путь уничтожения».

Была ли ЧК «вотчиной» латышей, поляков и евреев? «После мятежа эсеров 6 июля 1918 года состав ВЧК поредел — осталось 9 членов: восемь русских и один латыш — М. Лацис. В 1919 году членов коллегии было 17, в том числе только один еврей... По архивным данным на 25 сентября 1918 г.,

Лев Троцкий — «жидорез»

35,6% латышей в органах ВЧК уверенно перекрывали 6,3% поляков и 3,7% евреев. Потому её называли «латышской чрезвычайкой». Хотя позднее из трёх помощников Дзержинского евреями были трое — Г. Ягода, В. Герсон и М. Слуцкий. Максимальный взлёт числа евреев в ВЧК пришёлся на 1923 г. — 15% от общего числа их сотрудников (С. Вейг). Вскоре после окончания Гражданской войны Чрезвычайки преобразовали в Главное политическое управление (ГПУ). Спустя год, после создания СССР, оно стало Объединённым главным политическим управлением при Совнаркоме. ГУ концентрационными лагерями и ссыльными пунктами НКВД, 1930-е гг. Начальник главного управления: Берман Я.М. Зам. начальника: Фирин С.Я. Нач. концентрационных лагерей и ссылочных пунктов в советской Карелии и нач. Беломорского лагеря принудительных работ для политических: Коган С.Л. Зам. комиссара внутренних дел и начальник ГПУ советской Украины: Кацнельсон С.Б. Начальник концентрационных лагерей и ссылочных пунктов Северной области: Финкельштейн. Нач. лагеря принудительных работ на Соловецких островах: Серпуховский, нач. областей в Московском районе: Раппопорт, Абрампольский, Файвилович, Зелегман. К 1 мая 1924 г. на 2400 чекистов центра евреев было 208, причём больше всего они работали в Иностранном отделе — во внешней разведке. Как видим процент евреев-чекистов тот же, более 9%. И хотя основу карательных органов в Советской России составляли все же русские, славяне, но всё же в верхних эшелонах ГПУ сидели «иностранцы». Эти и другие цифры по интересующей теме можно почерпнуть в книге Абрамова «Евреи в КГБ. Лубянка. Открытые архивы».

Московская ЧК

Дзержинский — предс.	Карлсон
Петерс — вице-предс.	Шауман
Шкловский	Лентович
Кнейфис	Ривкин
Цейстин	Антонов
Размирович	Делафабр
Кронберг	Циткин
Хайкина	Розмирович Е.

Свердлов Г.	Лацис
Бизенский	Дейбол
Блюмкин	Сейзан
Александрович	Дейбкин
Рейтенберг	Либерт (нач. тюрьмы)
Финес	Фогель
Закс	Закис
Гольдин Яков	Шилленкус
Гальперштейн	Янсон
Книггисен	

Петроградская ЧК

Мейнкман	Иселевич
Гиллер	Крассиков
Козловский	Бухан
Модель	Мербис
Розмирович И.	Пайкис
Дизспоров	Анвельт

Правда, Горький писал: «Я убежден, я знаю, что в массе своей евреи — к изумлению моему — обнаруживают более разумной любви к России, чем многие русские». Так ли?! Законы евреев и их действия, видим, не очень-то об этом свидетельствуют. Скорее уж наоборот... «Израильтяне приятнее Богу, чем сами ангелы». (Трактат Хуллин, 91 и) «Насколько прочие люди превосходят остальных животных, настолько же выше стоят евреи над всеми народами мира». (Церор Гаммор, 101,2) «Сыны Израиля самый совершенный народ среди всего человечества, подобно тому как сердце — важнейший из органов тела». (Хизук Эмуна). «Одна единственная еврейская душа ценится пред очами Божьими выше, нежели все вместе души какого бы то ни было другого народа». (Шефа тал. л. 4,2; Тенахем § 53, л. 221,4) «Свет сотворен лишь для евреев; они суть плод, а все остальные народы только его скорлупа». (Шене лухое габбериф 145, 3) «Солнце освещает землю и дождь оплодотворяет её исключительно потому, что здесь живут евреи». (Тр. Иебамот, 63 а, Ялкут Шимони, 124, 2): «Кто ударит по лицу еврея, тот посягает на самого Бога и следовательно заслуживает смерти». (Тр. Санхедрин, 58 и.). Что значит «Гар Си-

наи», спрашивает Талмуд (Тр. Шаббат, 89а.) и отвечает: «Гар» значит гора, откуда снизошла «Сина», т. е. ненависть ко всем народам земли». Вообще же говоря, Талмуд утверждает, что «Бог отдал евреям весь мир в собственность (Баба Камма 37; Хош. гамиши., 156, 5 Хага)». «Еврей совершает доброе дело, когда убивает апикореса. Апикоресом признается (всякий) свободомыслящий, неверующий или насмешник, который отвергает учение Израиля, равно как тот, кто чванится своим неверием и, наконец, тот еврей, который сделался акумом (неверным). Если это можно сделать открыто, то сделай открыто: если же, страшась уголовного суда (акумов же), исполнить всенародно этого нельзя, то подобает изыскать средства, чтобы сжить его (апикореса) со света». (Шулхан-арух Хошен-га-Мишнат, 425, 5, взято из Талмуда, тракт. Абода Зара, 26 и; Талмуд Киддушин, 82; Шулхан-арух Йоре дежа 158, 2. Хага; Гилкхот Акум X, 2; Маймонид Гилкхот тешубхаг III). Средства у евреев — «сжить» акума — были различные.

Вначале ВЧК и СНК смертную казнь как средство борьбы с врагами после долгих споров отклонили. Но бандитизм в Советской России развивался с ужасающей быстротой и приобрёл характер политического преступления. Пришлось в качестве превентивной меры бандитов расстреливать. Правильно! Бандит — враг народа! 26 февраля 1918 г. ВЧК расстреляла известного авантюриста-бандита князя Эболи (он же де Гриколи, Найди, Маковский, Далматов) и его сообщницу Бритт. Те совершали грабежи под видом обысков у буржуазии, проводимых будто бы от имени советской власти. Зам. Пред. ВЧК Я.Х. Петерс, рука Свердлова, сказал: «К тому же, мы убедились, около 70% наиболее серьёзных нападения и грабежей совершали интеллигентные лица, в большинстве бывшие офицеры. Эти обстоятельства (и) заставили нас в конце концов решить, что применение смертной казни неизбежно, и расстрел князя Эболи был произведен по единогласному решению». Первое политическое дело, окончившееся расстрелом за контрреволюционную деятельность, связано с именами бывших офицеров лейб-гвардии Семеновского полка А.А. и В.А. Череп-Спиридовичей.

Братья, являвшиеся крупными акционерами и членами правления Веселянских

рудников, были задержаны при попытке продать акции национализированных в России рудников на сумму 5 млн рублей германскому представительству. А проблема была в том, что по Брестскому мирному договору Советское правительство должно было оплачивать все русские ценные бумаги, предъявляемые Германией. Поэтому немцы тогда и охотились за подобными ценными бумагами. Таким образом, совершив (это с точки зрения «современной юрисдикции»), казалось бы, вполне законную сделку, братья нанесли серьёзнейший ущерб Советскому государству. Так и было расценено их действие — как государственное преступление. И 31.05.1918 братья Череп-Спиридовичи и их комиссионер, биржевый маклер Б. Берлисон, были расстреляны.

Возможно, причина казни заключалась совсем в ином... Достаточно прочитать книгу Череп-Спиридовича «Невидимая рука», о мировом еврейском заговоре. Артемий (Артур) Иванович Череп-Спиридович (1868—1926), потомок аристократов, выходцев из Скандинавии, генерал-майор Российской Императорской Армии, князь, один из правых политических деятелей России, славянофил, участник второго всеславянского съезда в Софии, русский сахарозаводчик,

владелец собственной торговой флотилии на Волге, крупнейший акционер во многих прибыльных предприятиях Российской империи, в том числе нефтяного, угольного, рудного промыслов, арктический исследователь, член дореволюционной монархической организации Русское Собрание, Директор-Распорядитель Общества Волжского бассейна, Императорского Общества для Содействия Русского Торгового Мореходства, Директор Славянского благотворительного общества. Автор книги «Невидимая рука». Был убит в Нью-Йорке в 1926 г. при выпуске 2-го тома работы. Один из читателей скажет о ней: «Я до конца не осознавал масштабов заговора евреев, пока не прочёл книгу «Тайное Мировое Правительство» генерал-майора графа А. Череп-Спиридовича. Эта книга всё высветила. Это — старая книга, написанная около 1926 года. Но этот человек (Спиридович) объяснил всё. Я бы рекомендовал эту книгу каждому. Эта книга объясняет огромный заговор евреев и их план тотального захвата планеты». Мы не станем превозносить эту книгу, написанную явно с антисемитским уклоном... Видеть всё зло мира в евреях?! Что может быть нелепее и вреднее! И уж тем более для русского человека...

Иным из них (и прежде всего «иностранцам») было наплевать на рабочих, интеллигенцию, казачество, священников, офицеров, крестьян, ученых. Одним словом, на весь народ. *Mors ultima ratio!* (лат. — Смерть — последний довод всему!). Свиристствовали при подавлении восстания крестьян на Тамбовщине, вывода «в расход» людей без всяких там сожалений и угрызений совести... Слово «безжалостно» и стало любимейшим выражением Троцкого. Он ввёл варварский способ борьбы с противником — захват заложников, хотя эта мера известна была со времен Римской империи, войн с Карфагеном, если ещё не ранее. «Вместе со своими приверженцами, изуверами своего племени, составлявшими добрых три четверти всех высших административных органов советской власти, подкрепленными интернациональными и карательными бандитскими отрядами, Бронштейн твёрдо и категорически высказался против каких-либо уступок и послаблений. Его речи этого времени на собраниях коммунистической Партии и засе-

**Члены Коллегии ВЧК Я.Х. Петерс,
И.С. Уншлихт, Ф.Э. Дзержинский,
В.Р. Менжинский**

Лев Троцкий

даниях ЦИК дышат ядом и насмешками над положениями Ленина, и весь смысл их сводится к тому, что ни шагу назад ни при какой обстановке делать нельзя, а ответом на текущий момент с их стороны должен быть: беспощадный террор, огонь, меч и пытка. Во временных неудачах, в создавшемся катастрофическом положении Бронштейн отнюдь не склонен был видеть окончательного провала своей власти, и если теперь по каким-либо причинам она колебалась, то, по-видимому, он имел в виду, главным образом, использовать время своей власти для того, чтобы подготовить и обеспечить победу в будущем. Свою власть и подготовку окончательной победы он понимал, конечно, так, как вытекали они из существа натуры и мировоззрения Бронштейна, а не Ленина. Вот в этой идее подготовки положения для будущей победы, в связи со всей сложившейся обстановкой, думается, заключались, главным образом, причины тех массовых, невероятных по зверству, с явными отпечатками изуверства убийств, которые были совершены советскими деятелями в лето 1918 года и составили в истории России и всего мира эпоху сплошного кровавого кошмара». Полагаю, что «кошмар» террора стал неизбежным продолжением и следствием всего кошмара гражданской бойни. В 1919 г. по постановлению ЧК было расстреляно 3456 человек. По другим данным, лишь в Киеве, в 16-ти киевских «чрез-

вычайках» погибло не менее 12 тысяч человек. В Саратове было расстреляно 15 тысяч человек. При усмирении рабочей забастовки в Астрахани погибло не менее 2 тыс. человек, в Туркестане за одну ночь было перебито более 2 тысяч. В сентябре—октябре 1918 г. в Советской России, по разным данным, было расстреляно 15 тыс. представителей контрреволюции — буржуазии, дворянства, интеллигенции, офицеров. Гражданская война, явившаяся, не надо об этом забывать, продолжением серии убийств, и убийств массовых, не могла не усугубить, не ускорить процесс одичания всего народа. И.Н. Бунин в «Окаянных днях», описывая тогдашние события в России, с ужасом говорит о лицах, которые он видел вокруг... В начале «просыпается обезьяна». Это же — лица с клеймом каторжника. На них даже и клейма не надо ставить «Осторожно — злодей», как это делали в Древнем Риме. И так, мол, всё видно. Но кто виноват в том, что «русская вакханалия превзошла всё, до неё бывшее»? Кто виноват, что два старших брата Бунина и его сестра умрут от истощения и болезни?! Только ли большевики (Ленин, Троцкий и К°), что были «готовы на гибель хоть половины русского народа»? Кто втравил наш народ во все эти войны?! Вечный вопрос: «Кто виноват?»

Палачи, совсем потерявшие человеческий образ, творили эти зверства... В Москве свирепствовал главный московский палач Мага, расстрелявший не одну тысячу людей (11 тысяч). Обезумевшие от постоянных казней комиссары смерти, все эти палачи жили на водке, уколах, кокаине. «Когда я вспоминаю лица членов Чека: Авдохина, Терехова, Асмолова, Никифорова, Угарова, Абнавара или Гусига, — писала одна из сестер милосердия, — я уверена, что это были люди ненормальные, садисты, кокаинисты — люди, лишенные образа человеческого». Однако порой и у «зверей» не выдерживали нервы. Комендант ЧК Авдохин признавался сестрам милосердия: «Сестры, мне дурно, голова горит. Я не могу спать, меня всю ночь мучают мертвецы». В Одессе ЧК возглавляли знаменитые палачи-евреи Дейч и Вихман. Среди них выделялся негр Джонстон, специально выпущенный из Москвы. Очевидцы писали:

Кадр из «Тихого Дона». Отступление казаков

«Джонстон был синонимом зла и изуверств...» «Сдирать кожу с живого человека перед казнью, отрезать конечности при пытках и т.п. — на это способен был один палач, негр Джонстон». Говорили, что в Харькове ни в чём не уступал ему Саенко, садист, снимавший «перчатки» из человеческой кожи с пытаемых людей. Большевики обвинят потом в этих зверствах «белых». В Киеве франтоватый комендант ЧК Михайлов любил развлекаться тем, что, раздев заключенных, выпускал их ночью в огороженный стенами тюрьмы сад и при свете луны расстреливал мятущихся в ужасе голых людей. В Вологде зверствовала чета Кедровых. В Архангельске весной и летом 1920 г. бывшая жена садиста Кедрова, Майзель-Кедрова, сама собственноручно расстреляла 87 офицеров и 33 обывателя. Она же потопила баржу с 500 беженцами, солдатами армии Миллера и т.д. А его новая жена, Ревекка Пластинина, перещеголявшая в жестокости библейскую Юдифь, лично вывозила людей на баржах в море, расстреливая и топя всех, кого считала нужным... В Киеве свирепствовало аж несколько чрезвычайек...

Главную из них (ВУЧК) возглавлял М.И. Лацис (Я.Ф. Судрабс), «палач-теоретик», любивший подкреплять его теории статистикой, таблицами, графиками, диаграммами, «культурно» заменявший грубые выражения типа «убить» или «казнить» на безобидно-нейтральное «упразднить». Однако его часто прорывало, и тогда в «Известиях» он требовал беспощадного отношения не только к воюющим, но и к раненым: «Выре-

зать всех раненых в боях против тебя — вот закон гражданской войны!». В Питере кровавое пиршество возглавлял Г. Бокий, палач Питера и Туркестана, внедривший среди палачей жуткий обычай — пить человеческую кровь. И такая традиция нашла приверженцев и даже считалась среди своих неким «изыском»... Так, московский чекист Эйдук, любивший писать стихи, говорил, что принятие внутрь стакана крови «полирует» (как будто водку запивал пивом!). Харьковский палач

Иванович признавался, что ему в этой процедуре нравится особо: «Бывало, раньше совесть во мне заговорит, а теперь прошло — научил товарищ стакан крови человеческой выпить: выпил — сердце каменным стало». И таких каменных сердец становилось тогда всё больше... В Одессе действовала «жуткая Дора», отрубавшая конечности, отрезавшая уши. В течение 2,5 месяцев службы в Чрезвычайке ею одною расстреляно 700 с лишним человек (почти треть расстрелянных в ЧК). Там же «ра-

*Тела казненных белых офицеров**Чекист Глеб Бокий*

ботала» и латышка-зверь, которую заключенные звали «мопсом». Наподобие писательницы Жорж Санд, та ходила в брюках, с сигаретой и двумя наганами, и за один вечер прикончила 52 человека... «Женщины-звери» были всюду: в Москве, Рыбинске, Баку, Унече и т.д. Это были совсем еще молодые девушки 20—25 лет отроду. Характерно, что и Луначарский признавался в декабре 1918 г.: «Нас упрекают в готтентотской морали. Мы принимаем этот упрек...». У Мельгунова в «Красном терроре» даётся описание одного из таких вот палаческих «заведений»: «Весь цементный пол большого гаража был залит уже не бежавшей вследствие жары, а стоявшей на ужасающую массу с мозгом, черепными костями, клочьями волос и другими человеческими остатками. Все стены были забрызганы кровью, на них рядом с тысячами дыр от пуль налипли частицы мозга и куски головной кожи. Из середины гаража в соседнее помещение, где был подземный сток, вёл жолоб в четверть метра ширины и глубины и приблизительно в десять метров длины. Этот жолоб был на всём протяжении снизу доверху наполнен кровью...». В той безжалостной мясорубке погибали все — старики, женщины, дети, молодежь, пленные, заложники и т.д. В Харькове председатель местного губисполкома Кон докладывал в Харьковском совете: «В случае, если буржуазный гад поднимет голову, то прежде всего падут головы заложников».

И падали реально. В Elizavetgrade в 1921 г. за убийство местного чекиста убито 36 заложников. Эти сцены обычны.

Как отмечает С. Миронов в яркой книге «Гражданская война в России», в Крым был направлен «человек с тяжелой рукой», прямой ставленник Троцкого Г. Пятаков, авантюрист, ранее поднявший неподготовленное восстание на Украине. Петлюра потопил его в крови. И вот в 1920 г. именно его Троцкий посылает в Крым возглавлять там тройку с чрезвычайными полномочиями. Кроме него, туда вошли председатель Крымского ревкома венгерский еврей Бела Кун, секретарь Крымского обкома РКП(б) Роза Землячка, руководитель особого отдела Южного фронта Е.Г. Евдокимов (один из организаторов «шахтинского дела» в 1928 г.). Это был тот самый Евдокимов, что, будучи секретарем обкома, трижды будет пытаться арестовать М. Шолохова. Эта банда трусов и негодяев (личину Пятакова характеризует такой позорнейший факт: после ареста своей супруги в 1936 г. он будет умолять палача Ежова позволить ему самолично расстрелять собственную жену) и устроила массовую бойню 30 тысяч белых офицеров, оказавшихся в плену. Основную часть их, по словам писателя М.М. Пришвина, составляла интеллигентная молодежь. Это страшное массовое кровопускание, дискредитирующее советскую власть, совершено по указанию Троцкого, «красного Бонапарта», а также его подручных Слянского и Пятакова. Видимо, всё же жесто-

Пятаков, Бела Кун, Розалия Соломоновна Землячка — палачи «белого Крыма»

кость Пятакова частично объясняется следующим трагическим эпизодом из его жизни. И. Дейчер пишет об этом: «Лишь несколькими годами раньше Пятаков и его брат возглавляли большевиков на Украине, оккупированной Деникиным; там, в тылу у врага, Пятаков организовал саботаж, создавал партизанские отряды и руководил борьбой. Белогвардейцы схватили обоих братьев и поставили их вместе с другими красными к стенке. Расстрел был в самом разгаре и его жертвой уже пал брат Пятакова, когда расстрельная команда бежала перед красноармейцами, взявшими город, устремившимися к месту казни. Прямо у трупов брата и ближайших сподвижников Пятаков взял на себя командование красными войсками». Видимо, мученическая казнь брата, пережитые им страшные минуты неудержимо влекли его к кровавой мести всем белогвардейцам. Безумие палача, испытывавшего вкус смерти.

Но и тут далеко не всё так просто или однозначно... Окажись кто-либо из современников в Крыму весной 1918 г., он мог бы стать свидетелем страшных и диких сцен... В конце 1917 г. в бывшем ханском дворце в Бахчисарае открылся Курултай или «Национальное Учредительное собрание крымско-татарского народа». Большинство делегатов Курултая составляла тамошняя татарская националистическая интеллигенция. Тогда же образовался тесный союз для борьбы с Советской властью в Крыму (как и

ныне), состоящий из татарских и украинских националистов и российских белогвардейцев. Создан был ими и «Штаб Крымских войск», куда вошли многие белые добровольцы, монархисты, эсеры, меньшевики, но всё же костяк его составляли крымско-татарские полки. Красные предприняли ответные меры. 16 декабря 1917 г. в Севастополе создан Военно-революционный комитет, взявший власть в городе. Столкновение было неизбежно. Битва между татарскими националистами и русскими революционерами была жестокой. Показательно, что и Врангель с некоторым удивлением вспоминал, как революционные матросы, явившиеся тогда в его ялтинскую усадьбу, сказали: «Мы только с татарами воюем. Матушка Екатерина ещё Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются...» Иначе говоря, красный матрос говорил ну абсолютно в духе настоящего «слуги империи»!

Красные победили и в Крыму установилась Советская власть... Но, увы, ненадолго, ибо 18 апреля 1918 г. в Крым вторглись немцы, которые вскоре захватили весь полуостров. И вот тут-то татары и показали себя «во всей красе»... В Судаке татарскими националистами был схвачен и зверски замучен председатель местного ревкома Суворов. Арестованы члены руководства Крымской республики Тавриды, председатель СНК А.И. Слуцкий и председатель губкома РКП(б) Я.Ю. Тарвацкий. После двух дней пыток их расстреляли близ Алушты.

Татарские зверства приняли массовый характер. Часто казнили просто за принадлежность к вере православной, за то, что русский дом кому-то закрывал вид на мечеть. Очевидец писал: «Начинается резня. В деревнях Кучук-Узень, Алушта, Корбек, Биюк-Ламбат, Коуш, Улу-Сала и многих других расстреливают и истязают десятки трудящихся русских, греков и т.д. В эти дни в алуштинской больнице была собрана целая коллекция отрезанных ушей, грудей, пальцев и пр. Резня приостанавливается только в результате контрнаступления красных отрядов». Узнав о том, что творит «лихое племя Чингисхана» в Крыму, красные воспылали чувством мести и поклялись отомстить. Как вспоминал расстрелянный вместе с другими членами советского руководства Крыма, но чудом оставшийся в живых И. Семёнов: «Когда здесь увидели зверства, которые были проделаны националистами в ночь с 23 на 24 апреля 1918 г., — все взялись за оружие, даже в санатории не оставалось ни сестер, ни сиделок». Эта месть выплеснется после победы. Кроме того, надо учитывать, что такое «коммунистическое руководство» в Крыму в то время... В числе руководителей оказались многие перекусавшиеся, надевшие маски татарские националисты. Они готовы служить кому угодно, только бы отложиться от России. Они посылали тайный меморандум с верноподданническими словами Вильгельму II, предлагали мандат над Крымом Ю. Пилсудскому, служили верой и правдой Гитлеру и т.д.

Но часто в маховик террора попадали и невинные люди. Например, утверждают, что было сфабриковано и так называемое «таганцевское дело» в Петрограде, по этому «делу» проходил 61 человек. В.Н. Таганцев (1890—1921) был профессором Санкт-Петербургского университета и Горного института, географом. Он шёл под номером один в деле и назван чекистами главой и руководителем Петроградской боевой организации, которая, как утверждалось, поставила целью «свержение советской власти путем вооруженного восстания и применения тактики политического и экономического террора по отношению к Советской власти». В этой истории не всё было так уж невинно, ибо Таганцев действительно был свя-

зан с контрреволюцией и даже получал деньги из так называемого фонда Нобеля. Эти деньги были учреждены для финансирования врагов Советской России. Но под номером 33 в списке обвиняемых шел Н.С. Гумилёв, великий русский поэт. В его вину не мог поверить ни один здравомыслящий человек. За храбрость, проявленную на полях сражений первой мировой войны, он был дважды награжден «святым Георгием». И даже по словам «главы заговора» Таганцева, Н.С. Гумилёв говорил, что «переворот в России невозможен» и надеяться на это «глупо». Иные даже считали, что по своим политическим взглядам он был ближе к советской идеологии. Хотя Гумилёв, не будем забывать, даже пролеткультам частенько говорил: «Я — монархист». Но его не трогали, так как эти слова принимали за шутку. Но шутить так в ту эпоху было опасно. Тем более что порой его речи звучали как явный вызов власти... На лекции в литературной студии Балтфлота кто-то из матросов в присутствии какого-то цензора-комиссара спросил Гумилёва: «Что же, гражданин лектор, помогает писать хорошие стихи?» — «По-моему, вино и женщины», — ответил лектор. Ответ мог иметь только одну цель: подразнить «начальство». Начальство и в отношении поэзии насаждало воспитание в духе марксизма. Спецу разрешалось говорить о технике стиха, «идеологию» комиссары оставляли за собой. А тут вдруг скандальный совет воспитывать в себе поэта не с помощью «Капитала». Ну, комиссар и попросил его прекратить занятия в студии Балтфлота.

Ему в ЧК инкриминировали участие в организации, где он якобы содействовал

Татарские типы в XIX веке

составлению «прокламаций контрреволюционного содержания», обещая привлечь группу интеллигентов к «восстанию». За это Гумилев получил 200 000 рублей. Его арестовали 3 августа 1921 г., и через три недели расстреляли. Всех участников «таганцевского дела» расстреляли. Адвокат Кони писал, что за проступок (фактически за доноительство) назначение такого наказания выглядело чудовищным. В. Иванов в беседе с М. Альтманом так отреагировал на дикое неправдоподобное событие: «Слышали Вы о смерти Гумилёва? — Нет, не о смерти, а об убийстве гнусном, отвратительном. Его убила ЧК по обвинению в каком-то контрреволюционном заговоре (человек 60 всего убили, называют профессора географии Таганцева, Попова, даже (но я не верю — было бы слишком ужасно) (историка) Гревса. Я очень любил Гумилёва, это показывает вся моя жизнь... И если всякие убийства противны, то в революциях особенно противны те, которые наименее стихийны и совпадают не с подъёмом революционной волны, а с её упадком. Тогда палачи особенно омерзительны, как этот Калигула — Зиновьев... Да, неслыханная это тирания, убивающая всех, кто смеет быть собой». В день ареста Гумилёва друзья предупреждали его об опасности и предлагали бежать. Известен и его ответ предлагавшим спасение путём бегства: «Благодарю вас — только бежать мне незачем — большевики трусы, они не посмеют меня тронуть!» Он не знал страха, ибо был уверен: «Я, носитель мысли великой, не могу, не могу умереть» (1914). Говорят, что в тюрьму с собой он взял книги — Евангелие и Гомера. В. Неведомская пишет: «Для него война была тоже игрой — весёлой игрой, где ставкой была жизнь. При большевиках он с увлечением составлял заговор среди матросов. Арестованный, он спокойно заявил себя монархистом и непримиримым противником большевизма. Несомненно, что и на расстрел он вышел совершенно спокойно...»

Безжалостная судьба свела тогда русского Гомера, Гумилева, каинов-чекистов Яacobсона и Агранова... В обвинительном заключении было сказано: «В своих показаниях гр. Гумилев подтверждает вышеуказанные против него обвинения и составле-

Н. Гумилёв, А. Ахматова и Л. Гумилёв. 1915 г.

ние прокламаций контрреволюционного характера. На расходы Гумилёву было выдано 200 000 рублей советскими деньгами и лента для пишущей машинки. В своих показаниях гр. Гумилёв подтверждает вышеуказанные против него обвинения виновность в желании оказать содействие контрреволюционной организации Таганцева, выразившееся в подготовке кадров интеллигентов для борьбы с большевиками и в сочинении прокламаций контрреволюционного характера». Сюда был приложен подлинник допроса поэта. В протоколе допроса говорилось (лист № 86): «Допрошенный следователем Яacobсоном, я показываю следующее: летом прошлого года я был знаком с поэтом Борисом Вериним и беседовал с ним на политические темы, горько сетуя на подавление частной инициативы в Советской России. Осенью он уехал в Финляндию, через месяц я получил в моё отсутствие от него записку, сообщавшую, что он доехал благополучно и хорошо устроился. Затем, зимой, перед Рождеством, ко мне пришла немолодая дама, которая мне передала недописанную записку, содержащую ряд вопросов, связанных, очевидно, с заграничным шпионажем, например, сведения о готовящемся походе на Индию. Я ответил ей, что никаких таких сведений я давать не хочу, и она ушла. Затем, в начале Кронштадтского восстания ко мне пришел Вячеславский с предложением доставлять для него сведения и принять участие в восстании, буде оно переносится в Петроград. От дачи сведений я отказался, а на выступление согласился, причём сказал, что

мне, по всей вероятности, удастся в момент выступления собрать и повести за собой кучку прохожих, пользуясь общим оппозиционным настроением. Я выразил также согласие на попытку написания контрреволюционных стихов. Дней через пять он пришел ко мне опять, вёл те же разговоры и предложил гектографировальную ленту и деньги на расходы, связанные с выступлением. Я не взял ни того ни другого, указав, что не знаю, удастся ли мне использовать ленту. Через несколько дней он зашел опять, и я определенно ответил, что ленту я не беру, не будучи в состоянии использовать, а деньги 200 000 взял на всякий случай и держал их в столе, ожидая или событий, то есть восстания в городе, или прихода Вячеславского, чтобы вернуть их, потому что после падения Кронштадта я резко изменил моё отношение к Советской власти. С тех пор ни Вячеславский, никто другой с подобными разговорами ко мне не приходили, и я передал всё дело забвению. В добавление сообщаю, что я действительно сказал Вячеславскому, что могу собрать активную группу из моих товарищей, бывших офицеров, что являлось легкомыслием с моей стороны, потому что я встречался с ними лишь случайно и исполнить моё обещание мне было бы крайне затруднительно. Кроме того, когда мы обсуждали

сумму расходов, мы говорили также о миллионе работ. Гумилёв. Допросил Яковсон 18.8.1921 г.». На основании вышеизложенного следователь Яковсон и выносит своё резюме — «Считаю необходимым применить по отношению к Гумилёву... как явному врагу народа и рабоче-крестьянской революции высшую меру наказания — расстрел». Среди убийц Гумилёва — Яковсон, Агранов, Семенов... Некогда этот поэт написал о смерти:

*Она везде — и в зареве пожара,
И в темноте, неожиданна и близка,
То на коне венгерского гусара,
А то с ружьем тирольского стрелка.*

Говорят, М. Андреева, бывшая ранее женой Горького, ворвалась ночью к Луначарскому, умоляя спасти поэта: «Медлить нельзя. Надо спасти Гумилёва. Это большой и талантливый поэт. Дзержинский подписал приказ о расстреле целой группы, в которую входил и Гумилёв. Только Ленин может отменить... расстрел». Делать вывод, что «Ленин дал согласие на расстрел Гумилёва», вроде бы оснований и нет. Но то, что он не остановил расстрел, это факт. Ведь Горький после долгих колебаний всё же позвонил Ленину в 4 часа ночи. Тот взял трубку, выслушал, минуту помолчал и яко-

Г.Е. Зиновьев

Я. С. Агранов

бы произнес фразу, прозвучавшую, словно залп: «Мы не можем целовать руку, поднимающуюся на нас». На ум вновь приходят слова большевистского вождя той поры: «...повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не менее 100 заведомых кулаков, богачеев, кровопийц»; или фраза: надо «растреливать заговорщиков..., никого не спрашивая, не допуская идиотской волокиты». Хотя тот же Ленин вдруг пришлёт крайне «либеральную телеграмму» царицынской Губчека: «За изуродование портрета арестовывать нельзя». От слов веет фарисейством, безжалостностью инквизитора.

Жестокое время. Страшные люди. Можно спорить о «деле Таганцева» — сфабриковано оно или нет (хотя есть документы, говорящие, что Таганцев был членом контрреволюционного «Национального центра» и деньги от Нобеля всё же получал!). Но очевидно, что это был расстрел «не Гумилёва, а культурной России»... Н.С. Таганцев — видный юрист России, автор «Русского уголовного права», с 1906 г. член Государственного совета. В течение ряда лет он председатель уголовного отделения Петербургского юридического общества, в

**Профессор Н.С. Таганцев,
чей сын расстрелян в ЧК**

1915—17 гг. почётный председатель Русской группы криминалистов. Таганцев придерживался либеральных взглядов, защищал одного из подсудимых на громком политическом «процессе 193-х» (1877—78), выступал и против смертной казни (автор «Смертной казни», 1913 г.). Добавлю, что в 1921 г. в связи с арестом сына, обвинённого в контрреволюционном заговоре, профессор Н.С. Таганцев обратился лично к Ленину, с отцом которого был достаточно близко знаком в Пензе, пытаясь спасти сына от гибели. Но всё было напрасно. Ленин не внял просьбе коллеги. Безжалостный расстрел сына ускорил смерть Н.С. Таганцева. Виновниками расстрела считают Зиновьева, Агранова, Якобсона. Я. Агранов являлся главой особого отдела ВЧК по делам высылки интеллигенции, заместителем председателя ОГПУ. Хотя справедливости ради надо сказать, Агранов, видимо, не был согласен с этим решением, так как написал резкое письмо Дзержинскому, пытаясь оспорить правоту решения по Гумилеву. Что же касается Зиновьева, тот был сатрапом Петрограда. Н.Н. Берберова писала о фигуре Зиновьева и о его беспредельной власти в Петрограде: «Сейчас трудно себе представить, какую ни с чем не сравнимую власть имел этот человек, стоявший с момента Октябрьской революции на третьем месте в иерархии большевиков после Ленина и Троцкого, оставив позади себя и Каменева, и Луначарского, и Чичерина, и Дзержинского. В «Петроградской правде» каждое утро Зиновьев писал: «Я объявляю», «Я приказываю», «Я запрещаю», «Я буду карать безжалостно», «Я не потерплю»... и за этим чувствовался чудовищный аппарат неимоверной силы, который был у него в руках и которым он владел, не давая ни себе, ни другим ни минуты покоя. Всё, что он ни делал, получало, постфактум конечно, апробацию Кремля, и он это знал. С Лениным он жил в Швейцарии, с Лениным он приехал через Германию в Петроград и теперь был фактически единоличным диктатором севера России, опираясь на мощный аппарат ВЧК, созданный Урицким». Петербургский Пилат, посланный Москвой или за границей (мало кто знает, что брат Зиновьева был генералом во Франции и служил в разведке). Когда Зиновьева однажды спросили, чем объясняется столь суровое

преследование творческой интеллигенции, тот ответил в том духе, что творческие люди могут размягчить сердце народа, а оно должно быть твёрдым и несокрушимым как сталь. И эта злая сила дорого обойдётся народу, интеллигенции, которую втопчет в грязь власть иудеев. Со смертью Гумилёва русская поэзия, литература, культура обрядилась в чёрные одежды. Страховский скажет: «Но судьба была жестока к Гумилёву. Его конец — пуля чекиста в затылок и безвестная могила. Глубочайшая трагедия русской поэзии в том, что три её самых замечательных поэта кончили свою жизнь насильственной смертью и при этом в молодых годах: Пушкин — тридцати семи лет, Лермонтов — двадцати шести, и Гумилев — тридцати пяти». О причинах казни сегодня строятся многочисленные догадки и версии. Поэт Ходасевич считал, что Гумилёва убили «ради наслаждения убийством вообще, ещё — ради удовольствия убить поэта, ещё — для острастки». И напрасны были отчаянные надежды его жены, Ахматовой, что мужа всё же пощадят, и «над шеей безвинной и нежною не подымется скользкий топор». Топор иудейских палачей не дрогнул, увы, — и под его безжалостным лезвием слетела голова этого великого русского поэта.

*Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В тёмной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла...*

А. Ахматова

Стоит вспомнить тут тираду еврея-авантюриста Блюмкина, состоявшего в ВЧК, этого выкорымыша Троцкого. Он как-то предлагал своим друзьям — поэту Есенину и Мандельштаму — пойти полюбоваться, как в подвалах Лубянки расстреливают «контру». «Вон, видите, вошёл поэт, — хвастался он им в писательском кафе. — Он представляет большую писательскую ценность. А если я захочу — тут же арестую его и подпишу смертный приговор. Но если он нужен тебе, — обратился Блюмкин к Мандельштаму, — я сохраню ему жизнь». Гумилёву жизнь сохранить не захотели... Очевидцы о его смерти говорили: «Знаете, шикарно умер. Я слышал из первых уст. Улыбался, докурился папироску... Даже на ребят из осо-

Анна Ахматова

бого отдела произвёл впечатление... Мало кто так умирает». Словно предчувствуя скорую трагическую гибель, Гумилёв написал в 1918 г. провидческие строки:

*Когда же смерть, грустя немного,
Скользя по роковой меже,
Войдёт и станет у порога, —
Мы скажем смерти: «Как, уже?»
И не тоскуя, не мечтая,
Пойдём в высокий Божий рай,
С улыбкой ясной узнавая
Повсюду нам знакомый край.*

Тогда серьёзным основанием для казни вполне могло стать даже то, что ты просто — талантливый русский! Вспомним, как Коган (из ростовской «чрезвычайки») задумал убить Шолохова. Он провоцировал его арест (в чём вынужден был лично признаться перед Сталиным и Шолоховым). Как скажет в «Тихом Доне» один из героев роман, «подешевел человек за революцию». Против тирании ВЧК выступили писатели и деятели культуры: И. Бунин, В. Короленко, М. Волошин, М. Горький... Они осуждали творимые в чрезвычайках зверства и жестокости (осуждали, противодействуя, насколько

это было возможно). Короленко бросался спасать обречённых, что подтверждают и свидетельства современников. В.В. Беренштам вспоминает, как отреагировал писатель на предложение председателя губисполкома «поселиться за городом, ...вдали от всей этой передряги»: «Никуда, никуда не поеду! — закричал Владимир Галактионович. — Буду здесь, буду здесь! Буду всё время им писать!». Буквально за пару дней до смерти Короленко шлёт председателю губернской Чрезвычайной комиссии последнее ходатайство за арестованного. И это несмотря на то, что его собственное состояние было тяжёлым. Фактически он был уже на краю могилы. В 1991 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменила решение ЧК по Гумилёву, постановив дело прекратить за отсутствием состава преступления. Поэт Н. Гумилев, чья смерть на совести иудейской тирании, живёт в наших сердцах...

*Ни креста, ни могилы,
Только наспех зарыт,
Только звёзды застыли,
Только вечность летит...*

Без суда и следствия убили и М.О. Меньшикова, убили по сути дела за «русскость», за то, что не прощал «чужакам» и «нехристям» их ненависти к великому Русскому Народу. Он защищал свой народ так, как не защищал никто! Да, он был националист! Побольше бы нам нынче вот таких националистов... «Есть у нас воинствующие национализмы, но они не русские, а инородческие, — писал он в статье «Дело нации» в 1914 г. — Наш русский национализм... вовсе не воинствующий, а только оборонительный, и путать это никак не следует. Мы, русские, долго спали, убаюканные своим могуществом и славой, — но ударил один гром небесный за другим, и мы проснулись и увидели себя в осаде — и извне, и изнутри... Однако казнили его еврейские «товарищи», конечно, не за это. Может, это бы ещё ему простили. Убили же, убеждённый, за цикл статей из «Писем к русской нации» («Еврейское нашествие», «Сверхнарод», «Расовая борьба», «Еврейский натиск» и др.). Чтобы суть их была ясна, приведём лишь ряд отрывков из упомянутых статей. Вот, скажем, что он писал в статье «Народоубий-

ство»: «Достаточно припомнить имена главных вожаков нашей смуты: Гершуни, Рубанович, Гоц, Швейцер, Рутенберг, Азеф, Чернов, Бакай, Роза Бриллиант, Роза Люксембург и пр. и пр. Все сплошь евреи, как еврейскими же оказались в печати и обществе пристанодержатели революции жидокадетского лагеря. Убийство великого князя Сергея Александровича организовано Розой Бриллиант. Главарём же московского вооружённого восстания явился Мовша Струнский. Бунт на «Потёмкине Таврическом» наложен был Фельдманом. Группой максималистов социал-революционеров — этой, по отзыву А.Л. Липранди, зловреднейшей революционно-анархической шайки, совершившей бесчисленные террористические преступления, заправляла Фейга Элькина. Знаменитый «совет рабочих депутатов», игравший некоторое время роль революционного правительства в Петербурге, руководился такой компанией, как Бронштейн, Гревер, Эдилькен, Гольдберг, Фейт, Маце-

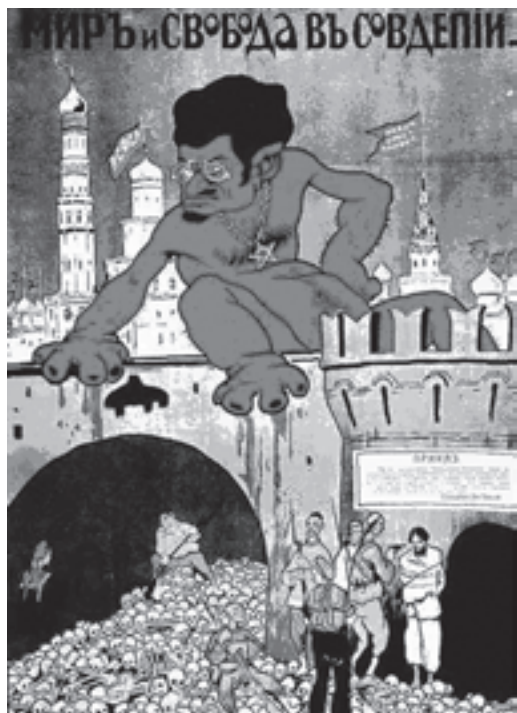

Антисемитский плакат

лев, Бруссер; сам председатель совета Хрусталёв оказался евреем Носарем. Отставной лейтенант Шмит, главарь севастопольского бунта, хвастался тем, что он орудие евреев. Трудно не присоединиться к словам такого знатока еврейского вопроса, как г-н Липранди: «Вот кто скрывался за кулисами русской революции и кому Россия обязана потрясениями, унижениями и разорением последних лет! Вот чьими благородными побуждениями разорваны бомбами и расстреляны из браунингов 50 000 русских людей, виновных только в том, что они — русские! Вот по повелению какого синедрiona Россия принуждена была заключить позорный мир и в течение пяти лет терзалась анархией и заливалась кровью своих сыновей!». Или вот отрывок из «Еврейского нашествия»: «Под скромным именем «еврейского равноправия» отстаивающие его русские идиоты и в самом деле обрекают Россию на все ужасы завоевания, хотя бы бескровного. Подчеркиваю слово ужасы: вы, невежды в еврейском вопросе, вы, политические идиоты, — посмотрите же воочию, что делается в уже захваченных

евреями христианских странах! Посмотрите, в каком состоянии находится народ тех славянских стран, которые опаршивлены еврейским населением, хотя бы стран конституционных. Поглядите, как изнывает русское племя, такое же, как и мы, в австрийской Галиции. Поглядите, в каком унижении и нищете русское племя той части России, которая когда-то была захвачена Польшей и отдана на съедение паразитного народа. Ведь то же самое, а не что иное вы готовите и для Великой России... В эти дни, когда мы взволнованы воспоминаниями о крепостном праве, подумаем серьёзно: не накануне ли мы нового ига, несравненно горшего?» (1911). В статье «Сверхнарод» Меншиков говорит о микробах чумы, холеры, чахотки, сифилиса, проказы, рака и пр., которые во всем похожи на клетки нашего тела. И тут же, в той же плоскости, с явной аналогией переходит к описанию еврея: «Сколько ни вглядывайтесь в паразитный человеческий тип, например в еврея, вы ничего особенного не примечаете: человек как человек. Все основные признаки человека налицо. Только опытный антрополог, вроде Вирхова, да и то после тщательных исследований в состоянии подметить в еврее черты низшей расы, например «самый плохой в Европе череп» или примесь туранской и негритянской крови... Необходимо массовое наблюдение над жизнью и ролью евреев, чтобы убедиться, что это не простая человеческая клетка, а зловредный микроб, который в подавляющем большинстве если бы и хотел не вредить, уже не может этого». Но далее автор «утешает» нас, что «из сотни евреев до пятнадцати могут быть лишены специфически жидовских, именно паразитных качеств». Однако же общее правило таково, что еврей (т.е. типический еврей), мол, и «есть существо особого человеческого типа, именно паразитного, и в силу этого он по природе существо преступное в отношении тех обществ, на теле (или, вернее, в теле) которых он живет». Что тут скажешь?!

Читая эти и другие инвективы автора, направленные против еврейской нации в России, ощущаешь себя в положении гоголевского Тараса Бульбы или городничьего: то ли убить «сына-иудея», то ли отдать ему честь и склониться в поклоне, как пред ревизором! «Завоевание нас без войны, по-

«Мир и свобода» в Совдепии

корение нас без боя?!» Да не про нас это, нет такой силы в мире, которая могла бы покорить русского человека, если он не сочтёт нужным «покориться», претерпеть сам. С другой стороны, нельзя всю вину за террор взваливать на большевиков или евреев. Это лишь часть правды, а значит ложь. Нельзя же оставаться круглым идиотом, подавая дело так, что революцию в России вызвало «всею лишь несколько десятков тысяч евреев», что стали, «как истинные паразиты... множиться с поразительной быстротой и поражать прежде всего нервные, духовные центры нации: общественное мнение, печать, литературу, школу, театр, свободные профессии, причём гнилостное разложение древнекультурного нашего духа очень быстро повело к мятежу». Всё сложнее, неоднозначнее, трагичнее. Если уж быть честным до конца, то надо сказать: в первую очередь правящий класс России стал паразитом — а уж на его вшивом теле, простите, и расплодился этот ребята. Или, скажем, монархист И. Солоневич ставит им в вину массовые казни и пытки нашего народа. «Большевики всё время пытались поднять массовый террор против дворянства и буржуазии — как это в своё время было сделано якобинцами. Ничего не вышло. Ни сентябрьских убийств, ни нуайяд не получилось. Пришлось за организацию террора взяться им самим. И запрятать этот террор в чекистские подвалы, а не выносить его на арену Гревской площади. Большевики систематически подзуживали массы к грабежу. Ничего не вышло, массы грабить не пошли, хотя могли это сделать не только безнаказанно, но даже и начальственное благословение заслужить. И когда эти призывы остались совершенно втуне, большевики принялись организовывать «дни мирного восстания», о которых я писал в своей книге. На трехсоттысячное население Одессы нашлось около тысячи подонков. Были ли эти подонки рабочим классом?» Как ещё вышло! И без всяких большевиков всё было. Грабили и убивали. А потому не надо позорить и оскорблять и евреев. Как могли, они служили и служат русской державе. Если виноват, русский ли, еврей, грузин, хохол, судить, сослать или расстрелять — и дело с концом. Но тем более нельзя позволять оскорблять русский народ! Его в последние годы сделали исчадием ада и виновником

всех грехов паразиты, еврейские публицисты, писатели, журналисты и монархисты. Хотя может статься в жизни и так: «Будешь служить врагу твоему, которого пошлет на тебя Господь, в голоде, и жажде, и наготе и во всяком недостатке; он возложит на шею твою железное ярмо, так что замучит тебя... Пошлёт на тебя Господь народ издалека, от края земли; как орел налетит народ, которого языка ты не разумеешь, народ наглый, который не уважит старца и не пощадит юноши» (Втор. Гл. 28, 48—50). Такое с нами уже случилось. А замечательного русского публициста и мыслителя М.О. Меньшикова, мир его праху, расстреляют на берегу Валдайского озера, в виду Иверского монастыря в 1918 г. Может быть, тогда в своей последней молитве просил он Господа как-то оберечь его, хотя бы спасти шестерых его детей. Меньшикова расстреляли-то почти на глазах у семейства. Расстреляли за то, за что ещё не раз придется страдать русским патриотам и нашего поколения. За ум, за то, что он пытался найти выход чувству, оскорбленному чувству русских. Его слова (не все) должны отпечататься в сердце каждого истинного русского: «Мы вовсе не хотим быть подстилкой для целого ряда маленьких национальностей, желающих на нашем теле располагаться и захва-

Иллюстрация к «Записке Даля»

тивать над нами власть. Мы не хотим чужого, но наша — Русская Земля — должна быть нашей». Эти слова должны быть вписаны золотыми буквами в устав правительства — и выполняться неукоснительно.

Буквально перед гибелью со страниц дневника он шлёт крик отчаяния. Признавая законность исторической эволюции, он настаивает на том, чтобы замену строя производить «с крайней осторожностью»: «Наши же товарищи хотят вколачивать в мясо живого общества свои отвлечённые идеи, как гвозди: молотом тирании, сверхсамодержавной, божественной властью — на том только основании, что в их лапе пулемёт... Хочется крикнуть: стойте, товарищи, — неужели это не глупо — отправлять друг друга в сырую яму, превращая в мешок с костями, вместо того, чтобы договориться о том, чтобы устроиться мирно и безобидно? Пока вы держите друг против друга бомбы и пулеметы — вы лишь медиумы этих демонов, они внушают вам идиотические решения. Прежде всего бросьте их, разоружитесь, освободитесь от дьявольского гипноза — непременно смертью создавать жизнь. А затем попытайтесь найти почву взаимной уступчивости, справедливости, уважения к чужой свободе. Иного пути при столкновении нет, как вежливо обойти друг друга». Потрясающая наивность умного и достойного русского интеллигента. Это у путника тысячи дорог, а у нации, особенно если речь идет о пути развития, выбор невелик. Кому-то идти дальше, а кому-то надо уступить. Меньшиков, в душе, и сам всё понимает: «Рассуждаю так — одно из двух: или социализм восторжествует у нас надолго, — и тогда отобрание собственности вопрос времени, — всё равно придётся с ним мириться. Или он провалится, и тогда есть шанс, что отобранная собственность будет возвращена. Ну, хоть часть её, если не вся». Вот что стояло (и стоит) за громкими речами о свободе личности, славе России, культуре, и прочими фантомами. И у Меньшикова тут вырывается: «Вот когда чувствуешь преступность старого порядка: он своим бездействием довёл нас всех до столь чудовищного нравственного одичания». Он уже готов кое-что и понять: «Я понимаю: вводите социализм, — вводите коммунизм, но оставайтесь верными своей же основ-

ной идее — справедливости... оставьте же хотя бы прожиточный минимум для семьи...» Его ждал «радикальный способ спасения» — смерть! Одна из женщин, Н. Чхедидзе писала: «Я... готова взорвать Вас, пойти с кадетами, с Корниловым, с самим чёртом, только бы, наконец, можно было сказать, что... сегодня не будет резни и убийств, не будет серый хам издеваться над чувствами и человеческим достоинством интеллигента, в том числе и офицеров, среди которых так много пострадавших при Николае студентов и просто интеллигентов...» Понимаем и разделяем их чувства — боль, горечь и даже ненависть. И.А. Бунин писал: «Нельзя огулом хаять народ!» А «белых», конечно, можно. Народу, революции всё прощается, — «всё это только эксцессы». А у белых, у которых всё отнято, поругано, изнасиловано, убито, — родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сёстры, — «эксцессов», конечно, быть не должно». Да, что и говорить, все люди в той или иной мере стали жертвой, но жертвой своих же деяний и заблуждений.

Тогда же большевики несколько раз арестовывали и дочь Льва Николаевича Толстого — А.Л. Толстую. Её обвиняли в хранении архива историка Мельгунова, в принадлежности к контрреволюционной деятельности некоего «Тактического центра» и бог знает ещё в чем. Однако, поскольку речь

М.О. Меньшиков с дочерью

шла всё-таки о дочери Л. Толстого, «зеркала русской революции», вопрос о её судьбе чекисты решат вынести на суд Кремля. Вопрос рассматривался 15 мая 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б). Присутствовали: Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Преображенский, Калинин, а также Крыленко, Агранов и др. Толстая написала Ленину письмо, где бросила ему упрёк, сравнив царские и советские нравы: что её отец, Л. Толстой, хотя открыто и обличал царское правительство, тем не менее «даже тогда оставался свободным». Главный обвинитель Н. Крыленко потребовал для 20 подсудимых наказание в виде смертной казни. «Такой суд, — вспоминала о событиях тех страшных дней Толстая, — не просто суд, а испытание. Смерть витала над головами людей». В ход процесса неожиданно вмешался Троцкий, заступившись за молодого учёного и заметив, что такие люди всё же нужны Советской республике. В итоге расстрел всем был заменён тюрьмой — на срок от 3 до 10 лет. Мак-

А.Л. Толстая

Отблески «красной зари»

симальный срок получили: Д.М. Щепкин, С.М. Леонтьев, С.П. Мельгунов и С.Е. Трубецкой. Что касается А.Л. Толстой, революционный трибунал постановил: «Заключить в концентрационный лагерь на 3 года». Поместили в застенки Новоспасского монастыря, переоборудованного в концентрационный лагерь. О днях и месяцах пребывания в лагере она напишет потом в книге «Проблески во тьме». В частности, на неё произвело впечатление то, как «высший свет нового общества» использовал уголовников и проституток для раскапывания по ночам могил в монастыре. И после выуживания добычи из могил (колец, монет, украшений) стража всё это отбирала. На помощь узнице пришла тогда Коллонтай, она ходатайствовала за неё во ВЦИК, и А.Л. Толстая была освобождена из концлагеря досрочно. На свободу она вышла в морозный февральский день 1921 г. «Дух человеческий свободен! Его нельзя ограничить ничем: ни стенами, ни решетками!», — вспомнила она надпись, которую оставила на стене камеры перед выходом с Лубянки, и вслух повторила: «Дух человеческий свободен!» Но ночь Террора опустилась на бедную Русскую Землю. В ночи сей звучала едва ли не одна мелодия — мелодия ненависти, «музыка злобы». И некому было заглушить эту музыку... Вспомнились строки поэта Некрасова из его поэмы «Сашка», обращённые к народу. Поэт писал:

В ком не воспитано чувство

свободы,

Тот не займёт его; нужны не годы —

Нужны столетия, и кровь, и борьба,

Чтоб человека создать из раба.

И расплата была неминуема. Не хотели слышать просьб и мольбы народа, узнаете тяжесть отмщения. Битва шла не на жизнь, а на смерть. Гражданская война — самый свирепый вид борьбы. Люди на ней совершенно теряют человеческий облик, на какой бы они стороне не сражались. Вспомним, что даже благообразный Г. Плеханов, по воспоминаниям П.Л. Лаврова, 2 марта 1881 г. разбудил его в Париже в 4 часа утра и радовался как малое дитя, когда услышал «радостную весть» об убийстве императора Александра II («с восторгом сообщил мне о террористическом успехе»). Ленин знал: всех их, красных вождей, в случае победы белых, прикончат, растерзают, разорвут на части. Видимо, так оно и было бы. О напряжённости и чрезвычайности ситуации в марте 1919 г. (время наибольшего успеха белых) говорят и воспоминания Е.Д. Стасовой, бывшей дворянки, внучки критика-демократа Стасова, в те времена члена ЦК, а затем ещё и ЦК. Она как о само собой разумеющемся писала: «Не исключено было, что партии нужно было позаботиться о паспортах для всех членов ЦК и для Ленина, в первую очередь, обеспечить партию и материальными средствами». С этой целью большевики даже отпечатали большое количество бумажных денег царских времен (так называемых екатеринок, то есть, сторублевок с портретом Екатерины II). Их упаковали в специально изготовленные оцинкованные ящики и передали на хранение в Петроград Н.Е. Буренину (купцу по происхождению), который и закопал их под Питером. На имя Буренина оформили в собственность владение гостиницей «Метрополь» («с целью материального обеспечения партии»). Глава ВЦИК Свердлов держал в сейфе на случай неотложного бегства золото, драгоценности, заграничные паспорта для себя и своей семьи на чужие фамилии. С момента его смерти в марте 1919 г. личный несгораемый шкаф так и не открывали. 27 июля 1935 г. сейф вскрыл нарком внутренних дел СССР Г. Ягода и доложил Сталину, что им там обнаружено: золотых монет царской

чеканки на 108 525 руб., 705 золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, чистые бланки паспортов царского образца, царских денег 750 тыс. руб. и 7 уже заполненных иностранных паспортов, в том числе и на имя Свердлова. Палач, вор и бандит во главе ВЦИКа! Вопрос в гражданской войне стоял сурово, бескомпромиссно: «Или белые уничтожат красных, или красные — белых!» Всё остальное — это так сказать пустая «лирика».

Глава 13. Место ВЧК в борьбе против контрреволюции и роль Ф.Э. Дзержинского

Историческая объективность требует от нас предоставить слово и легендарному «рыцарю революции», «железному Феликсу», как называли соратники Ф.Э. Дзержинского (1877—1923)... Так кто же он такой, Феликс Эдмундович Дзержинский (1877—1926)? «Палач и изверг», каких ещё и свет не видывал, «чудовище», которое по числу жертв, как утверждал Р. Гуль, превзошло и яковинцев, и испанскую инквизицию, и терроры всех реакций? И справедливо ли утверждать, что с именем польского дворянина Дзержинского связано в истории Рос-

сии самое страшное её лихолетье? Кто он, «святой убийца», как его называли порой современники (из числа белогвардейцев и врагов РСФСР), или «юный Рафаэль», что писал (пусть даже и кровью) величественное полотно самой грандиозной из всех революций, которую за многотысячелетнюю историю знал мир?! А если так, то мы с вами всё-таки вправе и ныне сказать, вместе с поэтом революции Маяковским:

*Юноше, обдумывающему житьё,
Решающему — сделать бы жизнь*
с кого?

*Скажу, не задумываясь:
«Делай её с товарища*
Дзержинского!»

Конечно, давать оценку человеку, жившему сто лет тому назад в совсем иную эпоху, очень трудно... И ещё труднее правильно понять мотивации его поступков и характер. Феликс, безусловно, человек крайностей. В его письмах, которые впервые увидели свет, содержатся потрясающие страницы духовных исканий, взлётов и падений этой яркой личности... То он видел себя Христом, сошедшим на землю, чтобы

Ф. Дзержинский в молодости

**Феликс Дзержинский
в царской тюрьме**

принести народам справедливость и правду, то считал себя маленьким карликом, что чрезвычайно возгордился и вообще не достоин радости бытия. Ф.Э. Дзержинский писал в дневнике: «...Я возненавидел богатство, так как полюбил людей, так как я вижу и чувствую всеми струнами своей души, что сегодня... люди поклоняются золотому тельцу, который превратил человеческие души в скотские... и изгнал из сердец людей любовь... Помни, что в душе таких людей, как я, есть святая искра... которая даёт счастье даже на костре». И далее: «Я всей душой стремлюсь к тому, чтобы не было на свете несправедливости, преступлений, пьянства, разврата, излишеств, чрезмерной роскоши, публичных домов, в которых люди продают своё тело или душу или и то и другое вместе; чтобы не было угнетения, братоубийственных войн, национальной вражды... Я хотел бы объять своей любовью всё человечество, согреть его и очистить от грязи современной жизни...» Увы, то была пора, не очень-то располагающая к любви. Да и всё человечество, как известно, «объять» куда как проще, чем отдельного человека. «О злых деяниях и говорить нам тяжко», — писал трагик Софокл... Юный революционер по кличке «Астроном» после проведенных в царской тюрьме 11 лет был поставлен на страшную работу: отбирать жизнь у тех, кто пошёл против воли наро-

да. А между тем «железный Феликс» в молодости, казалось, создан для другого — давать и продолжать жизнь. Он привлекателен и пользуется успехом у гимназисток. О неизвестном Дзержинском и его взаимоотношениях с женщинами пишет в книге «Я тебя люблю» один из её составителей, профессор кафедры отечественной истории Академии ФСБ РФ А. Плеханов... Сохранились даже письма Дзержинского к женщине, Маргарите Николаевой, первой настоящей его любви (1898—1899). Перед нами предстаёт любовный роман двух единомышленников и идейных товарищей. И хотя они были близки всего-то несколько дней, их чувства от этого нисколько не уменьшились, скорее наоборот. Но врачи сказали Дзержинскому в 1899 г., что он тяжело болен, жить ему осталось один-два года, не более. Врачи подозревали у него скоротечную чахотку... Тогда Дзержинский и написал Маргарите прощальное письмо: «Ты продолжи это дело, за двоих, а я спокойно могу уйти в тот мир» (в мир иной).

В высшей степени интересны и слова, которые Феликс доверил своему дневнику после знакомства с М.Ф. Николаевой: «...Как жалко, что она не мужчина. Мы могли бы быть тогда друзьями, и нам жилось бы хорошо, ...поддерживая друг друга, могли бы с огромной пользой прожить это время. Женщин же я, право, боюсь. Боюсь, что дружба с женщиной непременно должна перейти в более зверское чувство. Я этого допускать не смею. Ведь тогда все мои планы, вся жизнь должна будет очень и очень сузиться. Я тогда сделаюсь невольником этого чувства и всех его последствий». И его страхи можно понять. Нужно делать выбор: кому всё же отдаться полностью и без остатка — женщине или революции! Была у него и другая любовь, столь же трагическая и скоротечная... После побега из Верхоленска по пути в очередную ссылку он оказался за рубежом. С ним встретилась там Юлия Гольдман. Но и с ней отношения были недолгими — она умерла у него на руках от туберкулеза в 1904 г. в санатории в Швейцарии. Так судьба или Господь отняли у него двух женщин, которые, возможно могли изменить его судьбу. Говорят даже о трёх женщинах. Став революционером, он с братом упражнялся в стрельбе из револьвера по мишеням, но ошибка в расчёте или

Ф.Э. Дзержинский и его женщины

дрогнувшая рука привели к трагедии. Они убили наповал их сестру. Дзержинский считал, что является бродягой, связывать с ним жизнь всё равно, что «беду нажить». В 1910 г. в жизни Дзержинского появилась ещё одна женщина, С. Мушкат. Он знал её по совместной революционной работе. «Они поженились, у них родился сын. Безусловно, это была крепкая семья. Но жизни — нормальной семейной жизни в нашем понимании — не было. Редкие встречи, общественные нагрузки...». Впрочем, ведь таковы или очень схожи были тогда судьбы многих других «инфернальных молодых людей», что шли в Революцию, тех, кто в служении Народу обрели единственного и истинного Бога и свою единственную любовь... Они не хотели служить сильным мира сего! Отдали свою жизнь тем, кого оставили все — и боги, и власти, и капиталы. По словам чекиста Лациса, единственной дамой сердца Феликса «была пролетарская революция». Этот «горячий кровный конь», как однажды назвал его В.И. Ленин, любил лишь Россию. Да, да, он любил Россию, несмотря на то, что был поляк и, казалось, не мог любить русских. В 6 классе он даже мечтал о том, чтобы где-то «найти шапку-невидимку, чтобы уничтожить всех москалей!» То были яркие и сильные личности. Г.В. Чичерин написал прекрасный труд о Моцарте, говоря о двух страстях, которые были в его жизни — Моцарт и Революция. Чекист В.Р. Менжинский — любитель персидской

лирики, автор декадентских романов. Допускаю, что Ф. Дзержинский, как и его помощник Менжинский (знавший 14 языков, включая 2 восточных), были фанатиками. Но это фанатизм самой высшей пробы, с которого начинаются все великие деяния истории... Ему будут потом, как и Ленину, приписывать чудовищные фразы, типа: «Пусть 90 % русского народа погибнут, лишь бы дожили до мировой революции». Никто таких фраз не говорил. Но эту ложь охотно используют клеветы буржуазии, у которой одно упоминание о революции народа 1917 г. вызывает дрожь, ненависть и злобу. А ведь мартиролог их жертв и преступлений превосходит все прочие.

Если ты честен и претендуешь на глубокое понимание истины, надо оценивать события тех лет, исходя из той суровой обстановки. Р. Гуль начинает свою книгу «Дзержинский (Начало террора)» с запоминающейся и яркой сцены, описывающей, как Ленин искал своего Фукье-Тенвиля (как известно, Фукье-Тенвиль был обвинителем революционного трибунала в эпоху Великой французской революции, проводником политики террора против контрреволюционеров, осудивший на смерть более 2400 человек. — В.М.)... «19-го декабря 1917 года в Смольном в комнате № 75 короткими шажками бегал лысый человечек в потрепанном пиджаке. Это вождь октября, Ленин, волновался, слушая доклад управляющего делами совнаркома, прожжённого циника Владимира Бонч-Бруевича. Управляющий докладывал о царящей панике среди головки партии, о поднимающемся недовольстве народа против большевиков, о возможности заговоров и покушений. Ленин перебил Бонча недовольно. «Неужели же у нас не найдется своего Фукье-Тенвиля, который привёл бы в порядок контрреволюцию?» И на другой день образ Фукье-Тенвиля октябрьской революции не заставил себя ждать. Этот человек жил тут же, в снежном городе Петра, захваченном большевиками. Высокий, похожий на скелет, одетый в солдатское платье, висевшее на нём как на вешалке, 20-го декабря в Смольном на расширенном заседании совнаркома появился Феликс Дзержинский. Под охраной матросских маузеров, в куreve, в плевках, в шумe, в неразберихе событий, среди «страшных» и «весёлых чу-

Ф. Дзержинский — глава ОГПУ

довищ» большевизма, кого в минуту откровенности сам Ленин определял «у нас на 100 порядочных 90 мерзавцев», — после многих речей, «пламенея гневом», выступил и октябрьский Фукье-Тенвиль. Дзержинский говорил о терроре, о путях спасения их заговорщицкой революции. В его изможденном лице, лихорадочно-блестящих глазах и заостренных чертах чувствовался фанатик. Он говорил трудно, неправильно русским языком с сильным польским акцентом и неверными ударениями. Говорил, волнуясь, торопясь, словно не сумеет или не успеет сказать всего, что надо. «Революции всегда сопровождаются смертями, это дело самое обыкновенное! И мы должны применить сейчас все меры террора, отдать ему все силы! Не думайте, что я ишу форм революционной юстиции, юстиция нам не к лицу! У нас не должно быть долгих разговоров! Сейчас борьба грудь с грудью, не на жизнь, а на смерть, — чья возьмет?! И я требую одного — организации революционной расправы!» — криком заканчивал свою речь измождённый, насквозь больной человек, похожий на переодетого в солдатское платье мона-

ха. Фукие-Тенвиль найден», — заключает в своей повести Р. Гуль.

В докладе на заседании ВЦИК (17 февраля 1919 г.) им дан обзор деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии, объяснено, насколько это возможно, мотивы её действия и поведения в тот период. «Это был период самой острой и беспощадной борьбы с раскрываемыми контрреволюционными организациями, назывались ли они Союзом спасения родины и революции, или носили другие названия. Во главе их стояли агенты Алексеева, правые эсеры, Савинковы, Локкарты, Нулансы. Это был период самой напряженной внутренней борьбы с теми, которые поддерживались и опирались на союзных империалистов. Для того чтобы прекратить всякие разговоры и для того чтобы разбить эту сплошную офицерскую массу, нам пришлось действительно быть беспощадными. Нами была предпринята, с одной стороны, регистрация офицерства, а с другой стороны уничтожение всех тех, которые были уличены в принадлежности и участии в белогвардейской организации... С организационной точки зрения это был период, когда ВЧК разрослась, расширилась до целого ряда губернских чрезвычайных комиссий. Наступил 3-й период — период левозэсерского восстания, период чехословацкого фронта. Это был тот момент, когда создался новый внутренний фронт, который угрожал сердцу России — Москве, который занял Поволжье и отрезал нас от хлеботорных местностей. Вместе с тем все наши враги, которые были внутри страны, судорожно заработали над тем, чтобы разбить наши усилия создать сильную Красную Армию — армию рабочих и крестьян. И вот тогда, в период чехословацкого фронта, левозэсерского восстания и белого террора по отношению к нашим вождям, надо было призвать всё население к тому, чтобы на их белый террор ответить нашим красным террором. Красный террор был не чем иным, как выражением воли беднейшего крестьянства и пролетариата — уничтожить всякие попытки восстания и победить. И эта воля была проявлена. И вот краткий период этого красного террора обнаружил, что в самой России нет другой силы, кроме силы рабочих и беднейших крестьян и их партии — партии большевиков, что нет той

Дзержинскому дан мандат на создание ЧК

группы, что нет той партии и нет того класса, которые могли бы взять власть в России, кроме них. Красный террор победил, показав эту силу. Это было тем условием, при наличии которого можно было влить надежду и уверенность победы в сердца тех, которые среди нас самих может быть сомневались в успехе борьбы нашей, и доказать за границе, что силы наши неисчерпаемы». Слова Дзержинского помогают понять и тогдашнее состояние страны.

Гражданская война была временем «чрезвычайки», особых полномочий и террора. В числе особых органов в этот период выделилась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), в июне 1918 г. по численности превзойдя наркомат внутренних дел (около 1000 чел., а в 1921 г. уже более 137 тыс.). В состав ВЧК входили верные коммунисты, чей оклад, по некоторым оценкам, равнялся тогда 400 руб. для рядовых чекистов и 500 руб. для членов коллегии ВЧК (уровень оклада наркома). 5 сентября 1918 г., после покушения на Ленина и убийства председателя Петроградской ЧК Урицкого, был принят декрет о красном терроре, открывший широкий простор для деятельности репрессивных органов. К началу 1920 г. в концлагерях содержалось 13900 человек, в трудовых лагерях — 4100, в тюрьмах — 36 500.

Смертная казнь уже «в 1918 г. была восстановлена большевиками в пределах, до которых она «никогда не доходила и при царском режиме». В июне 1918 г. Ленин призвал соратников: «...Поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает». Хотя иные деятели правительства (комиссар юстиции И. Штейнберг и др.) и возражали против использования «заржавленного орудия варварства», тем не менее это «орудие» вытащили на свет. Но это был уже другой уровень террора, нежели царский или эсеровский террор. Никогда в истории под угрозой уничтожения не оказывались целые классы. «Мы не ведём войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора», — заявил Р. Лацис в «Красном Терроре». Он писал: «ВЧК не остава-

лось ничего другого, как приступить к уничтожению живой силы противника, к массовым расстрелам, т.е. к красному террору». Тухачевский во время разгрома восставших на Тамбовщине заявил: «Нужны террор и безоглядная наполеоновская сила». Хотя у террора могут быть различные средства убеждения — от слова до пули.

О том же говорит и «либерал» Н.И. Бухарин, ультра-левый «белокурый Макиавелли в кожаной куртке»: «Пролетарское приращение во всех своих формах, начиная с расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» («Экономика переходного периода». 1920). Расстрел понимается в то время всеми участниками гражданской войны в России как 'кара', 'наказание', 'последняя для казнимого и постоянно действующая для всякого иного человека мера устрашения и воспитания'. Как сказано в романе Ю. Германа: «Так что расстрел Эболи есть не просто наказание, а утверждение всей нашей будущей морали — как нам жить и что такое настоящий чекист. Правильно я говорю?» Или вот, скажем, сцена уже из более позднего времени, имевшая место в советской школе: «Декабрь 1930. С девятилетними детьми учительница прорабатывает тему о необходимости расстрела Рамзина и К° [процесс Промпартии]. Затем «резолюция» и вопрос: «Кто за расстрел, поднимите руку?» Поднимают все, кроме двух. Смущенная учительница: «Ребята, а вы что же?» Один мальчик наивно отвечает: «А я не хочу, чтобы расстреливали», на что его сосед, не менее наивно, отвечает ей: «Мария Александровна, они новенькие, они не знают, что поднимать руку обязательно». Эта философия массового убийства людей, вкладываемая государством в души детей, чудовищна, напоминающая падающую болезнь. Бухарин нашёл подходящую аналогию, процитировав несколько лет спустя слова Сен-Жюста: «Нужно управлять железом, если нельзя управлять законом». Мы не будем провозносить здравницу расстрелам, как это делали иные поэты: «Хвала пулемёту, не сытому кровью...» Но и не станем уподобляться тем, кто пытается по трусости или подлости уйти от жестокой правды.

Чекист Р. Лацис

Страшно и жутко: не зажигать, а гасить звезды жизни... Но всё же: на войне как на войне. Чтобы победили одни, должны умереть другие. История часто не оставляет выбора. Потому «лев революции», как называли Дзержинского, всё-таки неизмеримо выше «льва религии», основателя испанской инквизиции Т. Торквемады, ибо он защищал народ. Хотя по обе стороны баррикад Гражданской войны, по обе сражающиеся стороны видим и людей со странной, изломанной судьбой и психикой. Таковые часто встречались как среди красных, так и среди белых. Н. Бердяев, которого допрашивал Дзержинский лично, говорил о нём как о «фанатике», который хотел в детстве стать «католическим монахом». То, о чём пишет Р. Гуль в своей книге, бесспорно, имело место. Жуткие контрасты эпохи. Член коллегии ВЧК Я.Х. Петерс в публикации от 17 октября 1918 г. утверждал, что среди чекистов иногда попадаются преступные личности, хотя ранее и пытался слова эти опровергать. Бесспорно, вряд ли эти личности могли стать «мечом божьим» для операции против монархической России.

Статьи о проникновении в ВЧК сомнительных и неблагонадёжных людей порой появлялись в официальном печатном органе комиссии — «Еженедельнике ЧК». Среди палачей такие чудовища как Дора Евлинская, небезызвестная женщина-палач из одесской ЧК, лично казнившая 400 белых офицеров. Ей не было и 20 лет. Хотя

встречались эстеты, яркие интеллектуалы, увлекавшиеся искусством, музыкой, поэзией, живописью. Дзержинский писал, подобно Робеспьеру, стихи. Троцкий уверял, что они — напыщенные и «из рук вон плохи». Но так ведь и Лев Троцкий — не Лев Толстой и не драматург Островский... Глава Петроградского ЧК Урицкий, по утверждению «хозяина» Петрограда и «Северной коммуны» Зиновьева, был якобы «одним из гуманнейших людей». Зиновьев заявлял: «Неустрашимый боец, человек, не знавший компромиссов, он вместе с тем был человеком добрейшей души и кристальной чистоты». В прошлом меньшевик, он был чем-то вроде личного секретаря при Плеханове. И вот, парадокс судьбы, оказался во главе ВЧК Петрограда. Революции и войны нуждаются не только в жертвах и палачах, но и в поэтизации, в своеобразной эстетике. Ведь даже Блок воспел революцию в поэме «Двенадцать». Хотя это скорее приговор перегибам революции. Блок в 1920 г. писал: «Те, кто видит в «Двенадцати» политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или держиморды большой злобы». И тем не менее напомним, что среди чекистов были просвещённые и грамотные люди. Достаточно назвать имя Н.В. Крыленко, первого Главкома Красной Армии (1917—1918), члена ЦК ВКП(б), члена президиума ВЦИК, члена ЦИК СССР (1927—1934), Генерального прокурора, Наркома юстиции РСФСР и

Женщина-палач Д. Евлинская

*Пред. исполкома Евпатории
Н. Демышев*

СССР. Член партии большевиков с 1904 г. Партийная кличка — «Абрам». Участник революции 1905—1907 гг. Арестовывался, наказание ограничивали высылкой в Польшу и на Украину. В декабре 1913 г. в очередной раз арестован, выслан из Санкт-Петербурга на два года в Харьков. В июле 1914 эмигрировал в Австрию, откуда в Швейцарию. Участвовал в Бернской партийной конференции в 1915 г. По возвращении в Москву в ноябре 1915 вновь арестован. Освобожден после Февральской революции. Вёл большевистскую агитацию в войсках Юго-Западного фронта. Арестован за эту деятельность в июле 1917 г., освобождён в сентябре. 8 ноября 1917 г. Крыленко вошёл в первый состав Совнаркома в качестве члена Комитета по делам военным и морским (вместе с В.А. Антоновым-Овсеенко и П.Е. Дыбенко). 12 ноября 1917 г. Крыленко назначается верховным главнокомандующим. Зачастую Крыленко именуют прапорщиком, но он никогда в армии не служил, даже и рядовым. Большевистский Главковерх отдал приказ всем частям прекратить сопротивление и самостоятельно начать переговоры с немцами. Он сам стал вести переговоры, вскоре завершившиеся перемирием. Перу его принадлежало немало научных работ, в том числе по вопросам теории и практики советского правосудия. Он читал Гомера на греческом! Это не мешало ему быть сторонником жёстких мер по отношению к врагам Советской власти. Он говорил: «Только лицемеры могут утверждать, что в гражданской классовой борьбе можно обойтись без физического уничтожения противника». В 1931 г. он стал наркомом юстиции. Крыленко является автором более 100 трудов по советскому праву. В 1934 г. ему была присвоена учёная степень доктора государственных и правовых наук. Он поддерживал обвинения на политических судебных процессах, среди оных знаменитые «Шахтинское дело» (1928), процесс «Промпартии» (1930), «Процесс Союзного Бюро Меньшевиков» (1931). Крыленко — член комиссии по подготовке Конституции РСФСР и СССР, кодексов, законов. Известен как шахматист и альпинист. В 1938 г. арестован по обвинению в принадлежности к антисоветской

организации и по приговору Военной коллегии Верховного суда приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1955 году.

Говорят, что гений и злодейство не совместимы. Порой в этом усомнишься. Нач. Особого Отдела ВЧК М.С. Кедров — знаток музыки и пианист-виртуоз, но это не помешало ему виртуозно проводить расстрелы среди арестованных. Жизнь свою закончил в сумасшедшем доме. Чекист А.Ф. Мясникьян, автор труда «О значении поэзии Ованеса Туманяна», залил кровью «всю Армению»... А заплечных дел мастер, московский чекист А. Эйдук осчастливил поэзию таким виршем, напечатанным в тифлисском сборнике «Улыбка Чека»:

*Нет большей радости, нет лучших
музык,
Как хруст ломаемых и жизней
и костей...
Вот отчего, когда томятся наши
взоры
И начинает бурно страсть в груди
вскипать,
Черкнуть мне хочется на вашем
приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке!
Расстрелять!»*

Хотя уже после окончания гражданской войны Советская власть пыталась было остановить вал репрессий. Проведение реорганизации ВЧК требовала внутренняя, да и международная обстановка. В стране начался нэп. Нужно было создать в мире более привлекательный образ советской власти. Диктовалось это необходимостью на-

Расстрелы в ЧК

Нарком юстиции Н.В. Крыленко

лаживания экономических отношений с капиталистическими странами. В.И. Ленин на IX съезде Советов заявил: «Перед нами стоит задача развития оборота, этого требует новая экономическая политика. А это требует большей революционной законности. Понятно, что в обстановке военного наступления, когда хватали за горло Советскую власть, если бы тогда эту задачу поставили, мы были бы педантами, мы сыграли бы в революцию, но революции не делали бы. Чем дальше идёт развитие оборота, мы твердым лозунгом поставим осуществление большей революционной законности и ограничим сферу учреждения, которое являлось ответным ударом на всякий удар заговорщиков». Власть и сама была не рада вакханалии убийств. Те наносили огромный вред образу нового государства (имиджу). Дзержинский в инструкции органам безопасности в 1918 г. писал: «Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо ещё прибегать, чтобы восторжествовали добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача — пользуясь злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем. А потому пусть все те, которым поручено провозвести обыск, лишить человека свободы и держать (его) в тюрьме, относятся береж-

но к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишённый свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти — рабочих и крестьян и что всякие его окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть». Даже те, кого никак не отнесёшь к почитателям Феликса, пишут: «Он был неподкупным, бескорыстным и неустрашимым, обладая глубокой поэтической чувствительностью и неизменно испытывая сочувствие к слабым и страдающим. В то же время его преданность делу была настолько велика, что он становится фанатиком, не останавливающимся перед проявлением жестокости, если был убеждён, что они необходимы для дела. Живя в условиях постоянного противоречия между возвышенным идеализмом и повседневной палаческой работой, всегда на взводе, сжигая свои жизненные силы, Дзержинский производил на своих товарищей странное впечатление «святого революции» из породы Савонаролы... Не принадлежа сам к «старой гвардии», Дзержинский с тем большей готовностью отстаивал её интересы и тем самым стал более большевиком, чем старые большевики, точно так же был, по словам Ленина, более великороссом, чем сами русские»

Я.Х. Петерс

Ф.Э. Дзержинский

(Исаак Дойчер). Готовясь к реформированию ВЧК, власть руководствовалась тем, что Гражданская война закончилась победой народа, враг был разбит и теперь уже не представлял серьезной угрозы. Пошла на спад и волна крестьянских восстаний и бандитизма. Советская власть сочла, что теперь содержать разветвленный репрессивный аппарат, не имеющий юридических ограничений деятельности, стало и бессмысленно и опасно. Постановление съезда о ВЧК прямо указывало и на необходимость восстановления норм законности: «Съезд считает, что ныне укрепление Советской власти во вне и внутри позволяет сузить круг деятельности ВЧК и его органов, возложив борьбу с нарушениями законов Советской республики на судебные органы».

К тому же переход к НЭПу объективно потребовал и дальнейшего развития правовой гражданской сферы, новых юридических правил, которые гарантировали бы проведение экономических реформ. Были и иные причины, о которых большевики умалчивали. О них можно судить по материалам внутреннего характера, ходившим меж представителями власти при обсуждении задач реформ. Всесилием ВЧК были недовольны не только «враги», но и «друзья». В январе 1919 г. Л.Б. Каменев писал В.И. Ленину о самоуправстве местных ЧК и бюрократизации аппарата ВЧК, а также о разложении чекистских рядов, показате-

лем коих стал рост должностных преступлений, совершаемых сотрудниками. Он вышел к Ленину с проектом резолюции ВЦИК о реформе ревтрибуналов и ВЧК (январь 1918). В отличие от других он не просто предлагал ликвидировать или реформировать, а выдвигал идею коренного преобразования карательно-репрессивной системы. «Дорогой Владимир Ильич, посылаю Вам резолюцию о ЧК. Она чуть-чуть радикальная. Я сам до недавнего времени думал, что можно ограничиться изъятием от ЧК права приговоров и определением срока предварительного следствия (1—2—3 месяца). Но ежедневно прибывающие факты из провинции и рассказы Яковлевой о Питере убеждают меня, что разложение ЧК идет всё дальше и глубже, и реформой тут не поможешь. По сути дела с этим должен (был) согласиться и Дзержинский, все внимание которого уже с месяц сосредоточено не на контрреволюции, а на должностных преступлениях, волоките и пр. Его и надо поставить во главе «Особого отдела ВЦИК», а борьбу с преступлениями по должности сосредоточить в реорганизованном Контроле рабочей инспекции и т.д. Я присутствовал на одном собрании Московской организации, где Крыленко выступил против ЧК. Я не рассмотрел у него тогда каких-либо склочных или личных мотивов: просто он по должности больше других видел и слышал. «Лично» — в хорошем смысле — относится к этому только Дзержинский. Ему просто «больно», и он ставит весь вопрос как вопрос своей чести. Поэтому и выхода нет, как, напротив, поставить вопрос открыто и прин-

Кабинет Ф.Э. Дзержинского в ВЧК в Петрограде

ципиально. Конечно, и компромисс — изъятие права приговоров — будет громадный шаг вперед, но, боюсь, не остановит спекуляций, обысков и насилия над женщинами и пр.». Эти факты говорят в пользу Советской власти. Хотя понятно, что руководству ВЧК не нравились эти поползновения. Особенно раздражала руководство ВЧК деятельность Наркомюста. В 1921 г. в ходе обсуждения реформы ВЧК Ф.Э. Дзержинский возмущенно заявлял коллегам: «Отдача ВЧК под надзор НКЮста роняет наш престиж — умаляет наш авторитет в борьбе с преступлениями, подтверждает все белогвардейские рассказы о наших беззакониях, введение комиссара Губюста означает фактически перемену курса против ЧК, так как Губюст — это орган формальной справедливости, а ЧК — органы дисциплинированной партийной боевой дружины». В письме Я.Х. Петерсу от 21 сентября 1922 г. Дзержинский писал: «Сейчас у НКЮста идёт разговор, чтобы наших представителей изгнать, Трибуналы упразднить и таким образом НКЮст, введя прокуратуру и производя реформы в суде, не подготовит кадра работников — создаст фикцию правосудия, устраняя нас одновременно от этого дела. Прошу Вас взяться серьёзно за это дело и составить план восстановления нашего влияния». Возможно, на деле аппарат уничтожения уже тогда зажил собственной жизнью, требуя на заклятие всё новых жертв. Была и клевета... Ныне тиражируют слух, что Дзержинский покончил жизнь самоубийством, застрелился. Приводят ряд доводов: тяжёлое положение страны, надлом психики, обмен записками между лидерами большевиков, где тот якобы намекал на своё возможное самоубийство, некоторые странности в заключении врачей, производивших вскрытие его тела после смерти, слова Г. Серебряковой о том, что она едва узнала Ф.Э. Дзержинского, увидев его накануне смерти — так плохо он

выглядел и т.д. и т.п. Но даже если на мгновение предположить, что «железный Феликс» действительно не выдержал. Так и что тут не понятного? Ведь не железный же!

Нам близок и дорог Дзержинский как защитник революции, как символ чистоты идеи, наконец, как мудрец и философ... «Жить — разве это не значит питать несокрушимую веру в победу?.. Счастье — это не жизнь без забот и печалей, счастье — это состояние души. Огромная задача стоит перед вами: воспитать и сформировать души ваших детей. Будьте зорки!.. Тот, у кого есть идея и кто жив, не может быть бесполезным, разве только сам отречётся от своей идеи». Главное — не отрекаться от святой идеи! Только тогда мы и живём!

Но жестокий, беспощадный характер борьбы за власть в России не оставлял места демократии... И тщётно Горький взывал: «Будьте человечнее в эти дни всеобщего озверения!» Маховик террора работал с ужасным постоянством. И главой оного выступал Ленин. Мы знали и ранее, что В.И. Ленин не был «святым», да и не мог быть. Традиционный образ пусть жестокого, сурового, но справедливого вменяемого Ленина в последнее время подвергнут сомнению, и, возможно, вполне обоснованному. Однако конечный вердикт значения этой личности для истории человечества, полагаю, останется неизменным... В истории важно не только, какими средствами

Ленин во главе Террора

достигнут реально-позитивный результат для эпохи, страны и народа, а был ли он достигнут вообще. Хотя то, что выясняется по мере знакомства с новыми фактами, возможно, меняет взгляд на многие вещи в Гражданской войне в целом. Прочитав статью Г. Назарова, где тот, ссылаясь на архивные документы, приводит жуткие данные, невольно задумаешься... В конце 1917 г. известный революционер Г. Соломон (Исецкий) впервые встретил Ленина, в семью которого он был вхож ещё с дореволюционных лет. Он был поражён произошедшей во Владимире Ильиче переменой. «Помните: того Ленина, которого вы знали десять лет назад, больше не существует, — говорил Владимир Ильич. — Он умер давно, с вами говорит новый Ленин... Я буду беспощаден ко всему, что пахнет контрреволюцией!.. И против контрреволюционеров, кто бы они ни были, у меня имеется товарищ Урицкий... Не советую вам познакомиться с ним!» «В словах его, взгляде, — вспоминал Соломон, — я почувствовал и прочел явную неприкрытую угрозу полупомешанного человека. Какое-то безумие тлело в нём». Безумие это не замедлило проявиться в нём в самых ужасающих формах в последующие три года. «Если непредвзятым, незашоренным глазом взглянуть на ленинские резолюции, указания, телеграммы, невозможно не ужаснуться их болезненной кровожадности», — пишет Г. Назаров. Приказы Ленина пестрят кровожадными фразами типа: «Ссылайте на принудительные работы в рудники», «наводите массовый террор», «запирайте в концентрационные лагеря», «отбирайте весь хлеб и вешайте кулаков», «без идиотской волокиты и не спрашивая ничьего разрешения расстреливайте, расстреливайте, расстреливайте». Расстреливайте всех и за всё — капиталистов за утаивание денег, кулаков за сокрытие хлеба, офицеров за неявку на регистрацию, проституток за спаивание солдат, солдат за невыход из вагонов, демобилизованных за хранение винтовки, крестьян за нерасчистку снега. И рядом с этим какая-то непостижимая жалостливость: «12 французских пленных от холода страдают. Одеть + пища». И в этом же 1919 г. беспрецедентная по своей жестокости резолюция, обнаруженная на никогда не публиковавшемся ранее письме Дзержинского Ленину. «В Ростове захваче-

ны в плен 300 000 казаков войска Донского, — писал Феликс Эдмундович 19 декабря 1919 года. — В районе Новочеркасска удерживается в плену более 200 000 казаков войска Донского и Кубанского. В городе Шахты, Каменске удерживается более 500 000 казаков. За последнее время сдались в плен около миллиона казаков. Пленные размещены следующим образом: в Геленджике — около 150 000 человек, Краснодаре — около 500 000 человек, Белореченская — около 150 000 человек, Майкопе — около 200 000 человек, Темрюк — около 50 000 человек. Прошу санкции. Председатель В.Ч.К. Дзержинский». Резолюция Ленина на письме не оставляет сомнений: «Расстрелять всех до одного. 30 декабря 1919 г.» Тем не менее в мае 1919 г. Ленин нашёл время, чтобы дважды напомнить железнодорожной ЧК в Жлобине о необходимости вернуть реквизированный велосипед аптекарю Г. Рабкину. «И тогда же он подписал чудовищный, до сих пор скрываемый от народа документ о физическом

Человек, снявший с себя кожу

истреблении священнослужителей и ликвидации церквей. Допускаю, что именно это патологическое соседство сентиментальности и зверства как раз и навело Сталина на догадку, что вождь невменяем». В этом случае Ленин стал для России поистине бичом Божиим. И его унижительное и мучительное умирание — кара небес.

Да, есть правда мёртвых, но есть и правда живых... Жестокостью бунта или революции удивить трудно. Вспомните строки из «Истории Пугачевского бунта» Пушкина... Вот Пугачев берёт крепость. Что делает его войско? «Начальники были захвачены. Билуవు отсекали голову. С Елагина, человека тучного, содрали кожу; злодеи вынули из него сало и мазали им свои раны. Жену его изрубили. Дочь их, накануне овдовевшая Харлова, приведена была к победителю, распорядившемуся казнию её родителей. Пугачев поражен был её красотой и взял несчастную к себе в наложницы, пощадив для неё семилетнего её брата. Вдова майора Веселовского, бежавшая из Рассыпной, также находилась в Татищевой: её удавили. Все офицеры были повешены. Несколько солдат и башкирцев выведены в поле и расстреляны картечью»... И когда в памяти перебираешь, словно старые фото, события тех лет, является образ полубезумного доктора из шмелёвского солнца «Солнца мёртвых». Вы помните, вы всё, конечно, помните... В воспалённом воображении доктора мелькает мысль об уникальном курсе, который можно прочесть на медицинском факультете. В напряжении, словно наэлектризованный, он говорит собеседнику, мысленно словно сдирая кожу: «Новый, необычайный курс медицинского факультета. Садизм научный! Как если бы подвальным смертникам профессор, и он же смертник, о психологии казнимых читать взялся! Науку-то как обогащаем! Да, «Психология казнимых: лабораторное и клиническое исследование на основании изучения свыше миллиона, может быть, свыше двух миллионов, казнённых, с применением разных способов истязания, физических и психических, всех возрастов, полов и уровней умственного развития!» Курс-то какой! Со всего света приедут слушать и поражаться мастерством грандиозного опыта! Лабораторного материала — горы! Что до нашего опыта у Европы было? Ну, инквизиция... Но тогда научной поста-

новки не было. И потом, как-никак, а судили. А тут... — никто не знает, за что! Но каждый в подвале знает, знает! — что вот, ещё день или два дня будет слабнуть... А (потом) потащут неумолимо, и — трах! Я даже высчитал: только в одном Крыму, за какие-нибудь три месяца! — человеческого мяса, расстрелянного без суда, без суда! — восемь тысяч вагонов, девять тысяч вагонов! Поездов триста! Десять тысяч тонн свежего человеческого мяса, молодого мяса! Сто двадцать тысяч го-лов! Человеческих!! У меня и количество крови высчитано...» Если всё это на вёдра перевести, то можно и заводик запустить. Хороший, очень нужный будет рынок «для экспорта в Европу, если торговля наладится... хотя бы с Англией, например...» И ведь это стало на том страшном отрезке истории повседневной, рутинной практикой.

Разумеется, в списке жертв были и закоренелые враги Советской власти... Один из них еврей Сидней Рейли, агент «Секрет Интеллидженс сервис» с псевдонимом ST-1, прообраз Джеймса Бонда. Т. Гладков писал: «О том, как был ликвидирован Рейли, мне рассказывал старейший наш разведчик Борис Игнатьевич Гудзь, единственный ныне здравствующий сотрудник Артузова. Впрочем, есть ведь и два рапорта начальника первого отдела КРО (контрразведки) ОГПУ Григория Федулеева. Рейли вывели на прогулку. Поехали в Сокольники. Шофёр, как было условлено, симитировал поломку, на исправление которой, впрочем, требовалось немного времени. Пассажиры автомобиля, включая заключенного № 73, решили немного пройтись пешком. Один из спутников, по имени Ибрагим Абиссалов, немного отстал и выстрелом завалил Рейли. Тот был ещё жив. И тогда его добили выстрелом в грудь. Из морга вечером 9 ноября 1925 года труп Рейли был перевезён во двор прогулок внутренней тюрьмы ОГПУ и опущен в при-

Труп Сиднея Рейли

готовленную яму-могилу — в мешке, так, чтобы закапывавшие его три красноармейца лица не видели». Так погиб ещё один наш враг — жестокий, бескомпромиссный.

Среди казнённых большевиками много непримиримых врагов трудового народа. Пришел смертный час и эсера Савинкова, жестокого врага Советской власти... Продолжая борьбу против Советской власти, он пессимистичнее смотрел на перспективы белого движения и антисоветской эмиграции: «Всякая борьба против советской власти сейчас не только бесплодна, но и вредна». Нелегально попав в СССР, он был арестован Р. Пиляром и предан суду (1924). Хотя он «баловался» и пером (книга «Конь бледный», 1909), писал стихи, этот человек был бандитом и убийцей. А. Толстой о нём справедливо сказал: «Он, прежде всего, убийца. Он умён, но он негодяй». Савинков, впрочем, и сам признавался, что для него кровь что «клюквенный сок». К чему эта болтовня — «Не убий!» и прочее. «Человек живёт и дышит убийством, бродит в кровавой тьме и в кровавой тьме умирает. Хищный зверь убьёт, когда голод измучит его, человек — от усталости, от лени, от скуки. Такова жизнь», — откровенничал он в эмиграции. Но всё же в конце жизни признался: «Чего я достиг? Позади — свежевырытые могилы. Впереди. Что впереди?» Впереди же была неизбежная расплата.

Впереди был суд... На суде Савинков признал свою вину и поражение в борьбе против Советской власти. Военная коллегия Верховного Суда приговорила его к высшей мере наказания, но Верховный Суд ходатайствует перед Президиумом ЦИК СССР о смягчении приговора. Политбюро приняло решение — «лично Савинкова не унижать». Ходатайство удовлетворяют, а расстрел заменят тюремным заключением на 10 лет. Однако 7 мая 1925 г. в здании ВЧК Савинков покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна. По одной версии то был несчастный случай, по другой, Савинкова вытолкнули чекисты. Зная его натуру бойца, можно предположить, что

выбросился сам. Работавший когда-то вместе с ним Ф. Степун так охарактеризовал его личность: «Действовал Савинков на фронте отчётливо и решительно, в сознании, что лучше два раза ошибиться, чем хоть раз обнаружить растерянность. В канцелярии господствовал образцовый, почти бюрократический порядок, ни следа интеллигентского разгильдяйства... Громадным подспорьем... во фронтовой службе была его биологическая храбрость. Не по долгу своей комиссарской службы и не в назидание солдатам не сгибал Савинков своей головы ни перед немецкими, ни перед большевистскими пулями, которые часто посвистывали вокруг нас во время произнесения призывных и увещательных речей, а просто потому, что смертельная опасность не только повышала в нём чувство жизни, но и наполняла его душу особою, жуткою радостью: «смотришь в бездну и кружится голова и хочется броситься в бездну, хотя броситься — наверное погибнуть». Не раз в своей жизни бросался Савинков вниз головой в эту манившую его бездну смерти, пока не размозжил своего черепа о каменные плиты, выбросившись из московской тюрьмы ГПУ». Думаю, он понял, что в политико-социальном плане он и его дело полностью проиграны, жить же наподобии живого трупа ему не хотелось. Савинков незадолго до смерти написал в одной из своих статей: «Воля народа — закон... Прав или нет мой народ, я только покорный его служитель. Ему служу и ему подчиняюсь. И каждый, кто любит Россию, не может ина-

Б. Савинков перед советским судом. 1924 г.

че рассуждать». А вот что Савинков показывал на вечернем заседании Военной коллегии Верховного суда СССР (27 августа 1924 г.): «Колчак назначил меня, собственно, не только для Парижа, но и для всей Европы... Как я ни добивался, чтобы мы, русские, были допущены к обсуждению Версальского договора, сколько этого ни добились другие члены делегации, но из этого ровно ничего не произошло... Нас, русских, не пустили на порог, мы остались за дверью. Мы не знали, что они там решают, что думают, и нас ни на какие совещания, даже с правом совещательного голоса, не приглашали, несмотря на то, что трудно даже вам передать, сколько раз мы околотили пороги... И когда шла речь об интервенции, когда они сами говорили, что нужна интервенция, то в конечном счете они ничего не делали, и если выражалась их помощь в чём-либо, то она выражалась совершенно определённо в помощи Деникину, в помощи Колчаку, в особенности Деникину, может быть, и до некоторой степени в помощи Юденичу. Да, Деникину помогли очень много; ему дали огромную сумму денег. Но опять-таки была выпита чаша унижения до дна. Потому что едва ли не за каждую пару сапог, едва ли не за каждый пулемёт прихо-

дилось кланяться и вымаливать». Далее он говорил: «Черчилль мне показал карту юга России, где были указаны флажками войска деникинские и ваши войска (красные). Помню, как меня потрясло, когда я подошел с ним к этой карте. Он показал мне деникинские флажки и вдруг сказал: «Вот это моя армия»... Официальные соображения их были, конечно, весьма благородны... А то, что под этим скрывалось, следующее: как минимум вот нефть — чрезвычайно желательная вещь, в особенности нефть; а как максимум — ну что же, русские подерутся между собой — тем лучше. Чем меньше русских останется — тем слабее будет Россия. Пускай красные дерутся с белыми возможно дольше. Страна будет возможно больше ослаблена и обойтись без нас не будет в силах, тогда мы придём и распорядимся... в их интересах было, чтобы Россия была истощена возможно больше и чтобы они могли сделать из России свою колонию. Никаких благородных целей я не вижу...» Как видите, все иллюзии (если те у кого-то оставались) относительно желания Запада увидеть возрожденную сильную Россию исчезли к началу 20-х годов даже и у оппонентов красных. Сильная Россия не нужна никому, кроме её народа. Слабая Россия нужна врагам, вора, предателям, что норовят её обобрать и сбежать прочь. Сегодня это ещё более справедливо.

Белые предприняли усилия по расследованию преступлений ЧК: была создана комиссия «для выявления перед лицом всего культурного мира разрушительной деятельности организованного большевизма». Комиссия создана в апреле 1919 г. по распоряжению Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта А.И. Деникина. Как отмечается в книге под ред. Ф.Ю. Фельштинского «Красный террор в годы Гражданской войны» (2004), во главе Комиссии был назначен известный московский юрист, общественный деятель и действительный статский советник Г.А. Мейнгардт (Мейнгард) «из потомственных дворян Московской Тульской губерний». Первоначально белые расследуют преступления большевиков на сравнительно небольшой территории освобожденной от советской власти (Северный Кавказ, Екатеринодар, Пятигорск, Кавказские Минеральные Воды, Ростов-на-Дону,

Борис Савинков

Ставрополь Кавказский, Мариуполь). В своей работе та якобы руководствовалась до-революционными правовыми нормами, в отличие от чекистов, что действовали, руководствуясь классовым чутьем и революционным сознанием. Расследования велись на основании показаний свидетелей и прессы. На первом этапе деятельности Комиссии расследовались такие преступления, как массовые убийства заложников в Пятигорске, имевшие место осенью 1918 г. Лишь малая часть из них были пленными белогвардейцами. Большинство заложников не участвовали в Белой борьбе и вели образ жизни частных лиц. Большевики их убили в отместку за мятеж бывшего красного командира И.Л. Сорокина, к которому заложники не имели никакого отношения. Убийства совершались с особой жестокостью: холодным оружием на городском кладбище. Некоторые жертвы были закопаны живыми. Среди убитых известные генералы, участники мировой войны 1914—1917 гг. Н.В. Рузский, Р.Д. Радко-Дмитриев. Комиссия расследовала обстоятельства убийства большевиками генерала П.К. фон Ренненкампа за отказ служить в Красной армии. Расследовалось глумление и уничтожение красными тела создателя Добровольческой армии генерала Л.Г. Корнилова, которое красные извлекли из могилы. Комиссия изучала и последствия советского Декрета о женской социализации. В последующие десятилетия коммунисты делали вид, что им ничего не известно об этом декрете, да и самого декрета как бы не существовало. Комиссия расследовала массовые репрессии советской власти против казачества в 1918 году. После того как в мае 1919 г. белые взяли ряд городов, следственные чины из Особой комиссии выехали в Харьков — первый крупный южнорусский город, освобожденный в ходе этого наступления. Далее им предстояло работать в городах Крымского полуострова, Украины и России (Киев, Одесса, Николаев, Херсон, Воронеж, Царицын и другие города).

Всюду белые находили множество трупов со следами пыток, закопанных вблизи зданий тюрем или у самих «чрезвычайек». Расследовались и более ранние преступления — «еремеевская ночь», в ходе которой в Крыму революционными матросами и солдатами убиты и замучены многие сотни

Расстрел казаков и священников

людей из числа офицерства или интеллигенции. В частности, на основе показаний свидетелей был составлен акт о массовых убийствах на борту транспорта «Трувор». В Харькове следователи производили киносъёмку. Отснятые кадры смонтировали и осенью 1919 г. в синемаатографах городов Юга России даже шёл документальный фильм «Зверства ЧК». Заметим, что многих своих палачей-садистов уничтожит сама Советская власть после изучения обстановки на местах. И сделано это не в 1937—1938 гг., как иные подумают, а уже в 1923—1924 гг., когда Сталин придет к власти!

Но ничуть не лучше вели себя в отношении красных белые офицеры и казацкие атаманы. Вот сухие строчки из романа Р. Гуля «Рыжий конь»: «Во главе с Корниловым ворвалась армия в станицу. Сонные большевики, захваченные врасплох, взяты в плен. На другой день на площади строят семь громадных виселиц. На них повесили семь захваченных комиссаров». Сказано просто и буднично, как «Здрасте». Один из авторов справедливо отмечает: «Что касается атаманского террора, реквизиций и прочих беззаконий, мы не видим принципиальных отличий от практики большевиков. Методы были идентичны. Атаманы исходили из того, что цель оправдывает средства. Они вели борьбу на истребление, руководствуясь презумпцией виновности и принципом «кто не с нами, тот против нас». Так, Калмыкову приписывают фразу: «Перегрызай горло всякому большевику, а то он тебе перегрызёт». Подобно чекистам, поисками вины

арестованного здесь себя не утруждали — хватало и подозрения. Слово барону Будбергу: «На днях Калмыков приказал расстрелять свой «юридический отдел», занимавшийся арестами, обысками и калмыкациями (конфискациями по Калмыкову); кара разразилась за то, что атаман узнал, что чины отдела брали не по чину и мало сдавали начальству из полученной добычи; перед расстрелом чинам отдела отдали на изнасилование захваченных разведкой девушек, обвинённых в большевизме, последнее было обычным приёмом для добывания себе женщин, которые по миновании надобности выводились в расход». Не отставал от Калмыкова и атаман Семёнов. В Чите безобразия Семёнова и его армии довели до самоубийства семерых офицеров Генерального штаба. Вообще же: «Расстрелы идут сотнями, и начальники состояются в числе расстрелянных; про порку и говорить нечего, это обычное занятие». Но «эффективность» террора атаманов была высока. Анненковская контрразведка столь основательно громила большевистское подполье в Павлодаре, Семипалатинске, Усть-Каменогорске, что после прихода Красной армии нельзя было найти местных для включения в ревкомы... Семёнов и Калмыков задолго до появления в Омске центральной власти нашли внешние источники оружия и денег, сделав главную ставку на Японию. В отличие от других интервентов, та давала помощь регулярно, не скупясь, не требуя отчётности. Этой подпиткой во многом и обусловлена устойчивость дальневосточной атаманичины и оппозиционность её Омску. Семёнов и Калмыков не считали изменой получать помощь от японцев и обещать за это определенные компенсации (например, концессии). Ставка на Японию была для них естественным союзом с японскими военными монархистами. Если война есть продолжение политики другими средствами, гражданская война это самый последний довод, к которому прибегают соперничающие группы или классы, полностью потерявшие все надежды договориться и прийти к мирному разрешению конфликта. Гражданская война не украшает ни народ, ни элиты. Но главным её виновником являются, как правило, имущие и правящие классы, не проявившие должной мудрости, закосневшие в гордыне и эгоизме.

Глава 14. Репрессии большевиков против Православной Церкви и священнослужителей

Ленин говорил: «В нашем идеале нет места насилию над людьми». Но это в идеале. Церковь стала одной из жертв большевизма. Казалось, настали времена Юлиана Отступника, или ещё хуже — Диоклетиана, который начал «Великое гонение» на христиан. По его приказу гонениям подверглись многие священники без каких-либо доказательств вины или признания виновными. Зачастую их отправляли на казнь со всей паствой. Когда это случилось? Когда Римская империя ослабела, а двор, пресыщенный пороками, не стал заботиться о своём народе и крепости государства. Это же мы видели и в России. Церковь пала, когда пало государство. Репрессии против Церкви и священнослужителей следует рассматривать, если воспринимать историю как единый процесс, не как наказание Божье, но как логическое следствие краха монархии, с которой Церковь была обречена, но так и не повенчана. Большинство граждан Рос-

сии за долгие годы «церковного стояния» так ведь и не превратились из прихожан в христиан, из гусеницы в бабочку (если не употреблять тут ещё более жёсткие слова Бунина — «из обезьяны в человека»)... «Может быть, многое было бы предотвращено в трагической судьбе русской церкви, если хотя бы даже часть этих реформ оказалась проведенной в жизнь, но императорская Россия до последней минуты своего существования не решилась дать церкви свободу», — с горечью писал Н. Зернов. Однако ещё большее зло могло быть предотвращено, если бы монархия дала свободу народу.

Но её так и не дали... Свободу народ исторг силой, омыв её потоками крови в век «крови и меча». «На трон ты посадил банкира, провозгласил героем палача...», — писал Некрасов в стихотворении «Поэту. Памяти Шиллера» (1874 г.). Так стоит ли, право, удивляться тому, что были «разнузданы страсти жестокие»? И что «палач» мог ожить почти в каждой душе! Этих примеров палачества предостаточно с двух сторон. О том говорят как материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, так и советские материалы. После Февральской революции наблюдались случаи выступлений людей против Православной церкви, её служителей, что находило выражение в удалении икон из иных казарм, в грубом обращении с особами духовного звания, в проявлении неуважения к Церкви (появление в храмах в шапках, выкуривание папирос перед свечой, святым образом и т.д.). Но в такого рода действиях обычно принимали участие совершенно деморализованные солдаты или уголовники. Такие поступки крайне редко допускались или совершались «представителями власти большевиков как нечто систематическое, проводимое в жизнь с невероятной жестокостью и кошунством». И всё же чем объяснить такое неприятие или даже подчеркнуто враждебное отношение красных к священникам? Порой и святые отцы (даже с оружием в руках) боролись против Советов.

Хотя в том же Евангелии сказано: «Не убий», «взявшие меч от меча и погибнут», «любите врагов ваших». Но известны случаи, когда священники стреляли из пулеметов по красным с колоколен, прятали в храмах божьих белогвардейцев и оружие, рьяно молились о «даровании победы» бе-

В. Свенцицкий

лему воинству, благословляли убийство и войну. «Епископская власть дана не для того, чтобы наказывать, но чтобы миловать». Но не миловали, о чём говорят и белые и красные. Священник Свенцицкий ответил на вопрос о позиции Церкви в войне. «Мир — во зле лежит. В известном смысле это больной организм. И без участия острого ножа иногда нельзя справиться с злокачественною опухолью. Иного способа защитить своё бытие, как только силою оружия, у государства нет. И если признаётся добром в историческом процессе государственная организация, должна быть признана относительным добром и та военная сила, которая обеспечивает её существование. Добром должна быть признана и война, в зависимости от тех исторических причин, которые её вызывают, и в зависимости от тех государственных целей, которые она преследует. Таким образом и здесь, вне Церкви, моральный смысл войны определяется конечною целью, во имя которой идёт борьба государства с государством». Он прав. Или же другой пример... С.М. Будённый в книге «Пройденный путь» писал о том, как в 1921 г. на Дону возникла белогвардейская организация «Армия спасения России» (Ухтомский, Лапутин-Наза-

ров и др.). Среди активных деятелей движения оказался и настоятель Ростовского кафедрального собора Верховский, проф. церковного права при Варшавском и Донском университетах. Проповедник боролся словом и делом против большевиков. Будённый писал: «Деятели «Армии спасения России» в мечтах своих видели свержение Советской власти на Дону и уже заблаговременно наметили кандидатуру Верховского для служения молебна на Соборной площади после переворота». Верховский в беседах с Ухтомским доказывал, что «дальнейшее народное движение в России возможно при деятельном участии духовенства», и высказывал пожелание, «чтобы всякое воздействие на народ политических организаций производилось с помощью духовенства, на почве православия и национализма». Деятельность Верховского в организации главным образом сводилась к материальной помощи контрреволюционерам, гнездившимся в Ростове. По его инициативе при соборе была устроена столовая «для притча и служащих» — столовая, в которой кормились тридцать белых офицеров. «Верховский предназначал часть тарелочного сбора для оказания помощи тем же контрреволюционным элементам. Им была отпущена из собора парча для изготовления знамени организации». Это был не единственный случай, что усугубляло положение Церкви и часто служило причиной наказания и гибели её слуг. Кроме того, высший политический класс большевиков, что ни

говори, а состоял из чуждых духу религии людей. У них свой счёт к православию как защитнику царя, дворян и буржуев.

Поразительно предвидение К. Леонтьева, сделанное им незадолго перед его смертью (1891): «Церкви и монастыри ещё сейчас не закроют: лет двадцать, я думаю, ещё позволено будет законами русским молиться». Он добавил: «Русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчитя ещё быстрее всякого другого по смертному пути всесмещения и — кто знает? — подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель Новой Веры, — и мы неожиданно из наших государственных недр, сперва бессловных, а потом бесцерковных, — родим антихриста». Но почему он так сказал? Может, увидел: не столько Богу служит Церковь, сколь самодержцу, богачу, помещику, мамоне. А через 20—30 лет всё и началось. Трагично, что жертвой террора стали многие священники. Вот и С. Булгаков в письме к Розанову в 1917 г. высказал сокровенное: «Да, Христианство не удаётся в истории, да и самая история не удаётся, как не удаётся более всего и русская история, что не мешает быть русскому народу единственным по предназначению. Слишком Христианство трудно, аристократично, художественно по своим заданиям, довольно одной неверной черты, и всё рушится. Но оно прожжёт историю в какой-нибудь точке (да и постоянно её жжёт), и начнётся — «Апокалипсис» (22.XII. 1917). И апокалипсис пришел...

Первое клеймо

Второе клеймо

Девятое клеймо

Картины мук, страданий священнослужителей и мирян не могут оставить равнодушными. Кто это осуществил? Главные идеологи и заправилы — кремлёвские сидельцы. Ленин призвал не щадить попов. Чудовищно звучат его слова о необходимости «расстреливать попов повсеместно и беспощадно», чем больше, тем лучше (с размещениями складов в храмах Божьих). Г. Назарову удалось обнаружить в архиве следующий красноречивый документ: «1 мая 1919 г. Председателю В.Ч.К. № 13666/2 тов. Дзержинскому Ф.Э. Указание... В соответствии с решением В.Ц.И.К. и Сов. нар. комиссаров необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов печатывать и превращать в склады. Председатель В.Ц.И.К. Калинин. Председатель Сов. нар. Комиссаров Ульянов (Ленин)». Троцкий ему вторит: «Надо навсегда покончить с поповско-квакерской болтовнёй о священной ценности человеческой жизни». 23 января 1918 г. Церковь была юридически отделена от государства, но не от грабителей и реквизиций со стороны красных. Начались постоянные обыски, аресты, вымогательства, грабежи, прямое воровство церковной утвари, уничтожение икон и ценных церковных книг. Так, в октябре 1919 г. в захваченных красными Ставрополе и Екатеринодаре, во многих селах губернии и области, была разграблена большая часть церквей и монастырей, семинарии. Расхитили всё, что можно было расхитить — иконы, церковные украшения, мебель, книги, экипажи, лошадь, скот, землю. В 20-е годы коммунистами расстреляно без суда и следствия около 15 000 духовных лиц Русской православной церкви, 8000 по «суду» (из них 3447 женщин), разграблено, разгромлено 673 монастыря и тысячи храмов. И вот у С. Булгакова вырывается признание: «Народ наш с беспримерной лёгкостью и хамством предавал свою веру на наших глазах, и эту стихию предательства мы в себе ведаем». Но предают то, чего давно нет ни в душе, ни в жизни.

За время репрессий были закрыты тысячи церквей, более половины монастырей. Число жертв среди мирян и той части духо-

венства, что стояли, подчеркнём, вне битв Гражданской войны, превысило 10 тыс. человек. Если заглянуть чуть в будущее, увидим, что масштаб репрессий ещё и увеличится. За 1929—1936 гг. будет осуждено 50 тыс. священнослужителей и мирян, 5 тыс. из них казнено. В 1937—1938 гг. — тысячи репрессированных и тысячи казнённых, а за 1939—1940 гг. — около 2 тыс. расстрелянных. Покойный архиепископ Иннокентий Ростовский, Новочеркасский, Курский, крестивший мою мать, утверждал, правда, что репрессировали лишь тех, кто активно выступал на стороне белых. Большая часть духовенства не могла оправдать богопротивные и бесчеловечные действия. В общей шеренге казнённых и убитых клир, конечно же, занимал относительно малое число жертв. Но это не уменьшает нашей горечи от упомянутых потерь. Вот что писал задолго до тех ужасов популярный поэт А. Белый, высмеивая «поповское» сословие:

*Дьякон пляшет — Дьякон, дьякон —
Рясой машет — Дьякон, дьякон —
Что такое, дьякон, смерть?
«Что такое? То и это:
Носом в лужу, пяткой — в твердь...»
Над страной моей родною
Встала Смерть...*

Если решения Ленина, Троцкого, Калинина, иные деяния ВЧК, и даже подленькие стихи того или иного поэта всё же укладываются в созданный за последние годы образ Советской власти как злодея-палача, лишённого души атеиста, то как понять буржуазную публику? Интеллигенцию? Как понять слова христианина Розанова?! Он также обрушился с критикой на некогда священные институты... В эти роковые для России годы (1918 г.) Розанов предъявил Христу и христианству так сказать свой исторический счёт, заметив: «Христианство, положим, прогнило, и не о нём речь». В письме Голлербаху (май 1918) развивает и уточняет своё отношение к официальной религии. «Знаете ли, друг мой, не будь этого ужасного религиозного цинизма в Европе, может быть, я всю жизнь простоял бы «тихо и миловидно» «со свечечками», и переживал я бы только «христианские (православные) умиления». Но хохот над Богом давно поражает меня, хохот — самих по-

пов, хохот — самого духовенства...» Он ссылается на рассказы профессора Духовной академии П. Флоренского, своего друга, который говорил: «Все они (профессора) единственно потому занимаются богословием, что вот «есть книги по богословию», есть «литература богословия», и — больше ни почему... в душе их живёт такой атеизм, какой и на ум не приходил Добролюбову...» Иначе говоря, В. Розанов с позволения сказать обонятельно почувствовал всю «вонь атеизма», которая, конечно, присуща была не только европейскому, но и российскому духовенству, хотя гораздо в большей степени — буржуазии. Правда, у него встречаем слова: «всё-таки попы мне всего милее на свете». Но в высшей мере подло, как это делают ныне многочисленные буржуа и либералы, всю вину на трагические события послереволю-

Зверства большевиков против священнослужителей

ционных лет возлагать на наш народ... Народ, давайте скажем открыто и честно, разглядел двуличную натуру господ властителей и пастырей умов и церкви и стал в отместку рушить храмы и дворцы, ставшие вертепами, где не Бог, а Сатана правил бал!

К принятию решительных мер против Церкви подтолкнула и угроза тотального голода. Ленин лично дал установку на изъятие церковных ценностей, разослав 6/19 марта 1922 г. членам Политбюро письмо под грифом «Совершенно секретно»: «Товарищу Молотову для членов Политбюро. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддерживать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету. Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько

Кощунства в церкви

сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности, совершенно немыслимы. Взять в свои руки фонд в несколько сотен миллионов (а может быть, в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь...» Это абсолютно ясное указание вождя по ликвидации материальной базы Церкви.

Идея поддержана и Троцким. Показательно его письмо в Политбюро (30 марта 1922 г. Сов. секретно). Там говорилось: 1. Октябрьская Революция докатилась до церкви только теперь. Причины: идейная слабость церкви и её сервилизм. Переход от «самодержавного» к «благоверному временному правительству». При переходе к советской власти отделение церкви от государства помогло безхребетной церковной иерархии приспособиться и отмалчиваться. Но несомненно, что за время советской власти церковная иерархия, чувствуя себя «гонимой» (ибо стала непривилегированной), готовилась и готовится воспользоваться благоприятным моментом. Вокруг неё определенные контрреволюционные кадры и политическое влияние через посредство религиозного влияния. 2. Европейская церковь прошла через стадию реформации. Что есть реформация? Приспособление церкви к потребностям буржуаз-

ного общества. Ему предшествовали секты среди ремесленников и крестьян. Секта — это религиозная партизанщина крестьянства и мелкой буржуазии вообще. Буржуазия подняла секты до уровня реформации, обуржуазив религию и церковь, и тем придала ей больше жизненности и устойчивости (Англия). 3. У нас оппозиция против церковной казённости дальше сект не шла. Буржуазия была слишком ничтожна, чтобы создать реформацию (как режим демократии). Интеллигенция чудила в религиозной области — каждый по-своему. Церковь оставалась формальной, бюрократической и, как сказано, вставила в свой ритуал вместо «самодержавнейшего» — «благоверное временное правительство». 4. Таким образом, церковь, пропитанная крепостническими, бюрократическими тенденциями, не успевшая проделать буржуазной реформации, стоит сейчас лицом к лицу с пролетарской революцией. Какова же сможет быть её дальнейшая судьба? Намечаются два течения: явно, открыто контрреволюционное с черносотенно-монархической идеологией и — «советское». Идеология «советского» духовенства, по-видимому, вроде сменовеховской, т.е. буржуазно-соглашательская. 5. Если бы... буржуазно-соглашательское сменовеховское крыло церкви развилось и укрепилось, то она стала бы для социалистической революции гораздо опаснее церкви в её нынешнем виде. Ибо, принимая покровительственную «советскую» окраску, «передовое» духовенство открывает себе тем самым возможность проникновения в те передовые слои трудящихся, которые составляют или должны составить нашу опору. 6. Поэтому сменовеховское духовенство надлежит рассматривать как опаснейшего врага завтрашнего дня. Но именно завтрашнего. Сегодня надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих находится фактическое управление церковью. В этой борьбе мы должны опереться на сменовеховское духовенство, не ангажируясь политически, а тем более принципиально. Разделяй и властвуй.

При этом отмечалось, что обстановка в стране крайне удобная — голод, а это означает, что массы поймут. Любопытно и то, как намечалось проведение сей кампании. Официально с идеей выступить «должен только тов. Калинин, — никогда и ни в ка-

Троцкий — глава комиссии по изъятию церковных ценностей

Суд над священниками

ком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий...» Тем самым, Ленин бережёт не только иудея от справедливого гнева народа, но и весь костяк еврейской когорты, словно Моисей — скрижали Господни... Золотой телец должен быть добыт «с беспощадной решительностью и в самый кратчайший срок...» Злым демоном кампании против Церкви стал, видимо, Троцкий. 23 марта 1922 г. на заседании политбюро ЦК РКП(б) его предложения по изъятию ценностей утверждены. Причем, этот негодяй фактически опять всё сваливал на русского, на Калинина, продиктовав ему 6 тезисов интервью, которое тот должен был опубликовать в печати от имени ВЦИК. Тем самым сразу достигалось несколько целей. О них пишет в книге «Генералиссимус» В. Карпов: «За выполнение директив Троцкого взялись с присущей им энергией и хорошей организованностью десятки тысяч бывших членов Еврейской коммунистической партии, принятых в ВКП(б) и только формально заявивших об отказе от своих сионистских постулатов. Не нужно увеличительного стекла, чтобы разглядеть во всём вышесказанном сионистские намерения: а) уничтожить стоящую на их пути православную веру; б) озлобить народ против большевиков, якобы являющихся проводниками этой антирелигиозной террористической политики». Для осуществления далеко идущего замысла созданы: газета «Безбожник», журнал «Воинствующий безбожник», «Центральный Совет Союза воинствующих безбожников». Председателем Союза, главой антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) и журнала «Безбожник» был назначен Е.М. Ярославский (Губельман Миней Израилевич).

В большинстве случаев изъятие ценностей проходило спокойно. Кстати, упомянем один мало известный факт из истории самодержавия. В 1908 г. без разрешения Священного Синода была распродана ризница архиерейского дома Смоленского собора, что вызвало возмущение верующих делами церковных дельцов. И тогда графиня Прасковья Уварова обратилась к Николаю II с предложением передать культурные ценности церкви в собственность российского государства. Царь благосклонно отнёсся к идее, хотя дело тогда так и застопорилось. На основе указаний Ленина, пишет И. Володский в «Истоках зла» (2000), были изъятые церковные ценности в Страстном монастыре, в Храме Христа Спасителя в Москве. Разграблению подверглась и Александро-Невская лавра. Пришли и в Новодевичий монастырь. «Петроградская правда» (5 мая 1922 г.) писала: «...изъято всего 30 пудов. Главную ценность представляют две ризы, усыпанные бриллиантами. На одной только иконе оказался 151 бриллиант, из которых 31 крупных... кроме того, на ризе были жемчужные нитки и много мелких бриллиантов. На другой иконе оказалось 73 бриллианта... 17 рубинов, 28 изумрудов, 22 жемчуга. Большую ценность... представляют венчики икон, почти сплошь усыпанные камнями... изъятые ценности Ново-Девичьего монастыря стоили в общей сложности около ста миллионов»

Е. Ярославский (М. Губельман)

(в тех ценах). Был совершён набег и на Исаакиевский собор. Газета 22 мая сообщала: «18 мая проходило изъятие ценностей из Исаакиевского собора. Изъятые ценности вывезли на 2-х грузовых автомобилях...». В Красногорском Государственном архиве кинофотодокументов сохранились старые киноленты, в которых запечатлены грабительские акции большевиков. Ни один храм, ни один монастырь России не избежал этой участи. Отнято было церковных ценностей на сумму свыше 4 миллиардов золотых рублей, 827 тысяч десятин земли, 84 завода, 1112 домов для престарелых, 704 гостиницы, 277 больниц и приютов, 436 молочных ферм и т.д. и т.п. Операция по изъятию церковных ценностей в 1922 г. имела экономический эффект, дав в руки советского правительства астрономическую сумму. Она во сто раз превышала сумму годового бюджета страны. Понимая, сколь болезненна тема для верующих, считаю всё же нужным подчеркнуть немаловажное обстоятельство: деньги и ценности изымались Советской властью для спасения страны, а не для личного обогащения. Хотя многие сегодня пишут об этом исключительно как о грабеже. Население Поволжья гибло тогда в страданиях от голода. Из 32 млн человек, составляющих население пострадавших от засухи районов Поволжья, голодали, по данным, более 20 миллионов. Изъятые из Церквей и храмов ценности большевики переправляли за рубеж, как говорят, для закупки хлеба для голодающего населения.

Конечно, общий итог большевистского правления для церкви трагичен... До 1922 г. в Советской России закрыто было свыше 600 монастырей, многие из которых обладали большой исторической ценностью, не говоря уже о том, что были, как говорят православные, намоленными местами. Однако одного ограбления церквей и храмов было недостаточно богоборцам. В начале января 1919 года, в разгар гражданской войны, Ленин дал указание провести беспрецедентную акцию. Впервые в истории православной России совершат чудовищное кощунство и надругательство — в монастырях и храмах стали публично вскрывать мощи святых. 28 января 1919 года состоялось вскрытие раки преподобного Тихона в Богородицком монастыре (Задонск Воронежской губернии). 8 февраля в Митрофа-

Похищение мощей Сергия Радонежского

новском монастыре в Воронеже произведено вскрытие раки св. Митрофания. Вскрыли мощи преподобного Сергия Радонежского (1321—1391), основателя и игумена Троице-Сергиевой Лавры, благословившего Дмитрия Донского перед битвой на Куликовом поле в 1380 г. Вскрытие древней раки с мощами святого отца Сергия совершено 11 апреля 1919 г. Делалось это, дабы показать их «тленность», а на деле чтобы унижить и распать святую веру. Ленин требовал дать ему фотографические снимки, отснятые во время вскрытия. Бонч-Бруевич писал: «Я лично показывал ему фотографии из киноленты... и он остался ими весьма удовлетворён». Секретарь МК РКП(б) Загорский, тот, которого настигнет справедливое возмездие (его взорвут), писал: «По указанию В.И. Ленина как можно быстрее сделать фильм о вскрытии мощей Сергия Радонежского и показать его по всей Москве». С 1 февраля 1919 г. по 28 сентября 1920 г. совершено 63 вскрытия. Кошунственные деяния большевиков не прекращались и в последующие годы. В 1922 г. в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры в Петрограде вскры-

Изъятие церковных ценностей. 1921 г.

та рака легендарного святого благоверного князя Александра Невского. Безусловно, дать указания на такого рода дичайшие действия мог лишь тот, кто в 16 лет выбросил крест в мусорное ведро! Впрочем, этот поступок не нашел подтверждения в литературе. О нём сообщила Крупская, а ей верить не всегда разумно. Директор же Симбирской гимназии Ф.М. Керенский (отец будущего премьера Временного правительства) дал Ленину характеристику: «Ни в гимназии, ни вне её не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих преподавателях гимназии не похвальное о себе мнение... В основе воспитания лежала религия и разумная дисциплина. Добрые плоды домашнего воспитания были очевидны в отличном поведении Ульянова». Правда, это говорит скорее о его скрытности.

Понятно, что подобная политика советской власти вызывала бурные протесты со стороны верующих... В «Обращении Екатеринодарской Церкви к христианским Церквям всего мира» было, в частности, сказано: «Братия! Страдания наши переполнили чашу испытаний. На Православную церковь в России воздвигнуто жестокое гонение... Много храмов — или красноармейцами разрушены, или советскими властями запечатаны, или в места увеселения, в тюрьмы и даже в места свалки нечистот обращены. 14 епископов, сотни священников, в особенности из выдававшихся твёрдостью защиты веры и проповедническим даром — расстреляны, повешены, утоплены, сожжены, причем казни священнослужителей часто сопровождаются жесточайшими пытками... Так, например, епископу Пермскому Андронику выкололи глаза, вырезали щеки, и его, истекающего кровью, с насмешками

водили по городу. В Херсонской губернии священника распяли на кресте. Такие факты бывали в каждой епархии... (священнику Иоанну Пригоровскому) в ночь под Пасху... посредине храма... выкололи глаза, отрезали уши и нос и размозжили голову... Школьная молитва запрещена... В священном для русских православных людей в московском Кремле совершаются оргии разврата. Все эти ужасы ежедневно уносят в могилу тысячи жертв, размножают эпидемии, ожесточают народ и всячески разоряют страну... Повторяем, в этом кроется опасность, угрожающая христианству и цивилизации всего мира». В январе 1918 г. большевики ограбили кассу Святейшего синода, потребовав от его казначея выдачи всех денег и процентных бумаг, всего на 43 миллиона рублей. В сентябре того же года большевики забрали последние синодальные деньги в количестве 3—4 миллионов рублей. До основания была разграблена Троице-Сергиева лавра с её знаменитой ризницей. Вскоре под домашний арест

А. Аписит. Царь, поп и богач на плечах у трудового народа

был помещён и Патриарх всея России Тихон (в доме постоянно дежурят латыши и китайцы, или русские красноармейцы). Кремлевский образ Святителя Николая завешен красной тряпкой, со здания Городской думы в Москве сорван вделанный в стену большой образ Св. Александра Невского и на его месте вделана пятиконечная красная звезда...» Среди большевиков и чекистов немало противников Церкви. В дневнике чекиста Рогова читаем: «Одного не пойму: красная столица и церковный звон! Почему мракобесы на свободе? На мой характер: попов расстреливать, церкви под клуб — и крышка религии!» Впрочем, и иные «революционные» поэты-имажинисты, пользуясь попустительством властей, с щестью-радостным восторгом пинали Христа:

*Твердь, твердь за вихры зыбим,
Святость хлещем свистящей*

нагайкой,

*И хилое тело Христа на дыбе
Вздыбливаем в Чрезвычайке...*

Мариенгоф

Надо всё же признать, что именно наличие среди новых лидеров огромного числа евреев, лиц иудейского вероисповедания, сыграло едва ли не решающую роль в проведении такой политики. Тем более что таковая была вполне в русле указаний и нравочений Талмуда... Приведём некоторые отрывки... «Закон 64. «Доброе дело, чтобы храмы акумов (неевреев), а равно всё, к ним принадлежащее или для них сделанное, каждый еврей елико возможно старался уничтожить и сжигать, а самый пепел рассеивать по всем ветрам или же кидать его в воду. Далее, каждому еврею ставится в обязанность всякий храм акумов искоренять и, во всяком случае, — давать ему позорные наименования» (Шулхан-арух, Йоре дежа 146, 14 и 15; взято из талмуда Абода зара, 46 и Маймон Гилхоф Абода зара, перек. 7)». Этой теме посвящена и картина художника И. Глазунова «Разгром храма в пасхальную ночь». Приведём описание картины: «На полотне запечатлено смертельное столкновение двух стихий, олицетворяющее извечную борьбу Добра и

Выписка из протокола о расстреле священника

Зла. Время действия — начало 20-х годов. В православный храм, куда собрались представители всех сословий России, ещё не подозревающих, что им предстоит испытать, врывается интернациональная банда. В центре композиции — комиссар в кожаной куртке с маузером, держащий на поводке собаку с Георгиевским крестом на шее. Его ненавидящий взгляд через пенсне направлен на распятие Христа в правой стороне картины. Во всей жестокости его читается предвкушение достижения вождельенной цели, некогда выраженной в кличе масонского «оракула» Флери: «Долой распятого! Ты, который уже восемнадцать веков держишь мир под своим ярмом! Твоё царство кончено! Не нужен Бог!» За ним сплотилось, кажется, всё вселенское отребье...

Матрос с винтовкой и пулемётом, оружием массовых казней; персонаж, выпускающий из мешка свинью с церковным крестом; блудница в генеральской шинели, накинута на голое тело; баба в горностаевой шубе, добытой при осуществлении девиза «Грабь награбленное!»; «революционная семья» в венчальных коронах, на которых припилены пентаграммы... Известно, как во времена «великой французской революции» алтарь храма занимала голая проститутка... Известно и то, что ударной силой революций становились иноплеменные наёмники, отличавшиеся особой беспощадностью в расправах с коренным населением. Вот и здесь мы видим китайчонка в офицерской фуражке. Нет, не случайно революция ассоциировалась у многих с

приходом антихриста. И не случайно образ комиссара в кожаной куртке на картине, напоминающий то ли Троцкого, то ли Свердлова воспринимается как персонификация антихриста». Стоит привести убийственные слова Троцкого: «...Мы должны превратить Россию в пустыню населённую белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, которая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, и не белая, а красная, ибо мы прольём такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн». Страшные слова.

Справедливости ради, скажем: были попытки приглушить или хотя бы скорректировать действия Ленина и Троцкого. Об этом свидетельствует такая инструкция Молотова (24.03.1922): «Газетная кампания по поводу изъятия ценностей ведётся неправильно. Она направлена против духовенства вообще. Печатаются весёлые сатирические стишки против попов вообще. Эта сатира бьёт по низшему духовенству и сплавливает духовенство в одно целое. Политическая задача данного момента совсем не та, а прямо противоположная. Нужно расколоть попов или вернее углубить и заострить существующий раскол. И в Питере, и в Москве, и в провинции есть много попов, которые согласны на изъятие ценностей, но боятся верхов. Недовольство верхами, ко-

торое ставит низы духовенства в трудное положение в этом вопросе, очень велико. Мы должны в агитации исходить из этого основного сейчас факта. Мы считаемся сейчас с попами не как с жрецами какой-то религии, а как с группой граждан, которым государство доверило на известных условиях ценности. В этой группе граждан раскол. Одна её часть независимо от своих религиозных предрассудков, нас сейчас не интересующих, признаёт необходимость передать ценности для спасения голодающих, другая часть — князья церкви, жадные, хищные, развращённые, противонародные, — всемерно борется против этого, терроризуя низы. Задача агитации — подержать сейчас эти низы против верхов, дать им понять и почувствовать, что государство не позволит верхам терроризировать их, поскольку они стремятся обеспечить исполнение декретов рабоче-крестьянской власти. Ещё раз: политическая задача состоит в том, чтобы изолировать верхи церкви, скомпрометировать их на конкретнейшем вопросе помощи голодающим и затем показать им суровую руку рабочего государства, поскольку эти верхи осмеливаются восставать против него. Секретарь ЦК Молотов». Против политики попирания чувств верующих выступили Сталин и Калинин. Сталин в циркулярном письме губкомам, обкомам, краевым комитетам, национальным ЦК и Бюро ЦК (16 августа

И.С. Глазунов. Разгром храма

1923 г.) рекомендует «избегать всякого оскорбления чувств верующих», отказаться от издевательства «над предметами культа и веры взамен серьёзного анализа и объяснения». Он говорил, что действия «против верующих, представляющих громадное большинство населения... наносят неисчислимый вред советской власти...». Следуют и его чёткие директивы: «воспретить закрытие церквей, молитвенных помещений...», «воспретить аресты «религиозного характера» и т.д. При этом всю ответственность за проведение в жизнь данной директивы возложить на партийное руководство на всех уровнях («лично»).

Ну а чтобы лучше понять смысл такой политики, надо знать, что Троцкий с женой, иудейский мохес (мохес — откупщик налогов), по сути, получал с реквизиций имущества Церкви личный процент, подобно тому как некий премьер эпохи триумфа еврейского термидора в России, в конце XX в., получал свои два процента (за что и получил прозвище — «господин 2%»). В по-

Икона в богатом окладе

Разграбление Божьих храмов

становлении Политбюро было записано чёрным по белому: «Реввоенсовет немедленно получит из числа драгоценностей на 25 млн рублей... сумма эта предназначена на мобилизационные запасы, не облагается налогом и при определении сметы не учитывается». Это жульё готово делать бизнес на всём! Реквизировать богатства Церкви — пожалуйста! Заводы — нет проблем! Земли — с превеликим удовольствием! Школы, сады, институты — прекрасно, и им найдём применение! Музеи — ещё лучше и прибыльнее! Самые ценные вещи из изъятых у Православной церкви уходили в Госмузей, где всем заправляла жена Троцкого. Фактически эта «сладкая пара» сделала бизнес на грабежах, наладив «зелёную улицу» по переправке редчайших ценностей русской культуры за рубеж через Ревель (Таллин). Адресат-получатель бесценных посылок — А. Хаммер и его отец, еврейский миллионер Дж. Хаммер. Дом А. Хаммера в Москве стал настоящим музеем искусств: полотна выдающихся художников России, Франции, Италии, Германии, роскошный кузнецовский фарфор, царская мебель, уникальные пасхальные яйца работы Фаберже, посуда и т.д. Хаммер чуть не сторговал картину Леонардо да Винчи из коллекции Эрмитажа, но сделка по какой-то причине сорвалась. Он

Арманд Хаммер

изрядно обогатился на торговле раритетами из русских музеев. Российские ценности, пишет проф. Саттон, стали уплывать из России за рубеж целыми пароходами. По данным газеты «Нью-Йорк Таймс», только за первые восемь месяцев 1921 г. США вывезли золота на 460 млн долларов, из них 102,9 млн приходятся на фирму, основанную американским еврейским банкиром Шиффом — «Кун, Леб и К». Директор шведского Монетного двора заявил, что с 1.01 по 22.04.1921 г. «они переплавили 70 тонн золота стоимостью около 42 миллионов

Б. Кустодиев. Масленица

долларов США, и большая часть этого золота ушла в США». Как видим, стоит только евреям или их друзьям попасть в Кремль, во власть в результате большевистской революции, «демократических реформ», как тут же: 1) начинается повальный грабеж России; 2) унижение и подавление русских как титульной нации и Православной церкви; 3) вывоз сокровищ, золота, стабилизационного фонда в США, где сидят хозяева «кукол». Что при большевиках, что при демократах — у этих всё равно масленица!

В отношении предметов искусств многие с первых дней революции захотели нажиться на сокровищах, что были сокрыты в российских музеях. С такой идеей носился тогда и ещё один авантюрист-еврей и шпион — Сидней Рейли. Между ним и сэром У. Черчиллем произошел даже такой любопытный разговор (в воспроизведении Т. Гладкова). «Рейли: — ...У меня имеется вполне реалистичный план, как достать миллионы, чтобы свергнуть большевиков. Сама Россия станет финансировать меня.

Черчилль был заинтригован: — Каким образом?

— Всё очень просто, сэр. Россия богата не только пенькой, мехами и цитварным семенем, но и произведенными искусствами, которым нет цены. Мои агенты будут вывозить их в Европу, думаю, что богатые покупатели здесь найдутся. Полотна старых мастеров не знают, что такое инфляция. Вот так я намерен российскими сувенирами свергать большевиков...

— Любопытная игра. Но она граничит с нарушениями международного права. Не так ли?..

— Что же касается международного права, сэр... Мне доводилось бывать и в Британском музее в Лондоне, и в Парижском Лувре... И я не уверен, что все тамошние экспонаты, в том числе самые прославленные, попали туда при строгом соблюдении норм международного права...

Черчилль нахмурился, но сделал вид, что не слышал последней, достаточно дерзкой фразы. С тех пор не перевелись и, боюсь, не скоро ещё переведутся эти типы, пока существует рынок ценностей.

Многие видные деятели Православной церкви, такие как митропо-

лит А. Храповицкий (1863—1936), хотя и боролись против Советской власти, всё ж отстаивали единство православия на территории великой России. Возведенный в сан митрополита на Соборе 1917 г., он был избран на Киевскую кафедру. Власти Петлюры на Украине его арестовали и отправили в Галицию в униатский монастырь, где он пробыл под арестом 8 месяцев. По требованию государств Антанты владыку освободили из-под ареста, он вернулся в Киев, а затем отбыл в Добровольческую армию, в город Новочеркасск, где стал во главе Высшего церковного управления. После эвакуации из Новороссийска владыка Антоний был вывезен на Афон. Затем, по просьбе генерала Врангеля, вернулся в Крым и продолжал там вдохновлять белых на борьбу с «красными поработителями», управляя церковной жизнью на землях, контролируемых армией. По эвакуации из Крыма владыка прибыл в Константинополь, откуда вскоре был приглашен патриархом Димитрием в Югославию, в которой прожил 15 лет до конца дней, возглавив церковную жизнь Русского Зарубежья. Кстати, именно митрополит Антоний стал прототипом Алеши Карамазова в романе Достоевского «Братья Карамазовы». Он считал, что миссия Русской церкви — «руководство народной совестью». Эта миссия сегодня еще важнее.

М. Каллаш в «Православии и большевизме» (1930) пыталась понять, каким образом всё это случилось с Россией. Она писала (и ей не откажешь в проницательности): «Нет надобности и говорить о том, что золотой покров официального «святорусского» благочестия первого натиска революции не выдержал. Революция обнажила в русском народе и непрочность и шаткость нравственных основ. В крови, в насилиях, в изощрённо жестоких глумлениях явился страшный лик зверя. Нужно помнить,

что не партия большевиков, а именно народ, масса бушевала и свирепствовала после падения монархии, начиная с военного фронта, и с больших городов, где происходило гнусное по своей жестокости избивание офицеров, и кончая каждым закоулком России, — всюду остервенелая жажда крови в ту пору искала насыщения, не разбирая ни правых, ни виноватых. Обычное объяснение этого жестокого буйства темной неграмотной массы народа, мне кажется, не совсем удовлетворительно, если мы будем судить не африканских дикарей-людоедов, а православных христиан. Но если даже половину всех преступлений, совершенных именно самим народом, отнести к тому, что «вся страна находилась в состоянии аффекта», то всё же какая-то доля пролитой крови даст нам право поставить вопрос: как совместить с христианской настроенностью «народа-богоносца» не только содеянное им в начале революции, в вихре её первого урагана, но и утверждённое потом зло? Ибо большевизм отнюдь не есть зло постороннее и чуждое русскому народу, а в какой-то мере органически им воспринятое. Пусть прививка этого зла была сделана чужими руками, но организм сопротивления не оказал, кровь русская этот большевизм в себя настолько впитала, что революция из кратковременного пароксизма

Успенский собор в Кирсанове и памятник героям Гражданской войны

превратилась в длительный затяжной процесс». Правда, крайне суровая и нелюбимая. Верное заключение, касающееся судьбы «устарелого арсенала лжехристианского клерикализма» (Степун), но оно всё-таки неполно и не вполне корректно.

Конечно же, народ был очень болен. Причём это «помешательство» касалось всех слоёв населения. Об этом просто и ясно сказал отец Павел Флоренский: «Социальные болезни довоенного времени, война, трудности жизни революционного периода — всё это не могло не задеть самых основ народного здоровья. Если вообще забота о здравии народа составляет одну из важнейших задач госвласти, то в настоящий момент эта задача стоит на самом первом месте: из больного выродившегося народа нельзя построить здорового государства». Это отрывок из рукописи, завершённой им в тюрьме в 1933 г. Та называлась «Предполагаемое государственное устройство в будущем». Рукопись в 1990 г. возвратили из архивов КГБ, и она представляет немалый интерес.

С позиций совести и справедливости, с позиций интересов народа, говоря откровенно, ни историки, ни теологи не пытались анализировать происходящие события. Надо бы честно взглянуть в глаза этой свирепой разъярённой толпе, что вдруг ринулась грабить церкви и вытаскивать из них золото, камни и святые образа. М. Каллаш честнее других: «На тринадцатый год иступленного богоборчества и войны, объявленной всем основам христианской нравственности, неужели ещё можно говорить о «шайке, захватившей власть»; о большевизме, как о явлении нам чуждом и навязанном нации путем обмана и террора? Эти тысячи комсомольцев, которые, наподобие староновгородских ушкуйников, неистово громят всю страну, разве они привезены к нам в «запломбированном вагоне»? Ничтожен был бы тот народ, который из одного лишь рабского страха терпел бы над собою издевательство кучки каких-то пришельцев. Нужно решиться, что большевизм есть явление чисто русское, такое же кровное, как «двенадцать разбойничков», как «Тушинский вор» со своими сторонниками, как пугачёвщина, как всякая вообще бесчинствующая русская вольница, в известные моменты подавляющая своим злобно-отчаянным своеволием мало развитую волю и мало раз-

Павел Флоренский

витое нравственное и религиозное сознание народа». Такой подход ближе к истине, хотя и не отвечает на суть вопроса: «Кто виноват?» Иные вещали: «В дни громадных, апокалиптических событий, обрушившихся на русскую землю, Церковь аскетически и мученически отреклась от России вчерашнего дня, слагая с себя печаль о её земном теле. То, что заменило национальное сознание Церкви в годы революции, — была святость» (Г. Федотов). Степун реагирует на это возмущенно. Как же так? Церковь, сопротивляясь большевизму, не связала себя с контрреволюцией, и уже это ей должно поставить в заслугу. Но разве в том дело? Почему никто не хочет видеть за чудовищными действиями народа реакцию на действия царя и буржуазии! И на действия самой церкви... Блок писал в статье «Интеллигенция и революция» (1918): «Почему дырявят древний собор? — Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? — Потому, что там насиловали и пороли девок; не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? — Потому, что сто лет под

Сброшенные колокола.
Отче наш, не введи нас во искушение

их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть». Реакция на равнодушие церкви к жизни и положению народа. Как писал великий поэт Востока Омар Хаям: «О суровое небо, безжалостный бог, ты ещё никогда никому не помог!»

Новая власть, опять следуя царской традиции (Грозный, Петр Великий), объявит поход против колоколов... В 1929—1930 гг. М. Пришвин в дневнике с возмущением отмечал: (22 ноября). В Лавре снимают колокола, и тот в 4000 пудов, единственный в мире, тоже пойдёт в переливку. Чистое злодейство, и заступиться нельзя никому и как-то неприлично: слишком много жизней губят ежедневно, чтобы можно было отстаивать колокол... (12 декабря). Сейчас резко обозначаются два понимания жизни. Одним — всё в индустриализации страны, в пятилетке и тракторных колоннах, они глубоко уверены, что если удастся организовать крестьян в коллективы, добыть хлеб, а потом всё остальное, необходимое для жизни, то вот и всё. И так они этим живут, иногда же, когда вообразят себе, что нигде в свете не было такого великого коллектива, приходят прямо в восторг. Другие всему этому хлебно-тракторному коллективу не придают никакого значения, не дают себе труда даже вдуматься в суть дела. Их в содрогание приводит вид разбитой паперти у Троицы, сброшенного на землю колокола, кинотеатр в церкви и место отдыха, обязательное для всех граждан безбожие и, вообще, это высшее достижение, индустриальное извлечение хлеба из земли ... Пусть бы! — думают они, — по существу в

(неразборчиво), но раз оно противопоставляется вызывающе любви (хлеб вместо любви), тем становится и враждебным: что-то вроде искушения Сатаны... (4 января) Показывал Павловне [Е.П. Смогалёва — первая жена Пришвина. — Ред.] упавший вчера колокол, при близком разглядывании сегодня заметил, что и у Екатерины Великой, и у Петра Первого маленькие носы на барельефных изображениях тянуты молотком: это, наверно, издевались рабочие, когда ещё колокол висел. Самое же тяжкое из этого раздумья является (мысль) о наших богатствах в искусстве: раз «быть или не быть» индустрии, то почему не спустить и Рембрандта на подшивники. И спустят, как пить дать, всё спустят непременно. Павловна сказала: «Народ навозный, всю красоту продадут». И. Ильин откликнется на это событие: «Обе революции (на Западе так называемая Великая французская революция и у нас, начатая царствованием Петра I и законченная большевиками) сопровождались и сопровождаются открытым походом на колокола и, что особенно замечательно, с одними и теми же практическими целями — переливки их на пушки для защиты «революционного отечества» и на пользу, будто бы, промышленности» (1930 г.). Про-

Колокола и толпа

стите, а разве для страны пушки для её защиты порой не важнее колоколов, школы не нужнее церквей?!

И стоит ли удивляться, что сбрасывали колокола и разрушали церкви, если и сама Церковь выбросила из сердца все нужды народа и разрушила веру в справедливость?!

Надо вспомнить, что само же самодержавие и преподало русскому народу наглядный урок — как стрелять в иконы, в хоругви, в священников и народ! С благословения высшей власти! Да и колокола, мы знаем из истории, снимали с церквей, «урезали их язык» сами же цари. Забыла власть про Бога и в Кровавое воскресенье 9 января 1905 г.! А как гнали крестьян и рабочих на убой в Первую мировую?!

Так какое же вы имеете право обвинять в зверстве тех, кто убивает, и не трогать тех, кто посылает убивать! И хотя террор был несопоставим, но цари и буржуа сами воспитали и любовно взрастили Зверя. Они радостно поглощали военные прибыли и дивиденды от поставок и займов. Когда же народ, вернувшись с всемирной бойни, морально и психически изуродованный, жаждущий крови, набросился на вас, на весь ваш класс, вы возопили и обратили свой взор к небу, виня Народ и Православие... Или вы думаете, никто не помнит, как действовали адмирал Колчак и его подручные! В Каннском уезде атаман Красильников повесил 130 православных мужиков, вернувшихся из тайги по амнистии, объявленной Колчаком. Расстреливал атаман и священников, и сельских старост, говоря: «Этот поп ещё не изменил, но может изменить, посему попа — лучше повесить». Колчак сделал вид, что зверства его не касаются. Так что поле сухих костей, костей русских священников в России имело не только «красную», но и «белую» метку.

Церковь наша не в 1917—1918 гг., а намного раньше отреклась от народа! Полагая, что и зверь ненасытный, «ушкуйник» оттого ожил в народе, что он пребывал в самой правящей элите, царе, церковниках. Те грабили народ по Божьему благословию, по праву сильного! В их сердцах давно не было, нет Бога! Тютчев писал: и «только намеренно закрывая глаза на очевидность..., можно не заметить того, что власть

В крестьянской русской избе в 20-е гг.

в России...не признает и не допускает иного права, кроме своего, что это право — не в обиду будет сказано официальной формуле — исходит не от Бога, а от материальной силы самой власти, и что эта сила узаконена в её глазах уверенностью в превосходстве своей весьма спорной просвещённости...Одним словом, власть в России на деле безбожна» Эти горькие слова великого русского поэта невольно вспоминаются ныне, вновь и вновь. Не от Бога власть!

Православная церковь и «с вырванными как языки колоколами совершала Литургию» (А. Андреева). Да, среди массы простых людей России вера в православие, в её «незыблемый чертог» держалась ещё крепко, хотя многие осуждали царя и на первых порах поддерживали большевиков. Многие говорили: «Это чтобы и колоколов не было! А Светлый День как? А Христос воскрес из мертвых! Без церкви никак нельзя...» Многие же продолжали твердить: «Господь не выдаст, свинья не съест!» Но когда стали изымать церковные ценности и иконы, все украшения из золота, серебра и драгоценных камней для помощи голодающим, иные верующие стали оказывать сопротивление. Так, в г. Шуя в марте 1922 г. толпа верующих отогнала сначала конную милицию от храма, а затем и команду солдат. Толпу тогда удалось усмирить только с помощью пулеметов. «...Москва. 1.04. На 3.04. в девяти типографиях Городского района назначено общее собрание рабочих по вопросу об изъятии церковных ценностей. Возможна забастовка рабочих. На Чугунно-литейном заводе Сокольнического района

31.03 состоялось общее собрание по вопросу об изъятии ценностей. На собрание вынесено постановление: в первую очередь взять золото у коммунистов, их жен, торговцев, затем уже и из церквей» «...Петроградская губерния, 11.04. На общем собрании рабочих 8-й фабрики прозодежды вопрос об изъятии решён отрицательно...» «...Омская губерния, 14—15.04. Рабочие Главжелдормастерских настроены к изъятию враждебно. В Тарском уезде крестьяне проводят собрания под видом религиозных, выносят постановления об избиении и разоружении коммунистов...» О том, сколь жестоки были тогдашние российские реалии говорит и такой случай. Как-то, ещё в начале революционного движения «социалисты или анархисты», шпана из уголовников, заколов корову перед сельской церковью, взяли от неё крови и «помазали иконы в храме»; в ответ на это мужики, возмущённые святотатством, связали их и «отрубили им всем головы перед этой самой церковью». Господин, рассказывавший эту историю «прямо с аппетитом», был, по словам Струве, прекрасный «вообще христианин». Весной 1922 г. среди населения стали расти слухи о том, что церковные ценности изымаются с целью обеспечения бегства правительства из России. Транспортный отдел ГПУ из г. Новониколаевска в частности сообщал на Лубянку: «...ведутся разговоры, что коммунисты всё обобрали и теперь хотят обобрать и церковь, чтобы разделить между собой и уехать за границу». Из Владимирской губернии того же числа: «В Служком уезде буржуазия распространяет слухи о том, что ценности изымаются якобы для того, чтобы облегчить коммунистам бегство...» Только в один день «изъятия» 25 апреля 1922 г. в Петрограде у церкви Петра и Павла собралась возмущенная толпа в 500 человек, у Владимирской церкви — до тысячи, около 600 верующих защищало ценности, принадлежавшие церкви, у входа в Смоленский храм. Подобная реакция народа понятна и даже вполне предсказуема в это смутное время.

В этой книге не ставилась напрямую задача показать глубинные причины «богоборческой ярости» и то, как «тяжба Христа и антихриста» решалась в огне революций и войн. Но и после окончания Гражданской войны репрессии против Церкви не прекра-

тились. Хотя подчеркнём, Тихон отказался летом 1918 г. благословить Белую армию, но в то же время мужественно боролся против изъятия церковных ценностей и антагонизировал большевикам. Первое стеснение свободы св. патриарха Тихона началось ещё в 1919 г., но формальный арест и заточение в монастырь, затем в Московское ГПУ состоялось осенью 1922 г., после дела митрополита Вениамина, когда Патриарху были предъявлены Советской властью обвинения: 1) патриарх препятствовал спасению жизней погибавших от голода; 2) он же сочувствовал контрреволюционному движению в период гражданской войны и поддерживал своим авторитетом выступления заграничных контрреволюционных кругов... Обвинения были совершенно голословны и не могли быть никоим образом доказаны. Наоборот, даже в официальной печати в своё время появились послания и призывы св. патриарха Тихона, из которых явствовало его горячее стремление спасти голодающих, да и принципиальная аполитичность патриарха Тихона также всем была хорошо известна. Советская власть арестовала Патриарха, организовала аги-

Патриарх Тихон

тацию среди тёмных масс и подонков населения за вынесение повсеместно резолюций, требующих смертного приговора Первосвятителю Российской Православной Церкви. Напомним, что на него несколько раз уже совершались покушения. В 1919 г. при выходе архипастыря из храма Христа Спасителя некая женщина ударила его ножом. Патриарха спас кожаный пояс, а террористку поместили в дом умалишённых. В 1924 г. тремя выстрелами убили келейника, секретаря и телохранителя патриарха Я. Полозова. Во время посещения могилы келейника и в Тихона стреляли дважды, но промахнулись. Зная методы «воздействия» Советской власти на население, не приходится удивляться тому, что в большом количестве повсюду стали появляться «убийственные резолюции», которые должны выразить «гнев народа». Один из таких провокационных актов описан в прессе. На западе России комсомольцы устроят безобразие на крестном ходу. Во время пасхальной заутрени они нарядились чертями и ринулись в толпу богомольцев. Для того, чтобы больше походить на чертей, они намолили бумажные одеяния. Не учли, что богомольцы-то были со свечками! В результате один «черт» загорелся. Другие «товарищи» бросились его тушить. Но тут же загорелся и другой. В итоге, первый «черт» сгорел — на виду у всех до смерти. Второй попал в больницу. Дикие страсти, что подспудно накапливались в народе, выплеснулись в годину войн и невзгод. «Именно по духовенству и пришёл самый удар этих прорвавшихся зверских народных страстей», — скажет писатель В.Т. Шаламов. И не только... Не только по духовенству!

Однако вновь спросим себя: кто же был инициатором и в значительной мере активным участником сей борьбы против церкви? Н.В. Гоголь за полвека до Русской революции в письме к В.Г. Белинскому (правда, так им и не отосланному) вопрошал известного критика-народника: «Кто же, по-вашему, ближе и лучше может истолковать теперь Христа? Неужели нынешние коммунисты и социалисты, объясняющие, что Христос повелел отнимать имущества и грабить тех, которые нажили себе состояние? Опомнитесь!» Но ведь отнимали не только и не столько «коммунисты», а народ, тот самый народ, который нынешние «демократы» так боятся назвать. Хотя вот

И. Андреев (США) отмечал: «Так, например, от имени крестьян Загарской волости (губерния не указана) в «Известиях ВЦИК» № 87 (1824) от 21 апреля 1923 г., напечатана такая резолюция: «Мы, беспартийные крестьяне Загарской волости, узнав, что в ближайшем будущем имеет быть судебный процесс патриарха Тихона, заявляем, что он кровопийца в рясе, контрреволюционер и людоед... мы требуем от Центральной Советской власти вынести кровопийцу патриарху Тихону суровую и беспощадную меру наказания». После ряда таких «требований от населения» «Известия ВЦИК» № 90 от 25 апреля 1923 г. пишет: «Массовые резолюции духовенства, осуждавшие Патриарха ещё до суда, и как предателя Церкви, и как контрреволюционера-преступника, служат лучшим ответом белогвардейским шавкам». Прокурор по делу патриарха, Крыленко, обращаясь к представителям губернских организаций, собранных в Москву для представления «резолюций» этих организаций, требующих вынесения смертного приговора Патриарху, — заявил собравшимся: «Судьба гражданина Тихона в наших руках и вы можете быть уверены, что мы не пощадим этого представителя классов, которые в течение столетий угнетали русский народ и которые до сих пор не отказались от мысли о борьбе с суверенной волей русского пролетариата. Советское Правительство твёрдо решило ответить на эти попытки самой энергичной контратакой. Оно будет беспощадно и не окажет никому снисхождения. Пролетариат должен во что бы ни стало удержаться на завоеванных позициях. В настоящее время одной из главных стадий борьбы, которую мы ведём, является борьба против религиозных предрассудков и слепого фанатизма масс. Мы объявили войну религии, войну всем вероисповеданиям, каковы бы они не были. Русский народ должен освободиться от этого последнего ига». В 1922 г. чекисты увезли патриарха Тихона с Троицкого подворья и посадили под домашний арест в Донской монастырь. Тем самым пытались спрятать живой символ Церкви от глаз верующих. Против Святейшего патриарха Московского и Всея Руси («гражданина Белавина») власти стали готовить судебный процесс.

По инициативе Ленина, в мае 1922 г. Политбюро приняло решение: «Дать дирек-

Патриарх Тихон среди священнослужителей

тиву Московскому трибуналу: 1. Немедленно привлечь Тихона к суду. 2. Применить к попам высшую меру наказания». Его каждый день стали возить на Лубянку, допрашивая патриарха, пытаясь добыть от него компрометирующий материал. У патриарха выпытывали, кто помогал ему составлять «контрреволюционные» послания. Почему он выступал против декрета Советской власти об изъятии церковных ценностей? Зачем он разрешил в 1918 г. организовать охрану своей личности? Каким образом его послания могли попасть к правительству Деникина, в руки других контрреволюционных организаций? Каким способом он вёл переписку с зарубежными епархиями? Как попал в его архив тот или иной документ? Кто являлся инициатором того или иного постановления Синода? Чекисты пытались ему внушить, что русские иерархи, эмигрировавшие за границу, «наиболее ненавистны Советской власти, что нынешние беды Церкви — из-за них, и если бы Тихон был с ними строже, то и Церкви стало бы легче». Против суда над патриархом Тихоном выступил нарком иностранных дел Г.В. Чичерин. Он написал тогда И.В. Сталину: «Уважаемый Товарищ, НКВД предлагает Политбюро заранее принять решение о невынесении смертного приговора Тихону. Факты показали, какой громадный вред мы себе причинили казнью Буткевича. В Америке сенатор Бора и его единомышленники собирались создать комитет для ведения агитации за восстановление сношений с Россией, но ввиду край-

не неблагоприятной обстановки, созданной казнью Буткевича, они решили временно задержать эту работу и не оформлять комитета. В ближайшие недели сенатор Бора совсем не будет выступать в пользу восстановления сношений с Россией. Предполагавшееся свидание Бора с Юзом не состоялось. В Англии, как известно, Морель отсрочил своё парламентское выступление в пользу нашего признания... Всякий, кто хоть сколько-нибудь знает, что происходит за пограничными столбами, подтвердит, что во всех

отношениях наше положение крайне ухудшилось в результате этого дела. Между тем в деле Буткевича имеется возможность ссылаться на польский шпионаж и на связь с агрессивным польским шовинизмом. В деле Тихона и этого нет. Все другие страны не усмотрят в таком приговоре ничего, кроме голого религиозного преследования... Одним словом, вынесение смертного приговора в деле Тихона ещё гораздо больше ухудшит наше международное положение во всех отношениях. Выносить же смертный приговор и потом отменять его как будто под давлением других государств для нас крайне невыгодно и создаёт в высшей степени тяжёлое впечатление. Предлагаем поэтому заранее отказаться от... вынесения смертного приговора Тихону. С коммунистическим приветом, Чичерин». Но распра-

У гроба Святейшего Патриарха Тихона. 1925 г.

ва над патриархом близилась. Чекист Тучков («некто в сером») готов предъявить больному патриарху бумагу об аресте. Был заготовлен и бланк (где и примерная дата проставлена: 1925 г., марта...). Но Господь выручил Его Святейшество — призвал его к Себе, спас от позора и унижений. Так ушел из жизни сей, по словам Горького, «очень умный, честно мыслящий человек».

Сколько громких, искренних, чистых, благостных слов сказано о Православной Церкви, о её роли в России. И это святая правда... С чувством глубокого волнения И. Шмелёв в повести «Лето господне» описывает Крестный ход. «Голова запрокинута, смотрит в небо, в золотую хоругвь, родную: Светлое Воскресение Христово. Вся она убрана цветами... и в этой звезде, в матовом серебре, будто на снежном блеске, светится Рождество Христово... Блеск от него на солнце слепит глаза... Звезда покачивается, цепляет, звонкает об сквозящую легкую хоругвь Праздника Воскресения Христово. Больше пуда хоругвь-Звезда, и на одном-то древке, а не втрояк. Слезы мне жгут глаза: радостно мне, что это наши, с нашего двора, служат святому делу, могут и жизнь свою положить, как извозчик Семен, который упал в Кремле за ночным Крестным ходом, — сердце оборвалось. Для Господа ничего не жалко. Что-то я постигаю в этот чудесный миг... — есть у людей такое... выше всего на свете... Святое, Бог!» Вон И. Шмелёв уверял, бия себя в грудь: «Я знаю, чую народ и его глубокое» (1923)! А знал ли он, Шмелёв, в полной мере народ свой лютый и многострадальный, что с равным рвением и охотой прикладывается к иконе и топору, «крестится» на наган с обрезом? А если б знал, то понял бы, что захват ценностей, накопленных Церковью за столетия, мог иметь в истоке им же высказанную и многим очень понятную мысль: «А рядышком, чёрная-то хоругвь... тёмное серебро в камнях... страшная хоругвь эта, камня с убиенных посянны, дар Малюты Скуратова, церкви Николы на Берсе-

невке, триста годов ей, много показнил народу безвинного...» Должен был он знать и то, что в истории Церкви был такой деятель Синода, что известен тем, что распиливал иконы, сдирал с них золото, серебро, драгоценные камни, пускал в оборот. Не убоился гнева Господня, хотя наказан был и сослан светской властью. Так была ли столь уж глубока и сильна вера российского народа-богоносца! И большевики ли виноваты в его атеистических настроениях?! Многие и ранее задавались вопросом: «Так ли религиозен русский народ, народ-богоносец?» Философ, историк и богослов Ю. Самарин писал в 1872 г.: «Что за тайна религиозная жизнь народа, предоставленного самому себе и невежественного, как наш!»

Спрашиваешь себя, откуда она берется, и когда пытаешься открыть её источник, не находишь ничего. Наше духовенство не обучает, оно только отправляет службы и совершает таинство. Для людей, не умеющих читать, Св. Писание не существует; остаются, значит, как единственные узы между церковью и личностью, богослужение и те немногие молитвы, которые переходят от отца к сыну. Но оказывается (и я лично убедился в этом), что народ — по крайней мере в наших местах — решительно ничего не понимает в богослужебном языке, ни даже в «Отче наш». Между тем во всех этих непросвещенных сознаниях есть, как в Афинах, неизвестно кем воздвигнутый алтарь неведомому Богу...» Поразительно точная, верная оценка состояния веры и духа на-

Капиталисту! Прочь с дороги!

рода русского. Иные и поныне верят не в Бога, а в некое Провидение? Конечно, Господь — что «чаша неупиваемая», чем больше пьёшь, тем больше жажда насытиться святою водой... Но ведь наш народ предпочитает пить не святую воду, а водку! И в этом видит для себя философский смысл!

Если так, то можно ли всерьёз, учитывая всю гамму общественно-экономических отношений и социально-религиозных настроений в российском обществе, говорить о воцерковлении нашего народа! Во-первых, если это и можно сделать, то в рамках и пределах лишь отдельных религий и исповеданий. Во-вторых, речь может идти не о народе в целом, а об отдельных его представителях. В-третьих, при самом беглом взгляде на народные массы, и уж тем более на политическую, властную элиту страны (царскую, большевистскую, «демократическую»), становится ясно: эти люди, говоря словами Ильина, «прошли мимо Христианства». Вспомним и полные горечи слова историка Ключевского о том, что обряд заменил в нашей Церкви истинное богословие и святость. «Великая истина Христа разменялась на обрядовые мелочи и художественные пустяки. На народ Церковь действовала искусством обрядов, правилами, пленяла воображение и чувство или связывала волю, но не давала пищи уму, не будила мысли». Но ещё более жёстко высказался другой выдающийся учёный России, В.И. Вернадский, считавший, что наша Церковь не отвечает глубинным требованиям свободного ума и праведной души: «...Для меня не нужна церковь и не нужна молитва. Мне не нужны слова и образы, которые отвечают моему религиозному чувству». Разумеется, были верные служители Церкви, была некая религиозная идиллия, были даже верующие, что проводили всю жизнь в затворничестве, молитвенных бдениях и покаяниях. Однако давно возникшая пропасть между народом и Церковью всё увеличивалась.

При этом новые поколения не желали повторять за Гоголем «Литургию оглашенных»: «С крыла громко возглашаются во всеуслышанье блаженства, воз-

вестившие в настоящем веке познание истины, а в будущем Вечную жизнь. Собранные молящихся, взывая воззванием благо-разумного разбойника, возопившего к Христу на кресте: Во царствии Твоём помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоём, повторяет вослед за чтецом сии слова Спасителя: «Блаженны нищие духом, яко тех есть Царствие Небесное — не гордящиеся, не возносящиеся умом». Да не могут быть блаженны нищие духом! Не будут блаженны «алчущие небесной правды», если они терпят на земле неправду, потакают ей, способствуют укреплению несправедливого строя! Но не могут быть блаженны и кроткие, что покорно взирают на угнетателей своих! Нет, не была и не будет надежным оружием — «всепобеждающая кротость». История не прощает тех, кто обманывает народ. Может, в этом и следовало искать причину низового антиклерикального движения, богоборческие и атеистические мотивы, возникшие задолго до революций...

В самом сердце православной России, в Ростове Великом, в конце XIX в., — при царе-батюшке и господстве всесильного Синода, — в храмах, церквях вели торговлю, и даже устраивали скотобойню. Кремль ростовский стоял без крыш, о чём с грустью писал А. Титов в книге «Вымирающий город» (1887). Многие и тогда понимали, что за внешне красиво-благообразными образами веры Христовой в иных в душах сокрыто нечто противоположное — «красивая форма Молоха». И не это ли и явилось причиной того, почему Розанов задался

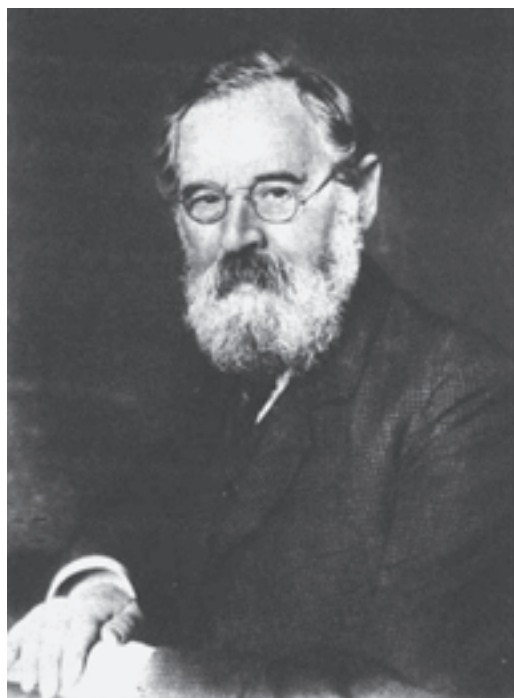
Поместный Собор 1917—1918 гг.

вопросом (1903): «В виду этого, посудите сами, можно ли надеяться на широкое распространение в России единительных идей?» Судя по всему, в глубине души он очень сомневался в победе и «единительных идей», и любовного единения и христианства. Философ считал признаком проявления «знамения пришествия Антихриста» алкоголизм и отсутствие зелени. Ныне Христос всё так же далек от нас, — но теперь уже — какой прогресс — при строе демократии, опирающейся на алкоголизм и «зелень».

Понадобились все эти жуткие войны (мировые и гражданские), чтобы стало ясно, что Христос из многих людских душ вообще напрочь исчез. Отлетел, как, по мнению верующих, отлетает душа наша на девятый день смерти. После того как Церковь заняла сторону белых в жестокой борьбе с красными, сторону противника народной революции, её положение, а с нею и Христа, в России стало довольно сложным. Есенин в «Инонии» позволил себе богоборческий и чуть ли не богохульный окрик: «Время моё пришло, не страшен мне лязг кнута. Тело, Христово тело, выплёвывая из рта». Вот и Ленин, беседуя как-то с Милютиным и Красиным, заявил с категоричностью эмпирика, никогда не верившего Бога: «Электричество заменит крестьянину Бога. Пусть крестьянин молится электричеству; он будет больше чувствовать силу центральной власти — вместо неба».

Лепту в возбуждении мощной атеистической волны, накатившей на Россию, сыграл и шлиссельбургский узник Н.А. Морозов, учёный-химик, основатель и бесменный директор естественнаучного института им. Лесгафта. Учёный-энциклопедист был известен книгой «Откровение в грозе и буре», где дал своё видение библейского Апокалипсиса. В те годы он работал над первым томом своего фундаментального историко-философского исследования «Христос». Морозов обратился к Ленину в 1921 г., прося разрешение на выход книги. Вождь дал наркому Луначарскому указание разобраться. Тот отвечал, что эта вещь «совершенно сумасбродная, доказывающая... что Христос жил не в первом веке, а в пятом». Но в августе 1921 г. тот же Луначарский пишет Ленину: «Хотя я и не смог ознакомиться с самою рукописью большого труда тов. Морозова "Христос и его время", но

после устного доклада автора о её содержании с демонстрацией некоторых таблиц, нахожу чрезвычайно желательным и даже необходимым всемерно ускорить выпуск этой книги в свет». Что же так привлекло внимание Луначарского в книге? То, что Морозов доказывал, что слово «христос» значит просто «посвященный в тайны высших знаний». Известный учёный писал: «Более того, ведь я сам доказываю, что евангельский Христос есть простой продукт воображения первых Средневековых романистов, а истинным основателем христианской религии был византийский Великий Царь (Василий Великий), ...а не монах, каким его рисуют «Жития святых». Это означало, что Христос и церковь — это продукты реального человеческого общества, т.е. людей и политиков... В 1924 г. он публикует эту книгу, имевшую еще одно название — «История человеческой культуры в естественно-научном освещении». Стоит заметить, что интерес к этому непоследовательному, но мощному компендиуму различных знаний и таблиц во многом был вызван у красных вождей политическими задачами борьбы с религией, этим «опиу-

Н.А. Морозов (1854—1946)

мом для народа». Морозов, мешая события и даты, осовременил всю историю. Попутно он доказывал так или иначе, что и религия это не более чем «пена на волнах более глубокой народной жизни, которая шла по своим естественным эволюционным законам». В его произведениях содержится немало острот и стрел в адрес акафистов Пресвятой Богородице, которые приписываются патриарху Сергию и относят к 626 г., тогда как они на деле новейшие произведения. Церковная история также представляется ему «бессодержательною». Одним словом там, где должна была бы жить, животворить истинная вера, были и есть одни руины и привидения. Фантомы веры.

Это чувствовали многие в дореволюционной России, выступая против Церкви с позиций жёсткой критики... С. Булгаков, автор известных работ по христианской этике и политике, мечтавший создать «Союз христианской политики», говорил о «религии человекобожия в русской революции». Выступая с речью перед студентами в 1908 г., он привёл слова Некрасова и выразил страстное пожелание: «чтоб осенил меня крестом Бог угнетённых, Бог скорбящих, Бог поколений, предстоящих пред этим скудным алтарём». Он спрашивает студенчество и интеллигенцию, многие ли в России из числа интеллигенции склонялись пред «этим скудным алтарём», при этом соединяясь «с народом в его вере и его молитве»? И ответ его неутешителен: «Нет, не многие. Скажу прямо: единицы. Масса же,

почти вся наша интеллигенция, отвернувшись от простонародной «мужицкой» веры, духовное отчуждение создавалось между нею и народом». Это стало ещё очевиднее после 1917 г., когда немалая часть народа выбрала себе «иного Бога». В 1869 г. Ф. Энгельс, говоря о научном наследии Маркса, писал: «Ныне всякий, кто ещё хочет бороться с социализмом, должен будет справиться с Марксом; и если ему это удастся, то у него, разумеется, уже не будет необходимости упоминать о *dii minorum gentum* (лат. — о младших богах)». Так надо ли удивляться, что и учёный-социолог П. Сорокин, выступивший в дальнейшем против большевиков, вынужден признать, что религией русского народа стал социализм, а верующий С. Булгаков стал выговаривать слово «Христос» тем же тоном, каким прежде произносил слово «Маркс» (Шестов). Мы уже не говорим о самом Ленине, который, по его словам, уже в 16 лет, — когда на его глазах, хрипя, умирал отец, — «покончил с религией».

Если же взглянуть глубже на положение Русской православной церкви в истории государства Российского, как её живительного, так и её мёртвого источника, вы легче пусть и не оправдаете страшные преступления большевиков против Церкви и её служителей, но хотя бы поймете иные их истоки. Говоря о религиозном опыте и чувстве, о душе, что «готова» и «созрела» для узрения Бога, философ Ильин вынужден признать, что в мире, где «всё измеряется ценой денег», подлинной веры в Бога быть

просто не может. Души людей в таком мире не верят «ни в совесть, ни в честь», а критерии — «случайны, слепы, беспредметны». Вы думаете: нынешняя узкая секта миллиардеров верит в Бога? В бога злата, возможно! Но в этих людях, думаю, отсутствует «духовная сокровищница! Нет и «внутреннего храма, нерушимого алтаря»! И эта толпа, а имя ей «целый мир», направляется лишь расчётом или же тщеславием. Поэто-

Очищение Храма

му эти люди вместо религии предпочитают магию власти и власть чистогана, приветствуя откровенную коммерциализацию церкви и тайнства. В итоге происходит «вырождение религиозного опыта», а точнее, полное его извращение и забвение. Процесс идёт иногда медленно и постепенно, так что его почти не замечают, а иногда очень быстро. Ильин говорил, что опасность разложения «имеется всегда и у всех народов». А потому вариант социального протестантизма, который очистил бы Храм, необходим. В конце концов не боги лепят народы, а народы творят своих богов!

«Бог творит в совершенной свободе» (Г. Флоровский). Однако Церкви как институту государственному, верноподданному, служащему сильным мира сего, назначено было некое место в структуре самодержавия и обозначены функции. Она была слугой царизма, его верным и раболепным клеветником... Человек и Церковь творят в условиях чрезвычайно далёких от такой свободы. А то зачастую и вовсе при отсутствии таковой... Но пока самодержавие более или менее удовлетворительно служило целям России, выглядела оправданной и полезной миссия Церкви и её слуг. Но когда самодержавие из опоры Российского государства, из его надежного защитника, а порой спасителя буквально на глазах стало превращаться в грабителя и губителя народа, уподобилось корыстолюбивому раз-

бойнику, тот же облик принимала и Церковь. Это как в сообщающихся сосудах. Церковь в России — Протей государства! Если могуче и крепко государство Российское, могуча и крепка Церковь. Если же оно становится убийцей и грабителем народа, таким же палачом, грабителем и обманщиком выступает его церковь. И тогда, ох, горька становится участь подобной веры и такой церкви. Правда, Лосский напишет: «С огорчением думая о приниженном состоянии той Церкви, которую можно назвать «официальной», нужно помнить, что в России сохранялась всё же в глубине и настоящая христианская Церковь в лице почитаемых народом подвижников, живших в тише монастырей, и особенно в лице «старцев», к которым прибегали для поучения и утешения тысячи людей из всех слоёв русского народа». Но эти старцы жили обособленно, вдали от реальных и болезненных проблем жизни, напоминая древних «ведунгов» и «шаманов», к которым скуки ради ехали пресыщенные столичные снобы, львицы или сановники, чтобы оживить серость их бытия. Хотя нередко к ним шли и простые люди в надежде на исцеление души и тела.

Революцию церковь проморгала... А в ходе неё по сути устранилась от борьбы, что признавали С. Булгаков и др., предпочтя занять позицию страуса, сунувшего голову в песок. Показательно признание митрополита В. Федченкова: «Насколько тревожно была принята нами вторая, февральская революция, настолько, наоборот, уже почти равнодушно отнеслись мы к третьей — большевистской. Уже привыкли к ней: человек ко всему привыкает. И притом нам казалось, что никакой особой разницы не будет между уже пережитым и только начинающимся». Один архиерей, митрополит Антоний Киевский, бросил тогда крылатую фразу из Ветхого Завета: «Не хватай за головы псов дерущихся», говоря тем самым, что лучше быть вне схватки, дабы самому не пострадать от злобы их. «Такое пренебрежительное, постороннее отношение к борющимся политическим партиям не было, впрочем, общим нашим настроением. Большинство членов собора были благоразумны, осторожны и даже уже пассивно-лояльны к тому, что делалось вокруг нас: государство имеет свои задачи, а Церковь свои. Пока нам лучше быть в сто-

Иуда, предавший Христа, повесился

Митрополит В. Федченков

роне, ожидая конца событий. И по всему мы уже видели, куда склонялась история. Нужно подождать. А развязки ждать было недолго: в Петрограде революционный переворот уже завершился, значит, через несколько дней он закончится и в Москве, и по всей стране. И мы спокойно, совершенно спокойно продолжали свои занятия на соборе. Войска, бывшие на стороне большевиков, осадили Москву и откуда-то с Ходынки — опять с Ходынки, на которой во время коронации Николая II подавили немало народу, — посылали снаряды в Белокаменную. А тут ещё были у власти члены кадетской, эсеровской и, вероятно, меньшевистской партии. Мы о них ничего не знали и даже не интересовались: кто они, что делают там, в городской Думе? Военную поддержку они нашли в юнкерах московских военных училищ, поэтому борьба шла между большевиками и юнкерами. И тогда, и теперь мне кажется непонятным: как эти горсточка людей отважились

стать против движущейся лавины народных масс? Ведь очевидно было, что не устоять юнкерам. Почему же...они пошли на жертву? Здесь, как солнце в одной из капель, отразилось наметившееся уже движение междоусобной борьбы белых против красных. Доселе — и при кадетском возглавлении, и при социал-революционере Керенском — интеллигенция, военные, имущественные классы не поднимали голоса против Временного правительства, наоборот, сочувствовали ему или, во всяком случае, приняли его, хотя не все равно сочувственно. Это является несомненным доказательством сродности первых двух революций (хотя их можно и лучше бы назвать — одну) с прошлым строем жизни: консервативно- или либерально-буржуазным, аристократическим и интеллигентски-классовым». Но такой подход означал, конечно же, что Церковь устранилась от судеб Руси.

И.А. Ильин в статье «Церковь и жизнь», говоря об опасности церковного тоталитаризма, угрожающего как Православной церкви, так и жизни православных народов, писал об этом с присущей ему прямо-той... Но есть ещё второй путь «оцерковления жизни». Он состоит в том, что церковь вступает в жизнь, как властное и всеобъемлющее начало и начинает осуществлять своего рода церковный тоталитаризм. История знает тому живые примеры (вспомним хотя бы Савонаролу во Флоренции и Кальвина в Женеве); но вряд ли удастся

Кустодиев. Большевик

найти такой пример, который оправдывал бы это посягание. Начнем с того, что при строе церковного тоталитаризма, — все нецерковные и иноцерковные люди оказываются в положении жизненных «изгоев». Полноправными членами общества и государства являются только люди определенного исповедания и церковной приверженности. Вся власть в делах жизни принадлежит церкви; а церковь даёт полноправие только одним своим членам и притом покорным членам. Церковно-верующие получают своего рода привилегию или даже монополию бытия; «церковность» — даёт им жизненную «премию». Отсюда в истории человечества возникло стремление неверующих симулировать веру, чтобы не «остаться за бортом», готовность притворяться ради жизненной «премии»; и в результате возникало что-то вроде церковного «фашизма». Люди определенного исповедания образовывали как бы центральное и исключительное ядро общества и государства, клерикальную аристократию, могучую и всеуправляющую «знать», быть может наполовину состоявшую из лжецов и симулянтов. «Путь вёл через религиозную ложь к власти, и церковное разложение становилось неминуемым». Ильин писал и о том, что церковь распространяла власть на всю жизнь человека, пытаясь нести совершенно неудобноносимое для неё бремя государственности. С последним суждением Ильина мы в корне не согласны, по крайней мере, в отношении наших народов и миссии церквей и вер, существующих в пределах нашей державы. Церкви не могут не нести, конечно, в меру своих сил, бремя государственности, ибо в несении оно и состоит их сила и опора. Стоило националистическому чертополоху подняться на богатейшей украинской ниве — и он тут же стал подавлять ростки великой русской культуры, нашей единой православной веры. Причем, ранее в этом были замечены и большевики — носители новой интернациональной модели. Протоиерей Н. Разумович в 1924 г. отмечал: «В Великороссии духовенство получило трудовую норму земли и к нему применяется жилищный закон. На Украине же например, наоборот, представители культа Православной церкви лишаются прав на землю и на квартирное довольствие, а т.н. Самосвятская Церковь, ве-

Бог карающий

дущая народ к сепаратизму, пользуется этими правами... Это уже в корне противоречит долгу справедливости». Националисты на Украине верны себе и этой политике.

Служить Богу можно, только служа России. На этом утверждении и должна стоять Церковь. Православная церковь в ответе за ту власть, которую она поддерживает. И если эта власть творит глупости, и того паче — преступления, она обязана вмешаться в ход исторического развития. Разумеется, в условиях России у власти уйма возможностей «поприжать» Церковь, а то и сурово наказать её служителей, что осмелились указывать «царям земным». Что тут скажешь? Разве что повторим слова Данте: «Нельзя, чтоб страх повелевал уму; иначе мы отходим от свершений...» Отметим и то, что немалое число священников выступило против большевиков и Октябрьской революции. Приведу лишь один пример. Приближался день Светлого Христова Воскресения. В 1918 г. Великая Среда, — а именно в среду Иуда предал Спасителя начальникам иудейским, — совпадала с большевистским праздником 1 мая. И тогда митрополит Вениамин и отец-философ Орнатский подготовили воззвание к православным христианам, в котором они призывали верующих не принимать участия в уличных шествиях

Патриарх Тихон и его послание

и гуляниях. Однако власти Петрограда расценили это воззвание церкви как контрреволюционное выступление. На время празднования Святой Пасхи создали специальную комиссию во главе с Зиновьевым, которая вела за храмами «оперативное наблюдение через постоянных дежурных из ответственных лиц». В июне 1918 г. Патриарх Тихон приехал в Петроград. Ликованию православных не было предела. Почётного гостя сопровождало всюду несметное множество людей. И никто не задавался вопросом, а почему же 200 лет патриаршество было под запретом у царей. После Патриарха Председатель Общества отец-философ Орнатский от его имени обратился к Его Святейшеству со словами: «Не на словах только, не в повременной печати, но декретами правительства, претендующими на силу закона, святая вера и Церковь Православная признаются отжившими свои век учреждениями и на место вечных начал христианской жизни провозглашаются и поставляются начала социализма, имеющего перестроить жизнь по-новому. Мы не скрываем своего отношения к социализму и с

церковной кафедры открыто проповедуем, что это есть идейно обоснованный голый грабёж. Социализм враждебен христианству, он не признаёт неба и хочет устроить рай на земле. Мы знаем по опыту, во что обращаются в социалистическом государстве украденные из христианства святые начала: свобода, равенство и братство. Ныне больше, чем когда-либо, и в России больше, чем где-либо, ясно, что только на основах подлинного христианства возможно вернуть народу порядок для продолжения спокойной жизни, имеющей конечной целью спасение во Христе».

И Тихон предал большевиков анафеме. Это выступление было равносильно объявлению войны Советской власти. В самом деле, что означало это требование «вернуть порядок»? Да и кому?! Старой власти? Так та двести лет топтала и унижала Церковь! Буквально перед самой Октябрьской революцией 12 июня 1917 г. буржуа, эти господа из Временного правительства, по указке обер-прокурора Синода В. Львова, скажут: «Патриаршество не восстанавливать!» Так кому же хотела Церковь вернуть власть?

Этим «антихристам»?! Народу не нужна была такая Церковь! И народ уже с лета 1917 г. начал повсеместный захват монастырских и церковных земель. Вот где собака зарыта. Что должна была сделать Церковь, если бы она внимала Богу народа? Анафему с амвона царю и буржуазии, которые привели народ к Смуте и Катастрофе! И отверстия от пуль на ликах иконы Казанской Божией Матери, что висела на Троицких воротах, и расстрелянный образ святителя Николая Чудотворца на Никольской башне (во время боёв красных и белых в Москве) означали Божий знак — Господь в своей наивысшей мудрости оказался всё же с «диким народом», а не с Церковью!!!

В конце концов со времен вольнодумца Вольтера, что изрёк знаменитое «Раздавить гадину», в обществах произошло отделение Церкви от государства... Одно из двух — или Разум или Вера! Или тут — или там... Поклоняться двум богам одновременно можно, но трудно и утомительно. Слишком уж коротка жизнь, а успеть сделать в ней нужно очень много. Где ты будешь потом — «на небеси» или где-то ещё, — дело десятое. А вот что ты, человек, оставил на Земле — в этом вся суть!!! Можно ли было сохранять Церковь в священной неприкосновенности в России после революции 1917 г.? Нет, нельзя... И даже Временное правительство, провозгласив веротерпимость, вывело из-под юрисдикции РПЦ церковно-приходские школы. Однако оно при этом сохранило все её привилегии и господствующее положение в стране. Речь не шла о том, чтобы, как о том мечтал еврей Лейбман в «Стране негодяев» Есенина: российские храмы божие взять и, не долго думая, перестроить «в места отхожие». Но могло ли нищее советское государство терпеть такое положение, при котором на государственной службе в России 295 тыс. служителей культа и только 79 тыс. учителей и менее 17 тыс. врачей?! По четыре попа на одного учителя, и по 18 — на одного врача?! И это вы называете любовью к народу? Лжецы! Зачем России, да ещё нищей и голой, неграмотной и убогой 78 тыс. церквей и часовен православной, 25 тысяч мечетей, 6 тыс. синагог, более 2 тыс.

Видение долины сухих костей

церквей Грузинской православной и Армянской апостольской церквей, 300 духовных учебных заведений и примерно 1 тыс. монастырей?! Подчеркиваем: и это при том, что в деревне зачастую — ни учителя, ни школы, ни врачей, ни света, ни книг!

Но ведь даже с монархически-православной точки зрения не всё обстояло тогда так уж идеально. Двести лет власть царей-богопомазанников не давала Церкви места в жизни народа. И вот, наконец-то,

Останки расстрелянных

свершилось. Патриарх в России объявился... Но только в дни победоносного завершения боев большевиков за древнюю столицу — Москву! Церковь должна была бы, если следовать её же закону и уставу, признать постулат: «Нет власти, аще не от Бога!» Но она отринула не только эту заповедь, главное — волю большинства народа! И поплатилась страданиями и муками! Не стала ли вера православная своего рода мощами, в которых не было истинной жизни? И как тут не вспомнить видение Иезекииля о поле сухих костей. Одни полагали, что это воскресение мёртвых, возрождение надежд: сначала сухие кости надежды, затем жилы крепости и, наконец, уже их привлекательная внешность и завершённость. Читаем: «Кости сии — весь дом Израилев. Вот, они говорят: «...погибла надежда наша [снова стать народом], мы оторваны от корня» (Иезекииля 37: 1—14). Не означало ли предсказание это, что такую может стать вся Россия?! Вспомним, как некогда будущая Россия открылась перед Тютчевым, как видение Иезекииля: «Всё поле покрыто сухими костями. Оживут ли кости сии? Ты веши, Господи. И только дыхание Божие может оживить их, дыхание бури». И вот буря разразилась над Россией. И стала уже вся Россия «домом Израилевым». Поэт-имажинист А. Мариенгоф — дворянин из приличной семьи и, как уверяют, «с хорошими культурными традициями и исконным демократизмом, где царили любовь и уважение». В 1919 г. он создал «Ассоциацию вольнодумцев», открыл книжный магазин «Московской трудовой артели художников слова» и кафе «Стойло Пегаса», автор «Романа без вранья» и «Циников». Мариенгоф писал: «Мне нравится стихами чванствовать». Эстетствующий буржуа с изощрённой — больной фантазией «культурного идиота» и вырожденца заявил:

*Кровью плюём зазорно
Богу в юридивый взор.
Вот на красном чёрным:
Массовый террор!*

Но сегодня буржуа пишут о нём восторженно: «О Мариенгофе хочется сказать — великолепный». Циник и шарлатан!

И явилось наказание Господне. Палачи убивали священников и верующих. Отмеча-

Есенин, Мариенгоф, Хлебников

ют, что изверги особенно измывались над теми, на ком обнаружили нателный крест. Таким вырезали или выжигали кресты на лбу, на груди. Власть заявила: «Церкви и тюрьмы сравняем с землёй». Предстояли муки долгие, смертные, прежде чем Православная церковь встанет и оживёт. Не раз будут ещё их массовые казни... Так, в 1938 г. на бутковском полигоне в Москве расстреляли более 300 священнослужителей. А в 1936—1938 гг. будут репрессированы все муллы Урала и Сибири. В день смерти патриарха для обнародования передали прессе его последнее воззвание: «Божией милостью, смиренный Тихон, патриарх Московский и всея церкви Российской. Благодать вам и мир от Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. В годы великой гражданской разрухи по воле божией, без которой в мире ничто не совершается, во главе русского государства стала советская власть, принявшая на себя тяжёлую обязанность — устранение жутких последствий кровопролитной войны и страшного голода. Вступая в управление русским государством, представители советской власти ещё

в январе 1918 г. издали декрет о полной свободе граждан веровать во что угодно и по этой вере жить. Таким образом, принцип свободы совести, провозглашенной конституцией СССР, обеспечивает всякому религиозному обществу, и в том числе и нашей православной церкви права и возможность жить и вести свои религиозные дела, согласно требованиям своей веры, поскольку это не нарушает общественного порядка и прав других граждан. А потому мы в своё время в посланиях архипастырям, к пастырям и пасомым всенародно признали новый порядок вещей и Рабоче-Крестьянскую Власть народов, Правительство коей искренне приветствовали. Пора понять верующим христианскую точку зрения, что «судьбы народов от Господа устрояются» — и принять всё происшедшее, как выражение воли Божией. Не погрешая против нашей веры и церкви, не переделявая чего-либо в них, словом — не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая всякое сообщество с врагами Советской Власти и явную или тайную агитацию против неё». Тут видна уже чуть большая лояльность к власти.

С. Есенин и Айседора Дункан

Вот и Есенин оказался в этом вопросе расколот пополам: «Стыдно мне, что я в Бога верил. Горько мне, что не верю теперь». Известны строки, где он прославляет революцию на земле и на небесах. А также его же признания, что не будь революции, он, возможно, так и засох бы «на никому не нужной религиозной символике». Но потом из уст его, вдруг вырвется: «Ты прости, что я в Бога не верую, Я молюсь ему по ночам». Затем между ним и возлюбленной, танцовщицей А. Дункан как-то состоялся такой вот примечательный разговор:

«Большевики запретили употреблять слово Бог в печати, ты знаешь?»

— Но большевики правы. Нет Бога. Старо. Глупо.

— Эх, Айседора! Ведь всё от Бога. Поэзия и даже твои танцы».

Когда же в апреле—мае 1925 г. в десяти номерах газеты «Правда» напечатали один из антихристианских опусов Демьяна Бедного (настоящее имя Бедного — Ефим Придворов) — поэму «Новый завет без изъёма Евангелиста Демьяна», великий русский поэт встал на защиту Православия. Есенин ответил поэтическим «Посланием «евангелисту» Демьяну». И хотя в нём сохраняется двойственное отношение к религии, однако при этом поэт решительно говорит: никто не должен втапывать в грязь православную веру народа (да и ни какую иную).

...Когда я в «Правде» прочитал
Неправду о Христе блудливого

Демьяна,
Мне стыдно стало так, как будто
я попал

В блевотину, изверженную спьяна...
Нет, ты, Демьян, Христа не оскорбил,
Ты не задел его своим пером

немало.

Разбойник был, Иуда был.
Тебя лишь не хватало...
Ты сгустки крови у креста
Копнул ноздрей, как толстый боров.
Ты только хрюкнул на Христа,
Ефим Лакеевич Придворов.

Большевики, евреи, атеисты были настроены против Церкви, как и многие представители дворянства и российской интеллигенции. «Нам души взорвали, сердца нам

сожгли» (Г. Глинка). Интересно, что в том же воинствующем духе высказался молодой командарм, дворянин Михаил Тухачевский. Историк пишет: «Когда Тухачевский стал «персоной», членом Реввоенсовета и командармом, им был составлен проект уничтожения христианства и восстановления древнего язычества, как натуральной религии. Докладная записка о том, чтобы в РСФСР объявить язычество государственной религией, была подана Тухачевским в Совнарком...» И тем не менее в огромной массе русского народа всё ещё жила вера в целительные и спасительные свойства Православия. Так, А.Л. Толстая, дочь отлученного от церкви писателя Л.Н. Толстого, оказавшись в камере Новопасского лагеря, куда её упрятали чекисты, в припадке отчаяния, уже почти совсем обезумевшая среди крыс, стала ночью биться головой о стену: «И вдруг, может быть потому, что я стояла на коленях, на кровати, как в далеком детстве, помимо воли стали выговариваться знакомые, чудесные слова. «Отче наш», и я стукнулась головой об стену, «иже еси на небесех», опять удар, «да святится...» и когда кончила, начала снова. Крысы дрались, бесчинствовали, нахальничали... Я не обращала на них внимания: «И остави нам долги наши...» Долги наши перед тобой, народ России, тяжелы и неподъемны. И нынешнее поколение платит по счетам...

Время многое рассудит, расставит на свои места. Православный человек не смог

принять кровавую купель большевизма. И мы скорбим и оплакиваем мучеников Христовых... Но при этом подчеркнём, что истинные патриоты России, те, кто является одновременно человеком православным и учёным, оценивают те события совсем иначе, чем это делают ныне «демократы». Так, Иеромонах Евстафий (Жаков), настоятель храма святых правочерных апостолов Петра и Павла в Знаменке (кфн, врач, а с 1987 г. служитель Церкви) писал: «Главная предпосылка — это слабость и недостаточная святость Русской Православной Церкви. Эта слабость произошла от необдуманных реформ Петра I. Русская Православная Церковь потеряла должное значение в XVIII и XIX и отчасти в XX веке. Вместо того, чтобы воспитывать народ в духе Православия, Русская Православная Церковь постепенно в своём движении оказалась несостоятельной в борьбе с Лениным. Иначе почему же вышло так, что народ, в значительной своей части, убивал священников, убивал митрополитов? Это была месть русского народа тем пастырям, которые оказались неспособными совершить свой пастырский подвиг. Да, был преподобный Серафим Саровский, были другие подвижники. Но были и те, кто в конечном счёте оказались неспособны воспитать русский народ в истинном духе Православия.

Поэтому трагедия Николая II, трагедия приезда Ленина в опломбированном вагоне — это трагедия, прежде всего, несостоявшегося Православия».

Хотя вспомнились слова и одного из героев пьесы А. Платонова «Ноев ковчег»: «Русский человек говорит: тело у него большевистское, а дух у него божий». В них глубокий смысл. Кстати, нелишне напомнить нынешним гугнивым писакам и верующим от мамы, что белые цари ликвидировали патриаршество, а «красный царь» Сталин его разрешил... Тот, кто сможет надвременным взором взглянуть на события тех лет, пусть задумается над некоторыми

*Достижение единства Русской церкви:
Лавр и Алексий II*

странными явлениями. Почему же патриаршество фактически родилось заново только при Советской власти?! Почему народу даже и иконы Владимирской Божьей матери и рублевская «Троица» открылись лишь в 1918 г.?! Вера стала возвращаться в дома и церкви. Хорошо бы, если бы она вернулась и в наши души, ныне пребывающие в мире корысти и алчности. Мы радуемся, видя воссоединение православных церквей. Заботит то, как воссоединить народы, разделенные вновь, куда более сильно, непримиримо и страшно, чем это было тогда, перед 1917 г. (нищета и немыслимые богатства). Надеемся, что во времена более спокойные, мудрые и гуманные Народ, особенно Русский народ, который чутко видел и понимал «и Свет, и Тьму, грех и духовный подвиг», будет вынашивать иного, «своего, живого Бога Правды, ему доступного, веления коего непреложны». Если только власть предрежающая и Церковь помнят историю и не хотят повторения истории с семейством Романовых.

Глава 15. Гибель рода Романовых. Исторические предпосылки, корни и причины трагедии

Одной из страниц кровавой летописи России XX века стала казнь российского царя и членов его семьи... Ужасным событиям предшествовали: преступная, позорная и бездарная деятельность самого им-

ператора, начиная фактически с его коронации. Могло показаться, он словно нарочно, бросая вызов судьбе, толкал Россию к катастрофам, ввергал в войны и революции. Не желая терпеть во власти сильных, честных, более умных специалистов типа Столыпина, царь фактически отдал кадровую политику в руки жены и Распутина, упорно не желая уйти от власти и тогда, когда ещё можно было спасти и спастись! Без такого ужасного и кровавого финала!

Император Николай II родился в мае 1868 года, в день Иова Многострадального... С тех пор, право слово, словно некое страшное проклятие преследовало его и его семейство. Может, на него повлияло то давнее пророчество, которое доставили в столицу в 1901 г. в ковчеге Авеля Васильева?! Может, чувствовал, что царство, которое началось слабым царём, чьи братья умерли, а сам он уже в 30 лет был ничем иным как ходячей развалиной (к слову, видел он и убийство наследника, сына М. Мнишек, убитого прямо на глазах Михаила Федоровича), должно было и закончиться при схожих обстоятельствах?! И вот наступил конец трехсотлетию царствованию.

Хотя воцарение Николая II наш народ встретил восторженно. Казалось, сам Христос благословлял Николая, царицу и их будущего наследника... В.Ф. Джунковский, свидетель тогдашних массовых торжеств по случаю «Священного коронования», писал в те дни: «1896 года месяца 14-го мая <...> Всем, кому посчастливилось быть свидетелем этого въезда, он навсегда должен был остаться памятным. Народное ликование, достигнув своего апогея при въезде царя, продолжалось затем весь вечер и часть ночи. Густые толпы народа наполняли улицы и любовались невиданной до того, совершенно фееричной иллюминацией... Вечером весь город был иллюминирован, также и Кремль. Это было действительно волшебное зрелище. Кремлевская иллюминация зажглась в один миг, в тот самый миг, когда государыня взяла в руки поднесенный ей букет с электрическими цветами. Засветился букет, и в тот же момент засветился разноцветными электрическими огнями весь Кремль, точно огненной кистью нарисованный на потемневшем небе. Иначе как огненной живописью нельзя назвать вчерашнюю иллюминацию Кремля. Его кресты,

Торжества коронации царя в 1896 г.

купола, крыши, зубцы, окна, карнизы, все его разнообразные архитектурные линии вырисовывались тысячами разноцветных огней, бирюзовых, пурпурных, золотистых или сверкающих, как бриллианты. Каждая башня, каждый купол, каждая арка ворот или амбразура окна были чудом красоты и искусства. Описать эти чудеса невозможно, нужно было их видеть, как видел московский народ, сотнями тысяч запрудивший все улицы. Что творилось на Красной площади и набережной Москвы-реки, между Москворецким и Каменным мостами, и представить себе невозможно. Несметные волны народа, одна за другой, так и неслись к Кремлю из окраин и предместий, останавливая движение экипажей и приводя в смущение полицию. Это была стихия в полном смысле этого слова, но стихия не безумная, а отдававшая себе отчет, куда она стремится. Она стремилась увидеть, хотя бы мельком, хотя бы одним глазком царствующую коронованную чету». «Востока страшная заря в те годы чуть ещё алела. Чернь петербургская глазела подобострастно на царя», — напишет поэт А.А. Блок в стихотворении «Возмездие». Неужто минуло всего 20 лет — и все столь неотвратимо переменилось?! Или так проходит слава мирская?! Ещё в мае 1913 г. Ростов Великий встречал царя колокольным звоном и криками «ура», а в 1914 г. он с семейством от-

дыхал в Крыму, играл в теннис, не ведая о страшном роке.

Империя Романовых рухнула... Тому были исторические причины как объективного, так и субъективного характера. Вот уже несколько лет в обществе идёт спор относительно судьбы Романовых и тех или иных причин и обстоятельствах их гибели... Количество литературы на эту тему огромно, неподъемно. Первые публикации появились еще в 20-х годах XX в. (Р. Вильтон, Н.А. Соколов, М.К. Дитерихс, П. Жильяр и др., опубликованные за пределами большевистской России). Они основывались на первоисточниках, полученных в ходе Колчаковского следствия по делу о расстреле Романовых, а также

личных наблюдений авторов. Самая содержательная и ценная работа — книга следователя по особо важным делам Омского окружного суда Н.А. Соколова (1882—1924), назначенного Колчаком для расследования обстоятельств убийства царской семьи. Его выводы служат основой многих исследований на тему. После большевистского переворота Соколов переоделся крестьянином, ушел из Пензы и слился с мужичьей средой. Этот отважный человек вел расследование по делу об убийстве царской семьи до последней минуты, когда красные уже появились в районе захоронения тел казненных. Он спас следственные материалы и вывез их в Европу, говоря: «Правда о смерти царя — правда о страданиях России». И хотя это далеко не так, ибо страдания России неизмеримо глубже страдания и смерти царского семейства, истина, которую он пытался добыть, важна для читателя: «В пределах права я старался сделать всё возможное, чтобы найти истину и солидности её для будущих поколений». Ведь казнь царей и тем более всего их семейства довольно редко встречается в новой истории (а в современную эпоху в цивилизованном мире так это и просто чудовищное исключение). Смерть последнему царю России, якобы, предсказывали ещё св. Серафим Саровский и в 1910 г. юродивая ясновидящая Марфа. Когда к ней в Царицын

приехала Александра Федоровна и спросила о своём будущем, та якобы воскликнула: «Вот наше будущее! Все вы сгорите! Я вижу кровь. Много крови...» Говорят, и царь во время инцидента со случайным выстрелом шрапнелью в его сторону во время парада якобы бросил: «Я ничего не боюсь до 1918 года». Однако все эти сказания или предсказания возникают, как правило, уже после свершившегося.

Трагичной была судьба не только последнего русского императора или его семьи, но и большинства членов династии Романовых. Сразу же после отречения Николая II новой властью были приняты меры к изоляции Романовых. 26 марта 1917 г. был опубликован Декрет от имени Петроградской трудовой коммуны. Там говорилось: «Совет Комиссаров Петроградской трудовой коммуны постановляет: членов бывшей династии Романовых — Николая Михайловича Романова, Дмитрия Михайловича Романова, Дмитрия Константиновича Романова и Павла Александровича Романова выслать из Петрограда и его окрестностей впредь до особого распоряжения с правом свободного выбора места жительства в пределах Вологодской, Вятской и Пермской губерний. Все вышеназванные лица обязаны в 3-дневный срок явиться в ЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией (Гороховая, 2) за получением проходных свидетельств на выбранные ими пункты постоянного местожительства и выехать по на-

значению в срок, назначенный ЧК». Уместнее вспомнить то, как повели себя те, чьиими руками и была разрушена Российская империя, в руках кого собственно и оказался царь и его семейство после Февральской революции, т.е. буржуазия. Призывы левых: «Смерть царю» вначале, замечу, тиражировались не большевиками. Стоит вспомнить выступление в Думе того же Керенского, чья речь напечатана в газетах: «И вот исчезли «темные силы»... Исчез Распутин... Изменилась ли система? Историческая задача русского народа в настоящее время состоит в уничтожении средневекового режима! Немедленно! Как можно законными средствами бороться с теми, кто сам превратил закон в орудие издевательства над народом! С нарушителями закона есть только один путь — физическое уничтожение!» В Думе после этих слов Родзянко спросил у Керенского: «Что вы имеете в виду?» Керенский ответил без колебаний: «Я имею в виду то, что совершил Брут во времена Рима!» Позже Керенский заявит в московском Совете: «Временное Правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьёй будет отправлен за границу, в Англию, я сам доведу его до Мурманска». Он уверял, что его правительство, принимая решение о переводе семьи царя в Тобольск, хотело спасти их от расправы. Керенский писал в своих воспоминаниях (1953): «Что

касается эвакуации царской семьи, посол Великобритании получил от Ллойд-Джорджа ясный ответ: британское правительство, к сожалению, не может принять царскую семью в качестве гостей во время войны. Тогда мы решили отправить царскую семью в маленький Тобольск, где даже не было железной дороги, оттуда мы хотели эвакуировать их в США. Император не раз говорил мне, что Временное правительство последняя плотина перед бурей, разрушительную силу, которой даже нельзя представить. Император верил мне и знал, что я его спасу. Вышло же по-иному». Всё вовсе не так. Все хотели только одного — окончательно избавиться

С. Симаков. Серафим Саровский прогоняет масона

ся от монарха и монархии. Потому и подвергли царское семейство аресту, а затем отдали в руки революционеров-большевиков. Керенский, не забывая, защищал Ленина и Троцкого в суде. Хотя он и сказал: «Слава Богу, государь невиновен» — он обрек царя на смерть. Когда речь зашла об отмене смертной казни в России: «Думаю, я мог бы подписать смертный приговор Николаю II». Напомним и то, что к 1905 г. он пришёл к мысли о неизбежности индивидуального террора: «Я был вполне готов при необходимости взять и на себя смертный грех убийства носителя верховной власти, который губит страну». Даже монархист В.А. Маклаков, говоря о политике Николая II, в 1915 г. высказался за «вариант 1801 г.» (т.е. за идею цареубийства) во имя спасения России. Идея казни царя витала в воздухе.

Демонтаж памятника царю

Солдаты требуют тюрьмы для Николая II. Март 1917 г.

Замечу, что мысли о казни царей посещали не только головы революционеров, социалистов и сторонников народного правления. В 1905 г. после Кровавого воскресенья схожие взгляды высказывал и монархист Б.В. Никольский (честный и умный человек), оставивший в дневнике такую вот запись: «Я думаю, что царя органически нельзя вразумить. Он хуже, чем бездарен! Он — прости меня Боже, — полное ничтожество. Если так, то нескоро искупится его царствование... О, Господи, неужели мы заслужили, чтобы наша верность была так безнадежна?... Я мало верю в близкое будущее. Одного покушения [на царя] теперь мало, чтобы очистить воздух. Нужно что-нибудь сербское. Конечно, мне первому погибать. Но мне жизни не жаль — мне России жаль» (15 апреля). И далее: «Мне дело ясно. Несчастный вырождающийся царь с его ничтожным, мелким и жалким характером, совершенно глупый и безвольный, не ведая, что творит, губит Россию. Не будь я монархистом — о, Господи! Но отчаяться в человеке для меня не значит отчаяться в принципе». «В какое ужасное время мы живём! Что дальше будет, жутко и подумать... Конец России самодержавной и, в лучшем случае, конец династии... На чудо (и) рассчитывать нечего... Словом, конец, конец! Еще если бы можно было надеяться на его самоубийство!» Видим: линия на цареубийство, начатая приближенными самих царей, была с успехом подхвачена декабристами, террористами, затем

монархистами и демократами. Правда, Временное правительство сочло Романова невиновным и на том поставило точку. Глава комиссии по «делу Романова» Руднев заявил, что царь «чист, как кристалл». Бывший премьер-министр В.Н. Коковцов возлагал всю вину за трагедию, что случилась с царской семьей, на Временное правительство, находившееся под влиянием Совдепа. Министры Временного правительства, направляя семейство царя в Сибирь, в «пасть большевиков», действовали сознательно. Эти «волки в овечьей шкуре», свергнув царя путем заговора (что ныне всем известно), боялись ответственности, которую на них возложат все и вся, от революционеров-большевиков до общественного мнения в России и за границей. За две недели до отправки Романовых в Сибирь министр иностранных дел во Временном правительстве министр Терещенко информировал посла Англии в России, что царь «доволен предложением переменить место жительства». Там семья царя «будет пользоваться полной свободой». Наглая и беспардонная ложь. Николай II ничего не знал о решении, никакого согласия на это не давал. Ответ министра следует признать иезуитским, если вспомнить, сколько революционеров, борцов против самодержавия царь отправил на каторгу в Сибирь, где те испытали все прелести «полной свободы».

Николай II под арестом

Семья царя под домашним арестом

Конечно, доля вины ложится на Англию, в особенности на короля Георга V, для которого Николай II был родственником (их даже порой путали во время пребывания в людных местах). У нынешних историков вряд ли найдёте намёк на то, что правительства Великобритании и буржуазное правительство России на самом деле и были первыми, кто предприняли все возможное для физического устранения царя и его семейства. Известно и латинское выражение: «*Qui prodest?*» («Кому выгодно? Кому полезно?»). Это было чрезвычайно выгодно Англии, ибо ликвидировало важнейшего конкурента на материке Евразия. Страны Антанты знали: Керенский (Запад это хорошо понимал) будет вести войну с Германией до конца, чего бы это ни стоило русскому народу, тогда как царь уж подумывал о сепаратном мире. Устранение царя выгодно и Временному правительству, ибо это ставило точку на усилиях монархистов восстановить монархию в России, передавая всю полноту власти в руки буржуазии. Прав Глазунов, говоря (хотя мог бы и расширить число цареубийц): «Керенский фактически цареубийца. Сначала он сделал семью Николая II узниками Царского Села. Когда... адвокатишка вселился в Зимний дворец, он с мелочностью подлека-тюремщика начал вычёркивать из меню царя мясо, сводя его рацион к каше и пустым шам... По распоряжению Керенского государя с дочерьми-царевнами заставляли расчищать лёд у Ека-

терининского дворца под унижительные шутки конвоиров... Керенский стоял на перроне и провожал царя в смертный путь на Урал, прекрасно зная, что сделают с ним согласно сценарию его сменщики-большевики. На вопрос, как дальше сложится судьба Николая II, Керенский ответил жестом: обвёл пальцем вокруг шеи — петля, мол...» Хотели сами править и царствовать.

Такой авторитетный источник как С.П. Мельгунов, блестящий историк, автор трилогии «Революция и царь» и множества книг, писал об аресте самодержца как о само собой разумеющемся и вполне ожидаемом в России событии: «По всей совокупности арест царской фамилии не произвел отрицательного впечатления в обществе, которое отнеслось к этому акту по меньшей мере равнодушно, — скорее сочувственно. «Царь арестован» — вот всё, что было записано в дневнике писательницы, для которой вопросы морали и чести, казалось, стояли на первом месте (дневник Гиппиус). И на другой день она же прибавила: «Он молчаливо, как всегда, проехал ночью в Царскосельский дворец, где его и заперли...» Арест Царя — это временная

изоляция в тревожную, при неустановившихся порядках, эпоху. Это — гарантия от всевозможных попыток реставрации, ибо царь есть символ старого порядка, опора монархических кругов. С такой точки зрения рассматривался и вопрос об отъезде царской семьи за границу. Пользуясь невежеством масс и, как следствие, их забвением истории, в убийстве царской семьи виновят исключительно большевизм, тогда как истинный, главный заговорщик, кровавый убийца империи и царя — отечественная и мировая буржуазия. Можно согласиться с мнением С.Н. Дмитриева, что пишет: «В итоге цепи предательств — от аристократов-заговорщиков, буржуазных деятелей и масонов, завоевавших власть в Феврале 1917 года, до «безвольных монархистов» и беспринципных немецких (английских. — В.М.) политиков, думавших только о собственной военной и экономической выгоде, — это и привело в конце концов к екатеринбургскому кошмару».

Стоит вспомнить и слова древнегреческого философа Аристотеля, объяснявшего причины низвержения любого царского строя. В своей «Политике» он писал так:

Георг V — король Англии

Николай II — царь России

«Царский строй реже всего рушится вследствие внешних причин, почему он и долговечен, но крушение его по большей части происходит по причинам, заключённым в нём самом. И погибает он двояким образом: во-первых, когда члены царской семьи вступают в раздор между собой; во-вторых, если цари пытаются править более тираннически, а именно когда они стремятся к расширению своей власти вопреки закону». Потом, нельзя забывать, что царя и его семейство предавали те самые «ближние и дальние», в ком он, казалось бы, имел основание надеяться найти опору, найти спасительную нить Ариадны, что позволила бы ему и его семье выбраться из сложнейшей ситуации.

Не спасли царя и родственники по крови из Англии и Германии. Предложение о предоставлении убежища царю и его семье вначале англичане послали. Однако когда то стало достоянием гласности, а левые круги в палате общин парламента подняли крик, Георг V постарался убедить сэра А. Бальфура, министра иностранных дел Великобритании, но тот опротестовал отказ от приглашения Романовым на том основании, что налицо «позорный скандал». Но вправе ли мы их винить? Британцы — трезвые политики, холодные и рациональные. Взвесив все «за» и «против», сочли, что «благоразумней будет не компрометировать английский Саксен-Кобургский дом слишком настойчивым заступничеством за семью Романовых, олицетворяющих вековые фамильные и политические связи с Германией». По поручению короля, секретарь Чэлфорд направил Ллойд Джорджу письмо, где фактически давал отбой: «Его величество со своей стороны выражает сомнение, благоразумно ли было бы в настоящее время направить в Англию царскую семью, учитывая не только рискованность в военное время путешествия, которое ей предстоит совершить, но в не меньшей степени и из более широких соображений национальной и имперской безопасности». Приведём оценку Р. Хингли, по сути признавшего, что на решающей, заключительной стадии всего эпизода «фактическим инициатором отказа семье русского императора в убежище в Англии выступил, собственно, самолично его кузен, король Георг V». Понимали, сколь подло выглядят они в глазах мира, отказавшись помочь родне из царству-

ющего дома в такую минуту, перекладывая ответственность на Временное правительство, Керенского, немцев? Конечно. Дело ясное: Англии это было невыгодно! И отговорки насчёт угроз немцев звучат не убедительно. Правительство Германии в секретной телеграмме на имя министра Терещенко Временному правительству России пишет: «Императорское правительство (Германии) считает своим долгом заверить, что ни одна боевая единица германского военно-морского флота не позволит себе напасть на какое бы то ни было судно, на палубе которого будет находиться русский император и его семья». После страшных событий в Екатеринбурге военный и государственный деятель Великобритании, лорд Маунбеттен (родственник короля Георга и племянник Александры Федоровны), не раз заявлял, что руки премьера Ллойд Джорджа «огажены кровью Романовых». Это так же верно, как и то, что руки английского посла Витворта в Петербурге огажены кровью Павла I. После получения известий о Февральской революции и низвержении монархии в России Ллойд Джордж радостно воскликнул: «Одна из целей мировой войны нами достигнута». И помогла им наша буржуазия, как помогла она Западу в развале СССР, в уничтожении оборонной и духовной его мощи!

**Взгляд Великобритании на события
в другой стране**

Так что и в адрес английского монарха можно было сказать словами из Библии: «Он был облечён в одежду, обогренную кровью...» Или, может, он увидел Ангела, стоящего на солнце, что воскликнул громким голосом, говоря всем птицам, летающим посредине неба: летите, собирайтесь на великую вечерю Божию, «чтобы пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников, трупы коней и сидящих на них, трупы всех свободных и рабов, и малых и великих» (Откр. Иоанна: 20—4). Но, повторяю, Англия — конституционная монархия и король там не всевластен. Потому правительство Его Величества сочло разумным шагом «взять обратно данное им ранее согласие». Как известно, для Англии в политике постоянных друзей или врагов не было и нет, нет и родственников, а в прошлом там отправили на плаху немалое число своих царствующих особ. Так почему, в самом-то деле, Англия должна была спасать русского царя, к тому же бестолкового и слабого, если сами русские не пожелали сберечь голову драгоценного монарха?! А Георг, уступая просьбе матери, послал к берегам Крыма броненосец и вывез ее сестру, императрицу Марию Федоровну, бывшую Дагмар (заодно и её бриллианты). Нет, уж в чём-чём, а в этом преступлении Англия абсолютно не виновата!

Хотя надо прямо сказать, что западная буржуазная демократия не испытывала к русскому царю сколь-либо тёплых чувств несмотря на то, что тот выступал их союзником в мировой войне против тевтонов. Западный историк Р. Уорт откровенно пишет: «Репутация павшего монарха в определённых кругах Англии была такой же низкой, как и в России. Возможно, ещё ниже она была во Франции, где, по словам британского посла в России, бывшую императрицу считали «преступницей или преступной сумасшедшей, а бывшего императора — преступником из-за его слабости и повиновения её воле». Посол Франции не скрывал своего удовлетворения, что план доставки императорской четы в Англию не осуществился». Недвусмысленный и чёткий ответ, ясно показывающий, каковы были

реальные намерения и цели Запада в отношении империи. Им нужна была слабая демократическая Россия, покорно идущая на поводу Запада (схема 1990—2000 гг.).

Позже с Романовых была взята подписка о невыезде... Новый декрет обязывал в течение трех дней всем Романовым явиться в комиссию для получения инструкции по поводу их высылки из Петрограда. Великие князья Николай Михайлович, Дмитрий Константинович и Павел Александрович должны были выехать в Вологду, а Иоанн, Константин, Гавриил, Игорь Константинович, Сергей Михайлович и князь Палей — в Вятку и Пермь. Из Москвы великая княгиня Елизавета Фёдоровна, из Финляндии великий князь Георгий Михайлович должны присоединиться к высылаемым. В июле 1918 г. появился «Декрет о конфискации имущества низложенного Российского императора и членов императорского дома». Под ним стояла подпись В.И. Ленина. Великие князья были лишены содержания, выдававшегося Министерством Императорского Двора и Уделов, полностью отстранены от службы в армии и от участия в государственном управлении. В июне 1918 г. в Перми убит великий князь Михаил Романов, отрекшийся от престола, оставивший окончательное решение его участи за Учредительным собранием. В начале июля 1918 г. арестованы и посажены в Вологодскую тюрьму три великих князя —

Романовы

Николай Михайлович, Георгий Михайлович и Дмитрий Константинович. В августе 1918 г. все трое были переведены в Петроград, в Дом предварительного заключения. Позже туда доставят Павла Александровича и Гавриила Константиновича, больного туберкулезом. В стране бушевал красный террор. В январе 1919 г. настала очередь великих князей. Четверо были убиты. Тела свалили в общую могилу, где нашли пристанище другие невинные люди, расстрелянные за несколько часов до них. В Екатеринбурге, Алапаевске, Петербурге, Ташкенте расстреляли в 1918—1919 г.г. 19 представителей династии Романовых (из них 7 детей); с прислугой всего погибло 26 человек.

Наибольшее внимание историков привлекли сами обстоятельства ареста и гибели семьи Романовых... В Советском Союзе долгие годы изучением уральской трагедии не занимались. Попытка вернуться к этим событиям была сделана в начале 70-х гг. М.К. Касвинов в 1972—73 гг. сначала в журнале, а затем и в книге опубликовал повесть о деяниях и конце последнего царя из династии Романовых — «Двадцать три ступеньки вниз». Перелом в отношении к царской теме произошел в конце 80-х — начале 90-х гг. в эпоху перестройки, когда поток журнальных статей и книг полился словно вода из клоака (публикации Э. Радзинского и Г. Рябова). Они же впервые обнародовали фрагменты из ранее скрываемых документов о екатеринбургском расстреле (записка Я. Юровского и воспоминания Г. Никулина). В 1991 г. вышла в свет серия книг о царской семье (О. Платонов. «Убийство царской семьи», Г. Иоффе «Революция и судьба Романовых», Э. Радзинский «Последний царь. Жизнь и смерть Николая II», Ю. Буранов, В. Хрусталева «Гибель императорского дома»). Потом появятся и другие: М.К. Дитерихс. «Убийство царской семьи» и т.д. и т.п. Книги содержат новые документы, освещающие события без крайностей, свойственных советской и зарубежной литературе, явились и сенсации. Труд А. Саммерса, Т. Мэнгольда «Досье Романовых» обнаружил неизвестные материалы, дав пищу для интерпретаций. Там утверждалось, что не все Романовы погибли в ночь на 17 июля 1918 г.

Для понимания ситуации надо учесть и те обстоятельства, при которых все эти

ужасные события произошли на русской земле. Тогда белые силы взяли Пензу, Сызрань, Симбирск, Тобольск, приближались к Екатеринбург. Этот город представлял собой последнюю преграду на пути сил контрреволюции. Белые повсюду осуществляли режим неприкрытого террора, казня коммунистов, чекистов, советских работников, активистов советской власти из числа рабочих и крестьян. Большевики в тех условиях не могли не опасаться и не учитывать вероятности реставрации. Это было актуально в связи с тем разладом, который существовал в рядах белых, где руководители не могли найти единого вожда для России. Представители царствующего дома Романовых могли стать таким «общим знаменем». Негативную роль сыграло и участие иностранных войск в операциях против советской власти. Об этом прямо писала пресса Запада: «Удары, в те месяцы нанесенные белыми красным, роковым образом сказались на дальнейшей судьбе заключенных» (то есть Романовых). И далее: «Американцы и англичане высадились в Мурманске. На юге старые генералы формировали белую добровольческую армию. В Сибири чешский легион численностью в десятки тысяч солдат захватил Омск и двинулся к Екатеринбург. Давление этих сил и толкнуло большевиков на крайние меры, направленные против возможности монархической реставрации». Возможно, большевики вспомнили и слова Марата: «Горе той революции, которой недостает смелости обезглавить символ старого режима». И все же помимо боязни реставрации монархии была ещё одна причина, которую считаем главной. Её назовем историческим возмездием! Ведь, пожалуй, за всю 300-летнюю историю царства Романовых не было царя, который принёс бы столько бед на землю России (в силу своего самодурства, тупости, слабости, презрения к своему народу).

Кто же конкретно принял решение об уничтожении царской семьи? Что тому было причиной? Очевидно, слухи о ритуальном убийстве не выдерживают никакой критики. Будто убийство Романовых осуществлено по приказу мировой закулисы (мол, в 1907 г. была выпущена новогодняя открытка, на которой Император Николай II изображен в виде жертвенного петуха, приготовленного еврейским раввином для ри-

туального убийства). Причины тут были чисто политические. Судьбой Николая II занималась Москва. Вопрос о нем периодически обсуждался в Президиуме ВЦИК (1 и 6 апреля) и в Совете Народных Комиссаров (2 мая), а примерно 10 июля, по свидетельству Юровского, наверху приняли окончательное решение. То, что в основе оно было глубокая, почти повсеместная ненависть к российскому самодержцу в толще народа, сомнения не вызывает.

Существуют разные версии... Одни утверждают, что всё решили на месте местные коммунисты и чекисты. В воспоминаниях М.А. Медведева-Кудрина сказано, что 16 июля 1918 г. в здании Уральской областной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией заседал в неполном составе областной Совет Урала. «Когда меня — екатеринбургского чекиста — туда вызвали, я увидел в комнате знакомых мне товарищей: председателя Совета депутатов Александра Георгиевича Белобородова, председателя Областного комитета партии большевиков Георгия Сафарова, военного комиссара Екатеринбурга Филиппа Голощёкина, члена Совета Петра Лазаревича Войкова, председателя областной ЧК Фёдора Лукоянова, моих друзей — членов коллегии Уральской областной ЧК Владимира Горина, Исаю Иделевича (Ильича) Родзинского (ныне персональный пенсионер, живет в Москве) и коменданта Дома особого назначения (дом Ипатьева) Якова Михайловича Юровского. Когда я вошёл, присут-

ствующие решали, что делать с бывшим царём Николаем II Романовым и его семьей. Сообщение о поездке в Москву к Свердлову делал Филипп Голощёкин. Санкции Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета на расстрел семьи Романовых Голощёкину получить не удалось. Свердлов советовался с Лениным, который высказывался за привоз царской семьи в Москву и открытый суд над Николаем II и его женой Александрой Федоровной, предательство которой в годы Первой мировой войны дорого обошлось России. — Именно всероссийский суд! — доказывал Ленин Свердлову: — С публикацией в газетах. Подсчитать, какой людской и материальный урон нанёс самодержец стране за годы царствования. Сколько повешено революционеров, сколько погибло на каторге, на никому не нужной войне! Чтобы ответить перед всем народом! Вы думаете, только тёмный мужичок верит у нас в доброго батюшку-царя. Не только, дорогой мой Яков Михайлович! Давно ли передовой ваш питерский рабочий шёл к Зимнему с хоругвями? Всего каких-нибудь 13 лет назад! Вот эту-то непостижимую «расейскую» доверчивость и должен развеесть в дым открытый процесс над Николаем Кровавым... Свердлов пытался приводить доводы Голощёкина об опасностях провоза поездом царской семьи через Россию, где то и дело вспыхивали контрреволюционные восстания в городах, о тяжёлом положении на фронтах под Екатеринбургом, но Ленин стоял на своем: «Ну и что же, что фронт отходит? Москва теперь — глубокий тыл, вот и эвакуируйте их в тыл! А мы уж тут устроим им суд на весь мир». На прощанье Свердлов сказал Голощёкину: «Так и скажи, Филипп, товарищам — ВЦИК официальной санкции на расстрел не даёт». Это для отвода глаз.

С марта-апреля 1918 г. Уралсовет провёл активную работу по перемещению Романовых в Екатеринбург. При этом независимо от центральной власти, которая намеревалась провести «революционный суд» над царем, большевиками и представителями других партий в Уралсовете (анархистами, левыми эсерами) прямо ставился вопрос о расстреле Романовых во время транспортировки из То-

**Жёны большевиков, арестованных царём.
Тюрьма в Екатеринбурге**

во время транспортировки из То-

Передача семейства Романовых Уралсовету

больска в Екатеринбург. Такая расправа в апреле 1918 г. не произошла лишь из-за энергичного противодействия «чрезвычайного комиссара СНК» В.В. Яковлева. Весной-летом 1918 г., по согласованию с Президиумом Уралсовета, УралоблЧК проводятся мероприятия по созданию доказательств об участии царской семьи в заговоре, направленном на её освобождение (переписка с «офицером» о «побеге»). В июле 1918 г. Президиумом Уралсовета и коллегией УралЧК принципиально решен вопрос о расстреле Николая II, в связи с чем военный комиссар Урала Голощекин в начале июля уехал в Москву для получения санкции на расстрел. Существует различные версии того, где принято решение об уничтожении Романовых. Однако и следователь Соколов, и Вильтон, и генерал Дитерихс, и Бюкенен, и другие исследователи пришли к выводу: «Нет никакого сомнения, что кошмарное преступление 17 июля было совершено по непосредственному приказу из Москвы». Судя по сохранившимся документам, такая санкция была получена от В.И. Ленина и Я.М. Свердлова, но только в отношении Николая II и при условии проведения суда. Хотя немалая часть населения г. Екатеринбург была настроена на немедленное уничтожение всей царской семьи. Достаточно вспомнить попыт-

ки более тысячи горожан устроить самосуд во время прибытия Николая II на вокзал в Екатеринбург из Тобольска, как и издевательские надписи, сделанные охраной из простых рабочих в Ипатьевском доме, ну и тому подобные факты

Когда сведения о расстреле Царя и Семьи получили широкую огласку, появилась версия о самоуправстве местной власти, т.е. Уральского Совета. Большевики Екатеринбурга вряд ли решились бы осуществить жуткую акцию без санкции Центра, прекрасно понимая, чем рискуют, ликвидируя Романовых без приказа из Москвы. С этим согласны и зарубежные историки. Так, И. Дойчер отмечал: «По всей вероятности, местные большевики сначала обратились в Политбюро, и Троцкий рекомендовал вывезти царя, чтобы судить его, но Политбюро решило не рисковать и отдало приказ о расстреле. Так мир лишился самого драматичного зрелища — суда, на котором Троцкий и царь встретились бы лицом к лицу». Вспомним политическую обстановку той поры. Россия стояла перед угрозой распада. И не только разного рода белые силы, эсеры, но и иностранцы примеривались к отдельным её частям. В Саратове возникла своя собственная «Республика», большевистские вожди которой до начала 1919 г. проводили собственный независимый курс.

Семья Романовых

Москва даже вынуждена была заменить местных лидеров, искореняя столь опасное местничество сохраняя единство Советской власти. О том, сколь опасными были проявления анархии в тех условиях, говорит и восстание в мае 1918 г. Анархическая вольница, приправленная офицерами, юнкерами, едва не смела Советскую власть.

Решение о расстреле Романовых хотя и оформлено в стенах Екатеринбургского Совета, но ясно, что этому предшествовал приказ Москвы, о чём свидетельствовал в «Дневнике» сам Троцкий: «Я прибыл в Москву с фронта после падения Екатеринбурга. Разговаривая со Свердловым, я спросил:

— А где царь?

— Кончено, — ответил он, — расстреляли.

— А где семья?

— И семья с ним.

— Все? — спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.

— Все! — ответил Свердлов. — А что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

— А кто решал? — спросил я.

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях».

Комментируя это решение центра, он пишет: «По существу, решение было не только целесообразным, но и необходимым... Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразно, но и необходимо. Суровость расправы показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтоб запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель. В интеллигентских кругах партии, вероятно, были сомнения и покачивания головами. Но массы рабочих и солдат не сомневались ни минуты: никакого другого решения они не поняли бы и не приняли бы. Это Ленин хорошо чувствовал: способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей мере свойственна, особенно на великих политических поворотах. В «Последних новостях» я читал, уже будучи за границей, описание

расстрела, сожжения тел и пр. Что во всё этом верно, что вымышлено, не имею ни малейшего представления, так как никогда не интересовался тем, как произведена была казнь и... я не понимаю этого интереса».

Тем не менее вышеприведенным словам Троцкого верить полностью нельзя... Скорее всего сказаны они в целях собственной реабилитации. Что позволяет нам заподозрить этого господина в неискренности? Прежде всего то, что, несмотря на клятвенное убеждение, что его тогда в Москве (где и принималось решение о ликвидации семьи Романовых) якобы не было, он всё же всё это время находился в Москве, о чём говорят и официальные протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров. А вот Сталин, на которого Троцкий потом пытался (как и на Ленина) свалить сей грех, в Москве действительно отсутствовал. Троцкий же не только был в Москве, но и находился в одном зале с Лениным и Свердловым, когда поступило сообщение об убийстве семейства. Авторы монографии, посвященной этой теме, Г. Кинг и П. Вильсон считают как раз, что «нет никаких свидетельств о намерении Ленина ликвидировать Романовых». В частности, они пишут: «Действительно, все имеющиеся факты говорят против этой гипотезы. Если бы Ленин желал смерти всех Романовых, в ходе

Трибунал инквизиции

Революционный трибунал во Франции

русской революции их погибло бы не восемнадцать человек, а гораздо больше. Члены свергнутой династии, оказавшиеся в Крыму, который находился в руках большевиков, не были расстреляны; более того, им было позволено покинуть Россию. Великий князь Николай Константинович, живший в ссылке в Ташкенте, пользовался значительной свободой и умер своей смертью в 1918 г. Другим членам бывшего правящего дома также разрешено беспрепятственно покинуть пределы России». Ни в теории, ни в практике эта массовая казнь не была ленинской идеей. То, в чём он был убеждён, он и не считал нужным скрывать. Не его стиль. Скорее, сработал еврейский инстинкт Свердлова-Троцкого, жаждавших крови.

Эти действия в общих чертах напоминали действия трибунала инквизиции и революционных трибуналов во Франции в эпоху буржуазных революций. На тех же принципах работали трибуналы в Советской России. Глава Петроградского революционного трибунала И.П. Жуков на первом его заседании, открывшемся 10 декабря 1917 г. в Петрограде в бывшем дворце вел. кн. Николая Николаевича сказал: «69 лет тому назад во время революции 1848 г. во Франции возникли революционные суды, что назывались революционными трибуналами. И как те первые революционные суды, так и ныне начавший жить русский революционный трибунал, я надеюсь, будет строгим оценщиком, самым ярким защитником прав и обычаев русской революции. Он будет строго судить всех тех, кто пойдёт против воли народа, кто будет мешать ему на пути». До сих пор неизвестно, кто входил в коман-

ду, расстрелявшую царя и семью. Я. Юровский, указав, что в команде было 12 человек, из которых двое затем отказались, не оставил в записке ни одной фамилии. Он и себя именует скромно — «комендант». В других воспоминаниях участников событий упоминается 6—7 фамилий: Юровский, Никулин, Михаил Медведев, Павел Медведев, Петр Ермаков, Иван Кабанов и др. Швейцарец П. Жильяр, бывший долгие годы наставником цесаревича Алексея и последовавший в Сибирь за опальной семьей Романовых, пишет, что в комнату для расстрела Романовых вошёл Юровский с семьёй «австро-германцами» и двумя его друзьями, комиссарами Ермаковым и Вагановым, заправскими палачами чрезвычайки. Возглавивший после замены ряда следователей дело по убийству Романовых колчаковский следователь Н.А. Соколов счёл ответственными за смерть царя, т.е. «интеллектуально» и «физически», 164 человека (от председателя ВЦИКа до шоферов). Он давал следующую характеристику главным палачам царствующего дома последнего российского императора. Первым был назван Шая Исаакович Голощекин — мещанин г. Невеля, Витебской губернии, еврей 1876 г. рождения. Партийная кличка — Филипп. Он кончил гимназию в Витебске и зубо врачебную школу в Риге. Арестовывался как большевик-пропагандист, играл немалую роль в Московском комитете партии, сидел в тюрьме. Затем был вновь арестован и сослан в Нарымский край, откуда бежал за границу. В 1912 г. на конференции в Праге избран членом ЦК партии, вновь арестован и сослан в Сибирь на 4 года. После Октября был назначен на Урале членом областного Совета и областным военным комиссаром. В.Л. Бурцев говорил о нем: «Я знаю Голощёкина и узнаю его на предъявленной мне Вами карточке. Это типичный ленинец. В прошлом он организатор многих большевистских кружков и участник всевозможных экспроприаций. Это человек, которого и кровь не остановит. Эта черта особенно была заметна в его натуре: палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации». Соколов признавал за Голощёкиным «бешеную энергию». Тот знал, где брать «живую силу большевизма». По его указанию охрана Ипатьевского дома, тюрьмы для семьи Николая, была подобрана М. Медведевым.

Медведев (Кудрин), по мнению иных, был тем, кто первым стал стрелять во время этой бойни в царское семейство.

Другой «герой» упомянутых событий — еврей Яков Михайлович Юровский, мещанин г. Каинска. Знаковое название, не так ли?! Отец его был уголовником. Совершил кражу и был сослан в Сибирь. Он любил часто повторять: «По милости царизма я родился в тюрьме» (это не так). Учился в еврейской школе «Талматейро» при синагоге, курса не закончил, поступил учеником к часовщику-еврею, а затем открыл в Томске и свою мастерскую. В годы первой смуты уехал в Германию, где изменил вере отцов и принял лютеранство. Из Германии вернулся с деньгами. Его брат Лейба говорил: «Он был уже богат. Его товар в магазине стоил по тому времени тысяч десять». Но

революционную деятельность он не бросил, был выслан в Екатеринбург. В мировую войну работал фельдшером в одном из лазаретов. По характеру был крайне жесток, вкрадчив и скрытен. Его братья говорили о нём так. Эле-Мейер: «Он у нас считался в семье самым умным, а я человек рабочий. То, что он считался у нас самым умным, меня от него и отталкивало...» Лейба: «Характер у Янкеля вспыльчивый, настойчивый... Он любит угнетать людей». Жена Эле, — Лея: «Янкеля, брата мужа, я, конечно, знала. Мы никогда не были с ним близки. Мы с ним разные люди: он перешел из иудейства в лютеранство, я — еврейка-фанатичка. Я его не любила: он был мне всегда несимпатичен. Он по характеру деспот. Он страшно настойчивый человек. Его любимым выражением было: «Кто не с нами,

Участники убийства — Янкель Юровский, Шая Голощекин, П.Л. Войков, Я. Свердлов, Л. Троцкий

тот против нас». Он эксплуататор. Он эксплуатировал моего мужа, своего брата». После большевистского переворота Юровский был членом Уральского областного Совета и областным комиссаром юстиции, играя роль наблюдателя за семьёй Романовых. Третьей заметной фигурой в этой (отнюдь не святой) троице был Александр Георгиевич Белобородов, родом из Пермской губернии, русский, в возрасте 32—35 лет, конторщик по профессии. Он числился председателем Уральского областного Совета. Соколов говорит о нём как о «порождении уральской глуши». Тот одно время был арестован за кражу или присвоение 30 000 рублей, содержался в тюрьме, но был освобождён и вновь занял свой пост. Только после убийства царской семьи он стал членом ЦИКа и видным столичным чекистом. «Для ипатьевского дома эти три человека, — писал Соколов, — связывались, как, впрочем, и для всего населения Екатеринбурга, не их положением в областном совдепе. Они были страшны, внушали ужас их ролью в Чека, где они были руководителями».

Вот что рассказывал сам Я.М. Юровский о расстреле царской семьи на совещании старых большевиков в г. Свердловске (1 февраля 1934 г.)... Предполагалось, что если бы время позволило, был бы организован суд над ними. Но как выше было ска-

зано, фронт с начала июля 1918 г. приближался все ближе и ближе, и, наконец, уже приблизился на 35—40 верст. Это неизбежно приближало и развязку. Постольку, поскольку это являлось тогда вопросом большой политической важности, вопрос без разрешения центра не мог быть разрешен. Связь и разговоры по этому вопросу с центром не прекращались. Примерно числа 10-го июля уже было получено разрешение на тот случай, что если бы оставление Екатеринбурга стало неизбежным. Ведь только этим и можно объяснить, что казнь без суда была дотянута до 16-го июля, а Екатеринбург был окончательно оставлен 25—26 июля, причем эвакуация Екатеринбурга была проведена в полном, так сказать, порядке и своевременно. Примерно того же 10-го, 11-го июля мне Филипп [Голощёкин] сказал, что Николая нужно будет ликвидировать, и что к этому необходимо готовиться. Спустившись в комнату (тут при входе в комнату справа очень широкое, чуть не во всю стену окно), я предложил членам семьи Романовых встать по стенке. Очевидно, они ещё в этот момент ничего себе не представляли, что их ожидает. Александра Федоровна сказала: «Здесь даже стульев нет». Алексея нёс на руках сам Николай. Он с ним так и стоял в комнате. Тогда я велел принести пару стульев, на одном из кото-

П. Рыженко. Император Николай II, его жена и цесаревич в Ипатьевском доме

рых по правой стороне от входа к окну почти в угол села Александра Федоровна. Рядом с ней, по направлению к левой стороне от входа, встали дочери и Демидова. Тут посадили рядом на кресле Алексея, за ним шли доктор Боткин, повар и другие, а Николай остался стоять против Алексея. Одновременно я распорядился, чтобы спустились люди, и велел, чтобы все были готовы и чтобы каждый, когда будет подана команда, был на своем месте. Николай, посадив Алексея, встал так, что собою его загородил. Сидел Алексей в левом от входа углу комнаты, и я тут же, насколько помню, сказал Николаю примерно следующее, что его царственные родственники и близкие как в стране, так и за границей, пытались его освободить, а что Совет рабочих депутатов постановил их расстрелять. Он спросил: «Что?» и повернулся лицом к Алексею, я в это время в него выстрелил и убил наповал. Он так и не успел повернуться лицом к нам, чтобы получить ответ. Тут вместо порядка началась беспорядочная стрельба. Комната, хотя и очень маленькая, все, однако, могли бы войти в комнату и провести расстрел в порядке. Но многие, очевидно, стреляли через порог, так как стенка каменная, то пули стали лететь рикошетом, причем пальба усилилась, когда поднялся крик расстреливаемых. Мне с большим трудом удалось стрельбу приостановить. Пуля кого-то из стрелявших сзади прожужжала мимо моей головы, а одному, не помню не то руку, ла-

Комната, где убита семья Николая II

донь, не то палец задела и прострелила. Когда стрельбу приостановили, то оказалось, что дочери, Александра Федоровна и, кажется, фрейлина Демидова, а также Алексей были живы. Я подумал, что они попадали от страха или, может быть, намеренно, и потому ещё живы. Тогда приступили достреливать (чтобы было поменьше крови, я заранее предложил стрелять в область сердца). Алексей так и остался сидеть окаменевши, я его пристрелил. А [в] дочерей стреляли, но ничего не выходило, тогда Ермаков пустил в ход штык, и это не помогло, тогда их пристрелили, стреляя в голову. Причину того, что расстрел дочерей и Александры Федоровны был затруднен, они обнаружили уже позже.

Помещение, в котором происходило избиение, спешно привели в порядок, стараясь, главным образом, скрыть следы крови, которую, по буквальному выражению рассказчика, «мели метлами». К трем часам утра все было закончено. Убили даже собаку. Конец, говоришь, династии Романовых?! Да... Красноармеец принес на штыке комнатную собачонку Анастасии — когда мы шли мимо двери (на лестницу во второй этаж) из-за створок раздался протяжный жалобный вой — последний салют императору Всероссийскому. Труп песика бросили рядом с царским. Собакам — собачья смерть! — презрительно сказал Голощекин... Покончив с расстрелом, нужно было переносить трупы, а путь сравнительно длинный, как переносить? Тут кто-то догадался о носилках (вовремя не догадались), взяли из саней оглобли, натянули, кажет-

Дом Ипатьева, где убили семью русского царя

ся, простыню. Проверив, все ли мертвы, приступили к переноске. Тут обнаружилось, что будут везде следы крови. «Я тут же велел взять имевшееся солдатское сукно, положили кусок в носилки, а затем выстелили сукном грузовик. Принимать трупы я поручил Михаилу Медведеву, это бывший чекист и в настоящее время работник ГПУ. Это он вместе с Ермаковым Петром Захаровичем должен был принять и увезти трупы. Когда унесли первые трупы, то мне, точно не помню кто, сказал, что кто-то присвоил себе какие-то ценности. Тогда я понял, что, очевидно, в вещах, ими принесенных, имелись ценности. Я сейчас же приостановил переноску, собрал людей и потребовал сдать взятые ценности. После запирательства двое, взявших ценности, их вернули. Пригрозив расстрелом тем, кто будет мародерствовать, этих двоих он отстранил и сопровождать переноску трупов поручил Никулину, предупредив о наличии у расстрелянных ценностей. Другие так описывают эту расправу.

В комнате, длиной в 8 и шириной в 6 аршин, жертвам некуда было податься: убийцы стояли в двух шагах. Подойдя к Государю, Юровский холодно произнес: «Ваши родные хотели вас спасти, но это им не удалось. Мы вас сейчас убьем». Государь не успел ответить. Изумленный, он прошептал: «Что? что?» Двенадцать револьверов выстрелили почти одновременно. Залпы следовали один за другим. Все жертвы упали. Смерть Государя, Государыни, трёх детей и лакея была мгновенна. Цесаревич Алексей был при последнем издыхании; младшая Великая Княжна была жива. Юровский несколькими выстрелами из револьвера добил Цесаревича. Палачи штыками прикончили Анастасию Николаевну, которая кричала и отбивалась. Когда все стихло, Юровский, Войков и двое латышей осмотрели расстрелянных, выпустив в некоторых из них еще несколько пуль или протыкая штыками. Войков рассказывал, что это была ужасная картина. Трупы лежали на полу в кошмарных позах, с обезображенными от ужаса и крови лицами. Пол сделался совершенно скользкий... Спокоен был (среди убийц) один Юровский. Он хладнокровно осматривал трупы, снимая с них драгоценности... Он пишет, что собрав предварительно всё, что оказалось в тех

**Николай с семьёй
незадолго перед расстрелом**

или иных вещах, которые были захвачены, и сами вещи, он отправил в комендатуру. Филипп Голощёкин, очевидно, щадя меня (я здоровьем не отличался), предупредил меня, чтобы не ездил на «похороны». Меня очень беспокоило, как хорошо будут скрыты трупы. Поэтому я (Юровский) решил поехать сам, и, как оказалось, хорошо сделал, иначе все трупы были бы непременно в руках белых. Легко понять, какую спекуляцию те развели бы вокруг дела. Но и он под конец не вытерпел, говоря, что ещё несколько дней, и он окончательно сошёл бы с ума.

В общих чертах картину убийства царской семьи описали многие. Убиты при следующих обстоятельствах: в первом часу ночи всех заключенных разбудили и предложили сойти вниз. Здесь им вдруг объявили, что в Екатеринбург скоро придёт враг и что поэтому они должны быть убиты. Вслед за тем сразу же последовали выстрелы и первыми были убиты Государь и наследник; остальные оказались только ранеными, и потому, по словам Якимова, их «пришлось» пристреливать, добивать прикладами, прикалывать штыками. Особенно «было много возни» с фрейлиной: та металась, прикрывалась подушкой и на теле её оказалось потом две раны. Великая княж-

на Анастасия Николаевна упала в обморок, а когда ее стали осматривать, она «дико завизжала», после чего штыками и прикладами ее убили. Вся сцена убийства была столь кошмарна и жестока, что, по словам свидетеля, «её трудно было вынести и он не раз выходил на воздух, чтобы освежиться». Этому показанию или, по словам свидетеля Г. Агафонов, — признанию Анатолия Якимова, нельзя было не верить, так как даже к вечеру того же дня, т.е. после убийства, когда он пришёл проститься, вид его был поразителен: лицо осунувшееся, зрачки расширены, нижняя губа во время разговора тряслась, ясно было видно, что за минувшую ночь он пережил что-то потрясающее. Профессор Сперанский не мог войти в жилые комнаты, но благодаря одному из служащих Совета он видел место этой страшной бойни — комнату подвального этажа, оставшуюся запертой. «Она напоминает погреб, объемом не более 50 куб. метров. В сыром полумраке комната казалась узкой. Я думал о том, что в течение нескольких ужасных минут здесь находилось одиннадцать жертв и одиннадцать палачей. Дым был густым и непроницаемым. В удушливой атмосфере убийцы, конечно, потеряли голову, обезумели и продолжали стрелять и колоть штыками уже мёртвые тела». На полу и через шесть лет сохранились пятна крови. На стенах остались следы пуль с при-

Фото убитых доктора Е.С. Боткина (1), лакея А.Е. Труппа (2), повара И.М. Харитонов (3), горничной А.С. Демидовой (4 и 5)

ставшими пушинками. Горничная Анна Демидова в ужасе старалась укрыться от выстрелов за подушки, принесённые с собой. Окрашенный кровью пух пристал к пуле. На обоях можно было увидеть и следы окровавленных рук. Для большинства из тех, кто принимал участие в казни Николая II и его семьи, все Романовы были «коронованными палачами», врагами трудового народа. В казни они видели проявление исторической справедливости. А в обстановке, когда страна всё более погружалась в пучину гражданской войны, когда в их представлении судьба революции висела на волоске, когда все они считали, что решался вопрос, быть или не быть власти Советов, смерть бывшего царя и его детей не могла казаться им чем-то невыносимо ужасным. Пожалуй, даже напротив, вынося смертный приговор Романовым, многие из них, не колеблясь, считали, что выполняют тяжёлый, и даже в известном смысле «высший революционный долг».

Итак, ночь с 16 на 17 июля 1918 г. стала для Романовых роковой. В эту ночь бывший царь Николай II, его жена — бывшая императрица Александра Федоровна, их дети — 14-летний Алексей, дочери — Ольга (22 года), Татьяна (20 лет), Мария (18 лет), Анастасия (16 лет), находящиеся при них врач Боткин Е.С. (писавший о царской семье: «Своей добротой Они сделали меня рабом своим до конца дней моих»), горнич-

**Расстрел царской семьи, врача и слуг
Ревюстрировка 1922 года**

ная А. Демидова, повар Харитонов и лакей были расстреляны в подвале Дома особого назначения (бывшего дома инженера Ипатьева) в Екатеринбурге. Тогда же тела расстрелянных на автомобиле были отвезены за город и сброшены в шахты. Однако боязнь, что подходившие к Екатеринбургскому району белые обнаружат трупы царской семьи и превратят их в святые мощи, заставило произвести перезахоронение. На другой день расстрелянные были извлечены из шахты, погружены на автомобиль, который двинулся по глухой дороге в лес. Машина в болотистом месте забуксовала, и тогда после попыток сжечь трупы захоронение решено было произвести прямо на дороге. Могила была засыпана и разровнена, чтобы скрыть следы этого жуткого преступления.

Но кое-какие страшные подробности, видимо, все же сохранялись в памяти палачей. Иные похвалялись ими... В 1921 г. П. Быков (в 1918 г. он — зам. комиссара снабжения Уралсовета П. Войкова) писал: «Тела у Ганиной Ямы были сожжены лишь частично, и их не догоревшие, закопали в болотах в двух местах — в районе Верх-Исетского завода и деревни Палкино. В 1924 г. П. Быков это вновь подтвердил, а

Заброшенная шахта в районе рудника

позднее и другие участники событий» — писал А.П. Мурзин. Родзинский 13 мая 1964 г. записал свои воспоминания на Всесоюзном радио: «Сколько мы сожгли, то ли четырех, то ли пять, то ли шесть человек... Вот Николая точно помню, Боткина и, по моему, Алексея. Вообще, должен вам сказать, человечина, ой, когда горит, запахи вообще страшные. Боткин жирный был. Долго жгли их, поливали и жгли керосином там, что-то ещё такое сильнодействующее, дерево тут подкладывали. Ну, долго возились с этим делом. Я даже вот, пока горели, съездил, доложил в город и потом уже (вернулся) на легковой машине... Это уже ночью было».

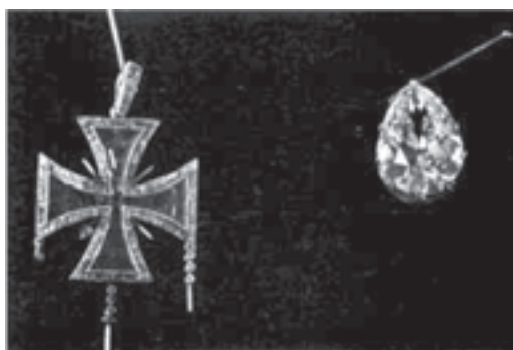
Ужасны по натуралистичной подробности и воспоминания одного из участников уничтожения трупов царской семьи, чекиста Г.И. Сухорукова (3 апреля 1928 г.). Приехали утром к шахтам, где находились трупы. Около шахты пепел, остатки костра. Братва стала рыться, догадавшись, что здесь и сжигали царскую одежду. Кое-кому перепало изрядно... Так, Пospelов нашёл 2 крупных бриллианта, оправленных платиной, Сунегин нашёл бриллиантовое кольцо и т.д. Время шло, работа ударная, нужно было приступить к извлечению трупов, кругом расставили конных и пеших патрулей и приступили к работе. Первым спустился в шахту с веревкой в руке Владимир Сунегин. Стали извлекать сначала дрова, цельными плахами. Потом работа показалась нудной и длинной, решили взяться прямо за трупы. Я спустился на подмогу Сунегину. Первая попавшая нога оказалась ногой

В.И. Глазунова. Гибель кн. Елизаветы Федоровны

Николая последнего, который и благополучно был извлечен на свет божий, а за ним все остальные. Для точности надо отметить: все были голыми, за исключением наследника, который был в одной матроске нательной, но без штанов. Извлеченные трупы сложили недалеко от шахт и закрыли палатками, приступили к обсуждению, куда девать. Сначала решили вырыть яму прямо на дороге, закопать и сильно снова заездить, но грунт оказался каменистым, и эту работу бросили, решили дожидаться автомобилей и с соответствующим грузом потом отвезти в Верхне-Исетский пруд. Вечером пришли грузовые автомобили. Трупы погрузили на повозки. С повозок их снова перегрузили на автомобили и поехали. Недалеко была мочажина, настланная шпалами в виде моста, и здесь-то задний грузовик, почти проехавши, застрял, все наши усилия ни к чему не привели, и решили шпалы снять, выкопать яму, сложить трупы, залить серной кислотой, закопать и снова наложить шпалы. Так и было сделано. Для того чтобы белые не догадались, что это царская семья, если бы даже нашли трупы, мы решили штуки две (останков) сжечь на костре, что мы и сделали. На наш жертвенник первым попал наследник, второй — младшая дочь Анастасия. После сожжения трупов мы разбросали костер, в середине вырыли яму, всё оставшееся и не догоревшее сгребли туда, на этом же месте снова развели огонь и так закончили работу...

Главные идеологи и исполнители: Ленин, Свердлов (Янкель Розенфельд) — председатель ВЦИК, Шая Голощекин (Фрам Иса-

Бриллиант и крест, найденные в руднике

ак) — член президиума Уральского Совета, Белобородов (Янкель Вайсбарт) — глава Уральского Совета, Яков Юровский (Янкель Хаимович) — член Уральского Совета, главный убийца царской семьи, Войков (Вайнер Пинхус) — комиссар продовольствия Уральского Совета, Сафаров Г. — заместитель Янкеля Вайсбарта, пассажир «запломбированного вагона». Приказ об убийстве императора, семьи и всех их приближенных «исходил лично от Свердлова, который приказал завершить дело Голощёкину, председателю Уральского Совета». В ходе следствия об убийстве императора, семьи установлено: за день до преступления в Екатеринбург из центральной России прибыл специальный поезд. Люди говорили, что в вагоне прибыло некое лицо в чёрной одежде, очень схожее с иудейским раввином. Лицо осмотрело подвал Ипатьевского дома, оставив на стене каббалистическую

надпись. Некоторые расшифровывали её так: «Царь принесён в жертву. Царство уничтожено». На основании этого Н. Соколов, М. Дитерихс, Р. Вильтон видели в сей акции месть евреев. Дитерихс полагал: большевики хотят создать в России «еврейское царство». Он писал: «Слово «Россия» употреблено (Троцким) так. В действительности же он ратует не за Россию, а за революционный Израиль. Россию он сам погубил под аплодисменты немецких генералов и своих революционеров Израйля, а теперь уже революционному Израйлю угрожала

Дневник Николая Второго

опасность, и над его защитой и обеспечением ему победы работал Лейба Бронштейн со своими сподвижниками по духу и по расчёту. Если в мирное время агитационная работа Бронштейнов сумела загипнотизировать мир, овладеть его волей, воспрепятствовав кому бы то ни было подымать против них голос под угрозой яростных обвинений в черносотенстве, ретроградстве, косности и безнравственности принципов, то в период напряженнейшей борьбы за революционную власть различных социалистических течений, на фоне общей ненависти друг к другу всех партий в одном народе и всех народов между собой Бронштейнам немного труда надо было, чтобы одержать победу, даже в той критической обстановке, которая сложилась для советской России в то время».

Вот как в частности описывал генерал М.К. Дитерихс обстоятельства уничтожения семейства Романовых: «Революционеры Израиля центральной советской власти приближались к конечной цели. Уже два раза их попытки наложить руку на Помазанника Божия оканчивались неудачей... В обоих случаях значительным препятствием явились русские люди из народа — охрана из русских людей. Теперь паразиты Израиля решили всё это учесть. В конце июня в Москву был вызван из Екатеринбурга областной военный комиссар и член президиума Исаак Голощекин. Остановился он у Янкеля Свердлова. С его приездом в ЦИКе приступили к обсуждению вопросов о дальнейшей судьбе Царской Семьи...» Проходит немного времени. Военно-политическая

обстановка в центре улучшается (победа 5—6 июля над немцами) — и в Екатеринбург мчится сам Голощекин производить в исполнение новый план уничтожения царских узников простейшим, более верным, но и исключительным по изуверству способом. Окончательные детали как самого убийства, так и способов последующего уничтожения тел убитых (серная кислота, шахты, проч.) разработаны на месте ближайшими руководителями и исполнителями злодейств. «Однако, по-видимому, в силу существовавшей сугубой субординации в бронштейновской организации, представляли каждый свой шаг, ранее его исполнения, на утверждение в Москву. Это можно судить, например, по тому, что даже проект извещения Екатеринбургского президиума о расстреле бывшего Царя передавался ещё до совершения убийства. Утром 16 июля, на цензуру Янкелю Свердлову, только по утверждению центральной властью извещение было опубликовано в Екатеринбурге». Все эти детали интересны, но главный интерес представляют мотивы...

Почему Николая и его семью убили, а скажем не обменяли? Иные говорят, что гражданин Романов, царь Николай II, был не столько политическим лицом, сколь живым товаром, который, подобно рабовладельцам, можно было бы сбывать одной из заинтересованных сторон — немцам или англичанам с французами. В смерти царя и представителей царской династии Романовых были заинтересованы — и в этом глубинные и истинные причины случившейся трагедии — в той или иной мере все, от Керенского до большевиков и Запада. Пока те были живы, в их лице на российской политической арене продолжал существовать опасный конкурент... Велика ли роль Ленина в убийстве Романовых? Бесспорно, в его отношении к самодержавию было немало личного. Говорят, он с кровавым видом декламировал строфы из пушкинской «Оды вольности» («твою погибель, смерть детей с жестокой радостью вижу»).

П. Рыженко. Ипатьевский дом после цареубийства

Но это вовсе не значит, что такой рационалистичный политик как Ленин стал бы предаваться голым эмоциям. Вряд ли тут доминировали мотивы личной мести Романовым, даже смерть его брата Александра. А вот общеполитические и международные факторы были исключительно важны. Судя по всему, за головы царя и его семьи шёл серьёзный торг, в котором с одной стороны участвовала верхушка ЦК большевиков, а с другой — закулисы и белые. Историк Ю.Л. Жук, основываясь на собственном тщательном расследовании и на данных западной печати, отмечал: «По этому поводу В.И. Ленин говорил очень мало, но затем он был почти на грани того, чтобы публично рассказать о своей политике двурушничества и вымогательства, в которой Романовы продолжали использоваться в качестве заложников. Видимо, стратегия В.И. Ленина заключалась в том, чтобы уговорить германцев не оккупировать центральную часть страны и получить отсрочки по выплате контрибуции в размере 300 миллионов золотых рублей, предусмотренных заключенным в марте Брест-Литовским договором. В то же время он стремился показать союзникам, что сотрудничает и с ними, обещая передать Романовых в их руки, и под предлогом выкупа прогерманских акционеров в банках, которые он уже успел национализировать, получил от них ещё 500 000 фунтов в дополнение к тем, что были переданы в феврале». Следует добавить, что судьбой Николая II и его семьи вдруг озаботилась и Америка. К. Радек писал: «Мои шведские информаторы совсем недавно узнали, что глубокий интерес в палаче Николае был проявлен по ту сторону Атлантики. Если лондонское Сити заинтересовано в основном в сотнях золотых, спрятанных в подвалах Казани, то Уолл-стрит демонстрирует... филантропический интерес к окончательно обесцененной личности... главы Романовых. Эту операцию финансирует Национальный банк Сити; брокером является Томаш Масарик, профессор, который готовится представить себя в качестве освободителя... в Праге. Он является тем человеком, который осуществлял руководство чешскими легионами, и тем, кто обещал своё содействие в деле освобождения бывшего царя». Следует уточнить, что ни о какой филантропии и речи

быть не могло. А на кону тогда стояли крупные ставки — долги царской России, земли, богатства и проч.

Нельзя ни в коем разе отбрасывать и общественные настроения, укоренившиеся в народе в отношении царя. В России с марта 1917 г. в массах распространены настроения в пользу казни Николая II, императрицы Александры Федоровны за развал страны, за связи с кайзером Вильгельмом, за «распутинщину». Основной причиной, заставившей Временное правительство перевести царя из пригорода Петрограда в Тобольск, был, утверждают, страх перед возможной несанкционированной расправой населения с царской семьей. После прихода к власти большевиков распространились на Урале слухи о белогвардейском заговоре, имеющем целью похищение Романовых из Тобольска, использовании их как знамени в борьбе белогвардейских сил. Политическая обстановка в России и за рубежом в предшествовавший расстрелу семьи период говорит о том, что для центральной власти убийство царской семьи было невыгодно. С 6 июля 1918 г., после убийства немецкого посла Мирбаха в Москве, обострились отношения с Германией, во время переговоров с которой объектом торга могли стать великие княжны, бывшие германскими принцессами. Остается лишь гадать, что всё ж привело к принятию решения о расстреле царской семьи. Обвинения в ритуальном характере убийства кажутся натянутыми. Винить в убийстве какую-то национальную группу (евреев) неверно. Мотивы были сугубо политическими и не связаны с религиозными и тайными культами. Национальная принадлежность членов Президиума Уралсовета (из 5 членов Президиума — лишь 1 еврей) и Коллегии Уральской областной Чрезвычайной комиссии (из 6 членов Коллегии 2 еврея), принявших решение о расстреле царской семьи, вроде бы также не дают оснований для утверждения о доминировании в деле евреев. Изучение же личных дел членов Уралсовета и УралоблЧК говорит о том, что среди них не было ни одного человека, активно участвующего до или после революции в каких-либо религиозных организациях. Все еврейские участники решения о расстреле и исполнители приговора были людьми нерелигиозными, явными атеистами, давно уже ото-

**Н.А. Соколов. Судебный следователь
Омского Окружного суда**

рванными от жизни еврейских общин. Очевидно, что, как нами *supra scriptum* (т.е. как выше изложено), приказ Москвы в Екатеринбург через Пермь был отдан Свердловым, выполнявшим устное распоряжение В.И. Ленина. Существуют и косвенные свидетельства того, что приказ, вероятно, отдан Лениным и Свердловым. Голощёкин в начале июля уехал в Москву, где жил на квартире Свердлова. Тогда и было решено (в очень узком кругу) ликвидировать семью. Даже следователь Н.С. Соколов считал, что чудовищный акт не связан с религиозными или мистическими мотивами и полагал, что в основе решения лежала всё же политическая необходимость. Поводом для этого могли служить обострение военной обстановки и возможность падения Екатеринбурга. В таком случае силы контрреволюции могли бы получить в руки важное знамя единства. Это — *causa materialis*!

Дополнительные сведения даются и в книге П. Булыгина «Убийство Романовых» (1935). П. Булыгин был правой рукой следователя Соколова и в 1935 г. опубликовал в Лондоне книгу о своём участии в попытке освобождения Романовых и расследовании обстоятельств убийства. С самого возникновения Белой армии он служил в ней. Участник знаменитого Ледового похода. В группе офицеров принял участие в не-

удачной попытке освобождения царской семьи. Затем командовал особым отрядом по охране дворца вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны в Крыму. По её же поручению и направился в Сибирь, где адмирал Колчак назначил его помощником и телохранителем следователя Соколова. Участвовал в расследовании убийства Романовых. Затем последовала эмиграция. Германия, Франция. Около 10 лет провёл инструктором в армии императора Хайле Селассие (Эфиопия), потом работал на кофейной плантации. В 1934—35 гг. организует русскую колонию «Балтика» в Парагвае, где после его смерти и был похоронен. Он-то и дополняет картину причин казни.

Уже 17 июля 1918 из Екатеринбурга ушла телеграмма: «Передайте Свердлову, что всё семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья гибнет при эвакуации». Никаких сообщений о гибели семьи в дальнейшем не последовало. Как Москва отреагировала на события в Екатеринбурге? Прослушав и обсудив 18 июля телеграмму о расстреле Н. Романова, ВЦИК принял резолюцию, одобрявшую упомянутую акцию Уральского областного Совета. И тогда же Совнарком в присутствии Ленина, Троцкого, Чичерина и других руководителей правительства постановил (по заявлению Свердлова о казни бывшего царя): «Принять к сведению». В официальном сообщении указывалось, что «жена и сын Николая Романова (находятся) в надёжном месте». Наверху решили, что надо устроить всё так, чтобы это была якобы инициатива местных властей... Перед убийством состоялся разговор председателя Уралсовета с Лениным, который и подтвердил принятое решение. Только в 1968 г. А. Акимов, работавший в охране Ленина, рассказал, что по поручению Свердлова отнёс на телеграф на Мясницкой телеграмму с утверждением решения Уралсовета СНК и ВЦИК за подписью Ленина и Свердлова. В целях строжайшей конспирации он, угрожая пистолетом работникам, забрал не только копию этой телеграммы, но и саму ленту, содержащую «расстрельный приказ»... Есть основание доверять словам М.В. Фофановой, которая вспоминала: «Владимир Ильич: восторженно сказал: «Только послушайте, что пишет Нечаев! Он говорит, что надо уничтожить всю царскую

семью. Браво Нечаев!» Сделав небольшую паузу, Владимир Ильич продолжил: «То, что не удалось осуществить этому великому революционеру, сделаем мы». В.Д Бонч-Бруевич вспоминал разговор с Лениным. Вождь, говоря об убийце-народовольце Нечаеве, привел в пример его потрясающую формулировку. На вопрос: «Кого же надо уничтожить из царствующего дома?», Нечаев дал ответ: «Всю большую ектению». Ленин говорил, что для населения России, которое бывало в церкви не раз, это знаило одно — уничтожить весь дом Романовых. «Это просто до гениальности! Нечаев должен быть весь издан... собрать воедино и напечатать».

К цепи трагических событий отнесем убийство великого князя М. Романова в июле 1918 г. в Мотовилихе, «большевистской крепости на Урале». Великого князя большевики отправили в Пермь весной 1918 г. По указанию В. Бонч-Бруевича, ему предоставлялось «право жить на свободе под надзором местной Советской власти». Тот ходил по лавкам, любовался рекой Камой, даже посещал местный театр. Всё это на самом деле выглядело несколько теат-

Великий князь Михаил Романов

рально. Чекисты и местные коммунисты косились на «матёрого преступника», которого презрительно называли «Мишкой, калифом на час». А когда сочувствующие князю вопрошали его, почему тот не убежит, тот отвечал: «Куда я денусь со своим огромным ростом? Меня немедленно же обнаружат». Здесь надо подчеркнуть, что формально Михаил Романов оставался императором Российским, ибо он от короны не отрекался, заявив дословно: «...принял я твёрдое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому подлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского». Думаю, на судьбу М. Романова повлиял ряд обстоятельств. Тут и глубокое возмущение рабочих Мотовилихи... Пермский Окружной РКП(б) писал в секретной записке: «Михаил Романов был помещён (согласно директивам из центра) в центре города, в одном из роскошных домов — в номерах бывшего «благородного собрания» — где и жил до перевода его в Королёвские номера. Жизнь Михаила, вернее, великолепные условия его жизни на глазах у рабочих сделали своё дело. Не раз проходившие мимо «благородного собрания» — белого дома с колоннами — рабочие Мотовилихи возмущались: не так, дескать, жили мы, когда нас арестовывали в царские дни... Давно бы его того... укокошить надо бы, а не так...». Сыграло значение и то, что, как отмечалось, Михаил оставался реальным наследником царского престола в случае победы Белого движения, представляя опасность для большевиков.

Интересны показания большевика Г. Мясникова о том, как был убит Михаил Романов, едва не ставший новым царем России. По его словам, Ленин и Свердлов действительно дали распоряжение освободить Михаила. В Перми получено предписание за подписями Ленина и Свердлова снять надзор ЧК за Михаилом. Никакого сопротивления или даже самого слабого протеста местные власти не проявили. Сняли надзор ЧК и установили надзор милиции. «Через несколько недель новое предписание Ленина и Свердлова: освободить Михаила из-под надзора милиции и не рассматривать Михаила как контрреволюционера.

А потом и ещё: разрешить Михаилу выехать за город на дачу без всякой охраны. Наряду с этой ошеломившей меня информацией, я узнаю, что в Перми ведется усиленная агитация и пропаганда, изображающая Михаила, как благодетеля, который дал народу свободу, а с ним поступают варварски, арестуют, сажают в тюрьму, устанавливают надзор ЧК, устанавливают надзор милиции, — словом, поступают как с мелким политическим пройдохой. Это дело рук кадетов, — думаю я... А кроме этого, я узнал, что есть какая-то организация офицеров, желающая освободить Михаила из-под большевистского ига». И Михаила Романова расстреляли.

Представляет интерес и обоснование причин, что толкнул Г. Мясникова на убийство великого князя М. Романова. У него наготове весомый «революционный аргумент». Всем было ясно, что Гражданская война, начатая колчаками, алексеевыми, красновыми, каледиными, дутовыми, — нуждается в знамени. Но ни один из генералов этим знаменем быть не мог, каждый из них считал себя равновеликим и между ними шла неизбежная грызня и взаимные интриги. Ни одно из генеральских имен не могло стать и программой всей контрреволюции, начиная от меньшевиков-активистов и правых эсеров и кончая монархистами. Не мог быть знаменем и сам Николай II со всей его семейкой. «Он как глупый, тупой тиран не пользуется нигде никаким уважением. Выдвинуть Николая II — это значит внести даже в среду генералов и офицеров раскол, не говоря уже о крестьянских массах и кадетско-меньшевистско-эсеровской интеллигенции. Его имя не мобилизует силы контрреволюции, а дезорганизует их. Он политически мёртв. Другое дело Михаил II. Он, изволите ли видеть, отказался от власти до Учредительного Собрания. Керенский от имени партии эсеров пожимал ему руку, проча в несменяемые президенты. Со стороны меньшевиков (ему) была бы самая лояльнейшая оппозиция. Даже анархисты типа Кропоткина и те поддержали бы эту формулу перехода. Для иностранной буржуа-

**Пятеро, кто подготовил убийство
Михаила Александровича Романова (Слева направо
А.В. Марков, И.Ф. Колпащиков, Г.И. Мясников,
В.А. Иванченко и Н.В. Жужгов. Все — русские,
все — рабочие Мотовилихи)**

зии, обеспокоенной революционным движением в собственных странах, также вовсе не безразлично, кого поддержать в борьбе с Советской властью. Поддержать Николая II, кредит которого даже в буржуазных кругах очень не высок, это значит придти в острое столкновение с революционными силами в собственных странах, поднимая в них ещё большее революционное нетерпение и недовольство. Выбор таков: поддержать того или иного генерала или группу их, или поддержать Михаила II, который доведёт страну до Учредительного Собрания, волю которого он признал для себя законом. Поддерживая Михаила II, буржуазия всех стран могла бы сделать вид, что поддерживает она нечто от революции, а не от контрреволюции. А это означало, что она могла бы спокойнее, без опасности со стороны пролетариата (своего), мобилизовать большие материальные и человеческие ресурсы, чтобы бросить их на помощь русской контрреволюции. А Каутские всех стран обосновали бы всё теоретически. Михаил мог стать знаменем, программой для контрреволюционных сил. Его имя сплотит все силы, мобилизует эти силы, подчиняя своему авторитету всех генералов, соперничающих между собой. Фирма Михаила II с его отказом от власти до Учредительного Собрания удобна как для внут-

ренней, так для внешней контрреволюции. Она может мобилизовать такие силы, которых никакая генеральская фирма и фирма Николая II мобилизовать не сможет. Она удесятерит силы контрреволюции». К этим обоснованиям стоит добавить и такой его довод... Достаточно любопытный...

«Но что значат эти предписания Ленина и Свердлова? Ну, допустим, что Ленин может поддаться чуждому влиянию. Допустим. Знаю я его мало. Несколько коротких разговоров и всё. Но Михалыч. Его я знаю и знаю, как редко кто знает. И знаю, что повлиять на него, зайти к нему с заднего крылечка по кумовству и знакомству и ввинтить ему чуждые нашему пониманию задачи мысли — это очень трудно. Остаётся одно: в целях избежания излишнего обострения отношения с буржуазными странами, они делают эти либеральные жесты. Но тогда как быть? Ведь им там виднее, что нужно делать? Они в непосредственном соприкосновении с этим миром, перед которым они вынуждены либеральничать? Не беру ли я на себя слишком много ответственности? Не ухудшу ли этим наше положение, поло-

жение Советской власти, возраст которой далек от возраста Мафусаила?! Ну, тогда это надо сделать так, чтобы и голову контрреволюции снять и Советскую власть оставить в стороне. Если будет нужно в угоду контрреволюции, в угоду буржуазии Запада, в целях избежания столкновений найти виновника, ответственного за этот акт, то я предстану перед судом и возьму на себя всю ответственность и скажу, почему и как я это сделал. Это единственный путь». Важен ряд моментов. Первое. Перед нами свидетельство русского революционера, а не еврея или латыша, а то были слышны и такие речи, что мол еврей Юровский для расстрела царской семьи нагнал латышей, евреев, «не надеясь на нас, на русских» (Ф. Проскуряков). Второе. Он — человек отважный, честный и бескорыстный. Рабочие даже подкармливали главу большевиков, ибо тому порой нечего было есть. Третье. Он всегда говорил правду и только правду, о чём не раз говорили сами рабочие. Четвертое. Человек он мужественный и смелый: с 16 лет участвовал в акциях по экспроприации оружия. Пятое. Мясников — член ВЦИК, а значит более чем компетентен (в 1923 г. во ВЦИК входило всего 200 человек со всей Советской России).

Массовые боины, каковыми являются войны и революции, убийства, казни подвигают общество к состоянию безумия. Массовой казнью является и война. Если она не мера ответная — это массовое убийство и легализованное сумасшествие. Народ в этот период теряет лучшие человеческие качества. Об этом и писали О. Кабанес и Л. Насс: «Жертвоприношения гильотине прививались — всё более и более; они стали входить в привычку, делались народной потребностью, и толпа, приучившаяся к виду крови, перестала испытывать чувство отвращения, а вскоре уже не могла обходиться без подобного, возбуждительного для нервов средства». «Матери приводили на места казни детей, отцы поднимали их на плечи, воспитывая в них таким образом ненависть к тиранам и чувство мужества». Авторы говорят, имея в виду революции во Франции: «Революция совершила чудо в обратном смысле — она дала людям презрение и к жизни и к смерти».

Ходили слухи, что в Москве «красные цари» сожгли голову казненного императо-

Мемориальная доска на доме, где жил М. Романов

Казнь Людовика XVI

ра. Ушкуйник в «Памятке русскому человеку», в частности, утверждал так: «Существует документ, подписанный Лениным, Троцким, Зиновьевым, Бухариным, Дзержинским, Каменевым и Петерсеном (Петерсом) и датированный июлем 1918 г. о получении головы Императора и её опознании. В свете вышеупомянутых фактов становится совершенно очевидным, что Екатеринбургское преступление является ПРЕДУМЫШЛЕННЫМ РИТУАЛЬНЫМ УБИЙСТВОМ, обдуманном за много лет до его выполнения и совершенным исключительно иудеями — Свердловым, Голощёкиным, Юровским. Восточный иудей Юровский был тем «цадиком», который собственной рукой «принёс в жертву» Императора самой большой христианской Империи мира и его Наследника». Согласно тем же источникам, за спиртованную голову Николая II хотели якобы сохранить в музее для воспитания «грядущего поколения». Но по предложению Петерса, в конце концов постановили: во избежание превращения головы бывшего царя в «святыню» в глазах «глупых людей» уничтожить её. Находились и «очевидцы», наблюдавшие процесс сожжения «царской головы» будто бы в присутствии «почти всего большевистского синклита». Вряд ли эти сведения верны. Ленин и Свердлов не ставили своей целью слепо подражать французским якобинцам, чтобы показывать головы казнённых народу. Да и трудно представить себе красных

диктаторов, которые бы, подобно римскому императору, царю Иуде, санкюлоту, с патологическим упоением разглядывают голову поверженного врага. Идея такая могла родиться лишь в воспалённом мозгу безумца. Массовое убийство семьи (царской или любой иной) ужасно... И добавлять в драматизм версию о «царской голове», якобы доставленной в Москву (в особой «кожаной сумке» и стеклянной колбе, наполненной красной жидкостью), нет необходимости. Главное: руководителям Советского государства в те годы было не до того. Они должны были озаботиться скорее сохранностью собственных голов и жизней. Позже непосредственные участники той казни будут оспаривать друг у друга «лавры» главного цареубийцы. В частности, Я. Юровский оспаривал первенство коллеги-чекиста М. Медведева в том, что это, вероятно, он, Медведев, произвел первые выстрелы в Романовых, аргументируя ссылками на книги Соколова и Жильяра. Сам расстрел Романовых и сокрытие трупов до недавнего времени оставались строго охраняемой тайной.

Минули годы... К сожалению, сегодня находятся люди, даже среди священнослужителей, которые не могут (или не хотят!) разделить истинных виновников геноцида народа и «агнцов божьих», слепых исполнителей дьявольской воли пришельцев. Иоанн (Максимович) писал: «Убийство Императора Николая II и его семьи является исключительным как по виновности в нём русского и других народов, так и по его

Голова на столе

последствиям. Не сразу оно совершилось, подготавливалось постепенно. Гнусная клевета поколебала преданность Царю и даже доверие к нему значительной части русской общественности. В связи с этим наступившему искусно вызванному мятежу не было дано должного отпора ни властями, ни обществом. Малодушные, трусость, предательство и измена во всей полноте были проявлены ими. Многие поспешили искать доверия и милостей от преступников, пришедших к власти. Народ безмолвствовал сначала, а потом быстро начал пользоваться создавшимися новыми условиями. Каждый старался о своей выгоде, попирая Божественные заповеди и человеческие законы. Открыто не было ничего сделано в защиту Государя и Престола. Молчаливо принято было известие о лишении Царя и его Семьи свободы. Втайне лишь возносились молитвы и воздыхания теми немногими, кто не поддавался общему искушению и понимал преступность тех деяний. ...Государь оказался всецело в руках своих тюремщиков и новой власти, знавшей, что может сделать всё, что хочет. Убийство легло на совесть и душу всего народа. Вины все в той или иной степени: кто прямым мятежом, кто его подготовкой, кто изменой и предательством, кто оправдыванием совершившегося или использованием его в выгоду себе. Убийство Царя-Мученика есть прямое следствие их. Кровь Его на нас и на чадах наших (Мф. 27, 25). Не только на современном поколении, но и на новом, поскольку оно воспитано в сочувствии к преступлениям и настроениям, приведшим к Цареубийству. Лишь полный духовный разрыв с ними, сознание их преступности и греховности и покаяние за себя и своих предков освободят Русь от лежащего на ней греха». Такой взгляд неверен, ибо исторически фальшив и аморален. Да и вправе ли кто-либо выдвигать обвинения всему русскому народу, забывая о грехах монарха?!

Конечно, наш народ порой дик, груб, кровав, не чист на руку. Что говорить! Еще Ф.М. Достоевский, давая ему характеристику, заметил, что в нём бездонная глубь и высь соединяются с крайней низостью, дикостью и жестокостью. К тому же, за время мировой и гражданской войн в России, по словам М. Шолохова, ещё и очень пошевелила жизнь человека. Вспомним убий-

ство в Кремле бывшего московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Бомба тогда разорвала тело князя на части. Говорили, что и сердце его нашли где-то далеко, а голову — чуть ли не на крыше здания Сената. Услышав эту жуткую новость, как смеялись князья Долгорукие, как радовался высший свет по поводу гибели «мракобеса»! При этом ещё и смачно шутили: «Пришлось великому князю, наконец, пораскинуть мозгами!» Потом их мозги будут также «размазывать» по стенам и навозу. Можно привести немало примеров того, как наш народ, (т.е., конечно, не весь народ, а отдельные мужики) запускал руку в царёвы, государёвы, помещичьи, буржуйские сокровища. Говорят, везли из Тобольска в Екатеринбург 2700 пудов багажа царской семьи, а вот довезли едва ли 150 пудов. Изымали солдатики царское золото и драгоценности. Юровский писал по следам событий: «Народ был подобран и всё-таки, несмотря на то, что их ценности были спрятаны, началось воровство. Пришлось потребовать от каждого, чтобы выложил всё, что взял, иначе расстреляю беспощадно, тут же на месте». Но мы знаем, что такие же акции массовых грабежей и

Цесаревич Алексей

поборов получили массовое распространение среди бюрократии и белой армии.

И всё же почему вину за убийство, которое на совести узкого круга большевистской верхушки в Кремле (в состав Уралсовета входили Сафаров, Войков, Исаак Голощекин, Краснов, Поляков, Хотимский, Тупетул, Белобородов и Сыромолотов), возлагают на весь народ? Почему за еврея Юровского, что осуществил казнь царской семьи (не зря рожден в Каинске!), заявив, что «революция погибает, должны погибнуть и Вы», что «жизнь Ваша покончена», или Медведева (Кудрина) должны быть в ответе десятки миллионов людей?! Позже правительство умыло руки. «Все именитые товарищи избегали разговоров со мной на эту тему», и «только Влад. Ил. похвалил меня за это решение». Бухарин говорил: «Не очень-то хвастайтесь ликвидацией царской семьи». Говорят, Сталин не имел к тому убийству отношения. В 1922 г. при посещении матери в Гори (Грузия) та спросила его: «Сынок, а нет ли на тебе царской крови?» Сталин перекрестился и поклялся матери, что никакого отношения к убийству не имеет. Вряд ли человек, учившийся в семинарии, стал бы брать на себя грех

убийства невинных детей. Бесспорно, ненависть к Романовым имела глубокие корни. Но при чём тут народ! Разве его спрашивали — убивать или нет? В самых демократических странах мира власти и пресса почему-то не позволяют себе обвинять английский и французский народы в грехе цареубийства. Хотя народ везде был жесток по отношению к своим эксплуататорам и грабителям. И ждать от него много бессмысленно и даже безнравственно. Вы живите так, господа правители, чтобы народ вас любил и уважал — тогда он не станет вашим гонителем и палачом. У него чуткое сердце. Помните слова Феофана Затворника о том, что могут наступить времена, когда народ недостоин государя... А надо бы поставить вопрос иначе: «Разве царь огромной и великой страны не должен быть достоин народа и нести ответ за дела свои?!» Николай II, видимо, не очень-то понимал, а в чём, собственно, состоит задача государя. В откликах наших современников на гибель династии Романовых встречаются откровенные и верные оценки: «Поляков в Кремль привели сами Романовы, вот поэтому и остались прозападным жалким клочком, парой только с одним Кремлём, заполненным поляками, в центре Руси. Они обманули собственный народ, предали его, уничтожили веру и повели религиозную войну по наущению католиков. Ярким доказательством предательства и обмана народов Руси служит самая поздняя в мире отмена рабства (крепостничества). К примеру, на о. Тринидад и Тобаго рабство было отменено на 30 лет раньше. Романовы через 300 лет получили за это полную расплату. Зло порождает только зло». Возражаю против прославления царского строя и царя, прямого виновника стольких бед. Генерал Л.Г. Корнилов и тот заявил на допросе: династия Романовых «в лице её последних представителей сыграла роковую роль в жизни страны».

Хотя и среди русского народа немало типов, при взгляде на которых «за человека страшно» (Шекспир)... Вот, скажем, Дитерихс описывает охранника из команды дома особо назначения, где содержались Романовы, некоего Ивана Клещеева... Вроде бы из нормальной рабочей семьи. Хотя тот с детства проявлял дурные склонности: был баловнем, ленился, учился плохо и

Юровский — глава трибунала

исключен из сельского училища. Стал подворовывать, но крал, как у нас умеют, ловко и хитро. В итоге подался в босаки. И вот революция открыла ему путь «к свободе». В феврале 1918 г. во главе банды хулиганов и грабителей ворвался в дом своего бывшего хозяина Ушакова и, угрожая тому расстрелом, потребовал выдачи оружия, денег и имущества. Затем, подстрекая рабочих, потребовал передать им и суконную фабрику. А вскоре он оказался среди охраны семейства свергнутого царя. Дитерихс задаёт правомерный вопрос: «Почему же Иван Клещеев стал с детства красть, и с возрастом порок этот не исчез, а наоборот, страсть к нему развилась? Почему своему балованному положению в семье предпочёл стать босаком? Почему бессознательным революционером пошёл разрушать жизнь своих родителей? Почему сознательно пошёл на преступление? Почему сначала пошёл с Гучковым, потом с Керенским, потом с Исааком Голощёкиным? Если бы Иван Клещеев был один такой преступник, пошедший по революционному пути разрушения семьи, общества, государства, святых и светлых идеологических начал своего народа и создавший в семье, казалось бы, обеспечивавшей общество и государство от воспитания вора, хулигана, грязного негодяя и гнусного убийцы, можно было бы тогда искать причин в предопределении, в исключении — нет семьи без уroda, — в случайности и т.п. Но Иван Клещеев не один: таких, как он, русских людей, вышедших из не преступных семей и с увлечени-

ем и охотой пошедших по революционному пути разрушения России, свержения Царя, насилий и преступлений, оказалось много — десятки, сотни тысяч. Они оказались во всех слоях населения, во всех классах, кругах и партиях — от высших руководителей революции до её красоты и гордости — кронштадтской матросни. Будущая Россия, будущие историки эры жизни русского народа — свержения династии Романовых и трагической гибели Царствовавшей Семьи — будут вправе искать ответа на этот вопрос почему, так как только справедливое и сознательное разрешение его русским обществом может дать народу духовный, жизненный и творческий импульсы к своему возрождению из бездны, куда его повергли массы российских (хочется верить — временного лица) Иванов Клещеевых. Тогда только объективная и бесстрастная история вынесет справедливый приговор: кто виновен в разрушении России?» Помимо И. Клещеева, разумеется, были и сотни других революционеров, чья биография, строго говоря, не безупречна. Ответы на эти и другие вопросы пусть даст читатель. Мы привели факты, сотни и тысячи фактов (с двух и более сторон), а уж он пусть изволит сам дойти «до сути мироздания», до некоей истины святой, не обрекая на заклянье ни правду родины больной, ни сокровенные преданья имперской славы вековой, ни наши муки и страдания...

Каковы же объективные оценки результатов правления Николая II? Иные видят в нём чуть ли не героя, что привёл Россию к расцвету и благополучию. «Государь Император Николай II, не будучи ни гением, ни крупной личностью, но подлинным Хозяином Земли Русской, доводит Российскую Империю до небывалого расцвета во всех областях государственного управления...». Что можно занести в актив царя за 20 лет его нахождения во власти? Выпуск ли в обращение золотой монеты (1897)? Предложение ли ограничить мировую гонку вооружений (1898)? Указ об отмене ссылки заключённых в Сибирь на поселение (1900)? Указ о веротерпимости (1905) или указ о введении «судного закона» (1916)? А.М. Анфи-

«Матросня» Кронштадта

мов в статье «Царствование императора Николая II в цифрах и фактах» пишет, что факты никоим образом не позволяют оценить правление Николая и всей его камарилы как «благодать Божью». Те говорят совсем о другом, а данные, коими обычно оперируют ревностные защитники самодержавия (многие из них ещё вчера были, что довольно странно, ревностными коммунистами), имеют под собой по меньшей мере двойное дно, а то и сфальсифицированы. Так, восхваляемое золотое обращение означало для царской России рост кабальных займов; за них предстояло платить втридорога, а платить-то было нечем. Его начинания каким-то странным образом приводили к совсем противоположным результатам. Золотая монета стала миражом, превратилась в обесцененные ассигнации. Предложения о мире и прекращении гонки вооружений были проигнорированы мировым сообществом и наступил бум милитаризма. Россия роковым образом опоздала со стартом своих военных программ, начавших воплощаться накануне I мировой войны. Итогом стали проигранные им войны и третья, самая жуткая из них, гражданская. Указу о веротерпимости предшествовало Кровавое воскресенье, когда по приказу царя солдаты стреляли в иконы и хоругви, по сути дела расстреляв православную веру. Говорят: «Не знал, не ведал». Ложь. Весь Петербург, вся Россия знала, что намечалось, а он не знал? «Сухой закон» вылился в массовое безудержное пьянство, в пьяные погромы. Конечно, можно говорить о стадном инстинкте преступной толпы, как это делают социологи. Народа своего царь не знал. Как умилялось семейство Романовых нежным, почти родительским чувствам боцмана Деревянко, дядьки наследника цесаревича носившего больного цесаревича на руках. Но случилась Февральская революция. Вырубова пишет: «Я увидела матроса Деревянко, как он сидел, развалившись в кресле, и приказывал Наследнику подать ему то то, то другое. Алексей Николаевич с грустными и удивлёнными глазами бегал, исполняя его приказания. Этот Деревянко пользовался лю-

бовью Их Величеств: столько лет они баловали его и семью его, засыпая их подарками». Сегодня часто говорят о том, каким добрым и ласковым был царь. Как прост в обращении с народом. Действительно, тот же Юровский писал: «Заносчивости в семье кроме Александры Фёдоровны не замечалось ни в ком. Если бы это была не ненавистная царская семья, выпившая столько крови из народа, можно было бы их считать как простых и не заносчивых людей. Девицы, например, прибегали на кухню, помогали стряпать, заводили тесто или играли в карты в дурачки или раскладывали пасьянс или занимались стиркой платков (конечно, после ареста. — В.М.). Одевались все просто, никаких нарядов. Николай вёл себя прямо «по-демократически» несмотря на то, что как обнаружилось позднее, у него было в запасе не один десяток хороших новых сапог; но он носил сапоги обязательно с заплатами... Если посмотреть на эту семью по обывательски, то можно было бы сказать, что она совершенно безобидна». В том и дело, что это средней руки обыватель, в трудное для России время оказавшийся на троне великой империи. Обыватель на троне России — и только! Это трагедия!

В этом всё дело! Эти проявления нельзя рассматривать вне исторического контекста. Стоит привести слова Л. Толстого из «Войны и мира»: «Сердце царево в руке божьей. Царь — есть раб истории. История,

Николай II и его свита

то есть бессознательная, общая, роковая жизнь человечества, всякой минутой жизни царей пользуется для себя как орудием для своих целей». Зададим себе вопрос: «Что за политику проводили династии, король, царь, президент, диктатор, которая вызвала в народе такую непримиримую реакцию?» Народ не так безумен и дик, как это пытаются нам доказать марионетки буржуазии. Напротив. Он ценит мир и благополучие, хочет жить в добрососедстве и гармонии с окружающим миром. Если власть его отторгает и уничтожает, человек может возмутиться, стать опасным и неадекватным. Царь втянул страну в три войны, пролились реки крови. Он стал палачом своего народа. В конце концов, русский народ вовсе не случайно называл отца Николая II, Александра III — Миротворцем, его деда, Александра II — Освободителем, а Николая II — Кровавым! Если те или иные люди нарушают правила человеческой морали, возмездие за это последует неотвратимо... Есть социально-психологический закон — за зло воздают злом. «Око за око». У писателя М. Пришвина в дневнике есть замечательное наблюдение (1915): «Не понимаю, какая это может быть новая счастливая жизнь после войны, если после неё освободится на волю такое огромное количество зла. Зло — это рассыпанные звенья оборванной цепи творчества. А сколько во время войны рассыпалось творческих жизней!» Вот именно...

Горы бумаги исписаны о Николае II и его семействе... Но большей частью всё это сладкая ложь... Генерал Воейков утверждал: «...Личность Царя не была справедливо оценена его подданными... всю красоту его нравственного облика поймут только будущие поколения... Также поймут и оценят в будущем государя Николая II и все народы мира. Он пал жертвою натиска интернационалистов, встретивших единодушную поддержку со стороны чужестранцев: всем им было на руку падение великой России на пути к её расцвету и прогрессу под скипетром «Белого царя». Фарисеи и лжецы. Причём Романовых предали в первую очередь монархические круги и буржуазия, ибо никаких реальных планов по освобождению царской семьи не разработали и ими для этого «реально ничего не было сделано» (С.П. Мельгунов). Более того, именно они и сбросили его, а затем послали на

смерть. Ровным счетом ничегошеньки не сделали для спасения российской монархии и наши столпы «демократии». Спасение русской монархии как института власти было абсолютно не нужно и не выгодно ни тем, ни другим, ни третьим. У Солоневича хотя бы хватило порядочности сказать: «Может быть, на смертном одре своём Лавр Георгиевич (Корнилов) вспомнил о Царской Семье, которую арестовал именно он, которой бежать не удалось и которая погибла безмерно более страшной смертью, чем погиб Корнилов». А все эти предатели — Алексеев, Рузский, Гурко, Керенский, Миллюков! Когда государь требовал ввести части в Петербург (20 тысяч «фронтовых гвардейцев»), военные не допустили их в столицу, но заменили всю гвардию. А взять негодяев типа Львова, Гучкова, Коновалова, Протопопова и проч. и проч., замысливших переворот в начале войны, которую называли «Великой». Адмирал Бубнов сказал точно: «Это была измена. Заранее задуманная, заранее спланированная... Итак, все фигуры на шахматной доске заговора — самого трагического и, может быть, самого гнусного в истории человечества, были уже расставлены». И разговор был не столько против Николая II, сколько против России. Буржуазия верна себе. Авторы и участники пародии, живого фильма по имени «Николай II. Сорванный триумф» на ТВ вынуждены были выдавить частицу правды. Уж слишком широко известно предательство престола буржуазией. Отрекался — не отрекался?! Зададим вопрос: «Позвольте, что получается? Те круги и лица, что почти всем были обязаны монархии, являвшиеся плотью от плоти её, наплевали на своего «обожаемого монарха» и на его семейство. Они не только бросили семью и детей на произвол судьбы, но как-то уж очень подозрительно быстро отправили всех их в глубь Сибири, где те легко могли попасть в руки большевиков... Если это так, почему Советская власть должна была идти наперекор мнению масс народа, сохранять жизнь царю и его присным, тем, кто тогда оставался единственно реальным знаменем будущей контрреволюции в бескомпромиссной борьбе против Советов?»

Катастрофа и падение дома Романовых были предreshены, как и падение дома Аше-ров (у Эдгара По)... Возмездие, постигшее

Николая и семью, имеет в основании и свою историческую логику (если к истории применимо это понятие), как и казнь Якова и Людовика с Марией Антуанеттой. Николай II, «хозяин земли русской» (как он указывал в переписи 1897 г.), своими действиями шаг за шагом приближал себя, свою семью и многих родственников к мрачной бездне подвала Ипатьевского дома — под неминуемый расстрел. Царица же Александра Федоровна знала Россию только по книгам. Причём знала довольно поверхностно и плохо, вынеся из этих знаний разве что презрение к стране и народу, которыми и пыталась управлять с помощью мужа. Она повторяла: «Россия — не Англия... Здесь не нужно стараться завоевать любовь народа». Итог закономерен: как говорят, *caesarem licet standem mori!* (лат. — Цезарю дано показать, как надо умирать).

Площадь, где стоял дом купца Ипатьева, где произошло страшное убийство, названа «Площадью Народной Мести». Но сегодня на месте расстрела царя и семьи воздвигнут был Храм на крови. Иные восклицают: «И умученный Царь — Праведник станет тогда первой святыней России» (В. Кобылин). «Николай II ...будет иметь разум Христов, долготерпение, чистоту голу-

Храм на крови на месте дома Ипатьева

биную» (монах Амель). Гнев охватывает меня, когда я слышу постоянные и лживые стенания монархолобцев-фарисеев. Нас уверяют, что Николай II — дар Божий, «плод молитв, свидетельство о стремлении народа жить по законам Господним». Некая А. Ивашина, словно кликуша на паперти, уверяет нас, что Николай II был вовсе не «волком в овечьей шкуре», а был «одним из благочестивейших Царей, когда-либо занимавших Российский престол, доказавший верность Христу не только словом, но и всей своей жизнью». Они же пытаются убедить, что царь якобы «необходим народу Божьему, православному, без него народу трудно будет спастись». Ныне обнаружены останки цесаревича Алексея, княжны Марии — и буржуа, власть, церковь лобызуют «монаршью мощи», готовы «всех убиенных» причислить к лику святых. Но почему же не убитых крестьян и пролетариев? Мой бог! Нет ничего подлее и опаснее для будущего великой России псевдорелигиозных и псевдомонархических кликуш! Они намеренно опускают народ. Чтобы каляса, «тварь поганая», не смел поднять руку на сильных мира сего! Они страшнее открытых врагов России. Тех можно убирать и нейтрализовать. Эти гады норовят вынуть стержень из России. Норовят нынешнюю Россию превратить в царство убогих, покаленных, веки вечные «кающихся в грехах».

К счастью, молодежь честнее и умнее. Просмотрев мнения молодых людей в отношении царственных особ (в Интернете), видим: у большинства из живущих в Рос-

**Памятник Николаю II в Мытищи
(скульптор Клыков)**

сии к императору и его жене (не к их невинным детям!) нет чувства сожаления и раскаяния. Поэт Н. Рубцов писал: «Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны, но жаль мне поруганных белых церквей». Они говорят: почему никто не вспомнил людей, задавленных при коронации на Ходынке, где на поле площадью в 9 кв. км скопилось до миллиона человек (в ожидании царских гостинцев). Гиляровский был тогда на Ходынке... Он писал: «Над миллионной толпой начал подниматься пар, похожий на болотный туман... Давка была страшная. Со многими делалось дурно, некоторые теряли сознание, не имея возможности выбраться или даже упасть: лишенные чувств, с закрытыми глазами, сжатые, как в тисках, они колыхались вместе с массой...» Поле скорее походило на место для битвы. Итог «блистательного течения коронационных торжеств»: по официальным данным — пострадало 2690 человек, из них 1389 погибли. По данным репортеров, погибло не менее 5 тысяч человек. И ещё долго в окрестностях Ходынки подбирали трупы в беспмятстве бежавших с поля людей. Но никто не был наказан за преступление. «Помни, Ники, — сказал тогда пророчески императору великий князь Николай Михайлович, — кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей останется неизгладимым пятном на твоём царствовании (родственник царя, очевидно, располагал более точной информацией о количестве жертв). ...Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой царь пляшет, когда его погибших верноподданных везут в мертвецкую». Вы думаете, что по случаю страшной трагедии царь отменил дальнейшие торжества и объявил в стране траур? Как бы не так... «...Случился великий грех: ...произошла страшная давка, причем ужасно прибавить — потоптано около 1300 человек», — пишет царь в дневнике. И тут же дописывает в духе светского раута: «Обедали у Мама. Поехали на бал к Монтебелло (к французскому посланнику)». Совсем недолго кручинился Николай II... Но уже после Ходынки «над самою цар-

Празднества на Ходынке

скую четою как будто повисло какое-то небесное непрощение», — сокрушался по поводу судьбы царя А. Солженицын. Так же повел себя после гибели верного ему Столыпина. Дочка Деникина скажет в воспоминаниях: «Почта из Киева сообщала о безнадежном состоянии раненого. Казалось бы, парад следовало отменить. Но не тут-то было, ведь на нём должен был присутствовать сам царь! Когда парад закончился, генералов и полковников пригласили во дворец, где состоялся обед. Единственная уступка, сделанная в память умирающего главы правительства, — на обеде не было музыки...Настроение во время обеда было

Жертвы давки на Ходынке

мрачным». Бессердечная тварь... Почему же царь никогда не вспоминал десятки тысяч солдат и матросов, бессмысленно погибших под Ляояном, Мукденом, в осажденном Порт-Артуре, Желтом море, Цусимском сражении? Погибли несколько сотен механиков и кочегаров с броненосца «Ослябя», когда тот перевернулся и пошел ко дну! Мученическая смерть в наглухо задраенных кочегарках и машинных отделениях... А те 3000 человек команды с новейших броненосцев типа «Бородино», с которых, если не считать штаб адмирала Рождественского, спаслось несколько человек?! Судьбы простой «матросни» царя мало интересовали — и 19 мая он заносит в дневник: «Теперь окончательно подтвердились ужасные известия о гибели почти всей эскадры в двухдневном бою. Сам Рождественский, раненный, взят в плен!!» Почему умалчивают о жертвах: о Кровавом воскресенье, о подавленной смуте 1905—1907 гг., которая во многом обусловлена проигранной Русско-японской войной? Почему не вспомнят о Ленском расстреле, о преступном ведении Первой мировой войны, о миллионах убитых в сражениях этой не нужной ни России, ни её народу войны?! Да, Николай собственными руками, выкопал могилу себе и семье. Хотя и семейство относилось к нему даже не с неприязнью, а с неприкрытой ненавистью. Родзянко вспоминал, как накануне Февральской революции ему позволила среди ночи великая княгиня Мария Павловна, вдова великого князя Владимира Александровича (дяди Николая), прося о встрече. Приняв её, тот был ошарашен.

Трезвость Николая II

Кого славим!?

Та заявила, имея в виду императрицу: «Её необходимо уничтожить». Попытки устранения царя и его супруги (довольно вялые) предпринимались и другими членами «дружного семейства» Романовых. Учитывая всё это, надо бы поразмыслить над тем, так кто же, в конце-то концов, «рубил под самый корень» (слова Г. Федотова в отношении царя) Российскую империю. Если правы те, кто считает, что история пишется победителями, то уж губится она, абсолютно точно, — ничтожествами... За годы правления Николая во время подавления восстаний и разгона демонстраций было убито 17 582 и ранено 28 051 человека. В течение 1905—1912 гг. в тюрьмах умерло 30 424, кончили самоубийством 928 человек. Масштабы репрессий, особенно после революции 1905—1907 гг., были таковы, что современники писали: «Чуть не в каждой семье имеются близкие люди, которых так или иначе задело маховое колесо русской истории последних лет, кровавых, беспощадных и страшных». У таких царей всё идет шиворот-навыворот. Он проиграл две войны и фактически вызвал третью, самую лютую — Гражданскую, ибо вся его политика уступок Западу, продажи интересов России привела к революциям и войнам. Именно он — главный виновник той трагедии, что обрушилась на России. И даже отмена ссылки в Сибирь закончилась тем, что в Сибирь сослали самого Николая, а столь воспеваемый

апологетами «сухой закон» завершился крахом российского государства (двое пытались ввести сухой закон — Николай II и Горбачёв — и обе империи пали).

Невинных детей, конечно, по-человечески жаль, но не расстрелянного большевиками царя и его преступной жены. Господа, хватит лгать народу! Правителей нужно приучать за совершаемые преступления платить своей головой! С. Булгаков, уехав на философском пароходе в Европу, вдруг прозрел: «Нельзя безнаказанно приближаться к России и русскому народу» («Дневник»). Не о том говорит философ. Нельзя безнаказанно убивать, грабить и угнетать народ. За это надо расстреливать! Сущность правления Николая II метко и точно охарактеризовал К.Д. Бальмонт. Как признался поэт, в декабре 1905 г. он «принимал некоторое участие в вооружённом восстании Москвы, больше — стихами». Примерно в 1906 г. он же напишет и своё знаменитое стихотворение «Наш царь». Хотя впоследствии Бальмонт не примет власти большевиков — и уйдёт в эмиграцию.

*Наш царь — Мукден, наш царь —
Цусима,*

*Наш царь — кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму — темно.*

*Наш царь — убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь — висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.*

*Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждёт.
Кто начал царствовать — Ходынкой,
Тот кончит — встав на эшафот.*

Пора уж признать всем, царская империя Романовых к тому времени полностью исчерпала себя. Она давно была, честно говоря, не русским государством. Революция это новое изгнание варягов. Началась история дома Романовых в Ипатьевском монастыре и закончилась в доме Ипатьева. Предвидение этого есть в словах поэта Ф.И. Тютчева... В письме к жене 17 сентября 1855 г., написанном вскоре после поражений армии Николая I под Севастополем, он признавался: «Никогда ещё, быть может,

не происходило ничего подобного в истории мира: империя, великая, как мир, имеющая так мало средств защиты и лишённая всякой надежды, всяких видов на более благоприятный исход... Чтобы получить более ясное понятие о сущности этой борьбы, следует представить себе Россию, обречённую только одной рукой отбиваться от гигантского напора объединившихся Франции и Англии, тогда как другая её рука сдавлена в тисках Австрии, к которой тотчас примкнёт вся Германия, как только нам вздумается высвободить эту руку, чтобы попытаться схватить теснящего нас врага... Для того чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался и всё упустил, умудрившись завязать борьбу при самых невозможных обстоятельствах. Если бы кто-нибудь, желая войти в дом, сначала заделал бы двери и окна, а затем пробивал стену головой, он поступил бы не более безрассудно, чем

Памятник жертвам царя Николая II

Кукрыниксы. Мы, Николай II, милостью пушек, нагаек, пулеметов

это сделал два года назад незабвенный покойник. Это безрассудство так велико и предполагает такое ослепление, что невозможно видеть в нём заблуждение и помрачение ума одного человека и делать его одного ответственным за подобное безумие. Нет, конечно, его ошибка была лишь роковым последствием совершенно ложного направления, данного задолго до него судьбам России, — и именно потому, что это отклонение началось в столь отдаленном прошлом и теперь так глубоко, я и полагаю, что возвращение на верный путь будет сопряжено с долгими и весьма жестокими испытаниями». Сказанное великим русским поэтом 60 лет назад затем развилось в огромную и злокачественную опухоль, имя которой Романовщина...

Горький был, конечно, прав, говоря «о звериной психологии монархизма». Есть логика и в его объяснениях причин жестокости большевиков. По его словам, следовало бы крепко помнить, что те воспитаны насилием и убийствами, поскольку при царе власть за свои преступления не несла ответа. Он писал: «...при монархии за массовые убийства никого не судили, не наказывали. Никого не судили и за убийство тысяч людей 9 января 1905 г., за расстрел ленских и златоустовских рабочих, за избивание ваших товарищей очаковцев, за все те массовые убийства, которыми была так богата монархия», называл «кровавой отрыжкой старины».

Помнится, в одном из рассказов Бабеля есть герой, красноармеец Лютый, который, убив гуся, ощущает, как его сердце, «обогрëнное убийством, скрипело и текло». Лютов хоть и красный боец, но интеллигент и гуманист... Но почему у сотен тысяч людей, считавших себя солью земли Русской, не возмутилось сердце?! При виде массовых убийств и издевательств над десятками и сотнями миллионов людей? Возмутилось! И случилась Великая Народная революция! И после этого находят-ся люди, — я их называю юридические истории — что пытаются убедить наш народ и весь мир: Николай II «чист как кристалл» (окружной прокурор Руднев: «Я просмотрел все архивы Дворцов, Личную переписку Государя и могу сказать: Император — чист как кристалл»).

Вот и историк А. Боханов, на пару с зам. директора Ин-та российской истории Лавровым и сионистом Сванидзе, присяжными поверенными коррумпированной буржуазии, истово «бьют себя в грудь», доказывая на телевидении в «Русском вопросе» (15.11.2009), что и Николай II и царица «абсолютно безукоризненны» в нравственном

И.Я. Билибин. Царь Горох. 1905 г.

отношении. Причём, Боханов (вроде серьёзный учёный?) тут же небрежно отмахивается: мол, не знаю, что там было за пределами царского дворца. Это и неважно! Поразительно... И они ещё «ходят в историках»! Неважно, что там «за пределами»: Кровавое воскресенье, Ленский расстрел, Ходынка, начатые и проигранные войны, горы трупов?! Плевать! «Безукоризненен» — и всё тут! Господа эти охотно готовы причислить к «святым» и Распутина! Даже вопреки мнению нашей Церкви! И какой апломб!

Полагаем, что ни один из тех, кто размазывает сегодня буржуазно-монархические и псевдодемократические сопли, честного ответа не дал и не даст... И наблюдать, как буржуазный барин Михалков (вроде бы не без таланта), что «за всю Россию решил», тоном раскаявшейся проститутки умиленно зовёт умирающего Столыпина, осеняющего слабеющей рукой царя-батюшку, честному человеку тошно. А надо ли удивляться! Вытаскивая на свет кровавые тряпки монархизма, эта продажная публика (дьявольски хитрые и подлые ребята!) желает скрыть за ними преступления строя нынешнего. Призывали к власти в России воров, бездарностей и скотов. И хотят царя в лице буржуазии! Но поколение этих предателей народа не знает слов чести, веры, преданности.

Означает ли это, что мы отвергаем великую созидательную роль империи, само-

И. Шадр. Булыжник — оружие пролетариата

державия в нашей истории, во всей многовековой истории России? Боже, разумеется, нет... Сколько истинных талантов обрело жизнь под её сенью. Немало тех, кто, как писал последний из царскосельских лебедей поэт Анненков, при словах «дворянская культура», «серебряный век», «империя» даже воскликнут: «Скажите Царское Село — и улыбнёмся мы сквозь слёзы...»

Что же касается палачей-цареубийц, то их настигло возмездие... Медведев умер в тюрьме 14 марта 1919 г., от тифа, что тогда свирепствовал в Сибири. Ваганов был опознан крестьянами во время бегства красных и убит на месте. Судебный следователь не имел возможности его допросить. Юровский с ума не сошел, но затем сгинул в застенках ВЧК (говорят, убит якобы Берией). Ленин сошёл с ума. Что же касается главного «героя» массового уничтожения семейства Романовых, Свердлова, по одним данным, тот умер от простуды, полученной во время выступления на митингах, по другим — «красный сатрап» был забит до смерти в Орле возмущёнными рабочими. Свердлов из поездки в провинцию вернулся в Москву 8-го числа. О том, что он «тяжело болен» было сообщено 9-го, т.е. сразу же после его приезда из Орла. Считали, что

Яков Свердлов (Янкель Розенфельд)

он простудился, но в вышедшем в 1994 г. в Москве справочнике «Кто есть кто в России и бывшем СССР» написано: по официальной версии — Свердлов умер после внезапной болезни. В народе говорили, что смерть последовала за нападением на него рабочего на митинге. По советскому телевидению показали документальный фильм, где видно, что голова главы ВЦИКа забинтована. Возможно, след булыжника — так сказать испытанного «оружия российского пролетариата» (1987). Рабочие бросились на Свердлова, когда прибыла помощь, ему уже нанесены смертельные повреждения; и вскоре он умер от сотрясения мозга. Правду скрыли от народа. Это бывало. Официальный вердикт: он умер от воспаления лёгких, схваченного при «героическом исполнении служебных обязанностей». «Поражённые твои не мечом убиты, и не в битве умерли» (Исайя. гл. 22, 2). «Неужели Я не накажу их за это? Говорит Господь; не отомстит ли душа Моя такому народу, как этот?» (Иеремия. гл. 9, 9) За кровь многих, русских и не русских, поколению победителей придётся, как мы знаем заплатить — и это «приглашение на казнь» последует от вчерашнего соратника! И ещё символический знак... В день отказа Николая II от трона и краха самодержавия в подклетах собора в селе Успенском нашли икону Богородицы державной, которая, видимо, попала сюда из Кремля при нашествии французов (1812). Не дал ли тем самым Господь некий знак, что устранение Романова угодно истории и не означает краха державы?!

Некоторые останки Романовых, погибших от рук большевиков оказались в Китае, в Свято-Серафимовском храме в Пекине (родная сестра императрицы, вел. кн. Елизавета Фёдоровна, вел. кн. Сергей Михайлович, сыновья вел. кн. Константина Константиновича, граф В.П. Палей и др.). Некоторые Романовы успели сбежать за границу из Крыма, на борту английского крейсера «Мальборо». Вел. князь Николай Николаевич обосновался во Франции. В 1923 г. он переехал жить в имение Шуаньи, что в 20 км от Парижа. По приказу президента Франции Пуанкаре, по прибытии его встречал почётный эскорт зуавов. «Монсеньора ле гранд дюка» французы горячо приветствовали... Великий князь привёз с собой во Францию не только семью, но и бли-

жайшее окружение, включающее: князей и врача (Шереметев, Оболенский, Мелама), в том числе и слуг: повара, камеристок, садовника, прачек, 2 шоферов, охрану, офицеров, ординарцев и т.д. Подобной obsługi набралось в общей сложности — более 30 душ. М. Елагин в документальном романе «Соль чужбины» писал: «Хозяйство велось бестолково, денег, — особенно в первые годы, — не считали. За стол на обеих половинах усадьбы (барской и для челяди) садилось ежедневно до полусотни едоков... Содержание «двора» и «резиденции» стоило Николаю Николаевичу десятки тысяч франков в месяц, но создавало видимость сохранения определённой власти, устойчивости положения за границей, соблюдения всех, даже и неписаных положений и правил, требуемых для *monsieur le Grand duc*. Наличных денег вечно не хватало. Заведующий «финансовой частью» великого князя барон Вольф продавал золото, бриллианты, фамильные драгоценности. Изредка снабжал средствами и «посол» русского дипломатического корпуса, Гирс, всё ещё представляющий Россию в Европе. (Но и там) Николай Николаевич оставался охотником, лошадиником, собачником...» Скажите же, как мило... Россия пухла с голоду, неся страшный и мученический крест, последствия развязанных царём войн, а великий князь Романов жил на широкую ногу. Одна из русских газет переименовала князя Николая из «Гранд дюка» в «Гранд ин-дюка»... Что же касается императрицы Марии Фёдоровны (Дагмар), в апреле 1919 г. та поднялась на линкор «Мальборо», присланного за ней британским правительством и, взяв на борт всех своих близ-

Принцесса Дагмар — русская императрица

*Перезахоронение Дагмар в 2006 г.
С.-Петербурге*

ких и прислугу, отплыла в Данию. Нынче её прах вернулся из Дании в Россию, где благополучно с миром покойся рядом с прахом мужа, императора Александра III.

Большевики пристрелили изменника, предателя родины, палача России, отступившегося от народа и своей страны. Помните: Хозяин Земли Русской должен отвечать за всё, что совершил на её земле! Однако народ усиленно продолжают терзать вопросом «Может ли вернуться монархия?» «Реставрация монархии в России возможна» (С. Берри). Вероятность такого исторического поворота близка к нулю. Дважды нельзя войти в одну реку. Века монархий ушли и не вернуться. Иными стали люди, сознания и эпохи. Речь может идти лишь о диктаторе, о человеке, имеющем абсолютно уникальный набор качеств знаний, ума, таланта и воли... Хотя полна смысла фраза Дж. Пасоса: «Свободное общество не бывает идеальным, идеальной может быть только абсолютная тирания». В 2006 г. адвокатом вел. кн. Марии Владимировны Г. Лукьяновым был получен ответ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 2.02. 2006 г. № 12/13-3849-96 за подписью начальника Управления по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами О.Т. Анкудинова, следующего содержания: «Уважаемый Герман Юрьевич! Ваше обращение по поводу реабилитации бывшего Императора России Николая II и членов его семьи рассмотрено. Обстоятельства гибели бывшего Императора России Николая II, членов его семьи и лиц из их окружения тща-

тельно исследовались в ходе проведенного Генеральной прокуратурой Российской Федерации расследования. Достоверных свидетельств существования каких-то официальных решений судебных или не-судебных органов о применении к погибшим репрессии по политическим мотивам, как того требует действующее реабилитационное законодательство, не имеется, что не позволяет нам, руководствуясь им, признать погибших жертвами политических репрессий и принять решение об их реабилитации». Реабилитировать монархию не удастся.

Глава 16. Борьба большевиков против националистов, сепаратистов и предателей России

Особое место занимает борьба большевиков против сепаратистов и предателей... Слова Ленина о праве наций на самоопределение некоторые народности и народы

России восприняли как сигнал о праве наций на отделение... Такая ситуация сложилась и на Украине, что быстро «созрела для самостоятельности»... Торфяник национализма тлел тут давно. Пожалуй, ещё с Мазепы, Шевченко, Кулиша, Костомарова делаются попытки разорвать единый народ на три части — русских, белоруссов, украинцев. Среди них был и известный историк Н.И. Костомаров, *enfant miracleux*. Став студентом Харьковского университета, он увлёкся классической древностью, французской литературой (1833). В 1835 г. на кафедру всеобщей истории в Харькове явился декабрист Лунин. Отчасти под его влиянием и стал складываться у Костомарова взгляд на историю, отличавшийся от господствующих тогда среди большинства историков воззрений. В противоположность истории государства преобладающей в работе Костомарова стала история народа и его духовной жизни. Видоизменяя понятие о содержании истории, он раздвигал и круг её источников, изучал её «не только по мёртвым летописям и запискам, а и в живом народе». Верный путь к созданию правдивой истории. В самой жизни и деятельности великого украинского и русского историка нашли отражения противоречия эпохи. Костомаров выдержал магистерский экзамен (1840), напечатал диссертацию «О значении унии в Западной России». Назначенный диспут, увы, не состоялся. Архиепископ Харьковский И. Борисов сообщил о «возмутительном» содержании книги. Речь шла о нескольких неудачных выражениях, но проф. Устрялов, по поручению министерства народного просвещения разбиравший труд Н.И. Костомарова, дал о нём столь разгромный отзыв, что книгу велено было сжечь. Костомаров пишет другую диссертацию: «Об историческом значении русской народной поэзии», которую он и защитил в начале 1844 г., приступив затем к написанию труда по истории Богдана Хмельницкого. Желая побывать в местах, где происходили описываемые события, определился учителем гимназии в Ровно, потом в Киеве. В 1846 г. совет Киевского университета избирает его преподавателем русской истории, вскоре Костомаров начал свои лекции, вызвавшие сразу глубокий интерес слушателей. В Киеве и Харькове возник кружок лиц, преданных идее народ-

ности и намеревавшихся проводить эту идею в жизнь (П.А. Кулиш, Аф. Маркевич, Н.И. Гулак, В.М. Белозерский, Т. Шевченко). Члены кружка мечтали о крепком общеславянском братстве, понимая под этим, скорее, прогресс собственного отечества — то есть независимой Украины.

«Взаимность славянских народов, — писал позже Костомаров, — в нашем воображении не ограничивалась уже сферой науки и поэзии, но стала представляться в образах, в которых, как нам казалось, она должна была воплотиться для будущей истории. Помимо нашей воли стал нам представляться федеративный строй, как самое счастливое течение общественной жизни славянских наций». Кружок преобразует позднее в общество, получившее название Кирилло-Мефодиевского. Но по доносу члены кружка были арестованы, обвинены в государственном преступлении против России, против монархии и подвергнуты различным наказаниям (1847).

Костомаров, просидев год в Петропавловской крепости, был «переведён на службу» в Саратов и отдан под надзор местной полиции. В будущем ему воспрещалось как преподавание, так и печатание произведений. В Саратове он продолжал писать «Богдана Хмельницкого» и начал работу о внут-

Русский историк Н.И. Костомаров

реннем быте московского государства XVI—XVII веков, совершал этнографические экскурсии, собирал песни, предания, знакомился с раскольниками, сектантами... После смерти Николая I ему дозволен был отпуск в Петербург, которым он воспользовался для окончания труда о Хмельницком. В 1856 г. отменяет запрещение печатать его сочинения. Снят был и надзор. Совершив поездку за границу, Костомаров поселился в Саратове, где написал «Бунт Стеньки Разина», работая делопроизводителем губернского комитета. Наконец, в 1859 его пригласят занять кафедру русской истории в Петербургский университет. Тяготевшее над ним запрещение на педагогическую деятельность сняли по ходатайству министра Е. Ковалевского, и в ноябре 1859 г. Костомаров открыл лекции в университете. То пора наиболее интенсивной работы в жизни, наибольшей его популярности. Известный русской публике как талантливый писатель, он выступил теперь и в качестве профессора. Костомаров так формулировал основную

идею лекций: «Вступая на кафедру, я задался мыслью в своих лекциях выдвинуть на первый план народную жизнь во всех её частных проявлениях... Русское государство складывалось из частей, которые прежде жили собственной независимой жизнью, и долго после того жизнь частей высказывалась отличными стремлениями в общем государственном строе. Найти и уловить эти особенности народной жизни частей русского государства составляло для меня задачу моих занятий историей». Под влиянием сей идеи у Костомарова сложился свой взгляд на историю образования Московского государства, резко отличавшийся от того, который утверждала у нас славянофильская школа и историк С.М. Соловьев. Мистическое преклонение пред народом, как и одностороннее увлечение идеей государственности ему было чуждо. Костомаров старался не только раскрыть условия, приведшие к образованию московского государственного строя, но и определить характер этого строя, его отношение к предшествовавшей ему жизни и его влияние на народные массы. Но история московского государства рисовалась ему в более мрачных красках, чем в картинах других историков. Некоторые выводы он излагал в печати, чем навлек на себя неудовольствие и нападки многих. Он даже вынужден принять вызов Погодина на публичный диспут по вопросу о происхождении Руси, которую Костомаров выводил из Литвы, что было, конечно, нелепо. В университете тем не менее его лекции пользовались неслыханным успехом и привлекали массу слушателей.

В эту же пору Костомаров был избран членом археографической комиссии и предпринял издание актов по истории Малороссии XVII в. Подготавливая документы к изданию, он начал писать по ним ряд монографий, которые должны были в итоге составить историю Малороссии со времени Хмельницкого. Эту любимую им работу он и будет продолжать до конца своей жизни. Он принимал участие и в журналах («Русское Слово», «Современник»), печатал там отрывки лекций и исторические статьи. После вызванного беспорядками 1861 г. закрытия Петербургского университета несколько профессоров, включая Костомарова, устроили в Думе систематические публичные лекции, известные в печати под

Богдан Хмельницкий

именем Вольного университета. Костомаров читал лекции по древней русской истории. Когда проф. Павлова после публичного чтения его лекции о тысячелетии России выслали из Санкт-Петербурга, комитет по устройству лекций решил прекратить их, в виде протеста. Выйдя из состава профессоров Петербургского университета (1862), Костомаров не мог более вернуться на кафедру, так как политическая благонадежность его была под подозрением. После таких ударов судьбы Н.И. Костомаров охладел к изучению современности, окончательно уйдя в изучение прошлого, в свою архивную работу. Таковым было положение этого одного из талантливейших историков императорской России в XIX в.

«Ошибка — условие жизни», — писал Ницше. Полагаем, что некоторые ошибки Н. Костомарова, П. Кулиша и их единомышленников происходили из сложности самой истории России. И их личной судьбы. Разные ветви братских народов имели порой и различные мнения относительно судеб нации. Поэтому иные авторы оспаривали распространённые в обществе убеждения, что малороссы с белорусами и великороссами составляют единый народ. Хохлы хотят вести в начальных школах преподавание «на

украинской мови», чему сопротивлялась Россия, считавшая украинский язык диалектом русского, и не более. В 1863-м и 1876 г. был издан указ, запрещающий концертно-театральные представления на украинском языке, печатание газет, общественно-политической, духовной литературы. Закрыт был и киевский отдел Русского Географического Общества, считавшегося центром украинофильства. Правда, разрешалось печатать на украинском языке исторические памятники и беллетристику. Историко-филологические споры нашли отражение и в политике, став полем жестоких споров. Тем более большинство украинофилов уже познакомилось с тюрьмой (Т. Шевченко, П. Кулиш, Н. Костомаров, В. Белозерский, М. Драгоманов, П. Чубинский), испытав на себе «прелести» внимания жандармов, включая путешествия «в места не столь отдаленные». Причины для конфронтации были.

*Повернувся я з Сибірі,
Та не маю долі,
Хоч, здається, не в кайданах,
Та не маю волі.*

Проф. О. Миллер возражал против того, что «южным братьям не дают Божьего слова читать на родном языке». И всё же лучшая часть украинского народа, прежде всего люди талантливые и просвещённые, не мыслили себя вне границ русской культуры и государственности. И тогда на Украине было немало умных людей, даже националистов, понимавших исключительную важность сохранения общей с русскими судьбы (языка, культуры, единой веры, границ, экономик). К примеру, даже такие серьёзные работники на ниве родного слова, как Б.Д. Гринченко (Словарь Украинской Мови), предпочли ограничить его деятельность скромными рамками «собрания живых и художественных сокровищ речи, не выступая на скользкий путь создания украинского литературно-научного языка». И по мере того как глупость полной украинизации Малороссии становилась очевидна для наиболее умной части элиты Украины, та пересмотрела пещерные взгляды. Так, показательна позиция ряда лидеров украинофилов. Скажем, П. Кулиш и Т. Шевченко считались как бы апостолами «национального» возрождения. В украинофиль-

Тарас Шевченко

М. Михновский**М.С. Грушевский****П. Кулиш**

ских домах их портреты всегда висели вместе. Кулиш был «фанатиком Малороссии». Вдруг неожиданно он умолкает, сходит со страниц печати почти на десять лет, а в 1874 г. выходит в свет его книга в трёх томах «История воссоединения Руси», где он камня на камне не оставляет от украинофильской идеологии, вскрывает её сепаратистскую, антинациональную сущность. К концу жизни прозрение приходит и к Костомарову. И только Т. Шевченко так и умер злобствующим русофобом. При Николае II на Западной Украине объявился целый ряд основателей самостийности Малороссии, самым известными из них был М.С. Грушевский, проживавший во Львове, столице австрийской провинции, центре королевства Галиции и Лодомерии, или просто Галиции. Грушевский получил место в университете Львова, став единственным украинским профессором во Львове. Он называл себя научным представителем галицийских украинцев и посвятил свою жизнь сознательной, но лживой фальсификации истории России... Пан Грушевский трактовал историю западнорусских земель как исключительно бесспорное угнетение «украинцев» русскими. Переяславское присоединение к Москве, на его взгляд, разумеется, было никакое не подданство, а «протекторат». Бедные же «украинцы», конечно, были жестоко обмануты «москалями», все царские воеводы и чиновники — сатрапы, что помыкают «украинцами». Непосильные поборы и введение крепостного права — всё это дело рук ко-

варных «москалей». Грушевский образовал партию, названную им «народно-демократической», и с 1894 г. переселился в Галицию, став там председателем панукраинского Наукового товарищества им. Шевченко. Оно поддерживалось главным образом на деньги австрийского правительства. В Галиции он сразу же повёл активную антирусскую работу, ходатайствуя перед австрийским правительством о замене русской азбуки фонетической транскрипцией. Пожелал насадить всюду на Украине «украинську мову». Обоснование такой замены Грушевский объяснял с чисто антирусских позиций: «Галиции и лучше и безопаснее не пользоваться тем самым правописанием, какое принято в России». Самостийники отказываются и от общерусского языка, на котором создана великая литература Пушкина и Гоголя, заменяя его простонародным малоросским жаргоном. В жёсткую опалу попадает и тысячу лет используемый в церковном служении церковнославянский язык, который они предполагают заменить украинской мовой. Судьба Грушевского — обычная судьба изменника в России. Его затем уличили в сотрудничестве с врагом и арестовали в 1914 г. Господина этого ждала заслуженная им ссылка в Сибирь, но по ходатайству либерально-масонских кругов России ссылку заменили высылкой в Москву.

Другая колоритная личность — М. Михновский. В 1900 г. он выступил в печати с книгой «Самостийная Украина». Историки отмечают, что он фактически один из не-

многих, кто выступал весной 1917 г. с крайне радикальных или даже террористических позиций за «самостийну Украину». «Хитреных и осторожных грушевских Михновский страшно пугал своим радикализмом. Тем более, что в молодости он отметился еще и организацией взрыва памятника Пушкину в Харькове. В мемуарах Грушевский называет Михновского неврастеником и фашистом, хотя никакого фашизма весной 17-го не было ещё не только в Украине, но даже на родине фашизма — в Италии. Однако эта стилистика позволяет судить о методах, которыми председатель Центральной Рады предпочитал даже задним числом уничтожать своих бывших противников». Когда открылся Украинский военный съезд, его участники заспорили, кто возглавит национальные формирования — Центральная Рада или, как говорил Грушевский, «наші фашисти, Михновський и К°». Спор тогда решили, как это делается порой и сегодня в Раде: Грушевский просто выпихнул конкурента Михновского, буквально «в зад».

Впрочем, националистические и антирусские силы активно проявили себя на Украине уже в самом начале мировой войны. Во Львове сразу были созданы националистические центры — Главная Украинская Рада во главе с К. Левицким, М. Павлыком, Д. Донцовым, А. Жуком и пр. Они открыто призывали украинцев нанести удар в спину воюющей России как противника украинской государственности. В обращении Рады к нации 3 августа 1914 г. содержался призыв: «Пусть на руинах царской империи взойдёт солнце великой Украины!»

В 10 утра 2 марта 1917 г. в Киевской городской думе получили телеграмму об от-

речении Николая II (её послали так называемые «прогрессисты»). «История подала Киеву сигнал к началу, — писал очевидец событий М. Булгаков. — И началось и продолжалось в течение четырех лет. Что за это время происходило в знаменитом городе, никакому описанию не поддаётся. Будто уэльсовская атомистическая бомба лопнула под могилами Аскольда и Дира, и в течение 1000 дней гремело и клочкотало и полихало пламенем». Через два дня три умеренно левые партии — Украинская социал-демократическая рабочая (меньшевики), Украинская партия социалистов-революционеров, Украинская партия социалистов-федералистов — выступили инициаторами создания Центральной рады. Разумеется, никаких всенародных выборов на Украине власти не проводили.

Возглавили новую власть вышеупомянутый пан М. Грушевский, а также писатель Вл. Винниченко. 10 июня Центральная рада издала Универсал о независимости, где было заявлено: «Отныне мы сами будем творить нашу жизнь». Ослабевшая Россия оказалась в очень сложной ситуации. Расцвет сепаратизма был неизбежен. 22 января 1918 г. была провозглашена независимость Украины, её называют «генеральной репетицией» галицийских сепаратистов. Надежды большевиков, что Всеукраинский съезд советов, собиравшийся в Киеве в конце ноября, поддержит на Украине советскую власть, лопнули. Большинство делегатов вместо этого поддержали Центральную раду. Рада стала делить Черноморский флот, подняв на бывших русских кораблях украинские стяги, как нынче власть в Киеве претендует на Севастополь и Крым. Тогда делегаты-большевики, понимая, что трудовой народ юга и юго-востока Украины терпеть не может польско-немецко-австрийских подстилок, 12 декабря провели в индустриальном Харькове свой собственный съезд. Харьков с тех пор и стал считаться «колыбелью советской власти на Украине». А чтобы не дать жовто-блакитной контрреволюции прочно закрепиться на нашей общей и родной земле, туда (молодцы!!!) направили шесть тысяч красногвардейцев и матросов под командой Владимира Антонова-Овсеенко. В первых же числах января красные перешли в наступление... 27 января Рада тут же обратилась к

Парад по случаю «незалежности» Украины

**Скоропадский с Гинденбургом
и Людендорфом**

Немецкие войска в России

Германии и Австро-Венгрии с просьбой о военной помощи, пообещав им взамен поставки угля и хлеба. Так что в «марше к свободе» самостийникам помогали немцы. 9 апреля 1918 г. генерал Гофман писал о взятии Харькова: «Мы заняли Харьков. Мне никогда и не снилось, что этот город когда-либо будет занят германскими войсками...» Украина, страна вольных козаков, что «умеют биться на Русской земле», так красочно описанная пером гениального Гоголя, вновь оказалась в чужих руках. Ранее хозяевами были поляки, а в 1918 г. тут всем стали заправлять немцы. Один из свидетелей заседаний правительства Скоропадского писал, что оно «почему-то отдавало оперетткой», и тут же объяснял причину: «Настоящая власть чувствовалась у немцев». С приходом сюда НАТО всем тут будут заправлять американцы, если не остановить силой предателей и врагов славянства!!!

Петлюра и Скоропадский выступали за самостийную Украину, чтобы «без москаля». Петлюра постарался стравить украинцев с ненавистными ему «москалями». Он готов был пойти на поклон хоть к немцам, хоть к польским панам, хоть к чёрту лысому, да к кому угодно, только бы усидеть на шее у народа Украины... А ведь недавно говорил сразу после начала Первой мировой войны: «Украинцы защищают и будут защищать Россию, понимая, что без неё национальная самобытность народа будет утеряна»... Скоропадский тут же вступил в тесные отношения с оккупантами-немцами, с войсками генералов Гинденбурга и Людендорфа. Как всегда, знать Украины открыто предавала свой народ. Петлюра заключил в апреле

1920 г. договор с Пилсудским о совместных действиях против Советской России. Превозносимый нынешней властью в Киеве Петлюра был насильником и убийцей. С ним пришли убийства и грабежи... За 1,5 месяца его нахождения у власти убито 400 человек. Убит был и участник русско-турецкой, Русско-японской и Первой мировой войн генерал от кавалерии Ф.А. Келлер, «первая шашка России» (якобы, «при попытке к бегству»). Его бриллиантовую Георгиевскую саблю, заслуженную в боях за Россию, убийцы поднесли пану Петлюре, въехавшему в Киев на белом коне. Украину захлестнула волна национализма и русофобии. Все не владеющие «рідною мовою» изгонялись из учреждений. В своей декларации новая власть решительно заявила о полном разрыве с самой идеей федерации с Россией. За одно только упоминание о федерации с братским русским народом Петлюра пообещал карать «по законам военного времени». Войска из Галичины занялись закрасиванием надписей и вывесок на русском языке по всему городу. В советской историографии, в энциклопедиях, словарях Симона (Семён) Петлюру называют контрреволюционером. Так оно и есть, хотя в Директории он и представлял социал-демократическую партию, принимая решения с левыми революционными эсдеками (Винниченко) и эсерами. Петлюра, сын извозчика, изгнанный из бурсы семинарист, был энергичным политиком, членом Рады. Украина с провозглашением государственной независимости потеряла почти всю территорию. Его политика была выгодна и врагам России — Австро-Венгрии, Германии, Польше.

Генерал Ф. Келлер

Враги России и Украины, включая «элиту» Украины, были чрезвычайно заинтересованы, с одной стороны, в том, чтобы оторвать Украину от России, с другой, вовсе не желали видеть в ней самостоятельного субъекта на международной арене. Рассматриваемое нами время замечательно тем, что тогда многие политики Запада не скрывали своих намерений. Россия была по сути дела повержена и стесняться уже не было надобности. Тут впереди шли немецкие генералы с их прусской прямоотой и бесцеремонностью. Хотя между разными лицами в их армии и политике существовали разногласия по данному вопросу. Скажем, командующий армейской группой генерал Эйхорн и посол Мумм хотели бы подыскать Украине послушного гетмана, который чётко выполнял бы все установки немцев. Эйхорн заявлял: «Полагаю, для нас крайне важно, чтобы Украина стала действительно независимым государством. Я говорю об этом не просто в ожидании разных экономических выгод, которые мы получим от Украины, тесно связанной с Германией. И не только довод в пользу возросшей безопасности от России заставляет меня так думать... Украинское государство, с которым мы будем граничить или к которому мы будем иметь доступ через Литву, образует для нас мост

к Кавказу, Азии и, в конечном счёте, к Индии. Этот мост гораздо лучше, чем Турция, от которой мы всегда будем отделены. Многие, если не большинство людей, сомневаются в возможности существования такого государства. Поскольку его существование выгодно для нас, следует сделать всё возможное для этого. Следовательно, нужно верить в него». При этом генерал не скрывает и прямо указывает на главное условие, при котором возможно такое вассальное украинское государство: «Чем дольше будет продолжаться хаос в России, тем более благоприятными будут перспективы для украинского государства. Чем больше она отгородится от России посредством установления порядка, тем скорее в сознании людей, ориентирующихся на Большую Россию, разовьётся украинское национальное сознание». Однако те, кто видел, что творилось в Украине (в том числе и среди её политиков), уже давно махнули рукой на возможность стабилизации самостоятельной Украины. В частности, генерал Людендорф, заявил без всякой дипломатии: «Жизнеспособного украинского государства не получится. Распространение украинской национальной идеи всецело зависит от присутствия в стране наших войск. Следует готовиться ко всем возможным поворотам событий». Любопытно, что точно так же думал и кайзер Вильгельм II. Столкнувшись с этим непрерывным «незалежным» бардаком, он ставил чёткие цели перед его генералами и дипломатами: «Мы пришли в Украину ради обеспечения необходимых продовольственных поставок. Именно там мы хотим создать островок спокойствия в море российского хаоса. Однако нам не следует впадать в иллюзию, что Украину можно оторвать от Большой России навечно. Украина — территория славянская, а следовательно, территория Большой России... Обе территории снова воссоединятся. Все российские силы, заинтересованные в восстановлении порядка, должны собраться в Киеве и оттуда продолжить борьбу за возрождение России». Всё же надо было бы кайзеру договориться с Николаем II... Как знать, сделай два императора решительные шаги навстречу друг другу, может статься, не было бы столкновения России с Германией, а значит, очень даже возможно, не случилось бы ни революций, ни Граждан-

**Памятник восставшим рабочим Арсенала
в Киеве**

ской, ни Второй мировой войн. С чудовищными потерями для народов обеих стран — в первую очередь! Ладно, тогда не вышло, постараемся договориться сегодня. Назло всем врагам Германии и России!

Ну а Киев был взят Красной армией (05.02.1919). При её приближении «отборные полки», названные именами гетманов Хмельницкого, Дорошенко, Сагайдачного, бодро разбежались. Бежал и славный Украинский полк «имени гетмана Мазепы». Петлюра обосновался в Варшаве, где подписал соглашение с польским маршалом Пилсудским. Польше предоставлялись права на присоединение к ней Восточной Галиции, Западной Волыни и части Полесья (21.04.1919). По соглашению, войска Директории подчинялись польскому командованию. В результате захвата поляками почти всей Белоруссии (30.08.1919) Киев вновь оказался в руках петлюровцев. Власть перешла к Директории. Но вскоре Киев был захвачен Добровольческой армией Деникина, и Петлюра вынужден был еще раз покинуть город (31.08.1919). В результате контрнаступления красных войск уже генерал Деникин вынужден был покинуть

Киев (14.10.1919), и в городе установилась власть, которая продержалась до войны с Польшей. Наконец, Киев был окончательно взят победоносной Красной армией. Петлюра оказался на положении эмигранта во Франции. Официальные власти нынешней Украины подают народу образ Петлюры как национального героя. Националисты обеляют его, говоря, что он отдавал погромщиков под трибунал, расстреливал их и издавал десятки приказов о борьбе с погромами. Говорят: дескать, еще в его студенческие годы (за благосклонность к иудеям) юного Симона Петлюру называли «еврейским отцом» и «евреефилом», а в некоторых материалах говорится, что его жена была еврейкой. Большевики же видели в нём организатора еврейских погромов. За время гражданской войны деникинцы совершили 213 погромов, красные — 106, петлюровцы — около тысячи. Иные утверждают, что под маской «петлюровцев» зачастую действовали банды разных атаманов, в частности, атамана Григорьева, и даже красноармейские части. Тогда погибли, по разным данным, от 50 до 100 тысяч человек. «Однако, при всей своей ужасности, эта цифра отнюдь не больше, чем поголовное истребление еврейского населения, осуществлённое во время оккупации Украины гитлеровцами с активной помощью «доброхотов» из местного населения в 1941—1944 гг., когда число погибших в Холокосте только в Украине составило 1 миллион 700 тысяч человек!» Конец Петлюры известен: его застрелил в Париже еврей Шварцбад, обвинив в погромах (1926). Даже благосклонные к нему авторы признают: уложил сотни тысяч своих и чужих солдат, русских людей Великороссии и Малороссии. Ярый русофоб, враг России, Петлюра всячески стремился не допус-

Петлюровские войска

Атаман Симон Петлюра

тить сохранения братского союза народов России и Украины, который создавался веками усилиями всех славян нашей земли.

Национальный сепаратизм породил на Украине и спор церквей... Митрополит Киевский и Харьковский А. Храповицкий, сторонник единства Православной церкви, «неисправимый мечтатель», писал: «Пора нам, то есть всем православным христианам всех народностей, убедиться в том, что путь к Божией истине заключается не в преобладании одной народности над другою, а просто в отрешённости от исключительных симпатий в ту или иную сторону, хотя бы и прикрываемых лживыми фразами о евангельской любви ко всем безразлично народностям. Последние годы разыгравшейся международной борьбы на Ближнем Востоке делают... почти безнадёжным такое возрождение вселенского христианства. И ещё недавно представители различных православных народностей даже мало интересовались, к какой этнографической ветви принадлежит тот или другой христианин: «я православный» — вот какое определение было для него дорого, и во всяком случае гораздо дороже, чем наименование себя греком, арабом или славянином. В настоящее время подобное предпочтение своей вероисповедной принадлежности срав-

нительно с принадлежностью расовой сохранилось в некоторой степени только у македонцев на Балканах, а ещё в недавнее время на Украине у малороссов. Если спросить у последних: «Вы кто такой?», — то многие ещё недавно отвечали просто: «Православный!» В настоящее же время ответы следуют другие: «Украинец», «Мазепинец», «Русский» и т.п. И как часто случается, что такой (вот) жалкий и глупый провинциализм считают признаком культурности и выше меры дорожат своим расовым происхождением, забывая мораль крыловской басни о гусях, которые продолжали гордиться тем, что их отдаленные предки когда-то спасли Рим от нашествия варваров. Действительно, когда какая-либо слепая страсть, например шовинизм, овладеет умом человека, то он начинает повторять глупости, которых прежде он стыдился». Чем слабее ум, тем крепче он держится за расу, — и за расу.

Об Антонии Храповицком говорят с прететом лучшие умы церкви: «Имя митрополита Антония связано с громадным периодом развития великой духовной мощи Русской церкви и русского народа, развития русской богословской мысли и русской церковной литературы... Я уже имел случай говорить и вновь повторяю, что митрополит Антоний должен быть поставлен в один ряд с великими иерархами первых веков хрис-

**Митрополит Киевский и Харьковский
А. Храповицкий**

тианства» (Патриарх Сербский Варнава) «Он был книгою, открытою для всех, учителем, который говорил и не умолкал ради братии своих и ближних своих. Сокровищница его сердца заслуживает ещё более удивления, чем богатство ума. Это был подлинно пастырь добрый, сердце которого было расширено для всех, согревавший и утешавший многих людей теплотою своей любви... Это был великий подвижник, духом горящий, Господеви работающий, уяснивший нам истинный смысл и красоту православного монашества и возросший целый сонм иноков. То был, наконец, крепкий стоятель за Святую Русь, образ которой он всегда носил в своём сердце и за которую всегда готов был положить свою душу» (Митрополит Анастасий Грибановский). Заметим, что термины «Украина» и «украинцы» — искусственного происхождения. И.А. Сикорский писал в работе «Русские и украинцы»: «Термины эти... являются по своему происхождению плодом административного, а не научного творчества. Южную Русь с XVII века стали официально называть то Украиной, то Гетманщиной, то Малороссией, а в последнее время Южной Россией. Костомаров признаёт неудачными все термины, с чем и можно согласиться. Этнографический термин «украинцы» за отсутствием самого объекта, т.е. этнографически особого народа, не имеет основания существовать, а обозначение территории именем «Украины» потеряло свою первоначальную административную надобность, а потому самый термин представляется бесполезным, подобно наименованию «Священной Римской империи» или Московского государства... Население это — не растение и не вновь открытый остров, а сумма живых личностей, которые с X—XI вв. называют себя «русь», «русичи», «русские жены», «русская земля». Эти названия созданы самим народом и впервые появились в Киеве и Киевской земле, а затем свободно приняты остальными славянами, как знак наступившего у них общего этнического сознания, озарившего отдельные племена общим светом высшего духов-

Малороссия

ного единства — во имя высших интересов — интересов народности или нации». Заметим, многие украинофилы решительно возражали против развала единого государства, понимая, чем это обернётся для их народа. Приведем слова писателя-эмигранта Б. Юркевича (1908—1970). Патриот писал о Малороссии: «Наименование нашего народа русским известно с глубочайшей древности... «Мы — единый русский народ!» Малороссия — есть понятие племенное. Украина обозначает не что иное, как окраину, окраинные земли государства. Кто хоть немного знаком с историей русского государства, с документами, написанными в то время, когда о наших сепаратистах слухом не было слышно, когда ни о каком «украинском народе» ни один человек не слышал, тот знает, что в этих старинных государственных бумагах часто употребляются следующие выражения: Рязанская Украина, Воронежская Украина, Курская Украина, Сибирская Украина. В старинной песне сибирских землепроходцев, сложенной во времена, когда Ерофей Хабаров завоевывал Амур, поётся: «Как во Сибирской во Украине да во Даурской стороне...» Из песни же, как известно, — особенно из старинной, — слов не выкинешь. Как, интересно, современные сепаратисты объясняют эти слова? Ведь в то время никаких украинцев в Даурии не жило. Сибирская Украина означало просто окраинная Сибирская земля. Малороссию, конечно, можно называть Украиной, а малороссов украинцами. И Киев, в случае удачи, сепаратисты могут пе-

реименовать, конечно, в Скоропадск, Петлюровск или Бендеровск. Но от этого Киев не перестанет быть Киевом, матерью городов русских. Малороссия же — есть древнее первоначальное название определенной части России. И отказываться нам, малороссам, от исторического имени своей Родины нет никакого смысла. Сепаратисты же могут называть себя как угодно. Эти люди, хотя и носят название «панов-профессоров» и «панов-магистров», не дают себе отчёта, что собственно обозначает слово Украина и что Малороссия. Да, я малоросс. Я первый русский, самый древний русский. Может быть, мой предок во время Игоря прибил свой щит на воротах Царьграда. С какой стати я буду менять истинное имя своих предков на новое, которое выдумали основатели сепаратизма? С какой стати я буду считать москалей врагами, московскую культуру враждебной, когда вся московская культура тонким ручейком вытекла из древней Киевской Академии и когда один из Юркевичей был первым малороссийским и русским философом». Так писал внук известного проф. Московского университета П.Д. Юркевича, чей отец, директор учительской семинарии, с Колча-

ком уехал в Сибирь и потом погиб в Чите. Его двоюродные братья, морские офицеры, приняли активное участие в борьбе против большевиков. «Ни Петлюра, ни Скоропадский не соблазнили их, они чувствовали себя русскими и боролись не против русских, а против большевиков. Один из двоюродных братьев был поднят на штыки в бою под Киевом, другие эмигрировали из Крыма с Врангелем». Однако, замечу, это красные вернули Украину в лоно России.

Подчеркнём, что это красные, большевики уберегли Украину от опасности распада, поглощения Европой... Многие украинцы отважно сражались против немцев, предателей-петлюровцев, в том числе воины славного Богунского полка, возглавляемого Н.А. Щорсом (1895—1919). Боевой офицер, он быстро понял, где его место в битвах Гражданской войны. Солдаты выбрали его командиром. Вскоре он повёл полк с другими красными частями по направлениям — на Киев и Харьков. Вспомните песню: «Хлопцы, чьи вы будете? Кто вас в бой ведёт? Кто под красным знаменем раненый идёт? Мы — сыны батрацкие, мы за лучший мир. Щорс идёт под знаменем — красный командир!» Особого сопротивления красным бойцам синезеленники не оказывали... Наибольшую угрозу представляли сичевики и галицийская армия, довольно хорошо вооружённые. О том, что на панской Львовщине не любили москалей, известно. Когда русские войска вошли во Львов, Пришвин самолично слышал от прислуги пана небылицы вроде этой: «А правда ли, что москали одноглазые и с хвостами?». И в голову Щорсу пришла идея: вспомнил он, как запорожские казаки писали письмо турецкому султану. Тут же под хохот и шутки сели красные бойцы писать ответ гетману Петлюре — в Киев, от тарашанцев и богунцев. «Мы, тарашанцы, богунцы и другие украинцы, казаки, красноармейцы, получили твоё похабное воззвание. Как встарь запорожцы турецкому султану, так и мы тебе отвечаем. Был у нас гетман Скоропадский, сидел на немецких штыках, згинул, проклятый. Новый пан гетман объявился — Петлюра. Продал галицийских бедных селян польским панам, заключил с панами-помещиками мир. Продал Украину французским, греческим, румынским жукам, пошёл с ними против нас — трудовых

Форма отрядов украинских националистов

Н.А. Щорс — красный командир

бедняков Украины. Продал мать-родину, продал бедный народ. Скажи, Иуда, за сколько грошей продал ты рідну маті України? Сколько платишь наймитам за то, чтоб те песьим языком мутили селянство, подымали его против власти трудовой бедноты? Скажи, предатель!! Только знай: не пановать панам больше на Украине!!! Мы, сыны её, бедные труженики, голову сложим, а её защитим, чтобы расцвела на её вольной земле рожь, на свободе сжата была вольным крестьянством на свою пользу, а не жадным грабителям, кровососам, кулакам, помещикам. Да, мы братья русским рабочим и крестьянству, как и братья всем, кто борется за освобождение трудящихся. Твои братья — польские

шляхтичи, украинские живоглоты — кулаки, царские генералы, французские буржуи. И сам ты брехлив и блудлив, как польские шляхтичи... Не доносить тебе штанов до этого лета. Мы тебе хорошо бока намяли под Коростенем, Бердичевым и Проскуровым. Уже союзники твои оставили Одессу... руки ограбленных панам крестьян Польши, Галиции тянутся к горлу твоему, Иуда! Прочь от нас, проклятый! Именем крестьян, казаков Украины командиры Щорс, Боженко, Квятек и др.».

Русский поэт В.П. Мятлев написал на эту тему дня злободневное стихотворение («Вступление Петлюры»).

*Виктория! Виктория!
Флаг жёлто-голубой!
Гарцует Директория,
Довольная собой...
Погода отвратительная,
Крутит седая мгла,
Кой-где предупредительно
Звонят колокола...
Украйна, Украйна,
Всё это пустяки...
Но скоро, дети Каина,
Придут большевики...*

Народ не принял власть националистов и сепаратистов. Н.Е. Шаповал, видная фигура на Украине, в своих воспоминаниях писал: «...эвакуируясь в Винницу, по дороге я видел, как гибнет украинская революция... Жутко за Украину и полное разочарование в политических способностях украинской интеллигенции. Не верю в революцию украинской интеллигенции. Я за социальную революцию». И ушёл в эмиграцию... Когда стало ясно, что большевики ведут дело к восстановлению империи (на интернациональной основе, хотя и под иным флагом), большинство украинцев сделало выбор в пользу союза с Советской Россией. Народился тип националиста, готового мириться с любым положением вещей, с любым режимом в Украине, лишь бы он был «свой», то есть национальный. К слову сказать, как верно подметил А. Дикий в «Неизвращенной истории Украины-Руси», «украин-

И. Репин. Запорожцы пишут письмо турецкому султану

инской интеллигенции. Я за социальную революцию». И ушёл в эмиграцию... Когда стало ясно, что большевики ведут дело к восстановлению империи (на интернациональной основе, хотя и под иным флагом), большинство украинцев сделало выбор в пользу союза с Советской Россией. Народился тип националиста, готового мириться с любым положением вещей, с любым режимом в Украине, лишь бы он был «свой», то есть национальный. К слову сказать, как верно подметил А. Дикий в «Неизвращенной истории Украины-Руси», «украин-

**Кавалерийская бригада тов. Котовского
входит в Одессу...**

цев по рождению и по происхождению было неизмеримо больше и у Деникина, и у большевиков, чем во все времена в армиях Центральной Рады, Директории и Петлюры». Истинные украинцы всегда стоят за Русь! А потому и имел место такой вот эпизод в 1919 г., когда один из членов Директории на заседании Украинской Рады прямо заявил: «Мы готовы и на советскую владу, аби вона была українська». И как ни странно, оратору этому «не заперечил» никто. Мало того, но впоследствии многие видные деятели самостийничества, во главе всё с тем же М. Грушевским, перешли к большевикам, удовлетворившись внешней национальной формой советской власти на Украине. Понимали: «шо Киев, шо Киев», а лишь в союзе с русскими можно сохранить независимость, национальную культуру. К тому же знаний, ума, да и привычки к серьёзной работе у этих горячих самостийников «не дюже хватало».

Поле битвы за будущее страны становились не только земли, города и церкви, но и языки. Историк В.В. Мавродин писал: «именно язык, а не культура и не расовый тип является важнейшим, определяющим признаком этнической общности». Верность русскому языку — верность народа тысячелетней истории! А.Н. Толстой в брошюре «Откуда пошла русская земля» писал: «Движение народных масс, подобно морским волнам, — кажется, что они бегут издалека и разбиваются о берег, но вода неподвижна, лишь

одна волна вызывает взлёт и падение другой. Так и народы в своей массе обычно неподвижны, за редким исключением; проносятся тысячелетия над страной, проходят отряды завоевателей, меняются экономические условия, общественные отношения, племена смешиваются с племенами, изменяется самый язык, но основная масса народа остаётся верной своей родине». Массы украинцев и русских и сегодня верна нашей общей Родине.

СССР не умер, не может умереть. И одной из важнейших сдерживающих его скреп остаётся русский язык. Профессор

С.П. Тимошенко, близкий к созданной тогда «Украинской Академии Наук», честно отмечал: «По статуту научные труды этой академии должны были печататься на украинском языке. Но на этом языке не существует ни науки, ни научной терминологии. Чтобы помочь делу, при академии была образована терминологическая комиссия, и были выписаны из Галиции специалисты украинского языка, которые и занялись изготовлением научной терминологии. Брались термины из любого языка, кроме родственного русского, имевшего значительную научную литературу». Говорили: «українська публіка, як би зисталась без письменства російського, то була б глуха і сліпа» (1918). И потому, как пишет Н.И. Ульянов в книге «Происхождение ук-

Части русских войск в Киеве на параде. 1919 г.

Русские офицеры во Львове

раинского сепаратизма», русский язык стал основным для просвещённой части, тогда как украинский был принят в домашнем обиходе. Большевики ввели украинский язык в школах, издавали на нём книги. Ненависть националистов к русскому языку объяснима: на каком языке народ говорит — так и думает. Но с каждым днем всё сильнее был слышен голос истинных патриотов Украины, что не желали никакой рабской «самостийности», понимая, что в

Н.И. Ульянов

накладе останется прежде всего украинский народ. Уже в середине XIX в. Кулиш писал в «Повести об украинском народе» (1846 г.): «Вообще, чтобы защитить народ, чтобы положить конец борьбе сословий и обуздать дворянство, на это недостаточно было власти избранной, всегда робкой перед избравшими ее; тем более недостаточно, что претендовать на эту власть могло только лицо, принадлежавшее к тому классу, который отделился от народа... народ держался Москвы, а высшее казачество, только носившее в себе зародыш аристократии, привыкнув к вольности и тревогам безначалия,

беспреданно затевало измены и переходило от турок к полякам... Украине, представленной себе самой, предстояла бедственная будущность». Сегодня слова Кулиша впору бы вспомнить вновь, ибо украинская политическая элита и власть проявляют полнейшее пренебрежение к интересам своего народа. Вор на воре!

К слову сказать, упомянутый Грушевский признавал, что сочиненные им язык и литература (мова), борьба за которые идёт по всей Украине («вид Карпатив, аж до Дону»), не имеет ничего общего с языком Тараса Шевченко, являясь надуманным, искусственным и чуждым народу Украины. Неудивительно, как признавался пан Грушевский, что такую речь или «мову» даже истовые украинцы не желают брать ни в руки, ни в рот («а ні в рот, а ні в руки і не беруть»). Такой патриот, знаток родного языка как М.В. Юзефович, несмотря на его пылкую любовь к неньке-Украине, стал автором ставшего знаменитым выражения «Единая и неделимая Россия» и даже инициатором написания лозунга на памятнике Богдану Хмельницкому в Киеве. Публицист Н.И. Ульянов напишет: «Нападая с такой злобой на этот лозунг, самостийники, видимо, не подозревают о его украинском происхождении». В результате же, в Украине научный украинский язык так и не привился. Сегодня в канун 200-летия празднования рождения Гоголя в школах Украины даже произведения великого писателя преданы забвению. Сделана уродливая попытка перевести произведения Гоголя на украинский язык (по варианту белогвардейцев-нацио-

Тарас Бульба

налистов начала XX в.). Но при этом из «Тараса Бульбы» вымарано слово «русский». Если дело так пойдет и дальше, то великого писателя власти скоро не пустят на Украину. Хотя вряд ли такое возможно, учитывая феноменальный успех показа там фильма Бортко «Тарас Бульба»... Власти Украины тянут свой народ в НАТО, утверждая небылицы: «Фактически украинец — это политически сознательный рутен». Они напрасно стараются провокационно подчеркнуть отсутствие совместной древней истории и корней у жителей современной Украины и Белоруссии, с одной стороны, и у России, с другой. Нет бы вспомнить нашим украинским собратьям главную идею «Тараса Бульбы» — идею товарищества, товарищества братьев по крови, духу и оружию... «Нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей... Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а... Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы

при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребках запечатанные меды их. Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке... Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства...» Да, великий Гоголь смог сделать так, чтоб весь «миллион народа в одно время вздрогнул». И отважные украинские хлопцы шли умирать за единую землю... «Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля!» — крикнул перед смертью поднятый на копья врагами Гуска. Геройски погибают Тарас Бульба, его сын Остап, а другой сын, Андрий, ушедший к полякам, хотя уверяет, что «отчизна есть то, чего ищет душа наша», отчизну-то свою как раз предал и потерял. И труп его брошен на растерзание птицам... Наступило и нынче время предателей и героев. И сегодня народу Украины надо выбирать! Как видим, планы Запада в отношении Грузии, Украины, России почти не изменились с годами, видоизменились лишь методы этих хищников. Но говорят: *veritas filia temporis!* Истина — дочь любого времени! Половина Украины — это земли, некогда отвоёванные Россией!

Нынче противники большевизма и советского строя вспоминают некоторые ошибки, которые сделали на Украине деятели СССР. Так, К. Фролов говорит, конечно,

«Вожди Украины» бьют по товариществу наших народов

Одесса. Демонстрация трудящихся после изгнания интервентов. 1919

бросая камень в большевиков: «Мы им напомним, что неотъемлемой составляющей большевистской политики уничтожения русского православного и национального самосознания была насильственная «украинизация» 1920—30-х годов, когда за отказ от украинизации отправляли в лагеря, а УССР были переданы земли Донбасса и Новороссии, при Сталине — Подкарпатской Руси, при Хрущёве — Таврии. Это всё — коммунистическое наследие». Но ещё раз повторю: всё это наши коренные русские земли, никому кроме России не принадлежавшие за минувшие два-три века (после побед над Турцией).

Сегодня мы вправе сказать в адрес предателей-ельцинистов и украинских националистов словами М.О. Меньшикова: «...но в последнее десятилетие выяснилось весьма широкое распространение (на Украине. — В.М.) мазепинства, опирающегося на две базы — на денежную поддержку Германии и на самую разнообразную поддержку Австро-Венгрии. При таком положении дел безумно было бы не придавать значения величайшей из опасностей, теоретически возможной для России и уже готовящейся. Если речь серьезно зайдёт о разрушении единства русского народа, то это такая беда, ради предотвращения которой выгоднее

вести ряд кровопролитнейших войн, нежели примириться с ней». Великий ум. Далеко видел. Он знал и о планах превращения Крыма в немецкую колонию, и о том, что Россия должна была быть подчинена немецкой воле, а Украине была предназначена роль германской провинции. Сегодня именно националисты Галиции и Львова чаще других замечены в злобной антирусской и прозападной агитации. А между тем, немецкий генерал Людендорф, говоря об украинцах Галиции, недвусмысленно заметил: «Осенью 1914 года никто (в Германии. — Ред.) не желал ничего слышать о «территории свиней». Сегодня также никто не

собирается жертвовать хотя бы одним солдатом для возвращения этой территории». Что же изменилось сегодня? В хозяевах у украинских националистических холопов теперь другие — США и НАТО. Но это ещё опаснее. Опухоль эту придётся вырезать. Народы наши никакого договора с предателями и националистами Украины (ни малого, ни большого) не подписывали. Нужно всю силу праведного гнева обрушить на головы предателей, изгнать их с нашей общей земли! Ответом на предательство «элит» станет восстание Украины. Своих братьев мы не отдадим! Труженики Украины, крестьяне, ра-

Фашистский шабаш на Украине

бочие, интеллигенция Донбасса, Харькова, Днепропетровска, Киева, Одессы, Крыма, Севастополя, даже Львова не пошли со Скоропадским, Петлюрой, Людендорфом, Гитлером. Не будут они ходить под Ющенко с американцами. Интересы и будущее Украины — с Россией, в рамках единой федеративной системы. Не по пути русским и украинцам с внуками вчерашних эсесовцев и бандеровцев. Освободил наш народ от гитлеровцев Украину, освободил с братским украинским народом и от наследников современного фашизма. Украина перед выбором. Как и раньше, народ Украины, подавляющая его часть на востоке, юге, севере и даже на западе не хотят видеть во главе страны мафионеток.

Нет, не бывать Украине под Америкой! Не бывать Крыму под предателями и марионетками Запада, перед выкормышами Гитлера, что устраивают парады Бандеры! С оранжевой чумой, предателями трудовой народ разберётся так же, как сделал это ранее с власовцами и членами УПА. Предатели и пособники гитлеровцев были осуждены на открытых процессах и повешены! Или повесятся сами... Кстати, подходящий прецедент в истории имеется... Вышеупомянутый Михновский, что большую часть Гражданской войны провёл в бегах, скрываясь и от красных, и от белых, и от петлю-

ровцев, всё же вернулся в Киев. Майским вечером 1924 г., когда всё вокруг цвело и благоухало, сей националист №1 повесился на цветущей яблоне во дворе дома по улице Жилианской. Так закончил свою жизнь автор идеи «самостійної України від Карпатів аж по Кавказ». Народу Украины пора уж кончать со всей этой «хунтой». И первый удар «похоронного колокола» уже прозвучал...

Гражданская же война в России носила характер, чем-то напоминавший хаотическое броуновское движение... Главной военной силой и стержнем битв в ней был крестьянин. Тот в идейно-политическом плане был не только не образован, что само по себе ещё полбеда, но и довольно смутно и плохо понимал, в чём и где лежат его интересы. Инстинкт его прост: он желал, чтобы его оставили в покое, дали трудиться на себя и свою семью, предоставив землю и скотину в личное пользование. Ни одна из сил, сцепившихся в смертельной схватке, в полной мере не удовлетворяла его чаяниям. Белые хотели вернуть земли, поместья, скот помещикам, красные — национализировать земли, создав крупные хозяйства (колхозы), к чему крестьянин был не готов. Отсюда постоянные метания, сомнения, перемены позиций и выбора сторон. Отсюда готовность сражаться как за тех и других, так и против белых и красных. Известно, многие крестьяне, казаки, солдаты не раз перебивали у красных, белых, зелёных.

Самостийна дырка

Клятва предателя

Двойственность положения крестьянства и объясняет неустойчивость позиции.

В этом смысле показательно возникшее на юге России движение «зелёных». Так вначале называли тех, кто уклонялся от мобилизации и скрывался в лесах. «Зелёные» — это крестьяне или дезертиры, в равной мере враждебные как белым, так и красным. В районе Адлер-Сочи действовало «Черноморское крестьянское ополчение». Движение «зелёных» в политическом отношении представляло пёструю массу, где группировались все недовольные теми и другими. После казни одного из лидеров «зелёных» и ареста других движение создало «Комитет освобождения», председателем которого стал эсер В.А. Филиповский (в 1918 г. он был лидером Самарского правительства), его заместителем и командующим «армией зелёных» был назначен кадровый офицер царской армии Н. Воронович. В конце 1919—1920 гг. «зелёные», ставшие третьей силой, приступили к самым активным действиям, сражаясь как против белых, так и против красных, рассчитывая на помощь англичан и Рады (в надежде создать Куба-

но-Черноморскую крестьянско-казачью республику). Бойцы отрядов пели песню, ставшую крайне популярной у тех, кто не желал примыкать ни к кому: «Эх яблочко цвета ясного, бей слева белого, а справа красного!» И тут уж было порой невозможно разглядеть, кого и к какому «рыцарству» можно причислять. В воспоминаниях Н. Вороновича имеется такой любопытный эпизод. Получив полномочия от «Комитета освобождения», он вёл беседу с англичанином Кизом, верховным генералом Великобритании на юге России (на английском миноносце). Потягивая виски с содовой, он, обидевшись на слова англичанина — «Как вы, интеллигентный человек и старый кадровый офицер, могли изменить России и очутиться в стане врагов Деникина?» — и пробуя развеять недоумение англичанина, сей «борец за свободу России» откровенно говорил: «Если вы считаете, что генерал Деникин олицетворяет собою Россию.., то тогда мы являемся действительно врагами России. Но дело в том, что я и мои друзья никак не можем признать за Деникиным права представлять Россию: его никто на это не уполномочивал, и он распоряжался судьбами миллионов русского народа, опираясь на вооруженную силу. Как он распоряжался этими миллионами людей, вы можете узнать, поговорив с нашими крестьянами. Признанное вами и всей Европой Временное правительство России объявило Деникина изменником, ибо он вместе с другими генералами посягнул на это правительство, которому перед тем присягал. Встав во главе Добровольческой армии, генерал Деникин и назначенные им чиновники воскресили самые мрачные времена русской истории. Наше крестьянство, составляющее часть русского народа, восстало против самозванного диктатора, и я счастлив, что в этот момент нахожусь в лагере противников Деникина! Поражение Деникина не доказывает силы большевиков, а свидетельствует, что народные массы не хотят признать его диктатуры.

— Но генерал Деникин возглавляет всех русских антибольшевиков...

— Самыми яркими антибольшевиками являются крестьяне, с которыми Деникин и его правительство находятся повсюду в состоянии вражды. Деникина признают и за ним идут лишь привыкшие к субординации

Девиз «зелёных»

и мало разбирающееся в политических вопросах офицерство, небольшая кучка интеллигенции и крайние реакционеры, мечтающие при помощи Доброй армии восстановить утерянные ими после революции привилегии. Сотни же миллионов русского народа ненавидят и самого Деникина и назначенных им чиновников и никогда не пойдут с Деникиным бороться против большевиков». Англичанин напрасно пытался убедить полковника Вороновича в том, что Деникин — «патриот и безукоризненно честный человек», напрасно призывал подчиниться генералу и «постараться примирить с ним ваших крестьян». Тот, зная реальную картину, отнесся скептически к призывам англичан. Видимо, был прав, ибо даже ряд белогвардейцев, его друзей по гвардии признавались, что считают дело проигранным и имеют так сказать билет до Константинополя.

Н. Махно в 1906 году

Для истории представляет интерес и личность Н.И. Махно (1888—1934), личность во многих отношениях колоритная. Одни видели в нём бандита, уголовного, другие — героя, борца за народное дело (так считал писатель В.Г. Короленко). Председатель украинской Директории В.К. Винниченко писал: «Из рассказов одних, он идейный анархист, сознательный украинец,

с романтическим укладом своего войска, по образцу запорожского; по рассказам других — это просто бандит, беспринципный, антиукраинец, чья жизнь напоминает древнюю Запорожскую Сечь. Порой слышим: в его лице Украина обрела борца за народное дело. Кем в действительности был Махно? Настоящая его фамилия — Михненко. Родился он в многодетной крестьянской семье в Гуляйполе, волостном селе Верхнеднепровского уезда (с населением в 500 душ). Рано осиротев, был подёнщиком, пас овец и телят. Возможности учиться у него не было. Предоставленный сам себе, он подолгу не задерживался на одном месте: работал то в магазине (где хозяин обломал о его голову без пользы «сорок деревянных аршинов»), освоил ремесло красильщика, попал на чугунолитейный завод. Даже проявлял желание стать актером. Махно рано обратил внимание на то, как тяжело живется беднякам, он видел, как из-за неурожая многие селяне попадали в тяжелейшую кабалу к богачам и местным кулакам. У многих крестьян не было ни семян, ни скота. В голодные годы пускали под нож любую живность, только чтобы выжить.

Запыхали пожары — крестьяне жгли усадьбы помещиков, захватывали земли. Жизнь подтолкнула и его к активным действиям. Это была натура авантюристичная, вспыльчивая, склонная к насилию. С детства он стал мастерить бомбы. Мать сунула бомбу в духовую печь и та после взрыва чуть не разворотила всю избу. Россия к моменту его зрелости вступила в полосу революций... В 1906 г. и в Гуляйполе возникла группа анархистов, названная «Союзом бедных хлеборобов». Свои цели «Союз» видел в борьбе с «богачами» и защите «свободы народа». Группа занялась экспроприацией местных богатеев. Сначала отнимали деньги и часы у торговцев или нападали на купцов. Затем сделали попытку ограбить почтовую повозку, при этом убив двух человек. В этих акциях, по сути бандитских, видимо, уже сформировались убеждения будущего атамана. Следуют убийства должностных лиц, офицеров, полицейских чинов, захват, грабёж материальных ценностей и денег. После такого рода «подвигов» в 1910 г. его осудили к смерти через повешение. Его спасло то, что он несовершеннолетний (до 21 года). Сам Столыпин, говорят, дал согласие на «смяг-

чение участи Нестора Махно». Приговорили к каторге «без срока». На каторге он, по словам его соратника Аршинова, «почерпнул исторические и политические знания, послужившие затем ему огромным подспорьем в последующей его революционной деятельности...» Нестор Махно пошел путем многих профессиональных революционеров. В политическом плане кое-какие позиции сближали его с будущими большевиками и Советской властью. Хотя надобно учесть, что к 1912 г. его собственное семейство по своему экономическому положению было ближе к кулачеству. Его братья с каждым годом стали жить всё зажиточнее, а один из них даже открыл сапожную мастерскую с работником. Думается, эта двойственность интересов способствовала известному раздвоению его личности.

Вот скажем, какие воспоминания о Махно оставил Г.И. Григоров, записав рассказы деда, политработника Красной армии, работавшего в 1919 г. в тех краях. Один из молодых махновцев Г. Каретников, знавший Махно, близкий родственник знаменитого атамана Каретникова, сподвижник Махно, подробно рассказывал о его жизни. Ещё на каторге тот близко сошелся с анархистами, где выделялся еврей Волин. Февральская революция освободила Махно с каторги. Вернувшись в Гуляйполе после февраля 1917 г., он был избран в рабоче-крестьянский Совет. Вскоре Махно стал расправляться с помещиками самым свирепым образом, а их земли передавать беднейшему крестьянству. Махно пользовался большим авторитетом. Он сформировал «чёрную гвар-

дию», куда вошли многие гуляйпольцы из числа воевавших на фронтах Первой мировой войны. Они, опытные вояки, в звании унтер-офицера и выше, и станут затем его командирами. О том, что представляла собой эта публика, говорит то, как они действовали. Так, встретив едущего в фаэтоне помещика Классена (вокруг Гуляйполя было 50 немецких поместий), махновцы заставили его прыгать на одной ноге до Гуляйполя и, натешившись всласть, пристрелили. Расстрел без суда и следствия стал у бандитов Махно обычной практикой.

Впрочем, когда Екатеринославскую губернию оккупировали немцы, Махно создает партизанские группы из самых удалых ребят. Группы эти наносили оккупантам чувствительные удары. Немецкое командование оценило голову атамана Махно в миллион рублей, но его никто не выдал. Он бежал в Москву, возобновил связи с анархистами, а затем с группой анархистов вернулся на родину, где создал крупный крестьянский отряд. Отряд этот боролся с немецкими захватчиками, войсками гетмана Скоропадского. Именно тогда атаман изобрёл особую тактику борьбы — с применением знаменитой тачанки. Отряды проникали в районы расположения немецких войск и частей Скоропадского, захватывали оружие, боеприпасы. Били они и денкинцев.

Во всех городах, что хотя бы на время оказывались под властью махновцев, из тюрем выпускали всех заключённых, независимо от политической принадлежности. Махно удалось создать несколько крупных отрядов, во главе которых стояли атаманы Щусь, свояк Каретников, Марченко, Василевский, Куриленко и др. Собеседник с восторгом говорил об организационном таланте батьки, сравнивал его с предводителями гайдамаков — Гонтой, Кармелюком и другими легендарными вожаками украинских крестьян, боровшихся за землю и волю. Каретников считал, что только Махно искренне хочет передать землю крестьянам. На съезде махновских отрядов и представителей от 72 волостей и уездов, Александровского, Мариупольского, Бердянского, Бахмутского, Павлоградского, приняли

Бойцы под командованием Ф. Щуся. 1918 г.

ряд решений, в том числе о создании «бездвластных коммун». Отряды махновцев объединили в отдельную бригаду во главе с Махно, подчинённую Советской Заднепровской дивизии, которой командовал один из руководителей Октябрьского переворота, знаменитый Дыбенко. К Махно не раз наведывались важные представители из Москвы (Калинин, Мануильский, Радек и др.), пытаясь наладить взаимодействие его отрядов с Красной армией, но все их усилия оказались тщетны. Каретников приводил и другие интересные факты, свидетельствующие о том, что Махно — личность незаурядная.

Интерес представляет не только он сам, но и махновщина как социально-политическое явление. Многие, как сказано, считали его героем революции, мстителем и борцом за экономические права и политическую свободу крестьянства. Несомненно, он пользовался поддержкой крестьян. Воевал зло и умело. Тактика его действий привлекала внимание военных историков, изучавших этот период Гражданской войны. Советская литература и кинематограф зачастую односторонне представляли личность Махно и возглавляемого им движения. Один из примеров — карикатурный образ Махно в книге А. Толстого «Хождение по мукам» и его фигура в аналогичном фильме, как и в фильме «Александр Пархоменко». С другой стороны, нет оснований и причин, как порой наблюдается в нынешних средствах информации, делать из него этакого нового Стеньку Разина или же Емельяна Пугачева, гениального вождя крестьянской войны... Хотя сам он в беседах с приближёнными порой высказывался в том духе, что когда-нибудь история поставит его в один ряд с этими историческими фигурами.

*Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить...
С нашим атаманом
Не приходится тужить...*

Впрочем, в таком же плане говорили иные советские лидеры и военачальники. К примеру, когда в 1919 г. Л.Б. Каменев в качестве чрезвычайного уполномоченного

Тачанка в музее

Совета Труда и Оборона встретился с Махно, он назвал Гуляйполе картиной украинского XVII в. и даже «настоящей Сечью». Видно уж очень хотел польстить батьке. Пассионария революции Коллонтай, побывав в махновской столице, с восторгом писала: «Село Гуляйполе стало главной базой всех партизанских войск имени батько Махно, приняв вид укрепленного лагеря».

Красная армия на Украине порой встречала серьёзное сопротивление. Его красным оказывали не столько регулярные части киевских властей (Петлюры или Скоропадского), сколь партизанские отряды типа тех, что создавали Махно, Григорьев, др. Сила их войск состояла в большой маневренности, внезапности появления и быстроте отхода в случае опасности. У И. Бабеля есть рассказ «Учение о тачанке», где он писал: «Армия из тачанок обладает неслыханной маневренной способностью. Будённый показал это не хуже Махно. Рубить эту армию трудно, выловить — невозможно. Пулемёт, закопанный под скирдой, тачанка, отведённая в крестьянскую клуню, — они перестают быть боевыми единицами. Эти схоронившиеся точки, предполагаемые, но не ощутимые слагаемые, дают в сумме строение недавнего украинского села — свирепого, мятежного и корыстолюбивого. Такую армию, с растыканной по углам амуницией, Махно в один час приводит в боевое состояние; ещё меньше времени требуется, чтобы демобилизовать ее». С этой подвижной группой, которая может

появиться и исчезнуть, словно призрак, бороться и в самом деле было крайне трудно. Его действия обычно отличались смелостью и смекалкой, озадачивая порой даже самых опытных военных.

О том, что образ Махно как «защитника трудового народа» не выдерживает критики, говорят и воспоминания С.М. Будённого, не раз сталкивавшегося в бою с махновцами. Он так писал о махновцах: «Махновцы оперировали в основном на левобережье Украины в Екатеринославской, Таврической и в южных уездах Полтавской и Харьковской губерний. Они особенно обнаглели после вторжения на Украину польских войск. Бандиты взрывали мосты, разрушали линии связи, захватывали и грабили эшелоны с военным имуществом, портили железные дороги. Иногда они нападали на воинские части и подразделения. Так, 25 апреля махновцы внезапно напали на станцию Марьинка, где располагался 377-й стрелковый полк Украинской трудовой армии. Они захватили оружие и зверски расправились с командирами, политработниками, коммунистами. Особенно жес-

токо поступали махновцы с рабочими отрядами, посланными на заготовку хлеба для промышленного центра страны». О моральном облике их «армии» свидетельствуют и такие донесения красных: «Махновцы ездили на повозках, по три человека на каждой, горланили песни и палили в воздух из обрезов. На каждой повозке находилась бочка самогона и пьяные женщины». И всё же это был весьма серьёзный противник. Буденный отмечал: «Бандиты, повсеместно имея агентуру и отлично зная местность, своевременно скрывались от крупных сил Красной Армии и в то же время внезапно нападали на мелкие её отряды. Они имели достаточно оружия — пулемёты на тачанках, даже лёгкую артиллерию. Вся махновская «братия» ездила на отличных конях, благодаря чему банды были весьма подвижными легко уходили от преследования. Частям Красной Армии редко удавалось полностью ликвидировать даже застигнутый врасплох бандитский отряд». К таким же точно выводам пришли и белые, характеризуя личный состав армии Махно в конце 1919 г. такими словами: «Главное, самое стойкое ядро у Махно составляют уголовные преступники, примыкавшие к нему по всем пунктам, через которые он проходил. Значительную часть составляют большевики, подчас совершенно не скрывающие, что они идут за Махно до поры до времени, пока на Украине снова не воцарится Советская власть». Впрочем, эти оценки понятны, ибо войска Махно, состоявшие из крестьян, в первых, были их ярым противником, а, во вторых, не так уж и далеки от реальности. Интересно, что белые и красные оценили действия махновцев в схожей манере.

Историк пишет: «Нестор Махно часто лично участвовал в казнях, своим примером как бы вдохновляя махновцев на месть за многолетние издевательства над крестьянством. Бессмысленные зверства стали системой в махновской армии. На станции Ореховской был схвачен священник, которого Ф. Щусь и Махно живьём затолкали в топку паровоза». Садисты нередко получали полную свободу действий. Махновцы вели себя как грабители. Махно однажды приказал Щусю собрать контрибуцию с колонистов-немцев из окрестностей Гуляйполя (50 тыс. рублей). Собрав деньги, тот без всякой причины расстрелял 8 человек. За-

Группа погромщиков из банды атамана Струка

**Атаман Н.А. Григорьев
и В.А. Антонов-Овсенко**

тем повторил эту акцию, принеся лично Махно 100 тыс. руб. Заодно прихватил и 14 пар сапог, снятых с убитых немецких колонистов. Конечно, немцы оккупировали Украину, против них боролся Махно, но причём тут мирные колонисты?! Таковы действия и в отношении других групп населения. Однажды махновцы расстреляли всех мужчин — в возрасте от 15 до 75 лет. Забрали весь скот, лошадей, птиц, обувь, одежду, всё, что составляло хоть какую-то ценность. В другой раз махновцы собрали еврейскую колонию, требуя денег. Чтобы евреи охотнее расстались с «грошами», их подожгли. Махно лично расстреливал белых офицеров, причём делал это с удовольствием. Махновцы пели: «Наши флаги вьются вновь. Они чёрны как кручина, они красные как кровь». Был он смел. В условиях войны и постоянной опасности смерти трус просто не мог стать лидером и пользоваться влиянием. Его отличала дерзкая удаль, граничащая с бравадой. Он лично вошёл в атаку своих бойцов. И те шли

в бой с криками: «За батьку, за Махно! Ура-а!» По словам очевидцев, Махно прогуливался под пулями, как под теплым летним дождем. Иные считали подобного рода смелость «психической аномалией». Однако и это, бесспорно, оказывало гипнотическое воздействие на его воинство, обожавшее своего «батьку». Не следует забывать и то, что Махно за годы сражений на фронтах гражданской войны был ранен 11 или 13 раз. Однажды в ходе только одного сражения его ранили шесть раз. Его политические взгляды отличались сумбуром и, разумеется, Махно не был демократом. Показательно его отношение к Учредительному собранию: «Учредительное собрание — это картёжная игра всех политических партий». Навряд ли его можно было причислить и к идейным анархистам. Он говорил, что анархисты ни на что путное не способны (даже критиковал Кропоткина). Не был и украинским националистом, ибо расправлялся с теми беспощадно. Достаточно вспомнить, как он выбил из Екатеринослава петлюровцев.

Захватив мост и вокзал, он ворвался в город. Бои шли шесть дней. Махновцы уничтожали в городе «жидов, немцев, буржуев». Махно обещал установить анархо-коммунистический строй, т.е. отобрать всё у богатых и раздать бедным. Он даже объявил в Екатеринославе советскую власть. Уничтожил он и атамана Н.А. Григорьева. Тот был выходцем из семьи богатых крестьян, дослужившись до штабс-капитана в царской армии. В 1917—1918 гг. служил в войсках

П.Е. Дыбенко и Н.И. Махно

Центральной рады, гетмана Скоропадского, в отрядах Петлюры. Когда петлюровцы стали терпеть поражения от красных, Григорьев ударил им в тыл. В идейном отношении крайне непостоянен. Сражался против белых, интервентов, петлюровцев, красных... 7 мая 1919 г. Григорьев поднял мятеж против Советской власти, затем провозгласил себя атаманом партизан Херсонщины и Таврии... Антонову-Овсенко, командуящему советскими войсками на Украине, он заявил, что считает низложенным «правительство авантюриста Раковского». Начались жестокие бои. При этом действия Григорьева оголили фланг фронта красных. Сыграли роль и личные обиды. После провокационного приказа из центра — наступать на Румынию, а на кой ляд им Румыния! — григорьевцы убили брата председателя Коминтерна Зиновьева, Мишку Злого. Троцкий же вообще не видел разницы между Григорьевым и Махно: «Поскреби махновца — найдешь григорьевца»... И тем не менее он же скажет в отношении «батьки»: «Хотя, возможно, он во всех этих пороках и неповинен». Отношение к евреям в армии Махно было неоднозначным. В армию Махно входили еврейские части, а «главные военные должности занимали евреи (председатель Гуляй-Польского Совета Коган, начальник штаба — второй человек в армии после Махно — Тарановский, начальник контрразведки — Зеньковский, руководители политуправления — Эйхенбаум и Барон». Махновцы, беспощадные к белым офицерам и красным (к русским), расстреляли жителей деревни Успеновка за погром в еврейской колонии «Горькое» (май 1919), — пишет Ш.Чиковани. Кстати, и первая анархистская группа под названием «Борьба», возникшая тут накануне революции 1905 г., состояла в основном из евреев Белостока.

Неоднозначными были отношения Махно с советской властью и большевиками. Вся его прошлая жизнь, включая борьбу против помещиков, белогвардейцев, немцев и против жовтоблукитных предателей трудового народа Украины, наконец, 7-летнее пребывание на каторге, где были такие же «политические», как и он сам,

не могли не вызывать в нем к советской власти определенных симпатий. Он и сам как-то признавался: «Я утверждаю из жизненного опыта районов, за которыми я серьезно следил, что в первые два месяца — именно ноябрь и декабрь — торжество Октябрьского переворота в России украинскими тружениками на местах было только приветствовано». Одно время Махно тяготел к большевикам. Если верить мемуарам Махно, в июне 1918 г. у него состоялась встреча с Лениным и Свердловым... Нельзя сбрасывать со счета и то, что крайне тревожные для Советской власти дни восстания войск Григорьева (те взяли Елисаветград, Николаев, бои шли за Екатеринослав и Черкассы, кое-где даже советские гарнизоны перешли на сторону атамана Григорьева) Махно остался верен и не примкнул к мятежникам. Красный командир П.Е. Дыбенко говорил о нём: «Честный революционер, каким он является, несмотря на свой анархизм, Махно верен рабочему движению и свято выполняет свой долг в войне против белогвардейских банд». В.А. Антонов-Овсенко писал в «Записке о Махно», что Махно против красных «не выступит», что «травля Махно должна быть прекращена» и что к агитации против Советской власти Махно не причастен, что живёт он и его штаб «крайне скромно, бандитизма не замечено». Антонов-Овсенко, хорошо знавший его по совместной работе, полагал, что сам Махно считал себя не

Пулеметная тачанка Первой Конной армии

анархистом, а «вольным коммунистом» (и большевики были ему «ближе анархов»), и рекомендовал, что ради создания «единого революционного фронта против контрреволюции» надо бы направить лучших работников для работы среди повстанцев. Махно трижды вступал в союз с большевиками и Красной Армией (в конце 1918 г., в феврале 1919 г., в октябре 1920 г.). И надо сказать, что по возможности его войска оказывали красным существенную помощь, удерживая весной 1919 г. фронт в несколько сот километров, проявив себя в боях с конницей Шкуро. За взятие Мариуполя махновские командиры были представлены к ордену Красного Знамени (Куриленко, Тахтамышев). Награжден был и Нестор Махно. Кстати, Махно ни разу так и не пошел на сотрудничество с белыми, отвергнув предложение того же Шкуро и передав полученное от него письмо для публикации в газету. Письмо это сопровождал запиской, где он заявил, что «никогда не был союзником белых и не будет».

Заметив, что красные постарались даже кое-чему научиться у мятежного «батьки». Так, осенью 1919 г. командующий Южным фронтом Красной Армии А.И. Егоров (полковник царской армии) и член Военного совета фронта И.В. Сталин на базе 1-го конного корпуса создали 1-ю Конную армию. И вооружили её точно так, как была вооружена армия Махно. Этому поспособствовал командующий армии С.М. Буденный. В Первую мировую войну тот был унтер-офицером, награжденным 4-мя Георгиевскими крестами и 4-мя Георгиевскими медалями (больше наград солдату в царской армии просто и не давали), то есть это был человек, который о реальных боях знал не понаслышке. Поэтому Буденный немедленно ухватился за идею пулеметных тачанок, и то, как их использовать. Судя по введенным сразу после Польской войны штатам, у него в кавалерийском полку был уже пулеметный эскадрон с 20 пулеметными тачанками, а в кавалерийской дивизии пулеметный полк из трёх таких же эскадронов. А Сталин в РВС Республики настаивал на принятии мер по механизации Красной Армии, передав Первой Конной отряд броневых автомобилей и даже авиаотряд. Общая линия Советской власти к Махно продолжала оставаться враждебной и агрессив-

ной. Во многом благодаря всё тому же Троцкому... В главном печатном органе РВСР и лично Л. Троцкого, газете «В пути» дана статья «Махновщина» (1919): «Есть советская Великороссия, есть советская Украина. А рядом с ними существует одно малоизвестное государство: этой Гуляй-Поле. Там правит штаб некоего Махно. Сперва у него был партизанский отряд, потом бригада, затем, кажется, дивизия, а теперь все это перекрашивается чуть ли не в особую повстанческую «армию». Против кого же восстанут махновские повстанцы? Вот на этот вопрос надо дать и ясный ответ: словом и делом. Махно и его ближайшие единомышленники почитают себя анархистами и на этом основании «отрицают» государственную власть. Стало быть, они являются врагами Советской власти... Нет, с этим анархо-кулацким развратом пора кончить, кончить твердо, раз навсегда, так, чтобы никому больше не повадно было». Противников Махно выступал и представитель Ленина на Украине — Л.Б. Каменев. Он науськивал вожда на «батьку», говоря, что почва для выступления против красных Махно готова. И напрасно тот уверял красных в верности: «Заявляю вам, что я и мой фронт останутся неизменно верными рабоче-крестьянской революции... Если Григорьев раскрыл фронт и двинул войска для захвата власти, то это — преступная авантюра и измена народной революции, и я широко опубликую свое мнение в этом смысле». Тут Махно стоял на позициях, близких к коммунистам, считая Григорьева, как и Петлюру, врагами трудового народа, опубликовав воззвание, в котором прямо заявлял, что григорьевщина «пахнет петлюровщиной». Махно покончил с атаманом, о чем поведал анархист Задов (Зеньковский): «Он (Григорьев) мешал и батько приказал его снять (что и было сделано в Гуляйполе)».

Позиция Махно в отношении рабочих была жестокой и неприкрытой бандитской диктатурой. Это яркий пример и лишнее доказательство того, что ожидало бы советскую власть и пролетариат, если бы в России возобладали власть «свободных» крестьян. При выборе делегатов на «рабоче-крестьянский» съезд в 1919 г. Махно установил полное господство «своих» среди депутатов. Когда рабочие-железнодорожники и металлисты просили махновцев оплатить их труд,

выполненную ими работу, им предлагали добывать деньги самим. Если и платили, то обесцененными советскими деньгами. Махновцы забирали у рабочих в цехах всё, что им было нужно, просто под угрозой оружия.

Показателен и факт расстрела им командира Стального полка М.Л. Полонского. Стальной полк входил в его Повстанческую армию и считался лучшим полком. В декабре 1919 г., в момент жестоких битв с Деникиным, Махно, его подручные схватили Полонского со штабом и расстреляли (вместе с его женой). В качестве обоснования убийства названа якобы имевшая место попытка со стороны Полонского отравить Махно. Когда большевики потребовали объяснений, он рассвирепел, сказал, что ревкомы, советские органы власти будут разгонять, а их членов расстреливать. Когда и рабочие заявили, что они на стороне советской власти, Махно заметил: «Что ж, будем расстреливать и рабочих». Кто-то заикнулся о свободе, что, согласно их анархической догме, является «матерью порядка». Махно выразительно указал на маузер и заявил нечто в духе: «Тут вам и свобода, тут и демократия». Как сказал поэт, «горлан революции» Маяковский: «Ваше слово, товарищ маузер!» Справедливости ради заметим, что и красные не церемонились с анархистами-махновцами. Так, в 1920 г. Якир расстрелял командира двух махновских полков под кличкой «Дьявол». Махновцы ответили поголовным уничтожением коммунистов и членов комбедов.

Группа махновцев: Каретников, Петренко, Махно, медсестра, Куриленко, Васильев

Вначале красные недооценили Махно как противника. К концу гражданской войны отряды Махно насчитывали около 15 тыс. человек. По сути его войска были смесью полупартизанских, полубандитских формирований. Троцкий направил в Политбюро гневное письмо, где убеждал центр в серьёзности положения. Красноармейцы голодают, у половины нет ни сапог, ни белья, ни шинелей. С ружьями и боеприпасами дела не лучше. Складывается парадоксальная ситуация. Вооружены все, кроме красных солдат. У кулаков имеются огромные запасы оружия, которое выкуплено ими у дезертиров. Будучи голодными и безоружными, красноармейцы часто теряются, когда сходятся лицом к лицу с таким откормленным, вооруженным до зубов деревенским мироедом. Кулаков нужно тряхнуть посильнее, отобрать у них оружие. А потому две-три тысячи хорошо экипированных, надёжных коммунистов могли бы основательно укрепить фронт и изменить ситуацию, но Москва не хочет помочь. Всеукраинский Революционный комитет принял постановление об объявлении Махно и его окружения вне закона (9 января 1920 г.). К тому времени значительная часть махновцев, казалось, готова была встать на сторону Советской власти и бороться с контрреволюцией (по словам Белаша, до 50%). Анархизм и большевизм абсолютно несовместимы.

Было ясно, что согласия меж ними и большевиками быть не может. Они были враждебны идее советской власти, по данным советской разведки, махновцы были намерены и дальше вести войну против Советской власти. Скажем, Гуляй-польский районный съезд махновцев-анархистов (10 апреля 1919 г.) провозгласил своё кредо: «Требуем немедленного удаления всех назначенных на всевозможные военные и гражданские ответственные посты; протестуем против всякой системы назначенчества... Требуем полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым течениям, т.е. партиям и группам, и неприкосновенности личности работников партий левых революционных организаций». Что ж тут пло-

хого? В условиях Гражданской войны это будет означать полную безответственность и анархию — и приведёт к гибели страны и данной власти. Дисциплина и жесткая централизация советского государства для них были неприемлемы. Дело даже не в тех или иных личностях, а в типе мировоззрения. Вор или бандит будет воровать и убивать. Другой жизни он не знает, да и не хочет. После всех договоров выяснилось, что махновцы верны их натуре. Они вновь занялись грабежами и убийствами, нападая на интендантские службы и на небольшие отряды Красной армии. И всюду прибегали к террору. Хотя в целях пропаганды готовы были на эффектные шаги. Махно писал Кропоткину: «Дорогой Петр Алексеевич!!! Зная положение России в смысле продовольствия, и чувствуя, как отзывается это положение на Ваших старческих, физических силах, я обсудил с товарищами, и мы решили послать Вам несколько пудов съестных припасов, которые, считаем, необходимы для Вас. Вместе с этим посылаю Вам несколько номеров нашей повстанческой газеты «Путь к Свободе» и выпускаемых нами листовок. И прошу Вас как близкого и дорогого для нас, южан, товар[ища] написать нам своё письмо о повстанчестве, нашей области, которое правильно отражается в нашей газете. Кроме этого очень важно было бы для крестьян, если бы Вы написали в нашу газету статью

В бой против войск Махно

о социальном строительстве в деревне, которая ещё не заполнилась мусором насилия. Пока будьте здоровы. Жму крепко, Вашу руку. Уважающий Вас Батько Н. Махно. Гуляй-поле». Конечно, это была типично «публичная акция». Махновцы шли на сотрудничество с большевиками, но при этом хотели иметь с этого выгоду. В Мариуполе они потребовали от большевиков 7—8 миллионную контрибуцию за «помощь».

В условиях беспощадной битвы не на жизнь, а на смерть войска махновцев не желали исполнять приказов командования Красной армии... Реввоенсовет Южного фронта заявлял, что «действия и заявления Махно являются преступлением. Неся ответственность за определённый участок фронта 2-ой армии, Махно своими заявлениями определенно вносит полную дезорганизацию в управление, командование и предоставляет частям действовать по своему усмотрению, что равносильно оставлению фронта. Махно подлежит аресту и суду ревтрибунала». Подобные решения Реввоенсовета станут ещё понятнее, если вы представите себе то, что представляла собой тогдашняя Украина, на территории которой действовали банды «незалежных» атаманов (Зелёный, Тютюнник, Соколовский, Струк, Лопата, Лопаткин и др.). Эти «незалежники» люто ненавидели не только большевиков, но и Россию. Они призывали к физическому уничтожению «красных», где бы те не находились. Во время погрома, учинён-

Плакат против атамана Григорьева

ного зеленевцами в Фастове, было убито около тысячи человек. В июне 1919 г. в районе Триполье от их рук погибло несколько сот киевских комсомольцев, многих бандиты заживо закопали в землю или утопили в Днепре. Событие это в истории известно как «трипольская трагедия».

О том, что представляли собой взгляды бойцов-махновцев, может поведать и песня, которую те пели: «Мы разгромим их и уничтожим в этой войне, всех, до последнего комиссара, возьмём в плен. Ура, ура, ура! Мы идём на врага, за матушку Галину, за батьку Махно!» Махно, крестьянский вождь, умело руководивший своим «царством на колёсах», «республикой тачанок», терпеть не мог ничьей власти, кроме собственной. Возможно, в основе его глубокой неприязни было и то, что все три его брата были убиты: один — украинскими националистами, другой — денikinцами, третий — большевиками. Это, так сказать, сугубо личное. Его политика совершенно не соответствовала ни духу, ни букве советской власти. К примеру, Махно распустил ревкомы большевиков в Екатеринославе и Александровске, посоветовав их членам «заняться честным трудом». Он убеждён, что Троцкий хотел заменить деникинские «орды» Красной армией, а помещиков — политкомиссара-

ми. В ответ те запретят III съезд махновцев (апрель 1919 г.), назвав его «контрреволюционным сборищем» и объявив вне закона. Советские газеты стали писать о махновцах как о «кулаках», «анархо-бандитах». Особо старался Троцкий, приказавший разогнать махновскую коммуны Розы Люксембург на Гуляйполе. Мало того. Думаю, не без его ведома, а, возможно, при его прямом участии были посланы два агента ЧК к Махно убить его. Те были схвачены и расстреляны. Вскоре красные арестовали и расстреляли махновских командиров, с помощью которых они ранее одержали решающую победу над Врангелем. Троцкий приказал взять штурмом и штаб-квартиру Махно в Гуляйполе. Куда не кинь, везде видна гнусная физиономия этого провокатора и предателя.

Роль Махно в борьбе с частями Врангеля была всё же локальной. В подвижках сыграли успехи Красной армии, возрастающее влияние Советской власти на юге. О том говорят и документы Екатеринославского губкома партии, где сказано, что в полках махновцев преобладает стремление соединиться с частями Красной армии, хотя при этом подчёркнуто, что махновцы «настроены советски, но антикоммунистически». Огромное значение имело и решение Всеукревкома, то есть принятый им Декрет

Нестор Махно

Г. Кузьменко, жена Махно

о земле (от 5 февраля 1920 г.), ликвидировавший помещичье землевладение, что ранее воскресил Деникин. Красные перехватили лозунг одного из анархистских командиров, заготовивших даже бланки с обращением к беднякам Украины: «Голодранцы всіх країн, єднайтесь!» В итоге этого решения беднейшему крестьянству Украины передано было 11,8 млн десятин земли, из них 4,5 млн десятин они получили в результате экспроприации излишков кулацких земель. Социальная база опоры войск Махно сузилась. В этих условиях он вынужден был пойти с красными на компромисс, отправив на борьбу с Врангелем Крымскую армию во главе с командующим С.М. Каретниковым и начштаба П. Гавриленко (в составе 2—2,5 тыс. бойцов). И всё же в боях по освобождению Таврии махновцы проявили себя ничуть не хуже красных. Можно даже сказать, что вели себя мужественно.

Но порой приходится слышать и такие утверждения, что махновские части сыграли чуть ли не решающую роль при взятии Перекопа. Ю.П. Власов пишет: «При взятии Перекопа войска Махно были брошены на самый гибельный участок и почти полностью выбиты. Они штурмовали Турецкий вал в лоб. Пять тысяч уцелевших бойцов из бригады Махно были тут же расстреляны по приказу Троцкого. Это была высшая подлость. К тому времени Нестор Иванович носил орден Красного Знамени за номером четыре». Правда, по свидетельству его жены, Г. Кузьменко, орден Махно никогда не носил. Но не это главное... Буденный

пишет, оценивая действия Махно: «В тяжелую минуту, когда Врангель угрожал Донбассу, а с запада на Украину наступали поляки, советское командование вновь предложило Махно действовать совместно. Боясь Врангеля по той же причине, что и Деникина, Махно согласился, но существенной помощи Красной Армии не оказал. Махно выделил для штурма Крыма всего один отряд под командованием Каретникова, а с основными силами повстанческой армии расположился в районе Гуляй-Поля, оставаясь в стороне от сражений. Вступив в Крым через прорванные уже укрепления, махновцы предались... обычным занятиям — грабежам, разбою, пьянству». Вряд ли эти оценки во всём были справедливы, но махновцы и в самом деле пустились «в загул».

Однако и большевики действовали в отношении группы Каретникова, участвовавшей в штурме Перекопа, бессовестным образом. М. Фрунзе в разговоре с главкомом С.С. Каменевым заявил, что «повстанческая армия в последних боях вела себя неважно и явно уклонялась от задач, связанных с риском серьёзных потерь» (13 ноября 1920 г.). Это не совсем так и даже совсем не так. В. Азаров иначе объясняет причины расхождения махновцев и большевиков. «Во время разгрома Полевой армией тылов синельниковской группы Врангеля Повстармией захватила огромное количество трофеев, в том числе эшелоны с боеприпасами, бронепоезда, танки, самолёты. В Северной Таврии белые потеряли до 40% своих вооружений. Многие из них

Полевая армия переслала в Гуляй-поле. Пока шла Крымская операция, время работало на махновцев. Анархическая агитация и подвиги Повстармии вызывали массовые симпатии красноармейцев, особенно бывших повстанцев, бывших казаков из корпусов Мамонтова и Шкуро и мобилизованных южноукраинских крестьян. Как характеризовал махновцев представитель Южфронта при Повстармии Мартыненко, «в бою они великолепны и в этом отношении имели влияние на красные части». Так ещё 26 октября 30-я красная дивизия, сформированная из сибирских повстанцев, и имевшая в своих рядах мно-

Махновская «армия»

го анархистов, требовала принять её в ряды Повстармии. Посылала своих делегатов к Махно и 42-я дивизия. Она была сформирована в 1919 г. из 4-й партизанской дивизии Донбасса, и её части были также близки махновцам по духу. Вёл тайную переписку с махновским штабом и командарм 2-й Конной Миронов, чья кавалерия брала Крым бок о бок с Повстармией. Родной брат командарма Миронова с 1919 г. был в махновщине начальником штаба 2-го Азовского корпуса. И, по словам Белаша, 2-я Конная «готова была восстать по первому сигналу». В итоге, шедшие на усиление 2-й Конной маршевые эскадроны по приказу Миронова поворачивали на Гуляйполе и пополняли тыловую группу Повстармии. С 11 ноября махновские агитаторы начали обработку и частей 1-й Конной Буденного, особенно бригады Маслакова. И та в январе 1921 г. перешла на сторону махновцев. Мемуары Белаша упоминают наличие в красных частях анархистов-универсалистов, — последователей нового анархического течения, что, конечно, вело к разложению Украинской советской армии.

При этом, как заметил историк махновщины В.Чоп, по соглашению «получалась картина односторонней интеграции в Советскую Украину. Махновцы собирались воздействовать на всеукраинскую политику через Всеукраинские съезды Советов, но сами не допускали к себе систему госаппарата большевиков». На национальном жёлто-голубом знамени махновцев было написано: «Да здравствует незалежня Украинска радянська Республіка» (да здравствует независимая Украинская Республика Советов) и «Геть инозимців». Крестьяне говорили, что однажды Махно во всеуслышание сказал: «Пока я жив, другой власти, кроме моей, не будет на Екатеринославщине...» Именно эти военно-политические лозунги сепаратизма, как я полагаю, и вынудили красных прибег-

Черных—убит в Знаменском лесу бандой Запорожского в 1921 г.

Литвиненко—убит в Знаменском лесу бандой Запорожского в 1921 г.

П. Пузановский—стар. добровольный партизан, убит в Ефремовых бандах в 1920 г.

Дружина—пол. стар. тузем. гвар. добровольный партизан, убит бандой Махновцев летом 1921 г.

Т. Б. Золотарев и Д. Е. Муравчик—артиллерийские наводчики в силе Камышевского в декабре 1920 г.

Н. Камшинов—убит в лесу Подлесном близ Харьк. в 1920 г.

Смирнов—член добровольной организации, убит бандой Степанова в Компанеевке, в 20 г.

Н. Н. Бакарев—убит бандами в Новомиргороде.

Г. Костюк—убит бандами в Новомиргороде.

Дружина—пропагандист, убит на митинге в бандах.

Большевики, павшие в боях с Махно

нуть к разоружению, а затем и к уничтожению армии Махно. Никто из них другу другу не доверял. После штурма Перекопа красные разоружили группу Каретникова. Их окружила сводная группа курсантов,

Погибший от рук махновцев белый

7 кавалерийская дивизия и другие части. Те открыли огонь из всех имевшихся пулеметов и, прорвав кольцо окружения, вырвались из западни. Для ликвидации Махно было привлечено $\frac{2}{3}$ частей Красной армии, участвовавшей в разгроме Врангеля: 86 батальонов и 224 эскадрона, т.е. 58,5 тысяч бойцов. Видимо, Махно понимал, что противостоять красным он не может, силы его воинства на исходе. За ним шла настоящая охота. Ленин в записке заместителю председателя Реввоенсовета Склянскому напоминал: «Надо ежедневно в хвост и в гриву гнать (бить и драть) Главкома и Фрунзе, чтобы добились и поймали Антонова и Махно».

Тем не менее он яростно сопротивлялся, проявляя ум и отвагу. Прорывался даже сквозь стальные кольца бронепоездов, что порой выпускали по его отрядам до тысячи снарядов в день. Так, 5 февраля 1921 г. Махно сумел разгромить севернее Луганска кавалерийскую бригаду красных. Однако он понимал, что политически потерпел полное поражение и говорил: «На Украине мы потеряли почву: наши союзники-селяне нас, как видимо, перестали поддерживать. И вот результат: они покидают армию и являются с повинной! Искания на Полтавщине в течение двух месяцев союзников вылилось в простое скитание. Мы должны... прорваться за границу...»

Упорная схватка с Махно продлится до 1921 г., когда он с остатками его бойцов смог-таки прорваться в Бессарабию. Сохранились и воспоминания о встречах с Махно. И. Метт рисует образ честного, совершенно искреннего в своих социальных пристрастиях человека. Она рассказывает, как в 1927 г. в Париже Махно, будучи в поэтическом настроении, рисовал ей свою мечту: как он возвращается в Гуляйполе, «ведёт там спокойную, правильную жизнь, женится на молодой крестьянке», мечтает о доброй лошади и о хорошей упряжи. В глубине души, говорила Метт, он всегда оставался истинным украинским крестьянином, но, кроме того, был ещё и прекрасным артистом, неузнаваемо перевоплощавшимся в присутствии толпы. Артистические способности у него, видимо, действительно были, но заключались они скорее всего в его уникальной способности лавирования между тремя основными силами, действовавшими в те годы на Украине (украинские нацио-

налисты, белогвардейцы и красные). В разных ситуациях он раскладывал тот или иной политический пасьянс, хотя самой вождьленной его целью было создание собственной республики — под названием «Махновия». Поэтому он то вступал в союзы с той или иной сторон, то обрушивался всеми имеющимися силами на вчерашних «союзников». И всегда и везде действия его войск сопровождались грабежами и убийствами. Факты эти общеизвестны. Но надо сказать, они нисколько не огорчали его войско.

По словам его начальника штаба В. Белаша, он «имел как личность большое влияние в нашем кругу. Его ценили как администратора, повстанцы боялись его и повиновались, а это в армии весьма важно и полезно». «Батько наш, молвили они, он и стакан водки выпьет с нами, и речь хорошую скажет, и в цепь пойдёт...» Думаю, «куркули» ценили его и ещё по одной немаловажной причине. Очевидцы вспоминали одну из сцен, которая имела место в селе, где пожилая крестьянка срамила своего сына «за безделье»: «Ты же ни черта не делаешь, да и делать сейчас по хозяйству нечего. Шёл бы к Махно. Посмотри на ребят из нашего села. Вот Николай, вот Иван Фёдорович пробыли у Махно три месяца, привезли по три шубы, пригнали по паре лошадей». Газета «Известия» также, види-

Знамя Махно: «Смерть врагам свободы и трудового народа»

мо, была не так уж далека от истины, когда писала о разлагающем влиянии на крестьянство самого явления «анархо-махновщины»: «Махно своим «пособничеством», с его идейной разнузданностью, развратил местную деревню, растлил её душу. Разбой стал нормальной жизнью, бытовым явлением. День-деньской местный мужичок деловито занимается своим хозяйством, пашет, косит, а ночью, вместо того чтобы спать, идёт людей резать. Всё до крайности просто, словно он сидит и галушки ест. Устроить крушение поезда, перестрелять десяток пассажиров, это даже не преступление в его глазах, это — «каждый ведёт своё хозяйство по-своему». Пусть это часть правды, но большая. В Махно выявились в концентрированном виде типичные черты крестьянского бунтаря, склонного к вольнице и набегам. Таков был этот, как называл его В. Короленко в письмах к Луначарскому, «средний вывод украинского народа», или же «комбриг батко Махно». «Средний выводок» в равной мере ненавидел как коммунистов, так и белогвардейцев. Показательно «Обращение» махновцев к крестьянам с. Новоспасовки (1920 г.). В обращении говорилось: «Повстанческая армия боролась и борется за истинные Советы, а не за чрезвычайки и комиссароержавие. Во время палача гетмана, немцев и Деникина повстанчество грудью встало против душителей в защиту трудового народа. И сейчас Повстанческая армия считает своим святым долгом стать на защиту интересов трудового крестьянства против попытки господ коммунистов запрячь в свой хомут трудовое крестьянство Украины. Повстанческая армия хорошо знает и помнит пришедших избавителей-комиссаров. Самодержец — красный генерал Троцкий — приказал разоружить созданную самим крестьянством Повстанческую армию на Украине». Пришвин: «Быть кадетом в провинции — это почти что быть евреем». Им доставалось больше всех.

Воззвание махновцев к красноармейцам подчеркивало: «Смерть всем золотопогонникам! Смерть всем комиссарам и палачам! Да здравствует социальная революция, да здравствует подлинный советский свободный строй!»...

О том, что за «идеология» была у этой деревенской гольтыбы и середняков говорят и их лозунги: «Долой коммунистов — да здравствуют большевики», «Долой иноземцев», «За веру!», «Бей жидов!» Рядовые махновцы и в самом деле считали, что все коммунисты — евреи, а все евреи — коммунисты и убивали тех и других. Всё это было естественно для той ситуации, когда Украина и вся Россия, по словам одного деятеля, представляла собой «огромный огнедышащий вулкан». П. Аршинов, ближайший сотрудник Махно, ведавший культурно-просветительским отделом при штабе, редактировал махновскую газету «Путь к свободе». Он и издал о нём в Германии книгу «История махновского движения (1918—1921)». Так вот, Аршинов видел в нём чуть ли не борца с антисемитизмом, приводя в подтверждение своей позиции и ряд примеров. Махновцами был убит Григорьев со штабом, якобы из-за причастности к еврейскому погрому. Или вот ещё... 12 мая 1919 года в еврейской земледельческой колонии «Горькая» Александровского уезда уничтожено несколько еврейских семейств (20 человек). Штаб махновцев для расследования дела немедленно назначил комиссию, которая установила, что убийства совершили крестьяне из соседнего села Успеновка. Их было 7 человек. Крестьяне не входили в повстанческую армию. Махновцы при задержании немедленно их расстреляли. 4 или 5 мая 1919 г. Махно с несколькими командирами спешно ехал с фронта в Гуляйполе, где его в течение це-

И. Репин. «Запорожцы». Фрагмент

лого дня ожидал чрезвычайный уполномоченный Республики Л. Каменев с членами харьковского правительства. И вот на станции Верхний Токмак он неожиданно увидел плакат с надписью: «Бей жидов, спасай революцию, да здравствует батька Махно!» — Кто повесил плакат? — спросил Махно. Оказывается, плакат повесил один из партизан, лично известный Махно, принимавший участие в боях с деникинцами и человек, в общем-то, неплохой. Он немедленно явился и, говорят, тут же был расстрелян. Ситуация на Украине в годы Гражданской войны, где сражались одновременно порядка шести-семи армий: петлюровцев, гетмана, большевиков, белых, Антанты, немцев, поляков и махновцев, сложилась — не приведи Господь... По подсчётам, в то время тут действовало более 70 разного рода банд. В плане политической пестроты положение запутанное. Так же выглядела армия Будённого. Тот и сам признавался: «Моя армия, как редиска, — снаружи красная, а чуть ковырнёшь — так внутри белая». Что уж тут говорить про всю Россию! Но при и всём разнообразии пристрастий, а порой и лютой ненависти воюющих друг к другу, как это и ни покажется странным, идейные противники были едины в неприязни «чисто еврейских комиссаров», и вообще, увы, простого еврейского населения. Чего стоит хотя бы фраза гоголевского героя Тараса Бульбы: «Рубануть саблей по тонкой жидовской шее, вспороть беременное брюхо его поганой Хайке, поднять на пики верещащих по-пороссячьи детей, да и забрать всё, что поднакопил проклятый жид»... Жуткая фраза, которую без содрогания читать и сегодня невозможно (хотя то же самое делали, и не раз, и с русскими людьми захватчики и оккупанты на нашей многострадальной земле). Какая бездна национальной ненависти и социально-психологического неприятия скрыта в словах Тараса, который в остальном — патриот Украины. Итогом таких вот настроений и стали массовые погромы (200 погромов — белыми, 150—200 — красными, атаманами-украинцами и поляками — 800). Евреев били все, кому не лень.

Точную характеристику идейной стороне махновского движения дал белый офицер Бипецкий... Он писал: «Многие журналисты, писатели и общественные деятели часто занимались (и занимаются!) вопро-

сом о «махновской идеологии». Это явление мне кажется довольно странным, так как у Махно вообще никакой «идеологии» не было. Правда, с большой натяжкой можно отыскать ту или иную идею в этом разбойном движении и украшать её розами своего таланта и поэтического вдохновения, но едва ли от этого Махновщина выиграет в моих глазах и глазах современников, близко знакомых с этим движением. Возможно, что Гоголь XX или XXI в. художественно изобразит вам «батьку Махно» и наделит его теми качествами. Возможно, что общество, знакомое с Тарасом Бульбой XX века по художественным произведениям, будет восторгаться подвигами и славой Махно, но это не изменит суда истории. Как для современников, так, я думаю, и для будущих историков, Нестор Махно был и будет беспринципным зверем и бандитом, погубившим много невинных людей... «Кровь и деньги!» — вот был девиз, начертанный на чёрном знамени Махно... Правда, верховная власть принадлежит всецело ему, и он вникает во все мелочи. В деревнях образуются «Советы», но они всецело служат игрушкой в руках Махно и всегда пляшут под его дудочку... Хотя Махно и был неограниченным самодержцем в своём царстве, однако на местах царствовали его сатрапы — всевозможные начальники партизанских отрядов. Они чинили «суд» и расправу, т.е., вернее, творили расправу без суда, т.к. никаких судебных органов не было, и махновская армада была содержанкой у батек и атаманов». И тут же он добавляет колоритный штрих: «Я заметил, что даже психология махновцев была чисто воровская: «Во-

Памятник Махно. Кладбище Пер-Лашез

руй, но не попадайся»; «Воровать у чужих — слава, воровать у своих (товарищей) — позор» и т.д. Слепое повиновение атаману напоминало дисциплину разбойничьих и пиратских шаяк, в которых атаман был всё». Лидер крестьянских повстанцев Украины Нестор Махно умрет после долгой и тяжелой болезни в одном из госпиталей в Париже в 1934 г. В любом случае, думаю, просто дико и нелепо делать из него сегодня героя такой крестьянской вольной республики.

Трудно и напряженно складывалась обстановка на Кавказе. На Кавказе давно уже шла «большая игра», в которой участвовали Персия, Турция, Россия, Англия, Франция, уже не говоря о бесчисленном количестве обитающих тут народов и их правящих кланов. Грузия в XVII—XVIII вв., даже раньше стала ареной борьбы между Ираном и Турцией, что вели спор за преобладание в Закавказье. Известно, что кахетинский царь Александр II ещё в 1586 г. обращался с просьбой к Федору Иоанновичу с просьбой о принятии Кахетии в подданство России. Русские послали тогда ему войска, но никакой помощи от Александра не получили, потеряли три четверти отряда и вынужде-

Кавказец убивает русского

Махно в Париже

ны были уйти в свои пределы. Георгий XIII, последний грузинский царь, желая утвердить на троне сына Давида, и зная, что тому имеются конкуренты в лице потомков царя Ираклия, хотел заручиться поддержкой России. Потому и решил привести своё царство под руку русского царя. Потомки Ираклия сделали главную ставку на противников России, персидский и турецкий двор. Его сыновья ушли, вместе со своей свитой, в Турцию и Персию. Оттуда они делали набег на Грузию. Народ же стал заложником политики властвующих групп. Красно-речивы и злободневны слова участника тех событий С.А. Тучкова (1766—1808). Он писал, как долго колебался русский царь Александр I, когда командующий генерал Кнорринг нарисовал картину того, что увидел в Грузии. Вопрос встал ребром: «будут ли по крайней мере доходы оной соразмерны с издержками на её защиту». Тучков стал говорить об обязанности государей российских защищать там христиан, особливо своих единоверцев против «варваров мусульман». Кнорринг же с чисто немецкой деловитостью заметил: «Теперь во всем другая система...» Но уже тогда умные люди в России понимали, что Грузия — это скорее обуза для России, что овчинка не стоит выделки. Та способна лишь доить Русь!

Бой в горах Кавказа

Шульгин как-то заметил: «Когда-нибудь история (если её не затушуют, не задавят и не подделают) расскажет этот процесс. У живых же свидетелей, у очевидцев, от этого времени осталось неизгладимое впечатление: евреи и грузины — грузины и евреи». Грузинско-еврейский симбиоз во власти принёс немало горя народам России. Надеюсь, это научит впредь держать сих господ подале от ключевых постов российского государства, особенно первых.

Хотя значение российского присутствия, военно-экономической и иной помощи для Грузии было велико. Тому множество свидетельств, как с грузинской, так и с русской стороны. Однако убедительнее выслушать мнение англичанина. Ведь Англия в этом регионе была главным конкурентом России среди европейцев. Англичанин Р. Кер-Портер, изъездивший весь Кавказ, оценил роль России в судьбах Грузии как огромную. Благодаря России народ Грузии вышел из опасного состояния всесторонней деградации и полного отчаяния, типичного для страны, долгое время находившейся под гнѐтом и дурным управлением сменявших друг друга иноземных владык. Русские положили конец набегам лезгин с севера и кровавым опустошительным нашествиям персов и турок с юга. «Прекратились феодальные междоусобицы, что в Гру-

Имам Шамиль

зии приняли жесточайший характер в условиях «полного отсутствия всякого закона и правосудия». Открылись новые возможности для развития хозяйства. Работник мог теперь не только найти опору в законе, но и в большей степени воспользоваться результатами его труда. Россия постаралась примирить грузинскую знать с народом путём провозглашения принципа равенства перед правосудием. Однако сделать это было очень трудно, ибо в духе самовластных князьков-деспотов грузинская знать привыкла тут игнорировать народ. Независимость Грузии была чистойшей фикцией, ибо подлинными хозяевами стра-

Пленение Шамиля ген. А.И. Барятинским в ауле Гуниб

ны всегда были захватчики. Грузины видели перед собой пример несчастной Армении, бывшей в составе Персидской и Турецкой империй. Армения часто становилась «жертвой враждующих мечей». Прибыв в Ардашир, где всё погребено под горами земли (люди, жилища, церкви, дворцы), Р. Кер-Портер испытал чувство, будто он «стоял над могилой» Армении. Россия ограничила произвол сей грузинской знати, которая, как свирепый волк, терзала свой народ. Теперь же Грузия ожила. Она «цвела в тени своих садов, не опасаясь врагов, за гранью дружеских штыков».

Однако на Кавказе, со времён Шамиля, всегда хватало тех, кто готов был вопрос о свободе напрямую связать с темой войны против России, рассматривая её как враждебную державу. И для этого были свои «имперские основания». Во-первых, кавказцы обожают власть и не хотят делить её ни с кем. Это как первая любовь, ей присягают раз и навсегда, даже если жизнь заставит отказаться от этой мечты, мечты дикой свободы... И стоит ей явиться, хотя бы в облике призрачном и зыбком, и кавказец готов последовать за своей искусительницей. Во-вторых, стоило России проявить слабость и неумелость, стоило опуститься на каком-то из «кавказских хребтов», как тут же, словно из-под земли, появлялись вооруженные люди, готовые сокрушить «гяура», растерзать и убить: на Кавказе таких мюридов, таких шамилей, хаджи-муратов тысячи. Гамзат-бек говорил: «Тарикат велит нам вести войну с русскими, чтобы освободить наших собратьев от их власти. Кто убьёт русского, тому обещано вечное блаженство; кто сам будет убит в деле, тому предстоит рай со всеми гуриями и утехами». В-третьих, русские порой не вполне учитывали психологию восточных людей. По словам публициста Н. Волконского, с горцами не воевали — их постоянно «наказывали». Хотя и горцы не знали русских. После одержанных побед Шамиль утверждал, что русских почти не существует. И тут же последует его вторжение в Осетию и Кабарду (1846). Цель его похода — расширить имамат на запад и захватить всю Черкессию. Не случайно же некоторые зарубежные историки стали называть планы Шамиля «имперскими». По замечанию одного из них, «со своего горного трона он надеялся властвовать над всеми

народами Кавказа, как пророк и независимый государь». На пике его могущества под знамёнами Шамиля могло собраться до 60 тысяч воинов. Целых полвека длилась битва горцев за свою независимость. Но итоги её были безрадостны. Единственным смыслом и целью Шамиля и его окружения была война против гяуров («неверных»). Каков итог? Огромное число жителей Кавказа вынуждено мигрировать. Две трети населения Дагестана и Чечни погибло в бессмысленных сражениях. И что это дало народу? Лишь страдания, кровь, нищету, невежество. Всему бывает предел. Кроме того отважные воины столкнулись с не менее отважными русскими, которых отличало ещё и удивительное упорство. К тому же они смогли предложить народам Кавказа куда более достойную альтернативу. Горцы получили не только дороги, не только столь нужные знания, но и возможность карьерного роста для своих детей. Много горцев пошло служить в ряды русской армии. Для многих это было спасением. Шамиль наплодил во время разбойных походов множество кровников. Русские в итоге оттеснили его в аул Гуниб, где он оказался заперт с самыми верными воинами и семьей. У него уже не было ни той поддержки (старейшины запрещали отдавать сыновей на бессмысленную бойню), ни оружия. Его же сородичи напали на остатки войск Шамиля и разграбили его оружейные запасы и серебряную казну.

Можно сказать, что они хорошо усвоили уроки учителя. Так он оказался загнан, словно старый горный козёл, на вершину

Тифлис. Около 1900 г.

гор, где, возможно надеялся отсидеться. Но и тут сыграло роль всеисильное золото. Русским войскам удалось подойти буквально вплотную, подняв в горы артиллерию. Тайную тропу им показал за солидную мзду некий пастух. Перед Шамилем был выбор. Русский генерал А.И. Барятинский предложил ему в случае сдачи уйти на свободу, куда он захочет — вне пределов России. Но гордый Шамиль воскликнул: «Не будет у меня мира с русскими!» Начался бой, но силы были неравны. Остатки отряда были на грани уничтожения. Оставалось или умереть или сдаться. Говорят, что любимая дочь Шамиля умолила его сдаться и спасти оставшихся людей. Так завершилась эта эпопея. В России Шамиль был принят Александром II и определён на жительство в Калуге. «Теперь Кавказ в Калуге», — горестно молвил он. С покорением Кавказа началась современная история. Минувли годы — Кавказ теперь уже не в Калуге, он перебрался в Москву и в Петербург.

Но тогда настал долгожданный миг свободы... Ведь Октябрьская революция 1917 г. шла под лозунгами перехода от капитализма к социализму. И в многонациональной России она не могла не затронуть народы Северного Кавказа. В Дагестане это произошло мирным путем. В начале декабря 1917 года в Порт-Петровске (совр. Махачкала) и Дербенте установилась власть Советов. Большевиков там в то время было немного, а реальную силу представляла «Дагестанская социалистическая группа», созданная ещё в период революции 1905—1917 гг. представителями национальной интеллигенции. Социалистам, их возглавляли М. Дахадаев, Д. Коркмасов, противостояли мощные феодально-клерикальные силы, объединенные под знаменем ислама. Социалист А. Тахо-Годи вполне справедливо назвал эти силы «реакцией тёмной, как ночь». Их и возглавил крупный землевладелец и скотовод Н. Гоцинский, в августе 1917 г. провозглашенный имамом Чечни и Дагестана. Отряд Гоцинского в январе 1918 г. совершил поход на областной центр Темир-Хан-Шуру (совр. Буйнакск). С этого и началась гражданская война в Дагестане. Тогда революционно настроенным силам во главе с М. Дахадаевым и интернациональному полку во главе с У. Буйнакским удалось-таки отстоять Темир-Хан-Шуру, не-

сколько отсрочив падение советской власти. Основной причиной гражданской войны, как и всюду, были экономические интересы зажиточных слоев населения, что хотели любой ценой сохранить свою собственность и не допустить её передела беднотой. Их поддерживала подавляющая часть мусульманского духовенства и, в частности, настроенный фанатично происламски шейх Узун-Хаджи. Он и стал опорой Гоцинского. Феодально-клерикальные круги стремились к созданию в Дагестане теократического государства и к тесному союзу с Турцией. В психологии значительной части горцев продолжал действовать стереотип в отношении к русским, сложившийся ещё в результате Кавказской войны 1817—1864 гг. В них видели душителей свободы. Свежи были в памяти результаты сурового подавления русскими дагестанского восстания 1877 г., когда около 300 активных его участников были казнены, а более 5 тыс. человек переселены в центральные губернии России... В результате военного похода в марте 1918 г. отряды Гоцинского ликвидировали советскую власть в Порт-Петровске. Около 1200 человек погибли, в том числе представители многих дагестанских селений. «Тысячи вдов и сирот во всех аулах Дагестана проклинали имя Гоцинского. Не было аула, откуда бы не было хотя бы одного-двух убитых...» История повторится, но теперь в ином ключе.

Активно действовали на политической арене России в годы революции и грузины... Тот «парад суверенитетов», который произошел в 1917—1921 гг. в России (и повторился в 1985—2002 гг.), вынуждал Советскую власть с тревогой наблюдать за вакханалией грузинских националистов... Сразу же проявилась наследственная черта меньшевистских правителей Грузии —

Учредительное собрание в Грузии в 1919 г.

авантюризм... Обретя независимость, Грузия тотчас показала свой разбойничий нрав, предприняв попытку аннексировать территорию Южной Осетии против воли народа. Это тотчас повлекло за собой волну выступлений протеста против грузин. Осетия отказалась выходить из состава России и не приняла участия в выборах в грузинский парламент, требуя в свою очередь признания права на свободный выбор. Грузины сочли сей демарш вызовом. Возможно, они считали, что, имея многих выходцев с Кавказа в коридорах власти Кремля, они вправе решать и все важнейшие вопросы в нужном для них ключе. Любили очень вспоминать об их роли в распространении христианства на Северном Кавказе, в Грузии впервые введено христианство (св. Григорием Армянским и св. Ниной). Христианизацией Северного Кавказа в IV в. занимался грузинский царь Вахтанг Гурген-Аслан. Тогда ему удалось подчинить влиянию христианской церкви часть адыгов. Грузинские летописи свидетельствуют, что VI Вселенский Собор, проходивший во время правления грузинского царя Адарнаса I (613 — 639 гг.), подчинил Мцхетскому патриаршему престолу Осетию и Черкессию. В таком же подчинении осетины и черкесы находились и при другом грузинском царе, Стефане II (639—663 гг.). Но подчинение ещё не означает любви к притеснителю.

Независимость, следствием которой становится желание удовлетворить давно подавляемые захватнические инстинкты, может привести к абсурду, авантюризму, что показал пример Грузии. После распада Российской империи в 1917 г. Грузия стала независимой (26 мая 1918 г.). Кое-как обеспечив тыл, грузинские войска в июле 1918 г. вторглись на Кубань, где осуществляют повальные грабежи. В первую голову они занялись грабежами и отправкой всего, что имело хоть какую-то ценность, в Грузию: увозили оборудование, угоняли скот... «Генацвале» утащили даже рельсы с Гагринской и Туапсинской железных дорог... Деникин в «Очерках русской смуты», кипя от гнева, возмущался тем, как нагло вели себя обретшие неза-

висимость грузины. Есть немало свидетельств безобразий, что творили в округе во время оккупации грузинские националисты: «С первых же дней оккупации Сочинского округа (включая и Гагры), грузинские власти приступили к разорению его, отправляя всё, что было возможно, в Грузию. Так была разграблена Туапсинская железная дорога, причем увозились рельсы, крестовины, материалы, даже больничный инвентарь; распродано с аукциона многомиллионное оборудование Гагринской климатической станции, разрушено лесопромышленное дело в Гаграх, уведён племенной скот, разорены культурные имения и т.д.» Грузия уже тогда представляла собой осиное гнездо, к которому чужаку лучше было даже на расстояние не подходить... Она сразу повела себя на международной арене в отношении нового российского государства как враг и провокатор.

Свободолюбивые народы, каждый из которых имел свою историю и свой собственный характер, крайне настороженно относились к попыткам их подчинить и покорить... Мы уже говорили о войне горцев под главенством Шамиля против России. Ничуть не меньше претензий имелось у этих народов и племен к своим собственным соседям. Если Россия всё же несла за собой ореол защитницы и помощницы, то этого не скажешь о грузинах. Этот народ, чья жизнь и само существование которого не раз подвергались трудным испытаниям, как это ни покажется странным, в отношении близких к нему народов вёл себя как настоящий тиран и узурпатор. Заняв Адлер,

Герои Осетии

Сочи, Туапсе, те пожелали создать так называемую «Южную республику» (под своей властью). 20 июня 1920 г. Южная Осетия подверглась вооруженной агрессии со стороны меньшевистской банды Грузии. В письме к Советскому правительству осетины сообщали: без всякой видимой причины и без предупреждения грузинские части открыли жестокий огонь по осетинам из пушек и пулемётов. В итоге жесточайшего геноцида осетинского народа (18 тысяч погибших и более 50 тысяч изгнанных на север) Осетия была аннексирована. Жестоко вели себя грузины и в отношении других народов Закавказья. Разговор с восставшими у грузин был коротким... «Врывались в мирные абхазские деревни, забирая всё мало-мальски ценное, совершая насилия над женщинами. Насилия произведены в Гудаутском уезде. Начальник грузинского отряда, поручик Купуня, избил целый сход, заставив лечь под пулемётный огонь, и прошелся затем по их спинам, нанося удары шашкой плашмя; затем приказал сходу собраться в кучу, верхом во весь карьер врезался в толпу, нанося побои кнутом...» Меньшевик В. Джугели, умирив восстание осетин в 1920 г., заносит в дневник такие строки: «Теперь ночь. Всюду видны огни. Это горят дома повстанцев... Горят и горят... Какая-то страшная, жестокая и феерическая красота... И, озираясь на эти огни, один старый товарищ печально сказал мне: «Я начинаю понимать Нерона и великий пожар Рима...». Это — данные абхазских меньшевиков, т.е. «собратьев» грузин по партии. Конечно, их никоим образом не объяснишь большевистской или русской пропагандой. О том, что представляли собой в начале XX века отношения грузин с абхазами, свидетельствуют и документы из штаба А.И. Деникина. Абхазы обратились к нему с прошением, подписанным членами народного Совета. Там сказано, что абхазский народ составляет главную часть населения Сухумского округа, лежащего на берегу Чёрного моря. После

Абхазский народ

краткого исторического экскурса члена Совета переходят к сути проблемы... Они говорят, что ненависть абхазцев к грузинам так сильна, так неизбывна, что всякое совместное жительство двух народов невозможно в дальнейшем. А потому всё равно, пусть даже путем долгой и кровавой борьбы, но абхазцы добьются свободы обязательно. Всякое препятствие в удалении грузин из пределов Сухумского округа лишь ухудшит дело, вынудит к вмешательству посторонние вооружённые силы для восстановления тут порядка. Требования абхазов: 1) вывести из района грузинские войска, выдворить грузинскую администрацию за пределы реки Ингури; 2) возложить на самих абхазов управление округом; 3) абхазы выражали надежду, что русские войска станут гарантами их свободы, воли и чести. Ни осетины, ни абхазы, ни другие народы вовсе не желали признавать первенства Грузии. Что же касается генерала А.И. Деникина, то он твёрдо стоял на позиции жёсткого подавления любого сепаратизма, будь то украинский, кавказский, российский. Он писал: «История никогда не простит нам, если мы твёрдо и самоотверженно не будем защищать русское достояние от местного сепаратизма и внешних захватов». Характеризуя обстановку тех лет на Юге России, он заявил, что оказавшееся «в руках сепаратистов с явно социалистической окраской» грузинское правительство готово «метаться куда угодно, только бы не в сторону ДА (Добровольческой армии)»,

«отношение к ДА — враждебно-нейтральное»; находящийся под влиянием Британии Азербайджан «непосредственно находится в сфере британского влияния». Грузинская «элита» готова лечь под кого угодно, только бы платили. Самое страшное для неё — если её вдруг никто не купит.

А так как своих силёнок у Грузии никогда не было (нет и по сей день), надо к кому-то прилепиться. И лучше к сильному и богатому. Уже через два дня после провозглашения независимости (28 мая 1918 г.) грузинское правительство подписывает договор с Германией. Ряд статей этого договора и дополнительных соглашений к нему однозначно свидетельствует, что меньшевистская Грузия уступала, фактически отдавала на откуп немцам все свои природные ресурсы. К примеру, статья III дополнительного соглашения к договору между Германией и Грузией недвусмысленно гласила: «Грузинское правительство обязуется предоставить на все время войны исключительно Германии покупку всех находящихся на грузинской территории материалов, поскольку они не требуются для внутреннего потребления страны, и не препятствовать их вывозу запрещениями или пошлинами». Статья II этого соглашения предусматривала совместное (т.е. по 50 % акций каждой стране) владение горнорудными предприятиями, однако всю их продукцию немцы получали право вывозить без ограничений. И они тут же воспользовались этим правом: с мая по сентябрь 1918 г. Германия вывезла из Грузии на 30 млн марок

марганца, меди, шерсти, табака, хлеба, чая, фруктов, вина и т.д. и т.п.

Так не слишком ли высокую цену за независимость должен был платить прежде всего грузинский народ, если учесть, что немцы и не думали расплачиваться с грузинскими властями за ту или иную продукцию?! Грузинское население, в массе своей, правда, с возмущением относилось к продовольственным и денежным поборам со стороны немцев. Вот фрагмент одного из многочисленных документов на эту тему... 15 июля 1918 г. глава администрации Пригородного района Тифлисского уезда сообщает тифлисскому уездному комиссару о том, что «в Белоключенском районе немцы, жители села Асуреты в количестве 25 человек с 15 германскими солдатами и одним германским лейтенантом разоружили ряд селений в Белоключенском районе, причём во время разоружения принимали по отношению к крестьянам самые репрессивные меры: избивали женщин, мужчин розгами до крови, убивали крестьянских собак, врываются в дома и производили обыски. Крестьяне терроризированы. Было несколько случаев разоружения милиционеров. Германцы совершенно не считаются с администрацией и заявляют, что они сами хорошо наведут порядок у нас <...> Сам я был свидетелем, как немцы за сокрытие оружия били ногами крестьян до того, что они падали без чувств. Мне сообщили, что были случаи, когда избитые крестьяне, не перенеся такой пытки, умирали. Вследствие этого крестьяне окрестных сел, рас-

положенных в моем районе, возмущены таким поступком германцев и заявили, что силой оружия будут отстаивать свою честь и имя свободного гражданина. Прошу, во избежание крупных эксцессов, принять срочные меры к прекращению такого варварского способа разоружения крестьян». Замечу, это несколько не смутило правителей независимой Грузии. О том, кому и как служит это правительство, говорит то, что уже в сентябре 1918 г. министр иностранных дел Грузии Акакий Чхенкели был награжден немецким орденом. Немцы ушли из Грузии лишь в декабре 1918 г.,

Грузинские горы и долины

Н. Н. Юденич (1862—1933)

после поражения Германии. Их место тут же заняли англичане, как ныне — американцы... Что стало с грузинским народом! Времена, когда Грузия давала миру Давидов Строители, Шота Руставели, Багратионов, похоже, миновали навсегда.

Это же касалось других частей бывшей империи (Эстонии, Латвии). Будучи сторонником восстановления империи, Юденич сказал об Эстонской республике зло, но абсолютно верно: «Никакой Эстонии нет. Это кусок русской земли, русская губерния. Эстонское правительство — это шайка уголовных преступников, захвативших власть». А товарищ Юденич, знаете ли, прав в своей оценке... Господа «демократы» показали, что они представляют собой на деле. В ноябре 1920 г., когда разбитым частям его армии пришлось уходить в Эстонию, спасаясь от наступающей Красной армии, белый журналист Г. Гроссен поведал, как вели себя эти «джентльмены»... Эстонцы отнимали не только оружие и пулеметы, но и обшвы, лошадей, сбрую, снаряжение, деньги, личные вещи белогвардейцев. Гроссен писал: «Несчастные русские, несмотря на зимнюю стужу, буквально раздевались, и всё беспощадно отнималось. С груди срывались нательные золотые кресты, отнимались кошельки, с пальцев снимались кольца. На глазах русских отрядов эстонцы снимали с солдат, дрожащих от мороза, новое англий-

ское обмундирование, взамен которого давалось тряпье, но и то не всегда. Не щадили и нижнее тёплое американское бельё, и на голые тела несчастных побеждённых накидывали рваные шинели».. Это были цветочки. Вскоре те показали своё «европейское» лицо, держа за колючей проволокой интернированных русских воинов. Тысячи наших соотечественников погибли. «Русских начали убивать на улицах, запирали в тюрьмы и в концлагеря, вообще притеснять всеми способами. С беженцами из Петроградской губернии, число коих было более 10 тысяч, обращались хуже, чем со скотом. Их заставляли сутками лежать при трескучем морозе на шпалах железной дороги. Масса детей и женщин умерли, все переболели сыпным тифом. Средств дезинфекции не было. Врачи и сестры при таких условиях также заражались и умирали. Вообще картина бедствия такова, что если бы это случилось с армянами, а не с русскими, вся Европа содрогнулась бы от ужаса», — писал очевидец тех событий. В марте-апреле 1920 г., в преддверии заключения договора с Советской Россией, эстонцы лихорадочно стали регистрировать и бывших офицеров армии Юденича, чтобы сдать их «по сходной цене» красным. Те обещали эстонцам сохранить независимость и «дать землицы». И только угроза со стороны Госдепа США прекратить поставку продовольствия голодающим эстонцам вынудила их образумиться и оставить затею. Так действовала молодая буржуазная прибалтийская «демократия»! Эстония вела в 1919 г. секретные переговоры с большевиками. Те «за Юденича» дали им независимость и 1 тыс. кв. км русской земли. Ныне Эстония независима, но в иных своих действиях её правящие националистические круги заслуживают международной «порки».

Хотя федерализация вызывала у самих большевиков опасения за перспективы сохранения единства России... Член коллегии Наркомата внутренних дел М. Лацис в 1918 г. писал: «При явно наметившейся тенденции использовать наш программный пункт о самоопределении национальностей в центробежном направлении, вплоть до отделения их от России, предоставление этого права неразвитым народностям, без сильного или при совершенном отсутствии пролетарского элемента более чем опасно».

В создании первой советской национальной автономии, Татаро-Башкирской (1918), центр, Сталин как нарком по делам национальностей видели рычаг для укрепления власти. Для Сталина федерализм служил переходной ступенью к будущему социалистическому унитаризму, и создание упомянутой автономии (как в 1919 г., Башкирской) служило одним из приёмов отражения натиска белых армий и лишения их социальной поддержки. Ленин проявил политический такт и дальновидность, большую готовность к компромиссам, о чём говорят его взвешенные выступления по национальным вопросам, в том числе на VIII съезде партии большевиков, как и встречи с различными национальными лидерами России. Хотя ошибок и мы наделали массу. Стоило исчезнуть твёрдой власти в России — история повторилось. Наглядный образец того, что ждало бы бедную Россию, если бы не большевики, соединившие страну под красным знаменем, изгнавшие за пределы авантюристов и предателей.

Большевики были люди решительные, не то что нынешнее племя. Они-то хорошо знали, что представляют собой господа меньшевики и грузинские националисты. Сталин в мае 1918 г. справедливо писал в «Правде»: «Одно несомненно: независимость тифлисских меньшевиков и их правительства от российской революции неизбежно превратится в их рабскую зависимость от турко-германских «цивилизованных» хищников». И здесь обратимся к обстоятельной статье, появившейся в журнале «Лабиринт времени». Она наименована «Счастье на штыках». В ней дана картина противоборства политических сил в Закавказье (Ар-

мения, Турция, Грузия). Бесспорно, тут оказались замешаны интересы множества сторон. Борьба шла и внутри Советского правительства, где Чичерин занимал более осторожную позицию, а Орджоникидзе, Сталин и Киров настаивали на гораздо более активных действиях в регионе. 22 июня 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев заявление Чичерина, предложило НКВДу сформулировать инструкцию по действиям своих ответственных работников на Востоке. 7 июля инструкция была утверждена на Политбюро. В инструкции, в частности, говорилось: «Следует безусловно воздерживаться от попыток вызывать восстание против правительства Грузии, Армении, Турции. Надо разъяснять тем элементам в этих республиках, которые стремятся к перевороту, что по общеполитическим соображениям ввиду как мировой конъюнктуры, так и нашего военного положения они не должны в настоящее время приступать к осуществлению своей цели». Никакая инструкция, конечно, не могла учесть всей взрывоопасности региона. И дело как представляется, не в «революционном энтузиазме Серго», а в тонком понимании им обстановки. В июле 1920 г. Орджоникидзе под предлогом неизбежной резни между азербайджанцами и армянами ввёл части Красной армии в Нахичевань. «Можно избежать этого (резни) только нашим продвижением и оккупированием Нахичеванского района», — объяснял он прямо свои действия в телеграмме Ленину, Сталину, Чичерину. Последнему пришлось как-то разъяснять МИДу Армении причины этого продвижения Красной армии: «Занятие российскими частями тех местностей, которые в процессе борьбы между соседними народами получили характер спорных между Арменией и Азербайджаном, имеет целью предотвращение кровавых конфликтов... и рассчитано на создание условий, дающих возможным спокойное и беспристрастное обсуждение спорных территориальных вопросов». Мы же видим, что и спустя век те же вопросы продолжают волновать народы.

Чичерин предложил Политбюро поддержать идею «советизации» Армении. В борьбе против Антанты большевики рассчитывали на союз с кемалистской Турцией. Для укрепления военно-политического союза необходима была и общая граница. Это по-

Красная армия

С. Орджоникидзе**С.М. Киров**

зволило бы переправлять оружие, продовольствие, а в случае необходимости и войска. 31 июля 1920 г. Политбюро утвердило план Чичерина. Однако Кавбюро во главе с Орджоникидзе неожиданно выступило против предложений НКВД. Кавказские коммунисты предложили установить общую границу с Турцией не через Армению, а через Грузию. В телеграмме Кавбюро от 3 августа отмечается, что Грузия занимает более выгодное положение, имеет морские порты на Черноморском побережье и «по военно-стратегическим соображениям» важнее. Но пока там шли горячие споры о путях «советизации» Закавказья, началась война между Арменией и Турцией. 30 октября турки взяли Карс, начали наступать на Александрополь и Эривань. Западные державы отказали Армении в помощи. Правительство дашнаков обратилось с просьбой о посредничестве в переговорах с Турцией к Советской России. 13 ноября Чичерин сообщил армянским властям о согласии Москвы выступить в роли миротворца. Одновременно Сталин писал Ленину: «...Возможно, что с Арменией уже опоздали, т.е. её скушает Кемаль раньше, чем подоспеем». Серго успел раньше Кемалья... Заручившись конфиденциальным согласием Сталина, в ноябре 1920 г. он организовал Армянский ревком и отправил его в Казахский район для подготовительной ра-

боты по провозглашению Советской власти в Армении. Из частей 11-й Красной армии был создан армянский полк, который и захватил город Караван-Сарай. «Думаю, что всё пройдет без особых затруднений», — уверенно докладывал С. Орджоникидзе Ленину и Сталину. Главе Кавбюро удалось связаться с турецким командованием и получить поддержку кемалистов. «Советизация» Армении пошла, как по писаному. 29 ноября 1920 г. в Эривани была провозглашена Советская власть. Посол РСФСР в Армении Легран приказал арестовать министров дашнаковского правительства и сформировал новое руководство республики. Через три дня Орджоникидзе телеграфирует Сталину: «Грузины транзита для Армении (уже советской. — *Ред.*) не дают и последние дни страшно обнаглели. По-моему, вопрос о Грузии вообще ближайшего времени, причем тогда это потребует больше сил и больше жертв. Нельзя ли догадаться». Последняя фраза — его прозрачный намёк. На следующий день последует вновь настойчивое предложение: «Группировка войск на грузинской границе заканчивается завтра. Держать войска в таком состоянии невозможно. Или мы должны отвести части, или двинуться». 12 декабря в послании Ленину и Сталину Орджоникидзе без всяких намеков требует: «Положение в самой Грузии таково, что без особо-

И.В. Сталин

го труда мы с ней покончим: восстания в Борчалинском уезде, Абхазии, Аджарии, Душетском уезде будут проведены. Ещё раз довожу это до вашего сведения и прошу указаний». Впрочем, попросив «указаний», Серго мудро не стал дожидаться ответа и срочно собрал совещание членов Кавбюро ЦК РКП(б). 15 декабря Кавбюро приказало 11-й армии перейти границу Грузии.

Операцию тогда сорвал Пленум ЦК, подтвердивший 17 декабря решение ЦК о мирном направлении политики РСФСР на Кавказе». Орджоникидзе и Киров от имени Кавбюро напрямую обратились в Москву с предложением захватить подлую Грузию. «Все контрреволюционные заговоры, обнаруженные на Северном Кавказе, неизменно открывают связь с Грузией, — резонно писали лидеры Абхазии, Аджарии, Борчали и других грузинских районов. — Чтобы твёрдо обеспечить за нами Северный Кавказ (хлеб, нефть), необходимо советизировать Грузию». 12 января 1921 г. Пленум ЦК вновь отклонил предложение Кавбюро. Но Орджоникидзе и Кирова поддержал Троцкий. Захват и военная нейтрализация Грузии была необходима для Советской России, ибо время показало, пока там сидят и правят грузинские националисты, покоя на Кавказе не будет. Эти гадюки будут стремиться ужалить из их гнезда! И это случилось... В апреле 1920 г. Терская область и

Дагестан были заняты Красной армией, но в начале сентября 1920 г. со стороны меньшевистской Грузии в районы Дагестана и Чечни просочились мятежники, возглавляемые Н. Гоцинским и полковником Алихановым (до 600 человек). Вспыхнуло восстание под руководством упомянутого Гоцинского, который еще в 1918 г. провозгласил себя имамом Чечни и Дагестана. Бои были упорными. К тому же иные части красных оказались, прямо скажем, не на высоте. 1-й стрелковый Образцовый Революционной Дисциплины полк смог только «образцово» капитулировать, окруженный чеченами в Ботлихе... Повстанцы перерезали красноармейцев столь же «образцово-показательно», несмотря на клятвенное обещание отпустить пленных домой. Затем в Нагорной Чечне вспыхнуло восстание, которым руководил внук Шамиля 22-летний Саид-бей. Но к марту 1921 г. восстания в Чечне и Дагестане красные смогли подавить. Интересно, что в оценках повстанцев (чеченцев, ингушей, пр.) красные и белые сходятся на все сто. Штаб-ротмистр де Витт пишет о чеченцах и ингушах: «Вся домашняя работа, хозяйство, работа в огородах и проч. лежит на жёнах, количество которых зависит исключительно от средств мужа... Мужчины же, как правило, вообще ничего не делают и страшно ленивы. Назначение их — защита своего очага от всевозможных кровных мстителей. Грабёж как средство существования в их жизни совершенно узаконен, особенно если это касается ненавистных соседей их — терских казаков, с которыми чеченцы с незапамятных времен ведут войны. Все мужчины, и даже дети, всегда при оружии, без которого они не смеют покинуть свой дом. Грабят и убивают они преимущественно на дороге, устраивая засады; при этом часто, не поделив честно добычи, они становятся врагами на всю жизнь, мстя обидчику и всему его роду. Торговли они почти не ведут, разве что лошадами. Край богат и при женском только труде кормит их с избытком». А вот красный командир Белецкий докладывает Реввоенсовету Кавказского фронта в 1920 г.: «Это племя хитрое, всю свою жизнь проводящее в грабежах, хотя и владеет землей, но обрабатывает (её) лениво». Или письмо, поступившее в наркомат по делам национальностей РСФСР в 1921 г.: «Жизнь рус-

В кавказском логове

ского населения всех станиц, кроме находящихся в Кабарде, стала невыносима и идёт к поголовному разорению и выживанию из пределов Горской республики: 1) Полное экономическое разорение края несут постоянные и ежедневные грабежи и насилия над русским населением со стороны чеченцев, ингушей и даже осетин. Выезд на полевые работы даже на 2—3 версты от станиц сопряжен с опасностью лишиться лошади с упряжью, быть раздетым донага или угнанным в плен и обращения в рабов...» Стоит заглянуть и во времена генерала Ермолова (или в наше время), когда, как известно, помимо прочего, разбойные набеги были и выгодным мероприятием. Как писал Р.А. Фадеев, «весь Кавказ обращен был в один невольничий рынок». Ежегодный оборот «живого товара» достигал 1500—5000 человек. В неволю попадали представители различных этнических общностей. Для лихих «наездников»-горцев совершенно не было никакой разницы, кого продавать щедрым турецким покупателям — русского «колонизатора-гяура» или туземного жителя. Таких бандитов трудно, а порой и невозможно заставить работать. Конечно, гуманнее было бы заставить их трудиться — или же пристрелить.

Примерно такая же ситуация и в Грузии... 1 февраля 1921 г. Красная армия силами 4 армейских корпусов начала одновременно действовать с пяти направлений. Два основных удара по Грузии было нанесено с двух направлений с востока (Азербайджан) и с юго-востока (Армения). Три удара произошли с кавказских гор на дарьяльском и мамисонском перевалах и по побережью Черного моря. Против русских войск у Грузии было 40 тыс. солдат (регулярная армия и национальная гвардия). На

протяжении трёх лет независимости Грузия не получила от Запада помощи, не имела ни авиации, ни танков. Грузинская армия в отдельных боях дралась неплохо, но справиться с Красной армией не могла. Она не смогла сопротивляться даже тогда, когда у неё были самолеты, пушки, танки. Присоединилась к России и Турция, вступив в войну... В то время Турция Кемала Паши видела в Советской России союзника, получив от неё оружие и амуницию для войны с Грецией и союзниками. Учредительное Собрание Грузии собралось в последний раз в Батуми, поручило правительству оставить Грузию, отправиться в Европу, вести борьбу за восстановление независимости уже там. Правительство оставило Грузию. 20 марта 1921 г. Батуми заняли русские войска. К большой радости рядовых грузин Красная армия вошла в Грузию, найдя опору в народе, ориентированном на союз с Россией. Западный историк Дойчер в книге «Вооруженный пророк» вынужден признать: «В конце концов, до этого Грузия входила в состав России и не могла выжить крохотным «буржуазным островком» на Советском Кавказе». Россия тогда же признала право на самоопределение осетин. Тифлис вынужден был отозвать войска и признать право южных осетин иметь у себя свою власть. Но после того как Красная армия заняла Грузию и ликвидировала там меньшевистское правительство, к сожалению, Южная Осетия была оставлена в составе Грузии. Судьба опальных грузинских

Русская армия в Грузии

Ной Жордания— Пред. Нац. Совета

вождей-меньшевиков была безрадостной. Чхеидзе покончил жизнь самоубийством, Жордания говоривший, что «предпочтёт империализм Запада фанатикам Востока», бежал во Францию... Эти уроки истории следовало бы помнить и нынешним грузинским

Н. Чхеидзе — глава Учредительного собрания

марионеткам. Но внуки повторяют ошибки отцов и дедов-националистов. И многие вынуждены заплатить жизнью за измену России и националистическое безумие.

Сегодня история грозит повториться. Увы, она повторилась... Причем, в масштабах куда более страшных и невиданных. Грузины повели себя в отношении близкого им народа как настоящие изверги: мирных людей убивали из орудий, бомбили самолетами, давили танками. Беззащитных людей, стариков, женщин и детей расстреливали, пленных резали как скот, сжигали живьем. Грузины уничтожали дома, больницы, могилы и церкви. Ополченцы Южной Осетии и русские солдаты стояли на смерти... Под танки грузинских бандитов бросались с гранатами и бутылками с зажигательной смесью юноши 16—17 лет, почти дети. Это те, кто родился в годы первого вторжения грузинских оккупантов. От рук интервентов погибло около 2 тысяч граждан России, включая 67 наших военнослужащих. Более 3 тысяч стали вынужденными беженцами (из 120-тысячного народа Южной Осетии). Русские цари отказали грузинским князьям «в домогательстве крепостного права над осетинами». Грузинским националистам, устроившим геноцид против осетин, нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин заявил: «Осетия должна иметь ту власть, которую она хочет». Естественно, соблюдая преемственность политики России на Кавказе, и зам. министра иностранных дел РФ Г. Карасин заявил, что Россия не позволит клике Саакашвили насильно загонять Южную Осетию в территориальную целостность.

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу: враг ты России или нет!.. С ленты новостей пришло сообщение о реакции писателей-эмигрантов, живущих в США и на Западе. Вот оно. «Мы, русские писатели-эмигранты, родившиеся и прожившие много лет в СССР, обеспокоены и опечалены тем, что происходит сейчас в нашем бывшем отечестве. Мы надеемся, что разум и ценности гуманизма, не знающие границ и вотчин, восторжествуют. Призываем американских и европейских государственных деятелей прекратить политику улыбок и рукопожатий. Время — действовать. Пожар рядом. Тут нет ни слова сочувствия погибшим осетинам и русским. Разумеется, нет ни слова

Конец грузинского агрессора

осуждения режима Саакашвили. Смысл и цель письма — осудить и наказать Россию. Саакашвили лжёт миру, говоря, что это русские сравнивали с землей красивейший Цхинвал. Действия нынешнего грузинского правительства действительно напоминают действия Гитлера, Гиммлера, Геббельса. Грузинские оккупанты сжигали дома Цхинвали, убивали, утюжили людей танками.

Часто можно услышать, что народ не виноват... Мол, это США путем «революции роз» посадили в Грузии марионетку. Но, избрав в президенты подонка, убийцу, жалкого труса и марионетку, народ Грузии сделал неверный выбор. Ведь не Господь же возвёл его на трон, а большая часть грузин. И, конечно же, Америка, которая давно уже ведёт войну против демократической России чужими руками. Иные грузины надеялись: на них прольются потоки аме-

Саакашвили — палач народов и убийца

риканских денег, а вышло — пролились потоки крови и слез. Выбирая в вожди безумца и авантюриста, что сродни Гитлеру, они должны ведь и на себя возложить часть ответственности за происходящее. И кто же был за рычагами танков, прицелами орудий, реактивных минометов, снайперских винтовок, установками ракет? Кто закапывал в землю живыми осетин (Эредви, в 1991)? Кто хотел отравить воду в Цхинвали? Американцы, хохлы, турки? Наёмники были из УНА-УНСО, но основу войск составляли грузины. Посмотрите честный и страшный фильм «Война в Осетии», созданный российским телевидением.

Говорят, режим поработил грузин, не оставляя тем выбора. Если любите свободу и независимость, восстаньте против фашиста-президента и американских хозяев! Саакашвили и его банду следует судить судом международного трибунала. Но зная цинизм США и Европы (вместо суда над преступником те могут ещё и наградить «их мерзавцев» Нобелевской премией мира), лучше не доводить дело до их суда. Следственный комитет при прокуратуре РФ возбудил дело о геноциде и массовых убийствах граждан РФ в 2008 г. в Сев. Осетии. Английская «Гардиан» признаёт: «Саакашвили стал марионеткой США». Подлеца нужно судить и вздёрнуть прилюдно — на глазах всего народа (грузин, осетин, абхазов, русских). А не награждать, как это сделал премьер Армении, орденом чести. Какая может быть честь у убийцы и тирана!

Кто же пришел на помощь народам Осетии, Абхазии? Русские. Надеюсь, Кавказ, Украина извлекут уроки из страшной трагедии. Народ Осетии и Абхазии, наконец, освободился от грузинского геноцида. Россия и русские, как и ранее, главные защитники народов Кавказа. На Кавказе мы не отступим и Кавказ не отдадим! И не только Кавказ!!! Но почему, как во времена Николая I, «все новые льготы дарованы были моим младшим сыновьям в ущерб старших сыновей». Может, хватит делать что-либо в ущерб русскому сыну!

Объединиться хотели и другие кавказские народы... Роль национального правительства кавказских горцев в то время играл Центральный Комитет Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (избран в мае 1917 г. I съездом горских

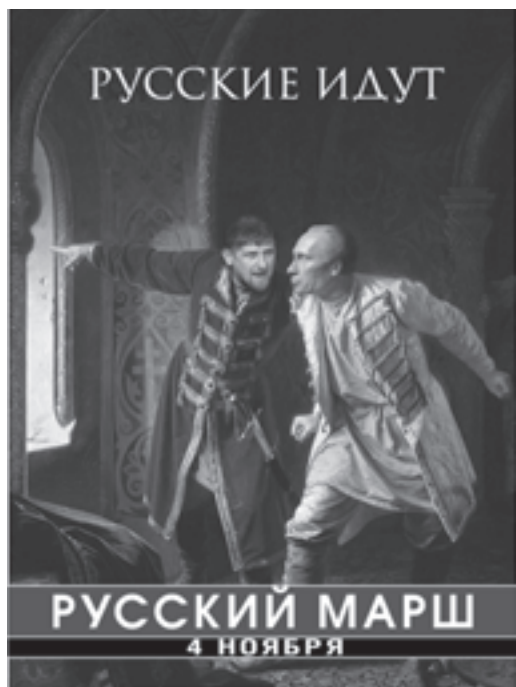

Памятник жертвам грузинского геноцида в Осетии

народов). Председателем этого ЦК являлся бывший офицер царского конвоя, чеченский нефтепромышленник Тапа Чермоев. Союзу объединенных горцев непосредственно подчинялись гражданские и национальные комитеты Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Кумыкии и Ауха. Союз координиро-

вал деятельность национальных организаций карачаевцев, черкесов, адыгейцев, ногайцев, караногайцев. В сентябре к союзу присоединился Абхазский национальный совет. Руководству Союза фактически подчинялся Кавказский Туземный конный корпус, более известный как Дикая дивизия. Сформированная из горцев Кавказа, Туркестана Дикая дивизия была одним из наиболее боеспособных подразделений армии. Говорят, что эта дивизия в пух и прах разгромила Железную дивизию кайзера в годы I мировой войны. По мнению иных, слухи о большой отваге «Дикой дивизии» были несколько преувеличены.

В конце сентября национальные части корпуса по настоянию горского ЦК были возвращены на Северный Кавказ. Были ли горские лидеры заинтересованы в поддержке стабильности на Кавказе, сохранении добрых отношений с казаками? На словах — да. «В эпоху величайшей в жизни государства разрухи, грозящей неисчислимыми бедствиями культурным и экономическим ценностям горских народов, Центральный Комитет счёл долгом войти в соглашение с дружественными соседними народами... — отмечал ЦК союза. — Установление живой связи и взаимной поддержки народов, расселенных от Дона до Закавказья, обеспечивает порядок и правильный товарообмен и открывает широкие пути для разрешения финансовых проблем, принимающих весьма тяжелый характер». Слова верные. И поначалу кое-чего достичь удалось. Атаман Караулов и Союз объединенных горцев согласовали общую программу объединения казачества и горских народов. 16 (29) октября 1917 г. во Владикавказе в Атаманском доме собрались полномочные делегаты 5 казачьих войск, горцев Северного Кавказа, калмыцкого народа. Войско Донское представляли один из лидеров казачьей фракции Государственной Думы Михаил Араканцев и войсковые старшины Иван Семенов, Аркадий Епифанов; Кубанское Войско — председатель войскового правительства Иван Макаренко; Терское Войско — войсковой атаман Михаил Караулов

Русские идут

На Кавказе

и председатель войсковой ревизионной комиссии Георгий Вертепов; Астраханское Войско — члены войскового круга Александр Скворцов и Петр Колоколов.

От горских народов в конференции участвовали представители ЦК Союза объединенных горцев кабардинец Пшемахо Коцев, дагестанец Башир Далгат, ингуш Васан-Гирей Джабагиев осетин Исмаил Баев; калмыков представлял один из руководителей ЦК по управлению калмыцким народом князь Дмитрий Тундудтов.

Председателем конференции был избран М. Караулов, его заместителем — П. Коцев, и секретарем — А. Скворцов. 17 (30) октября И. Макаренко сделал доклад «о настоятельной необходимости организовать Союз Юго-Восточных областей с целью образования на месте твердой государственной власти, обеспечивающей спокойное развитие и устройство областей». Участники форума постановили организовать союз, который стал именоваться Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. Проект Союзного договора обсуждался и согласовывался несколько дней. В частности, делегаты договорились, что Объединенное правительство будет находиться в Екатеринодаре, а горскому ЦК было предоставлено два дополнительных места. Поздно вечером 20 октября Союзный договор был согласован, а на следующий день участники конференции подписали документ. В качестве первоочередных целей Юго-Восточного союза делегаты конференции назовут такие: «Достижение скорейшего учреждения Российской Демократической Федеративной Республики. Всемерную поддержку

других народов и областей, стремящихся к устройству Государства Российского на федеративных началах, и установление с ними связи и соглашений». Программа Юго-Восточного союза вызвала отклик представителей других российских регионов. Еще в дни работы конференции во Владикавказ поступили телеграммы от Азербайджанского национального комитета, казаков Урала и Оренбуржья о желании присоединиться к союзу. Делегаты решили «предоставить право

Азербайджану и казачьим войскам Уральскому и Оренбургскому вступить членами в союз по письменному заявлению органов власти». 31 октября подписали Союзный договор. Вскоре с просьбами о присоединении к Юго-Восточному союзу обратились Ставропольская губерния, Башкирия и Туркестан («Кокандская автономия»). Украинская Центральная Рада и Грузинский национальный комитет выразили готовность с ним сотрудничать, но от вступления воздержались. Говорят, союз мог превратиться в межрегиональное объединение, якобы спо-

С. Шаумян

А.И. Микоян среди товарищей

собное реально противостоять большевикам. Это очень и очень сомнительно.

Понятно, установление Советской власти на Кавказе никак не напоминало процессию мирных паломников. Кавказ стал центром ожесточенной борьбы за власть. Ранее советская историография представляла события на Кавказе, в частности в Баку, как контрреволюционный мятеж мусаватистов с целью свержения советской власти. О том, что происходило в марте 1918 г., говорилось и писалось. Но с позиций большевиков и народа. Большей его части. Теперь сохранившиеся в республиканских архивах Азербайджана трактуют иначе одну из трагических страниц истории. В Баку установлена советская власть во главе с большевиком С. Шаумяном. Среди оппозиционных сил — партия «Мусават», пользовавшаяся поддержкой азербайджанского населения. Её политический авторитет тревожил руководителей Бакинского совнаркома. Ведь, по признанию Шаумяна, мусаватистская партия «к началу второго года революции оказалась самой сильной политической партией в Закавказье». Большевики любым способом пытались нейтрализовать «Мусават». К тому же, из-за закрытия Баку-Тифлиссской железной дороги в Баку скопилось несколько тысяч вооруженных армян, возвращавшихся с Западного фронта. Первая мировая война уже близилась к развязке. В Баку находились тысячи хорошо вооруженных боевиков партии

Дашнакцутюн. Шаумян осведомлен о националистической направленности политики партии дашнаков. Конечно, обстановка в Закавказье была исключительно сложной. И.В. Сталин писал в статье «Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма» (март 1918 года): «Из всех окраин Российской Федерации Закавказье, кажется, самый характерный уголок в смысле богатства и разнообразия национального состава. Грузины и русские, армяне и азербайджанские татары, турки и лезгины, ингуши и осетины, чеченцы и абхазцы, греки и кумыки, — такова далеко не исчерпывающая картина национального разнообразия семимиллионного населения Закавказья. Ни у одной из этих национальных групп нет резко очерченных границ национальной территории, все они живут чересполосно, попеременно между собой, и не только в городах, но и в деревнях. Этим, собственно, и объясняется, что общая борьба национальных групп Закавказья против центра России сплошь и рядом заслоняется и ожесточенной борьбой между собой. А это создаёт весьма «удобную» обстановку для прикрытия классовой борьбы национальными флагами и побрякушками». Проблема в том, что там создан Завказский комиссариат для коалиции всех имущих слоёв главных национальностей Закавказья, который возглавили меньшевики Жордания и Чхеидзе. Если отбросить всю «социалистическую» фразеологию этих господ, становится ясно, что они вели дело к национальному обособлению окраин от России в геополитическом плане, и при этом к сохранению на Кавказе власти имущих классов. Начались провокации, натравливание местного населения на русских солдат и население. Следствием этого стало нападение мусульманских банд на войсковые части возвращающиеся с Турецкого фронта. Были убиты и искалечены сотни, даже «тысячи русских солдат, трупами которых усеяна железнодорожная линия. Отобрано у них до 15 тыс. ружей, до 70 пулемётов и 2 десятка пушек». Такова правда о Елисаветпольских событиях (события эти имели место на отрезке желез-

ной дороги Тифлис-Елизаветполь), которую меньшевики попытались скрыть от России. В числе виновников трагедии Сталин назвал в том числе и бывшего вождя кавказской социал-демократии, так называемого «Отца грузинской нации» Ноя Николаевича Жордания. Это он отдал приказ разоружать проезжающие эшелоны и вооружать за их счёт национальные полки. Точно также много десятилетий спустя другой провокатор, враг России Шеварнадзе, ещё один «отец грузинской нации», фактически спровоцировал столкновение между нашей армией и местными националистами, что вызвало жертвы, в конечном счёте став частью инспирированного из-за рубежа сценария по развалу СССР и отделения бывших национальных республик. Так вот действуют враги и предатели России.

Продолжением событий стали бакинские действия народно-революционных отрядов большевиков-армян... Перед вооружёнными армянскими частями азербайджанцы в Баку и окрестностях оказались беззащитны. И разумеется, национальные противоречия тотчас же вылезли наружу и

в этом случае. У «Мусавата» каких-либо вооружённых формирований в то время не было, а присутствие многочисленных вооружённых дашнаков, наводнивших город, до предела накалило тут обстановку. 29 марта 1918 г. они, по приказу Шаумяна, стали разоружать солдат и офицеров азербайджанского полка. Возможно, что это был небольшой отряд офицеров и солдат, находившийся в Баку в связи с похоронами сына азербайджанского нефтепромышленника, мецената Г. Тагиева. На основе решения Бакинского Совета, принятого 15 марта 1918 г., упразднению и выводу из Баку подлежали национальные формирования и части. Это касалось всех без исключения вооружённых сил, находившихся в городе. Шаумян пренебрёг указанием, которое принималось с его участием. Как отмечают азербайджанские историки А. Мамедов, А. Искендеров, одностороннее разоружение вызвало недовольство азербайджанского населения Баку. В мечетях, в разных частях города начались стихийные выступления, митинги азербайджанцев, требовавших возвращения оружия и вывода национальных армянских частей из города. Орган мусаватистов газета «Ачыг сез» обратилась с призывом не поддаваться чувствам протеста и сохранять спокойствие. Однако сегодня трудно восстановить все детали тогда произошедшего.

Провокационный же обстрел небольшого отряда Красной Армии, исполнители которого так и остались неизвестны, явился началом страшной, кровавой акции, жертвой которой стало мирное азербайджанское население. Сам Шаумян признавался в том, что им нужен был лишь малейший повод для осуществления задуманного плана. «Мы воспользовались поводом, первой попыткой вооружённого нападения на наш конный отряд и открыли наступление по всему фронту. У нас были уже вооружённые силы около 6 тыс. человек. У «Дашнакцутюн» имелось также около 3—4 тысяч вооружённых частей, которые были в нашем распоряжении. Участие последних придавало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это. Если бы они («Мусават») взяли бы верх в Баку, город был бы объявлен столицей Азербайджана». Под предлогом борьбы с

Красный горец

мусаватистами и начал осуществлять уничтожение мирного азербайджанского населения дашнакский отряд. С воздуха и с моря обстреливались азербайджанские кварталы. Начштабом Красной Армии в Баку был бывший полковник царской армии, член партии дашнаков З. Аветисян. В насилиях над мирными азербайджанцами принимали участие не только вооружённые армянские формирования, но и части Красной армии, состоявшие на 70% из армян. Член-корр. АН Армении Г. Аветисян писал: «За Бакинскую Коммуну сражались 4 бригады Кавказской Армии, состоящей из 25 батальонов и 18 тыс. красноармейцев, около 70% красноармейцев армяне». Но и азербайджанские историки, понятно, кое-что тоже не договаривают. За их спиной стояли англичане.

Упорные бои шли в центре города и в районе Ичеришехер. Руководил наступлением на эту часть города А. Микоян. Бесчинства в городе продолжались несколько дней. Один из бакинских комиссаров с группой вооружённых дашнаков ворвался в здание мусульманской благотворительности «Исмаилия», поджёг его. Сожжён первый на Востоке театр Г.З. Тагиева, сильно повреждена мечеть Таза-пир. «Борьба с контрреволюцией» обернулась резнёй. С. Эфендиев отмечал, конечно, преувеличивая, что «дашнаки уничтожали не только мусаватистов, но и всех мусульман вообще». Это малая толика того, что тогда наблюдалось всюду, по всей огромной России, где национализм проявлял свой звериный оскал. Такие схватки предстояло вести частям Красной армии и в Центральной Азии. Хотя нельзя не сказать о том, что националисты в Совете в Баку потребовали призвания англичан на помощь: «По последним сведениям народнические фракции Бакинского Совдепа добиваются призвания варягов-англичан, якобы на помощь против турецких захватчиков. Принимая во внимание опыт такой помощи со стороны англо-французов на Мурмане и Дальнем Востоке, можно с уверенностью сказать, что на-

Руководители ЦК КП(Б), ЦИК Армении

роднические фракции, сами того не сознавая (или сознавая), готовят почву для оккупации Баку и его районов». Зная планы англичан, французов или немцев по захвату бакинских промыслов, подобные устремления закавказской буржуазии нас не удивляют. Мы никого не обеляем.

Разумеется, процесс советизации народов Северного Кавказа шёл драматично и трудно... Как отмечают учёные, идею Советов, созданных на классовой основе, «внедрить в горское сознание» не удалось, механизм «национального сдерживания» путем перманентных административно-территориальных преобразований вначале и не мог быть создан. Лидеры же этнических движений стремились вырвать у руководителей новой России уступки. «Классовое сознание» тут прививалось плохо. Приходилось учитывать как национально-религиозные чувства, так и политические настроения горцев Северного Кавказа, что в частности отразилось в клятве аскера Народной армии Совета обороны, руководившего антиденикинским восстанием. Данная ими на коране клятва, говорила о защите «шариата, свободы и независимости народов Северного Кавказа». А чтобы картина возникших трудностей была ясной, посмотрим, как обстояли дела в Крыму. Этот полуостров и ныне привлекает повышенное внимание.

Председателем ЦИК Крымской АССР (КАССР образована 18 октября 1921 г.) стал крымский татарин Вели Ибраимов, бывший содержатель кофейни. В руководстве рес-

публикой прочно засели татары-националисты, стоящие на шовинистической позиции. Они кричали: «В Туркестане, в Башкирии, в Татарии и в Крыму нужно создать не классовое государство, а национальное». Другом главы ВЦИК Крымской АССР был некто А. Хайсеров, бывший штабс-капитан, служивший в контрразведке Врангеля и пачками расстреливавший красных партизан в 1920 г. В мае 1921 г. он получает амнистию, а вскоре бывшего бандита и палача делают комендантом отряда при Особой тройке. Новоявленному «приверженцу власти» вручают именной револьвер с надписью: «Начальнику агентуры чрезвычайной тройки Амету Хайсерову — самоотверженному борцу на бандитском фронте. От зам. пред. КрымЦИКа В. Ибраимова». Автор книги с иронией пишет: «Остаётся лишь выяснить, по какую сторону «бандитского фронта» самоотверженно боролся награжденный». Став председателем Крымского ЦИК, Ибраимов назначил бандита Хайсерова личным секретарем, каковым тот и оставался до 1926 г. Мало этого. Он ещё поддерживал и местных кулаков и бандитов, на что пускал деньги Крымского общества помощи переселенцам и расселенцам (38 тыс. руб.). Эти факты стали известны русским. Против него в суде выступают настоящие коммунисты, красные партизаны А. Сейдаметов и И. Чолак. Чтобы заставить их замолчать навсегда, он организовал нападение банды Хайсерова на Сейдаметова. Тот получил 13 ран, но каким-то чудом выжил. Ибраимов заманил на квартиру Чолака, где собственноручно и задушил красного партизана... Но попытка отвести от себя обвинение не удалась (Чолак, которого убийцы отвезли на свалку, перед тем, как идти на квартиру Ибраимова, зашел в обком ВКП(б), где и сказал, куда направляется, но боится за свою жизнь). Ибраимова судили выездной сессией Верховного Суда РСФСР в Симферополе. Процесс был открытым. Двух бандитов приговорили к расстрелу. Приговор привели в исполнение 9 мая 1928 г. Эти же слова, думаю, можно обратить к иным «героям» бандитских формирований и наших дней. И.В. Пыхалов говорит, что В. Ибраимов опередил своё время. Ему бы следовало жить в России 1990-х гг., когда у нас воры прекрасно чувствовали себя на постах президента, пре-

Набег крымских татар

мьер-министра, вице-премьера и министра. Но сегодня крымско-татарские националисты сделали из этого вора, убийцы и бандита мученика и святого.

Читаем в одной из публикаций: «Председатель КрымЦИКа Вели Ибраимов, репрессированный сталинским режимом во второй половине 20-х годов, «виноват» в том, что противился приказам из Москвы готовить Великий перелом в крымской деревне, начать судебные процессы против «кулаков», добивался возможности наделить татар землёй и коренизации государственного аппарата автономии. После провала нескольких покушений на главу КрымЦИКа, против него было сфабриковано обвинение...» Чтобы обелить Ибраимова любым способом, действуют беспринципно, говорят: тот знал «великую тайну»... Ибадуллаев уверяет, что истинной причиной преследования Сталиным В. Ибраимова было то, что во время службы в особом отделе Кавказского фронта в его руки якобы попали архивы жандармского управления Кавказа с материалами о знаменитом ограблении Тифлисского банка группой в составе Камо, Япончика, Котовского, Кобы Сталина. Все участники того «ограбления века», кроме Сталина, погибли при не со-

всем выясненных обстоятельствах. «Сталин, как рассказывал свидетелям сын Вели Ибраимова Тимур, неоднократно требовал, чтобы его отец вернул эти материалы». Далее украинский автор статьи Н. Семена, что сам из той же породы националистов, врагов России пишет: «Впереди был красный террор и большевизация Крыма. В. Ибраимов в 1924 г. станет первым национальным председателем КрымЦИКа после Гавена, после красного террора и голодомора, уничтоживших на полуострове больше 100 тысяч жизней, и, как считается, спасёт крымчан от ещё более кровавых испытаний». При В. Ибраимове впервые за 130 лет со дня аннексии Крыма на государственном уровне стала проводиться работа по возрождению крымско-татарского народа — местные органы власти на 37 процентов, а центральный и районные аппараты на 12,2 процента состояли из крымских татар.

Оно, конечно, прекрасно иметь свои туземные кадры. Но ведь недостаточно только выполнять наставления националистов Курултая, требовавших от своей молодежи, направляемой в Коммунистический университет трудящихся Востока (в 1921 г.): «Вы видите, что горсточка крымско-татарской молодежи сегодня диктует Коминтерну и будет диктовать». Надо ещё

Исмаил Гаспринский

уметь и любить работать и учиться, на уровне задач новейшего времени. Однако вот что писал известный российский естествоиспытатель, путешественник и этнограф, член-корр. Санкт-Петербургской Академии наук Густав Радде в книге «Крымские татары» (1856) о том, что те представляют собой (в привычках и быту): «Главная отличительная черта характера крымских Татар — необыкновенное спокойствие и равнодушие, сохраняемые при всех обстоятельствах. Все три ветви этого племени обладают этим свойством в равной степени. Если присоединить к этому ещё и то обстоятельство, что все они довольствуются весьма немногим, и что все их требования весьма умеренны, то можно легко объяснить себе необыкновенную ленность, которой они предаются. В степи пастух целый день лежит на траве, лениво поворачиваясь с боку на бок и весьма мало заботясь о безопасности вверенного ему стада. Когда поднимается буря, он поворачивается лицом к земле, сохраняя, впрочем, своё положение; а стадо его ищет себе убежище по собственному благоусмотрению. Чтобы вымести двор, Татарину нужно, по крайней мере, пол суток. Нередко мне случалось видеть, как взрослые и дю-

Авраам Самуилович Фиркович

жие Татары занимались с невыразимой ленью самыми легкими и простыми работами. Неудивительно, если, при таком нерадении о своих пользах, хозяйство идёт плохо. Все обстоятельства способствуют быстрому развитию промышленности и народного богатства, а между тем, нигде нет такой всеобщей бедности, как между Татарами. Конечно, требования и нужды их невелики; но зато они редко стараются о заготовлении запасов на будущее время: кусок чёрного хлеба, молоко, сыр и табак — вот всё, что им нужно, и, как скоро Татарин обеспечен этими предметами на несколько дней, он тотчас бросает работу и предаётся любимой лени». Прошло не так уж много времени. Надо иметь в виду, что в 1850-е годы из Крыма эмигрировало около 300 тыс. крымских татар. Хотя были и на Кавказе и в Крыму просвещенные, умные, трудолюбивые люди. Таков был общетюркский общественный деятель, мыслитель, пробудивший весь тюрко-мусульманский мир, И. Гаспринский, очень популярный и в Дагестане. К месту упомянуть... И. Гаспринский был выпускником 2-й Московской военной гимназии, где пробыл целых три года — с 1864 по 1867 г. Исмаил жил и воспитывался в семье редактора «Московских новостей» и «Русского вестника», известного русского славянофила М.Н. Каткова. Согласитесь, это говорит о многом. С другой стороны, нельзя не сказать о чрезвычайно сложной межэтнической атмосфере в Крыму, что неизбежно приводило к тому, что в дополнение к политическим конфликтам добавились и бытовые. По словам крымского историка В. Зарубина, редактора «Крымской энциклопедии», в этой «буче, боевой и кипучей», конечно, трудно пришлось и татарскому населению. Спасаясь от обстрела корабельной артиллерии черноморцев, оно покидает деревни Дереккой, Ай-Василь (ныне территория г. Ялты), уходя в Биюк-Озенбаш. Имущество, дома татар сразу подверглись грабежу со стороны ялтинских, балаклавских «босяков», аутских, балаклавских «греков... и жителей Дерекоя — русских». Участник тех событий грек П.К. Харламбо объяснял случившееся побуждениями, «проистекавшими из племенной вражды греков к татарам». Антитатарская риторика присутствует и в большевистских воззваниях.

«Худшими временами самодержавия грозит нам военная диктатура татар, вводимая с согласия Центральной Рады», — можно было прочесть в некоторых из них. Подобные взгляды находили широкое распространение, о чем сообщал и Н.П. Врангель. «Мы никого не трогаем, кроме тех, кто воюет с нами», — успокаивал его один из матросов. «Мы только с татарами воюем», — сказал другой. Все сходились на том, что как же так: «Матушка Екатерина ещё Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются...». И подобные настроения часто объединяли как белых, так и красных.

С другой стороны, у деятелей татарского Курултая в Крыму были свои далеко идущие планы, носившие, откровенно говоря, антирусский характер. Достаточно прочесть программное выступление честолобивого Сейдамета, в одночасье сменившего протурецкую ориентацию на прогерманскую. Например, он заявлял: «Есть одна великая личность, олицетворяющая собой Германию, великий гений германского народа... Этот гений, охвативший всю высокую германскую культуру, возвысивший её в необычайную высь, есть не кто иной, как глава Великой Германии, Император Вильгельм, Творец величайшей силы и мощи. (...) Интересы Германии не только не противоречат, а, быть может, даже совпадают с интересами самостоятельного Крыма». Под «самостоятельностью» Сейдамет понимал возрожденное Крымское ханство, в чём, собственно, и состоял смысл его высказываний. Такую же позицию заняли Председатель Временного бюро татарского парламента А.Х. Хильми и его единомышленник А.С. Айвазов. Отметив в своей декларации, что татары — «наиболее старинные господа Крыма» и посему следует восстановить их «владычество», эти деятели ставили следующие цели: «1) преобразование Крыма в независимое нейтральное ханство, опираясь на германскую и турецкую политику; 2) достижение признания независимого крымского ханства у Германии, её союзников и в нейтральных странах до заключения всеобщего мира; 3) образование татарского правительства в Крыму с целью совершенного его освобождения от господства и политического влияния русских. 4) обеспечение образования татарского войска для сохранения порядка в стране;

Крымские татары

5) право на возвращение в Крым проживающих в Добруджи и Турции крымских эмигрантов и их материальное обеспечение». В печати прогерманская ориентация татар обосновывалась более осторожно — необходимостью борьбы против большевиков и «английского империализма». Иначе говоря, Крым предназначен для татар. Но не намного лучше выглядит и программа буржуазного правительства Крыма. Если татарские националисты ставили своей задачей создание режима татарского ханства, то буржуазное правительство Крыма делало акцент на безусловную власть помещиков и буржуа. В программе действий первого Крымского краевого правительства на первый план совершенно явно выходят интересы помещиков и иных крупных собственников. Ни крестьянский, ни рабочий (оговаривалась только тема охраны труда без нанесения «ущерба производству»), ни национальный вопросы не удостоились разделов. Согласно нынешней терминологии, в Крыму установился бы авторитарный политический режим при рыночной экономике и с узкой социальной базой. «Он не столько опирался на немецкие штыки,

сколько находился от них в зависимости». Это станет залогом скорого падения.

Татары сегодня составляют менее 10 % от всего населения Крыма. Большинство же населения полуострова — русские (70 %), не говоря уже о том, что примерно 90 % населения Крыма говорит по-русски и живёт в традициях нашей веры и культуры. России пора уже всерьёз — экономически, политически, духовно — взяться за этот регион. Кавказ, Крым, Чёрное и Каспийское моря были и остаются крайне важным «подбрюшьем» России. Уйти оттуда — означает не только потерю российской мощи и влияния, но и катастрофу для Европы.

Хотя нынешняя Европа этого, похоже, не понимает. Знаменательно, что эту истину в XIX в. осознали даже наши противники-англичане. Роберт Лайелл (1790—1831) в книге «Путешествие по России, Крыму, Кавказу, Греции» (идея написания оной возникла после совершенного путешествия по России в 1822), подчеркивал, что Российская империя — это бескрайняя, богатейшая и могущественная страна с особой цивилизацией, способной органично вобрать в себя сотни народов и культур. Разумеется, её можно даже не любить за то, что в Европе считается дикостью, или восхищаться тем, что достойно восхищения независимо от вкусов или политических предпочтений. Но вот чего определено, по мнению автора, делать не следует ни в коем случае, так это желать разрушения этого колосса. Причина тому проста: иначе «под его обломками будет погребена вся Европа».

В национальном вопросе большевики оказались умнее и гибче руководителей Белого движения, татар и русской и национальной буржуазии в целом. Приведу оценку И.В. Сталина. Он говорил: «Не забывайте, что если бы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича мы не имели бы так называемых «инородцев», не имели ранее угнетённых народов, которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям, — товарищи, это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие, его никто не видит и не слышит, но оно решает всё, — и если бы не это сочувствие, мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов. В то время, когда мы шли на них, в тылу у них начался развал. Почему? Пото-

му, что эти генералы опирались на колонизаторский элемент из казаков, они рисовали перед угнетёнными народами перспективу их дальнейшего угнетения, и угнетённые народы вынуждены были идти к нам в объятия, между тем как мы развешивали знамя освобождения этих угнетённых народов». А ведь верно говорит! После поражения белых армий на всех фронтах, включая польский фронт, где красным не удалось достичь полного триумфа (от Варшавы им пришлось-таки отступить), контрреволюция и её заграничные покровители стали понимать, что без опоры на силы внутри России красных не одолеть. Даже такой умный и маститый враг как английский шпион Рейли, «шпион-легенда», и тот заявил: «все применявшиеся до сих пор способы — белые и зелёные вооружённые действия, шитые белыми нитками заговоры, интервенции и все эмигрантские предприятия — изжили свою целесообразность. Импульс должен исходить из России, и материал для организации борьбы должен быть найден там же». Однако сопротивление большевикам продолжалось. Покончив с белыми армиями, большевики вынуждены «продлить» гражданскую войну, тратя большие усилия на борьбу с махновщиной на Украине, движением Антонова в Тамбовской губернии и т.д.

Контрреволюция не сдавалась. Савинков созвал совещание единомышленников и «Народный Союз Защиты Родины и Свободы». Союз отмежевался от белогвардейцев и провозгласил борьбу за «третью, новую Россию», с ориентацией на «зелёных». Различные отряды вторгались на территорию РСФСР, пытаясь разжечь огонь восстаний. Вторгались на Украину из-за рубежа банды Тютюнника, засылались и эмиссары для создания подполья. Боевые группы создавали сторонники Коновальца. Провалом завершилась попытка ген. Покровского высадиться на Кубани. Эмиссары Врангеля в 1922—23 гг. побывали в Крыму, на Дону и Кубани. В Крыму имели место случаи высадки десантов, но все они были обнаружены и уничтожены. Но наиболее успешные выступления против большевиков произошли в Кронштадте и в Тамбовской губернии.

Глава 17. Восстания против Советской власти на Тамбовщине, в Кронштадте и Астрахани

Дуга недовольства большевиками была достаточно широка — от Кронштадта и до Сибири... Широкою известность в истории получило так называемое Антоновское восстание на Тамбовщине... В январе 1921 г. крестьянская армия, «возглавляемая» эсером Антоновым, насчитывавшая около 50 тыс. человек, захватила Тамбовскую губернию. Антонов выступал за свержение коммунистической партии и созыв Учредительного собрания, за передачу земли тем, кто её обрабатывает. Он требовал прекращения продразверстки и вообще отказа от деления общества на «классы и партии». Он установил строгую дисциплину, наказывал бойцов за любое самовольство в отношении к населению. Борьба с «антоновщиной» продолжалась 1,5 года. Восстание А.С. Антонова на Тамбовщине привлекло широкое внимание историков. Библиографический

указатель А.А. Соболевой «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1920—1921 гг.)» насчитывает 795 работ на эту тему. Теме посвятили труды и зарубежные исследователи, профессор Стэнфорда О.Х. Рэдки: «Неизвестная гражданская война в Советской России» (1976). В 1994 г. в Тамбове вышел в свет так называемый сборник документов под названием «Антоновщина». В сборник наряду с подлинными документами вошли также и всевозможные фальшивки, сфабрикованные в различные годы советской власти, и документы, не имеющие вообще никакой исторической ценности. Попробуем разобраться в событиях тех отдаленных от нас дней.

Что заинтересовало исследователей? Прежде всего участие в восстании масс крестьянства, т.е. того самого «освобождённого класса», который в конечном счёте и принёс победу большевикам в Гражданской войне в России. Мирские сходы крестьян стали после Октября 1917 г. полновластными хозяевами на селе. Они же осуществляли и распределение земли, национализированной советской властью и розданной крестьянам по уравнительному принципу. Те же крестьяне сопротивлялись комбедам; и большевикам пришлось к концу 1918 г. упразднить комбеды... И вот теперь значительная часть крестьян отвернулась от советской власти, более того, активнейшим образом повела с ней борьбу. Видя, что всюду полыхают крестьянские восстания, Ленин заявил о необходимости договориться с крестьянином. Большевики даже заговорили о «двоевластии на селе». Учитывая, что Россия —

страна крестьянская, это обстоятельство имело исключительное значение.

Что представлял собой Тамбов в ту пору? Это был средней руки русский город... Когда поезд подходил к городу со стороны Саратова, погружённый в низину город весь просматривался с полотна железной дороги. При населении всего 70 тысяч человек, в городе было 5 гранд-отелей, 17 гостиниц, 10 постоянных дворов, ресторанов и трактиров, 665 магазинов и неисчислимое количество всевозможных «чайных заведений» и «харчевен», а также всяких лавок и лавочек. Не обойдены были в городе вниманием и всякие бродяги и паломники, для которых были открыты так называемые «обжорки», куда за вход надо было платить алтын (3 копейки) и где можно было оставаться хоть целый день и есть там жирные мясные щи, кашу и пирожки с ливером. За водку, однако, приходилось платить отдельно... По весне весь Тамбов утопал в цветущих садах, что радовало глаз. В Тамбове имелись храмы и других вероисповеданий. По праздникам над городом плыл колокольный звон 31 православной церкви. Люди здесь жили Божией милостью весьма зажиточно, богато. Более 2000 семей относились к купеческому званию различных гильдий. Немало проживало дворян знатных фамилий из Питера и Москвы. В том числе родственники императорской семьи, потомки грузинских царей и даже... византийских императоров. В городе обитали военные, разночинцы, фабриканты, заводчики, люди интеллектуальных профессий. Около 60% горожан принадлежа-

ло к мещанскому сословию — лавочники, мелкие торговцы, кустари, ремесленники, т.е. народ свободный, работавший на себя, не знавший над собой хозяина, державший мастерские, пекарни, другие заведения. Немало представителей вольных профессий: повара, кухарки, парикмахеры, шоферы, извозчики, горничные, приказчики, сторожа, дворники, швейцары. Далее авторы пишут...

Ранее популярностью в городе пользовались такие заведения, как Дворянское, Купеческое, Коммерческое собрания, доступные широкой публике.

Тамбов

Павлоградский продотряд в 1921 г.

При собраниях были замечательные летние сады, где по вечерам играли духовые оркестры расквартированных в Тамбове военных полков или любителей духовой музыки. Здесь всегда наблюдалась гуляющая публика. Работали рестораны, бильярдные, летняя эстрада. Зимой же заливали катки, где дети и молодежь могли кататься днём и вечером. В одном из таких садов впервые и прозвучал ставший вскоре знаменитым марш — «Прощание славянки», а дирижировал военным оркестром автор марша — капельмейстер Тамбовского драгунского полка В.И. Агапкин. В Тамбове был похоронен на Крестовоздвиженском кладбище И. Шатров, автор широко известного вальса «На сопках Маньчжурии». А ещё раньше в Тамбове, на сцене местного Масловского театра, состоялись премьеры всех опер композитора А.Н. Верстовского, включая знаменитую «Аскольдову могилу». Потом её поставят в Петербурге, Москве, в столицах Европы и в Америке, в Нью-Йорке и даже в Австралии, в Сиднее... На реке Цне имелось много лодочных пристаней, а Цна была в то время рекой судоходной, по которой до Моршанска ходили пароходы.

Рабочий класс Тамбова трудился на 25 различных предприятиях, в основном небольших. А всё рабочее сословие Тамбова едва перевалило за 1500 человек. Рабочий день на предприятиях, как правило, колебался от пяти до девяти часов. Было много выходных дней и праздников, как религиозных, так и государственных. Воскресенье было обязательным выходным днем. Например, на Пасху, Масленицу и Рожде-

ство отдыхали целую неделю. Месячный заработок рабочего (в зависимости от характера труда) колебался от 27 руб. 90 коп. на свечном заводе, где в основном работали молодые девушки и женщины, до 300 руб. — на вагоноремонтных мастерских и чугунолитейном заводе Мохова, на асфальтовых и кирпичных заводах. Получку в Тамбове рабочие получали тогда не один раз в месяц, а еженедельно, каждую субботу, в короткий рабочий день, т.е. четыре раза в месяц. Иначе говоря, квалифицированные рабочие получали до 300 рублей и

более, а рабочие неквалифицированные — в пределах 100 рублей. Ученики-мальчишки рабочих специальностей получали в месяц порядка 30—50 рублей... Одним словом то было, в основном, тихое мещанское царство, словно сошедшее со страниц известнейших пьес великого русского писателя и драматурга А. Островского.

Но... После революции вдруг оказалось: тут пруд-пруди коммунистов. В годы восстания в Тамбовской партийной организации насчитывалось 13 тыс. коммунистов, тогда как в Воронежской — 3800, Орловской — 5500, Курской — 6000. Откуда явились эти баскаки? Как показывают цифры, значительную часть «коммунистов» составили бывшие эсеры, давние злейшие враги, конкуренты большевиков. Они вступали в ряды РКП(б) и Губчека целыми ячееками (Тамбовский губком впоследствии даже признал факт массового вхождения членов партии эсеров в коммунистическую партию — с целью её дискредитации). Тут же проявились самые гнусные и отвратительные черты этих провокаторов (типа Я. Гольдина, Я. Марголина и др.). Иудеи и осуществляли продрозверстку дикими методами. Настоящие изверги, ненавистники русских. Добавим, что и объёмы госразвёрстки по хлебу для Тамбовщины в 1920 г. составляли 11,5 млн пудов (у Воронежской — 6,25; Курской — 6,3; Орловской — 5,5 млн пудов хлеба). Важнейшим моментом, сыгравшим негативную роль и подтолкнувшим к восстанию, было то, что горе-планировщики из тамбовского губпродкома в своих оценках урожая на Тамбовщине ухитрились

Выполнил ли ты развёрстку?

«ошибиться» почти в два раза (вместо 62 млн пудов хлеба фактически собрано лишь 32 млн пудов, так как засуха уничтожила половину хлеба). Ярким выражением недовольства крестьян политикой «военного коммунизма» стало начавшееся 26 августа в селе Каменка Кирсановского уезда одно из крупнейших крестьянских восстаний в европейской России в 1918—1922 гг. — «Тамбовская Вандея». Что же стало главной причиной восстания крестьян на Тамбовщине? Обратимся к обстоятельному, исчерпывающему работам Б.В. Сенникова «Тамбовское восстание 1918—1921 гг. и раскрестьянивание России 1929—1933 гг.» (2004), В.В. Самошкина «Антоновское восстание» (2005). Выполненные на базе архивных данных, они позволяют лучше понять корни и причины восстания. Тамбовская губерния, как уже сказано, была вотчиной эсеров: тут работали подпольные комитеты «Союза трудового крестьянства». Тамбовщина — аграрная об-

ласть. Пролетариата же как такового тут практически не было (доля рабочего класса в общей численности населения не превышала 1%). Остатки пролетариата были вычищены всеми мобилизациями и прочими мерами из центра. Беднейшие крестьяне были в меньшинстве, а основную массу края составляли зажиточно-середняцкие слои. Процент кулачества на Тамбовщине был очень высок (от 14 до 20%, тогда как по стране в среднем всего — 3%). Главная причина восстания непосильная продразвёрстка при случившейся засухе. В губернии планировалось собрать 11 млн пудов зерна. Чрезмерность подобной развёрстки отмечал партиец Воронский, прямо говоря: «мужики поднялись с дреколем из-за голода». Если бы крестьяне выполнили полностью планы по продразвёрстке, хлеба бы им хватило бы только на семена для будущего года. «А это означало, что в случае «успешного» выполнения развёрстки 440-тысячное сельское население богатейшего уезда Европейской части России должно было бы исчезнуть с лица земли в результате неизбежной смерти от голода», — пишет В.В. Самошкин. Это-то и стало главной причиной восстания крестьян. Стоит сказать о том, что основную массу «продармейцев» составили бывшие дезертиры. По данным статистики, на 1 января 1920 г. $\frac{9}{10}$ всего военнообязанного населения Тамбовской губернии официально числилось в дезертирах. Те ещё «орлы».

Внесём коррективы. История событий на Тамбовщине тех лет звучит убедитель-

Продразвёрстка

нее в устах Б. Сенникова, которому можно верить (он подкрепляет слова документами из архива, найденного в алтаре Предтеченской церкви на Тамбовщине, где пролежали долгие годы советские документы тех лет). Руководителем восстания в Тамбовском крае и главкомом Объединённой (Единой) партизанской армии был поручик П. Токмаков. П.М. Токмаков происходил из крестьян села Иноковки Кирсановского уезда Тамбовской губернии. В 1904 г. во время Русско-японской войны он призван на действительную службу в Русскую армию. После окончания войны Токмаков остался в армии на сверхсрочную службу. Служил он в Петербурге, где был награждён медалью «За усердие» на станиславской ленте, медалью «В память 300-летия дома Романовых». Он дослужился до вахмистра. Во время I мировой войны он находился в действующей армии, на Галицийском фронте. На фронте за отвагу награждён полным бантом георгиевского кавалера, то есть четырьмя крестами и четырьмя Георгиевскими медалями. В 1915 г. Токмаков произведён в офицеры и дослужился к концу войны до чина поручика. В 1916 г. он был награждён орденом Святой Анны 4-й степени и именным оружием с надписью «Подпоручику Токмакову за храбрость». Иначе говоря перед нами настоящий русский офицер из народа, герой, совершавший чудеса

Глава восстания поручик П.М. Токмаков

Антонов А.С. — один из вождей восстания

храбрости и самопожертвования во время Первой мировой войны. Совершенно иначе выглядит (в описании Б. Сенникова) фигура А.С. Антонова... Антонова хорошо знали в Тамбове по 1905—1917 годам. Несмотря на юные годы, он активно включился в деятельность эсеровской криминально-подпольной организации... Подобно большевикам Сталину и Камо, он участвовал в экспроприациях, был привлечён к суду (ограничил почтовый вагон, в котором перевозились деньги, золото, ценности) и получил 20 лет каторги. Отбывал срок в Шлиссельбургской крепости, затем во Владимирском центральном. Так завершился первый период его жизни. После революции, весной 1917 г. он вернулся в Тамбов по манифесту Временного правительства об амнистии. Далее Б. Сенников пишет: «На вокзале его встречала громадная толпа местных революционеров, “краснобандочников”, как их тогда называли в Тамбове, и зелёная революционная молодёжь. Выйдя из вагона на подножку, он поднял над головой цепи кандалов, от чего толпа встречающих восторженно взревела и, подхватив его на руки, минуя перрон, вынесла в город. От самого вокзала и до Нарышкинской библиотеки-читальни Антонова несут на руках через

весь город, при этом во всю глотку горланя революционные песни, чередуя с духовым оркестром, исполняющим Марсельезу, Интернационал и Варшавянку... Антонову закатили тогда грандиозный банкет и встречу, как мученику за дело революции, пострадавшему от царской каторги. Кандалы, которые были привезены им из Владимирского централа, тут же были распилены на части и розданы как сувениры присутствующим. Такой почётной встречи не был удостоен в Петрограде даже Ленин, прибывший из-за границы на Финляндский вокзал». После возвращения с каторги Антонов с головой уходит в революционную работу, став на партийный учёт в вагоноремонтные мастерские, примкнув к фракции левых эсеров. Вскоре, при поддержке местного совета и городской управы, Антонова выдвигают на пост начальника губернской милиции. В новой милиции были дилетанты, как и везде в то смутное революционное время. Поэтому волна криминала тотчас же стала захлестывать Россию.

Не миновала она и Тамбов. Антонову досталась горячая должность. Нарушая закон и ранее, теперь он (по призыву революции) берётся навести в городе порядок и очистить его от криминала. В городе было полно дезертиров, бежавших с фронтов мировой войны, беженцев из Польши и Прибалтики. Кроме политических преступников, из тюрем и с каторги были выпущены уголовники. В городе чуть не каждый день происходили кражи, грабежи, убийства. Тамбов был богатый город, и уголовникам здесь было чем поживиться. Ко всему этому в городе было размещено несколько запасных полков, которые ввиду новых революционных веяний основательно разложились и мало чем отличались от обычных уголовников и бандитов, отнимая имущество и деньги у горожан. И надо сказать, Антонов как глава губернской милиции проявил себя тогда довольно неплохо. Взяв со склада 1000 винтовок, он вооружил рабочих и навёл в городе хотя бы некоторый порядок. Делал это крутыми методами, расстреливая на месте грабителей и воров. Разоружил он два чехословацких эшелона, за что получил от советской власти наградное оружие — маузер. Затем его по его просьбе перевели начальником милиции в уездный г. Кирсанов... Тут-то и начинается

**Штаб 2-й Повстанческой армии.
Село Кибяки Кирсановского уезда.
Слева направо: поручик Башкарев,
штабс-капитан Митрофанович; начальник
штаба 2-й повстанческой армии
А.С. Антонов; главком поручик
П.М. Токмаков; вахмистр Сиялянский,
командир полка**

его карьера как мятежника. Он будет сражаться с коммунистами до конца и погибнет в 1922 г. в бою с чекистами, став жертвой предательства.

Необходимо сделать некоторые дополнительные пояснения... На Тамбовщине существовало тогда целых три Союза трудового крестьянства (СТК). Первый и общепризнанный крестьянами был СТК, возглавляемый упомянутым П.М. Токмаковым. Сражался он с коммунистами под знаменем Учредительного собрания «За единую и неделимую Россию» и стоял в основном на позициях Белого движения. Второй означенный СТК ни с кем не сражался, агитируя за «Советы без коммунистов» и был левозеровским. Создан он был после того, как коммунисты изгнали левых эсеров из Совнаркома, исключили из всех советских учреждений. Этим СТК руководили Г.Н. Плужников и И.Е. Ишин. Кстати, А.С. Антонов, бывший эсер и начальник штаба 2-й повстанческой армии, и настаивал на ликвидации этого СТК, который возник на свободной территории Тамбовской губернии. Эсеры несли огромную долю ответственности за притеснения крестьян советской властью. Кстати, именно к иудеям-эсерам и принадлежали главные мучители крестьян, затем перебежавшие к коммунистам. Но крестьяне этот эсеровский союз не признали. Советы в Тамбовской губернии никогда не были популярными. Одним из подтверждений этого, казалось, странного раз-

В.А. Антонов-Овсенко**М.Н. Тухачевский****Г.К. Жуков. 1923 г.**

двоения стало то, что крестьяне отделяли большевиков от эсеровско-коммунистической братии: «В деревне крестьяне ищут большевиков, чтобы пожаловаться на коммунистов». Показательно, что за пять первых месяцев восстания на сторону крестьян перешла половина сельских коммунистов Кирсановского уезда. Вскоре левозеровский СТК был разогнан и уже больше никогда не возрождался на территории Тамбовской губернии. Об этом говорит доклад Ю. Подбельского, родного брата советского наркома почт и телеграфа В. Подбельского. Так СТК левых эсеров закончил на Тамбовщине существование, тогда как «Союз трудового крестьянства» (П.М. Токамова) стал подлинным центром руководства восстанием. Он провозгласил «Республику Тамбовского партизанского края», требуя созыва Учредительного собрания (1921). Главой партизанской республики стал участник сопротивления крестьян — Шендяпин. По сути же дела мы имеем в этом случае дело с «советской Вандеей». Все территориальные войска самообороны были под единым командованием главкома. Армия партизан регулярно пополнялась за счёт вливающихся в неё всё новых отрядов. Создавались новые полки восставших.

В Единой партизанской армии Тамбовского края введены знаки различия для всего командного состава. На всей свободной территории губернии был утверждён старый государственный флаг России и обязательное обучение всех детей школьного возраста. «Союз трудового крестьянства» боролся с самозванной властью коммуни-

стов — за законную власть в стране и созыв Учредительного собрания, и стоял по сути на позициях левого крыла Белого движения. Лозунгами крестьян были «Долой уголовно-бандитскую власть предателей русского народа — коммунистов», «Да здравствует Великая, Единая и Неделимая Россия», «Да здравствует Учредительное собрание». Восставшие готовы были допустить деятельность всех политических партий России, кроме коммунистов. Левые социалисты-революционеры, изгнанные коммунистами из Совнаркома, пробуют создать свой СТК (под лозунгом «Советы без коммунистов», но под красным флагом). Но и этот «Союз» крестьяне разгоняют, и эсеры уже более не пытаются вновь возродиться. У них нет ни сил, ни влияния.

Одной из причин частых восстаний крестьян было их явное нежелание участвовать в Гражданской войне. Восстания против мобилизации (в них приняли участие более 20 тысяч человек) начались в Тамбовском и Кирсановском уездах. Основные лозунги восставших: отмена развёрстки, прекращение войны, мобилизаций. Восстание распространилось на Козловский и Моршанский уезды, угрожая штабу Южного фронта. 7 июля Тамбов объявлен на военном положении. Эсеровский «Союз трудового крестьянства», действовавший в половине волостей Тамбовского уезда, правда, уже после начала восстания против красных заявил: открытая борьбы с большевиками дело безнадёжное в силу неорганизованности крестьян. Главой комиссии ВЦИК по борьбе с «тамбовскими волками» был В.А. Антонов-

Овсеенко. Хотя в начале 1921 г. Ю.Н. Подбельский охарактеризовал восстание тамбовских крестьян как «голую партизанщину, без лозунгов, без идей, без программ», первые попытки подавления оказались неудачными... Вскоре в центре поняли свою ошибку. Тогда на подавление восстания бросили выдвиженца Льва Троцкого, Тухачевского... Журналист пишет: «Кандидатура Тухачевского была выбрана не случайно. Уже после подавления Кронштадтского восстания в марте 1921 года в ЦК партии большевиков поняли, что среди многих советских военачальников именно Тухачевский обладает наибольшим тяготением к проведению карательных операций внутри страны».

Командованию Красной армии для подавления мятежа пришлось выделить немалые силы. О масштабности военных действий в Тамбовской губернии говорит и то, что против повстанцев бросили регулярные войска М. Тухачевского (38 000 штыков, 10 000 сабель, 500 пулемётов, 63 орудия, аэропланы, броневики). Он и сам признавал: «Приходится вести не бои и операции, а целую войну, которая должна закончиться полной оккупацией восставшего района». Борьба велась уже «не с бандами, а со всем местным населением». Против войск Токмакова, Антонова и Колесникова, которые составляли в самый пик восстания что-то около 10 тыс. человек, фактически бросят целую армию (во главе с Уборевичем и Тухачевским). Сделано это с подачи Склянского, правой руки наркомвоенмора Троцкого. 26 апреля 1921 года зам. председателя Реввоенсовета Республики Эфраим Склянский обращается к Ленину с запиской: «Я считал бы желательным послать Тухачевского на подавление Тамбовского восстания. В последнее время там нет улучшения...» Ленин соглашается: «Предлагаю назначить его без огласки в Центре, без публикации». 27 апреля следует решение Политбюро о Тухачевском: «Назначить единоличным командующим войсками в Тамбовском округе, сделав его ответственным за ликвидацию банд Антонова. Дать для ликвидации месячный срок. Не допускать никакого вмешательства в его дела». В срочном порядке ищут того, кто

бы презирал чужую человеческую жизнь и, разумеется, наш народ — «бесцветную сволочь!» Фактически евреи Троцкий и Склянский решили сделать из дворянина Тухачевского присяжного палача Советской России (подавлял мятеж в Кронштадте, а затем Тамбовское восстание). И делалось это при полном согласии Ленина, который подтвердил назначение Тухачевского командующим карателями, но «без огласки в центре... без публикации». Разумеется, активное участие в подавлении мятежа крестьян не принесло тому славы. И он понимал всю незавидность своего положения. Позже признавался, что «борьбу приходится вести в основном не с бандами, а со всем местным населением». Причина восстания крестьян повсюду одна и та же — реквизиция зерна и возникавший после этого голод. В октябре 1920 г. главком Красной Армии С.С. Камнев в докладе правительству указал на то, что тысячи голодных крестьян в Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерниях просили местные власти выдать им хотя бы часть зерна со ссыпных пунктов. В ответ же на просьбу «толпы расстреливались из пулемёта». А потому не радостно встретил своё назначение «красный Наполеон». Как вспоминала сестра будущего маршала, О. Тухачевская, в дни получения назначения он пришёл домой в мрачном настроении и заявил им, что его посылают в Тамбов, где бунтуют крестьяне. «Владимир Ильич приказал покончить». И повторил: «Теперь — крестьян». После этого ушёл домой, где двое суток пил, что с ним случалось довольно редко.

А. Николаев. Тухачевский на Тамбовщине

Памятник жертвам подавления мятежа

И однако же, чтобы внести толику ясности в благостную картину «несчастных тамбовских волков», перенеситесь в наше время... Сегодня в Тамбове вам расскажут, и то шёпотом, оглядываясь со страхом, что город фактически находится в руках отморозов, убийц, уголовников типа И. Коровникова, на совести которого и возглавляемой им банды «Хищников» несколько громких убийц предпринимателей и рядовых граждан. Эта кровавая свора действовала в интересах «невинно пострадавшего», главы ЮКОС г-на Ходорковского. В частности, они убили мэра Нефтеюганска В. Петухова, ряд бизнесменов. Так что не так уж невинна тамбовская бандитская братия. Ей что продрозвёрстка, что демократия — один хрен! Советская власть имела основания для террора!

Поэтому как только ему дан был зелёный свет, Тухачевский энергично приступает к реализации плана... Благодаря энергичным усилиям «выходца из Священной Римской империи» создаются концентрационные лагеря для размещения «изъятых» семей: в Тамбове на 4 тыс. человек, в Сампуре — на 1500, в Кирса-

нове — на 3 тысячи, в Козлове — на 2 тысячи, в Борисоглебске — на 3 тысячи. Именно его рука подписывает приказы такого вот содержания: «Полномочная Комиссия ВЦИК приказывает: 1. Граждан, отказывающихся назвать своё имя, расстреливать на месте без суда. 2. Селениям, где скрывается оружие, властью Уполиткомиссий или Райполиткомиссий объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случаях несдачи оружия. 3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье. 4. Семья, в которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество её конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается на месте без суда. 5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов. Старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда... 7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно». Найдя нужный тон, Тухачевский продолжает усиливать «суровость и беспощадность». О том, что сражения были нешуточными, свидетельствуют, в частности, и воспоминания маршала Г.К. Жукова. В жестоком бою под Жердевкой 5 марта 1921 г. под ним, тогда ещё командиром 2-го эскадрона 1-го кавполка, дважды убили лошадь. Позже Г. Жуков признался писателю К. Симонову, что антоновцы «крепко всыпали» красным.

К началу 1922 г. на территории губернии было уже пять концентрационных лагерей, состоявших в ведении Губернского подотдела принудработ. По данным советских статистиков, в них к началу 1922 г.

Покровская церковь, ставшая местом концлагеря

содержалось 1884 человека. По тем же данным, за 9 месяцев 1922 г. сюда дополнительно поступило 5588 человек, а из концлагерей выбыли (значит: освобождены, бежали, умерли, переведены в другие концлагеря за пределами губернии 6819 человек). К 1 октября 1922 г. в них содержалось 653 человека, из них 30 женщин. Несмотря на скудость официальных документов, статистики упоминают, что здесь были случаи голода и заразных заболеваний, как следствие нечеловеческих условий содержания, среди которых «скученность содержания». При осмотре Тамбовского концентрационного лагеря №1 выяснилось, что первоначально он предназначен был только на 300 человек, но в нём на начало января 1922 г. находилось уже около 1 тысячи человек. И всё это было сделано по распоряжению Тухачевского, человека «тонкой души», обожавшего скрипичную музыку и своими руками их изготавливавших — три скрипки (по числу подавленных им восстаний и неудавшихся заговоров).

Полагаем, в известном смысле на настроения тамбовских граждан повлияла «революционная» решимость, с какой большевики повели бой за сохранение свободы любви и раскрепощение женщин, «русских Венер»... Конечно, то были частности в более серьёзном и бескомпромиссном деле жесточайшей классовой борьбы... Декрет Владимирского совдепа «О раскрепощении женщин» решительно указывал: 1. С 1 марта 1918 года в г. Владимире отменяется частное право на владение женщинами (брак отменён, как предрассудок старого капиталистического строя). Все женщины объявляются независимыми и свободными. Каждой девушке, не достигшей 18 лет, га-

Б. Кустодиев. Русская Венера

рантируется полная неприкосновенность её личности («Комитет бдительности» и «Бюро свободной любви»). 2. Каждый, кто оскорбит девушку бранным словом или же попытается её изнасиловать, будет осуждён ревтрибуналом по всей строгости революционного времени. 3. Каждый, изнасиловавший девушку, не достигшую 18 лет, будет рассматриваться как государственный преступник и будет осуждён ревтрибуналом по всей строгости революционного времени. 4. Всякая девица, достигшая 18-летнего возраста, объявляется собственностью республики. Она обязана быть зарегистрирована в «Бюро свободной любви» при «Комитете бдительности» и иметь право выбирать себе среди мужчин от 19 лет до 50 временного сожителя-товарища... Согласия мужчины при этом не требуется. Мужчина, на которого пал выбор, не имеет права заявлять протест. Точно так же это право предоставляется и мужчинам при выборе среди девиц, достигших 18-летнего возраста. 5. Право выбора временного сожителя предоставляется один раз в месяц. «Бюро свободной любви» при этом пользуется автономией. 6. Все дети, рожденные от этих союзов, объявляются собствен-

Жертвы расправы

Красная Венера

ностью республики и передаются роженцами (матерями) в советские ясли, а по достижении 5 лет в детские «дома-коммуны». Во всех этих заведениях все дети содержатся и воспитываются за общественный счет. Примечание. Таким образом, все дети, освобожденные от предрассудков семьи, получают хорошее образование и воспитание. Из них вырастет новое здоровое поколение борцов за «мировую революцию». Совдеп города Владимира. 01.01.1918 г. Далее приводится декрет Саратовского совдепа, имевший некоторые разночтения с Владимирским, но, в общем, аналогичный. Эти декреты местных совдепов вводились пробно, в случае провала ответственность за них возлагалась на местные совдепы, а не на Совнарком. Они грозили взрывом негодования населения. Коммунисты боялись даже приступить к попытке их осуществления. Когда вышел такой декрет в Саратове, после его обнародования тысячи жителей города, прихватив с собой дочерей и жён, устремились в Тамбов, который не признавал советской власти, управляемый Временным исполнительным комитетом и городской управой. Население Тамбова в то время увеличилось почти вдвое. Город всем дал приют, как и во время нашествия Наполеона в 1812 году. Саратовские беженцы размещены в гостиницах и по домам, им оказали хороший приём и окружили забо-

той. Все эти «прелести» советского строя, эксперименты, конечно же, не увеличивали симпатий к нему со стороны населения.

В перечне крестьянских восстаний следует упомянуть и так называемое Западно-Сибирское восстание (восстание в Ишимском уезде Тюменской губернии в январе 1921 г.). Оно типично для районов Сибири... В воззвании Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии сказано (март 1921 г.): «Граждане сибиряки! Раньше коммунисты старательно скрывали, что, где и в какой губернии делается. До народа доходили только смутные слухи... Теперь коммунисты сами пишут, что восстала Сибирь, что партизанское движение растёт и в России, и даже сильная морская крепость Кронштадт взята восставшим народом при помощи матросов и войск, которые перешли на сторону народа. До сих пор всё-таки коммунисты никак не хотели понять или с умыслом пишут, что восстал не народ, которому невтерпёж стало жить, а будто бы восстали какие-то генералы, офицеры-золотопогонники, меньшевики и эсеры. Они всё ещё до сих пор скрывают, что восстал весь народ, который они считают серой безответной скотиной. Коммунисты всё еще считают, что народ можно только обирать, грабить и расстреливать и что народ не способен восстать на защиту своих человеческих прав. Мы, восставший народ, хорошо знаем, за что мы идём и чего мы добиваемся. У всех у нас одна мысль и одна цель — уничтожить врага-коммуниста. Мы объединились все воедино: и русские, и татары, и крестьяне, и рабочие, и горожане. Мы все одинаково обижены... Мы добиваемся настоящей советской власти, а не власти коммунистической, которая до сих пор была под видом власти советской. Мы хотим, чтобы всем свободно дышалось, чтобы все могли свободно жить, чтобы каждый мог исполнять свободно ту работу, какую он хочет, чтобы каждый мог свободно распоряжаться своим имуществом, чтобы никто не имел права отбирать то, что нажито тяжёлым трудом, чтобы каждый мог свободно распоряжаться тем, что он заработал своими трудовыми руками. Мы хотим, чтобы каждый человек верил, как хочет: православный — по-своему, татарин — по-своему, и чтобы нас всех не заставляли силком верить в коммуны. Одним

И.А. Владимиров. Агитация

словом, мы хотим свободной жизни, без всяких стеснений и насилий, без развёрсток, «пятёрок» и других выдумок». И в волостях крестьяне переизбрали Советы на новых началах. Крестьян можно понять.

Эти попытки изменить характер власти неизбежно сопровождались эксцессами. Повстанцы говорят, что они расстреляли губпродкомиссара Инденбаума за то, что «ограничил развёрстками всю губернию, многих пустил по миру, многих через эти развёрстки расстреляли и сажали в тюрьмы». И уверяют, что не могут не карать тех иудеев, ибо в их глазах «стоят трупы расстрелянных наших детей» и все они помнят, как горели их жилища. За что «расстреляли старух в с. Самаровском и, порубив на куски, бросили в прорубь!» Где-то там под лёд спустили и тело убитого отца будущего писателя Юрия Нагибина. А сколько жертв погибло в городах и селениях Сибири! Налицо сопротивление народа непопулярной политике. Наряду с жестокими мерами власти пытались найти решения, примиряющие крестьянство с политикой Советского государства. С этой целью в 1921 г. состоялась встреча Ленина в Кремле с рядом деятелей Тамбовского губисполкома и военными, встреча шла, когда ещё полыхало восстание. Любопытно, что на неё пригласили и бывших мятежников (двух бедняков, двух середняков и одного кулака). После разговора с Лениным те, будто, переменялись настолько, что вернулись к себе «ярыми защитниками Советской власти». Пере-

мены в настроениях крестьян, если и наметились, произошли не от речей Ленина — «Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли» (Исайя, 1—19), а от того, что вскоре по стране продразвёрстку заменят продналогом.

Последний серьёзный аккорд гражданской войны в России — подавление Кронштадтского мятежа. Мятеж вызван настроениями масс, в том числе балтийских матросов, вчера ещё «гвардии революции» и ударной силы большевиков... В. Чернов писал: «Другим поставщиком явился наш флот. Без преувеличений можно сказать, что у власти, именующей себя «советской», есть целая особая категория слуг с ярко выраженными видовыми особенностями: это «сухопутные матросы». Они превращены в каких-то специалистов по всем областям. Надо ли Петербургу зерна? Снаряжаются в разные места России добывательные экспедиции из матросов. Нужно ли проводить на местах какой-нибудь не замеченный тугою на ухо Россией ленинский декрет? Матросы тут как тут! Карательная экспедиция против какого-нибудь «контрреволюционного» города? Матросам, конечно, отводится видное место. Все матросы Балтийского флота — я имею в виду оставшихся в живых — радикально «деклассируются». А охлократия и есть господство деклассированной «красной улицы». В целом, ситуация описана достаточно верно. Чернову трудно тут что-либо возразить. Так или примерно так и обстояли дела в России в периоды Гражданской войны или даже и после её окончания.

В иных, бравурно-революционных тонах рисует облик матросов герой Гражданской войны большевик Ф. Раскольников, тот са-

Матросы Балтийского флота в Петрограде в 1918 г.

мый Раскольников, что позже в годы репрессий останется на Западе, откуда и пошлёт Сталину гневное письмо, обвиняя во всех грехах. Тогда же он писал: «Разговоры с моряками поистине доставляли неизъяснимое наслаждение: их каждое слово было густо насыщено бодрым духом непреклонной отваги и борьбы, овевая ароматом героической революционной эпохи. Пылкий революционный энтузиазм, безграничная преданность рабочему классу и страстное желание во что бы то ни стало добиться победы, наряду с высокоразвитым классовым самосознанием и ясным, правильным чутьём интересов пролетариата и смысла обострившейся политической борьбы, — всё это, вместе взятое, создавало из матросов превосходный боевой материал. Недаром в первый период Октябрьской революции до момента формирования регулярной Красной армии на всех фронтах республики отряды моряков наряду с фабрично-заводской молодежью, составившей ядро Красной гвардии, были основным оплотом молодой и неокрепшей власти Советов». И эта оценка верна, но обращает внимание характеристика матросов как «превосходного боевого материала», как чего-то безлично-механистического и слепого. Но кого было звать на помощь советской власти, Бога?

Однако что изменилось с тех пор, когда, по словам Раскольникова, кронштадтские моряки были «стойкой и непоколебимой опорой партии большевиков»? Что стало с легендарными моряками, запечатленными в образах героев советского фильма «Мы — из Кронштадта»? Вспомним фразу Железнякова: «Караул устал!» Обстановка анархии, развала коснулась и моряков... Командующий Балтийским флотом адмирал Бахирев писал о том, что представляли собой матросы: «Команда, под влиянием агитации, не доверяла офицерам; при постоянной близости к неприятелю результатом этого явилась излишняя нервность, в опасные минуты переходящая в растерянность, а в трудные — превращающаяся даже в панику... Дисциплина, можно сказать, отсутствовала, и в команде было сознание пол-

*Кадр из фильма «Мы из Кронштадта».
Реж. Е. Дзиган. 1936*

ной безответственности и уверенность, что она всё может сделать со своими начальниками». Понятно, что «братцы-матросики» также хотели бы видеть улучшения во всех аспектах жизни. Жизнь становилась всё тяжелее и тяжелее. Уж стали роптать свои. Они тоже устали. И вот матросы Кронштадта послали делегацию в Петроград для выявления причин волнений на фабриках и заводах. По возвращении в Кронштадт, моряки с линкоров «Севастополь» и «Петропавловск» принимают резолюцию с требованиями: пере выборы Советов, предоставление свободы слова и печати (в том числе и для мелкобуржуазных партий), освобождение из тюрем и концлагерей всех осужденных за антисоветские выступления, упразднение коммунистических отрядов и политотделов, предоставление крестьянам права распоряжаться землей («так, как им желательно»), права на ведение свободного кустарного производства и т.д. Одним словом, это вполне демократические требования (если судить по «мирным» меркам). Хотя их резолюция, в сущности, призыв к правительству соблюдать права и свободы, провозглашенные самими же большевиками в октябре 1917 г. Отметим, что советские учреждения в Кронштадте никто не разгонял и те продолжали работать. Мятежники считали, что заложили первый камень в основание «третьей революции». Члены ВРК, в подавляющем большинстве рабочие и крестьяне, были уверены в поддержке их борьбы трудящимися

В окопах Кронштадта

Петрограда, как и всей страной. Резолюция кронштадтцев, тем не менее, представляла собой серьёзную угрозу, и не столько для Советов, сколь для монополии большевиков на политическую власть.

Общая численность дислоцированных в Кронштадте и на фортах корабельных команд военных моряков и береговых частей составляла к тому времени 26887 человек (1455 командиров, остальные рядовые). 1 марта 1921 г. на Якорной площади Кронштадта состоялся митинг, собравший около 16 тыс. человек. Обращаясь к людям, вожак мятежников С. Петриченко (писарь с линкора «Петропавловск» по прозвищу «Петлюра»), не имевший ни командирских, ни хотя бы организационных способностей, заявил: «Совершая Октябрьскую революцию в 1917 г., труженики России надеялись достичь ...полного раскрепощения и возложили свои надежды на много обещавшую партию коммунистов. Что же за 3,5 года дала партия коммунистов, возглавляемая Лениным, Троцким, Зиновьевым, другими? За 3,5 года своего существования коммунисты дали не раскрепощение, а полнейшее порабощение личности человека. Вместо полицейско-жандармского монархизма получили ежеминутный страх попасть в застенки чрезвычайки, во много раз своими ужасами превзошедшей жандармское управление царского режима». Красные руководители военно-морской базы попытались было убедить собравшихся отказаться от их политических требований. Они рассчитывали, что в ходе митинга им удастся переломить настроение матросов и солдат гарнизона, но, видя, что это не выходит, стали угрожать усмирить недовольных силой оружия. Тогда решено разоружить

коммунистов, не согласных с резолюцией масс... На собрании большинством голосов выбран Временный революционный комитет во главе с С. Петриченко. Таким вот образом власть в Кронштадте без единого выстрела перешла в руки нового ревкома. Мятежники взяли под арест комиссара Балтийского флота Н.Н. Кузьмина и председателя старого Совета П.Д. Васильева. Советская власть пыталась уладить конфликт путём переговоров. Но кто-то пустил слух, что против моряков направлен отряд «в две тысячи человек» для ареста недовольных. Хорошо зная нравы большевиков, моряки решили, что это похоже на правду. И тогда вспыхнуло восстание. Восставшие образовали свой комитет и штаб. В революционный комитет вошли 15 беспартийных моряков. Восставшие заняли типографию, учреждения, штабы и другие жизненно важные объекты крепости Кронштадт. Вождь назовёт мятеж моряков в Кронштадте «абсолютно незначительным инцидентом». Это, конечно же, совсем не так.

Положение на Балтфлоте в целом и, в частности, Кронштадте было хуже некуда. Как отмечают историки, Кронштадт жил сам по себе, и как главная база флота был поражён вакханалией безалаберности — корабли ржавели на приколе и были превращены в казармы. Вся учебно-боевая подго-

Глава мятежа — С. Петриченко

Ф.Ф. Раскольников

товка свелась к поддержанию хотя бы мало-мальски нормальных санитарных условий, ну и к огромнейшему количеству политбесед и митингов. Командующим Балтфлотом был тогда Ф. Раскольников (его настоящая фамилия — Ильин). Он на флоте считался личностью, в общем-то, довольно случайной. Избегая мобилизации в годы войны, в 24 года он поступил в морской корпус, наравне с 17-летними мальчишками... Затем, пробыв год в гардемаринах, с головой ушёл в революцию. Выдвинулся благодаря тому, что вместе с братом возглавил переезд столичного аппарата из Питера в Москву. В это же время ему начинает симпатизировать всесильный Троцкий, и уже в конце 1918 г. Раскольников величина — комиссар Балтфлота. Он отличился в действиях Волжско-Камской флотилии и был удостоен ордена Красного Знамени за кампанию 1918 г. Затем пленил в тех местах белогвардейский флот, за что удостоился похвалы Ленина. «Вы блестяще справились с возложенной на Вас боевой задачей» — и был во второй раз награждён орденом Красного Знамени, а его флотилия — Почётным революционным Красным Знаменем. Правда, вскоре из-за халатности в плен к англичанам попали 2 эсминца (вместе с ним самим). Советы обменяли его на группу английских офицеров и назначили главкомом... Ф. Раскольников до конца оставался преданным лично Троцкому, но всё же вошел в советскую историю, хотя и скорее как один из первых «невозвращенцев». После мятежа его «попросят» с флота, пошлют за границу по линии Внешторга, в Болгарию, откуда он благополучно эмигрировал в гонимую репрессий. Жизнь его полна взлётов и падений, удивительных приключений

(муж Л. Рейснер, начальник Персидской советской республики, полпред в Кабуле, Софии, а затем невозвращенец). Таких судеб среди советской элиты тех драматических лет немало. Раскольников не хотел массовых казней моряков. И Ленину пришлось обратиться за помощью к Троцкому.

Зловещая фигура Троцкого возникает и вот в какой связи... Как убийцы капитана первого ранга Щастного, спасителя Балтийского флота. Напомним положение флота... Основная масса кораблей флота находилась в Питере, а в крепости осталась наиболее боеспособная часть эскадры, которую охраняло 34 береговых батарей. Общая численность командиров, политработников, моряков и солдат Кронштадта на 13 февраля 1921 г. составляла 26 887 человек. Дисциплина оставляла желать лучшего: только в начале года из крепости дезертировали 674 человека. Добавим, что в отличие от армии на флоте демобилизацию проводили скупой, так как негде было готовить кадры. Основная масса матросов давно уже отслужила все положенные сроки. В политдонесениях комиссары отмечали настроения моряков: «В экипаже наблюдается усталость старших призывов; молодёжь нечем обмундировать; все беспокоится за родных, которые терпят от продразвёрстки»... Единственным «новшеством» было то, что появилось роптание по поводу урезания пайка, голод добрался и до балтийцев.

Вся экономика страны разрушена... Ленин писал Кржижановскому: «Мы нищие. Голодные, разорённые и нищие». Как всё переменялось. Вчера ещё пролетариат выступал с манифестациями против самодержавия и буржуазии. И вот рабочие Путиловского завода идут на демонстрацию протеста с лозунгом: «Долой Ленина с кониной, дайте царя со свиной». Порой говорят, что мятеж в Кронштадте состряпан врагами Советской власти. Или попытка установить демократию и отменить военный коммунизм. Но бытует и другое мнение: восстание спровоцировали вожди большевиков, между которыми шла закулисная война за власть. Ситуация позволит превратить мятежную крепость в инструмент, с помощью которого председатель Совнаркома и его штатская компания показали порочность идей Троцкого. Удобный повод для показательной карательной акции, суть которой сам

Ленин определил так: «Надо проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать». Несколько забегая вперёд, скажем: во многом восстание стало следствием того, что командующий флотом Ф. Раскольников совершенно не разобрался в обстановке, а, возможно, во всём слушался Троцкого... Для того не было большего удовольствия, чем убивать и карать «толпу». Вот Раскольников и пошёл на поводу... После мятежа 20 марта 1921 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) принято решение о направлении Ф. Раскольникова в Афганистан. 29 марта 1921 г. постановлением СНК он утверждён представителем РСФСР в Афганистане, в секретариате Совнаркома РСФСР ему были вручены соответствующие документы на русском и персидском языках, и уже 16 апреля 1921 г. советское представительство численностью в 32 человека убыло из Москвы в Кабул. Назначение фактически явилось для бывшего командующего Балтийским флотом политической ссылкой за ошибки и просчёты, приведшие, по мнению партии, к Кронштадтскому восстанию. Назначенный незадолго до того (июнь 1920 г.) на должность Ф. Раскольников вместо выполнения своих прямых служебных обязанностей был втянут в политические интриги, которые вели Г.Е. Зиновьев и его окружение против Л.Д. Троцкого, в дискуссию о профсоюзах, отстаивая взгляды последнего. Председателю РВСР Троцкому потребовались значительные усилия, чтобы спасти своего опального сторонника, выхлопотав для него дол-

На борьбу с кронштадскими мятежниками

*Пробоина на линейном корабле
«Севастополь»*

жность полпреда Советской России в Афганистане. Назначение было единственной возможностью избежать более сурового наказания. Дипломатическая миссия была сформирована в основном из бывших моряков Балтийского флота. Позже будут сомневаться в его принадлежности к троцкистам. Но в письмах к Троцкому Раскольников откровенен. Один лишь штрих: «В виде исключения, частным образом, посылаю Вам мой последний доклад Чичерину. Пожалуйста, просмотрите его и если согласитесь с содержанием, то возьмите на себя его защиту перед Политбюро, как когда-то согласились быть моим адвокатом по делу 3—5 июля» (письмо 5 апреля 1922 г.).

Что же касается восстания, то оно стало реакцией народа на тяжелейшее положение. Жизнь стала такой, что терпению многих пришел конец. Моряки Кронштадта выдвинули тогда лозунг: «За Советы, но без коммунистов». Восставшие хотели роспуска специальных отрядов коммунистов в армии и ударных коммунистических бригад, что заправляли всем на фабриках и заводах. Как пишет Р. Пейн, это вовсе не означало требования возвращения к власти буржуазии. Скорее это призыв к введению «гибкой формы социализма», ликвидации гегемонии ЧК и партаппарата. Хотя речь вроде бы и шла о введении гибких форм социализма, но в тогдашнем положении это означало бы конец Советской власти. Ленин на X съезде партии, что проходил в те дни, проговорился: «Они не хотят белогвардейцев, но и не хотят нашей власти». На Руси это обычное требование люда, когда ему плохо... Но то, что его выдвинул «авангард революции», матросы, не могло не встре-

вожить. К мятежу примкнул начальник артиллерии Кронштадтской крепости бывший генерал А. Козловский и офицеры (вынуждены). Хотя они и не имели особого желания сражаться, но обстоятельства поставили в безвыходное положение. Козловский предложил установить связь с Финляндией и начать совместное наступление с финнами против Советов. На помощь восставшим прибыл из-за границы и бывший командир линкора «Севастополь» Вилькен, предложивший «ревкому» помощь в лице 800 вооруженных офицеров. Мятеж поддерживал и лидер кадетов П.Н. Милуков. Этот «умный вождь» буржуазии сформулирует и основной лозунг восставших — «Советы без большевиков». Он писал: «...власть должна перейти от большевиков к умеренным социалистам, которые получают большинство в Советах». Но идея власти Советов, очищенных от партийной номенклатуры, родилась отнюдь не в голове Милукова. Идея посещала головы вчерашних революционеров и борцов с царизмом. П.А. Кропоткин писал, к примеру, В.И. Ленину (март 1920 г.), крайне резко оценивая народившуюся систему власти в новой России: «...Россия уже стала Советской Республикой лишь по имени... Теперь правят в России не Советы, а партийные элементы... Если же теперешнее положение продлится, то самое слово «социализм» обратится в проклятие». Антисоветские силы отреагировали на мятеж в Кронштадте. Среди матросов активнее стали работать меньшевики и эсеры... Лидер эсеров Чернов предложил мятежникам помощь людьми, обещающей обеспечить их продовольствием. В казну восставших поступили и первые деньги: из США — 25 тыс. долл. (от бывшего царского посла в США Б.А. Бахметева) и из Парижа — 50 тыс. франков (от крупных русских банкиров и предпринимателей). В.И. Ленин писал: меньшевики и эсеры объявляют кронштадтское движение своим. Вся белогвардейщина встала «за Кронштадт» моментально, можно сказать, с радиотелеграфической быстротой. «Крупные банки, все силы финансового капитала открывают сборы на помощь Кронштадту».

Не трудно предугадать и последующие действия большевиков... Ленин приказал уничтожить восставших и затопить корабли Балтфлота, отреагировав жёстко на

Кронштадский мятеж. Петроград и Петроградская губерния 3 марта 1921 г. были объявлены на осадном положении. Мера эта направлена скорее против антибольшевистских демонстраций питерских рабочих, чем против матросов. Реввоенсовет республики призвал восставших сложить оружие. Мятежники игнорировали ультиматум красных, рассчитывая на мощь укреплений, силу артиллерии, квалификацию офицеров. 7-я армия под командованием М.Н. Тухачевского пошла на штурм Кронштадта по льду, окружавшему форты. Предпринятое 8 марта наступление кончилось полной неудачей. Понесся большие потери, советские войска отступили на исходные рубежи. Одна из причин неудачи: малочисленность наступавших, силы которых с резервом 18 тыс. человек. У мятежников было 27 тыс. матросов, 2 линкора, 140 орудий береговой обороны. Вторая причина крылась в настроениях самих красноармейцев, которых бросали на лёд Финского залива. Дело доходило до прямого неповиновения бойцов. В полосе наступления Южной группы 561-й полк отказался подчиниться приказу идти на штурм крепости. На северном участке с трудом удалось заставить наступать отряд петроградских курсантов, самой боеспособной части войск Северной группы. Волнения в воинских частях всё усиливались... Красноармейцы отказывались идти на штурм Кронштадта. Тогда принято решение приступить к отправке «ненадёжных» моряков для прохождения службы в других акваториях страны, и как можно дальше от Кронштадта. До 12 марта было отправлено 6 эшелонов с моряками. Чтобы заставить воинские части наступать, командованию

*Погрузка раненных при штурме
Кронштадта красноармейцев*

красных пришлось прибегнуть не только к агитации, но и к открытым угрозам. Создан был и мощный репрессивный механизм, призванный немедленно переломить настроение красноармейцев. Ненадежные части разоружались, отправлялись в тыл, зачинщики расстреливались. Приговоры за отказ от выполнения боевого задания и за «дезертирство» следуют один за другим: виновных расстреливают немедленно и публично.

В ночь на 17 марта красные, среди которых были 300 делегатов X партийного съезда и даже студенты-коммунисты Петроградского университета и комсомольцы, после мощной артиллерийской подготовки пошли на повторный штурм Кронштадта. Многие из них погибли в том ночном ледяном кошмаре... Вот как описал штурм его участник, нарком Дыбенко: «Один час тридцать минут... Под покровом ночи и густого тумана бесшумно, один за другим спускаются в боевых колоннах на лёд красные полки. Одетые в белые халаты, движутся разведчики и дозорные впереди своих полков. Кругом мёртвая тишина. Лишь изредка — негромкая отрывистая команда. Поскрипывает под тысячами ног снег. За колонной непрерывной змейкой тянутся телефонные линии. Во мраке ночи на льду и белом снегу чернеют точки: это контрольные посты с присосавшимися ко льду телефонистами, ежеминутно проверяющими исправность связи. Пронизывающий и особенно ощутительный на льду ночной холод заставляет их свертываться в клубочки и ещё плотнее прижиматься к аппаратам, стоящим на льду. В цепях движущихся колонн — артиллерийские наблюдатели, а впереди них — штурмовики с лестницами, мостиками, ножницами и гранатами. Сбоку колонн на маленьких санках движутся пулемёты. Всё дальше и дальше от Ораниенбаума уходят колонны наших бойцов. Они приближаются к острову Котлин, и ещё несколько минут — полчаса, и под предательскими ударами мятежников не одна сотня храбрецов падёт мёртвыми на холодный лёд». Масса раненых... На ораниенбаумском берегу кто-то сигналами лампы пытается передать сведения о наступлении красных полков. Противник не дремлет. Его шпионы за работой. Однако не дремлет и революционное око. Шпионы схвачены и расстреляны. В 2 часа 15 минут на лёд вступи-

ли последние резервные полки. В штурмовых колоннах рядовыми бойцами идут, впереди всех, делегаты X съезда партии. Момент грозной развязки приближается. Нервы напряжены. Слух невольно ловит каждый звук. В 4 часа 30 минут на левом фланге, возле фортов, сухо и как-то растерянно затрещал одинокий пулемёт. Это полк Тюленева, в котором накануне часть бойцов подняла восстание и пыталась соединиться с кронштадтцами, сегодня жестокой рукой выбросивши из своих рядов изменников и предателей, с неимоверным энтузиазмом атакует форты мятежников. Ещё минута, и треск десятков пулеметов и дружные залпы винтовок разорвали царившую до того тишину. Как бы сорвавшись с железной цепи, загрохотали пушки мятежников. Где-то далеко пронеслись крики «ура», и снова, как бы затаив дыхание, всё замерло. Зазвонил полевой телефон. Донесение — форт Кроншлот взят. Алло, алло! Телефоны не работают. Временные порывы связи. Одна за другой сметены контрольные станции, а вместе с ними и беззаветные герои-связисты. Зловеще свистят и рвутся в бешеном водовороте снаряды, сотнями воронок покрылся лёд. Дружные залпы стрелков, крики «ура» оглушали залив. Снова заработали телефоны. Геройски погибших связистов сменили другие. Уже сотни храбрецов легли мёртвыми на подступах к Кронштадту. Их холодные трупы прикрыты белыми халатами. Убийственный огонь противника не остановил и не удержал храбрецов. Через 20 минут полки 32-й бригады ворвались на Петроградскую пристань Кронштадта. Донесение: командир бригады Рейдер ранен, командир полка Бураков ранен. Потери огромны, но бойцы безостановочно двигаются вперёд, сметая на своём пути преграды. Потери в полках доходят до

Допрос пленного повстанца-матроса

С.С. Вершинин — член Ревкома повстанцев

30 процентов. Потери среди командного состава до 40 процентов».

В той последней битве против «орд большевиков» моряки Кронштадта сражались с яростью обречённых... Троцкий поражён мужеством и мрачной решимостью повстанцев. «Это был не бой, а ад, — признавался он. — Моряки дрались, как дикие звери. Я не могу понять, откуда в них взялась такая бешеная ярость. Каждый дом надо было брать штурмом». То была ярость обманутых, ярость тех, кто когда-то искренне встал на сторону революции, и вот теперь пал её жертвой. Утром 18 марта 1921 г. город и крепость были очищены от мятежников. Коммунисты и сочувствующие им матросы на линкорах «Петропавловск» и «Севастополь» арестовали мятежных комитетчиков. Главари ревкома и офицеров ушли по льду в Финляндию. За границу тогда ушло около 8 тыс. человек, среди них фактически и весь штаб крепости, 12 из 15 членов «ревкома» и многие наиболее активные участники мятежа (из членов мятежного ревкома были задержаны Перепёлкин, Вершинин, Вальк). Арестованные коммунисты были освобождены. После этого состоялся ряд процессов. Около 10 тысяч предстали перед трибуналом, при этом более 2103 человек были приговорены к расстрелу. В результате боёв и репрессий погибло значительное число восставших и примерно 1,5—

2 тысячи красных. Последовал суд, скорее расправа над гарнизоном Кронштадта. Многие матросы и красноармейцы крепости пошли под трибунал. При подавлении восстания Дыбенко скажет в адрес восставших: «Миндальничать с этими мерзавцами не приходится». И в первый же день будет расстреляно 300 арестованных. Скажем, член ревкома С.С. Вершинин был взят красными в плен в бою у Петроградских ворот в Кронштадте, что видно из донесения командира 560-го полка (мятежного). Он объяснил, что выехал якобы для переговоров с красным командованием, но мандата на это не имел. По решению Петроградского ЧК он был вскоре расстрелян.

К лету 1921 г. через трибунал прошел 10 001 человек: 2103 — осуждены к расстрелу, 6447 — приговорены к разным срокам заключения, 1451 были освобождены, но обвинение с них не сняли. С особым пристрастием большевики преследовали тех, кто во время событий вышел из РКП(б). Людей, весь состав преступления которых заключался в сдаче партбилетов, безоговорочно отнесли к разряду политических врагов, судили, хотя некоторые из них являлись активнейшими участниками революции 1917 года... Осужденных было так много, что для размещения их понадобились новые лагеря. Вопросом о создании концентрационных лагерей специально занялось политбюро ЦК РКП(б). Расширение мест заключения в России было вызвано не только событиями в Кронштадте, но и общим ростом числа арестованных по обвинению в контрреволюционной деятельности, как и военнопленных белых армий. В ноябре 1921 г. или в 1922 г. Советское правительство освободит рядовых матросов, рабочих, крестьян, вовлечённых в мятеж путем обмана, насилия (по амнистии или в ознаменование годовщины Великой Октябрьской социалистической революции). С инициаторами, главарями мятежа (с моряками линкоров «Петропавловск» и «Севастополь») обошлись наиболее сурово... Конечно, пострадали и жители Кронштадта. С весны 1922 г. началось их массовое выселение. Приступила к работе эвакуационная комиссия. Та зарегистрировала 2756 человек, из них «кронмятежников» и членов их семей — 2048, не связанных с крепостью — 516 человек. Первая партия

в 315 человек была выслана в марте 1922 г. Всего за указанное время органы выслали 2514 человек, из них 1963 как мятежники и члены семей, 388 — как не связанные с крепостью. Также, по постановлению Совета труда и обороны, «бывший генерал Козловский и его сподвижники объявлялись вне закона». Последовали репрессивные акты и в отношении родственников тех, кто участвовал в восстании. В Петрограде произведены массовые аресты. В качестве заложников арестована и семья Козловского: его жена и четыре сына, младшему из которых не было 16 лет. С ними арестованы и сосланы в Архангельскую область все родственники, в их числе и самые дальние. Косвенной жертвой событий в Кронштадте чуть было не стал лидер меньшевиков Ф.И. Дан (1871—1947). Его арестовали по обвинению в том, что он якобы «готовил Кронштадтское восстание» (он высказался в том духе, что и революционные моряки могут взбунтоваться через два-три дня, если большевики не пойдут на уступки рабочим). Так и случилось — и «бедный» Дан очутился в Петропавловке. Он писал в воспоминаниях: «Мы недоумевали только, чем вызван этот внезапный приступ террора. Последние известия, имевшиеся в нашем распоряжении, говорили о том, что забастовка идёт на убыль. Что же такое произошло, что большевиками овладела паника? Ибо только в панике им могла прийти в голову безумная мысль расстрелять нас. Лишь через два дня узнали мы от одного из часовых, что 1 марта Кронштадт взбунтовался, а потом стали ежедневно получать и газеты. Тогда всё стало для нас ясно. Пока же мы были готовы к смерти, но ломали себе голову над причинами неожиданного поворота событий». Интересно,

Жертвы кронштадтского мятежа

что телеграмму с просьбой расстрелять Дана (как «заложника» за Кронштадт) из Петрограда в центр направил Зиновьев. Радек впоследствии признал: ЦК большевиков принял тогда иное решение — вождей меньшевиков не расстреливать.

Мятеж в Кронштадте, в цитадели революции, и забастовки пролетариата в Петрограде серьёзно напугали большевиков. С особой тревогой большевики реагировали на восстания и недовольство тех, кто был близок им «классово» (т.е. прежде всего пролетариев и матросов). Если проявление оппозиции и некая «фронта» со стороны интеллигенции, не говоря уже о вражде помещиков, капиталистов и офицерства, всё же понятна и в каком-то смысле даже прогнозируема, то сопротивление политике большевиков в рядах тех, кто в массе своей ранее поддержал большевиков, конечно, было опаснейшей тенденцией. А что если и другие рабочие и крестьяне начнут действовать подобным же образом? Ведь тогда гибель советского строя неминуема. И вот в Кронштадте поднялись матросы, у которых, как поётся в современной песне, раньше «не было вопросов» в отношении того, с кем сражаться и кого защищать! Матрос в революционной России являлся своего рода концентрированным пролетариатом. В одной из работ сказано: «Матросы рекрутируются у нас в несравненно большей степени, чем сухопутная армия, из пролетариата, из рабочих. Всё это и делает флот более пролетарским... по психологии». Однако матрос, как выяснилось, вовсе не столь уж неуязвим и твёрд. Он часто готов к бунту против любой власти. Приведём тут заметку и из «Русского слова» (1906): «Петербург, 18-го сентября. Приговор по делу о кронштадтском восстании. Закончились заседания военного суда по делу о вооружённом восстании в Кронштадте. Бывший член Государственной Думы Онипко приговорён к ссылке на поселение. К смертной казни через расстреляние приговорены 19 человек. Из остальных подсудимых 114 человек приговорены к каторжным работам <...>. 425 матросов приговорены к тюремному заключению с лишением воинского звания. 129 матросов и 3 штатских — Дряничев, Рыбаков и Федоров — оправданы. Приговор (был) представлен на утверждение исправляющего должность ко-

*Похороны жертв восстания. Петроград.
25 марта 1921 г.*

менданта генерала Адельберга». Выходит, матросская масса готова выступить что против белого, что против красного царя?!

Восстание и мятежи крестьян, матросов, пролетариев означали: из-под ног у большевиков уходит почва. Одним из таких неприятных моментов стало восстание Ижевских рабочих в августе 1918 г. О том, как это произошло и что тому предшествовало вспоминал непосредственный участник восстания, начальник штаба Ижевской дивизии А.Г. Ефимов (1888—1972), написавший в эмиграции книгу «Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками. 1918—1920 годы». Ижевск в то время имел 70 000 жителей, преимущественно рабочих и служащих на заводах. Народ тут твёрдый, солидный, семейный, имевший собственные дома и имущество, огороды, покосы, скот и птицу. Их труд царизм оплачивал весьма прилично, и каких-то особых претензий у них к старой власти не наблюдалось... После же революции тут был избран Совет рабочих депутатов (250 человек), в котором большевики всегда находились в меньшинстве. Понятно, что Совет действовал не по большевистским директивам из Кремля. Тогда из Казани и был прислан отряд Красной армии, который и разогнал Ижевский Совет рабочих депутатов. А после того как чехи и белые взяли Казань 7 августа 1918 г. большевики объявят приказ народных комиссаров о мобилизации в ряды Красной армии всех, прибывших с фронтов Первой мировой войны. Тем же, кто откажется, при-

грозили расстрелом. А.Г. Ефимов далее пишет: «Такая свирепая угроза большевиков возмутила фронтовиков, и они рванулись всей толпой в двери проверочной мастерской, где тогда имелось 7000 готовых винтовок, и там вооружились. Затем, выйдя вооруженными во двор заводов, окружили большевиков и потребовали от них категорическим тоном освобождения из-под ареста арестованных вчера фронтовиков. В этот момент с нагорной части Ижевска, где квартировали красноармейцы, раздалось несколько резких ружейных выстрелов. Эти выстрелы и послужили ижевцам сигналом к окончательному воо-

руженному восстанию против большевиков. Готовясь к восстанию, ижевские рабочие заблаговременно запаслись винтовками и хранили их у себя по домам. И вот теперь, с началом стрельбы большевиков с нагорной части города, рабочие поднялись с оружием в руках и 12 часов ловили и расстреливали большевиков в Ижевске. Таким образом совершился факт восстания ижевских рабочих в Ижевске против большевиков. По окончании расстрелов в Ижевске водворилась тишина». Итак, жребий был брошен.

Рабочих Ижевска поддерживали тогда рабочие Воткинска, Саранска, многие окрестные крестьяне... Причины восстания обычны для того тяжёлого времени и понятны: падение уровня жизни, безработица, насилие, репрессии, зверства членов ЧК, в которых порой доминировали нерусские элементы. Признаком того, что органы превращались в ненавистное ярмо, стало и то, что в первую очередь восставшими убиты — военный комиссар, председатель ЧК, глава ревтрибунала, начальник милиции. Рабочие восстановили разогнанный большевиками многопартийный Совет, создали народную армию, стали умело оборонять город от красных. Сражались отважно и бесстрашно. Красным взять город никак не удавалось. Тогда на восставших бросили испытанных «интернационалистов» (латыши, китайцы, венгры). Но и будучи в блокаде, ижевцы не желали сдаваться. В ноябре 1918 г. повстанцы с семьями (40 тыс. человек), почти не имея патронов, прорвали

кольцо окружения красных войск и ушли к Колчаку. Это была самая удивительная часть в составе войск Колчака. Она сохраняла красное знамя и Совет, который решал важнейшие вопросы. В сентябре 1919 г. за храбрость Ижевская дивизия награждена Георгиевским знаменем (жёлто-чёрного цвета). Фактически советская дивизия не могла прижиться в составе белогвардейских войск. Многие её бойцы ушли в партизаны или в Красную армию.

Крайне тревожило большевиков то, что никакая не аристократия, а самые что ни на есть трудовые слои, т.е. пролетариат стал бастовать. Власть старалась помочь безработным печатникам и типографским рабочим в связи с закрытием буржуазных газет. Печатники (а это была тогда, не забывайте, рабочая аристократия) выступили против закрытия буржуазных газет и журналов, за «учредительную демократию». Оплата труда рабочих заводов, брошенных предпринимателями и перешедших под контроль Советов рабочих депутатов, была скудной. Между сторонами возникали конфликты, порой кровавого характера. В начале января 1918 г. в Туле большевиком Кажариновым были убиты железнодорожники Илларионов и Сошников. И рабочие дороги забастовали. В их поддержку выс-

Генерал-лейтенант В.М. Молчанов

ступил и местный Союз железнодорожников: «Лгут и совершают величайшее преступление люди, которые говорят вам, будто у нас происходит классовая война и что во имя этой войны можно убивать и арестовывать людей. Расстреливают уже не буржуев, не капиталистов, а нас, рабочих и крестьян. Мы уже убиваем друг друга, товарищи и граждане. Это — не классовая война. Это — поголовное истребление». В мае 1918 г. в Колпине большевики расстреляли очередь за хлебом. В ней стояли, в основном, жёны и дети простых рабочих. Часть рабочих пыталась вступить за них и также была встречена пулями (один рабочий убит, несколько ранено). Митинги протеста прошли тогда на Обуховском, Путиловском, Русско-балтийском заводе, на заводе Сименса, Шуккерта, на Арсенале. К примеру, резолюция протеста рабочих гласила: «Правительство, расстрелявшее рабочих, носит имя рабочего правительства. Мы призываем всех от большевистской власти снять с себя наше имя, которым оно прикрывается». Тогда на похороны жертв расстрела пришли представители семи заводов Петрограда, включая даже и представителей Церкви. И на могилу погибших от рук большевика лёг венок с надписью: «Жертвам голодных — погибшим от сытой власти». Серьёзные выступления и

Белые (в центре — ижевец)

забастовки рабочих и железнодорожников на почве голода, безработицы и урезания прав имели место в Москве, Туле, Нижнем Новгороде, на железных дорогах. Всё это сопровождалось расползанием по стране анархии, разбоев и грабежей. Всё заметнее случаи воровства и хищений. В г. Камышине, в Саратовской губернии ещё в 1917 г. были разгромлены винные склады. Город

сразу же превратился в пьяное царство. Как это было с одним из героев соллогубского «Тарантаса»: каждое утро отставной унтер-офицер Вухтич «был уже немножко взволнован, а в одиннадцать совершенно пьян». В выступлениях против власти приняло участие в 1918 г. 10—15% рабочих. Причины выступлений понятны.

Происходило это, и об этом нельзя забывать, в острейший период борьбы Красной армии против Белой армии. Народ же, миллионы людей, смертельно устал от старой власти и её порядков. Л.Н. Толстой говорил: «Для изучения законов истории мы должны изменить совершенно предмет наблюдения, оставить в покое царей, министров и генералов, а изучать однородные, бесконечно малые элементы, которые руководят массами». Да, массы решают всё! Хотя верно и то, что не все хотели победы большевиков! Одни от них бежали, другие с ними яростно боролись, третьи старались как-то увильнуть, уйти в сторону. Как заявил на процессе эсеров участник эсеровского подполья, Тимофеев: «Итак, я говорю, что натиск, который рабочие городов начали оказывать на Советскую власть, при первом сопротивлении со стороны Советской власти, кончился тем, что пролетариат России стал разбегаться. Он разбегался индивидуально, он уходил в эти самые рабочие дружины для выковыривания хлеба штыком. Как говорилось вообще тогда, — штык был поставлен на порядок дня. Опереться на штык, как на главный фактор — вот что делали всё время большевики и вот против чего мы главным образом и боремся». Опора на штык и силу была всегда, а

В. Суриков. Степан Разин

теперь стала ключевым инструментом политики. К этому вынуждала обстановка, а также то, что эсеры и меньшевики достигли определенных успехов в агитации в 1921—1922 гг. Все без исключения восстания против Советской власти будут развиваться вокруг одного и того же сюжета, почти по одному сценарию. Трудовой народ хотел жить по-своему, без далёкой московской власти. Примером такого вот неприятия рабочими большевиков стала забастовка в Астрахани в марте 1919 г., которая была потоплена в крови. Прежде вспомним, однако, что и тут жил-поживал да добра наживал народ вольный, любивший свободу куда более, чем муж девуку красную.

Вспомним, что с Астраханью было связано самое крупное волнение XVII столетия, охватившее в 1670—1671 гг. огромные территории России. На Волге и Дону возник тогда типичный русский бунт — «бессмысленный и беспощадный» (А.С. Пушкин). «Воля», которую сулил сторонникам Степан Разин, выражалась в свободе вершить самосуд, грабить, убивать, подвергать жертвы изощрённым пыткам. Бунт изначально вовсе не был «крестьянским»: под «воровскими» знаменами — конскими хвостами, развевавшимися на шестах, собиралось самое разношерстное воинство. Основу бунтовщиков составляли казаки, склонные к «шатости и воровству».

В отряды Разина, влекомые жаждой лёгкой наживы, вливались вооружённые стрельцы, торговые люди — «охотники за зипунами», всевозможные гулящие люди — одним словом, отчаявшаяся гольтыба, за которой до бегства на «украины» могло чис-

литься немало недобрых и кровавых дел, бывшие «тюремные сидельцы». В ходе восстания к русским повстанцам присоединялись калмыки, татары, мордва и прочие инородцы. Бывший донской казак, а теперь атаман огромной разбойничьей шайки начал «подвиги» с разгрома богатых персидских городов на Каспии, «бусурманских берегов» от Дербента до Баку, и с грабежа купеческих судов. И вот он объявился в Астрахани, ставшей центром казацкой вольницы. «Стенька Разин богат приехал, что и невероятно быти мнится: на судах его веревки и канаты все шелковые и паруса также все из материи персидской учинены». Сопровождаемый толпой, он бросал ей золотые дукаты. В кабаках и на базарах его казаки расхаживали по городу в шелковых бархатных кафтанах, шапках, обшитых жемчугом и самоцветами, за бесценок отдавали восточные ткани, дорогую посуду, ценные украшения... Способный военачальник и организатор, Разин легко сплавивал мятежные социальные низы, которые составляли значительную часть населения Нижнего Поволжья. «Разин был... один из тех стародавних русских людей., которым обилие сил не давало сидеть дома и влекло в вольные казаки, на широкое раздолье в степь, или на другое широкое раздолье — море, или по крайней мере на Волгу-матушку... Весною сходит он в посольстве к калмыкам, а осенью готов уже идти на богомолье на противоположный край света, к Соловецким». «Много было бито, граблено, надо душу спасти!» — писал о Разине историк С. Соловьев. «Разин гипнотизировал толпу силой, ничем не сдерживаемым произволом, но в её глазах он... оставался ласковым и добрым. Казацкого батюшку Степана Тимофеевича величали как царя: становились перед ним на колени, кланялись в землю. В народной памяти он сохранился почти как эпическая фигура, которую и пуля не брала» (Даркевич). Кстати, позже и к Ленину будет порой применяться та же характеристика. Степун сказал о нём: «В душе этого вульгарного материалиста и злостного безбожника жило что-то древнерусское, что-то не только от Стеньки Разина, но, быть может, и от протопопа Авакума». Хотя Ленин и Разин — вроде бы, совсем разные эпохи и совершенно разные типы!

Ленин выступает на открытии памятника Степану Разину. 1919

Даже за пару веков дух мятежа и буйной вольницы из астраханского казачества выветриться никак не мог. Но советская власть этой казацкой вольницы не потерпела. И случилась трагедия. «Десятитысячный митинг, мирно обсуждавших своё тяжелое материальное положение рабочих, был оцеплен пулемётчиками, матросами и гранатчиками. После отказа рабочих разойтись был дан залп из винтовок. Затем затрещали пулемёты, направленные в плотную массу участников митинга, и с оглушительным треском стали рваться ручные гранаты. Митинг дрогнул, прилёг и затих. За пулеметной трескотней не было слышно ни стонов раненых, ни предсмертных криков убитых насмерть. Город обезлюдел, притих: кто бежал, кто притаился. Не менее двух тысяч жертв было выхвачено из рабочих рядов. Этим была закончена первая часть Астраханской трагедии. Вторая, и ещё более ужасная, началась с 12-го марта. Часть рабочих была взята «победителями» в плен и размещена по шести комендатурам, по баракам и пароходам. Среди последних выделялся своими ужасами пароход «Гоголь». В подвалах чрезвычайных комендатур, просто во дворах расстреливали. С пароходов и барж бросали прямо в Волгу. Некоторым несчастным привязывали камень на шею. Некоторым вязали руки и ноги и бросали с

борта... в одну ночь с парохода «Гоголь» было сброшено около 180 человек». Сигнал бойне подал Троцкий, приславший лаконичную телеграмму: «Расправиться беспощадно». Полагаю, и в страшном сне Гоголю не могло присниться, что внуки и правнуки его героев, Хлестакова, Добчинского и Бобчинского, когда-то превратят пароход его имени в современную обитель мёртвых душ, где будут кончать внуков не только городничих, ноздревых или Плюшкиных, но и рабочих.

В то время было трудно, порой невозможно отделить революционеров от контрреволюционеров, «чистых» от «нечистых». Пример — судьба матроса С.И. Сажина, о ком написал Н.Е. Вирта в романе «Одиночество». С 1904 г. Сажин — матрос на трапе революции, анархист, а с 1918 г. — он уже член РКП(б). Со своим другом, матросом А.Г. Железняковым в январе 1918 г. Сажин принял участие в разгоне Учредительного собрания, производил арест Временного правительства в Зимнем, препроводив их затем в Петропавловскую крепость, где держал под стражей. Он принял участие и в расстреле на улицах Петрограда 60-тысячной демонстрации рабочих, что вышли для поддержки Учредительного собрания. Из Петрограда его направляют в Тамбовскую губернию, которая отказалась

признавать Ленина и советскую власть. Прибыв в Тамбов с группой матросов, Сажин подготавливает переворот марта 1918 г. Затем становится одним из председателей Тамбовского ревкома, беспощадно расправляется с восставшими крестьянами. В этом безумном каледоскопе событий, столкновений групп, классов всё смешалось. Рубикон борьбы проходил по одному селу, городу, экипажу, партии и семье. Вот и тут. Родные братья, родственники Сажина — на стороне восставших, в составе Союза трудового крестьянства.

И вот он, будучи сам из семьи кулаков, не колеблясь, расстреливает односельчан, родственников, земляков, включая священника, отца Евгения, который как раз и являлся родным отцом писателя Н.Е. Вирты. В автобиографии, написанной им в конце 40-х годов XX в., Сажин спокойно говорит о том, как лично убивал священников, описывает и то, как на третий день государственного переворота в Петрограде развлекались «революционные» матросы, громя винные склады, участвуя в грабежах и насилиях. Разъезжая по городу на автомобилях, они отлавливали мальчишек (гимназистов, кадетов и юнкеров) и везли их на Фонтанку. Там, привязав к шеям камни, бросали их с моста в реку, топя как котят,

под хохот, свист пьяной матросни. После подавления крестьянского восстания в Тамбовской губернии Сажина отзывают на Лубянку, в Москву, где за заслуги назначают одним из помощников Дзержинского. После неприятного инцидента Сажина направляют в Тамбов, где он становится начальником колонии заключённых, затем занимает ряд мелких должностей.

Принятые против восставших меры были суровы... Полагаю, они отвечали серьёзности положения. Только по прошествии ряда лет, уже после победы над силами контрреволюции, «вождь народов» Сталин признает (1925), что такого рода выступления рабочих и крестьян есть признак недовольства действиями режима. «А ведь вопрос стоит так: либо мы, вся партия, да-

Ю. Бондаренко. Земляки. Перед расстрелом

дим беспартийным крестьянам и рабочим критиковать себя, либо нас пойдут критиковать путём восстаний... Тамбовское восстание — тоже была критика. Восстание в Кронштадте — чем это не критика?» Но и ответ Ленина корреспонденту американской газеты «The New York Herald» абсолютно верен: «Поверьте мне, в России возможны только два правительства: царское или Советское...» (1921). И хотя революция чаще бывает не искуплением, а возмездием, «криком века», хотя в ней чаще обретают боль, мучение и страдание, нежели торжество и славу, но и тут были свои герои и свои мученики.

Глава 18. Герои и мученики Красной армии. Их вклад в победу над Белым движением

Величайшее значение для победы имели мужество, отвага бойцов революции, помноженные на понимание войнами, командирами Красной армии тех идей, за которые они сражались... Они шли в бой за наше с вами светлое будущее. И «боец молодой вдруг поник головой, комсомольское сердце пробито». Подлая болтовня нынешней челяди из «профессоров», «полуинтеллектуалов» (иначе о них и не скажешь), утверждающих, что в стане красных якобы сражались одни уголовники, нелюди, бандиты, садисты, — отвратительна и позорна! Буржуазия старается сегодня отомстить им — оскорбить память наших незабвенных героев, красных бойцов! Эти подлецы мстят мёртвым, не сумев в яростном и честном бою одолеть живых!!! «Историческая правда состоит из молчания мертвых» (Э. Рей). Но прах их и голос их — в нашем сердце и

устах! Героика, страшная, закономерная, неизбежная правда истории мира рождалась тогда в бурлящем горниле Гражданской войны в России. Многие молодые и отважны. Веря в лучшую жизнь, они готовы были за неё сражаться, не щадя своих сил, если необходимо, то и отдать жизнь — свою и чужую — во имя народа. Помните, как Герцен в «Былом и думах» говорил, что во Франции была «блестящая аристократическая юность, потом революционная». С.-Жюсты, Демулены, Мараты были юношами... Да и революция была сделана молодыми людьми; ни Дантон, ни Робеспьер «не пережили своих тридцати пяти лет». Так ведь это же и в России!!! Победила революционная и молодая Россия... Так и в XXI в. непременно победит новая молодежь, а не жалкая обслуга капитала, денщиков и холуев воровского капитализма. Молодёжь народная, трудовая, знающая и любящая Россию, преданная ей!

Невозможно тут дать даже краткой антологии героев революции. Пусть они нас простят... С.М. Будённый (1883—1973), советский военачальник, Маршал Советского Союза (1935), трижды Герой Советского Союза (1958, 1963, 1968). Родился 13 (25) апреля 1883 на хуторе Козюрин

С.М. Будённый — георгиевский кавалер

Сальского округа Донской области. Рос в семье безземельного батрака, среди донских казаков, где и научился отменно владеть конём и холодным оружием. Потом был мальчишкой на побегушках у купца, подручным кузнеца, кочегаром. Когда летом 1900 г. в станицу Платовскую прибыл военный министр А.Н. Куропаткин, в его честь тут состоялась джигитовка... 17-летний Семён Будённый удостоился похвалы от самого военного министра, в награду от него получив рубль серебром. Будённый был призван на службу в дореволюционную русскую армию в возрасте 20 лет и зачислен в конницу. Осенью 1903 г. его направят в Маньчжурию. С дороги он писал отцу: «Познаю службу с потом и кровью, но духом не падаю, потому что дело своё понимаю... Когда наберусь опыта — и служба пойдёт веселей. Я твердо решил стать военным. Чего я дома не видел? Али нрав старосты? Здесь же, если стать справным солдатом, никто уж изгаляться не будет. Задумка у меня есть: отслужу своё и останусь на сверхсрочную. Определят меня в школу, стану потом унтер-офицером». Когда в январе 1904 г. новобранцы прибыли к месту назначения, в Маньчжурии уже шли жестокие бои. Семён Будённый служил там в 46-м Донском казачьем полку, охранявшем коммуникации русской армии. Полк нёс и службу летучей почты...

После окончания той войны Будённого перевели в Приморский драгунский полк. Здесь проявились его выдающиеся способности кавалериста. Почти на всех учениях и смотрах завоевывал призы за джигитовку, владение саблей и стрельбу в конном строю. В 1907 г. по направлению командира полка С. Будённый был откомандирован в Петербургскую школу наездников, которая готовила инструкторов. После успешного окончания учёбы он возвратился в Приморский драгунский полк, получил заветное звание унтер-офицера и служил до 1914 г. Империалистическая война началась для него с боя под Варшавой. Он проявил себя в разведке и был награждён Георгиевским крестом. Закончил

войну на русско-турецком фронте с «полным бантом» георгиевских крестов всех четырёх степеней и четырьмя медалями. За боевые заслуги его тогда повысили до старшего унтер-офицера. Летом 1917 г. он прибыл в составе дивизии в Минск, где знакомится с М.В. Фрунзе. Тут избран председателем полкового комитета и заместителем председателя дивизионного комитета. Когда грянул Великий Октябрь, Будённый вернулся в родные края, на Дон, где шла ожесточённая борьба с контрреволюцией. Он, как авторитетный боевой кавалерист, избран членом окружного исполкома и стал заведующим земельным отделом Сальского округа. Когда белоказаки подошли к станице, где жила семья Будённых, он вместе с братом Денисом покинул родную станицу и с тех пор уже непрестанно участвовал в боях гражданской войны. В феврале 1918 г. сформировал конный отряд для защиты Советской власти, с которым начал боевые действия против белых. Полк вырос в бригаду, а затем в дивизию. В 1918 г. Будённый — командир отряда добровольцев, командир эскадрона, дивизиона, помощник комполка, бригады, исполняющий обязанности начдива. В 1919 г. Будённый — комдив, наконец, командарм 1-й Конной армии.

Заслугой Будённого было понимание роли кавалерии в новых условиях гражданской войны: кавалерийские эскадроны и полки Будённого нападали стремительно и внезапно, всегда искали боя и почти неизменно обращали в бегство противника. Од-

М. Греков. Вступление частей 1-й Конной армии в Шаблиевку

ним из первых он стал добиваться создания кавалерийских соединений, которые могли бы самостоятельно решать оперативные и стратегические задачи. И такое соединение — первое во всемирной военной истории — было создано: Первая Конная армия. Хотя отряды Будённого и отличались высокими боевыми качествами, им присущи огрехи первых отрядов Красной армии. Случалось, его бойцов замечали в мародёрстве, грабежах, расстрелах, еврейских погромах. Порой командарм вынужден был вести себя сурово, даже жестоко с бойцами, что впрочем диктовалось военной обстановкой. Писатель И. Бабель, пройдя в составе Первой Конной большой путь, в рассказе «Комбриг два» дал образ красного командарма: «Будённый в красных штанах с серебряным лампасом стоял у дерева. Только что убили комбрига два. На его место командарм назначил Колесникова. Час тому назад Колесников был командиром полка. Неделию тому назад Колесников был командиром эскадрона. Нового бригадного вызвали к Будённому. Командарм ждал его, стоя у дерева. Колесников приехал с Алмазовым, своим комиссаром.

— Жмёт нас гад, — сказал командарм с ослепительной своей усмешкой. — Победим или подохнем. Иначе — никак. Понял?

— Понял, — ответил Колесников, выпучив глаза.

— А победишь — расстреляю, — сказал командарм, улыбнулся, отвёл глаза в сторону начальника особого отдела.

— Слушаю, — сказал начальник особого отдела».

В 1919 г. после долгих уговоров Будённый вступил в РКП(б). В июне его части были развернуты в конный корпус. В августе 1919 г. в верховьях Дона корпус Будённого разгромил основные силы кавказской армии Врангеля и повстанческой группы генерала Сутулова. В труднейших условиях командарм осуществил ряд классических наступательных операций, разгромив части Мамонтова, Шкуро, Деникина, Врангеля и внося огромный вклад в победу Советской республики над белогвардейцами и интервентами. Он взял Воронеж, тем самым за-

Командование Первой Конной армии в Полевом штабе РККА

крыв 100-километровую брешь в позициях советских войск на московском направлении. Для рассечения вражеских войск на юге России в ноябре 1919 г. была создана 1-я Конная армия, командование которой поручили Будённому, членом Реввоенсовета (РВС) был назначен К.Е. Ворошилов. Армия, нанеся стремительный удар по противнику через Донбасс на Ростов, сумела успешно справиться с возложенной на неё задачей. В историю военного искусства вошёл и задуманный и блестяще осуществленный Будённым тысячеверстный переход Первой Конной с Кубани на Украину весной 1920 г., на Юго-Западный фронт. В январе 1920 г. 1-я Конная в составе Кавказского фронта участвовала в разгроме белогвардейских войск на Северном Кавказе. Красные в дальнейшем активно задействовали 1-я Конную армию и на многих фронтах Гражданской войны, используя ее как средство стратегического маневра. Совершив в апреле—мае 1920 1000-километровый переход на Юго-западный фронт, его армия включилась в борьбу с польскими войсками, хотя и не успела.

Выступая на IX конференции РКП(б), Зиновьев говорил о советско-польской войне как о революционной войне, цель которой «помочь польским рабочим советизировать Польшу». Троцкий назвал это попыткой «прощупать под ребра белую Польшу», высказав надежду, что в итоге та может «стать советской». Но из этого ничего хорошего для России не вышло... Хотя 200 тыс. поляков и сражались за Советскую власть в России, они вовсе не хотели вновь иметь русских как властителей, гегемонов

у себя дома. А потому и бились на своей земле отчаянно, не желая советизации. Член Реввоенсовета 15-й армии Западного фронта красных Д. Полуян признал: «В польской армии национальная идея сплачивает и буржуа, и крестьянина, и рабочего, и это приходится наблюдать везде». Битва носила ожесточённый характер. Итогом противостояния стало поражение красных под Варшавой и отступление Красной армии по всему фронту. «Решили в 12 часов атаковать противника. И вот в установленное время загрохотала наша артиллерия, причём огонь вели и орудия, захваченные во вчерашнем бою. А когда оборвался гул артиллерийской канонады, многотысячная лава конницы, поддержанная огнём пулеметов с тачанок, с криком «ура» со всех сторон покатились на окопы противника.

Казалось, ничто не может остановить этот безудержно мчащийся поток, способный всё разрушить на своём пути, как ураган или как горная река в половодье. Однако неприятель не дрогнул и проявил удивительную стойкость. Он встретил наши части сильнейшим огнём. Конармейцы не выдержали и отпрянули в исходное поло-

Антипанский плакат в России

жение. А потом вторая, третья.. пятая атаки в конном и пешем строю. Мы маневрировали полками, бригадами, стремились найти более слабое место в неприятельской обороне, и всё напрасно. Противник везде дрался с огромным упорством. Весь день не умолкая шёл тяжелый бой. Докрасна накалялись стволы пулемётов. Падали убитые, раненые и просто изнурённые бойцы. Напряжение было выше всяких сил. К сумеркам вражеское сопротивление ослабло. Но и наши уже не в состоянии были атаковать». Будённый отдавал должное противнику — мужеству и отваге польских солдат и офицеров... В результате советским войскам блицкриг на Варшаву не удался, и они вынуждены были покинуть территорию панской Польши. Думаю, к лучшему...

Меньшевик Ф. Дан, один из лидеров «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», писал так: «Я лично считал тогда и считаю теперь, что поражение большевиков под Варшавой было чем-то неизмеримо большим, чем простая военная неудача. С моей точки зрения, это поражение было неопровержимым свидетельством иллюзорности самой затеи сделать Красную, по существу своему мужицкую, армию орудием для насаждения коммунизма в социально (и) экономически более передовых странах.

В. Дени. Смерть польским захватчикам!

М. Греков. Трубачи

Армия эта была, есть и будет непобедима, когда речь идёт об обороне, о защите крестьянских революционных завоеваний от покушений домашней ли реакции, иностранного ли империализма. За защиту захваченной земли от возможного возвращения барина мужик-красноармеец будет драться с величайшим героизмом и величайшим энтузиазмом. Он пойдёт с голыми руками против пушек, танков и своим революционным пылом будет заражать и разлагать самые великолепные и дисциплинированные войска, как это мы видели и с немцами, и с англичанами, и с французами одинаково. Красноармейца можно ещё с грехом пополам употреблять и для войн колониального типа, где он сталкивается с инородческим населением совершенно иной, докапиталистической культуры, где нельзя ожидать сильного сопротивления и где манит легкая и богатая добыча; Хива, Бухара и отчасти Грузия тому примером... Война за преобразование капиталистического общества в коммунистическое его увлечь не может, — тут граница большевистских красноармейских возможностей... Наступление на Варшаву и слепому должно было воочию показать это.

Армия, только что бившая наголову поляков везде, где они пытались наступать на Россию, начала терпеть поражение за поражением, лишь только ей была поставлена другая задача — сделать Польшу красной с перспективой коммунизировать затем Германию и т.д.... А через самый короткий срок та же Красная армия, бессильная в наступлении на Польшу, показала чудеса беззавет-

ной храбрости и непобедимости в войне с Врангелем, этим последышем царско-дворянской реакции! Что может быть ярче этой исторической иллюстрации? И чем может быть более разительно подчеркнуто, что истинным победителем во всех гражданских войнах большевистского периода был русский мужик, и только он?» Член Реввоенсовета Сталин отмечал в 1920 г. (в «Красноармейце») совершенно исключительное отношение местного населения на польском фронте к Красной армии («Такого отношения мне не приходилось наблюдать ни на востоке, ни на юге»). Попытка большевиков навязать Польше советскую модель была абсолютно безнадежной затеей. Польский пример показал воочию коммунистическим вождам, что страны Европы вовсе не ждут, как некой манны небесной, русско-еврейского коммунизма! И менее всего этого следовало ожидать, конечно, от Польши, у которой к России, можно сказать, были давние исторические счеты. Верное заключение. Многие опытные вояки возражали.

Милюков в 1914 г. заявлял, что «независимая Польша в силу тех или иных обстоятельств могла бы занять враждебную позицию по отношению к России, и надо пока её придерживать». Корнилов также полагал, что, «может быть, полная независимость Польши для русских интересов лучше, чем оставление польского представительства в Думе». Ленин писал: «Мы знаем, что величайшим преступлением было то, что Польша была разделена между немецким, австрийским и русским капиталом, что этот раздел осудил польский народ на долгие годы угнетения, когда пользование родным языком считалось преступлением, когда весь польский народ воспитывался на одной мысли — освободиться от этого тройного гнёта». Хотя он мог, пусть бы ради приличия, вспомнить кровавую и позорную роль польских интервентов в закабалении народов Беларуси, Украины и Руси, как и участие Лжедмитрия в русской Смуте. Польша всегда косо посматривала на Россию. Поляки сами интервенты, которым их Господь просто не дал большой мощной пасти.

О работе антисоветских банд под командованием поляка Булак-Балаховича, совершавших рейды против России Ленин, правда, ещё не знал. Один из рейдов описан Савинковым в повести «Конь вороной» (Па-

риж, 1923). Польский Генеральный штаб прямо заявил, что целью польской политики на Востоке должен стать курс на расчленение России. Те готовы были уничтожить Советскую Россию, чтобы создать свою великую Польшу — «от моря и до моря». Польше в планах помогала Антанта, подстрекая и вооружая её. Франция предоставила Пилсудскому кредит в миллиард франков, Америка отвалила крупную сумму 160 млн долл. Савинков хвастался, как он с Пилсудским в скором будущем поделят территорию России: «Тут будут ваши войска стоять, а тут мои». О том, что представлял собой Савинков, уровень его «патриотизма» красноречиво говорит и мемуарная запись П.Д. Долгорукова. Говоря как-то с поляками, Долгорукий услышал от них: «Вы, русские, неопределенно отвечаете... Только вот Савинков не только гарантирует нам неприкосновенность границ, но говорит, что у России довольно земли, она ещё может уделить Польше сотни тысяч десятин из Пинских лесов и болот...» С другой стороны, понятно, что и красноармейцы вовсе не испытывали к Польше тёплых чувств. Они открыто заявляли: «Мы — защитники народной власти в Красной России, мы — авангард пролетариата мира. Нам бы только позволили, одной ротой завоюем Волинь, там всё население с нами... В случае войны выставим 12 млн, никто не устоит, Польшу сотрём...» Таковы были исторические реалии, увы, той поры. Однако нельзя забывать и то, что поляками были и Дзержинский и маршал Рокоссовский.

История наших взаимоотношений с поляками, где были разные страницы, всё-таки не оставляет места для чрезмерных иллюзий... Поляки исторически веками находились в конфронтации с москвитями. Хорошо известны страницы захвата Польшей земель Галиции, Украины, Беларуси, Руси. Об этом поляки вспоминать не любят, но вот разделы Польши и включение её земель в состав Российской империи помнят как «отче наш». Поэтому они всегда выступали против любой России — царской, белой, советской, демократической. Об этом очень точно сказал русский мыслитель Н.В. Устрялов (1890—1937) в статье «Старый спор» (1920 г.). Он писал об этом давнем проти-

Польский стервятник

востоянии: «Им нужно было лишь одно: всемерное ослабление России. И поскольку гражданская война вела к этому ослаблению, они радовались нашей гражданской войне. Теперь же, когда она завершается, их час пробил. Более благоприятного момента им уже не дожидаться: Россия вот-вот начнёт оправляться, вновь усиливаться, приводить в себя; и тогда — прощай мечта о Великой Польше! Значит — теперь или никогда. И они ловят момент. Они снаряжают армию, благословленную самим Фомой. Они вступают в секретное соглашение с Финляндией и Румынией. Они инсценируют по примеру немецких дипломатов Бреста и французских генералов Одессы комедию украинского самостийничества, воспользовавшись для этого всё тем же классическим комиком — Петлюрой. И, собравшись в поход, они предъявляют Москве свиток своих «условий мира». Воистину, бессмертные боги Олимпа умерли бы от смеха, прочтя эти условия. Польша заговорила с Россией языком победителей Бреста или Версаля!.. И даже столь уступчивые и миролюбивые в подобных случаях большевики принуждены были решиться на новую войну. Не может быть ни грана сомнения, что эта новая война есть дело не советской власти, но всей России... Не к большевикам, а к России направлены требования варшавского правительства, и Россия должна отвечать на них. Не большевики, а Россия приглашается «возвратить» Польше тысячи русских вагонов. Не большевики, а

Россия должна заплатить полякам миллиарды рублей за «разрушения» в войне, воскресившей Польшу. Не большевики, а Россия унижается требованием оскорбительной расплаты за свою историческую победу в споре с польской державой. Не большевики, Россия принуждается отдать Смоленск, как «гарантию» выполнения условий. Перечтите и остальные пункты: они все имеют в виду Россию.

Поражение России в этой войне задержит надолго её национально-государственное возрождение, углубит разруху, укрепит расчленение, парализует власть. Но зато её победа вознесёт её сразу на былую державную высоту и автоматически откроет перед ней величайшие международные перспективы, которых так боятся её вчерашние друзья (последнее слово, думаю, было бы правильнее тут дать в кавычках. — В.М.). И не значит ли это, что русская кровь, ныне льющаяся у Киева и Смоленска, есть священная для нас, жертвенная кровь за Родину, за её честь, за её будущее?.. Ужели этого не понимают, не хотят понять на юге? Ужели этого не чувствует Врангель? И неужели не раскроет глаза даже доблестный пример старика Брусилова?.. Но Врангель не только этого «не чувствовал», но и готов был договориться с поляками для разгрома России. Тем более что к тому времени во главе Польши фактически стоял такой «сильный человек» как Пилсудский.

Маршал Пилсудский — личность весьма колоритная... Он из лидеров Польской социалистической партии (ППС), редактировал партийную газету «Роботник» («Рабочий»), участвовал в конгрессе II Интернационала в Лондоне. У Пилсудского была не только подпольная кличка «товарищ Виктор», но и громкая биография революционера. Замечу, что его брат Бронислав вместе с А. Ульяновым был приговорён к повешению, но царь заменил смертную казнь на 15-летнюю каторгу. После ареста осел на Сахалине и, можно сказать, внёс вклад в русскую этнографическую науку описаниями острова... Будучи арестован жандармами, Юзеф Пилсудский получил свои 5 лет каторги, что провёл в Восточной Сибири. Там он стал умело изображать из себя умалишенного. Благодаря прирожденному артистизму, ему, как и Камо, удалось убедить психиатров в своей невменяемости. В 1901 г. товарищи

Маршал Польши Юзеф Пилсудский

устроили ему благополучный побег из петербургской лечебницы. В 1908 г. Пилсудский проявил себя как яркий террорист, организовав ограбление почтового поезда на станции Безданы, в 25 км от Вильно (сумму взял по тем временам громадную — 200 812 рублей и 61 копейку). Иначе говоря, этот «пламенный революционер» был как две капли воды похож на иных российских коллег. С той лишь разницей, что он выступал патриотом Польши, а не России. А ещё он был тесно связан с японской и австрийской разведками. Именно под лозунгом борьбы с русскими за освобождение Польши австрийцы и стали формировать польские легионы, три пехотные бригады, одной из которых и командовал Пилсудский.

С началом Первой мировой войны на стороне Австро-Венгрии сражались выпестованные им польские легионы, участвовавшие в ряде столкновений с русскими войсками (тогда их фактический руководитель скромно командовал I бригадой легионов и именовался «Комендантом»). С июля 1917 года, когда стало ясно окончательное поражение Германии и Австрии, он понял: пора переходить в стан Антанты. Его заключат в Магдебургскую крепость за нежелание присягать австро-венгерской короне. Вскоре харизматический лидер нации Пилсудский триумфально въехал в Вар-

шаву... Энтузиазм народа, обретавшего независимость после 123 лет «неволи», бил через край, и спаситель нации стал объектом обожествления. Проверенные кадры из легионеров созданной им в августе 1914-го Польской военной организации и составили костяк его команды, с которой Пилсудский впоследствии и принялся обуустраивать Польшу... Он тут же заявил полякам: «Я хочу, чтобы Польша вновь вытащила из ножен позабытый меч, который должны держать польские солдаты». Что он при этом подразумевал, вскоре стало ясно. Пилсудский был воинствующий польский империалист. С 14 декабря 1919 г. он стал «начальником государства» Польша. А его социал-террористическое прошлое делало его тем более опасным и серьёзным противником. Он заключил союз с Петлюрой для борьбы против Советской России, на его советские жизни деятелей Красного Креста Советской России, приехавших на переговоры. В октябре 1921 г. он организовал захват ген. Л. Желиговским Вильнюса и области, создав «Срединную Литву».

В событиях польско-русской кампании 1920 г. нужно чётко видеть политические ориентиры. Главное в его программе — «глубокая ненависть к России». Советской России война с поляками была не нужна ни тогда, ни позже. Слишком хорошо все (даже большевики) понимали остроту их взаимоотношений. Хотя Ленин и предложил ЦК РКП(б) в январе 1919 г. создать Литовско-Белорусскую республику («Литбел») но в отношении поляков вёл себя довольно сдержанно. Этого не скажешь об украинских националистах. Став независимыми, те тут же стали возвращать себе спорные территории в Польше. Так, 31 октября 1918 г. они захватили г. Львов, а затем и Восточную Галицию. Их можно и понять, ибо население там в основном украинцы. Однако поляки считали Львов своим польским городом. Ведь это был второй по величине город Польши. Начались жесточайшие бои. Заметим и подчеркнём особо — это была сугубо украинско-польская или польско-украинская война. Большевики в ней не участвовали! Европа, в частности, Франция приняла сторону поляков, перебросив в Польшу 60-тысячную армию И. Галлера (солдатами в ней были поляки в основном, офицерами — французы). В ито-

ге же в апреле—мае 1919 г. польские войска прорвали украинский фронт у Львова. 22 ноября поляки выбили украинцев из Львова, взяли Перемышль. Части Украины ушли на восток. Борьба стоила жизни около 15 тыс. украинцев, 10 тыс. поляков. Итак, не русские, поляки выступили с оружием против Украины, нанеся ей поражение. В чём им помогла Европа. В 1920 г. поляки начали новое наступление против советской Украины... Этому наступлению предшествовал мятеж галицийских бригад (те вошли в состав русских дивизий, но, как мы помним, вчера ещё сражались на стороне Австро-Венгрии против России). Оставив в стороне военные аспекты тех сражений, заметим, что в результате значительная территория Украины оказалась под поляками! Среди множества причин успеха польских войск можно назвать действия большого числа банд националистов в Красном тылу. Пилсудский, став диктатором Польши, задумал возродить Речь Посполитую («от можа до можа»), но, разумеется, надумал подать это под иным, западническим соусом. Он вознамерился создать своего рода антирусскую федерацию из различного рода кусков Российской империи («от Гельсингфорса до Тифлиса»). Замечу, что схожая идея не даёт покоя нынешним политикам Польши, Украины, Прибалтики, Грузии. И они лезут вон из кожи, чтобы создать подобие такой вот «политической стены» против России! Странно, что об этом никто не говорит прямо и открыто в печати.

Украина — это надо помнить Киеву — не смогла отстоять свою свободу и независимость. Только переброска с Северного Кавказа I Конной армии С.М. Будённого, 25-й Чапаевской дивизии под командованием И.С. Кутякова (у I Конной — 16 тыс., у Чапаевской дивизии — 13 тыс. бойцов) изменили ход сражений в пользу Красной армии. Вскоре польских оккупантов погнали с украинской земли! Но в июне 1920 г., когда стало развиваться успешное наступление красных и поражение поляков в Украине и Белоруссии стало очевидно, те стали звать Антанту. В 1921 г. Польша подпишет союзный договор с Францией (существовал до захвата Польши Гитлером). К слову сказать, пан Пилсудский подумывал: а не стать ли ему польским королём! В Польше даже создали в 1920 г. специальную комиссию (Б. Гелидажевского) для поиска польских королевских регалий. К концу правления Пилсудский, правда, пытался наладить отношения с СССР, видимо, понимая, что будущее Польши так или иначе, а связано с Россией. Последним словом умирающего маршала, говорят, стало: «Россия...».

Полагаю, что и по сей день ясновельможное панство не может забыть и простить нам неудовлетворённые амбиции бывшей Речи Посполитой... Попытки нынешней Польши и предателей на Украине навязать России власть США и НАТО, режим оккупации, закончатся их крахом. Если ж рискнут упорствовать в безумной затее, получат восстание народа и виллицу! Польский народ, чей

бунтарский дух известен, не захочет быть марионеткой. Не думаю, что поляки в восторге от нынешнего лакейства их лидеров! Скажем словами поэта Мицкевича: «...коль дорога свобода, ступайте в Польшу вы к защитникам народа». Но фраза польского генерала В. Сикорского в отношении международного порядка верна и сегодня: «В настоящее время, как и тысячу лет тому назад, в основе международной жизни наряду с принципом законности лежит — в мало изменённом виде — проблема силы. Сила гарантирует, в конечном счете, политический и экономический суверенитет государства, оставаясь попрежнему *ultima ratio regum* (лат. — «последний довод королей»).

Красная Армия быстро училась, пусть даже и на опыте собственных поражений... Недаром у нас говорят: «Русские крепки задним умом». Нас порой необходимо как следует вздуть, лишь тогда мы, почесав за ухом, наконец-то начинаем учиться и перенимать опыт передовых стран (так было при Иване Грозном, при Петре I, при Александре I, при Николае I, при Николае II, при большевиках, при Сталине, Горбачеве, Ельцине и т.п.). Одним словом, так было и есть почти всегда... Это же показала и война с польской Польшей. Война с Польшей вскрыла как сильные, так и слабые стороны тогдашней Красной армии: революционную верность, беспримерный энтузиазм, выносливость, мужество и отвагу русских, но, наряду с этим, и недостаточную подготовку, организационную слабость, отсутствие стойкости. Армия наступала безудержно, но зато потом и откатывалась почти что без остановки. «Исход польской войны... врезался в сознание армии, особенно её мо-

Польские войска в обороне

лодого командного и комиссарского состава, как заноза. Из этой занозы выросло стремление к учебе». Тысячи командиров и комиссаров, которые «во время гражданской войны как бы появились из-под земли, внеся в армию мужество и инициативу и нравственный авторитет, после исхода польской кампании серьёзно занялись своим военным образованием» (Л.Д. Троцкий). Троцкий, правда, не сказал, что вину за эту «занозу» он должен был бы во многом возложить прежде всего на себя самого и просчёты своего выдвиженца Тухачевского.

Крайне тягостное впечатление оставили «подвиги» Тухачевского на фронтах в военной кампании против Польши. Тогда в 1920 г. выдвиженец Троцкого (а заодно, вероятно, и стран Запада) Тухачевский сделал всё от него зависящее для поражения Красной Армии. Последуй он тогда советам ряда специалистов и сохрани направление главного удара на Львов, не бросая войска и конницу Будённого на Варшаву, иначе сложилась бы судьба кампании или даже, не исключено, что готовность СССР к войне с фашизмом. У нас уже в 1920 г. могли бы быть иные ресурсы и военные

плацдармы. А потому совершенно понятно обвинение, сказанное в его адрес в 1930 г., при обсуждении книги В. Триандафиллова «Характер операций современных армий». В переполненном зале тогда всплыла тема боёв за Варшаву. И один из выступавших (видимо, С. Тимошенко, командовавший в 1920 г. 6-й кавдивизией в составе 1-й Конной армии Будённого), сжав побелевшие кулаки, бросил в адрес сидевшего в президиуме Тухачевского: «Вас за 1920-й год вешать надо!» Основания для столь жестокого вердикта были... Как пишет В. Цветков в «Красивой кукле Троцкого» (надо было ему всё же назвать книгу иначе: «Кровавая кукла Троцкого»): «Если же разбираться по совести в печальных военно-политических итогах Варшавской трагедии, то, действительно, с Тухачевским нужно было поступить именно так — повесить! В результате неё по Рижскому договору 1921 года, пожалуй, нисколько не лучше «похабного» Брестского мира, к панской Польше отошли Западная Украина и Белоруссия или территория с половину современной Польши и населением около 15 миллионов человек! Вся эта человеческая лавина из-за преступной халатности Тухачевского неожиданно нежданно для себя в одночасье оказалась в кабальной зависимости у злейшего врага России, чего не было с времён Государыни Императрицы Екатерины II. Более того, из-за хвалёного негодяя, обнаглевшего под крылом всесильного покровителя, молодая Советская Республика и Украина должны были ещё вернуть Польше военные трофеи А.В. Суворова 1772-го года и выплатить в пределах 30 миллионов золотых рублей?! И это не считая изломанных и погубленных судеб красноармейцев и командиров, которых были сотни тысяч, потому что Тухачевский пополнил войска фронта принудительной мобилизацией в Белоруссии. В ходе её он впервые заявил о себе как кровавый каратель. И всю эту человеческую армаду «доблестный» комфронта Тухачевский погнал на Варшаву без патронов и снарядов, без продовольствия и резервов?! В общем, (он их) отправил на гибель, отсиживаясь сам в комфортных условиях Минска. 90 тысяч несчастных бойцов и командиров Западного фронта, после страшной трагедии, так и не вернулись из польского плена, где отношение к ним было самое варварское».

Поляк, бей большевика

Результатом провального «марша на Варшаву», ставшего своеобразным маршем «Прощание славянки», станут не только потери законных территорий России, добытых в ходе многовековой борьбы с панством, но и потери славных исторических реликвий (отдали 57 пушек XVI—XVIII в., 67 взятых в бою знамён и штандартов). А кафедральный собор Александра Невского, выстроенный в конце XIX в. на добровольные пожертвования, украшенный прекрасной мозаикой В.М. Васнецова и 16 яшмовыми колоннами, с колокольней в духе Ивана Великого, разломан с 1920 по 1926 г., украшения собора были разворованы. Такой набожный народ — поляки!

Сталин с начала кампании не скрывал своих скептических взглядов в отношении войны с Польшей. «Ни одна армия в мире не может победить (речь идёт, конечно, о длительной и прочной победе) без устойчивого тыла, — писал он в мае 1920 г. — Тыл для фронта — первое дело, ибо он, и только он, питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми-бойцами, настроениями и идеями. Неустойчивый, а ещё более враждебный тыл обязательно превращает в неустойчивую и рыхлую массу самую лучшую, самую сплоченную ар-

И.В. Сталин

мию... Тыл польских войск в этом отношении, — предостерегал Сталин армию, — значительно отличается от тыла Колчака и Деникина к большей выгоде для Польши. В отличие от тыла Колчака и Деникина тыл польских войск является однородным и национально спаянным. Отсюда его единство и стойкость. Его преобладающее настроение — «чувство отчизны» — передается по многочисленным нитям польскому фронту, создавая в частях национальную спайку и твёрдость. Отсюда стойкость польских войск». Сталин осуждает «бахвальство и вредное для дела самодовольство» тех, кто «не довольствуется успехами на фронте и кричит о «марше на Варшаву», тех, кто, «не довольствуясь обороной нашей Республики от вражеского нападения, горделиво заявляет, что они могут помириться лишь на «красной советской Варшаве». Своё отрицательное отношение к идее «марша на Варшаву» он воспроизвёл в интервью газете «Правда». Тогда же Сталин напишет и проект письма ЦК РКП(б) о необходимости пополнить надежными кадрами и Крымский фронт. Сталин писал в мае, но только в августе 1920 г., уступая разуму и логике Сталина, Ленин подписал постановление Политбюро: «Политбюро постановляет выразить самое суровое осуждение поступку тт. Тухачевского и Смильги, которые издали, не имея на то никакого права, свой хуже чем бестактный приказ, подрывающий политику партии и правительства». Так, в приказе Реввоенсовета Западного фронта № 1847 от 20 августа заявлялось, что все поляки (из их мирной делегации) шпионы и что мир может быть построен разве что «на развалинах белой Польши». Это же явная политическая диверсия была. Троцкого и Смильгу надо было уже тогда расстрелять. Тактико-стратегическая оценка Сталиным первоочередных задач на фронтах того этапа Гражданской войны и положения армии не совпадала ни с позицией Ленина, ни уж тем более с позицией Льва Троцкого. Сталин демонстрирует большую взвешенность и осторожность. В частности, Сталин, Будённый, Ворошилов нацеливали удар по Львову, по западному краю русской земли.

Троцкий терпеть не мог Будённого. В силу завистливости и неприятия им вообще ярких и сильных натур... Люди сильные и отважные, те, кого в народе порой зовут

Командующий Первой Конной С.М. Будённый

былинными героями, вызывали в нём пароксизмы бешенства. Видимо, по этой причине, а также в силу близости Будённого к Сталину и Ворошилову, Троцкий и компания где только могли старались прижать или уязвить Будённого. О Первой конной Троцкий говорил: «Это же форменная банда... А Будённый — их атаман-предводитель. Это настоящий Разин!» Безусловно, это был настоящий воин. Боец. Рубака. «Моё дело — рубать!» И ещё порой добавлял: «Рубить — так до седла!» Отвага Будённого была всем известна. Нередко с саблей в руках нёсся он во главе своих отважных конников навстречу белогвардейским лавам. Однажды в 1919 г. на фронт выехали Сталин и Ворошилов. Неожиданная атака белых поставила красных вождей на грань гибели. И тогда Будённый во главе малого отряда наспех собранных им бойцов врубился в цепи белых и выручил товарищей. Этот случай связал троих на всю жизнь.

В последние годы соратники Сталина, Будённый и Ворошилов, получают свою долю грязной лжи и критики со стороны «вояк либерализма», за всю жизнь не державших в руках иного оружия, кроме ножа и вилки, бокала и ручки унитаза... Будённого же всегда отличало искусство боя, личное мужество, умение решать вопросы комплектования кавалерийских соединений, снабжения, подбора кадров. В дальнейшем он

много и упорно работал в Реввоенсовете СССР, принимая необходимые меры для укрепления обороноспособности страны. Вместе с военачальниками Красной армии М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошиловым, А.И. Егоровым и др. он участвовал в подготовке проекта закона об обязательной воинской службе, принятого ЦИК и СНК СССР в 1925 г. Человек необыкновенной, яркой судьбы... Незадолго до смерти Будённый писал: «Когда думаешь о том, чего достиг советский народ, сердце радуется. Не напрасно были понесены жертвы. Мы выстояли в тяжёлой борьбе с врагами Советского государства, мы победили. Не скрываю, я горжусь (он прав), что был непосредственным участником великих событий». Среди наград трижды Героя Советского Союза,

есть и золотое оружие с надписью: «Народному Герою С. М. Будённому от ВЦИК». Будённый и был таким народным героем.

«Народный герой» — вот слова, которые, как никакие другие, верно и ёмко характеризуют С. М. Будённого. Нынче брюзжат, что он дескать «не обладал талантом выдающегося полководца» и «не мыслил масштабно и стратегически». Злопыхатели вспоминают, как его армия якобы «потопила свою славу в ростовских винных подвалах». Однако тот, кто совсем «не мыслил масштабно и стратегически», оказался на поверку блестящим кавалерийским тактиком и смог разгромить в пух и прах образованных, «мыслящих стратегически» белых и лучших польских генералов. Когда же 1-ю

Почётное огнестрельное революционное оружие со знаком ордена «Красное Знамя» РСФСР — награда С.М. Будённого

Командиры Красной армии

Конную армию расформировали (1923), Будённый был назначен помощником главнокомандующего Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) по кавалерии и членом Реввоенсовета СССР. В 1924—1937 гг. он инспектор кавалерии РККА. Будённый в 1932 г. получил официальное высшее образование, окончив Военную академию имени Фрунзе. Пока жил Будённый, у нас уделялось внимание коневодству. Злые языки однако говорят, что, будучи убеждённым кавалеристом, поклонником тактики Гражданской войны, Будённый якобы во многом несёт ответственность и за то, что руководство страны тормозило развитие танковых и моторизованных войск, а многие новые стратегические разработки были «положены под сукно». В 1924 г. Будённый был вовлечён и в политическую борьбу на стороне И.В. Сталина (Сталин и Ворошилов были членами его военно-революционного совета). После смерти Будённого, как это принято в нашу подлейшую эпоху, иные более верят типам вроде Бажанова, бывшего секретаря Сталина. Тот уверял: «Только два человека имеют право входа к Сталину без доклада: я и Мехлис... Я — потому что мне всё время надо видеть Сталина по делам Политбюро, а дела Политбюро считаются самыми важными и срочными. Я вхожу к Сталину, кто бы у него ни был, чтобы он ни делал, и прямо обращаюсь к нему. Он прерывает свои разговоры или своё заседание и занимается тем, что я ему приношу». Сей предатель и беглец из России решил укунить «мёртвого тигра» (Будённого): «В конце концов как-то решили пустить его на заседание знаменитого Политбюро. Моя память точно сохранила (это) забавное событие. На заседании Политбюро очередь

доходит до вопросов военного ведомства. Я распоряжаюсь впустить в зал вызванных военных, и в том числе Будённого. Будённый входит на цыпочках, но сильно грохоча тяжёлыми сапогами. Между столом и стеной проход широк, но вся фигура Будённого выражает опасение — как бы чего не свалить и не сломать. Ему указывают стул рядом с Рыковым.

Будённый садится. Усы у него торчат, как у таракана. Он смотрит прямо перед собой и явно ничего не понимает в том, что говорится. Он как бы думает: «Вот поди ж ты, это и есть то знаменитое Политбюро, которое, говорят, всё может, даже превратить мужчину в женщину». Между тем с делами Реввоенсовета кончено. Каменев говорит: «Со стратегией покончили. Военные люди свободны». Сидит Будённый, не понимает таких тонкостей. И Каменев тоже чудак: «Военные люди свободны». Вот если бы так: «Товарищ Будённый! Смирно! Правое плечо вперёд, шагом марш!» Ну, тогда всё было бы понятно. Тут Сталин с широким жестом гостеприимного хозяина: «Сиди, Семён, сиди». Так, выпучив глаза и по-прежнему глядя прямо перед собой, просидел Будённый еще два-три вопроса. В конце концов, я ему объяснил, что пора уходить. Потом Будённый стал маршалом, а в 1943 году даже вошёл в Центральный Комитет партии. Правда, это был ЦК сталинского призыва, и если бы Сталин обладал чувством юмора,

Плакат времен Гражданской войны

он бы заодно, по примеру Калигулы, мог бы ввести в Центральный Комитет и будёновского коня. Сталин чувством юмора не обладал. Надо добавить, что во время советско-германской войны ничтожество (Каково?! — В.М.) и Ворошилова и Будённого после первых же операций стало так очевидно, что Сталину пришлось их отправить на Урал готовить резервы». Будённому сионисты, которые устроили шабаш, припомнят многие грехи. В том числе статью маршала против еврея И. Бабеля, опубликовавшего цикл новелл «Конармия» (1923). Статья называлась «Бабиизм Бабеля из «Красной нови». На защиту Бабеля поднялся возмущённый Горький, заметив, что атаки Будённый ведёт с «высоты коня». В том же духе рассуждал о «Конармии» видный тогда критик А. Воронский: «От художника можно требовать не только любви и горячей преданности Красной армии, но и художественно-правдивого изображения её». «Будённый, — пишет В. Поликарпов, — мог заметить, что Бабель не затронул как раз самых тёмных сторон деятельности конармейцев, и не потому что не знал, например, о погромах, которые чинили бойцы во время перехода с Польского на Южный фронт, а потому, очевидно, что это не входило в его эпический замысел». Один из друзей Бабеля вспоминал: «Запомнился его рассказ... Когда Конармия откатывалась под давлением поляков к Киеву, казаки устраивали еврейские погромы в местечках... Бабель мог бы рассказать и о том, как был убит комиссар 6-й кавдивизии Шепелев, пытавшийся унять погромщиков». Всё это было. Бесспорно. За грабежи и убийства расстреляли 110 бойцов 6 дивизии. Говорили, что Первая конная «потопила свою славу в ростовских винных подвалах» (В. Шорин). Иные отмечали дикие подвиги дивизии Опанасенко. Впрочем, нынешнее молодое поколение читателей вряд ли отличит Бабеля от Бебеля, а Бебеля от Гегеля. Не помнит оно и той войны. У них своя война, и гибнут они за металл презренный. Хотя и ныне внуки тех бойцов отдадут жизнь за нашу великую Родину! Ба-

бель в «Сыне рабби» описал смерть красного бойца, погибшего за народ. Небогатым оказался его скarb: «Здесь всё было свалено вместе — мандаты агитатора и памятники еврейского поэта. Портреты Ленина и Маймонида лежали рядом. Узловатое железо ленинского черепа и тусклый шёлк портретов Маймонида. Прядь женских волос была заложена в книжку постановлений шестого съезда партии, и на полях коммунистических листовок теснились кривые строки древнееврейских стихов. Печальным и скучным дождём падали они на меня — страницы «Песни песней» и револьверные патроны».

Лучшие евреи всегда были (и будут!) в одном ряду с красными русскими бойцами! Сегодня сионисты хотят нас разобщить. Говорят, якобы не по душе пришлась Будённому художественная правда Бабеля, а мол ему понравилась (будто) лстывая пьеса «Первая Конная», вышедшая из-под пера Вс. Вишневского, очередного «былинника», привычно повторившего многое из «легенд» Реввоенсовета о Первой Конной армии. Конечно, у всякой войны есть свои тёмные стороны, а светлых, увы, мало или почти нет и вовсе... Но воспоминания или опусы ничтожество, подобные книгам Баженова о Сталине или Резуна о войне, о которых наиболее часто встречающаяся оценка у молодежи «Бред сивой кобылы», или же статья В. Кардина «Можно ли верить речистым былинникам?» говорят только о подлости всех этих авторов мемуаров и статей. Им

М. Авилов. *Захват станицы Будённым*

не хватило ума, капли такта (совести у них и не было) воздать должное герою Гражданской. 1-я Конная армия прошла героический боевой путь, а судьба её неотделима от славной судьбы командарма Будённого. «Были сборы недолги, от Кубани и Волги мы коней поднимали в поход». Маршал К.С. Москаленко о жизненном пути С.М. Будённого написал так: «Блестящие успехи, достигнутые 1-й Конной армией во многих операциях в Донбассе, на Дону, Кубани, в Приволжье, на Северном Кавказе и Украине, в боях с войсками панской Польши, в Северной Таврии и Крыму, её богатый боевой опыт служили примером для всех войск сражавшейся Советской Республики». «Командарм С.М. Будённый, его ближайшие соратники члены Реввоенсовета К.Е. Ворошилов, Е.А. Щаденко и другие командиры и политработники 1-й Конной учили бойцов бесстрашию и самоотверженности в борьбе с врагом, вели их в первых шеренгах защитников Октября. Я часто вспоминаю те далекие годы. С восемнадцати лет мне довелось воевать за Советскую власть под боевыми знаменами легендарной Первой Конной армии. В её рядах я прошёл боевую школу от его общения с бойцами. Мы стремились быть похожими на него, подражали ему, учились у него отваге, от рядового конармейца до начальника штаба полка 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии. Более 11 лет служил я в этой дивизии и каждый раз при встрече с Будённым, как и все конармейцы, убеждался в огромном авторитете командарма в солдатских массах. Закончилась гражданская война. Расформировали Первую Конную армию, а её кавалерийские дивизии продолжали (гордо) именоваться «будёновскими».

Будёновец — звучало гордо и почетно. Все мы, будёновцы, любили своего командарма за его острый природный ум, беспредельную отвагу и храбрость, мужество и волевой характер, за простоту и сердечность мужеству. В огне боёв в годы гражданской войны проявились незаурядные способности Будённого как кавалерийского начальника, его высокие морально-боевые качества и беспредельная преданность делу социалистической революции. Хочу ещё раз подчеркнуть, что автором замыслов массированных кавалерийских атак, боев, орга-

низатором и руководителем проведения операций конниками, как правило, был Семён Михайлович. Его талант кипучая энергия, его тесная связь с бойцами и командирами оказывали огромное влияние на формирование у них высоких морально-боевых качеств. Будённого уважали и любили все — от рядового бойца до руководителей Коммунистической партии и Советского государства». Умер С.М. Будённый, ставший фигурой советского фольклора, в 1973. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены. Немало отважных кавалеристов и бойцов Красной армии составили славную плеяду красных героев. Талантливый композитор-еврей Д.Я. Покрасс написал в честь освобождения Ростова прекрасную песню «Будёновский марш» (1920). Там были и такие слова: «Мы — красные кавалеристы, и о нас былинные речистые ведут рассказ: о том, как в ночи ясные, о том, как в дни ненастные мы гордо, мы смело в бой идем... Веди, Будённый, нас смелее в бой!» И далее есть там такие строки: «Высоко в небе ясном вьётся алый стяг. Мы мчимся на конях туда, где виден враг. И в битве упоительной лавиной стремительной: Даёшь Варшаву! Дай Берлин! Уж врезались мы в Крым!» Эту лихую боевую песню очень любили бойцы Красной Армии.

Немало командиров родилось в жарком пламени Гражданской войны. Словно ска-

**Герой Гражданской войны
О.И. Городовиков**

зочные витязи, выходили они не из морской пены, а из той огненной, неудержимой народной лавы, что кипела на просторах страны... Фрунзе, Вацетис, Буденный, Блюхер, Егоров, Пархоменко, Петин, Чапаев, Котовский, Миронов, Щорс, Станкевич, Щаденко, Уборевич, Шапошников, Городовиков и др. Так, не меньшей славой, чем у Будённого, пользовался конник О.И. Городовиков, соперник Будённого не только в бою, но и в споре о том, у кого из них роскошнее усы, и командарм 2-й Конной армии Ф.К. Миронов. О его нелёгкой судьбе рассказывается в книгах Е. Лосева, Р. Нелепина и др. Судьба этого смелого и честного человека, который не склонял ни перед кем головы (в том числе даже перед всесильным тогда «еврейским Наполеоном», как порой величали г-на Троцкого), сложилась крайне трагично. Причём всё это происходило задолго до начала репрессий Сталина.

Миронов был казак, настоящий русский патриот. В 1892 г. поступил на военную службу, окончил казачье юнкерское училище, воевал на русско-японской войне 1904—1905 гг., за мужество и отвагу награждён 4 георгиевскими крестами. В 1908 г. казаки Дона доверили Миронову отвезти в Госдуму России наказ казачества по земельному вопросу. Царское правитель-

ство не нашло ничего умнее как арестовать посланца и уволить его со службы, что говорит о тупости и неадекватности самодержавия, которое такими акциями само же и рубило сук, на котором сидело. Ведь казачество оставалось едва ли не главной опорой царизма в армии. Миронов в качестве протеста стал торговать — водой из Дона. Народ в восторге покупал воду героя и георгиевского кавалера. Правда, вскоре его восстановили на службе. Ф.К. Миронов проявил себя на фронтах Первой мировой войны (награждён орденом Владимира, Анны и Станислава 3 и 4 степеней, Георгиевским оружием). Ту войну он закончил в звании войскового старшины (соответствует чину армейского подполковника).

После октября 1917 г. Ф.К. Миронов, в ком текла бунтарская кровь донских казаков, без колебаний поддержал большевистскую революцию. В декабре 1917 его избирают командиром 32 Донского Казачьего полка. Полк его в полном составе перешёл на сторону советской власти... С началом Гражданской войны Миронов стал комиссаром Усть-Медведицкого округа на Дону, членом окружного ревкома, а затем и командиром особого казачьего корпуса. В 1918 г. Советское правительство за мужество наградило Миронова высшей наградой — орденом Боевого Красного Знамени (третий в стране). К несчастью, 24.01.1919 г. Оргбюро ЦК РКП(б) выпустило известную директиву, эдикт Люцифера, подписанную Свердловым, злым гением, «исчадием ада» и врагом русского народа и казаков. Директива эта предусматривала уничтожение казачества как сословия, поголовное истребление всех богатых казаков и тех, кто выступал тогда против большевиков, массовое ограбление казачьих станиц и хуторов путём реквизиций. Инструкция эта была строго секретной. Одной из целей оной было расколоть казачество, да и всех крестьян «на два непримиримо враждебных лагеря».

Политику расказачивания одобрил triumvirat — Ленин, Свердлов, Троцкий. Чего стоили такие пункты сей директивы: «Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления». Далее говорилось о

Маршал С.М. Будённый

конфискации хлеба, полном разоружении казаков, их расстреле за его хранение, взятии заложников из числа видных представителей станиц и хуторов (пусть даже не замешанных в действиях контрреволюционного характера), об аресте всех кулаков и бежавших казаков и т.д. и т.п. (приказ от 24.01.1919 г.). Несомненно, это была месть за их участие в подавлении восстания 1905 г., а также за их симпатии к белым. А ведь часть казаков позже поддержала Советы и даже признала эти органы народовластия. Многие из них были такие же простые люди, как и красноармейцы. Казаки обращались к карательному Экспедиционному корпусу красных со словами: «Братья-красноармейцы, из-под штыков мобилизованные коммунистами или вследствие нужды или голода зачислившиеся в ряды Красной Армии, к Вам наше братское слово. Знаете ли Вы, во имя чего мы, казаки, подняли знамя восстания против коммунистов, те самые трудовые казаки, за одним обеденным столом с которыми мно-

М. Греков. Красные части занимают казачий хутор

гие из Вас ещё так недавно вместе сидели, так недавно наши тощие лошаденки везли Вас на борьбу с буржуями. Мы восстали потому, что вслед за Вами явились коммунисты, явились чрезвычайные комиссии, так называемые «чека», которые начали арестовывать и расстреливать неповинных ни в чём наших и Ваших братьев казаков и крестьян, начали заниматься грабежом и насилиями, называя нас военнопленными, избивая плетью и прикладами винтовок... Мы, трудовые казаки и крестьяне, обещание дали выгнать насильников-коммунистов из родимой Донской земли. И мы выгоним их... Зарево народного восстания разгорается у нас с каждым днём всё ярче и ярче». На Дону эти бесчинства творили и многие местные казаки-коммунисты, в том числе глава Донбуро — С.И. Сырцов.

Этот 25-летний неуч считал себя великим специалистом по казачьим вопросам, но, занимая пост наркома по делам народного хозяйства Донской Советской Республики, вскоре ликвидированной, не понимал даже элементарных вещей. Ревкомовцы порой вели себя хуже немцев. К примеру, председатель ревкома станицы Морозовской коммунист Богуславский, напившись пьяным «в усмерть», ворвался в местную тюрьму и без суда и следствия самолично расстрелял 64 человека. Комиссары станиц и хуторов грабили народ, отбирали скот, продукты, пьянствовали, пороли людей перед всей станицей, расстреливали по 30—40 человек,

Ф.К. Миронов у гроба сына, убитого на войне

причём осуждённых с издевательствами, гиканьем вели к месту расстрела. На месте осуждённых раздевали догола, и это на глазах у жителей. «Над женщинами, прикрывавшими свою наготу, издевались и запрещали это делать...» На хуторе Сетраковском Мигулинской станицы эти отморозки во время проведения митинга расстреляли 400 безоружных человек. В Мигулинской убили 250 человек, много людей уничтожили и в Вешенской. Как выродки ещё осмеливались называть себя «красными бойцами!» Не мудрено, что казаки в ответ на их действия восстали. Не против Советской власти, а против комиссаров и чекистских оборотней. Против недочеловеков типа председателя ревкома Решеткова, требовавшего прислать ещё палачей — его 8 головорезов не успевали расстреливать казаков. Любой честный человек должен был взять в руки оружие и направить его против лжекоммунистов. Одной из первых против них восстала тогда станица Казанская, та самая станица, где ещё недавно те же казаки встречали хлебом-солью части Красной армии. Тут состоялся и многотысячный митинг, принявший ранее резолюцию поддержки действий Ленина и Советской власти. Кто ж такой выдержит!

Итогом этого стало знаменитое Вешенское восстание марта 1921, распространившееся на другие районы Дона... Миронов в те дни пытался как-то снизить пагубное воздействие преступных акций большевистской власти. Он пишет ряд обращений к Донским казакам, затем направил телеграмму в адрес Ленина, Троцкого, Калинина. В ней говорилось: «Я стоял и стою не за келейное строительство социальной жизни, не по узкопартийной программе, а за строительство гласное, за строительство, в котором народ принимал бы живое участие (я тут буржуазию и кулацких элементов не имею в виду). Только такое строительство вызовет симпатии крестьянской толпы и части истинной интеллигенции...» В июле 1919 г. Миронов стал командиром корпуса Красной армии. Военная верхушка и партийные чиновники встревожились, когда этот яростный и неукротимый Миронов надумал покуситься на «святая святых» — бюрократию. Приводя примеры террора комиссаров и ЧК на Дону, он предложил всю эту партийную сволочь направить

прямоком на фронт: «Чистка должна быть произведена по такому рецепту: все коммунисты, вступившие в партию после Октябрьской революции, должны быть сведены в роты и отправлены на фронт. Вы сами увидите тогда, кто истинный коммунист, кто шкурник, кто провокатор, кто заполнял все ревкомы, особотделы». В Москве состоялась его встреча с В.И. Лениным, Калининым и комиссаром казачьего отдела ВЦИК Макаровым (8.07.1919 г.), через два дня в Кремле состоялось заседание казачьего отдела ВЦИК Советов. Миронова кооптировали в члены казачьего отдела ВЦИК. В решении он назван «непобедимый вождь», преданный Советской власти, обладающий способностями военного стратега.

Давали знать давние антипатии казачества и еврейства и наоборот. Выявлялась пагубная роль и иудушки Троцкого... Казачество, как и крестьянство, по мысли Троцкого, составляло «исторический навоз, из которого произрастает рабочий класс». Троцкий, не доверяя казачеству, конечно, не дал Миронову сформировать мощный боевой корпус. Кроме того, не мог простить ему, что тот осмелился требовать от Троцкого приехать к нему в дивизию самолично («Не откажитесь навестить дивизию»). Троцкий возмутился: «Как его, человека № 2 в советской иерархии, вызывает к себе какой-то комдив?!» Он вызвал Миронова в

П. Оцуп. Красноармейцы. 1920-е гг.

свой поезд, в котором 2,5 года разъезжал по фронтам Гражданской войны. Ну а Ф.К. Миронов к Троцкому не поехал. О том, что представляло собой ближайшее окружение Троцкого, говорят многие свидетели. Так в одном из источников сказано: «21 сентября 1921 г. Вчера вечером в нашем подъезде очутился пьяный молодой человек, который долго грозился и ругался, когда его оттуда выдворяли. По документам он оказался член РКП Александр Петрович Минкин, бывший начальник поезда Троцкого и бывший член ВЦИК. Белобрысый, плюгавый, с незначительным лицом, весь развинченный, видимо, сбитый со всех устоев, если таковые у него когда-либо были, он то кричал, что всех расстреляет, то просил, чтоб его расстреляли. Видимо, он одинаково готов и на то, и на другое. Типичный представитель «русской революции». Этих неврастеников-авантюристов немало скакало в кругу Троцкого. Как немало оказалось их в кругу извращенцев-демократов эпохи буржуазного термидора Ельцина-Гайдара.

К Миронову направят группу комиссаров во главе с евреем Ю. Лариным (меньшевик-интернационалист Лурье, перебе-

жавший к большевикам) с целью обуздать непокорного. Миронов посмел обвинить в саботаже командование 9-й армии (как всё же выяснится, там был предатель) и даже Реввоенсовет Республики. Он принял решение, без согласия с комиссарами, вести части его корпуса на фронт против войск Деникина и Мамантова. Против вольницы восстал «интернационал». Член РВС, начальник политуправления Красной армии латыш Смилга заявил, что Миронов якобы «вступил в сношение с Деникиным и поднял восстание против Советской власти». В Реввоенсовет РСФСР Смилга (провокационно) доносил: «Сообщаю положение дел с Мироновым. Я объявил его мятежником, изменником, и двигаю против него войска». Разгневанный Миронов телеграфирует Смилге: «Не начинайте со мной и корпусом вооружённой борьбы, ибо платформа наша приемлема: «Вся власть народу!» в лице подлинных Советов крестьянских, рабочих и казачьих депутатов, избранных на основе свободной социальной агитации всеми трудящимися. Первый выстрел принадлежит вам, и, следовательно, первую каплю крови прольёте вы. Доказательством того, что мы не хотим крови, служит то, что в Саранске остаются все коммунисты на местах...» Не удержался Миронов от неприкрытых угроз в адрес красных: «Все коммунисты по пути к Пензе будут мною арестованы и уничтожены, когда мы не придём к соглашению и когда вы в силу вашей доктрины захотите рассматривать меня и корпус своими врагами... Тогда я оставляю свободу действий за корпусом и буду рассматривать арестованных как материал для удобрения почвы». Это уже прямой мятеж против советской власти, хотя его мотивы понятны.

Говорят, резкое заявление спровоцировано имевшейся попыткой коммунистов убить Миронова. Подобный афронт во время войны — это бунт. Троцкий приказом Реввоенсовета Республики (12.09.1919) объявил его изменником и предателем и поставил вне закона, требуя расстрела на месте без суда и следствия. Против Ф.К. Миронова был брошен конный корпус С.М. Будённого. «Тут Семён Михайлович принял меры, самые крутые меры: Миронова — под арест, оружие и часть казаков — в свои полки, «ненадежным» — пуля в лоб». Увидев против себя казаков, товарищей по

борьбе, Миронов, однако, не захотел проливать кровь и принял решение разоружиться. Он сдался тов. Будённому. Но тот расстрелять его не стал. Прибыл на место и сам Троцкий, решив устроить публично-показательный суд над известным командиром. В судьбе и личности Филиппа Кузьмича Миронова отразилась, как в капле воды, причём воды достаточно чистой, вся трагедия вольного казачества. Понятна нам и его свободолюбивая душа, часто отторгавшая всякое насилие, всякую несправедливость. Люди, подобные Миронову, оказывались в безвыходном положении, не найдя дороги из социально-политической преисподни. К нему относились с подозрением, а то и ненавистью обе стороны. С одной стороны, наказной атаман Войска Донского генерал П.Н. Краснов заявлял в приказах: «Миронова, если кто его поймает, может повесить без следствия и суда»; «За голову изменника Дону и Отечеству объявляется вознаграждение — 400 тысяч рублей золотом...»; «За еврейские деньги Лейбы Бронштейна Миронов продаёт казачьи души и гонит казаков на убой»; «Скорее за винтовку и за шашку, напором спасите стариков отцов от позора мионовского плена и мобилизации! Тихий Дон не простит изменнику Миронову!». С другой стороны, командование красных

войск, где русских людей порой раз-два, и обчёлся, также объявляет Ф. Миронова предателем и изменником. Так он оказался в страшном, безысходном кругу.

С подачи Смилги, верного «наиба» Троцкого, Бронштейн издаёт в качестве председателя РВСР приказ № 150. Оный печатают в типографии его поезда («летучего эшафота»): «Бывший казачий полковник Миронов одно время сражался в красных войсках против Краснова. Миронов руководствовался личной карьерой, стремясь стать Донским атаманом. Когда полковнику стало ясно, что Красная Армия сражается не ради его, Миронова, честолюбия, а во имя крестьянской бедноты, Миронов поднял знамя восстания. Вступив в сношение с Мамонтовым и Деникиным, Миронов сбил с толку несколько сот казаков и пытается пробраться с ними в ряды Н-ской дивизии, чтобы внести туда смуту и передать рабочие и крестьянские полки в руки контрреволюционных врагов. Как изменник и предатель, Миронов объявлен вне закона. Каждый честный гражданин, которому Миронов попадётся на пути, обязан пристрелить его, как бешеную собаку. Смерть предателю!.. Председатель РВСР Троцкий». Так вот патриоты России, люди отважные, чуждые интриг, оказывались порой между двумя жерновами. Ф. Миронова судили и приговорили к расстрелу, но, учитывая огромную популярность комкора в кругах казачества, как и то, что его знал лично В.И. Ленин, всё-таки вынуждены были освободить. Заметим, что разумную и четкую позицию в отношении казачества занимал И.В. Сталин. Хотя ранее он с удовлетворением телеграфировал Ленину из Владикавказа: «...Выселено в военном порядке пять станиц. Недавнее восстание казаков дало подходящий повод и облегчило выселение, земля поступила в распоряжение чеченцев. Положение на Северном Кавказе можно считать устойчивым...» (РЦХИДНИ). Казаков выселяли без средств, даже не позволив собрать урожай, обрекая их на голодную смерть. Выдержка из Протокола заседания ЦК Советов Терской области весьма типична: «Постановили: ... 1) Не разрешать казакам уборку озимых хлебов; ...разработать и представить план использования этого хлеба; ... 4) Предложить Чеченскому окружному исполкому немедленно вселить че-

Смилга, Тухачевский, Орджоникидзе

Н. Самокиш. Бой за знамя. Схватка

ченцев во все станицы, откуда выселены казаки и приступить к немедленному посеву на свободных землях этих бывших станиц (ЦГА РСО)». Но 17 ноября 1920 г., выступая на Съезде народов Терской области, Сталин говорил уже иначе: «Советская власть стремилась к тому, чтобы интересы казачества не попирались. Она не думала, товарищи казаки, отбирать у вас земли. У неё была одна только мысль — освободить вас от ига царских генералов и богатеев. Она вела эту политику с начала революции. Казаки же вели себя более чем подозрительно. Они всё глядели в лес, не доверяя Советской власти. То они путались с Бичераховым, то яшкалились с Деникиным, с Врангелем. А в последнее время, когда мира с Польшей ещё не было, а Врангель наступал на Донецкий бассейн, в эту минуту одна часть теркского казачества вероломно, — иначе нельзя выразиться, — восстала против наших войск в тылу. Я говорю о недавнем восстании Сунженской линии, которое имело целью отрезать Баку от Москвы... Советская власть долго терпела, но всякому терпению бывает конец. И вот, вследствие того, что некоторые группы казаков оказались вероломными, пришлось принять против них суровые меры, пришлось выселить провинившиеся станицы и заселить их чеченцами. Горцы поняли это так, что теперь можно терских казаков безнаказанно обижать, можно их грабить, отнимать скот, бесчестить женщин. Я заявляю, что если горцы думают так, они глубоко заблуждаются. Горцы должны знать, что Советская власть защищает граждан России одинаково, без различия национальности, всё равно, являются ли они казаками или горцами. Следует по-

мнить, что если горцы не прекратят бесчинств, советская власть покарает их со всей строгостью революционной власти... Если казаки не откажутся от вероломных выходов против рабоче-крестьянской России, я должен сказать, что правительству придётся вновь прибегнуть к репрессиям. Но если казаки будут вести себя впредь как честные граждане России, я

заявляю здесь перед всем съездом, что ни один волос не упадёт с головы казака». Когда Горская делегация в 1920 г. на заседании Президиума ВЦИК в Москве заявила о необходимости полного выселения казачьих станиц с территории Горской республики, М.И. Калинин жёстко и справедливо заметил, что «если казаков выселить, то горцы очень скоро вымрут от голода, так как горцы живут казачьим хлебом». Эту линию он проводил. Благодаря позиции Сталина и Калинина, выступавших против, депортацию казачьего населения прекратили.

В январе 1920 г. Ф.К. Миронов, освобождённый от ареста, вступил в партию большевиков. Осенью 1920 г. возникла новая угроза Советской власти со стороны Врангеля. Его назначают командующим 2-й Конной армии. Тогда Южным фронтом командовал М.В. Фрунзе. Он приказал Миронову: «2-я Конная армия должна выполнить свою задачу до конца, хотя бы ценой самопожертвования». И Миронов повёл свои лихие полки и бригады в отчаянную атаку на белых. И 2-я Конная армия блестяще справилась с поставленной перед ней задачей... 13—14.10.1920 г. в жестоких боях у с. Шолохово «мироновцы» нанесли решительное поражение основным силам Белой армии Врангеля, разбила белую конницу Шкуро, сильную группу генерала Бабиева и даже прославленных «марковцев» генерала Третьякова (тот застрелился). В ноябре 1920 г. 2-я Конная армия т. Миронова вошла в Севастополь, в город русской славы, тем самым словно проторяя и показывая путь нам, будущим защитникам и славным сынам России, восстанавливающим поправную правду и справедливость.

**Наградное оружие и удостоверение на него
красного казака Ф.К. Миронова**

Заслуги его были оценены по достоинству: постановлением ВЦИК тов. Миронов был награждён Почётным революционным оружием, а затем вторым орденом Красного Знамени. Это тут же вызывало дикую злобу и ненависть его личных врагов, особенно нерусских комиссаров, И. Смильги, его государственного обвинителя на процессе и председателя Чрезвычайного трибунала, приговорившего его к смерти в 1919 г., комиссара 2 Конной армии Полуяна (Сталин всех их в 1937 г. расстреляет и очень правильно сделает). Так стремились отомстить командарму за любовь к России. Тем более тот, видя страдания народа, вступался за него везде, где мог. Лосев пишет в книге о командарме 2-ой Конной: «Парад войск Михайловского гарнизона в честь приезда легендарного командарма Второй Конной. Густой топот сотен копыт. Блеск молодых глаз... Что ни казак, то как впаянный в седло... Филипп Козьмич любит парадом. У него на груди алый бант. То и дело он салютует золотым оружием. В эфесе шашки — орден Красного Знамени — высшая награда того времени. Боевой конь, чуя радость седока, пляшет под ним. И будто разверзлось синее небо от колокольного набата всех церквей в честь героя Дона, и огненной масти донской скакун нёс горделивого седока в солдатской шинели мимо ликующей толпы земляков. Стальной, как удар клинка, взгляд теплел. Губы после бешеных, злобно-отчаянных и злобно-торже-

ствующих криков войны, кажется, впервые раздвинулись в подобие улыбки. И, может быть, хоть на миг он почувствовал на них аромат лазоревых цветов вместе с раннею росистой дрожью — будто седовласый пастушонок вернувшись под крышу родимого куреня в хуторе Буерак-Сенюткин. Вдруг защемившее сердце толкнуло память с такой силой, что невольно на затвердевшие, как кора старого дуба, щеки из уголков глаз поползли тяжёлые, как свинец, слезы. Не облегчающие и не очищающие душу. Последние в его детско-молитвенном сне жизни... Ровно девять долгих смертельно опасных лет он играл со смертью и сотни раз мог, как подобает воину, с честью погибнуть на поле боя, но то, что с ним произошло, нельзя было увидеть даже в страшном сне... Внезапно дверь кто-то рванул с такой силой, что крючок выскочил из притолоки и звякнул о деревянный пол... Пусть бы раскололись небо и земля — не так изумился бы Миронов и не дрогнул бы он, не знавший страха в бою, но то, что произошло дальше... В горницу с наганами и винтовками на изготовку ворвались чекисты. Перед глазами командарма замелькал белый листок — ордер на арест...» И далее: «Миронова грубо затолкали в передний угол под божницу, наставили в упор винтовки с привинченными штыками и приказали не шевелиться... Филипп Козьмич ошеломлен. Унижен. Раздавлен. Кто посмел с ним так поступить на родной стороншке — он даже охрану не взял с собою... Кто-то толкнул его, в этот миг обезумевшего, то ли нечаянно, то ли намеренно... Настоящего донского казака можно физически уничтожить, но он не даст себя оскорбить... Очнувшись. Не открывая глаз, позвал жену и как можно спокойнее сказал: «Пожалуйста, горячего чаю. Всё тело ноет, больно даже шевельнуться — наверное, в дороге простудился... Да и сон ви-

дел такой, что на душе мерзко...» Подождал. Ему никто не ответил. Вокруг тишина. Открыл глаза. Одиночный каменный мешок. Миска с похлебкой. Кусок хлеба... Рванул встать, но со стоном повалился на голый топчан. Вспомнил... Значит, всё правда?! Значит, кто-то заранее готовил эту провокацию? Враги? Кто они? У Миронова, храброго, талантливой, да ещё вдобавок правдолюбца, их было предостаточно. Только трусам да глупцам спокойно живётся... Обострённая мысль искала выход: где, когда, в чём он совершил такое, за что положена такая жестокая, оскорбительная кара? Но толстые стены Бутырской тюрьмы молчали. Иногда этому сильному, отважному человеку казалось, что он сошёл с ума и всё это происходит не с ним и не на самом деле...». Миронов вспоминал, как в ноги ему повалилась однажды до нитки обобранная продотрядами крестьянка, и обратилась к нему: «Товарищ Миронов, спаси народ!» Миронов писал: «Страдания и слёзы голодных, обиравших людей заставили меня поднять этот вопрос на окружной партийной конференции 12 февраля 1921 года и всесторонне его осветить, дабы принять какие-нибудь меры и против надвигающегося голода, и против чинимого над голодными людьми произвола». Конечно, казак сей был горячим и импульсивным, но справедливым человеком. Как-то в Арчадинском исполкоме в присутствии граждан избил предисполкома Барышников за то, что лошади его частей не

Бойцы его конной армии

были готовы к просимому времени. Избиение Барышникова Миронов сопровождал словами, внушая: «Неудивительно, что такие старые революционеры, как Вакулин, Миронов с защитником в зале суда г. Балашова. 1919 г. Разведчики 2-й Конной армии тов. Ф.К. Миронова восстают против такой сволочи из коммунистической партии, где сапожники не делают дела, а управляют государством». Напомним важную деталь: «товарищ» Барышников был бывшим белогвардейцем, которого Миронов брал в плен ещё в 1918 г. Вечером на квартире командарм после состоявшегося митинга в станице У. Медведицкой, на котором выступал, коснулся формы правления РСФСР, подчеркнул, что государством правит не народ, а маленькая кучка людей: Ленин, Троцкий и др. Все они, мол, грубо и бесконтрольно распоряжаются достоянием и честью народа... «Попутно Миронов останавливал внимание участников собрания на инородническом происхождении лидеров партии и наталкивал их мысль на то, что такое положение неустойчиво и ненормально. Для большей вескости и авторитетности своего мнения Миронов сослался на беседу с председателем ВЦИК Калинин, который якобы также не был уверен в прочности существующего строя». На следующий день его арестовали, отправили в Москву под конвоем и посадили в Бутырку. В своём последнем письме к «всесоюзному старосте» М.И. Калинин, в «предсмертной ис-

Миронов во время заседания суда

поведи», он скажет: «Успех социальной революции я видел в лозунге «К массам!» Но именно этой его популярности у масс казаков и крестьян больше всего и опасались налетевшие из чужих стран, словно саранча, евреи. Был отдан приказ Троцкого... Миронова убили в тюрьме во время прогулки, выстрелом часового с вышки (2.04.1921 г.). Р.А. Нелепин в заключение пишет: «Трагедия Миронова заключалась в том, что он не знал, что многие вожди большевиков являлись русофобами, в связи с чем его жизнь, как выдающегося вождя казачества, была заранее обречена. Миронов был одним из тех настоящих коммунистов, кто отдал жизнь за счастье своего народа». Тов. Миронов отдал жизнь в надежде, что Россия когда-то освободится от русофобов.

Выдающимся военачальником советской армии стал Михаил Васильевич Фрунзе (1885—1925). Родился он в г. Пишпеке Семиреченской области Туркестанского края, в семье крестьянина. По национальности — молдаванин. Получил начальное образование в школе, в 1904 г. окончил с золотой медалью гимназию, имея «круглые пять по всем предметам», и поступил студентом в Санкт-Петербургский политехнический институт на экономическое отделение. В первый же год в институте вступил в социал-

демократическую партийную организацию и стал принимать активное участие в деятельности партии. Уже в стенах института М.В. Фрунзе увидел, что, несмотря на великолепное здание, внутри царили не то что бы косность, но некая безнадежность. Учёные и инженеры делали свое благородное дело, т.е. давали России десятки блестящих проектов, но бюрократическая чиновничья банда, сидящая наверху не желал дать им ход. Все проекты пылились в шкафу в электротехнической лаборатории. И это при том, что в России было немало талантов и больших умов. Лекции студентам Политехнического читали такие светила русской науки, как создатель периодической таблицы элементов Д.И. Менделеев, Д.К. Чернов — «отец булатной стали», изобретатель радио А.С. Попов, многие другие. Было ясно, что в системе управления страной нужны революционные перемены (впрочем, как и сегодня — в XXI веке). Тогда же М.В. Фрунзе произнёс свою первую публичную речь, где заявил, что он не знает в истории добрых царей. Таковыми не были ни Нерон, ни Екатерина Медичи, ни Карл Девятый, ни Николай I, ни Николай II. После Кровавого воскресенья он испросил отпуск, отдался революционной работе. Работал в Иваново-Вознесенском промышленном районе, был одним из организаторов и руководителей стачки текстильщиков в 1905 г., организатором Ивано-Вознесенского союза РСДРП. Активно работал по созданию и боевых дружин. 22 октября 1905 г. во время митинга рабочих в Иваново-Вознесенске произошло его боевое крещение. Тогда же «черная сотня» растерзала большевика Ф.А. Афанасьева («Отца»). Писатель М. Фурманов, которому было тогда 14 лет, так описал это событие: «В пустом и тихом поле лежал одиноко кровавый труп «Отца». Тогда подошли товарищи и увидели смятое тело друга. Вкруг по земле студенистой слизью дрожали мозги. Кровью и грязью кровавой было излеплено лицо. В комьях спуталась серебристо-чёрная шершавая борода; обвисли мокрые тяжёлые усы. Переломанные, свернулись в дугу ноги. Сквозь разодранную чёрную рубаху густела синяя, страшная грудь...» Фрунзе (товарища «Арсения») арестовали. При обыске нашли маузер и 25 патронов, оружие и листовки были и у его товарищей. Казак на-

М.В. Фрунзе

Г. И. Котовский**А. Я. Пархоменко****И. П. Уборевич**

бросил ему на шею петлю аркана, притороченного к седлу, и рысью погнал коня, волоча, словно раба во времена пленения русских конниками Батыя и Чингисхана. Ноги его застряли в решетке, и он потерял сознание. Результат расправы — травма на всю жизнь левой ноги. Во время декабрьского вооруженного восстания в Москве 1905 г. на помощь восставшим прибыл с

товарищами на двух паровозах Фрунзе. В 1909 г. его приговорили к смертной казни через повешение (за покушение на урядника Перлова), но заменили 10-летней каторгой. Быстро пролетели годы борьбы, и вот уже пришёл 1919 г., когда Фрунзе был назначен командующим четырьмя армиями южного участка Восточного фронта.

Тогда же он осуществил блестящий удар во фланг наступавшим колчаковским армиям из района Бузулука, сорвав при этом наступление Колчака и приведя к его быстрому отходу на всём Восточном фронте. Фрунзе возглавил Уфимскую операцию, за что получил орден Красного Знамени, а в конце июня 1919 г. был назначен командующим всеми армиями Восточного фронта. Он был, пожалуй, единственным в партии, кто стал таким видным военным специалистом (из гражданских лиц). Его принципом был принцип: «Где опасно, там и должен быть командующий». Правда, ему помогали и опытные военные специалисты Ф. Новицкий и Д. Карбышев. Однако он учился военной премудрости очень быстро, и скоро стал с легкостью оперировать штабными и оперативными документами армии. О том, что Фрунзе талантливый самородок-военачальник, свидетельствует и то, что белые генералы, на собственном опыте узнавшие способность этого красного командарма принимать дерзкие и смелые решения, стали вскоре клятвенно утверждать, что их бьёт никакой не красный командир, а царский генерал фон Фрунзе, который сражал-

М. В. Фрунзе

ся ещё на Западном фронте во время Первой мировой войны. Большой удачей для Советской власти было то, что такие люди, как Фрунзе, встали в их ряды... Воин-интеллигент, воин-мыслитель, честный, смелый и беззаветно преданный трудовому народу. «...Самым пленительным в нём была легкость и простота, с которыми он шёл навстречу опасности. Они доходили у него до детской непосредственности. Он знал цену революционному долгу, но лично его это слово не определяло: так естественно и неразложимо прямо он действовал и совершал героическое», — вспоминал о нем Воронский. В жизни каждого

М.В. Фрунзе — руководитель Красной Армии

воина бывают решающие сражения, когда проявляются самые сильные и замечательные свойства и качества. Видимо, у М.В. Фрунзе такой схваткой была битва за Уфу (в начале июня 1919 г.) Тут словно сошлись две воли, два страстных желания, две стихии — белая и красная. Одна представлена войсками Колчака, что во что бы то ни стало хотел взять Москву, другая представлена войсками Фрунзе и Чапаева, что у реки Белой, у Красного Яра, осуществили блестяще разработанный фланговый удар. Ту битву описал Фурманов, говоря о Чапаеве и Фрунзе: «И близкие узнали и кликнули дальним: — Фрунзе в цепи! Фрунзе в цепи! Слово током, вдруг передёрнуло цепь. Сжаты до хрюста в костях винтовки, вспыхнули восторгом бойцы, рванулись слепо, дико вперёд, опрокинули, перевернули, погнали недоуменные, перепуганные колонны» (белых)... Жарок шёл до вечера бой. Ночью искрошили офицерские батальоны и лучший у врага каппелевский полк». В тот день (8 июня 1919 г.) Фрунзе чуть не погиб. Рядом с ним упала пудовая бомба с самолета белых. Лошадь буквально разорвало. Падая, та придавила боком командарма, он получил тяжелую контузию. Из уха шла кровь и рука онемела. Тут же рядом бился Чапаев.

Его посадили на лошадь и кое-как уговорили переправиться. Тогда очередь из пулемёта с большой высоты достала и В.И. Чапаева. Пуля, пробив сукно фуражки, засела в черепе. Когда её вынимали,

Чапаев стиснул зубы и молча перенёс операцию. Затем, растолкав «медицину», он вновь ринулся в бой. Отважно бился и их боевой товарищ, И. Кутяков: кидал в тыл конницу, отбивал «психическую атаку» каппелевцев. Колчак был разбит и отступал, уступив 300 верст территории, сдав 12 тысяч солдат, 220 офицеров и генералов. 25 тысяч белых усеяли костями это гигантское поле битвы, «уральское Бородино». Такие замечательные люди возглавляли Красную армию. В 1925 г. его поставили во главе Вооружённых Сил СССР. Можно только догадываться, как пошло бы развитие страны и Красной армии, останься Фрунзе во главе её и далее. Его блестящие работы и талант говорят, что Красная армия могла бы встретить Вторую мировую войну в совсем ином состоянии. Однако нелепая и, прямо скажу, довольно подозрительная смерть героя на операционном столе в результате пустяковой операции оборвала жизнь этого блестящего стратега-воина... Среди пантеона советских героев времён Гражданской войны есть одно имя, которое знакомо каждому русскому, каждому советскому человеку. Конечно, это — Василий Иванович Чапаев (1887—1919), наш незабвенный и горячо любимый «Чапай». «Где должен быть командир? Впереди, на лихом коне!» Рожденный в семье бывших крепостных, в селе Будайке Чебоксарского уезда Казанской губернии, в многодетной семье (10 детей), В.И. Чапаев был обязан своей

К. Китайка. Начдив Чапаев

фамилией деду, который выгружал лес и другие тяжёлые грузы на Волге. Он частенько покрикивал: «чапъ», «чепъ», «чепай» (цепляй или зацепляй). «Чепай» укрепилось как прозвище, а затем стало официальной фамилией. В Будаевке крестьянам при освобождении от крепостной зависимости для передачи в крестьянские наделы было отведено всего 46 десятин худших земель всех угодий. Это составляло менее 20% всей помещичьей земли, имевшейся при деревне Будаевке. Пахотной земли на одного мужика (женщине вообще ничего не полагалось) в общем итоге приходилось даже менее полдесятины. Видимо, Чапаеву было уж на роду написано стать военным. Он всегда верховодил в забавах и «баталиях» окрестных ребятишек. Как говорят в таких случаях, был «вожаком». Не помешала его призванию даже казнь брата В.И. Чапаева, А. Чапаева во время службы в армии (причины той казни не известны). Возможно, основанием стали какие-то выступления против порядков и условий пребывания в армии или же политические мотивы.

Отец глубоко переживал и стал выступать против властей. Чапаева-отца подвергли аресту. При аресте он оказал сопротивление. Вступившаяся за отца дочь Анна получила тяжёлый удар в голову от полицейских и, промучившись ряд лет, умерла в больнице после мучительной болезни. Наверняка всё это оказало влияние на впечатлительного юношу, который не мог за-

быть нанесённых семье жестоких травм. Сюда добавим и эпизод, рассказанный правнучкой героя Е. Чапаевой. В детстве Васю Чапаева приняли в церковно-приходскую школу. Однако трудный нрав подростка привёл к тому, что священник, возглавлявший школу, за какую-то провинность вынес наказание — пребывание в холодном карцере. Его поместили в карцер в одном исподнем. Но мальчик проявил нрав, выбил окно и выпрыгнул с немалой высоты в холодный снег, переломал себе кости, но дополз до дома. Так проявился его неукротимый и страстный «чапаевский» нрав и закончился короткий его опыт образования... Минувло время. 20 сентября 1914 г. Чапаев

был призван в армию. В боях он явил примеры мужества, стойкости и героизма. В 1916 г. его награждают Георгиевским крестом 2-й степени, затем и 1-й степени, произведут в фельдфебели. В приказе было сказано, что фельдфебель В.И. Чапаев «в бою 15 июня 1916 года у г. Куты, руководя подчинёнными, примером отличной храбрости и мужества, проявленным при взятии занятого неприятелем укрепленного места, ободрял и увлекал за собой своих подчинённых и, будучи опасно ранен, после сделанной ему перевязки, вернулся в строй и снова принял участие в бою». В 1917 г. Чапаев вступил в ряды РСДРП(б). После Октября Николаевский ревком решил арестовать уездного комиссара Временного правительства помещика Медведева. Чапаева назначили командиром 138-го запасного пехотного полка (вместо подполковника Отмарштейна). В начале 1918 г. на базе полка В.И. Чапаев организует добровольческий отряд в 250 человек. Обстановка в Поволжье обостряется.

Мятеж левых эсеров в Москве отзывался и тут. Повсюду полыхают восстания белогвардейцев, эсеров, кулаков, сопровождающиеся убийством большевиков и руководителей местных Советов. Чапаева бросают на их подавление. Тогда погиб брат Василия Ивановича, Г.И. Чапаев — первый военный комиссар г. Балакова, зверски убитый 4 марта 1918 г. во время белогвардейско-эсеровского восстания (белые его

**Орден Красного
Знамени**

«Значок краскома»

расстреляли в упор, когда он пытался отговорить толпу от участия в мятеже против советской власти). В те дни проявились организационные способности, мужество и высокий авторитет В.И. Чапаева. Битвы на Восточном фронте были яростными и кровавыми... На стороне белых сражались хорошо подготовленные и отлично вооруженные части казаков и офицеров. Командование красных не всегда оказывалось на уровне поставленных задач. Л. Троцкий часто ревниво относился к успехам русских героев, делая всё возможное для их дискредитации. О том, какие трудности приходилось испытывать бойцам, говорит и донесение Фурманова. Тот сообщал Реввоенсовету 4-й армии: «Объезжая цепи в течение последних дней, вижу невероятно трудное положение красноармейцев. Нет белья, лежат в окопах нагие, сжигаемые солнцем, разъедаемые вшами. Молча идут в бой, умирают как герои, даже некого выделить для наград. Все одинаково честны и беззаветно храбры. Нет обуви, ноги в крови, но молчат. Нет табаку, курят сушёный навоз и траву. Молчат. Но даже молчанию героев может наступить конец. О благороднейших героях мы заботимся не по-геройски. Мы, несомненно, неправы перед ними. Сердце рвётся, глядя на их молчаливое терпение. Не допустим же до разложения одну из самых крепких твердынь Революции. Разуйте и разденьте кого хотите. Пришлите материал, мы сошьём сами, только дайте теперь что-нибудь». Словам комиссара гневно вторит Чапаев: «Такой участок для одной бригады охранять невозможно. Распылённая по одной роте, она не в силах ох-

ранять данный участок. Части могут быть легко разбиты противником, а поддержка ниоткуда не придёт... Я нахожусь в совершенном неведении, что за задачи 25-й дивизии? Боевой задачи нет никакой. Отдыху тоже нет. Таким образом, дивизия доводится до разложения... Все войска... на протяжении 250 верст лежат в цепи под палящим солнцем и более двух месяцев не мыты в бане. Некоторых паразиты заели. Если не будет дано никакого распоряжения, я слагаю с себя обязанности начдива, мотивируя нераспорядительностью высшего командного состава, передачей некоторых частей в другие армии...» В войсках отсутствие патронов. Фрунзе далеко, и узнал о тяжелейшем положении товарища Чапаева и его войск позже. Всё это очень походило на измену штабных работников (не случайно все они затем сдались белым).

Штаб дивизии Чапаева был направлен от Уральска в сторону Каспийского моря, по тракту на Лбищенск, где и разыгралась

Чапаев, Фурманов, Исаев (Петька)

Чапаев (справа)

трагедия. Лбищенск — не город, а село. Тут разместился штаб, включая его учреждения. В разных местах охрану несли: комендантская команда (60—80 бойцов) и дивизионная школа курсантов (200 человек). Казалось, данные конной разведки, полеты авиаотряда не обнаружили никакой угрозы. На самом же деле противник большими силами конницы уже подходил к Лбищенску... Далее события развивались стремительно. Перед рассветом белые подошли к селению с трёх сторон, с четвёртой же его ограждала река Урал. Разведка врага перерезала телефонные и телеграфные линии связи красных. Часть местных казаков пробралась в тыл красным, чтобы сеять панику и смерть в их рядах. В атаку были брошены большие массы конницы. Белые быстро прорвались в станицу. Сил у красных вести организованную оборону фактически не было. Те бились группами и в одиночку на улицах и во дворах. В плен никто не сдавался: знали, что там их ждёт мучительная смерть. Наибольшее сопротивление в центре селения оказали белым Чапаев с его бойцами и курсанты.

Немало врагов осталось лежать в пыли на улицах станицы. С рассветом белые пустили в ход артиллерию. Тогда остатки раз-

розненных групп красных стали пробиваться к реке Урал. Но казаки расставили на берегу пулеметы, отрезав пути отхода, расстреливая всех, кто попытался переплыть реку и достичь другого берега. Горстка красных курсантов сражалась на смерть. Они погибли все без исключения — во главе с начальником школы П.Ф. Чековым, его сыном, помощником комиссара дивизии И.А. Крайнюковым, зав. политотделом Д. Суворовым и др. На месте белыми был зарублен комиссар дивизии П.С. Батурин. Были тяжело ранены начальник штаба Н.М. Новиков и В.И. Чапаев. Когда положение красных стало полностью безнадежным, группа телеграфистов во главе с порученцем штаба П.С. Исаевым (это и есть знаменитый «Петька» из фильма «Чапаев») пыталась спасти истекающего кровью Василия Ивановича, переправив его через Урал. Точно не известны последние минуты легендарного комдива, но всё говорит о том, что он сгинул в бурных водах уральской реки. Новый комиссар 25-й дивизии Сысойкин докладывал в Реввоенсовет IV армии, уже после занятия Лбищенска красными (7 сентября 1919 г.): «На берегу Урала трупов было много, товарища Чапаева не было. Он был убит на середине Урала и утонул на дно. Политические сотрудники в большинстве расстреляны». Белые по захваченным документам штаба отобрали командиров и коммунистов (почти 400 человек) и расстреляли на берегу Урала. Так погиб легендарный герой Гражданской войны — В.И. Чапаев. Правнучка Чапаева, правда, полагает, что бойцы всё же переправили своего командира на другой берег реки Урал, где и захоронили. Однако со временем река сменила русло и эта часть берега с могилой оказалась затоплена.

Сегодня, когда интерес к истории, в том числе и к событиям Гражданской войны возвращается, делаются попытки реконструировать события тех лет и даже тех дней... Пишут и говорят о конфликте между Чапаевым и Фурмановым, комиссаром дивизии. Жена Фурманова А.Н. Стешенко была красивой женщиной и Чапаев в неё влюбился. «Голубая Ная» (так её называли неофициально) создала в дивизии театр, на представлениях которого присутствовали все, включая командира. Муж Фурманов дико ревновал... Сохранились сведения, где Фурманов

Кадр из фильма «Чапаев»

угрожает Чапаеву «раскрыть его гнусную игру», показав письма с любовными признаниями. В ответ Чапаев не стеснялся в выражениях, называя Фурманова «идиотом, с которым невозможно работать» и говоря, что тому впору «быть не комиссаром, а кучером». Мирить их приезжал сам Фрунзе.

Трудно сказать, как сложилась бы судьба Чапаева, выживи он. Это был «человек-потоп», человек-вулкан и он, конечно, плохо вписывался в создававшуюся систему сначала троцкистской, а затем сталинской власти. Но он живёт в памяти людей. Чапаев и по сей день сохраняется в жизни народа, как память, как правда, как песня! Жив в памяти и неувядаемый образ Анки-пулеметчицы (Поповой). То была душа дивизии, женщина редкого мужества, разведчица, прожившая героическую, яркую и долгую жизнь. Ординарец Петька имел также прототип, а реальный Чапаев был жёстче, талантливее, умнее, чем это показано в кино. Замечу, что картина воспитала не одно поколение советских людей. Маршал В.К. Блюхер вспоминал: «Надо признать, что эта картина производит очень сильное впечатление на нашу молодёжь. У меня есть сын 12 лет. Как-то раз я пришел домой рано, примерно в 10—11 часов ночи. Смотрю, парень несётся по квартире. Я его спросил: «Что с тобой?» На это он мне ответил: «Папа, ты видел “Чапаева”? Сходи посмотри». В течение шести месяцев он живёт и находится под впечатлением этой картины». В чём сек-

рет его небывалой популярности? Секрет в том, что Чапаев из породы победителей. Он отважен и смел, каким и должен быть настоящий русский герой. Уже с первых своих шагов он поступает как лидер и вождь народа. Заметим, что вопреки декрету Совнаркома, отменившему право личного состава выбирать командира, Чапаев был избран начальником Николаевской дивизии... Штаб шлёт гневную телеграмму политкомиссару дивизии Семеникову о том, что Чапаев начальником дивизии не признаётся, так как «не имеет соответствующей технической подготовки, заражён манией самовластия, боевых приказов не выполняет в точности». Коман-

дарм-4 возмущён. Он решает покончить с этим неудобным Чапаевым путём постановки невыполнимой задачи: разгромить армию Самарской «учредилки». Та превосходит чапаевскую дивизию в три раза. Расчёт понятен и коварен. Чапаев не выполнит приказа, ибо это физически невозможно. Вероятно, его соединение, сам он перестанут существовать. Но Чапаев военную операцию провёл блестяще. Сражение закончилось полной его победой. Противник потерял 300 убитыми и 800 ранеными (5 убитых и 4 раненых среди чапаевцев). Имя стало легендой. В 1937—1939 гг., например, в испанской республиканской армии сформирован интернациональный батальон им. Чапаева, геройски сражавшийся с фашистскими мятежниками. В этом батальоне сложат песню: «Франко и Гитлер, погибель вас ждёт,/ Здесь мы — Испании верный оплот!/ Сын ведь Чапаева — каждый из нас!». А во время Великой Отечественной войны Чапаев «воевал с фашистами». Люди рассказывали, что якобы видели его на разных фронтах. В самых жарких боях национальный герой появлялся в рядах советских войск и помогал солдатам в бою с немцами. А может быть и наше поколение, как знать, ждёт часа, чтобы новый герой возглавил неудержимый порыв солдат революционного правительства!

Среди героев Гражданской войны было широко известно имя Блюхера... Вот что о нём сообщают наши энциклопедии. Блюхер

Герой Гражданской войны В.К. Блюхер

Василий Константинович (1889—1938) был сыном крестьянина. Работал слесарем на Мытищинском заводе, где в 1910 г. арестован за призывы к забастовке и приговорен к 3 годам тюрьмы. В 1914 г. был призван в армию, где стал унтер-офицером, но в 1915 г. демобилизован по ранению. Работал на механических заводах в Нижнем Новгороде и Казани. В 1916 г. вступил в РСДРП(б). Затем возвращается в ряды армии. «С большим трудом и только благодаря наличию георгиевских крестов и медалей, — говорил он впоследствии — мне удалось попасть добровольцем в 102-й запасный полк». В феврале 1917 г. по поручению ЦК вернулся в армию и избран председателем полкового комитета в Самаре. С октября 1917 г. член Военно-революционного комитета (ВРК) Самары. В ноябре 1917 г. Блюхер во главе экспедиционного отряда направлен в помощь рабочим Челябинска, где избран председателем ВРК и нач. штаба Красной гвардии. С марта 1918 командовал Восточным отрядом, действовавшим против белой Оренбургской ар-

мии. С июля 1918 г. зам., а затем и командующий партизанской Уральской армией. В тяжелых условиях совершил 1500-километровый рейд от Оренбурга к Уралу. За это Блюхер стал первым кавалером ордена Красного Знамени (1918). Затем командовал дивизиями, был зам. командующего армией, нач. укрепленного района. В окт.—нояб. 1920 командовал Перекопской ударной группировкой, которая при штурме Перекопа в Крыму понесла огромные потери, но смогла взять считавшиеся неприступными позиции. За это Блюхер был награжден 3-м орденом Красного Знамени (1921; 2-й орден он получил немного раньше в том же году). За бои у Каховки в авг.—окт. 1920 г. Блюхер получил 4-й орден. В июне 1921 — июле 1922 г. военный министр и командующий Народно-революционной армией марионеточной Дальневосточной республики. В февр. 1920 г. взял Волочаевку, фактически завершив разгром белых армий на Дальнем Востоке. Легендарный герой Гражданской войны. Бесспорно, это был одаренный командир. Командир новой формации. «Первое, что поражало меня в этом человеке, — писал близко знавший полководца по совместной работе Я. Покус, — это его трудолюбие». Интересна характеристика Блюхера как военачальника, данная ему Реввоенсоветом 3-й армии в октябре 1918 г. по случаю представления к правительственной награде за легендарный поход Сводного южноуральского партизанского отряда. Реввоенсовет отмечал, что проявились исключительные боевые качества полководца — железная сила воли, военный талант, организаторские способности и личное обаяние. В годы гражданской войны он упорно и настойчиво учился как на своем собственном опыте, так и на опыте других, с уважением относился к старым, военным специалистам, внимательно прислушивался к их советам. Исключительное внимание

Штурм Перекопа

уделял В.К. Блюхер и военно-научной работе. В июне 1922 г. по его инициативе было принято решение создать при штабе НРА двухнедельный военно-теоретический журнал «Военная наука и революция». В положении о журнале, написанном Блюхером как Главкомом, говорилось, что журнал создаётся для повышения кругозора командного состава, призван разбудить дремлющую мысль комсостава и побудить его к творческой самостоятельности и самоусовершенствованию (Н. Копылов).

По окончании Гражданской войны он командовал 1-м корпусом, был нач. Ленинградского укрепленного района, состоял для особых поручений при Реввоенсовете СССР. В августе 1924 г. Советское правительство направляет В.К. Блюхера, по просьбе великого китайского революционера Сун Ят-сена, в Китай главным военным советником Кантонского революционного правительства. Вместе с ним военными советниками едет в Китай и целая группа опытных командиров Красной Армии. В 1924—1927 гг. они фактически руководят созданием регулярной китайской социалистической армии. В 1929—1938 гг. Блюхер командующий отдельной Краснознамённой Дальневосточной армией. В дни конфликта на КВЖД та и дала отпор белокитайским бандитам. В 1928 г. он награжден 5-м орденом Красного Знамени. По своей должности и влиянию, которое Блюхер имел в регионе, он был военным диктатором советского Дальнего Востока. С 1934 член ЦК ВКП(б). Маршал Советского Союза (1935). В 1936—38 гг. в подведомственных ему частях прошло несколько волн кровавых чисток, выбивших большую часть кадрового состава Дальневосточной армии. Блюхер этому почти не препятствовал. Был председателем военного трибунала, который осудил к смертной казни группу высокопоставленных военных РККА во главе с Тухачевским. В июле—августе 1938 г. осуществлял общее руководство военными действиями против японской армии в районе озера Хасан. Операция была в целом неудачной, хотя японцы и были вытеснены фронтальным наступлением с сопок. Однако при этом советские вой-

ска потеряли более 2,5 тыс. человек против менее чем 1,5 японцев. Эта неудача стала одной из причин отстранения Блюхера в августе 1938 г. от командования Дальневосточной армией. Вскоре арестован. В тюрьме к нему применялись пытки, избиения. Умер во время следствия. В 1956 г. был реабилитирован.

Неисчислимы подвиги красных героев... Нет оратории, что должна была бы быть написана в честь штурма «Белого Вердена», как называли укрепления белых на Перекопе в Крыму. Когда-то крымские ханы воздвигли тут гигантский Турецкий вал. Белые усилили вал длиной 11 км, высотой 8 м глубоким 10-метровым рвом шириной 20 м. По всей длине возвели долговременные сооружения с тремя линиями проволочных заграждений. Тут были убежища и бойницы с густой сетью ходов сообщений. Вся систему поддерживали огнем 400 пулемётов и артиллерия. С запад Перекоп прикрывал огонь кораблей, с востока — Сивашский залив. На вооружении белых были орудия, танки, бронемшины, самолёты, прожектора. Осмотрев позиции, Врангель заявил: «Много сделано, многое предстоит сделать, но Крым ныне уже для врага неприступен». Украинец О. Гончар, отмеченный Шолоховым, в романе «Перекоп» так представил картину штурма белых укреплений в Крыму: «Весть о том, что колонны коммунистов, перебравшись ночью через Сиваш, прорвали береговые укрепления Литовского полуострова, вызвала переполох в белых штабах... Чтобы ликвидировать прорыв, Врангель вынужден был повернуть лицом к полуострову две дивизии из-под Перекопа, бросить сюда лучшие свои резервы. Жерла орудий с перекопских позиций тоже

Красные герои идут через Сиваш на штурм укреплений Перекопа

были повернуты на Сиваш. Красные полки, двинувшиеся вслед штурмовым колоннам, могли уже идти по открытому дну только перебежками, глохли от адского грохота тяжёлых снарядов, что и рвались по всему Сивашу, вскидывая к небу огромные столбы грязи. Вряд ли кто знал и когда-нибудь узнает, сколько их, безымянных героев, в эти часы штурма вместе с артиллерией, лошадьми, вместе с винтовками и пулемётами навеки погрузилось в бездонные трясины Сиваша.... Никакая сила не остановит их в этом последнем штурме. Кажется, что со всего света собрались такие же, как он, гонимые и бесправные в прошлом, а теперь готовые на все ради новой жизни, сибиряки, ивановские ткачи. Красные латыши, которых революция привела сюда от берегов Балтики. Китаец, побратавшийся с такими же, как он, бедняками Полтавщины. Это все люди, которым не было жизни. Не потому, что они её не любили, а потому, что им не давали жить. Терпели долго, но осточертело наконец, и вот теперь поднялись, чтобы добыть всё, что принадлежит человеку по праву, и никакая сила не остановит их на этом пути... Везде в отряпых народ. Полубосых видел, обмороженных, посинев-

Н.А. Островский

ших от холода... И все-таки, несмотря на это, не слышат нигде ни одной жалобы... Положение тяжёлое. Противник насаждает. Потери огромны. В штурмовых колоннах погибло больше половины состава... Не хватает патронов, нет даже пресной воды для питья. Ни патронных повозок, ни кухонь переправить на полуостров не удалось: всё вязнет в болоте... Часами стоят на ветру в ледяной воде... телеграфисты, растянувшись цепочкой через покрытый водой Сиваш, держа в оковенелых руках нитку провода... Фрунзе вернулся в штаб. — Полки Пятьдесят первой и Огневая ударная группа, — докладывали ему с Перекопа, — под ураганным огнём противника, неся огромные потери, одолели все семнадцать рядов проволочных заграждений и даже прорвались в отдельных местах на Вал. Однако закрепиться не успели. Сплошным пулемётным огнём, бешеной контратакой свежих офицерских частей были снова отброшены назад. Залегли перед Валом. Сто пятьдесят вторая бригада погибла почти вся. Большинство командиров и политработников, которые, встав в цепь, вели атакующих, пали смертью героев... Идти на третий штурм!.. Даёшь Вал! Освещённая, как днём, степь бурлит лавами наступающих. Всё вокруг клокочет и ревёт. Волна за волной идут за броневиками, поблескивают штыки — сколько видит глаз, сколько выхватит из темноты в степном просторе луч прожек-

В. Лановой — Павка Корчагин

тора. Передние уже достигли Вала, уже где-то там слышен их иступлённый крик: «Даёшь!» И видно, как сверху потоком льётся на них огонь. Внезапно из земли, точно из kloкочущих недр её, вырывается пламя, камни, — это первые атакующие напоролись на заложенные в землю перед Валом фугасы. Бегут бойцы. Скрежещут ножницы...» Ничто и никто не могли остановить этих славных героев-красноармейцев!

«Тяжело дыша, бойцы лихорадочно режут проволоку, пробивают проходы... Вспышки ракет на миг выхватывают из мрака тысячи путающихся в проволоке, ожесточённо работающих людей, которые рубят её лопатами, рвут штыками, готовы зубами грызть... Сплошным рёвом бушует темь, стоны, предсмертные крики прорезает неутихающее «вперёд!»... Ещё из глубины степи катятся и катятся освещённые прожекторами волны атакующих, еще все поле перед Валом пылает огнем, кричит живой болью повисших на проволоке, а сверху, точно с темного неба, уже звучит, передается по фронту: «Ударники на Валу!.. Ворота в Крым распахнуты... На Перекопском валу поднят красный флаг...» Известие о падении Перекопа потрясло весь мир. Неприступный белый Верден, который, как рассчитывали, может держаться годы, пал в течение трёх дней... Дальнейшие события развернутся с головокружительной быстротой. В последующие дни тридцатая Иркутская дивизия прорвёт Чонгарские укрепления, враг будет выбит с Юшуньских позиций, в прорыв пойдут героические полки Первой Конной, иные соединения красной кавалерии, которые погонят по крымским дорогам отступающие к южным портам врангелевские полчища». На штурм Перекопа отчаянные красные бойцы шли с кличем: «Даёшь Крым!» Именно тут проявился небывалый героизм бойцов ударной группы В.К. Блюхера, огромный талант прекрасного инженера, талантливейшего специалиста Д.М. Карбышева. Пришвин в дневнике: «Гладиаторы русской коммуны», «честные военные, носившие в себе идею отечества». «Каждый порядочный человек на Руси был гладиатором» (1920). Красные гладиаторы!

Сколько поколений советских людей выросло на примере Павки Корчагина... И как выросло!!! Николай Островский

(1904—1936) создал неувядаемый образ бойца и коммуниста в романе «Как закалялась сталь», запечатлев в нём поколение бойцов-победителей. В самые трудные минуты многие обращались к герою, как к самому дорогому другу: «Павел, братишка!» Отзывы читателей красноречивее слов: «Какое счастье, что у нас есть Павка Корчагин!» «И если удалось за прожитую жизнь сделать для Родины хоть что-то полезное, спасибо тебе, Николай Островский, любимый писатель, друг, человек». Первый космонавт Юрий Гагарин писал: «Таких людей — народ не забывает. Жизнь Николая Островского всегда будет ярким маяком для нашей молодёжи». Увы, сегодня наша молодёжь, попавшая в циничные руки тупой бездарной буржуазии, даже не знает его имени. Умирал Островский тяжело... Но тяжелее видеть, как гибнет дух великой страны!

Потеряв такого героя, мы теряем Россию... Когда смотришь на толпы бандитов и воров, чувствующих себя в России, как в своей вотчине, на недоумков, прожигающих жизнь в наркотическо-водочном дурмане, на отморожков, громящих кладбища и церкви, убивающих за цвет кожи, разрез глаз, форму носа, на «умных» капиталистов, возводящих дворцы-поганки у нас и за рубежом, на воров-миллиардеров, охотно банкротящих заводы (в угоду за границе), на лесных, морских и авиационных бандитов, на политиков, предающих Россию везде, где только можно, на продажных чиновников, слуг закона, которым давно пора болтаться на виселице или стать к стенке, хочется «дернуть шашку из ножен!» Воззвав к памяти красных бойцов, бросить лавины конных армий, бойцов-десантников на штурм новых цитаделей порока, предательства, обмана масс, — на воров, циников, убийц!

Но и сегодня лучшие сыны Отечества верны клятве, храня в сердце девиз Н. Островского: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества». Только для нас важнее не отвлечённое «человечество», а близкая нам, безмерно дорога Россия! Мы рады,

что празднуют юбилей великого сына народа. Как нам не достаёт самоотверженных, сражающихся за честь России героев и воинов духа!!! Тех, кто может быть ценой своей жизни, но вернут украденную у нас свободу! За неё надо бороться, ей надо учить, как азбуке. Свободу народа добудем в бою!

Подумайте только, шут и паяц Хрущёв отдал наш Крым, добытый кровью народов России, — Украине?! О. Куусинен объяснял: «Товарищи! Только в нашей стране возможно, чтобы такой великий народ, как русский народ, без всяких колебаний великодушно передал другому братскому народу одну из ценных областей. Только в нашей стране возможно, когда такие важнейшие вопросы, как территориальное перемещение отдельных областей в состав той или иной республики, разрешаются без всяких затруднений, с полной согласованностью, руководствуясь исключительно соображениями целесообразности, экономического и культурного развития, руководствуясь общими интересами советского государства и интересами дальнейшего укрепления дружбы и доверия между народами». Сегодня многие задаются вопросом: почему Россия должна «дарить» русский Крым чужой стране! Не отдали Крым евреям, к чему всячески побуждали нас Троцкий и К, а затем и США с Англией после Второй мировой войны. Но тогда мы имели во главе страны Сталина, которому не очень-то вывернешь руки. Русское население Крыма и Севастополя в руках жовто-блакитных оккупантов, а те преследуют русских. В месяцы «незалежности» В. Вернадский, президент академии наук Украины, писал, что на Украине для русских создаётся невозможное положение. Хотя в дневниках он отмечал: наблюдается общее повсеместное сопротивление политике правительства Скоропадского. «Сейчас в Полтаве очень тревожное чувство в связи с начинающейся насильственной украинизацией... Небольшая кучка людей проводит, и (к ним у народа) начинается отношение такое же, как к большевикам»; «Любопытно отношение к украинскому вопросу творческих сил в Полтаве — отрицательное»; «Палиенко рассказывает, что в Харькове резкое движение против украинцев, не сравнимое с Киевом»; «Крым не хочет «воссоединяться» с Украиной. Рассказывали, что в Крыму официаль-

ный язык — русский, допускаются немецкий и татарский. Пропущен украинский». И вот история повторяется после предательства 1991 г. Нынче Украиной и Киевом заправляют враги русского и украинского народов, ненавистники славян! Задача народа — убрать предателей! И новые павки корчагины пойдут в атаку, с яростным кличем восставших за свободу народов — «Даёшь Крым!», «Даёшь Киев!», «Даёшь Севастополь!». Никакому НАТО мы их не отдадим — тут наш Сталинград и Поле Куликово! Мы вернулись домой, в Севастополь родной, а в Одессу вошел наш десантный батальон! Предателей-авантюристов казнят под восторженный гул трудового народа!

Их немало, героев и мучеников великой битвы за счастье трудового народа... Одним из них был и В.М. Примаков... Родился он в 1897 г. в селе Семёновка, что на Черниговщине. В жилах его текла кровь далёких предков-казаков, известных подвигами и похождениями. Сын сельского учителя, Виталий с 8 лет уже ловко сидел в седле и научился метко стрелять. За свою военную

Памятник кораблям в Севастополе

выправку, удал и ловкость друзья нарекли его «печенегом». Поступив в 1909 г. учиться в Черниговскую гимназию, там он познакомился с известной семьёй Коцюбинских. И вскоре дочь писателя Оксана становится его подругой. Юношу вдохновляют идеи борьбы за счастье народа. В то время, пожалуй, как и ныне, перед сынами Украины лежал непростой выбор. Можно было следовать двумя, даже тремя путями: или выступать за полную независимость Украины от России, бороться за единую Россию в рядах Белого воинства или примкнуть к революционерам, борцам против самодержавия. Примаков выбрал третий путь, примкнув к революционному кружку (1913). Правда, большая часть членов кружка — не украинцы (Туровский, Зюка, Шаевич, Шафрановый, Муринсон, Шильман, др.).

К 16 годам Примаков стал большевиком. В 1915 г. царские власти его арестовали, приговорив к вечному поселению в Сибирь. Там он окончательно связал судьбу с большевиками. После освобождения в феврале 1917 г. ведёт агитацию среди солдат 13 запасного полка в Чернигове. Солдаты делегируют В.М. Примакова в Петроград на II Всероссийский Съезд Советов. В дни Октябрьской революции он был среди участников захвата Зимнего дворца, его даже избрали в руководящие органы Съезда Советов. Сражается он с частями генерала Краснова у Пулковских высот, затем возвращается на Украину, где принял участие в историческом съезде в красном Харькове. Там собрался Всеукраинский Съезд Советов, восстановивший Советскую власть на Украине. Республика вошла как федеративная единица в Российскую республику. После провозглашения Советской власти на Украине, Примаков организовал на Украине первый полк украинского Червонного Казачества. Полк этот героически проявил себя в боях за Советскую власть под Полтавой, против войск «незалежной» Центральной Рады. Дальше путь лежал на Киев, который и был взят. Главнокомандующий войсками Украинской советской республики Коцюбинский особо отмечал мужество, проявленное при взятии Киева казаками В. Примакова. Заметим, что в дни кровавых схваток за Киев воины Примакова и Коцюбинского не были замечены в жестокостях, расправах над украинцами, пусть и из про-

Комкор В.М. Примаков, 1935 г.

тивоположного лагеря (в отличие от действий Муравьёва или Антонова-Овсеевко). В годы Гражданской войны слава В.М. Примакова как талантливого командира красных кавалеристов, непревзойдённого мастера кавалерийских рейдов, росла и крепла... И красные казаки Примакова били врагов одного за другим — полки немецко-австрийских оккупантов, войска Директории, части Деникина, Врангеля, польское буржуазно-помещичье воинство, банды атаманов Тютюнника, Палия и прочих петлюровцев. В самые тяжёлые дни испытаний для Советской власти, когда Деникин повёл наступление на Москву и уже было приближался к столице, Ленин требует бросить против деникинцев самые отборные части красных. И тогда командующий Украинским фронтом В. Антонов-Овсеевко докладывает Ленину: «Мы послали против Деникина нашу лучшую боевую единицу — полк Красных казаков Примакова». Именно эта ударная группа красных, куда вошли дивизия латышей, бригада Павлова и кавалерия Примакова, остановила белых под Орлом.

Латыши в ноябре 1919 г. прорвали фронт белых войск и в прорыв устремилась конница Примакова. Член Реввоенсовета 14 армии Г. Орджоникидзе, докладывая вождо осенью 1919 г. про разгром деникинцев в районе Орла, писал: «Красные казаки действуют вне всяческих похвал». Славой Украины стали не гайдамацкие сотни Петлюры, а конники Примакова, кавалерия трудового народа, грозные полки червонного казачества. Виталия Примакова называли первой саблей Украины. Слепые лирики называли его «железным рыцарем». Слава о его подвигах вышла даже за границы России. Говорят, в ставке турецкого руководителя Кемаля Ататюрка командарм Фрунзе однажды рассказал туркам о рейдах талантливому кавалериста. И турки стали учиться на опыте Будённого и Примакова. За мужественные и эффективные действия червонных казаков их командир В.М. Примаков был трижды награжден орденом Красного Знамени, получив в награду и ценный подарок от руководства РВС — золотой портсигар. На одной стороне этого портсигара стояла собственноручная роспись Николая II, а на другой — подпись главы Реввоенсовета 14-й армии: «Наипервейшему из командиров рейдов красной конницы тов. Примакову, от Реввоенсовета 14-й армии». Самым большим подарком народу был отбитый у белых его конниками вагон с мукой (сей бесценный подарок они направят голодающим рабочим Москвы).

После окончания войны Примаков командовал 1-м кавалерийским корпусом Красного казачества, принимал участие в масштабных маневрах 1921 г. под командованием М. Фрунзе. В этих самых масштабных кавалерийских учениях приняли участие 1-й и 2-й конные корпуса под командованием В. Примакова и Г. Котовского. Окончив Высшие командирские курсы, Примаков преподавал в Высшей кавалерийской школе в Ленинграде в 1924 г. Окончивший курсы школы Г.К. Жуков вспоминал, что все, кто слушал его лекции, были твердо убеждены, что с такими выдающимися способностями он станет «во-

еначальником огромного масштаба». В 1926 г. он — советник маршала Фэн Юйсяна в Китае, носивший тогда имя «товарищ Лин». Захватил он белого атамана Б.В. Анненкова и начальника штаба генерала Н.А. Денисова. Одним из эпизодов яркой и богатой событиями жизни В.М. Примакова стал его поход в Афганистан. 5 апреля 1929 г. советско-афганскую границу пересёк странный на вид отряд в 2000 всадников, одетых в афганскую военную форму. Отряд говорил на русском, был отлично вооружен и экипирован, имел запас провианта. Переправившись через полноводную Амударью, тот вступил на афганскую территорию. Переправа отряда произошла почти в том же самом месте, в районе таджикского города Термез, где полвека спустя советские сапёры наведут наплавной мост для войск 40-й армии, вступавших в ДРА, чтобы стать «ограниченным контингентом». Как пишет автор статьи А.В. Пронин, отряд имел 4 горных орудия, мощную радиостанцию, 12 станковых и 12 ручных пулеметов. Командовал отрядом человек, называвшийся «турецким офицером Рагиб-беем». На самом деле тем российско-афганским Лоуренсом был никто иной как герой Гражданской войны, известный атаман Червонного казачества Виталий Маркович Примаков, занимавший пост советского военного атташе в Афганистане с 1927 г. Начальником штаба отряда являлся афганский кадровый офицер Гулам Хайдар (вместе с ним в отряде находились еще несколько офицеров афганской армии). И Рагиб-бей, и все остальные формально подчинялись послу Афганистана в СССР, генералу

Отряд по борьбе с басмачами

Гуламу Наби-хану Чархи. Он должен был возглавить сверхсекретную операцию, которая призвана была сыграть важную роль в судьбе Афганистана. В 1929 г. Чархи вместе с министром иностранных дел Афганистана Гуламом Сидик-ханом имел важную и конфиденциальную встречу с Генсеком ЦК ВКП(б) И. Сталиным. Видимо, речь шла на ней о политической ситуации в Афганистане и мерах, которые могло предпринять советское руководство для оказания помощи законному правительству свергнутого Амануллы-хана (советско-афганский договор 1921 г. о дружбе). Командирский и полководческий талант В.М. Примакова проявился и тут... Хотя ситуация после взятия Мазари-Шарифа складывалась далеко не лучшим образом. Дела у Примакова осложнились... Поддержки населения, обещанной в Москве, не было. Напротив, местные мульты призывали к джихаду, и сопротивление росло. Примаков просит о поддержке, но посланные подкрепления пробиться к нему не смогли и ушли за Амударью в Союз. Тогда «Витмар-бек» решает пойти ва-банк и просит силы для контрнаступления на Балх и Дейдади. «Живой силы для этого нет. Необходима техника. Вопрос был бы решен, если бы я получил 200 газовых гранат (иприт, 200 хлоровых мало) к орудиям. Кроме того, отряд надо сделать более маневроспособным...» Помощь ему была оказана. Используя химические боеприпасы, при поддержке авиаударов, Примаков отбросил войска афганцев от Мазари-Шарифа и прорвался к Дейдади, взяв его штурмом. Отряд Примакова выходит к Балху и берёт его штурмом, через пару дней им был захвачен Ташкурган (В. Анисимов). В 1925-м комкор (должность в РККА, существовавшая до присвоения персональных воинских званий и соответствующая званию генерал-полковника) Примаков отправился в Китай, где стал одним из ведущих военных специалистов социалистического Гоминьдана, боровшегося с местными капиталистами и феодалами. Попутно Виталий Маркович и его товарищи по Червонному казачеству захватили и вывезли из Китая белогвардейского атамана Анненкова — грозного противника красных в период Гражданской войны. После Китая была длительная командировка в Афганистан, за которую Виталий Примаков получил третий орден

Красного Знамени. В 1931-м вместе с большой группой советских военачальников ездил на учёбу в Германию, а после был назначен советским военным атташе в Японии. В 1934 г. после возвращения в Советский Союз, комкор Примаков занял должность инспектора кавалерии РККА, а затем — заместителя командующего Ленинградским военным округом. В Ленинграде его и арестовали — 14 августа 1936 г., задолго до начала массовой волны сталинских репрессий. Причиной ареста, как считают иные, стали имевшие место симпатии Примакова к изгнанному из СССР Троцкому.

Такая точка зрения имеет хождение среди историков... Один из исследователей писал: «Осенью 1919 года Троцкий, по достоинству оценивший возможности Первой конной армии, на вождей которой Будёного и Ворошилова решил опереться Сталин в грядущей политической борьбе, решил организовать подобное соединение и для себя. Его выбор пал на Первую конную бригаду червонного казачества, командующим и одновременно военкомом которой был (назначен) лично преданный Троцко-

П. Соколов-Скаля. Гибель начдива

му В. Примаков. В ноябре 1919 года одновременно с приказом РВСР об учреждении Первой конной Троцкий преобразует примаковскую бригаду сначала в кавдивизию, а потом в октябре 1920 — в Первый конный корпус червонного казачества. Таким образом, Примаков — это как бы Будённый Троцкого, а Тухачевский — (это) его Ворошилов! Ставку на «своих» делали тогда все.

Подлинная история этих взаимоотношений сокрыта во мраке истории. Имеющиеся версии исключают друг друга, или быть может дополняют? Во всяком случае В.М. Примаков, как некоторые другие фигуры, против которых будут выдвинуты обвинения в ходе процесса 1937 г., фигура бесспорно героическая и трагическая. В отношении его верны слова ветерана червонного казачества, генерал-майора юстиции Б.И. Алексеева (он был сподвижником Примакова): «Одна из наиболее трагических фигур этого процесса — комкор Примаков В.М., единственный из всех осуждённых — большевик с дореволюционным стажем, делегат 2-го съезда Советов, создатель первого соединения регулярной конницы в Красной Армии, над дивизиями которого шефствовали компартии Франции и Германии, создатель тактики подвижных соединений, нашедшей такое применение в годы Великой Отечественной войны, автор многих книг и военно-теоретических работ... Он был арестован в 1936 г. — почти за год до казни и, несмотря на пытки, не сломался, не дал «нужных» показаний(?!). Как все арестованные, он сначала верил в то, что это ошибка, недоразумение, однако, когда его начал допрашивать сам Н.И. Ежов, нарком внутренних дел, человек, приближённый к Сталину, Примакову стало ясно, что это — не ошибка. «Он — один из участников процесса — понял страшную истину: Сталин начал истребление Красной Армии». И поэтому он не клялся в последнем слове в верности Сталину, в верности партии, Красной Армии. Сталина он презирал и ненавидел, а партию и Красную Армию нужно было предупредить — дать хоть какой-нибудь знак перед смертью. И он это сделал в своей последней, предсмертной речи. Он исполнил обещание, данное Ежову и следователю и, уже уходя с суда, сказал своим судьям, товарищам по службе в родной Красной Армии: «Неужели вы не по-

К.Е. Ворошилов

нимаете, что происходит? Сегодня вы судите нас, а завтра так же будут судить вас!» Слова стали пророческими: многие судьи и палачи и сами вскоре падают под ножом тирана. Автор рисует упрощённый взгляд на те события...

Возможно, более неоднозначной, хотя и значимой представляется роль К.Е. Ворошилова в Гражданской войне... Климент Ефремович Ворошилов (1881—1969) родился в селе Верхнем, Екатеринославской губернии в бедняцкой семье. Он довольно рано потерял отца и мать, умершую в 1919 г. от тифа. «С раннего детства, — писал Ворошилов, — пришлось познакомиться с самой горькой нуждой. В один из периодов безработицы отца ходил с сестрой «по миру» просить хлеба. С 6—7 лет пошел на работу выбирать колчедан на шахтах, за что получал по 10 копеек в день». Он писал в автобиографии: «Учился две зимы и успешно окончил весь «курс наук». Член партии с 1903 г. Участник трех революций и Гражданской войны. С 1918 г. он член Реввоенсоветов ряда армий и фронтов, командовал армией. В 1921 г. он был назначен командующим Северо-Кавказским военным округом. С 1925 г. — нарком по военным и морским делам и председатель РВС СССР. В речи на XVI съезде ВКП(б) (2 июля 1930 г.) Ворошилов говорил: «Начальствующий состав, т.е. командный и политический состав Красной армии, это — основное звено в системе наших вооруженных сил, это — цемент, скрепляющий все их составные части, это — та организующая сила, ко-

торая определяет и регулирует политикоморальное и боевое состояние Красной армии в соответствии с происходящими в стране и вне её социально-политическими процессами. Так вот это звено, о котором троцкисты говорили, что оно перерождается, «формируется из старых офицеров и кулацких элементов крестьянства», в социальном отношении представляет собой вполне надежную революционную силу. Так, рабочая прослойка в нём составляет 30% (без политсостава, где рабочая прослойка доходит до 46,7%), а партийная прослойка (без политсостава) составляет 51,1%. Наши военные школы, т.е. те лаборатории, в которых готовятся наши командиры, из года в год улучшают социальный состав своих слушателей. В 1928 г. было принято в военные школы рабочих 51,4 %, в 1929 г. — уже 67,3 % рабочих от станка». С 1940 г. К.Е. Ворошилов — заместитель председателя СНК СССР, председатель Комитета обороны при СНК СССР. В годы Великой Отечественной войны — член Государственного комитета обороны (ГКО). С 1946 г. Ворошилов — зам. Председателя Совмина СССР. В 1953—1956 гг. — председатель Президиума Верховного Совета СССР. В 1921—1961 гг. он был членом ЦК партии, в 1926—1960 гг. — членом Политбюро (Президиума) ЦК КПСС, членом ВЦИК и Президиума ЦИК СССР. Он был в своё время достаточно популярен и любим в армии. Но сегодня всё чаще и охотнее говорят о его недостатках и слабостях. Хотя ранее многие верили в выдающиеся полководческие способности первого красного маршала. О нём даже слагали стихи и пели: «Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин и

первый маршал в бой нас поведёт». Впрочем, нарком и сам любил попеть, и даже брал уроки вокала у дирижера Большого театра Н.С. Голованова, любил оперу. Населенные пункты, заводы, колхозы и горные вершины носили его имя. Лучшие стрелки в Красной армии получали почетные значки «Ворошиловский стрелок». В его честь будет назван и тяжелый советский танк «КВ» (Клим Ворошилов).

Однако в ходе советско-финляндской войны действия Ворошилова вызвали недовольство Сталина — и на пост наркома обороны вместо Ворошилова был назначен маршал С.К. Тимошенко (январь 1940 г.). 11 июля 1941 г. Сталин назначил Ворошилова на должность командующего Северо-Западным направлением, но маршал не смог остановить наступление группы армий «Север». 10 сентября в Ленинград прилетел генерал армии Г.К. Жуков с лаконичной запиской Ворошилову от Сталина: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву». В отрывках из воспоминаний Г.К. Жукова (не вошедших в «годы застоя» в книгу) говорится, что в роли наркома обороны, военачальника Ворошилов был человеком малокомпетентным и в сущности был дилетантом в военных вопросах. «Это был очень посредственный персонаж, — писал Б. Бажаков, — который ещё во время Гражданской войны пристал к Сталину и всегда поддерживал его... Его крайняя ограниченность была в партии общеизвестна... Он был всегда послушным и исполнительным подручным Сталина и служил ещё некоторое время для декорации после сталинской смерти». Думается, что Ворошилов был скорее вынужден принять участие в «Большом терроре» второй половины 1930-х гг., который обрушился на военные кадры Советского государства. Он давал санкции на аресты и расстрелы военнослужащих и подписывал большую часть проскрипционных списков вместе со Сталиным и Ежовым. Никто из видных начальников тогда не мог быть арестован без ведома и согласия наркома обороны. И Ворошилов давал такое согласие. «Главная ответственность за поражения перво-

Один из первых отрядов красных

**И. Сталин и К. Ворошилов на трибуне
Мавзолея 1935 г.**

го периода войны лежит, конечно, на Сталине. Но спрос с Ворошилова также очень велик. Он виноват в том, что допустил избивание военных кадров», — писал Рой Медведев. Так, по подсчётам, сделанным генерал-лейтенантом А.И. Тодорским, предвоенные репрессии вырубili: из пяти маршалов — трёх; из пяти командармов 1-го ранга — трёх; из 10 командармов 2-го ранга — всех; из 57 комкоров — 50; из 186 комдивов — 154; из 16 армейских комиссаров 1-го и 2-го рангов — всех; из 28 корпусных комиссаров — 25; из 64 дивизионных комиссаров — 58; из 456 полковников — 401. Данные А.И. Тодорского комментирует и Г. Куманев. Он пишет: «По архивным сведениям, только с 27 февраля 1937 г. по 12 ноября 1938 г. НКВД получил от Сталина, Молотова, Кагановича санкции на расстрел 38 679 военнослужащих. Если же к этим данным прибавить более трёх тысяч уничтоженных командиров Военно-Морского флота и учесть, что истребление военных кадров имело место и до 27 февраля 1937 г. и после 12 ноября 1938 г., то число безвинно погибших одних лишь военнослужащих командного состава приблизится к 50 тысячам, а общее количество репрессированных в армии и на флоте, несомненно, превысит и это число. К 1941 г. только в сухопутных войсках не хватало по штатам 66 900 командиров. Некомплект в летно-техническом составе ВВС достиг 32,3 %». К примеру, запросы и справки НКВД СССР,

направленные в 1937—1938 гг. на имя Ворошилова о санкционировании арестов и увольнений из армии командного состава РККА за участие в «военно-фашистском заговоре», составляют 60 томов. Сам Ворошилов, выступая в 1938 г. на заседании Военного совета при НКО СССР, так сказал о масштабах и характере репрессий: «Когда в прошлом году (в 1937 г. — В.М.) была раскрыта и судом революции уничтожена группа презренных изменников нашей Родины и РККА во главе с Тухачевским, никому из нас и в голову не могло прийти, не приходило, к сожалению, что эта мерзость, эта гниль, это предательство так широко и глубоко засело в рядах нашей армии. Весь 1937-й и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая заражённые части организма, до живого, здорового мяса, очищались от мерзостной предательской гнили... Вы знаете, что собою представляла чистка рядов РККА... Чистка была проведена радикальная и всесторонняя... с самых верхов и кончая низами... Поэтому и количество вычищенных оказалось весьма и весьма внушительным. Достаточно сказать, что за всё время мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек. Эта цифра внушительная». В результате репрессий дело порой доходило до того, что в Закавказье тремя дивизиями командовали капитаны, а Грузинской дивизией — майор. Войсками Сибирского военного округа длительное время командовал капитан! Ворошилов способствовал и возвеличиванию культа личности Сталина. Его статья в «Правде» «Сталин и Красная Армия» положила начало мнению, отнюдь не легенде, о Сталине как о наиболее крупном полководце Гражданской войны и организаторе главных побед Красной армии. Он писал: «В период 1918—1920 гг. Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный Комитет бросал с одного фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места. Там, где было относительно спокойно и благополучно, где мы имели успехи, там не было видно Сталина. Но там, где трещали красные армии, где контрреволюционные силы, развивая свои успехи, грозили самому существованию советской власти, где смятение и паника могли в любую минуту превратиться в бес-

Первые маршалы: М.Н. Тухачевский, К.Е. Ворошилов, А.И. Егоров, С.М. Буденный и В.К. Блюхер. 1935 г.

помощность, катастрофу, — там появлялся товарищ Сталин. Он не спал ночей, он организовывал, он брал в свои твёрдые руки руководство, он ломал, был беспощаден и — создавал перелом, оздоравливал обстановку». Бесспорно, тут есть известная доля преувеличения, но многое верно. Сталин сыграл большую роль в разгроме белых армий, хотя и наряду со многими другими полководцами. И ведь нынче верно говорят: «Был культ, но была и личность». Ворошилов награжден 8 орденами Ленина и 6 орденами Красного Знамени, орденом Суворова I степени. Он автор мемуаров «Рассказы о жизни». Говорят, что когда в годы репрессий пришли арестовывать его жену, Ворошилов повел себя как настоящий воин и мужчина. Он выхватил свой наградной маузер и заявил, что перестреляет всех, кто попытается только к ней прикоснуться. Гэбистам пришлось убираться ни солоно хлебавши, доложив наверх и получив отбой. Но недавно, по требованию российских военных, имя К.Е. Ворошилова было снято с Академии Генштаба. Звёзд с неба он, конечно, не хватал, но служил честно трудовому народу. И только ненавистник России вроде Радека мог «сблудить»:

*Ах, Клим, пустая голова,
Навозом доверху завалена.
Ведь лучше быть хвостом у Льва,
Чем задницей у Сталина...*

Яркой фигурой был М. Тухачевский, самый молодой комкор в Красной Армии. Ли-

бералы и враги России его превозносят. Рисуемый ими облик «гения-командарма» и в самом деле впечатляет. Кадровый военный, кадетский корпус, Александровское военное училище, одно из лучших в мире. За первые полгода I мировой войны «получает 6 орденов» (?!). Дескать, он якобы безоговорочно принял революцию, был членом партии с апреля 1918 г. «Помните ландскнехтов? — говорил он в 1914 году. — Дрались они, где и когда возможно за тех, кто их нанимает, и главное, не для каких-то высоких идей, а для себя, чтобы взять от войны всё, что она может им дать!» История его прихода во власть, возвышения среди военной верхушки Советской России полна тёмных страниц. В нём всё фальшиво — от полученных им 6 орденов до принятия идей большевиков. Его переход был объяснён им самим, причём с удивительным цинизмом: «Откровенно говоря, я перехожу к большевикам. Белая армия ничего не способна сделать. У них нет вождя!» Основной мотив им выражен почти в манере цезаря: «Я ставлю на сволочь...» Вероятно, он имел ввиду не только советскую власть в целом, но и отдельные фигуры в её составе. В тогдашней Советской России таким вождём № 1 Тухачевский считал Троцкого, хотя тот был евреем, а Тухачевский однажды признался: «Я ненавижу социалистов, евреев и христиан!» Чрезвычайно любопытны обстоятельства его вступления в РКП(б). Самое интересное, что его попаданию в число сначала ответственных сотрудников Военного отдела ВЦИК, а затем и в ряды РКП(б) способствовали кто бы вы думали?! Нет, не только главвоенмор Троцкий, который, видимо, решил в борьбе за власть сделать из него своего Ворошилова, но и небезызвестный жандармский полковник Кулябко! Да-да, тот самый Кулябко, что ранее приложил руку к убийству Столыпина Богровым (быстро ликвидированным). Теперь бывший жандарм «служил» большевикам, видимо, заодно выполняя задания зарубежных разведок. Он свёл Тухачевского с Енукидзе, заведовавшим военным отделом ВЦИК, где всем управлял Свердлов, а тот представил Тухачевского сначала Троцкому, затем Ленину. Одно несомненно: Тухачевский — карьерист и авантюрист. «Он был специалистом в ужасной профессии. Его профессия заключалась в том, чтобы шагать через трупы, и как мож-

но успешнее», — как-то сказал о Тухачевском композитор Шостакович.

В 25 лет он уже командарм, затем командующий Южным, Кавказским и Западным фронтами. «Громил» Колчака и Деникина, подавил мятежи Муравьева и белочехов... Тот факт, что Тухачевский являлся прямым выдвиженцем Троцкого, сегодня мало волнует как предателей из числа либеральной псевдоинтеллигенции, так и закоренелых противников советской власти и России (вроде белогвардейского публициста Р. Гуля)... «Русская революция дала своих красных маршалов — Ворошилов, Каменев, Егоров, Блюхер, Будённый, Котовский, Гай, но самым талантливым красным полководцем, не знавшим поражений в Гражданской войне, самым смелым военным вождём Красной армии III интернационала оказался Михаил Николаевич Тухачевский. Тухачевский победил белых под Симбирском, спасши Советы в момент смертельной катастрофы, когда в палатах древнего Кремля лежал тяжело раненый Ленин. На Урале он выиграл «советскую Марну» и, отчаянно форсировав Уральский хребет, разбил белые армии адмирала Колчака и чехов на равнинах Сибири. Он добил и опрокинул на французские корабли армию генерала Деникина». Тут всё ложь. Достаточно вспомнить, как он бежал от всех, с кем ему приходилось встречаться в бою. Став только на 10 дней командующим Восточным фронтом (изменил комфронта М.А. Муравьев и туда направили И.И. Вацетиса), Тухачевский, никогда не командовавший большой группой войск, провалил всё и вся. Его армия предалась панике и бежала «как ошалелая». Белые тогда захватили не только Симбирск, но Сызрань, Бугульму и т.д. Новый командующий фронта Вацетис писал: «Бросали орудия, броневой поезд, войсковое имущество несмотря на то, что никакой особенной опасности не было...» Командуя Южным фронтом, он сорвал важнейшую операцию против войск Деникина, когда должен был «отрезать деникинской армии пути отхода на Новороссийск, окружить её и уничтожить». Затем последовала катастрофа Тухачевского в войне с поляками. Не желая слушать ни Сталина, ни Будённого и др., отказавшись от совместных действий с Юго-Западным фронтом под ко-

Тухачевский принимает парад

мандованием А.И. Егорова, он бросил свои войска на произвол судьбы. И даже его поклонник Г.С. Иссерсон нехотя вынужден был признать: «В то время, когда на Висле разыгрывалась тяжёлая драма и когда обессиленные войска Западного фронта без патронов и снарядов, без снабжения и без управления сверху дрались за своё существование, прижатые к восточно-прусской границе, Тухачевский со своим штабом находился далеко в тылу... А войска фронта остались без командующего и без управления. Весь финал операции разыгрался поэтому без его участия!» Красная армия заплатила за авантюризм и полную неспособность Тухачевского жизнями десятков тысяч погибших в бою и плену бойцов. И что же?! Вместо того чтобы расстрелять эту воинствующую бездарь, его наградили биноклем с выгравированной надписью: «Победителю под Варшавой!» Вы думаете это убедило антирусскую торсиду? Нет, разумеется.

А посему никто не вправе грешить против истины и превозносить Тухачевского. Тем более столь страстно, как делают Гуль, Тодоровский, Жаров, Кантор и проч., видя в нём рыцаря без страха и упрёка, говоря, что тот якобы «объединил серебряный век с советской реальностью». Но то, что по-зволительно белогвардейцу или женщине, не простиительно честному народному историку... Похоже г-жа Кантор подпала под обаяние «красавца». Подобно некой жене

командира, могла бы и признаться: «Тухачевский произвёл на меня самое отрадное и неизгладимое впечатление. Красивые лачимые глаза, чарующая улыбка, большая скромность и сдержанность. За завтраком муж шутил и пил за здоровье «Наполеона», на что Тухачевский улыбался... мне почему-то казалось, что он способен стать «Героем». Во всяком случае, он был выше толпы...» Ну а если вспомнить подвиги на Тамбовщине «творца советской военной доктрины», палача крестьянства, «красного Наполеона», в его адрес напрашивается совсем иное сравнение. Скорее он объединил в своём лице Советы и инквизицию, став «красным Торквемадой». Если и награждать его громким именем, то стоило бы назвать «кровавым маршалом» или «ландскнехтом». Самому Тухачевскому приписывают слова: «Я — беспечный ландскнехт».

Генерал-лейтенант Ф.И. Жаров, вроде бы знавший Тухачевского, ибо в предвоенные годы был начальником вооружений ВВС, писал в воспоминаниях: «Тухачевскому в развитии военной техники принадлежит такое место, на которое не может претендовать никто другой из наших военачальников». Сей старый военный инженер, прошедший ссылки и фронт, ненавидя Сталина, говорил о Тухачевском: «Поверьте мне, старику, это был военный гений...» Но в чём? Действительно, тот немало писал (более ста научных работ): о танках, радиосвязи и радиоуправляемых минах, о новых подводных лодках, новых методах обучения войск, новой организации работы тыла. Были и верные оценки... 29-летний командующий войсками Западного военного округа Тухачевский готовит доклад, где утверждал, что в будущей армии роль конницы уменьшится, а роль авиации, бронетанковых войск, артиллерии возрастёт. Да, он направил Сталину записку о необходимости технического перевооружения армии (1928). О том, что представляло собой на деле «переворужение», будет сказано позднее, когда коснёмся технического оснащения Красной Армии (то оказалось к началу Второй мировой войны на довольно низком уровне). В труде «Новые вопросы войны» (1931—1932) он выступал как идеолог маневренной войны в XX в. Однако как теоретик Тухачевский был слаб, как военный специалист более чем поверхностен

(французы дали ему кличку «галопом по Европам»). Не был он ни героем, ни глубоким теоретиком войны. Был ли он «борцом» против Сталина? Кантор заявляет: «Оппозиционность Тухачевского не шла дальше непубличных, отслеженных Лубянкой, жёстко критических рассуждений» о сложившейся на тот момент в армии ситуации. Поведение Тухачевского, судя по документам, не позволяет считать его «борцом антисталинского сопротивления». Но зная его исключительную амбициозность, ждать можно было всего.

Не уходя глубоко в тему, требующую серьёзного анализа специалистов разведки и контрразведки, приведу отрывок из книги информированного автора. А.Б. Мартиросян в книге «Сталин и репрессии 1920—1930-х годов» пишет: «10 октября 1936 г. британская разведка получила от своего агента «Фила» подробный доклад, в котором описывались эти события. В том числе и визит Уборевича (в Варшаву, Прагу и Париж. — В.М.). Шок германского генералитета по поводу резких антисоветских заявлений Гитлера и, что, очевидно, особенно интересно, — заметный всплеск открытых симпатий к РККА в вермахте. «Фил» также

Тухачевский на суде

сообщил, что между главнокомандующим сухопутными войсками вермахта генерал-полковником, бароном Вернером фон Фричем и советским военным атташе, комдивом Орловым А.Г. во время официального приёма в Берлине состоялся обмен тостами. И тогда последний заявил, что «армия СССР готова хоть завтра сотрудничать с Гитлером, пусть лишь Гитлер, партия и германская внешняя политика совершат поворот на 180 градусов, а союз с Францией отпадёт. Это могло бы случиться, если бы, например, Сталин умер, а... Тухачевский и армия установили военную диктатуру». Хотя делать на основании таких «косвенных улик» выводы относительно предательства Тухачевского не рискнули бы. Но вот комдив А. Орлов за границу сбежал.

Среди красных были безымянные герои... Об иных известно мало. Выдающимися партизанскими вождями, командирами Народно-революционной Армии ДВР, отличавшимися необычайной храбростью при разгроме Семёнова в 1918—1920 гг., в боях с интервентами и белогвардейцами в Сучанской долине в Приморье в 1919 г., в боях на Восточном фронте под Хабаровском в 1920 г. и в период Волочаевских боев 1921—1922 гг. были: Петров-Тетерин, В. Попов, Г. Кондратьев и др. В приказе на награждение Петрова орденом Красного Знамени, не упомянуты даже имя и отчество. Товарищи звали его просто Федор. О них не вспоминает наше отечество, ибо не знает. А ведь им мы обязаны свободой и сохранением единства нашей страны.

Гражданская война в России вовлекла в орбиту жестокого противостояния миллионы людей. Все эти люди, идя на муки, страдания, смерть, хотели чётко понимать: так за что же они идут умирать! И в этом плане важнейшим орудием борьбы становилась пропаганда. Историк Н.Д. Карпов приводит в книге «Трагедия Белого Юга» ряд свидетельств, характеризующих положение на пропагандистском фронте. В борьбе идей, а такой прежде всего и была Гражданская война в России 1917—1921 гг., должна была победить сторона, сумевшая убедить абсолютное большинство людей в справедливости ее гражданских, духовно-социальных позиций. Историк-эмигрант В. Добрынин заметил: «Если по опыту военной истории в нормальной войне на $\frac{3}{4}$ успехи

в бою зависят от моральных данных, то в Гражданской войне эти $\frac{3}{4}$ падают на долю политики, создающей эти моральные факторы». На идеологическом фронте большевики вчистую переиграли царское и Временное правительства, разного рода белые штабы, учреждения, центры. Причём, сделали талантливо, убедив царскую армию перейти на позиции симпатий к РДСРП(б), к ее идеям. Это стало ещё очевиднее в годы Гражданской войны, когда к их услугам оказалась государственная машина России. Как показывает исторический опыт, крупнейшие политические, военные и экономические кампании всегда сопровождались мощной подготовительной работой Агитпропа ЦК. У него были различные названия, но суть была одной и той же — убеждать, агитировать, завоевывать на свою сторону трудящиеся массы и нейтрализовать, ослабить действия буржуазной пропаганды и врагов Советской России. Агитпроп — это форма, с помощью которой государство стремится завоевать любовь и доверие масс. На заре революции В.И. Ленин очень надеялся, что агитация и пропаганда распахнут дверь для широкого творчества народных масс. На это ориентировались Наркомпрос (Главполитпросвет),

В. Монастырский. Агитпоезд революции

Пролеткульт и, разумеется, политорганы Красной Армии, так называемые ПУРЫ. Вероятно, Ленину деятельность этих органов виделась более свободной и менее бюрократической, нежели она предстала впоследствии, уже в сталинскую эпоху. Общая тенденция к укреплению руководящей роли партии привела к тому, что 1 декабря 1921 г. Комиссия по истории Октябрьской революции (Истпарт) из ведения Наркомпроса была передана на правах отдела в ведение ЦК. Именно тогда проявилась глубокая дальновидность Сталина, который сумел понять все значение идеологического аппарата, и сосредоточил в своих руках контроль над Агитпропом. 22 августа 1921 г. Оргбюро ЦК приняло постановление о том, что «на Сталина возлагается наблюдение и общее руководство отделом». Политбюро вскоре уточнило формулировку, сделав её более конкретной: «Обязать Сталина около трех четвертей своего времени уделять партийной работе, причём не менее 1,5 часа Агитпропотделу». В дальнейшем далекие от правды истории люди будут обвинять Сталина в каком-то особом и изощрённом коварстве, к которому тот прибегнул, чтобы захватить руль руководства партийным аппаратом. Но в действительности ещё до формального избрания на пост Генерального секретаря Сталин фактически руководил работой партии и Агитпропа, ибо

никто из «звёзд революции» не желал взвалить на себя «канцелярщину». Французский историк Селеньи воздал должное пропагандистскому таланту красных... «Большевики оказались мастерами в искусстве сочетать действия морального порядка с чисто военными. Их боевым операциям в Сибири, Польше, на Кавказе всегда предшествовали агиткампании, направленные параллельно на внесение деморализации в ряды армии и в народную толщу противной стороны. Последовавшие результаты были изумительны и заслуживают глубочайшего изучения». Это же подтверждают и данные В. Добрынина, бывшего в Гражданскую войну начальником оперативного отдела Донской армии: «Весь фронт был завален советской литературой, и борясь с этим, при отсутствии энергичных руководителей и слабом развитии средств связи, было невозможно. Попытки фронта создать у себя свои собственные печатные органы, не могли удовлетворить не только нужды прифронтовой полосы, но даже войск. В результате борьбы печатью победа осталась на стороне красных. Казачество, с честью выдержавшее удары превосходящего противника, не выдержало натиска коммунистического печатного оружия». То, что артдивизионы красных газет, эскадроны советских плакатов, листовок, пулеметы речей большевистских агитаторов производили опустошительные действия в рядах белых, не вызывает удивления. О технической мощи их пропаганды говорят цифры. Ежедневный тираж красноармейских газет составлял не менее 300—400 тыс. экземпляров. За три года войны из центра в армию и на флот было отправлено около 34 млн экземпляров различной литературы. Политуправление РВСР только за один год, с июня 1919 по июнь 1920 гг., издало и распространило в войсках 18,7 млн экземпляров листовок, плакатов, журналов, книг и брошюр. Ничего, даже близко напоминающее это поповодье агитационных средств, у белых не было, а созданное в 1918 г. осведомительно-агитационное отделение (ОСВАГ) Деникиным работой практически никого не устраивало, вызывая одни лишь нарекания. Правда, и в Красной армии отношение к «агиткам» было не всегда на должном уровне. По сло-

Следует отметить и поистине героическую деятельность тружеников красного тыла. Действуя в условиях наитяжелейших, ослабленные и полуголодные, испытывая угрозу быть казнёнными белогвардейцами как прямые пособники Советской власти, рабочие заводов трудились, не покладая рук, выпуская необходимое для Красной армии вооружение и обмундирование. Тогда популярен был плакат, на котором на чертано: «Победа рождается в мастерских, катится по рельсам и завершается на фронте ударом штыка». Бесспорно, роль красного тыла переоценить невозможно. На Южный фронт, отмечают историки, только в октябре—ноябре 1919 г. было отправлено около 30 тыс. винтовок, 527 пулеметов, около 33 млн патронов и свыше 80 тыс. снарядов. В это же время фронт получил 83 тыс. пар обуви и около 52 тыс. шинелей. Такие важные оборонные предприятия, как Тульский и Ижевский оружейный заводы, Тульский, Симбирский и Подольский патронные заводы, Путиловский, Обуховский, Пермский, Сормовский заводы и др., увеличивали из месяца в месяц производство, выпуская всё больше и больше орудий, винтовок, пулеметов и патронов. Тульский завод, к примеру, в 1919 г. выпустил 244,3 млн патронов и вплотную приблизился к уровню 1916 года (наивысшему уровню). Учитывая, что боевые действия велись не только на суше, но на воде и в воздухе, обе участвующие в Гражданской войне стороны старались, если это было возможно, использовать всю имеющуюся у них военную технику. Инженеры и рабочие оборудовали и вооружали суда Северодвинской и Волжско-Каспийской флотилий («Вино-

градов», «Коммунист», «Урицкий», «Свердлов», «Троцкий», «Ваня-коммунист», «Товарищ», «Лейтенант Шмидт», «Борец за свободу», «Карл Либкнехт» и др.) для борьбы с флотом белогвардейцев и англичан. Англичане привели в Архангельск канонерские лодки, два монитора, тральщики, катера, баржи, санитарные пароходы и т.д. Те участвовали в боевых операциях против красных под начальством командора Грина. Английские летчики постоянно вылетали на своих боевых самолетах и осуществляли бомбежки позиций красных и их судов. Но белым ничего это не помогло.

Даже англичане, свидетели и участники битвы на стороне белых на Восточном фронте, вынуждены были признать безусловную победу красных. Так, описывая состояние дел на Восточном фронте в июне 1919 г., Джеймсон отмечал: «С каждым днём красные становились всё сильнее и увереннее в себе. Сибирская армия отступала почти ежедневно. Дисциплина явно падала, большую часть раненых составляли самострелы, дезертирство участилось, временами становясь повальным. Солдаты бежали из окопов ещё до атаки противника. Большевики быстро приближались к хлебным районам Урала, захват которых был целью их наступления в то лето. Урожай впервые за много лет был хорошим и как раз поспел, когда попал в руки красных...» Боясь, что суда белой флотилии будут захвачены красными, белый адмирал Смирнов приказал все суда белой флотилии вместе с транспортным флотом увести на реку Чусовую и там уничтожить. Белые выпустили из резервуаров на реке Чусовой у Левшино из Нобелевских резервуаров 200 тысяч пудов керосина (3276 т), а затем и подожгли его. Боевые корабли и транспортные суда стали добычей огненной стихии. Камский флот фактически прекратил своё существование. В. Зайцев, специальный уполномоченный Совнаркома и Главода, прибыв на место гибели судов, в район Перми, писал: «Что пришлось увидеть, превзошло всякие предположения. Всюду, насколько хватало поля зрения, виднелись остовы догоравших и плавающих судов. Ужасная огненная вакханалия витала, видимо, здесь широко. То тут, то там из воды торчали головни от полузатонувших днищ барж, пристаней и подчалков. Описать все, что от-

Защитим Тулу!

крылось перед глазами, нет никакой возможности, — это было что-то невероятное». Всё это показывает, насколько бескомпромиссными, трагическими и гибельными были последствия этой борьбы не только для масс людей, но и для природы.

Глава 19. Интернациональный характер революции и Гражданской войны: проблема выбора

Значительный вклад в победу Советской власти внесли интернациональные отряды. Интернациональные части Красной армии были сформированы из добровольцев — зарубежных трудящихся, находившихся в Советской России, сражавшихся в составе Красной армии и партизанских отрядов на фронтах Гражданской войны в 1918—1921. Перед Великой Октябрьской социалистической революцией в России находилось около 4 млн иностранных граждан, в том числе: более 2 млн немецких, австро-венгерских, турецких и болгарских военно-

пленных; около 500 тыс. беженцев из Австро-Венгрии, Румынии и турецкой Армении; не менее 1,5 млн переселенцев и отходников из Болгарии, Чехии и Словакии, Сербии, Хорватии, Ирана, Китая, Кореи и свыше 2 млн отходников, беженцев, военнослужащих из Польши и Финляндии. Так как подавляющую часть этих граждан составляли трудящиеся, то после Октября общность их классовых интересов с рабочими и крестьянами Советской России вызвала движение интернациональной солидарности, проявлением которого явилось участие сотен тысяч зарубежных трудящихся в борьбе за власть Советов. В 1917—1918 гг. были созданы: в Петрограде — финский отряд Красной гвардии, в Минске — революционный батальон поляков, в Одессе — румынские революционные батальоны. Сформированы отряды из революционных военнопленных — сербов, хорватов, венгров, чехов, немцев, австрийцев в Екатеринославе, Томске, Ташкенте, других городах. Одним словом, «интернационал».

В соответствии с постановлением Совнаркома добровольцы из числа иностранцев создавали национальные роты, эскадроны и батареи из народностей, не входивших в состав Советской республики, с последующим включением этих частей в регулярные соединения Красной армии. К лету 1918 г. интернациональные части формировались уже в нескольких десятках городов Советской Республики — в Москве, Петрограде, Твери, Воронеже, Пензе, Казани, Самаре, Царицыне, Оренбурге, Иркутске и др. Наркомвоенном была образована Комиссия по созданию интернациональных групп Красной армии (июнь 1918 — март 1919), преобразованная затем в Управление по формированию интернациональных групп Красной армии (апрель — сентябрь 1919). В отдельные периоды действовали особые органы по формированию и комплектованию польских, финских, чехословацких, китайских, иранских и др. национальных частей. Агитационно-пропагандистскую работу среди зарубежных трудящихся в Советской республике, в интернациональных частях Красной армии вели ЦИК Социал-демократии Королевства Польского и Литвы в России (ЦИК Коммунистической рабочей партии Польши в России), ЦИК Коммунистической партии

Г.М. Коржев.
Интернационал

Финляндии, созданная в мае 1918 Центральная федерация иностранных групп при ЦК РКП(б) и входившие в неё группы (венгерская, чехословацкая, немецкая, югославская, румынская, болгарская и др.), а также коммунистические организации зарубежных трудящихся при местных комитетах РКП(б). Иностранные коммунисты проводили большую работу по формированию интернациональных частей в поддержку Советской России.

В сентябре 1919 г.

образована Военная комиссия (до мая 1920 г.), занимавшаяся учетом и укомплектованием интернациональных частей Красной армии. Формирование и боевая деятельность этих частей находились под контролем ЦК РКП(б).

В.И. Ленин встречался и беседовал с руководителями иностранных коммунистических организаций и интернациональных частей. В апреле 1918 г. в Москве был проведен и Всероссийский съезд военнопленных социал-демократов интернационалистов, на котором было представлено около 80 организаций с общим количеством членов до 500 тыс. человек, поддерживавших Советскую власть. Напомним читателю, что в ходе мировой войны в России в 1917 г. оказалось 2,8 млн иностранных беженцев и 2,2 млн военнопленных. Из этой огромной массы воинов-иностранцев, только по официальным данным, в Красной армии в 1918 г. воевало 250—300 тысяч военнопленных интернационалистов. Эти же сведения можно найти и у историка С.П. Мельгунова. В одном только Московском округе насчитывалось до 60 000 организованных пленных интернационалистов. И хотя «Правда» попыталась опровергнуть факт вовлечения иностранцев в битву на стороне красных, назвав это «ложью», но факт

их участия, конечно, не вызывает сомнений. Правда, вначале эти попытки не всегда были удачны. Антонов-Овсеенко рассказал, что когда в Донбассе в феврале 1918 г. из немцев сделали попытку сформировать роту, её пришлось распустить после следующего эпизода. Красный командир, собрав немецкую роту, похвалил её (естественно, на немецком языке). Те на том же языке дружно с воодушевлением ответили командиру: «Хох, кайзер Вильгельм!» Сей пикантный эпизод, разумеется, не исключает факта вовлечения широких масс воинов-иностранцев в Гражданскую войну (латышей, немцев, чехов, китайцев, японцев, англичан, французов, американцев, итальянцев, мадьяр). Так, мадьяры усмиряли восстание белогвардейцев и эсеров Савинкова в Ярославле, действуя довольно умело и эффективно. В июле 1918 г. один из руководителей Волжского фронта записал в дневник: «Большевистские войска главным образом из мадьяр, китайцев и латышей, с небольшим сравнительно количеством русских красноармейцев, были прекрасно вооружены артиллерией» («Воля России»). Некоторые «очевидцы» из числа белых уверяли даже, что «в составе Советской армии не менее 50% германских военнопленных». Это же писал Савинков в очерке «Борьба с большевиками». Капитан Галечек в брошюре «Чехословацкое войско

**Речь Ленина на митинге открытия
II конгресса Коминтерна. 1920 г.**

в России», изданной в Иркутске в 1919 г., говорил про июльские бои у Бузулука: «Как везде, так и здесь чехословацкие части сражались с превосходящими силами неприятеля: 5000 человек преимущественно немцев и мадьяр, организованных и обученных немецкими и австрийскими офицерами». И.М. Брушвит, проехав почти всю Западную Сибирь в апреле и мае 1918 г., уверено заявлял о том, что большевиками «в Сибири идёт организация под видом интернациональных полков идеальных боевых частей немцев-мадьяр». Все эти ссылки на иностранцев умного читателя, надеюсь, не заставят сделать тот ложный вывод, что в Гражданской войне Советы победили, поскольку опирались на штыки иностранцев. Победил-то простой русский мужик!

Выступая 2 августа 1918 г. в Москве на митинге Варшавского революционного полка перед отправкой его на фронт, Ленин указал на необходимость сплочения военных сил в могучую интернациональную Красную армию. Большую помощь интернационалистам оказывали Я. Свердлов, Ф. Дзержинский, С. Киров, Е. Стасова, Э. Склянский, И. Подвойский, М. Фрунзе. Видную роль в формировании интернационального движения сыграли иностранные интернационалисты: С. Бобиньский (поляк), В. Маркович (черногорец), М. Бужор (румын), С. Частек (чех), О. Дундич (хорват). Вот как описал мужество бойца-интернационалиста О. Дундича С.М. Будённый: «Но что удивило нас — впереди, вырвавшись метров на тридцать, скакал Олеко Дундич... Рослый золотистый скакун, сверкавшая в лучах солнца сабля, чёрная черкеска, лихо сбита на затылок кубанка и трепетавший по ветру башлык создавали образ сказочного богатыря. По своей неукротимой отваге, по боевым делам это был действительно легендарный герой. И теперь, будто выпущенный на волю сокол, он летел навстречу подвигу... Но разве знает кто, что подготовила ему судьба? На какой-то миг я оторвал взгляд от атакующего полка, обратив внимание на разорвавшийся у железной дороги снаряд. И тут же, как удар, стегнул тревожный голос Ворошилова: — Дундич!.. Я резко повернул голову и успел ещё заметить, как Олеко, взмахнув руками, камнем свалился с лошади. Так падают только мёртвые!» Сколько таких геро-

ев, в том числе безымянных, погибло за советскую власть! Под Казанью белые взяли в плен 350 латышей, чей полк оказывал белым наиболее сильное сопротивление в боях. Пленных как иностранцев, «взявшихся за не своё дело», приговорили к расстрелу. Выслушав одного из них (тот всё жалел, что «факел коммунизма может погаснуть»), В.О. Каппель заметил: «Вот в этом-то фанатизме и заключается их сила».

В истории России наступил судьбоносный момент. Решалось её будущее — будет ли она существовать как крупнейшее государство Евразии или распадётся и будет раздроблена на части. Различные силы, внешние и внутренние, в основном враждебные России, пришли в движение. Вопрос стоял бескомпромиссно: победа буржуазно-помещичьей России (против чего решительно выступала основная масса населения) или победа трудового народа, нового типа социального устройства, каковой и станет РСФСР. И ведь именно за вторую идею бились не на жизнь, а на смерть все народы — русские, украинцы, белорусы, евреи, грузины, армяне, татары, казахи, азербайджанцы, латыши, осетины, абхазы, дагестанцы, башкиры. То был удивительный Интернационал из 160—200 народов! Честный историк характеризует эти действия, пусть даже многочисленных иностранцев (хотя те принимали участие в битве народов), как подвиги русского богатыря Ильи Муромца, татарского Батыя, хохляцкого Тараса, еврея Соломона, грузина Давида «Возобновителя», армянина Давида Сасунского, башкира Салавата Юлаева, казака Стеньки Разина и т.д. и т.п. Всего за годы Гражданской войны в России создано свыше 250 интернациональных отрядов, рот, батальонов и полков. В этих частях, в сме-

Почётное знамя — РВС в награду

шении племён, наряду с добровольцами из зарубежных стран, сражались, конечно, наши командиры и бойцы.

Не знаю, насколько можно радоваться тому, что, как говорил А.И. Герцен, «мы довольны тем, что в наших жилах течёт финская и монгольская кровь»? Но вот в данный исторический период это оказалось скорее на руку большевикам. В составе Красной армии сражались до 250—300 тыс. зарубежных интернационалистов... В борьбе с контрреволюцией отличились: на Восточном фронте — 216-й интернациональный полк 24-й стрелковой дивизии, 222-й Самарский интернациональный полк 25-й стрелковой дивизии, 225-й Китайский стрелковый полк 29-й стрелковой дивизии, польский отряд «Победа», финский отряд; на Южном фронте — 2-й интернациональный стрелковый полк 16-й стрелковой дивизии, Варшавский и Люблинский (польские) полки Западной бригады, югославский и китайский батальоны; на Северном Кавказе — 1-й Астраханский интернациональный полк; на Западном фронте — 1-я интернациональная бригада, 519-й интернациональный полк 58-й стрелковой дивизии; на Северном фронте — 6-й финский стрелковый полк; в Туркестане — 2-й интернациональный стрелковый полк им. Карла Либкнехта, 1-й Туркестанский интернациональный полк, награжденный за отличие в боях орденом Красного Знамени, и многие другие. Почему населявшие Россию народы стали в ряды борцов за Советскую власть? Потому, что та провозгласила равенство и братство всех народов. Об этом говорил В.И. Ленин. На эту тему писал и евразиец Н.С. Трубецкой, суммируя в «Европе и человечестве» (письмо Р. Якобсону в 1921 г.): «Понять..., что все народы и культуры равноценны, что высших и низших нет, — вот всё, что требует моя книга от читателя». В книге мы читаем: «Момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие...». Непохожие, но равные...

Увы, далеко не всегда отношение к ним Советской власти, а точнее отдельных её членов было достойным и справедливым. Вспомним историю 1-го Польского револю-

ционного полка. Полк, имевший дислокацию в Белгороде, с февраля 1917 г. занял революционные позиции. Реакция предприняла попытки перевести полк, лишити доверия и расформировать. Но руководство полка выдержало все испытания. Полк нес охрану революционного порядка так, что в уезде не было ни погромов, ни грабежей, ни контрреволюционных выступлений. При выборах в Учредительное собрание полк почти поголовно проголосовал за большевиков (список № 4). Полк отразил части корниловских ударников, двигавшихся к Белгороду, за что был награжден почётным званием — 1-й Польский революционный полк. Вскоре полк подвергся разгрому по надуманному обвинению в контрреволюционных действиях. Причина следующая. Командующие силами, действующими против Каледина и контрреволюции на Украине, Антонов и Муравьев, приказали командованию полка послать в Украину отряд в 4000 человек. Этого же потребовал от них и местный военно-революционный комитет.

Однако на собрании полка поляки отклонили приказ, мотивируя это тем, что такой поход против Украины поляков может стать причиной межнациональной розни. Разъярённые комиссары пообещали наказать полк. Они натравили на поляков сводный отряд матросов, солдат и красногвардейцев, что проходил через город, заявив тем, что поляки хотят напасть. Полк под угрозой пулемётов разоружили, а его

ОЛЕГ ДУМЧИЧ
(Сербия)

МАТЕ ЗАЛКА
(Венгрия)

БЕЛА КУН
(Венгрия)

ЖАННА ЛЕБУРЬ
(Франция)

ПАУ ТИ-САН
(Китай)

СЛАВОМИР ЧАСТЕК
(Чехословакия)

**Интернационалисты — герои
Гражданской войны**

офицеров арестовали и увезли под конвоем в Москву, где те и просидели в Бутырке 3 дня. Председатель ревкома Белгорода еврей Меранвиль арестовал командира полка Яцкевича, а Костин, тыкая поляку в грудь револьвером, требовал покориться «воле революции» и срочно идти походом на Украину. Мужественный польский революционер отказался. Протокол заседания СНК (28 декабря 1917 г.) бесстрастно констатирует: «Тогда Яцкевича выволокли за волосы на улицу, избив того, израненного отвезли на станцию, где за вокзалом убили самым зверским образом: стреляли в него, кололи штыками, рубили тесаком, топтали ногами и уже мёртвому специально выкололи глаза. Всё это имело характер даже не стихийного самосуда, а организованного провокационного убийства». Эти зверства красные чинили против своих же, т.е. против братьев-революционеров.

Тем не менее иностранцы-интернационалисты сражались в соединениях и партизанских отрядах, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. За героизм и отвагу орденом Красного Знамени награждены зарубежные интернационалисты: хорват О. Дундич, финн Т. Антикайнен, китаец Чу Чин-лин; немец А. Кампф, венгр Л. Гавро, чех Э. Кужело (иные были удостоены дважды). Интернациональные части после Гражданской войны были расформированы. Ранее считалось, что существование интернациональных частей и деятельность интернационалистов в нашем государстве явилось не только формой помощи со стороны международного пролетариата первой социалистической революции, но славной школой революционной теории и практики для зарубежных трудящихся. Они де вернулись в страны обогащенные опытом непосредственного участия в Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с 50-летием Великого Октября орденами и медалями СССР были награждены 3409 участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны на стороне советской власти — граждане Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, Монголии, ДРВ, Австрии, Финляндии,

Франции, Италии, ФРГ, Индии, Китая. Значение этого фактора велико.

Были среди интернационалистов и чехословацкие воины. Напомним, что чехословацкие части вместе с Красной армией задержали немецкие части под Бахмачом. Причём, за эти действия чехословацкий корпус удостоился благодарности Главкома войск Южной России Антонова-Овсеевского и наркомнаца Сталина. Но потом чехословаки отступили вглубь России и стали «третьей силой» в развернувшейся Гражданской войне. Т. Масарик, профессор-философ и будущий президент Чехословакии, занимал в отношении России, в том числе Советской России, скорее дружественную, чем враждебную позицию. Он писал президенту США В. Вильсону (1918): «...Все малые народы Востока (финны, поляки, эстонцы, латыши нуждаются в сильной России, в противном случае они будут предоставлены на милость немцев и австрийцев: союзники должны поддерживать Россию при любых обстоятельствах и всеми средствами. После захвата Востока немцы будут завоёвывать Запад... Подходящая форма правления может быть введена и для украинцев, которые должны быть удовлетворены статусом автономной республики, составляющей часть России: это первоначальный план и самих украинцев, только позже они провозгласили свою независимость. Но независимая Украина станет фактически австрийской или немецкой провинцией; немцы и австрийцы будут проводить по отношению к Украине ту же политику, что и по отношению к Польше». Надо сказать, что разобраться с тем, что происходило тог-

Китайский батальон

да в России, иностранцам было зачастую не под силу. Сами русские и те не всё понимали. Говоря, что «большевики не могут руководить Россией и навести там порядок», ибо они дилетанты, Масарик вместе с тем не мог не признать, что и «антибольшевистские партии также оказались дилетантами, что является проклятием царизма, который не научил русских административной работе». Это, видимо, наш давний порок. Кроме того...

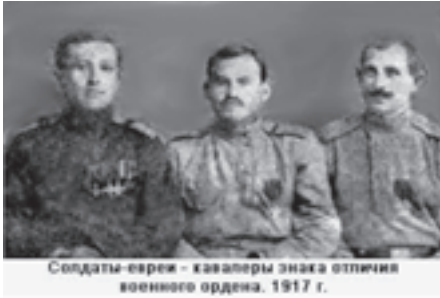
Чужой человек всё же невольно, хочет он того или нет, а относится к коренному населению иначе. Нередко именно иностранцы становились главными палачами — убийцами, карателями, вешателями. В Пскове всех, кто «помогал белым» (так решили красные), всего 30 человек, отдали на расправу китайцам, которые их всех перебили холодным оружием, «пластали людей на куски». В Тамбове после прихода белых на углу Семинарской и Большой улицы в здании уездного Совдепа взяли красного китайца. «Но когда его оттуда выводили казаки, горожане его отбили и казнили самосудом. Дело в том, что наёмники китайцы служили у коммунистов за деньги и при этом отличались особой жестокостью, как и латыши и евреи, по отношению к русскому населению». Этих карателей и палачей в городе все звали «ходя-ходя», потому что, неся конвойную службу, при следовании арестованных те часто подгоняли их прикладами винтовок, покрикивая при этом «ходя-ходя», что означало «ходи-ходи». Их считали вырожденками. Они расстреливали людей «по приказу коммунистов и были верны им как собаки». Естественно, население их ненавидело. Историк привёл такой факт. 22 декабря 1920 г. карательный отряд латышских стрелков под командованием П. Альтова сжёг в сёлах Никольское и Коптево Тамбовского уезда 230 домов мятежных крестьян, при этом 150 крестьян села беспощадно расстреляно. Потому восставшие против Советов часто выносили этим «интернационалистам» смертные приговоры. Как правило, обычно добавлялось: «...и за вмешательство во внутренние дела России». Их ненавидел народ. С тех трагических времён прошло почти сто лет, но сегодня видим, как дети и внуки тех латышей, за плечами которых не великая революция, а служба в эсесовских частях, люто ненавидят русских в Латвии. Дай им волю, они

расстреляли бы нас, сожгли в печах лагерей. Ну и, конечно, совсем особое место в этом святыце страданий, мук и подвигов занимал еврейский вопрос — «калёный клин», как выразился А.И. Солженицын, по крайней мере в истории XX века Российской империи и Советской России. Бывало отношение к этой теме в некоторых кругах воспринималось и в таком духе: «За двести миллионов Россия / Жидами на откуп взята — / За тридцать серебряных денег / Они же купили Христа» (А.К. Толстой).

Революционные события дали евреям уникальный шанс прорваться во власть в России... В известном смысле Д.И. Пихно, редактор русской газеты «Киевлянин» был прав, сказав в 1905 г., что еврейство сделало «огромную ставку на революцию». И хотя о них нельзя сказать: кто был ничем, тот стал всем, но положение еврейства в России кардинальным образом изменилось после Октябрьской революции. Дикий указывает, что в центральных комитетах шести революционных партий евреи составляли подавляющее большинство, от 60 до 80% состава. Они играли ключевую роль в партиях эсеров и меньшевиков, и во втором Временном правительстве. К тем из них, кто ранее был в России, добавилось два парохода евреев-эмигрантов из США, не только революционеры, но дезертиры, уклонившиеся от службы в армии, сбежавшие от войны («жертвы царизма»). Перед комиссией Сената США выступил настоятель Методистской церкви в Петрограде д-р Д. Саймонс. Клянясь на библии, он заявил следующее: «среди агитаторов были сотни евреев из Даун-тауна, (нижней части) восточной окраины Нью-Йорка, а в 1918 г. пра-

«Еврейский пароход» из Америки

Солдаты-евреи — кавалеры знака отличия
военного ордена. 1917 г.

вительственный аппарат Петрограда состоял (всего-то. — В.М.) из 16 настоящих русских и 371 евреев, причем 265 из этого числа прибыли из Нью-Йорка.

Крайне не простой выбор приходилось делать и евреям. Февральская революция отменила дискриминацию евреев, предоставив им равные права со всеми другими гражданами России. Многие из них стояли тогда на позициях демократии и приняли участие в борьбе (по разную сторону баррикад). После Февраля несколько сотен евреев поступили в юнкерские училища Петрограда, Москвы, Киева и Одессы. Ускоренный выпуск их пришелся на лето-осень 1917 г. Многие выступили против большевистского переворота в октябре 1917 г. и активно боролись против большевиков. Среди защитников Зимнего дворца, юнкеров школы и прапорщиков инженерных войск встречаются фамилии Гольдман, Шапино, Шварцман, братья Эпштейн. 19 ноября 1917 г. газета «Еврейская неделя», выходившая в Петрограде, писала в статье о боях в Москве, что в те дни при осаде Владимирского юнкерского училища, телефонной станции войсками большевиков погибло 35 евреев-юнкеров. «Почти все убитые юнкера бывшие студенты Психоневрологического института и Петроградского университета». Некоторые тела юнкеров-евреев были настолько обезображены, что обряд омовения мёртвых тел удалось совершить с большим трудом. Похоронены юнкера были на Преображенском кладбище вблизи синагоги.

С. Мадиевский в статье «Евреи и русская революция: был ли выбор» пишет, что поскольку положение евреев в царской России, несмотря на известные ограничения, всё-таки улучшалось, то евреям не следовало сочувствовать революционному движению и уж тем более участвовать в нём.

Когда вспыхнула Гражданская война, им надо было поддерживать не красных, а белых. Многие из них станут командирами и комиссарами Красной армии в годы войны, а 6 крещённых евреев, закончивших в 1914—1915 гг. школы прапорщиков и принимавших участие в боях Первой мировой и Гражданской войн, станут советскими генералами — Д.В. Василевский, Г.А. Лейкин, Ю.И. Рабинер, М.П. Сафир, Л.Б. Соседов, А.Г. Эльсниц, контр-адмирал П.С. Трайнин. Но представление, что большинство евреев в армии были большевиками, не всегда соответствует истине. Хотя факт наличия евреев на всех ступенях Советской власти бесспорен. В годы Гражданской войны только в рядах Красной армии сражалось около 200 тыс. евреев (т.е. 6—7 % её состава). Немало евреев служило и в рядах интернациональных частей, сформированных из бывших военнопленных немецкой и австро-венгерской армий, что попали в русский плен в годы Первой мировой войны. Венгерский еврей Бела Франкль стал писателем в СССР (известен под именем Мате Залка). В годы гражданской войны в Испании в 1936—1937 гг. он командовал 12-й интернациональной бригадой республики под именем Лукача и погиб в бою. Евреи редко были рядовыми бойцами. Редко были они и командирами, чаще комиссарами. Они встречаются у Бабеля, образ командира партизан Левинсона выведен Фадеевым в романе «Разгром» (прототипом стал член сибирского Военревкома Левенсон, участвовавший в расстреле адмирала Колчака), чекист Срубов фигурирует в повести В. Зазубрина «Щепка» (1923) и т.д. Прототипом героя повести Зазубрина был печально знаменитый чекист М.Д. Берман. Не менее 3 тыс. евреев были командирами и комиссарами в Красной армии. Евреи проявляли порой необоснованную жестокость, убивая всех, кто так или иначе ими воспринимался как враг «коммунизма». Прежде всего это относилось к белым, к тем, кто, как евреи считали, им сочувствует. Именно среди них в первую очередь Ленин искал (находил) палачей нашего народа. Вот, скажем, сцена, описывающая реакцию Ленина на известие о восстании чехов в Поволжье. Очевидец писал: «Ленин взволновался до крайности. Заседание было прервано... Ленин, обращаясь к Троцкому, резко проговорил: «Сей-

час же найдите мне Розенгольца!» Стало ясно: Ильич почему-то решил отправить в Поволжье Розенгольца. Этот человек выдвинулся на военно-чекистской работе. По основной специальности фельдшер... Обязан он отмеченности Ленина только из-за необычайной жестокости и абсолютного наплевательства на жизни хотя бы десятка тысяч людей. Когда Розенголец был назначен заведующим политическим управлением НКПС, этот круглый, гладкий человек подбирал служащих по политуправлению так. Вызывал в свой кабинет и задавал один вопрос: «Сколько контрреволюционеров вы расстреляли собственноручно?» Розенголец принадлежал к тем «рукастым» коммунистам, коих особенно ценил Ленин». Полагая, что обращаться к «Протоколам сионских мудрецов» нет необходимости (русский ученый-богослов А. Карташов заметил: «Человек здравого смысла, доброй воли... не может даже серьёзно обсуждать вопрос о подлинности этого полицейско-публицистического подлога, в своём роде талантливого, ибо заразительного для невежд»), чтобы понять и другое... Столь активное участие евреев в карательных органах и среди «комисрантов» (как называли комиссаров-евреев противники и даже иные красноармейцы), да и вообще в высших эшелонах власти, просто не могло не поднять в России новую волну антисемитизма

Нарком НКВД Енох Г. Ягода

Нафталий Френкель (справа)

и юдофобии. У таких настроений были веские основания. Скажем, И.М. Бикерман в книге «Россия и русское еврейство» (1923) признал, что «волны юдофобии заливают теперь страны и народы, а близости отлива ещё не заметно». Причиной такого отношения к ним было только одно — это «страх перед евреем как пред разрушителем».

Иные из них сделали карьеру в концлагерях. К ним принадлежал спекулянт и нэпман Нафталий Френкель, блестящий коммерсант и авантюрист, обманувший Дзержинского, несколько раз сидевший в колониях и лагерях, дважды спасшийся от смертной казни. Выйдя из-под расстрелов, в дальнейшем этот друг Ягоды и Япончика стал генералом НКВД; он держал в руках всю экономику БАМа и систему советских трудовых лагерей, его трижды награждали орденом Ленина. Френкель станет строителем коммунизма, разработавшим проект использования масс заключённых для создания дорог, плотин, гидроэлектростанций. Этот, по выражению издания, несправедливо забытый «монстр», был славен и тем, что под его руководством в начале 30-х годов начали строить Байкало-Амурскую магистраль. Корпусной инженер Френкель стал генерал-лейтенантом инженерно-технической службы, первым руководителем «Главного управления лагерей железнодорожного строительства НКВД-МВД СССР». Такого рода деятели зачастую оказывались, как

и ныне, приспособленны к жестокому времени. Ну и поведение их на той далёкой, на Гражданской, увы, редко было «сентиментальным», как скажет гораздо позже прекрасный поэт Булат Окуджава в его знаменитом «Сентиментальном марше».

Евреи были не только на самых высших постах в советском правительстве, но и заняли высокие ступени в армии и службах безопасности (ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД). Самый известный из них — Л.Д. Троцкий — председатель Революционного военного совета Республики (РВСР) и Народный комиссар по военным и морским делам. В Красную Армию шли и члены еврейских партий. В апреле 1919 г. еврейская рабочая партия — Бунд объявила мобилизацию её членов в ряды Красной армии, организовав их отправку на фронт. В результате на фронте появились воинские части, состоявшие целиком из евреев, скажем 1-й еврейский полк. Еврейская социал-демократическая партия «Поалей-Ци-он» («Рабочие Сиона») объявила мобилизацию своих членов в Красную Армию. Многие члены этой партии ушли на фронт добровольцами. Среди них был и председатель Самарского комитета «Поалей-Цион» Иосиф Гуткин. Вместе с многими рядовыми членами партии он вступил в Красную армию, где служил в Первой Конной армии тов. Будённого. Там вскоре стал и командиром эскадрона. Известна также и стрелковая бригада под командованием Иосифа Фурмана, где евреи составляли большинство состава. Правда, создание «еврейских батальонов» оказывалось не очень-то эффективным в военном отношении. К примеру, еврейский полк из Одессы, 80—85 % которого составляли евреи, оказался в боях не у дел (иные бойцы даже не знали, как зарядить винтовку). Это понятно, если учесть, что сей знаменитый полк евреев возглавил никто иной как одесский вор — бандит Мишка Япончик.

История «записи» в Красную армию оно-го бандита такова. На второй день после освобождения Одессы от оккупантов в Особый отдел штаба 3-й Армии зашёл молодой человек среднего роста, с наивными, детскими синими глазами. Он мягко и интеллигентно представился: «Миша Японец (Михаил Яковлевич Винницкий — он же Бенья Крик). А это мой адъютант». И тут король

налётчиков, смахнув слезу, поведал о своей классовой ненависти к буржуазии: «Мы грабили лишь буржуа, которые приезжали в Одессу со всех концов Советской России в надежде отсидеться. Мы совершали налеты на банки, ночные варьете и клубы. Интервенты не могли чувствовать себя спокойно нигде — ни в игорных домах, ни в ресторанах, ни в кафешантанах. Я хочу предложить вам испытать моих ребят. Они поступят в Красную Армию и под моим командованием будут воевать. Дайте мне мандат на формирование отряда Красной Армии, вы не пожалеете... У моих людей оружие есть и в деньгах я не нуждаюсь». Ну, красные командиры взглянули на воров, переглянулись — и стали думать думать.

После долгих и мучительных раздумий командование 3-й Армии всё-таки разрешило Мишке Япончику сформировать полк. Получили и разрешение из Генштаба. Но организация столь специфического воинского подразделения далеко не всех привела в восторг. Председатель одесского совнархоза умолял освободить его учреждение от кошмарных соседей — ночью во всех комнатах совнархоза пропали зеркала и занавески. Руководство оно-го очень опасалось, что вскоре пропадёт и всё ос-

Софья Блювштейн (Сонька Золотая ручка)

Бандит Мишка Япончик

тальное. По свидетельству очевидцев, армия Михаила Япончика представляла собой оригинальное зрелище. Когда полк передвигался по Одессе, то у прохожих от удивления открывались рты — впереди на вороном жеребце ехал Япончик, затем конные адъютанты — чуть позади командира. За ними шли два шумных еврейских оркестра с Молдаванки и пехота. Последняя была самой примечательной частью этого фантазмагорического маскарада. Бывшие налётчики шли разодетые в тельняшки и белые брюки навыпуск, на голове у них были цилиндры и канотье, фетровые шляпы, кепки. Но с маузерами и винтовками. Гротескно выглядели, конечно, попытки Генштаба приучить полк к чтению партийной литературы. Наконец, летом 1919 г. полк одесских налётчиков получил номер в Красной армии и стал официально числиться в документах 54-м полком Михаила Винницкого. В конце августа решили передать 54-й советский полк в распоряжение 45-й дивизии Якира (под крыло своего). И вот перед отправкой на фронт, на передовую, в Одесской консерватории состоялся шикарнейший «вечер прощания с Одессой-мамой»... Длинные столы буквально ломились от коллекционных вин и французского шампанского, фазаны и гуси в яблоках с трюфелями готовы были хлопать крыльями от восторга. В центре сидел сам Мишка Япончик и с гордостью смотрел на свою гвардию. Собрание открыл командант города. В торжественной тишине он вручил Михаилу Вин-

ницкому серебряную саблю с революционной монограммой, как предварительную награду за будущие подвиги. А трудовая, рабочая Одесса в это время пухла от голода.

Провожать полк на прощальный банкет пришли жены бандитов, сладкие подружки «бойцов»... Разодетые в аристократические наряды, все они веселились до утра. Возможно, в те дни среди них витал и дух покойной Соньки Золотая Ручка, знаменитой на всю Одессу воровки. А на следующий день 54-й полк одесских налётчиков должен был погрузиться в эшелон и отправиться в дорогу, к линии фронта. Но подчинённые Япончика не спешили выполнять указания командования. Недолгим был их вояж на фронт. Бандиты и воры заявили, что им нечего делать на фронте, так как в Одессе ещё не вся контрреволюция искоренена. Три раза полк грузился в вагоны, и три раза горе-воины разбегались по домам. Утром весь личный состав полка самовольно сел на пассажирский поезд Киев-Одесса и отбыл домой. Бандиты вышвырнули на ближайшей станции пассажиров и, приставив пистолет к виску машиниста, заставили гнать состав без остановок в Одессу. На перроне в одиночестве валялось брошенное войсками Красное знамя и тоскливо ржал жеребец командира полка. На станции Вознесенск состав был остановлен. О том, что произошло дальше, говорит документ. Приведём его: «Одесскому окружному комиссару по военным делам. Доклад. 4-го сего августа 1919 г. Я получил распоряжение со станции Помошная от командующего внутренним фронтом тов. Кругляка задержать до особого распоряжения прибывающего с эшелоном командира 54-го стрелкового Советского Украинского полка Митьку Японца. Во исполнение поручения я тотчас отправился на станцию Вознесенск с отрядом кавалеристов Вознесенского отдельного кавалерийского дивизиона и командиром названного дивизиона тов. Урсуловым, где распорядился расстановкой кавалеристов в указанных местах и стал ожидать прибытия эшелона. Ожидаемый эшелон был остановлен за семафором. К остановленному эшелону я прибыл совместно с военруком, секретарем, командиром дивизиона и потребовал немедленной явки ко мне Митьки Японца, что и было исполнено. По прибытии Митьки Японца я

Григорий Котовский

объявил его арестованным и потребовал от него оружие, но он сдать оружие отказался, после чего я приказал отобрать оружие силой. В это время, когда было приступлено к обезоруживанию Японца, он пытался бежать, оказал сопротивление, ввиду чего и был убит выстрелом из револьвера командиром дивизиона. Отряд Японца в числе 116 человек арестован и отправлен под конвоем на работу в огородную организацию. Уездвоенком Синюков». Застрелил «короля» одесских бандитов красный командир Урсулов. После этого могилу Япончика раскопали, чтобы комиссар полка Фельдман лично удостоверился в том, что похоронен в ней именно гражданин Винницкий, а не кто-то другой. Удостоверившись, тот якобы произнёс с революционной суровостью: «Собаке собачья смерть!». И плюнул в могилу. Через несколько месяцев Фельдман застрелен на одесском базаре. Молва приписывает убийство еврея-комиссара друзьям Япончика. Достоверно, что бывший начальник штаба бандитского полка Май-

орчик (Меер Зайдер) 5 августа 1925 г. застрелил в с. Чабанка под Одессой комбрига Котовского. Иные были уверены, что это убийство героя гражданской войны — своего рода месть за гибель «короля» одесских бандитов.

Евреи совсем не желали лезть под пули. Не еврейское это дело! Правда, иные стремятся убедить читателей, что от службы в Красной армии в 1918—1920 гг. евреи правдами и неправдами уклонялись не по «шкурным» соображениям, сколько из-за «антисемитизма, свойственного бойцам Красной армии не в меньшей степени, чем их противникам». Но не меняют ли они тут местами причину и следствие? Приведенные ими же самими цитаты из документов указывают на то, что даже авторы-евреи понимали, знали эту проблему «изнутри», подтверждая: антисемитские настроения если и разрастались среди красноармейцев пышным цветом, то как раз именно из-за отсутствия евреев на передовой при их переизбытке в тыловых учреждениях. 18 апреля 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало острый вопрос, «что огромный процент работников прифронтовых ЧК, прифронтовых и тыловых исполкомов составляют латыши и евреи, что процент их на самом фронте сравнительно невелик и что по этому поводу среди красноармейцев ведётся и находит некоторый отклик сильная шовинистическая агитация...» Речь осторожно ве-

К. Петров-Водкин. Смерть комиссара

лась не о центральном аппарате партии и государства, не о верхушке армии, сводясь к «некоторому отклику» красноармейцев на опасную агитацию. Несомненно, это связано с тем, что вопрос внёс член Политбюро, высший военный руководитель Л.Д. Троцкий. Обсудив, решили издать директиву о «более равномерном распределении» партийцев «между фронтом и тылом». Но свидетельств издания и реализации такой директивы нет. Зато известно другое: всё осталось на круги своя. Резолюциями их не возьмешь, и четырнадцать месяцев спустя и за четыре месяца до погромов, учинённых первоконниками, в начале июня 1920 г., Троцкий вынужден был констатировать: «На Западном и Юго-Западном фронтах повторяется всё та же история: крайне ничтожное число евреев в действующих частях. Отсюда неизбежное развитие антисемитизма». Дилемма эта не нова. Вспомнилась и лесковская «Жидовская кувырколлегия», герой которой говорил: «война... военное дело тоже убыточно, и чем нам лить на полях битвы русскую кровь, гораздо бы лучше поливать землю кровью жидовскою». Да и не по-христиански как-то. Потом стало ясно, что евреи воевать не могут, ибо «от ружья пятились хуже, чем чёрт от поповского кропила». И задумались тут отцы-командиры: «как бы не пошёл портёж в армии».

Будницкий утверждает: «Установить, сколько евреев на самом деле служило в Красной армии, довольно затруднительно. Статистики по национальному или вероисповедному принципу не велось». Но это не так. Статистика по национальному принципу велась; установлено и сколько евреев служило в Красной армии. В начале 1980-х при исследовании социального и национального состава РККА выяснилось, что по состоянию на 1-е января 1921 г. доля евреев в личном составе большинства войсковых объединений не превышала 0,3 % и лишь в тех, что дислоцировались на территории Украины, достигала в среднем 1,6 %. При тогдашней штатной организации стрелковых соединений РККА это означало в среднем по 3—16 человек на бригаду и 9—42 на дивизию. А судя по сводным данным о командном составе и о награждениях периода Гражданской войны, распределялся этот национальный контингент отнюдь не в пользу строевых подразделений. Прежде

**Комиссар 27-й стрелковой дивизии
А.П. Кучкин**

всего обращает на себя внимание процент евреев в составе руководящих военно-политических органов. Во фронтовом и армейском звеньях (РВС фронтов и армий) он составлял соответственно 6,5 и 12,3 %, в дивизионном (военкомы) — 10,2 %, в стрелковых и 5,6 % в кавалерийских дивизиях. Это без учета политотделов, политкомов штабов и управлений. Кстати, строевые командиры-евреи в числе командующих фронтами отсутствовали, среди начдивов и наштадивов — их буквально единицы, среди командармов — лишь один (8-й армией с октября 1919 по март 1920 гг. командовал, и не слишком удачно, Г.Я. Сокольников). И ещё в единичных случаях имело место «временное исполнение должности» строевых начальников их политкомиссарами на срок от двух дней до двух месяцев. Но зато в числе награжденных орденом Красного Знамени за 1919—1921 гг. в общей сложности из 57 военнослужащих-евреев лишь 7 служили рядовыми красноармейцами (включая одного курсанта). А вот политработников различных уровней было — 21, то есть втрое больше. Остальные евреи пристроились главным образом

на разных командных и административных должностях, включая медперсонал и «состоящих для поручений при...». Таким образом, основная масса красноармейцев-фронтовиков не видела в своей среде евреев-бойцов, знала единицы евреев-командиров, но много слышала о евреях-политработниках. Ведь если не романтизировать «комиссаров в пыльных шлемах», надо признать: командир на передовой часто действовал по принципу «делай, как я», а политработник обычно слал из тыла бумаги с указанием «делай, как я тебе сказал». Авторитета у бойцов это не приносило никогда и никому. Хотя нельзя роль политработников и комиссаров и принижать, там были и достойные.

Наша революция была не только русской или еврейской. Н.А.Бердяев писал: «Неверно и то, что Россией правят евреи. Главные правители не евреи, видные евреи-коммунисты расстреляны или сидят в тюрьмах... Евреи играли немалую роль в революционной интеллигенции, это совершенно естественно и определялось их угнетённым положением. Что евреи боролись за свободу, я считаю их заслугой. Что евреи прибегали к террору и гонениям, я считаю не специфической особенностью евреев, а специфической и отвратительной особенностью революции на известной стадии её развития». Так это или не так, вы можете убедиться сами, взглянув на имена большевистской элиты в Советской России. Первым документом, довольно весомо и убедительно показавшим еврейскую природу советской власти, был список руководящих лиц советского правительства, составленный в 1919 г. журналистом газеты «Морнинг пост» В. Марсденом. Он же перевёл на английский язык «Протоколы сионских мудрецов» (перевод «Протоколов сионских мудрецов» стоил ему жизни, его, по слухам, сразу же ликвидировали вскоре после возвращения в Англию из России в 1921 г.). Хотя число евреев в органах власти несопоставимо с их долей в населении России. Они, конечно же, не «пасынки», а «поводыри».

Тут Зиновьев (Апфельбаум), редактировавший Ленина. Затем идут: Лурье (Ларин), Крыленко (чистый еврей, затем нарком юстиции, первый председатель шахматной федерации СССР), Луначарский (еврей), Урицкий, Володарский, Каменев (Розенфельд). Он муж сестры Троцкого и тоже

редактор ленинских работ. Смидович. Свердлов. Стеклов (Нахамкес). Бюро Первого состава Совета рабочих и солдатских депутатов города Москвы — всё составлено из евреев. Три сопредседателя: Председатель первого Московского Совета после революции — Лейба Хинчук. Председатель Совета рабочих и красноармейцев — Смидович. Председатель Совета рабочих и солдатских депутатов — Модер. Члены первого Моссовета: Заркх, Кламер, Гронберг, Шейнкман, Ротштейн, Левензон. Краснопольский. Мартов (Цедербаум), Ривкин, Симсон, Тяпкин, Шик, Фальк, Андерсон (литовский еврей), Вимба (литовский еврей), Соло (литовский еврей), Михельсон, Тер-Мичян (армянский еврей). Секретарь Бюро — Клауснер. Начальник канцелярии — Роценгольц. ВЦИК Четвёртого Всероссийского Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (формально, высший орган власти в Сов. России). Из 34 членов ЦИК — все евреи. Председатель — Свердлов. Члены: Абельман. Вельтман. Аксельрод. Цедербаум (Мартов, меньшевик). Красиков. Лундберг. Володарский. Цедербаум (Левицкий). Ленин. Зиновьев-Апфельбаум.

Зиновьев и Свердлов

Карахан (караимский еврей). Розе. Радек (Собельсон). Шлихтер. Николени. Шиянский. Совет Народных Комиссаров: Председатель — Ульянов-Ленин (полуеврей, у Марсдена он ещё русский). Комиссар иностранных дел: сначала Троцкий (Еврей), потом Чичерин (Полуеврей, у Марсдена русский), Комиссар по делам национальностей — Джугашвили (грузин). Председатель совета народного хозяйства — Лурье (Ларин) — еврей. Комиссар по восстановлению — Шлихтер (Еврей), Комиссар государственных земель — Кауфман (еврей). Комиссар государственного контроля — Ландер (еврей). Комиссар общественных работ — В. Шмидт (еврей). Комиссар по сельскому хозяйству — Прошьян (армянский еврей). Комиссар Армии и Флота — Троцкий (еврей). Комиссар социальной помощи — Е. Лилина (Книгиссен) — еврейка, Комиссар образования — Луначарский (Баилих, у Марсдена он Мандельштам) — еврей, Комиссар вероисповеданий — Шпитцберг (еврей), Комиссар внутренних дел — Зиновьев (Апфельбаум) — Еврей, Комиссар по финансам — Исидор Гуковский (еврей), Комиссар по делам выборов — Урицкий (еврей). Комиссар юстиции — И. Штейнберг (еврей). Комиссар по делам эвакуации — Фенигштейн (еврей), его заместители — Равич и Заславский — оба евреи. Итого из 20 советских комиссаров три полуеврея и 17 чистых евреев. Комиссариат армии (все евреи): Комиссар армии и флота — Троцкий. Заместители Троцкого —

Склянский и Гиршфельд. Председатель Военного Совета тот же Троцкий. Члены этого Совета — Шородак и Петч (литовский еврей). Зам. главы Военного комитета Москвы — Штейнгардт (литовский еврей) и Думпис (немецкий еврей). Командир школы пограничников — Глейзер (литовский еврей). Комиссары 5-й советской дивизии — Дзеннис и Полонский (литовский еврей). Комиссар армии на Кавказе — Лехтинер. Чрезвычайные комиссары Восточного — фронта Шульман и Бруно. Члены военного совета Казани — Розенгольц, Майгар и Назенгольц, Комиссар Петроградского военно-

го округа — Гутпис. Военный комендант Петрограда — Цейгер. Командующий краснотроцкистами во время Ярославского мятежа — Геккер. Командующий Восточным фронтом против чехословаков — Вацетис (латышский еврей). Командующий Московским военным округом — Буткус (литовский еврей). Член Военного Совета — П.П. Лацимер. Начальник (S.R) военного командования — Элан Соломонович Кольман (бывший австрийский офицер). Комиссар Московского военного округа — Медкас. Начальник обороны Крыма — А. Зак. Командующий Курским фронтом — Слузин, его помощник — Зильберман. Комиссар румынского фронта — Спиро. Предревштаба штаба армии Северной армии — А. Фишман (еврей). Председатель Совета армий Западного фронта — Познер. Военно-судебный комиссар 12 армии — Ромм. Комиссар 12 армии — Мейчик. Комиссар Витебска — Дайбе. Комиссар 4-ой армии — Ливензон. Комиссар Московского военного округа — Губельман. Комиссар военных реквизиций города Слуцка — Калманович (литовский еврей). Комиссар Самарской дивизии — Глузман. Политический комиссар для той же Самарской дивизии — Бекман. Комиссар по реквизиции в Московском военном округе — Зусманович. Представитель на переговорах с немцами — Давидович (доктор). Комиссариат внутренних дел: (все евреи): Нарком Зиновьев (Апфельбаум). Начальник отдела пропаганды — Гольденрудин. Помощник наркома — Урицкий.

Председатель экономической комиссии Петроградской коммуны — Эндер. Зам. председателя по гигиене — Рудник. Комиссар по эвакуации беженцев — Фенигштейн, его помощник — Крохмаль (Загорский) и Абрам. Комиссар Петроградской печати — Володарский. Гражданский начальник Петрограда — Шнейдер. Гражданский начальник Москвы — Минор. Комиссар печати Москвы — Красиков. Комиссар милиции Петрограда — Файерман. Начальник бюро печати Мартинсон. Комиссар безопасности Москвы — К. Розенталь. Члены Петроградского ВЧК: (все евреи): Шейнкман. Гиллер. Козловский. Модель, И. Розмирович. Дисперов (армянский еврей). Иосилевич. Бухьян (армянский еврей). Мернис (литовский еврей). Пайкерс (литовский еврей). Анвельт (немецкий еврей). Члены Петроградского совета: Зорге (еврей), Радомысльский (литовский еврей). Члены Московской ВЧК: Председатель — Дзержинский (польский еврей!!? — В.М.), его заместитель — Петерс (латышский еврей!?). Члены коллегии ВЧК (евреи): Шкловский, Кнейфис — (позднее Председатель Киевской ВЧК — свирепость которой описана в книге Мельгунова «Красный террор»). Размирович. Кронберг (позднее председатель ВЧК в Орше и Смоленске). Цейстин. Хайкина (женщина-еврейка). Карлсон (литовский еврей). Шауман (литовский еврей). Леонтович. Ривкин. Антонов. Делафарб. Циткин. Е. Розмирович. Г. Свердлов. Бисен-

ский. Блюмкин (убийца посла Мирбаха). Александрович (сообщник Блюмкина). И. Модель (Председатель совета Трубецкого бастиона Петропавловской крепости). Ройтенберг. Финес. Яков Гольдин. Гальперштейн. Книгиссен. Закс. Лацис (латышский еврей). Дайбол (латышский еврей). Сейзан (армянский еврей). Депкин (литовский еврей). Либерт (начальник Таганской тюрьмы). Фогель (немецкий еврей). Закис (литовский еврей) Шилленкус. Янсон (литовский еврей). Комиссариат иностранных дел (все евреи): Чичерин (полуеврей). Его заместители: Карахан (крымский еврей, Караим) и Фритче. Начальник паспортного отдела — Марголин. Посол в Германии — А. Иоффе (лучший друг Троцкого, заодно организатор коммунистического еврейского путча в Германии). Далее назовем Левина, военного атташе советского посольства в Германии (расстрелян в Германии, в связи с тем, что был организатором еврейского коммунистического путча в Баварии и Комиссаром Советской еврейской республики Баварии). Шеф Пресс-бюро и разведывательной службы советского посольства в Германии — Т. Аксельрод. Советский представитель в Вене и Лондоне — Каменев (Розенфельд). Советский представитель в Лондоне и Париже — Бек. Посол в Христиане (Норвегии) — Бойтлер (арестован англичанами). Консул в Глазго — Малкин (был осуждён в Англии на 5 лет за большевистскую пропаганду и диверсионную деятельность).

Делегат на мирных переговорах в Киеве — Христиан (Хаим) Раковский. Его помощник — Мануильский. Министрский юрист — Астшуб. Консул в Киеве — Грюнбаум (Кжевинский). Консул в Одессе — А. Бек. Посол в США — Л. Мартенс (немецкий еврей). Самой собой — в Комиссариате финансов (кроме двух возможных полуевреев все чистые евреи): Первым комиссаром был Мержвинский (польский еврей), (перед этим изгнанный из Юнион Банк в Париже за незаконные операции, где подвизался брокером). Его зам. — Дон Соловей (ранее помощник аптекаря). Затем комиссаром стал

Евреи, в поте лица своего работающие в шахте

Исидор Гуковский, ранее работавший у фабриканта Нобеля в Петербурге. Его замы: И. Аксельрод, С. Закс (Гладнев), начальник отдела займов — Боголепов. Хашкан — общий секретарь. Берта Хиневич — помощник секретаря. Президент финансового Конгресса Советов — М. Лацис (еврей). Его помощник — Вейцман. Комиссар по урегулированию русско-германских финансовых счетов — Фюрстенберг-Ганецкий. Главный чиновник комиссариата — Коган. Администрация Народного Банка: Михельман. Закс. Абелин. Аксельрод. Садников. Финансовые представители: в Берлине — Ландау, в Копенгагене — Воровский, в Стокгольме — Абрам Шенкман. Ревизор Народного банка — Кан. Его зам. — Горенштейн. Главный комиссар по ликвидации частных банков — Анрик, его помощник — Моисей Ковш. Члены Комитета по ликвидации частных банков: Элиашевич. Г. Гифелих. А. Рогов (еврей). Г. Лемерих. А. Плате (литовский еврей). Комиссариат Юстиции (все евреи): Комиссар — И. Штейнберг. Комиссар апелляционного суда в Москве — А. Шрейдер. Председатель московского Ревтрибунала — И. Берман. Комиссар сената в Петрограде — Бер. Председатель Высшей Революционной Комиссии Республики —

Лев Троцкий. Председатель следственной комиссии ревтрибунала — Глузман. Следователи Трибунала: Легендорф и Слуцкий. Генеральный прокурор — Фридкин. Главный чиновник по Кодификации — Гойнбарк. Секретарь Народной комиссии — Ширвин. Помощник Народной комиссии — Лутцкий. Народные защитники: Г. Антокольский. И. Бейер. В. Аронович. Р. Биск. А. Гундар. Г. Давыдов. Р. Кастарьян (армянский еврей).

Комиссариат Здравоохранения и Гигиены (все евреи): Комиссар — П.И. Дауге (немецкий еврей). Начальник фармацевтической службы — Раппопорт. Его зам. — Фукс. Председатель комиссии по венерическим болезням — П.С. Вебер. Председатель комиссии по заразным болезням — Вольфсон. Б.М. Эльцин, член РСДРП с 1898 г., большевик. В 1917 г. председатель Екатеринбургского Совета. (Не родня ли Эльцина?!). В 1919—1920 гг. председатель Уфимского губревкома и губисполкома. С 1921 г. председатель коллегии и член правления Главполитпросвета. В 1929—1936 гг. в ссылках и политизоляторах. В 1936 г. расстрелян. В.Б. Эльцин, коммунист-оппозиционер, сын Б.М. Эльцина. Член РСДРП(б) с 1917 г. В 1918 г. председатель Вятского Совета. В годы Гражданской войны политкомиссар дивизии. Выпускник Института Красной профессуры и экономист. Главный редактор полного Собрания сочинений Л.Д. Троцкого. С 1928 г. в ссылках, политизоляторах, лагерях. Расстрелян.

Комиссариат Народного образования: Луначарский (еврей). Секретарь Комиссариата — М. Эйхенгольц. Комиссар северного округа — З.И. Грунберг. Председатель комиссии Образовательного Института — Т. Золотницкий. Начальник муниципальной секции — А. Лурье. Начальник по Пластическим искусствам — Штернберг. Начальник театральной секции — О. Розенфельд (жена Каменева и сестра Троцкого), её помощник — Зац. Директор 2-ого департамента — Гроним. Члены и академики Социалистической Академии Наук (все евреи): Рейснер. Фриче (литовский еврей). Гойкхборг. М. Покровский (историк). Вельтман. Собельсон (Радек). Крупская (тут утверждается, что она еврейка). Нахамкес (Стеклов). П.И. Стучка. Немировский.

И. Раковский. К.П. Левин, М.С. Ольшанский, З.Р. Теленберг, Гурвич, Лудберг. Эрберг. Келтулан (венгерский еврей). Гроссман (Рощин). Крачковский. Урсинен (финский еврей). Тонно Спрола (финский еврей). Розин. Данчевский. Глейзер. Годенрудин. Будин. Ротштейн. Чарльз Раппопорт. Лурье. Почётные члены академии: Роза Люксембург (немецкая еврейка), Клара Цеткин (немецкая еврейка). Меринг (немецкий еврей). Гуго Хаазе (немецкий еврей). Литературное Бюро Пролетариата (все евреи): Эйхенгольц. Полянский (Левбедев). Херсонская. В. Зайцев (подчеркивается, что еврей). Брендер. Ходасевич. Шварц. Директор 1-го департамента Комиссариата Народного просвещения, к которому относилась вся Академия Социалистических наук — Познер. Нач. Канцелярии комиссариата Народного просвещения Альтер.

Комиссариат Социальной Помощи (все евреи): Комиссар — Е. Лилина (Книгиссен). Директор — Паулнер. Секретарь Е. Гельфман. Помощник секретаря — Роза Гауфман. Начальник пенсионного отдела — Левин. Начальник Комиссариат Общественных работ (все евреи): Комиссар — В. Шмидт (подчёркивается, что еврей). Его помощник Радус (Зенкович). Начальник комиссии по общественным постройкам — Гольдбарк. Комиссар общественных работ — М. Вельтман. Его помощник — Кауфман (немецкий еврей). Секретарь комиссариата — Раскин. Член комиссариата — Кучнер. Начальник отдела взрывных работ — Заркх. Комиссия по восстановлению города Ярославля (сильно повреждённого в результате подавления левозэсеровского мятежа, все евреи): Председатель — И.Д. Тартаковский. Генеральный подрядчик — Исидор Заблудовский. Все представители Советского государства в международном Красном Кресте евреи и личные шпионы Троцкого (в других странах). Собельсон (он же Радек) руководитель коммунистического еврейского путча в Германии в 1918 г., так называемого «Спартакковского движения». В Вене — Дж. Берман, был арестован в Австрии и выслан из страны за подготовку коммунистического еврейского путча вместе ещё с

13 евреями, членами австрийской компартии. При аресте у Бермана с собой было 2,5 миллиона австрийских крон денег. В Варшаве: А. Клоцман. Альтер. Веселовский (Веселовский выслан из Польши вместе с ещё 5 евреями за подготовку коммунистического еврейского мятежа. При нём найдено три миллиона рублей). В Бухаресте: Ниссенбаум. Путешествовал по паспорту как бельгийский гражданин «Гильберт». В Копенгагене: Баум. Председатель Центрального комитета Красного Креста в Москве (Международной террористической организации по распространения мировой еврейской революции на Европу): Бенжамин (Вениамин) Моисеевич Свердлов (брат Якова Свердлова). Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ) (Все евреи): Председатель — Рыков. Председатель Петроградского ВСНХ — Эйсмонт. Его зам. — Ландеман. Начальник в Петрограде — Крейнис. Зам. Рыкова — Красиков. Начальник общей секции в Москве — А. Шотман. Его помощник — О. Хайкина. Начальник восстановительного отдела — Кичвальтер. Ответственный за восстановление — Н.А. Розенберг. Его помощник — Зандич. Начальник нефтяного Комитета — Таврид. Начальник рыбного отдела — Кламмер. Начальник угольной секции — Ротенберг. Начальник Транспортной секции — Кирсян (армянский еврей). Его помощник — Шлемов. Начальник металлургической секции — А. Альперович. Бюро ВСНХ (все евреи): Крейтман. Вайнберг. Красин. Лурье (Ларин). Чубарь (отмечается, что еврей). Гольдблатт. Ломов. Альперович. Рабинович. Донецкий комитет ВСНХ (все евреи): Коган (Бернштейн).

А.И. Очкис. Полонский. Биск (литовский еврей). Классен (литовский еврей). Лившиц. Кириш (немецкий еврей). Крузе (немецкий еврей). Вихтер. Розенталь. Симанович. Члены кооперативной секции (все евреи): Любомирский. Хинчук. Зедельгейм. Тагер. Хайкин. Кричевский. Члены шахтёрской секции (все евреи): Косиор. Гольдман. Ленгникс. Гольцман. Шмидт. Смит Фолькнер. Рудзутак. Сортель. Рейнсвит. Блюм. Катцель. Четков. Еврейские руководители на периферии (многие из них — евреи): Комиссар Сибири — Хайтис. Председатель Совета рабочих депутатов Сызрани — Белинский. Председатель Совета рабочих депутатов Казани — Шенкман (убит). Председатель Совета шахтеров Донецкой области — Ливензон. Председатель Совета рабочих депутатов Нарвы — Дауман. Председатель совета рабочих Ярославля — Закхейм. Председатель совета рабочих депутатов Царицына — Эрман (убит). Председатель совета рабочих Оренбурга — Вилинг. Председатель Совета рабочих депутатов Пензы — Либерзон. Председатель Таврического совета рабочих — А. Слуцкий. Комиссар финансов Западных областей — Самовер. Председатель Киевского Совета — Дреллинг. Его помощник — Гинцбергер. Председатель Думы Белой Церкви — Рутгаузен. Его помощник — Лемберг. Народный комиссар республики Донецка — Райхенштейн. (убит офицерами полковника Дроздовского). Комиссар республики Донецка — Исаак Лаук. Шмуклер (просто Шмуклер в списке) Центральное Бюро Профсоюзов (позднее ВЦСПС): Рафес. Давидсон. Гинцберг. Бриллиант. Профессор Смирнов. (Все евреи). Комитет по расследованию обстоятельств смерти императора Николая Второго (все евреи, кроме, может быть, Максимова и Митрофанова): Свердлов. Сосновский. Теодорович. Розин. Владимирский (Гиршфельд). Аванесов. Максимов. Митрофанов. Комитет по запросам бывших служащих старого режима: Председатель — Муравьёв. Члены: Соколов. Остальные явные евреи: Идельсон. Грузенберг. Соломон Гуревич. Гольдштейн. Тагер. Журналисты официальных коммунистических газет: При газетах «Правда», «Известия», «Финансы и Народное Хозяйство»: Все евреи: Динн. Бергман. Кун. Диамант. А. Брамсон. А. Торберт. И. Б. Голин. Бит-

нер. Е. Альперович. Клойснер. Стеклов (Нахамкес). Ильин (Цигер). Гроссман (Розин). Лурье (Румянцев). При газете «Воля Труда» (все евреи): Закс. Полянский. Е. Катц. При газете «Знамя Труда» (все евреи кроме главного редактора Максима Горького): Штейнберг. Ландер. Ярославский. Эфрон. Б. Шумахер. Левине. Биллин. Давидсон. При индустриальных и коммерческих газетах (все евреи): Бернштейн. Коган. Гольдберг. В. Розенберг. Рафаилович. Громан. Кулишер. Славенсон. И. Геллер. Гаучман. Шухман. П. Бастель. А. Пресс. А. Мох. Л.С. Элиасо. Или же взять руководство других партий России. ЦК ВКП меньшевиков: Мартов (Цедербаум). Диманд. Н. Гиммер. Штраус. Ратнер. Либер. Зонн. Дан. Гоц. Раппопорт. Ещё один Цедербаум брат Мартова. ЦК партии эсеров (правое крыло, все евреи): А. Керенский (Кирбис). Аронович. Гисслер. Давыдович. Гуревич. Абрамович. Гольдштейн. Лихач. Хинчук. Берлинрут. Дистлер. Чернявский. Розенберг. Чайковский. Ратнер. ЦК партии эсеров (левое крыло, все евреи): Штернберг. Левин. Фишман. Лендбург. Зитца. Ландер. Каган (Грессер-Камков). Кац (Бернштейн). Фейга Островская. Начман. Карелин. Мария Спиридонова (еврейка, как и еврей Борис Савинков-Ропшин и масса других имен и фамилий). Центральное Бюро партии «народников» (все евреи): Раппопорт. Гребнер. Вилькен. Диамант. Каус-

Евгений Дюринг

нер. Шатров. ЦК партии польской диаспоры (все евреи): Радек (Собельсон). Зингер. Берсон. Финкес. Гаузер. Мандельбаум. Панский. Гейдман. Тутельман. Вольф. Крохмаль (Загорский). Шварц (Гольц). Комитет партии московских анархистов: Я. Гордин, Л. Черный, Блейхман, Ямпольский, Крупенин. Список этот многое объясняет, показывая, сколь значительна (а точнее сказать, исключительна) роль евреев в России и революции. И всё же нам не следует быть ни адвокатом бога, ни адвокатом дьявола.

Многие при этом вспоминали слова Е. Дюринга (довольно злые и, увы, не всегда справедливые): «После банкротства своего государства иудеи только и могли что скитаться, рассеявшись паразитами среди других народов, действуя на них антигуманно (и) разлагающим образом. После длинной этого рода истории торговли в разнос, в новейшее время и особенно во второй половине 19-го столетия исторически набухшая злоба к другим народам, которые приютили их у себя, выражалась у них ещё и в том, что они среди них сеяли социальную классовую ненависть. За это в последнее время они пожали усиленную расовую ненависть и отменнейший антигебраизм. Они пытались эксплуатировать революцию, но только себе же нагадили... Где государство обнаруживает симптомы разложения, иудеи тотчас же тут как тут, пролезая в самые гнилые места. То же самое делают они с сословиями и партиями. Ещё ни одна профессия и ни одна партия, подпавшие ожиданию, не могли жить здорового жизнью». Далее он же, говоря о немецкой партии национал-либералов, прямо указывает на её еврейское нутро: «Что бы о себе ни думала немецкая интеллигенция, все-таки жида провели её в двояком смысле слова. Гармония между профессорами и жидами характерна и для той и для другой стороны. Кстати сказать, жида старательно домогаются университетских профессур; ибо они чувствуют, что в этой сфере немножко пахнет гнилью. Упадок манит их сюда, как и всюду. Наоборот, профессора пользуются иудеями ради того, чтобы путём наглой рекламы выдавать подгнившее здание за нечто в высшей степени основательное и прочное. Кокетничают они и с

литературными иудеями и даже ползают перед ними, чтобы они своею прессою и своими газетами хоть немножко наводили лака на профессорские авторитеты, в чём эти господа даже очень нуждаются. С своей стороны, иудеи также делают себе из этого кой-какой гешефт. Они эксплуатируют таким образом в свою пользу не только партии, но и одно из важнейших ведомств, в котором они всего вреднее, — ведомство высшего просвещения. Вряд ли такие оценки отвечают гуманизму и духу времени. Нельзя согласиться и со словами предисловия к книге немецкого философа: «Отличие России от других стран в этом отношении состоит лишь в том, что $\frac{9}{10}$ всей еврейской народности находится в России, и потому русскому народу приходится выносить на своих плечах в девять раз более от жёстких особенностей еврейского характера, чем другим народам земного шара. При этом на долю России приходится наиболее фанатическая и наиболее невежественная часть всего еврейства». Конечно, порой видим их стремление «к материальному захвату», которое «доминирует над всем остальным в еврейской жизни», их эгоизм, их апломб и невежество. Но разве эти качества, опять-таки, являются исключи-

М. Шагал. Белое распятие

тельным свойством евреев?! Вовсе нет. Немало полезного сделали они.

В 1919 г. еврей Коган писал в газете «Коммунист»: «Можно сказать без преувеличения, что великий русский социальный переворот в действительности является делом рук иудеев. Разве тёмные, угнетённые массы рабочих и крестьян были бы в состоянии собственными силами сбросить иго буржуазии? Безусловно, нет; иудеи были теми, кто дали русскому пролетариату зарю Интернационала, и не только дали, но и теперь ведут дело Советов, крепко находящееся в их руках. Мы можем быть спокойны, пока верховное командование красной армии находится в руках товарища Троцкого. Хотя среди рядовых в Красной армии иудеев нет, но, находясь в комитетах, в советских организациях и в командном составе, иудеи ведут храбрые массы русского пролетариата к победе. Недаром при выборах во все советские учреждения иудеи получают подавляющее большинство голосов... Символ иудейства, иудейская борьба (?) с капитализмом, сделался символом русского пролетариата, что видно из принятия красной пятиконечной звезды, которая, как известно, в старые времена являлась символом сионизма и иудейства. Под Красной Звездой придёт наша победа и смерть тунеядцам...» Высказывание это, возможно, и смутит иных ярых сторонников торжества «русской национальной идеи». Конечно, многие евреи ненавидели царскую Россию. История, рассказанная Е.А. Никольским, относится к 1905 г.: «Я сейчас был свидетелем возмутительного действия, произведённого вами. Вы сорвали свой собственный трехцветный флаг, цвета которого обозначают наше национальное отличие от других народов. Если вы рвёте и втаптываете в грязь этот флаг, то вы тем самым топчете своё собственное лицо, грязните свою честь, честь русского человека. Посмотрите внимательно на того, кто вас ведёт и кто приказал вам топтать в грязи вашу честь — еврей в бобрах. Все головы оборотились к еврею, который толкал кучера в спину, веля ему ехать. Нигде в мире ни один иностранец — всё равно какой национальности — не делает того, что делаете вы, русская молодежь, студенты университета. Голос из толпы: «Мы рвали царский флаг». — Нет, не царский, — отве-

тил я, — а ваш собственный. Царский флаг находится недалеко от вас, на Зимнем дворце. Он — желтый с чёрным орлом. А это — русский». До сих пор кое-где бытует мнение, что большевистскую революцию в России разожгли и сделали «жиды»; она, дескать, плод чисто еврейских вожделений и планировалась исключительно с целью создания нового мирового порядка.

В. Солоухин в 1997 г. в «Нашем современнике» писал: «Общезвестно, что в составе правительства первых лет и даже первых двух десятилетий советской власти практически не было русских людей, держали одного-двух для блезиру». Но так ли это? Делали ли евреи погоду в советском государстве? Вряд ли можно принять на веру этот миф о полнейшем засилье евреев в органах Советской власти. В первом советском правительстве, созданном после Октябрьского переворота, из 15 народных комиссаров был только один еврей — Лев Троцкий. Во втором, единственном за всю историю коалиционном кратковременном правительстве было 24 наркома, трое из них евреи. «Вообще за все годы советской власти одновременно в лучшем случае были 4—5 народных комиссаров или министров. Четверть века Совнарком (Совет Министров) возглавляли русские — В. Ленин, А. Рыков, В. Молотов. Эта «математика», пишет Лейбельман, начисто опровергает миф о ленинско-еврейской революции. Её не могли не знать Солженицын, Солоухин и другие. Но был и средний слой.

Надо понять и вот что... После Октябрьской революции перед большевиками встала задача колоссальной трудности — следовало в кратчайшие сроки создать абсолютно новый государственный аппарат. Старый же не подлежал никакой реорганизации. Возникла острейшая проблема — кадры, требовалась уйма работников, не только преданных революции, но и грамотных. Тут и оказались востребованными еврейские юноши и девушки, что, как свидетельствует статистика, были «образованными, и в революции видели путь к свободе, к равноправию — и неудивительно, что очень многие, образно говоря, уходили «в революцию». Евреи, конечно, внесли большой вклад в победу Советской власти, в победу трудового народа. В одном из писем того периода есть такое наблюдение по поводу событий

Еврей-труженик

тех лет в России: «Более 150 000 евреев уже погибло за революцию на юге России». На кресте Русской Революции... Хотя факт наличия достаточно большого количества евреев у власти, в революционном (или демократическом) правительстве Кремлю как-то всё же приходилось объяснять трудящимся массам. Почему же в Советской России в эшелонах власти так много евреев?!

Вновь пример из частной переписки: «...Еврейское засилье абсолютно. Они всюду — в партии, на фабрике, на службах — всюду, где тепло и не дует, а где не платят месяцами жалованья, там их нет, там публика попроще — интеллигенция. Россия — это Палестина». Что за дела?! Ведь тут всё же Россия — не Палестина... Однако можно ли при этом утверждать, что среди евреев одни эксплуататоры? Разумеется, нет. Хотя цифры говорят, что они всегда предпочитали чистую и денежную работу. Дж. Розен, финансировавший переселение евреев «на землю», считал, что в Советской России лишь 5 % евреев занималось земледелием, 10 % — специалисты и государственные служащие, 15 % — рабочие и ремесленники, но большинство из них, т.е. 70 % — торговцы, кустари и даже «продавцы воздуха» (1925). А поскольку 75—80 % еврейского населения принадлежали к «старому миру», их следовало, по мысли социалистов-радикалов, если не ликвидировать, то подвергнуть «перековке». Так как большевики границу закрыли, скоро евреи по-

чувствовали, что означает «перековка», когда у власти оказались не они. Политуправление Республики, отвечая на запросы народа, вынуждено заявить в печати: «Когда российскому пролетариату понадобилась своя интеллигенция и полуинтеллигенция, кадры административных и технических работников, то неудивительно, что оппозиционно настроенное еврейство пошло ему навстречу... Пребывание евреев на административных постах новой России — совершенно естественная и необходимая вещь, будь эта Россия кадетской, эсеровской или пролетарской». Скажем прямо: на наш взгляд, это в целом верная точка зрения. Ранее уже отмечалось, что русская интеллигенция в значительном большинстве на первых порах выступила против власти народа. И что прикажете делать в этих условиях большевикам? Проклинать её или идти на поклон к буржуазным «спецам»? Так известно и то, что именно буржуазные «спецы» и создали костяк системы управления в Советской России. Если еврейская интеллигенция, как и часть русской, встали в этот сложный момент на сторону трудового народа, надо бы сказать им за это спасибо. То ли Блок, то ли Надсон писали о жизни в России: «И однозвучны стали в ней слова: «свобода» и «еврей». А кроме того, вспомните нашу историю. Если обратимся к ней, увидим, что русские и славяне никогда не стеснялись «звать на трон» чужие народы — варягов, татар, немцев, поляков, литовцев, правда, до поры до времени не евреев (было это официально — варяги, или, как с Ордой, — неофициально, не важно).

Приведём и подсчёты историков... В 1880 г. из примерно 65 миллионов русских людей 1 миллион — дворяне, 800 тысяч — священники, 1 300 000 — разночинцы и интеллигенция. Эти 3—3,5 миллиона людей — весь образованный слой всего русского народа, так сказать «русские европейцы». В этом слое, особенно в быстро растущей интеллигенции, масса тех, кто образован или элементарно грамотен в первом-втором поколении. К 1914 г. число интеллигентов выросло вдвое, теперь уже «русских европейцев» — 5 миллионов человек. При этом 60 миллионов из 65 миллионов взрослых в русской России — неграмотны. Евреев же в 1880 г. проживало в империи порядка 4 миллионов человек, в 1914 г. — уже бо-

Еврейская школа в Харькове

лее 5 млн. И все эти 4—5 миллионов человек, составлявших еврейскую Россию, пожалуй, грамотны поголовно. Вот и вся «культурная математика». Если сюда добавим прибалтов и поляков как просвещенный и образованный элемент империи, то тут и ответы... Мы уже не говорим о немцах, возможно, самом конструктивном и полезном элементе.

Иных же буквально колотит, словно припадочных, стоит лишь заговорить о евреях. Это как некая страстная любовь (или ненависть), что всё время ноет словно незаживающая рана... От любви до ненависти один шаг. В 1914 г., когда Россия вступила в мировую войну, депутат IV Государственной думы И. Фридман от имени евреев заявлял: «Мы всегда чувствовали себя гражданами России и всегда были верными сынами своего отечества... Никакие силы не отторгнут евреев от их родины — России, от земли, с которой они связаны вековыми узами». Хотя известные авторы, вроде О. Платонова в «Терновом венце России» говорят: «Ценой огромных потерь Русский народ стал главной преградой на пути установления мирового господства иудейско-масонской цивилизации». Надо трезво взглянуть правде в глаза. Оставим рассуждения на тему о злом или добром в евреях. Не будем ни превозносить их безмерно, ни хулить и бранить, что есть мочи... Скажем, Розанова бросало в этом вопросе из стороны в сторону... То восхищался ими, занимаясь открытым юдо-

фильством («нет никого добрее на свете», «самая человечная нация», «да будет благоденствен еврей» и т.д. и т.п.), то во времена обострения антисемитизма юдофобствовал, хотя и робко, говоря, что «еврей силится отмыть какую-то мировую нечистоту с себя, какой-то допотопный пот». А чтобы не заподозрили в антисемитизме, не дай бог, тут же расшаркивался перед Гершензоном: «Антисемитизмом я, батюшка, не страдаю: но мне часто становится жаль русских». Евреи его очень интересовали, хотя он считал: «Почти не встречается еврея, который не обладал бы каким-нибудь талантом, но не ищите среди них гения». Ну а с другой стороны, вспоминаются строки из воспоминаний П. Флоренского. Тот, говоря об отце, что относился недоверчиво и даже презрительно, как к мальчишеским притязаниям, к попыткам социалистов переделать общество, не раз вспоминал его слова. Отец «в часы особой мрачности, с болью и как бы опасаясь своих слов, приводивших к нулю его предыдущие рассуждения о том, что надо же всем дышать, мрачно добавлял самому себе: «Равноправие, равноправие... а всё-таки нас (т.е. Рос-

Еврейская опасность.
Французское издание 1934 г.

сию) съедят господя евреи. Это — народец, с которым придется ещё повозиться. Но никакого выхода я не предвижу». И ещё более мрачно замолкал». Вот и русский экономист С. Шарапов всё убеждал нас: «Вот это наша, русская земля, наша родина, наш дом. Евреи — недруги христианства, и им здесь места нет». Я отнюдь не против славянофилов, хотя предпочту скорее умных, грамотных, энергичных, умелых и не вороватых русских, но так или иначе мусульмане и евреи нам даны историей. Они составляют неотъемлемую часть не только всего социума, но русской души, нашего дома.

Поэтому антисемитизм глубоко чужд русскому... Да и само слово «антисемитизм» вошёл в общественный оборот в 1879 г. немец, журналист В. Марр, говорят, не слишком удачливый социалист. Курьёз и то, что сам Марр не был ни консервативным националистом, ни верующим христианином, для которых предвзятое отношение к иудеям — дело вполне привычное. Его ненависть к евреям не опиралась на традиции прусского дворянства, презиравшего инородцев, не использовала она и доводов христианского антииудаизма. Автор термина, взятого на вооружение нацистами в двадцатом веке, был человеком левых убеждений, атеистом, социалистом и анархистом, пропагандирующим коммунистические идеи. И одно из крылатых выражений сего борца за всеобщее равенство и счастье звучало: «Нельзя быть социалистом и не быть антисемитом». В 1879 г. вышла в свет и его ставшая сразу знаменитой брошюра «Победа еврейства над германством. С неконфессиональной точки зрения». Антисемитизм как система свил гнездо в культурной Германии, где вскоре объявится фашистский ястреб. Но в России, заметьте, этого не случилось. Хотя и у нас были свои антисемиты.

И. Бунин в своём одесском дневнике «Окаянные дни» запишет 17 апреля 1919 г.: «Левые» все “экспессы” революции вают на старый режим, черносотенцы — на евреев. А народ не виноват! Да и сам народ будет впоследствии валивать всё на другого — на соседа и на еврея». Конечно, главный субъект событий — народ! Глядя на древние стены Кремля, хотелось бы сказать вместе с поэтом: «Тут Русский дух, тут Русью пахнет!» Вольно или невольно, а русский человек вновь задаётся вопросами,

которые сто лет назад поднимали наши националисты. О нет, мы не повторяем лозунга царя Александра III: «Россия для русских!» Хотя и слова деятелей Всероссийского Национального Союза актуальны: «Россия для русских. Политическое господство и наиболее выгодное экономическое положение в России должно принадлежать русским. Русский народ и все русские национальные союзы должны заботиться об экономических выгодах и удобствах для русского населения». Лозунг правомочен и справедлив, ибо прежде всего усилиями русских была создана Империя (и, давайте честно, в борьбе с другими народностями!). В ходе ассимиляции русские никогда не проявляли «людоедского характера», оставляя «побеждённому его веру, его язык, его нравы и обычаи, насколько последние не противоречат законам русского государства». Но даже при всём уважении и братской любви к соплеменникам других наций нельзя не видеть, что у иных присутствует ныне органическая враждебность к русским. Прежде всего, у так называемой элиты, представленной космополитической интеллигенцией. Той открыт наиболее лёгкий доступ к общественным верхам, которые переполнены

Националистическая карикатура

инородческими элементами, а местами почти и монополизированы ими. «И даже... в управлении страной — инородческое вторжение и засилье идёт беспрепятственно и постепенно увеличивается». Сто лет назад те заявляли: «Это — великая государственная опасность, угроза единству и целостности Русской Державы, посягательство на самые основы русского господства в России». Идёт «мирное завоевание России другими народами». И всё-таки и ныне мы — решительные противники версии жидомасонского заговора. И дело вовсе не в их активном участии в революции и терроре. Это было. Но сама мысль, что Россия может стать безвольной и бессловесной рабой «жидомасонского лобби» в России, которое и воцарится над Русью, словно Саваоф, является по большому счёту оскорбительной и ущербной. К тому же, всегда отделяли и отделяем честного еврея-патриота России, будь то революционер, деятель науки, образования или культуры от представителей криминализованного еврейства. Это справедливо и в отношении капиталиста, финансиста, банкира. Но и тут не видим большого отличия в поведении евреев от действий господ любой иной национальности. В том числе русских. Если Ленин и прав, говоря: «русский умник почти всегда или еврей или человек с примесью еврейской крови», нужно ли выяснять долю крови в гражданине России?! Не лучше ли сделать так, чтобы кровь, чья бы она ни была, какой бы расе и народу ни принадлежала, не лилась бы понапрасну, а все жили счастливо, и в едином отечестве?! И всё же общий итог Гражданской войны был для евреев достаточно трагичен: 2000 погромов, 100 000 погибших, 0,5 млн остались без крова (но цифры нуждаются в проверке). Хотя это общая наша боль.

Говоря об участии евреев в революции в России, надо помнить, что в евреях было и есть две главнейших ипостаси — бунтарско-революционная, мятежная, разрушительная, но и мессианско-пророческая, другая — сугубо накопительно-конструктивная, созидательно-прагматическая, конформистская. *Rerum concordia discors* (сочетание противоречивых вещей). Начала уживаются и переплетаются, соседствуя друг с другом, преследуя в знаменателе одну цель — выгоду и умножение народа Израиля. Любой поворот или переворот, любая революция или кон-

трреволюция вызывают в них лихорадочный приступ массовой активности, а порой даже и истерии, которые еврей пропускает и не сёт *per ipsum, et cum ipso, et in ipso* («через себя, и с собою, и в себе»). Еврей, как и всякий другой (русский в том числе), является социальной машиной, не всегда сознавая себя таковой.

К примеру, известный русский психолог П.Д. Успенский считал, что человек приводится в движение «внешними явлениями и внешними толчками». Ему кажется, он совершает те или иные действия (войны, революции) самостоятельно. На самом деле он «представляет собой марионетку», приводимую в движение невидимыми нитями. Если понимает это, ещё может повлиять на ход событий («возможны и определенные изменения»). «Он не единое, а многое... Он всегда различен. В один момент он один, в другой — другой, в третий — третий и так далее до бесконечности». Он меняется с эпохой. Социальные психологи находят разные причины социальных катаклизмов — от вспышек на Солнце до изменений климата и похолодания, которые завершались битвой за ресурсы. Возможно, иным трудно будет это понять, но у каждого поколе-

Красный еврей

ния должна быть своя революция. Обновление! Только в этом случае оно живёт по-настоящему, полной жизнью и страстью!

Мессианская идея всегда жила в еврее, удивительным образом соединяясь в них с любовью к деньгам... Проживавший в Италии А.В. Амфитеатров выпустил брошюру: «Происхождение антисемитизма. II часть. Еврейство — как дух революции». Брошюра составляет содержание лекций, прочитанных в Париже, осенью 1905 г., в самый разгар первой революции в России. Он писал: «Два раза социальная совесть, воплощаемая еврейством, торжествовала над миром огня, меча и золота. Первый раз, когда она родила и выделила из себя евангельский идеал. Второй период переживаем мы. Период, когда пробуждающаяся совесть Европы вооружилась догматами великих социалистов, рождённых и воспитанных еврейством, чтобы разрушить свои церкви, государства, сословия, неравенство классов для того Нового Иерусалима, о котором первые сны рассказал нам еврей Исайя, а последние систематические планы — еврей Маркс. Да, еврейство — революционная сила в мире... И это не потому только, что евреям худо живётся среди народов в своём рассеянии и что они изнемогают в бесправном страдании от подозрительных гонений... Еврейское революционерство далеко не простой и грубый ответ на преследования еврейства. Те, кто угадали в погромах в чертах оседлости, в разновидностях гетто — с одной стороны, в еврейском революционерстве — с другой, элементы классовой борьбы, глубоко правы... Еврей осужден на революционерство потому, что в громах Синая ему заповедано быть социалистическим ферментом в тесте мира, видоизменяющего типы буржуазного рабства. Евреи никогда не были довольны ни одним правительством, под власть которого отдавала их историческая судьба. И не могут они быть довольны и не будут, потому что идеал совершенной демократии, заложенный в душе их, нигде ещё не был осуществлён. А борьба за этот идеал — вся их история...». Поэтому евреи, как и русские, восприняли Революцию всем сердцем. Активно участвуя в Гражданской войне «на еврейской улице», они верили, что тем самым приближают и своё светлое будущее.

И как отнестись к их роли? Даже и не будучи исключительным поборником какой-

то одной нации, всё же приходится признать, хотя это и досадно, что в те страшные годы, когда Россия буквально разваливалась на куски, прежде всего евреи бросили всю мощь их таланта на сохранение и укрепление единой и неделимой Советской России. Сохранение страны — после того, как монархия проигрывала одну битву за другой, а буржуазные демократы и монархисты рвали Россию на куски, дрались за призраки власти — произошло всё же не благодаря русским или евреям, а благодаря пролетариатам, крестьянам, интеллигентам России! Причём, совершенно различных национальностей! Хотя и роль евреев объективно велика! И Н.Ф. Болдырев в книге о Розанове («Семя Озириса») заметил: «И вот, когда государство русское рухнуло с лёгкостью необычайной, когда «народ-богоносец» с невероятной легкостью забыл дорогу к храму, принявшись за бесчинства, когда никакой русской общины не обнаружилось и в помине и вступили в права волчьи законы, Розанов с новой ясностью увидел мощь и мудрость еврейской родовой спайки, подлинный, в лучшем смысле слова Домострой еврейского «кагала» — живой, абсолютно не формализованной социальной ячейки. И вот, среди холода и мрака 1918 года, среди почти абсолютной разъединенности русских людей, поделившихся на партии взаимной ненависти и истребления, Розанову видится ковчег горячий еврейской родовой преданности и взаимоподдержки, ковчег непотопляемый». Конечно, можно сказать: они поддерживали в первую очередь самих себя. Но ведь тем самым евреям поддержали и всю

Антирелигиозная пьеса в еврейском театре

Писатель Исаак Бабель

Русскую землю, воплотив в жизнь мечту, которую лелеяли поколения, сотни российских мыслителей, давнюю мечту лучшей части нашей интеллигенции о справедливом общественном устройстве. Так за что же вы их браните?! За что побиваете камнями?! Они шли плечом к плечу вместе с трудовым народом, беднейшей его частью, работая на укрепление Советского государства!!!

Стоило бы расширить понимание проблемы участия евреев в Русской революции. Широко бытует мнение о массовом, чуть ли не решающем участии евреев в Октябрьской революции. Но ведь это не совсем так. В 1922 г., на пятом году революции, в партии большевиков состояло 19 562 еврея — не слишком впечатляющий процент для почти четырёхмиллионного еврейского населения России. Да и эти 20 тысяч не были евреями в истинном смысле слова, а, как правило, дети выкрестов и ассимилянтов, что подтверждает первый комиссар по еврейским делам при сталинском наркомате Диманштейн. «Большевистская партия, — писал он в 1920 г., вспоминая дореволюционную пору, — никогда не вела особой работы среди евреев. Во время Февральской революции еврейские рабочие не были на нашей стороне. После Октябрьской революции положение было таким, что пришлось назначить секретарём евсекции человека, ни слова не знавшего по-еврейски. Да и я сам никогда не занимался общественной работой

среди евреев». К слову сказать, и будущий погром еврейской культуры — дело рук своих же евреев-отщепенцев («евсеки»). Среди «погромных декретов» для евреев заслуживает быть отмеченным один — о полном запрете языка иврит, объявленного контрреволюционным. «Мы не фанатики еврейского языка, — писал всё тот же Диманштейн. — Возможно, в близком будущем более богатые языки вытеснят повсюду еврейский. Мы, коммунисты, не прольём по этому поводу ни слезинки». Никакие евреи не сделали бы революции, если бы царская бюрократия и самодержавие её не подготовили, если бы её не поддержал народ. Нравится это кому-либо или нет, дело обстоит так, а не иначе.

У поэта В. Брюсова есть прекрасное стихотворение «Только русский», точно отражившее суть явления...

*Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жизнью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;*

*Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть!*

*Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ;
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, —*

*Но когда в толпе шумливой,
Слышишь брань и буйный крик, —
Вникни думой терпеливой,
В новый, пламенный язык.*

*Ты расслышишь в нём, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нём теперь — простор надежде,
В нём — свободный человек!*

*Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.*

*Полюби ж в толпе вседневный
Шум её, и гул, и гам, —
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам! (1919)*

Поэт В.Я. Брюсов

Евреи не лишены недостатков... Но, и признавая недостатки евреев, Бердяев видел в них наличие «жажды социальной справедливости». Так ли? Возможно... Хотя вот одно в его словах всё же бесспорно: «Когда мне приходится встречаться с людьми, которые ищут виновника всех несчастий и готовы видеть их в евреях, масонах и пр., то на вопрос, кто же виноват, я даю простой ответ: как кто виноват, ясно кто, ты и я, мы и есть главные виновники. И такое отыскание виновника представляется мне наиболее христианским. Есть что-то унижительное в том, что в страхе и ненависти к евреям их считают очень сильными, себя же очень слабыми и бессильными в борьбе, когда за нами стояло огромное государство с войском, жандармерией и полицией, евреев же считали очень сильными и непобедимыми в борьбе, когда они лишены были элементарных человеческих прав и преследовались. Еврейский погром не только греховен и бесчеловечен, но он есть показатель страшной слабости и неспособности. В основе антисемитизма лежит бездарность». И это правда.

Что делать? Всё или многое, как уж не раз говорили, зависит от нас самих, русских. Писатель-белоэмигрант И. Солоневич в «Белой монархии» сказал: «Еврейский вопрос решался в течение двух тысяч лет и не был решён. Есть два решения: или ассимиляция, или изоляция в отдельное национальное государство (сионизм). Мы можем сделать и то, и другое». Что лучше? Надо учесть, что при тесном союзе и взаимном уважении мы не должны отторгаться и разъединяться. Ведь много славных, героических дел сделано нами совместно, масса жертв была принесена сообща на один общий алтарь — алтарь нашей победы. «С расовой ненавистью к евреям у нас не выйдет ровно ничего». Конечно, «мистика антисемитизма» для нас вредна. Но ничуть не менее вредна и мистика национально-еврейского превосходства, которая порой слышится и в тоне евреев. В их пренебрежении русской культурой! В их гонении русской нации!!!

История учит: оказавшись у власти в России, порой и малый народ тут же норовит стать узурпатором... А потому вновь напомним слова Библии из «Второзакония»: «Итак, обрежьте крайнюю плоть сердца вашего, и не будьте впредь жестоковыйны» (гл. 10:16). Но «Интернационал» не оставил места открытому сионизму. «Что стало с тысячами раввинов, мозлов, резников, меламедов и просто верующих евреев? С синагогами, превращаемыми в клубы, склады и отхожие места. С изданием религиозной литературы. С богатейшими библиотеками, в которых хранились тысячи бесценных книг и ману-

Писец Торы

скриптов. С возможностью соблюдать кошер, субботу, праздновать религиозные праздники, что близко касалось евреев, даже не очень религиозных, но дороживших традициями, унаследованными от предков» (С. Резник). Что же произошло со светской литературой на иврите, с писателями, творившими на этом «реакционном» языке? Но с другой стороны... Такие деятели еврейской культуры как поэт Х.-Н. Бялик резко выступали против ассимиляции евреев в русскую культуру. «Всё остальное, всё, что между этим: свет их жизни, мощь своей молодости, избыток духа и изобилие силы, крики души и биения сердца, всё сокровенное и дорогое, накопившееся в их крови силой поколений и заслугами предков, — всё это они принесли добровольно, как всеожожение на жертвенники Бога чужого народа» (1924). Упомянув о таких заметных явлениях искусства, как «Слепой портной» Антокольского и «Писец Торы» Израэля, Бялик не просто гневно упрекал евреев в отсутствии лояльности, но и выдвинул против них обвинения едва ли не в предательстве еврейского народа. Свой приговор «провинившимся» он вынес за то, что главными и преобладающими в творчестве этих иудеев, как он считал, стали русские темы. А мне кажется, всё совсем наоборот: еврей России тогда является достойным евреем, если он в душе и культуре — русский!

Возможно, это покажется парадоксальным, даже неприемлемым для иных наших читателей, и всё же... А что если это Русский народ, увидев неспособность прежней элиты вытащить Россию из болота монархизма, социальной ущербности, следуя своей интуиции, взял да и сделал ставку на своих евреев как на грамотный, влиятельный, энергичный элемент внедрения! Тем более что в понимании ими христианской миссии, похоже, русские и евреи в чем-то очень близки. Хотя в такой опоре на «избранный народ» есть, право, и некоторая опасность. Они нередко остаются «агентами влияния» Израиля, своих финансовых национальных элит. Да и вряд ли стоит говорить о каком-то осознанном «призвании евреев» русским народом. Хотя звали когда-то на Русь варягов! В действительности, всё было одновременно сложнее и проще. Нам нужен был инструмент преобразований, нужен механизм, чтобы низвергнуть прогнившие ца-

ризм («коммунизм»). Ну и взяли евреев как подходящий инструмент. Ныне: надо возродить Россию, усилить её влияние в мире, войти туда экономически: сыграем хоть по-капиталистически, хоть по-каковски. При этом оставаясь русскими, с каждым годом, часом, минутой укрепляя великую Русь!

Россия, как известно, страна многонациональная... Ни одно другое крупное государство в мире, пожалуй, не имеет столь пёстрой национально-этнической физиономии, кроме янки. И все народы обладают богатой культурой, языком, традициями, религиями и т.д. и т.п. Вопросы национальной политики и национальных отношений сложны везде, в том числе и в России... В XIX—XX вв. Россия стояла перед выбором двух путей: один, условно говоря, русофильско-империалистический, другой — интернационально-социалистический. И вот первая линия потерпела поражение... Суть позиции первых выразил И. Солоневич в «Белой империи» (1939—1940). «И вот что я знаю совсем твёрдо. Русский рабочий и русский крестьянин, в несколько меньшей степени и русский интеллигент поняли: проворонили Империю, проворонили Россию и сидят сейчас в СССР, в котором житья нет». Но и он признал, что благодаря новой власти создан полуторастамиллионный монолит, которому даже «евреи не страшны». Дальше идут довольно резкие эскапады в адрес милейшего этого народа. Смысл таков: «Это до революции мы либеральничали и миндальничали», ибо оглядывались на «общественное мнение Европы». Но теперь этого русские делать не будут, а если кто-то из евреев будет мешать национальному развитию России, «подтачивать здание Империи нашей, которое будет построено по нашему плану, мы ни к каким тайным мероприятиям прибегать не будем. Мы будем вешать. Совершенно явно. Это не мешает иметь в виду». За такого рода мысли И.Л. Солоневич стал заключённым концлагеря, Свирского лагеря, откуда совершил побег. Эти свои мытарства он опишет впоследствии в книге «Россия в концлагере» (1936). В предисловии к ней он писал: «...тон моих очерков вовсе не определяется ощущением какой-то особой, личной обиды. Революция не отняла у меня никаких капиталов, ни движимых, ни недвижимых, по той простой причине, что капиталов этих у меня не было. Я даже не могу питать никаких специальных и личных пре-

тензий к ГПУ: мы были посажены в концентрационный лагерь не за здорово живёшь, ... а за весьма конкретное «преступление», и преступление, с точки зрения советской власти, особо предосудительное: попытку оставить социалистический рай... Даже и советски настроенный читатель должен, мне кажется, понять, что не очень велики сладости этого рая, если выходы из него приходится охранять суровее, чем выходы из любой тюрьмы». Конечно, делать рай из Советской России вряд ли исторически верно, да и нелепо. Но и бездумно отдаваться монархическим грезам и утопиям И. Солоневича не стоит. Надо помнить, что самодержавная утопия Солоневича сочеталась с идеей «русского фашизма», фюрерства, и могла быть использована различными политиками для идеологического обоснования борьбы против СССР.

Центром формирования «штабс-капитанского» движения, лидером которого и был И. Солоневич, стала Болгария, где он издавал свою газету «Голос России». В 1938 г. он обосновался в Германии, открыв новый печатный орган — «Наша газета». Однако уже три года спустя возглавляемое им движение было запрещено гитлеровским режимом. Не нашёл Солоневич и поддержки, особо подчеркну, у многих соотечественников, оказавшихся тогда, как и он, в зарубежье. Безусловно, иной позиции должно было бы придерживаться и придерживалось большевистское руководство России, включая Сталина. В статье «Политика правительства по национальному вопросу» («Известия», 1919) И.В. Сталин писал: «Советская власть не могла поддерживать единство методами

русского империализма. Советская власть признавала, что для социализма необходимо не всякое единство, а единство братское, что такое единство может притти лишь как добровольный союз трудовых классов национальностей России, или оно вовсе не придёт... На запрос советских национальных правительств об их признании, Российская Советская власть ответила безоговорочным признанием полной независимости образовавшихся советских республик. Поступая так, Советская власть следовала старой, испытанной политике, отрицающей всякое насилие над национальностями, требующей полной свободы развития трудовых масс национальностей». История показала, что путь большевиков в общем и целом (при всех «но») на том этапе был верен. Белые потерпели поражение, хотя и стояли за Империю, а победили-то всё же красные! Хотя и вешали, и стреляли в той кровавой борьбе и те и другие. Значит, причины побед красных в ином?!

Но вот что очень интересно... Истории было угодно так выстроить линию нашего исторического развития, что русский человек всё время словно «ходил под игом». То нами управляли варяги, то мы испытали на себе гнёт монголов, то жили под пятой польско-литовских вельмож, то из нас пожелали «сделать французов», то отдали под власть немецких царей и чинуш. Наконец, над нами Хозяином встал сначала еврейский, затем и кавказский султан. Ну а в отдельные периоды нас вынуждали с готовностью исполнять все прихоти хохлов (Хрущева и К). А были и такие апологеты имперского периода, что утверждали, как это делал украинофил А. Салтыков: «Российскую нацию именно и создало положение, при котором... — во имя величия России практически преследовалось бы всё самобытно русское. Трудно ярче и сильнее, проникновеннее выразить существо и горящий центр зарождения и создания Российской нации. Это преследование и искоренение всего «самобытно-русского» и есть отказ от этнизма и борьба с ним. И этот отказ и борьба действительно создали Российскую нацию и российскую культуру» (Ужгород, 1929). Премного благодарны вам, панове! Пора кончать с русофобией!

Такая ситуация оскорбительна для великого народа. Она была оскорби-

И.Л. Солоневич

тельной, преступной тогда и во сто крат преступнее сейчас. Сколько можно ездить на Русском народе?! И евразиец П. Савицкий, полемизируя с Салтыковым, говорит о том, что именно пренебрежение интересами Русского народа и стало причиной «переживаемых ныне потрясений». У нас отобрали и почву, и язык, и собственность... К тому же нас ещё и сделали «изгоями» в собственном доме. Длиться вечно это не может. Тем более что именно Русский народ несёт на себе основные тяготы Империи, он составляет основу её интеллектуальной, военной и культурной мощи. Осознав свою роль в истории, Народ неизбежно создаст и «Начертания русской истории». Мы верны многонациональному нашему братству. Но почему же «клизму интернационала» всё время вставляют нам! Почему мы вновь оказались в «еврейско-большевистской» России 20-х или 30-х годов, о которой очевидец событий тех лет писал: «Почти все магазины в руках евреев. Получается вообще впечатление, будто русский человек попал в дореволюционное время в черту еврейской оседлости. Свыше половины современного населения Москвы — евреи. В советских учреждениях поражает обилие служащих евреев. И вот что чрезвычайно характерно. Во всех советских учреждениях отношение к просителям русского происхождения чрезвычайно пренебрежительное, даже грубое. Совсем иначе обходятся с евреями. Для них широко раскрыты все двери. Кроме евреев в Москве встречается довольно много китайцев и латышей... Москва — это город советских нуворишей, где еврейская наглость и беззкусие конкурируют с нравами лакейских и кухонь». О Русском народе власть вспоминает в последнюю очередь! Но XXI век будет Русским веком!!!

Председатель Союза Русского Народа генерал Л. Ивашов абсолютно прав, заявив в интервью газете «Русь Православная»: «Грядущий съезд СРН должен выработать конкретную стратегию наших действий. Медлить нельзя! Опираясь на исконные русские идеалы, мы должны выработать и представить обществу конкретный план действия по защите жизненных интересов русского народа, по возрождению Русской России, по возвращению основных рычагов политической, экономической и информационной власти в руки русского народа».

Глава 20. Причины победы Советской власти в Гражданской войне в России

Почему же красные победили в этой отчаянной борьбе не на жизнь, а на смерть? Предстоит непредвзято и честно разобраться в причинах побед Советской власти, как и в причинах поражений белых. Главной же слабостью Белого движения было то, что армия сражалась за возвращение на престол России царя, власти помещиков и буржуазии. Кроме того, белым не удалось преодолеть внутри их рядов конкуренцию, зависть, алчность, шкурничество и анархию (особенно в тылу армии). К этому добавились такие серьёзные огрехи как потеря всех высоких идеалов и веры в конечную победу. Уместно было бы привести признание такого убежденного противника большевиков как генерал Деникин: «Когда по-

вторяют на каждом шагу, что причиной развала послужили большевики, я протестую. Россию развалили другие, а большевики — лишь поганные черви, которые завелись в гнойниках её организма». Оставим на совести белого генерала его слова. Да и частности всё это! Красные сражались, что ни говорите, за идею и за Россию! Приведу один пример, хотя их тысячи... Когда политрук Ударного полка шел к белым защитникам Перекопа как парламентарий (с письмом от командарма красных, предлагавшего белым сдаться), он шёл по открытому полю к Турецкому валу, с которого на него смотрели жерла пулемётов и пушек. Он знал, во имя чего идёт почти на верную смерть. Навстречу вышел офицер, меж ними состоялся диалог. «За что вы воюете?» — спросил белогвардеец. — «За освобождение рабочих и крестьян от тирании капиталистов», — ответил политрук. И в свою очередь спросил белого офицера: «А вы за что?» После небольшой паузы тот ответил ему: «Мы и сами не знаем». Почему так ответил офицер? Потому, что так думали многие белые. Думали, хотя открыто в этом не признавались сами себе. В беседах обычно говорили, что сражаются за великую единую и неделимую Россию. Формула была в ходу и у Деникина. У генерала Шкуро было чёрное знамя с изображением головы волка с надписью «За единую и неделимую Россию». Ильин в «Белой идее», объясняя мотивы сражавшихся за Белое дело, писал в высоком штиле: «Мы стали под его (Белое) знамя потому, что иначе мы не могли и не хотели, ибо нас поставила под него любовь к России, которая сильнее нас, и честь России, без которой жизнь на земле теряет для нас цену... Характер белого состоит в том, что он предан своей святыне... Белый живёт чем-то таким, чем поистине стоит жить, стоит потому, что за это стоит умереть». Если бы всё было так, не было бы и революции.

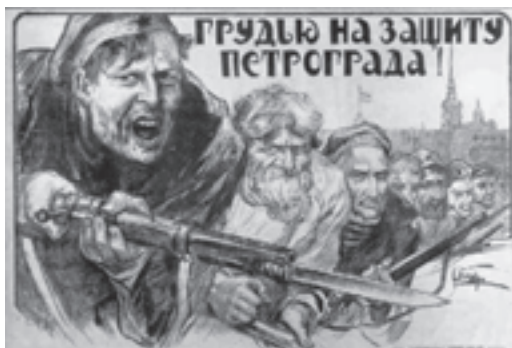
Но именно в идейном отношении белые оказались слабы... Одна из причин этого было то, что будущий политический строй,

А.П. Ткачёв, С.П. Ткачёв. Между боями

за который те сражались, был неясен. Митрополит Вениамин, назначенный Врангелем протопресвитером белой армии, откровенно писал: «Что касается политического строя, то он был неясный, «непредрешенческий»: вот покончить бы лишь с большевиками, а там «всё устроится». Как? Опять Учредительное собрание, разогнанное ещё Железняком? Нет! Об Учредительном собрании не упоминалось. Что же? Монархия с династией Романовых? И об этом не говорилось, скорее этого опасались, потому что едва ли народные массы воротились бы к старому. Конституция?.. Это скорее всего. Но какая, кто, как — было неизвестно. В общем же можно было лишь догадываться, что идёт движение за реставрацию каких-то форм старого строя. Это, разумеется, многим из нас нравилось, как привычное, своё, известное. Каковы социально-экономические задачи? Тут было ясно: восстановление собственников и собственности. Ничего нового при генерале Деникине не было слышно». Однако сам Вениамин, которого порой звали «Шкуро в рясе», вызывал у кадетов, эсеров и меньшевиков лютую ненависть, ибо проповедовал возвращение России чуть ли не в допетровскую эпоху, с Земским собором и царём, «хозяином земли русской». Правда, иные говорят, что победа белых была возможна. А главной причиной поражения добровольцев на подступах к Москве стала отнюдь не нерешённость аграрно-крестьянского воп-

роса, не отсутствие поддержки со стороны местного населения, не реакционность офицерства, погромы и грабежи. Вспоминаются в этой связи и слова крупного красного военного специалиста и историка, бывшего Генерального Штаба подполковника Н.Е. Какурина. Он полагал, что успех похода на Москву был достижимым, а причину неудачи противника видел в излишней разбросанности действий. При более «грамотном» наступлении, разбивая противника по частям (отбросив 14-ю армию красных в брянские леса), добровольцы могли бы значительно повысить их шансы на успех. Существеннее оказалось численное, организационное и идеологическое превосходство большевиков. Многочисленные и не запланированные хаотические реквизиции, нарушения законности разочаровывали и население России, которое ждало от Белой армии установления порядка и стабильности. Главной причиной поражения Добровольческой армии под Орлом стал общий надлом сил и того морального воодушевления, которые в ходе летне-осеннего наступления 1919 г. были напряжены чрезвычайно, но безрезультатно. Но если отбросить громкие фразы о «возрождении», главным в планах белого воинства была реставрация монархо-буржуазного строя (во всей его ничтожности и порочности). Широко известна и фраза Деникина о каждом третьем снопе, который должен был быть отдан помещикам после разгрома большевиков. Эти вещи очень хорошо запоминаются

А. Аппит. Грудью на защиту Петрограда. 1919

людьми, прежде всего крестьянами. Что касается рассуждений о «грамотном» наступлении и ином исходе операции в битве за Москву, примерно в том же духе рассуждали гитлеровские генералы, как-то пытавшиеся объяснить итоги сокрушительного поражения немецких войск под Москвой.

Казалось, многое должно было привести к краху большевиков, но этого не произошло. Почему? Чтобы с совершенной ясностью и отчетливостью понять, почему Советская власть всё же победила в ходе жестокой Гражданской войны в России, нужно принять во внимание целый ряд факторов... Главной причиной стало глубокое понимание трудовым народом, пусть даже и на уровне инстинктов, что эта власть — его власть, народная. Предыдущая власть самодержавия и буржуазии, не допускавшая простой люд к управлению страной,

была чужой и враждебной. Говоря о месте, которое самодержавие, да и буржуазное правительство отводило народу, даже Маклаков признался (1921): «Народ, т.е. крестьяне, допускались к самоуправлению только в сельских сходах; нельзя не сознавать, что даже и в этой сфере народ оказался не на высоте призвания; мы знаем, какие нелепости допускались крестьянами на сходах, на выборах, в судах и т.д. Это было легко исправимо, если ставить задачей подготавливать народ к самоуправлению, если понимать, что самоуправление и желательно и неизбежно должно

В. Орешников. В штабе обороны Петрограда. 1917 г.

прийти, что поэтому сельский сход — прекрасная ступень к этому. Вместо этого над земским сходом насаждали контроль земских начальников, которые стали бороться с принципом самоуправления и т.д. Нечего говорить о том, как относились к самоуправлению в других областях, начиная с земства и кончая Университетом и Думой. Это оттого, что у нас управляла кучка, которая не служила этому народу, считала, что способность народа к выступлению на политическую сцену есть гибель не для народа, конечно, а для нее, этой кучки. Вся мудрость управления этой кучки состоит в том, чтобы не допускать народ до самоуправления. Эта система, которая имела свою идеологию, блестящим представителем которой был Катков, ибо редко кто высказал её так последовательно и вообще с таким искусством защищал неправо дело, эта теория утверждала, что наш народ никакого самоуправления не хочет, что он дорожит правом беспрекословно подчиняться исторической власти, что всякая попытка привлечь его к самоуправлению противоречит его воле и интересам

И. Бродский. Ленин на проводах Красной армии на фронт

и навязана ему со стороны. Эта глупая теория, которую можно было бы назвать варяжской, породила, в противовес, не менее однобокую и не менее неправую, будто вера в народ требует немедленного допущения его ко всем ступеням управления, признания его готовым и зрелым, словом, вела к подмене мистической веры в народ, т.е. в его способности, в его будущности, в его развитие». Признаем, он точно определил политический гордиев узел в России.

Это была война за землю и волю, война Февраля против Октября. Война контрреволюции против трудовой России! Ленин, выступая в марте 1920 г. на Всероссийском съезде трудовых казаков, говорил: «Эсеры и меньшевики говорят, что большевики залили страну кровью в гражданской войне. Но разве эти господа не имели 8 месяцев для своего опыта? Разве с февраля до октября 1917 г. они не были у власти вместе с Керенским, когда им помогали все кадеты, вся Антанта? Их программой было социальное преобразование без гражданской войны». Но ведь они своих обещаний так и не выполнили. И Ленин, обращаясь к казакам, сказал: «Сегодня мы вправе сказать этим господам: "Нашёлся ли бы на свете хоть один дурак, который пошёл бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?"» Ответом Ленину был хохот и буря аплодисментов... Кроме того, для всех более или менее объективных людей была совершенно очевидна иностранная подкладка Белого дви-

Н. Корниенко. За землю и волю

жения. На что уж великий князь Александр Михайлович, но и тот, видя воочию, как белые генералы фактически стали пособниками Запада, написал: «На страже русских национальных интересов стоит не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской Империи». Для красных это была битва за собирание России, тогда как белые (сколько вождей предлагали себя в спасители России) привели бы страну к распаду, учитывая их несамостоятельность и зависимость от Запада. Россия этого никогда не терпела и не потерпит! Белым пришлось бы, если бы они даже отчаянно возражали и сопротивлялись (предположим), заплатить за помощь в борьбе против красных, против народа землями и ресурсами. Любопытно, что ещё задолго до начала Первой мировой войны князь Е. Трубецкой пророчески писал: «Что будут делать, в случае иностранного нашествия, широкие демократические слои великорусского племени. Сплотятся ли они вокруг правительства или будут основывать читинские, новороссийские и иные республики... На что может в такую минуту рассчитывать правительство? Помимо инородцев, будет ли оно иметь за себя русских крестьян, рабочих и большинство горожан. Что будут делать товарищи?» Так вот «товарищи» как раз не жалели своих жизней, чтобы отстоять единую и неделимую «красную империю».

Пора бы понять: победа белых, имей та место, на веки вечные схоронила бы мечты о единой России. Мы с вами видели, что «демократический» лживый Запад сделал с некогда единой Сербией! Это могло произойти с Россией, где только на юге страны имелось 14 режимов, где каждая власть требовала повиновения своим порядкам и законам. О том мечтал Запад, поддерживав в XX в. предателей России вроде Горбачёва и Ельцина.

Попытаемся же пусть вкратце, а обозначить главные причины решающего успеха большевиков. Во-первых, сила Красного движения заключалась том, что оно опиралось всё-таки на НАРОД. При всей неуклюжести, топорности, неумелости, а порой и дикости, оно служило интересам не кучки господ, не аристократам, не помещикам и

их детям, и уж тем более не интервентам или капиталистам, а собственному народу. По крайней мере, так было в идеале и надежде, в чаянии и мечте, в устремлении и порыве. Но это же было и на практике, в реальной действительности. Народ был главной силой и оплотом Советской власти. И.А. Ильин писал в «Теории права и государства»: «Власть есть прежде всего сила. Это выражается в том, что она есть способность к воздействию и влиянию. Бесильная власть есть в логическом отношении бессмыслица, а в государственном отношении пагубный призрак, фантом или симуляция; такая власть никому не нужна, ибо она лишена подлинной, жизненной реальности; она опасна и губительна, потому что ведёт государственный строй к разложению. Для того, чтобы государство могло быть и действовать, ему необходима эта подлинная энергия, сосредоточенная и организованная в живое единство». Такое живое единство, знаем, состоит из двух половинок — духовно-идейной и материально-физической, социальной. Эту энергию народ и направил в русло социализма, как бы вы тот строй сегодня ни называли. Победу же принёс большевикам социальный кодекс — библия большевизма. В.И. Ленин, выступая в 1920 г. с отчетом ЦК РКП(б) на IX Всероссийской конференции РКП(б), сказал: «Если мы победили Колчака, Деникина, то мы их победили только потому, что у них изменился социальный состав армии, а Врангель сейчас чувствует себя твёрдо только потому, что у него состав армии офицерский. И он сам знает, что если он станет опираться на массы, он слетит так-

же быстро, как в своё время слетели Колчак и Деникин». Говорят, социализм был для крестьян и рабочих мечтой, утопией. Нет, социализм был самой ясной и понятной вещью в мире. Подавляющая масса крестьян и рабочих потому и пошла за большевиками. Проф. В.Я. Гросул назвал причину: «Что касается земельного вопроса, то здесь несколько фактов говорят сами за себя. По Декрету о земле крестьяне России получили абсолютно бесплатно более 150 млн десятин земли, были освобождены от уплаты 700 млн рублей золотом ежегодно за аренду земли и от долгов за землю, достигавших к тому времени 3 млрд рублей. Никто другой, кроме Советской власти, не мог обеспечить крестьянство такими огромными преимуществами. И после этого кое-кто удивляется, почему крестьяне предпочли красных, а не белых, во время Гражданской войны возвращавших земли помещикам. Вот она первопричина поддержки народом большевиков». Абсолютно верно.

Говорили: у них не свои идеи... Степун писал: каждый, кто беспристрастно читал книги Ленина, Бухарина, Троцкого, других вождей русской революции, сравнив их с писаниями немецких социалистов левого крена, увидит, что «у русского коммунизма никогда не было ни одной подлинно своей и подлинно большой идеи». В ином месте он же повторил, что «для белого движения существовали, в сущности, только большевики, но не существовала идея большевизма». На самом деле это вольная или невольная ложь, ибо у большевиков были идеи. Причём, идеи значительные! И не одна, а множество прекрасных, светлых, ярких идей. Именно ИДЕИ двигали несколькими поколениями борцов за права народа! Что за идеи, за что или против кого, во имя чего — это уже иное дело. Поэтому не мудрено, что пореволюционное сознание «увидело в большевизме идею». В основе практических мер большевиков лежали идеи социализма, вековые устремления народа, а не кучки господ сытого или прикормленного буржуазно-обывательского стада, порой гордо именующего себя интеллигенцией, часто способной в лучшем случае разве что на профанацию серьёзной мысли.

Победа Советской власти в Чите. 1918 г.

тельной деятельности. Да, идеи у красных были — и это прекрасно понимали друзья и враги! Ведь если бы у вождей коммунистической революции в России не было великих идей, ни о какой победе (пусть даже временной) не могло быть и речи. Народ их не поддержал бы! Суровые идеи, но время такое. «Великие идеи безжалостны!»

Может, гипноз? Известны случаи массового внушения и гипноза, которым подвержены люди. В какой-то мере аналогичные методы и пути воздействия используют политические лидеры. Но вряд ли одним «магнетическим очарованием» можно было бы объяснить фактор революции. В России в 1917 фактически произошло две революции — буржуазная и социалистическая. Так почему же не победила первая, за которой стояли материальные и идейные богатства современной цивилизации? Жизнь народа была такова, что он выбрал вторую — за власть Советов! В отличие от идеологий, воспринимаемых умом, идеи воспринимаются «целостным актом жизни». Причём, вовсе не обязательно быть культурной и образованной личностью, чтобы быть на деле человеком идейным. Идеи могут быть «смутны, искажены, ложны, но они не могут быть беспочвенны, не подлинны, лживы». Даже крупнейшие белые идеологи признавали наличие у большевиков идей, которыми всерьёз можно увлечь народ. И прежде всего у них, а не у кого-то ещё. Всё так очевидно и просто. Крестьянам большевики дали землю, а позже привязали их к ней. Большевики, несмотря на засилие среди них «интернационалистов», апеллировали к русской традиции и великодержавным настроениям. У Белого же движения не было ни одной пригодной политической идеи. Большевики были адек-

В. Чеканюк. Комсомольская ячейка на селе

ватны массе и явили себя прекрасными политиками. Циничными и лживыми? Да нет, не во всём. Хотя было и такое. Все их лозунги отвечали чаяниям народа. Казалось, белые стояли на позициях «единой и неделимой России», а красные выбросили «вредный» лозунг «право наций на самоопределение». Но во время Гражданской войны эта идея работала на красных, да и на практике работала на единую Россию. И большая часть всего общества пошла за большевиками.

Во-вторых, во главе Советского государства и партии большевиков стоял великий вождь — Владимир Ильич Ленин (1870—1924). Кем же был Ленин, человеком или «полубогом»? Во всяком случае, бесспорно то, что он, наряду со Сталиным, самая крупная фигура русской политической истории последних трёх веков. Вожди исторического масштаба должны обладать и соответствующими личными качествами, качествами выдающимися. Обратим внимание и на такой важнейший момент как воздействие психосоциологических факторов. Тард, говоря о природе такого социального явле-

ния как революция, увидел в ней цепь повторений и подражаний. Он утверждал, что так же как в стаде диких быков выделяется вождь-инициатор, как у муравьев есть свой вождь, цели и действия которого повторяют и реализуют остальные особи, это же самое происходит и в человеческом обществе. Каждое живое существо, поскольку по природе своей оно является социальным, склонно к животному подражанию. Причем толпа тому воздействию, подражанию подвержена ещё в большей степени, нежели отдельный индивид. В результате вовлечения в процессы миллионы людей производят коллективное внушение, сами подпадая под его мощное действие. Миллионы людей ведут или оказываются ведомы в революциях. З. Фрейд в труде «Психология масс и анализ человеческого «Я» писал: «Если в массе имеется потребность в вожде, то он должен всё-таки обладать соответствующими личными качествами. Он должен сам горячо верить (в идею), чтобы будить веру в массу; он должен обладать сильной импонирующей волей, передающейся от него безвольной массе». Великие вожди с помощью таких идей, к которым и сами относятся фанатически, влияют на массы, увлекая с помощью таинственной непреодолимой силы, которая якобы парализует все критические способности индивида и наполняет его душу почтением и удивлением. Социолог Лебон считал такого рода вождей своего рода гипнотизёрами народных масс.

Ну что же, если кому-то угодно, Ленин и Сталин обладали всеми качества великих политических магов, гипнотизеров, иллю-

Троцкий, Ленин и Каменев во время Гражданской войны

зионистов. Подобно тому как Рамзес, Александр, Салах-ад-дин, Наполеон воодушевляли толпы воинов, последователей, Ленин и Сталин сплотили, воодушевили миллионы, сотни миллионов людей во всем мире. Как Франция повиновалась «чародею-императору», так Россия с готовностью повиновалась и творила чудеса под властью харизматичных красных царей! Все вожди несли массам обещание «хлеба и зрелищ» и, конечно, богатств, земли и золота. Подобно Моисею, вожди большевиков обещали народу стать «господином земного шара». Маркс, Энгельс дали в руки пролетария оружие мысли, а Ленин и Сталин дали им само оружие. И речь шла не о мифических библейских чудесах, но о чуде электрификации всей страны!

Именно русскость большевизма наряду с глубокой русскостью её вождей Ленина и Сталина бросили массы в объятия большевистской партии и СССР. Одним из тех, кто понял, а скорее почувствовал близость Ленина к России, был философ и бунтарь Бердяев. Аристократ духа, мыслитель консервативного толка, он всё же понял, что России не по пути с либерализмом. Называя себя «сыном Достоевского», Бердяев до конца дней считал Маркса гениальным человеком. В «Истоках и смысле русского коммунизма» Н.А. Бердяев писал: «Только в России могла произойти коммунистическая революция... Я склонен думать, что даже активное участие евреев в русском коммунизме очень характерно для России и для русского народа. Русский мессианизм родствен еврейскому мессианизму. Ленин был типически русский человек. В его характерном, выразительном лице было что-то русско-монгольское. В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе. По некоторым чертам своим он напоминает тот же русский тип, который нашёл себе гениальное выражение в Л. Толстом, хотя он не обладал сложностью внутренней жизни Толстого. Ленин сделан из одного куска, он монолитен. Роль Ленина есть замечательная демонстрация роли личности в исторических событиях. Ленин потому мог стать вождём революции и реализовать свой давно вы-

работанный план, что он был типическим русским интеллигентом». Ну а как же свобода, демократия, воля? Проблема в том, что русский человек, веками мечтавший о свободе, в повседневной жизни ощущал и острую необходимость жесточайшего контроля. Держава, чтобы быть устойчивой, крепкой, должна опираться на два крыла: свободу и суровую дисциплину.

Анархизм и вольница даже в наших условиях, не говоря уже об экстремальных — война, классовая борьба — смерти подобны. Всё в нашей стране тут же и повсюду начинает сыпаться и валиться. «Свободный человек» всё начинает грести под себя: начинает уничтожать, рвать на части заводы, землю, культуру, образование. Из него лезет наружу тысячелетний кат, разбойник, грабитель! России в подобных условиях нужны не вожди типа Керенского, Мартова, Чернова, которые думают не о России, не люди типа Троцкого и Бухарина, тем более Ельцина, а люди типа Ленина или Сталина, «стальные люди». Эти во имя великого и общего дела забудут о себе. Эгоизм им чужд. Да, они жестоки и суровы к народу,

говоря — «надо русского дикаря учить с азов», «в России азиатства хватит на триста лет» или что «русский рабочий — плохой рабочий», так это на тот период не так уж было и далеко от действительности. Но они же, не задумаясь, поставят к стенке тысячи бюрократических «начальников», очищая землю от этой нечисти... А что касается азиатства, мы не раз ещё поблагодарим историю за то, что Россия-матушка оказалась именно в Азии, а не в Европе-Америке!

Наше время внесло коррективы в оценки иных лиц. Говоря об образе Ленина в массовом сознании, сегодня О.В. Великанова пишет, положив в основу данные дознаний, а также многочисленную информацию с мест органов ВЧК/ГПУ/НКВД (с 1918—1919 гг.), о том, что до 1920 г. образ Ленина как таковой в письмах и оценках населения почти отсутствует. Впервые он появляется лишь с 1921 г., с момента Кронштадтского восстания. Тогда «единодушные» проклятия, окрашенные в антисемитские тона, посыпались в адрес партии коммунистов. Наряду с лозунгом «Долой Ленина и Троцкого!» крепла тенденция противопоставления образа В.И. Ленина остальному партийному руководству: «Долой евреев! Да здравствует Ленин!» Важен национальный момент. Иные русские ненавидели в Кремле людей типа Свердлова, Троцкого, Зиновьева, Радека и т.д. Ходили и слухи: «Троцкий хотел арестовать Ленина за сдвиг вправо, а сам попал под домашний арест». Множились домыслы о том, что Ленин, видя полную разруху и несчастья народа, хотел передать власть беспартийным. Так образ Ленина начинает отделяться от «неправильной» политики партии большевиков.

В-третьих, Советская власть сумела создать в короткие сроки довольно мощную

армию, хотя процесс её формирования практически заново, с чистого листа (старая царская армия прекратила свое существование) был чрезвычайно трудным и болезненным. В той войне «против всего капиталистического мира» Советская республика со всех сторон окружена врагами. Ни одна революция не знала столь мощного одновременного напора на неё крупнейших империалистических держав и внутренней контрреволюции. Советская Россия оказалась в кольце фронтов, каждый из которых создавался при прямом участии крупнейших мировых держав. Как писал тогда советский поэт Демьян Бедный в своем стихотворении «В огненном кольце»:

*Ещё не все сломили мы преграды,
Ещё гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас*

злые гады.

Товарищи! Мы — в огненном

кольце!..

В первое время Красная армия строилась на добровольческих началах. Но в развернувшейся яростной битве одними добровольцами было не обойтись. Было ясно, что победить большевики смогут, лишь создав армию на кадрово-регулярной основе. В период с марта по сентябрь 1918 г. стал осуществляться переход на новые принципы. Пост народного комиссара по военным делам занял Л. Троцкий, объяснявший перемены, происходившие в вооруженных силах республики: «В первый период, когда революция развёртывалась от промышленных центров к периферии, создавались вооруженные отряды из рабочих, матросов, бывших солдат для установления советской власти на местах. Этим отрядам приходилось нередко вести малую войну. Пользуясь сочувствием масс, они легко выходили победителями. Отряды получали известный закал, руководители — авторитет. Правильной связи между отрядами не было. В случае нужды они вступали в соглашение. Их тактика имела характер партизанских налётов и до известного времени этого было достаточно. Но низвергнутые классы начали, при помощи иностранных покровителей, строить свою армию, хорошо вооружённую, с большим обилием офицеров, и переходят от обороны к наступлению. Привыкшие к

лёгким победам, партизанские отряды сразу обнаруживали свою несостоятельность: у них не было ни правильной разведки, ни связи друг с другом, ни способности к более сложному маневру. Так, в разных частях страны в разные сроки открывался кризис партизанства. Включить эти своеобразные отряды в централизованную систему было нелегко. Они привыкли ни от кого не зависеть и никому не повиноваться. Военный стаж командиров был очень невысок. Они относились враждебно к старым офицерам, отчасти не доверяя им политически, отчасти прикрыв недоверием к офицерам недоверие к самим себе... Наши фронты имели тенденцию сомкнуться в кольцо с окружностью свыше 8 тысяч километров. Противники сами выбирали направление, создавали базу на периферии, получали помощь из-за границы и наносили удары по направлению к центру. Преимущество нашего положения состояло в том, что мы занимали центральное положение и действовали из единого центра по радиусам или по так называемым внутренним операционным линиям. Наше центральное положение, расположение врагов по большому кругу, возможность для нас действовать по внутренним операционным линиям, свели нашу стратегию к одной простой идее: именно к последовательной ликвидации фронтов в зависимости от их относительной важности... Мы имели возможность перебрасывать наши силы и массировать их в ударные кулаки на наиболее важном в каждый данный момент направлении. Однако реализовать это преимущество можно было только при условии полного централизма в управлении и командовании». Такая оценка в целом верна.

Победам Красной армии способствовали также особенности географической среды и структуры населения Центральной России, являвшейся оплотом большевиков... Москва и Петроград, другие промышленные города и области, заселённые преимущественно пролетариатом, могли поставлять красным войскам нужные пополнения, оружие, обмундирование. Сюда сходились главные транспортные пути. Белые армии преимущественно располагались на

Бронеавтомобили в Красной Армии

периферии страны, в относительно безлюдных донских, кубанских и уральских степях и Сибири. Контролируя центр страны, большевики могли перебрасывать войска с одного фронта на другой, оптимально используя резервы, чего не мог позволить себе противник. Возникли первые регулярные части, комиссары, укрепилась дисциплина. Создан был и институт военкомов, от которых зависел набор в армию. Ленин скажет: «без военкома мы не имели бы Армии». К весне 1918 г. у Советской республики было 263 780 красноармейцев, 36 611 красногвардейцев, 21 887 партизан

Капитан Д.М. Карбышев

(чуть выше 322 тыс. бойцов). Вооружено из них было около 200 тыс., обучено и вовсе — всего лишь 31 тысяча человек. К 1 августа 1918 г. было 331 000 бойцов, а к концу года 1 млн бойцов. К началу 1919 г. в ней насчитывалось 1 млн 630 тысяч, к концу года — 3 млн, а на 1 ноября 1920 г. — уже 5,5 млн человек, т.е. в несколько раз больше, чем у белых. У неё была чёткая жесткая структура, неплохое вооружение, которое досталось красным из арсенала старой царской армии. В разгар Гражданской войны численность войск Красной армии была значительно большей, чем у всех белогвардейских армий вместе взятых, даже с учётом численности иностранных войск. Это и в самом деле был красный Голиаф рядом с белыми армиями, созданными на добровольческой основе. В армии Деникина, что вела успешное наступление на Москву в июне 1919 г., на всём 700-километровом участке фронта от Киева до Царицына, насчитывалось всего 150 тыс. бойцов. При таком соотношении сил у его войск, войск Юденича и Колчака, даже с танками, бронепоездами, шансов на успех не было никаких. Благодаря этим мерам Красная Армия вскоре превратилась в несокрушимый «железный поток». В память о тех днях и родилась тогда песня: «От тайги до Британских морей — Красная Армия всех сильнее!»

Красные преуспели и в подборе достаточного числа опытных и умелых офицеров... Вспоминается фраза Бисмарка, сказанная им однажды императору Вильгельму II: «Ваше величество! Пока у вас есть нынешний офицерский корпус, вы, разумеется, можете себе позволить всё. Но если его не станет, всё будет совсем по-другому». Эти слова Бисмарка надо было бы почаще вспоминать Николаю II. Увы, большая часть верного царю офицерского корпуса погибла на полях Русско-японской и Первой мировой войн. Жизнь всё более развинула офицерский корпус, да и вообще армию по различным идейным, классовым, материальным и даже культурным лагерям. Среди новых офицеров немало выходцев из крестьян, рабочих, трудовой интеллигенции. У них были уже иные взгляды и политические предпочтения. Так, после победы большевиков в 1917 г. 8 тыс. бывших царских офицеров и генералов перешли на сторону Советской власти добровольно. Но для

создания боеспособной армии этого было недостаточно. И 4 марта 1918 г. постановлением Совета Народных Комиссаров образован Высший Военный Совет, куда вошли бывшие генералы царской армии во главе с М.Д. Бонч-Бруевичем (должность Главноверха упразднена). Затем СНК 29 июля 1918 г. принял предложение Троцкого. Совет издал Декрет о мобилизации в Красную армию офицеров, военных врачей, чиновников (уклонившиеся от призыва лица подлежали суду). А что же белые? Среди белого офицества в 1917—1920 гг. немало было тех, кто был сбит с толку, подавлен, ожесточён, разочарован. Не осуществились надежды на присоединение к их армии казаков и иногородних. Белое движение по-прежнему опиралось на пополнения немногочисленных добровольцев. Читателя не должно ввести в заблуждение, что те или иные публицисты и недобросовестные учёные будут приводить в качестве примера то, что в прошлом те или иные белые офицеры и генералы «из крестьян» или «из мещан». Что из того?! Это роли не играет. Все они знали, за что бьются, что хотели вернуть, что в этом «новом безумном мире» будет ожидать крестьян и рабочих... Если не умом, так чутьём многие поняли, за что шли воевать рабочие, крестьяне, многие казаки, матросы, офицеры, сражавшиеся на стороне красных.

К ним пошли служить многие царские генералы и офицеры (Бонч-Бруевич, Брусилов, Каменев, Вацетис, Снесарев, Альфатер). Так, полковник царской армии И. Вацетиса стал командиром Латышской советской стрелковой дивизии, охранявшей Кремль. Латыши отличились при подавлении восстания левых эсеров. Вацетис — автор плана по разгрому войск Деникина... Латышские полки были, пожалуй, одними из лучших в бывшей царской армии, а после Октябрьской революции практически в полном составе встали на сторону большевиков. Генерал М.Д. Бонч-Бруевич, объясняя решение, писал: «Скорее инстинктом, чем разумом, я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти Россию от развала и полного уничтожения». Не все царские офицеры и генералы желали сражаться «за белое дело». Одним из тех, кто перешёл на сторону красных, был и бывший главнокомандующий царской армией генерал А.А. Брусилов.

*М.Д. Бонч-Бруевич**А.Е. Снесарев**В.М. Альтфатер**С.С. Каменев*

Причины, которые приводили опытных, заслуженных царских офицеров и даже генералов к большевикам, были различны в каждом отдельном случае. Однако было и нечто общее, так сказать мировоззренческое, что склоняло чашу весов в пользу красных, а не белых. В какой-то мере об этом говорит всё тот же А. Брусилов, комментируя свою незаслуженную отставку и отъезд из царской армии в 1917 г.: «Я выехал в тот же день, сдав должность генералу Лукомскому, радуясь, что Корнилова не видел, ибо вполне был убеждён, что он со своим другом Савинковым устроит какую-нибудь выходку, которая будет губительна для него одного. Далее скажу о нём несколько подробнее, а теперь вернусь к вопросу о моей отставке, так грубо и незаслуженно мною полученной. На пути в Москву я обдумывал и вспоминал некоторые разговоры и подробности за последние недели моего пребывания на фронте. Однажды мне келейно был задан вопрос: буду ли я поддерживать Керенского, в случае если он найдет необходимым возглавить революцию своей диктатурой? Я решительно ответил: «Нет, ни в коем случае, ибо считаю в принципе, что диктатура возможна лишь тогда, когда подавляющее большинство её желает». А я знал, что, кроме кучки буржуазии, её в то время никто не хотел, в особенности же её не хотела вся солдатская масса на фронте, которая приняла бы это как контрреволюцию, следствием чего явилось бы непременно избиение офицерского со-

става. Это — во-первых, а во-вторых, я считал Керенского по свойству его истеричной натуры лицом для этого дела абсолютно неподходящим. Тогда мне был предложен вопрос: не соглашусь ли я сам взять на себя роль диктатора? На это я также ответил решительным отказом, мотивируя это простой логикой: кто же станет строить дамбу во время разлива реки — ведь её снесут неминуемо прибывающие революционные волны. Ведь судя по ходу дел, зная русский народ, я видел ясно, что мы обязательно дойдем до большевизма. Я слишком люблю свой народ и давно знаю все его достоинства и недостатки. Я видел, что ни одна партия не обещает народу того, что сулят большевики: немедленно мир и немедленно дележ земли. Для меня было очевидно, что вся солдатская масса обязательно станет за большевиков и всякая попытка

Генерал А.А. Брусилов с офицерами и с сыном

диктатуры только облегчит их торжество. Впрочем, вскоре выступление Корнилова это явно доказало». И правоту Брусилова.

Белые воспримут это болезненно. По словам Б. Геруа (несправедливым, но понятным), «с большевистским переворотом любовь Брусилова перенеслась соответственно на Троцкого который, думается, один из всех покровителей этого генерала-куртизана по профессии не заблуждался насчет его сущности», но просто его использовал. Среди части российского офицерства, прошедшего с Брусиловым всю мировую войну, его переход в стан красных вызвал волну негодования (хотя многих офицеров он заставил задуматься, — *В.М.*). Отношение к таким офицерам в Добровольческой армии было особенно непримиримым. В ноябре 1918 г. командующий Белой армией генерал Деникин издал приказ, осуждающий позицию тех, кто шёл к красным. Приказ заканчивался словами: «Всех, кто не оставит безотлагательно ряды Красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд Русской армии — суровый и беспощадный». Их расстреливали: расстрелян был и сын Брусилова, боевой офицер, воевавший на фронтах I мировой. Позже Деникин признавал ошибочность такой политики. Большевики тут же растиражировали сей приказ по всей Советской России. «Он произвёл, гнетущее впечатление на тех, кто, служа в рядах красных, был душой с нами. Ведь большинство старых офицеров шло в Красную армию либо по принуждению, либо за хлебный паёк, чтобы прокормить свою семью в голодавшей России. И вместо того чтобы привлечь их в белый лагерь, с теми, кто попал в плен, обращались жестоко. Реабилитационные комиссии, образованные для расследования их деятельности у большевиков, затягивали разбор дела и далеко не всегда выносили беспристрастные заключения. Но хуже было то, что не всех, захваченных на фронте в плен, переправляли в тыл. Многие из них стали жертвами жестокой вражды, которую порождает только гражданская смута. Бывали случаи, когда захваченных в плен красных офицеров под горячую руку приканчивали на месте». Слова Деникина о принуждении офицеров, вставших на сторону народа, воспримем критически. Видна его слепота и непонимание мотивов поведения. Хотя и эти мотивы имели место.

Почему пользовавшийся немалым авторитетом в старой армии Брусилов призвал коллег записываться в Красную армию? Нынешние историки утверждают, что генерала силой втянули «в авантюру» сотрудничества с большевистской властью, якобы во имя спасения семьи. Но это не так. Стоит привести его обращение к врангелевцам: «И не в первый раз Россия переживает большие потрясения. Я глубоко верю, что её ждёт великое будущее, должен Вам сказать, что к старому возврата нет, в старом было столько дурного, что народ наш, а значит, Ваши же братья, бросились к новому правительству и поддержали его. Я наблюдал это вблизи. Разве Вы не понимаете, что иначе ничего нельзя было сделать, если бы не было этой могучей народной поддержки... Все, знающие меня, знают, что я никогда не был коммунистом и никогда им не буду, но я подчинился стихийной воле народов, населяющих землю русскую, и полагаю, что не ошибся. Россия, которой угрожал при Временном правительстве и при вторжении чужеземцев полный распад, теперь существует! Россия, которую я люблю превыше жизни! Границы наши, несмотря на отделение некоторых окраин, всё же громадны. И ныне Россию защищает Красная Армия... А я старик, мне ничего не надо лично для себя, но я люблю свою Родину и хочу для неё в будущем великого блага. Мои кости истлеют, а земля русская будет процветать...» «Суди меня Бог и Россия» — скажет Брусилов впоследствии. Как бы там ни было, а к концу 1918 г. благодаря принятым энергичным мерам 75% командного состава Красной армии уже составляли бывшие царские офицеры... По данным Н.А. Ефимова, взятым из архивов коллективного труда «Гражданская война» (1928), в

Троцкий —
главком. 1918 г.

рядах красных было 14390 офицеров. На службу в Красную армию пошли даже такие люди как бывший начальник Главного штаба, а затем военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства А.А. Поливанов (1855—1920). Это был опытный и умелый руководитель. Достаточно сказать, что при нём перестройка военной промышленности в 1916 г. (по сравнению с 1915 г.) привела к увеличению производства винтовок почти в 2 раза, пулемётов — в 4 раза, патронов — на 70 %, орудий — в 2 раза, снарядов — более чем в 3 раза. При Керенском он находился в тени. После Октября он — на службе в Красной армии, где с 1920 г. быстро пошел в гору, заняв пост члена Законодательного Совета и Особого совещания при Главкоме Вооруженными силами Республики. Список сей можно дополнить сотнями имен видных военных, что стали служить народной России (вовсе не Троцкому и его К°).

В первые годы советской власти в ходу был тезис: «Тов. Троцкий — вождь и организатор Красной армии». Главком из Троцкого был откровенно слабый, хотя автор книги «Вооруженный пророк» Дойчер и пишет о нём в хвалебных тонах (брат-еврей): «Но в Троцком, который выступал перед съездом (I Всероссийский съезд Советов в начале июня 1917 г.), ясно проглядывали черты человека, который, не имея за спиной никаких вооруженных сил, не только будет противостоять дипломатии Гогенцоллернов и Габсбургов, но и создаст в итоге Красную армию». Перед нами скорее бонапартик бердичевского разлива. Хотя Ленин, по воспоминаниям самого Троцкого, якобы говорил о нём М. Горькому: «Ударив рукой по столу, он (Ленин) сказал: «А вот указали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да ещё завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть». Замечу, что даже сегодня среди историков порой присутствует скрытое преклонение перед Троцким. «Будучи типичным порождением эпохи, Троцкий вместе с тем по масштабу, по яркости уникален... Троцкий был крупнее, масштабнее всех военных и политических руководителей армии. Да, он стал выше всех, но сила его заключалась в том, что он опирался на...незаурядных людей. Несмотря на высокомерие и

надменность, которые порождали немало конфликтов, он сумел использовать таланты и способности и офицеров и революционеров в интересах достижения победы». Что же, отрицать нельзя. Но надо заметить, что его специалисты не уважали, все знали: «Троцкий — агитатор, а не полководец». Именно этим обстоятельством был и вызван бунт военной оппозиции против руководства Троцкого. Сталин писал, что он не выступал так резко и враждебно против военных, «как это угодно было, может быть, Троцкому». Но своих симпатий он не скрывал и, видимо, был на стороне большинства военных делегатов, которые были «резко настроены против Троцкого». Даже Ленин, поддерживавший Троцкого, увидев, что против того стоит вся военная интеллигенция и профессионалы, вынужден признать: «Т. Троцкий ошибался, ни причуды, ни озорства, ни растерянности, ни отчаяния, ни «элемента» сих приятных (Троцким с ужасающей иронией бичуемых) качеств здесь нет. А есть то, что Троцкий обошел: большинство Цека пришло к убеждению, что ставка — «вертеп», что в ставке неладно...». Троцкому «обязана» Красная армия и её поражением под Варшавой, когда он бросил неподготовленные корпуса армии Будённого на штурм столицы. А в итоге десятки тысяч красноармейцев оказались в плену у поляков, где в дальнейшем и погибли. Троцкий спровоцировал мятеж чехословаков, он же носился с мыслью направить тысячи красных конников в Румынию, а затем к берегам Ганга, в Индию. Поэт П. Коган писал в 30-е годы: «Но мы ещё дойдем до Ганга...» В наши дни ещё один еврей хотел «омыть сапоги в Индийском океане». В 1919 г. Ленин заметил: «Я убеждаюсь, что наш РВСР (глава Реввоенсовета Троцкий. — Ред.) работает плохо... Видимо, наш РВСР «командует», не интересуясь или не умея следить за исполнением. Если это общий наш грех, то в военном деле это прямо гибель».

Троцкий и сам как-то признавался: «Вы помните, какой вред принесло нам в Гражданскую войну то, что во главе Красной Армии стал еврей». Но проф. Дж. Хоскинг даже и сегодня совершенно безапелляционно утверждает в книге «Россия и русские»: «Таким утопистом, безусловно, оказался Троцкий — единственный выдающийся военный деятель той поры как среди бе-

Падение Иерихона

лых, так и среди красных». Отличительными, крайне негативными чертами его, наряду с кипучей энергией, были презрение, демагогия, непомерный апломб, честолюбие и злоба к русским. Он ненавидел не только казачество, но, думаю, и весь русский народ. Позже, находясь в бегах за границей, Троцкий признавался, что ему органически ненавистны сами эти обращения к русскому народу. Не поэтому ли средства массовой информации, прежде всего «Круга Давидова», восхваляют эту фигуру, дуют в свои иудейские трубы. Троцкого правильнее бы называть «иудейским трубачом» Запада, возвестившим миру радостную весть о падении стен «русского Иерихона» — бывшей Российской империи.

Конечно, правы историки и философы, подчеркивающие, что сознание Троцкого было сформировано на основе полного его преклонения перед буржуазным Западом. «Троцкий был убежденным западником. Для него пролетарская революция представляла собой окончательную победу города над деревней, рационализма науки над стихийностью чувства». Большевики же во главе с Лениным считали, что в России пролетарская революция возможна, пролетариат должен осуществлять её в союзе с крестьянством. Троцкий будущее России ставил в прямую зависимость от воли и поддержки Западной цивилизации. Он занимал специ-

фическую позицию, которую Б. Межуев резюмирует следующим образом: «Пролетарская революция в крестьянской стране должна полагаться на поддержку пролетариата «передовых стран»... в которых, в отличие от России, существуют все предпосылки для социализма... Пролетарская революция в отсталых, небуржуазных странах должна перерастать в интернациональную революцию...». Троцкий не верил в то, что Россия способна сама построить социализм или даже хотя бы серьезно поднять своё хозяйство. «Отстояв себя в политическом и военном смысле как государство, — писал он в 1922 году, — мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли. Борьба за революционно-государственное самосохранение вызвала за этот период чрезвычайное понижение производительных сил; социализм же мыслим только на основе их роста и расцвета... Подлинный подъём социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы».

Как справедливо подметил А. Елисеев, сердце Троцкого полностью принадлежало Западу, и в первую очередь — США, где он жил в эмиграции, на чьи деньги безбедно там существовал, с чьими спецслужбами активно сотрудничал. И не только на закате жизни, когда 13 июля 1940 г. Троцкий передал американскому консулу в Мехико (лично) список мексиканских общественно-политических деятелей и государственных служащих, связанных с местной промосковской компартией. Ведь ещё до событий 1917 г. он предсказал хозяйственное и культурное доминирование США во всём мире. А вот отрывок из его воспоминаний об «открытии» им Америки: «Я оказался в Нью-Йорке, в сказочно-прозаическом городе капиталистического автоматизма, где на улицах торжествует эстетическая теория кубизма, а в сердцах — нравственная философия доллара. Нью-Йорк импонировал мне, так как он вполне выражает дух современной эпохи».

Полагаю, что ему импонировала не только философия доллара, как и наживы в це-

лом, но и то, что в США к тому времени уже на первые роли стала выходить родная ему еврейская диаспора... И не нужно уж быть мастером психоанализа, чтобы предположить, что, возможно, его-то и прочила на роль царя Иудейского в России за граница (банкиры и монополисты, правящие круги США и Англии), и он уже было совсем приготовился взойти на трон. И. Бунин писал в «Окаянных днях» о сцене явления «еврейского царя» русскому народу: «Говорят, Троцкий-таки приехал. Встречали, как царя»... А было время, они же с гордостью кричали, что русская революция — «произведение великого духа еврейской партии», что «мы вам дали Бога — дадим и царя» и т.п. (А.Л. Липранди). Но тут пришёл Сталин и отнял у них власть! В этом и тайна лютой и очень даже понятной ненависти евреев к Сталину! А разве не так же прочили на трон в России «демократов», лакеев и прихвостней американской буржуазии, пришедших в ходе контрреволюции, полностью обанкротившихся, но и ныне всё ещё пытающихся реанимировать свои идеи под лозунгом партии «Неправого дела» и т.п.?!

Со времён пребывания в Нью-Йорке, где Троцкий жил в квартире с газом, телефоном, ванной, машиной, мусоропроводом, кушал в хороших ресторанах, он привык комфорту и даже к роскоши... И в Советской России он не счёл возможным отказываться от своих гедонистических привычек... В Красной армии в его распоряжении был выделен поезд, сформированный 7 августа 1918 г. из двенадцати четырехосных вагонов. В основном то были пассажирские вагоны 1-го класса или же салон-вагоны. Кроме штабного, в его поезде расположились секретариат, электростанция, телеграф, библиотека, типография. Была тут даже собственная баня. Выбор вагонного парка для литерных поездов опровергает мифы о неприязтельности и личной скромности вождя. Вначале личный состав насчитывал 250 человек, включая латышских стрелков, личную ох-

Спецпоезд Троцкого

рану, шоферов и путевых рабочих. В состав поезда главковерха был включен и царский вагон-гараж. К услугам Троцкого были несколько автомобилей, броневики, самолет. Контингенту поезда (так называемым «поездникам») по его инициативе выдавали высокие оклады и кожаное обмундирование с металлическим знаком на левом рукаве, специально отчеканенным на Монетном дворе.

Как и Керенский, он был окружен женщинами истерической влюбленности (Куприн). Бывала у него и Л. Рейснер, которую выделял Ленин. Троцкий скажет: «Ослепив многих, эта прекрасная, молодая женщина пронеслась горячим метеором на фоне революции. С внешностью олимпийской богини она сочетала тонкий ироничный ум и мужество воина. Она работала в разведке». Рейснер восторженно писала, как с Троцким пьёт по ночам шампанское, заедая оное свежей рыбкой... Замечу, что вот такая почти барская жизнь наркомвоенмора очень раздражала В.И. Ленина (не говоря о Сталине, с его спартанским духом). Троцкий был непостоянен как в любви, так и в политике. Будучи меньшевиком, затем переметнулся к большевикам («пришел к большевизму несколько неожиданно»). Будучи женат на Соколовской, оставил жену с двумя детьми и жил с Н. Седовой, принимавшей участие в его махинациях с бриллиантами и ценностями... В записках В. Строе приводятся «Куплеты о военном комиссаре Троцком» из сатирической оперы «Орфей в саду», поставленной в Киеве в 1919 г. (конечно, было это при власти белых).

Троцкий — “прима революции”

*А кто-то жил в салон-вагоне,
Совсем, как прежний царь на троне.
В роскошной ванне тут же брился,
Затем он за обед садился.
Четыре повара всегда
Борцу труда
Обед варили!*

То, что Троцкий был злым гением и революции и русских патриотов (в первую очередь из числа офицеров и казаков), сомнений ни у кого не вызывает. Наиболее показательна в этом плане судьба капитана 1-го ранга Щастного. Сей отважный офицер фактически спас остатки русского флота в Балтийском море от передачи немецкой эскадре, увёл в Кронштадт корабли. Биография опального командующего Балтфлотом содержится в его уголовном деле, и она коротка. Родился в Житомире в семье потомственных дворян 4 октября 1881 г. Окончив в 1901 году с золотым знаком морской корпус, он был произведён в мичманы. В начале Русско-японской войны Щастного командируют в Порт-Артур. Он — вахтенный начальник на крейсере 1 ранга «Диана», который во время боя 28 июля 1904 г. отразил атаки японских миноносцев, прорвался в Сайгон, где и был

Портрет Ларисы Рейснер. 1915 г.

интернирован французскими войсками до конца войны. Это был яркий и талантливый человек. Вместе с офицерами Непениным и Ренгартеном он впервые в мировой практике установил радиосвязь между Свеаборгом и Эйфелевой башней. В начале 1914 г. капитан 2 ранга А.М. Щастный служит старшим офицером на линейном корабле «Полтава». Осенью 1916 г. кавторанг вступил в командование эсминцем «Пограничник», а в 1918 г. Совет флагманов Балтийского флота избрал капитана первого ранга Щастного и. о. начальника Морских сил Балтики. После срыва переговоров о мире в Брест-Литовске, по вине того же Троцкого, немцы пошли в наступление. Русские корабли, размещённые в Ревеле (Таллине), могли оказаться в плену. Заметим, на Балтике у России был самый мощный флот: порядка 250 кораблей. Флот перегнали в Гельсингфорс. Центробалт приказал увести флот в Россию. Вступив в командование, Щастный сумел-таки в 1918 г. вывести флот из-под носа у немцев. В результате знаменитого «ледового похода» 236 кораблей (6 линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев и миноносцев, 12 подводных лодок и т.п.) те пришли в Кронштадт. Это был настоящий подвиг. Участников похода офице-

ры, матросы, жители Кронштадта встречали как героев.

Когда же 27 мая 1918 г. он оказался в кабинете Троцкого, произошла непонятная и дикая сцена... Троцкий вдруг стал задавать вопросы, признаёт ли Щастный советскую власть. Затем он разыграл сцену гнева, стал стучать кулаком по столу и арестовал Щастного. Хотя на флот Щастный был назначен декретом Совета народных комиссаров, и Троцкий просто не имел права арестовывать его самостоятельно. В чём причина ареста? Почему Троцкий ещё и сам стал его допрашивать? Видимо, он боялся, что Щастный владеет информацией, которая для него, Троцкого, была опасной. Подчеркнём, что известие об аресте начальника морских сил Балтики (да ещё «иудушкой Троцким») вызвало волну недовольства на флоте. Совет комиссаров флота заявил, что «арестованный Щастный работал исключительно по созданию мощи флота». Сомнения в действиях Троцкого высказал не только Совет флагманов флота, но и известный большевик и революционер Дыбенко. Матросы обвинили новое еврейское руководство (Зиновьева и Троцкого) России в том, что они «продали флот»: «Если флот не продан, то полупродан. Где наш адмирал, где наш выборный начальник Щастный?»

Дело обстояло таким образом. После подписания Брестского мира Балтфлот, основные силы которого тогда были в Гельсингфорсе и Ревеле, ожидали либо передачи в руки Германии, либо уничтожения. Германия настаивала на срочной передаче ей «Брестского трофея», а англичане, опасавшиеся усиления немцев, предлага-

ли заплатить тем, кто взорвёт русские корабли. Нарком по военно-морским делам Троцкий думал, не зля, не нервирруя немцев, перехитрить и англичан — т.е. имитировать взрыв кораблей и получить с британцев деньги, между тем как немцы смогут вновь поставить корабли в строй. И рыбку съесть и... Щастный открыто доложил о хитростях наркома Совету комиссаров и флагманов флота. Моряки возмутились: «Нам — осьмушку хлеба, а губителям флота — вклады в банках?!» Совет комиссаров вынес постановление: «Не бывать продажности в нашем флоте!» — и репутация Троцкого на Балтике была сильно подорвана». Заметим, что когда в России возникает анархия и власть попадает в руки евреев, те сразу начинают продавать имущество страны, растаскивать его по частям.

Троцкий воспыал мстостью и стал готовить судилище. Оно состоялось в одном из залов Кремля... Несмотря на нажим, предателей среди моряков не оказалось. В основу сфабрикованного дела, как пишет историк, положены материалы, обнаруженные у Щастного при его аресте. В письме в Президиум ВЦИК 28 мая Л. Троцкий подчеркнул: «Письменные документы, уличающие, на мой взгляд, Щастного, находятся в моих руках...» Троцкий имел в виду документы, значащиеся в «Описи вещественных доказательств» как «Копии подложных отношений контрразведки при [германской] Ставке Совнаркому». Эти документы представляли собой четыре копии телеграмм разведывательного управления германского Генерального штаба к председателю СНК. И по своему характеру, и по содержанию

Корабли Балтийского флота пришли в Кронштадт. 1918 г.

они вызывали и вызывают очень большие сомнения в подлинности. Так, в первой из них говорилось: «Генеральный штаб (Германии. — А.К.) поручил Разведочному [так в тексте — А.К.] отделению выразить его удовлетворение по поводу решенного уже отстранения от должности главного комиссара Балтийского Флота Измайлова. Со своей стороны, выбор на его место матроса Блохина встречен Генеральным Штабом несочувственно, так как Блохин числится в оборонческой группе бывшего морского комиссара Дыбенко. За начальника отделения R. Bauer. Адъютант M. Kreisler». Сам Щастный не придавал большого значения этим копиям, однако уже во время первого допроса Троцкий и построил главные свои обвинения именно на этом с позволения сказать «компромете»:

Троцкий: — Вы ведь считали, что распоряжение об уничтожении флота принимается по немецкому приказу.

Щастный: — Я считал [эти слухи] вздорными и чудовищными... — И хотя следствию и суду не удалось доказать, что Щастный использовал эти материалы в своих личных целях, они сыграли-таки роковую роль.

В обвинительном заключении сказано: «...Щастный предаётся Революционному трибуналу по обвинению в преступлениях по должности, в подготовке контрреволюционного переворота и государственной измены по отношению к Советской республике». Единственным свидетелем стал сам Л. Троцкий: из 9 страниц протокола судебного заседания $\frac{3}{4}$ — его обвинительная речь. Не вдаваясь в надуманные обвинения, отметим «подготовку условий для захвата власти». В 1918 г. взбунтовалась минная дивизия, и Щастному вменяли в вину, что он якобы задержал отправку дивизии из города, препятствовал аресту офицеров и т.д. Выданное революционным трибуналом и Троцким обвинение звучало издевательски: «Щастный, совершая геройский подвиг, тем самым создал себе популярность, намереваясь впоследствии использовать её против советской власти». Когда прозвучал приговор «Расстрелять!», все присутствующие возмутились, а эсеры потребовали созвать расширенное заседание Президиума ЦИК. В Советской России был принят Декрет «Об отмене смертной казни», у суда не было права

**Контр-адмирал А.М. Щастный —
герой Балтийского флота?**

приговаривать к смерти человека, тем более такого героического человека.

В приговоре ревтрибунала при ВЦИК по делу А.М. Щастного было сказано: «Вёл контрреволюционную агитацию... предъявлением провокационных документов, явно подложных, о якобы имеющемся у Советской власти секретном соглашении с немецким командованием об уничтожении флота или о сдаче его немцам». Все остальные пункты обвинительного приговора материалами дела или не подтверждались или же прямо опровергались. Все эти, как, впрочем, и другие «издержки буржуазного суда», для председателя трибунала Медведева и его членов не имели значения. Вина Щастного, по их мнению, состояла в том, что он «своей деятельностью поддерживал во флоте возможность противосоветских выступлений». Власть же открыто демонстрировала превентивный характер начавшихся репрессий. Вряд ли, конечно, большевики хотели передать флот немцам (в счёт полученных некогда сумм). Возможно, Балтфлот хотели уничтожить, при этом «погрев руки». По некоторым данным, английский разведчик и военно-морской атташе Френсис А. Кроми посетил Л. Троцкого, предложив выплатить морякам, согласившимся уничтожить корабли, деньги. Боевая цен-

ность флота к тому времени упала почти до нуля, а процесс распада его боевой организации и потери дисциплины увеличивал опасность непредсказуемых действий со стороны флота. По существу это означало: в Кронштадте и в Новороссийске флот по-прежнему являлся дамкловым мечом над Брестским договором. В майские дни 1918 года московская власть оказалась перед жёстким выбором — или надёжно подчинить флот, или уничтожить его. Известие о новых планах уничтожения кораблей, спасённых с таким трудом, взбудоражило флот. Экипажи минной дивизии, стоявшей на Неве в центре города, потребовали 11 мая 1918 г.: «Петроградскую коммуны, ввиду её полной неспособности и несостоятельности предпринять что-либо для спасения родины и Петрограда, распустить», и вручить власть морской диктатуре Балтийского флота. На III Съезде делегатов Балтийского флота матросы заявили: флот будет взорван только после боя и, выразив возмущение назначением наград за взрыв кораблей, потребовали объяснений от наркома. 24 мая глава СНК Ленин на доклад начальника Морского генерального штаба о положении дел на Черном море наложил резолюцию: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно. Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)». Посланному с секретным поручением И. Вахрамееву не удалось убедить команды в необходимости уничтожать корабли. Напротив, значительная часть экипажей на общем собрании команд выразила решимость погибнуть в открытом бою. Флот отказался подчиниться приказу Москвы. Что-то скрыто за этой историей. Возможно, русский офицер хотел всё же сохранить эти военные корабли, не очень-то вдаваясь в подробности большой политической игры всех сторон.

Но истина требует взглянуть на «дело Щастного» и с иной стороны... Вопрос стоял о жизни и смерти Советской власти. Виллять тут нечего. В приговоре по делу А.М. Щастного говорилось: «Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Революционный трибунал при ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, заслушав в открытых заседаниях своих от 20 и 21 июня 1918 г. и рассмотрев дело по

обвинению бывшего начальника морских сил Балтийского флота гр. Алексея Михайловича Щастного, 37 лет, признал доказанным, что он, Щастной, сознательно и явно подготовлял условия для контрреволюционного государственного переворота, стремясь своею деятельностью восстановить матросов флота и их организации против постановлений и распоряжений, утверждённых Советом Народных Комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. С этой целью, воспользовавшись тяжким и тревожным состоянием флота, в связи с возможной необходимостью, в интересах революции, уничтожения его и кронштадтских крепостей, вёл контрреволюционную агитацию в Совете комиссаров флота и в Совете флагманов: то предъявлением в их среде провокационных документов, явно подложных, о якобы имеющемся у Советской власти секретном соглашении с немецким командованием об уничтожении флота или о сдаче его немцам, каковые подложные документы отобраны у него при обыске; то лживо внушал, что Советская власть безучастно относится к спасению флота и жертвам контрреволюционного террора; то разглашая сек-

«Ваня-коммунист»

ретные документы относительно подготовки на случай необходимости взрыва Кронштадта и флота...» В решении предъявлены иные обвинения, включая саботаж решений Советской власти (неустановление демаркационной линии в Финском заливе, отказ ставить мины и задержка минной дивизии в Петрограде). Вердикт суров: «Трибунал постановил: считая его виновным во всём изложенном, расстрелять. Приговор привести в исполнение в 24 часа». Его расстреляли через несколько часов — во дворе Александровского военного училища, где была штаб-квартира самого Троцкого... «Могильщик Русского Народа» приказал казнить его тут же, назначив для этого команду китайцев, не надеясь на русских... 22 мая 1918 г. Щастного расстреляли. Виновным он себя не признал. Зарыли комфлота тут же по приказу из Кремля: «Зарыть в училище, но так, чтобы невозможно было найти». Троцкий лично объявился там в 5 утра, удостовериться, расстреляли ли главу Балтфлота. И приказал зарыть тело в подвале. До нас дошли последние слова Алексея Михайловича Щастного: «Смерть мне не страшна. Свою задачу я выполнил — спас Балтийский флот». Его жена Н.Н. Щастная просила... «С 21 на 22 июня приведён в исполнение приговор Высшего революционного трибунала над моим мужем Алексеем Щастным. Единственное утешение — нравственный долг — остался для меня и детей моих: предать тело мужа и отца Алексея Щастного погребению по христианскому обряду. С покорнейшей просьбой обращаюсь я в исполнительный комитет о выдаче тела мужа

моего Алексея Щастного для погребения... Никакого креста, кроме надписи «Раб Божий Алексей» на дощечке, я обязуюсь не ставить. Нина Щастная. 29 июня 1918 года». Тело ей так и не выдали. Малый Совнарком разрешил похоронить похристиански... Но и этому воспрепятствовали «Вельзевул с Асмодеем» — Свердлов с Троцким... Свердлов собственноручно написал на приказе: «Постановление, изложенное на обороте сего, аннулировать и все действия, которые предпринимаются Вами в направлении данного вопроса, нужно приостановить». Напрасно в энциклопедиях, морских справочниках искать сведения о капитане первого ранга Щастном, о человеке, который спас для России её Балтийский флот. «Это первый и самый позорный смертный приговор, вынесенный Троцким в Советской республике». Доселе неизвестна могила, где погребён командующий Балтийским флотом тов. Щастный. Суд Балтийского флота реабилитировал флотоводца-героя. И всё же надо быть до конца честным и искренним. Взвесьте и соотнесите факты: в тревожную годину Республики кто-то хочет поднять против Советской власти матросов Балтфлота. Это же будет иметь место позже, во время мятежа Кронштадта. Что же должна была предпринять в этом случае Советская власть против восставших — уступить или сдаться?!

Много вреда принесли подозрения, находившие поддержку и в рядах ВЧК, и у ряда руководителей партии (особенно у нерусских). И.В. Сталин писал Ленину: «Не только Всеросглавштаб работает на белых, но и Полевой штаб Реввоенсовета Республики во главе с Костяевым». Особенно был беспощаден к офицерскому корпусу Троцкий, утверждая: «Мы не имеем ни одного лица в высшем командовании, у которых не было бы комиссаров справа и слева... И если эти комиссары справа и слева с револьверами в руках увидят, что военспец шатается и изменяет, он должен быть немедленно расстрелян». Иные военспецы (перешедшие на службу Советской власти офицеры) не испытывали к ней симпатий и далеко не всегда были надежными командирами. Особенно в ходе поражений и отступлений. Неред-

Первые военные министры Советской России — П. Е. Дыбенко, Н. Крыленко, Н.И. Подвойский

ки были случаи саботажа, предательства, перехода на сторону белогвардейцев, невыполнения приказа. Так, на сторону белых перешел командарм 9-й армии красных Н.Д. Всеволодов, полковник и начштаба 55-й дивизии Лауриц и др. Евреи-командиры, включая Свердлова и Троцкого, открыто ненавидели «офицерскую кость». Тут можно вспомнить случай, когда Свердлов советовал пустить впереди поезда бегущих от белых красных комиссаров эшелон офицеров Академии Генерального штаба во главе с генералом Андогонским. «Пусть расстреляют учёных офицеров, а мы успеем скрыться», — говорили эти красные. Среди пассажиров поезда были, видимо, палачи семейства Романовых. Хотя надо подчеркнуть: на один случай измены были сотни случаев честного служения народу. Конечно, можно победу красных над белыми объяснить так как это делают некоторые из господ: «Кровавый из кровавых 1919 год был временем непрерывной гражданской войны в России. На жидовскую власть в Москве ополчились: с юга — Деникин, с востока — Колчак, с севера — Миллер, с запада — Юденич; казалось, что должен прийти ей конец; однако чрезвычайки и глупая Красная Армия её выручили» (А. Царинный).

О том, сколь важную роль в деятельности любой структуры государства, в том числе и прежде всего в армии, играют образованные профессионалы, говорят сами факты... Известно, что в период с 1918 по 1920 г. почти все зашифрованные сообщения РККА и советской дипломатии успешно читались белогвардейцами, поляками, англи-

чанами, шведами. Так, 2-й отдел польского Генерального штаба только за август 1920 г. дешифровал 410 секретных телеграмм, поданных Троцким, Тухачевским, Гаем и Якиром. Белые, как отмечают, тщательно следили за дипломатической деятельностью Советской России. Так, перехватывалась и дешифровывалась переписка советского правительства с делегацией на переговорах в Брест-Литовске. Тщательно отбиралась и анализировалась ими информация о деятельности ВЧК. Благодаря радиоперехвату и дешифровке, командиры Белого движения смогли контролировать и анализировать все планировавшиеся Красной Армией операции на Восточном и Туркестанском фронтах, следить за связью командования этих фронтов с Москвой. Весной 1919 г. адмирал Колчак писал русскому посланнику в Греции: «Единственным источником информации нам служат перехваченные большевистские радио». Применяемые войсками Буденного и Куйбышева в Средней Азии системы шифрования были столь слабы, что иногда раскрывались даже и басмачами. Слабая профессиональная подготовка кадровых работников шифрслужбы красных не могла обеспечить должного уровня защиты передаваемой информации. К тому же те допускали множество нарушений, послаблений при шифровании. Как и белые, красные зачастую шифровали только отдельные участки сообщений текста, остальное передавалось открыто. Немалый урон советской шифрслужбе нанесли потери, хищения, случаи предательства шифровальщиков Красной армии. В 1919 г. в руки белых попало

23 экземпляра шифров, а в 1920 г. — 30 экземпляров. Но в целом не намного лучше обстояли в этом плане дела и у белых.

Примеров успешной работы белой разведки в тылу красных была деятельность гвардейского подпоручика Н. Сигиды. Благодаря помощи его однокашника по Коммерческому училищу, члена Донского Совнаркома и комиссара финансов Е.И. Болотина, его назначили членом Коллегии при комиссаре по военным делам. В не предназначенных для печати мемуарах он писал в 1925 г.: «Наши разведчики имели доступ всюду. Тайная организация полковника Орлова и разведка, оставленная на местах Добровольческой армией, снабдила своими членами все советские учреждения в достаточной мере. Начиная от лицейских участков и кончая наркомом, разведка имела свои глаза и уши. Центр наш благодаря этому всегда был в курсе событий. Наши агенты, будучи на службе у большевиков, занимали у них места от милиционера до наркома включительно». Даже при известной браваде в этих словах была толика правды. Так, и.о. наркома торговли у красных стал некий А.А. Борман. Его мать, А.В. Тыркова, входила в ЦК партии кадетов, но, главное, была гимназической подругой Н.К. Крупской. А связи у красных и у белых играли особую роль. Талантливый 27-летний разведчик белых общался в Кремле с видными большевиками, был как-то представлен самому Ленину и принимал участие в заседаниях Совнаркома. Другой пример. Белый полковник Двигубский, начальник Харьковского центра, занял должность помощника командующего Украинским фронтом В.А. Антонова-Овсеенко. Причем, он представлял секретные доклады и Троцкому. Именно он и стал автором авантюрного плана наступления красных войск на Румынию. Немало белогвардейцев занимали видные посты на разных ступенях в Красной армии. Но и не меньше красных разведчиков действовало в штабах и в частях белых войск. Одним из них был штабс-капитан Макаров, герой фильма «Адъютант Его Превосходительства». Или же на-

Красный разведчик штабс-капитан Макаров, адъютант генерала В. Май-Маевского (за ним)

зовём такие имена как Филиппов, Луцкий, Трилиссер или «король русской разведки» Крашко (Кейт), ухитрившийся вынести из миссии Врангеля в Европе два чемодана с секретнейшей информацией белых, их сфотографировать, затем вернуть чемодан на место (да так, что никто из белой эмиграции даже не заметил).

Но всё равно приход в Красную армию кадровых военных был необходим. Шаг верный и давно назревший. Без специалистов в военном деле никак нельзя. Без них, признавал позднее и Ленин, нельзя было ни создать Красную Армию, ни победить. По оценкам главкома И.И. Вацетиса, которую тот довел до сведения Ленина, в штабах Красной Армии особенно остро ощущалась нехватка лиц с военно-научной подготовкой; штатный комплект генштабистов составлял 70 % в среднем по армии и 82 % на фронте... Сама жизнь и потребовала привлечения знающих военных специалистов. Вождь стал инициатором использования офицеров в Красной армии. Показателен и разговор Ленина с Дзержинским, состоявшийся в дни разгрома эсеровского мятежа в Москве и вооруженного выступления боевых отрядов «савинковцев» в других городах. Ленин слу-

шал Дзержинского заинтересованно. Прерывал редко... А когда председатель ВЧК доклад закончил, спросил его:

«Что способствовало успеху Савинкова в организации «Союза защиты»?»

Дзержинский, не задумываясь, ответил:

— Обстановка в Москве. Здесь оказалось много бывших офицеров. Более 38 тысяч. Они так и не смирились со своим поражением. Савинков сделал их ядром заговорщической организации.

— Какова же их дальнейшая судьба?

— ВЧК арестовало около 5 тысяч. Они собраны в манеже бывшего Алексеевского юнкерского училища в Лефортове. Ума не приложу, Владимир Ильич, что с ними делать?

— Отправиться к арестованным офицерам... Подробно с ними побеседовать, проверить.

Дзержинский посмотрел на заведующего оперативным отделом Наркомвоена. Тот недоуменно пожал плечами. Это не ускользнуло от Ленина.

— Думаю, сказал он тихо и мягко, что не ошибусь, если выражу полную уверенность, что среди пяти тысяч бывших офицеров найдется немало честных, правдивых людей, патриотов Родины, которые согласятся служить в Красной Армии. Говорил о судьбе бывших офицеров-заговорщиков с таким искренним участием, что, казалось, за минуты до этого он и не слышал рассказа Дзержинского о подготовке на него покушения, когда группа офицеров установила за вождем слежку. К счастью, чекистам удалось тогда разрушить этот зловещий замысел». Сцена вполне жизненна.

Проявления демократизма не исключали жёсткой политики в отношении офицерства в целом. Напомню, Троцкий потребовал устанавливать семейное положение командного состава и сохранять на ответственных постах лишь тех, чьи семьи находились в пределах Советской России. Этого требовал Ленин от заместителя председателя Реввоенсовета Республики Э. Скланского: «Надо усилить взятие заложников с буржуазии и с семей офицеров — ввиду учащения измен. Сговоритесь с Дзержинским»

(8.06.1919 г.). А вот как выглядела зачастую процедура демократической мобилизации офицеров (по словам З. Гиппиус): «Когда офицеров мобилизуют... их сразу арестовывают; и не только самого офицера, но его жену, его детей, его мать, отца, сестер, братьев, даже двоюродных дядей и теток! Выдерживают офицера в тюрьме некоторое время непременно вместе с родственниками, чтобы понятно было, в чём дело, и если увидят, что офицер из «пассивных» героев — выпускают всех; офицера в армию, родных под неусыпный надзор. Горе, если прилетит от армейского комиссара донос на этого «военспеца»... Едут дяди и тетки — не говоря о жене с детьми — куда-то на принудительные работы, а то и запираются в прежний каземат». Понятно, что Красная Армия, как и всякая другая, была не чужда и других слабостей и пороков. Имели место карьерные интриги со стороны М. Бонч-Бруевича, Крыленко, Дыбенко, Будённого, Ворошилова, Тухачевского. К тому же первые комиссары военного ведомства (Крыленко, Подвойский, Дыбенко) не доверяли бывшим генералам, боялись: возродят царские порядки. Шаги по привлечению к работе видных военных натолкнулись на подозрительность ряда революционеров. И. Вацетис писал о недоверии комиссаров к бывшим офицерам: «Скажу откровенно, что каждый комиссар, назначенный контролировать деятельность какого-нибудь отдела в штабе, имеет своим затаённым желанием поймать в контрреволюционности и предательстве какое-нибудь лицо генштаба...»

Запись в Красную Армию

В высшей степени показательна записка, направленная комиссаром Центрального управления военных сообщений В.В. Фоминым в ЦК РКП(б) Э.М. Склянскому, являвшемуся, как известно, правой рукой Льва Троцкого: «Как всюду в частях армии специалисты — мастера военного дела в военных сообщениях — расколоты революцией на 3 неравные силы. Лучшая, небогатая численно, работает с революцией за совет. Работает, несмотря на голод, обнищание, контраст с прошлым. Их, этих людей, несущих свои знания на алтарь освобождения человечества, нельзя не окружать любовью и уважением. Таких немного в аппарате военных сообщений. Но они есть. Вторая группа (самая многочисленная) — несущие «большевистский гнёт» по тяжкой материальной необходимости. Эти ненавидят революцию и всех иже с нею. Изуродованные... капиталом, они трусливы, как на барометре на них заметны колебания политической непогоды; они пассивно враждебны и «подкладывают свинью» (иногда) трусливо, осторожно, вопреки расчётам дня, по классовой ненависти. Они ценны лишь своим опытом, знаниями, организационными навыками. Они не творят новых форм, несут лишь с собой традиции; они формально относятся к работе; они безучастны к её конечному результату. Но всё же они необходимы. Заменить их нечем. И поучиться классу... у них всё же есть чему. Третий слой. В большинстве (это) сильные, смелые, враждебные. Хитрые. Шпионы. Работают по поручению ещё не поверженных врагов. Собирают сведения. Передают. При отстранении стратегических резервов на фронтах и необходимости ведения войны методом переброски войск по так называемым внутренним коммуникационным линиям — шпионаж в органах военных сообщений приобрёл первостепенное значение. Отношение к первым двум группам со стороны прокуроров революции — военных комиссаров — явствует из самой природы этих групп... Особняком стоят шпионы и предатели. В процессе текущей работы в учреждении их нет возможности уловить, уличить. На основании массы мелких наблюдений можно лишь локализовать

Ленин обходит войска всеобуча 25 мая 1919 г.

подозрения на определённой группе лиц. Дальше уже необходим метод бесцеремонного стыка; установление, по возможности, всех связей и знакомств, потом аресты, потом улики, потом беспощадная расправа. Сил для осуществления этой системы борьбы с предательством в распоряжении военных комиссаров нет. Необходимо привлечение сыскных органов, в данном случае — Особого отдела ВЧК». К этой оценке нужно отнестись трезво, с пониманием того, что в ней есть немалая толика истины. Несомненно. Но следует учесть, что и тут слышится очевидный голос «классовой ненависти». Ведь комиссары и командиры зачастую находились в конфронтации, если даже были близки идеологически.

На важные высшие военные посты были поставлены опытные царские военные специалисты и военачальники. Многие из них — из рабоче-крестьянской среды. Участник событий тех лет полковник Ф.И. Елисеев описал, как шла мобилизация в Красную армию бывших царских офицеров (даже служивших ранее у белых): «Мы вошли во двор Запасного полка. Всё здесь было старое, дореволюционное. У полковой канцелярии стояла группа «комсостава», человек тридцать. Все по форме одетые в защитный цвет. Если бы надеть им погоны, они сразу бы стали теми офицерами, (что) были в Императорской армии... Староста со списком прошёл в канцелярию, откуда скоро вышел командир полка, что-то сказал своим офицерам, и все они гурьбой двинулись к нам. — Здравствуйте, господа! Кто из вас будет генерал Морозов? — спросил он... Морозов спокойно выдвинулся вперёд и назвал себя. Командир красного Запасного полка вежливо козырнул ему, но руки

не подал и сказал всем нам (повторяю почти дословно): — Вас прикомандировали к моему полку. Очень приятно. Я для вас сделаю всё, что возможно в моих силах. Прошу вас смотреть на нас не как на своих врагов, а как на своих равных бывших противников. Лично я — подполковник старой армии, и весь мой «комсостав» — также бывшие офицеры, за исключением двух. Но никого среди нас коммунистов нет, — с улыбкой закончил он. — А теперь — познакомимся по-частному, — добавил он и подал руку Морозову. Все его офицеры немедленно же разбрелись по нашей толпе, закидывая нас вопросами... Они очень мало знают о нашей борьбе против Красной армии. Все они были тогда в этом же Запасном полку, все местные жители. Сам командир полка еще при Императоре был помощником командира этого полка, а потом назначен красными командиром. Он местный небогатый помещик. Часть имения (Советская) власть оставила ему в пользование, так как он, с тремя своими друзьями-офицерами, обещал устроить коммунальное хозяйство. Они открыто острят над двумя офицерами «красной формации», но подчеркивают, что те «парни славные». Пожелав нам «наудобнейше устроиться здесь у них», командир козырнул и с офицерами покинул нас».

В той невообразимой обстановке было всякое... Имели место и случаи мести семьям белых офицеров со стороны красных. Так, красные взяли в заложники семью бе-

лого генерал Каппеля (1918). Они передали ему, что если генерал, вначале некоторое время служивший в рядах красных, поутихнет в его военных деяниях, то его жену освободят. Говорят, генерал ответил им резко и бескомпромиссно: «Расстреляйте жену, ибо она, как и я, считает для себя величайшей наградой на земле от Бога — это умереть за Родину. А вас я как бил, так и буду бить». Арестовали и упрятали в тюрьму (на долгие-долгие годы) и возлюбленную Колчака Анну Темирёву... И всё же, смеем полагать, что не только и не столько меры принуждения оказали решающее воздействие на многих офицеров. Просто иные стали понимать, что большевики строят новую российскую государственность, выступая как орудие исторической неизбежности, причём «с таким нечеловеческим напряжением, которого не выдержать было бы никому из прежних деятелей». Мысль эта проходит красной нитью через сотни разных книг и статей и суть её проста — именно большевики в Гражданской войне стояли на страже русских национальных интересов. А белые, в конечном счете — на страже интересов Запада, недругов России. Пропать тут глубже, чем пропасть социальная или политическая. «И по мере того, как офицеры Белой армии это понимали, они перетекали в Красную армию». Известны случаи вербовки офицеров и самого анекдотического свойства. Так Махно предложил пленным офицерам на выбор — или смерть или выпить залпом четверть горилки. Один из белых выпил, и свалился почти что замертво, но восхищённый «батько» жизнь ему сохранил и даже записал в своё войско (хотя тот вскоре сбежал к своим).

Частью материальные стимулы или агитация, частью суровые меры побудили в июне 1918 — августе 1920 вернуться в строй 48 тыс. бывших офицеров и 415 тыс. унтер-офицеров. Эти данные нуждаются в серьёзном уточнении. В целом принято считать, что более трети офицерского корпуса воевало на стороне белых, менее трети — на стороне красных, а около трети в гражданской войне не участвовали вовсе, не желая проливать братскую кровь и растворившись в остальной

Коллаж о «Ледяном походе» Каппеля

массе населения. Но надо сказать и всю правду о тех войнах, кто пошёл служить к красным, воздать должное героям-офицерам, служившим в Красной армии не за страх, а за совесть. Они шли на это ради интересов простого Народа! На сторону Советской власти практически в полном составе перешёл центральный аппарат русской военной разведки во главе с генерал-лейтенантом Н.М. Потаповым. Лучшая часть офицерского корпуса! Заметим, что царская власть отнеслась абсолютно наплева- тельски к работе разведки и контрразведки в России. Об этом убедительно поведал ветеран, историк контрразведки генерал-лейтенант А. Зданович 18 мая 2009 г. в передаче канала «Совершенно секретно».

Разведчиков и контрразведчиков выш- шие чины армии и правительства третиро- вали как только могли. Когда те предпри- няли шаги по выявлению ими спекулянтов и воротил в банках и торговле в годы Пер- вой мировой войны, наградой им стала Пет- ропавловская крепость, куда их посадили господ буржуи. Разведчик получал в че- тыре раза меньшую плату, чем прокурор, их обделяли чинами и т.п. Но главное — им не давали работать на полную мощь, защи- щая государственные интересы. И также поступала ельцинская буржуазия, своло- чь, пришедшая к власти в 1991 г. и сделавшая всё, что было в её силах для уничтожения национальной службы безопасности, раз- ведки и контрразведки России. Известно, что за время Гражданской войны в рядах крас- ных служили 775 бывших генералов и ад- миралов царской армии, то есть более по- ловины имевшегося состава генералитета (1263 человека) на 1 января 1914 г., что полностью развенчивает гнусную ложь пре- дателей и врагов России, что, мол, за Со- ветскую власть сражалось только «быдло», «серая скотина» (из числа солдат, кресть- ян, рабочих и матросов). Некто В. Бонда- рева заявил в журнале «Родина» (№2, 2007): «Красная армия, которой руководили штат- ский Бронштейн, недоучившийся студент Фрунзе, семинарист Сталин, поручик Туха- чевский, есаул Будённый, матрос Дыбен- ко, пролетарий Ворошилов, одолела всю военную элиту империи — Корнилова, Де- никина, Колчака, Юденича, Врангеля. Это можно понять, только если страна и народ были обречены и ничто их спасти не мог-

В. Псарев. Красные командиры

ло: ведь если цвет нации, лучшие люди всту- пают в борьбу и проигрывают малообразо- ванным и абсолютно неопытным ни в хо- зяйственном, ни в организационном отно- шении революционным дилетантам, это зна- чит, что у нации в том её виде не было шансов выжить. Грубо говоря, «шпана», «люмпены», маргиналы победили подлинную элиту, лучших людей страны».

Это А.А. Брусилов, М.Д. Бонч-Бруевич, А.Е. Снесарев, В.М. Альтфатер, С.С. Камен- ев, П.П. Лебедев, А.А. Таубе, Г.В. Чичерин, А.М. Коллонтай, А.А. Игнатъев, Н.М. Пота- пов — шпана, дилетанты, люмпены?! О, жалкое время и племя — невежд, подле- цов и дилетантов! Нет уж, господа, у нас с вами — разная родина! В статье «Рабоче-

**М. Ножкин в роли красного командира
Рощина**

крестьянская императорская армия» В. Селина, С. Фадеев показали, кому обязан трудовой народ России победой. Им, русским офицерам, вставшим выше сословных и классовых интересов! А вовсе не иудушке-Троцкому! Среди этих героев много славных имен. В числе первых следует назвать генерал-лейтенанта Н.М. Потапова. Он первым из старых генералов наладил связь с большевиками, с июля 1917 г. сотрудничая с Военной организацией Петербургского комитета РСДРП (б), с известной военкой. Согласно устной традиции, дочери Потапова рассказывали о его связях с руководителем военки Н.И.Подвойским, о чём поведала автору статьи дочь одного из военных специалистов Н.И. Хитрова, изучавшая деятельность Н.М.Потапова в Черногории, где он до 1915 г. был главным военным советником черногорской армии. Хотя Потапов родился в Москве, но его отец — гражданский чиновник происходил из вольноотпущенных крепостных крестьян. Хорошо известно, что подавляющее большинство царских генералов дворянского происхождения и выходцы из бывших крепостных были редким исключением. Уже одно это отличало Потапова от типичных генералов. Второй важный момент, который не может не привлечь внимания, заключался в его знакомстве ещё в 90-е гг. со студентами-революционерами. Одним из них был М.С. Кедров впоследствии видный большевик. Сам Кедров по этому поводу вспоминал: «...после июльских дней генерал Потапов Н.М., помощник начальника Главного штаба и генерал-квартирмейстер, предложил через меня свои услуги Военной организации большевиков (и оказывал их)». По свидетельству Потапова, с Кедровым, которого он называл своим другом, неоднократно встречался впоследствии, в том числе после Февральской революции. Будучи членом военки именно Кедров познакомил Потапова с Подвойским. В их числе и М.Д. Бонч-Бруевич, один из основателей российской военной контрразведки. Он сразу же стал на сторону народа. Будучи после Февральской «революции» начальником гарнизона Пскова, он был избран членом Исполкома Псковского Совета рабочих и солдатских депутатов. В августе-сентябре 1917 г. М. Бонч-Бруевич стал главнокомандующим Северным фронтом, способствуя срыву

корниловского мятежа. В воспоминаниях он откровенно писал, что на службу к Советам перешёл не без колебаний. Это было естественно для многих порядочных офицеров и генералов. Он писал: «Разочарование в династии пришло не сразу. Трусливое отречение Николая II от престола было последней каплей, переполнившей чашу моего терпения». И далее М.Д. Бонч-Бруевич говорит и о тех, кого сегодня поднимает на щит лицемерная буржуазная пресса: «Пойти к белым я не мог; всё во мне восставало против карьеризма и беспринципности таких моих однокашников, как генералы Краснов, Корнилов, Деникин и прочие». Или его высокоблагородие, главнокомандующий Вооружёнными силами Советской Республики Сергей Сергеевич Каменев (не путать с Л.Б.Каменевым, в паре с Зиновьевым расстрелянным). Блестящий кадровый офицер, он закончил академию Генштаба в 1907 г. Полковник императорской армии, он с начала 1918 г. по июль 1919 г. сделал молниеносную карьеру — от командира пехотной дивизии до командующего Восточным фронтом, с июля 1919 г. до конца Гражданской войны занял пост, который в годы Великой Отечественной войны будет занимать И.В. Сталин как главноком. Бессмысленно перечислять боевые операции С. Каменева, с июля 1919 г. ни одна операция сухопутных и морских сил Советской Республики не обходилась без его непосредственного участия. Или же П.П. Лебедев — начальник Полевого штаба Красной Армии, потомственный дворянин, генерал-майор Императорской Армии. На посту начальника Полевого штаба он

С.С. Каменев и В.К. Блюхер на параде войск

П.П. Лебедев в рабочем кабинете штаба РККА

сменил В. Бонч-Бруевича, который с 1919 г. по 1921 г. возглавлял практически всю войну. С 1921 г. был назначен начальником Штаба РККА. Участвовал в разработке и проведении важнейших операций Красной армии по разгрому войск Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля. Награжден высшими наградами Республики — орденами Красного знамени и Трудового Красного знамени. Пойдём далее... Возьмём коллегу П. Лебедева, начальника Всероссийского главного штаба А. Самойло, потомственного дворянина, генерал-майора Императорской Армии. Выдвинулся в годы Гражданской войны, возглавлял военный округ, армию, фронт, был заместителем Лебедева, затем возглавил Всеросглавштаб.

Правы авторы: «Когда решалась судьба Советской России в 1919 г., самым важным был Восточный фронт (против Колчака). Вот его командующие в хронологическом порядке: Каменев, Самойло, Лебедев, Фрунзе (26 дней!), Ольдерогге. Один пролетарий и четыре дворянина, подчеркнём — на жизненно важном участке!» Генералы, открыто вставшие на сторону трудового народа, были людьми большого опыта и пользовались влиянием в русской армии. Например, генерал-лейтенант В.Ф.Новицкий был участником русско-японской войны, в Первой мировой войне командовал последовательно корпусом, армией, затем Северным фронтом. Любопытно, что после Октябрьской революции на сторону Советов перешло три бывших командующих Северным фронтом — М. Бонч-Бруевич, В. Клембовский и В. Новицкий. Генерал-майор Балтийский в годы Гражданской войны был командующим 4-й

армией, а затем начальником штаба Туркестанского фронта. Здесь же уместно назвать генерал-майоров Н.П. Сапожникова и П.П. Сытина, получивших звания в царской России, виднейших специалистов по разведке, читавших лекции, готовивших и подготовивших кадры советских разведчиков.

Ну и как тут не вспомнить В.Р. Менжинского, этого «последнего интеллигента Лубянки»... О нём сегодня пишут: «Таких, как он, среди большевиков было немного: профессиональный революционер, подпольщик, член партии с 1902 г. и в то же время наследственный дворянин, сын учителя, выпускник юридического факультета Петроградского университета, полиглот, знающий шестнадцать (!) языков (последний, фарси, он выучил специально для того, чтобы в подлиннике читать Хайяма.) Такие люди очень нужны были в ВЧК. «Командирован ЦК по приказу Дзержинского», записано им в чекистской анкете в графе «рекомендации». Так в сентябре 19-го Вячеслав Менжинский, бывший народный комиссар финансов и генеральный консул в Берлине, попадает в самое пекло на Лубянку. «Этот интеллигент в пенсне не только сумел закрепиться в спецслужбе и сделать

В.Р. Менжинский — интеллигент с Лубянки

хорошую карьеру. Он оказался прирожденным контрразведчиком» (А. Хинштейн). Под его прямым руководством КРО ГПУ провёл первые блестящие операции: «Трест», «Синдикат-2», в итоге которых крупнейшие антисоветские центры оказались полностью разгромленными, а их руководители Савинков и Рейли были заманены в Россию и арестованы. «Иностранные разведки с трудом оправились от шока: кто бы мог подумать, что тайная полиция, лишь вчера сформированная из босяков и голодранцев, не только способна к действиям, но на голову превзойдёт хваленые “Интеллидженс сервис” и “Дефензиву”»...

Широко известен и генерал от артиллерии А.А. Маниковский, что ещё в Первую мировую войну возглавлял Главное артиллерийское управление Русской Императорской Армии, а после Февральской революции был назначен заместителем военного министра. Он тоже стал служить народу. «Если принять во внимание, что к концу Первой мировой войны дворяне составляли 4 % русского офицерского корпуса (С.В. Волков «Русский офицерский корпус», М., 1993 г.), то из этого следует, что не менее 3 тысяч дворян служили в рядах РККА — не много, но это лучшие. Закончить краткий обзор нам бы хотелось примерами человеческих судеб, которые как нельзя лучше опровергают миф о патологическом злодействе большевиков и о поголовном истреблении ими благородных сословий России. Замечу сразу, большевики были не идиоты, поэтому люди со знаниями, талантами и совестью им были очень нужны, а, учитывая тяжелейшее положение России, даже нужнее, чем кому-либо ещё. И такие люди могли рассчитывать на почет и уважение со стороны Советской власти, несмотря на происхождение и... провинности в прошлом. Начнём с его высокопревосходительства генерала от артиллерии Алексея Алексеевича Маниковского. Алексей Алексеевич ещё в Первую мировую войну возглавлял Главное артиллерийское управление Русской Императорской Армии. После Февральской революции был назначен заместителем военного министра и, поскольку этот «военный министр», депутат Государственной Думы Гучков, ничего не соображал в военных вопросах, Маниковскому пришлось стать фактическим главой

Граф А.А. Игнатьев

военного ведомства (обратите внимание на уровень руководства страной российскими демократами — идёт тяжелейшая война, а на должность военного министра назначают полного профана, который сваливает свои обязанности на заместителя). В памятную ноябрьскую ночь 1917 г. Маниковский был арестован вместе с остальными членами Временного правительства, затем отпущен на свободу. Спустя несколько недель вновь арестован и отпущен на свободу. В заговорах против Советской власти замечен не был. В 1918 г. возглавил Главное артиллерийское управление РККА, в дальнейшем он будет работать на различных штабных должностях Красной армии. А коллега Маниковского по Временному правительству, министр просвещения... Сергей Фёдорович Ольденбург. Ольденбурги — это великие герцоги в Германии, герцоги и принцы в России, короли Дании, Норвегии, Швеции. Одна из ветвей этого рода — Глюксбурги, короли Греции, а другая — упомянутые нами Гольштейн-Готторп-Романовы. К этому я ещё добавлю, что сам Сергей Фёдорович являлся лидером партии кадетов. Естественно, что 7 ноября 1917 г. Ольденбург также оказался в казематах Петропавловской крепости. Как вы думаете, что с ним сделали большевики, учитывая его происхождение и политическое прошлое? Навер-

С.Ф. Ольденбург

ное, сожгли в печи Путиловского завода или раздавили паровым катком? Приведу выдержку из Большой советской энциклопедии 1939 г. издания: «Ольденбург Сергей Фёдорович (1863—1934). Академик, неприменный секретарь АН СССР, учёный, историк, этнолог-лингвист, дешифровал древнеиндийские рукописи, найденные в Кашгарии... Ольденбург имеет более 300 опубликованных работ...», далее следует подробнейший материал об огромном научном значении трудов Ольденбурга.

Или вспомним другого дворянина — графа А.А. Игнатьева, бывшего военным атташе во Франции в чине генерал-майора и ведавшего закупками вооружений... Свои впечатления и настроения генерал А.А. Игнатьев отразил в знаменитой книге «Пятьдесят лет в строю», вышедшей первым изданием ещё в 1955 г. В ней выражены чувства патриота России, честного русского человека и, смею заметить, дворянина (не чета иным prostituiрованным подстилкам без роду и племени, что болтаются, как г... в проруби, в политике, науке или культуре). Узнав об отречении Николая II, он скажет: «Он нарушил клятву, данную в моём присутствии под древними сводами Успенского собора при короновании... Русский царь «отрекаться» не может». И пусть это был первый шаг в изменении самосозна-

ния представителя древнего дворянского рода, но за ним следовали действия вполне понятные всем тем, кому дорог наш великий народ, а не прогнивший режим. Он скажет: «Царский режим пал, но Россия жива и будет жить... Да прольёт революция хоть немного света на мою тёмную родину. Я буду служить ей столь же самоотверженно, как служил и до сих пор. Я обязан всем, решительно всем, русскому народу. Пусть он отныне и будет моим единственным повелителем». После Октября, когда «союзники» пожелали наложить лапу на русскую собственность за границей, в том числе и на счета русского правительства, Алексей Алексеевич перевёл на другой, недоступный счёт деньги России (на своё имя). Денег было 225 миллионов рублей золотом, или около 2 миллиардов долларов по нынешнему золотому курсу. Но после того как Франция установила дипломатические отношения с СССР, придя в советское посольство, не колеблясь, отдал чек на всю сумму со словами: «Эти деньги принадлежат России». Вzbешенные эмигранты постановили А.А. Игнатьева убить. И убийцей вызвался стать его родной брат! Как А.А. Игнатьев остался жив, он и сам тогда не понял, пуля пробила фуражку в сантиметре от головы. Этот «братский сувенир» граф будет хранить всю жизнь... Нынешняя буржуазная «элита» в «демократической» России, напротив, стремится украсть и спрятать в странах Запада наворованные и уводимые всеми правдами и неправдами из России капиталы. Полковник Иваньшин прав, говоря: «Сравнивать Игнатьева с нашими нынешними миллиардерами-олигархами мы не станем, это всё равно, что сравнивать человека и амёбу».

Напомним, что генералов и офицеров, перешедших на сторону красных белое войнство, не колеблясь, расстреливало... Весной 1919 г. в боях под Ямбургом белогвардейцы захватили в плен и казнили комбрига 19 стрелковой дивизии бывшего генерал-майора Императорской Армии А.П. Николаева. Такая же участь постигла в 1919 г. командира 55 стрелковой дивизии (бывшего генерал-майора) А.В. Станкевича, в 1920 г. командира 13 стрелковой дивизии А.В. Соболева. Что примечательно, перед смертью всем этим генералам предложили перейти на сторону белых, но все они отказались. В марте 1920 г. контрреволюционерами

было совершено покушение на инспектора пехоты Туркестанского ВО А.П. Востросаблина (а он потомственный дворянин, бывший генерал-лейтенант Императорской Армии). От полученных ранений Востросаблин скоро скончался. Среди военспецов «из бывших», павших тогда от рук белогвардейцев, был и А.А. Таубе, опять же потомственный дворянин, генерал-лейтенант, барон... Вот что пишет о нём его младший брат, историк и профессор М.А. Таубе: «С тем большим рвением напали на моего старшего брата, Александра Александровича, генерал-лейтенанта и командира 4-й Сибирской стрелковой дивизии, которая на Равке, Бзуре и под Перемышлем (одна из самых славных побед в ту несчастную войну) не избавили его ни от внушений из Ставки о желательности перемены его фамилии, ни, в конце концов, от разных инсинуаций, вроде того, что с занимаемого его стрелками участка фронта не поступает никаких донесений о «немецких зверствах»(?). В результате, ...будучи все-таки награжден, кроме Георгиевского золотого оружия, всеми орденами вплоть до Анны 1-й степени с мечами, к великой радости его жены и детей, был переведён на высокий пост начальника штаба Омского военного округа...» И вот такие люди, в полном смысле слова лучшие генералы цар-

Генерал А. Самойло

Генерал А. Мартусевич

ской империи, переходили тогда на сторону — нет, не «красных», — на сторону Русского народа! Будучи начальником штаба Омского военного округа, он перешёл на сторону красных в октябре 1917 г. Руководил красными войсками Восточной Сибири, а после падения советской власти в Сибири, уже на пути в Москву был схвачен белыми. Его посадили в камеру, а затем предложили важный пост в штабе у белых, на Восточном фронте... Генерал им сказал: «Мои седины и контуженные ноги не позволяют мне идти на склоне лет в лагерь интервентов и врагов трудящейся России; с бандитами мне не по пути». Барон А.А. Таубе держался мужественно, поражая заключённых и тюремщиков. Его перевели в тюрьму Екатеринбурга, где по приказу Колчака его заковали в кандалы... Пять белогвардейцев в высоких генеральских чинах пытались склонить А.А. Таубе к измене своему народу. Но «красный барон» остался непреклонен. И умер он как-то странно: его нашли на полу бани мёртвым и ограбленным взявшие Екатеринбург красные. Или

возьмите потомственного дворянина, генерал-майора А.В. Станкевич, командира 55-й стрелковой дивизии. Он попал в плен к белым из-за предательства начальника штаба своей дивизии Лаурица. Сам Деникин к нему приехал, чтоб уговорить генерала пойти к ним, обещая звание генерал-лейтенанта по взятии Москвы. Но тот отказался предать товарищей. Его казнили 17 октября 1919 г. у станции Золотарёвка. Окружавшим его белым офицерам он сказал: «Я служил честно в Красной Армии, где мне доверяли, и теперь, умирая, я оправдываю это доверие!» Палач накинул ему петлю и выбил из-под ног табурет. Не удовлетворившись этим, он затем подошёл к костру, вытащил раскаленный прут и выжег на груди генерала пятиконечную звезду. А напарник его ещё и приколот к телу плакат: «Казнён за измену русской армии». Советская газета откликнулась на эту казнь статьёй «Смерть героя», а 10 ноября 1919 г. на Красной площади в Москве состоялись похороны красного генерала. Секретарь МК РКП(б) А.Ф. Мясников сказал на траурном митинге проникновенные и верные слова: «Смерть генерал Станкевича показывает, какой мощью обладает наша Красная Армия... Если так погибают наши товарищи, бывшие царские генералы, какова же сила

Генерал А.В. Станкевич

всего рабоче-крестьянского движения!» Смерть Станкевича, ряда других генералов и офицеров произвела даже на белых сильное впечатление, приведя многих под красные знамена. Казнённые белыми бывшие генералы, командиры красных дивизий А.П. Николаев и А.В. Соболев и Станкевич были посмертно награждены орденом Боевого Красного Знамени. Наше твердое убеждение: эти офицеры, генералы, спецы, пошедшие на службу Советской власти, спасли честь великой русской интеллигенции! Как спасут её и в битвах XXI века!

Хотя многих из них продолжали преследовать сомнения и муки подобные тем, что высказал генерал А.А. Брусилов в его воспоминаниях, писавший: «Я великоросс и желал оставаться со своими братьями по крови, а не воевать против них. Я был всю жизнь националистом, таковым и умру... Моё глубокое убеждение, что спасти положение может только национальный флаг, иначе мы все окажемся под тяжёлой пятой иностранцев, которым мы нужны, как сырой материал для их выгод. Мировой революции мы пока не видим, быть может, она и будет, но вероятно весьма нескоро. До неё не только нас русских, но и многие другие

«Красный барон» А.А. Таубе

народы, населяющие бывшую Россию, успеют истолочь в ступе и скушать до основания. Я считал, что непроизвольная, неумовимая духовная пропаганда, невольное влияние наших людей, привычек, взглядов неминуемо отразится на рядах Красной армии, в большинстве состоящей из ничего не понимающих деревенских парней. Их в руках держали преимущественно еврейские красноречивые, наглые субъекты. Необходимо было влить в ряды их противовес, естественный, национальный элемент и под шумок парировать развращение русских, наивных, запуганных парней. Это могло бы сделаться само собой, духовными флюидами, силой духа, даже без всякого определенного заговора. Я ...глубоко верую и твердо знаю, что не сатанинским пигмеям (красным ораторам) вытравить веру Христову из нас. Повторяю: одно поколение испакотить они смогут. А больше им ничего не удастся! На всех в России произведена примерная «показательная» операция. Мы своими страданиями, на своих плечах несём весь ужас этот для того, чтобы весь мир узнал, что это такое, и отшатнулся от этих мракобесов. Но русский народ, как бы его ни развращали, ни сбивали с пути истинного, кажется, начинает прозревать». Мемуары А. Брусилова «Мои воспоминания» вышли в 1963 г. (урезанные). В этих мемуарах Брусилова сказано: не опубликованная часть книги «Мои воспоминания», якобы была фальшивкой, написанной рукой его жены — Н.В. Брусиловой-Желиховской. Объяснили так: «Отдельным заметкам и наброскам покойного она придала композиционную стройность и антисоветскую направленность. Целью её козунственных «упражнений» с заметки покойного супруга было «оправдание» его перед белой эмиграцией». Но в предисловии к полному изданию воспоминаний Брусилова (2001) дано уже совсем иное объяснение. То был хитрый ход Главного архивного управления СССР. «Чтобы сохранить для советской исторической науки и пропаганды образ генерала Брусилова — сторонника Советской власти, честно служившего в Красной Армии и чуть ли не беспартийного большевика, вторую часть воспоминаний объявили фальшивкой, бездоказательно приписав авторство Брусиловой-Желиховской и другим лицам. На сегодняшний день ни в од-

ном из отечественных архивов не обнаружено каких-либо источников, опровергающих авторство». А.А. Брусилов поработал в аппарате наркомата, потом недолго состоял инспектором кавалерии РККА, а в 1924 г. был уволен со всех своих постов. И с тех пор он жил частным лицом в Москве, выступая в печати с отдельными статьями. Вновь напомним, что в боях под Орлом осенью 1919 г. был пленён ротмистр гвардии А.А. Брусилов (сын Брусилова), командовавший 9-м кавалерийским полком красных. Его расстреляли. Можно представить, что творилось в душе отца. Он писал: «Бедный человек. Но таких много. И в России не я один отец, скорбящий о погибшем сыне, нас много». И. Шром, не раз встречавшийся с генералом, передавал и слова Брусилова: «Россия находится сейчас в неизмеримой нужде, в которую её ввергли различные причины. И нельзя обвинять в этом новую власть. Большевики во многом оказались правы. Они с корнем вырвали русскую прогнившую аристократию, лишили фабрикантов и помещиков их богатств, накопленных в течение многих лет за счет русского народа. Большевики, наконец, сохранили целостность России». Говорил, что

А. Брусилов-сын

Военный летчик Белой армии

ничуть не сожалеет, что царизм пал, ибо с его падением «вырвано с корнем много нездорового в русской жизни». А вот белые войска в Крыму бомбил Владимир Александрович Романов, «из семьи». «Это очень интересный персонаж. Единственный из летчиков эскадры воздушных кораблей, который у красных выполнял реальные боевые задания — бомбил позиции белых. То есть лётных специалистов в эскадре хватало, но уговорить их бомбить таких же, как они, русских офицеров, было невозможно. Согласился только В.А. Романов: он лично сбрасывал с «Ильи Муромца» на врангелевцев бомбы в Крыму. Потом работал в Гражданском воздушном флоте, был одним из первых советских лётчиков на тяжёлых самолётах. Вывозил раненых в финскую войну, а потом в Великую Отечественную из-под Минска. Спас сотни человек». Так что вот половина русских летчиков сражалась в гражданской войне на стороне красных. Среди них известен и И.О. Петражицкий, поляк, ставший командующим авиацией Южного фронта. Приводя эти и многие другие факты, сравнивая поколения те и эти, невольно задаёмся вопросом: «А что же мы наблюдаем теперь, когда социалистическое Отечество предано и разрушено? Первые секретари обкомов и ЦК союзных компартий КПСС стали буржуазными президентами. Рьяные идеологи КПСС, бешено боровшиеся за партийность во всем, стали оголтелыми антикоммунистами. Очень хорошо (более чем) жившие и в советское время

звезды искусства с телевизионных экранов яростно проклинают «бесчеловечную» социалистическую систему. И на фоне всего этого хочется задать вопрос: почему же отказались предать тот социалистический строй и пошли за ним на мученическую смерть потомственные дворяне, аристократы или даже бывшие царские генералы? Потому, что остались верны, нет, не дворянской, а обычной человеческой и воинской чести, остались верны народу и родине». Это были люди чести, высокого долга, веры в Россию, в её будущее! Если бы сегодня в России были эти люди, мы бы выиграли гражданскую войну с криминалом и бюрократической белогвардейщиной. Та не объявлена, но фактически идёт по всей России, собирая страшную жатву... Нужен призыв патриотов во власть, путинских и медведевских 200-тысячников, чтобы законодательно и физически ликвидировать контрреволюцию! К их чести, большевики смогли задействовать мощь диктатуры. Жестокая неизбежность битвы за Россию.

С. Сигеле, правда, писал: «Всякая диктатура по необходимости приводит к деспотизму и несправедливости, так как тот, кто имеет возможность сделать всё, на всё и решается. Это считается психологическим законом». И даже М. Бакунина одолевали сомнения: «Никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечивания себя, и она способна породить, воспитать в народе, сносящим её — только рабство. Свобода может быть создана только свободой, т.е. всенародным бунтом и вольной организацией народных масс снизу вверх». Возможно, свобода эта и хороша, но хороша она только для разбойников, бюрократов, воров, людей, не принимающих над собой никакого контроля со стороны трудового народа. В этом анархия сродни демократии. А потому иного способа кроме диктатуры навести порядок в охваченной анархией стране не было и нет. Красные, белые, белогвардейцы, большевики, монархисты, кадеты, эсеры поняли: переход к диктатуре — это единственный реальный способ одержать победу в жестокой борьбе. Самодержавная власть к слову сказать также была, по верному замечанию Короленко, ничем иным как «дворянской диктатурой». Это знали все.

Символично описание настроений в Сибири, охваченной анархией. Проф. А. Ле-

В кольце фронтов

винсон писал, что испытали города, подвергшиеся нашествию нашего народа-богоносца. Армии разного рода зелёных, жовто-блакитных, даже жёлтых разбойников шли «брать буржуев». «Когда саранча эта спулась с гор на города с обозами из тысячи порожних подвод, с бабами — за добычей и кровью, распалённая самогоном и алчностью, — граждане молились о приходе красных войск, предпочитая расправу, которая поразит меньшинство, общей гибели среди партизанского погрома... Ужасна была судьба городов, подобных Кузнецку, куда Красная армия, увы, пришла слишком поздно». Свидетельства очевидцев, воз-

можно, лучше дадут понять читателю, почему с властью большевиков люди смирились. Нет, вовсе не потому, что та была чиста и невинна. Лик сей власти был порою чёрен, страшен, кровав, словно лик Вельзевула. Но ведь другого выбора не было. Любая диктатура лучше беспредела бюрократов и воров! Хватит прятаться за демократию: та наруку лишь вора и убийцам.

В государстве, в котором и ранее были сильны традиции использования силы против граждан, в начале XX в. создались все трагические предпосылки для неизбежного отхода от демократии в сторону жестокого авторитаризма и тоталитаризма... Поймите же очевидное: всего за какие-то 10—15 лет — 3 страшные войны и 3 революции. Миллионы искалеченных и погибших, изуродованные души, разорванные семьи. Озверевший народ. Любой народ, не только русский, но и иной, в тех условиях должен был прийти в состояние, близкое к животному. Об этом времени В.Г. Короленко скажет так: «Полное озверение, и каждая сторона обвиняет в зверстве других... Но озверение проникло всюду».

Порой приходится слышать, что большевики-диктаторы были такими плохими людьми, которые не пожелали понять светлых мыслей и чаяний «действительных демократов», которые, мол, «вовсе не были противниками социалистической революции». Но печальный опыт Временного правительства, его бесхребетность и слабость убедили всех в необходимости применения диктатуры. Не удивительно, что органы власти России (на всех полюсах, во всех слоях общества) пришли к мысли о диктатуре, ибо та стала насущным требованием момента! Ведь кадеты с социалистами так и не смогли договориться. Последовала чехарда правительств, попытка пе-

Писатель В. Короленко

реворота и крах буржуазной власти. В последний момент даже «демократ» Керенский сделает ставку на диктатуру... Это слово, что и не мудрено в тех условиях, стало тайным паролем даже интеллигенции, которая на словах страшно возмущалась при её осуществлении «кровавыми большевиками». Вопрос был лишь в том — чья диктатура это будет! К диктатуре стремился Корнилов, желал Колчак, на неё уповал Шульгин, готовил Савинков. Деникин заявил: «Военная диктатура... Всякое давление политических партий отменить, всякие противодействия власти — и справа, и слева — карать. Вопрос о форме правления — дело будущего. Русский народ создаст Верховную власть без давления и навязывания». Член правительства Колчака Г. Гинс писал: «Подготавливая декларацию... для Сибирской Областной Думы, я с полным убеждением и искренностью вставил в неё фразу о диктатуре, «заранее обречённой на неудачу». Я был убеждён в этом потому, что только исключительно выдающийся и удачливый диктатор мог бы примирить с собою стихию революции, не выносящей навязанного ей порядка, признающей только то, что сохраняет её свободу. Кто может быть диктатором? После теоретических рассуждений о форме власти надо было поставить... роковой вопрос. Тогда взоры обратились

на адмирала Колчака». И Семенов в Забайкалье разогнал местных депутатов горсовета, установил жёсткую власть. «В этом приватном мире я совершеннейший диктатор», — как-то признавался даже писатель В.В. Набоков. Удивительное единодушие!

Ведь к помощи диктатуры прибегают и готовы прибегнуть все политические силы. А если кто не опирался на неё, то лишь из-за отсутствия средств для воплощения... Вон и Н. Львов признавал: «Белое движение не завершилось победой потому, что не сложилась белая диктатура. А помешали ей сложиться центробежные силы, вздутые революцией, и все элементы, связанные с революцией и не порвавшие с ней... Против красной диктатуры нужна была белая «концентрация власти...» («Белое движение». Белград, 1924 год). И даже анархисты-коммунисты с анархо-индивидуалистами пришли к пониманию неизбежности диктатуры и «железной руки» (1923): «Когда на нас нападает со всей своей силой вооруженная до зубов буржуазия, готовая ежеминутно пустить в ход армию и флот, танки и газы, полицию и церковь, жёлтую печать и жёлтые профсоюзы, в такое время нужно и нам выковырывать самое новое оружие, выбросив из революционного арсенала всякий хлам. В такое время совершенно недостаточной со стороны анархистов тактикой

является пропаганда распыляющего силы рабочего класса федерализма, критика Красной Армии как агрессивно-милитаристической силы и защита от преследований со стороны рабочего государства псевдосоциалистической русской контрреволюции, ориентирующейся на восстановление капиталистического строя. Особенно ошибочным является консервирование пережитков индивидуализма, приведших к отрицанию целесообразности диктатуры пролетариата в переходный исторический момент, как будто этому реальному боевому лозунгу можно противопоставить что-либо другое». Прозрели-таки господа анархисты после 4 лет Первой мировой и стольких же лет Гражданской. К слову сказать, когда умер их вождь, П. Кропоткин, вдова и дочь умершего послали телеграмму Ленину и просили его, чтобы деятели партии анархистов, сидевшие в тюрьме, смогли присутствовать на похоронах их вождя. Ленин под честное слово разрешил отпустить их на три дня без охраны. Потом все они, как примерные гимназистки, вернулись в свои тюремные камеры. Эра парламентской болтовни закончилась. Настало время для дел и решений.

Диктатура стала тем инструментом, благодаря которому советская власть победила. Этого нельзя забывать и сегодня, а то, читая иные труды-опусы, создаётся впечатление, что эти господа взирают на исторические периоды России, как на разные планеты. Побыл на одной — и перелетел на другую, где совсем иные люди и нравы... Любопытно, что даже А.Ф. Кони в разговоре с А.В. Луначарским, абсолютно искренне и страстно, убеждал красного наркома культуры и просвещения: «Я совсем не знаю, почти абсолютно никого не знаю... из ваших деятелей, но чувствую в воздухе присутствие сильной власти. Если революция не создаст диктатуры — мы вступим в смутное время, которому ни конца, ни края не видно... Вам нужна железная власть и против врагов, и против эксцессов революции, которую постоянно нужно одевать в рамки законности, и против самих себя». Ну если уж царский законник Кони стал убеждать в своевременности идеи диктатуры большевика, считая это главным условием оживления России, так почему же ею, скажите на милость, должны были пренебрегать большевики?! Во имя абстрактной демок-

ратии?! Тогда бы они уж точно не продержались бы и недели... Демократия в тех условиях была нежизнеспособна, просто нелепа. Веер в руках кисейной барышни против стилета и пистолета законченного громилы-убийцы. Странно и неловко слышать сегодня жалкий лепет на эту тему тех, кто считает себя серьёзными учёными и политиками. Власть могла принадлежать представителям буржуазии и консервативно-монархических сил, или же представителям трудового народа, пролетариата, крестьянства и интеллигенции (со всеми вытекающими последствиями). *Tertium non datur!*

Сидя в буржуазном Париже, так сказать в центре Европы, думский деятель В. Маклаков и тот вынужден признать, что «без диктатуры якобинцев Франция была бы разгромлена иностранною коалицией». Или даже (кто бы мог подумать!) Карл Каутский, злейший враг большевизма, заявляет: «То, чего мы опасаемся, это не диктатура, а нечто, пожалуй, гораздо худшее. Вероятнее всего, что новое правительство будет чрезвычайно слабо, так что оно не сможет, даже если захочет, справиться с погромами против евреев и большевиков». Поэтому он и вынужден защищать большевиков, «как меньшее зло». Каутский несколько не идеализирует ту власть, характеризуя как «государственное рабство». Так все мы — рабы Божьи и России! Полагаем, и сегодня клас-

Красноармеец с подругой, 1921 г.

совые истоки любых правительств и правящих режимов совершенно очевидны. И поэтому нет смысла рассуждать о том, что лучше — демократия или диктатура. В одни времена подойдет один инструмент, в другие — другой... Ленин был прав, считая, что даже хваленая демократия, в конечном счете, как и государство, есть ничто иное как «организация для систематического насилия одного класса над другим». В мирных условиях при наличии больших средств и возможностей для маневра и компромисса демократия, видимо, предпочтительнее. Хотя и тут мы бы не стали противопоставлять одно другому, ставя в положение «или — или» страну и народ. Ф. Степун писал: «Диктатура не всегда противоположна демократии — она мыслима как форма самоограничения демократии, как форма, направленная не на ликвидацию свободы, а, наоборот, на её спасение». Верно! Сегодня Россия, уверен, нуждается в сочетании жесточайшей диктатуры (пусть «в перчатках и фраке») и свободы одновременно. Надеюсь, жизнь заставит вождей понять эту простую мысль. Придётся понять, что это — единственный шанс для России! Без этого можем погибнуть. Кто знает, возможно, что сама жизнь, её неумолимые реалии обострения борьбы различных сил в нынешнем мире и приведут к власти в России «демократического диктатора» (как говорил о Сталине Л. Фейхтвангер). Русского!!!

Было ясно, без суровых мер порядка в стране не навести... Надо было укрепить дисциплину и восстановить управляемость армии. На начальном этапе Красная Армия комплектовалась по принципу добровольности и дезертирства не было. Но внутриполитическая и международная обстановка потребовала иного. И 15 марта 1918 г. руководитель Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевич докладывает председателю СНК Ленину: «Основанием для призыва в ряды войск должна быть общеобязательная личная воинская повинность». Большевики стояли перед тотальной войной. И тут они поняли, что их планы сохранить 100 дивизий (из старых 150) и сформировать еще 36 дивизий из добровольцев

нереальны. Они призывали записываться в новую армию. Но призыв возымел обратное действие — все от них стали отворачиваться, как чёрт от ладана. В начале 1918 г. с их фронта каждую неделю убегало уже по 3 тыс. человек. Бежали не только солдаты, но и офицеры. Общее число уклонений от призыва в армию было огромно. Требовалось призвать 1 млн 350 тыс. человек, включая старших и младших унтер-офицеров. ВЦИК объявил республику военным лагерем (2 сентября 1918 г.). С октября 1918 г. по апрель 1919 г. когда правительство объявило о мобилизации в армию более 3 млн человек, не явилось на призывные пункты 917 тыс. человек, или 25 % от общего числа граждан, подлежавших призыву... В украинских губерниях в начале 1919 г. число уклонившихся от призыва было так велико, что кое-где пришлось отменять приказы о мобилизации. Расхлябанность, трусость, шкурничество, мародерство, насилие распространялись, как степной пожар. В тех условиях партийно-военное руководство объявило дезертиров врагами народа. Следуют решительные действия. Дезертиров уничтожают на месте.

Впрочем, дезертирство как явление присутствует во всем слоям общества. Ранее уже отмечалось, что российская буржуазия вовсе не горела желанием положить кости свои ради советской власти. Совершенно естественно, она не желала драться на стороне большевиков. Но буржуа вообще склонны беречь их драгоценную шкуру более всего

Дезертиры

на свете. Во время Первой мировой войны те делали всё, что в их силах, чтобы любым способом увильнуть от посылки на фронт. Военный следователь Р. фон Раупах писал, как «буржуазию приходилось силой отправлять на фронт, и не было никаких средств бороться с её дезертирством. Она служила сторожами и писарями, устраивалась в разного рода «работавших на оборону» комиссиях и организациях и пускалась на всякие ухищрения, лишь бы избавиться от ухищрений и опасностей фронта». Таков буржуа.

В Гражданской войне, когда по разные стороны сражаются те же люди, часто из одной деревни, города или даже семьи, трудно создать надёжное, крепкое войско. Поэтому часты случаи измены, не только со стороны командного состава, но и целых частей. Стоило противнику нанести сильные удары противной стороне и развить успех — и на другой зачастую начинались брожение, дезорганизация, паника, бегство, измена, сопровождающиеся порой переходом частей на сторону противника. Случаи предательства, конечно, имели место. К началу лета 1919 г. на фронте 8-й, 12-й, 13-й армий Южного фронта, по оценкам, положение было таким же, как на германском фронте весной 1918 г.: красноармейцы митинговали, арестовывали комиссаров и командиров, порой ставя их стенке... С поля сражения бежали и исчезали «целые команды и батальоны, штабы полков и даже бригад». Они самовольно оставляли фронт, арестовывали командный состав. По словам перешедшего на сторону Деникина командующего 9-й армией Н. Всеволодова, паника охватила красных. Их фронт заволновался и был близок к полному развалу. В 12-ю армию прибыл Троцкий, по обыкновению начавший «аресты и массовые расстрелы, но и это не спасло фронт от развала». Надо сказать, что зачастую предавали красных и любимые «детища» Троцкого. К примеру, краса и гордость Троцкого 11-я «железная» дивизия, посланная им на помощь Царицыну, после отзыва оттуда И.В. Сталина, вместо включения в бои, «ни минуты не мешкая и не задерживаясь у красных, перешла к белым в полном составе, да ещё в парадном строю, с развёрнутыми знамёнами и под музыку, с головы наркомвоенмора, естественно, не упал ни один волос и всего того откровен-

ного демарша знаменитой дивизии как бы не заметили». Недоверие было обоюдным в силу и двусмысленного положения командиров-генштабистов у красных. Как заметил главком Вацетис (1919), офицеры Генерального штаба, работающие в Красной армии, зачастую испытывают на себе «назойливое приставание» и мелочное контролирование каждого их шага и решения. Порой они находятся «в положении Валаамовой ослицы, подвергавшейся побоям исключительно по вине того, кого она возила». У красных это случалось чаще, нежели у белых... В книге «Борьба за Красный Петроград» приведён случай перехода на сторону белых 3-го пехотного полка 2-й Петроградской бригады особого назначения красных. Связано это с условиями комплектования. Полк сей возник из сформированного в 1918 г. полка внутренней охраны Спасского района Петрограда. Костяком его служили остатки запасного лейб-гвардии Семёновского полка. Лейб-гвардейцы были элитой царской армии, а «семёновцы», как известно, ещё и ударной силой войск, подавивших восстание рабочих 1905 г. в Москве. Понятно, что те вовсе не жаждали идти на фронт и защищать

Офицер-семёновец в 1914 г.

Советскую власть. В этот полк записывались бывшие офицеры, купцы с Апраксина и Гостиного дворов, домовладельцы и торговцы. Эти «элементы» старались попасть сюда (пусть и за взятку) служа пусть даже рядовыми красноармейцами вдали от фронта боевых действий. Таким образом, это был настоящий белогвардейский «гадюшник», но в форме Красной армии. Белогвардейские офицеры свободно вели в полку агитацию. Распространялись анонимные угрозы против действий коммунистов. Проведенная чистка командного состава не была доведена до конца. В мае 1919 г. 2-ю Петроградскую бригаду в полном составе бросили на фронт против белых. И сразу же случилась долго подготавливавшаяся измена. Предоставим слово историку: «При содействии заговорщиков ночью в деревню вошли части Талабского полка Северного корпуса белых, к которым сразу же присоединились помощник командира полка В.А. Зайцев — бывший капитан, командир 1-го батальона С.А. Самсониевский — бывший гвардейский офицер и числившийся с 1 преля 1919 г. членом РКП(б), и другие. Под руководством Зайцева белые стали арестовывать всех коммунистов и комиссаров. Были убиты: командир полка П.П. Таврин, бывший ранее командиром 8-го латышского стрелкового полка, а затем председателем Череповецкой губернской чрезвычайной комиссии, комиссар полка Купше и все батальонные комиссары. Комиссар бригады А.С. Раков, узнавший об измене, забаррикадировался в штабе и до последнего патрона отстреливался от белых из пулемета. Только после того как все пулеметные ленты были им расстреляны, он застрелился. После расправы над коммунистами выстроенный батальон под звуки царского семёновского марша прошел церемониальным маршем мимо группы изменников во главе с Зайцевым». Такие случаи не были редкостью. Тут нужны были суровые меры.

31 мая 1919 г. Совет обороны принял написанное Лениным постановление о мобилизации совслужащих. «Мобилизованные отвечают по круговой поруке друг за друга, их семьи считаются за-

ложниками в случае перехода на сторону неприятеля или дезертирства, или невыполнения данных заданий и т. п.». Подобные меры касались не только отдельных красноармейцев, но и целых частей. Это видно из следующего приказа: «Секретно. Комполкам 73, 74, 75. Хутор Кумжанский. № 226/пол. 25 января 1920 года, 8 ч. 30 м. Комбриг приказал принять за общее правило — резервный батальон должен всегда в случае отступления цепей принять все меры к восстановлению положения, широко применяя в таких случаях пулемётный огонь по своим». Во фронтовой полосе создавались заградительные отряды из числа лиц, преданных Советской власти, а также специальные кавалерийские дивизионы. Среди них наиболее крупные: дивизион имени тов. Троцкого, под названием «Тайный дивизион», и отряд «Чёрная сотня». Первые заградотряды появились в августе 1918 г. в 1-й армии М.Н. Тухачевского. То, что именно он впервые и опробовал эти карательные команды, удивления не вызывает. Этот барин, белая кость, презиравшая простой люд, как-то бросил в адрес нашего народа: «Я поставил на эту сволочь». Вот эту «сволочь» и расстрелял великий Сталин! Справедливо! Предатель Гордиевский пел хвалу «ведущему советскому военному стратегу маршалу Тухачевскому». Однако вряд ли тот заслуживал таких громких дифирамб в свой адрес. Его называли «абстрактным маршалом», характеристику «абстрактный полководец» М. Тухачевскому дал ещё в середине 20-х его противник, маршал Польши Ю. Пилсудский.

**Руководители заградотрядов НКВД
во Второй мировой войне**

Эти меры распространились по всей Красной армии. Скажем, во время второго наступления красных на Читу (наступления неудачного) командование НРА отмечало 10 мая 1920 г.: «Введение противником бронепоездов, броневых автомобилей, участие в бою японцев с превосходством артиллерии и полное отсутствие в армии технических средств содействовало деморализации частей, из-за чего отход частей сопровождался паникой, особенно 2-я Иркутская стрелковая дивизия была сильно охвачена паникой, ликвидированной силой оружия. Деморализация частей выразилась в дезертирстве с фронта, которое в данное время ликвидируется высланными заградительными отрядами... Для восстановления утерянного положения и перехода в наступление необходимо не менее 15 000 человек для усиления боеспособности дивизии». Объективности ради надо сказать, что бывшие красные партизаны не имели ни боевого опыта, ни навыков битвы в частях регулярной армии, ни достаточного количества боевого снаряжения и экипировки.

В приказе армиям Южного фронта № 130 от 2 декабря 1918 г. председатель РВС Л. Троцкий потребовал, чтобы только в случаях, когда особые обстоятельства — в первую голову виновность командного состава побуждают трибунал вернуть дезертировавших или заподозренных в дезертирстве в действующие части — таких условно осуждённых облачали в отличительные, чёрного цвета, воротнички, дабы окружающие знали, что при первом же новом преступлении со стороны этих помилованных солдат к ним уже не проявят ни милости, ни снисхождения. Если позор чёрного воротничка или даже страх казни не помогал, большевики применяли такой способ — месть близким людям провинившихся. Политпросвет Орловского губвоенкома предупреждал в воззвании-приказе бойцов: «Знай, красноармеец! Если ты оставишь своих братьев рабочих и крестьян в минуту борьбы со злейшими врагами пролетариата — всё имущество, земля, скот твоего семейства будет конфисковано и отобрано. Против твоего семейства будут приниматься самые строгие меры». Красноармеец при поступлении на службу в Красную армию подписывал следующий документ: «Обязуюсь всеми силами, не щадя своей

жизни, защищать и поддерживать Советскую власть, ни на минуту не забывая о великих и святых целях социализма... Не приносить жалоб на недостаток продовольствия, а в боевое время на отсутствие такового, помня, что в боевой обстановке возможны случаи, когда совершенно исключена возможность своевременной подачи продуктов.... Если же на поле брани, где я буду призван исполнять свой долг перед рабоче-крестьянским классом, я побегу — то считаю обязанностью каждого честного воина, заметившего этот позорный поступок — расстрелять меня на месте». Троцкий понимал, что действовать только с помощью репрессивных мер нельзя. В приказе № 62 от 20 сентября 1918 г. разъяснял, что отличившихся в боях красноармейцев представлять к подаркам, денежным наградам, ордену Красного Знамени, а доблестные полки — к Почётному Знамени. При этом он сам, посещая полки, награждал солдат, наиболее часто вручая им золотые часы с надписью: «Лучшему солдату Красной Армии — Лев Троцкий». Или вот телефонное распоряжение Ф.Э. Дзержинского своему заму И.К. Ксенофонтову: «Ввиду того, что за последние дни наши красноармейские части, преследующие банды Махно по пятам, не отставая ни на шаг от него, несут большие потери и героически дерутся, Вам необходимо немедленно снести с тт. Енукидзе, Ксенофонтовым и Мессингом на предмет посылки в Харьков на адрес т. Фрунзе около 2 тыс. штук подарков для красноармейцев — это очень важно. Предметы (подарки) могут состоять из серебряных портсигаров, металлических и серебряных часов, цепочек, шашек, кинжалов и проч. Если в МЧК и ВЧК не окажутся, то обратитесь к т. Енукидзе и Ксе-

*Мост через Волгу близ Казани.
Фото начала XX века*

нофонтону, чтобы выписали из банка». В хранилищах ВЧК и МЧК таких вещей на тот момент не оказалось и было сделано распоряжение в Гохран для выделения оных тов. Фрунзе. Таковыми были и награды.

Тогда была захвачена белогвардейскими и чехословацкими войсками Казань (7 августа 1918 г.). Под Казанью действовала 5 Красная армия (командарм — П.А. Славен, начштаба — А.К. Андерсон), проявившая себя далеко не с лучшей стороны. Подробный ход военных действий в Гражданской войне представить ныне довольно трудно, ибо вся она состояла из бесчисленных эпизодов. И тут и там были победы и поражения, удачи и неудачи... Вот, скажем, как описывает финальную часть боя за Казань Г.А. Мейер, основатель и первый командующий Волжской флотилией белых: «К полудню разыгрался бой. Каппеля нигде не было видно. Полковник С., командовавший чехами, давал указания о направлении огня флотилии. Кроме чехов, по-видимому, на фронте никого не было. После полудня чехи стали медленно отходить под напором красных. В это время на правом фланге Красной армии произошел эпизод, повернувший весь дальнейший ход событий. Дело в том, что в Казани находились сербы, бывшие пленные в Австрии, впоследствии бежавшие с чехами на русскую сторону. Они организовали красную сербскую сотню и вошли в состав Красной армии, оборонявшей Казань. Так вот эти сербы в самый критический момент боя вдруг с диким криком «на нож» кинулись с фланга на красноармейцев. Произошло это в пределах видимости флотилии, и с мачт можно было наблюдать, как красный фронт дрогнул и обратился в бегство. Чехи бросились (их) преследовать. Но самый пикантный момент был впереди. Когда красноармейцы примчались к городу, их встретили пулеметным огнем. Оказывается, Каппель со своим отрядом, идя всю ночь, обошел Казань и часов в одиннадцать на следующее утро вошел в город с северной стороны. Теперь стало понятно, почему он не хотел высаживаться у пристаней: силы были слишком неравные для ло-

бовой атаки. В штабе потом говорили, что против 600 чехов и 400 каппелевцев красные выставили девять тысяч солдат».

Большое значение имело то, что под властью большевиков находились все центральные районы страны, и те обладали более мощным экономическим потенциалом (людские ресурсы, тяжелая промышленность и т.п.), а Красная Армия превосходила Белую по численности на разных этапах войны примерно в 1,5—2,5 раза. Ленин направил 30 августа 1918 г. Троцкому телеграмму такого содержания: «Получил Ваше письмо. Если есть перевес и солдаты сражаются, то надо принять особые меры против высшего командного состава, объявить ли ему, что мы можем применить образец французской революции и отдать их под суд и даже под расстрел как Вацетиса, так и командарма под Казанью и высших командиров. В случае оттягивания и неуспеха действий из запасов следует вызвать многих заведомо энергичных и боевых людей из Питера и других мест с фронта, могущих подготовить людей. У нас плохой наряд для занятия высших постов. Телеграфируйте, сильное ли вооружение и стро-гое отношение Вацетиса. Ленин». Вацетиса тогда не расстреляли (его расстреляют позже, в 1938 г.). Мы уже говорили о причине глубокой неприязни Троцкого к Вацетису. Хотя даже Троцкий вынужден был признать: «Вацетис был предприимчив, активен, находчив... В противоположность другим военным академикам он не терялся в революционном хаосе... В то время как прочие «спецы» больше всего боялись переступить черту своих

Троцкий держит речь

Зам. Троцкого — Э.М. Склянский

прав, Вацетис, наоборот, в минуты вдохновения издавал декреты, забывая о существовании Совнаркома и ВЦИКа...» После падения Казани Троцкий по приказу Ленина применил жесткие меры. «Было ясно, — писал он, — что одной агитацией не сломить настроение, да и обстановка оставляла слишком мало времени. Надо было решиться на суровые меры. Я издал приказ, напечатанный в типографии моего поезда и оглашенный во всех частях армии: «Предупреждаю: если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым — командир. Мужественные храбрые солдаты будут поставлены на командные посты. Труссы, шкурники и предатели не уйдут от пули. За это я ручаюсь перед лицом Красной Армии». Хотя сам Троцкий храбростью никогда не отличался и был трус. Сохранилась оценка, данная Лениным, его качествам «бойца» (в мемуарах Г. Исецкого): «Вот вспомните мои слова, что как революционер Троцкий страшный трус, и мне так и кажется, что в решительную минуту его прорвёт и он заорёт на своём языке «гевальт»...». Однако именно из трусов и выходят лучшие тюремщики и палачи. Вспомним, что даже фаши-

лию он позаимствовал у тюремщика Троцкого, старшего надзирателя Одесской тюрьмы, жестокостью которого так он восхищался. Это говорит о многом.

Такие типы просто незаменимы в гражданской войне... Как утверждают, именно Троцкий ввел в обращение и термин «враг народа». Первый случай массового расстрела имел место 29 августа 1918 г. под Свияжском, где в 5-й армии красных в соответствии с указанием Троцкого было расстреляно 20 человек. Тогда впервые применили римский принцип децимации, т.е. казни каждого десятого. По приговорам полевых трибуналов расстреливались не только командиры или комиссары, но и большие группы бойцов, замеченных в невыполнении приказов или в трусости. Многие из них попали под высшую меру. И это дало результат. «Сочетанием агитации, организации, революционного примера и репрессий, — писал Троцкий, — был в течение нескольких недель достигнут необходимый перелом. Из зыбкой, неустойчивой, рассыпающейся массы создавалась действительная армия». 10 сентября 1918 г. частями 5 армии г. Казань освободят. В автобиографической книге «Моя жизнь» Л. Троцкий вспоминал, как на заседании Политбюро ЦК РКП (б) иные обвинили его в жестокости по поводу этого расстрела. Он же возразил критикам: «Если бы не мои драконовские меры тогда под Свияжском,

М. Греков. Сталин и Ворошилов в окопах под Царицыным

мы не заседали бы здесь в Политбюро». «Абсолютно верно», — отозвался, по словам Троцкого, Ленин. И выдал новые бланки для казни дезертиров (на его типовом бланке Председателя Совета Народных Комиссаров), добавив: «Я вам выдам сколько угодно таких бланков». Вероятно, в тех условиях, как правильно полагал Ленин, не должно было быть места нерешительности или выяснению отношений. Однако при этом он продолжал относиться настороженно к Троцкому. Крупный военный работник Ю.Х. Данишевский вспоминал слова Ленина, сказанные ему: «Троцким много сделано для организации Красной Армии. Но он не наш, ему нельзя вполне доверять: что он может сделать завтра — не скажешь. Надо внимательно за ним смотреть. Не будем пока его отзывать. Приедете, узнаете, посмотрите и подробно сообщите. Тогда решим. Может быть, для подобной переписки установить специальный шифр. Пишите мне лично». На работника эти слова вождя произвели чрезвычайно сильное впечатление, ибо тот, конечно же, знал, что официально Ленин подкреплял авторитет Троцкого, часто говорил о его заслугах. Тем не менее он подчеркнул, что точно передал как саму сущность, так и общий тон выражений вождя.

Это означает, что Ленин не доверял никому. В том же духе и стиле затем поступал и Сталин, руководя обороной Царицына, города, являвшегося ключом к Северному Кавказу, богатого хлебом и жизненно необходимого Советскому государству. А он был хорошим учеником. Сталин писал тогда Ленину: «Можете быть уверены, что не пощадим никого, а хлеб всё же дадим». К.Е. Ворошилов в статье «Царицын» описывает поведение Сталина в тогдашней тяжелой обстановке. 11 июля 1918 г. Сталин телеграфирует В.И. Ленину: «Дело (тут) осложняется тем, что штаб Северо-Кавказского округа оказался совершенно непригодным к условиям борьбы с контрреволюцией. Дело не только в том, что наши «специалисты» психологически не способны к решительной войне с контрреволюцией, но также в том, что они, как «штабные» работники, умеющие лишь «чертить чертежи» и давать планы пе-

реформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям... и вообще чувствуют себя как посторонние люди, гости. Военкомы не смогли восполнить пробел...» Из чрезвычайного уполномоченного по продовольствию он превращается в фактического «руководителя всех красных сил Царицынского фронта». Если к словам Ворошилова ещё можно отнестись с известным скептицизмом, то вот мнением полковника Носовича нельзя пренебречь. Тот перешел к белым, опубликовав в белогвардейском журнале «Донская волна» статью, в которой, в частности, писал (3.02.1919): «Надо отдать справедливость ему (Сталину), что его энергии может позавидовать любой из старых администраторов, а способности применяться к делу и обстоятельствам следовало бы поучиться многим». Далее тот же белогвардеец Носович говорит о решительных действиях Сталина против местной контрреволюции: «К этому времени и местная контрреволюционная организация (Царицына. — Ред.), стоящая на платформе Учредительного собрания, значительно окрепла и, получив из Москвы деньги, готовилась к активному выступлению для помощи донским казакам в деле освобождения Царицына. К большому сожалению, прибывший из Москвы глава этой организации инженер Алексеев и его два сына были мало знакомы с настоящей обстановкой, и, благодаря неправильно составленному плану, основанному на привлечении в ряды активно выступающих сербского батальона, бывшего на службе у большевиков при чрезвычайке, организация оказалась раскрытой... Резолюция Сталина была короткая: «Расстрелять». Инженер Алексеев, его два сына,

Сталин под Царицыным

вместе с ними значительное количество офицеров, которые частью состояли в организации, частью лишь по подозрению в соучастии в ней, были схвачены чрезвычайной и немедленно, без всякого суда, расстреляны». К. Е. Ворошилов заключает: «И нужно было быть Сталиным и обладать его крупнейшими организаторскими способностями, чтобы, не имея никакой военной подготовки (товарищ Сталин никогда не служил в военной службе!), так хорошо понимать специальные военные вопросы в тогдашней чрезмерно трудной обстановке». В этой оценке присутствуют несколько, как мы бы сказали, оттенков «монархической тональности». Однако ничего удивительного или странного в том нет. Тогда само время являлось творцом культа личностей. Время ковало личность — или уничтожало! Время было безжалостным, кровавым, жестоким, бесчеловечным. Но люди времени не выбирают, наоборот.

Глава 21. Судьба противников трудового народа и изгнанников из Советской России

Россия в конце XIX — начале XX вв. вписала в мировую культуру великие страницы. Быть может и не столь яркие, как в XIX веке, но очень значимые. Н.А. Оцуп писал: «Всё суше, беднее, чище, но и, более дорогой ценой купленное...». И далее: «Был национальный порыв, была мечта о грандиозном здании державной России, о здании чудесном, об эстетическом увенчании её веков». Говоря о том времени как о пе-

риоде высочайшего духовного и художественного подъёма в России, вместе с тем иные отмечают, что Россия развивалась тогда «под знаком национальной катастрофы». Взлет творчества у людей культуры совмещался с социально-политическим распадом и закатом. Строящие русский ренессанс люди недооценили тяжесть социальной правды, что стала «знаменем левой интеллигенции». Попытка же изменить самосознание радикальной интеллигенции оказалась неудачной, и расколотость русской культуры стала непреодолимым препятствием для последней попытки ренессанса в России. Социальность русской истории «победила ренессансный порыв интеллигенции». Мы бы сказали всё же иначе. Если творческий энтузиазм тех лет, по мнению многих, имел значимость «русского европейства», то вот революционный порыв русских масс имел мировое, вселенское значение... Мечты о «грандиозном здании державной России» никуда не исчезли. Они все остались и даже воплотились, но уже совсем иначе, ибо подлинным творцом и архитектором стал Народ. И этот «лучший плод» и «лучший подвиг свой он завещал взволнованному миру» (Ф.И. Тютчев). Гражданская война затихала... Однако всё меньше оставалось у белых сильных и умных защитников идеи. Попытки генерала Д.Л. Хорвата, атамана Г.М. Семёнова, «самодержца пустыни» барона Р. Унгерна, генерал-лейтенанта, «воеводы» М.К. Дитерихса сокрушить советскую власть были уже агонией и ничего не могли изменить в общем ходе событий. Бои в Приморье летом — осенью 1922 г. известны меньше, чем наступление весной 1919 г. армии Колчака на Волге, бои на Урале или легендарный Великий Сибирский Ледяной поход. Работ, посвященных событиям на Дальнем Востоке или Белому Приморью, крайне мало. Такие люди как атаман Семёнов оставили мемуары, где носились с «Планом мировой борьбы с большевизмом». Он называл Коммунистический интернационал коллективным вампиром, не признающим «никаких географических границ для своих вожделений и никаких прав за своими жертвами». Он писал о «библейском исходе» из Советской России советских чиновников, что «отказались от возвращения на родину и предпочли неизвестность эмигрантско-

го...бесправного существования карьеры дипломата в своей стране» (1921).

Или возьмём барона Унгерна... Предки его были прибалтийскими баронами. Сам же он большую часть военной службы провёл в Сибири, Маньчжурии, Монголии и вообще в пределах Азии. Это сформировало в нём азиатскую умонастроенность, фатализм, приверженность к азиатской экзотике и философии, веру в то, что свет для мира засияет из Азии. Окружавшие барона люди вроде бы имели все основания считать его не совсем нормальным человеком. Он словно бы принадлежал к минувшим векам, был суеверен, совещался с ламами, ворожеями, гадателями, что сопутствовали ему в его походах во время Гражданской войны. «Барон, — продолжает И.И. Серебренников, — был своеобразным романтиком, жил во власти каких-то отвлечённых идей. Фантастической мечтой его было восстановление павших монархий мира: он хотел вернуть Ургинскому Богдо-Гегену его царственный строй в Монголии, восстановить династию Цин в Китае, Романовых — в России, Гогенцоллернов — в Германии. В этом смысле он безнадежно плыл против течения... Унгерн был злейшим врагом коммунистов и социалистов и считал, что Запад — Европа — одержим безумием революции и нравственно глубоко падает, растлеваясь сверху донизу. Слова «большевик» и «комиссар» у Унгерна звучали всегда гневно и сопровождались обычно словом «повесить». В первых двух словах заключалась для него причина всех бед и зол, с уничтожением которой должны наступить на земле мир и благоденствие. Барон мечтал, что народится новый Атилла, который, выкинув лозунг: «Азия — для азиатов», — соберёт азиатские полчища и вновь пройдёт по Европе, как Божий бич, дав ей вразумление и просветление. Вероятно, барон и готовил себя для роли этого нового Атиллы...» Однако сей «романтик» был настроен в отношении красных и народа в целом жестоко и сурово. «Старая основа правосудия — правда и милость — изменилась. Теперь должны царствовать правда и безжалостная суровость...» Унгерн продолжал: «Ярость народная против руководителей, преданных слуг красных учений, не ставит преград». Сидя в Монголии, он угрожал всей Сибири. И готов был, по его словам, «сидя

Атаман Семёнов и барон Унгерн

в Монголии, как паук», поднять против Советской России 20 тысяч монгол. Политическая его программа включала возвращение на трон императора Михаила Александровича. Он прибегал и к террору. Один из его приказов Азиатской дивизии гласил: «Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать всех с семьями. Всё имущество их подвергать конфискации». Милые люди.

Любые шаги белогвардейских вояк так или иначе поддерживались и координировались японцами. В 1922 г. главком и военный министр ДВР Блюхер, отвечая на вопросы корреспондента о последних событиях на Восточном фронте, заявил следующее: «Наблюдавшееся за последнее время событие на Восточном фронте объясняется сложной политической обстановкой, явившейся результатом пребывания японских войск в Приморье. Разбитый под Хабаровском, позднее под Бикином, противник, наполовину деморализованный, начал отход до Имана. Поход частей НРА к Иману вынудил нас в своём дальнейшем продвижении на юг к ряду осторожных шагов, направленных к устранению могущих быть конфликтов с находящимися южнее Имана японскими войсками, к столкновению с которыми армия не могла и не хотела стремиться. Однако по соображениям мне совершенно не известным японское командование с отходом частей белоповстанческой армии к р. Уссури продолжало также отвод и своих передовых частей к югу, примерно в район Спасска». «При этом не могу не указать на случаи, когда арьергарды отступающих белоповстанцев перемешивались с отводимыми незначительными частями японской армии. Так продолжалось до района ст. Свягино. Отход японских частей

на указанный рубеж дал возможность остаткам белоповстанческой армии Молчанова почти безнаказанно отойти в долину Дабихе, минуя таким образом так называемую 30-верстную Уссурийскую зону влияния японских войск». «Последний факт, — подчеркивал главком, — невольно вызывает вопрос, не совершался ли японцами отход с целью дать возможность разбитым белоповстанцам отойти вооруженными безнаказанно к югу, минуя пресловутую полосу влияния японских войск?» Правители, претендовавшие на куски территории России и власть в стране, уж не могли повернуть вспять ход событий даже с помощью японцев. «Правительств развелось, хоть суп из них вари. Сюда пойдёшь — чехословаков спроси. Туда заглянешь — Калмыков с отрядом. Здесь Розанов. Ещё дальше — Семёнов, Унгерн. А дальше — Колчак... Что за чёрт! Где же единая, твёрдая русская власть?» — так примерно рассуждали люди по необъятной России. Вскоре белые войска были разбиты под Волочаевкой. Завершались ожесточённые битвы гражданской войны.

12 февраля 1922 г. состоялся и так называемый последний бой — разгром белогвардейцев под Волочаевкой. «Последний бой — он трудный самый». Ещё при жизни ставший легендой и вошедший в историю песенной строкой. Там части Народно-революционной армии Дальневосточной республики в одном из последних сражений Гражданской войны разбили белых, которые под руководством генерала В. Молчанова заняли в декабре Хабаровск и создали на подступах к городу сильный укрепленный район. Пятого февраля части НРА под ко-

мандованием будущего маршала и будущего «врага народа» В. Блюхера перешли в наступление. Десятого февраля начался штурм сопки Июнь-Корань, вошедшей в историю под именем Волочаевской. Силы сторон были практически равны, но одних вела высокая цель, а другим не помогала и помощь интервентов. И хотя эти позиции именовали «дальневосточным Верденом», а атаки проходили при 35-градусном морозе, в глубоком снегу, на третий день один из полков НРА сумел зайти в тыл белых и сломить их сопротивление. Японцы не смогли помочь белым удержаться в советском Приморье. А скоро прозвучали «штурмовые ночи Спасска», «Владивосток стал нашениским». В 30-е года XX в на сопке был построен мемориальный музей, сооружен памятник с идущим в атаку красноармейцем. «Пусть последнее место успокоения красных орлов постоянно напоминает гражданам нашей республики о славной странице борьбы народно-революционной армии и воодушевляет бойцов на новые подвиги» — значилось на стендах музея. Музей ныне разграблен, а памятник обветшал, подвергаясь атакам местных вандалов. Так наша буржуазия любит историю и Россию...

И хотя до последнего боя оставалось ещё как минимум 8 месяцев, Дитерихс с его Земской Ратьёу уже не мог изменить победоносного для красных завершения битвы... 26 октября 1922 г. Владивосток был оставлен японцами и в тот же день занят частями народно-революционной армии под командованием Уборевича. На кусочке земли в Ново-Киевске скопилось всё, что осталось от Белого Приморья на Русской земле

«И останутся, как сказка, как манящие огни, грозовые ночи Спасска, Волочаевские дни»

(9000 человек, из них 700 женщин, 500 детей и до 4000 больных и раненых). Б. Филимонов писал в «Конце Белого Приморья»: «Рано утром 2 ноября, в холодную сухую погоду... русские белые части подошли к границе. Первым перешел штаб Земской рати и положил оружие у китайских казарм, что в 4 верстах от границы. За штабом Земрати шла артиллерия. Свои шашки и винтовки офицеры и солдаты сдавали китайцам там же, у казарм, орудия же русские батареи, теперь под конвоем китайских солдат, доставили в самый город Хунчун. За артиллерией следовали стрелковые, казачьи и кавалерийские полки... Так закончилась последняя страница вооружённой борьбы с красными главными сил Земской рати». Гражданская война в России закончилась.

Генерал-лейтенант М. Дитерихс — последний глава Белой России, последний Приамурского Земского Края, последний Главнокомандующий последней Белой армии, сражавшейся на земле России. Ставил своей целью восстановление монархии. Оценки Дитерихса в советской литературе не отличались разнообразием: «махровый реакционер», «идеолог клерикальной контрреволюции», «черносотенной реакции», «ярый монархист», выразитель «религиозного экстремизма», «ставленник американско-японского империализма». Но и белый лагерь его не жаловал — «мистик», человек «не от мира сего», «наивный монархист», «фанатик». Хотя жизнь этого офицера, наследника старинного рыцарского рода из Моравии, была проникнута любовью к России. Обращаясь к монархистам, сторонникам Белого движения за рубежом, он писал (1924): «Могут ли теперь те из членов дома Романовых, которые участвовали в отторжении Помазанника от народа, сами по себе подойти просто к народу, столь доступного ему по духовному и реальному общению так, как это вытекает из идеологии народа? Могут ли они быть искренними, чистыми и честными слугами других, когда готовы восстановить аксессуарные положения монархического строя, опираясь не на силу Христовой любви к народу, а на штыки и материальное закабаление различных иностранных «друзей» и интервентов? Ведь и сейчас ещё, здесь, на Дальнем Востоке, всё это монархическое обединение лелеет мечты о своем выступле-

нии в связи со всякими фантастическими планами и предположениями о предстоящих выступлениях японцев, Чжан Цзолина и прочих, думаю, что и на Западе оптимистические вождения, по крайней мере большинства монархических элементов, покоятся на тех же антинациональных принципах, или в виде расчётов на иностранные штыки, или на иностранную финансовую поддержку, что, по существу, в народных и государственных интересах, одно и то же». Дитерихс был разбит осенью 1922 г. силами НРА Дальневосточной республики (главком И. Уборевич), когда пытался при поддержке японцев захватить Хабаровск. Он был известен не только борьбой в составе войск Колчака против красных, но и тем, что возглавлял расследование обстоятельств убийства царского семейства в Екатеринбурге. Письмо его — политическое завещание, обращенное к «современным русским монархистам». В этой исповеди «блудного сына» Белого движения говорится о таких внутренних язвах и пороках «радетелей трона» в России, о которых почти все участники событий тех лет не смели даже и заикнуться... «К сожалению, — признаётся генерал, — всё идет по старой, неудачно испытанной дорожке, это исходит и творится от старых, никчемных тыловых деятелей. Снова заматались по объе-

Генерал-лейтенант М.К. Дитерихс

Харбин

динению общественности всё те же: Хорват и прочая плеяда личностей, агитировавшая всегда в тылу всех бывших белых фронтов Сибири и Востока. На этот раз, за отсутствием территориальной почвы, подняли знамя объединения на Дальнем Востоке вокруг... всех монархических организаций. Их оказалось очень много (не по количеству членов, а по главам их), хотя, казалось бы, их не должно быть больше двух: принципов самодержавия и принципов конституционных...

Харбин насчитывает у себя таких организаций, кажется, больше десятка, да и Шанхай не меньше. Явление грустное и объединение по этой причине, конечно, только бутафорское, а не то истинное, глубокое, русское, национальное, историческое объединение хотя бы горсточки людей, которое могло бы явиться сильным по духу, природе и чистоте, чтобы совершить перелом в настроениях масс в России, дать импульс движению, побороть социализм и поставить Россию на благодатные и истинные пути духовного, государственного и экономического возрождения. Получал и я... приглашение оказать содействие объединению, но ничего не ответил, а с посланцами отказался говорить на политические темы. Почему я уклоняюсь от сотрудничества с намечающимся объединением существующих монархических организаций — Вам объясню. Ещё Достоевский говорил:

«были бы братья, а братства (то есть объединения) явятся сами собой». Вот видите, у нас до сих пор в белых движениях, братьев-то и не было, то есть таких людей (конечно, в широком масштабе), которые объединялись бы во имя однородных, глубоких идей чистого порядка и проникнутых Святым Духом от начала и до конца. Единственной существовавшей идеей, владевшей, пожалуй, всеми и объединявшей нас против Советской власти, являлась одна маленькая, не чистая уже и уж во всяком случае не святая идейка: это жалкая идейка мести и ненависти к большевикам. Но такая отрицательная идейка не могла (конечно же) создавать прочного и национального братского или государственного объединения, ибо сама по себе носила в себе, как отрицательная, элементы разрушения, раздора, зависти, что и проявилось в течение всего пятилетнего периода Белого движения. Так было на всех фронтах. Нет нужных братьев и в современных монархических организациях и различных объединениях. И это особенно ясно в текущем движении по фиктивному объединению». И такая оценка очень реалистична. Дитерихс продолжал: «Ищут объединения не во имя создания однородных идей, не вокруг однородных монархических принципов, а опять-таки вокруг личностей, деятелей, не стремясь устранить основные причины, обусловившие нелепое существование огромного количества разноименных монархических организаций. И почему так? Да потому, что в рядах всех этих организаций, в их персональном составе нет людей истинных, чистосердечно принимающих начала русского, исторического, национально-религиозного самодержавного монархизма. Скажу больше: всё это, в большинстве случаев, элементы и деятели, чрезвычайно враждебно относящиеся к принципам чистой национальной идеологии, или люди, их не понимающие, или, наконец, люди, слепые от рождения, или слепые по похотям. Так как и до 1917 г. индивидуальность монархических партий не отличалась от теперешних, то теперь понятны причины событий февраля 1917 г. и торжество проклятой жидо-утопии. В чём же дело? Да в том, что все те, кто называет себя ныне монархистами, причисляют себя к таковым не по исповеданию принципов, понятий и религии монархизма, как идео-

логически мощного, объединяющего массу, общественность, государство — начал, а лишь по форме, по внешним осязаемым материальным проявлением его. ...Отсюда понятие ими идеи возрождения в России монархизма является для них только в формально-аксессиарном восстановлении трона, возведении на него того или другого из Романовичей, занятие при троне определенного придворного или административного положения и приведение всех прочих граждан России к «поднози трона» путём тех же чекистских мероприятий, изменив лишь название органов: охранка, жандармерия, гвардия и так далее». И далее, словно подводя итог, говорил: «Вот, мне кажется, весь запас их идеологии и все их мировоззрение на монархизм вообще и в частности — на современные задачи монархического объединения и движения. Такой идеологией предполагается победить мировое большевицкое движение и дать России мир и благоденствие, а себе... Этих взглядов и понятий я не разделяю, а потому к современному монархическому движению примкнуть не могу, какое бы имя не выдвигалось, как претендующее на трон или для возглавления объединения и движения... Поэтому в ходе нашей смуты от современного монархического движения я предвижу, быть может, в недалеком будущем, появление Шуйских, Самозванцев, Петров, Тушинских воров, но не национальной работы. Как таковое, оно столь же вредно, как и работа большевиков, но, по видимому, это движение неизбежно». Генерал далее клятвенно уверяет, что сражался не «ради своего финского хутора», а «ради Христа». Но, конечно, если это даже и так, такой идеализм был в рядах белых воинов редчайшим исключением. И, конечно, красные были более идеалистичны, если уж говорить о мечтах о лучшей жизни для народа, чем белые. Поэтому они и победили. К тому же, в массе своей они прекрасно знали, за что сражались и даже — против чего и кого.

О нравственно-идейной основе Белого движения по большому счету говорить не приходится... Сражаться за то, чтобы твою родину, Россию, разорвали на части «акулы» мирового империализма? Белогвардей-

Д. Белюкин. Эвакуация белых войск из Крыма

цам пришлось в конце концов до дна испытать чашу унижения, а затем и заглянуть в ту страшную бездну, куда неминуемо свалилась бы Россия под протекторатом стран Запада. Показательна позиция Гучкова. Ярый враг Советской власти, он осуждал правительства европейских государств, что пошли на признание советского правительства или хотя бы изъявляли некоторую готовность к экономическому сотрудничеству с СССР. Для противодействия этим попыткам им было образовано Информационное бюро при «Русском экономическом бюллетене» в Париже. Бюро должно было собирать сведения о хозяйственном положении в СССР, а затем поставлять их всем заинтересованным лицам и организациям. В состав Бюро совместно с А.И. Гучковым вошли: Н.И. Гучков, Н.Д. Авксентьев, Н.А. Базили, А.П. Богаевский, В.М. Зензинов, А.В. Карташев, А.И. Коновалов, С.Н. Третьяков, С.Е. Трубецкой, Н.С. Тимашев и др. Они попытались было перенести центр тяжести борьбы с большевизмом в Россию, предлагая этим борцам «проникать» в Россию всеми способами: «индивидуально, группами, в виде предприятий, торговых, промышленных, издательских и т.п.», что, по их мнению, должно было помочь получить «своих деятелей на местах». Гучков говорил о важности проведения террора в России. Это могло бы дезорганизовать советскую власть. В Лозанне белые террористы убили советского дипломата, больше-

вика Воровского (1923). Швейцарский суд оправдал убийц, за что получил (видимо, от белой эмиграции) 50 тыс. франков.

За кулисами упомянутых событий до и после «всей этой инсценировки» Гучков проявлял большую активность: при помощи посредников собирал солидные денежные суммы, давал указания белоэмигрантам по составлению «обвинительного акта» против Советской власти (с ним должен был выступить на процессе швейцарский адвокат Т. Обер, «видный создатель швейцарского фашизма»). И когда, по инициативе Обера, летом 1924 г. была создана Лига борьбы с III коммунистическим Интернационалом, Гучков призвал Запад оказать помощь «Белому интернационалу» Обера. Забегая вперед, скажем: оценивая ситуацию в России в связи с переходом к НЭПу и обострением борьбы внутри верхушки РКП(б) после смерти Ленина, Гучков высказался опять же за установление военной диктатуры в России. По его мысли, это мог бы быть режим военных и гражданских «спецов», возможно — даже «правых коммунистов», к которым он относил даже Л. Троцкого, считая

его «человеком реальной политики». По мнению Гучкова, Троцкий имел шансы устранить Сталина, опираясь на Красную армию, но проиграл борьбу из-за колебаний и своей медлительности. В 1927 г. на Западе усиливается антисоветская кампания. Правительство Англии выступило с обвинениями в адрес СССР. В апреле 1927 г. в письме к П.Б. Струве Гучков прямо поставил задачу: «физически уничтожить правящую из Кремля кучку». И даже определил способ: «коллективное политическое убийство», считая это вполне оправданным с точки зрения морали и из соображений патриотизма и целесообразности. Надо установить связи в России и помогать всем, чем располагает эмиграция: средствами, связями, авторитетом, деньгами.

И вообще странная картина получается, вы не находите, друзья? Белых генералов (Корнилова, Деникина, Лукомского, Романовского в Быхове) от самосуда разъярённой толпы русских солдат спасает кто? — 1-я пехотная дивизия Польского корпуса русской армии во главе с генерал-лейтенантом И.Р. Довбор-Мусницким. Корнилова до конца поддерживали лишь текинцы (Текинский конный полк). Одними из первых откликнулись на призывы белых черкесы во главе с князем Девлет-Гиреем. Князь был готов поднять на борьбу с большевиками России «весь черкесский народ», хотя попросил за «пламя войны в горах Кавказа» миллион рублей и 10000 винтовок. Атаману Краснову в борьбе против большевиков будут помогать немцы и гитлеровцы. Колчака приведут к власти чехи, японцы, англичане, американцы и бог знает, кто ещё. Да и текла в жилах Колчака, как известно, турецкая кровь: «Основатель рода Колчаков, Илиас-паша Колчак, был комендантом турецкой крепости Хотин», которого и разобьют русские войска. Ломоносов в известной оде назидательно советовал предку Колчака: «Коль скоро толь тебе, Колчак, учит Российской вдаться власти, ключи вручить в подданства знак и большей избежать напасти?» Правда, императрица Анна Иоанновна милостиво обошлась с пленёнными комендантами Хотина и Очакова, но ведь то были и иные времена... Генерал Врангель, «столь горячо» воспринявший идею защиты России от русских, и сам «стал русским» к концу XIX в. (в его роду больше дат-

Д. А. Белякин. Белая Россия

**Принц А. Карагеоргиевич (вверху справа),
воспитанник Пажеского корпуса России**

ско-прусской крови). Бежавшие в панике из Одессы и Новороссийска части белых офицеров спасались на английских военных кораблях, наступавшие части «варваров», «красное быдло» друзья-англичане засыпали тяжелыми фугасами. Крымские татары, бывшие недруги русских, бежали от победоносной Красной армии, потом служили верой и правдой гитлеровцам, выселены Сталиным, ныне выселяют славян. Керенский, Деникин, Кутепов, Краснов, Маклаков найдут пристанище у врагов России...

Хотя иные принимали покинувших родину белых офицеров — в память о светлых годах в царской России (скажем, учёбу в Пажеском корпусе). В корпусе учился Его Королевское Высочество Королевства Сербов, Хорватов, Словенцев (с 1929 г. Королевство Югославия) Александр I, будучи принцем Александром Карагеоргиевичем. В знак благодарности к русскому народу король Александр I примет на его территории во время великого исхода Белой армии некоторые части Русской армии Врангеля, три кадетских корпуса, Николаевское кавалерийское училище и другие учебные заведения, и до самой смерти (убит хорватом-сепаратистом в Марселе 9 октября 1934 г.) старался предоставить сносные условия жизни и деятельности русским, что дало возможность выпускникам-кадетам получить высшее образование и устроиться в жизни. Это была симпатия к русским.

Беглецы из России не видят реального инструмента для ниспровержения большевиков — кроме заграницы... Рисуя ныне ужасные картины красного террора и свирепости большевиков, почему-то даже не заикаются о том, а что было бы с Россией, её народом, если бы победила контрреволюция. И что было бы со страной? Красно-речивое признание, касающееся ситуации в России, оставил в своих записках и сотрудник немецкого посольства в Москве. 3 августа в 1918 году он пишет: «Интересные новости сообщил нам о положении в повстанческих районах профессор Ревельского университета, балтийский немец, прибывший недавно из Самары. Из его сообщения можно представить положение дел большевиков и действия Антанты, которая во многих районах, например в Сибири, добивается успеха, различные движения против большевиков могли бы добиться успеха, если бы они объединились для совместных действий. К сожалению, на это надеяться не приходится. Партийные распри берут верх над стремлением к победе и свободе. Если не придёт помощь извне, буржуазная контрреволюция заглухнет». Как видим, все как один признают неспособность белых сил, сражавшихся против большевиков, одержать победу. Главная причина одна: красных поддержал народ.

«Дикую, неуправляемую», никому не подчиняющуюся Россию покидали и интервенты из стран Европы, США, Японии, покидали, поняв наконец всю бесперспективность надежд заполучить столь лакомый кусок. Надо честно сказать, что даже и в Великобритании, отношение которой к России во многом формировалось с учётом давней конкуренции двух стран в разных регионах мира в различные периоды истории, всё же имелись разумные головы. Они стали понимать, что в России большинство людей (при всех их сомнениях и колебаниях) выступают всё же на стороне нового строя. К примеру, когда представитель Белой армии А.И. Гучков с несколькими белыми офицерами попытался выехать в Европу, так ему две недели не давали разрешения на въезд. И хотя ему удалось побывать во Франции, Англии и Германии, больших успехов он там так и не добился. Удовлетворить все требования по поддержке сил контрреволюции в России ему не

удалось. Изменилась и позиция Великобритании с приходом к власти правительства Д. Ллойд Джорджа. На совещании представителей союзников в помещении французского министерства иностранных дел Ллойд Джордж возражал премьер-министру Франции Ж. Клемансо, требовавшему направить в Россию сильную союзническую армию (19 января 1919 года). Ллойд Джордж на это заметил: «Во-первых, действительное фактическое положение вещей [в России] неизвестно. Во-вторых, невозможно добиться фактов: единственный путь — подвергнуть вопрос разбирательству; в-третьих, положение в России очень скверное; неизвестно, кто берёт верх, но надежда на то, что большевистское правительство падёт, не оправдалась. Есть даже сообщение, что большевики теперь сильнее, чем когда бы то ни было, что их внутреннее положение сильно, что их влияние на народ сильнее... Сообщают также, что крестьяне становятся большевиками... Но уничтожить его [большевизм] мечом... это означало бы оккупацию нескольких провинций в России. Германия, имея миллионы человек на восточном фронте, держала только край этой территории. Если послать теперь для этой цели тысячу британских солдат в Россию, они взбунтовались бы... Мысль о том, чтобы уничтожить большевизм военной силой, — безумие... Военный поход против большевиков сделал бы Англию большевистской и принёс бы Лондону Совет». Важное историческое признание.

О том, как протекало их правление, а затем и бегство «союзников» с Севера, рассказывает прекрасный роман В.С. Пикуля «Из тупика». Он привёл письмо-документ морских офицеров крейсера «Аскольд», обращённое к англичанам, где описана картина захвата русского крейсера английской морской пехотой: «...Крейсер подвергся грандиозному грабежу. Все вещи (были) разбросаны по палубам, перевернуты, и почти все они сознательно приведены в негодность. Весь офицерский состав и вся команда остались без денег. За малым исключением, все новые брюки, ботинки, бритвы, золотые, серебряные и иные вещи

Бегство интервентов из Архангельска. 1919 г.

оказались раскрадены. Офицеры кают-компаний крейсера «Аскольд» всего неделю тому назад прибыли из Балтийского флота, где присутствовали при разоружении кораблей германцами... и, сочувствуя союзникам, они уехали оттуда, не желая работать в сфере немецкого влияния. Но всё же мы никогда не видели и не слышали о таком отвратительном грабеже со стороны германцев! Ключи от помещений крейсера неоднократно предлагались при обыске. Но никто из англичан не пожелал ими пользоваться: всё вскрывалось топорами и лома-

Русский писатель В.С. Пикун

ми. Большинство денежных ящиков и шкапулок взломано, а все деньги расхищены. Особенно поразило нас, что союзные нам офицеры, руководившие разоружением, покинули корабль с полными карманами! Многие из команды союзных войск надели на себя по трое брюк сразу из числа ими украденных. На корабле, словно в издевательство над нами, оставлена масса старых иностранных ботинок, замененных новыми (русского производства). Составленная опись установила, что с «Аскольда» увезено деньгами и имуществом на сумму свыше 40 000 довоенных царских рублей (!)... А между тем среди личного состава крейсера имеются ещё многие из числа тех, которые совместно с союзниками работали против общего врага в Дарданеллах. Среди матросов есть тяжелораненые и получившие за войну знаки отличия от тех же союзников. А теперь все они до последней степени ограблены теми, с кем и за кого они когда-то сражались...» Пикуль добавляет, что «французы и американцы в грабеже не участвовали», а «воровской пример своим матросам подали британские офицеры (именно британские офицеры!)». При бегстве генерал Роулинсон, специалист по эвакуации, «увёл всё, что плохо лежало». Таким образом почти всюду уходили интервенты с нашей земли.

Сегодня нашей молодежи (увы, зачастую невежественной) хотят внушить мысль о том, что белые были борцами «За единую и неделимую Россию». Кто-то действительно был вдохновляем этой идеей. Но высшие руководители белых прекрасно знали истинное положение дел. Возьмём в качестве примера даже имена не известных широкой публике Колчака, Деникина, Корнилова, Врангеля, Юденича, а Б.А. Бахметева и В.А. Маклакова. Бахметев — инженер и учёный; принимавший активное участие в промышленной и политической жизни страны. Временное правительство России назначило его послом в США. После краткой (до 1922 г.) дипломатической деятельности он обосновался в Нью-Йорке, женился на американке, открыл там своё частное дело (спичечную фабрику), затем возобновил научные и академические занятия в качестве проф. гидравлики при Колумбийском университете (принял американское гражданство в 1934 г.). В.А. Маклаков — вид-

Вперёд — на Врангеля!

ный адвокат, защитник на громких политических процессах (дело Бейлиса). Руководящий член и лидер партии конституционалистов-демократов, масон Маклаков неоднократно избирался в Государственную Думу. Временное правительство назначило его послом во Францию, но вручить верительную грамоту тот не успел. Грянул Октябрь. Французские власти признали его де-факто поверенным. Видный деятель русской буржуазии, Маклаков писал в США Б.А. Бахметеву из Парижа 15 апреля 1921 г., практически через месяц после событий в Кронштадте, делясь как сомнениями, так и возможными планами о будущем России... Он говорил, что в политике эсера Савинкова «по расчленению России», конечно, «есть здоровое ядро». Правда, многое в той политике ему лично претит, в особенности то, что «эта политика расчленения делается им под эгидой Польши, т.е. под руководством врага, а не друга России». И тем не менее автор письма предлагает Бахметеву обсудить какую-либо иную формулу, настаивающую «на выделении здоровых частей России из-под крыши сумасшедшего дома». Понимая весь цинизм этого, он пытается сгладить позорный шаг, клянётся в том, что настаивает на этом только «во имя спасения если не России, то её бывше-

го населения». Затем он раскрыл карты: на Дальнем Востоке, например, и вообще в Сибири, якобы и условия жизни подсказывают возможность создания независимых областей. Если там люди даже и «не мечтают о будущем отделении от России», всё равно это было бы весьма полезно, ибо позволит им защититься «от власти большевистского центра». Далее наш «демократ», по сути дела, размышляет о том, «под кого лучше лечь за границей», на кого в этом деле можно было бы опереться. Он пишет: «...не ясно, что нужно делать на полосе отчуждения, согласиться ли с японцами..., поддерживать ли претензии китайцев, или взывать к помощи американцев, так как русских сил (антибольшевистских сил. — Ред.), по-видимому, там не осталось». Каков наш «патриот»!

Вот иных бы наших подлецов, «неподкупных» защитников в печати образа «патриотической российской буржуазии», ткнуть бы носом в это дерьмо. Интересно и то, что, говоря о России, оба адресата подыскивают ей «одежду с чужого плеча»... Как пишет М. Раев: «Для Бахметева американский опыт 19 века, как он его понимал, был наилучшей моделью общественного устройства — и Россия ему представлялась подходящим

объектом для подражания этому опыту. Со своей стороны, Маклаков считал себя неразрывно связанным с европейской культурой и историческим опытом. Для него примером служила либеральная Англия, которую олицетворяла политическая элита времени королевы Виктории. Зато история континентальных держав Европы, думал Маклаков, показала созидательную роль централизованной и крепкой административной власти. Таким образом разные исторические опыты отложились на взглядах Бахметева и Маклакова».

Однако ни консервативная Англия, ни демократическая Америка не могли дать рецепт для революционной России, где большевики всё же оказались ближе народу, чем белые... Несмотря на то, что за плечами тех были, казалось, преимущества «цивилизации». Красные неумолимо, словно таким прессом, выдавливали и изгнали-таки белых. В Евпатории красные войска появились 14 января 1918 г... Начались массовые аресты офицеров, лиц зажиточного класса и тех, на кого указывали, как на контрреволюционеров. За 3 дня (15, 16 и 17 января) в маленьком городе было арестовано свыше 800 человек, на транспорте «Трувор» и гидрокрейсере «Румыния» было убито и утоплено не менее 300 человек. «Все арестованные офицеры (всего 46) со связанными руками были выстроены на борту транспорта, один из матросов ногой сбрасывал их в море, где они утонули. Эта зверская расправа была видна с берега, там стояли родственники, дети, жены... всё это плакало, кричало, молило, но матросы только смеялись». Очевидец событий тех лет так писал о следах преступлений в Крыму: «Окраины города Симферополя были полны зловония от разлагающихся трупов расстрелянных, которые даже не закапывали в землю... курсанты кавалерийской школы... ездили за полторы версты от своих казарм выбивать камнями золотые зубы изо рта казнённых, причем эта охота давала всегда большую добычу». В Керчи хотят установить на набережной памятник в память о убитых бойцах Белой армии.

Остатки всей этой «белой цивилизации» к 1920 г. скопились в Крыму... О том, что та представляла собой, показывают воспоминания современников. Многие из них нашли отражение в книге А.Г. Зарубина,

Молебен (Врангель, Богаевский).
Крым, 1920 г.

В.Г. Зарубина «Без победителей». Всё смешалось в Крыму. На полуостров с Северного Кавказа хлынули остатки деникинских войск. К местному населению, беженцам и тыловым службам добавилось 25 тысяч добровольцев, 10 тысяч донцов и кубанцев. Число их росло. «Состояние войск, прибывших в Крым из Новороссии, — вспоминает Я.А. Слащёв, — было поистине ужасно: это была не армия, а банда. Орудия и обозы были брошены. Ружья и часть пулемётов сохранил ещё Добровольческий корпус, в который была сведена Добровольческая армия, под командованием Кутепова. Донцы и кубанцы в большинстве и этого не имели». Не хватало всего. Обмундирование, оружие и боеприпасы, лошади были оставлены противнику. Угля не было. Бензина не было. Хлеба — могло не остаться в самом скором времени. Несытые и расхристанные орды военных грабили население, всячески над ним издеваясь. Иные офицеры, сколотив банды, становились на дорожку профессиональной преступности. Психология войск обозначалась словами: апатия, временами перерастающая во взвинченность, и наоборот, отсутствие малейшего намёка на дисциплину, ненависть к начальству. «Пьянство, самоуправство, грабежи и даже убийства стали обычным явлением в местах стоянок большинства частей». Финал добровольчества был страшен и отвратителен. Вконец разложившиеся контрразведчики, осваговцы, все предельно избалованные безнаказанностью типы находили себе кумиров в лице псевдогенералов Покровского, Боровского, начальника штаба генерала К.К. Мамонтова генерала Постовского.

В конце концов, Врангель выдворил всех троих за границу. Его попытка устоять на диктатуре тоже не удалась: «...В осаждённой крепости должна быть единая власть — военная».

К началу 1920 г. стало уже ясно: белое дело потерпело поражение... В феврале большевики расстреляли в Иркутске пленного адмирала Колчака. В 1920 г. Деникин отказался от командования, главнокомандующим войсками на юге стал генерал П. Врангель. Деникин вместе с начальником штаба

генералом И. Романовским отбыл в Константинополь. За границу (в Эстонию) с остатками их войск ушли командовавший белым фронтом под Петроградом генерал Н. Юденич и командовавший белыми на Севере генерал Е. Миллер. Но попытки Врангеля закрепиться на русской земле оказались безуспешными. Продолжения вооружённой борьбы из Крыма не получилось. Не надеясь на победу, Врангель хотел лишь «сохранить честь вверенного армии Русского знамени». Опираясь на близких к нему политиков, он предпринял ряд административных мер, имевших целью упрочить положение белых. Врангель так определил основную задачу деятельности правительства: «Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа». «Вот там у вас коммунизм, голод и чрезвычайка, а здесь идёт земельная реформа, заводится порядок и возможная свобода...». Эти последние страницы истории гражданской войны на юге России стали для Врангеля временем наивысшего напряжения сил в попытке удержания последней пяди русской земли. В. Шульгин вспоминал, что в нем «чувствовался ток высокого напряжения. Его психическая энергия насыщала окружающую среду, ... вера в своё дело и легкость, с какой он нёс на себе тяжесть власти, власти которая не придавливала его, а наоборот, окрыляла, — они-то и сделали это дело удержания Тавриды, дело граничащее

Д.А. Белякин. Белая Россия. Исход

с чудесным». Чуда, как следовало ожидать, не произошло. Чудес нет. Даже в политике. И в начале ноября армия Врангеля на подготовленных кораблях покинула Крым.

Белые бежали... Картина ухода русских людей с Русской земли трагизмом превосходит известные из истории картины гибели великих государств и городов прошлого — Трои, Карфагена и Рима. Литература об этом исходе огромна... Кн. Урусова, дочь видного царского сановника, вице-губернатора Сибири, раненого своими крестьянами в ходе революции 1905—1907 гг. и через два года скончавшегося, бывшая медсестрой у белых, вспоминала о бегстве белых из Новороссийска: «Эвакуация населения проходила в беспорядке и панике, никто не пытался ею управлять. Мужчины и женщины бросались на пароходы, давили друг друга, падали в воду и тонули. Крики, стоны, плач носились над портом, а в городе бушевали пожары. В довершение всего поднялся норд-ост. Только тот, кто оказался свидетелем этого стихийного бедствия, может представить себе весь ужас положения жителей. Ледяной ветер со скоростью 150 километров в час уничтожал всё на своём пути. Оставив надежду взобраться на пароход в таких условиях, люди разбегались во все стороны в поисках укрытия. Не имевших пристанища подхватывал ветер и тащил по земле, люди хватались за столбы и встречных людей, которые падали, и тогда уже все катились дальше вместе. 14 марта после эвакуации остатков войск генерал Деникин отбыл со штабом в Крым. Остальные уходили вдоль побережья. Сотни убитых казаками лошадей лежали на улицах и набережных. После отхода последних частей белой армии нас некому было защищать. Я ощущала себя бездомной и нищей, во власти большевиков, под игом озверевших людей. Мысль о том, что никогда не увидим нашу многострадальную Родину, была столь же невыносима. Да будет на всё воля Господня!» То же наблюдалось и в Крыму.

Белая армия, «гордая белая рать», покидала города Крыма, устремляясь к чужим берегам... В ноябре 1920 г. из Крыма ушёл последний корабль с врангелевскими бойцами. Генерал П.Н. Врангель записал тогда: «Суда одно за другим выходили в море. Всё, что только мало-мальски держалось на воде, оставило берега Крыма... Больно сжи-

малось сердце». Считается, что все корабли ушли из Севастополя... Но эвакуация шла и из Керчи, откуда ушёл последний корабль, держа путь на чужбину, в далёкую Бизерту. Командующий Южным фронтом Фрунзе отправил на имя Ленина телеграмму, где сообщал, что красной конницей занят город Керчь. Южный фронт ликвидирован. Ленин на собрании московского партактива (6.12.20) заявил: «В Крыму сейчас 300 тысяч буржуазии. Это — источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмём их, распределим, подчиним, переварим». В Керчи осталось 50 тысяч солдат и офицеров, решивших отказаться от эмиграции. «Переварили»... Красная конница их изрубила. Эти ужасные события вспоминали Вересаев, Мельгунов и др. Отмечают и коварство большевиков. Те заявили всем, что после окончания Гражданской войны каждый сможет честно трудиться в России или же уехать за границу. Многие поверили. В. Вересаев писал: «...Вскоре после этого предложено было всем офицерам явиться на регистрацию и объявлялось, что те, кто на регистрацию не явится, будут находиться вне закона и могут быть убиты на месте. Офицеры явились на регистрацию. И началась бессмысленная кровавая бойня. Всех являющихся арестовывали, по ночам выводили за город и расстреливали из пулеметов. Так были уничтожены тысячи людей». Тогда по решению местных евреев-интернационалистов, хотя и с санкции Ленина, будут уничтожены десятки тысяч русских офицеров! О том, как это происходило рассказывает

Писатель В.В. Вересаев

ся в ряде публикаций, включая очерк С. Новикова «Бойня в Крыму». Он писал: «Например, историю Багреевского расстрела можно косвенно восстановить по малоизвестной книге оказавшегося в то время в Ялте Сергея Маковского, поэта и редактора знаменитого «Аполлона», — «На Парнасе “Серебряного века”» (Мюнхен, 1962): «...Трагедия занятия Крыма венгерскими коммунистами Бела Куна всем известна. Страшнее всего о ней сказал Максимилиан Волошин, спасаясь в своём Коктебеле:

Всем нам стоять на последней черте,
 Всем нам валяться на вшивой
 подстилке,
 Всем быть распластанным — с пулей
 в затылке
 И со штыком в животе.

...Многие из людей... не успевшие или не захотевшие бежать, были убиты бесчеловечным образом... и 80-летняя старушка милая княгиня Барятинская, и Мальцовы, старшие и младшие. Вместе были убиты мои друзья-симеизцы: Мальцовы Иван Сергеевич и сын его Сергей Иванович с женой Марией Барятинской (беременной третьим ребенком. — С.Н.), и Семенова и её отец генерал; всем по очереди пуля в затылок. Бела Кун не тронул только малолетних сына и дочь Сергея Ивановича Мальцова, которых увезли вглубь России. Лишь со временем удалось их выписать за границу через английское посольство. Я встретился с ними десятью годами позже в Париже у моего старинного знакомого князя В.В. Барятинского...» Княгиню М.В. Барятинскую, известную её благотворительностью, нема-

Белые отступают из Крыма

Судно с белыми беженцами покидает Крым

ло сделавшую для развития культуры Крыма, собирательницу картин (те ныне украшают стены трех крымских музеев), и её мать, Надежду Барятинскую, беспомощную старуху в инвалидной коляске, привязали к грузовику (об этом и поведала Н.Л. де Брант, правнучка Н. Барятинской, живущая во Франции и недавно побывавшая на месте гибели своих близких) и вывезли к месту расстрела. Палачи несли на руках немощное парализованное существо, чтобы убить его через несколько минут. Или Мальцовы благодаря которым маленький приморский поселок Симеиз в начале века стал превращаться в процветающий курорт. В путеводителях тех лет их способ ведения хозяйства назван образцовым: они закладывают виноградники, строят виноподвалы, с их именами связано упоминание о первой Симеизской обсерватории... Плата за это одна — пуля в затылок! Правда, детей Б. Кун пощадил. История завоевания Крыма «новыми гуннами» еще практически не написана. Жуткие, леденящие кровь картины.

Можно понять боль, горечь и тоску, охватившие сердца русских при виде исчезающих родных просторов и берегов... Барон Врангель послал радиотелеграмму в Константинополь для её распространения в армии и среди беженцев: «Русская армия, оставшись одинокой в борьбе, несмотря на полную поддержку крестьян, рабочих и городского населения Крыма, вследствие своей малочисленности, не смогла отразить натиск во много раз сильнеешего противника, перебросившего войска с польского фронта. Я отдал приказ об оставлении Крыма, учитывая те трудности и лишения, которые Русской армии придется претерпеть в её дальнейшем крестном пути, я разрешил желающим остаться в Крыму. Таких

почти не оказалось. Все казаки и солдаты Русской армии, все чины Русского флота, почти все бывшие красноармейцы и масса гражданского населения не захотели подчиниться коммунистическому игу. Они решили идти на новое тяжёлое испытание, твёрдо веря в конечное торжество своего правого дела... Неизменная твердость духа флота и господство на море дали возможность выполнить эту беспрецедентную в истории задачу и тем спасти Армию и население от мести и надругания. Всего из Крыма ушло около 150 000 человек и 120 судов Русского флота. Настроение войск и флота отличное, у всех твёрдая вера в конечную победу над коммунизмом и в возрождение нашей Великой Родины. Отдаю Армию, Флот и выехавшее население под покровительство Франции, единственной из великих держав, оценившей мировое значение нашей борьбы». Были и такие, и их немало, что руководствовались девизом *saue qui peut* (франц. — «спасайся, кто может»). Было, конечно же, и иное: сдерживая стон, нет, крик рвущегося от боли сердца, молвил другу офицер: «Поручик, Голицын, а, может, вернёмся? Зачем нам, поручик, чужая земля!» Ведь часто бывало и иначе... Красивый пейзаж Босфора, о котором написал Врангель, лишь усугублял тяжесть утраты любимой родины... Анна Ахматова скажет: «Темна твоя дорога, странник. Полынью пахнет хлеб чужой». Вода как бездна... «Чёрной пропастью мне показалась за бортом голубая вода». Иные

не выдерживали невыносимой муки — мысли о покидаемой, может быть, уже навсегда, любимой родине — и пускали себе пулю в сердце...

«Голое поле» — так окрестят белые этот кусочек земли 20 на 60 км. Деникин называл Галлиполи «Голгофой белого движения». По договору с турецкими и антантовскими властями врангелевцы рассредоточат тут: 1-й армейский корпус генерала А. Кутепова (25 тыс.), расположился на острове Галлиполи («Красивое место»); Донской корпус генерала В. Абрамова (20 тыс.) — на Чалтадже, у Константинополя; 15 тысяч кубанцев — на о. Лемнос. Белое движение прекратило существование. Остатки флота России отвели в порт Бизерта (Тунис). Считая белое дело проигранным, Запад не желал оказывать поддержку Врангелю. Но и их можно понять... Там многие поняли, что имеют в России дело с подлинной народной революцией. Кроме того участвовали и случаи неповиновения среди войск интервентов... Во французской газете «Ваг» приводились примеры того, как на броненосце «Гишен» 900 солдат, направляемых на помощь буржуазии России, отказались сражаться и потребовали вернуть их домой. И это был далеко не единственный случай. Газета писала: «В апреле 1919 года броненосец «Франс» был якобы направлен в Константинополь, а в действительности — в Одессу, чтобы соединиться с теми кораблями эскадры, которые уже начали обстрел побережья... Одесса была убежищем для

крупной буржуазии и аристократии, бежавшей от большевиков... Нашими союзниками были греки и пресловутая армия русских добровольцев, насчитывающая 1000 человек, в том числе 250 полковников и 40 генералов, которым Франция платила жалованье и не мешала заниматься лихоимством, нападать на профсоюзы, запрещать социалистические и демократические газеты, расстреливать без суда людей при наступлении темноты. Вся эта банда занималась спекуляцией, распутничала и обирала население... Поэтому понятно, что победоносно продвигавшуюся

Белые войска в Галлиполи. 1921 г.

вперёд Красную Армию население встречало с распростёртыми объятиями. Французским морякам приходилось по ночам грузить уголь, чтобы эвакуировать на транспортных судах «Коркорато», «Кавказ», «Император Николай» совершенно обезумевших русских и французских буржуа; некоторые из них платили миллион рублей за место на корабле». Конечно, какие-то попытки помочь разбитым белым делались. Предлагалось воинские части расформировать, переводя солдат и офицеров на положение беженцев. В Галлиполи стали готовиться к походу на Константинополь, угрожая силой пройти на север, в славянские страны. Остатки белых войск продолжали пребывать в иллюзорном мире. И хотя они создадут то, что назовут «галлиполийским чудом», чудо из чудес — Россию — они потеряли.

Воспевая подвиги Белого движения, И. Шмелёв написал (1927): «Надо ли говорить ещё о подвиге Белой Армии, о значении «белого движения», спасшего честь России! Об этом теперь не спорят: это уже история. Придёт день, когда блистающее имя Белый воин и сумеречное — галлиполиец — станут для всей России священными именами русского мученика-борца и русского героя. Это придёт, и Россия встретит лучших сынов своих высокой и гордой честью: священное имя — Белый Воин — явится знаком высокого духовного отбора — новой русской аристократии. Воины Белой Армии, к какому бы слою они ни принадлежали, — аристократы ли по рождению, крестьяне, казаки, дворяне, горожане, — истинные сыны России, аристократы духом, Её душа. И Россия признает это и закрепит почетно: впишет славные имена в великую Золотую Книгу — Российской Чести. Семь лет уже протекло с отхода. Но что такое семь лет! что может значить это движение серых дней, в сравнении с тем великим, что знаменует собою российский «белое движение»! Три года борьбы — исторический перелом, лучше сказать — пролом русской истории. Пролом, в котором Россия как бы найдёт себя! Да, Россия найдёт себя на крестном пути героического «белого движения». Скажут: на пути поражения?! Скажут ненавистники и слепцы. Скажут те, кто не разумеет Скрытого Лица судеб народа. Или не знаем случаев, когда внешнее поражение обращалось в великую победу?! Мы,

*Епископ С. Королев, П.Б. Струве,
С. Булгаков в Праге*

христиане, знаем. Мы, христиане, знаем Величайшую Победу: «не оживёт, аще не умрёт». Белые Воины, истинные сыны России, войдут в Нее». Никто победы не одержал в той битве. Проиграли обе стороны, а если кто и выиграл — то Россия.

В результате гражданской войны страну вынуждены покинуть, опасаясь за своё существование, примерно 1,5—2 млн чел., а по некоторым данным — 2—3 млн чел. Это была так называемая первая волна эмиграции, и с ней был связан важный этап отношений России и Запада. Запад стал убежищем и одновременно очагом изгнанной из страны элитарной культуры России. Но подлинная Россия всё же жила и творила не там... Долгий и кровавый характер Гражданской войны принёс России, миллионам людей огромнейшие бедствия, чудовищные разрушения и людские потери. Промышленное производство упало в результате войны до 4—20 % от уровня дореволюционной России (к уровню 1913 г.). Ущерб, причиненный её хозяйству, составил в стоимостном выражении 50 млрд рублей. Вдвое сократилась численность рабочих, сельскохозяйственное производство уменьшилось в той же пропорции. Выступая на заседании Петроградского Совета (13 декабря 1921 г.), Ф.Э. Дзержинский сказал: «Семилетняя война тяжело отразилась на железнодорожном и водном транспорте. Достаточно сказать, что из 63 000 верст железнодорожного пути республики 40 000 верст на-

ходились во власти белых. Всем известно, в каком состоянии белые оставляли народное хозяйство, когда им приходилось отойти под напором Красной Армии. Исправить разрушения в короткое время мы не можем ввиду истощения наших ресурсов. Восстанавливая народное хозяйство, мы перешли на путь новой экономической политики, привлекая частную инициативу». Положение усугубила и иностранная военная интервенция. Прямые потери в войне, носившей братоубийственный характер, в оценках исследователей разнятся. Одни считают, что таковые составляли что-то около 10 % населения страны (13 млн). По другим данным, потери намного больше. Если же учесть, что к началу 1923 г. вместо ожидаемой численности населения 207,5 млн на территории СССР насчитывалось всего 137,5 млн, станет ясен чудовищный дебит. Считается: общая цифра убыли населения в России с начала Первой мировой войны могла составить порядка 70 млн. При этом безвозвратные потери русской армии только в I мировую войну составили более 3 млн человек, а безвозвратные потери за годы Гражданской — 16—18 млн человек. Это невосполнимые утраты. Цифры «скачут».

Демографы В.З. Дробижев и Ю.А. Поляков писали, что за 1918—1922 гг. итог людских потерь превышал, вероятно, 25 миллионов человек. Думаю, более убедительны данные, приведенные в энциклопедических изданиях («Большая Советская Энциклопедия», «Советская историческая энциклопедия», энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР»). В них приводится одно и то же число погибших военнослужащих — 1 млн человек.

Ученицы русской гимназии в Праге

Белые казаки в Сербии в эмиграции

Советский исследователь Б. Урланис в книге «Войны и народонаселение Европы» называл иные цифры: убито на фронте примерно 125 тыс. человек, умерло в действующей армии и в военных округах около 300 тыс. человек. Общее число убитых и умерших составило в итоге 425 тыс. чел. И это примерно в два раза меньше той общей цифры потерь, что приводится в упомянутых энциклопедиях.

Общие демографические потери населения на фронтах и в тылу воевавших сторон (т.е. в боях, от голода, эпидемий и террора) достигли 8 млн человек. В это число входят и потери личного состава Красной армии убитыми и умершими от ран и болезней (1918—1922). Какие бы цифры в итоге не высветило «солнце мертвых», гражданская война в России — наше горе и боль. Скорбим о лучших сынах России и не укоряем мёртвых, следуя правилу: «De mortuis — veritas!» («О мёртвых — правду!») Но перед Россией тогда, об этом забывают, стоял суровый выбор — красные или белые! Победа белых означала реставрацию монархии, бюрократию, буржуазию с их «новым» Временным правительством. Простой же народ возвращения «белой кости» к власти не желал! Не желал и всё тут — решительно и бесповоротно! Но и значительная часть интеллигенции и представителей офицерства не хотели возвращения былых порядков, особенно те, у кого не было крестьян, поместий, фабрик, больших капиталов. Те выбрали то, что им подсказывали сердце и совесть.

Хотя немало и умных, достойных, нужных людей вынуждено было покинуть Ро-

дину! Сколь тяжелым и несправедливым казался сей Исход русским людям, покидавшим родную землю в силу столь трагических обстоятельств. Они вынуждены бежать из России налегке, не как евреи из Египта, или нынешние нувориши эпохи Великого Грабежа, унося с собой награбленное золото, брильянты, активы компаний... Если деятели культуры (А.Н. Бенуа, Л.С. Бакст, Н.С. Гончарова, И.Ф. Стравинский, Н.Н. Черепнин, балетмейстеры М.М. Фокин и В.Ф. Нижинский, балерины А.П. Павлова и Т.П. Красавина, певец Ф.И. Шаляпин и др.) всё же пользовались за границей немалой известностью, имея там и неплохие заработки, то масса русских воинов покидала землю свою налегке, с жалким скарбом. Эта пятая волна эмиграции (около 2 млн человек), особенно многочисленная, качественно, видимо, наиболее значима и важна для судеб отечества. З. Гиппиус так сказала об этих эмигрантах: «...одна и та же Россия по составу своему, как на Родине, так и за рубежом: родовая знать, государственные и другие служилые люди, люди торговые, мелкая и крупная буржуазия, духовенство, интеллигенция в разнообразных областях ее деятельности — политической, культурной, научной, технической и т.д., армия (от высших до нижних чинов), народ трудовой (от станка и от земли) — представители всех классов, сословий, положений и состояний...». В начале XX в. философ Н. Лосский высказывал желание достичь «фаустовской жажды бесконечной широты жизни». Писал он и о жгучем желании «жить одновременно в своём отечестве, волнуясь всеми интересами родины, и в то же время где-нибудь в Париже, Лондоне или Швейцарии в кругу других, но тоже близких интересов и людей». Он и в кошмарном сне не мог подумать, что желание это для иных обернётся трагедией. Об этом свидетельствуют и страницы «Золотой книги эмиграции. Русское Зарубежье» (1997). Так случился исход части русской интеллигенции, части её народа из «кровью пьяной» России. Хотя не совсем правы те, кто писал в порыве тоски и отчаяния, что тогда из России ушла «не ма-

Учёные

ленькая кучка людей», но почти «весь цвет страны». К. Чуковский, подчеркивая, что прежней культурной среды нет и она погибла, уверял: потребуется сотня лет, а может быть и больше для её восстановления. Понять их можно, ибо прежней культурной среды в Советской России уже не было.

Перед нами трагедия огромная, немыслимая, невообразимая, космическая... Но трагедия лишь малой части людей, России не знавших и по большому счёту не всегда её и ценивших. Вспоминается болезненная мечта Розанова, что ещё до гимназии обнаружил, что в Индии есть великие поэмы — «Махабхарата» и «Рамаяна». Но его более всего потрясло тогда, что у России якобы нет таких произведений: «Ничего нет... Бездарный, слабый народ. Не великий духовно и умственно». Розанов решил стать «писателем», «поэтом и мудрецом», как «Гомер или Платон», — и «непременно для России», «для бездарного этого народа, всеми забытого и справедливо презируемого». Он возмечтал написать «великие, вечные вещи». И такие люди — с таким взглядом на народ — стремились ещё чему-то научить Россию?! Так и не суждено было Розанову создать грандиозного эпоса. Его убьёт голод в 1919 году. Говорят: сколько блестящих умов, сколько талантов сгинуло тут и там — не счесть. Но можно ли о всех их сказать словами Некрасова: «Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!» Вправе ли?!

Хотя были среди вольных и невольных жертв и блестящие учёные. Среди них и учё-

ный-античник И.М. Гревс. После революции, как все отмечали, он внутренне изменился, «состарился душой» — грустными стали его письма к ученикам, появились и итоговые нотки жизни в сочинениях. Друзья называли его «великим пессимистом». Это же можно сказать об историке Д.М. Петрушевском, что духовно состарился, упал духом. В 1919 он с тоской отмечал: «И у нас давно ничего чрезвычайного не случилось, и атмосфера по-прежнему недопустима ни в каком отношении, так что я временами совершенно изнемогаю под бременем её, жду не дождусь того момента, когда можно несколько будет изменить... морально унижительное, физически невыносимое состояние на настоящее человеческое существование». Они потерялись в жизни. Хотя иные из господ пытались как-то приспособиться и выжить в новых условиях. Княгиня А.С. Голицына попыталась объединить московских старушек в артель «Вышитая подушка», где одинокие женщины «из благородных», потерявшие мужей, вышивали подушки и скатерти. Но артель вскоре прикрыли по надуманному предлогу. Если же аристократы находили работу, их, как впрочем и эппманов, власти новой России увольняли в первую очередь.

Некоторые и за рубежом старались не опускать руки и сделать что-то для России. Так, в Белграде увидели свет «Материалы для библиографии русских трудов за рубежом» (1931). Характер трудов, которые там были названы, впечатляет: 7038 трудов по философии, истории, юриспруденции и прочим наукам. Это был какой-то фантастический духовный русский Клондайк. Княгиня Мещерская открыла в Париже пансион для благородных девиц. В 1927 г. в том же Париже открыт «Русский дом». В 1927 г. профессор Н.Н. Головин в присутствии 200 слушателей открыл «Военно-научные курсы систематического изучения современного военного дела». Состав слушателей на курсах — в основном бывшие офицеры, которые по окончании курсов причислялись к российскому Генеральному штабу. Курсы работали по программам, близким к бывшей императорской академии Генерального штаба и военных академий европейских государств. К проведению занятий Н.Н. Головин сумел тогда привлечь известных русских военных деятелей и пол-

ководцев. Занятия проводились два раза в неделю, по 800-часовой учебной программе, курс обучения был рассчитан на 50—52 месяца. Курсы быстро завоевали популярность в эмигрантской среде и после года работы получили наименование — «Зарубежные высшие военно-научные курсы профессора, генерала Головина» (ЗВВНК).

Иные, подобно Бунину, Бальмонту, Шмелёву, попытались найти отклик в сердцах Европы, обратившись от «лица тех мучеников мысли и слова, которые терзаются в худшей тюрьме, когда-либо бывшей на земле, в советской России», к знаменитостям (Гамсуну, Шатобриану, Роллану). В 1928 г. К. Бальмонт, обращаясь к Роллану, «факелу мировой совести», что уединился в Швейцарии, вопрошал: «Я, Шмелёв, Мережковский, Бунин, Куприн, Зайцев и ещё, и ещё другие весьма прославленные русские писатели, мы как уехали, по-вашему, из России? Не воображаете ли вы, что из-за маленьких политических и литературных распрей мы покинули Родину, — как вы, — чтоб в прелестном уединении играть роль совести мира? Поверьте, мы не столь бродяги по природе, как это может вам казаться. Мы покинули Россию, чтоб иметь возможность в Европе попытаться хоть что-нибудь крикнуть о Погибающей Матери, крикнуть в глухой слух очерстевших и безучастных, которые заня-

ты лишь собой». Но что могла поделаться Европа против воли народа России?!

О причинах Гражданской войны буржуазия, её пифии, сторонники, глашатаи стараются умолчать. Иногда лишь приводят слова В. Набокова, уводящие от сути вопроса: «Одни бьются за призрак прошлого, другие за призрак будущего». Nonsense! Наоборот: сражались не за призрак прошлого и не за призрак будущего, а за вполне реальное настоящее, т.е. у кого в руках окажется всё государство, собственность и земля. Сегодня продажная обслуга буржуазии пытается уверить нас в том, что нужно было бы сохранять буржуазный строй России, строй предателей, авантюристов, карьеристов, бездарностей. В статье «Мифы оживающие» некто Самоваров пишет: «Так от чего же «спасли» большевики нашу страну? Во-первых, в случае победы Россия получила бы очень много от лежа имущества поверженных противников: те же черноморские проливы, значительные куски Австро-Венгрии, включила бы в свой состав всю Польшу. Но это мелочи. Она, бесспорно, укрепила бы своё геополитическое положение в Европе, и те самые плоды победы, которые получил СССР во Второй мировой войне, т.е. влияние в Восточной Европе, в Германии и на Балканах — всё это Россия имела бы в 1918 году. В 1920-е годы Россия стала бы сверхдержавой с её значительным населением — русских становилось всё больше. К 1950 г. этнических русских было бы 300 миллионов человек. Экономика России росла бешеными темпами, и после победы в войне эти темпы росли бы, прежде всего благодаря ресурсам Сибири и Дальнего Востока, и туда, кстати, продолжалось бы массовое переселение. Развивалась бы наука. Академик Вернадский отметил в своём дневнике, что в тяжелейшем 1916 г. правительство окончательно осознало значение науки и стало выделять денег столько, сколько и запрашивали учёные. А ведь большевики своих успехов добились, мобилизовав остатки царской науки в 1930-х гг.». Попытки уверить нас, что к 1918 г. Россия превратилась бы в мощную, крепкую мировую сверхдержаву, экономика которой росла бы «бешеными темпами», в державу, которой Запад позволил бы хозяйничать в Европе — не просто миф, но явная ложь.

Пропагандистский плакат белых

Это могло бы быть, если бы не проигранные войны, если бы не алчность наших чиновников, буржуазии, если бы не тотальное воровство и коррупция. Народ за подобные иллюзии поплатился развалом СССР и чуть не получил гибель России в 90-е гг. Это Запад втянул Россию в Первую мировую войну, он сравил немцев и русских, потом вёл подлую двойную игру, помогая и вашим и нашим, чтобы те больше убивали друг друга (вспомните хотя бы слова Черчилля в отношении немцев и нас). Эти же вещи знать надо! «Ох, хорошо житьё лакеям на боярском на дворе», на дворе хамско-воровской российской буржуазии!

Говоря о событиях тех лет, мы пытались «совместить трагедию и честность». Победа большевиков была не только неизбежной, но в целом жизненно необходимой для будущего России. В высшей степени нелепо и позорно заявлять, что революция, дескать, «противоречит всему живому, она — провал, остановка, забвение и небытие». Однажды Ленин сказал: «Без гражданской войны Советскую власть в Германии не получишь» (1920). Так ведь это же справедливо и для народа России... Что делать, не

на небесах, не среди богов Олимпа, а в кровавых сполохах и зарницах «той единственной Гражданской» и родилась великая Советская империя! И в революции и в гражданской войне в России победу одержал прежде всего простой народ! Историк А.Б. Широкоград прав, говоря, что обвинения вроде тех, что Октябрьская революция «сделана на немецкие деньги», нелепы и оскорбительны для великого народа. Но именно они слышимы на каждом углу. Из чьих же уст их слышим? Из уст подлецов-либералов, предателей России, разрушивших крепость СССР! Историк пишет: «Такое обвинение само по себе — пощёчина русскому народу. Что это за народ? Дали немцы деньги на нужды революционеров, и весь народ, как стадо баранов, пошёл за ними. Так, союзники давали огромные займы Керенскому. И что? Начиная с ноября 1918 г. Ленину некому было давать денег, а союзники отваливали огромные займы Колчаку, Деникину, Юденичу и Врангелю, а также многие сотни тысяч винтовок, пулемётов, орудий, самолётов и танков. А дело кончилось тем, что оные танки прошли по брусчатке Красной площади, но не со значками из триколора, а с красными звёздами». В том-то и дело! Побеждают не деньги — люди!

В результате побед красных над белыми возникла по форме и сути интернациональная, однако и русская по существу власть «Красного Императора», который будет решать почти всё за свой народ. Вместо Белой империи создана Красная империя, которая оказалась на удивление прочной и могущественной, несмотря на все те преступления и просчёты, что совершат её создатели. Масштабные военные действия закончились, но раны и рубцы от страшных потерь, убийств, казней, пыток и потрясений времён гражданской войны долго ещё будут болеть и ныть, давая о себе знать в жизни великой страны, — годы и годы, и поныне. Понятно, что гражданская война в России не принесла и не могла принести ни одной из противоборствующих сторон каких-то лавров. Ведь её итог: миллионы погибших, раненых и изувеченных, миллионы людей покинувших родину. В 1927 г. белогвардейские центры провели

перепись эмиграции за рубежом. По данным журнала «Русский голос», выходившего в Нью-Йорке, статистика пребывания беженцев такова: в Германии — 446654 человека, во Франции — 389450, в Югославии — 38865, в Китае — 76000, в Польше — 90000, в Литве, в Чехословакии, Болгарии, Испании — по 20—30 тысяч. Так в эмиграции оказалось свыше 1,5 млн человек. Хотя 3 млн эмигрантов уехало из России ещё раньше — до того, как у нас началась активная фаза гражданской войны.

Сражаться со своим народом, чтоб уйти в рабство к чуждой нам Европе и там умереть?! Но разве народ виноват в том, что сотни тысяч белых обрекли себя на хождение по мукам? Историк А. Боханов прав, говоря: «Все отечественные «либералы» и «свободолюбывы» получили судьбу, сотворённую собственными руками. Кто-то был уничтожен в застенках, кто-то сгинул в лагерях, а некоторые, «удачливые», успевшие унести ноги от беспощадной «народной власти», влачили жалкое существование беженцев-изгоев. Не было уж больше «тёмной империи», «выродившейся династии», «реакционной политики». Вместе с «реакционным режимом» исчезли особняки, гувернантки, камердинеры, имения, вояжи в Биарриц и Баден-Баден, изысканные приёмы и фамильное серебро». Пришлось работать шоферами, швейцарами, продавцами, рабочими. Всё же есть справедливость на земле! Буржуа, высший свет раз в сто лет надо опускать на землю! И там и тут были наши с вами родные люди — сыны и дочери России! Они — спят в одной братской могиле.

Похороны генерала П.Н. Врангеля в Белграде

Как заметил еще М. Волошин, гражданская война «развивает в людях истинное братство — в древнейшем смысле слова: братство Каина и Авеля». И вряд ли сегодня надобно выяснять, у кого из них, у белых или красных, была «кровь красней». У Л. Толстого в «Севастопольских рассказах» сказано: «Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать в этой повести? Кто злодей, кто герой её? Все хороши и все дурны». Так же вот и в гражданской войне — все хороши и все дурны...

*Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казнённых поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, иступлений,
Возникнет праведная Русь.
Я за неё одну молюсь.*

М. Волошин

Кровавую тризну по всем убиенным следует справить вместе... Пришло время — и прах Деникина, Каппеля, императрицы Марии вернули, упокоили в России... Хотя идеи Белого движения нельзя признать для России иначе как вредными, но скажем друг другу: Veniam petimusque damusque! Прощения просим и взаимно прощаем! Наступают новые времена, когда вчерашние белые и красные, и их наследники, должны бросить все свои силы на создание новой, прекраснейшей и справедливейшей Российской, Русской Цивилизации... На святу

Русскую землю возвращаются и реликвии славного казачества. Дочь генерала Науменко, некогда сохранившего регалии нескольких веков казачьей славы, Н. Назаренко, низкий ей поклон, сберегла на чужбине эти бесценные знаки чести и славы (в США). В 2007—2008 гг. значительная часть этих дорогих нам сокровищ уже вернулась в Россию. А старые казаки говорили: «Когда вернутся в Россию регалии, тогда возродится и казачество». Как знать, может недалёк час, когда столица Кубани вернёт себе исконное имя — Екатеринодар.

В гражданской войне «всякая победа есть поражение» (Лукан). И всё же зададимся себе вопросом: есть ли какой-либо ясный, позитивный результат в победе большевиков? Мы склонны видеть в революции не только разрушающее, но и конструктивное начало. Несмотря и вопреки тем страшным жертвам и потерям, которые понёс наш народ, революция реализовала давние и извечные стремления народа — стремление к социальной и духовной правде и страстное желание видеть могучим российское государство. Это понял и Н. Бердяев, заявив тогда: «Как это парадоксально ни звучит, но большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма, — первым явлением было московское царство, вторым явлением — петровская империя. Большевизм — за сильное, централизованное государство. Произошло соединение воли к социальной правде с волей к государственному могуществу, и вторая воля оказалась сильнее». Главное, что удалось сделать, —

мы всё-таки сумели победить ту анархию, которая фактически низвергла в пропасть царское самодержавие и буржуазное Временное правительство. Об этом объективно и честно говорит профессор истории и государственного права из Гарварда А. Улам (США): «Большевики не захватили власть во время последней революции. Они взяли её. Сначала самодержавие, а затем демократия капитулировали перед анархией. Любая группа решительных настроенных людей могла сделать то, что в 1917 году сделали большевики в Петрограде. Большеви-

Похороны белого воина

ки захватили ключевые позиции и объявили себя правительством. Правительством чего? То, что когда-то было Российской империей, полностью распалось. Часть России была оккупирована врагом, а на остальной территории выросли, словно грибы, сотни маленьких правительств... Каждый город, каждый полк считал себя независимым; Советы сами принимали решения подчиняться тем или иным приказам и распоряжениям. По стране бродило более двух миллионов дезертиров. Работа промышленности была парализована, но ещё большая анархия царила в сельской местности. Итак, победа большевиков в 1917 году, хотя и была огромной, бледнела в сравнении с грандиозной задачей, которую им удалось решить за следующие пять лет. Они справились с невообразимой анархией, которую сами же создали самой анархичной из революций, и построили самое авторитарное государство в мире. Гений Ленина не в том, что он был творцом революции, а в том, что он вышел победителем из этого хаоса. Но создали бардак царь с буржуазией! Нельзя возлагать ответственность на большевиков за тот хаос, что возникал в течение многих лет благодаря неповоротливости, глупости, эгоизму правящей элиты России.

В гражданской войне родные братья, соревнуясь в любви к родине, о горе, во имя родины нелепо убивали друг друга. Что же касается «вины» белых и красных, надо ли сегодня уточнять, кто прав, кто виноват, кто был на чьей стороне или взвешивать меру их вины?! Говоря о потерях белых, следует вспомнить и потери Красной армии, составившие 939.755 человек. Остальные же погибли от голода или эпидемий, связанных так или иначе с войной... К. Радек писал: «За пять лет борьбы русский пролетариат насчитывает сотни тысяч погибших в боях борцов. Если бы фабрики Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Харькова, Баку сумели посчитать тех из своих лучших работников, которых больше нет, то траурная книга русского пролетариата обнимала бы много томов, она больше почётных списков, которыми гордятся прусские юнкера, японские самураи и другие представители «дворянства меча»». «Подлинной истории не нужны иконы — ни в красных, ни в белых обрамлениях» (А. Лампе). Важно ли, кто был «занят отливаньем пули», кто

Слава вам, герои Красной Армии!

её посылал, и кто кого «с землею разлучил»! Но давайте представим — на мгновение — что белые всё же не покоились бы в русской земле, на кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем, в Берлине, Стамбуле, Праге, Китае, а одержали бы победу в гражданской войне. Думаю, что нынешние поколения даже не представляют себе, какая трагедия ожидала бы нашу страну, если бы Ленин и большевики не победили бы белых, а с ними и анархию... Хотя плата за ту победу и была чудовищно высокой и покажется немыслимой для «гуманиста».

Так какая же судьба ожидала бы тогда народы России? Зная характер этой классовой борьбы и степень ожесточённости в Гражданской войне, началась бы вакханалия возмездия... Всю социал-демократию, всех, кто так или иначе сочувствовал левым, белые, скорее всего бы, перевешали бы на площадях и расстреляли... Само собой разумеется, евреев уничтожили бы поголовно или изгнали навсегда из пределов России, что русская душа вряд ли смогла бы принять в силу христианской совестливости. Вся крупная собственность перешла бы в руки буржуазии или спекулянтов...

Н.И. Бухарин в работе «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925) довольно убедительно показал перспективы такого торжества «термидорианцев» в России, говоря: «Если бы крестьянство ушло из-под политического руководства со стороны пролетариата и подпало бы под влияние буржуазии и частного капитала, то это неминуемо повлекло бы за собою падение Советской власти и водворение буржуазного режима, т. е. установление политического господства новой буржуазии и остатков старой буржуазии, разбитой во время великой революции. Первым делом такого нового правительства была бы неизбежно отмена всяческих национализаций, фабрики и заводы перешли бы в руки частных лиц, частных заводчиков и фабрикантов; была бы немедленно отменена национализация земли, и было бы введено разрешение полной свободы торговли и спекуляции этой землёй; началась бы бешеная, горячая скупка этой земли, в первую очередь той её части, которая находится в руках бедноты, не имеющей достаточного инвентаря. Произошло бы в очень короткий срок гигантское обезземеливание крестьянства и сосредоточение крупных земельных фондов (запасов) в распоряжении ловких земельных спекулянтов, которые частью сами превратились бы в новых помещиков, частью, перепродав эти земли другим богатым людям, способствовали бы тому, что из этих последних точно так же образовались бы добавочные слои помещиков. Эти новые помещики, само собой разумеется, начали бы сдавать часть своей земли в аренду крестьянам, заставляя их платить большие деньги в виде арендной платы. Таким образом, мы пришли бы снова к восстановлению порядков, чрезвычайно похожих на те порядки, которые смела наша революция и за уничтожение которых так героически боролись и рабочий класс, и крестьянство». Разумеется, пришлось бы полностью уплатить долги царского правительства, что в условиях разорённой и нищей страны означало бы катастрофу, так как весь груз выплат буржуазия переложила бы на плечи народа. Рабочие, крестьяне были бы победившей буржуазией частично убиты и выброшены, а частично предоставлены полностью своей участи. Говорят, что история не знает сослагательного наклонения. Она

редко повторяется (если повторяется — как жестокий фарс). Это видим в эпоху дикого капитализма в новой «демократической» России. Тут «бешеная, горячая скупка земли» спекулянтами и ворами-чиновниками, тут вам и ликвидация целого ряда крупнейших стратегических заводов, тут и засилье ловких спекулянтов, греющих руки на перепродаже товаров реального производства — лесных, морских, сельскохозяйственных, нефтяных продуктов и т.д. и т.п. Иначе говоря, мы во многом уже пришли к восстановлению порядков, чрезвычайно похожих на те порядки, которые 100 лет назад смела революция и за уничтожение которых так героически боролись и рабочий класс, и крестьянство. Что получается: от чего ушли — к тому пришли?! Это значит — снова революция?!

Разными были судьбы тех, кто покинул родину. Но уж сладкими их никак не назовёшь. За рубежом оказались и дети белогвардейцев. Одни из них безропотно несли свой крест, работали где приходилось (слесарями, рабочими, механиками, таксистами, официантами, швейцарами, даже неграми-чечёточниками в варьете), ничем себя не запятив против России и даже, как могли, ей помогали. Другие сохранили в сердце злобу против своей родины... Представляют интерес слова белогвардейца, некоего В. Душкина, написавшего документальную повесть «Забытые», вскоре и в самом деле забытую. Тут показано, как несладко жилось нашим на чужбине.

Всюду тогда жилось трудно, в Турции, Болгарии, Чехословакии, Румынии, Америке, Австралии, Франции, Китае. К примеру, в Китае осели многие авантюристы или

Прибытие русских эмигрантов в Шанхай

просто беженцы из Советской России (100 тыс.). Участник событий тех трагических лет, издатель, книгораспространитель русской литературы в Китае В. Камкин (1902—1947) писал: «Поток беженцев из России всё шёл. Они направлялись во многие китайские города, но в основном в Харбин и Шанхай: тысячи и тысячи из числа разбитой Белой армии и гражданские лица, бежавшие от красного террора. Трудно вообразить, что творилось на их родной земле. Здесь же, несмотря на огромный наплыв беженцев и первые трудности при устройстве на новом месте, жизнь приехавших постепенно налаживалась. Возникали новые предприятия, открывались новые магазины и лавчонки, всевозможные мастерские, особенно в Харбине». Среди них был знаменитый певец Вертинский, казак М. Третьяков, автор политических памфлетов «Прошлое и будущее русской эмиграции» и многие др. Поселившись в Шанхае в 1931 г., последний наладил связи с японскими властями и с Антикоминтерном. Пытался он говорить и «от лица всего русского Шанхая», т.е. 30 тыс. поселенцев. А как в иных местах? Франция в том ряду стран всё же как-будто бы стояла особняком. Ведь всего пару лет тому назад русские солдаты и офицеры стояли насмерть, преграждая немцам дорогу на Париж. И большинство воинов (а это тысячи) остались лежать там, во французской земле. Был среди эмигран-

*Русские рабочие-эмигранты
на заводе «Рено»*

тов упомянутый Душкин. К тому времени он научился чинить и шить сапоги, пел в церковном хоре и лишним человеком, конечно, не был. Он решил уехать во Францию, чтобы там обрести достойную жизнь и средства к существованию... «Франция! Само слово уже очаровывало. Все мы были воспитаны на преклонении перед Францией, на любви к свободной и прекрасной Франции. Что может быть приятнее жизни среди весёлых, беззаботных, приятных и остроумных французов? Чтобы попасть во Францию, было две возможности. Ехать как студент, учиться.

Для этого нужны были средства, так как ни на какую работу права не давалось. Второй путь стать рабочим. С контрактом на год или шесть месяцев — на металлургические заводы, словом, в то, что теперь называется «тяжёлой индустрией». При подписании контракта даётся аванс в пятьсот франков на дорогу. По окончании контракта можно стать свободным человеком. Свободным! Могу выбрать подходящую работу и учиться, учиться! Только за такую возможность сердце наполнялось благодарностью к гостеприимной Франции... Вот оно, преддверие Франции... Командованием были организованы отправки на работы, главным образом, во Францию. Право не знаю — благодарить или просто постараться забыть за эти отправки капитана Фосса? Не знаю, как жили «наши», оставшиеся в Болгарии, но знаю, что здесь много-много мне подобных полегло на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа и на кладбищах около «тяжёлой индустрии», в возрасте 35—45 лет, то есть «досрочно»! То была настоящая безжалостная, сухая, враждебная чужбина».

*Памятник на кладбище
Сент-Женевьев де Буа*

Горек оказался хлеб чужбины. Горек и «хруст французской булки», о котором с тоской вспоминали наши сныбы и барды.

Запад, Европа и США привыкли больше брать от России, чем давать... При наличии у нас слабых и жалких правителей Запад с огромным удовольствием указывает России — вон из «приличного общества»... Все их обещания и договоры ничего не стоят... Сколько сил и жизней положила Россия на то, чтобы отбить натиск немцев на Францию и Англию в Первую мировую войну... И что?! Её интересы были отброшены и забыты. Е. Менегальдо в своей книге отмечала: «14 июля 1916 года, как рассказывает Р. де Понфили, «толпа восторженно приветствует части Русского экспедиционного корпуса, участвующего в параде, который проходил на Елисейских полях. Но спустя три года Русский легион, который вместе с французской армией сражался до окончания войны, несмотря на капитуляцию России, уже не участвует в параде Победы. Были забыты и русские добровольцы, которые позже влились в Иностранный легион Франции». Это о нём, об этом легионе М. Волошин писал, что тот стал «местом торговли для русских эмигрантов, которые добровольцами вступали в него, чтобы воевать за Францию». Более того, французы расстреляли русских солдат, когда те, доведённые издевательствами французских офицеров, подняли бунт в деревне Курландон (в 15 км от фронта) в 1915 г.

Шло время... На Западе уходили из жизни и последние могикане монархии... В 1929 г. скончался великий князь Николай

Николаевич, дядя последнего русского императора, тот, с именем которого иные связывали свои надежды на восстановление монархии в России. Так, генерал П. Краснов отчего-то полагал, что тот сумеет победить всю Советскую власть и даже части Красной армии «одним авторитетом своего имени и обаянием своей личности». Вряд ли стоило делать из князя фигуру народного богатыря. Работало и ГПУ. В 1930 г. в Париже исчез глава РОВСа генерал А. Кутепов. Позже выяснилось, что его похитили советские агенты на конспиративной квартире, где он тогда и скончался. В 1937 г. судьбу Кутепова повторил генерал А. Миллер (во время Гражданской войны тот командовал белыми войсками Временного правительства на Севере). Он исчез в Париже так же внезапно, как и Кутепов. Следствие установит и виновных. Его выдали бывший командир Корниловского полка генерал Н. Скоблин, его жена — звезда русской эстрады певица Н. Плевицкая и член Временного правительства, зам. министра торговли и промышленности С. Третьяков. Все трое были советскими агентами. Поверил в освободительную миссию немецкой армии и И. Шмелев, считая, что Гитлер освободит Россию от большевиков. В период фашистской оккупации Франции он публикует в прогерманском печатном органе «Парижский вестник» свои произведения (о прошлой, ушедшей России). К сожалению, от иллюзий в отношении молодого национал-социализма гитлеровского и муссолиниевского толка не удержался даже патриот И. Ильин, писавший в статье «Национал-социализм. Новый дух»: «Пока Муссолини ведёт Италию, а Гитлер ведёт Германию — европейской культуре даётся отсрочка. Поняла ли это Европа? Кажется мне, что нет... Поймёт ли это она в самом скором времени? Боюсь, что не поймёт... Гитлер взял эту отсрочку прежде всего для Германии. Он и его друзья сделают всё, чтобы использовать её для национально-духовного и социального обновления страны». Мы знаем, к чему привели мир Гитлер и К°.

Не знаю, уж какой «блеск русской императорской армии» олицетворял генерал П. Краснов, только служил он гитлеровцам. Непримиимый враг большевизма, встал на сторону Гитлера, «поверив» в слова о даровании свободы России. Эта его эволюция

Русские офицеры в Иностранном легионе

Кутепов в Париже

была подготовлена и прошлыми отношениями с немцами. «Раскаялся» слишком поздно, хотя и слово это тут неуместно. И перед самой смертью завещал внучатому племяннику: «...Что бы ни случилось — не смей ненавидеть Россию. Не она, не русский народ — виновники всеобщих страданий. Не в нём, не в народе лежит причина всех несчастий. Измена была. Крамола была. Недостаточно любили свою родину те, кто первыми должны были её любить и защищать. Вверху всё это началось, Николай. От тех, кто стоял между престолами и ширью народной... Россия была и будет. Может быть, не та, не в боярском наряде, а в сермяге и лаптях, но она не умрёт. Можно уничтожить миллионы людей, но им на смену народятся новые. Народ не вымрет. Всё переменится, когда придут сроки... Воскресение России будет совершаться постепенно. Не сразу. Такое громадное тело не может сразу выздороветь. Жаль, что я не доживу...» Его племянник Н. Краснов попал в лагеря, остался русским, умер на чужбине, узнав «правду» Запада. В компании с Красновым оказался и Шкуро, выступавший с конными номерами в цирке, проводя всё время в попойках с былыми сослуживцами

в Белграде или Мюнхене... Прекрасный кавалерист, он был вынужден зарабатывать на жизнь наездником в цирке. В 1923 г. создал «Союз активных борцов за Россию» («квазифашистский»). Из-за крайних взглядов, высказываемых его лидером, желающих вступить в этот Союз нашлось немного, а потому и значения в эмигрантских кругах он практически не имел. С началом Великой Отечественной войны генерал Шкуро предложил свои услуги фашистской Германии. Вместе с генералом П. Красновым они занялись формированием казачьих частей для гитлеровских войск. Впрочем, Шкуро и тут оставался в своём амплуа. «Куда бы он ни приехал, тут же начинались пьянки, гульба... Не желающий стареть атаман быстро стал кумиром для молодых казаков. Он мог перепить едва ли не любого, знал массу солёных солдатских анекдотов и прибауток, похабных песен... В результате командование формируемых частей старалось не допускать в их расположение седуосого ухара. Тем не менее его вклад в привлечение молодого поколения к службе в рядах вермахта был большим». Шкуро по-своему даже ценили, ибо в представлении фашистских главарей он был олицетворением казачьих вожakov типа Степана Разина, Ермака Тимофеевича, Емельяна Пугачева... Финал его деятельности закономерен. В апреле 1945 г. лидеры воевавшего на стороне Гитлера казачества сдались англичанам, но те выдали их СССР. Согласно ранним договорённостям между союзниками, Краснов, Шкуро, руководитель «мусульман-гитлеровцев» Султан-Гирей Клыч, не-

Генерал Шкуро в окружении гитлеровцев

Казак из сотни Шкуро

сколько их подельников и др. выдаче не подлежали. Но в лагерях для военнопленных к тому времени скопилось немало гитлеровцев всех мастей (в американских — 3,8 млн человек, английских — 3,7 и в советских — 3,16). Зачем англосаксам кормить столько ртов, к тому же воевавших против них! Эти заметные фигуры Белого движения, предатели родины были повешены. Справедливый итог. Истинные русские люди (не жалкая подделка) так созданы, что всем готовы жертвовать ради и во имя России. Ну а есть те, кто предадут, готовы служить врагу, прикрываясь фразами. Эти недостойны называться её детьми, заслуживая проклятия!

Недавно в Чили арестован сын генерала П. Краснова, М. Краснофф. Он подтвердил пословицу: «Яблоко от яблони недалеко падает». Боевым офицером тот не был, а стал сотрудником репрессивной охраны. И его «коронным номером» стали аресты, пытки и издевательства над чилийскими согражданами. В августе 1967 г. М. Краснов окончил военное училище в звании младшего лейте-

нанта пехоты. В 1974 г., пройдя курс боевого ориентирования в американской военной школе в Панаме, Краснов занял первое место среди 65 офицеров латиноамериканских государств. Был прикомандирован по возвращении в Сантьяго к управлению национальной разведки, органу безопасности Чили, созданному хунтой Пиночета для нейтрализации разных «марксистских подрывных групп», действовавших на территории Чили. Добавим, что орган безопасности назывался ДИНА и запятнал себя серией самых зверских убийств. Его сотрудники не просто уничтожали инакомыслящих. Они их пытали, калечили, доводили до безумия... Так вот, «наш доблестный» Краснофф, несмотря на молодость лет, стал одним из самых изощренных палачей ДИНА, так сказать её «мозгом» и самым безжалостным её исполнителем. Его карьерный путь в Чили — от младшего лейтенанта до генерала — усеян предсмертными криками и стонами многочисленных жертв. Впрочем, дадим слово тут немногим из чудом уцелевших «врагов» «доблестного генерала» Красноффа. Говорит Лус Арсе, социалистка, которая не выдержала пыток, предала своих товарищей и стала сотрудницей ДИНА. «Потом меня начали допрашивать. Вопросы, удары сопровождались непристойностями: «посмотрим, девственница ли ты», и загоняли во влагилице разные предметы... На следующий день всё повторялось... Потом зашел кто-то, кого я не знала, и сказал: «Готово, подонки». Это и был Мигель Краснофф, лейтенант, входивший в состав ДИНА». И тем не менее по поводу ареста генерала-палача, сына предателя, ныне сокрушается российский союз «Имперец» и псевдодемократическая «Независимая газета». «Известия» даже выдали и интервью «безвинно осужденного генерала». Воспели бы тех, подонки, кто в тяжелейшие годы борьбы с фашизмом встали на защиту их родины, Советского Союза, хотя ранее сражались с коммунизмом и были изгнаны с родной земли. Среди них был и сын известного террориста и борца с большевизмом Б.В. Савинкова (Лев Савинков сражался в рядах бойцов республиканской армии в Испании против Франко). А сколько тех, кто помогал напрямую Красной Армии и СССР в битве! Ну нет, эти темы не в моде. За них не заплатят мерзавцам-журналистам ни наша, ни международная свора!

О судьбах эмигрантов осевший в США Г. Мейер писал: «Нельзя забывать, что судьба оказалась нам двойную — трагическую и комическую — услугу, расселив нас по углам и чуланам, в которых ещё так недавно... выдерживала до срока социалистических уродов, патлатых и лохматых завистников, накопивших неистовую злобу, сокрушивших-таки, наконец, величайшую в свете империю. Запомним урок: на задворках жизни, в её забытых закоулках обретается опыт, вырастают силы, меняющие судьбы мира. И если все эти Троцкие, Ленины, Бела Куны и Сталины, эти полусущества, порождённые болотными испарениями, эти выходцы из гробов, столь похожие на упырей, на изъятых из клинических банок заспиртованных недоносков, могли своей накопленной злобой изувечить весь мир, то ведь и мы, нынешние обитатели этих самых каморок, кое-что накопили за долгие годы тоски по утраченному отечеству. Многие из нас, посланных на бесплатное обучение в Европу и Америку, научились ценить потерянный рай, научились разбираться в остатках былого, сквозь дым и гарь больше-

вицких кровавых деяний, сквозь ядовитый туман демократической слизи и хляби.

Искупительным страданием, таинством печали мы освятили и обесмертили великое российское прошлое. Мировая история заранее, за долгие годы предредила, сделала неизбежным появление и торжественное шествие по земле всевозможных и бесчестных чудищ от революции. Они спускались с пыльных чердаков, вылезали из затхлых подполий, покидали свои мёртвые пристанища, свои тайные домовины и, заражая смрадной пропагандой города и веси, отравляя, околдовывая души, ввергли их в беснование, чтобы вслед за тем вылущить из них всё живое и навсегда погрузить их в мертвенное оцепенение. Но не забудем, что чудища и оборотни действовали коллективно, как и полагается служакам социализма, этим механически-сцепленным между собой автоматам. Мы же, российские изгнанники, объединённые живым страданием... изгнанные правды ради стали подвизаться соборно, и не во имя презренной, слишком человеческой, справедливости, не во имя лицемерного гуманизма, а во имя любви и веры и Христовой победы». Вдумайтесь в сей пассаж.

Слова белоэмигранта, который, говорят, повлиял на создание у президента США Р. Рейгана облика России как «империи зла», не удивляют. Ненависть, злоба, ощущение исторического провала и бессилия смирить великий и непокорный народ — РУССКИЙ НАРОД — заставляла многих эмигрантов так вот говорить. Но обратите внимание на то, что даже они вынуждены, хотя и нехотя признать, что изгнаны «правды ради», т.е. «во имя презренной, слишком человеческой, справедливости». О конечно, господа, для вас, вчера и сегодня, эта слишком человеческая справедливость — «презренна!» Вам ранее неплохо жилось в дворцах, особняках, взирая как на скотов на тех, кто ютится где-то там, на пыльных чердаках, в затхлых подпольях и «мертвых пристанищах». Что вам до них, кто вами же и был превращён в «чудищ» и «упырей»? Но мы вышли оттуда, изгнав из поместий, дворцов хамов буржуазии и царизма, не знающих даже смысла слова «справедливость!» Очевидцом трагедии беженцев был и князь П.Д. Долгоруков, писавший в книге «Великая разруха»: «Белые офицеры торговали

В доме русского эмигранта за рубежом

Я — институтка, я — дочь камергера...

на улицах пончиками и другими предметами. Открывалась масса русских магазинов, столовых ресторанов и различных учреждений до тараканьих бегов включительно. В числе русских ресторанов были и самые лучшие и дорогие в Константинополе. Во многих ресторанах служили русские дамы. Богатые интернациональные клиенты (греки, армяне, левантинцы, евреи, еспаньолы) вносили наиболее соблазна среди них, и немало моральных и семейных устоев рухнуло в Константинополе, который и в обычное время представлял из себя международное торжище со свободными нравами». Так кто же виноват был в том, что князь Г.Е. Львов, премьер первого Временного правительства, провёл остаток жизни батраком на

**Мария Вега
(М.Н. Волынцева)**

виноградниках во Франции, где и упокоился с миром?! Но вот горько-приторный яд ресторанов и борделей, где работали бывшие «сливки русского общества», возможно, был их самой горькой чашей искупления.

Чёрная моль

*Не смотрите вы так сквозь прищур
своих глаз,
Джентльмены, бароны и денди!
Я за двадцать минут опьянеть
не смогла
От стакана холодного бренди.*

*Ведь я институтка, я дочь
камергера,
Я чёрная моль, я летучая мышь.
Вино и мужчины — моя атмосфера.
Приют эмигрантов — свободный
Париж!*

*Мой отец в октябре убежать
не сумел,
Но для белых он сделал немало.
Срок пришел, и холодное слово
«расстрел» —
Прозвучал приговор трибунала.*

*И вот, я проститутка, я фея из бара,
Я чёрная моль, я летучая мышь.
Вино и мужчины — моя атмосфера,
Приют эмигрантов — свободный
Париж!...*

Впрочем, иные и в тех условиях сохраняли былые привычки... И даже находили в эмигрантской жизни свои радости. «Эмигранты, по традиции, надеялись, что революция долго не продлится. Страдая от безденежья, они очень нуждались и снимали комнатухи в самых дешёвых отелях. Тем не менее, они сохраняли все свои былые привычки и терпеливо носили обрушившиеся на них невзгоды. Мои дедушка и бабушка в тех жалких комнатках, которые они снимали, открыли салон, где регулярно принимали гостей, и сами ходили в гости. Собираясь вместе, люди от души веселились и на всех известных им языках обсуждали всевозможные идеи, которые тогда носились в воздухе. По материнской линии мои предки были настоящие «русские европейцы», каких было немало в России до

1914 года», — писала в воспоминаниях француженка русских кровей Э.Каррер д'Анкосс. Жаль, что эти «настоящие русские» так и не смогли понять чаяний народа.

Словно бабочки, будут они порхать из страны в страну, — ныне американцы, англичане, французы, немцы, швейцарцы, евреи — гастролёры, тени, покинувшие отчизну... Таков был писатель-энтомолог В. Набоков, для которого промер гениталий нескольких видов бабочек важнее тех историко-тектонических сдвигов, что произошли в России. Хотя он и утверждал, что «сердцем русский», но признавался, что в Америке ощущает себя счастливее, чем в любой другой стране («я чувствую себя в Америке интеллектуально дома»). Набоков так выразил суть жизненного политического кредо: «Дело в том, что с юности — я покинул Россию в 19 лет — моё политическое кредо остаётся таким же бесцветным и неизменным, как старая серая скала. Оно традиционно до банальности... Свобода слова, свобода мысли, свобода искусства. Социальная или экономическая структура идеального государства мало меня интересует». Их вообще мало интересовало государство, которое покинули, тем более обитавший там народ. Хотя он и утверждал, что его произведения — «своего рода дань России», и он, как *solus ipse* (лат. — персоне), якобы продолжал себя чувствовать русским, а воспоминания о закоулках парка бывшего его загородного имения в России отражались в памяти ярче, нежели живописные ландшафты Кембриджа в Англии или Кембриджа в Новой Англии. Но, гос-

Бунин в эмиграции в Париже

пода... Русский не тот, кто живёт воспоминаниями о родине. Русский тот, кто сражается, борется, творит, создаёт, воплощает и умирает — молча, но с мыслями о России. Кто виноват, что они устремились за рубеж по зову «дудочника»?!

Лучше всего, как и следовало ожидать, устроились воры и министры-коррупционеры, что сбежали за рубеж — в Англию, Францию, США, Германию... В.С. Кобылин пишет: «Все «лучезарные братья» из Временного правительства благополучно перебрались на берега Сены, Темзы и разные другие. Когда начался церковный раскол, «светлые и либеральные» приложили к этому много усилий. В особенности постарался Коковцов. За границу благополучно прибыли *in corpore* господа из Вольной академии духовной культуры». Надежды, что появи-

лись у эмиграции в связи с деятельностью действительно ярких талантливых людей (Ильин, Бунин, Шмелёв, Шаляпин, Павлова и т.п.), увы, вскоре сошли на нет. Отвратительнее всего вела себя богатенькая и «крысятничающая» наша буржуазия. «Так, например, некоторые издававшиеся и морально и физически русские бывшие офицеры были «поланитам» и «неторгующего купца», так много сделавшего для развала нашей когда-то доблестной армии. Я не сторонник физической расправы, но в этом случае я на стороне офицеров». Ох, верно сказал упомянутый И. Кулаев, предприниматель,

Русский ресторан в Париже

сам правнук крепостных: «Порой мне кажется, что наша великая Россия только благодаря лихому и взяточничеству её служилых людей, а также беспечности и халатности в верхах, дошла до такой пагубы, как коммунизм. Все остальные причины, приведшие её к этой пагубе, носили лишь побочный характер». Если кто и был виноват в потрясениях, которые пришлось пережить России — это эгоизм, алчность, равнодушие её правящего класса и знати... И напрасно тот же Бунин пытался переложить на кого-то ещё вину за то, что случилось в России и с Россией: «Мы в огромном большинстве своём не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину. Миссия же наша связана с причинами, в силу которых мы покинули её. Эти причины на первый взгляд разнообразны, но, в сущности, сводятся к одному: к тому, что мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину... В чём наша миссия, чьи мы делегаты? От чьего имени надо нам действовать и представлять? Поистине действовали мы, несмотря на все наши человеческие падения и слабости, от имени нашего Божеского образа и подобия. И ещё — от имени России: не той, что предала Христа за тридцать сребреников, за разрешение на грабёж и убийство и погрязла в мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы, а России другой, подъяремной, страждущей, но всё же до конца не покорённой...» Ха! Добровольно! Конечно, Бунин пристрастен и несправедлив. Предали Россию как раз его сотоварищи, буржуа... Гражданская война имела не только социальное, но и общенациональное значение. Можно сказать, если Февраль разрушил Империю, то Октябрь восстановил её, хотя и в советском, красном обличье. Если бы не большевики, Россию разорвали бы на части многочисленные кандидаты в Наполеоны, в чём им с превеликой готовностью и радостью помогли бы их зарубежные хозяева и партнёры из ряда стран.

Менделеев говорил — «Берегите Русскую землю!» Учёный-патриот видел важ-

нейшую задачу государства Российского в сохранении и охране её рубежей и территорий. Он писал: «Считая здесь не излишним, по отношению к России, заметить, что ей, более чем кому другому в Европе, необходимо быть наготове к обороне по той причине, что она поставлена выгоднее всего остального мира, взятого в совокупности, по отношению к количеству земли, пригодной для промышленных целей». Такой земли, способной к развитию промышленности, во всём мире около 7500 млн га, т.е. её приходится в среднем только по 5 га на каждого, тогда как в России её не менее 1600 млн га, т.е. более чем по 12 га — «для себя и для потомства». Но мы видим, с какой легкостью готовы торговать землями и недрами все, кому не лень, прикрываясь словами о благе народа! Вот и Шамбаров в книге «Белогвардейщина» вынужден признать: в Сибири и по всей стране антисоветские силы, включая «демократов», мечтали о захвате власти: они боролись с Колчаком, красными, друг с другом, вступая в

Д.С. Моор. *Будь на страже!*

реворота Ельцина и К те вновь пришли к власти и хотели остаться. Предатели России! Это они разрушили СССР! Так чего же они хотят ныне? Почитайте «Московский комсомолец», рупор охлократии и буржуазии... В нём и сообщаются планы внешних и внутренних врагов России. «Не только американские, но и некоторые отечественные эксперты считают, что песенка России спета, что рано или поздно — к 2015, 2030 или 2050 гг. она развалится на 6—8 самостоятельных государств со своими валютами, дипломатами и бюджетами. Питеру отводится почётная роль столицы северо-западной части России, ещё не утратившей способности интегрироваться в западное сообщество. Не зря же Петр I именно тут прорубил окно в Европу. Остальным территориям, по сценарию американских спецслужб, повезёт меньше: если не прямо, то косвенно уже очень скоро они попадут под влияние соседних государств. На нашем Дальнем Востоке бал будут править Китай и Япония, Камчатка, Чукотка и Сибирь «лягут» под США. Свои образования получают поволжские регионы и Северный Кавказ... В 90-е годы прошлого столетия, свердловский губернатор Э. Россель от безысходности вынашивал планы создания Уральской республики, жители пограничного Ивангорода ходили по домам и собирали подписи, чтобы войти в состав Эстонии, а юг России тоже бурлил — там мечтали о казачьей республике. Тогда страна удержалась... Но при известном раскладе — затяжной кризис, социальная напряженность — сепаратистские устремления могут превратиться в снежную лавину. Враг не дремлет. Например, Балтийская республиканская партия в Калининграде ратует за выход из состава РФ. Временами в обществе вспыхивает дискуссия на тему: не пора ли восстановить историческую «справедливость», вернуть Калининград-Кенигсберг Германии?» Вновь реанимируются планы по расчленению, уничтожению единой и неделимой России. Самое потрясающее то, что исполнителями планов выступают те же — «либерально-демократическое» отребье.

Если же взглянуть на исторической процесс движения России с высоты времени, то станет очевидным, что «красное колесо» стало естественным продолжением движения царского «белого колеса», выступая в

одних случаях как боевой диск, атрибут, оружие бога Вишну или Перуна, в других же — как колесо бесконечности, остановить которое не под силу не что простым смертным, но и богам... После побед Красной армии над интервентами и белогвардейцами Советская республика получила возможность начать переход от войны к миру. Было ликвидировано большинство фронтов гражданской войны. И хотя в ряде мест всё ещё оставались очаги военной борьбы (Закавказье, Средняя Азия, Дальний Восток), не они теперь волновали лидеров государства. Решение военных задач отходило на второй план перед грандиозным мирным строительством. Pax huic domui!

Выводы таковы: 1) Белая Россия, объединившая силы буржуазии и царской бюрократии, силы офицерства и казачества, поддержанная мощью Запада и Востока, разгромлена наголову Красной Россией, трудящейся Россией; в результате победы в Гражданской войне большевикам удалось сохранить государственность и территориальную целостность России. 2) Развитие мира с этого момента примет куда более справедливое и социально скорректированное направление; 3) Россия стала ориентиром для всего угнетённого мира, партия большевиков — выразительницей идей бедных. Герцен когда-то, говоря о России и русских революционерах, об их политике в отношении Запада, изволил заметить: «Мы являемся одновременно и трупами и убийцами, и болезнями и патологоанатомами старого мира». Примерно то же можно сказать и о большевиках. Хотя с одним важнейшим и решающим дополнением. Они же стали главными врачами и целителями буржуазного мира — с его безжалостной философией, отдавшей на поток и разграбление всю землю. Разумеется, это была иная Россия, не дворянская, буржуазная и интеллигентская, а рабоче-крестьянская, порой грубая и не очень грамотная, даже в спецовках и лагерных телогрейках. Но дело своё она делала! 4) В 1922 г. образован СССР и воссоздан российский цивилизационно-неоднородный конгломерат с сильными имперскими признаками. Вместо белого царя пришёл красный царь — Ленин, затем другой — Сталин. 5) Правда, культура серебряного века почти исчезла, но возникла культура века железного, стального — с

Гражданская война в России

иными песнями: «Гремя огнём, сверкая блеском стали, / пойдут машины в яростный поход, / когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин / и первый маршал в бой нас поведёт!» Уже готов был явиться страшный зверь, имя которому фашизм... И Россия встанет на пути этой фашистской Европы! Победит молодая Россия, половина населения которой была в основном 20—25-летней.

Никто не спорит, Гражданская война в России — это огромная человеческая трагедия, в условиях которой по сути и проходила жизнь ряда поколений наших людей. Она сформировала облик Советского государства, всей нашей жизни, порой суровой и безжалостной к человеку. С другой стороны, именно благодаря победе в Гражданской войне родилось и окрепло Советское государство, из которого мы выросли, которому столь многим обязаны (образованием, культурой, социальными правами, равенством, братством, жизнью и даже смертью). Благодаря победе сохранилась как независимая держава — Россия, а затем и СССР, где на первом месте стоял труженик. Помним, что Союз нам дал; в отличие от выбившихся в свет из крестьянско-пролетарской грязи ничтожеств, ныне уже забывших о тех плодах просвещения, без которых они так и остались бы голью.

Рождение же совершенно нового государства, первого в истории государства людей труда, а не царей и их сатрапов, явилось ответом на вопрос, когда-то заданный Чаадаевым в его начатой, но так и не законченной работе «Отрывок из исторического рассуждения о России». В том труде сей философ написал: «Первый шаг народа на пути, ему предлежащем, почти всегда решает его участь. Народ, который начинает своё поприще добровольным, благородным отказом, отречением от своей беспредельной воли, всегда будет готов на великие жертвования, не будет сам творить судеб, но будет им покоряться великодушно; не будет сам созидать своих гражданских уставов, а будет их принимать из рук своих мудрых самодержцев; в години напасти будет велик своим многотерпением, в дни торжества знаменит своей кротостью; одним словом, он воздвигнет своё величие на безусловной своей покорности к Провидению и к своим царям. Посмотрим, так ли было у нас». Мы видим: вероятно, Чаадаев был прав в отношении «многотерпения» и готовности «на жертвования» и абсолютно не прав в плане утверждения о том, что русский народ «не будет сам творить судеб, но будет им покоряться», что будет слепо или даже покорно принимать гражданские уставы из рук самодержцев. Покорность царям (и буржуазии) — не в нашей традиции. Русский народ готов на жертвы и терпение, но во имя ясной и великой цели. Мы — творцы своей судьбы. Повторяем, в трагизме событий тех лет мы не ищем правых или виноватых... Поступки участников войн и революций редко можно отнести в разряд гуманнейших достижений человечества. Где-то можно согласиться и с П. Сорокиным. В статье «Ещё раз о моральном состоянии России (ответ Е. Кусковой)» он решительно отверг розово-маниловские оценки войн и революций, заметив: «Всё сказанное относится к Гражданской войне. Был здесь у нас героизм? — Был. А были десятки тысяч убийств жителей, изнасилования, грабеж, взяточничество, пытки, пьянство, дикая разнузданность, садизм и т.д. и т.п.? — Были. Почему же «геройство» не помешало им быть? Почему «белое» дело превратилось в «грязное», а «красное» — в «омерзительно-кровавое»? Почему эти «герои» (отряды Мамантова,

Будённого и т.д.) после побед проявляли не столько самопожертвование, сколь нечто другое? Станный альтруизм, вызвавший у нас 1,5 миллиона убитых, пытки че-ки и контрразведки, красное и белое озверение... Или Е.Д. Кускова думает, что всё это пустяки, что раз массы людей убивают под аккомпанемент лозунгов «Интернационала» или «единой и неделимой», то убийство перестаёт быть убийством, а мерзость — мерзостью? Если так, то, право, очень дёшево и легко можно оправдать любое преступление. Будем конкретнее и спросим себя: было ли когда-нибудь в мирное время, чтобы в России за 2—3 года был миллион убийств, десятки тысяч изнасилований, тысячи пыток, стихийный расцвет бандитизма, сотни тысяч зверств, море обмана, спекуляции, хищничества и т.д.? Конечно, нет. А раз так, то этим всё сказано». Ах, Сорокин... Поистине «Марий на развалинах Карфагена» (Плутарх). Ведь сами втянули страну в войны и «реформы», которые заканчивались полнейшим провалом. Но при этом господа твердили упорно в духе фразы Жозефа де Местра, сказанной им в адрес политики и законов Александра I: «Каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает». При чём здесь народ! Ведь не он привёл к одичанию, вызванному войнами, революцией! К этому привели царизм, буржуазно-капиталистические круги развитых стран. Народ как раз и не заслуживал таких мерзавцев во власти, как в России! И вот этим-то всё и сказано!

Взгляды не рождаются из ничего, из воздуха. Они суть производное образа жизни, пристрастий, капиталов и характера человека. Есть люди, и таких достаточно много, которые в России видят одну лишь мерзость. Это — как захоронения чумы или холеры, до поры до времени лежащей в могильниках. Их там и оставить... Но есть, и их абсолютное большинство в России, для коих жизнь эмигранта за границей и даже по-

лучившего в итоге там гражданство мука смертная, нечто, что хуже самой страшной каторги. Им не понять друг друга. Патриоты России всегда были на стороне своего народа. Среди них были и те, кто могли быть причислены к элите империи. Революционер и князь П. Кропоткин обратился с письмом к рабочим Европы: «Трудящиеся культурных стран и их друзья из других классов должны прежде всего заставить свои правительства отказаться от мысли о вооружённом вмешательстве в дела России как открытым, так и замаскированным, в форме ли вооружённой помощи или в виде субсидий разным державам. Россия в настоящий момент переживает революцию того же размаха и той же глубины, какую пережили Англия в 1639—48 гг. и Франция в 1789—94 гг., и все нации должны отказаться от позорной роли, какую во время Французской революции играли Англия, Пруссия, Австрия и Россия. Надо иметь в виду то, что, пытаясь создать строй, в котором весь продукт соединённых усилий труда, техники и научного знания будет принадлежать обществу в его целом, русская революция не является простым эпизодом в борьбе партий. Эта революция подготовлялась с эпохи Роберта Оуэна, Сен-Симона и Фурье почти целым столетием коммунистической и социалистической пропаганды... Западной Европе давно пора вступить в прямое сношение с русским народом, и вам — трудящимся классам и передовой части всех стран надлежит в этом вопросе сказать своё слово» (1920).

На распутье

«На Дону и в Замостье тлеют белые кости. / Над костями шумят ветерки... / Помнят псы-атаманы, / помнят польские паны / кон-армейские наши клинки...» Помним и мы вас, незабвенные герои Великой Народной Революции, и не дадим шакалам буржуазной истории, людям без родины и чести, испоганить и оболгать ваш подвиг! Придёт день, мы низвергнем предателей России и вернём народу Правду!!! Хотя пламя войн, в которых закалялась наша великая страна, явит в будущем разные типы: суровую личность, выросшую в боях, в противостоянии царству самодержавия, капиталу, эгоизму, готовую к борьбе, подвигу, дерзанию, полёту, мечте, самопожертвованию; рядом другой — мелкий, эгоистичный, алчный, с тягой к хамелеонству, лжи, воровству и приспособленчеству... Наступил день мира... Трудовой народ победил и, конечно, ожидал, что теперь-то многие его давние мечты, надежды и чаяния должны воплотиться в жизнь. Священная дорога мира! *Via sacra!* Увы, оказалось, что: «Легче умереть за идею, чем жить в соответствии с ней» (А. Адлер).

В силу многих причин Гражданская война в России приняла жестокий характер. Ей сопутствовали кровь, страшные жертвы. Как писал Есенин: «Было время безумных действий, время диких стихийных сил». Таков неизбежный ход событий. Увы, революций не бывает без жертв, потерь, мучений и страданий множества людей. К сожалению, не стала в этом плане исключением и Русская революция... Но утверждать, как это сделал в английском парламенте лорд Сиденхэм, что в России под еврейским руководством уничтожено 30 млн христиан и это «наиболее ужасное преступление в истории» (1923 г.) — полнейший абсурд! Другое дело, что сделать «гешефт на революции» попытались самые различные люди и группы, в том числе и евреи... Жестокость событий в России потрясла Европу. И всё же цифра в 30 млн очередная выдумка, ложь Запада!

Впрочем, вы убедились, что и «белая кость» относилась к простонародью с лютой ненавистью. Трагично то, что презрение и ненависть демонстрировали не только офицеры-помещики, крупная буржуазия, но и часть «культурной интеллигенции». Это вызвало соответствующие ответные чувства у низов. Так вот ненависть крестьян и пролетариев и правящего слоя станет *взаимной*. Естественно, что в этот адский круг взаимных претензий, недовольств было вовлечено и казачество. Уже в начале 1918 г. по Кубани прокатилось восстание казаков пяти станиц — Бриньковской, Копанской, Ольгинской, Привольной, Ясенской. «Этим было положено начало Белому движению в Гражданской войне, развязанной большевистским режимом против русского народа», — уверял В. Пархоменко. На самом деле, всё наоборот: факты указывают, что Гражданскую войну против народов России развязали помещики, буржуазия и зажиточная часть казачества. Хотя преступная политика Свердлова и Троцкого в отношении казачества также известна. В тех трагических обстоятельствах какие ещё были надобны трудовому народу «предпосылки» для того, чтобы ответить насилием на насилие — поставить к стенке главных виновников строя?! Досталось и интеллигенции — что из барчуков. О том пишут открыто в воспоминаниях даже деятели из белого стана. А вот у красных ненависти к простонародью (если не брать избранную расу) не было в помине. Понятно:

Они убиты Колчаком

Будённые, Ворошиловы, Чапаевы, Шорсы, Фрунзе из той же породы. Это и решило исход Гражданской войны. Хотя жестокостей и казней предостаточно с двух сторон. Предки «не озаботились подготовить демократические условия для смягчения нравов революции».

Великая революция — хотя и рукотворный процесс отдельных личностей, но в ней есть нечто и планетарное, нечто от «катка истории», катка масс, что сминает на своём пути контрреволюцию. Октябрь 1917 г. показал, что Русская (большевистская) революция произвела в обществе глубокие изменения, ликвидировав частную собственность, эксплуататорские классы. Причём то была именно социалистическая революция, потому что она «устремлена к социальной справедливости и к равенству» (И. Фроянов). Потому мы вправе называть и величать её Великой, ибо она соответствовала желаниям, надеждам трудящихся всей России (А. Громько).

В результате Октябрьской революции весь народ (а не только «элита») почувствовал себя хозяином своей судьбы. Народ стал субъектом политической жизни страны, ощутил свою силу, поверил в реальность давней мечты о возможности построения общества на принципах равенства, социальной справедливости. Невзирая на страдания и жертвы, выпавшие на его долю, смог в исторически короткий отрезок времени осуществить величайшие преобразования в сфере социальных отношений, экономике, образовании, культуре. Впервые в истории человечества, а не только в истории Российского государства, были воплощены в жизнь принципы справедливости и равноправия граждан в обществе. История раньше не знала строя, где не собственность и деньги, а подвиг, порыв, патриотические чувства, труд всего сообщества стали для многих поколений (для сотен миллионов советских граждан) важнейшими жизненными ценностями. СССР приступил к решению важнейших задач — ускоренной индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Хотя и на этом пути жда-

Парад красных победителей в Русской Революции

ли немалые трудности и жертвы... Беспрецедентная вакханалия развязана вокруг советского периода истории и Великой Октябрьской революции... Эта кампания тотальной лжи развязана пришедшей к власти воровской буржуазией, её клеветами. Враги народа оплачивают и массовые тиражи книг, фильмы, телепрограммы, конференции, газетные статьи, партии, где платные куклы и лицедеи театра политического абсурда ставят под разными вывесками пьесу «Власть компраторов в России». Пытаются разрушить Правду о Великой Русской Революции. Цели их ясны — раз и навсегда пресечь саму мысль о возможности прихода к власти трудового народа. Это в свою очередь стало одной из причин социально-психологического, духовно-нравственного кризиса и упадка, в котором пребывают народы бывшего Советского Союза. Представить XX век без Октябрьской революции, без Великой Русской Революции невозможно... История человечества без неё пошла бы в ином, глубоко трагическом направлении... Сегодня битва за социализм вступает в новую стадию. Можно считать пусть и не победой, но прозрением народа то, что патриоты всё чаще побеждают в схватке за честь России, а буржуазные демагоги и предатели с позором покидают ристалище. Октябрьская революция, победа трудового народа живёт не только в энциклопедиях и справочниках, но и в его сердцах.

В дальнейшем после победы социалистической революции в России наступили трудные времена. И одной из причин этих трудностей, помимо огромного числа объективных внутренних проблем, стало ошибочное, как нам представляется, положение Ленина о неизбежности мировой революции... Ленин был убеждённым сторонником марксистской теории мировой пролетарской революции. В «Прощальном письме швейцарским рабочим» (1917) он, хотя и говорил о российской революции как о первооткрывателе полосы пролетарских революций, утверждал, что построение социализма в России невозможно вне победы мировой революции: «...Россия — крестьянская страна. Одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм... Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистической революции. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для неё, который в известном смысле начнет её». Спустя год, выступая на VII съезде РКП(б), Ленин теоретически обосновал необходимость именно *мировой пролетарской революции*: «Величайшая трудность

русской революции, её величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, вызвать международную революцию, проделать этот переход от нашей революции, как узко национальной, к мировой». Именно ради этих целей Лениным был создан и Коминтерн. Подобный курс, за которым стояло его неверие в силы народов (в первую очередь, великого Русского народа!), и станет причиной ряда трудностей и ошибок. Это обусловит жесточайшую схватку между экспортёрами революций, троцкистско-зиновьевско-каменевской пораженческой группой, и ядром Сталина, за которым большая часть людей труда, партия бойцов-победителей, сражавшихся до конца и выигравших битву модернизации СССР! Но чтобы одолеть не только внешних врагов, но и внутреннюю контрреволюцию, которая была представлена новой советской номенклатурой, многие члены которой были, как и ныне, «детьми Моисея», потребовались колоссальная воля и мужество русско-кавказской, православно-мусульманской части советского общества. Возглавил битву народов, великий русский прорыв вождем Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин.

Глава 22. Всемирно-историческое значение Великой Русской Революции

Каковы первые впечатления от уроков Октября? Главное, что нам хотелось бы выделить и подчеркнуть, Великая революция в России в 1917 г. — событие исторически абсолютно неизбежное и закономерное, каковыми представляются и Великая Французская, Английская или Американская революции. Среди причин, её породивших, назывались разные: мировая война, раскол общества, слабость парламентской демократии, маргинализация населения, влияние масонов и т.п. Иные видели в ней технический казус. Георг фон Раух сказал: «Большевизм — это явление технического массового столетия, громадный факт двойного значения. Одна сторона его есть продукт рационализации и механизации человеческой культуры, тогда как другая означает призыв, обращённый к иррациональным силам и демоническим инстинктам, которые идеализм и гуманизм считали давно уж изгнанными». Как ни странно, при объяснении причин Октября делают акцент не на рациональные моменты. Критики напоминают слепцов или сознательных демагогов, не желающих видеть леса за срубленными кустиками худосочной монархии. Сегодня вновь задаются вопро-

сом: а была ли социалистическая революция 1917 г. неизбежной? Были ли у России иные пути развития? Прошел почти век с тех трагических и приснопамятных дней. Однако и сегодня нет никакого единодушия по важнейшему вопросу.

Октябрьская революция — выдающееся и, безусловно, главное событие XX в. Признание её исторического значения делает невозможным понимание всей истории XX в. Событие такого масштаба по природе своей не может быть сведено к действию случайных и уж тем более противоречащих отечественной и мировой истории сил. Событие такого масштаба можно понять лишь в контексте всей истории как один из узловых пунктов, отразивших в себе коренные противоречия своего времени. Выясняется, однако, что и нынешнего тоже.

Глубокая всесторонняя оценка причин, приведших к победе большевиков в России, дана была Сталиным. В 1924 г. он объяснил, что три обстоятельства внешнего порядка определили ту сравнительную лёгкость, с какой удалось пролетарской революции в России разбить цепи империализма и свергнуть, таким образом, в стране власть буржуазии. Во-первых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в период отчаянной борьбы основных империалистических групп, англо-французской и австро-германской, когда эти группы, будучи заняты смертельной борьбой между собой, не имели ни времени, ни средств уделить серьёзное внимание борьбе с Октябрьской революцией. Безусловно, это имело громадное значение для революции, ибо оно дало ей возможность использовать жестокие столкновения внутри империализма для укрепления и организации своих сил. Во-вторых, то, что революция началась в ходе империалистической войны, когда измученные войной и жаждавшие мира трудящиеся массы самой логикой вещей подведены к пролетарской революции, как к единственному выходу из войны. Это обстоятельство имело серьёзное значение, ибо дало в руки революционеров мощное орудие мира, облегчило им возможность соединения советского переворота с окончанием ненавистой войны и создало, ввиду этого, массовое сочувствие как на Западе, среди рабочих, так и на Востоке, среди угнетённых народов.

**Что дала Октябрьская революция
трудящимся!**

В-третьих, наличие мощного рабочего движения в Европе, вызревание революционного кризиса на Западе и Востоке, созданного продолжительной империалистической войной. Это имело для революции в России неоценимое значение, ибо обеспечило ей верных союзников вне России для борьбы с мировым империализмом. Кроме обстоятельств внешнего порядка, Октябрьская революция имела и целый ряд внутренних благоприятных условий, облегчивших ей победу. Главным из них Сталин считал следующие... Октябрьская революция имела за собой активнейшую поддержку громадного большинства рабочего класса России. У нас наблюдалась и небывалая концентрация русской промышленности. «Известно, например, что в предприятиях с количеством рабочих свыше 500 чел. работало в России 54 % всех рабочих, между тем как в такой развитой стране, как Северная Америка, в аналогичных предприятиях работало всего 33 % всех рабочих. Едва ли нужно доказывать, что уже одно это обстоятельство при наличии такой револю-

ционной партии, как партия большевиков, превращало рабочий класс России в величайшую силу политической жизни страны». Её поддерживала крестьянская беднота и большинство солдат, жаждавших мира и земли. Революция имела руководящие силы партии большевиков, сильных опытом и железной дисциплиной, выработанной за годы, да и прочными связями с трудящимися.

Критики «коммунизма» относятся к Октябрьской революции в России с большим уважением, говоря, что событие подготовлено десятилетиями истории и даже несколькими эпохами. И. Дойчер в «Незавершенной революции» пишет: «И тем не менее некоторые теоретики и историки всё ещё считают Октябрьскую революцию явлением почти случайным. Кое-кто утверждает, что революции в России могло и не случиться, если бы царь не настаивал столь упорно на исключительных правах своей абсолютной власти и пришёл к соглашению с лояльно настроенной либеральной оппозицией. Другие говорят, что удача не сопутствовала бы большевикам, если бы Россия не ввязалась в первую мировую войну или если бы она вышла из неё вовремя, то есть до того, как поражение вызвало в стране хаос и разруху. Они считают, что большевики победили из-за ошибок и просчётов, допущенных царем и его советниками, а также теми, кто пришел к власти сразу после падения царя. Нас хотят заставить поверить, что эти ошибки и просчёты случайны, что они — результат суждений или решений того или иного отдельного лица. Без сомнения, царь и его советники наделали немало глупых ошибок. Но они совершали их под нажимом царской бюрократии и тех представителей имущих классов, которые делали ставку на монархию. Не были свободны в своих действиях ни февральский режим, ни правительства князя Львова и Керенского. При них Россия сражалась в войне, поскольку они, как и царские правительства, зависели от тех русских и иностранных центров финансового капитала, которые были заинтересованы в том, чтобы Россия до конца участвовала в войне на стороне Антанты. Эти «ошибки и просчеты» были социально обусловлены. Справедливо также, что война резко обнажила и обострила гибельную слабость старого режима. Но не война — решающая причина

П. Филонов. Рождение первенца

этой слабости. Революционные толчки потрясали Россию еще до войны: уже летом 1914 года улицы Санкт-Петербурга покрылись баррикадами. Начало военных действий и мобилизация остановили нарождавшуюся революцию и задержали её на два с половиной года, после чего она разразилась с ещё большей силой. Даже если бы правительства князя Львова или Керенского вышли из войны, они сделали бы это в условиях столь глубокого и серьёзного социального кризиса, что большевистская партия, возможно, всё равно победила бы, если не в 1917 году, то позднее». Историк, слепо стремящийся доказать, что «революция — это, в сущности, ряд никем не предвиденных событий, окажется в таком же беспомощном положении, в котором оказались политические лидеры, пытавшиеся предотвратить её». Отрицающие закономерность социалистической революции в России, не только не в ладу с диалектикой и логикой, но, по сути, защитники косного взгляда на непрерывную эволюцию мира. Они, говоря словами Гегеля, образчики «духовной тупости», а не «культуры духа».

Явление это не ново... А.С. Изгоев в сборнике «Из глубины», говоря о большевиках, признавал, что под каждым своим

декретом они могли бы привести выдержки из писаний не только Маркса и Ленина, но всех русских социалистов, а также сочувствующих им лиц. Словно обращаясь к тем, кто очень хочет представить ныне эту революцию случайностью, он пишет: «Для будущности России важно, чтобы социалистической и радикальной интеллигенции не дано было возможности переложить на одних большевиков идейную ответственность за крах всей системы идей. Мы вправе сказать, что сама логика русской истории, как и действия многих поколений демократов и революционеров практически не оставляли иного выхода русскому народу, как только ринуться в свирепую пучину социалистической революции, как-то попытаться справиться с её бушующими волнами... «Никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь и не герой, добъёмся мы освобожденья своею собственной рукой». Масса была втянута в революцию всем развитием событий в России. Весь идейный багаж, т.е. всё духовное оборудование с передовыми бойцами, застрельщиками, агитаторами и пропагандистами, дала и той и другой революциям интеллигенция, хотя ударными отрядами выступали распропагандированные рабочие, солдаты и матросы, студенческая молодежь, а зачастую (и) преступные элементы. Хотя вскоре, будучи напуганы революционным настроением народных масс (уже не только призраком коммунизма, но и вполне реальным восстанием крестьян, вооруженных солдат, матросов, пролетариев), либералы, демократы ринулись в попятном направлении». Они заявили, что «социальная революция в строгом смысле слова вообще невозможна», и поэтому её надо бы понимать, дескать, «только иносказательно», т.е. как мишуру и обман (Бердяев). Массы же приняли революцию вовсе не иносказательно, а, можно сказать, всем сердцем и плотью. Именно трудящиеся увидели в этом явившемся на свет ребёнке, крик которого стал символом надежды для мира, своё будущее! Мир увидел в нём первенца. Это была их власть, их детище!

О причинах революции высказался патриарх социалистической мысли в России, анархист П. Кропоткин... Вопреки тем, кто видел в ней «козни дьявола» или только «заговор иудеев», он честно и откровенно заявил незадолго перед смертью, что револю-

ция представляет совершенно естественный феномен, независимый от человеческой воли отдельных людей, а её наступление вызвано «тысячью причин»... Кропоткин, говоря о великой Французской революции, избегал термина «буржуазная революция». Он предпочитал определение «великая революция» (хотя писал «великая революция» или «великая французская революция» строчными буквами, как бы констатируя факт её общезначимости). Большевицкая революция была и есть продукт не какой-то одной партии, но «всех нас», т.е. участников первой, второй и третьей революций. Она результат пропагандистской работы, усилий многих поколений социалистов, а также, что знаменательно, новейших требований и достижений науки и индустрии. Подобно могучей буре, она выбрала свой собственный путь, не пошла дорогами, уготовленными ей. Люди бессильны воспрепятствовать её ходу или перенацелить её движение. Теперь перед революционерами стоит главная задача: «после того как революция утихнет, найти людей способных к конструктивной работе». Великая французская революция в трактовке Кропоткина была одновременно и буржуазной и народной. Политическое преобладание буржуазии определило общие итоги революции, но она вместе с тем обеспечила народные завоевания. Своим участием народ добился в известной мере закрепления своих политических прав и реализации экономических интересов. «Крестьянин наедался досыта в первый раз за последние несколько сот лет. Он разгibal наконец свою спину! Он дерзал говорить!» Почувствовав себя полноправным хозяином на земле, французский крестьянин смог реализовать исконную любовь к ней, уменье с ней обращаться и трудолюбие. Благодаря революции Франция сделалась не только «страной зажиточных крестьян», но ещё и «самой богатой по своей производительности». Так появился важный социальный ориентир, к которому, на тот период истории, долгие годы будут прикованы все взоры человечества.

Многие ныне забыли, что социализм в конце XIX — начале XX вв. стал в Европе и США в известном смысле «столбовой дорожкой» общественного развития... Вспомним теорию «либерального социализма» профессора социологии Ф. Оппенгеймера

(1864—1943), автора многотомной «Системы социологии». Не вдаваясь в суть, заметим, что хотя он и был противником социалистического государства с общественной собственностью на средства производства и плановой экономикой, но всё же ратовал за «либеральный социализм», понимая под этим общество с рыночной экономикой и частной собственностью на средства производства. В таком обществе не будет крупной земельной собственности, но в нём установлено минимальное вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Как бы там ни было, но социализм стал законным чадом буржуазной цивилизации. Но что позволено Европе, разумеется, не позволено России! Россия и социализм?! Что могло быть «нелепее»? Поэтому в отношении большевиков социалисты Запада были единодушны: те не смогут удержать власть в России. Когда пришло известие о восстании пролетариата в Петрограде, К. Гюисманс, секретарь II Интернационала, организовавший

*Обелиск 1-й Советской конституции
(не сохранился)*

стокгольмскую конференцию мира, смеясь, заявил: «Через 8 дней они будут разбиты». В том же духе высказался и президент США Вудро Вильсон. Когда ему принесли доклад о свержении Временного правительства и воцарении большевиков, он, не прерывая игры в гольф, назвал членов нового коммунистического руководства в России пустыми фантазерами и предрёк поражение.

Таким образом, можно сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, победа большевиков в Октябре 1917 г. была достигнута относительно бескровно, что позволяет говорить если не о популярности, то уж о готовности трудящихся согласиться с переходом власти из рук буржуазного правительства в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Во-вторых, с первых шагов эта власть столкнулась с ожесточенным сопротивлением фактически всех буржуазных сил России — от монархистов до кадетов, либералов и даже социалистов. В противниках оказалась и значительная часть разночинной интеллигенции, которая ранее постоянно осуждала царизм, призывая народ к проявлению недовольства самодержавием. В-третьих, данные народу обещания Советская власть выполнила. В частности, был заключен Брестский мир, а крестьянам на уравнильно-трудовых началах были переданы во владение значительные наделы земли. В-четвёртых, большевики оказались вынуждены, осуществляя функции управления страной, с самых первых дней отойти от некоторых идеальных представлений о новом строе (о коммуне, рабочем управлении, свободах и т.д. и т.п.). В-пятых, народ предстал в подлинном обличье (увы, порой и диком), что поставило вопрос о диктатуре. Это — единственное условие выживания для России. Это могла быть любая диктатура — БЕЛАЯ или КРАСНАЯ!

Конечно, в том, что происходило в Советской России будет много, как сказал бы Бердяев, «элементарного цивилизирования рабоче-крестьянских масс», что выходит из трясины безграмотности. Так в этом и смысл социализма. Он всех и вся уравнивает за партой — тут нет ни иудея, ни эллина, ни татарина, ни русского... Слова же о самодержавии народа оказались пророческими и точными во всех смыслах... Ленин и Сталин стали «красными царями». Этого-то

и не могут им простить так называемые «друзья России». Сломали одну империю — и вот уж возникла другая... И здесь патриот, имперец, истинный друг и защитник России должен быть последователен! И что если у России одно время был даже профиль царя Давида! Ну и что из того если новый имперский орёл слетел то ли с горы Сионской, то ли с горы Кавказской?! Конечно, куда как лучше бы иметь русских царей! Как ныне. Важно иное: оба вписались в матрицу российского массового сознания. Ленина обожествили, а с именем Сталина на устах в годы Великой Отечественной шли умирать. А самодержцы-большевики как раз и отражали волю большинства народов России! Сталин, вспоминая слова Ленина на XI съезде РКП(б), писал: «В народной массе мы (коммунисты) всё же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознаёт. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится». Именно совет-

Наука, образование, культура — народам!

ские самодержцы — Ленин и Сталин — как раз сдвинули ход истории с мёртвой точки, вернув России её мощь и славу. Об этом говорили даже и монархисты ещё в 1916 г., предвидя скорый приход «мужицкого царя».

Большевикам почти всё и вся приходилось делать заново, т.е. фактически писать историю страны с белого листа. Политически тут были и плюсы, ибо наш народ с надеждой воспринял их приход к власти. Характер народных настроений понимал ещё Макиавелли, говоря: «Если благоразумно соблюдать описанные выше правила, то новый князь становится как бы исконным, и власть его сразу делается крепче и обеспеченнее, чем если бы он правил с древних времён. Ведь новый князь куда больше, чем наследственный, привлекает внимание к своим поступкам, и если в них сказывается его сила, то она действует на людей гораздо больше и привязывает их куда крепче, чем древняя кровь. Ведь события настоящего захватывают людей много больше, чем дела минувшие, и когда люди в настоящем находят благо, то радуются этому и не ищут другого; напротив, они будут всячески защищать нового князя, лишь бы он в остальном был на высоте своего дела». И большевики отвечали образу «нового государя». Ленин хорошо усвоил истину, которую высказало «Русское знамя»: «В сознании народа царь не может быть царём кулаков». Он, «красный царь», им не был, а вот Романовы, Керенский, всякие генералы-адмиралы были. Ну, бедняки и пошли за Лениным! Так и сегодня: не могут быть президент и премьер России «царями» олигархов и магнатов-воротил. Иначе им конец.

Присутствие в партии обширного, мощного отряда еврейских вождей заставило Сталина пойти на сначала ограничение, а затем и на вытеснение их из верхних эшелонов власти в СССР. Стоит в этой связи вспомнить план брошюры «О политической стратегии и тактике русских коммунистов» (1921), квинтэссенции его кадровой философии и политики. Сталин по-новому увидел роль партии: «Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность. Значение старой гвардии внутри этого могучего ордена. Пополнение старой гвардии новыми закалившимися за последние три-

Рыцарь Народного Ордена

четыре года работниками». Сталин и стал рыцарем и вождем Народного Ордена.

Рой Медведев в книге «О Сталине и сталинизме», правда, сказал, что сравнение коммунистической партии с церковно-рыцарским орденом «Братьев Христова воинства» («титул» ордена меченосцев) могло прийти на ум бывшему семинаристу, но не Ленину или Марксу. Маркс называл эти ордена «крестовой сволочью». Но Сталину импонировало строго иерархическое построение ордена меченосцев — по четырём рангам. «Тот факт, что записка Сталина была опубликована только в 1947 году, показывает, что мысль о превращении партии в подобие религиозного ордена, а затем и о создании внутри партии и государственного аппарата какой-то тайной элиты ордена, особой касты «посвященных» долго не оставляла Сталина. Эту мысль он высказывал в узком кругу ещё в конце 30-х годов. Создание тайно оплачиваемой при помощи «пакетов» номенклатуры было, несомненно, шагом именно в этом направлении»... Идеи Сталина Медведев не понял. А было бы правильнее и умнее, с учётом нашего опыта, сравнить партию большевиков на первом, ленинско-троцкистском этапе уж

скорее с высшими кадрами синедриона. Сталин понимал: чтобы убрать этот самый «орден синедриона», так или иначе необходим был иной могучий орден, как его не называй (ЧК или КПСС). Поэтому стал зачищать аппарат сразу же, как только ему реально представилась такая возможность... О том, сколь беспощадной и смертельно опасной была эта битва, говорят и описанные моменты схватки за власть. Об этом говорят и известные события, которые начались ещё до смерти Ленина. О том, что внутри партии большевиков сложились различные «уклоны» было известно давно. Гражданская война на время притупила борьбу между ними. Но уже в последней фазе жизни В.И. Ленина развернулась борьба не между «старой гвардией» большевиков-ленинцев и новой гвардией сторонников Сталина, как порой пишут, а между двумя видениями путей развития России. По сути, речь шла о том, какую Советскую Россию будут строить, кто в ней будет играть ведущую роль. Не вдаваясь в суть позиции «уклонистов», куда входила широкая группа политиков (Троцкий, Антонов-Овсеенко, Бубнов, Муралов, Преображенский, Пятаков, Серебряков, Осинский, Сапронов, Зиновьев, Каменев, Крупская, Рыков, Бухарин), можно сказать: все они выступали не только против авторитаризма Сталина, тисков «сталинского обруча» и его «тройки» (Сталин, Молотов, Каганович), а против индустриализации. Обвинения, выдвигаемые со стороны оппозиционеров в адрес группы в зажиме «демократии» и «бюрократизации», неубедительны. Старые партийцы не хотели уступать место молодёжи: только за полгода после смерти Ильича 21 января 1924 г. число членов партии увеличилось в 1,5 раза, на 230 тыс.

Порой можно услышать: ни одна революция «не кончалась таким позором», как Октябрь 1917 г., она ничто по сравнению с триумфом «великих» буржуазных революций Франции, США, Англии. Иные утверждают, что Октябрьская революция была ничем иным как торжеством плебейских элементов в России, так сказать торжеством *vulgus profanum* (лат. — непосвященной и вульгарной толпы). Итогом этих событий, дескать, стало уничтожение имущественных и образованных слоёв и всеобщая «дебилизация» общества. М. Рейман из

Вольного института (Берлин) писал: «Последствием всего этого была полная плебизация общества. Утрата большей части прежних элитарных слоёв означала громадные потери общественного опыта, опыта общественной организации и оформления социальных интересов, культурного и научного потенциала, производственно-технических знаний. Это сопровождалось настроениями антиевропеизма, направленными против ряда элементов европейской культуры, как и европейского культурного слоя в России в целом... в ходе этой революции была прервана преемственность модернизационного процесса. Механизмы этого процесса, как и его дореволюционные результаты, были ликвидированы, общество было во многих отношениях отброшено назад». Да, было и такое. Было. Мы потеряли массу людей. Безумно их жаль... Но тот глупец, эгоист, негодяй, кто увидел в великой русско-еврейской революции лишь триумф «шариковых», ничего более.

Историки (многие из них были «коммунистами» и «социалистами») чаще делают акцент в оценке событий на «масонах», «теориях заговора». Делают это с плохо маскируемой целью: показать «чужеродность» идей Октября русскому духу. В данный момент Россия переживает переходный период. Ситуация отличается от 1917 г., но видим и некоторые схожие моменты в состоянии общества и противостоянии политических сил, прежде всего в глубоком социально-экономическом расслоении миллионов людей в России. Вновь у нас два лагеря... С одной стороны те, кто нахал

М. Булгаков. «Собачье сердце».
Шариков и проф. Преображенский

богатств и преуспел в годы первоначального капиталистического накопления. Это воровской, бюрократический капитализм. Он составляет силы контрреволюции. Эти горой за новые порядки. С другой, те, кто во главу угла ставит интересы трудового народа, кто в ладу с истиной, делом и совестью, кто за законность и порядок. Эти готовы сражаться за справедливую Россию. Немало и во власти тех, кто даёт в целом позитивную оценку Октябрю. И это так же важно, как продолжение рода, как «альфа» и «омега». М. Лившиц пишет: «История не сказка, рассказанная идиотом, как говорит Шекспир... Если взглянуть на дело с этой единственно верной точки зрения, то всякий честный человек должен будет сказать, что Октябрьская революция означала не развязывание иррациональных сил и демонических инстинктов, а великую победу над ними. Революция сделала то, что не могли сделать ни пацифисты, ни гуманисты, ни квакеры, ни четырнадцать пунктов велеречивого президента Вильсона. Она рассеяла кровавый туман над Европой и показала дорогу к миру... Исполнение реальных заповедей Октябрьской революции — вот что нужно современному миру, чтобы оставить далеко позади законы Моисея и Магомета, слова сокрушения и любви блаженного Августина и святого Франциска. Нет, не беден нравственным смыслом мир Октябрьской революции, и счастлив тот, в ком не погасли зажжённые ею огни... Многие великие истины, известные ещё с древних времён, получили новое крещение в дни Октября, многие практические идеи нашей революции постепенно отразились в завоеваниях трудящихся далеко от нас».

Жестокости и преступления совершали в той войне обе стороны... В то же время для русского человека любой веры, нации, сословия, убеждения нет на свете ничего, что было бы дороже и ближе России. В работе «Правда большевистской России» Н.В. Болдырев (1882—1929) написал: «Россия — единственная тема нашего времени, строгого, чистого и ясного. Или молчи, или облеку в слово правду России, *tertium non datur*. Правда, как настоящая, подлинная жизнь России, источник всех наших отдельных жизней... Конечно, правды ни у кого нет в отдельности, и меньше всего её у самих большевиков, потому что: правда — это

не они, правда — это сама Россия, хотя бы и большевистская Россия нашего времени. И у нашего времени есть правда, потому что и в наше время существует Россия, и мы можем спокойно и гордо сказать: «Да, мы русские большевистской России». Мы — из этой России... И к чести наших народов сегодня в наших рядах всё меньше и меньше тех, кто полагает, что истину можно найти, роаясь в заблуждениях, преступлениях или ошибках великих, что можно забыть собственную историю, густо замазав её чёрной краской... Лишь изгои общества, продажные писаки, пииты бандитского капитализма, обслуживающие олигархов, готовы видеть в Октябрьской социалистической революции чуждый народу государственный «переворот, совершенный ночью с применением насилия», и ничего более. И эти демагоги заявляют, что придёт время, когда призовут к ответу «правопреемников тех, кто совершал в 1917 Октябрьскую революцию». Абсолютное большинство народа думает совершенно иначе, ибо живёт в эпоху ещё большего расслоения общества, чем перед 1917 г.! На самом же деле Октябрьская революция — это ничто иное как невиданная в истории демократизация масс!

Благодаря большевистской революции, благодаря приходу к власти пролетариев на смену одному старому интеллигенту пришли 100 новых! На все эти злые и несправедливые упреки (в самой их сути, ибо «певцы буржуазии», как видим, достойной жизни народу не дали и вряд ли когда-либо дадут) мы ответим строками Беранже:

*Известно всем — с двумя дворами
кряду
Сражался я — и честь народа спас...
Его певцу достанься же в награду:
Мой вкус и я — мы из народных
масс...*

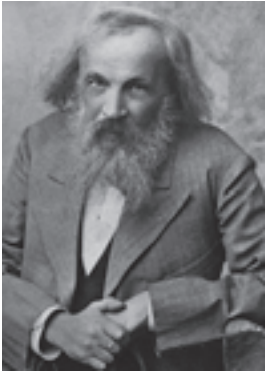
Индийская пословица гласит: «Из всех сокровищ знание всех драгоценнее, потому что оно не может быть ни похищено, ни потеряно, ни истреблено». В царской России у большей части народа не было ни земли, ни частной собственности, ни парламентских свобод, ни сокровищ знаний, конечно, ни культуры и образования... С чем пришла Россия на рубеж начала XX века? Стоит вспомнить статью Ленина «К вопросу о по-

Идут в будущее. За веру, за волю, за лучшую долю

литике министерства народного просвещения» (1913), базирующуюся на данных правительственного ежегодника. Данные объективны. Расходы на просвещение в стране возросли за 6 лет (1907—1913) почти втрое (с 46 до 137 млн рублей). Прогресс действительно колоссальный. Однако сравнение уровней образования в России, Европе и Америке не даёт оснований не только для восторгов, но и просто для сдержанного оптимизма. Уж слишком резкий контраст. В России перед первой мировой войной на 1000 жителей менее 50 учащихся, 4/5 детей и подростков вообще нигде не учатся (учатся 4,7 % из 22 % детей школьного возраста). Лишь 21 % населения грамотен (данные 1908 г.). В передовых же странах Европы (Швеции и Дании) неграмотных нет вовсе, а в Германии и Швейцарии — всего 1—2 %. Даже в относительно отсталой Австро-Венгрии условия жизни, образования выше и лучше. Выходит, что как бы ни тужились нынешние мавилы, а действительно такой «дикий страна», где бы массы народа были бы настолько «ограблены в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России». Понятно, что неграмотный — это тот же слепой... Неграмотность порождает невежество, а «невежество — это сумерки, там рыщет зло» (В. Гюго). Бесспорно, нельзя не замечать и прогресса капитализма, и успехов просвещения, и достижений российской науки. В научном отношении Россия сделала ог-

ромный шаг вперёд. Все крупные русские учёные мирового уровня явились в дореволюционную эпоху (Менделеев, Сеченов, Попов, Павлов, Тимирязев, Циолковский, Вернадский, Вавиловы, Штернфельд, десятки ярчайших имён). Причём, то были дети из самых разных слоёв общества... Плеханов, Чичерин — потомственные дворяне, Циолковский — сын лесничего, Кржижановский — сын математика и юриста, Капица — из семьи инженера, Берг — из семьи военного, Водовозов и Штернфельд — из купцов, Вавиловы — из крестьян (прадед был крепостным), Вахтеров — сын охотника и т.д. и т.п. А если добавим сюда ещё и русских инженеров (или «розмыслов», как их некогда величали на Руси), то и вовсе преисполнишься гордостью за нашу матушку-Русь (Зворыкин, Сикорский, Шухов, Фёдоров, Берг, Капица и т.д.). Подготовка наших инженеров считалась одной из лучших в мире. В заметную силу складывалось и научное сообщество. За полтора десятилетия (с 1890 г.) число научных обществ в России возросло с 73 до 130, медицинских и научно-медицинских — со 100 до 170, учительских обществ взаимопомощи — с 4 до 71. В 1905 г. в Москве была создана и первая в истории страны Всероссийская организация интеллигенции — Союз союзов. Но и тут сильных учёных можно было пересчитать по пальцам. В Академии наук в 1916—1917 гг. насчитывалось всего-навсего 100 членов. Что касается высшей школы, то уровень преподавания в ней был, бесспорно, довольно высок. На эту тему можно было бы написать не одну книгу. Обучавшийся в Московском коммерческом училище С.И. Вавилов, к примеру, вспоминал, что там «учили основательно», читая «весьма интересные и глубокие лекции». «Как сейчас вижу, — писал он в 1950 г., — нам давали, пожалуй, больше, чем в некоторых теперешних высших школах». Многие будут тепло вспоминать стены родных гимназий и университетов и профессуру — с глубокой благодарностью. Там был очаг познаний и самое светлое место. Вместе с тем наряду со многими могучими и яркими умами, которыми всегда гордилась и гордится Россия, нельзя

Д.И. Менделеев**А.С. Попов****К.А. Тимирязев****К.Э. Циолковский**

не сказать, что в общем и целом уровень нашей служилой бюрократии (чиновничества) был довольно низок. К примеру, в конце XIX в. из 4,3 тыс. лиц, принятых в течение года на государственную службу, высшее образование имели 32,52 %, среднее — 15,05 %, низшее — 52,43 %. Особенно низок образовательный ценз был у чиновников Министерства внутренних дел России. Так что вполне можно доверять воспоминаниям В.И. Вернадского. Тот запишет в дневник в годы обучения в Петербургском университете: «Замечательно слабое умственное развитие так называемой интеллигенции. Здесь она представляется помещиками. И мне пришлось видаться с очень многими». Ничего не изменилось 100 лет спустя — слабое умственное развитие буржуазии. Особенно это заметно сегодня, после того как страна бездумно, спяну и сдору свалилась «в капитализм».

Итак, в старой системе подготовки кадров и обучения народа были как свои плюсы, так и свои минусы... Но если прав римский писатель и политический деятель Катон Старший, сказав, что «учённость есть сладкий плод горького корня», можно сказать, что «сладкий плод» доставался горстке людей, тогда как масса народа — «горькие корни». У массы трудового народа (прежде всего у русских и других народов) не было ни денег, ни возможности учиться. Исключение составляли евреи. Примерно половина евреев получила, если верить В. Шульгину, университетское образование, так как университетский диплом «давал некий чин», благодаря коему те получали возможность покинуть черту оседлости. Хотя

и была введена так называемая процентная норма учебы их в вузах, те попадали туда в гораздо большем количестве (благодаря ряду обстоятельств — деньги и пр.).

Шульгин пишет: «Так как еврейство проявляло огромную настойчивость, стремясь к образованию по тем или иным причинам, то можно было без всякого попраения «священных принципов» евреев несколько попридержать; попридержать, чтобы еврейство не отбивало «места под солнцем образования» у остального населения». Этого добиться не удалось. Русский народ был заброшен. М.О. Меншиков, оценивая уровень жизни народа, отметил: «Питание народное нигде в культурном свете не обеспечено так шатко, как у нас. Учёными исследованиями обнаружено систематическое недоедание простонародья, пониженность пищевой нормы, доходящей местами до 13 %

Типы студентов в России

среднеевропейского потребления. Не только качество питания у нас гораздо хуже, чем на Западе, но и количество значительно меньше, а между тем первое условие физического развития – хорошее питание». И далее он же пишет о «постепенно растущем алкогольном вырождении нашего простонародья». О каком уж там полном и всестороннем образовании можно было вести речь... Буржуазная система образования не давала широкой возможности народу получить достойное образование. Власть и сама признавала: хотя буржуазная школа «не замыкается ни от кого, имеющего средства учиться», но вот ни средств, ни времени для учёбы у простого народа не было, ну а для имущих она открыта, давая им «полную равноправность и доступность образования». Деятели буржуазной России вроде бы понимали, что порядок надо менять. П.Н. Милюков в воспоминаниях, написанных, правда, в эмиграции (он отвечал в Думе за «вопросы народного образования»), отмечал, что во главе забот русского образованного общества и органов самоуправления было, во-первых, «сделать весь народ грамотным», во-вторых, «познакомить его со своей родиной», в-третьих, построить «соответствующий корпус учителей». Правда, средств-то у земств не хватало, а царизм и правительство урезали расходы на школы и обучение. Планы были радужные: «Каждый год, в течение десяти лет, к смете должно было прибавляться по десяти миллионов, и к началу 1920-х годов материальная база для достижения всеобщей грамотности должна была быть готова. Что касается организации народной школы, прежде всего она передавалась в ведение земства. Идея непрерывности школы, т.е. связи начального образования со средним и высшим, осуществлялась созданием высших народных училищ». Всё это прекрасно, но планы-то были только на бумаге!

Большевики усвоили заповедь Н.Г. Чернышевского: «Без образования люди грубы, бедны и несчастны». Да и в конце концов, как говаривал К. Маркс, «вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы». А как лучше и надёжнее всего изменить эту природу? С помощью образования и воспитания. И вот уже по декрету II Всероссийского съезда

Советов был образован Наркомат просвещения РСФСР, наделенный широкими функциями и полномочиями (дошкольное воспитание, средняя и высшая школа, профессионально-техническая подготовка, просветительская работа в массах, издательское дело, управление наукой и всеми видами искусства). В 1918 г. был издан декрет «О создании школ для национальных меньшинств», а в 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». По этому декрету «всё население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучиться грамоте на родном или русском языке по желанию». Поэтому СНК 29 октября 1917 г. обратился с воззванием «К интеллигенции России», где и призывал её участвовать в социалистическом строительстве, в изменении существовавших порядков. В обращении нарком просвещения А.В. Луначарский («страшно сказать, еврей!») объявил первой заботой правительства — добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности, введения обязательного и бесплатного всеобщего образования, призывая интеллигенцию к сотрудничеству в решении и других задач. Приступили к реформе образования, узаконенной в октябре 1918 г. декретом

«О единой трудовой школе». С первых же своих шагов советская власть приняла долгосрочную программу развития народного образования. В ней, как в капле чистой воды, что упала с десницы Господа, лучше всего была выражена библейская заповедь и суть Советского государства. Школа — главный инструмент, жезл Шивы, он «создаёт» гражданина и общество, «генетический аппарат» культуры. Главной задачей буржуазной школы было воспроизведение классового общества. Говоря иначе, торжество принципа разделяй и властвуй. Высшая школа формирует элиту, низшая — человека массы, «стадо». Школа для элиты общеобразовательная. В неё влихивают всю университетскую культуру. Школа для массового потребителя хуже и проще. Тут дают минимум культуры и так называемые «полезные» знания. Эта система создавала грамотную буржуазию и просвещённую интеллигенцию. Пусть даже и относительно просвещённую. О таком образовании Герцен писал как о «роковом просвещении». Почему роковым? Потому что представители последних в социальном, нравственном смысле были часто «клиническими идиотами». «Университет развивает все способности, в том числе — глупость», — писал Чехов. Те не захотят поступиться ни одной привилегией и могут потерять всё!

И вот грянул Октябрь 1917! Свершилось то, о чём мечтали многие поколения передовых людей России. Напомним сегодняшним защитникам царизма то, что в 1905 г. против политики правительства и царя Николая II выступили передовые учёные и профессора. Деятели науки открыто выступают с неслыханным доселе документом, направленным против царского правительства: 342 ученых составляют и подписывают в начале января 1905 г. «Записку», в которой глубоко анализируют современные нужды русской средней и высшей школы, бросая вызов царскому строю. Среди подписавших её 16 академиков, в том числе филологи А.А. Шахматов, А.Н. Веселовский, В.В. Радлов, историк А.А. Лаппо-Данилевский, физикохимик Н.Н. Бекетов, ботаник И.П. Бородин, художник И.Е. Репин; 125 профессоров, 201 доцент, препо-

даватель и ассистент. А.А. Шахматов направляет Президенту академии князю К.К. Романову письмо. «Мы, — пишет Шахматов, — действительно порицаем правительство: порицаем его за то, что оно так мало сделало для народного образования, и, несмотря на услуги земства, не сумело до сих пор привить сельскому населению элементарной грамотности... мы порицаем правительство за то, что, приступив к реформе средней школы ещё при министре Боголепове, оно до сих пор не разберётся в трудах комиссий и комитетов и оставляет школу без твёрдой программы преподавания; мы порицаем его за то, что оно, давно уже сознав недостатки университетского устава 1884 года, внесшего в высшие учебные заведения наше разложение, не устранило до сих пор ненормальных условий университетского строя... Да, мы порицаем это правительство, и главным образом за то, что оно не сознаёт своей ответственности перед страной и своих обязанностей перед Верховною властью...» Таковы были честные и крайне нелицеприятные оценки правителей России в области обучения.

Народ, хрипя и захлёбываясь кровью, опрокинул-таки ненавистную «царскую колымагу». Как повела себя интеллигенция? На деловое сотрудничество с новой властью пошло вначале всего около «около десятка имён». Большинство научных работников, «встретили Октябрьскую революцию с рас-

Мы не рабы. Рабы не мы

терянностью, настороженно, даже враждебно». На общем собрании членов Академического союза Петрограда (26 октября 1917 г.) принят был протест с призывом «не поддерживать Советскую власть». Хотя фактически с 1917 г. мы ведём отсчёт просвещения масс нашего народа. Можно сказать: закончилась эпоха рабства, началась эпоха цивилизации. Ведь почти 80 % граждан России были неграмотны. Новый букварь открывался словами: «Мы не рабы. Рабы не мы». Многие наменьшинства не имели ни письменности, ни литературы, и даже не говорили по-русски.

Десятки миллионов людей потянулись к знанию... В первом отчёте ВЧК, посвящённом ликвидации неграмотности, сказано: «Всколыхнулось великое море Красных Советов. И от далёкого Красноярска до Красного Питера, от холодного Архангельска до берегов Кубани и Куры кипит напряжённая работа по борьбе с вековым недугом — народным невежеством». Самые трагические страницы нашей последующей истории не могут преуменьшить исключительного значения революционного завоевания Советской власти! Прав В.А. Куманев, говоря: «ни одно, даже самое развитое, капиталистическое государство за многие годы не сделало для просвещения масс столько, сколько сделало за первые годы революции рабочее-крестьянское государство». Даже зарубежные специалисты отмечают величайшую заслугу большевиков, которые «впервые осознали необходимость не только обеспечить школами грядущие поколения, но и предоставили взрослым возможность обучиться навыкам письма и чтения». Бесспорно, процесс шёл болезненно и трудно. А.В. Луначарский отмечал в статье «Как мы заняли министерство народного просвещения»: «Согласовать большевистскую власть с чиновниками министерства народного просвещения оказалось невозможным. Решено было отправиться на приступ мрачного дома, откуда расходилась паутина высоких царских чиновников-пауков, великих, по выражению Щедрина, министров народного затемнения. Решено было — что же поделаешь! — выгнать оттуда все чиновничьи сонмы, начиная от товарища министра и кончая машинистками, и постараться потом постепенно заполнить образовавшуюся пустоту нашей медленно растущей и, увы,

далеко не совершенной коллекцией «квалифицированных сил». И правильно сделали, что выгнали.

Советская школа стала формироваться на совершенно иных, гуманистических принципах. Толстой требовал: «пускай исчезнет прежде всего это искусственное деление: народ и не народ». Дети стали главной заботой страны. В старом особняке П.Н. Лепешинский открыл в 1919 г. коммуны, где учились дети революционеров: племянница Ленина, дети А.Д. Цюрупы, П.А. Джапаридзе, крестьянские дети из Белоруссии, однако тут же рядом были сыновья и дочери верховного главнокомандующего белой армией, князей Оболенских, княжны Жигаловой, других «отпрысков контрреволюции». Такие вот тогда были нравы. Ну а сейчас? Не говоря уже о беспризорниках, разве сегодня дитё простого учёного, инженера, учителя, воина, врача, рабочего попадёт в элитную школу и лицей, где обучаются за тысячу-другую евро в год отпрыски нынешней буржуазии?! Будь дети хотя бы семи пядей во лбу! В одном лишь 1920 г. в РСФСР 2,7 млн человек преодолевают неграмотность.

Трудящиеся устремились к знаниям... Конечно, у них не было должных навыков или опыта учёбы, но хватало упорства, тру-

долюбия, энергии, настойчивости, ума. Конструктор А.С. Яковлев вспоминал о той поре, как о времени беззаветного революционного энтузиазма: «Иной раз кажется, что не было в прошлом поколения, на долю которого выпало бы столько испытаний и столько славы. Не только авиаторы стремились «вперёд и выше» — весь народ поднялся к большим высотам. На наших глазах менялась страна, менялся облик людей, строй мыслей и строй жизни. Прожитые годы моя память всегда сохранит окруженными ореолом беззаветного революционного трудового энтузиазма. Верно, мы пережили трудное время. Люди нашего поколения вынуждены были отказывать себе во многом, экономить на всём, в том числе на самых необходимых удобствах собственной жизни, ради создания экономического и военного могущества своей Родины». А вот что писал в письме к дочери, Л. Рейснер, об атмосфере тех лет начала 20-х отец: «Сейчас здесь громадный подъём напряжённой и прямо изумительной духовной работы. С какой-то неожиданной и неутолимой жаждой и страстью все набросились на возможность учиться и творить. Университеты и высшие школы переполнены... Каждый день мы приветствуем... новые таланты, умножаются литературные и театральные начинания, русская литература и наука как бы вступают в полосу своего высшего расцвета. Для меня несомненно, что когда-нибудь наше время будет пользоваться славой нового европейского ренессанса».

Начался настоящий штурм цитадели знаний. С.Т. Шацкий создаёт в 1919 г. «опытную педстанцию» — первое в мире научно-производственное объединение. Другой замечательный советский педагог А.С.Макаренко в школе-коммуне им Дзержинского выстраивает своего рода «фаланстер будущего». В основе её деятельности положены не только высокая и жёсткая дисциплина, но и принципы самоуправления и демократии. Он же налаживает тут производство, дающее государству миллионную прибыль. Часть денег идёт на сберкнижки коммунарам. И хотя при начале деятельности он не мог никак найти людей, которые были бы готовы обучать и воспитывать бездомных ребятшек, которых советская власть часто подбирала прямо с улицы, всё же вскоре удалось вернуть ребят к жизни и сде-

Педагог А.С. Макаренко

лать из них настоящих людей. При этом подготовка кадров осуществляется так, что в итоге любой в коллективе мог «блестяще руководить». Советская жизнь в условиях диктатуры формировала и новый тип человека. Об этом можно говорить всякое и по-разному. Но несомненным было сочетание дисциплины, требовательности и одновременно доверия к человеку. Верный подход. Макаренко писал: «Это и есть советская педагогика, основанная, с одной стороны, на безграничном доверии к человеку, а с другой стороны, на бесконечном к нему требовании. Соединение огромного доверия с огромным требованием и есть стиль нашего воспитания. На этом построена вся общественная жизнь Советского Союза. Это даёт колоссальные результаты». Ныне иной подход, иной стиль в жизни: сочетание бесконечной алчности и преступного равнодушия. Как следствие, такой строй и порождает немало социальных уродов!

В великой стране Советов всё было иначе и по-иному... В основе лежали новые условия жизни и труда, массовый характер обучения и иная атмосфера... Правда, старая интеллигенция, мы знаем, не исчезла вовсе, нет. Но исключительно важно другое.

И.В. Сталин писал: «Сотни тысяч молодых людей, выходцев из рядов рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции, пошли в вузы и техникумы и, вернувшись из школ, заполнили поредевшие ряды интеллигенции. Они влили в интеллигенцию новую кровь и оживили её по-новому, по-советски. Они в корне изменили весь облик интеллигенции, по образу своему и подобию. Остатки старой интеллигенции оказались растворёнными в недрах новой, советской, народной интеллигенции... Мы хотим сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и мы сделаем это со временем». Трудящиеся, которых не пустили бы ранее на порог высших учебных заведений, овладевали мастерством инженера, конструктора, градостроителя, энергетика, лётчика. Рванулись в небо. Среди них и «богатырь Советской земли», «русский самородок» В. Чкалов. В 1924 г. провёл первое научное исследование будущий «покоритель атома» И. Курчатов, в 27 лет заведующий крупной лабораторией. Воплотить идеи Циолковского, Цандера, Чижевского решил С.П. Королёв, будущий создатель спутников и космических ракет. Поэт Кульчицкий записывает в дневник: «Каждый день учусь по разным книгам и тетрадям. И если в прошлом году и в университете пропускал умные лекции, то теперь сижу и на безумных». Поэма о Знаниях! Над Россией занялась светлая заря просвещения. Просвещения истинно народного! К 1936 г. будет охвачено начальной школой почти всё детское население огромной страны. Повсеместно создаются избы-читальни, «красные уголки», действуют кружки политграмоты. «При таких условиях, — отмечает Г. Кржижановский, — процент грамотности по всему Союзу к 1932/33 г. поднимается выше 80%... учебники, популярные технические книги — вот что должно быть выдвинуто на первый план. Число киноустановок должно быть увеличено с 8 тыс. по всему Союзу до 50 тыс. с лишним к концу пятилетки. Количество зрителей в кино должно вырасти до 1,5 млрд... Иначе говоря, одновременно с обучением народа решались и задачи культурной революции. В ноябре 1918 г. в стране начинает работать первый детский театр. Миру открываются фильмы Эйзенштейна...

Конечно, проблем масса (высылка, репрессии, поражение в правах «класса экс-

плуататоров»). Бесспорно, на первых порах это имело место. Простой народ, хлынувший в учебные заведения, ещё жил воспоминаниями о прошлом. Лицеи, коммерческие училища, университеты виделись им неким подобием пажеского корпуса, где воспитывалась «белая кость», офицеры и белогвардейцы. Это далеко не так. Ведь среди интеллигенции велик процент разночинцев. Идеология дворян и помещиков чужда им уже в силу скудного материального положения. Эти «плохо устроенные интеллигенты», писал в воспоминаниях академик И.М. Майский, имели в своих рядах массу интереснейших, талантливых, энергичных людей. Конечно, у них было мало средств и они «прозябали в сырых мансардах, не располагая деньгами для покупки необходимых им книг и материалов». Многие стали служить не за страх, а за совесть теперь уже социалистическому отечеству. Но и тут часть выходцев из пролетариата и крестьянства относились к ним настороженно. Напрасно Ленин писал и убеждал: «...От раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капиталист оставил, из неё построить социализм. Нужно взять всю науку, технику,

все знания, искусство». Вождь действительно взывал: «Надо поучиться у них, у наших врагов, нашим передовым крестьянам, сознательным рабочим на своих фабриках, в уездном земельном отделе у буржуазного агронома, инженера и пр., чтобы усвоить плоды их культуры». Если эти призывы и помогали, то не всегда. Трудно очень переломить психику. Да и нужной базы не было. Один из корифеев-партийцев призвал к немедленному «низвержению культуры эксплуататоров» (Э. Енчмен). Вскоре он же провозгласил начало процесса «массового отмирания разума», а заодно и «знания» с «познанием». Словно какой-нибудь Савонарола, он вещал, что близок час, когда на Руси начнётся настоящее, действительное, окончательное истребление, полное уничтожение буржуа, буржуазного «интеллигента». На Украине на совещании по просвещению заявляли: «Нужно провести полный разгром в вузах и начать строить новые». Вполне в духе сегодняшних идиотов. Некоторые леваки предлагали заменить программы по математике, географии, естественным наукам «индустриально-пролетарскими программами». Ну чем не нынешнее ЕГЭ?! Другие требовали освободить математику «от буржуазной плесени». Учебники полагали за безусловный предрассудок: «Мы решительно отмечаем всякие учебники». Популярными были и взгляды анархистов братьев Гординых. Интеллигенцию те называли «самым реакционным классом». Девизом их стало: «Наука — враг народа». Ну а пролеткультивец Шляхов предлагал ликвидировать Академию наук.

Но это всё-таки были мелкие издержки. Главное же то, что система образования совершила за полстолетие работу, для которой иным передовым странам потребовалось 500 лет. В Советской России возникла высшая школа, единая общеобразовательная, основанная на университетской культуре. Это была невиданная социо-культурная роскошь, что была предоставлена всему населению. Экзаменом школы стали индустриализация и война 1941—1945 гг. А в той войне нам пришлось сразиться фактически со всей передовой Европой. Но если первую мировую войну русские проиграли (на полях сражений), то вторую мировую мы выиграли. Причину нашей победы (среди десятков и сотен иных) назвал пленённый Паулюс: «Нас победил советский учитель!»

Скажу однако и о том, что именно в те голодные и страшные годы зарождается подлинный книжный ренессанс... Причём это был именно советский ренессанс! Уже в 1921 г. Госиздат РСФСР даёт разрешение на работу нового издательства «Academia» (товарищество на паях), куда входят крупнейшие учёные тех лет: юрист Н.В. Болдырев, историк античности С.А. Жебелёв, филолог-классик Ф.Ф. Зелинский, историк-медиевист, философ и богослов Л.П. Красавин, историк, философ, социолог Н.Н. Кареев, литературовед В.Н. Перетц, математик К.А. Поссе, Э.Л. Рядлов, филолог А.А. Франковский, Декретом СНК РСФСР разрешена регистрация новых издательств. Руководство издательство «Academia» решает издавать — подумать только — сочинения Платона!

В стране, где и Гоголя-то с Пушкиным ранее читала лишь ничтожная кучка образованных людей! Начинает издаваться журнал «Наука и школа». Активно сотрудничал с издательством «Academia» и внебрачный сын Ф. Зелинского — А.И. Пиотровский, знавший как родной греческий, латынь, немецкий (окончил Петершуле, знаменитый петербургский лицей). В его переводах выходит комедии Аристофана, трагедии Эсхила, лирика Катулла. Ну чем помешал этот

блестящий полиглот советской власти и Сталину (расстреляют в 1938)?! Но с другой стороны, даже не верится: власть «серой скотины», «мужика сиволапого» издаёт 15 томов Платона! Ведь не царское самодержавие, которое взрастило, воспитало блестящих интеллектуалов-учёных, а «быдло»! Хотя, как уже говорилось, столь бурная деятельность по просветлению голов нашего народа не понравилась советским лидерам. Своей активностью и свободолобием те, вероятно, мешали Кремлю... Характерно, что когда арестуют последнего свободно избранного ректора Петроградского университета Л.П. Карсавина, с него возьмут «подписку о выезде», где сформулирована и причина изгнания. Его заставят написать: «Даю обязательство ради удобства общественной работы Советской власти уехать на определённый ею мне срок за границу с семьёй и выехать в положенный мне срок». Иди искать по свету, где оскорблённому есть чувству уголок! 15 ноября 1922 г. решением Политбюро ЦК РКП(б) утверждены (составленные комиссией из Л.Б. Каменева, Д.И. Курского и И.С. Уншлихта) списки «активной антисоветской интеллигенции». И вскоре 174 видных российских интеллектуала покинут навсегда своё Отечество. А.А. Кроленко запишет в свой дневник: «С утра в редакции. Заходит В.П. Белкин. Приносит рисунки к Платону. Вместе с ним иду на Васильевский остров на Николаевскую набережную Невы провожать уезжающих профессоров. Пароход, идущий в Штеттин, уже готов к отходу; идёт посадка. Среди уезжающих Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, А.С. Каган, Я.Н. Блох и др. Толпа провожающих — профессора университета, писатели, художники...»

Иные пытались честно во всём разобраться... Приведу отрывок из воспоминаний историка и архивиста Г.А. Князева, возглавлявшего до Великой Отечественной войны Архив Академии наук СССР. Слова его — крик сердца, стиснутого бронёй вынужденного молчания, сомнения и страха. Приводим выписки из дневника Г. Князева: (1918) «Наиглавнейшее: больше нет места делению на «чёрную» и «белую» кость. Теперь все равны в своём человеческом достоинстве... Это актив революции... Ещё в актив записал бы я освящение всякого труда. Никакой труд не унижителен. Это, правда, крупинки в горах

мусора и грязи революции, но драгоценнее алмаза эти крупинки». «Большевики всё же принесут, пожалуй, России пользу: они начнут работать...Большевики нужны России. Только они одни и могут сейчас так проявлять силу власти». (1919) «Моё отношение к большевикам — ненавижу их от всей души, от всего ума, как ненавижу всякое насилие, всякую диктатуру, но не вижу исхода, не жду радости от «белых», «зелёных» и «чёрных»... Из двух зол нужно выбирать меньшее, и пусть лучше большевики, чем те, кто придёт мстить и восстанавливать свои имущественные права на свои каменные дома, особняки и имения... Я не хочу никакой диктатуры, а без неё сейчас не прожить, так пусть уж будет эта «диктатура» — «пролетариата», чем «диктатура генерала»... А пока будем верить, что пройдут испытания и настанет время истинного народного народовластия...» «Господство одной крайней политической партии и отсюда все логические последствия: террор, неуверенность в завтрашнем дне, неизбежность этого завтрашнего дня. Большевизм обречён. Не может он существовать в таком одиночестве и изоляции, в экономически отсталой стране. Это очевидно... Наперекор всему он существовал, но это потому, что он много обещал и многие поверили. Самое главное он мир обещал, а при-

Юбилейный знак ВЧК

нёс войну страшнее прежней. И народ, истомившись от войны, как свергнул царя, так и свергнет «тридцать тиранов». (1920) «Будь на чеку, а то сам угодишь в Чеку». Новая поговорка. Всё регламентировано. Рабство. Муравейник. Неужели это и есть счастье человечества? Крепостное право. Полнейшее рабство. И полное молчание... неужели это — социализм? Больше чем когда-либо не могу отдать себе отчета во всём совершающемся. Проклинать или благословлять? И всё приглядываюсь, прислушиваюсь, изучаю все стороны жизни, не хочу быть пристрастным». Он полон пессимизма: «Опыт не удался. С каждым днём это становится очевидным. Но не потому, конечно, что принципы большевизма не были жизненны, а потому, что всё кругом было против... Теперь ясно, мы — жертвы великого эксперимента, но ясно и то, что человечество придёт к этому ещё раз, но ещё в более грандиозном масштабе... И будет ли это тогда последняя мёртвая схватка нового строя жизни со старым или только этап — покажет будущее... Покуда один этап — Парижская коммуна, другой — Великая русская пролетарская революция». «...Тяжело таким людям, как я... Я без ужаса не могу думать о возвращении к ста-

рому и не могу принять большевизм... Может быть, коммунизм — и святая идея, но во что он вырождается теперь — один сплошной кошмар... Мы в тупике, из которого нет выхода... Ставка на всемирную революцию бита. Следовательно, и коммунизму в России — конец. Эксперимент не удался... Большевизм изживает самого себя, но это не значит, что вместе с ним погибает и идея обновления человечества. Революция не удалась, но это не значит, что её и не должно было быть» (1922). «Я как историк всё понимаю и всё принимаю. Но как человек — очень страдаю. Подчиняюсь — но до поры до времени. Унижаемся, но в кармане кулаки от злости сжимаем». Страдания людей понятны.

В словах учёного сгенерированы мысли и переживания тысяч и тысяч российских интеллигентов, людей патриотического склада, воспитания и духа. Но впереди были ещё более тяжкие и даже смертельные испытания — вроде Великой Отечественной войны. Великая война стала оправдательницей и искупительницей советского строя. Без суровой дисциплины большевиков и модернизации «демократическая Россия» была бы разбита Гитлером и Европой и, возможно, навсегда бы исчезла из истории как самостоятельная и независимая страна.

Говорят о том, что надо следовать «правде побеждённых» (Г. Федотов). А как насчёт того, чтобы следовать правде победившего народа?! Конечно, можно заслониться от правды словами Э. Роттердамского: «Иногда побеждает не лучшая часть человечества, но большая». Но что это меняет в самой сути великого события?! Позже многие будут писать о Революции. Одни безоговорочно приняли Революцию, даже и не будучи в её «магнитном поле». Эти сочли своим долгом говорить людям правду, всю правду. Другие (особенно в наши безликие подлые дни) прилагали силы для её поношения, с вызовом твердя: «И я сжёл всё, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал» (И. Тургенев). Я же хочу сказать о нашем поколении словами Я. Смелякова:

*Нам время не даром даётся.
Мы трудно и гордо живём.
И слово трудом достаётся,
И слава добыта трудом.*

Три бойца

*Своей безусловною властью,
от имени сверстников всех,
я проклял дешёвое счастье
и лёгкий развеял успех.*

*Я строил окопы и доты,
железо и камень тесал,
и сам я от этой работы
железным и каменным стал.*

*Меня — понимаете сами —
чернильным пером не убить,
двумя не прикончить штыками
и в три топора не свалить...*

А родина Ленина и Сталина обретала вселенскую значимость... Западная историография социалистической революции не может быть беспристрастной и непредвзятой — и в этом её особенность. Хотя мы знаем немало высказываний мастеров западной культуры, в которых отдана дань подвигу наших народов. «Я хочу, чтобы никто не сомневался в моём чувстве уважения к историческому событию моего времени — Русской революции. В своей стране она покончила с давно ставшими нетерпимыми анахроническими порядками, подняла духовный уровень народа, 90 процентов которого были неграмотными, создала несравнимо более человеческие условия жизни для народных масс. Она является величайшей социальной революцией после политической революции 1789 г., и, подобно ей, оставит свой след в жизни человечества», — писал Т. Манн. Так оно и было.

Увы, в трудах нынешних «буржуазистов», пишущих применительно к капиталу и к своей подлости, почти не найдёте честных оценок... Всё, как правило, заканчивается какими-то пошлыми попытками доказать, что марксизм и ленинизм — нелепость и безумие. В качестве аргумента приводят фразы типа «когда Маркс писал свой «Капитал», его собственный генетический капитал был... гнилой», «у Ленина сгнила левая половина мозга», Ленин — «гениальный идиот», как, впрочем, и Лев Толстой. Почему? Да потому, что Ленин называл Толстого «зеркалом нашей революции», потому, что для вождя тот был тем, чем был Иоанн Креститель для Христа, и потому, что Шпенглер назвал Толстого «отцом большевизма». Ненавидя Русскую Революцию, говорят: «Яд её отравил

Парад физкультурников на Дворцовой площади

души. Россия отвергла коммунизм, но она не очистилась от него полностью. Она его не забыла и не прокляла. Памятники Ленину по-прежнему стоят на площадях. Коммунизм воспринимается в России не как патологическое, преступное заблуждение, но как один из периодов русской истории, в котором были и дурные, и хорошие стороны. Коммунизм амнистирован, и те, кто насаждал его в России, не понесли никакого наказания. Они участвуют в управлении государством и в политической игре, и Запад, который ратифицировал эту амнистию и разделил с Россией её беспамятство, также несёт ответственность за происходящее». Но и в России всё ещё слышны разговоры о том, что коммунизм был чужд России, что его ввезли из-за границы, что Россия в очередной раз оказалась бедной жертвой Европы. «Коммунистический эпизод не может занимать в национальной памяти русских такое же место, какое занимает в национальной памяти французов революция 1789 г. Ибо эта революция, хотя и запятнала себя преступлениями, создала по воле «народа» такое новое общество, которое было связано многими узами с обществом старым. Русская же революция создала некое отрицание общества — общество разрушенное, раздробленное, деморализованное и, постольку поскольку оно живо до сих пор, закостеневшее в своём архаическом мышлении. Сегодня опять, как в 1815 г., перед русскими встаёт их великий национальный вопрос: что делать? Есть всего один разумный путь, по которому русским следует идти, — (это) путь, ...о котором говорят многие влиятельные люди в России, — европеизироваться, реформироваться на западный лад». Но, возможно, в XXI в., когда капитализм потрясён до основания кризисом, Европа и США ша-

таются, они задумаются. Хотя навряд ли — ведь тут нужен ум!

Спорят и о том, был ли в Советской России социализм... В 1919 г. в письме к Ленину некий анархист с возмущением и даже гневом восклицал: «Как маг или чародей, вы показали миру, что представляет собой социализм, т.е. всю его нелепость». Минул почти век. Альшиц пишет: «И всё же с убеждением — будто мы побывали в социализме — необходимо расстаться. И чем скорее, тем лучше. Не бывали мы там! Настала пора дать себе отчёт в том, что самоназвание установившегося после октября 1917 г. государственного строя и его действительная сущность — не одно и то же. Оно ничуть не более соответствует действительности, чем, скажем, самоназвание средневекового Китая — Поднебесная империя. Между тем из поверхностной, а иногда и неграмотной оценки прошлого в немалой степени проистекают наши нынешние беды: безпрограммье, неразбериха в выборе направления, методов и темпов необходимых реформ. Объективная оценка недавнего прошлого — это для нас не историческая проблема, а насущный вопрос сегодняшней жизни». Нужно учитывать время, уровень народа, состояние общества и мира. Но как ни называйте тот строй, что родился тогда в России, он стал новым словом человеческой цивилизации, ибо воплотил чаяния трудового народа на всей планете. Потому и близок и понятен сотням миллионам людей, не принадлежащих к классу буржуазии.

Большевики, как сказал Горький, «уже оказали русскому народу услугу, сдвинув всю его массу с мёртвой точки и возбудив во всей массе активное отношение к действительности, отношение, без которого наша страна погибла бы». Писатель в «Несвоевременных мыслях», книге остро критической, тем не менее всё же делает вывод, что лучшими советскими людьми «со временем будет гордиться русская история, а ваши дети, внуки будут и восхищаться их энергией». Разве мы не видим этого?! Разве наш распятый народ не вспоминает труды и дни Советской империи с уважением, восхищением и гордостью?! Можно, конечно, выстрелить в Ленина, взорвать его статую и мавзолей. Но разве можно взорвать мысль? Она жива, несмотря ни на что!

Рабочий, держи оружие крепко!

Назовём вещи своими именами. Рабоче-солдатско-крестьянская красная империя служила простому люду, а не кучке воров или бюрократов! Каждый, кто говорит о России, должен, хочет он того или нет, ответить на один вопрос. Есть два варианта ответа... Или Октябрь был заговором предателей, врагов русского народа и народов России: и тогда все они, русские, хохлы, белорусы, евреи, татары, латыши, кавказцы, вставшие на её сторону, — зло и проклятье России! Но тогда будьте лезвьями, ответьте: почему же основная масса людей труда, всех национальностей, проживавших в империи, поддержала большевиков, а не записных патриотов белого движения, пошла с Лениным, Сталиным, Ворошиловым, Молотовым, Кагановичем, Микояном. Или: Октябрьская революция и гражданская война стали выражением интересов подавляющего большинства народов России — и тогда воевавшие на стороне Советов, при любых недостатках, пороках и преступлениях, всё же лили «святую воду», окропляя будущее дитя великого Советского Союза. Скажете, вода — наполовину с кровью?! Так ведь и белые «крестили» так же! Великая Русская Революция совершила действительно и подлинное

чудо — доказала миру, что простой человек Земли может сражаться и побеждать “элиту”, делая это не во имя сановной знати, банкиров, бюрократов (те не стоят и капли его крови), а во имя всего народа.

Спустя 90 лет после Октября большинство россиян (54 %) главной причиной революции считают тяжелое положение народа. Каждый пятый из опрошенных (21 %) полагает ныне, что к победе большевиков привела слабость правительственной власти. Реже граждане России указывают на другие причины — экстремизм группы авантюристов (7 %), заговор врагов русского народа или же стихийную агрессию толпы (по 5 %). Тяжелое положение народа как главную причину Октябрьской революции чаще других отмечают граждане от 60 лет и старше (64 %), а также сторонники КПРФ и «Родины» (72 и 70 %). По сравнению с 1990 г., ещё более возросла доля тех, кто даёт Октябрьской революции позитивные оценки — считает, что она открыла новую эру в истории народов России (рост с 22 % до 32 %), что революция дала могучий толчок социальному и экономическому развитию (с 20 до 28 %). Статистическая погрешность не превышает 3 %. Ныне даже видные зарубежные историки отмечают всемирную значимость событий тех лет в России, и прежде всего — Октябрьской социалистической революции. Проф. Калифорнийского университета М. Малиа (США) писал, что Октябрьская революция 1917 г., явившаяся переломным событием в судьбе России, в известной мере отразилась и на истории каждой современной нации, ибо Советский Союз стал первым в мире государством рабочего класса с «первым в истории социалистическим обществом». Но потом настали нелёгкие годы. Произошла смена поколений. Ушли из жизни бойцы и творцы. Пришли торговцы и плутократы. Дух эпохи стал иным. Народ устал жить “во имя светлого будущего”. Как и перед 1917, он захотел увидеть плоды его трудов в этой жизни — потому и поверил в контрреволюцию, как ранее он поверил в революцию. Власть же хотела разбогатеть. И прежде всего дети вчерашних лидеров, что неизбежно вело к появлению иуд сначала в советской, а затем в буржуазной бюрократии. Иуды эти генетически враждебны народу. Говорят: «Вышли мы все из народа — как

бы вернуться в него». Крамарж писал: «Люди видят, куда ведёт не только ошибочная политика власть имущих, но и демагогическое разнуздание грубейших инстинктов широких народных масс, к какому печальному концу для государства приводит безоглядное осуществление социалистических лозунгов и теорий. Было бы страшным преступлением для России, если б на русской катастрофе поучались бы все, кроме самих русских». Но мы видим, что триумф капиталистических инстинктов, превращающий людей в безмозглых потребителей, в стада животных (на машинах), ещё страшнее, бесчеловечнее и нелепее. Найти золотую середину. Не позволять шакалам истории осквернять память народных героев и мучеников.

Социолог П.А. Сорокин заметил: «Явления революции чрезвычайно эффектны, экзотичны и романтичны. Поэтому исследователь должен быть особенно прозаичным. Он должен подходить к её исследованию с методами и заданиями натуралиста». Ныне среди части учёных, быстро перебежавших в стан плутократов, принято рассматривать великую социалистическую революцию в

Да здравствует мировой Октябрь!

духе религиозных фанатиков и мракобесов. Как можно говорить, что вся «политическо-партийная дьяволиада» 1917 г. в России «закончилась трагедией» (Иоффе)?! Да, трагедия была, но был и подвиг! Нужно в истории человечества видеть не пепел прежних цивилизаций, но огонь будущей. В масштабе тысячелетней истории цивилизаций это великий подвиг великого Народа!

Историк И.Я. Фроянов в «Уроках Красного Октября» писал, что капитализм не входит органически в плоть и кровь, в быт, привычки, психологию нашего общества. Однажды он втравил Россию в братоубийственную гражданскую войну, но, как подтверждает многолетний опыт, так и не прижился на российской почве в XX в. Свидетельством тому стали те три революции, которые произошли в стране с минимальным временным периодом: с октября 1905-го по октябрь 1917 года. «Эти революции показали, что основная часть российского общества была решительно недовольна «недоделанным» российским капитализмом, бурно развившимся в стране после крестьянской реформы 1861 года, посягнувшим на соборные, общинно-коллективистские и духовно-нравственные устои народной жизни. Его-то и не принял весь народ, а не только мятущаяся, радикально настроенная интеллигенция, как пытаются доказывать сегодня ангажированные идеологии режима». Ни историю, ни народ, ни тем более умную интеллигенцию буржуазной мишурой не обманешь. А ведь многие нынешние перевёртыши и оборотни получили высшее образование да и свои титулы только благодаря советской власти, ибо происхождения не благородного, а из тех, кого звали «кухаркины дети». Эта холуйско-раболопная масса крикунов никогда не была Интеллигенцией, но была и осталась лавочниками!

С кем вы, величающие себя интеллигенцией, считающиеся людьми нравственными, порядочными, честными и умными? С Николаем II, на совести которого Кровавое воскресенье, генералами Деникиным, Алексеевым и Корниловым, агентами и марионетками немцев или англичан Красновым и Колчаком, с головорезом Шкуро, с бандитами Махно, Семёновым, с Керенскими, Родзянками, Пуришкевичами, Милюковыми и Анненковым? Говоря иначе, с теми, кто и раз-

вязал гражданскую войну против народа, кто в Семиречье порол, вешал, топил крестьян: «Когда пьяная разнузданная банда (анненковцев. — В.М.)... стала безнаказанно пороть крестьян, насиловать женщин и девушек, грабить имущество и рубить крестьян, невзирая на пол и возраст, да не просто рубить, заявлял свидетель Довбня, а рубить в несколько приёмов: отрубят руку, ногу, затем разрежут живот и т.д.; когда, ворвавшись в крестьянскую хату, анненковцы, по словам свидетеля Турчинова, насаживали на штык покоящегося в колыбели грудного ребёнка и со штыка бросали в горящую печь, крестьяне селений Черкасского, Новоантоновского, вместе с бежавшими жителями из самого г. Лепсинска, Покатиловки и Весёлого встали как один против бандитов». Или с Чапаевым, Корчагиным, Будённым, Фрунзе? Почему народ пошёл против барчуков, дворян, бюрократов, буржуа, спекулянтов? Такая «распрекрасная Россия», казалось, была: «смотрите, какую Россию мы потеряли: икра — 3 руб. 40 коп. фунт, водка — 13 руб. ведро, слесарь получал 74 руб. в месяц, профессиональный рабочий — 344 руб.». Вся болтовня новодворских, чудаковых, яковлевых, ципко и прочей нечисти не перевесит свидетельств одного Л. Толстого! С. Кара-Мурза в книге «Советская цивилизация» говорит о том, что подобные ангажированные взгляды на Россию не дают представлений о реальной жизни народа... «Взвесим реальность более верными гири. Мясо было по 15 коп., но 40 % призывников впервые пробовали мясо в армии». Вон и знаток крестьянства А. Чаянов, вспоминая лебеду с малой примесью хлеба у крестьянина, замечал: «побеждает тот, кто умеет голодать». Историю не обманешь... С каждым годом всё больше тех, кто возвращается к честной оценке событий 1917 и 1990—1991 гг. в России. Если следовать правде народа, а не правде продажной изворававшейся знати, которая так быстро меняет «взгляды» вместе с ориентацией власти, с ростом их счетов в зарубежных банках, вместе с увеличением числа вилл, кобыл, машин и любовниц, надо признать, что свыше половины россиян (57 %, а ныне 68 %) уверены — Октябрьская революция пошла на пользу народам России. И нужно быть нравственным идиотом от рождения, чтобы не понимать столь ясной и очевидной исти-

ны. Центр Ю. Левады на основании данных тотального опроса, проведенного в октябре 2005 г. по 46 регионам страны дал цифры: 26 % респондентов твердо уверены, что Октябрь 1917 открыл новую эру в истории народов России, 31 % считают, что он дал толчок социально-экономическому развитию страны. И только лишь 16 % россиян считают, что революция затормозила развитие народов России, и всего 15 % считают, что та стала для них катастрофой. Большинство же (56 %) выразило мнение, что проблема политического противоборства между «красными» и «белыми», возможно, ушла в прошлое, став уделом исследования историков. Хотя многие (их становится всё больше!) убеждены, и это крайне тревожно, что Россия вошла в новую фазу противоборства миллионов людей и сотен сверхбогачей. Их жизни, интересы, цели диаметрально противоположны. Разные условия бытия — разные мировоззрения. В России только за 2007 г. число миллиардеров удвоилось, перевалив рубеж в 100 человек, а в 2009 — вдвое больше. Кризис. По этим показателям, а отнюдь не по производительности труда мы заняли второе место в мире после США.

Так какое государство мы строим? Данные исследований ВЦИОМ показывают, что в стране немало и тех, кто считает, что противостояние продолжается до сих пор (25 %), причем чаще других этой точки зрения придерживаются сторонники КПРФ (34 %) и патриоты России. Опрос показал, что если бы Октябрьская революция произошла ныне, то среди современных росси-

ян против большевиков боролись бы 7 % жителей страны. Тогда как активно поддерживали бы большевиков и тех, кто близок к их позициям, 17 % опрошенных. Постарались бы переждать это время, не участвуя в событиях 28 %, граждан, а уехали бы за рубеж — 14 %. 10 ноября 2007 г. в Горках Ленинских прошла юбилейная конференция «Великий Октябрь и мировая цивилизация». Газета «Правда» писала, как «в святом для коммунистов месте» в тот день собрались представители крупнейших научных учреждений России: Института российской истории, Института Дальнего Востока РАН, Института Латинской Америки РАН, Государственного педагогического университета, архивисты Государственного архива РФ и Главного архивного управления г. Москвы, сотрудники музея-заповедника «Горки Ленинские», Государственного Исторического музея, Государственного музея политической истории России в Санкт-Петербурге и т.д. В большинстве выступлений участников конференции было четко отмечено, что победа большевиков была вполне закономерной. Учёные развеяли и миф о социальной стабильности в России (А.Н. Пономарев), заявили, что большевики, вопреки болтовне о том, что большей поддержкой пользовались эсеры и пр., одержали сенсационную победу на выборах в Москве осенью 1917 г. (Е.Г. Кострикова). Были развенчаны построения лжеисториков о том, что революция «куплена» на деньги стран Антанты или Германии. Доктора В.Т. Логинов, Б.Ф. Славин и др. показали всю закономерность победы большевиков. В битве с внутренней

контрреволюцией их поддержало подавляющее большинство народа, включая лучшую часть интеллигенции и офицерства. Член же Народного политического консультативного совета КНР, член правления Общества российско-китайской дружбы Ли Цзунлунь особо подчеркнул, что Великая Октябрьская социалистическая революция оказала решающее влияние на революционные процессы в Китае, привела к победе социализма в крупнейшей стране мира, способствовала краху системы колониализма, в корне изменила лицо всего мира. Есть и наверху люди правды. В 2008 г. выступил со статьёй «Февраль и ок-

На штурм царских дворцов!

Глава Совета Федерации С. Миронов

тябрь 1917-го. Что это было?» глава Совета РФ С.М. Миронов. Впервые оценка 1917 г., пришедшая из уст одного из лидеров страны, не заставляет краснеть за наших вождей. Правильно расставил акценты: не Февраль, а Октябрь был и остаётся единственной Великой революцией в умах человечества («две русские революции 1917 г. несопоставимы по своим масштабам»). Октябрь 1917 г. предстаёт «русской революцией, действительно потрясшей мир и в конечном итоге создавшей образ XX века». Он отметил падение системы колониализма («о чем сейчас, к сожалению, стали забывать»), достижения советского народа времен индустриализации в рамках технологического противостояния двух титанов «холодной войны», и роль русских офицеров (весь цвет русского офицерства вливался в Красную армию для противостояния польским интервентам), и победу Китая и Кубы, благодаря «активной политике СССР в этом регионе». Отмечено, что страх «перед русской революцией и её последствиями, с одной стороны, и поддержка СССР рабочих и коммунистических движений — с другой, привели к постоянному совершенствованию трудового законодательства западных капиталистических стран и реализации социальных программ для трудящихся». Говорится и о «страшной цели» 90-х годов, которые мы с вами вправе назвать торжеством преступной и циничной

контрреволюции. Верен и заключительный вердикт С.М. Миронова: «Величие Октября бесспорно не только для нас, но и для тех, кто хотел бы исказить роль России в мировой истории. Они делают всё, чтобы выставить на вид всю кровь русской революции, спрятав за ней то огромное значение, которое революция имела для всего мира. Но эта кровь стала искупительной жертвой за ту великую миссию, которую история возложила на Россию. Мы будем помнить о поражениях и потерях Февраля и Октября, но мы будем преклоняться перед подвигом и победами русского народа, с честью прошедшего тяжкие испытания». Председатель партии «Справедливая Россия» сказал: «Мы знаем, что именно Великий Октябрь изменил всю человеческую цивилизацию, и развитие мира пошло по другому пути. То, что сейчас гордо называется «европейским социализмом», стало возможно только потому, что были Великий Октябрь и великий Советский Союз». По его словам, пришло время, чтобы программы телеканалов отвечали запросам общества. «Я не хочу, чтобы наше телевидение стало врагом российского народа и российской государственности, а тенденции к этому уже есть. И недалеко то время, когда наше телевидение начнет проводить антигосударственную политику», — верно считает С.М. Миронов.

Нет, мы не призываем разрушать эту новую вавилонскую башню человеческой гордыни и капитала! Хотя уверены в том, что в самом недалёком будущем она со страшным грохотом рухнет и сама разрушится, погребя под развалинами ряд стран. Много воды утечёт... Но старая трудовая и боевая заплата крепко сидит в нашем теле... И надо было не разрушать социализм и тем более не бежать в «проклятое прошлое», откуда один выход — «кончать буржуев!» Надо использовать интеллект и богатства великой страны, чтобы создать умное и совершенное социальное и духовное царство Высшего Разума! И не лезть слепо в прокрустово ложе Европы или США. Там много прошлых отложений не лучших свойств. Уж на что Керенский, и тот, живя на Западе, признал: «Надежды на то, что в России возможен капитализм европейского или американского типа — чепуха». Многих на Западе страшит то, что в России возрождается имперское мышление. Но может это спасение для За-

Вавилонская башня капитала

пада? Ведь именно из Европы в последние восемьсот лет и шли к нам не только плоды просвещения, но и беды! Мир стоит перед необходимостью пересмотреть старую модель развития, доказывающую опасность, примитивизм, абсолютную бездуховность, безнравственность и преступность. Миллионы людей попали в лапы циничных и бесовестных политиков и олигархов. США и Европа издеваются над всем человечеством!

Там пока не сменились старые подходы. Они лгут нам в лицо, ожидая от нас всё новых и новых уступок. Пока наши «демократы» ведут себя постыдным образом, сдавая позицию за позицией. Надеются, но на что?! Договоры, как показала новейшая история — жалкие клочки бумаги. Их просто никто не принимает в расчёт. Завтра Родина останется совершенно беззащитной, а вы, как Керенский, будете упиваться громкой фразой! Если не проявите больше решимости, не примените силу, как это делает Запад всюду, — погубите и страну и народ. И как отнестись к тому, что у 8—10 % обитателей мира (США, Канада, Европа, Япония) сосредоточены 80—90 % богатств мира (деньги, собственность). Между тем $\frac{9}{10}$ человечества влачат жалкое существование, живя в нищете, мраке, глупости, невежестве. Мы обрели масштаб социального расслоения, превосходящий всё, что знали цивилизованные страны... Нет, социалистическая сова Минервы не сказала последнего слова.

А между тем Россия — компас мировой цивилизации, на примере коей Высший Ра-

зум избирает возможные пути развития и становления нового человечества. «Нам не открыт смысл истории, и у нас нет критерия для оценки пути отдельных народов. Но если просто спросить, что более всего бросится в глаза при обозрении русской истории, ответ нетрудно предвидеть: её парадоксальность, непохожесть на историю других стран» (Н.И. Ульянов). Без неё сложный процесс пошел бы в совершенно ином направлении — *ad multos annos*. Это понимал, видимо, и великий Пушкин, когда написал: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; что история её требует дру-

гой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизо из истории христианского Запада. — Не говорите: иначе нельзя было быть... Коли было бы это правда, то историк был бы астроном, и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение — не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия провидения» (XI, 126—127). Эти мысли Пушкин набело не прописал и не обнародовал, они несоизмеримы с форматом нашей мысли, — пишет И.З. Сурат, — они головокружительны по перспективе и требуют фундаментальной разработки. Нам видится прямая связь между этими заметками и решением Пушкина профессионально заняться русской историей... И совсем скоро, в июле 1831 года, поэт вернётся на государеву службу историографом — получит, по настоятельной просьбе, высочайшее дозволение работать в архивах для написания «Истории Петра Великого и его наследников до государя Петра III» (XIV, 256).

Современный мир медленно, но верно приближается к революционному взрыву... В 2005 г. заговорили об интернациональной стратегии получения сверхприбылей, о тотальной власти капитала. Немецкий социал-демократ Фр. Мюнтеферинг говорит об инвесторах как о прожорливой саранче, что

опустошили немецкие предприятия и, по сути дела, всю Германию. Журнал «Ньюсуик» писал: «Как будто Карл Маркс восстал из могилы». Но две трети немцев полагают, что он был прав... И в Японии Карл Маркс популярен как никогда в её истории. По данным «Шпигеля», 50 % западных немцев считают, что марксистская критика капитализма «до сих пор не утратила актуальность», а 56 % немцев считают, что «социализм — это хорошая идея, только её до сих пор плохо осуществляли». Среди молодежи тяга к социализму выше. Изучавший полвека свойства капитализма О. Негт прочёл в Ганноверском университете лекцию, где говорил о «ренессансе» Маркса и Ленина. Он объяснил возвращение интереса к социализму: «Молодые люди боятся, что в этом мире ничего не получают. Они видят для себя лишь шансы выживания и поэтому ставят вопрос: что в этой системе неправильно?» Неправильно в этой системе почти всё — начиная от образа жизни, потребления, культуры и кончая распределением национальных богатств и условиями бытия и морали. «Как писал Маркс, капитал проникает во все поры общества. Нами овладело такое безумие приватизации, какого никогда не было. У нас в ходу ранние формы капиталистических отношений, циничные формы. Рабочих увольняют. Людям говорят: работа есть, вы долж-

ны её найти. Это чушь». Но это происходит на наших глазах, и в масштабах невиданных со времён Великой депрессии, за которой пришли Гитлер и Вторая мировая война. Умные, тем более мудрые люди не могут не связать всех этих событий. Но слепым и глухим куда проще отмахнуться от Маркса и Ленина, высмеять идеи пролетарской революции. Увы, это не излечит мир от острой болезни. Важное признание сделано и Дж. Стиглицем, лауреатом Нобелевской премии по экономике и бывшим главным экономистом Всемирного Банка (США). В Нобелевской лекции «Информация и смена парадигмы в экономической науке» (8 декабря 2001 г.) Стиглиц, чётко увязав экономику с политикой, показал, к каким трагическим последствиям могут привести страну «сумасшедшие во власти», что «рабски копируют давно устаревшие взгляды какого-либо экономиста из прошлого» (Кейнса). А в результате бурной деятельности этих циничных и бездарных господ, увидевших в рынке волшебное средство, что чудесным образом всё поправит и вмиг превратит Россию в процветающее государство, наши трудящиеся очутились в бездне нищеты и бесправия. «Вместо этого доходы резко упали, что подтверждается не только статистикой ВВП и обследованием домашних хозяйств, но и другими социальными индикаторами. Число живущих в бедности стремительно возросло...» Приватизация в России привела отнюдь не к повышению общественного благосостояния и созданию богатства, а обернулась «обдиранием активов и уничтожением национального богатства». При Ельцине были допущены две трагические ошибки в экономической политике. «Во-первых, как я утверждаю в своей книге “Недовольство глобализацией”, были созданы стимулы скорее к грабежу государственной собственности, чем к накоплению капитала. Во-вторых, были уничтожены те немногие достижения, которые оставила коммунистическая эпоха. Одним из таких достижений был высокий уровень человеческого капитала, особенно научно-технического, большая часть которого была утрачена, поскольку многие наиболее талантливые люди эмигрировали. Другая часть промотанного наследства, причём промотанного с серьёзными политическими последствиями, — это относительное равенство, доставшееся от коммунизма. Полити-

**С.Н. Рерих Распятое человечество.
Куда ты идешь?**

Лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц

ка и экономика неразрывно переплетены: эрозия средних классов, сопровождавшаяся возвышением нескольких чрезвычайно богатых олигархов и погружением миллионов (граждан России) в бедность, значительно затруднила создание демократического сообщества и установление власти закона. Причина проста. Вовсе не рокфеллеры и гейтсы этого мира рьяно оберегают «границы игрового поля» и блюдают уважение к закону, в том числе и к закону конкуренции. Исторически именно средние классы были наиболее кровно заинтересованы в справедливости и равенстве, играя тем самым инструментальную роль в учреждении власти закона. По этой причине признание незаконности приватизации 1990-х гг., яв-

ляющейся корнем имущественного неравенства в России, — это совершенно необходимое условие. И не только с точки зрения права. Это признание важно для долгосрочного функционирования экономики России. В конечном счёте гарантия прав собственности, а также экономический рост, который она делает возможным, зависит, прежде всего, от легитимности этих прав в глазах общества. Если на тех, кто владеет богатством, смотрят (в России. — В.М.) как на преступников, то никакая юридическая система не сможет обеспечить безопасность такой собственности. Если же собственность не защищена или просто воспринимается как незащищенная, то стимулы к прогрессу искажены. А потому люди, контролирующие российский бизнес, будут продолжать расшищать активы и конвертировать их в формы богатства, приспособленные к лёгкому вывозу из страны». Слова эти бьют не в бровь, а в глаз. Хотя события произошли вовсе не в результате ошибок экономического или политического характера, а в результате сознательных преступных, воровских действий части бывшей советской и околосоветской номенклатуры. Это самые масштабные преступления за всю историю России!

Фарс «демократии» в России наблюдал весь мир. Согласно Парето, есть два вида элит — львы и лисы. На деле их больше. Есть хамелеоны и шакалы. Эта псевдоэли-

И. Глазунов. Рынок нашей демократии

та, не успев родиться, сгнила. Такова ельцинская буржуазия, скупающая, захватывающая земли, уничтожающая заводы и институты, воруемая всё и вся, что только ей попадается под руку, уничтожающая любой честный труд, втоптывающая в грязь всю мыслящую интеллигенцию, избавляющаяся от социальных нагрузок (садов, школ, больниц, яслей). Директор Института русской истории РГГУ А. Фурсов прав, говоря: с распадом СССР в жизни среднего класса Запада, тем более России наступила чёрная полоса. «А вот средние классы бывшей социалистической системы уже стерли ластиком истории: в 1989 г. в Восточной Европе (включая европейскую часть СССР) за чертой бедности жило 14 млн человек, а в 1996 г. — спасибо Горбачёву и Ельцину — уж 169 млн! Изъятые средства либо прямо ушли на Запад, либо были размещены в западных банках — фантастическая глобальная экспроприация. Теперь вот наступила очередь и среднего класса на Западе. Там появилась социологическая теория <20:80>. Согласно ей, в западном обществе меняется социальная структура: 20 % — богатые, 80 % — бедные, и никакого среднего класса — он размывается, тает вместе с нацией-государством, частной формой которого является welfare state». Государство всеобщего благоденствия при капитализме — мечта. И яркий пример — Греция!

Российский философ Вл. Соловьев некогда высказал понятную нам ненависть к плутократическому строю: «Безнравственна не индивидуальная собственность, не разделение труда и капитала, а именно плутократия. Она же безнравственна и отвратительна как извращение общественного порядка, как превращение низшей и служебной по существу своей области, именно экономической, в высшую и господствующую, которой всё остальное должно служить средством и орудием». Вл. Соловьев не видел большого различия между таким капитализмом и социализмом, или же между социализмом и мещанством. Внутри экономической системы координат, экономического общества правит мещанин, т.е. певец и глашатай исключительно материальных и денежных благ. Поняв это, вероятно, поймёте и то, как буквально за ночь «коммунистическое животное» может превратиться в «капиталистическую тварь». Ведь

между экономически абсолютизированным социализмом и капитализмом нет разницы и на их базе невозможно создание справедливого общественного устройства.

Но вернёмся к Стиглицу. Каким видится ему выход? Автор советует установить налог, скажем, «со ставкой 90 % на сверхприбыль от использования приобретенных государственных активов, или в размере 10 % совокупного дохода от первоначальных вложений. Налог был бы выплачен, либо когда акции компании будут переданы на рынок ценных бумаг, либо при продаже её активов». Нас мало заботят олигархи и их доходы (они и так обогатились безмерно за наш счёт), но это позволило бы реконструировать предприятия и возродить страну... И хотя и налог не решил бы всех российских проблем, ибо не устранил бы чудовищного неравенства и не создал бы нового среднего класса, но, как считает автор, он мог бы проложить дорогу к исправлению последствий губительного для будущего грабежа собственности ельцинской эпохи. Устранить чудовищное неравенство и создать средний класс надо, ибо без этого нет и быть не может никаких гарантий жизнеспособной демократии в России! Только так можно спастись от возрастающего отвращающего влияния денег на российскую политику... Если не решить проблему сейчас, безнравственное царство воров в России укрепитя, а психология грабежа из экономики перейдёт в политику, что окончательно добьёт Россию.

Современная ситуация в России есть элемент мирового общецивилизационного кризиса — кризиса системы, складывавшейся последние 10 тысяч лет. Это и кризис организационных структур общества, и образования, и культуры, и исходной концепции собственности, и всего того, что принято называть цивилизационной парадигмой. Наша ситуация просто более критична, в ней более остро сконцентрированы современные противоречия. Поэтому анализ сегодняшних тенденций в России, возможных сценариев развития во многом определяется особенностями мировых процессов современности... Гегель сказал однажды, что история ещё никого ничему не научила. Великий немецкий философ, вероятно, прав, если мы хотим извлечь из истории некие рецепты для сиюминутного поведения. Но уроки истории развития че-

ловчества назидательны, позволяя увидеть эпохальные повороты судьбы и, более того, понять, чем мы способны повлиять на течение «реки жизни». Так ли уж все предопределяется судьбой, так ли уж мы беспомощны и бессильны — особенно в «минуты роковые»? «История показывает, что энергия и воля людей, устремлённых к некой общей цели, может в определенных условиях решающим образом изменить весь ход событий». Это справедливо и для России. Так не пора ли утвердить новую «Декларацию прав народов России и мира»?! Президент Венесуэлы Уго Чавес 23 февраля 2007 г. призвал граждан активно включиться в процесс построения социализма в стране.

«Мы должны отбросить в сторону наши предубеждения и наговоры по поводу социалистической идеи и направить все наши духовные и физические силы на построение собственной модели социалистического общества в Венесуэле в XXI веке», — заявил Чавес, наследник Боливара и Кастро. По его словам, нынешнее правительство Венесуэлы «является переходным на пути построения венесуэльской модели социализма XXI века». В мире есть два реальных и возможных пути развития общества, сказал он: социалистический или капиталистический. «Те, кто хотят пойти по пути Иуды, и отправиться в ад — выбирают капитализм. Те, кому дороги идеи Христа — выбирают социализм», — считает Уго Чавес. И это так, если, конечно, мир всё же хочет выжить.

Рауль Кастро

Фидель Кастро и Уго Чавес

*Но вдаль я вижу — море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хоре,
Где гудит и воет ураган!*

Александр Блок

Чтобы создать исполинский очерк понадобился бы «новый гений, пушкинский Арион». И нужно заглянуть в сердце Народа, в самую его глубь. Может быть, тогда новые поколения и поймут: Великая Октябрьская социалистическая революция в России явилась карающим мечом архангела Гавриила, который наказал тех, кто решился восстать против интересов народа. Но она же стала и рубанком Ноя, который, по подсказке Бога, выстроил ковчег, в коем и предстояло спастись потерявшему ориентиры человечеству, — в том числе русским людям, уже в эпоху социализма. Верю, что русский народ вместе с братскими народами России — и с древнейшими мировыми цивилизациями — доскажет Историю человечества, допишет ещё не написанные главы. И сделано это может быть благодаря вам, с кем мы дерзко «рванём к Солнцу». Выйдя за пределы стереотипно-обывательского строя мысли, мы построим-таки храм Солнца Мира... Д.И. Менделеев писал в «Заветных мыслях»: «Самобытность народного сознания о единстве, выражаемом государственностью, отлично согласуется не с тем нивелирующим космополитизмом, который стали проповедовать умственные еретики XIX в., а с тем необходимым, даже неизбежным, реальным сближением всех народов, о котором, кажется, всё сказал, что думал, уже в первых главах своих «Заветных мыслей», и с тем идеалистическим единством, которое заставля-

ет из белых, желтых, красных и чёрных людей делать один зоологический вид (*Homo sapiens*) и которое проще всего выражается единством разума или истины, совести и справедливости, не довольствующейся заветом любви к «ближним», а стремящейся распространить её и на «дальних», до негров, китайцев и полинезийцев включительно. Центростремительная сила наша, однако, столь велика (ибо от неё мы и стали народом историческим), что брала не раз верх над сказочной центробежностью, которая видна даже в судьбе наших занятий Калифорнии, Аляски и Шпицбергена». Лучшие умы среди всех народов Земли в Великой Октябрьской революции увидели деяние титанов и гениев. «Размах русской революции, желающей охватить весь мир (а меньшего истинная революция желать не может, — исполнится это желание или нет — гадать не нам), таков: она лелеет надежду поднять мировой циклон...» «Мир и братство народов — вот знак, под которым проходит великая русская революция. Вот о чём ревет её поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать», — писал Блок. Но чтобы услышать «глас Бога», надо быть освященным его дланью, чтобы узреть Истину, надо уметь смотреть на Историю глазами подвига и духа. Не вина, а беда строителей и архитекторов Красного ковчега в том, что вели строительство по плану, единственно возможному в тех условиях, по плану, в иных деталях опередившему способности как нашего народа, так и человечества. Но сегодня мы вступаем в новую и, видимо, решающую фазу развития народов.

История всё расставит на свои места... Пройдут века и тысячелетия. Уже сотрётся память об Александре, Цезаре, Карле Великом, других правителях. Где-то будет место Ленина и Сталина. Возможно, их поставят в ряд с классическими героями мировой цивилизации — Конфуцием, Буддой, Аристотелем, Магометом, Христом. Автор бесспорно лучшей книги о Ленине, Р. Пейн скажет: «Пожалуй, ни одному смертному до него не удавалось настолько преобразить облик России, как, впрочем, и всего мира. След, оставленный им в мировой истории, неизмеримо ощутимей наследия, скажем, Александра Македонского, Тамерлана или Наполеона, — он один сумел изменить ход истории». Возможно, и тогда Ленин будет

Русский гений Д.И. Менделеев

«живее всех живых». Обычный, внешне ничем не примечательный человек, совсем не гигант и не титан. В последние годы жизни Ленин и Сталин — скорее мученики, чем герои, стоики, даже трагики: «сломленный, измученный, невероятно щедро одарённый природой человек, единственный в своём роде, коего без колебаний можно назвать политическим гением». Так чем же всё-таки они — эти герои — сумели так покорить человечество, и чем так напугали буржуазию?

Возможно, тем, что взвалили на себя ношу Христа, имея высшую цель! И может не так уж несправедливо, что образы их порой сравнивают с образом распятого Христа! И если даже по отношению к ним и верна часть фразы Тертуллиана из сочинения «О плоти Христа»: «*Scelestissime hominum*» (лат. — «Ты преступнее всех людей...»), так ещё точнее вторая её часть: «*...unicae spei totius orbis*» (лат. — «единственная надежда целого мира»). К цели, на Голгофу социализма и справедливости они шли, невзирая на преграды, веря не в буржуазию, а в простой народ; жили ради него; сражались ради него; не предавая, как иные ничтожные правители наших дней; умерли ради нас на боевом посту. Умерли, смертью смерть поправ. Народы сохраняют светлую память о вождях мирового пролетариата, унаследуют иные идеи, отринув ошибки, клевету и ложь.

Но главный вопрос эпох не разрешен... Справедливого социального устройства на Земле нет! А то, что существует, и несправедливо и дико... Совокупное богатство кучки олигархов планеты равняется валовому внутреннему доходу всех стран мира. Чудовищно!!! А между тем русский учёный Б.Н. Чичерин ещё в конце XIX в. писал, что характерным стремлением эпохи является «стремление переделать всю политическую экономию на основании нравственных начал». И поэтому «всею важнее в этом деле вопрос о значении и целях государства». Надо не только правильно распределять доход, но иметь совсем иные цели развития. Может быть, именно поэтому ироничный Б. Шоу писал, ставя в упрек западной цивилизации то, что она не сделала того, что обязана была сделать. И разве не удивительно, что за это дело взялись Русские люди, у которых было куда меньше возможностей подвинуть мир в сторону справедливого социального и человеческого устройства.

«Моё личное чувство перед лицом вашего великого коммунистического эксперимента точно так же, как и чувство многих других людей той части света, откуда я приехал, является прежде всего чувством стыда за то, что Англия не вступила вместо России первой на ваш путь. Карл Маркс рассчитывал, что пролетарская революция произойдёт прежде всего там, где капитализм наиболее высоко развит. И вместе с Англией все западные нации должны были бы разделить это чувство стыда и завидовать вашей славе. Здесь, в России, я действительно убедился, что коммунизм может вынести человечество из его теперешнего кризиса и спасёт от анархии и разрушения...» Готовясь к поездке в Москву, Шоу восклицал: «Я не хочу умереть, не увидев СССР». После же своего визита в СССР Шоу написал: «Я уезжаю из государства надежды и возвращаюсь в наши западные страны — страны отчаяния»; «Для меня, старого человека, составляет глубокое утешение, сходя в могилу, зная, что мировая цивилизация будет спасена... Здесь, в России, я убедился, что новая коммунистическая система способна вывести челове-

ство из современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели». Но даже уже после того, как миру, включая Шоу, стали ясны негативные и тёмные стороны революции и советского строя, задавались вопросом: «Теперь или никогда — вот дилемма, жгущая ныне наше сознание. Или Россия воистину вступает в «полноту исторического возраста», пробуждается к жизни всемирной, всечеловеческой, — или революционный смерч, её закруживший, есть не что иное, как её историческое увядание, национальная смерть. К небывалому здоровью или к окончательному распаду — переживаемая русским народом болезнь? В этом вопросе — вся проблема русской культуры». Россия ещё не сказала своего слова, не выявила «идеи», в ней заложенной. Она неизменно выступала перед Западом в роли «Сфинкса», страны будущего, народа великих возможностей. Какова же разгадка этого Сфинкса и существует ли она?». Кто прав в споре красных и белых, социалистов и капиталистов, людей труда и буржуазии? Исторический спор ещё не завершён. Слово за народами мира!

Советская Россия — осаждённый лагерь

Литература

- А. Луначарский. К. Радек. Л. Троцкий. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 45.
- А.М. Коллонтай о первой советской зарубежной делегации. // Исторический архив. № 3—4. Абинякин Р. Белое дело в Гражданской войне в России. 1917—1922 гг. М., 2005.
- Абрамов В. Евреи в КГБ. Лубянка. Открытые архивы. М., 2005.
- Абрамов В. Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М., 2005.
- Абрамов М.А., Лаврик Э.Г., Малевич О.М. Томаш Гарриг Масарик: жизнь, дело, учение / Масарик Т.Г. Россия и Европа. Т. II. СПб., 2004. С. 604—606.
- Айрапетов О. «Живой мертвец», породивший белое дело // Родина. № 3, 2008.
- Акшинский В.С. Климент Ефремович Ворошилов. Биографический очерк. М., 1974. С. 3.
- Алахвердов Г.Г. Краткая история Гражданской войны в СССР. М., 1960. С. 109.
- Александр Блок в портретах, иллюстрациях и документах. / Сост. А.М. Гордин. Л., 1972.
- Алексеев В. Гибель царской семьи: Мифы и реальность. Екатеринбург. 1993. С.12—13, 137.
- Алексеев П.В. Революция и научная интеллигенция. М., 1987. С. 44—55.
- Алексеева А. Из рода Шереметевых / Москва родословная. М., 1998. С. 91.
- Алмазов Б. Запрещённый крестный ход // Секретные материалы. № 10. 2006. С. 8—9.
- Аль Д. (Альшиц Д.Н.). Шаги истории России из прошлого в будущее. СПб., 2007. С. 52.
- Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. 1917—1935 гг. М., 1999. С. 102, 103, 118, 122.
- Андреев И.М. Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. 1952.
- Андреева А. Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой // Новый мир. № 7. 1993.
- Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1998.
- Андрянов В., Москаденко А. Полюнь чужбины. М., 1987. С. 88.
- Анекштейн А. Роберт Оуэн: его жизнь, учение и деятельность. М., 1937. С. 214.
- Анисимов А. Армии Деникина. // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 65.
- Аничков В.П. Екатеринбург — Владивосток (1917—1922). М., 1998. С. 224—225.
- Анна Ахматова: pro et contra. Антология. Т. 2. СПб., 2005. С. 221.
- Анненков Ю.П. Максим Горький / Максим Горький: pro et contra. СПб., 1997.
- Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. Т. 4. М.-Л., 1933. С. 308.
- Анфимов А.М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // Отечественная история. № 3. 1994. С. 58—66.
- Арутюнов А.А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М., 1999.
- Архангельский В. Фрунзе. М., 1970. С. 18, 50, 126, 323, 376, 380, 381, 386—387.
- Аршинов П. Был ли Махно погромщиком? // Лехаим. Май 2006.
- Атаман Семёнов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904—1921. М., 2007. С. 265.
- Ауский С. Казаки: особое сословие. М.-СПб., 2002. С. 313, 345.
- Афанасьев А.Л., Баранов Ю.К. Одиссея генерала Яхонтова. М., 1988. С. 62, 63, 74.
- Ахматова А. «Узнают голос мой?» Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1989. С. 147.
- Бабель И. Конармия. М., 2003.
- Бажанов Б.Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990. С. 55, 142.
- Бакунин М.А. Полное собрание сочинений. / Под ред. А.И. Бакуниной. Т. I. С. 14.
- Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М., 1989. С. 370.
- Бальмонт К. Стихотворения. Л., 1969.
- Бароны Врангели. Воспоминания. М., 2006. С. 380—381.
- Барт Фарт. Белый террор изнутри / Враг капитала // Звезда. № 1. 2000.
- Барятинская М.С. Моя русская жизнь. М., 2006. С. 308—309.
- Бebel А. Из моей жизни. М., 1963. С. 745.
- Безансон А. Россия — европейская страна? // Отечественные записки. № 5. 2004.
- Безотосный В. Казачий род. Кто такие казаки // Родина. № 5. 2004.
- Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная армия. 1918—1945 годы. М., 2007. С. 59—60.
- Белоконь И.А. За спиной Колчака // Новый исторический вестник. № 13. 2005.
- Белый А. Сочинения в двух томах. Т. I. М., 1990. С. 102—104.
- Беляев А.В. Кадетские корпуса в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. № 6. 2008.
- Бенуа А.Н. Мой дневник. 1916—1917—1918. М., 2003. С. 286.
- Беранже П.-Ж., Барбье О., Дюпон П. Песни и стихи. М., 1976. С. 221.
- Берберова Н.Н. Железная женщина. М., 1998. С. 10.

- Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М., 1991.
- Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Опыт 1917—1918 гг. СПб., 1999.
- Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М., 1998. С. 68.
- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 109, 111.
- Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 263.
- Бердяев Н.А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1997.
- Бердяев Н.А. Христианство и антисемитизм / Тайна Израиля. СПб., 1993. С. 331—332.
- Березин А. Кровавый лед Кронштадта // Братишка. Февраль 2006.
- Березовая Л.Г. Серебряный век в России: от мифологии к научности // Новый исторический вестник. № 5. 2001.
- Беркович Е. Первый антисемит // Заметки по еврейской истории. № 17, ноябрь 2007 г.
- Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997.
- Бессерман Г. Кто виноват? Еврейский вопрос в русской классике // Независимая газета. 5 марта 2009 г.
- Бехтерев В.М. Избранные труды по психологии личности. В 2-х томах. Т. I. СПб., 1999. С. 75.
- Бикерман И.М. Россия и русское еврейство / Россия и евреи. Сб. 1. // Цит. по: Солженицын А.И. Двести лет вместе. Часть II. М., 2002. С. 171. 175.
- Бланки Л.О. Избранные произведения. М., 1952. С. 51, 53, 314, 322.
- Блок А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 3. М., 1971. С. 226, 256.
- Блюхер В.К. Статьи и речи. М., 1963.
- Болдырев Н.В., Болдырев Д.В. Смысл истории и революция. М., 2001. С. 32.
- Болдырев Н.Ф. Семья Озириса, или Василий Розанов. Челябинск. 2001. С. 361.
- Бондарев В. Нет у революции конца? // Родина. № 2. 2007.
- Бонч-Бруевич В.Д. Три покушения на Ленина. М., 1930. С. 102.
- Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 7.
- Бортневский В.Г. Белая разведка и контрразведка белых на юге России во время Гражданской войны // Отечественная история. №5. 1995. С. 89—91.
- Ботмер К. С графом Мирбахом в Москве. Дневниковые записи и документы. М., 1997.
- Боханов А.Н. Крупная буржуазия в России (конец XIX в. — 1914 г.). М., 1995. С. 255.
- Боханов А.Н. Николай II. М., 1997. С. 378—379, 383—385.
- Боханов А.Н. Распутин. Быль и небыль. М., 2006. С. 133.
- Бочаров Л., Ефимов Н., Чевчук И., Чернышов И. Заговор против русской истории. М., 1998.
- Бояджиев Т. Крымско-татарская молодежь в революции. Симферополь. 1930. С. 68.
- Брачев В.С. Масоны и власть в России. М., 2003. С. 378, 393.
- Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. М., 2007. С. 213.
- Брусилов А.А. Воспоминания. М., 1963. С. 281, 284.
- Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001.
- Брюсов В. Собрание сочинений в семи томах. Т. III. М., 1974. С. 54.
- Бугай Н. Был ли геноцид казаков? // Казачья слобода. № 1—2. 1994.
- Бугай Н., Мекулов Д. Народы и власть: социалистический эксперимент. Майкоп. 1994.
- Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2. М., 1965. Кн. 3. М., 1973.
- Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917—1920). М., 2006.
- Будницкий О.В. Терроризм: история и современность // Айрекс. Выпуск 11.
- Бузина О. Адмирал Колчак под клубнично-клюквенным соусом // 27 ноября 2007 г.
- Бузина О. Галоша Грушевского против украинской армии. Загадка века / From.ua.com
- Булавин Б., Иванов В. Загадка Махно / Российская газета. 3 июня 1995 г., С. 13.
- Булак-Балахович С.Н. Генерал Булак-Балахович о своем деле: как было на самом деле? / Архив гражданской войны. Вып.1. Берлин, 1923; Симонова Т. Я зеленый генерал / Родина. 1997. № 11.
- Булгаков М.А. Белая гвардия. М., 1985. С. 69.
- Булгаков С. Письма С.Н. Булгакова 1917—1923 гг. // Новый мир. № 11. 1994.
- Булгаков С.Н. Из «Дневника» // Вестник РХД, № 130 (1979) С. 269.
- Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск. 1991. С. 106—107.
- Булдаков В.Б. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
- Булыгин П.П. Убийство Романовых. М., 2000.
- Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1990. С. 73, 86, 95, 96—97, 124.
- Бунин И.Л. Золото партии. М., 1992. С. 52.
- Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. Т. I. М.-Л., 1948.
- Бурлак В.Н. Русский Париж. М., 2008. С. 292.
- Буровский А. Россия: курс неизвестной истории. Евреи, которых не было. М., 2005.
- Бутиков Я.А. Русские националисты и Белое движение на Юге России в 1919 г. / Новый исторический вестник. № 7. 2002.

- Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 118, 166—167.
- Был ли Ленин немецким агентом? Документы. СПб., 1994. С. 61.
- Бюлов Б. Державная Германия. Обзор политических и государственных стремлений Германии за последнее десятилетие. Петроград-Москва. 1915. С. 34.
- В Ленина стреляли по приказу Свердлова // Комсомольская газета. 12 апреля 2007 г.
- В.В. Набоков: pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. СПб., 1997. С. 141, 159.
- В.И. Вернадский: pro et contra. Под общей ред. акад. А.Л. Яншина. СПб., 2000. С. 372.
- В.И. Ленин и ВЧК (1917—1922 гг.). М., 1975. С. 545.
- В.И. Ленин. Биография. Авторский коллектив под рук. П.Н. Поспелова. М., 1960. С. 415.
- В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922. М., 1999. С. 250—251, 378, 385.
- В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. Материалы научной конференции. Пенза, 25—26 июня 2001 г. Кн. I. М., 2005. С. 373—374.
- Вавилов С.И. Очерки и воспоминания. М., 1981. С. 96.
- Варшавский С., Рест Б. Билет на всю вечность. Повесть об Эрмитаже. Л., 1986.
- Васецкий Н.А. Л.Д. Троцкий: политический портрет / Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 27—28.
- Васильева О.В. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943—1948 гг. М., 2001. С. 9, 13.
- Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк, 1956. С. 81.
- Величайшие авантюристы мира. Автор-составитель И.А. Муромов. М., 2008. С. 292—298.
- Вениамин (Новик). Православие. Христианство. Демократия. СПб., 1999. С. 220.
- Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1886—1900. Т. 1. М., 1988. С. 132.
- Вернадский Г. Ленин — красный диктатор. М., 1998. С. 157.
- Верт Н. История Советского государства. М., 2006. С. 124—125, 129, 131, 154.
- Вежи. Из глубины. М., 1991. С. 433; Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.
- Википедия. Свободная энциклопедия / <http://ru.wikipedia.org>
- Вильтон Р. Злодеяние над Царской семьей, совершенное большевиками и немцами. Париж. 2005. С. 139, 144, 190.
- Вильтон Р. Последние дни Романовых / Последние дни Романовых. М., 1991. С. 468—469.
- Вильямс А.Р. Путешествие в революцию. М., 1972. С. 165—166, 172.
- Вирта Н.Е. Одиночество. М., 1962.
- Витте С.Ю. По поводу непреложности законов государственной жизни. СПб., 1914. С. 205.
- Власов Ю.П. Огненный крест. Бывшие. М., 1993. С. 78—79, 270.
- Власов Ю.П. Огненный крест. Гибель адмирала. М., 1993. С. 393.
- Войнов В. Кронштадт: мятеж или восстание? // Наука и жизнь. № 6, 1991; Сафонов В.Н. Кто спровоцировал Кронштадтский мятеж? // Военно-исторический журнал. № 7, 1991. С. 53; Кронштадтская трагедия 1921 года // Вопросы истории. № 4, 1994, С. 8.
- Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009. С. 28—30.
- Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999.
- Волковинский В.Н. Махно и его крах. М., 1991. С. 5, 13, 140—143, 172, 214.
- Волковинский В. Нестор Махно: легенда и реальность. Киев. 1994.
- Волова Л.А. Межкультурная коммуникация на Северном Кавказе // Новый исторический вестник. № 12. 2005.
- Володский И. Истоки зла. (Тайна коммунизма). М., 2000.
- Волошин М. Россия распятая. М., 1992. С. 79—80, 111—112.
- Воронович Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого: 1891—1920. М., 2001.
- Воронцов А.В., Ходячий Ф.З. Ленин о терроре // Советская Россия. 21.04.2005.
- Воронцова Т. В гостях у «старшего брата» // Литература, № 09. 2003
- Ворошилов К.Е. Оборона СССР. Избранные статьи, речи и письма. М., 1937.
- Воспоминания М.А. Рычковой. Женское движение 1917 года / Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 2001. С. 510.
- Воспоминания о В.И. Ленине. Ч. 2. М., 1957. С. 19.
- Воспоминания Э.Каррер д'Анкокс // Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919—1939. М., 2001.
- Восставший из гроба: Карл Маркс // Секретные материалы. № 10. 2006. С. 12—13.
- Вострышев М.И. Патриарх Тихон. М., 1995. С. 185, 186, 233, 290.
- Врангель П.Н. Воспоминания. В 2-х частях. 1916—1920. М., 2006. С. 301, 669.
- Врангель П.Н. Записки / Петр Врангель. Главнокомандующий. М., 2004. С. 157.
- Врангель П.Н. Оборона Крыма. 1920 год. / Гражданская война в России М., 2003. С. 327.
- Врангель П.Н. Сохранить честь вверенного армии Русского знамени / <http://www.hrono.ru/biograf/vrangel.html>
- Встреча. Константин Бальмонт и Иван Шмелев. // Наше наследие. № 61, 2002. С. 104.

- Высоцкий С. Кони. М., 1988. С. 393.
- Гавриил Константинович, великий князь. В мраморном дворце. М., 2007. С. 326—327.
- Гаврилов М.Н., Кутузов В.В. Перепись русской армии 25 октября 1917 г. / История СССР. № 3. 1972; Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.
- Газарян С. Это не должно повториться // Звезда. № 2. 1989. С. 12.
- Галайко В. Упокоенный под паркетом / Власть и политика. 26 августа 2002 г. С. 56—61.
- Галас М.В. В союзе с фашистами и масонами против большевизма // Военно-исторический журнал. № 10. 2008.
- Ганин А.В. Приговор генерал-майора Рерберга вице-адмиралу Колчаку // Военно-исторический журнал. № 10. 2008.
- Гейзер М. Поэт печали, гнева и любви // Леаим. Апрель 2000. Нисан 5760-4 (96).
- Генерал Деникин предупреждал. Телеграмма Деникина от 14.02.1919. Подготовил А. Юрков. // Российская газета. 25.09.2008 г. С. 4.
- Генерал Дитерихс. М., 2004.
- Герцен А. Былое и думы. Части 1—5. М., 1969. С. 138.
- Герцен А.И. О социализме. М., 1974. С. 560—564.
- Гёте И.В. Фауст. Перевод Б. Пастернака. СПб., 2002. С. 332.
- Гиппиус З. Что делать русской эмиграции. Париж. 1930. С. 18.
- Гладков В. Душа Джеймса Бонда отлетела в Сокольниках // Трибуна. 27.03.2003.
- Глазунов И. «Сашка Керенский» фанфарон и негодяй? // Аргументы и факты. № 17. 2006.
- Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906—1917. М., 2001.
- Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 1992. С. 341.
- Годвин В. О собственности. М., 1958. С. 15, 171, 197.
- Голишков Д.Л. Правда о врагах народа. М., 2006. С. 291.
- Голишков Д.Л. Дело о заговоре Пуришкевича // Советская юстиция. № 20. 1965. С. 22.
- Голишков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925 гг.). М., 1975.
- Головин Н.Н. Российская контрреволюция. Кн.3. С. 27—29.
- Голуб П.А. «Колчакия» // Советская Россия. 27 октября 2005 г.
- Голуб П.А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). М., 2006.
- Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Тришин А.Е., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность во время гражданской войны в России /webmaster@agentura.ru
- Гончар Олесь. Перекоп. Роман-газета. Книга вторая. М., 1957. С. 85—93.
- Гончаренко О.Г. Закат и гибель Белого флота. М., 2006. С. 204—205.
- Гордон А.В. Великая Французская революция в ретроспективе 1917 года. Становление советской историографии. / Одиссей. Человек в истории. 2004. С. 270.
- Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990.
- Горький М. Полное собрание сочинений. Т. 20. М., 1968—1976. С. 532.
- Государственность России: идеи, люди, символы. Сост. Р.Г. Пихоя. М., 2008. С. 290.
- Готье Ю.В. Мои заметки [1920—1922] // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 79.
- Гражданская война в России. Борьба за Поволжье. Сост. А. Смирнов. М.-СПб., 2005. С. 282.
- Гражданская война в СССР: В 2 т. - М., 1986. Т. 2. С. 406; БСЭ. 3-е изд. - М., 1972. Т. 7. С. 234; Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С.183.
- Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. Кн. 1. М., 2001, С. 51.
- Грейг О.И. Подлинная судьба адмирала Колчака. М., 2008.
- Григорьев Г.И. Воспоминания о Махно / <http://bookz.ru/authors/grigorii-grigorov/eliaev.html>
- Гришанин П.И. Внешнеполитическая стратегия командования Добровольческой армии (1918 г.) // Новый исторический вестник. № 11. 2004.
- Громяк В. Дело адмирала Щастного // Трибуна. 2 января 2007 года.
- Гросул В.Я. Истоки трех русских революций // Отечественная история. № 6. 1997.
- Гросул В.Я. Красные генералы Гражданской войны // <http://prometej.info/new/history/310-general-krasnoi-armii.html>
- Гросул В.Я. Октябрьская революция: истоки, ход, результаты // Марксизм и современность. № 3—4. 2007.
- Грунт А.Я., Старцев В.И. Петроград-Москва. Июль—ноябрь 1917. М., 1984. С. 15, 95.
- Гуль Р. Деникин А.И. Барон Будберг А. Ледяной поход. Поход и смерть генерала Корнилова. Дневник. М., 1990.
- Гуль Р.Б. Дзержинский (Начало террора). Нью-Йорк. 1974. С. 2—5.
- Гуль Р.Б. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. М., 1990. С. 23.
- Гуль Р.Б. Рыжий конь. Ледяной поход. М., 2007. С. 261—262, 318.
- Гумилев Н. Неизданное. Paris, 1980. С. 144—145.
- Гумилев Н. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М., 1991. С. 176.

- Гурко В.И. Царь и царица. Приложение. М., 2008. С. 298—299.
- Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 150.
- Гусев К.В. в кн.: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. Москва, 1993.
- Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999. С. 13, 66, 74.
- Гусейнов Г. Идеология «расстрел» // Отечественные записки. № 3 (4). 2002.
- Да, я адмирал Колчак // Сельская молодежь. № 11—12. 1990.
- Далин Д. Меньшевизм в период советской власти. Меньшевики. Вермонт. 1988. С. 140.
- Дальский А. Кровавый святомученик / Дуэль. № 10. 6 марта 2007 г.
- Дан Ф.И. Два года скитаний. Воспоминания лидера российского меньшевизма. М., 2006.
- Данилов Е. Ленин: тайны жизни и смерти. М., 2007. С. 530—531.
- Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2007. С. 3, 425.
- Данте Алигьери. Новая жизнь. Божественная комедия. М., 1967. С. 83.
- Даркевич В. Астрахань — дорога на Восток. М., 2006.
- Де Витт. Д. Чеченская конная дивизия. 1919 год // Звезда. № 10. 2005. С. 160.
- Дегоев В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 79—80.
- Дегоев В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. С. 79, 136.
- Делягин М. «К 2012 году все изменится?» // Завтра. Июль 2006. № 27. С. 4.
- Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3 книгах. Кн. 3. Т. 4—5. М., 2006. С. 617.
- Деникина М.А. Генерал Деникин. Воспоминания дочери. М., 2004. С. 67, 140, 142, 197, 205.
- Дзержинский Ф. Афоризмы / www.aforizm.info/author/feliks-dzerzhinskiy
- Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. В 2-х томах. Т. 1. М., 1977. С. 182, 184—185.
- Дикий А. Евреи в России и в СССР. Исторический очерк. Новосибирск. 1994. С. 125.
- Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. М., 2008. С. 332.
- Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т. 4., М., 1978. С. 227.
- Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. М., 2008.
- Дмитриев С.Н. О жизни, смерти и любви? М., 2005. С. 282.
- Дмитриев С.Н. Таинственный альянс / В: Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после его отречения. М., 2005. С. 511.
- Дневник Бориса Никольского. М., 1934. Т. 2 (63). («Красный Архив»). С. 72.
- Дневник М.Ф. Шиллинга. Апрель-июль 1889 г.
- Дневник Тараса Шевченко. 20 мая 1858 года.
- Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 262.
- Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921—1929. М., 2006. С. 101—102, 228.
- Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. 1879—1921. М., 2006. С. 230, 276, 343—344.
- Документы и материалы по истории Советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1.
- Долгоруков П.Д. Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. М., 2007.
- Дубина А. Кто вы, генерал Красноф / Столичные новости. 29 октября-4 ноября 2002.
- Дубинский И.В. Примаков. М., 1968.
- Дубнов С.М. Книга жизни. Т. 2. Рига. 1935. С. 247.
- Дульцев Г. Столпы Земли. Н.А. Найденов / Москва родословная. М., 1998. С. 47.
- Душенькин В.В. От солдата до маршала. Жизнь и боевой путь маршала Советского Союза В.К. Блюхера. М., 1961. С. 90.
- Дыбенко П.Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 1958. С. 179.
- Дыбенко П.Е. Мятельники. М., 1923. С. 110 / www.hrono.ru и www.hronos.km.ru
- Дэвис Н. История Европы. М., 2005.
- Дюкло Ж. Октябрь 17 года и Франция. М., 1967. С. 290—292.
- Дюринг Е. Еврейский вопрос, как вопрос о расовом характере и о его вредоносном влиянии на существование народов, на нравы и культуру. Перевод В. Правдина. М., 1906. Гл. IV.
- Евдокимов П. Тайна гибели Савинкова раскрыта // Спецназ России. № 6. 2004.
- Еврейская делегация у генерала Деникина // Лехаим. Декабрь 2005 г.
- Егишянц С.А. Тупики глобализации: торжество прогресса или игры сатанистов? М., 2004.
- Екабсон Э. Латыши в российской армии во время Первой мировой войны. В: Последняя война Российской империи. Отв. ред. В.П. Козлов. М., 2006. С. 222—224.
- Елагин М. Соль чужбины. Л., 1989. С. 123—124.
- Елисеев А. 1918 год: междоусобицы красных вождей / Русская цивилизация. 24.03.2005.
- Елисеев А. Троцкий: феномен красного западничества / Русская цивилизация. 10.11.2007.
- Елисеев Ф.И. Лабинцы. Побег из Красной России. М., 2006. С. 228, 317, 325, 353—354.
- Емельянов Ю.В. Заговоры 1917 года: мифы и правда / Материалы научной конференции «Великий Октябрь и мировая цивилизация». 10 ноября 2007 г. // Музейный сборник. М., 2008.
- Есиков С.А., Канищев В.В. «Антоновский НЭП» / Отечественная история. № 6 4. 1993. С. 61.
- Жданов В. Некрасов. М., 1971. С. 447.

- Жевахов Н. Воспоминания. Том 1. По 1915 год. — До убийства Распутина 16 дек. 1916 г. Очерк распутищины и воспоминания до начала 1917 г. — Февральская революция. / <http://www.krotov.info/history/20/1910/zhevahov.html>
- Жевахов Н.Д. Еврейская революция. М., 2006.
- Жирарден Д., Жильяр П. Рядом с царской семьей. М., 2006. С. 288.
- Жук Ю.А. Гибель Романовых. По следам неразгаданных тайн. М., 2009. С. 89, 272—273.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 2-ое издание. Т. 1. М., 1974. С. 74—75.
- Журавлев В.В. Послеоктябрьский большевизм: от «авторитета идей» к «авторитету власти» (октябрь 1917—1920). М., 2005. С. 338—341.
- За Советы без коммунистов: крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921. Сб. документов. Сост. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2000. С. 391—393.
- За спиной Колчака. Документы и материалы. Под ред. проф. А.В. Квакина. М., 2005.
- Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. Отв. ред. И. Касавин. М., 1990.
- Зайончковский А.М. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 7. М., 1923. С. 147.
- Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.
- Замоскворецкая Ю. У бездн мрачной на краю / Интернет-издание Москвы. 29.06.2008.
- Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008.
- Зарубин В. Об этноконфессиональном конфликте в Крыму // Выступление на Крымской научно-практической конференции «Христианство на южном берегу Крыма». Ялта. 24.11.2000.
- Земляной С. Родина и революция по сходной цене // Отечественные записки. № 1. 2003.
- Зенькович Н.А. Инсценировки и покушения: от Ленина до Ельцина. М., 2002.
- Зимина В.Д. Белое движение в годы гражданской войны. Волгоград. 1995. С. 27—28.
- Золотусский И. Гоголь. М., 2005. С. 305—306.
- Зорькин В. Д. Чичерин. М., 1984.
- Зуев М.Н. Отечественная история. Кн. 2. Россия в XX — начале XXI веков. М., 2005. С. 215.
- Зырянов П.Н. Адмирал Колчак — верховный правитель России. М., 2006. С. 326, 583—585.
- Иванов А. Операция «Адмирал». Оборотни в эполетах. М., 2009.
- Иванов А. «Он был лучше своей репутации?» В.М. Пуришкевич глазами современников / Русская линия. 28.05.2005.
- Иванов А.А. Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной Думы в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). СПб., 2006.
- Иванов В. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 162—163.
- Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство от Петра I до наших дней. М., 1998. С. 420.
- Иванов Г. Блок и Гумилев // Дон. № 9. 1998. С. 156.
- Иванов Н.Л. Контрреволюция в России в 1917 г. и её разгром. М., 1977. С. 45.
- Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927). М., 1980.
- Ивашина А. «Согрешили мы с отцами нашими?» // Журнал Достоинство. № 1. Март 2009.
- Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М., 1955, С. 284.
- Из истории гражданской войны в СССР. Сб. документов и материалов. Т.1. М., 1960.
- Из секретного доклада о причинах неудачи борьбы с большевиками на Северо-Западном фронте // Архив русской революции. Т. 2. М., 1991.
- Изгоев А. П.А. Столыпин: очерк жизни и деятельности. СПб., 1913. С. 133.
- Изложение учения Сен-Симона. Под ред. В.П. Волгина. М., 1961. С. 163.
- Ильин И. Аксиомы религиозного опыта. Исследование. Т. I—II. М., 1993. С. 223—231.
- Ильин И.А. Национал-социализм. Новый дух. I. Париж, 1933.
- Ильин И.А. О воспитании национальной элиты. М., 2001. С. 458—459.
- Ильин И.А. Теория государства и права. Под ред. проф. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 288.
- Ильин И.А. Церковь и жизнь / Православие: pro et contra. Осмысление роли Православия в судьбе России со стороны деятелей русской культуры и Церкви. СПб., 2001. С. 400—402.
- Институты управления культурой в период становления 1917—1930-е гг. М., 2004. С. 20.
- Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977. С. 324.
- Иоффе Г. «Белое дело» и его эпилог // Наука и жизнь. № 4. 2005.
- Иоффе Г. Деникин: «народ снизу доверху пал так низко» // Наука и жизнь. № 12. 2004.
- Иоффе Г. Генерал Корнилов. «Ответственность перед богом и русским народом беру на себя!» // Наука и жизнь. № 11. 2004.
- Иоффе Г. Революция и судьба Романовых. М., 1992.
- Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 255.
- Ипполитов Г.М. Деникин. М., 2000. С. 257—258, 497.
- Ипполитов Г.М. Кто вы, генерал А.И. Деникин? Самара, 1999. С. 32. Прим. 133.
- Историки спорят. М., 1989. С. 469.
- Исторические силуэты. Под ред. С.В. Тютюкина. М., 1991. С. 239.

- Исторический архив. № 1. 1958. С. 5—6.
- Исторический опыт трех революций. Кн. 2. М., 1986. С. 189—190.
- История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1953.
- История дипломатии. (1872—1919 гг.). Под ред. В.П. Потемкина. Т. 2. М.-Л., 1945. С. 361—363.
- История евреев в России. Учебник. М., 2005.
- История России. XIX век. В двух частях. Ч. 2. Под ред. проф. В.Г. Тюкавкина. М., 2004.
- История России. XX век. Учебное пособие. Под ред. Б. Личмана. Кн. 2. Екатеринбург, 2001.
- Ицков И., Бабак М. Маршал Жуков // Огонёк. № 48. 1986. С. 7.
- Кавказская война: истоки и начало. 1770—1820 годы. Составители: Я. Гордин, Б. Миловидов. СПб., 2002. С. 255.
- Кавторадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920. М., 1988.
- Кадесников Н.З. Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, на морях, озерах и реках России в 1917—1922 годах. М., 2002. С. 15.
- Каменев Л.Б. Между двумя революциями. М., 2003. С. 652.
- Каменский А.Б. Уроки, которые можно было бы извлечь / Одиссей. Человек в истории. М., 2004. С. 417.
- Кантор Ю. Война и мир Михаила Тухачевского. СПб., 2008. С. 110, 244, 254.
- Карамзин Н.М. О древней и новой России. М., 2002. С. 385.
- Кара-Мурза С.Г. Гражданская война (1918—1921). Урок для XXI века. М., 2003.
- Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Русские о большевизме. Опыт антологической антологии. СПб., 1999. С. 247.
- Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Т. I. М., 2003.
- Кара-Мурза С.Г. Советский Союз и Россия в XX веке / Советская Россия. 19.04.2004.
- Карачаров А. «Перегрызай горло всякому большевику». 8 апреля 2008 г. / Протоколы допросов Чрезвычайной следственной комиссии для расследования действий полковника Семёнова и подчинённых ему лиц // Катанаев Г.Е. На заре сибирского самосознания. Новосибирск. 2005.
- Кардин В. Можно ли верить речистым былинникам / Лехамим. Октябрь 2003.
- Карлейль Т. История Французской революции. М., 1991. С. 543.
- Карпенко В. Шорс. М., 1974. С. 196—197.
- Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917—1920 гг.). М., 2006.
- Карпов В.В. Генералиссимус. Книга первая. Калининград. 2002. С. 85—86, 93—94.
- Карпов Н.Д. Трагедия Белого Юга. 1920 год. М., 2005. С. 12—16, 21, 29, 355.
- Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1982. С. 378—379, 482—483.
- Катков Г. Дело Корнилова. Париж. 1987. С. 21.
- Катков Г.М. Дело Корнилова. М., 2002. С. 141.
- Кашин О. Гибель эскадры / Русская жизнь. 3 августа 2007 г.
- Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. М., 2005. С. 361—362.
- Кессель Ж., Душкин В. Княжеские ночи. Забытые. М., 2007. С. 408—409.
- Киличенко А. Заложники борьбы за власть // Наука и жизнь. № 10. 2005.
- Кинг Г., Вильсон П. Романовы. Судьба царской династии. М., 2005. С. 341, 350—351, 512.
- Кириенко И.К. От чести и славы к подлости и позору февраля 1917. Воспоминания // Военно-исторический архив. № 5. 2003. С. 15.
- Киселёв А.Ф. Страна грез Георгия Федотова. Размышления о России и революции. М., 2004.
- Клавинг В. Гражданская война в России: Белые армии. М., 2003.
- Клепиков В. Адмирал Колчак // Наука и жизнь. № 4. 2000 / Плотиных И. Колчак. Ростов-на-Дону, 1998.
- Климов Г. Протоколы советских мудрецов. Издание пятое. Краснодар. 2001. С. 45, 158, 160.
- Ключевский В. Боярская дума Древней Руси (Введение) // Россия и современный мир. № 3. 2004. С. 143.
- Кобылин В. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. История антимонархического заговора. Под ред. Л. Болотина. СПб., 1998. С. 1.
- Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М., 2008. С. 230, 381, 419.
- Ковалевский М.М. Сочинения в двух томах. Современные социологи. Т. II. СПб., 1997. С. 13.
- Козлов А. Жизнь и судьба русского генерала А.И. Деникина // www.relga.rsu.ru/n27/hist27
- Колесников Н. Судьба адмирала Щастного // Красная звезда. 18 мая 2002 года.
- Колодный Л. Ленин без грима. Гений и злодейство. Сталин. М., 2004. С. 391.
- Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Пг., 1923. С. 28.
- Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни. Сост. Г.В. Егоров. Барнаул. 1991.
- Коммунисты. Сборник. Составитель С.Н. Семанов. М., 1976. С. 264.
- Конкин П. Драма генерала. / Илин. Исторический, культурологический журнал. №1. 1998.
- Константинов С. Почему Грузия лишилась в 1921 г. независимости // Содружество. 27.06.2001.
- Конференции РСДРП 1912 года. Документы и материалы. М., 2008. С. 476.

- Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград. М., 2004. С. 162—163, 528—529.
- Корнелюк Н. Русская революция стоила 60 миллионов немецких марок // Профиль. 14 марта 2005. С. 112.
- Коронационные торжества 1896 года в Москве. Из «Записок» В.Ф. Джунковского // Отечественная история. Подг.: З.И. Перегудова, И.М. Пушкарева. № 4. 1997. С. 13.
- Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие (1762—1855 г.). СПб., 1906. С. 266; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 30.
- Костин Н.Д. Отравленные пули. Десять покушений на В. Ульянова / Ленина/. М., 2000.
- Котомкин А. О Чехословацких Легионах в Сибири. М., 1997. С. 171.
- Коэн С. Бухарин. Политическая биография (1888—1938). М., 1988. С. 108—109.
- Крамарж К.П. Русский кризис. Прага; Париж, 1926. С. 10.
- Краснов П.Н. На внутреннем фронте. М., 2003. С. 30, 70, 89, 105, 184, 186, 188, 208, 229.
- Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. М., 2004. С. 85, 232.
- Крах германской оккупации на Украине // История гражданской войны. М., 1936. С. 65.
- Кремлёв С. Имя России: Сталин. М., 2008. С. 125—126, 137.
- Креславский В. Путь для верховного атамана // Наше время. № 49. 2—8 июля 2007 г.
- Крестянский восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. Тамбов, 1994.
- Кречетников А. Генеральная репетиция / Киевская Русь. Информационно-аналитический альманах. 21.01.2008.
- Крицман Л. Героический период Великой русской революции. М., 1924. С. 43. Цит. по: Гайдар Е. Особость России // Вестник Европы. № 15. 2005.
- Кришевский Н. В Крыму (1916—1918) / Архивы Русской революции. Т. 13. 1992. С. 111.
- Кровавый маршал. Сборник публикаций о М.Н. Тухачевском. Сост. Г. Смирнов. СПб., 1997.
- Кропоткин П.А. Великая Французская революция (1789—1793). М., 1979. С. 289, 443.
- Кропоткин П.А. Идеал в революции // Былое. 1921. № 17. С. 40—41.
- Кротков Б. «Похабный» Брестский мир // Российская газета — Неделя №4611 13.03.2008.
- Крушельницкий А.В. Читая Будницкого / Новый исторический вестник. № 1. 2007.
- Крылов В.В., Кичатова Е.В. Издательство «Academia». Люди и книги. Под ред. В. Попова. М., 2004. С. 24.
- Кублановский Ю. Ярославское восстание. Июль 1918 // Новый мир. № 11. 1999.
- Кудрина Ю. «Красный террор», расстрел великих князей из дома Романовых / Знание-сила. №1. 2000.
- Кузнецов Д. Последний парад Каппеля // Небесный всадник. № 1—2. январь—февраль 2007.
- Кузьмин Г.В. Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917—1922 гг. М., 1977. С. 19—22.
- Кулаев И. Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя. 1875—1930. М., 2006. С. 147, 151.
- Кулешов С.В. Размышления о революции // Отечественная история. № 5. 1996. С. 125.
- Куманёв А.А. Революция и просвещение масс. М., 1973. С. 142.
- Куманев Г. 22-го, на рассвете... // Правда. 1989. 22 июня.
- Куприн А.И. Сочинения в двух томах. Т. 1. Повести и рассказы. М., 1981. С. 207—208.
- Курдюмов М. Православие и большевизм / Православие: pro et contra. Осмысление роли Православия в судьбе России со стороны деятелей русской культуры и Церкви. СПб., 2001.
- Кушпель В.Л. О музее истории Дипломатической академии МИД РФ // Россия и современный мир. № 2. 2006. С. 198—199.
- Кюн Г. Мировая политика и мировая этика / Цит. по: Культура мира и демократия. М., 1997.
- Лавров В.В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920—1953). М., 1989. С. 66.
- Ларионов В. Последние юнкера. Франкфурт, 1984. С. 38.
- Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 82—83.
- Латышев И. Как Япония похитила российское золото. М., 1996.
- Лев Троцкий. Дневники и письма. Под ред. Юрия Фельштинского. Эрмитаж. США. 1986.
- Левин Л. (США) Белогвардейцы грабили и насиловали не меньше «красных» «Выбирать не приходилось» / НГ. <http://vlasti.net/news/10568>
- Левятов В. Петлюра и Ленин евреев не убивали, но... / Заметки по еврейской истории. 06.02.2008.
- Лейбельман М. Чекисты-евреи — миф!!! / Интернет-приложение к газете Каскад.
- Ленин В.И. ПСС. Т. 20, 23, 25, 29.
- Ленин В.И. Речь на митинге Варшавского революционного полка 2 августа 1918. ПСС. Т. 37; Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). М., 1957; Жаров Ч.И., Устинов В.М. Интернациональные части Красной Армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР, М., 1960;

- Интернационалисты в боях за власть Советов. Сборник статей. М., 1965; Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967; Интернационалисты. М., 1967.
- Ленинский сборник II. Под ред. Л. Каменева. М., 1924. С. 183.
- Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина / Восток, Россия и славянство. М., 1996. С. 684.
- Лесков Н. Жидовская кувырколлегия / Русские писатели о евреях. М., 2005. С. 89, 96.
- Лесков Н.С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. М., 1981. С. 314.
- Лехович Д. Белые против красных. М., 1992. С. 172, 176.
- Лехович Д. Деникин. Жизнь русского офицера. М., 2004.
- Лившиц М. Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., 1988. С. 230.
- Лизунов П. Расстрел с конфискацией // Родина. № 5. 2005.
- Лизунов П.В. «Великий Манус»: взлёт и падение Петербургского биржевого короля / Английская набережная, 4. Выпуск 5. СПб., 2007. С. 300—301.
- Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. М., 2006.
- Лобанов М. Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. М., 2008. С. 141.
- Локкарт Р.Б. Сидней Рейли: шпион-легенда XX века. М., 2001. С. 22, 331—332, 371.
- Лория Е. Профессор Академии ФСБ России А. Плеханов: «Нормальной семейной жизни у Феликса Дзержинского не было» // Известия Неделя. 11 мая 2007 г.
- Лосев Е.Ф. Миронов. М., 1991.
- Лосский Н.О. Религиозность русского народа / Православие: pro et contra. Осмысление роли Православия в судьбе России со стороны деятелей русской культуры и Церкви. СПб., 2001.
- Лукицкий П.Н. Николай Гумилёв. «Дело» Гумилёва. М., 2002.
- Лукомский А.С. Воспоминания. Т. 2. Берлин. 1922. С. 116.
- Луначарский А.В. Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991.
- Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 182.
- Лызлова Т. «Евреи прибрали к рукам Россию». Антисемитские настроения на Смоленщине в первой трети XX века // Родина. № 2. 2006. С. 35—36.
- Людendorф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая в записках германского полководца. 1914—1918. М., 2007. С. 273, 289—290.
- Лютер А. Дневник офицера // Памятники Отечества. № 25. 1992. С. 156.
- Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 9.
- Магомедсалихов Х.Г. События гражданской войны в Дагестане // Военно-исторический журнал. № 10. 2008.
- Мазилкина И. Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы // Журнал Достоинство. № 1. март 2009. С. 136—141.
- Макаренко А.С. О воспитании молодёжи. М., 1951. С. 147.
- Макаренко А.С. Педагогическая поэма. М., 1983.
- Макаров Н.А. Военная интервенция и гражданская война на севере России. 1918—1920 г. // www.emezk.ru/forum/topic/73/
- Макиавелли Н. Государь. М., 1996. С. 102.
- Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. М., 2006.
- Маковский С.К. Силуэты русских художников. М., 1999. С. 24.
- Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). М., 1964. С. 22.
- Малии М. В поисках истинного Октября // Отечественная история. № 4. 1992.
- Мальшева С.Ю. Две казни. Судьба М.Л. Коган-Бернштейна // Отечественная история. № 3. 1994. С. 172, 175, 176.
- Мальков П.Д. Записки коменданта Московского Кремля. М., 1959. С. 159—161.
- Мальцева Т.В. Земская «опозиция» колчаковщине // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. С. 192.
- Мандрик М.В. И.М. Гревс и Д.М. Петрушевский (из эпистолярного наследия учёных) / Петербургские исследования. Сборник научных статей. Отв. ред. проф. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2006.
- Маркедонов С. «Смирись, Кавказ, идёт Ермолов» // Дуэль. № 48. 27 ноября 2001 г.
- Марков А. Кадеты и юнкера. Ишевский Г. Честь. М., 2007. С. 142, 145.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4, 6, 11, 16, 18.
- Марктоманн Ю. Недипломированный дипломат // Еврейская газета. № 7. Июль 2006 г.
- Мартиросян А. Мундир английский — правитель Омский // За семью печатями. № 4. 2007.
- Мартиросян А.Б. Сталин и репрессии 1920—1930-х годов. М., 2007. С. 181.
- Мартынов Е.И. Корнилов (Попытка военного переворота). Л., 1927. С. 14; Цит. по: Ушаков А., Федюк В. Лавр Корнилов. М., 2006. С. 60.
- Маслаков А. Русский офицерский корпус и офицерские организации 1917 г. / Rambler.ru.
- Маяковский В.В. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1988. С. 359—360.
- Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М., 1990. С. 56.

- Медведев Р. Они окружали Сталина. М., 1990. С. 244.
- Мейер Г. Поруганное чудо // Вопросы философии. № 10. 2006. С. 104—105.
- Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918—1923. М., 1990. С. 36, 37, 39, 40, 44, 52.
- Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 10.
- Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 17, 201, 538, 539.
- Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения. М., 2006. С. 30, 56, 57, 58.
- Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1—2. М., 2005.
- Менделеев Д.И. Заветные мысли. М., 1995. С. 196—197.
- Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002. С. 436.
- Меньшевики в 1922—1924 гг. Отв. редакторы: З. Галили, А. Ненароков. М., 2004. С. 71, 309.
- Меньшиков М.О. Выше свободы. Статьи о России. М., 1998. С. 282—283, 424.
- Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М., 2000. С. 219, 243, 246, 247, 461.
- Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. М., 1957. С. 408.
- Меркулов Е.Ю. Песня донских офицеров / http://zhurnal.lib.ru/m/merkulow_e_j/don.shtml
- Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. М., 1991. С. 89; Азраэль Д.Р., Брукофф П.А., Школьников В.Д. Перспективы миграции и эмиграции из бывшего СССР // Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция. Вып. 1. М., 1992. С. 207.
- Миллер А.И. Михаил Сергеевич Грушевский и его «История Украины» / Грушевский М. Иллюстрированная история Украины. М., 2001. С. V.
- Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 года. М., 1974. С. 111.
- Милуков П.Н. Воспоминания государственного деятеля. Нью-Йорк, 1982. С. 65—68.
- Минаев В.В. Демографические факторы обострения экономического кризиса в года Гражданской войны (Сибирь и Дальний Восток) // Новый исторический вестник. № 3. 2001.
- Мировой кризис 1914—1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005.
- Миронов В.Б. Народы и личности в истории. Т. III. М., 2001. С. 483.
- Миронов С.М. Февраль и Октябрь 1917-го. Что это было? // Российская газета. 20 февраля 2008 г. С. 17.
- Миронов С.С. Гражданская война в России. М., 2006.
- Митрополит Антоний (Храповицкий). Жизнеописание. 1919—1939. СПб., 2006.
- Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 194, 196—197.
- Михайлов А. Легенды и мифы Ярославского мятежа / АИФ Ярославль. 25.06.2008.
- Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914—1920 гг. Кн. 2. М., 1993. С. 460, 496—497.
- Михайловский Н.М. Герои и толпа. Избранные труды по социологии в 2-х томах. Т. II. СПб., 1998. С. 249.
- Михайловский С.Д. Побег с мутьюгской каторги // Вопросы истории. № 6, 1974. С. 205.
- Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы. М., 1968. С. 629.
- Млечин Л. МИД — министры иностранных дел. Тайная дипломатия Кремля. М., 2003. С. 17.
- Млечин Л.М. Русская армия между Троцким и Сталиным. М., 2002. С. 258—259.
- Могильницкий Б.Г. Н.А. Бердяев о русской революции // Россия в XX веке. М., 1996. С. 237.
- Можаев А. Кровавая неделя // Архнадзор. № 155. Февраль 2008.
- Можаева Л. Партии и организации антибольшевистского лагеря // Новый исторический вестник. № 1. 2000.
- Моисеев Н. Можно ли говорить о России в будущем времени? Россия в контексте «судьба цивилизаций» // Наука и жизнь. № 1. 1998.
- Моисеев М.А. Былое. 1894—1980. Сан-Франциско, 1980. С. 69.
- Молодцыгин М.А. Красная Армия: Рождение и становление, 1917—1920 гг. М., 1997.
- Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 424.
- Морозов К.Н. Эсеровский терроризм в России (1902—1918 гг.): очерки истории, идеология, ментальность, этика, повседневная жизнь, тактика и террористическая техника, парадоксы, загадки, дискуссии. Исследование РГНФ. Научный проект № 05-01-01410.
- Морозов Н.А. Христос. Руины и привидения. М., 1998. С. 148, 149, 199.
- Моше-Хаим Левин. Слово о мятежном раввине // Жизнь. № 543. июль 2005.
- Муасский И. Сто великих диктаторов. М., 2000.
- Мухин Ю.И. Война и военная мысль. М., 2007.
- Мясников Г. Философия убийства, или почему и как я убил Михаила Романова. (Публикация Б.И. Беленкина и В. К. Виноградова). / Музей Романова. Пермь. 1999.
- «Мятежная чета» в Кабуле. Письма Ф.Раскольникову и Л.Рейснер Л.Троцкому (1922 г.) // Отечественные архивы. № 3. 2003. Вступительная статья Н.А. Мышова.
- Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. 1. Составитель А.А. Ермичев. СПб., 1994. С. 171.
- Нагина К. Без наших «стремлений» было бы жить хуже? // Подъем. Воронеж. № 7. 2003.

- Назаров Г. «Какое-то безумие в нём тлеет?» // ЧП. № 6. 1999.
- Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900—1939 гг. М., 2000. С. 78.
- Науменко К.Е. Украинские военные формирования Австро-венгерской армии в Первой мировой войне / Последняя война Российской империи. М., 2006. С. 238.
- Нахапетов Б.А. Врачебные тайны дома Романовых. М., 2007. С. 291.
- Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 247.
- Неведомская В. Воспоминания о Гумилёве и Ахматовой / Анна Ахматова: pro et contra. Антология. Т. 2. СПб., 2005. С. 125.
- Нежинский Л.Н.. Внешняя политика Советского государства в 1917—1921 годах: курс на «мировую революцию» или на мирное сосуществование? // История СССР. № 6. 1991.
- Некрасов Н. Стихотворения. Поэмы. М., 1971. С. 384—385.
- Нелепин Р.А. История казачества. Т. 1. СПб., 1995. С. 238. Т. 2. СПб., 1995. С. 444.
- Немецкая социология. Под ред. Р.П. Шпаковой. СПб., 2003. С. 296—297.
- Немирович-Данченко В.И. Скобелев. М., 1993. С. 7—8.
- Немировский А.А. К вопросу о числе жертв еврейских погромов в Фастове и Киеве (осень 1919 г.) // Новый исторический вестник. № 14. 2006.
- Непомнящий А. Волго-Дон в пылу реформации // Российские вести. 31 мая—7 июня 2006 г.
- Несмелов А.И. Без Москвы, без России. Стихотворения. Поэмы. Рассказы. М., 1990.
- Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918—1921. Документы и материалы. Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2006. С. 130, 162, 337, 339, 792—793.
- Николай Гумилёв. Исследования и материалы. Библиография. Сост. М.Д. Эльзон. Н.А. Грознова. СПб., 1994. С. 613—614.
- Никольский А. «Литерные» // Техника-молодежи. № 4. 2006.
- Никольский Е.А. Записки о прошлом. Сост. и подгот. текст Д.Г. Браунс. М., 2007. С. 138.
- Новейшая отечественная история. XX век. Под ред. Э. Шагина, А. Лубкова. Кн. 1. М., 2004.
- Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.-Л., 1954. С. 139—140.
- Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 224, 281—283.
- Новиков С. Бойня в Крыму // Новый мир. № 3. 1998.
- Нольде Б. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 274, 419—421.
- Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии. Октябрь 1921—1922 гг. Тамбов. 1922.
- Образцов И. Русская эмиграция / Версия Независимой газеты. № 073. апрель 1995 г.
- Овечкин В.В. Дезертирство из Красной армии в годы гражданской войны // Вопросы истории. № 3. 2003. С. 108—115.
- Овсянников И. Почему погибла махновщина. //socialism.ru /2 сентября 2005 г.
- Оздоровление России начнётся с окраин / Исторический альманах Лабиринт времен.
- Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М., 2003. С. 466.
- Олеша Ю.К. Книга прощания. М., 2006.
- Опишня И. Тухачевский и Скоблин; Из истории одного предательства // Возрождение. Париж, 1955. Тетрадь №39. С. 10; Цит. по: Кантор Ю. Война и мир Михаила Тухачевского. СПб., 2008. С. 158.
- Орбели Л.А. Воспоминания. М.-Л., 1966. С. 83.
- «Остров Смерти» — музей на острове Мудьюг / Вандалам — нет! Интернет-проект. 06.06.2008.
- Островская Р. Николай Островский. М., 1974. С. 6.
- Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004. С. 217.
- Островский Н. Как закалялась сталь. Л., 1967. С. 223.
- Отклики на статью А. Самоварова. Владимир Ленин — первый политехнолог / АПН. 27.12.2008.
- Открывая новые страницы? События и люди. Сост. Н.В. Попов. М., 1989.
- Оуэн Р. Избранные сочинения. Т. I. М.-Л., 1950. С. 363, 371.
- Павлов Б. Генерал В.О. Каппель и его «Каппелевцы» на Волге и в Сибири. 1918—1920 гг.
- Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 308; Ч. 2. М., 1994. С. 55—56.
- Пальмова И. След на земле. Страницы жизни Виктора Камкина. М., 1995. С. 120, 123.
- Панкратов Д. Последний бой Гражданской войны // Рагнар Хорс. 02.12.2009.
- Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорс В.Г. Революционная традиция в России. М., 1986. С. 317.
- Пейн Р. Ленин — жизнь и смерть. М., 2002. С. 9, 12, 31—32, 548.
- Перминов В. Генерал Каппель // Народная газета. 17 июня 1994 года.
- Петрибридж Р. Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежденных. 1905—1918. М., 2006. С. 96—97, 112, 300—301.
- Петиция рабочих и жителей Петербурга / Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. М., 1955.
- Петров Ю. Король банкиров. Портрет Алексея Путилова в интерьере эпохи // Родина. № 5. 2005.

- Пече Я. Красная Гвардия в Москве в боях за Октябрь. М.-Л., 1929 / Просветительский журнал Скепсис / http://scepsis.ru/library/id_2031.html
- Пикуль В. Из тупика. Роман-хроника. М., 1997. С. 412, 648.
- Пирумова Н.М. Пётр Алексеевич Кропоткин. М., 1972. С. 195.
- Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. Берлин, 1924.
- Платонов О. Терновый венец России. История Русского Народа. Т. 1. М., 1997.
- Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и её осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск, 1976. С. 42.
- Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2003. С. 98—99, 376—377, 435.
- Покровский Н.Н. Политбюро и Церковь. 1922—1923 // Новый мир. № 8. 1994.
- Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. М., 1990. С. 279, 326—327.
- Полоцк. Исторический очерк. Авторский коллектив. Минск, 1987.
- Полушин В.Л. Николай Гумилёв. Жизнь расстрелянного поэта. М., 2006. С. 452, 453, 706.
- Поляков А.В. Разработка реформы ВЧК // Новый исторический вестник. № 7. 2002.
- Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками. Мюнхен, 1962. С. 79—81.
- Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. № 6. 1992.
- Поляков Ю.А. и др. Антисоветская интервенция и её крах. М., 1982.
- Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. Кн. 2. М., 2004. С. 74—75, 111, 187.
- Пономарев А.Н. Победа Октябрьской революции в Москве и Подмосковье; Кострикова Е.Г. Накануне решающей битвы. Москва в октябре 1917 года / Материалы научной конференции «Великий Октябрь и мировая цивилизация». 10 ноября 2007 года. Музейный сборник. Выпуск 11. М., 2008. С. 89—101.
- Последние дни Романовых. Сост. В.П. Семейнинов. М., 1991. С. 35—37, 198—201.
- Последние дни Романовых: документы, материалы следствия, дневники, версии. Сост. М. Шекулина, К. Белокуров. Свердловск. 1991.
- Почему белые проиграли? Взгляд глазами участников // Наука и жизнь. № 4. 2005.
- Преступная толпа. М., 1998. С. 68, 86.
- Прибыткова Л. Реабилитируют палача? // Гласность. № 1. 2007. С. 11.
- Прилепин Э. Великолепный Мариенгоф. Памяти «забытого поэта» // Русская жизнь. 24 апреля 2008 г.
- Приступить немедленно к ликвидации ЧК / Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2558. Л. 2. Автограф. Бланк председателя Моссовета.
- Пришвин М.М. «Когда?» М., 1990. Т. 16. С. 411—422.
- Пришвин М.М. Дневники. 1914—1917. М., 1991; 1918—1919. М., 1994; 1920—1922. М., 1995.
- Пронин А.В. «Советский Лоуренс» в Афганистане // Независимая газета 7 апреля 2000 г.
- Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива. Два взгляда на проблему. // Отечественная история. № 5, 1993. С. 17—18.
- Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917— март 1918 гг. М., 2006. С. 168, 207.
- Прудникова Е.А., Колпакиди А.И. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий / <http://lib.rus.ec/b/93598/read>
- Пуанкаре Р. Воспоминания. 1914—1918. М., 1936. С. 137.
- Пуришкевич В.М. Дневник. Рига, 1924.
- Пушкарев С.Г. Россия 1801—1917: власть и общество. М., 2001. С. 617.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 8. С. 172—173.
- Пыхалов И. Поминал Сталина // Спецназ России. № 4. апрель 2003 г.
- Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы? М., 2008. С. 56—60.
- Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989.
- Радде Г. Крымские татары. Отличительные черты в характере татар. Гл. III. М., 1856.
- Радзинский Э. Николай II: жизнь и смерть. М., 2004.
- Раев М. «Совершенно лично и доверительно». Б. Бахметев — В. Маклаков. // Новый журнал. № 233. 2003.
- Раевский Н.А. Добровольцы. Давитц В.Х. На Москву. М., 2007. С. 266, 275.
- Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 200, 211, 242.
- Раупах Р.Р. фон. Лик умирающего. СПб., 2007. С. 150.
- Рахманов А.Б. Так были ли Маркс и Энгельс русофобами? // Россия и современный мир. № 4. 2005. С. 156.
- Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 627.
- Революционное движение в русской армии в 1917 г. Сб. документов. М., 1968. С. 61.
- Реден Н. Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина. 1914—1919. М., 2006.

- Рейли Д.Дж. «Изъясняться по-большевистски», или как саратовские большевики изображали своих врагов // Отечественная история. № 4. 2001. С. 82—83.
- Рейман М. Заметки по интерпретации 1917 года // Отечественная история. № 4—5. 1994.
- Рид Дж. Восставшая Мексика. 10 дней, которые потрясли мир. Америка 1918. М., 1968.
- Робеспьер М. Избранные произведения в трёх томах. Т. 2. М., 1965. С. 331—332.
- Рогова В. Памятник Белой гвардии. Из истории цикла М. Цветаевой «Лебединый стан» // Независимая газета. 11.05.2004.
- Родзаевский К. Завещание русского фашиста. М., 2001. С. 249.
- Розанов В.В. Около церковных стен. М., 1995. С. 370, 379, 418.
- Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 416, 475.
- Романишина В. Белые: кто они? // Родина. № 3. 2008.
- Романов А. Карл Маркс и матрос Железняк разгоняют Учредительное собрание / РИА новости. 6.04.2007.
- Романова М. Воспоминания великой княжны. М., 2006. С. 340.
- Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. IV. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. М., 1993. С. 213—221.
- Россия должна преодолеть извращения ельцинизма / Русская цивилизация. 11.10.2007.
- Русская философия собственности XVIII—XX вв. С.-П., 2003. С. 26.
- Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 549.
- Русские писатели о евреях. М., 2005. С. 40.
- Русские писатели-эмигранты обвинили Россию в агрессии // Новое время. 12 августа 2008.
- Русские. Ответственные редакторы: В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 2005.
- Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Под ред. В. Шелохаева. М., 1997.
- Русское православие: веки истории. / Сборник документов. М., 1989.
- Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. М., 1997.
- Рыбаков М.А., Пинкус Б. Евреи Советского Союза. История национального меньшинства / Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР. Сборник. Ч. 1. М., 1991. С. 138.
- С уходом А.В. Колчака закрылась последняя светлая страница истории Черноморского флота. Воспоминания Р.Р. Левгода. 1919 г. // Исторический архив. № 5. 2008. С. 141, 146—147.
- Савельев А. Фальсификация истории XX века // <http://blogs.mail.ru/inbox/fktrcfylh.09>
- Савельев Е.П. Казаки. История. Т. 3. Владикавказ, 1991. С. 396. Т. 1. С. 4.
- Савинков Б.В. Посмертные письма и статьи. М., 1926. С. 16, 50.
- Савченко В.А. Симон Петлюра. Харьков. 2004 / «Охранка». Воспоминания руководителей политического сына. Тома 1—2. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Самоваров А. Мифы оживающие // Столетие. 8 февраля 2007 года.
- Самошкин В.В. Антоновское восстание. М., 2005. С. 22—29, 71.
- Саттон Э. Как Орден организует войны и революции. М., 1995.
- Свенцицкий В. Война и церковь. Ростов-на-Дону, 1919.
- Свердлов Я.М. Избранные произведения. Т. 3. М., 1960. С. 42.
- Святитель Иоанн (Максимович). Кровь его на нас. М., 1998.
- Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992. С. 123.
- Седов А. Писатель Михаил Веллер: Ленин и после революции получал от немцев жалованье // Комсомольская правда. 17 ноября 2008 г.
- Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. М., 1947. С. 10, 16, 27, 69, 113—118, 182—183.
- Селеньи. Размышления о военном искусстве. Л., 1924. С. 91.
- Селин В. Иностранная интервенция на Европейском Севере / Тёмная сторона Америки. Независимый информационный ресурс.
- Селина В., Фадеев С. Рабоче-крестьянская императорская армия / 08.03.2006. <http://revolver.ru>.
- Селин В., Фадеев С. Страницы истории армии России / 08.03.2006. <http://revolver.ru/>
- Семанов С. Махно, как он есть. Кн. 1. М., 1991. С. 24, 30, 43, 59.
- Семанов С.Н. Кронштадтский мятеж. М., 2003.
- Семена Н. Вели Ибраимов и «МИЛЛИ ФИРКА» // www.qirimtatar.narod.ru/veli_ibraimov.htm
- Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе. М., 1994. С. 436.
- Сенников Б.В. Тамбовское восстание 1918—1921 гг. и раскрестьянивание России 1929—1933 гг. М., 2004.
- Сен-Симон. Избранные сочинения. Т. II. М.-Л., С. 353.
- Сергеев В. Миф о 23 февраля // Независимое военное обозрение. 32.02.2001.
- Серебрянников И.И. Гражданская война в России: великий отход. Сост. В. Майер. М., 2003.

- Сибирцев А. Яков Блюмкин — тройной агент и гений одесской аферы / Сегодня.ua. 11 ноября 2008 г.
- Сизоненко А. Мексиканская эпопея А. Коллонтай // Независимая газета. 4 апреля 2008 г.
- Сикорский В. Будущая война: ее возможности, характер и связанные с ними проблемы обороны страны. Изд. второе. М., 1936. С. 16.
- Сикорский И.А. Русские и украинцы / Русская расовая теория до 1917 года. Под ред. В. Авдеева. М., 2004.
- Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания секретаря Григория Распутина. М., 2003.
- Симонов Н. Демократическая альтернатива тоталитарному нэпу // История СССР. № 1. 1992.
- Синегуб А.П. Защита Зимнего дворца // Архив русской революции. Т. IV. С. 163, 193—194.
- Сироткин В. Вернется ли на родину российское золото? // Знамя. № 8, 1992.
- Сичинский Е.П. Из истории Временного областного правительства на Урале // История СССР. № 1. 1992.
- Скрипилев В.А. Всероссийское Учредительное собрание. М., 1982. С. 147.
- Скурлатов В.И. Ежедневные заметки. Некоторые мысли о Сталине и его восхождении к Октябрю / http://content.mail.ru/arch/arch_18772.html
- Слащов Я.А. Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний. М.-Л., 1924.
- Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов. По материалам Центрального архива ФСБ РФ. Под ред. Прот. В. Воробьева. М., 2000. С. 490—410, 771.
- Смирнов А.А. Атаман Семёнов. Последний защитник империи. М., 2005. С. 126—127.
- Совершенно лично и доверительно! Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка (1919—1951). В 3-х томах. Т. 1. Москва-Стэнфорд, 2001. С. 349—350.
- Советская поэзия. Т. 1. М., 1977. С. 96.
- Советский Союз. Октябрьская революция и гражданская война (1917—1921 гг.) // Электронная еврейская энциклопедия /КЕЭ, т. 8, кол. 142—158.
- Советско-американские отношения. 1919—1933. Сборник документов по международной политике и международному праву. № 9, М.: НКВД, 1934. С. 10.
- Соколов Б. Каким был адмирал Колчак // Посев. Октябрь 2009.
- Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. / Белое дело. Кн. 8. М., 1992. С. 171.
- Солнцева А. Коечник по прозвищу «Ленин» // Отечественные записки. № 4. 2003.
- Сологуб В. «Державной воли верный исполнитель». В.Ф. фон-дер Лауниц / Русская линия. 14.11.2005.
- Солоневич И.Л. Белая империя. Статьи 1936—1940 гг. М., 1997. С. 157, 213—215.
- Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991. С. 25—26.
- Солоневич И.Л. Россия в концлагере. М., 2000. С. 6.
- Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2. М., 1993. С. 222.
- Сорокин П.А. Социология революции. М., 2008. Приложение 1. С. 509—510.
- Сосуд избранный. Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. 1888—1932. СПб., 1994.
- Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 173.
- Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 г. судебными и партийными организациями тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре // Военно-исторический журнал. № 2. 1993. С. 73.
- Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. М., 1952. С. 39, 141, 648.
- Сталин И.В. Сочинения. Т. 1, 3, 4, 5, 7. М., 1946—1947.
- Степанов С. Чёрная сотня. М., 2005. С. 313.
- Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Изд. 2-е. СПб., 2000. С. 347—348, 350.
- Степун Ф.А. Портреты. СПб., 1999.
- Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 316.
- Степун Ф.А. Чаемая Россия. СПб., 1999. С. 159.
- Стиглиц Дж.Е. Информация и смена парадигмы в экономической науке / Сквозь призму веков. В пяти томах. Всемирное признание. Лекции нобелевских лауреатов. Кн. 2. Т. V. М., 2005.
- Страховский Л. О Гумилёве / Николай Гумилёв: pro et contra. Антология. СПб., 1995. С. 315.
- Стрелянов П. Офицеры Кубани. Офицер, джигит, писатель // Станица. № 2. 03. 2001.
- Стронгин В.Л. Керенский. Загадка истории. М., 2004. С. 106, 220.
- Струве П.Б. Большой писатель с органическим пороком / В.В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей. Антология. Кн. 1. СПб., 1995.
- Струве П.Б. Избранные сочинения. СПб., 1999. С. 286.
- Субмарина «Мир» охотится за царским золотом / The Seul Times. 23 июня 2009 г.
- Судебный процесс над социалистами-революционерами. Подготовка. Проведение. Итоги / Составители: С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М., 2002. С. 178.
- Сурат И.З. Пушкин о назначении России // Новый мир. № 6. 2005.

Сурнов И.В. Последний этап борьбы с колчаковщиной / Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии (Воспоминания активных участников Великой Октябрьской социалистической революции). Иркутск, 1957. С. 418.

Суслов А.Ю. Партия социалистов-революционеров в годы гражданской войны: обзор современной историографии / История белой Сибири. Конференция. Кемерово, 2005. С. 20.

Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 108—109; Т. 3. М., 1992. С. 343; Т. 5. С. 59—62.

Сухоруков В. Историческое описание земли войска Донского // Дон. № 8. 1988. С. 131.

Счастье на штыках. Секретная борьба в советском руководстве по поводу «советизации» Закавказья // Исторический альманах Лабиринт времен. № 5.

Танин М. 10 лет внешней политики СССР. М.; Л., 1927. С. 61—62 / Цит. по: Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград. М., 2004. С. 245.

Тархан И. Татары и борьба за советский Крым / Советов В.И., Атлас М.Л. Расстрел советского правительства Крымской республики Тавриды. Сборник к 15-летию расстрела. Симферополь, 1933. С. 16.

Таубе М.А. «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900—1917). М., 2007. С. 204, 206.

Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 16.

Тинченко Я. Жизнь и смерть комкора Примакова // Фокус. № 29. 30 июля 2007.

Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 534.

Ткачев П.Н. Кладези мудрости российских философов. М., 1990. С. 552—553.

Толстая А. Дочь. М., 2000. С. 8, 295—296.

Толстой А.Н. Эмигранты. Повести и рассказы. М., 1982. С. 21, 179, 232.

Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 3—4. М., 1968. С. 10, 256.

Троицкий П. Враг власти и «друг» государства // Русский общенациональный журнал. Январь—февраль 2007.

Троцкий Л. На пути к социализму. Т. XV. М.-Л., 1927. С. 193.

Троцкий Л. Сочинения. Т. X. Европа в войне. М.-Л., 1927. С. 145.

Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 149, 382—386.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 347, 381.

Троцкий Л.Д. Сталин. В двух томах. Т. 2. М., 1990. С. 74—76, 118.

Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. М.—Л., 1925.

Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб., 2001. С. 394.

Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. Сост. В. М. Живова. М., 1995. С. 81.

Трубников Г. Памятник первопроходцам / центр «Христианская демократия». Международный исторический журнал. № 8, 2000.

Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Мюнхен, 1948.

Ты, ты, моё земное провиденье? Роман в письмах. Сост. Г.В. Чагин. М., 2002. С. 230—231.

Тютчев Ф.И. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1984. С. 357.

Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 341.

Тютюкин С.В. Лев Давидович Троцкий / Исторические силуэты. М., 1991. С. 243.

Тютюкин С.В. У порога гражданской войны / Первая революция в России. Взгляд через столетие. Отв. редакторы: А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М., 2005. С. 365.

Улам А.Б. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. М., 2004. С. 287.

Ульянов Н.И. Об историческом опыте России / Цит. по: Из русской мысли о России. Составитель: проф. И.Т. Янин. Калининград, 2003. С. 407.

Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 105, 236, 248—249.

Урд. Союзная интервенция в Сибири. М., 1923. С. 29.

Уорт Р. Антанта и Русская революция. 1917—1918. М., 2006. С. 45—46, 109, 153, 262.

Урсова В. Мои воспоминания о войне Великой и войне Гражданской // Наше наследие. № 38. 1996. С. 72.

Успенский В. Тайный советник вождя. Книга 1. М., 1998. С. 152.

Устрялов Н. Под знаком революции. Второе издание. Харбин, 1927.

Устрялов Н.В. 1919 г. Из прошлого // Русское прошлое. СПб., 1993. № 4. С. 265.

Устрялов Н.В. Старый спор // Журнал Достоинство. № 1. март 2009. С. 32.

Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года. В 2-х частях. Петрозаводск, 1977. С. 92.

Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2001.

Ушаков А., Федюк В. Лавр Корнилов. М., 2006. С. 153, 256, 313—314, 373.

Ушкунник В. Памятка русскому человеку. Парадоксы истории. Нью-Йорк, 1982. С. 36—37.

Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина? Сборник документов. Составители: В.К. Виноградов, А.А. Краюшкин, В.И. Крылов, А.Л. Литвин. Научный редактор А.Л. Литвин. Казань, 1995.

Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991. С. 150; Т. 2. М., 1992. С. 322.

- Федюшин О. Украинская революция. 1917—1918. М., 2007. С. 64, 185—188, 216, 292.
- Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. Под ред. С.К. Цвигуна. М., 1977.
- Фельштинский Ю. 6 июля 1918 года. Две версии одного события // Отечественная история. № 3. 1992.
- Фельштинский Ю.Г. Тайна смерти Ленина. // Россия и современный мир. Вып. 4. 1998.
- Филимонов Б.Б. Конец Белого Приморья. С. 257; Цит. по: Пальмова И. След на земле. Страницы жизни Вивтора Камкина. М., 1995. С. 138.
- Филимонов В. Крестом отвергается небо?. СПб., 2000.
- Флоренский П. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 670.
- Флоровский Г. Вера и культура. Избранные труды по богословию и философии. СПб., 2002.
- Фоменко А. Российско-американские отношения // Международная жизнь. № 6—7. 2007.
- Форд Г. Международное иудейство. Важнейшая проблема мира. Краснодар, 2002. С. 268.
- Франк С. Крушение кумиров. Берлин, 1924.
- Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / Преступная толпа. М., 1998. С. 130.
- Фридлянд Ц. Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в. Т. I. М.-Л., 1934. С. 209, 211.
- Фролов К. Сталин и царь-мученик / Русское обозрение. 15.07.2008.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 184.
- Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. СПб., 1997. С. 73, 75—77, 86—91.
- Фроянов И.Я. Уроки Красного Октября. М., 2007.
- Фуллер А. Психология французского народа. Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. М., 1998. С. 262, 398, 335—336.
- Фурсов А.И. Накануне «бури тысячелетия» // Москва. № 1. 2007.
- Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. I—II. М.-Л., 1951. С. 336, 338—339.
- Хальвег В. фон. Ленин следует в Россию. 1917 году. М., 1990.
- Хевролина В. Внешнеполитические взгляды славянофилов XIX в. // Новая и новейшая история. № 2. 1998. С. 29.
- Хечинов Ю.Е. Ангелы-хранители. Крутые дороги Александры Толстой. М., 1996. С. 413.
- Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае. Владивосток, 2002. С. 13—14.
- Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы». Дойчер И. Незавершенная революция. М., 1991. С. 165.
- Ходяков М.В. Финансовая политика антисоветских правительств периода гражданской войны. 1918—1920 гг. / Всероссийская научная конференция. СПб., 27—28 марта 2008 г.
- Хоскинг Дж. Россия и русские. Кн. 2. М., 2003. С. 93.
- Храповицкий (Антоний). Молитва русской души. М., 2006.
- Цветков В. Красивая кукла Троцкого. Заговор Тухачевского в свете десятилетий. Нижний Новгород, 2008. С. 26—28, 49.
- Цветков В.Ж. Дитерихс, последний защитник империи // Отечественные записки. № 5. 2005.
- Цит. по: Биографии. Истории жизни великих людей / www.tonnel.ru/gzl/229145480_tonnel.gif
- Цит. по: Бузескул В.П. Введение в историю Греции. СПб., 2005. С. 247.
- Цит. по: Булдаков В.П. Красная смута. М., 1997. С. 134—136.
- Цит. по: Бурганов А.Х. Была ли возможность создания демократического правительства после Октябрьской революции // Отечественная история. № 5. 1993. С. 36.
- Цит. по: Великая Октябрьская социалистическая революция. Под ред. Г.Н. Голикова, М.И. Кузнецова. М., 1977. С. 495.
- Цит. по: Гасанов Б.К. Политические движения и партии на Северном Кавказе в 1917—1920 годах: идеология, практика, исторические судьбы и уроки. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1997. С. 21.
- Цит. по: Дангулов А., Дангулов С. Легендарный Джон Рид. М., 1978. С. 198.
- Цит. по: Каграманов Ю. Panta rhei. Заметки о связи времен // Новый мир. № 10. 2001.
- Цит. по: Карцев В. Кржижановский. М., 1985. С. 337.
- Цит. по: Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 397.
- Цит. по: Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 162, 232—243.
- Цит. по: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 2000. С. 274, 276.
- Цит. по: Люкс Л. Заметки о «революционно-традиционалистской» культурной модели евразийцев // Вопросы философии. № 7. 2000. С. 27.
- Цит. по: Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. СПб., 2008. С. 12.
- Цит. по: Мартиросян А.Б. Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. М., 2006.
- Цит. по: Модели общественного переустройства России. XX век. Под ред. В. Шелохаева. М., 2004. С. 274.
- Цит. по: Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 227.
- Цит. по: Октябрьский переворот. Факты и документы. Под ред. Н.А. Рожкова. Петроград, 1918. С. 18.

- Цит. по: Политическая история Отечества. 1861—1920. Хрестоматия. М., 1991. С. 153.
- Цит. по: Преступная толпа. М., 1998. С. 81.
- Цит. по: *Пыхалов И.В.* За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие? М., 2008. С. 45, 222—230, 238—239.
- Цит. по: *Савицкий П.* Континет Евразия. М., 1997. С. 198.
- Цит. по: *Сейерс М., Кан А.* «Пятая колонна» тайной войны против России. М., 2007. С. 27.
- Цит. по: *Толстой Н.* Жертвы Ялты. Перевод с англ., Париж, 1988. С. 180—181.
- Цит. по: *Торкунов А.* Письмена истории в реалиях современности // Российская газета. 16.02.2009.
- Цит. по: *Черкашин Н.А.* Адмирал Колчак. Диктатор поневоле. М., 2005. С. 225—226.
- Цит. по: *Черушев Н.С.* 1937 год. Был ли заговор военных? М., 2007. С. 569—570.
- Цит. по: *Шамбаров В.Е.* Нашествие чужих: заговор против империи. М., 2007. С. 358.
- Цит. по: *Шафаревич И.Р.* Русский вопрос. М., 2003.
- ЦК КПСС. Об антиконституционной практике 30—40-х и начала 50-х годов // АПРФ. Пакет № 59 (90) // Вестник АПРФ. 1995. № 1. С. 126.
- ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 2, д. 226.
- Чаадаев П.Я.* Цена веков. Составитель: Б. Тарасов. М., 1991. С. 197.
- Чайкин В.* К истории российской революции. Выпуск 1. Казнь 26 бакинских комиссаров. М., 1922.
- Чапаев А.В., Чапаева К.В., Володихин Я.А.* Василий Иванович Чапаев. Чебоксары. 1987.
- Частные письма эпохи Гражданской войны: по материалам военной цензуры / Публикация И. Давидян и В. Козлова. Неизвестная Россия. Кн. 2. XX век. / Историческое наследие. М., 1992. С. 209—220.
- Червенчук В.* Кобзарь украинского сепаратизма / Русская неделя. Вечный зов Сибири.
- Черкасов-Георгиевский В.Г.* Генерал П.Н. Врангель. Последний рыцарь Российской империи. М., 2004. С. 252, 256, 275.
- Черкашин Н.А.* Адмирал Колчак. Диктатор поневоле. М., 2005. С. 255—257, 260, 316.
- Черкашин Н.А.* Адмирал. Трагическая судьба Колчака. М., 2009.
- Чернов В.М.* Охлос и демос / Из недавнего прошлого. Сборник статей. Пг., 1919. С. 199.
- Чернышева В.* Чапаев вне пустоты // Независимое военное обозрение. 2007.02.09.
- Чернявский Г.* Мартов — Дон-Кихот Русской революции / Вестник on line. 23.10.2001.
- Черушев Н.С.* Коменданты Кремля в лабиринтах власти. М., 2005. С. 121—122.
- Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. СПб., 2005. С. 39—40.
- Чуковский К.И.* Горький / Максим Горький: pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 1997. С. 203—205.
- Чуприн В.* России предсказано умереть. В ЦРУ просчитали: наша страна развалится на несколько государств // Московский комсомолец. 25 февраля 2009 года.
- Чураков Д.О.* Социально-политический протест рабочих в 1918 году / Отечественная история. № 2. 2001. С. 69—71.
- Чурбанов В.* IV Дума и революция: созданная предотвратить — вынужденная возглавить / РФ сегодня. № 3. 2006.
- Шаламов В.Т.* Несколько моих жизней. М., 1996. С. 346.
- Шамбаров В.* Антисоветчина, или Оборотни в Кремле. М., 2008.
- Шамбаров В.* Белогвардейщина. М., 2007.
- Шамбаров В.* Государство и революция. М., 2001.
- Шарапов С.* После победы славянофилов. М., 2005. С. 24.
- Шаумян С.Г.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1978. С. 246, 291.
- Шафаревич И.* Русский вопрос. М., 2003. С. 351.
- Шеводуков П.А.* Страницы истории гражданской войны. М., 1992. С. 98.
- Шикман А.П.* Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997.
- Шильдер Н.К.* Император Николай I, его жизнь и царствование. Книга 2. М., 1997. С. 351.
- Широкопад А.Б.* Великая речная война. 1918—1920 годы. М., 2006. С. 114—115.
- Широкопад А.Б.* Германия. Противостояние сквозь века. М., 2008. С. 263, 274.
- Широкопад А.Б.* Польша. Непримируемое соседство. М., 2008. С. 349.
- Шишкин В.А.* Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917—1928 гг.). СПб., 1997.
- Шишкина И.* Кронштадтский мятеж 1921 года: «неизвестная революция»? // Звезда. № 6, 1988.
- Шкуро А.Г.* Записки белого партизана. М., 1991. С. 97.
- Шмелев И.* Душа России / Возрождение России. 08.03.2008.
- Шмелев И.* Солнце мертвых. М., 2007. С. 66—67.
- Шмелев И.С.* Избранное. М., 1989. С. 445—447.

- Шмулевич А. Казаки яицкие и забайкальские, а также антибольшевистские евреи / АПН. 28 июня 2008 г.
- Шолохов М. Тихий Дон. Роман в четырех книгах. Книги третья и четвертая. М., 1968.
- Штиф Н.И. Добровольцы и еврейские погромы. В кн.: Погромы на Украине, Берлин, 1922. Цит по: Революция и гражданская война в описании белогвардейцев. Деникин. Юденич. Врангель. М., 1991. С. 138.
- Шульгин В.В. Что НАМ в НИХ не нравится? Об антисемитизме в России. М., 1992. С. 77.
- Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 560—561, 563—565, 566—567.
- Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 5, 57, 219.
- Шульман А. Еврейский альбом / Livejournal. 2007.05.06.
- Щелоков А.А. «Друг народа» Михаил Тухачевский // Независимое военное обозрение. 10.07.2005.
- Эврич П. Русские анархисты. 1905—1917. М., 2006. С. 196, 198, 209, 228—233.
- Элевтеров Г. Как близилась революция. Личные конспекты // Советская Россия. 4 ноября 2004 г.
- Эсембаев В. Чего нет в учебниках истории // Объединенная газета. № 12. май. 2005.
- Юзеф Клеменс Пилсудский / www.renascencia.ru/pilsudski.htm
- Юркевич Б. Малороссы мы или украинцы? / Вестник Юго-Западной Руси, № 1, 2006.
- Юрковский Н.К. О матросских массах в 1917—1918 гг. Опыт социально-психологической характеристики / Россия в XX веке. Под редакцией В.М. Ковальчука. СПб., 2005. С. 16—18.
- Юрлов Н. Транссиб на службе у Верховного / Сириус. Красноярск. Октябрь 2007.
- Яковенко И. Счастливая неизбежность // Знание-сила. № 4. 2003.
- Яковлев А.С. Цель жизни. М., 1973. С. 11.
- Яковлев Н.Н. Преступившие грань. М., 1970. С. 7—8, 25.
- Burbank J. Intelligentsia and Revolution. Russian views of Bolshevism, 1917—1922. N.Y., 1986.
- Kenez P. Civil War in South Russia, 1919-1920. P. 61 / Русское прошлое. Кн. 2. СПб., 1991.
- Kennan G.F. The Decision to Intervene: Soviet-American Relations 1917—1920. Vol. 2. N.Y., 1983.
- Malia M. Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 1999.
- Toynbee A. The World and the West. N.Y., 1953. P. 11.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ	5
Глава 1. Начало Великой Октябрьской социалистической революции в России	5
Глава 2. Установка Ленина на восстание. Великий Октябрь. Победа Народной Революции.....	29
Глава 3. Мирный период советской власти. Борьба вокруг заключения Брестского мира	76
Глава 4. Учредительное собрание — это фиговый листок русской буржуазии	89
Глава 5. Первый опыт социализма: национализация заводов, фабрик, банков, учреждений. Привлечение к управлению страной трудящихся в Советской России.....	111
Глава 6. Начало Гражданской войны в Советской России: её причины, мотивы и движущие силы	134
Глава 7. Заговор эсеров и меньшевиков. Убийство посла Мирбаха, большевиков Урицкого и Володарского	148
Глава 8. Покушение на В.И. Ленина. Кто готов был примерить «корону» России?	175
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КРАСНЫЕ ПРОТИВ БЕЛЫХ: ХОД СРАЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ	190
Глава 9. Белое движение: его цели и задачи. Причины побед и поражений Белой армии	190
Глава 10. Колчак — правитель Сибири. Спаситель России или же агент иностраных держав?	257
Глава 11. Международная интервенция стран Запада и Востока против Советской России	286
Глава 12. Белый и красный террор во время Гражданской войны в России: его жертвы и палачи	312
Глава 13. Место ВЧК в борьбе против контрреволюции и роль Ф.Э. Дзержинского	355
Глава 14. Репрессии большевиков против Православной Церкви и священнослужителей	371
Глава 15. Гибель рода Романовых. Исторические предпосылки, корни и причины трагедии	403
Глава 16. Борьба большевиков против националистов, сепаратистов и предателей России	442
Глава 17. Восстания против Советской власти на Тамбовщине, в Кронштадте и Астрахани.....	499
Глава 18. Герои и мученики Красной армии. Их вклад в победу над Белым движением.....	524
Глава 19. Интернациональный характер революции и Гражданской войны: проблема выбора	572
Глава 20. Причины победы Советской власти в Гражданской войне в России	601
Глава 21. Судьба противников трудового народа и изгнанников из Советской России	646
Глава 22. Всемирно-историческое значение Великой Русской Революции	685
ЛИТЕРАТУРА	716